

СТАНИСЛАВ ГРИБАНОВ
ВЕЛИКИЙ СТАЛИН
ГЛАЗАМИ СТАЛИНСКОГО СОКОЛА



РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ



СТАНИСЛАВ ГРИБАНОВ

ВЕЛИКИЙ СТАЛИН

глазами сталинского сокола

Воспоминания, личные архивы, документы
и материалы тайных хранилищ

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнеописания, воспоминания и дневники выдающихся русских людей – святых и подвижников, царей и правителей, воинов и героев, мыслителей, писателей, деятелей культуры и искусства, создавших Великую Россию.

Аксаков И. С.
Аксаков С. Т.
Александр III
Александр Невский
Алексей Михайлович
Андрей Боголюбский
Антоний (Храповицкий)
Баженов В. И.
Белов В. И.
Бердяев Н. А.
Болотов А. Т.
Боровиковский В. Л.
Булгаков С. Н.
Бунин И. А.
Васнецов В. М.
Венецианов А. Г.
Верещагин В. В.
Гиляров-Платонов Н. П.
Глазунов И. С.
Глинка М. И.
Гоголь Н. В.
Григорьев А. А.
Данилевский Н. Я.
Державин Г. Р.
Дмитрий Донской
Достоевский Ф. М.
Екатерина II
Елизавета
Жуков Г. К.
Жуковский В. А.
Иван Грозный

Иларион митрополит
Ильин И. А.
Иоанн (Снычев)
митрополит
Иоанн Кронштадтский
Иосиф Волоцкий
Кавелин К. Д.
Казаков М. Ф.
Катков М. Н.
Киреевский И. В.
Клыков В. М.
Королев С. П.
Кутузов М. И.
Ламанский В. И.
Левицкий Д. Г.
Леонтьев К. Н.
Лермонтов М. Ю.
Ломоносов М. В.
Менделеев Д. И.
Меньшиков М. О.
Мещерский В. П.
Мусоргский М. П.
Нестеров М. В.
Николай I
Николай II
Никон (Рождественский)
Нил Сорский
Нилус С. А.
Павел I
Петр I
Победоносцев К. П.

Погодин М. П.
Проханов А. А.
Пушкин А. С.
Рахманинов С. В.
Римский-Корсаков Н. А.
Рокоссовский К. К.
Самарин Ю. Ф.
Семенов Тянь-Шанский П. П.
Серафим Саровский
Скобелев М. Д.
Собинов Л. В.
Соловьев В. С.
Солоневич И. Л.
Солоухин В. А.
Сталин И. В.
Суворин А. С.
Суворов А. В.
Суриков В. И.
Татищев В. Н.
Тихомиров Л. А.
Тютчев Ф. И.
Хомяков А. С.
Чехов А. П.
Чижевский А. Л.
Шаляпин Ф. И.
Шарапов С. Ф.
Шафареви́ч И. Р.
Шишков А. С.
Шолохов М. А.
Шубин Ф. И.

СТАНИСЛАВ ГРИБАНОВ

ВЕЛИКИЙ СТАЛИН
глазами сталинского сокола

Воспоминания, личные архивы,
документы и материалы
тайных хранилищ

МОСКВА
Русская цивилизация
2017

УДК 94
ББК 63.3(8)
Г 82

Грибанов С. В.

Великий Сталин глазами сталинского сокола. – Воспоминания, личные архивы, документы и материалы тайных хранилищ / Отв. редактор О. А. Платонов. – М.: Русская цивилизация, 2017. – 976 с.

Эта книга о великом Сталине. Она без оговорок о «противоречивости» личности этого великого государственного деятеля, чей авторитет признавали наши друзья и враги – премьер Черчилль и президент Шарль де Голль, Керенский и Гитлер, известные писатели зарубежья Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер и Ромен Роллан.

Автор ее, летчик сталинской эпохи, а впоследствии журналист и писатель, редактор исторической и военно-мемуарной литературы, знал многих военачальников, маршалов и членов семьи Сталина, так что не случайно книга построена на их воспоминаниях, письмах, дневниках, а также на архивных материалах, ранее запрещенных для публикации военной цензурой. Не прячась за толерантностью и политкорректностью формулировок, писатель называет имена ненавистников России, палачей нашего народа, приводит неизвестные факты, казалось бы, канонизированных установок о начале войны, штурме Рейхстага, параде Победы.

Книга не истина в последней инстанции, но она заставляет задуматься о прошлом и заглянуть в будущее.

ISBN 978-5-4261-0175-3

© С. Грибанов, 2017
© Русская цивилизация, 2017

«О СТАЛИНЕ – ПЛОХО! ИЛИ НИЧЕГО...»

Такую вот установку сообщила как-то одна московская газета, рассказывая о посиделках компашки, как они себя величают, «прогрессивной интеллигенции». Среди них были неизменные борцы с «искоренением из общественного сознания сталинизма» воинственный либерал академик Ю. Пивоваров, скандальный журналист Н. Сванидзе, защитники прав человека Л. Пономарев, С. Ковалев... Знакомые все лица!

Давно ли редакция газеты «Завтра» обращалась к Генеральному прокурору РФ Ю. Я. Чайке с просьбой «рассмотреть многочисленные высказывания г-на Пивоварова Ю. С. на предмет возможного нарушения им ст. 14 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”... Ю. С. Пивоваров, будучи должностным лицом, неоднократно высказывался за нарушение территориальной целостности Российской Федерации и указывал на желательность отчленения от нашей страны целых регионов, включая Северный Кавказ, Сибирь и Дальний Восток, тем самым разжигая межнациональные противоречия и конфликты...»

Тогда же было и открытое письмо редакции президенту РАН Ю. С. Осипову. Вот отрывок из того письма: «...Г-н Пивоваров заявляет, что, только уменьшившись территориально (до европейской части) и демографически (до 80–90 млн человек), мы сможем “рассчитывать на интеграцию в какие-то европейские структуры”. Иными словами, чтобы “влиться в Западную Европу... Россия должна потерять треть населения и две трети территории”. Задача расчленения России была сформулирована в меморандуме СНБ США 20/4 от 23 ноября 1948 г. Зб. Бжезинский прямо говорит, что “новый мировой порядок создается против России, за счет России и на обломках России”. Не слишком ли большой “обломок” готов щедро подарить этому порядку и стоящим за ним силам академик РАН Пивоваров?...»

Раздробить русский народ, которому хватит и 80 млн человек, отторгнуть от России Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ во имя нового мирового порядка... Читаю о замыслах нашей «прогрессивной» интеллигенции, и кажется мне, что однажды кто-то уже говорил так, уже строил планы против России, на обломках ее. «Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина... Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись» (<http://www.proza.ru/2015/04/05/391>)... Вот рассуждения автора тоже «нового мирового порядка». Что из того получилось, мы отмечаем ежегодно 9 мая. Фамилия автора – Шикльгрубер, он в народе более известен как Гитлер.

Но вот беда. Если верить нашим демократам, на Святой Руси нынче не тот мужик пошел. В сентябре 1993-го, перед самым расстрелом из танков наших соотечественников, выступивших против режима Ельцина, в газете «Европеец», под редакцией Г. Старовойтовой, гитарист Б. Окуджава сетовал, мол, есть люди, которые «хотят быть демократами», а им противостоят жлобы. И еще тогда он уточнил для газеты «российских западников», что боится «патриотической шантрапы». Еще бы!

«Вот мы 70 лет создавали советского человека, и получилось некое полуграмотное, полудикое чудовище», – убежден гитарист, сын комиссара Шалвы, занимавшего в свое время «большие посты». Но однажды, наконец, возрадовалась его душа: «Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было. И, может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это заключительный акт. Поэтому на меня слишком удручающего впечатления это не произвело». Так Б. Окуджава воспринял расстрел «Белого дома»...

«У нас народа лишь десятая часть, а все остальные – тупая и бессмысленная чернь», – это из откровений мадам В. Новодворской.

Шоумен от литературы В. Ерофеев умственные беседы ведет неторопливо, можно сказать, ласкательно. И вот на тебе! «Половина страны любит Сталина!» «Я развожусь с моей страной. Я плюю народу в лицо... Я смотрю на него как на быдло...»

И летит этот бесовский вопль над Равниной Русской – с экранов, с газетных полос, из радиоточек. «Десятая часть», упомянутая Новодворской, надо полагать, из одной обоймы – вечно передовой отряд пришлых на Святую Русь людей нынче с двойным да тройным гражданством. Комедианты, гороховые шуты, шоумены, они вешают доверчивому народу лапшу на уши, юным конопатят мозги со школьных уроков, перевирая нашу историю, искажая образы поистине верных сынов Отечества, борцов за лучшую долю нашего народа, среди которых никогда не померкнет имя Сталина.

...В Киеве мне удалось поговорить с сыном Берия Серго Лаврентьевичем – за десять дней до его ухода из жизни. Помню, зашел разговор об архивах, чуть было приоткрывшихся с так называемой гласностью и тут же резко захлопнутых. Еще недоступнее стали тайны кремлевского двора, ибо думать смердам велено не так, как думается, а как надо.

Так вот деталь к разговору с сыном Берия об архивных поисках. Я приведу здесь отрывок из его интервью одной киевской газете. Толковый инженер, немало послуживший в развитии ракетного дела, Серго Лаврентьевич рассказывает:

«Отец сам подбирал мне книги по истории в зависимости от моего возраста... У нас дома было принято свободно и открыто высказываться, и как-то я отцу говорю: “Вот Владимир Ильич такие глобальные вещи делал. Почему Иосиф Виссарионович отступает от его линии?” Он засмеялся: “Знаешь, нужно еще хорошенько подумать, лучше это или хуже. А чтобы ты разобрался, что такое Владимир Ильич, я сейчас позвоню в архив, и тебе дадут возможность познакомиться с неопубликованными документами”...

Целый месяц после работы сидел в этом архиве и читал. Я обалдел.

– Что же вас там так потрясло?

– Все то, что сейчас уже вылезло, пусть и не полностью. Личные указания Владимира Ильича о создании концентрационных лагерей, его полная солидарность с Троцким, предлагавшим повсеместно организовать структуру комиссаров, описание ее задач. Ленин считал, что комиссар должен подслушивать, доносить, политически разоблачать...»

Мнится мне, вот они – те 10%, та десятая часть, о которых пеклась на своем веку госпожа Новодворская. В спецхране Государственной публичной библиотеки, работая на тему русской эмиграции, отчалившей к чужим берегам после событий 1917-го, цвета русской нации, я набрел в одной из газет на список людей, рванувших вслед за Ильичом в Россию: кто наглее и хитрее – к кормилу да кормушке, дележу сладкого пирога; остальным предоставили рыбку ловить в мутной воде – тоже неплохо в поисках места под солнцем. В книге о летчике-истребителе Василии Сталине мне надо было как-то представить родных и близких героя этой документальной повести, сказать что-то об отце – революционере, прибывшем в Питер не от тихих озер в швейцарских Альпах, не из уютных кафе Парижа – из ссылки за Полярным кругом.

И вот с кем встретился революционер Коба в те дни, против кого – вплоть до 1933 года – пришлось бороться – имена по списку эмигрантской газеты я и перечислил. Мать честная! Что же это поднялось от такого, казалось бы, пустяка. Только что по радио упомянули о новой книге – о сыне Сталина. Рассказ о нем был впервые. И по телеканалу ведущий передачи артист Л. Куравлев по-доброму отозвался о документальной работе, выпущенной в свет Военным издательством. Но, оказывается, там были фамилии, которые лучше бы не называть...

Не одна ли из того списка, Евгения Гинзбург, спустя годы восторженно восклицала: «Всем хорошим в своей жизни я обязана революции! Ох, как нам тогда было хорошо! Как нам было весело!» А вот заметка той «веселой» поры в харьковской газете «Коммунист». Пишет М. Коган: «Разве темные, забытые крестьяне и рабочие смогли бы сами сбросить с себя оковы буржуазии?.. Мы можем быть спокойны, пока руководство Красной Армии принадлежит тов. Льву Троцкому». Ничего не скажешь, признание откровенное.

Все так. В 1917-м, прикрываясь именем рабочих и крестьян, к власти пришли люди злые, мстительные. Они уничтожали дворян, русских офицеров, казачество, священников, крестьян. С 1918 по 1924 год почти 25 миллионов жизней! Но бумеранг, известно, возвращается.

Мужа Е. Гинзбург в 1937-м расстреляли. Когана тоже коснулась тяжелая десница Господня. А Лейбу Троцкого просто зарубили топором. Не оттого ли и порочат имя Сталина уже постаревшие «дети Арбата», ярлык «сталинизм» силясь приспособить как-то, приравнять к экстремизму с соответствующей статьей УК. И будто не было в нашей стране «сталинских пятилеток», не наши отцы и деды строили Магнитку, Днепрогэс, Уралмаш, Челябинский тракторный завод, Ростсельмаш, будто не они осваивали бескрайние поля России. Но кто-то создавал же авиационную промышленность, строил самолеты, равных которым не было в мире. Не русские ли удивили Америку, маханув к ним через Северный полюс?

А когда настал грозный час, не наши ли отцы и деды бросались в атаку со словами «За Родину! За Сталина!»?

40 лет я отдал службе в армии. Полжизни на военных аэродромах, в гарнизонах. Нас, летчиков, любили – и не только девушки! – с душевной теплотой называли нас «сталинскими соколами». И мы не только гордились этим, а когда надо, доказывали, что верны боевым традициям летчиков-фронтовиков. Позже, уже военным корреспондентом, потом редактором военных мемуаров прославленных военачальников, героев минувшей войны, мне довелось слышать воспоминания о Сталине, которые для публикаций категорически воспрещались. Рукописи маршалов и генералов армии предварительно визировали чиновники Главного политического управления, потом Институт военной истории, и только после этого к работе приступал редактор. А военная цензура? Если автор – кем бы он ни был – проявит характер, не поступится принципами – книги своей он не увидит. Так было с воспоминаниями главного маршала авиации А. Е. Голованова, который в годы войны работал со Сталиным и непосредственно ему подчинялся. С большими купюрами вышли мемуары маршала К. К. Рокоссовского, главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова. А сколько было устных рассказов – не для печати! – пока рукопись готовилась к выходу в свет...

В поиске истины о былом среди авторов воспоминаний и моих собеседников, с кем довелось работать, были маршалы авиации С. И. Руденко,

Н. С. Скрипко, А. П. Силантьев, А. И. Покрышкин, И. Н. Кожедуб, Г. В. Зимин, И. И. Пстыго, Е. Я. Савицкий; генералы А. А. Алелюхин, Г. Ф. Байдуков, В. П. Бабков, А. В. Беляков, А. С. Благовещенский, П. И. Брайко, Г. А. Ворожейкин, А. И. Выборнов, Г. У. Дольников, С. Ф. Долгушин, Б. Н. Еремин, К. А. Евстигнеев, Н. П. Каманин, М. В. Кузнецов, Н. Ф. Кузнецов, В. Н. Кубарев, А. А. Микоян, И. Ф. Петров, Г. А. Петренко, В. В. Решетников, Г. А. Речкалов, В. К. Сидоренков, А. Ф. Сергеев, Н. А. Сбытов, А. И. Труд, С. Ф. Ушаков, В. М. Шевчук, Ф. И. Шинкаренко. Это, конечно, не все, с кем я работал, кому помогал в рождении книг их воспоминаний, в которых, несмотря на запреты, идеологические препоны и военную цензуру, грядущим поколениям передавались удивительные судьбы и время, в котором нам посчастливилось жить.

То, что сын комиссара Шалвы «наслаждался» расстрелом народных депутатов, женщин и подростков, оказавшихся в «Белом доме», – Бог ему судья. Неясно другое. Проведя, как он рассказывает, «счастливое детство» в сени батюшки, партийной шишки, откуда такая лютая нелюбовь к советскому человеку, из которого, как он считает, за 70 лет советской власти «получилось... полудикое чудовище»?

За окаянные годы хищного рынка, в который нас тянут, как козла за бороду, вот уже четверть века кем только не были те 90% ненавистного российским демократам народа. «Совки», «красно-коричневые», «русские фашисты», «тупая чернь», «быдло», «полудикое животное»...

Но вот однажды в еврейском журнале «Алеф» было опубликовано «Два интервью с внуком кантониста» – Б. Окуджавой.

«Вспоминаю, как я выступил в Тель-Авиве в первый раз, – делится впечатлениями о встрече с евреями в Израиле сын комиссара, внук кантониста. – Я прочел какие-то стихи о Сталине, и вдруг в зале поднялся старый еврей с орденами и крикнул мне: “Как тебе не стыдно порочить гениального генералиссимуса?!” Я буквально остолбенел. Если бы это был русский фронтовик, еще понятно. Но еврей, который уже претерпел все муки переезда...» (<http://www.voskres.ru/literature/critics/gribanov.htm>).

Эх, как бы и я крикнул вместе с тем старым евреем братве из «прогрессивной интеллигенции»: «Уймитесь! Не прикасайтесь к имени Сталина! Не ищите хитрых ходов опорочить жизнь и дела этого великого человека. Сталин поднял народ и оставил нам державу, без разрешения которой, как говорил о России царь Александр III, в Европе не могла выстрелить ни одна пушка!»

Вручаю вам, друзья, свою книгу о Сталине. В работе над нею, собирании фактов, эпизодов и событий из жизни Иосифа Виссарионовича мне помогали многие из упомянутых выше известных военачальников, прославленных героев Великой Отечественной войны, работники спецхрана Государственной публичной библиотеки, Центрального архива Министерства обороны, а также близкие и родные Сталина, с кем сводила судьба.

Большой поддержкой мне на этом многотрудном пути к истине были добрые напутствия моих единомышленников Михаила Петровича Лобанова и Олега Анатольевича Платонова – одних из тех русских мыслителей и общественных деятелей, посылаемых нам, чтобы увидеть правду и рассказать о ней людям. Низкий им поклон и признательность от всей души.

Слава Богу, что на Святой Руси еще есть люди, которые идут за Веру, Честь и Мечту.

С. В. Грибанов



И. Джугашвили. Последний год учебы в духовном училище. 1893 г.

«ВЕСЬ ОН – ПОДВИЖНЫЙ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ»

В крошечном домишке на окраине уездного городка Гори, в семье бедного сапожника Виссариона Джугашвили в конце 1879 года 21 декабря родился мальчик. Назвали его Иосифом и окрестили в Успенской соборной церкви.

Мать Иосифа, Екатерина Георгиевна Геладзе, из крепостных крестьян, строгих правил, зарабатывала на жизнь у богатых грузин тяжелым трудом – и прачкой, и кухаркой, и швеей. Кэкэ, как звали Екатерину родные, по национальности осетинка, образования не получила и едва умела написать свое имя. Может, потому Кэкэ мечтала, чтобы сын выучился и стал православным священником.

Ну и как рос, как учился маленький Сталин? Газета «Заря Востока» передает обстановку, в которой жила семья сапожника Виссариона: «Простой обеденный стол, покрытый полотняной скатертью с серовато-голубой каймой. За столом могут сидеть только четыре человека. Когда приходили гости, хозяйка поднимала добавочную откидную доску. Четыре некрашенных деревенских табуретки. На стене глиняная тарелка и желтовато-коричневый глиняный кувшин для воды. Рядом стоит медная керосиновая лампа... Вот стоит небольшой сундук. В нем помещалось все имущество семьи... Вот и подвал, низкий, темный. Здесь стояла колыбель Сталина».

В 1888 году, когда сынишка подрос, Кэкэ определила его в Горийское духовное училище. Таким запомнили мальчика его друзья: «Иосиф был среднего роста, худощав. В школу он ходил, перевесив через плечо сумку из красного ситца. Походка – уверенная, взгляд живой, весь он – подвижный, жизнерадостный». Уроки, благодаря своей исключительной памяти, Иосиф запоминал со слов учителя, быстро овладел русским языком и по-

том всю жизнь писал абсолютно грамотно красивым, почти каллиграфическим почерком.

Из класса в класс сын сапожника переходил по первому разряду, как лучший ученик. Мальчик отлично рисовал, хотя в училище этому не учили. Его друзья вспоминают нарисованные им портреты поэта, классика грузинской литературы Шота Руставели и других известных грузинских писателей. Кроме того, у Иосифа был приятный голос – дискант. Усвоив нотную грамоту, он не только свободно пел по нотам, но и помогал дирижеру руководить хором. Не чертовщину под рев электрогитар да грохот ударников всяких там, как нынче говорят, групп изучали ребята в духовном училище маленького городка Гори. «Мы исполняли вещи таких композиторов, как Бортнянский, Турчанинов, Чайковский и других, – вспоминает ученик того училища Г. Елисабедашвили и подчеркивает музыкальную одаренность Иосифа: – Обычно он исполнял дуэты и соло. Часто заменял регента хора». А однажды Сосо, как звали Иосифа в семье и друзья по духовному училищу, обратился к преподавателю музыки с вопросом, почему в городском училище, наряду с церковными, поют и светские песни, а ученикам Горийского духовного училища не разрешают. Преподаватель С. П. Гогличидзе ответил, что они должны хорошо знать церковное пение, остальное необязательно.

– Я думаю, – возразил Сосо, – что и мы ничего не потеряем, если хоть иногда будем исполнять народные песни. Попросим, может быть, разрешат...

Гогличидзе вспоминает, что вышло из того разговора:

«Спустя некоторое время из Тбилиси для производства ревизии в училище приехал преподаватель духовной семинарии. Результатами ревизии он остался доволен. Очень понравился ему наш хор, в особенности сольное исполнение Сосо. Последний воспользовался этим и шепнул мне, чтобы я поговорил с ревизором о введении в училище светского пения. Я передал ревизору о нашем общем желании, причем и Сосо принял участие в этой беседе.

Ревизор предложил нам подать соответствующее заявление в правление училища и обещал, что поддержит наше ходатайство перед экзархом. Мы так и сделали. Через некоторое время от экзарха было получено раз-

решение исполнять светские песни и выделить особые часы для занятий учеников гимнастикой. После этого в стенах училища часто можно было слышать грузинские народные песни, исполняемые хором под руководством Сосо: “Чаухтет да чаухтет Бараташвилс”, “Курдгели чамоцанцалда”, “Вай шен чемо тетро бато” и другие».

В 1894 году Сталин окончил духовное училище первым учеником. В его аттестате были круглые пятерки. Детям бедных семей такие аттестаты выдавали редко, и отец считал, что хватит мальчишке учиться, пора заняться сапожным ремеслом. «Ты хочешь, чтобы твой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого. Я сапожник, и он будет им!» – частенько пьяный кричал Бесо (так звали Виссариона) и заставлял Иосифа помогать ему в работе. Рванный башмак бедняка и блестящие туфли богача-толстосума стояли перед мальчиком живым укором несправедливого устройства жизни...

Учиться Иосиф все-таки продолжил. В том же 1889 году он поступил в Тифлисскую духовную семинарию, был принят в пансион при ней и вскоре там заметно изменился. Детские игры заменил строгий распорядок дня: в 7.00 – подъем, утренняя молитва, чай; классные занятия до 14.00, в 15.00 – обед, в 17.00 – переключка; вечерняя молитва, чай в 20.00; самостоятельные занятия и отбой в 22.00 – жизнь, как в солдатской казарме. Но это с одной стороны. А с другой – православная семинария в Тифлисе была полна тайных кружков, в которых семинаристы приобщались к марксизму, входившему в России в моду. Одной из книг подпольной марксистской литературы был «Капитал» Карла Маркса. Сам-то Маркс как-то заметил своему приятелю Кугельману: «Я 25 лет боролся с Россией, и, несмотря на это, русские всегда носились со мной и лелеяли меня». Это уж так. 20 лет минуло, как в Москве с Лубянской площади снесли памятник изобретателю концентрационных лагерей чекисту Дзержинскому. Под покровом ночи ему накинули на шею металлическую петлю и оторвали от постамента подъемным краном. На площади Революции стоял мощный, как чемпион по вольной борьбе, еще один из кремлевских шишек – Яков Свердлов. В жизни-то он был доходяга и помер за три дня будто от простуды. На самом деле, его избили на одном из орловских заводов рабочие.

Этого Яшу, палача-расстрельщика казачества, тоже оторвали с постаментов – одни сапоги торчали. А вот злой старик Маркс стоит да стоит огромной глыбой в центре православной столицы.

В своей главной книженции Карл Маркс, сын юриста, доказывал неизбежность смены капитализма коммунизмом. А другой сын юриста, наш современник, депутат Госдумы по фамилии Жириновский, в книге «Иван, запахни душу!» (М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2011) однозначно заявил следующее: «Коммунизм придумали евреи. Мои университеты, моя учеба прошла под знаком и огромным влиянием этой еврейской заразы».

Не столь эмоционально свои мысли по марксовой философии в начале прошлого века высказал австрийский еврей Отто Вейнингер. В 23 года он ушел из жизни, оставив нам книгу под названием «Пол и характер» (<http://fb.ru/article/184097/otto-veyninger-biografiya-tsitatyi-otto-veyninger-pol-i-harakter-kratkoe-soderzhanie-otzyivyi>). «Коммунизм следует всегда отличать от социализма... Социализм – арийского происхождения (Оуэн, Карлейль, Раскин, Фихте), а коммунизм – еврейского (Маркс)». Вряд ли эта книга попала в духовную семинарию Тифлиса. А вот «Капитал» Маркса 15-летний семинарист Джугашвили, похоже, одолел.

Из жизни семинариста Джугашвили доподлинно известно его увлечение художественной литературой. После отбоя, когда монахи, потушив лампы, уходили, Иосиф доставал свечку и погружался в чтение. Он любил произведения Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Гоголя. В переводе прочитал Бальзака, Гюго, романы Теккерея «Базар житейской суеты» и Эркмана Шатриана «История одного крестьянина». Читал Иосиф книги и по истории, экономике, биологии. Например, «Сущность христианства» Фейербаха, «Происхождение человека» Дарвина, «Этика» Спинозы. Стоит ли сомневаться, что за такие книги семинариста Джугашвили не хвалили.

Не случайно в кондуитном журнале Тифлисской духовной семинарии и сохранились такие вот записи: «Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из “Дешевой библиотеки”, книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго “93 год”, так что последовало наказание продолжительным карцером».

А спустя четыре месяца Мураховский снова докладывает: «В 11 ч. в. мною отобрана у Джугашвили Иосифа книга “Литературное развитие народных рас” Летурно, взятая из “Дешевой библиотеки”. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из “Дешевой библиотеки” названный ученик замечается уже в 13-й раз...» И вот еще запись: «Джугашвили Иосиф во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников 5-го класса, несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в своих заявлениях недовольство производившимися время от времени обысками среди учеников семинарии, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции.

Помощник инспектора А. Ржавенский».

Иеромонах Д. Абашидзе оставил в кондуитном журнале запись о принятых мерах в отношении семинариста Джугашвили: «Сделан был выговор. Посажен в карцер по распоряжению о. Ректора на пять часов. И. Д.».

Среди документов ректора Тифлисской духовной семинарии владыки Гермогена была найдена записка на имя инспектора семинарии иеромонаха Иоанникия. Ее писал юный семинарист, родной язык которого был грузинский, так что записку лучше читать в ее первоизданном виде, без изменения орфографии автора:

«О. Инспектор!

Я не осмелился бы писать Вам письмо, но долг – избавить Вас от недоразумений на счет неисполнения мною данного Вам слова – возвратиться в семинарию в понедельник – обязывает меня решиться на это.

Вот моя история. Я прибыл в Гори в воскресенье. Оказывается умерший завещал похоронить его вместе с отцом в ближайшей деревне – Свенеты. В понедельник перевезли туда умершего, а во вторник похоронили. Я решил было возвратиться во вторник ночью, но вот обстоятельства, связывающие руки самому сильному в каком бы отношении ни было че-

ловеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершего со слезами умоляет меня “быть ея сыном хоть на неделю”.

Никак не могу устоять при виде плачущей матери и, надеюсь, простите, решил тут остаться, тем более, что в среду отпускаете желающих.

Воспитан. И. Джугашвили».

В 1899 году в Тифлисе вышел юбилейный сборник грузинского поэта Р. Эристави. В нем было перепечатано стихотворение семинариста Джугашвили, посвященное, как автор обозначил, «поэту, певцу крестьянского труда, князю Рафаэлу Эристави».

ЛУНЕ

Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.

К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонись,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.

Но твердо знай, кто был однажды
Повергнут в прах и угнетен,
Еще сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылен.

Сияй на темном небосводе,
Лучами бледными играй,
И, как бывало, ровным светом
Ты озари мне отчий край.

Я грудь свою тебе раскрою,
Навстречу руку протяну
И снова с трепетом душевным
Увижу светлую луну.

* * *

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.

Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно
Лились с небесной вышины.

Когда, отчизной вдохновенный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты.

С тех пор с народом воедино
Ты связан узами любви,
И в сердце каждого грузина
Ты памятник воздвиг себе.

Певца отчизны труд упорный
Награда увенчать должна:
Уже пустило семя корни,
Теперь ты жатву пожинай.

Не зря народ тебя прославил,
Перешагнешь ты грань веков,
И пусть подобных Эристави
Страна моя растит сынов.

* * *

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной

И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевой,

Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури
Звучит свободно, не таясь,

Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвонят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,

Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —

Тогда гнетущей душу тучи
Развеют сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь.

Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

* * *

Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой.

Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом

Проходил по полю шквалом –
Сноп валился за снопом.
По жнивью шагал он прямо,
Отирая пот с лица,
И тогда веселья пламя
Озаряло молодца.

А теперь не ходят ноги –
Злая старость не щадит...
Все лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.

А когда услышит с нивы
Песню вольного труда,
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенется, как всегда.

На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик
И, ребятам улыбаясь,
Загорается на миг.

1896 г.

И. Джугашвили,

ученик Тифлисской духовной семинарии

Первые-то стихи Иосифа были написаны еще в первом классе семинарии и напечатаны в газете «Иверия». Они очень понравились известному грузинскому писателю и редактору «Иверии» Илье Чавчавадзе. Стихотворение «Старец Ниника» было опубликовано в газете «Квали» в июле 1896 года. В 1901 году грузинский общественный деятель М. Келенджеридзе готовил пособие по теории словесности и среди лучших образцов грузинской классической литературы составитель книги поместил стихотворение молодого поэта И. Джугашвили.

В Гори, напомним, в духовном училище Сталин освоил нотную грамоту, заменял регента хора, который исполнял произведения выдающихся

русских композиторов. Это не Фили Киркорова: «Ты мой зайчик, я твой хвостик». Сталин всю жизнь не расставался с серьезной музыкой. Дочь члена Политбюро Андрея Андреевича Андреева Нина вспоминает: «Наша семья собирала коллекцию классической музыки. После поездки моих родителей в 1935 году во Францию они привезли радиолу, много пластинок в альбомах. Впоследствии у нас оказалась уникальная коллекция классической музыки, такой, думаю, не было нигде в стране.

Когда мы слушали музыку, а это бывало очень часто в вечерние часы, когда вся семья собиралась вместе, Сталин, проходя мимо, конечно же слышал. Несомненно, он знал все или почти все о своих соратниках. Поэтому я ничуть не удивлялась, когда он меня частенько спрашивал: «Что слушаете сегодня?» А однажды спросил меня, какого композитора я люблю больше всего. Я ответила, что ближе всех мне Чайковский, но нравится и Григ, и Вивальди. Видимо, Сталину понравилось наше увлечение музыкой.

Часто бывали мы и в театрах. Любили Художественный, Малый, особое место занимал Большой. Сначала, когда мы были маленькими, располагались в правительственной ложе, потом сидели рядом с правительственной. Помню, как на спектакли приходил Сталин. Он обычно здоровался со всеми, даже с детьми, за руку. Любил он слушать оперы Чайковского, Бородина, Глинки, но бывал и на балетах, когда танцевали Уланова, Семенова, Лепешинская».

А вот что рассказывал соратник Сталина Вячеслав Молотов (он был министром иностранных дел): «Часто в Большой театр ходил на середину оперы, на кусок оперы. Хорошо относился к Глинке, Римскому-Корсакову, Мусоргскому – к русским, преимущественно, композиторам. Ему нравились песни хора Пятницкого...» Скажете, ну и что – премьер правительства РФ Д. Медведев от битлов балдеет. Да ничего. Каждому – свое.

Охранник Сталина, военный комендант Большого театра СССР А. Рыбкин тоже вспоминает: «Мы не помним, чтобы кто-то пел с таким задором русские песни. Почему ему полюбилась песня “У сосида хата била”? Не знаю... Любил Сталин песню “Реве та стогне Днипр широкий”».

Из интервью исполнительницы русских романсов Нани Брегвадзе: «У нас была очень музыкальная семья. Моя тетя – Кетеван Микаладзе –

прекрасно пела. Когда ей было восемнадцать лет, она попала на Дни Грузии в Москве. Там ей довелось выступать перед самим Сталиным. Тетя Кето исполняла песню “Мальчик мой”. В зале стояла такая тишина, что слышно было, как поскрипывает материя на платьях дам. И тут вдруг Сталин запел вторым голосом». Вы можете представить, как бы запел Ельцин вторым голосом?..

Главу о сыне бедного сапожника, его юных годах, вступлении на путь борца за жизнь справедливую, праведную – без бедных и богатых – я закончу еще одним стихотворением Иосифа Джугашвили. Вдумайтесь в смысл этих строк. Не свою ли судьбу предвидел 15-летний отрок?..

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне –
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

P.S.

«Меня сделало марксистом мое социальное положение... но прежде всего, жестокая нетерпимость и иезуитская дисциплина, так беспощадно давившая на меня в семинарии.

В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили вкус к подпольной марксистской литературе».

Из интервью И. Сталина К. Людвигу

«Марксизм – пятая великая религия, сформулированная иудеями».

*А. Луначарский, нарком просвещения
(«Религия и социализм». СПб., ч. 1).*

«Карл Маркс был жид очень богатый... (Смех). Так вот этот очень умный жид Карл Маркс, – он же был и миллионер-капиталист, он создал такую теорию, что вы должны работать на усиление капитала капиталистов, хотя вы думаете, что вы с ними боретесь, но это делаете по неопытности и непониманию сущности вещей».

*Н. Марков, депутат IV Государственной Думы
(Из речи на заседании Думы 23 октября 1913 г.)*

«К. Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же библейской темы: в поте лица добывая хлеб свой. То же еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святоши. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский как избранный народ Божий, К. Маркс переносит на класс, на пролетариат. И подобно тому избранным народом был Израиль, теперь новым Израилем является рабочий класс, который есть избранный народ Божий, народ, призванный освободить и спасти мир».

*Николай Бердяев, известный философ
(«Смысл жизни». М., 1990)*

«ВЫХОДИТ, ЧТО МИР ПРАВ, ГОВОРЯ О НАС?»

В Тифлисской духовной семинарии Иосиф Джугашвили провел лишь несколько месяцев. В декабре 1899 года из семинарии он ушел. Полгода давал частные уроки, потом устроился наблюдателем погоды, метеорологом в Тифлисской физической лаборатории. После дежурства юный Джугашвили шел в железнодорожные мастерские и среди передовых рабочих получал первые уроки борьбы за их права. К тому времени он уже вступил в Российскую социал-демократическую партию. В комнатухе, где проживал, установил типографский станок и редактировал нелегальные партийные издания.

Среди рабочих Иосиф был известен под кличкой Коба – по имени любимого героя книги грузинского классика А. Казбеги. Стал Коба известен и тайной полиции. Одно из полицейских донесений сообщает, что с 1902 года он работал в социал-демократической организации как пропагандист и руководитель железнодорожного района. Сначала Сталин сотрудничал с меньшевиками, но потом решительно разошелся из-за их раскольнических, дезорганизационных действий. «В самом деле, что это за народ! Мартов, Дан, Аксельрод – жида обрезанные. Да старая баба В. Засулич. Поди и работай с ними. Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься. Трусые и торгаши...» – возмущался Коба, выступая перед батумскими рабочими.

И вот рассказ Сталина о своих первых революционных шагах: «Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Я вспоминаю, как я на квартире у Стуруа в присутствии Сильвестра Джигладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Михо Бочоришвили, Нинуа и других передовых рабочих Тифлиса получил уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом. Может быть, я был тогда немного больше начитан. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей,

я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлиссские рабочие. Позвольте принести им теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность.

Я вспоминаю далее 1905–1907 годы, когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец и другие, с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками – с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Здесь я стал подмастерьем от революции. Позвольте принести теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность моим бакинским учителям».

Но что это так осерчал на евреев товарищ Джугашвили, к тому времени уже признанный большевик?

Припомнив, что России евреи достались, как заметил историк С. М. Соловьев, от загубленной ими Польши, сделаем небольшой экскурс в былое. Ведь что интересно, в те самые дни, когда Коба гневно клеймил «обрезанных жидов», государь-император писал своей матушке о том, что тревожило и его: «...народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как $\frac{9}{10}$ из них жида, то вся злость обрушилась на тех...»

У нас, на Святой Руси, грамоты об «управе на жидов» известны еще со времен великого князя Владимира Мономаха. Василий III, Иоанн Грозный, тишайший царь Алексей Михайлович, Петр Великий – все эти государи были бы судимы нынче по статье Уголовного кодекса за разжигание так называемой национальной розни. То, что они собрали под крыло двуглавого орла больше сотни народов, – это не в счет. Все русские цари – ксенофобы! А уж о царицах и говорить неудобно...

Вот, пожалуйста, указ Екатерины II: «Сего апреля 20 дня, Ея Императорское Величество указала – жидов как мужеского, так и женскаго полу, которые обретаются на Украине и в других российских городах, тех всех

выслать вон из России за рубеж немедленно, и засим впредь их ни под каким образом в Россию не впускать, и того предостерегать во всех местах накрепко. А при отпуске их смотреть накрепко ж, чтоб они из России, за рубеж, червонных золотых и никаких российских серебряных монет и ефимок отнюдь не вывезли, а буде у них червонные и ефимки, или какая российская монета явятся, и за оными дать им медными деньгами. Дан в Верховный Тайный Совет».

Императрица Елизавета Петровна еврейский вопрос еще круче решила. В указе Правительственному Сенату государыня-матушка однозначно выразила свое решение: «Жиды в нашей империи под разными видами жительство свое продолжают, отчего не иного какого плода, но токмо, яко от таковых имени Христа Спасителя ненавистников, нашим верно-подданным крайнего вреда ожидать должно... Ввиду сего повелеваем: всех жидов мужескаго и женскаго пола, какого бы кто звания и достоинства ни был, с объявлением указа, со всех их имением, немедленно выслать за границу, и впредь оных – ни под каким видом, в нашу империю ни для чего не впускать, разве кто из них захочет быть в христианской вере греческого исповедания; то таковых крестя, жить им позволить, только из государства уже не выпускать».

Сенат было задумался о неудобстве этой меры для торговли, на что императрица начертала такую резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли!»

С характером были царицы-то русские...

А вот царь Николай I 13 апреля 1835 года принял такой документ, по которому и сто лет спустя евреям не пришлось бы хлопотать о двойном гражданстве. В нем был перечень таких льгот для них, какие русскому Ивану с Марьей и не снились. Так, например, согласно тому «Положению о евреях», желающие заниматься земледелием освобождались от подушной подати на 25 лет, от рекрутской повинности – на 10 лет. Только паши да расти хлеб! Еврей, который приобретал земельный участок и поселял на нем не менее 50 своих соплеменников, получал право на личное почетное гражданство. А если он умудрялся затянуть в такой кибуц 100 человек, то почетное гражданство закреплялось на века за всеми его поколениями!

Государь-император Александр Николаевич, создавая привилегии евреям, похоже, решил обойти в этом вопросе даже своего батюшку. Он отменил призыв еврейских детей в российскую армию, евреям-купцам первой гильдии предоставил право жить и торговать по всей России. В Москве евреям позволялось проживать повсеместно, для них были открыты и многие другие города – Киев, Севастополь, Николаев... Дипломированные специалисты из евреев получали право жить вне черты оседлости, допускались на государственную службу, а врачам разрешили служить даже в армейских рядах. Временно, но уже во все округа был открыт доступ евреям-механикам, мастеровым, ремесленникам, пивоварам...

Александр II открывал путь к бурному экономическому развитию России, собирався ввести в империи начала конституционности. Но группа фанатиков, для которых не было ничего отрадней слов – динамит, бомба, кровавая борьба, эти доморощенные преобразователи, как рассказывает «Книга Русской Скорби», «выдвигая на видные места нахальных грубых недорослей и юрких жидов», стремясь к переворотам ради своей собственной выгоды, не останавливались для достижения своей цели ни перед какими преступлениями. «И если Верховный Вождь России осмелится идти наперекор подпольной тактике обезумевших крамольников и начнет давать своим подданным действительные блага, а не нелепые миражи, – тогда смерть ему!»

1 февраля 1881 года царь Александр II был убит.

Вскоре после царевубийства известный русский историк и общественный деятель Дмитрий Иванович Иловайский писал в «Петербургских ведомостях»: «Теперь, когда тело Царя-мученика уже предано земле, теперь на нас, Русских, прежде всего лежит священный долг доискаться до источников той темной силы, которая отняла его у России...» Дмитрий Иванович не сомневался, что русские «нигилисты и социалисты» – только «грубое, нередко бессознательное орудие», что их направляют на преступления «не столько враги собственности и общественного порядка, сколько внутренние и внешние враги Русского государства, Русской национальности».

В 1928 году в Киеве вышел «Збирник праць Жыдывської исторично-археографічної комісії». В ту книгу вошли письма еврейского писателя Григория Исааковича Богрова (Бехарав) судебному следователю Якову Тейтелю. «Записки еврея» – автобиографическое произведение Богрова – вызвало одобрение Н. А. Некрасова и было опубликовано в журнале «Отечественные записки». Григорию Исааковичу в 1876-м перевалило за 50 годков. Он был одним из зачинателей русско-еврейской литературы, словом, знал жизнь и по праву мог судить о традиционном иудаизме, хасидизме, цадиках да и о поколении «молодых сморкатых» евреев.

Вот он пишет из Петербурга 27 апреля 1879 года: «Время у нас до того политически смутное, что мы, евреи, с нашими кривдами и ходатайствами перед правительством должны съежиться и сократиться. Правительству не до нас. Оно должно бороться со стайкой мерзавцев и убийц из-за угла... Жидовские социалисты, какая злая и глупая ирония, это смахивает на “еврейского разбойника”».

Да уж, «стайка»... Для убийства царя Александра III еще в 1876 году в Лондоне была создана организация террористов, которую возглавляли Либерман, Цукерман и Гольдберг. С этой «стайкой» и закрутилась на Святой Руси среди русских свора, как заметил Григорий Богров, «преобразователей человечества», «шайка, для которой будто не существовало ни религии, ни национальностей». Натансон, Дейч, Войнаральский, Айзик, Ранчик, Аптекман, Девель, Хотинский, Бух, Колоткевич, Гесья Гельфман, Люстиг, Фриденсон, Гартман... Названия своих организаций «аптекари» придумывали с расчетом на доверчивого Иванушку-дурачка – «Земля и воля», «Народная воля». Клевали, клевали на приманку рыцари плаща и кинжала.

Автор «Записок еврея» за два месяца до цареубийства писал своему приятелю Тейтелю: «Наше молодое интеллигентское поколение в большинстве случаев дрянь непролазная. Без солидных знаний и без строгой честности, без серьезных стремлений, но зато с громадным запасом дерзости и собственной переоценки. Еврейство новое отличается отсутствием всякого воспитания, даже в общежитейском отношении. Во многих же отношениях, в особенности в национальном, евреи новой форма-

ции несравненно хуже старых, простых евреев даже тем, что их наглость и нахальство не знают границ».

А вот через неделю после убийства царя письмо Григория Богрова: «Я разочарован как еврей, но не как человек. Действительно, наше еврейство настоящих дней (я разумею денежную аристократию и молодых сморкатых интеллигентов) такая непроходимая дрянь, что не доведи Бог...»

О «сморкатых» Григорий Исаакович высказался просто и ясно. А что же писатель подразумевал под «денежной аристократией»? Какие еще аристократы у бедных евреев за «чертой оседлости»? Подобные сомнения рассеивают редкие, чудом сохранившиеся издания и документы тех давних лет. Вот, например, что сообщают «Труды этнографической экспедиции в Юго-Западный край» (исследования П. Чубинского):

«В трех только губерниях: Киевской, Подольской и Волынской – евреями арендовались по формальным договорам 819 имений, а всего до 1000. Доходов с них они получали до 3 600 000 рублей в год, арендная плата около 1 500 000. Закабалия местное крестьянство, еврей имеет более дешевую рабочую силу и, кроме того, он старается только о том, как бы высосать все соки из имения за время своего хозяйства, нисколько не заботясь о будущем, чем истощается земля и понижается общий уровень производительности. Кроме того, евреи за последнее время обнаруживают склонность приобретать землю также для спекулятивных целей... Сельскохозяйственная промышленность и сбыт продуктов – все почти в руках евреев».

Еще в 1870 году, узнаем из материалов исследования, евреям в трех означенных выше губерниях (Киевской, Подольской и Волынской) принадлежали 90 процентов всех винокуренных заводов, 80 процентов пивоваренных заводов и 90 процентов мельниц; сахарную промышленность они держали в руках при помощи подрядов и поставок, которые в этих губерниях достигали 3 000 000 рублей. «Торговля хлебом, лесом, смолой, а также вывозная торговля скотом, шерстью, кожами, салом, щетиною и т. п. также находились в их руках, – сообщают специалисты-этнографы. – Кроме того, они при помощи кредитных операций держали в руках землевладельцев, а при помощи шинков – крестьянское население».

Одним из самых богатых людей в России был, по выражению историка тех лет, «главнокомандующий русского еврейства» Евзель Гинцбург. Этот хлопец, начав с винных откупов и казенных подрядов, открыл банки в Одессе, Киеве, затем сразу три в Петербурге – коммерческий, кредитный и учетный. Понятно, его тут же в бароны записали.

Гораций (настоящее имя Гирш) Гинцбург, сын Евзеля, прямо скажем, обошел своего папашу на глубоких виражах. Этот Гирш приобрел Алтайский, Миасский, Березовский золотые прииски, учредил Ленское золото-промышленное общество, стал соучредителем ряда акционерных обществ. Наконец, женился на своей двоюродной сестре Розенберг, переехал в Киев и такой бизнес на украинском сахаре сделал! – куда там нынешним торговцам карамельками «Роше».

Вот еще хороший бизнес – война. В 1877–1878 годах болгарский народ сражался против ненавистных турок. Где-то там, под Плевной, за братьев-славян стал наш Владимирский полк. Простые солдатские лица, некоторые с наивной улыбкой, все – доверчивые.

– Ну, что, братцы... Как пойдем сегодня? – это Михаил Дмитриевич Скобелев, славный русский генерал, обращался к владимирцам.

– Постараемся, Ваше превосходительство...

– Не осрамитесь?..

– Зачем же... Мы рады, Ваше превосходительство...

Василий Иванович Немирович-Данченко писал о тех давних боевых делах наших предков: «Скобелев останавливается перед полками, снимает фуражку и крестится... Точно шелест пронесся в воздухе – крестятся офицеры и солдаты. Каждый читает про себя молитву... каждый уходит в самого себя... кто знает, может быть, некоторым не останется даже мгновения, чтобы, падая, обратить взгляд свой к этому серому небу...

– Ребята, за мной! – с одного конца до другого металлически звучит где-то в тумане громкий голос Скобелева, покрываемый общим “ура” атаки, оглушающим грохотом словно разом вспыхнувших залпов неприятеля и раскатом барабанов. Значит, опять он там повел их, обрекая себя на первую пулю, на первую смерть...»

А в то время в Петербурге компаха «Грегор, Горвиц и Коган» делали гешефт. Поставляя недоброкачественные продукты по невероятно высоким ценам, мошенничая, эти финансовые дельцы открыто грабили Русскую армию.

В Русско-японскую войну неплохо погрел руки на русском топливе торговый дом Гинцбургов. Под флагом Российской империи эта милая семейка доставляла уголь... японцам! Заодно и нашему флоту – только в три раза дороже. Свои все-таки...

Но однажды у Гинцбургов приключилась некоторая неловкость – с сибирским золотом. Мужики там надумали права качать – потребовали расчет и выдачу семьям продуктов питания. Понятно, такое вывело хозяев из равновесия и пришлось им применить... ну, вроде бы как конституционные меры. Короче, пострелять немного. Во всех учебниках, хрестоматиях и курсах тот «ленский расстрел» вот уже целый век подается одинаково – и при большевиках, и при демократах. Виноватыми считаются царь, его правительство и вообще – Россия, тюрьма народов...

А что же Гинцбурги? Как сообщала газета «Русское слово», «все опровержения и оправдания барона Гинцбурга и администрации ленского товарищества, – как петербургской, так и московской, – основываются исключительно на авторитете судебных решений и следственных постановлений». Между судьями и администрацией Гинцбурга, как пишет та же газета, были «прочные, дружеские связи... Помимо регулярных праздничных, семейных и хозяйственных сувениров вроде небольших золотых самородков, оригинальных золотых запонок, портсигаров, собольих шуб, новогодних ящиков шампанского, коров, лошадей и т. д. – каждый судья, выходя в отставку, получал солидное единовременное пособие, а если только чувствовал себя трудоспособным, то переходил и на службу в товарищество...» Словом, заключал корреспондент «Русского слова», «при таких обстоятельствах не приходится удивляться работоспособности двух “золотых судей”, Рейна и Хитуна, решивших в три дня 1500 дел – с выселением рабочих с приисковых квартир непосредственно в безлюдную тайгу, откуда до ближайшего жилья не менее 300 верст!..»

Заметим, директор-распорядитель товарищества «Лензолото» Альфред Гинцбург – это сын Гирша-Горация. По свидетельствам современников, он был мало способным к делам и весело прожигал жизнь, что не мешало ему «быть владыкой 6000 русских рабочих...». Тому Альфреду достаточно было носить фамилию Гинцбурга, чтобы «повелевать неограниченно»!

Другой сынок Гирша, Вова Гинцбург, женился на дочке известного киевского сахарозаводчика Лазаря Израилевича Бродского. Сестрица Вовы, Матильда Гинцбург, была замужем за племянником министра финансов Наполеона III – неким Фульдом. А ее дочь охотула уже самого Э. Ротшильда!

К слову, у жены Гирша Гинцбурга были еще четыре сестрицы. Теофила стала женой Сигизмунда Варбурга, владельца крупнейшего банковского дома Варбургов. Роза вышла замуж за фон Гирша, Розалия – за Герцфельда из Будапешта, Луиза – за Ашкенази. Все эти ребята являлись крупными представителями банковского капитала России и Европы. Кто не знал в Одессе банк «Е. Ашкенази»? Это не какой-то там «Менатеп»... А банки Лазаря Полякова? У него в первопрестольной были два банка – Международный и Московский земельный и в Петербурге – Коммерческий. Один брательник Лазаря, Самуил Соломонович, на железных дорогах бизнес сделал; другой, Яков, возглавлял банк в Ростове-на-Дону. Сестрица Розалия Соломоновна – Ярославско-Костромской. А Нижегородско-Самарский банк Лазарь Поляков поделил с Гинцбургом.

При царе, в тюрьме-то народов, Полякову, Гинцбургу да братьям Бродским на правах личной собственности принадлежало не менее 20 тысяч десятин земли! «Черту оседлости» эти братцы, понятно, сами определяли. В их руках были значительная недвижимость во многих городах России. Кроме того, Лазарь Бродский, например, был монополистом в сахарном деле, заодно завладел пароходством Юго-Западного края, скупил акции пивоваренного завода в московских Хамовниках, имел долю во многих банках и акционерных предприятиях. В Киевской Думе у Лазаря Бродского была своя партия. Нужные хлопцы Лазарю законы придумы-

вали, и плыли к нему деньги не только по Днепру, но и из пивных бочек Хамовников...

Кстати, в порядке ликвидации исторического беспамятства и повышения этнического самосознания на нешовинистической основе прелюбопытный примерчик. «Его Величество Капитал» в царской-то России объединял весьма-с неожиданные социальные и этнические элементы. Так, в 1906 году – это в разгул, так сказать, черносотенства! – состоялась женитьба носителя одной из наиболее аристократических дворянских фамилий князя Е. Ф. Гагарина на А. С. Бродской – родной племяннице Лазаря и Левы Бродских. Понятно, племяшка «княгиней Гагариной» стала.

Вот это были «новые русские»! Не чета нынешней шелупони из преподавателей политэкономии да учителей арифметики.

Впрочем, братец «княгини Гагариной», Лазарь, тоже имел достаточно высокий чин – действительного статского советника. Он и другой Лазарь – Поляков – были отмечены орденами св. Станислава. Шутка ли!

Не в орденах, конечно, дело. Вон Изя Давидов – в 1892 году был просто младшим помощником столоначальника, вроде Чубайса при социализме. А перед Первой мировой войной господин Давидов уже и председатель правления Петербургского частного банка, и член совета Московского банка, и член правления банка «Французский кредит». Одновременно он возглавил и общество железнодорожных ветвей, вошел в правление нескольких крупнейших фирм: «Сименс и Гальске», «Электрическое освещение», Южно-Русское металлургическое общество, «Ойль»... Годовое содержание папаши Давидова составляло 4000 рублей. А Изя только в сделке по покупке имения в Орловской губернии незадолго перед мировой войной выложил около 500 000 рублей. Вот это этнография!..

По этому поводу признанный авторитет русской журналистики М. О. Меньшиков писал: «Опытные люди утверждают, что все явления нашей экономической жизни имеют паразитный в отношении государства характер... Почему-то считается полезным для страны давать евреям (в частности – еврейским банкам) дешевый кредит, который они превращают в дорогой кредит для обыкновенной публики. На разнице этих креди-

тов наживаются колоссальные состояния, уже не нуждающиеся засим в казенной поддержке для дальнейших ростовщических операций. В общем выходит так, что, взимая с евреев небольшой процент, государство как бы отдает им страну на откуп... Эта недостойная государства зависимость от нехристианского народа, внедрившегося всюду в качестве паразита, заставляет смотреть на его губительные операции с терпимостью, ничем не оправдываемою. Как было бы хорошо, если бы гекатомба русских рабочих, принесенная в жертву еврейскому золоту, заставила наконец обратить серьезное внимание и вообще на биржевой ажиотаж, свирепствующий в последние годы».

Современник Меньшикова, предводитель московского дворянства И. А. Родионов, уточняет его мысль: «Чисто русских дел по пальцам можно перечесть. С другой стороны, попробуйте вы сделать какое-нибудь дело. Вы неизбежно наткнетесь на толпу еврейских гешефтмахеров, заполнивших теперь все города России, и, если вы этим господам не заплатите крупной дани, самое верное дело ваше обречено на полный провал.

А какая махинация делается с землей?

Вся Россия разбита на отдельные пояса, охватывающие собою по несколько смежных губерний. В каждом таком поясе посажен еврейский земельный банк, к которому только и могут обращаться за ссудой под залог своей земли землевладельцы этого пояса.

И выходит, что подавляющая часть землевладельческой России, задолженная еврейским банкам, работает на нового пана — на еврея и платит ему дань.

И если бы в свое время по воле императора Александра III не был учрежден Дворянский банк, то от дворянского землевладения к нашему времени осталось бы одно воспоминание. Вся частновладельческая земля фактически была бы уже в руках евреев... Они, располагая незначительными собственными капиталами и на громадные суммы кредитуюсь в нашем Государственном банке, скупают русские земли по цене 100–200 рублей за десятину. Путем такой покупки, захватив в пореволюционные годы огромные площади земли, они искусственно вздули цены до крайних пределов.

Теперь те же земли они продают по 300–400 рублей, а в некоторых уездах Херсонской и Полтавской губерний по 500–600 и даже по 800 рублей за десятину. Аренда земли, не превышающая 8–10 рублей в год, пока земля была в руках русских людей, теперь поднялась до 30 и даже до 50 рублей за десятину. Особенно много земли попало в собственность инородных компаний от разгромленных и разоренных во время революции помещиков.

Евреи-адвокаты, доктора, фармацевты, дантисты забросили свои профессии и в махинациях с русской землей на нужде и слезах русского народа наживают со сказочной быстротой огромные состояния... В губерниях Херсонской, Таврической, Бессарабской, Киевской, Волынской и Подольской эти инородные гешефтмахеры выжали из земли все, что можно. Теперь, разбогатевав, ползут уже, как завоеватели, к северу и востоку, распространяя свою хищническую деятельность на губернии: Харьковскую, Курскую, Орловскую, Черниговскую, Полтавскую и другие.

И народ, доведенный до отчаяния, бросает насиженные дедовские пепелища, продает за бесценок свои дома, инвентарь и бежит на новые места за Урал...

Вот как подготавливается по всему нашему югу вторая российская революция, и помните, что она не за горами... прольются потоки русской крови, потрясено будет русское государство, разорены будут русские люди... А те, кто вызвал эти несчастья, эти беды, останутся в стороне или же станут в ряды революционеров, а когда все уляжется, снова будут создавать свои богатства на нашей крови, бесчестии и разорении».

Напомним еще ряд имен бывших хозяев земли российской. Харьковский земельный банк при царе принадлежал Алчевскому, Полтавский земельный – Рубинштейну, Киевский – Бродскому, Виленский – Блюху, Варшавское общество поземельного кредита – Кронсбергу, Бессарабско-Таврический земельный банк – Рафаловичам. Директорами Русского для внешней торговли банка, кроме Рафаловичей, были Гаммель, Гротек, Поммер, Банг, Пинхус, Таубвурцель, Юргенсон; «Саламандры» – Каплан, Мориц, Мейер.

Только два банка – Московско-Купеческий и Волжско-Камский – обошлись без специалистов из-за «черты оседлости». Не случайно, надо по-

лагать, профессиональный рэкетир и авантюрист Красин в 1905 году ограбил петербургское отделение именно Волжско-Камского банка. Немалую сумму после того налета он зажал от социал-демократов. Ну так не без этого – нынешние-то «реформаторы» куда как находчивее по этой части. Ильич – вождь мирового пролетариата – простил ему такую слабость, видимо учел разносторонние способности товарища Красина, и после великого октября назначил его наркомом торговли...

Но пока бал правила элита российского капитала – биржевые дельцы, спекулянты и крупнейшие владельцы земли, среди которых господа-товарищи: А. Абрамсон, А. Бродский, Л. Бродский, М. Бродский, Б. Броневский, А. Бидерман, М. Варшавский, К. Вахтер, Ю. Гейнцель, М. Гальперин, С. Гольдберг, Б. Гордон, М. Гуревич, Н. Глазберг, С. Глезмер, А. Гутман, А. Давидов, И. Исакович, Г. Кольберг, М. Кон, Г. Лесин, Ф. Липский, С. Ландау, Э. Линдес, А. Левинсон, Е. Миндер, И. Пакшвер, С. Рабинерсон, А. Рафалович, Д. Рубинштейн, А. Фейгль, А. Фельдман, А. Френкель, И. Файн, Р. Цейдлер, А. Шайкевич, М. Шефтель, К. Шпан, Г. Шклявер, К. Шейблер и т. д. и т. п.

В докладе на Русском собрании предводитель московского дворянства заметил, что с 1905 года евреи в виде торговцев, ремесленников, аптекарей, врачей, фельдшеров, акушеров «частой сетью покрыли наше Отечество», заполнили все города и веси России. «Хлебный экспорт, наше главное богатство, почти весь в их руках, за исключением незначительной части, попавшей в руки греков и других инородцев, – констатировал в том докладе Иван Родионов. – Лесное дело в северной России, т. е. вне черты оседлости, сплошь в руках этих недавних пришельцев, и полчища их растут, нашествие беспрерывно и беспрепятственно продолжается изо дня в день. Лес выводится варварски, безжалостно. Там, где еще недавно были дремучие чащи, теперь торчат унылые пни и кочки на болотах. Еврей не насаждал, не растил, не оберегал деревьев, и ему, как истому паразиту, не жаль нашего добра. Он изведет и съест все, что можно, и откочует. Множество имений в северной России, вопреки закону, попали в руки евреев. Этот новый помещичий класс хозяйства не ведет. Для этого надо любить землю и иметь творческую жилку в душе. У ко-

чевника, ростовщика и циника по своей бедной природе таких качеств не оказывается. И евреи уничтожают и распродают все, что только возможно перевести на деньги: леса, садовые насаждения на сруб, скот, лошадей, инвентарь, включительно до оконных рам, металлических дверных ручек и печных вьюшек в барских домах. То, что накоплялось с любовью, часто с жертвами, иногда целым рядом поколений русских людей, для ненасытного кочевника является только предметом торга и наживы. Истощив землю, еврей делает с нею всевозможные мошеннические операции, обирая тех же доверчивых русских людей, а потом по вздутым ценам распродает ее окрестным крестьянам».

В 1880 году в столице Российской империи было образовано так называемое Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России. Согласно уставу этого общества, лицам, желающим переселиться в другое место (т. е. за черту оседлости), где запрос на ремесленный труд представлял более выгодные условия, выдавались деньги: 1) на проезд с одного места на другое – от 50 до 100 рублей и 2) на обзаведение на новых местах жительства – до 200 рублей. Понятно, в Петербург «ремесленники» потянулись косяками. Да только ли в Петербург!

В Киеве, например, тогда было 85 000 еврейского населения. А «прописку» там организовать не представляло никакого труда. По невысокой цене покупалось свидетельство на звание ремесленника – и кати в столицу древней Руси! А там хоть на скрипке играй, хоть публичный дом открывай.

«Другой способ – звание приказчика, – делится опытом «Новое время» (№ 12565). – Каждый еврей-торговец записывает на свое имя уйму приказчиков. По таким свидетельствам живет много тысяч евреев, которые приказчиками никогда не были. Но главное русло, по которому плывут евреи в Киев, – это воспитание детей. Евреям было сначала представлено воспитывать детей в учебных заведениях Киева, а потом жить при детях, воспитывающихся в Киеве». А еврейская семья – это уже кое-что!

«Петербургская газета» (№ 145, 1910 г.) сообщала, сколько за полгода было «выбрано свидетельств» из петербургской купеческой жизни: купцов первой гильдии 561, из них 427 евреев; купчих первой гильдии 35, из них

27 евреек. Проверили сословные свидетельства этих купцов – оказалось, что в семье каждого числилось до 40 человек!..

Не об этих ли купцах да банкирах и писал тогда русский поэт Н. А. Некрасов:

Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены, –
Сотня тысяч рублей, что ни грудь...
В этих ложах – мужчины евреи...

Известно, чем закончилась для них вся эта лирика с грудями по сто тысяч рублей. Нет, дела в земельных банках шли неплохо. Так, в 1905 году Санкт-Петербургский банк поимел для себя чистых прибылей 13,8 процента, Киевский – 15,8, Ярославско-Костромской – 15,9, Московский – 21,2, Нижегородско-Самарский – 21,3, Донской – 23,2, Полтавский – 26,2, Виленский – 27,9 процента...

Присяжный поверенный А. С. Шмаков заметил по этому поводу: «Нельзя, в особенности, не позавидовать Лейзеру Полякову как патрону Мовши Герценштейна, ибо 21,2 процента барыша за иллюминированные бомбами Бунда дни “свободы” вовсе не дурно».

Но бомбы-то те аукнулись!

Вот сообщение «Московских ведомостей»: «Весьма характерно, что из всего числа революционных агитаторов, задержанных администрацией, около 90 процентов приходится на евреев. Масса прокламаций для политической пропаганды выпущена преимущественно революционным обществом под названием “Бунд”, “Пролетарий” и “PPS”. Приняв во внимание подобное еврейское рвение к революционной работе, станет понятным появление взрывов народного негодования по адресу народа израильского».

Было суровое письмо 26 рабочих буревестнику так называемой пролетарской революции Горькому:

«Нам, русским рабочим, очень хорошо известно, что евреи принимали и принимают сверхэнергичное участие в разложении русского общества, армии, флота и учащейся молодежи, много они потрудились, чтобы под-

готовить, вызвать и создать “японское позорище”, “9 января”, “Цусиму”, “похождения Потемкина в Тавриде” под командою “доблестного Шмидта” и при благосклонном участии бывшего президента Черноморской республики “хрустально-честного Пергамента и К^о” ...Вашу чувствительную совесть почему-то угнетает “рост вражды к евреям”, а нашу угнетает сознание, что мы, благодаря вашей и еврейской пропаганде, много зла причинили себе, всему русскому государству и народу».

17 октября 1905 года с горечью и болью, с великим мучением, в надежде на национальное самосознание народа государь-император подписал Манифест, который, по сути, отменял Русское Самодержавие.

Прощальным аккордом прозвучало в Храме Христа Спасителя слово, сказанное в те смутные дни пастырем Церкви протоиереем Иоанном Восторговым:

«Прости, прости, старая, тысячелетняя Россия! На наших глазах судили, осудили тебя и приговорили к смерти... Грозные и беспощадные судьи заплевали твое лицо и не нашли в тебе ничего доброго. Суд был строгий, неумолимый и беспощадный. Все слилось в один вопль: возьми, распни!

Знаем и мы, что ничто человеческое тебе не чуждо; знаем, что много было у тебя недостатков. Но и то мы ведаем и видим, что ты соделала Русь Святою, а народ свой – богоносцем если не в осуществлении, то хоть в вечном, неумирающем идеале народной души; ты породила и воспитала великий народ, сохранив его в горькой доле, в горниле исторических испытаний чрез целый ряд веков; ты породила и воспитала сонм святых и праведных; ты не погибла под ударами – под тяжкими ударами судьбы, но крепла в них, сильная верою; с сею верою, в великой мощи духа, ты перенесла все тяготы, и все же создала, и нам завещала и оставила великое царство. За все это тебе земной благодарный поклон.

Будущая, новая жизнь России неизвестна. Но ход ее для нас, верующих, представляется совершенно ясным. Он всецело будет зависеть от того, со Христом ли останется народ наш, или откажется от Него, пойдет ли за Ним, или Его единого оставит».

Илья Ефимович Репин отразит ту смуту в картине, о которой философ, писатель и публицист Василий Васильевич Розанов напишет: «Какая

картина!.. Страшно для живого человека подпасть под кисть его. Картину “17 октября” надо сопоставлять с “Мундирной Россией”. Это знаменитый “Государственный Совет”... Одна другую поясняет!.. И как русская история становится понятна в этом сопоставлении!»

Картина эта известна, но не так, как репинские «Бурлаки». Вот Розанов пишет: «Жидовство, сумасшествие, энтузиазм и святая чистота русских мальчиков и девочек – вот что сплело нашу революцию, понесшую красные знамена по Невскому на другой день по объявлении манифеста 17 октября, – так комментирует дело И. Е. Репин в выставленной им большой картине “17 октября 1905 года” на XIII передвижной выставке...

Сколько понимания, сколько верности! Конечно, все жившие в 1905–1906 годах в Петербурге скажут о картине: “Это – *так!* Это – *верно!*” Несут на плечах маньяка, с сумасшедшим выражением лица и потерявшего шапку. “До шапки ли тут, когда конституция”...

В первой же линии, прямо “в рот” зрителю, орет песню курсистка II или I (никак не IV) курса, в маленькой меховой шапочке, с копной волос, вся в черном. Она вся “в затмении” и ничего не слышит. О, она вполне самостоятельна в свои 17 лет и ничему не верит, никому не подражает!.. И она сама не понимает, от возраста ли кричит или от революции. Ей хорошо, о, как видно, что ей хорошо, что она вполне счастлива!..

Позади ее – еврей и еврейка, муж и жена; он, наверное, приват-доцент, а она имеет первого ребенка. У еврея – тупо-сосредоточенное лицо. С первого взгляда кажется, что вот эти евреи, лица которых наиболее выписаны и “портретны”, и являются “разумом” революции, все в ней подсказали и ко всему в ней повели. Но это только при первом взгляде. Гений художника все подстрожил и все высмотрел. Еврей – совершенно тупой, и самая хитрость его (которая есть в лице) – тоже тупая, которая, проиграв все “в целом”, выиграла “на сегодняшний день”... В революции, как и везде, евреи не творцы. Творит, выдумывает и рвется вперед арийская кровь. Это она бурлит и крутит воду. А евреи – “починщики часов”, как и везде, с мелкоскопом в глазу, и рассматривают, и компилируют подробности, какой-нибудь “8-часовой день” и “организацию” забастовки.

Но еще лучше в форменном пальто чиновник лет 45, с крепко сжатыми губами и богомольно смотрящими глазами! Вот лицо, полное уже мысли, веры, – лицо прекрасное, хотя тоже немножко тупое! Он всю жизнь философствовал у себя в департаменте, он читал декабристов и о декабристах, он все ждал, “когда придет пора”... И вот пришла вожаемая “пора”, конституция, – и он внутренне молится и весь сосредоточен.

Но посмотрите, какая разница в сосредоточенности у него и у еврея приват-доцента; они оба недалеки, но у еврея недалекость соскальзывает в счет, где он обнаруживает уже хитрость и умелость. Еврею есть дело до “сегодняшнего дня” и нет дела до России. Чиновник – русский идеалист-патриот; это тот патриот, который ждал и не дождался реформ. И теперь “17 октября” в душе “служит молебен за будущее России”. Роль чиновника – наивная и благородная.

И все это “усторожил” Репин и дал прочитать в своей картине! Гений!

Позади еврея простолюдин-революционер, “распропагандированный” на митингах не более 9 месяцев назад. Это – “быдло” революции, ее пушечное мясо. Он голодал до 17 октября, но, увы, и после 17 октября будет голодать. И наконец, позади его неоформленное лицо настоящего революционера, единственное “настоящее” лицо революции во всей картине: это террорист, самоубийца, маньяк, сумасшедший. Молчит, молчит и потом убьет. А почему убил – не скажет и даже едва ли знает...» (http://www.hrono.ru/libris/lib_r/tozanov-repin.php).

Всей этой братве на следующий же день после высочайшего Манифеста народ ответил гневом стихийных манифестаций, прокатившихся по территории Российской империи.

«Русский народ всегда чувствовал и чувствует в еврейской нации, в ее инстинктах, стремлениях и целях величайшую для себя опасность, – так в книге о погромах на Украине, изданной в 1988 году в Издательстве имени Олены Телиги, идет разговор о давних событиях, еврейских погромах, устраиваемых не только русскими. – Будучи, с одной стороны, по природе своей мягким и добродушным, даже к тем, кого он сам признает своим врагом, с другой же стороны, не видя надлежающей созна-

тельной поддержки к себе в борьбе с еврейским засильем, русский народ почти вовсе не проявил сознательной самообороны против отдельных евреев. Зато в момент, когда его терпение оказывалось исчерпанным, он, ненавидя не отдельных лиц, а именно нацию, невольно, бессознательно реагировал погромами».

«Збирник праць Жидивської исторично-археографичної комісії» подтверждает волну гнева, прокатившуюся по Российской империи в октябре 1905 года: в 660 городах, местечках, деревнях и селах произошло 690 погромов. К слову, 588 погромов, т. е. 85,2 процента октябрьских погромов, произошло на территории Украины.

Есть такая книга – «Что нам в них не нравится...». Автор ее, бывший депутат Государственной Думы – еще царской! – В. В. Шульгин, размышляет о евреях без этакой трепетности, переходящей в шепот. Так вот, Василий Витальевич пишет: «Еврейские погромы известны с незапамятных времен. Уже по этой причине нельзя вечно и всегда винить только одну сторону. Невероятно, чтобы на протяжении тысячелетий евреи всегда были невинны как голуби, а окружающей средой были лютые волки. Я думаю, что все это, то есть что погромы неотступно сопровождают евреев, не случайность. Я думаю, что они сами родят их».

В самом деле, в 19 году от Р.Х. Тибериус изгнал евреев из Рима.

В 1290 году английский король изгнал евреев из своего королевства.

В 1306 году евреев изгнали из Франции.

Когда Колумб открыл Новый Свет, испанские государи Изабелла и Фердинанд изгнали евреев из Испании.

В 1495 году евреев изгнали из Флоренции.

В 1496 году – из Португалии.

В 1541 году – из Австралии.

В 1745 году императрица Австро-Венгрии Мария-Терезия изгнала евреев из Праги – из-за ростовщичества и прочих «дел, избегаемых порядочными людьми».

Так что не Россия завела такую моду – громить евреев. Не случайно первый президент Израиля Хаим Вейцман заметил: «Все народы можно

разделить на две категории: тех, кто изгоняли евреев, и тех, кто не впускали их к себе».

Народный подъем 1905–1906 годов против шайки организованных «аптекарями» уголовных элементов, крамольников-революционеров стал школой патриотического объединения русских людей. Как массовое народное движение, вызов внутреннему врагу России в 1905 году возник Союз Русского Народа. Его возглавил детский врач, статский советник Александр Иванович Дубровин. В декабре 1905 года состоялся высочайший прием депутации Союза. «Мы, Государь, стоим за Тебя нелицемерно, не щадя ни добра, ни голов своих, как отцы и деды наши за Царей своих стояли, отныне и до века», – заверил монарха председатель Союза. Затем с речами к государю обратились П. Ф. Булацель, крестьянин Ф. А. Ершов, рабочий Путиловского завода Д. С. Кузьмин, отставной офицер Т. Е. Терехов и другие. Государь выслушал всех, поблагодарил и выразил надежду, что с помощью Божьей и русского народа ему удастся еще многое совершить на благо России.

В Союзе состояли выдающиеся деятели отечественной науки и культуры: академик А. И. Соболевский, профессора П. В. Никольский, А. С. Визягин, И. П. Сазанович, писатель князь М. Н. Волконский, философ и математик барон М. Ф. Таубе, ректор Новороссийского университета профессор С. В. Левашов и многие другие лучшие представители русской национальной интеллигенции, научной и культурной элиты России. Хоругви и знамя Союза Русского Народа освятил о. Иоанн Кронштадтский...

А в декабре 1905 года к русскому народу обратился сам царь:

«Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью Мне и Русскому народу удастся победить врагов России. Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам и уверен, что русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом. Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к Союзу Русского Народа. Николай II.

23 декабря 1905 г.»

В программе Союза провозглашалось, что благо Родины – в незыблемом сохранении Православия, русского неограниченного Самодержавия и Народности. Самодержавие – в единении царя с народом.

Государственная Дума не должна была ограничивать царскую власть, а правдивым осведомлением о нуждах народа и государства помогать царю – осуществлять преобразования во благо русскому народу. Для этого Государственная Дума должна была быть национальной русской. О чем и говорил протоиерей Иоанн Восторгов:

«Губительны были для России времена, когда на судьбы ее влияли люди не русские или из русских домашние недруги, предавшиеся иностранцам, полюбившие все чужое, а свое русское зазиравшие. Одни из них так были с детства воспитаны, что не знали России и не любили ее, а любили все чужое, а другие могли быть и закуплены врагами России. Они могли давать царям неверные и коварные советы, заключать невыгодные союзы и договоры, способствовать изданию вредных для народа законов.

Ясно без долгих рассуждений, что в Государственной Думе таким людям не должно быть места. Там должны быть честные и прямые русские люди, горячо любящие Россию. Конечно, попадут в эту Думу и представители инородцев, проживающих в России; Россия никому зла не желает, инородцев ни в вере, ни в языке, ни в обычаях жизни не стесняет. Но инородцы должны хранить верность русскому царству; наряду с русскими людьми они должны заботиться о том, чтобы русское царство было единым, нераздельным, могучим и грозным для врагов внутренних и внешних, чтобы государственное единение всех племен, населяющих Россию, было крепко и нерушимо. И о том должны заботиться наши народные избранники в Государственную Думу, чтобы русский народ оставался первым в государстве, чтобы инородцы не имели пред ним преимуществ и выгод, а это, нужно сказать, часто у нас бывало и бывает. Пусть всем племенам будет равенство, а русскому народу первенство, первенство и его православной вере, и его государственному языку».

Но в городах и весях российских не спали и те, на кого указывали в письме Горькому рабочие. Такая вот прокламация появилась в Сибири: «Не идите в Союз Русского Народа и в подобные ему организации, пото-

му что они ничто, а вся сила у нас, евреев. Промышленность и торговля у нас; весы европейского равновесия в наших руках; общественное мнение и печать с нами и за нас; железные дороги наши. Мы проникаем и проникли в правительственные учреждения. Мы перенесли свою деятельность и в армию, которая тоже будет нашей. Наконец, в наших руках золото всего мира. Идите к нам, потому что мы и только мы – сила. Мы, евреи, дадим свободу и избавим вас от рабства, в которое ввергло вас христианство».

Ведущий политический публицист самой влиятельной русской газеты «Новое время», теоретик национального пути русского народа Михаил Осипович Меньшиков словно предвидел итоги деятельности таких революционеров: «Скоро дойдет до того, что в своей собственной стране, в век политической свободы русский человек потеряет право свободного мнения: печатать и говорить с кафедры он будет в состоянии только то, что угодно евреям».

И дальше: «Никогда не было более хитрого похода на народ русский, как тот, что предприняли под видом революции инородческие вожди смуты. Путем целой сети подлогов, ошеломляющих своей развязностью, евреи одурачили обширные слои русского общества, которых простоватость объясняется невежеством. Имея свою, эгоистическую и враждебную России цель, евреи убедили многих русских, что эта цель – благо России. Приступив к разложению страны, к порабощению нашей национальности, к отнятию у нас земель, капиталов и политической власти, евреи этот разрушительный процесс выдают за возрождение России, и находятся ограниченные люди, что им верят».

Да как было не верить-то? Явился, вон, в косоворотке, с безумством храбрых, откашлялся да как пошел окать по-нижегородски!

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами
и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

Все сразу притихли, замерли, а потом тоже зашептали:

...им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни...

Доступно или не доступно гагарам такое наслаждение – время покажет. А пока...

Не ранее 19 февраля 1906 года вышло «Воззвание к Русскому Народу», которое начиналось так: «Знаете ли, братцы, рабочие и крестьяне, кто главный виновник всех наших несчастий?.. Не только жида и другие иногородцы, Россию ненавидящие, но и много русских и поляков бесчестных, и Бога, и совесть утративших, кто из гнусной корысти, а кто по безумию помогают гибели нашей несчастной дорогой родины. Все эти подлые безбожные люди, для которых собственно мало даже и виселицы, под видом друзей народа втираются на фабрики и в деревни, и, пользуясь темнотой и доверчивостью вашей, обманывают вас лживыми, а потому и щедрыми посулами и обещаниями, и подбивают вас устраивать всякие стачки фабричные, железнодорожные, почтовые и другие, а также грабить и жечь помещичьи имения и все их добро. Так знайте же вы, бедные доверчивые люди, что, повинувшись гнусным подстрекателям, вы сами себе роете яму: после того как вы разорите стачками русские фабрики и заводы и пожжете и ограбите русские помещичьи благоустроенные имения с необходимыми для вас самих школами и больницами и всякими заведениями, вся наша бедная родина превратится в нищую развалину. И вот тогда жида переведут свои капиталы из Англии, Америки и Германии и за гроши скупят все наши русские фабрики, заводы и имения, затем, спаивая вас и затягивая вас в свои ростовщические сети (в чем они искусны), они скоро завладеют всею нашею землею и самих вас превратят в безгласных рабов своих. Они заставят вас работать денно и нощно и будут платить вам лишь столько, чтобы вы не умерли с голоду. За малейшее ваше сопротивление они станут сажать вас в тюрьмы и гноить вас там без жалости по целым годам; в судах будут заседать тогда лишь жида и их продажные русские наемники, и, как бы вы ни были правы, вас в этих судах засудят и обвинят, так как всякий христианин для жида хуже собаки и нет у него к христианину ни совести, ни жалости, ни справедливости...

Спасайте же, русские люди и другие народы, населяющие Россию и любящие родину, себя от гибели; время течет быстро, и зло от евреев так-

же быстро распространяется, и, не предупредив его, можно дожидаться такого момента, когда борьба делается непосильною».

...Пройдет совсем немного времени, и предводитель московского дворянства Иван Родионов выступит в Русском Собрании с таким вот докладом: «К нашему времени еврейство захватило в свои руки нашу торговлю, промыслы, банки, биржу, свободные профессии, школу, печать и проч.

Русский торгово-промышленный класс с поразительной быстротой разоряется, русское искусство опошляется, никнет, загоняется в темные углы выступившим на авансцену и все заслонившим евреем. Все те профессии, в которых еще совсем недавно профессиональная этика стояла на высокой степени порядочности, как-то: адвокатура, журналистика, медицина, профессура и другие, – с внедрением туда еврея опустили чуть не до самого дна.

Благодаря своему засилью во всех этих важных областях общественной жизни еврейство наложило свой разлагающий отпечаток на всю русскую жизнь, замутило и развратило ум и душу всего русского общества настолько, что, не рискуя погрешить перед истиной, можно смело сказать, что вся наша жизнь снизу доверху загажена евреем.

Такое ненормальное явление в недалеком будущем грозит стране страшными, быть может, роковыми последствиями. Такие последствия уже раз сказались в разгромах, потрясениях и развращении народа в 1905–1906-х годах. Но я боюсь, что наша недавняя позорная революция, руководимая и вдохновляемая евреями, является только первыми раскатами грома, а настоящая гроза еще впереди.

Что наша смута была задолго решена и оборудована евреями, это уже не требует доказательств. Да и сами евреи не отрицают своего верховодства в бунте. Наоборот, в своем преступном самохвальстве они не раз открыто заявляли: “Дали вам Бога, дадим и царя”.

У нас еврейю дан был полный простор развращать наше политически незрелое близорукое общество еще за много десятилетий до революции 1905–1906 годов... Почти вся пресса обеих столиц и провинции еще задолго до революции очутилась в руках евреев и еврействующих, правой

печати почти не существовало, умеренная плясала под еврейскую дудку. Адвокатура, школа, театры так же, как и теперь, были переполнены евреями; либеральное чиновничество и таковые же суды расшаркивались перед евреем.

Само еврейство в качестве угнетенного, но “талантливого” племени находилось под любовным и ревнивым покровительством обработанного им общества. Отрицательные стороны еврейского характера, еврейских деяний и быта нельзя было не только осветить, но и затронуть в печати... Дозволялось только восхищаться евреем, восхвалять и жалеть его, вывести же его на чистую воду считалось гнуснейшим неприличием, подлостью, преступлением, к счастью, не караемым только коронным судом, зато суд общества был беспощаден: громы и молнии обрушивались со всех сторон на смельчака-обличителя, от него все сторонились, как от чумы, на него лгали, клеветали, его честь и доброе имя предавалось поношению, репутация его гибла навсегда.

А между тем и в печати, и в школе, и в обществе русские народные идеалы исподволь развенчивались и осмеивались, русская история извращалась, русские благоверные цари и государственные деятели, действующие в духе народа, оклеветывались; православная вера и Церковь – колыбель и пестун русского народа и ее государственности, иерархи и св. подвижники предавались постепенно поруганию, и ко всей великой русской народности вселялось презрение как к народу грязному, жалкому, порочному и невежественному.

Не осталось ни одной святыни русского народа, ни одного заветного места, которые не были бы оплеваны и оклеветаны самым безбожным образом» (<https://rossianin.wordpress.com/2013/06/21/и-а-родионов-решение-еврейского-вопр-3/>).

Придавая особое значение Союзу Русского Народа в решении так называемого еврейского вопроса, 2 сентября 1906 года была принята программа, в которой прямо говорилось о содействии евреям для переселения их в свое царство: «Евреи в течение многих лет, и особенно в последние два года, вполне выказали непримиримую ненависть к России и ко всему русскому, свое невероятное человеконенавистничество, свою



И. Джугашвили. 1908 г.

полную отчужденность от других народностей и свои особые иудейские воззрения, которые под ближним разумеют одного только еврея, а в отношении христиан-гоев допускают всякие беззакония и насилия, до убийства включительно.

Как известно и как заявляли неоднократно сами евреи в своих “МАНИФЕСТАХ” и прокламациях, переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России – с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге честных слуг ЦАРЯ и Родины, – все это дело рук почти исключительно евреев и ведется на еврейские деньги.

Русский народ, сознавая все это и имея полную возможность, пользуясь своим правом ХОЗЯИНА ЗЕМЛИ РУССКОЙ, мог бы в течение одного дня подавить преступные желания евреев и заставить их преклониться пред его волей, пред волей Державного ХОЗЯИНА ЗЕМЛИ РУССКОЙ, но, руководясь высшими задачами христианского вероучения и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилием, избрал другой путь для решения еврейского вопроса, являющегося одинаково РОКОВЫМ вопросом для всех цивилизованных народов.

Принимая во внимание, что в последние годы евреи сами всеми способами стремятся к переселению в Палестину и, главным образом, к образованию собственного государства, и находя, что выселение их из всех стран, в которых они нынче проживают, является единственным верным средством для избавления человечества навсегда от зла, какое для него представляют евреи, Союз Русского Народа будет всеми мерами стремиться, чтобы его представители в Государственной Думе прежде всего выдвинули вопрос об образовании еврейского государства, о содействии их выселению в это государство, каких бы материальных жертв такое выселение ни потребовало от Русского Народа».

Вынужденный Post Skriptum.

«Еврейский конгресс в Базеле помог нам верно оценить положение наших братьев во всем мире, и, оценив его, мы поняли... нас ненавидят во всем мире... Выходит, что мир действительно прав, говоря о нас, что

мы не народ, а просто так – упрямые людишки, племя жестоковейное – то, чем нас попрекают на каждом шагу?»

*Шолом Алейхем, писатель, классик еврейской литературы
(«Эйникайт». Киев. № 1. 1994)*

«До наших дней еврей неизменно вкрадывается повсюду, как бы домогаясь равноправия. В действительности отнюдь не равноправия ищет он, ибо сохраняет везде свои особые уставы. Он требует тех же гарантий, которыми пользуются все, и, сверх того, – закон исключительно для себя».

*Ренан, французский писатель, историк, филолог
(«Антихрист». 1906)*

«АПТЕКАРИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Палестина Палестиной, но как шли дела на Святой Руси после Базельского конгресса? Люди на тот конгресс слетелись, можно сказать, со всего бела света. Был там и докладчик, и выступающие. Подробно велись протоколы. Все как у всех уважающих себя единомышленников. После конгресса – по его программе – уже через месяц был образован еврейский Бунд, в котором принимал участие некто Цедербаум (Ю. Мартов). Он написал брошюру «Об агитации», в которой предлагал перевернуть Россию, опираясь на опыт еврейской националистической организации.

И вот по весне – года не прошло – прашур российской демократии Бунд разродился этакой невинной наследницей – Российской социал-демократической рабочей партией. Из девяти делегатов пятеро были евреями и трое представляли Бунд. Так что рабочей она, понятно, именовалась только для красоты звучания. Посудите сами. Даже в 1903 году на своем очередном съезде среди 44 делегатов демократы насчитывали лишь 4 рабочих. С похмелья, видно, мужики забрели на тот съезд. Там ведь сплошь была одна интеллигенция: Мартов (Цедербаум), Троцкий (Бронштейн), Лядов (Мандельштам), Землячка (Залкинд), Мартынов (Пиккер), Либер (Гольдман), Ганецкий (Фюрстенберг), Гусев (Драбкин),

Бауман, Шотман, Крохмаль, Мандельберг, Левин, Зборовский, Косовский, Барский и так далее. Протоколы съезда зафиксировали выступления его участников. И опять – свыше 30 раз! – берут слово Либер, Цедербаум, свыше 20 раз – Пиккер, Левин, Ленин. А еще Махновец, Бронштейн, Мандельштам, Калафати...

А в Санкт-Петербурге, в фотографическом ателье господина Везенберга, после Базельского конгресса решила запечатлеться на память компаша из семи человек. На снимке: посредине сидит лысый, по кличке «Старик». Его сразу узнать можно – Ильич, то есть Ленин. По левую руку от него – с челочкой на лбу, ноги калачиком сложил – Цедербаум. Везде он почему-то под фамилией Мартов проходит. Еще до встречи с Лениным, в Вильно, этот Цедербаум собрал 30 своих как бы единомышленников-демократов и закатил им такую речь: «Представьте себе старое, крепкое, громадное здание. Стены его отсырели и поросли мохом. Представьте себе, что кучка людей задалась целью поджечь это здание, чтобы уничтожить его до основания. Но старые, промозглые и отсыревшие стены нелегко поддаются огню, а между тем у каждого из поджигателей очень мало времени; он должен спешить и работать украдкой, так как вокруг ходят часовые, бдительно охраняющие здание, и один поджигатель за другим попадают в руки часовых, не успев поджечь хотя бы один уголок. Вот картина, которая, бывало, представлялась мне, когда я слышал о разных неудачных попытках отдельных личностей вызвать рабочее движение в том или другом углу России.

А теперь мне представляется, что один угол этого здания удалось-таки поджечь и это пламя теперь уже не загасить, даже если тот или другой поджигатель будет пойман на месте. И мне представляется, что это пламя будет постоянно распространяться, все дальше и дальше; и хотя я знаю, что с одного угла не сожжешь громадного здания дотла, тем не менее я вполне надеюсь, что, все разгораясь, пламя будет посылать искры, которые, перелетев на другую сторону этого здания, непременно будут попадать в такие углы, где другие люди бьются над тем же делом и не могут еще похвалиться успехом и где одна искра, попав вовремя, поможет поджечь еще один уголок.

Так пусть все это благотворное, очищающее пламя распространяется все более и более в нашем углу до тех пор, пока оно не встретится с идущим от других углов пламенем и, слившись с ним, превратится в один сплошной, разрушительный пожар!..»

Вот и пошло по Святой Руси баловство со спичками. С одного угла наше царство-государство поджигали сионисты, которые в Гельсингфорсе между собой договорились, с другого – бундовцы, которые установку от маленького еврейчика получили. А тут на помощь и социал-демократы подоспели. Имена поджигателей из их команды известны: Рязанов, Стеклов, Кольцов, Мартов, Дан, Мартынов, Гриневич... Они же – Д. Гольдендах, Ю. Нахамкес, Д. Гинцбург, Ю. Цедербаум, Ф. Гурвич, А. Пикер, М. Коган...

Ну вот еще один из тех трех – крутых – аптекарь Яшка Гаухман. Демократом Яшка стал в 15 годков. В 1904 и 1905 годах он уже Янкель Мовшевич Свердлов, член какого-то там комитета, мечется по старым русским городам – то в Нижнем Новгороде, то в Костроме, то в Ярославле, то в Перьми. Понятно, озабочен – как бы это осчастливить пролетариат России, крестьянство и особенно казачество... Не забывает Янкель Мовшевич и себя.

«Екатерина еще не приехала, приедет на днях, – в ноябре 1904 года пишет он из Костромской губернии в Германию своему приятелю и, между прочим, сообщает, что нанял квартиру и мебели закупил. – Так что, думаю, жить здесь не хуже, чем в Нижнем...» Красиво жить не запретишь. Да у Янкеля Мовшевича по этому поводу вообще проблем не было. В одной из полицейских анкет он открывает секрет своей безбедной жизни: «...жил на средства отца – Мовши Израилевича».

Но вот к Янкелю приезжает девица Катюша Шмидт, и в досье департамента полиции ложится секретное донесение. Непонятно – почему секретное? Ну приехала в Кострому какая-то девица. Там была замечена «в сношениях с политически неблагонадежными лицами», среди которых оказались Б. Грейбер, Г. Грейбер, Я. Свердлов. «С последним состоит в сожительстве, как и с многими другими...» Хорошо, состоит. А пролетариату всех стран какое до этого дело? С кем хочет – с тем и состоит. Днем

она революцией занимается – на стенах листовки расклеивает, а ночью, простите, личная жизнь...

Дела в Костроме с той революцией не клеились – это хуже. В Нижнем были бойцы – Ицков Израилевич, двое Шнееровых. А тут... И пишет Яша опять письмо в Германию своему корешу: «Кроме меня, всего 3–4 человека, из которых только один может идти в расчет». Опять же из документов узнаем, что в Костроме участники «преступной организации: еврейка Ребекка Шеппер, Юлия Горская и Анна Барсова». Ну, до революции ли тут?..

Сам-то Яшка, как свидетельствует один из его биографов, «в соприкосновение с рабочей массой» пришел, будучи еще учеником канавинской аптеки. Один мужик заглянет за таблетками – башка с похмелья трещит. Другой кто, глядишь, за шпанской мушкой пожаловал. Так, незаметно, между порошками, клизмами да микстурой, 15-летний Яшка и влился в авангард рабочего класса.

Между прочим, ведущей и направляющей силой первой русской революции стали именно аптекари. Так уж в России исторически сложилось...

Миней Израилевич Губельман (Ярославский), первый комиссар Кремля, секретарь ЦК РКП(б), главный «безбожник» республики – кто по специальности? Аптекарь. Получив низшее образование, как пишет его биограф, Миней сделался аптекарским учеником.

В «личном фонде» Губельмана-Ярославского, материалы которого после октябрьского переворота он сам собрал в отдельные папки и собственноручно надписал «К моей автобиографии», есть текст «Воззвания». Там такие слова: «Самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и проч., и проч.» будет униженно ползать у ног восставшего народа и молить себе пощады...

Царь-то с достоинством выдержал все унижения, которым подвергли его и царскую семью дорвавшиеся до власти. Мужественно принял последний российский император и мученическую смерть. Тут Миней, как говорится, опростоволосился. А вот сам он трепыхался, когда жандармы арестовали его да в каталажку усадили. Уже через девять дней строит его высокоблагородию господину прокурору Читинского окружного

суда: «Нахожусь в полнейшей неизвестности относительно положения моего дела... Еще раз прошу вас принять меры к тому, чтобы дать нам возможность быть на свободе: речь идет не обо мне, а о целой семье, у которой вы отнимаете возможность и средства существования. Простите!»

«Целая семья» у Миней – это его мать Бройда и сестра. Простили, конечно, выпустили «кормить семью». Но только вышел на свободу аптекарский помощник – ищи ветра в поле! Тут же оборвался. Предстояла веселенькая работа – весь мир разрушить «до основания». И Миней в этом деле отличился – от Божьих храмов, церквей и монастырских обителей России остались одни только кирпичные остовы. «Злобный дух разрушения»...

Но пока Россия еще стояла. «Кучка людей» суежилась, дергалась – никак не удавалось разжечь хотя бы один уголок этой могучей крепости. Наемные убийцы, психопаты, уголовники – все было задействовано, все пущено в ход! С февраля 1905 по май 1906-го они совершили 15 покушений на губернаторов и градоначальников, 267 – на русское воинство, 29 – на торговцев, 12 – на священников.

12 августа 1906 года террористы подорвали бомбой дачу министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина. Тогда погибло 24 человека, 25 были ранены. Неподалеку от места трагедии жандармы схватили одного из подозреваемых, и тот оказался из аптекарей! – помощник провизора товарищ Вейдеман.

Бомбы для подобных мероприятий наловчился делать пермский фармацевт Эпштейн. Он наклепал их воз да маленькую тележку, чтобы хоть один уголок России, но все-таки распалить; готовилось вооруженное восстание в Остзейском крае...

Забегая вперед, отметим еще одного выдающегося аптекаря – товарища М. Лейбинзона. С приходом к власти социал-демократов Лейбинзон забудет свои микстуры и порошки – он станет партийным руководителем в Одессе, Херсоне, затем секретарем Запорожского ГК КП(б) Украины.

А в Минске огонек разжигали маленькой такой компанией фармацевт Хаим Лихтерман, фармацевт Абрам Павловский и Овсей Беллах. «О-отличная компания! О-отличная ото всех!» Но ее накрыли. Свой коresh заложил – Гришка Поляк.

Однако чем были недовольны все эти аптекари? Да хотя бы той же чертой оседлости! Дошла она, конечно, до самой Москвы, аж по центру первопрестольной протянулась. Об этом «Русская медицина» сообщала не без тревоги: «Аптекари-евреи уже берут верх и как грибы растут! В Москве на Тверской – три аптеки еврейские на Петровке, на Долгоруковской, на Кузнецком, на Пятницкой, у Москворецкого моста». Да, но в Кремле-то нет.

Так вот, чтобы и в Кремле поселились аптекари... а уже в боевой готовности стояли и Яшка Свердлов, и Миней-«безбожник», и Исидор Гувовский (этот наркомом финансов заделается!), и Хаим Лихтерман, и Лейбинзон, Эпштейн, Павловский, Вейдеман, Гурвич и прочая, прочая – вот и получайте, дорогие москвичи, маленькую заварушку!

...17 декабря 1905 года «Русский инвалид» сообщил: «К вечеру можно ожидать забастовки фармацевтов. Район Долгоруковской улицы, где во время беспорядков воздвигнуты наиболее сильные баррикады, подвергся опустошению. Несколько домов сгорело, громилы по ночам производили разгром оставленных квартир...» Вот тебе и аптекари! Вот тебе и клизмы с порошками!

Не случайно, видно, «Русская медицина» заметила как-то о московских провизорах и фармацевтах: «Доверия к ним нет, потому что отпускают Бог весть что и как: то на 10 коп. дороже, то микстура весом 6 унций впихивается в 4-унцевую склянку...»

Докладчик на Русском Собрании, говоря об аптекарском деле, подчеркивал: «Дело народного здоровья сплошь в руках инородцев!.. Исколесив почти всю Россию вдоль и поперек, я нашел только в одном русском городе, в Петербурге, единственную аптеку, принадлежащую русскому по крови человеку. Получается очень странное явление, например: у нас в Боровичах – коренном русском городе, не включенном в черту еврейской оседлости, на население свыше 20 000 человек имеются только две аптеки, и обе еврейские. Третьей аптеки закон открыть не позволяет, дабы не нарушить интересы содержателей аптек... Это уже монополия!

Какой-то специалист сделал подсчет, по которому выходит, что мы, обыватели, по аптекарским таксам платим за фунт сахара что-то около

23 руб., а в лавках его можно купить за 14–15 коп. За что мы платим такую несправедливую, непомерную дань инородцам?.. Торговцы с каждого рецепта наживают не 5, не 10, даже не 100 процентов, а гораздо больше!»

Докладчик сетовал, взывая к совести, укоряя инородцев за их «колоссальнейшие барыши», а над Россией уже чадил едкий дым... Со всех сторон ее облепили поджигатели, и в ожидании огня, в нетерпении – когда же, наконец, вспыхнет это «крепкое, громадное здание»! – они выплясывали свой ритуальный танец. Словно вороний грай над Равниной Русской витал их призывный клич:

«Аптекари всех стран, соединяйтесь!»

– А ви уже знаете, кто был первый рэволюцöнэр в Одессе? – спросил меня как-то мой знакомый одессит.

Я не знал. Читал, что был там какой-то марксист – не то Лейба Ляйфер, не то Ляйфер Лейбов. Образовывал он одесситов по теме «товар–деньги–товар». Так его из Одессы поперли. Одессу ли учить, как деньги делать!.. Тогда Лейба покати́л в Кишинев и там принялся обучать евреев марксизму. Но они все словно сговорились и пошли «другим путем!» – кто за бундовцами, кто за эсерами, а кто за сионистами. Были там и демократы, вроде Лейбы, хотя, точнее, не совсем демократы, потому что меньшевики. «Лидеры объединенной партии меньшевицкого толка Гринфельд, Спивак, Лурье, Робей, Гринштейн и другие, – писал потом Лейба, – не только извращали основы наших требований, отвечавших интересам защиты пролетарской революции...» Ну и так далее. Короче, пришлось Лейбе возвращаться со своей пролетарской революцией в Одессу-маму.

А в Одессе тогда вход в обжорку стоил всего лишь гривенник, а там – десятки мясных блюд!

– Но ви-таки не знаете, кто был в Одессе первым марксистом? – до-нимал меня старый еврей.

И однажды обрадовал:

– Таки я вам скажу. В Одессе первым марксистом был Давид Гольдендах. Мальчик в 17 лет перестал учиться, примкнул к рэволюцöнэрам, но потом-таки стал акадэмиком.

– Ну и что? – даже после сообщения об «академике» не разделил я восторгов своего приятеля и припомнил каторжанина Петьку Никифорова.

В Питере этому молодчику припаяли 20 лет каторги. Понятно, не за любовь к пролетариату. Когда Ильича за революционные-то дела отправили в ссылку, так он там поправился, растолтел – на романсы потянуло. А Петька погорел по-крупному. Зато когда свершилась пролетарская революция, Петр Михайлович стал уважаемым человеком. Сначала он был председателем правительства Владивостока, а потом... заведующим хранилищем государственных ценностей!..

Или вот в той же Одессе. В семье чиновника И. Сухомлина родился мальчик. Назвали его Васей. Подрос Вася и начал чудить. Ест с ножа, волосы не стрижет, красную рубаху напялил – шибко на нигилистов хочется походить. А в гимназии – дурак дураком. Директор Севастопольского реального училища рискнул было принять Сухомлина в ученики, но из-за пацана этого одни неприятности пошли. На уроках Васька какие-то запыщенные книжки надумал распространять, тогда его пришлось перевести в Херсон. Потом Васька будет рассказывать о том периоде своей яркой жизни: «Я фактически перестал учиться, так как, побывав во время пасхальных каникул в Одессе, я познакомился с кружком рабочих, группировавшихся вокруг сапожника Ивана Горяинова, и под влиянием последнего решил летом идти с ним в народ, поднимать восстание... Горяинов меня очаровал. Он глубоко верил, что народ готов восстать и что не начинается восстания из-за отсутствия руководителей...» (<http://www.biografija.ru/biography/sukhomlin-vasilij-ivanovich.htm>).

Ваське очень понравилась эта мысль – о руководстве. И вот он пишет о чувствах, обуявших его: «Когда я выразил ему (сапожнику Горяинову. – С.Г.) свои сомнения о том, что гожусь ли я на последнюю роль ввиду отсутствия у меня знаний, он возразил, что до лета я успею подготовиться, что он снабдит меня книжками».

Срок на подготовку в вожди Ваське определили, прямо скажем, сжатый. А у него ведь были еще и уроки в гимназии. Но сапожник Иван Горяинов эту проблему разрешил в два счета: «Что за вздор! Время ли теперь зубрить вокабулы. Бросай к черту экзамены и готовься к борьбе за

народное дело. Сколько у тебя денег?» Денег было около 25 рублей. Тогда сапожник подхватил кандидата в народные вожди под крендель и поволок в оружейный магазин. Из магазина Василий Иванович Сухомлин вышел с огромным револьвером и сотней патронов. Он был готов вести к светлому будущему хоть всю Одессу.

– И ви мене ховорыте о рэволюцёнэрах? У нас в Одессе их было навалом! В одной 3-й одесской гимназии – Беня Шифф, Давид Гринцер, Циперович, Вельтман, Нахамкис... Таки я вам скажу, Миша Вельтман был умный хлопец.

Мой собеседник, настойчиво тыча пальцем в страницу старой политиздатовской книжки, заставил читать ее вслух, и я узнал, что еще в 7-м классе тот Миша начал «работу вне заведения», что ему поручали вести кружок из 8 девиц и что до окончания гимназии он прочитал «Капитал» Маркса и стал убежденным марксистом и социал-демократом.

– А после октября семнадцатого Миша таки стал человеком. Он устроился в наркомат иностранных дел, потом руководил строительным делом всей российской республики, потом был заместителем наркомпроса Украины. Наконец, Вельтман становится председателем Союзной восточной торговой палаты, а заодно и профессором военной академии, – дополнил рассказ о Мише из одесской гимназии мой старый знакомый. Я хотел спросить, как это удавалось Вельтману совмещать несовместимое – и строительство, и просвещение, и торговлю, и военное дело, но меня опять перебили:

– Ви скажете мене, что это за авангард у рабочих? На что я скажу: а Яков Наумович Дробнис – сапожник, который после октября по финансовым вопросам пошел? А Иосиф Соломонович Блейхман, будущий член Петроградского военно-революционного комитета, заготовщик из сапожного цеха? А Моисей Маркович Гольдштейн-Володарский, закройщик мужских брук? Товарищ Гольдштейн вообще... стал комиссаром по делам печати, пропаганды та агитации всей России! А до рэволюцы бедный эврей так бы и порол чужие бруку... А Герш Аронович Радомысльский-Зиновьев? Он не в царском бы дворце сидел, а в своей вонючей торговой лавке конторщиком!..

Я только успевал отсчитывать авангард передового класса: О. Тарсис – дамский портной, будущий член Московского военно-революционного комитета. И. Зеленский – сын портного, будущий секретарь МК партии, сотрудник Московского Продотдела. Шая Исаич Голощекин – зубной протезист, а позже комиссар юстиции Урала, убийца царя. Яков Давидыч Драбкин – будущий член РВС, начальник Политуправления Республики и заведующий отделом печати ЦК ВКП(б).

О Драбкине я кое-что знал: пацаном Яшка был неуправляем. Спустя годы он вспоминал: «Я попал под начало старой бабушки, которая при- нуждала меня ежедневно читать по несколько часов длиннейшие еврей- ские молитвы. Позже к этому присоединилось изучение библии на древ- нееврейском языке под руководством специально выписанного учителя. Результатом этого было непреодолимое отвращение к древнееврейскому языку и ненависть к бабушке, к религии и к Богу».

Отвращение у Драбкина явилось, видимо, не только к бабушке и к Богу, но и к фамилии своей, и к имени. Так что он все заменил и стал Драбкин Яков Давидыч Гусевым Сергеем Ивановичем. Но об этом мой приятель из Одессы почему-то ничего не сказал. Он только перечислял и перечислял авангард всех русских революций.

...Семен Эпштейн – тоже непоколебимый борец с религией бабуш- ки-иудейки. Римма Юровская – организатор екатеринодарской молодежи. Евгения Герр – петроградская красногвардейка. Девки в ряды революци- онного пролетариата косяками поперли. Роня Кранцфельд, Фаня Морей- нис, Софа Шехтер, Софа Рубинштейн, Аня Шнеерсон, Ида Каменер, Лиза Кин, Оля Шлейснер...

«Белых акаций гроздя душистые неповторимы, как юность моя...» – этакое могло ли встревожить души крутых бомбисток?.. Анна Керн да пани Валева вздыхали от поцелуев. А Роня Кранцфельд и Софа Шехтер балдели только от динамита под подушкой! И то сказать, убить царя или прирезать пристава – это не романсы распевать...

Фаня Морейнис, купеческая дочка, с горечью вспоминала свою моло- дость: «С русскими не допускались в семье никакие сношения!.. В доме не было ни одной русской книжки, кроме азбуки и какой-то хрестоматии...»

Фаня признается: «Если бы наши родители узнали, что мы бываем у гоев, они не позволили бы нам выходить на улицу». И правильно бы сделали! С этими гоями только свяжись – быстренько в трусы-то залезут. Вон один из них, по фамилии Есенин, тоже признался однажды: «Что бы я делал без еврейских девушек!..» Вот Фаня и обманывала своего папу Беню и бабушку Сару – и убегала из дому... Видно, находила купеческая дочь у тех гоев что-то и поинтереснее пороха с динамитом.

Впрочем, не все так отбивались от рук и проклинали родных за их старую еврейскую веру. В той же Одессе жил добропорядочный еврей Иосиф Кельманович Вайсбейн и его жена Малка. Все их дети получили высшее образование и стали культурными людьми. Раз был такой случай. Приходит, значит, дочка Вайсбейнов домой и заявляет: «Какой чудесный девиз: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”» Старый Вайсбейн был к тому же умный еврей и ответил: «Да. Только не у нас в квартире...»

В семье Вайсбейнов один только недоучкой рос – Ледя, младшенький. Папа устроил Ледю в коммерческое училище Файга. Но он там долго не продержался. За 23 года существования этого богоугодного одесского заведения сынишка Вайсбейна оказался единственным исключенным из него. То он на уроках Закона Божьего анекдоты примется рассказывать, то батюшку втихоря чернилами обольет. Всем весело – и Ледя доволен. А мечтал он стать циркачом и гнуть подковы, как знаменитый русский силач Иван Заикин.

И вот как-то на пляже Ланжерон Ледя взглянул наверх и увидел утес. «Буду Утесин! – решил он тогда, потом подумал и заменил: – Нет, лучше Утесов». Ничего, стал Утесовым. Слава Богу, не рэволюцöнэром.

И все-таки в те давние шальные годы биографии многих отроков и отроковиц чаще-то начинались именно с маузера, бомбы и классовой ненависти. Так, киевский гимназист Толик Луначарский-Мандельштам-Байлах в 15 годков одолел самую толстую Марксову книжку под названием «Капитал». Может, не случайно потом и был назначен большевиками наркомом по просвещению России.

Мося Гольдштейн-Володарский тоже в 15 лет ринулся в революцию, но он начал не с «Капитала», а с «Малого Бунда».

Сема Нахимсон, как пишут исследователи его светлого пути, 15-летним-то «бундовцем» уже «играл большую роль в революционном движении». Потом он тоже к большевикам переметнется.

16-летним в социал-демократическую партию вступят Иося Таршис, Бела Кун, Карл Собельсон-Радек, Арон Ванштейн – они все станут потом большими начальниками рабоче-крестьянской республики. А вот все рекорды побьет будущий нарком торговли Н. Б. Эйсмонт – он в марксизм ударился 13-летним пацаном! Еще вот Соломон Лозовский (это будущий начальник Совинформбюро) тоже в 13 лет порвал с религией предков и «увлекся революционной деятельностью».

Как у таких все получалось? Нынешние-то только на дедушкины деньги в аглицких колледжах глаголы зубрят или в ларьках сникерсами приторговывают – от Москвы до самых до окраин... Ну, да по-разному и у тех светлый путь начинался. Тот же Собельсон в 16 годков одолел «Анти-Дюринг» Энгельса и первый том «Капитала». После этого на крестьянском собрании как даст речь о мировой революции! – все и попадали. Понятно, из гимназии его выгнали, так он отправился в Швейцарию, чтобы «глубже продумать вопросы рабочего движения». В Швейцарии, говорят, вообще хорошо думается. Там, в Берне, Собельсон впервые услышал Ильича. Что тот Ильич говорил, как потом сам Собельсон признался, «не понял ни слова». А Плеханов-марксист на юного борца за счастье народное вообще произвел «отвратительное впечатление»! Такой вот крутой пацан был.

Ну, с румяных-то гимназисток тем более какой спрос? Была вот пламенная революционерка Н. А. Юргенсон. Спустя годы она откровенно рассказывала, что когда ей попалась «политэкономия» Д. С. Милля, то ни черта в ней не поняла! Хотя гимназию девица окончила с золотой медалью.

Что уж тогда говорить о таких, как Васька Алексеев? Этот от природы дурак дураком был. Только исполнилось 16 лет – тут же записался в социал-демократы. Красиво звучит! И что же дальше? Если верить большевику И. Скоринко, тот Васька, едва став демократом, сразу же «начал выдвигаться как великолепный пропагандист, последовательный

и вооруженный марксистской идеологией работник-революционер». Работать, как все, Васька не хотел. «Его выкидывали с одной фабрики, занося в “черный список”, – он поступал на другую, чтобы через несколько дней вылететь вновь на улицу, согласно справке администрации прошлого завода или же за революционизацию рабочих», – рассказывают о «великолепном пропагандисте» его современники и припоминают, как они «дурили»: во время рабочих стачек свистели, орали, останавливали моторы, станки, носились по мастерским. «Мы хотели быть героями революции, – признается товарищ Скоринко. – У нас был энтузиазм, кипела молодая энергия, а девать ее было некуда. Мы стали говорить о терроре...» Ну, вот и занятие для Васьки! – что там языком-то шлепать. Говоруны лучше из аптекарей получались...

В 1906 году в «Новой Цюрихской газете» появилась странная заметка. «Считаем своим нравственным долгом указать на гнусность образа действий русских революционеров: так как несовершеннолетние не подлежат смертной казни, то революционеры вербуют подростков и тренируют их для убийств, – писала швейцарская газета. – К сожалению, они могут похвастаться в этом деле большим успехом. Они пользуются истеричными женщинами, и такого рода извращенные существа – продукты вырождения – были посланы против Чухнина, Клингенсберга, Каульбарса и Сахарова. Таким образом, образовалась своего рода антреприза убийства, которая поистине изумляет своею подлостью и низостью. Можно ли представить что-либо более подлое и трусливое?»

Не у всех так ловко получалось и на ниве пропаганды, как у интеллигента Аптекмана. Не случайно сионистский вождь Жаботинский, анализируя первую русскую революцию в статье «Еврейская революция», обобщая, так сказать, передовой опыт, указывал, каким должен быть «герой, чтобы повести за собой “толпу”». Тут, оказывается, мало быть речистым – к людям герой должен явиться «с хорошим открытым лицом».

Вот и проблема – где взять такое лицо?.. Мясистые уши торчат, как лопухи. Шнобель висит – жуть! – смотреть страшно. К тому же еще губошлеп, еще и причмокивает. А эта предательская буква «р» – лучше и

не вспоминать! Словом, Хаим Циперович – не Иван-царевич, и можно сказать, из-за одной какой-то несчастной буквы первую-то революцию на Святой Руси демократы прошляпили! «Речистый добрый молодец не появлялся, а выходили больше “знакомые все лица” – с большими круглыми глазами, с большими ушами и нечистым “р”... – сетовал Жаботинский. – Выходили евреи и говорили о чем-то, и толпа слушала их без злобы, но без увлечения; чувствовалось, что с появлением первого оратора-еврея у этих русаков и хохлов мгновенно создавалась мысль: жида пошли...» (<http://iknigi.net/avtor-vladimir-zeev-zhabotinskiy/73992-evreyskiy-legion-sbornik-vladimir-zeev-zhabotinskiy/read/page-1.html>).

Признаем, поэт Жаботинский умел и наблюдать, и видеть. Чего не скажешь о «знакомых лицах». Они валили на сходки, митинги, переодевались-рядились и в рабочих, и в матросов, и ползли, ползли по всей Руси великой, по всем-то ее городам и весям, вкрадчивые, лукавые речи фарисеев да книжников.

Аптекари легко переходили из одной партийной веры в другую. Скажем, из кадетов в синонисты – известный депутат Госдумы Винавер; из анархистов в «хлебовольцы» – одессит Иуда Гроссман, он оказался в Вильне и примкнул там к Хаиму Лондонскому; из меньшевиков в большевики – тот же Троцкий; из «бундовцев» в меньшевики, а порой – прямо в осведомители охраны! При этом они постоянно склочничали, грызлись, придумывали друг другу оскорбительные ярлыки (демократы в таких делах, известно, крутые мастера!). Ильич, например, как только не крестил Троцкого, кем только тот бедолага не был – и «иудушка», и «проститутка», и «подлейший карьерист», и «фракционер»... Но весь этот шум-гам, вся эта возня были обычным семейным скандалчиком, который заканчивался для них, как правило, по-мирному. Тот же «иудушка» – товарищ Троцкий – станет одним из вождей рабоче-крестьянской республики, вторым человеком в России после товарища Ленина, будет вести народы к свободе, равенству и братству.

Между прочим, папаша Троцкого, Давид Бронштейн, был богатющий мужик. В Херсонской и Екатеринославской губерниях Давид скупил у по-

мещика Яновского свыше 100 десятин земли да десятин 200 держал еще в аренде. Как вспоминает пролетарский вождь, в годы больших посевов Бронштейны нанимали работать на себя сотни рабочих!

Вообще эта анкетная деталь российских революционеров весьма-с любопытна. Вот, пожалуйста.

Михаил Абрамович Морейнис. Родился в зажиточной еврейской семье купца из города Николаева.

Натан Менделевич Богораз. Тоже из семьи богатого еврейского купца. Его дед был раввином.

Александр Самойлович Пикер – из богатой семьи еврея-лесоторговца.

Григорий Усиевич – сын тамбовского купца.

Иосиф Гольденберг – сын симферопольского купца.

Лейзер Гольденберг-Гертройтман – сын одесского купца.

Адольф Абрамович Иоффе – тоже из купеческой семьи.

Арон Сольц родился, как он сам пишет, в «довольно зажиточной купеческой семье».

Яков Фюрстенберг (Ганецкий) – из бужуазной, зажиточной семьи. После великого октября он будет главным комиссаром – управляющим банка, а потом перейдет на работу с циркачами – возглавит Гособъединение музыки, эстрады и цирка.

Моисей Фрумкин стал заместителем наркома внешней торговли. Родители Фрумкина, по воспоминаниям комиссара, вели торговые операции хлебными продуктами в Западной Европе, арендовали винокуренные заводы и поставляли спирт для заграничных рынков.

Лев Дейч – крутой марксист, сторонник Г. Плеханова. Родом из очень богатой купеческой семьи.

Хаим Житловский – из семьи купца.

М. И. Гольдман-Либер – из семьи крупного коммерсанта. Кстати, соученик Ф. Э. Дзержинского по гимназии. Вместе начинали.

В. М. Загорский – из зажиточной семьи.

Х. Г. Раковский – из зажиточной семьи.

М. С. Урицкий – из семьи купца-толстосума.

Из богатой купеческой семьи был и боевик Илья Швейцер. Мужик заряжал бомбы для покушения на великого князя Владимира Александровича. Одна взорвалась – его и разнесло на куски. Кстати, с ним в паре работала знаменитая Дора Бриллиант, поражавшая всех террористов своей жаждой убивать. Выросла Дора в богатой купеческой семейке.

Бомбисты-эсеры Абрам и Рафаил Гоцы были внуками миллионера К. З. Высоцкого, известного московского чаеоторговца. В 1939 году Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Абрама к 25 годам лишения свободы. Это пламенного революционера!.. Впрочем, ничего удивительного. Ведь стал внук знаменитого чоновца Хайдара (Гайдара) ярким врагом советской власти, отпетым демократом.

Или вот еще. Лауреат Сталинской премии писатель А. Рыбаков уже в годы реформ и перестройки России сообщил через газету, что у него и мама еврейка, и дедушка еврей. Это, конечно, интересно, но не очень. Товарищ Рыбаков еще заявил, что он всегда гордился Израилем и тем, что Израиль отстоял свое существование. Это тоже интересно, но не слишком. Интересно другое – то, как писатель решил однажды писать романтическую новеллу, которая превратилась в семейный роман. Так вот там дед автора – бедный еврей-сапожник. А на самом деле, признается писатель-лауреат: «Дедушка мой, конечно, был не сапожник, как в романе, он был купец, богатый человек. В его доме потом Горсовет расположился». Писатель по этому поводу пошутил: «Кстати, я могу сейчас его приватизировать» (смеется).

Посмеемся и мы, а потом спросим себя: «Так кто же в России, этой “тюрьме народов”, был – словами другого писателя-“буревестника” – “порабощен тяжелой царской властью”?»

Как заметили классики марксизма-ленинизма, порабощен был, конечно же, рабочий класс. А ему терять нечего, кроме цепей. Так что, как учит «Краткий курс истории ВКП(б)», «вождем буржуазно-демократической революции может быть только рабочий класс».

Вот в 1905 году революционеры, типа вождя революции Гельфанда Парвуса, и сделали ставку на рабочих. Известный нынче публицист,

историк А. С. Ципко уточняет по этому поводу – «ставку на рабочих, лишенных здравого смысла». По его мнению, союзниками революционеров «всегда были люди, лишенные способности думать».

Так это или не так – не будем гадать. Доподлинно известно другое. Едва прогремело так называемое «кровавое воскресенье», Парвус не стал перерезать телефонные провода и брать штурмом мэрию, он тут же объявил о создании рабочего правительства! Этакая стремительность «в борьбе за это» перехватила дыхание даже у Ильича.

Он в то время сидел в библиотеке на Гранд-рю, 11 – чистенькой, ухоженной улочке Женевы – и читал книжки. Как вспоминает Надежда Константиновна Крупская, Ильич обдумывал о «пятках» и «девятках», писал, что надо вооружаться – кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином. Все это, понятно, для того, чтобы поджечь Россию.

«А Парвус и Троцкий ничего этого не делали, но просто объявили и собрали новую форму правления: Совет рабочих депутатов, – пишет А. И. Солженицын. – И никого не спрашивали, и никто не помешал. Чисто рабочее правительство! – и вот уже заседает! И всего-то приехали на каких-нибудь две недели раньше остальных – а все захватили». Так ведь соображать надо веселей. А то: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»... Хрена ли бродить-то!

Ильич обиделся: «Троцкий – подлеший карьерист!» Ну, какой же Лейба Давидыч карьерист? Он с рабочими – в рабочем правительстве. Кто в правительстве? Ну, как кто? Израиль-Парвус, Троцкий-Бронштейн, Хрусталеv-Носарь, Фейт, Гольденберг, Бревeр, Брулер, Бруссер, Мацейев, Эдилькин... Вот во второй раз – это уже в 1917-м – Ильич обгонит Лейбу – тот даже ахнуть не успеет! Пока Лейба будет плыть на пароходе из Америки-то со своей компашкой в 265 агитаторов, товарищ Ленин с броневики уже и речь закатит. Придется Лейбе срочно перестраиваться. Да только ли! Хорошо, что у демократов это без особых проблем получается.

Но если учесть, что кроме этих демократов на Святую Русь слетелись Бунд, марксистская социал-демократическая партия, сионистско-социа-

листическая («Серп»), еврейская СДРП «Поалей Цион», еврейская социалистическая, еврейская территориальная... А социал-революционеры? А так называемые польские социалисты?.. У этих специалистов по революциям только названия разные, а присмотришься – все одинаковые! Кому верить?.. Перед такой дилеммой и оказался в начале века сын бедного сапожника Джугашвили.

Возможно, не слишком толерантно, но темпераментно пылкий Коба все-таки разобрался, по-своему вычислил – с этими «обрезанными» ему не по пути! И оказался он среди большевиков. Где-то там, за пограничными столбами России, в мечте о мировом пожаре из «Искры» они высекали пламя. Каждые две недели тайно в Россию доставлялся тираж газеты с этим названием – 10 тысяч экземпляров, а еще – 10 тысяч журнала «Освобождение».

Спустя годы кремлевский сановник В. Бонч-Бруевич поделится опытом «влияния на людей через средства массовой информации». В книжке «Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии» он рассказывает, что не только российские губернии, но и десятки приморских городов Индии, Китая и океанских островов были завалены крамольными брошюрками. «Мы прекрасно знали, что всякий матрос, очутившийся на берегу, изо всех сил постарается захватить с собой произведения нашей заграничной печати!» – восторженно вспоминает бывшее товарищ Бонч, но скромно умалчивает о том, что деньги-то на всю ту печать, направленную на расшатывание России, бросал из своих банков товарищ Яков Шифф.

Конечно, не только социал-демократы получали денежное довольствие на «дело революции». Согласно «Лондонской еврейской хроники», более 7 000 000 рублей из-за границы получили бундовцы. На основании отчетов Бунда стало известно, что только за 10 месяцев 1905 года работники его распространили 2 000 000 летучих листов, 8 номеров революционного ежемесячника – 246 000 экземпляров, 480 000 прокламаций. В 1905 году Бунд имел уже в своем распоряжении пять типографий, в которых работало 125 человек. Содержание их, без прочих операционных

расходов, обходилось около 7000 рублей в месяц. Кроме того, в 1905 году контрабандным путем Бунд ввез из-за границы в Россию более 260 пудов революционной литературы.

Бундовцы и социал-демократы (особенно из меньшевиков) настолько переплелись, что не вдруг-то было и разобраться, где кончаются одни и начинаются другие. Возникла партия «кадетов» – пожалуйста, ведущие позиции в ней заняли господа М. Винавер, И. Гессен, Г. Слиозберг, Г. Иоллос, М. Мандельштам, М. Шефтель. В партийном органе «Речь» сотрудниками определились господа-товарищи М. Ганфман, А. Ланда, Н. Эфрос, Л. Кличко, В. Ашкенази, А. Кулишер, С. Поляков-Литовцев, а редактором – И. Гессен. В газете «Русские ведомости», близкой по духу «Речи», команда подобралась не более интернациональная – Г. Иоллос, И. Левин, Н. Эфрос, Л. Слонимский, Г. Шрейдер, М. Лурье-Ларин, Ю. Энгель, П. Звездич, В. Жаботинский. Ну, о киевских газетах и речи нет. В «Киевской мысли» Наумов, Литваков-Лиров...

А вот список, опубликованный в «Харьковских губернских ведомостях». В 1908 году, сообщали эти «Ведомости», русские газеты в Государственной Думе представляли:

«С.П.Б. ведомости» – Арон Гессен,
«Русь» – Шльома Менделевич Абилович,
«Товарищ» – Рубин Маркович Бланк,
«Петербургский листок» – Арон Мовшевич Черкасский,
«Сегодня» – Авраам Янкелевич Кречмер,
«Речь» – Лейба Мовшевич Неманов,
«Русское слово» – Абрам Руманов и Авраам Стембо,
«Русский голос» – Абрам Янкелевич Столкинд,
«Слово» – Яков Борисович Лифшиц,
«Одесский листок» – Авраам Лейбович Цитрон,
«Одесские новости» – Соломон Эрманс,
«Киевская мысль» – Соломон Балабанов,
«Киевские новости» – Натан Кугель и Лейба Неманов,
«Южный край» – Авраам Соломонович Цитрон,
«Саратовский листок» – Янкель Лифшиц,

«Тифлисский листок» – Авраам Лазаревич Стембо,
«Современное слово» – Лейба Неманов,
«Биржевые ведомости» – Кречмер,
«Вечернюю газету» – Зайкин,
«Час» – Самсон Самсонович Ароновский,
«Виленский вестник» – Тан,
«Бессарабскую жизнь» – Волькенштейн,
«Астраханский листок» – Бернштейн,
«Голос Москвы» – Эттингер.

Однако что это за люди, чье усердие в конце XX века пришлось исправлять? И. Гессен – масон (ложе не установлена), М. Винавер – масон ложи Великого Востока Франции, Г. Слиозберг – сначала сионист, потом масон, один из основателей Великой Ложи, учредитель «Бнай Брит» во Франции, основатель ложи «Логос», член Верховного Совета Народов России. У него была 33-я ступень – такая нынче, говорят, только у помощника комбайнера Горбачева.

Все эти ложи – «Астрей», «Гермес», «Лотос» и т. д. – чем они отличаются друг от дружки? Не поймешь! Не рассказывают ведь. Спроси-ка у того помощника комбайнера – та-акую рожу скорчит... А сведения-то о масонах и в Особом архиве, и в архивах КГБ, французской службы безопасности «Сюрте Женераль», в редчайшем Библиографическом словаре русской эмиграции Н. Берберовой. Бесконечен ряд «вольных каменщиков»: М. Мандельштам – ложа «Акация», В. Ашкенази – ложи «Аврора» и Великого Востока Франции, А. Кулишер – «Гермес». Среди масонов С. Поляков-Литовцев, В. Жаботинский, Р. Бланк, Л. Неманов, С. Эрманс, О. Бернштейн... Эти упомянутые «братья» почти все были депутатами Госдумы. Но дружный хор «работников Вселенной» вызывал далеко не однозначную реакцию у их современников.

«Неужели евреи больше нас, чистокровных русских людей, болеют и заботятся о наших национальных нуждах, лучше нас лелеют наши идеалы, им более близки и дороги сила, слава, честь и благоденствие нашего Отечества?» (это из речи предводителя московского дворянства И. Радионова).

«К вам обращаю мою священническую речь, хотите слушайте, хотите не слушайте, – но я говорю вам как искренно верующий собрат», – это из выступления святителя Иоанна Кронштадтского. Святой отец не раз обращался к «злонамеренным писателям, сделавшим слово печатное орудием клеветы, обмана, соблазна, торговли и издевательства над всякой святыней», взывал с верой и надеждой: «Перестаньте безумствовать. Довольно! Довольно пить горькую, полную яда, чашу – и вам, и России...»

Но не доходили до «злонамеренных» слова пастыря, и тогда с гневом обличал их страстный пламенный публицист протоиерей И. Восторгов: «В последние годы, когда назревала и прорвалась гноем и смрадом наша пьяная, гнилая и безбожная, самоубийственная революция, мы увидели страшное зрелище! Ничего не пощадили ожесточенные разбойники, не пощадили ни веры, ни святынь народных... Поползла гнусная сплетня; газетные гады, разбойники печати вылезли из грязных нор. Еврействующая печать обрушилась грязью на св. о. Иоанна. Нужно им разрушить народную веру; нужно опустошить совесть народа; нужно толкать народ на путь преступления; нужно отомстить человеку, который так долго и успешно укреплял веру, воспитывал любовь к Царю и Родине...»

Не случайно после октябрьских 1905 года еврейских погромов сенатор Турау докладывал: «Большинство еврейской молодежи осознало беспочвенность иллюзий сионизма, находя, что при помощи банков нельзя приобрести нового отечества. Оно только в революционном движении ищет спасения...» (См.: К истории киевского погрома: Всеподданнейший отчет о произвед. по высочайшему повелению сенатором Е. Ф. Турау исслед. причин беспорядков, бывших в г. Киеве в окт. 1905 г. Киев: С. М. Богуславский, 1906; Киевский и Одесский погромы в отчетах сенаторов Турау и Кузминского. С предисл. И. Непомнящего. Санкт-Петербург: Летописец, [1907]).

Господин сенатор сделал правильный вывод. Действительно, в 1906 году в Гельсингфорсе съехались сионисты и постановили: «Бороться за свержение монархии! Бороться за расчленение России на национальные области!»

В том же году, как сообщали «Московские ведомости» (№ 192 от 4 августа 1906 г.), состоялся съезд Бунда. Немедленно по закрытии съезда в частной синагоге купца Бухбиндера собрались только руководители бундистов. И вот в 2 часа ночи на заседании появляется маленький еврейчик и от имени «Всемирного Союза Братьев» выражает недовольство: «Бунд весьма увлекается и уходит в сторону от главной идеи, от главной цели. Его сбил с пути сионизм, и он не понял, для какой цели “Всемирный Союз Братьев” пустил в идею сионизма». А дальше он делает такое заявление: «Неужели вы, братья мои, думаете, что израильский народ может и должен быть доволен, если ему отдадут этот маленький, выжженный солнцем и превращенный в твердый камень клочок земли? Зачем нам весь мир променять на маленький клочок земли?»

Кто был тот маленький еврейчик, «Московские ведомости» не сообщали. Но известно, что Ахад-Гаам, основоположник духовного сионизма, говорил то же: «Неужели мы столько страдали, чтобы в конце концов основать крохотное государство, которое будет игрушечным мячом в руках великих держав?»

— Так это же таки так, — заметил один мой знакомый из Одессы. — На черта бы нам с Сарой те палестинские болота? Пусть там лягушки квакают. А Ханкин захотел — пусть ему будет...

— Тут и я имею вам сказать пару слов, — вмешалась Сара. — В 1902 году в Одессу приехал Шаляпин. Так вот пел он на сцене «Жизнь за царя», и ви знаете, что мине сдается? Мине сдается, что у нас в Одессе уже тогда были эти космополиты, о которых имеют интэрес демократы. Они, ви знаете, что сделали? Они ни разу не вызвали Шаляпина на «бис». А потом, когда Шаляпин снова приехал в Одессу, это было уже в 1905-м, так они написали ему такое... Если ты будешь петь «Жизнь за царя», тебе не жить. Хорошенькое дело, скажу я вам... Но вообще говора, после царского Манифеста от 17 октября в Одессе начался-таки погром. Пять дней убивали эврэев, и за что? За то, что эврэи намэревались провозгласить «дунайско-черноморскую республику» со столицей в Одессе? Но такой интэрэс имели и эврэи-бундисты в Сорочинцах.

Они хотели провозгласить «сорочинскую республику». Так и что? Такая большая страна могла бы и разделиться...

Ах, какая жизнь была в старой Одессе! Все еще были молоды и не расстреляны... Слушайте, а где еще в мире могли сделать такую фаршированную рыбу, как в Одессе? Где еще вы сможете кушать копченую золотистую скумбрию? А как вы обойдетесь без шоколадной халвы с орехом? Кофейное заведение Либмана. Пивная Брунса, что на Дерибасовской, – первая на всем земном шаре...

Так рассуждала моя знакомая тетя Сара, а я замечу, к слову, что в Одессе в те славные годы жил купец второй гильдии Мельцер. Торговал он фарфором, и было у него четверо детишек. Сначала шел мальчик по имени Мунц, за ним шла старшая дочь Роза, за ней Ханна-Ревекка, за Ревеккой – Юдифь. «Дети ходили в гимназию, мадам Фанни – на рынок в сопровождении горничной, несшей огромную плетеную корзину для провизии, дед успешно занимался торговлей, – вспоминала потом дочь Юдифи Мельцер Галина Яковлевна. – По воскресным дням в доме шла генеральная уборка, и девиц отправляли обедать в город. Роза (ей, как старшей, вручались бразды правления), цыкнув на сестер, чтобы не проговаривались, закармливала их пирожными у Фанкони, катались на извозчике, а на остаток покупала английские открытки. Летом была дача на лиманах, прогулки на лодке и яичная скорлупа, летящая в волны под присказку «рыбам, ракам, крабам!»...

Так вспоминала о былом дочка Юдифи Мельцер, и «мине сдается, на черта было после такой-то жизни устраивать шмон с теми рэволюцöнэрами?» Впрочем, сами Мельцеры, как говорят в Одессе, «этих глупостей не занимались». Это их свояк был рэволюцöнэром. Не то грузин, не то осетин – Коба. Его еще звали просто товарищ Сталин...

КОБА – БОЛЬШЕВИК

А что же Коба? О чем мечтал, где жил этот кавказский революционер? Может, врался к власти, как братва из Швейцарии, мечтал о роскош-

ной жизни? Нет, о личном устройстве он никогда не заботился. Писатель И. Сургучев вспоминает:

«Однажды, будучи студентом, я приехал в Ставрополь на летние каникулы. После обеда, по обыкновению, отец ушел в спальную соснуть, а я часто оставался в столовой и читал. Стук в дверь, пошел отворить: стоит молодой человек кавказского типа.

– Что вам угодно?

– Позвольте отрекомендоваться: Иосиф Виссарионович Джугашвили. Я вчера бежал из Тифлиса, за мной следит полиция. Мне надобно временно пожить на нелегальном положении. Ваш дом считается в Ставрополье очень благонадежным, шпики сюда не рискнут заявиться. Не возьмете ли меня к себе поваром? Я отлично смыслю в кулинарии.

Я пошел к отцу.

– Какой-то Джугашвили – нелегальный – предлагает себя в повара.

– А ты спроси, умеет ли он готовить «шашлык по-карски». Если умеет, мы его берем...

И он стал служить, поставив условием, что после обеда будет уходить и возвращаться за час до ужина. Принес маленький чемоданчик с жалким скарбом – все имущество...

Готовил прекрасно, отлично, мастерски. Отец был доволен. Часто я с нашим поваром вдвоем ходили в театр на галерку и возвращались поздно, потому что спускались в погребок и попивали кахетинское. Парень он был компанейский. Политических разговоров мы с ним не вели: я всегда до них был не охотник, и он, очевидно, остерегался. Декламировал из поэмы Руставели “Витязь в тигровой шкуре” – по-грузински и отчасти казался энтузиастом... Проходили недели и месяцы. Вхожу как-то утром в кухню – пусто. Ни Иосифа, ни чемоданчика. Исчез навсегда. Не забрал следующего ему за полмесяца жалованья...» (<http://expert.ru/south/2012/37/stalin-i-stavropole/>).

В 1903 году, когда Сталину шел 24-й год, он женился. Екатерина, кроткая девушка из грузинской деревни, была воспитана в священных восточных традициях, обязывающих женщину служить мужу, и она заботилась о своем Сосо, молилась, чтобы он оставил какие-то тайные собрания, печатание каких-то книжек, от которых одна беда только.

Не суждено было Като (Екатерине) вымолить мужа для спокойной семейной жизни, как у всех людей. В 1907 году в их семье родился мальчик, назвали его Яковом, но в том же году Като не стало – она умерла от брюшного тифа. Товарищ Сталина по семинарии Иремашвили вспоминал, какое душевное страдание отражало лицо Кобы, как на кладбище он положил правую руку на грудь и сказал: «Здесь, внутри, все так опустошено, так непередаваемо пусто...»

Сына Яшу до 14 лет воспитывала сестра жены Сталина, а сам он продолжал революционную борьбу.

Судьба Кобы-революционера была полна лишений и невзгод. Его семь раз арестовывали и отправляли в ссылки, на поселения – в Иркутскую губернию (село Новая Уда), в Сольвычегодск, в Вологду, в Нарымский край, в Туруханский – поселок Курейка. В вину ему вменяли то выпуск нелегальной грузинской газеты «Брдзола», то уличные демонстрации или организацию «маевки», а то и руководство экономической забастовкой на батумских предприятиях Ротшильдов.

Мужественно держался Сталин и в тюрьме. Вставал рано утром, делал гимнастические упражнения, днем изучал немецкий язык, экономическую литературу. В тюрьме Сталин держал себя независимо, что начальству не нравилось, и его часто подвергали наказаниям. Известен случай, когда Сталина прогнали сквозь строй солдат Сальянского полка. В Париже в 1928 году один эмигрант вспоминал, как это все происходило:

«Били прикладами – не по голове, чтобы не убить сразу, но по спине и по плечам – чтобы продлить муки. Немногие выживали после этого. Некоторые от боли и напряжения сходили с ума. Никто не доходил до конца страшного строя. Сталин сказал себе, что дойдет. Взял какую-то книгу – и когда шел, старался сосредоточиться на ее мыслях и не думать об ударах. Он шатался. Но стиснул зубы – и дошел до конца строя. Уже там свалился. Но выжил. Когда оправился – бежал и снова начал подпольную работу».

Известна история, как Коба, по заданию Ленина, организовал с горячими кавказцами экспроприацию большой суммы денег из тифлиского

банка. Интересно, чьи там бабки были – миллиардера Ротшильда, запустившего лапу к российской нефти, Гирша Гинцбурга – владельца золотых приисков, а может, пращура Ромы Абрамовича – казначея ельцинской семьи?.. Одно доподлинно известно: большевик Коба из тех денег не взял себе ни копейки, вся сумма была передана партии.

Кто интересуется историей родного Отечества, кому не безразлична судьба России, знают, что всем большевикам хоть и предписывали один Марксов лозунг – насчет пролетариев всех стран, но как по-разному понимали они ту революцию и как по-разному видели себя в ней. Надо сказать, по-разному и доставалось им в тех же ссылках.

Скажем, жизнь ссыльных регламентировалась одними установками. «Царская полиция, посылая революционеров в ссылку, обеспечивала их постоянным жалованием, оплачивавшим их стол, квартиру и прочие расходы, – вспоминает бывший секретарь Сталина Б. Бажанов и замечает: – Им оставалось ничего не делать и продолжать заниматься революционной деятельностью» (<http://www.xl3.ru/krasnie/bajanov/bajanov3.htm>). И вот, к примеру, отправляется в ссылку государственный преступник В. Ульянов (Ленин). Его матушка, вдова статского советника, бомбит департамент полиции просьбами позволить ее сыну ехать в ссылку как белому человеку – за собственный счет, ввиду его «слабого здоровья»; затем разрешить ему побывать в Москве – «из-за ее болезни»; затем продлить Володино пребывание рядом с нею...

Врач В. Крутовский, попутчик Ильича по дороге до Красноярска, вспоминал потом: «Начиная от Тулы я на каждой остановке поезда замечаю молодого человека небольшого роста, довольно худощавого, с маленькой клинообразной бородкой, очень живого и подвижного, который все ссорится с железнодорожным начальством, указывая на ужасное переполнение поезда и требуя прицепки лишнего вагона» (<http://www.proza.ru/2011/02/17/1772>).

А тем временем генерал-губернатору Восточной Сибири письмо от госпожи М. А. Ульяновой доставили. Матушка Ильича пробивала ему место ссылки в каком-нибудь из южных городов Енисейской губернии

или в самом Красноярске. Позже к этой работе подключится и ссыльный: будет просить Красноярский округ или благодатный Минусинский край. Просьбу удовлетворяют.

Но государственный преступник Ульянов что-то еще не дописал о «развитии капитализма» – ему необходимо было месяца два поработать в библиотеке. Ну что ж, человек думает, как царя-государя свергнуть, весь царствующий дом уничтожить, всех помещиков, дворян, купцов, царских офицеров, священников да шибко умных философов извести. Пусть вон у купца Юдина и прикидывает, как все это заварить. Благо у того дома прекрасная библиотека – в восьми огромных комнатах размещались известные исторические, экономические, философские работы. Без проблем Ильич получал корреспонденцию и от матушки, и от Маняши, сестры своей. Как-то в один день сразу три письма пришло!

Короче, молодой и динамичный Ильич поселился для отбытия наказания в селе Шушенском. «Шу-шу-шу – село недурное», – писал он матушке и рассказывал, что вокруг много дичи, что он уже стрелял по уткам и дупелям, что еще здесь есть белки, соболи, дикие козы, олени... Словом, устроился хорошо. Ненавистное царское правительство на содержание, одежду и квартиру выдавало каждому ссыльному по восемь рублей. Много это или мало? Так, например, корова там тогда стоила пять рублей, а лошадь – шесть-семь. Ссылные люди без «достатка» вынуждены были, конечно, подрабатывать – устраивались на разные службы, правительство в этом никому не препятствовало.

Но Ильич и в ссылке работать не стал. Мамаша ему регулярно высылала деньги, о чем свидетельствует семейная переписка, так на черта где-то еще там подрабатывать! В январе 1898 года Ильич сообщает: «Финансы получил, дорогая мамочка, и первые, и вторые (т. е. от 28.XI и от 20.XII). Теперь у нас и пособия получают правильно, так что дело в этом отношении вошло вполне в норму, и я думаю, что долго (сравнительно) не понадобятся никакие экстрадобавления».

«Сравнительно» долго – по Ильичу – это два месяца. В марте он уже просил: «С Н.К. (Надежда Константиновна Крупская. – С.Г.) пришли мне, пожалуйста, побольше финансов... Расходы могут предстоять изрядные...»

Дело в том, что царь всем ссыльным разрешал не только по лесам да полям бродить – уток да зайцев постреливать, они ездили друг к другу в гости, женились, крестились, словом, вели вполне светский образ жизни. Вася Старков, один из деятелей «Союза борьбы», писал жене: «Сегодня получил письмо от Владимира Ильича, в котором он зовет к себе всю минусинскую братию (тебе есть особое приглашение) и вышлет даже за нами тройку. По всей вероятности, поедет большая компания. По письму “Старика” видно, что он думает и надеется провести время с треском: коньки, шахматы, пение, пляс, ружье – вот главные занятия...»

Шуша, конечно, не Париж, не Венеция, но и там деньги требовались, если жить «с треском». По-хозяйски рассудительно о жизни в сибирском селе свидетельствует Надежда Константиновна Крупская: «Дешевизна в этом Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое “жалованье” – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья – и то считалось, что дорого платит, – вспоминает жена вождя. – Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили изо дня в день, пока всего не съест; как съест – покупали на неделю мяса, работница во дворе – в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, – тоже на целую неделю. А молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича, и для его собаки...» (<http://leninism.su/books/3599-lenin-drugoj-lenin.html?start=4>). Надежда Константиновна пишет, что и с огорода поступала на стол Ильича всякая всячина: горы картофеля, огурцов, кислой капусты, свеклы, тыквы... О минеральной воде, прописанной для желудка швейцарским доктором, товарищ Ленин и «думать забыл» – это через месяц ссылки. А четыре месяца спустя он писал матушке, что растолстел, загорел и «сразу все питерские болезни побоку!».

Будущая теща Ильича, прикатив в Шушу с дочкой, увидала его да с непосредственностью командирши так и ахнула: «Эк вас разнесло!..» Жена русского офицера Елизавета Васильевна до последнего своего дня так и не могла понять: что же это за работа такая – профессиональный революционер?... Здоровые молодые мужики ничего не делают, похоже,

и не собираются что-то делать, – как же это понимать-то?.. В шашки играют, охотятся в свое удовольствие, на тройках катаются – и это ссылка?.. Лысый, которого и в Петербурге, и здесь, в Шуше, все «Стариком» звали, с собой рояль привез, а как Наденьку увидал – на романсы потянуло... Заметим, по делу «Союза борьбы» Надежда Крупская получила ссылку в Уфимскую губернию, а не в Сибирь. В письме своей свекрови она невозмутимо заявила: «Все же жалко, что я не мужчина, а то бы я в десять раз больше шлялась...» Милое признанье будущего заместителя наркома просвещения рабоче-крестьянской республики! Но, положив руку на сердце, надежд-то на замужество у Надежды не оставалось. Она была старше Ульянова на год, вплотную вышла на рубеж, когда переваливает на четвертый десяток, а это, простите, предштопорное состояние. Так что ссыльная Крупская «перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил Владимир Ильич, для чего объявилась его невестой».

Ильич, понятно, подтвердил, мол, все так и есть. Ну, а в письме Наде, как человек воспитанный, предложил стать его женой. «Ну что ж, женой так женой», – вполне рассудительно и здраво ответила Надя.

Только вот Елизавета Васильевна, человек характера твердого и крутого, узнав, что дочка решила все-таки выйти замуж, категорически потребовала устроить все по всей форме – чтобы непременно было венчание в церкви.

Ну, а дальше известно. Ульяновы наняли прислугу, как пишет Крупская, «девочку лет 15 за 2 $\frac{1}{2}$ р. в месяц + сапоги». Она справляла «всю черновую работу», а молодые пели романсы, катались на коньках, ну а Ильич еще писал свою книжку о загнивающем капитализме на Святой Руси.

Спустя годы Надежда Константиновна припомнит один забавный случай из той светлой поры их царской ссылки.

...Была осень. По реке шла шуга – ледяное крошево, и вот, застигнутые врасплох ледоставом, на крохотном островке сгрудились серые зайчишки. Дрожат, трясутся от страха. Вдруг в их сторону лодочка поплыла. Никак дед Мазай?.. Ну, конечно! Вот он причалил к островку, хитро так – по-ленински – улыбается и вдруг размахнулся да прикладом

ружья одному зайчишке по башке-то ка-ак хряснет! – тот и лапки кверху. Потом таким же образом бьет второго... пятого... десятого... Черепа у косых трещат, словно грецкие орехи, лодка заметно погружается под их тяжестью, а лысый дедушка Мазай все лупит да лупит серых тяжелым прикладом...

Такой вот забавный эпизод из жизни Ильича. Некоторые уточнения по поводу зайчиков вносит красная профессура. Есть мнение, что вождь мирового пролетариата любил кошек и собак, стало быть, он не мог так вот по-жлобски крушить зайцев тяжелым прикладом. Скажем, пристрелить – это другое дело. Подплыл спокойно к островку, вскинул ружьишко – и пошел садить патрон за патроном! Зайцы, понятно, мечутся от стрельбы, мозги их летят во все стороны, кровища хлыщет... Так вот могло быть вполне. А прикладом по голове... Тут Надежда Константиновна что-то запаматовала...

Отбыв ссылку на здоровом сибирском приволье, Ильич берет курс на Европу. В Москве, на Кузнецком мосту, в одном из лучших фотографов фирмы Мебиуса, ему сделают фотопортрет. Ильич еще молодой, взор его устремлен в будущее, и лысый череп венчает образ мыслителя и профессионального революционера. Впереди Мюнхен, Лондон, Женева, Париж, Краков, Берн... Что тут скрывать, деньги, конечно, нужны были немалые.

В Шушенском Ильич напишет книжечку о вступлении России на путь капиталистического развития. Книжечка та, прямо скажем, не вызвала большого шума и не возбудила интереса ни у пролетариата всех стран, ни у его «авангарда» – ее просто не заметили. Исследователи утверждают, что Ленин «вовсю передрал» с того же Постникова целые куски в свое «Развитие капитализма в России» (*Крутов В., Верес Л.* Отцы-основоположники коммунистического рабства (групповой портрет). Мюнхен: «Вече», 1984. № 13. – С.Г.). И от 1200 экземпляров вождя мирового пролетариата издательница Водовозова ничего, кроме убытка, не получила: четыре года спустя та же книжка валялась на полках магазинов, в Киеве например. Даже Горький, пролетарский буревестник, писал:

«Получил книгу Ленина, начал читать и – с тоской бросил ее к черту. Что за нахальство! Не говоря о том, что даже мне, профану, его философские экскурсии напоминают, как это ни странно, – Шарапова и Ярморкина с их изумительным знанием всего на свете – наиболее тяжелое впечатление производит тон книги – хулиганский тон!»

Словом, на книжке о капитализме Ильич денег не заработал, но со временем все наладится. Во всяком случае в одном из писем Маняше Ильич выражал даже удивление по поводу огромных денежных сумм: «Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 фр., а кроме того 22.1 я получил 500 фр. Напиши, пожалуйста, какие это деньги... за что именно и мне ли... Я не могу понять, откуда так много денег». А Надя шутит: «Пенсию стал-де получать. Ха-ха...»

Ха-ха-то ха-ха, но 500–800 франков – не деньги для мировой революции. Стволы надо было покупать, газету выпускать, пропаганду вести... Полтора десятка лет однообразной жизни «профессионального революционера». И «Старик» сетует в письмах своим близким:

«Хорошо бы было, если бы она (сестра Маняша) приехала во второй половине здешнего октября: мы бы тогда прокатились вместе в Италию...» – это письмо из Женевы «дорогой мамочке».

«Мы едем на отдых в Бретань, вероятно, в эту субботу...» – это из Франции.

«Я сижу на отдыхе в Ницце. Роскошно здесь: солнце, тепло, сухо, море южное. Через несколько дней вернусь в Париж...»

«Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую: 840 франков + налог около 60 франков, да консьержке тоже около того в год...» Да, но как же без консьержки-то? «4 комнаты + кухня + чуланы, вода, газ...» Это ведь не номер для новых русских в какой-нибудь гостинице. «Все еще веду летний образ жизни, гуляю, купаюсь и бездельничаю» – это письмо Ильича из Женевы.

«Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего...» – это из Финляндии.

Кстати, именно в Финляндии, в Таммерсфорсе, в декабре 1905 года на конференции большевиков Коба впервые встретился с Лениным...

Несколько иначе складывалась жизнь «профессионального революционера» Кобы. Вот что рассказывает дочь его товарища по подпольной работе Сергея Яковлевича Аллилуева Анна.

«...В конце 1903 года в Баку налаживали подпольную типографию. Тифлиссские железнодорожники сделали для типографии печатный станок. Шрифт тоже достали тифлисы. Перевезти это имущество в Баку поручили отцу и В. А. Шелгунову. В корзине, которую принес дядя Ваня под Новый год, под пивными бутылками спрятали печатный станок. Его хранили среди старой домашней рухляди на бабушкином чердаке до того дня, когда отец с Василием Андреевичем, разделив на две части поклажу, поодиночке ушли из дому.

А накануне отец зашел к одному из товарищей, к Михо Бочоридзе, – в его квартире, в домике у Верийского моста, хранился шрифт. Бабе, родственница Бочоридзе, встретила отца.

– Михо нет дома. Заходи, обождешь! – пригласила она.

Худощавый темноволосый молодой человек показался из соседней комнаты. Бледное лицо с резким изломом бровей, карие испытующе-внимательные глаза кажутся отцу знакомыми.

– Познакомьтесь, – говорит Бабе. – Это Сосо.

Сосо! Молодой пропагандист, который занимался с рабочими железнодорожных мастерских. Он вывел на демонстрацию батумских рабочих.

– Очень рад, – говорит отец и пожимает руку молодому товарищу. – Откуда сейчас?

– Издалека! – бросает Сосо.

Скупое и короткое Сосо рассказал о том, как из тюрьмы, где он просидел много месяцев, его выслали в Иркутскую губернию, в село Уда.

– Оттуда решил бежать. Сначала не удалось – стражник не спускал с меня глаз. Потом начались морозы. Выждал немного, достал кое-что из теплых вещей и ушел пешком. Едва не отморозил лицо. Башлык помог. И вот добрался. Сперва в Батум, а потом сюда...

...В один из первых сентябрьских дней 1911 года в передней продребезжал звонок.

– Открой, Нюра! – крикнула из соседней комнаты мама.

Я пробежала мимо монтерской, где у телефона разговаривал дежурный, и открыла входную дверь.

– А, Сила! Пожалуйста, заходите!

Я шумно обрадовалась нашему взрослому другу Силе Тодрия, но смолкла, увидев за невысоким Силой кого-то, мне незнакомого. В черном пальто, в мягкой шляпе, незнакомец был очень худощав. Когда он вошел в переднюю, я рассмотрела бледное лицо, внимательные карие глаза под густыми, остро изломанными бровями.

– Папа дома? – спросил Сила. – Мы к нему с товарищем.

– Скоро должен вернуться. Входите! Мама в столовой, – пригласила я.

Они оба прошли в комнату, и, здороваясь, Сила сказал маме:

– Познакомься с товарищем – это Сосо!

Я не решилась пройти в столовую, потому что, приглушая голос, Сила о чем-то заговорил, и я поняла – мне не надо присутствовать при разговоре.

Время подходило к обеду, но папа все еще не возвращался. Товарищи оставались в столовой. Сила зашел к нам поболтать, перелистал наши книги, над чем-то посмеялся. Тот, кого он назвал Сосо, продолжал читать газеты, лежавшие на столе. Из-за притворенной двери к нам доносился его чуть глуховатый голос, коротко и неторопливо о чем-то спрашивавший Силу.

Папа пришел позже и обрадованно поздоровался с гостями. Он долго пожимал руку Сосо и что-то сказал ему о Силе. И глуховатый голос раскатисто и насмешливо произнес:

– Ну вот... везде вам они мерещатся!

– А посмотрите сами в окно.

Все трое приблизились к открытому окну, выходившему на Саратовскую улицу.

– Ну, что, видите? – продолжал отец. – Меня эти не проведут. Я их сразу приметил, подходя к дому.

Мы невольно прислушались к разговору. Дверь в нашу комнату распахнулась.

– А ну, ребята, – позвал папа, – по очереди выйдите во двор, посмотрите – ходят там двое этаких, в котелках...

Я первая сбегала вниз и сделала несколько шагов в глубину двора. У арки ворот я заметила одного из тех, о ком говорил отец. Второго я увидела на улице, там, куда выходили наши окна. Стараясь как можно удачнее притвориться, что я вышла по делу, я добегала до угловой лавочки и, вернувшись, опять заметила обоих шпиков. Поднявшись в комнаты, я обо всем подробно рассказала.

– Придется подождать, – сказал Сосо.

Мы теперь уже знали, что это тот самый Сосо, о котором часто говорили товарищи. Сосо – известный революционер, папа знал его еще в Тифлисе и в Баку. Сосо несколько раз арестовывали и ссылали, но он всегда убегал из ссылки. И сейчас бежал из далекого Северного края, и вот его уже опять ищет полиция.

Федя тоже сошел вниз и, вернувшись, повторил, что двое в котелках все еще гуляют у дома.

Наступал вечер, за окном стемнело. В монтерской сменились дежурные, и монтер Забелин зашел в столовую. Дверь в нашу комнату захлопнулась плотнее, и, не смея больше ни о чем расспрашивать, мы уже укладывались спать, когда слова прощальных приветствий, которыми обменялся Сосо с отцом и мамой, донеслись в нашу комнату.

...Через несколько дней Сила опять зашел к нам. Все были дома, Сила был невесел и озабочен.

– Арестовали, – ответил Сила на общий безмолвный вопрос.

Подробно о том, что произошло в эти дни, мы узнали потом от Сталина, из рассказов Силы и папы. Вот как все это было. Накануне Сталин приехал в Питер. Было хмурое, дождливое утро. Он вышел с Николаевского вокзала и решил побродить по городу. В Питере были друзья, кто-нибудь может встретиться на улице. Это безопасней, чем искать по адресам.

Под дождем он проходил весь день. Вечером опять вышел на Невский.

Толпа на Невском редела. Гасли огни реклам, реже мчались лихачи, когда он уже третий или четвертый раз от Литейного поднимался

к Фонтанке. И только тогда на одном из прохожих остановился его внимательный взгляд. Он пошел следом и чуть слышно произнес приветствие. Сила Тодрия – он возвращался после работы из типографии – едва не вскрикнул, но Сосо сказал:

– Идем, идем, – и вместе они зашагали дальше. – Очень опасно, – говорил Сталину Сила. – После убийства Столыпина вся полиция на ногах. Ворота и подъезды в двенадцать запирают... Придется будить дворника, показывать паспорт. Хозяева в квартире боятся всего подозрительного.

– Поищем меблированные комнаты... где-нибудь недалеко, – предложил Сталин.

В меблированных комнатах на Гончарной ему отвели номер. Швейцар долго и подозрительно оглядывал его, вертел в руках паспорт, в котором он значился Петром Алексеевичем Чижиковым.

Утром, как они сговорились, Сила уже был у него. Вышли и вместе направились к Сампсониевскому. Они не заметили, что шли не одни. Двое шпики, которых папа потом увидел около дома, шли следом.

В этот вечер Сталину удалось ускользнуть от них. Монтер Забелин, с которым он ушел от нас, провел его закоулками к себе в Лесной. Сталин переночевал там, днем сумел повидаться с нужными людьми, а вечером, чтобы не подводить товарищей, пошел опять на Гончарную, в меблированные комнаты. На рассвете его разбудил громкий стук.

– Чего вы спать не даете? – крикнул он.

Но из коридора требовали, чтобы он открыл дверь. Это была полиция. Его арестовали.

Теперь, когда мы знали Сосо, видели и говорили с ним, еще интереснее было слушать о нем рассказы товарищей. А о нем всегда говорили так, что мы понимали – Сосо один из самых главных, самых неустрашимых революционеров. Сила нам рассказывал, что в Батуме, где Сосо вывел рабочих на уличную демонстрацию, его прозвали “Коба”, что по-турецки означает “неустрашимый”. Это слово – Коба – осталось его кличкой.

– Полиции никогда не удавалось удержать Кобу в ссылке, – говорил Сила Тодрия.

Коба бежал в 1903 году. В 1909 году, летом, опять бежал из Сольвычегодска.

Тогда он опять появился в Питере. Папа рассказывал, что Сосо перед бегством написал ему, спрашивал наш питерский адрес. Папа сейчас же ответил подробно, где нас найти, – мы жили тогда на углу Глазовой и Боровой.

Отправив письмо с нашим адресом, папа знал, что следует ждать приезда Кобы, но прошел месяц, другой, а он не появлялся.

Уже летом, – мы с мамой жили тогда за городом, в деревне, – папа шел по Литейному. Серенький летний питерский день, деловая уличная сутолока, громыхающие трамваи, спешащие куда-то прохожие, – папа шел в толпе, ни на кого не оглядываясь. И вдруг кто-то пересекает ему дорогу. Папа недовольно поднял глаза на прохожего – и не сразу нашел нужные слова. Спокойно, чуть насмешливо улыбаясь, перед ним стоял Сосо.

Они пошли рядом, и Сосо говорил:

– Два раза заходил к вам на квартиру, никого не застал. Подумал, может, встречу на улице, и вот вижу – навстречу шагаешь...

Куда же идти? “Он был бледный, утомленный, – говорил отец. – Я понимал: ему надо дать возможность отдохнуть...”

И сразу отца осенила мысль: “Ямка!” “Ямка” была совсем рядом. Они в несколько минут прошли путь до Колобовского дома. Конон был у себя. Не надо было ничего ему объяснять. Дядя Конон посмотрел на отца, на гостя, которого он привел, и сейчас же стал собирать на стол. Потом Сталина уложили на кровать за ситцевой занавеской и стали совещаться, как быть дальше.

– Лучше бы свести товарища к Кузьме, в кавалергардские казармы, – сказал Конон, – а то ненароком околоточный заглянет, пожалуй, усомнится, что товарищ – земляк, со Смоленщины...

Сталина вечером проводили в казармы кавалергардов. Там, во флигелечке вольнонаемных служащих, Кузьма Демьянович занимал две обособленные комнатки. Семейство его было в деревне, в комнатах оставался только родственник, молодой паренек.

В этом флигеле, рядом с казармами, рядом с Таврическим садом, куда то и дело подкатывали пролетки с придворными офицерами, Сталин прожил около двух недель.

Он часто бывал в городе, виделся с товарищами. Под взглядами казарменных часовых он спокойно проходил, прижимая локтем домовую книгу кавалергардских казарм.

Еще об одной встрече с Кобой в Баку в 1907 году рассказывал отец. Коба приехал с Лондонского съезда. Отца тогда арестовали вместе с бакинским комитетом партии. Улик против отца не было, его выпустили на поруки. Это был седьмой арест, и товарищи советовали отцу скрыться от полиции.

В низеньком глиняном татарском домике на Баилове мысе, где у хозяина-тюрка Сталин снимал комнату, отец беседовал с Кобой о своих делах, советовался, как быть. Отец рассказывал, что по приглашению Красина хочет с паспортом товарища Руденко уехать в Питер. Коба спросил, как предполагает отец добраться до Питера, что думает предпринять дальше.

— Ну что ж, — сказал Сталин на прощанье, — надо тебе ехать. Желаю благополучно добраться. — И добавил: — А вот тебе деньги, возьми, они тебе понадобятся.

Отец пытался отказаться, говорил, что деньгами его уже снабдили. Но Сосо твердо и спокойно повторил:

— Бери, у тебя большая семья, дети. Ты должен им помочь!

...Зима этого года запомнилась мне снежными сугробами, морозами, ледяной санной дорожкой. В феврале, когда наступила Масленица, выехали на улицы украшенные лентами, звенящие колокольчиками и бубенцами низкие финские саночки.

— Садись, прокачу на вейке! — зазывали кучера-финны, взмахивая кнутами.

Коренастые лошадки, потряхивая заплетенными гривами, несли по укатанной дорожке смеющихся седоков.

– А ну, кто хочет прокатиться на вейке? Живо одевайтесь, поедem сейчас же!

Мы все вскочили с радостными восклицаниями. Только что из окна мы любовались проносившимися мимо санками – и вдруг нам предлагают прокатиться на них. И кто приглашает – Коба, Сосо! В этот приезд свой в Питер он уже не в первый раз заходит к нам. Мы теперь знаем Сосо ближе. Знаем, что он умеет быть простым и веселым и что, обычно молчаливый и сдержанный, он часто по-молодому смеется и шутит, рассказывает забавные истории. Он любит подмечать смешные черточки у людей и передает их так, что, слушая, люди хохочут.

– Все, все одевайтесь!.. Все поедem, – торопит Сосо.

Я, Федя, Надя, наша работница Феня – мы все бросаемся к шубам, сбегам вниз. Сосо подзывает кучера.

– Прокатишь!..

Мы рассаживаемся в санках. Каждое слово вызывает смех. Сосо хочет с нами: и над тем, как расхваливает заморенную лошаденку наш возница, и над тем, как мы визжим при каждом взлете на сугроб, и над тем, что вот-вот мы вывалимся из санок.

Санки скользят по Сампсониевскому проспекту, проезжают мимо станции, откуда паровичок везет пассажиров в Лесной.

– Стоп! Я здесь сойду. А вы езжайте обратно.

И, выскочив из санок, Сталин торопливо зашагал к остановке паровичка...

Сталина неожиданно арестовали в феврале 1913 года, когда его выдал провокатор Малиновский. Это случилось на благотворительном вечере, который устраивали большевики в здании Калашниковской биржи. О вечере этом у нас говорили много. Рассказывал и Сережа Кавтарадзе, занимавшийся со мной по математике, и Сталин как-то мельком заметил, что вечер должен быть интересным. Во время концерта, когда Сталин присел к товарищам за столик, полицейские подошли и увели его с собой.

Его сослали к Полярному кругу, в Туруханский край. У нас теперь был новый адрес, по которому мы отправляли посылки и деньги из фонда



Генсек. 1922 г.

помощи. Сталин вспоминал, как однажды был обрадован в своем одиночестве записочкой, которую неожиданно нашел в кармане пиджака. Мы вложили этот привет от нас, когда отправляли ему зимой костюм.

С отцом он переписывался. Мы читали его письма и видели далекий край, где свирепствует лютая зима. Там, в избе остяков-рыболовов, в деревушке, затерявшейся в унылой бесконечной тундре, он жил.

Но в письмах Сталина не было ни слова о тяжелых условиях. Он просил ничего ему не посылать, не тратить денег: “Не забывайте, что у вас большая семья”, – напоминал он в письме, адресованном отцу. “Всем необходимым я уже запасаюсь”, – обычно сообщал он. Вот что он написал однажды:

“25.X! Для Ольги Евгеньевны.

Очень-очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я освобожусь от ссылки и, приехав в Петербург, лично поблагодарю Вас, а также Сергея, за все. Ведь мне остается всего-навсего два года.

Посылку получил. Благодарю. Прошу только об одном – не тратить больше на меня. Вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия, – летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, – и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге.

Мой привет ребятам и девицам. Желаю им всего-всего хорошего.

Я живу, как раньше. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне – должно быть, привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов.

До следующего письма.

Уважающий Вас Иосиф”».

Таким запомнился Коба-большевик юной гимназистке Ане, сестре его будущей жены...

А вот рассказ об одной из ссылок Кобы. Вспоминает В. Швейцер, жена организатора Бакинского большевицкого комитета Сурена Спандаряна. Речь пойдет о ссылке в Туруханский край – в поселок Курейку.

«...От Петербурга до Курейки – путь долгий и изнурительный. Везли в арестантских вагонах, по месяцам задерживались в переполненных этапных тюрьмах, потом бесконечно долго ехали по реке. Сталина везли по реке Енисею в небольшой лодке. Только подумать, в лодке нужно было проехать больше двух тысяч километров по бурному, стремительному Енисею. На пути встречались водовороты и пороги. Больше месяца длилось это опасное путешествие по Енисею, пока, наконец, не добрались до села Монастырского.

Село Монастырское было центром Туруханского края. По тому времени Монастырское считалось большим культурным селом в этом далеком и пустынном месте. Здесь была школа, церковь, полицейские власти. Здесь жил пристав. Сюда обычно высылали политических ссыльных.

Но село Монастырское показалось царскому правительству недостаточно глухим местом. Правительство боялось, что Сталин сможет еще раз убежать. В департаменте полиции он числился “бегуном”, потому что редко оставался в ссылке больше двух-трех месяцев. На этот раз, чтобы отрезать Сталину все пути к побегу, его заслали сначала в поселок Костино, а в начале 1914 года переправили в Курейку.

Курейка – маленький поселок, затерявшийся где-то далеко за Полярным кругом в беспредельной туруханской пустыне. Это самое северное поселение Туруханского края. Про Курейку можно было без преувеличения сказать, что она находится на краю земли. Зима здесь 8–9 месяцев, и зимняя ночь тянется круглые сутки. Здесь никогда не произрастали хлеба и овощи. Тундра и леса были переполнены дикими зверями. Человек при 65-градусном морозе ютился в юрте. Простая теплая избушка являлась уже привилегией более счастливых людей. И вот сюда, в глушь Туруханского края, в маленькую заброшенную Курейку, выслали Сталина.

...Условия Туруханского края для побега были невероятно тяжелыми. Три месяца в году длилась томительная распутица. Во время короткого полярного лета в Курейку успевал заходить всего лишь один енисей-

ский пароход. Три месяца в году Курейка была совершенно оторвана от жизни; обрывалась всякая связь.

Все движение шло только по Енисею, и никаких других дорог не было. Последний пароход из Енисейска выходил 1 августа. Но он не доходил до Курейки, а останавливался на зимовку в Монастырском. Осенью приходилось ждать санного пути, передвигаться можно было только на собаках и оленях в легких нартах. Снег наваливало почти в рост человека. Весной, когда начал рыхлеть снег и таял Енисей, даже и легкая снать в упряжке собак не помогала. Сани и собаки проваливались в снег. Движение прекращалось.

Тайком от стражников, зимой мы вместе с Суреном Спандарьяном поехали в Курейку к Сталину. Нужно было разрешить ряд вопросов, связанных с происходившим тогда судом над думской фракцией большевиков и с внутрипартийными делами.

Это были дни, слитые с ночами в одну бесконечную полярную ночь, пронизанную жестокими морозами. Мы мчались на собаках по Енисею без остановки через безлюдное пространство, отделяющее село Монастырское от Курейки пролетом в 200 километров. Мчались под несмолкаемый вой волков.

Вот и Курейка. На берегу, там, где маленькая изломанная порогами быстрая речка впадала в бурный полноводный Енисей, разбросано было несколько деревянных домишек, стоявших далеко друг от друга. У самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся деревянный дом, занесенный снегом. Здесь жил Сталин. Мы подъезжали. Собаки, завидев впереди жилье, бежали во всю прыть. Из домиков выбежали люди. Навстречу нам вышел Сталин. Местные жители с любопытством рассматривали полярных путешественников. Из соседнего домика лениво вышел стражник, медленно и важно подошел к нам...

У нас с Иосифом была радостная, теплая встреча. Нашему неожиданному приезду Иосиф был необычайно рад. Он проявил большую заботу о нас. Мы зашли в дом. Небольшая квадратная комната, в одном углу – деревянный топчан, аккуратно покрытый тонким одеялом, напротив рыболовные и охотничьи снасти – сети, оселки, крючки. Все это из-

готовил сам Сталин. Недалеко от окна продолговатый стол, заваленный книгами, над столом висит керосиновая лампа. Посредине комнаты небольшая печка – «буржуйка», с железной трубой, выходящей в сени. В комнате тепло; заботливый хозяин заготовил на зиму много дров. Мы не успели снять с себя теплую полярную одежду, как Иосиф куда-то исчез. Прошло несколько минут, и он снова появился. Иосиф шел от реки и на плечах нес огромного осетра. Сурен поспешил ему навстречу, и они внесли в дом трехпудовую живую рыбу.

– В моей проруби маленькая рыба не ловится, – шутил Сталин, любясь красавцем-осетром.

Оказывается, этот опытный «рыболов» всегда держал в Енисее свой «самолов» (веревка с большим крючком для ловли рыбы). Осетр еле помещался на столе. Сурен и я держали его, а Иосиф ловко потрошил огромную рыбу. За столом завязался разговор.

– Что слышно из России, какие новости? – расспрашивал Сталин.

Сурен рассказывал все, что знал о войне, о работе подпольных организаций, о связи с заграницей. Особенно долго шел разговор о войне.

Когда Сурен рассказал подробности о суде над думской фракцией и о предательстве Каменева, Сталин ответил Сурену:

– Этому человеку нельзя доверять – Каменев способен предать революцию.

Беседа длилась долго. Шел разговор о Серго Орджоникидзе, который находился в то время в Шлиссельбургской крепости, об Иннокентии Дубровинском, утонувшем в Енисее, и о других товарищах.

Беседа длилась долго-долго...

Я рассматривала комнату, в которой жил Иосиф. В самой обстановке комнаты чувствовалось, как напряженно он работал. Стол был завален книгами и большими пачками газет.

Нам предстояло преодолеть снежную пустыню. Выехали из Курейки. Я села управлять собаками. Наши нарты были окутаны брезентом. Это спасло нас от жестокого холода в пустынной тундре.

Мы мчались вверх по Енисею. Морозно. Казалось, морозом скован воздух. Трудно дышать. Недалеко над нами вспыхнуло северное сияние, озарившее нам путь.

Тундра была покрыта снегом. Кое-где маячили верхушки занесенных снегом деревьев. Мы преодолеваем пространство. Мои спутники ведут себя весело и шумно. О чем-то громко разговаривают. Вдруг неожиданно Сталин затягивает песню. Сурен вторит. Радостно слышать знакомые мелодии песен, уносящихся вдаль и утопающих где-то в беспредельной снежной равнине. Хорошо в эти минуты мечтать, вспоминать, думать.

На просторе льются песни. Одна сменяет другую. Друзья очень любили петь. Сталин был любитель народных песен. Я была свидетелем, как он, занимаясь хозяйством, подолгу напевал русские народные частушки.

Мы ехали двое суток. Останавливались для того, чтобы отогреться, дать отдохнуть собакам, покормить их. Отдыхая, мы ели заготовленную на дорогу рыбу. Так, почти незаметно, преодолели мы далекий путь и приехали к себе в Монастырское.

...В октябре 1916 года царское правительство решило призвать всех административно-ссыльных отбывать воинскую повинность.

По рассказам Сталина, эта мобилизация была объявлена неожиданно. Особенно не ожидал этого пристав Туруханского края – Кибиров. В первый момент он растерялся, не зная, что делать, но все же быстро составил первую партию из девяти ссыльных для отправки в Красноярск. Сталина он решил отправить с отдельным стражником, считая это более надежным. Отправить призываемых было нелегко. В полярной Курейке в конце октября и начале ноября зимний путь только начинает устанавливаться, и единственной дорогой в такое время года был тогда Енисей. По тонкому льду Енисея можно было на собаках, впряженных в легкие нарты, тронуться в путь. Правда, при этом нередко бывали и такие случаи, что полозья нарты прорезали лед и собаки, удерживаясь на льду, волокли нарту по воде, как лодку, а в ней насквозь промокшего седока.

Партия ссыльных начала свой путь “призывников со стражником” на собаках, потом на оленях и, наконец, на лошадях.

В пути от Курейки до Красноярска Сталин умышленно старался задерживаться на каждом станке. Нужно было познакомиться с ссыльными, получить явку – связь с организациями и с отдельными товарищами, работающими на воле и в армии. Все это делалось замаскировано, под видом веселых встреч и проводов призывников, с песнями и пляской.

Так шли дни за днями. Призывники в дороге пробыли два месяца. Пристав Кибиров слал вдогонку телеграмму за телеграммой: “Не задерживайте, переправляйте в Красноярск ссыльных призывников”. Боясь ответственности и желая скрыть замедленное продвижение призывников, пристав показал в своем рапорте отправку ссыльных из Туруханки на месяц позже.

Наконец, туруханские призывники – Сталин, Борис Иванов и другие – в конце декабря 1916 года прибыли в Красноярск. Сталин остановился на явочной квартире у Ивана Ивановича Самойлова. Царские чиновники хотели отправить Сталина в армию, на войну, но не решились, – они боялись его влияния, его революционной работы среди солдат. В то же время вернуть Сталина обратно в Туруханский край было трудно, весенняя распутица могла заставить его на обратном пути, и, кроме того, у Сталина через несколько месяцев кончался срок ссылки.

Как только Сталин приехал в Красноярск, он вызвал меня из Ачинска – ему нужно было установить связь с местными большевиками, с большевистской организацией. В то время в Красноярске уже существовала военная организация, которая работала в армии, печатала и распространяла революционные листовки среди солдат.

Красноярский губернатор направил Сталина отбывать оставшийся срок ссылки в Ачинск, где Сталин и прожил до 8 марта 1917 года».

Дочь русского поэта Марины Цветаевой Ариадна Сергеевна в 30-х годах была в ссылке в том самом месте, в Туруханском крае, где жил когда-то и ссыльный Иосиф Джугашвили. Хозяйка, у которой собирались политические для проверки уполномоченным НКВД, рассказывала о Сталине много всяких историй. Например, о том, как он ходил к кре-

стьянской девушке, проживавшей в ее доме. Анфиса Степановна Тарасева, у которой ссыльный кавказец жил одно время вместе с Яшкой Свердловым, тоже вспоминала Иосифа:

– Есиф веселый парень был. Плясал хорошо, песни пел, со стражником дружбу водил, и тот ему письма куда-то отправлял. До баб был охоч...

Сталина местные жители, остяки, любили. Придут к нему, усядутся на корточки и, не меняя позы, смотрят на лампу-молнию. Рыбу они ели по-сибирски, мороженую, с чесноком и водкой. Есиф давал остякам и затянуться табаком из своей трубки. А Свердлов...

Ариадна Сергеевна рассказывала мне о егеря-якуте, который хорошо помнил ссыльных – кавказского человека Иосифа Джугашвили и очкарика Яшку Свердлова. Егерь был красавец! По-своему однако. Высокий, пышная шевелюра седых волос, лицо цвета медного таза. Этот немногословный северный человек заметно выделялся среди местных жителей и ссыльных. Но вот была у того егеря особенность – организм его, привыкший к мясу да рыбе, никак не воспринимал кисломолочные продукты. Ну и произошел с ним однажды этакий казус.

Собрались он и Сталин поохотиться. Кавказец, похоже, не знал привычек якута и застолье с поеданием мяса решил провести после охоты, а то, чем угостил его, сработало, на беду, посреди реки, когда они уже перебирались на другой берег. Сталин не вдруг понял, в чем дело: егерь неожиданно быстро-быстро заработал веслами в обратную сторону и, едва причалив лодку, выскочил и на форсаже рванул в кусты! Полегчало...

Снова Сталин с егерем взяли курс на тот берег. И опять приключение посреди реки. На третий раз ссыльный уже не выдержал, плюнул и оставил егеря в кустах продолжать процесс, который пошел...

Красавец-якут, конечно, запомнил этот не самый яркий эпизод из своей жизни, не скрывал его и при случае рассказывал ссыльным, потому что знал, что тот веселый человек из страны, где всегда много солнца, цветут сады и поют птицы, стал большим начальником. Почти как русский царь...

Вспоминал егерь и других ссыльных Туруханского края. Например, Яшку Свердлова. Точнее, сам-то Яшка, щупленький да юркий очкарик,

ничем ему не запомнился, а вот жена пламенного революционера произвела на егеря неизгладимое впечатление.

«Мы уже все выпытали у него – и о Сталине, и о Свердлове, – не торопясь, с подробностями рассказывала Ариадна Сергеевна, словно возвращаясь в затерянную в полярной ночи теплую избушку к разговорившемуся за шкаликом “огненной воды” якуту. – Ну, а какая жена была у Якова Михайловича? – спросила я нашего гостя. Якут замолчал, шибко долго думал, а потом широко-широко развел руками и произнес: “Во-от такая жопа...” – “Хорошо, это ясно. А все-таки, как она одевалась, что носила?” – приставала я с наводящими вопросами. Делать-то нечего было. Северный человек опять задумывался, потом так же широко обозначал руками предмет своего восхищения и повторял: “Во-от такая жопа. Однако...”»

Еще вот эпизод – по воспоминаниям дочери Цветаевой. Значит, у старушки, в избе которой жил когда-то ссыльный кавказец, не было пенсии. Ссылные девчата и надумили бабку: отпиши, мол, письмо в Москву, товарищу Сталину, напomini о себе – как жил Есиф у тебя, как собирался бежать из заснеженной-то тайги.

У русских так, по крайней мере, велось раньше: отправляя человека в дальнюю дорогу, снаряжали его всем необходимым, чем были богаты. Сухари, табачок, кусок сала – все пригодится, особенно в бескрайней Сибири... Стояла морозная зима, хороший хозяин в такую погоду собаку на улицу не выгонит, так что веселому кавказцу отдали одеяло, еще что-то теплое и благословили в путь. Тогда люди истинно верили в Бога, крестились не перед кинокамерами, вешая лапшу на уши любезному электорату. И понятие милосердия, участия в судьбе человека, попавшего в беду, было нормой, образом жизни нашего великодушного и отзывчивого народа. Тут и рассуждать нечего!

Словом, припомнила старушка былое и, как могла, отписала письмо товарищу Сталину, в Кремль. Понятно, дальше районных властей такое письмо не пошло. Да уж, задачку им тетя Паша задала не простую: с одной стороны, самого Сталина выручила, спасала, а с другой – не было в законах такой статьи, чтобы за добрые дела и благодарить по-царски. Кое-что в районе придумали, конечно, – определили тете Паше пенсию.

Она была такой же щедрой, как нынче. Помните, пенсионерам 30 рублей на душу набросили? 30 набросили – 60 забрали...

Однако легко сказать: «бежал из ссылки». Охрана-то да слежка за ссыльными и при царе была надежная. А, кроме того, ямщики, прислуга постоянных дворов, где приходилось останавливаться на сибирских трактах, – они ведь тоже могли проявить бдительность и сообщить о беглеце, как бы нынче сказали, в компетентные органы. Иные беглецы из интеллигентов опасались этого и упрашивали ямщиков скрыть их от полиции, обещая «дать на водку». В этих борцах за «счастье народное» простые люди интуитивно улавливали такое барское отношение к ним. А Сталин, напротив, не оскорблял подкупом доверчивых сибирских ямщиков и крестьян, говорил, что денег у него нет, а вот за каждый прогон от одного станка до другого он готов платить по «аршину водки». Мужики объясняли южному человеку, что водку-то не аршинами меряют, а ведрами. Тогда он доставал из-за голенища сапог деревянный аршин – это мера длиной 71 сантиметр, выставлял на нем рядок металлических чарочек, заполнял их «огненной водой» – вот тебе и «аршин»!

Все дружно смеялись, было весело. В занесенном снегом постоялом дворе теплели души добрых русских людей, а второй и третий «аршин» водки распивали уже все вместе с беглым ссыльным. Расставаясь, ямщики приговаривали: «И откуда ты взялся такой веселый парень! Приезжай к нам еще!»

P.S.

«Сталин уехал на север, много раз попадал в Сибирь и навсегда полюбил Россию и русских».

Светлана Аллилуева

Мне запало в душу, как Сталин рассказывал об одной своей ссылке. Не могу сказать сейчас точно, в каком году это происходило. Его сослали куда-то в Вологодскую губернию. Туда вообще много было выслано политических, но и много уголовных. Он нам несколько раз рассказывал об этом. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской

губернии из уголовных! Я сошелся тогда с уголовными. Очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль или, допустим, три рубля. Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока не пропьем все деньги. Сегодня я плачу, завтра – другой и так поочередно. Артельные ребята были эти уголовные. А вот “политики”... среди них было много сволочей...»

Никита Хрущев

Себя к тем «политикам» наш «дорогой Никита Сергеевич», конечно, не относил.

«ВЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТЕ?! В РОССИИ РЕВОЛЮЦИЯ!»

Бабий бунт, солдатский мятеж, тайный заговор, предательство, переворот – все это вошло в нашу историю под названием Февральская революция. Ни государь, ни правительство, ни вожди революционных партий даже не думали, что такое может свалиться на Россию, уверенно идущую к победе в мировой войне весной или летом 1917-го. Недостатки в материальном и техническом обеспечении армии, дававшие себя чувствовать в 1914 и 1915 годах, были преодолены. Войска были обеспечены всеми видами снабжения. Но близость грядущих военных успехов, победоносный исход войны для России понимали не только в армии. Понимали это и в станах тех политических деятелей, которые готовились к свержению монархии. Известный историк С. Мельгунов позже писал, что в заговор против царя вмешивалась «таинственная сила, скрытая от взоров профанов, – тайна русских масонов»: «В то время среди русской интеллигенции существовало мнение, что масонство является досужим вымыслом “черносотенцев”. Но это явная ошибка – масоны в России были. Так, было известно, что возродилось русское масонство тогда же, когда стало возрождаться и революционное движение, то есть в 90-х годах. Известно так-

же, что в 1908 году в Россию приезжали два высокопоставленных “брата”, которые посвятили в соответствующую степень присяжного-поверенного (адвоката) Маргулиеса. В Москве была ложа “Астрей” (у полиции был полный список ее членов), в Петербурге – “Северная звезда”. “Оратором” этой ложи был М. С. Моргулиес, а секретарем – кн. Бебутов».

В 1915 году русское масонство возродилось. В него вошли представители различных партий – до большевиков включительно. Эта разрушительная сила не гнушалась ничем: в ход шли самые подлые и нелепые обвинения – от шпионажа в пользу немцев до полного морального разложения царского двора.

И вот в январе в Петроград заявила союзная комиссия в лице представителей Англии, Франции и Италии. Сначала эти представители собрали совещание, на котором присутствовали Гучков, тогда председатель Военно-Промышленного Комитета, князь Львов, председатель Государственной Думы Родзянко, генерал Поливанов, Сазонов, член Государственной Думы Ковалевский, Милюков и английский посол Бьюкенен. Посовещавшись, комиссия представила Государю следующие требования: 1) «Ввести в штаб Верховного Главнокомандующего своих представителей с правом решающего голоса, 2) обновить командный состав всех армий по указке держав Согласия и 3) ввести конституцию с ответственным министерством.

Царь отмел все эти наглые требования «союзничков». Вот его резолюция по первому пункту: «Излишне введение союзных представителей, ибо Своих представителей в союзные армии, с правом решающего голоса, вводить не предполагаю». По второму: «Тоже излишне. Мои армии сражаются с большим успехом, чем армии Моих союзников». И по третьему: «Акт внутреннего управления подлежит усмотрению монарха и не требует указаний союзников» (<http://profilib.com/chtenie/152679/petr-multatuli-krugom-izmena-trusost-i-obman-podlinnaya-istoriya-otrecheniya-nikolaya-ii-8.php>; *Граф Г. К.* На Новике. СПб: Издательство Гангут, 1997. С. 35).

Получив такой ответ государя, вся вышеперечисленная компания собралась на экстренное совещание в английском посольстве. Там-то и было решено «бросить законный путь и выступить на путь революции». Тог-

да же было определено время для переворота – в первый же отъезд царя в Ставку, и на деньги союзников началась усиленная агитация в пользу переворота. Детали плана выступления участники заговора разрабатывали на квартире Бьюкенена...

А в это время в стране с тихими озерами и хорошим пивом вождь пролетарской революции по кличке Фрей (одна из партийных кличек В. Ульянова) выступает перед молодыми швейцарцами: «Мы, старики, – Ильичу тогда было 46 лет, – до грядущей революции, может быть, не доживем». По этому поводу он сетовал и в письме к Инессе Арманд: «Мрачна картина... оттого, что революционное движение растет крайне медленно, туго».

И вдруг – нате вам! – Ильич, как вспоминала его боевая подруга Надежда Крупская, уже собирался после обеда в библиотеку, а тут к ним врывается большевик Вронский и орет: «Вы ничего не знаете?! В России революция!»

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Вождь собирался посидеть в тиши библиотеки, вечером перекинуться с единомышленниками в шахматки, а на Святой Руси большой шухер! Как попасть в революционный Петроград? Пути сообщения в Россию из нейтральной Швейцарии в руках Англии и Франции, они пропускают в союзническую страну «оборонцев», но большевиков-интернационалистов не признают. К февралю 1917-го у них насчитывалось всего-то около 5 тысяч человек, из них 100–150 журналистов. Не случайно в первом составе Петроградского Совета из 1500 делегатов большевиков-то было около 30 человек.

«Ильич не спал ночи напролет», – писал потом Крупская, тогда у его сотоварищей сверкнула окаянная мысль – катить в Россию через Германию! Через воюющую с Россией страну. Для этого, понятно, предстояло вступить в контакт с правительством врага.

В сговор с немцами вступил некто Израиль Парвус (наст. фамилия Гельфанд). Создатель теории «перманентной революции», он был агентом германского генерального штаба. В то же время небезызвестный

К. Радек через корреспондента «Франкфуртер цайтунг» вышел на связь с немецким послом в Берне фон Ромбергом, прощупывая возможность проезда коллектива профессиональных революционеров в Россию. 3 апреля с просьбой по этому поводу от имени Ленина к Ромбергу обратился Платтен.

В Берлине быстро сообразили, в чем дело, и уже на третий день пришло согласие, так что 9 апреля Ленин, а с ним остальные отправились к немецкой границе, в Шафгаузен.

О «германских путешественниках», об организации их поездки из Швейцарии через территорию воюющей с Россией страны рассказывает старый русский революционер Владимир Бурцев: «Во все время войны, до самой революции, они страха ради перед Николаем II сидели в Женеве и Цюрихе и оттуда смело вели свою пораженческую кампанию. После революции, когда им нечего было бояться вернуться в революционную Россию, они решили осчастливить ее своим прибытием».

На Цюрихском вокзале при отъезде ленинцев провожали немногие друзья и швейцарские социал-демократы, а собравшиеся русские меньшевики, социал-революционеры, оборонцы, социал-патриоты, независимые провожали их криками: «Германские агенты! Изменники!»

Не сразу запломбированный вагон проследовал через Германию – останавливался и в Берлине, и во Франкфурте. Потом всю команду благополучно высадили в порту Засниц, и дальше уже на пароходе она отправилась в Швецию.

Бурцев пишет: «Немцы разрешили проехать через свою территорию подданным враждебной страны, конечно, потому, что не сомневались, чего они могут от них ждать. Но они знали прекрасно, что, кроме незначительного большевицкого течения, в России все с негодованием встретили известие о предполагавшейся поездке Ленина через Германию. Телеграф тогда же передал слова Милюкова, бывшего в то время министром иностранных дел, что приезжающие большевики с Лениным будут преданы суду, как изменники» (*Бурцев В. Л. Преступления и наказания большевиков. Париж, 1938*).

Реакция министра была вполне естественная. Во время войны – и такой подарок! А по поводу немцев, как замечает компетентный в этом деле Платтен, и для Гинденбурга, и для Людендорфа всякое средство представлялось хорошим, лишь бы оно дало возможность спасти себя – перебросить 70 дивизий с восточного фронта на западный, удержать там прорыв или по крайней мере добиться сепаратного мира.

«Выполнить этот план немцы могли надеяться только в том случае, если была бы парализована русская армия, – замечает Бурцев. – Им поэтому нужно было во что бы ни стало разложить ее. Этого они и надеялись добиться, перебросив в Россию Ленина и его товарищей».

Итак, в «паровозе», направлявшемся до остановки «коммуна», через все пограничные и таможенные кордоны Германии вместе с Лениным проскочили: М. З. Абрамович, М. К. Айзенбунд, И. Ф. Арманд, Г. Я. Бриллиант, М. В. Гоберман, Ф. Гребельская, А. Е. Константинович, Е. Ф. Кон, И. А. Линде, М. Д. Мирингоф, И. Е. Мирингоф, В. С. Морточкина, С. Г. Пейнесон, Б. Х. Погосская, С. Н. Раввич, Г. А. Радомысльский, З. Э. Радомысльская, З. Б. Ривкин, Д. М. Розенблюм, Г. И. Сафаров, А. А. Сковно, Н. М. Слюсарева, Д. С. Сулишвили, Н. К. Ульянова, Г. А. Усиевич, М. М. Харитонов, М. Г. Цхакая.

Все были полны решимости крушить старый недобрый мир – до основания. Так что в запломбированном вагоне «германские путешественники» не случайно везли с собой незнакомую еще в России классовую ненависть, политический цинизм – по Нечаеву – да труды корифеев марксизма о приложении этой их науки к славянскому быту русской бескрайности.

С той же целью до той же самой остановки за Лениным (Ульяновым) спешили товарищи:

Авербух Шмуль-Лейб Иосифович
Аксельрод Товия Лейзеров
Аптекман Иосиф
Альтер Эстера Израилевна
Бронштейн Семен
Бронштейн Роза
Болтин Лейзер Хаимов

Брагинский Монус Осипович
Вейнберг Маркус
Веснштейн Израиль Аронович
Гальперин
Гавронский Димитрий Осипович
Гитерман Абрам Моисеевич
Гольдштейн Абрам Борисович
Гониондский Иосиф Абрамович
Гишвалинер Петр Иосифович
Гохблит Матвей Иосифович
Гудович
Гольдблюм Роза Маврикиевна
Герштен
Добговицкий Захарие Лейбов
Дранкин Вольф Меерович
Димент Лейзер Нахумович
Дрейзеншток Анна Мееровна
Динес Ривка Хаимовна
Дахлин Давид
Доидзе Соломон Ясеевич
Жвифт Семен Моисеевич
Занин Майром Монашеевич
Иоффе Давид Наумович
Иоффе Пинкус Иоселев
Идельсон Марк Лимпанов
Клавир Лев Соломонович
Конторский Самуил Сруль Давидович
Клюшин Борис Израилевич
Коган Владимир Абрамович
Коган Израиль Иремиевич
Копельман
Левитман Либа Берковна

Левит Эйдель Мееровна
Левин Иохим Давидович
Лернер Давид
Люксембург Моисей Соломонович
Липнин Иуда Лейбов
Левинзон Меер Абрамович
Луначарский Анатолий Васильевич
Маневич Абрам Эвель Израилевич
Мовшович Моисей Соломонович
Меерович Мовша
Миллер Абрам Липович
Марарам Эля Эвельич
Мейснер Иван
Махлин Тайва Зейлик Зельманович
Нахимзон Меер Ицкович
Натансон Марк
Окуджава Владимир
Осташинская Роза Гирш-Араповна
Оржеровский Марк
Пикер Семен Юльевич
Пейнесон Семен Гершович
Повес Исаак Сергеевич
Перель Ревекка
Пинлис Меер Бенцианович
Райн (Абрамович) Рафаил Абрамович
Райтман
Раков Моисей
Рашковский Хаим Пинкусович
Ривкин Абрам Яковлев
Робинович
Розен Хаим Иуда
Розенберг Лев Иосифович

Розенблюм Герман Хаскелев
Рубинчик Эфраим Абрам Аронов
Рохлим Мордха Вульфович
Рузер Леонид Исаакович
Рязанов Давид Борисович
Скептор Яков Лейвинов
Сегало Абрам Вульфович
Скутельский Иосиф Исаакович
Слободянский Соломон Мордкович
Соколинская Гитля Лазаревна
Тусенев Исаак Маркович
Тенделевич Леонид Абрамович
Тойбисман Ветя Израилевна
Фрейфельд Лев Владимирович
Финкель Моисей
Хефель Абрам
Цедербаум Юлий Осипович (Мартов)
Цукерштейн Соломон Срулев
Шейкман Аарон Лейбович
Шифрин Натан Калманович
Шейнис Исер Хаимович
Шейнберг
Шмулевич Эстер Исааковна
Шапиро Марк
Эренбург Илья

Таким образом, вслед за Лениным из Европы в Россию просквозило около 600 «профессиональных революционеров». Из США со своей командой – это 265 не менее пламенных революционеров! – торопился товарищ Троцкий (Лейба Бронштейн). Все рвались – как бы не опоздать! – к готовому пирогу. Что и говорить, врасплох застал февраль 1917-го и большевиков, и другие партии. Историк Г. Катков считает, что именно Израиль Гельфанд-Парвус подготовил смуту в феврале 1917-го: «Допуская, что вся правда нам недоступна, мы не имеем все-таки права прикрывать наше

незнание фразами о “стихийном движении” и “чаще терпения рабочих”, которая переполнилась».

В самом деле, кто-то же пустил слух о нехватке хлеба, спровоцировал нереальное требование рабочих о повышении заработной платы на 50%, кто-то должен был выдавать деньги бастующим рабочим. Ведь 22 февраля в Питере все было спокойно, и государь уехал в Ставку. А на следующий день бабы подняли бунт – в булочных нет хлеба. В очередях подле магазинов и лавок с пищевыми продуктами они открыто ругали правительство, а со слов лавочников и торговцев стала проясняться картина бабьего бунта, искусственно вызванная и кем-то организованная (помните, как в канун августовской капиталистической революции 1991-го в нашей богатющей стране вмиг опустели витрины продуктовых магазинов?). Товарищ обер-прокурора Св. Синода князь Н. Жевахов пишет в своих «Воспоминаниях»: «...передавали такие факты, которым нельзя было не верить и выдумать которых было невозможно. Так, например, указывалось на то, что первые 10–20 человек, составлявших “очередь”, были агентами Государственной Думы, скупавшими под угрозой насилия, за большие деньги, весь товар в магазинах и лавках, какой затем свозился в подвалы Таврического Дворца или же распродался по спекулятивным ценам другим лицам. В связи с недостатком керосина приводились факты, когда в частных квартирах тех же агентов керосином наполнялись даже суповые чашки, стаканы и кухонная утварь. Что эти факты не были измышлены, засвидетельствовали следующие дни революции, когда, тотчас после падения власти, появились огромные запасы хлеба, а цены на пищевые продукты настолько понизились, что достигли почти нормальных довоенного времени. Дума приписала такое явление своей распорядительности и участию к народным нуждам, оставшимся якобы в пренебрежении у “царского” правительства» (<http://krotov.info/history/20/1910/zhevahov4.html>).

А в действительности в Петрограде перед бабьим бунтом были вполне достаточные запасы муки. 450 тонн ее лежало на складах Калашниковской биржи. Из Таврической губернии к Питеру шли первые шесть

эшелонов, нагруженные зерном. Они должны были подойти к 25 февраля, а вторые – 2 марта. Этой муки хватило бы аж по май-месяц! Но вот что еще. На подъезде к Питеру в тупиках стояли еще три эшелона с мукой – якобы по причине неполадок в железнодорожных путях.

Вслед за бабами и забастовкой пекарей начались волнения рабочих. Забастовка на Путиловском заводе перекинулась на другие заводы. 22 февраля бастовало 80 тысяч, а 25-го забастовка была уже всеобщей – на улицу вышло свыше 200 тысяч рабочих. Демонстранты, заполнявшие центр Петрограда, нападали на полицейских. Казаки и солдаты отказывались содействовать полиции в усмирении, но в тот день все-таки пролилась первая кровь: было убито и ранено 60 человек.

26 февраля уличные беспорядки начали вроде затихать, но как раз в это время волнений в городе перебросили войска. Начался солдатский бунт. Горстка мятежников к вечеру превратилась в беспорядочную неуправляемую толпу. Они не признавали никакой власти. По городу покатили грузовики, с которых разбрасывались революционные прокламации. Вместе с рабочими уголовники, пьяные солдаты и подрывные элементы из евреев разгромили арсенал, захватили Петропавловскую крепость и освободили там всех арестованных. Потом толпа подожгла здание Окружного суда, принялась громить полицейские участки, тюрьмы...

«Пьяные солдаты, без ремней и расстегнутые, с винтовками и без, бегали взад и вперед и тащили все, что могли, из всех магазинов, – пишет в «Воспоминаниях о царской семье» Т. Мельник. – Кто бежал с куском сукна, кто с сапогами, некоторые и так совершенно пьяные, тащили бутылки вина и водку, другие все замотались пестрыми шелковыми лентами. Тут же бегал растерянный жид-ростовщик, бабы и гимназисты. Ночью (27 февраля) был пожар в одном из самых богатых магазинов, во время которого в погребе угорели пьяные солдаты» (*Мельник Т. Воспоминания о царской семье. 1993. С. 52*).

А вот что рассказывает о тех днях князь Жевахов: «Пользуясь промежутками между выстрелами, почти непрерывно раздававшимися на

улице, я то и дело подходил к окну своей квартиры и вот что я увидел. Перед окнами проходила одна процессия за другою. Все шли с красными флагами и революционными плакатами и были увешаны красными бантами... Вот прошла процессия дворников; за нею двигалась процессия базарных торговков; отдельную группу составляли горничные, лакеи, приказчики из магазинов. Все неистово кричали и требовали увеличения жалованья; все были пьяны, пели революционные песни и грозили “господам”; все были куплены, наняты за деньги, все выполняли данное им задание» (<http://krotov.info/history/20/1910/zhevahov4.html>).

27 февраля, в полночь, собрался Думский комитет под председательством Родзянко, который объявил, что правительство «находится в параличе» и решено власть в городе взять в свои руки. Тогда же самочинно возник другой орган власти – Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов под председательством эсдека Чхеидзе. 1 марта при Совете организовалась солдатская секция, и он стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов.

Вот первый состав его Центрального Комитета:

Чхеидзе – грузин,

Гуревич (Дан) – еврей,

Гольдман (Либер) – еврей,

Гоц – еврей,

Гендельман – еврей,

Каменев (Розенфельд) – еврей,

Саакиан – армянин,

Крушинский – поляк,

Никольский – национальность не установлена.

В первые дни революции о создании нового правительства не задумывались ни Временный Комитет Государственной Думы, ни Совет. Но 1 марта в здании «Армии и Флота» собралось несколько тысяч офицеров, была признана власть Временного Комитета. В ночь на 2 марта во Временный Комитет пришли никем не уполномоченные члены Ис-

полкома Совета: Суханов (Гриммер), Стеклов (Нахамкес) и Соколов. Поспорили немного о будущей форме правления и договорились о создании «Временного правительства» под председательством князя Г. Е. Львова. Для «успокоения революционной стихии» Думский Комитет предложил ввести в состав правительства двух социалистов: Керенского и Чхеидзе. Керенский остался, а Чхеидзе отказался. Пять министров в составе Временного правительства – Керенский, Некрасов, Коновалов, Терещенко и Ефремов – были из братков-масонов...

Шумные бабы с Выборгской стороны («Три дня хлеба нет!»), пьяная матросня, путиловские забастовщики, студенты, откосившие от фронта мировой войны, – и эта «революционная стихия» раскачала великую Россию?.. «Неудивительно, что не только народные массы, но и образованный класс не уяснил себе происходящего и не догадывался, что каждый “правительственный” шаг, каждый декрет и распоряжение узурпаторов власти имели в виду развалить Россию в наикратчайший срок. Но то, что не могли открыть ни знание, ни воображение, то открыло само время, обнажившее не только сущность происходящего, но и самый источник ее. Программа развала России разыгрывалась как по нотам. Сначала мобилизация преступников с их штабом – Государственной Думой, какая должна была выдавать революционные вожеления своих членов за подлинный голос народа и, дискредитируя Царя и министров, парализовать государственную деятельность правительства. Затем штурм правительства и свержение Царского Трона, образование из глупых честолюбцев и сознательных масонов нового, так называемого “Временного правительства” и рядом с ним специального контрольного аппарата в виде “Совета солдатских и рабочих депутатов” с Лейбой Бронштейном во главе», – это из воспоминаний князя Н. Жевахова.

И вот историк, очевидец февральской революции С. П. Мельгунов подчеркивает, что координация действий революционных сил внутри России «была преимущественно по масонской линии», в масонскую организацию входили представители разных партий «от большевиков до кадетов». На-

кануне революции имелось около 28 лож в крупнейших городах России, куда привлекались влиятельные деятели разных партий.

Но так ли легко приняли спровоцированный бунт солдатские массы? Вот что свидетельствует автор «Крестного пути» Ф. Винберг: «Пишущему эти строки пришлось лично наблюдать, как тяжело залегли на души большинства нижних чинов полка, которым он в то время командовал, первые дни переворота. Солдаты были нервны и смущены духом; многие из них плакали, а слезы в горле стояли почти у каждого; растерянность и недоумение было крайнее. Хотя последними пополнениями 1916 года были влиты в полк очень скверные люди, из петроградской черни, хотя агитация шла полным ходом, тем не менее переворот не легко отзывался на солдатской душе».

В архивах сохранились их письма с войны. Не одураченные, не затуманенные пропагандой, русские солдаты и их боевые командиры обращаются из госпиталей и окопов к семье государя, императрице Александре Федоровне, которая в трудное для России время вместе с дочерьми стала сестрой милосердия. Вот те письма. Почитайте их, прислушайтесь к дыханию ушедшего в историю времени.

Письмо из лазарета Ивана Суконцева

10 февраля 1915 г.

Ваше Императорское Величество, Государыня матушка, оказанным нам вниманием мы растроганы до глубины души, и, как дети, обласканные своей матерью, плачем, и даем в душе обет, не теряя и минуты по выздоровлении возвратиться в часть к своим товарищам, чтобы до конца грудью постоять за Царя, Святую Русь и Веру Православную до полного поражения врага.

206-го пехотного Сальянского Е. И. Высоч. Наследника Цесаревича полка прапорщик К. Пуликов

Имел счастье лично узнать, почему русский народ так любит свою Царскую Семью, а русский солдат так охотно ради нее жертвует своей жизнью.

*Командир 11-го отдельного Тяжелого Артиллерийского Дивизиона
полковник фон Зикль*

6 января 1916 г.

Непоколебимо убежден, что Господь дает мне возможность сохранить навсегда Светлейший образ Матушки-Царицы, государя Наследника Алексея Николаевича, Великих княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, Марии Николаевны, Анастасии Николаевны – милостивыми своими посещениями вносящими счастье и радость в среду раненых и больных в лазарете Большого Дворца.

И. Э. Мицкевич

27 апреля 1916 г.

Поеду к пластунам и расскажу им, что Царская Семья лечит раны воинов без лекарств. Лечился в Киеве, но не вылечился. Счастливый случай, и я поехал в Царское Село – Лазарет Большого Дворца. Все мое лечение закончилось после того, как увидел Царицу и Царевен, Великих Печальниц Руси.

Вот ведь как дело-то обстояло. Многомиллионная армия в подавляющем большинстве была предана Царю. И не без основания «избранники народа», по замечанию князя Н. Д. Жевахова, боялись этой армии: «Ибо знали, что рота преданных Царю солдат была бы в силах разогнать их и вздернуть на виселицу...

Все совершавшееся перед моим глазами, – писал Николай Дмитриевич, – все поведение Временного правительства и его приемы, все эти безостановочные речи, приказы, распоряжения, декреты, вся эта ни с чем не сообразная суэта, эти ночные заседания с истерическими выкриками, громогласные речи с портиков и балконов, увешанных красными тряпками, – все это казалось мне до того глупым, что я недоумевал, каким образом взрослые люди могут ставить себя сознательно в такое глупое положение и как они не сознают, что им вторят другие только страха ради иудейска, только потому, что толпа была уже терроризирована и боялась громко думать...

Значит, там была не только одна глупость, но были и сознательный умысел, стремление к определенной, заранее намеченной цели, применение заранее выработанных средств, осуществление определенной программы...

Конечно! Но об этих “программах” знали только те немногие, кто связывал революцию с еврейским вопросом; кто видел в этой вакханалии только способ достижения вековечных еврейских целей, сводившихся к мировому владычеству, к уничтожению христианства и порабощению всего мира. Но таких людей было мало, и даже в составе Временного правительства было больше глупцов, чем активных деятелей революции... Они тешились своим знанием министров, наивно воображали себя таковыми; а на самом деле были только глупенькими пешками в руках тех, кто, играясь с ними, вел свою собственную линию, насмехаясь над ними» (<http://krotov.info/history/20/1910/zhevahov1.html>).

Одним из тех, кто революцию связывал с еврейским вопросом, был уже упоминаемый нами автор исторического исследования, вышедшего под названием «Крестный путь», – Ф. Винберг. Вот что он писал по этому поводу: «Социал-революционеры, а главное – их еврейские руководители – отлично знали свое дело, вели его планомерно и в высшей степени искусно.

Для разрушения России евреям необходима была помощь самих русских людей, и на такое приспособление русских людей они с давних пор направили свои стремления. Казалось бы, что подобные стремления являются совсем дикими и несбыточными. Как же можно было рассчитывать, что русские люди будут помогать евреям разрушать русское же государство? Ведь это выходило бы чем-то вроде нелепости и несообразности.

Оказалось, что на такую нелепость и несообразность рассчитывать было можно: евреи блистательно это доказали. Ибо они сумели устроить так, что Русское Государство было разрушено русскими же руками.

Этих русских людей надо было только сделать, как это стало называться на революционном языке – “сознательными”. Тут, в этом слове, заключалась вся премудрость обращения русского народа в палача своей собственной Родины. “Сознательный” был и атеистом, и социалистом, и

интернационалистом, и террористом по приказу пейсатого начальства, и, наконец, тем партийным работником, который, не мудрствуя лукаво, творил в России еврейское дело не за страх, а за совесть. Сначала “сознательными” были сделаны русские студенты да учащая молодежь, на которую Родина по праву рассчитывала как на очередных “выполнителей” русских национальных и государственных идеалов. Расчеты не оправдались, ибо эта молодежь, почти вся, была заведена, как стадо баранов, в дебри политиканствующей софистики и в них запуталась.

Затем пошла очередь рабочих: и они стали почти сплошь все – “сознательными”.

Оставалось самое трудное, а именно – сделать “сознательными” русских солдат Армии. Твердый это был оплот Царя и Родины; нелегко было развратить эту мощную государственную силу... Но евреи и тут не оплошали: с помощью двух неудачных войн, через посредство напряженных усилий повсеместной агитации и этот оплот удалось свалить, да еще свалить так удачно, что выскочивший из обломков “сознательный товарищ” стал, “за милу душу”, Родину свою разрушать с таким усердием, что превзошел все возложенные на него ожидания».

Здесь автор замечает: «Но если глупость – от Бога, то подлость – от злой воли человека, от низости его душевных свойств, и потому простить подлую измену, которой себя обесчестили многие штабные офицеры – никак нельзя...

Государственный переворот 1 марта 1917 года не удался бы, если б во многих штабах действовавших армий не сидели участники заговора, среди которых оказались даже и командующие армиями.

С тех пор как стоит Россия, такого черного дела никогда еще не записала история в свои летописи: чтобы русские военачальники, руководители русских войск в войне, решавшей участь Отечества, могли забыть святую обязанность верности данной Присяге и злоумышлять против самого Государя, бывшего одновременно и Верховным Главнокомандующим, обсуждать со своими же подчиненными и иностранными офицерами “союзнических” стран подробности подготавливающегося

преступления – нет! Такой другой подлости не знает наша История да и история других народов».

По сути, это была государственная измена, и прежде всего, высшего командного состава, значительная часть которого состояла в масонских ложах.

Генералы Рузский, Алексеев, Лукомский, Брусилов, Эверт, адмиралы Нелепин и Колчак, даже дядя государя великий князь Николай Николаевич, изменив офицерской чести и долгу присяги, поставили государя в необходимость отречься от престола.

Но вот телеграмма в день отречения Царя, 2 марта, Рузскому от генерала Сахарова: «Я уверен, что... горячая любовь моя к Его Величеству не допускает в душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам от Председателя Государственной Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что Армия и Флот непоколебимо стали бы за своего Державного Вождя, если бы не были призваны к защите родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни Армии. Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, и непоколебимо верноподданный Его Величеству, рыдая принужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу предъявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний. Яссы, 2 марта. № 13317. Генерал Сахаров» (http://pobeda1914.ru/page_784).

На следующий день Рузский получил телеграмму генерал-адъютанта Хана-Нахичеванского: «До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха».

Нельзя было усомниться в их верности престолу. Однако генералы Хан Нахичеванский, Келлер, Лечинский о событиях узнали, лишь когда все свершилось. От войск и верных военачальников государя заговорщики скрывали положение дел в дни переворота, и он, введенный в заблуждение сообщениями, поступавшими от главнокомандующих, принял отречение, смиренно разделив судьбу своего народа.

Генерал Деникин вспоминал, что во время чтения манифеста об отречении Государя от престола «в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы». Армия была поставлена перед свершившимся фактом.

Уже отрекшийся от престола, 7 марта, вечером, после шести часов, Николай Александрович Романов писал свое прощальное обращение к Русской армии. В этом его обращении было полное забвение личных интересов – одна лишь забота о России и о русском народе. Царь верил в силу народа и указывал на необходимость повиновения Временному правительству... слушаться начальников...

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

ОТ 8 МАРТА 1917 г. № 371

Отрекшийся от престола император Николай II перед своим отъездом из района действующей армии обратился к войскам со следующим прощальным словом:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежедневно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий!

Николай

8 марта 1917 г. – Ставка.

Подписал

Начальник Штаба генерал Алексеев».

Приказ этот – прощальные слова Русского царя к своим войскам, а через них ко всей Великой России – был задержан в Ставке. Генерал Алексеев сообщил о нем по телеграфу новому главе Военного министерства Гучкову, но в ответ в Ставку пришло торопливое распоряжение с воспрещением печатать и распространять прощальное обращение царя к русским солдатам.

В дневнике Государя осталась запись: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого... Кругом измена, трусость и обман...»

P.S.

«Хоть убей, следа не видно.
Сбились мы... Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам».

А. Пушкин

«Видели ли вы когда-нибудь, чтобы рота жидов, под предводительством православного христианина, шла бы осквернять или разрушать еврейскую синагогу?! А вот роту православных солдат, под предводительством жидка идущую осквернять и громить православные храмы, – вы все

видели. Вот откуда идет зараза, вот кто учит вас восставать против ваших батюшек; а вы верите хитрости и повторяете их слова... Мыслимое ли дело, чтобы горсть жидов могла командовать целыми армиями православных солдат и их руками свергнуть Престол даже самого Царя?!»

Князь Н. Жевахов. Воспоминания. М., 1993.

«РАЗЛИВ» НА ДВОИХ

Весна семнадцатого вступала в свои права. Как и сто, и двести, и тысячу лет назад на Равнину Русскую слетались жаворонки, скворушки, соловьи, гнездились здесь, чтобы продлить свой певучий род – чтобы их жизнь продолжалась в других, таких же, как они, которые тоже потом прилетят, вернуться к притихшим, взгрустнувшим за зиму по их песням лесам, солнечным полянкам, бескрайним русским просторам. Вернуться, чтобы в небе России никогда не обрывалась их песня – дивный гимн любви к родине...

«Буйными днями восторга» – после отречения Государя-императора от престола – назвал весну 1917 года еврейский общественный деятель, один из лидеров российских либералов М. Винавер. «Сколько еврейских юношей, только что оторвавшихся от Библии и Талмуда, шли на борьбу и гибли за этот, казалось бы, чужой им, крестьянский народ...» – писал он. Но в том бунте баб, пьяных матросов да солдатни гибли-то не евреи. Только за несколько дней в конце февраля в Кронштадте было убито 60 морских офицеров, в Гельсингфорсе – 39. С изданием знаменитого приказа Совета рабочих и солдатских депутатов, известного под № 1, началось полное разложение всей армии! Евреев это не касалось.

В первые недели после февраля они по-прежнему «жгли глаголом сердца» восставших. Нахамкес, Либер, Дан трещали с трибун, выступали со сцен Петроградского Совета так часто, что появился даже термин «либерданить». Это о них еще в 1905 году Коба сказал: «Жида обрезанные... Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься.

Трусы и торгаши». Похоже, не случайно историк литературы Б. Эйхенбаум записал разговор, подслушанный им в книжном магазине. Такое вот суждение гардемарина: «Революция безумна, ее сделало меньшинство, группы, в Совете рабочих депутатов нет русских. Церетели, Чхеидзе, Нахамкес – все от предателей до изменников, которых надо вешать». А хозяйка книжного магазина еще и добавила: «Все сделали евреи». Но от таких разговоров «буйные дни восторга» ничуть не меркли.

Вскоре после отречения царя в Питере началась подготовка, а в мае уже и состоялся Седьмой всероссийский съезд сионистов. На весь Питер гремел тогда некто Идельсон: «Да здравствует сионизм!» И вот уже готова веселенькая такая программка – Россию сделать колонией Израиля! Бундовцы не стали спорить и выступили в поддержку столь заманчивого предложения: утвердить Сион не в Палестине, а в России.

Давно ли в местечке Ляховичи бундовцы и сионисты устроили между собой кровопролитную бойню, да такую, что минский губернатор вынужден был докладывать министру внутренних дел. Тогда был убит известный сионист Буссель. Но, в конце концов, все обошлось – ведь все все-таки свои, поссорились и помирились.

Только вот корифей марксизма Г. В. Плеханов косо смотрел на бундовцев. Господин Г. Шукман доподлинно свидетельствовал, что правый марксист предупреждал Ленина о Бунде, мол, это – не что иное, как организация для эксплуатации русских, что задачей «Искры» должно быть вышибание Бунда из партии, что якобы все евреи являются шовинистами и националистами, что российская партия должна быть партией для русских и что они не должны подчиняться этой «змеиной расе». Плеханов указал также Ленину, что он слишком мало общался с евреями, чтобы «знать, как вести с ними дело».

Что мог сказать Ильич? Георгию Валентиновичу было виднее. У него и жена была еврейка, и сотоварищ по марксизму П. Аксельрод – еврей. С ним вместе они как-то даже письмо в Нью-Йорк сочинили – доктору Ингерману, тоже вот социалисту еврейского происхождения. Дело в том, что некий Дзержинский, Феликс, свидетельствовал, будто польская социал-демократия «пропала рядом с Бундом». Вот Плеханов с

Аксельродом и просили доктора Ингермана помочь бороться с «жидками из Минска и Вильны». Но бундовцев об этом уже предупредил Марк Либер, кстати, родственник Дзержинского. И все же Георгий Валентинович относительно Ильича ошибался. Он, конечно, мог не знать, что дедушка Ленина был чистокровный еврей – Сруль Мойшевич Бланк. Да и с евреями Ильич общался вполне достаточно, чтобы «знать, как вести с ними дело». По его свидетельству, большевики не имели шансов на победу, если бы не прибегли к помощи 1 400 000 «местечковых жидков», которые пышно произрастали на «культуре разложения», обеспечиваемой русским масонством.

С радостью встречал «буйные дни восторга» и банкир Якоб Шифф, владелец в Штатах фирмы «Кун, Лейб и К°». Яша весело потирал руки: ведь то, что он не смог устроить в России в 1905–1907 годах, удалось сейчас! Доволен был и вождь первой «русской революции» Израиль Гельфанд-Парвус: 50 миллионов марок, полученных им от Германии, сработало куда как надежнее его прибыли от торговли презервативами – хватило и на февральский переворот, и на паровоз с «запломбированным вагоном» для Ильича и его команды...

Так вот среди шальных агитаторов с горящими глазами, пьяной матросни, крикливых баб и великих князей, разукрашенных красными бантами, зарождалось тихое и светлое чувство – любовь...

Из воспоминаний Анны Аллилуевой:

«Первые мартовские вечера всегда, казалось мне, преображали знакомые улицы столицы. Эту сумеречную необычность широких проспектов Санкт-Петербурга, – мы называли его теперь Петроградом, – я ощущала особенно остро весной 1917 года.

Обновленным, молодым, по-иному красивым представал передо мной Петроград.

Шагая вечерами после занятий домой, я жадно подмечала каждую подробность весенней жизни города. Милиционер в студенческой фуражке неловко и непривычно переминается на посту, поднимая руку с красной повязкой на рукаве. Грузовик останавливается на углу, окруженный толпой молодежи. «Ми-

тинг», – думаю я. Остановиться, послушать? Нет! Я бегу дальше. Нельзя задерживаться: дома сейчас собирается семья. Скоро вернется отец: мы редко видим теперь его дома: в завкоме и на электростанции у него много дела. А мама вернется тоже поздно. Хозяйство, заботы о быте лежат на мне. Я прибавляю шагу. Я тороплюсь к паровичку.

Пыхтя и громокая, подкатывают к остановке двухэтажные вагончики. Я взбираюсь наверх. Паровичок, собравшись с силами, устремляется вперед, пробегает Старо-Невский и мчит нас к набережной. Нева здесь угрюмая. Ей точно скучно после дворцов и парадных особняков омывать унылые домишки заставы. Я соскакиваю с поезда там, где Нева подбегает к корпусам Торитоновской фабрики. Напротив поднимаются три этажа нашего дома. Там пункт кабельной сети, которым заведует отец. Я вбегаю в подъезд. В радостной приподнятости (она не покидает меня с первых дней революции) вхожу домой. Кто-то из товарищей монтеров открывает дверь.

– Наши дома? – спрашиваю я и оглядываюсь, висят ли в передней знакомые пальто.

Но мужское черное драповое пальто на вешалке мне незнакомо. И на столике чей-то длинный теплый полосатый шарф.

– Кто у нас? – спрашиваю я монтера.

– Вернулся Сталин... – отвечает он. – Из ссылки... Только приехал.

Сталин! Иосиф! Вернулся! Уже в Петрограде! Да, да: он ведь писал отцу с дороги. Мы ждали его. И все-таки эта весть поражает меня. Быстро распахи- ваю дверь. В комнате, у стола, стоит наш гость. Я помню: он не любит долго сидеть и, даже рассказывая что-нибудь, шагает по комнате. Движения его при этом спокойны и уравновешенны. И сейчас вот, увидев меня, он неторопливо делает шаг в мою сторону.

– А!.. Здравствуйте! – говорит Иосиф.

Я не видела его четыре года. Четыре года, которые он провел в ссылке, в тяжелом, суровом одиночестве. Да, конечно, он изменился. Я хочу уловить: в чем же то новое, что я замечаю в нем? В одежде? Нет. Он в таком же темном, обычном для него костюме, в синей косоворотке. Странными, пожалуй, кажутся мне его валенки. Он не носил их раньше. Нет, изменилось его лицо. И не только потому, что он осунулся и похудел, – это, должно быть, от усталости. Он так же выбрит, и такие же, как и раньше, недлинные у него усы. Он так же худощав, как прежде. Но лицо его стало старше – да, да, значительно старше! А глаза – те же. Та же насмешливая, не уходящая из них улыбка.

– Как вы нас отыскивали? – нахожу я наконец слова. – Вот уж не думала увидеть вас сегодня.

Иосиф вынимает изо рта свою трубку – трубку, без которой с тех пор я не могу его представить.

– Видите, отыскал. Попал, конечно, туда, на старый адрес, на Выборгскую... Там сказали... И куда вас в эту даль занесло? Ехал на паровике, ехал, ехал, думал – не доеду.

– Да, мы недавно здесь. Думаем переезжать. А давно ли вы тут у нас? Папа скоро вернется, и мама тоже, – бросаю я слова, досадуя, что вот наконец-то из такого далека приехал долгожданный человек – никто его не встретил, не принял, как надо.

– Да час, пожалуй, с лишним. Ну, как вы здесь, все? Что Ольга, Сергей? Где Павел, Федя? Где сестра?

Я тороплюсь объяснить, что Павел на фронте и писем от него давно уже нет. Федя, наверное, где-то задержался. А Надя сейчас придет – она на уроке музыки.

И, спохватившись, я вспоминаю о своих хозяйских обязанностях:

– Вы, наверное, голодны. Хотите поесть? Я сейчас приготовлю.

– Не откажусь... От чаю не откажусь...

Я выбегаю из комнаты – скорей на кухню: успеть бы управиться. В передней сталкиваюсь с отцом.

– Иосиф приехал... – бросаю я на ходу.

Отец торопливо шагает в столовую. Я слышу взволнованные восклицания, вопросы. Папин голос радостно гудит.

Самовар только что разожжен, когда в кухне появляется Надя.

– Кто это у нас? – спрашивает она с любопытством. Она даже не успела снять свою шапочку и пальто.

– Иосиф приехал... Сталин...

– А!.. Иосиф!..

Надя сбрасывает пальтишко и идет в столовую. Когда я вновь появляюсь, чтобы накрыть на стол, в столовой уже оживленно и шумно. Отец, мама, Надя, Федя окружили Иосифа. Смех, взрывы смеха... Сталин в лицах изображает встречи на провинциальных вокзалах, которые присяжные, доморощенные ораторы устраивали возвращающимся из ссылки товарищам. Иосиф копирует очень удачно. Так и видишь захлебывающихся от выпретенных слов говорильщиков, бьющих себя в грудь, повторяющих: «Святая революция, долгожданная,

родная... пришла наконец-то...» Очень смешно изображает их Иосиф. Я хохочу вместе со всеми.

– Кормите же скорее гостя, – торопит нас отец.

Мы хлопочем вдвоем с Надей. И скоро на столе дымятся сосиски, которые, к нашей величайшей радости, нашлись в шкафу.

Долго мы сидим, слушаем гостя.

Сталин рассказывает, как торопился он в Питер из Ачинска, где застали его события 17 февраля. Он приехал в Петроград одним из первых. Конечно, если бы он ехал из Курейки, то был бы в пути дольше. С группой ссыльных он на экспрессе доехал из Ачинска в Петроград за четыре дня.

Сталин рассказывал, как попал он в Ачинск. В октябре 1916 года ссыльных призывали в армию. Из Туруханского края ссыльных-призывников и с ними Иосифа Виссарионовича отправили в Красноярск. Добирались туда на собаках, на оленях, пешком. На пути останавливались, встречались с ссыльными товарищами, а чтобы не вызывать подозрения, устраивали гулянки: мобилизованные, дескать, кутят – прощаются перед уходом в армию.

Но для армии Сталина забраковали.

– Сочли, что я буду там нежелательным элементом, – говорил он нам, – а потом придрались к руке.

Левая рука Сталина плохо сгибалась в локте. Он повредил ее в детстве. От ушиба в руке началось нагноение, а так как лечить мальчика было некому, то оно перешло в заражение крови. Сталин был при смерти.

– Не знаю, что меня спасло тогда: здоровый организм или мазь деревенской знахарки, но я выздоровел, – вспоминал он.

Но след от ушиба на руке остался на руке навсегда, к этому-то и придрались красноярские чиновники. Отбывать оставшийся срок ссылки они послали Сталина в Ачинск. Мы просим Сталина рассказать о ссылке, о крае, где провел он столько лет. И он говорит: о севере, о тундре, о бесконечных снежных далях, о замерзших реках, где у проруби просиживают часами низкорослые добродушные люди. Он жил в их простой избе. Он заслужил их доверие, и они полюбили его.

– Они звали меня Осипом и научили ловить рыбу. Случилось так, что я стал приносить добычи больше, чем они. Тогда замечаю – хозяева мои шепчутся. И однажды говорят: “Осип, ты слово знаешь!” Я готов был расхохотаться. Слово! Они выбирали место для ловли и не уходили, – все равно, шла рыба или нет. А я выйду на ловлю, ищу места: рыба идет – сию, нет ее – ищу другое место.

Так – пока не добыю улова. Это я им и сказал. Кажется, они не поверили. Они думали, что тайна осталась при мне.

Он вспоминал северные реки: Енисей, Курейку, Тунгуску, волны которых текут, сливаясь с небом, спокойным и задумчивым, молчаливым небом севера. Но яростны и неукротимы волны северных рек, когда они поднимаются на человека.

– Случалось, что буря заставляла меня на реке. Один раз показалось, что все уже кончено. Но добрался до берега! Не верилось, что выберусь, – очень уж разыгралась тогда река.

Потом Иосиф Виссарионович начинает расспрашивать нас о пережитом. Ему интересны все наши рассказы.

Самовар давно потух, а мы все сидим и слушаем гостя.

– А когда вам завтра вставать? – спрашивает Иосиф. – Мне надо завтра рано утром быть в редакции “Правды”.

– И мы встаем рано. Нам тоже надо в город... Мы разбудим вас, – обещаем мы.

Сталина укладывают спать в столовой, там же, где спит папа, на второй кушетке. Мы уходим в комнату рядом – это наша общая спальня: моя, мамы и Нади.

Но спать нам не хочется. Мы с Надей болтаем, шепчемся, вновь и вновь вспоминаем. Неожиданно Надя повторяем слова вокзальных ораторов, которым так удачно подражал Сталин. Это до того смешно, что мы не можем удержаться и фыркаем в подушки. Мы знаем, что за стеной ложатся спать, но чем больше мы стараемся удержать смех, тем громче наши голоса. И вдруг стук в стенку. Это отец.

– Да замолчите вы наконец, егозы этикие! Спать пора!

Восклицание отца покрывает голос Иосифа:

– Не трогай их, Сергей! Молодежь... пусть смеются...

И только тогда, притворившись, что мы и в самом деле пристыжены, мы замолкаем.

Но рядом в комнате еще слышны голоса. Сталин беседует с отцом о делах электростанции, о районах, с которыми связан папа. Отец делится своими сомнениями, рассказывает о своих успехах:

В завкоме много меньшевиков и эсеров, приходится здорово воевать...

– Как, рабочие читают “Правду”? – спрашивает Сталин.

– “Правда” идет нарасхват, – говорит отец. – Не хватает экземпляров...

Мы уже засыпаем, но все еще слышим густой отцовский голос, прерываемый короткими, отрывистыми репликами Сталина.

Нам не приходится утром будить гостя. Он просыпается раньше нас. Мы усаживаемся за стол и торопливо пьем чай. По рукам ходят свежие газеты. Утро приносит вести о том, что творится там, за стенами дома, там, куда сейчас уйдет Иосиф, куда уходит отец и куда готовимся уйти и мы.

– Скорей, скорей, – торопит нас Иосиф Виссарионович.

Опять старомодный, запыхавшийся паровичок бежит к остановке. Вчетвером – Иосиф, Федя, Надя и я – мы взбираемся на крышу двухэтажного вагончика.

– Куда, собственно, вы собрались? – допытывается Иосиф Виссарионович. – Сегодня воскресенье...

Мы объясняем Сталину, что собираемся переезжать с Невской заставы, где так далеко от города, и едем искать новую квартиру. На одной из Рождественок сдается, кажется, совсем подходящая.

– Ну, вот и хорошо, – довольно замечает Иосиф. – Вот и хорошо. Только вы обязательно в новой квартире оставьте комнату для меня. Слышите, обязательно оставьте...

С этими словами он вместе с Федей покидает нас. И еще раз, кивая нам на прощанье, повторяет:

– Так смотрите же, обязательно. И для меня комнату! Не забудьте...»

Еще до заполярной Курейки Иосиф Джугашвили был арестован и 9 сентября 1911 года сослан в Вологодскую губернию. А в январе 1912-го в Праге состоялась общепартийная конференция представителей РСДРП, на которой произошел разрыв сторонников Ленина с мутившим воду еврейским Бундом и поддерживающими их меньшевиками. Так Пражская конференция положила начало самостоятельной партии большевиков. Бундовцы же на конференцию вообще не явились – пытались организовать раскол в РСДРП, понятно, были против решений Пражской конференции, не признали и новый состав ЦК. А в августе того же года они сколотили блок, в который вошли меньшевики-плехановцы, Троцкий с компашей и прочие противники большевиков.

На Пражской конференции был создан практический центр для руководства революционной работой в России – Русское бюро ЦК, принято

решение об издании газеты «Правда». Но вот что еще стало знаменательным в связи с рождением новой партии: в состав ее ЦК – заочно! – был избран Сталин. По предложению Ленина, ему поручили возглавить Русское бюро ЦК.

Так что в конце февраля ссыльный Коба снова в бегах. ЦК направляет его в различные районы России, где он ведет работу по подготовке к очередной «маевке», под руководством Сталина 22 апреля (5 мая по новому стилю) выходит первый номер «Правды». В этот же день в Петербурге его арестовывают прямо на улице и заключают в тюрьму. Потом дорога в далекий Нарымский край – ссылка на три года, откуда уже в сентябре 1912-го Сталин успешно бежит в Питер, где руководит работой большевиков в избирательной кампании в IV Государственную Думу, редактирует «Правду», а в ноябре нелегально пересекает границу для встречи с Лениным.

Ленин в это время в Кракове. При встрече он поручает Сталину написать статью по национальному вопросу – нанести удар по «оппортунистам» из Бунда. И Сталин в январе 1913 года едет в Вену, где с энтузиазмом принимается за эту работу.

«У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и прочие материалы», – это Ленин пишет Горькому (<http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/biografiya/basinskij-gorkij/zamechatelnyj-gruzin.htm>), а весной того же года статья «Марксизм и национальный вопрос» вышла в свет и стала программной декларацией в марксистско-ленинской теории по национальному вопросу. В ней впервые под видом критики Бунда, который держал курс на позиции еврейского буржуазного национализма, речь, по сути, шла о сионизме. В письме Каменеву Ленин еще раз дает высокую оценку этой работы: «Статья очень хорошая. Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи» (http://www.nnre.ru/istorija/dose_lenina_bez_retushi_dokumenty_fakty_svidetelstva/p15.php).

С возвращением в Питер Сталин совместно с Молотовым руководит работой Центрального Комитета и Петербургского комитета большевиков,

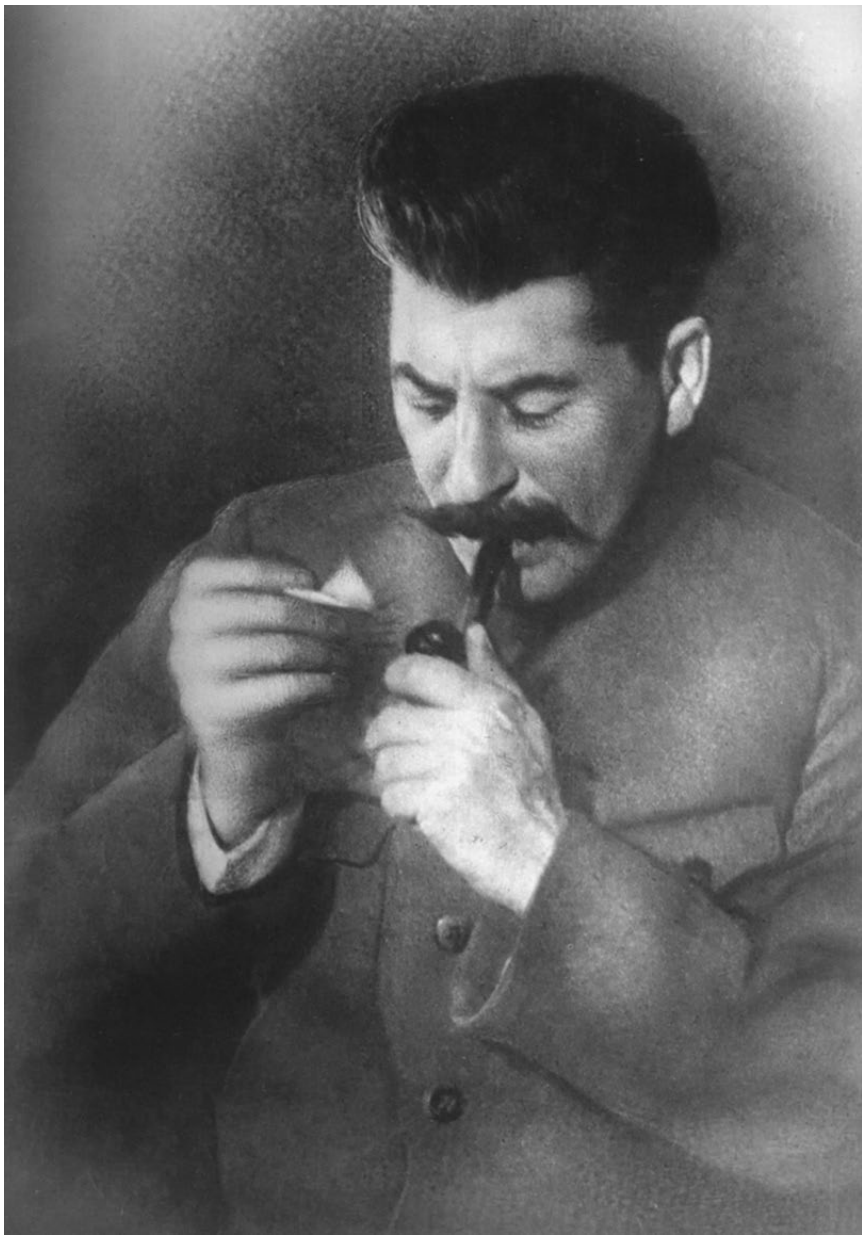
редактирует «Правду». Выходят его статьи «О Советах рабочих и солдатских депутатов», «О войне», «Об условиях победы русской революции».

А как дела с «запломбированным вагончиком»? Да никаких проблем! Немцы – народ аккуратный, дисциплинированный. Как договорились, на пустынной пограничной станции к германскому поезду прицепили полумягкий вагон «микст» и... «наш паровоз быстрее лети, в коммуне остановка!». «Путешественники» заранее подготовились к поездке – прихватили с собой шоколад, кое-что из продуктов, и, к их удивлению, как вспоминает Е. Усиевич, «немецкие власти, желая, очевидно, показать едущим в Россию русским, что к концу третьего года войны у них еще есть неисчерпаемые запасы продовольствия», распорядились, чтобы всем русским был выдан ужин.

Так крутая компания катила по маршруту до станции «Россия», далее – везде...

Еще в начале Первой мировой войны пахан революции Парвус готовил так называемый Меморандум, где все было расписано – как и когда готовить массовую политическую забастовку, кому поручить это дело; где и среди кого вести политическую агитацию, формировать общественное мнение; каким регионам уделить особое внимание. Сибирь – заветная мечта американских евреев, Кавказ, Финляндия, украинские села – все-то учел Израиль Гельфанд. Уже тогда нэньке-Украине он обещал «незалежність», писал, что в Соединенных Штатах и Канаде «у российских социал-демократов и еврейского Бунда имеются важные связи», и подчеркивал, что из их среды «можно будет послать агитаторов в Россию».

«К весне надо подготовить в России массовую политическую забастовку под лозунгом: “Свобода и мир”. Центром движения будет Петербург, а в нем – Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна охватить железнодорожные коммуникации Петербург – Варшава, Москва – Варшава и Юго-Западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка будет проведена прежде всего в крупных центрах с большим количеством рабочих, в железнодорожных мастерских и т. п. Чтобы сделать забастовку всеобщей, везде, где только можно, будут взорваны железнодорожные мосты, как это имело место во время забастовочного



И. Сталин на XV съезде ВКП(б). Декабрь 1927 г.

движения 1904–1905 гг.» (<http://rusidea.org/?a=450062>), – давал установки в своем «Меморандуме» доктор Гельфанд и уточнял даже технические детали подготовки восстания:

- Точные карты железных дорог с обозначением наиболее важных мостов с указанием административных зданий, депо и мастерских, которым должно быть уделено наибольшее внимание.

- Точные указания количества взрывчатки, необходимой для достижения цели в каждом конкретном случае. При этом надо учесть дефицитность материалов и сложность условий, в которых будет выполняться задание.

- Ясные инструкции по обращению со взрывчаткой при подрыве мостов, больших зданий и т. п.

- Простые рецепты изготовления взрывчатых веществ.

- Разработка плана сопротивления восставшего населения Петербурга вооруженным силам с особым учетом рабочих кварталов, обороны домов и улиц, сооружения баррикад, защиты от кавалерии и от проникновения пехоты и т. д.

Изобретатель для такой заварушки крыши – Совета рабочих и солдатских депутатов – Гельфанд-Парвус завел в Копенгагене организацию под маркой научного института, на которую работали около 10 его резидентов. Сам пахан к Питерской разборке на этот раз не поспел. Его современники намекали, мол, Геля тогда крепко загулял и на бабки, собранные от пьес пролетарского писателя Горького, весело проводил время с социалкой Розой Люксембург. Запаздывал с братвой из Штатов и Бронштейн-Троцкий. Так что на стрелку в Петрограде в начале апреля 1917-го вышел один Ильич.

Третьего числа того месяца он прибыл на Финляндский вокзал. Забрался на броневик и закатил речь. Это был, конечно, не танк образца 1991 года, но тоже внушал...

Граф В. Н. Коковцев, в свое время министр финансов, вспоминал: «Весна 1917 года прошла в каком-то чаду, под неумолкаемый гул выстрелов на улицах и под гнетом ежедневных декретов Временного правительства, расшатывавших нашу государственную машину с какой-то злорад-

ной поспешностью и незаметно, но верной рукой подталкивающих захват власти большевиками» (см.: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kok0_00.php).

Керенский косил под демократа. Временное правительство боялось, что Европа обвинит его в зажиме свободы, так что Ильич на следующий же день после приезда вошел в Таврический дворец, где заседала Дума, и ринулся в бой с единой целью – захват власти...

Временное правительство состояло из людей, для которых Россия была лишь временным местопребыванием, а точнее, территорией для реального осуществления трехтысячелетней мечты. В первый же месяц своего правления правительство Керенского отменило все формальные ограничения для иудеев, и они тут же из аптекарей, провизоров, шинкарей да часовщиков с редкой самоуверенностью, что «все знают и все могут», рванули к креслам руководящих постов Российской империи.

Управляющим делами Временного правительства стал еврей А. Гальперин, крупными шишками на Святой Руси – евреи С. Шварц, Д. Далин (Левин), И. Ляховецкий (Майский), Я. Новаковский – это братва из социал-демократов – меньшевиков и «бундовцев». М. Винавер, Г. Блюменфельд, О. Грузенберг, И. Гуревич стали сенаторами, городским головой Петрограда – еврей Г. Шрейдер, Москвы – еврей О. Минор... В этой связи вспоминается анекдот времен очередной «перестройки» России: звонок в администрацию президента: «Моя фамилия Рабинович. Вам не нужны такие специалисты?..»

Но вот деталь из политической жизни после царя – от февраля до октября 1917 года. Всю власть в стране – и законодательную, и исполнительную – фактически прибрали себе Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Общегосударственный Совет с первых же недель революции стал вторым правительством, и евреи в нем, заняв ключевые позиции, играли руководящую роль. Они занимали руководящие положения и в партиях, соперничающих друг с другом. Партии «социал-революционеров», «социал-демократов – большевиков», «социал-демократов – меньшевиков», «Бунд» – еврейские меньшевики-марксисты, «анархисты» – все называли себя революционными. В центральных комитетах этих партий подавляю-

щее большинство – от 60 до 80 %, а в «Бунде» все 100 % – составляли евреи. Из их представителей и складывались совдепы и ревкомы, чей авторитет у публики превосходил авторитет Временного правительства.

...Таврический дворец, 4 апреля 1917 года. Здесь собрались вместе члены РСДРП, расколовшейся на две фракции – партии большевиков и меньшевиков. В Совете депутатов тон задавали меньшевики. Они предложили большевикам объединиться. «Ребята, давайте жить дружно»... Но не для этого торопился из Швейцарии в Россию товарищ Ленин. В своих «Революционных силуэтах», прорвавшихся в свет в 1923 году, а затем переписанных с точностью до наоборот, Мандельштам (А. Луначарский) вспоминал, как уже на II Съезде социал-демократов начался раскол этой партии:

«Первый параграф устава? Разве стоит колотиться из-за этого? Размещение кресел в редакции? («Искры». – С.Г.) – да что они с ума сошли за границей?» – писал Мандельштам-Луначарский. А весной 1917-го, в безвременье России, во главе которой оказался болтливый юрист Керенский – везет Святой Руси на юристов! – Ленин и слышать не хотел о каком-то там объединении. В «царской комнате» Таврического дворца он закатил речь, вошедшую в историю партии большевиков с кратким названием «Апрельские тезисы», – это о переходе буржуазно-демократической революции к революции социалистической – и ушел. Вождь пролетариев всех стран и слушать не хотел, что там кричали меньшевики.

Через 20 дней открылась VII (Апрельская) конференция большевиков, на которой тезисы из «царской комнаты» стали для них установкой. Никто тогда и не предполагал, что две простецкие фразы: «Никакой поддержки Временному правительству!» и «Вся власть Советам!» – так легко овладеют умами простодушного российского электората... Там что-то еще возникал Рыков со своими правыми настроениями, Каменев – с антиленинской линией, но это был лишь пар в свисток.

На конференции с докладом по национальному вопросу выступил Сталин. Перед выборами членов ЦК за его кандидатуру выступил Ленин, он сказал, что Сталин такой человек, на которого можно положиться в любом деле, и что он обязательно должен быть в составе ЦК.

В мае 1917 года на Политбюро ЦК Сталин был выбран в качестве его члена и с тех пор – навсегда.

3 июня в Питере собрался I Всероссийский съезд Советов. Из 1000 делегатов, несмотря на усилия Ленина, большевиков оказалось всего лишь 105 человек. Но меньшевики дрогнули. Они заявили, что в России нет такой партии, которая согласилась бы взять власть в свои руки. Тут среди собравшихся поднялся один и произнес: «Есть такая партия!» Это был Ильич. На съезде Временное правительство получило поддержку меньшевистско-эсеровского большинства. ЦК был выбран оборонческий, и тогда военный и морской министр Керенский погнал русских солдат в наступление.

18 июня части Юго-западного фронта прорвали неприятельскую линию укреплений и захватили немецкие позиции. Это вызвало ликование министра, который к военным делам имел такое же отношение, как, скажем, специалист по табуреткам к симфоническому оркестру. Прорыв фронта был тогда обеспечен огромным перевесом в живой силе и артиллерии ударных частей: 184 батальона против 29 германских и в 3 раза больше артиллерии. «Сегодня великое торжество революции... сегодня предел злостным нападкам на организацию русской армии, построенную на демократических началах», – восторженно телеграфировал Керенский Временному правительству. «Демократические начала» Керенский скоро ощутит на своей шкуре. А пока это был пустой звук, в чем российские демократы всегда великие мастера. Так сказать, «Вперед, Россия...»

А в тот день под лозунгами большевиков: «Долой войну!», «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» – в Петрограде и ряде других городов прошли демонстрации. Обращение к рабочим и революционным солдатам Петрограда писал Сталин. Он вместе с Лениным организовывал и ту демонстрацию.

Наступление русской армии на фронте вскоре захлебнулось. Оно было заранее обречено на провал. Для продолжения наступления требовалось подтянуть резервы – ударные части понесли большие потери. Но солдаты не доверяли отцам-командирам – бывшим царским генералам и офицерам. Впервые за годы затянувшейся Первой мировой верховное ко-

мандование русской армии столкнулось с явным отказом солдат продолжать войну. Начались массовые антивоенные выступления, дезертирство с фронта, отказы выполнять приказы, братание с противником. «Во многих частях настроение крайне возбужденное, а в некоторых полках открыто заявляют, что для них, кроме Ленина, нет других авторитетов», — так главнокомандующий Северным фронтом генерал В. Клембовский информировал Ставку и подчеркивал, что все это от агитации, идущей с тыла, главным образом из Петрограда.

Так «революционная армия» оставила всю Буковину, Галицию и, потеряв 60 тысяч человек, отошла к русским государственным границам.

Весть о поражении на фронте дошла до Питера и без телеграмм Керенского. И 3 июля толпы солдат и рабочих с оружием в руках вышли на улицы города. Большевистские агитаторы призывали к свержению Временного правительства, передаче всей власти Советам. На следующий день беспорядки приняли угрожающий характер. Особенно с прибытием нескольких тысяч матросов, вызванных Лениным из Кронштадта.

Вот как описывал те июльские дни Горький: «На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безумия, охватившего Петроград днем 4 июля.

Вот, ошестившись винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовик-автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями “революционной армии”, среди них стоит востроухий юноша и орет истерически:

— Социальная революция, товарищи!

Какие-то люди, не успевшие потерять разум, безоружные, но спокойные, останавливают гремещее чудовище и разоружают его, выдергивая щетину винтовок. Обезоруженные солдаты и матросы смешиваются с толпой, исчезают в ней; нелепая телега, опустев, грузно прыгает по избитой, грязной мостовой и тоже исчезает, точно кошмар.

И ясно, что этот устрашающий выезд “социальной революции” затеян кем-то наспех, необдуманно и что глупость — имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженных до зубов людей.

Вдруг где-то щелкает выстрел, и сотни людей судорожно разлетаются во все стороны, гонимые страхом, как сухие листья вихрем, валятся на землю, сбивая с ног друг друга, визжат и кричат:

– Буржуи стреляют!

Стреляли, конечно, не “буржуи”, стрелял не страх перед революцией, а страх за революцию. Слишком много у нас этого страха. Он чувствовался всюду – и в руках солдат, лежащих на рогатках пулеметов, и в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки и револьверы со взведенными предохранителями, и в напряженном взгляде вытаращенных глаз. Было ясно, что эти люди не верят в свою силу да едва ли и понимают, зачем они вышли на улицу с оружием.

Особенно характерна была картина паники на углу Невского и Литейного часа в четыре вечера. Роты две каких-то солдат и несколько сотен публики смиренно стояли около ресторана Палкина и дальше, к Знаменской площади, и вдруг, точно силою какого-то злого, иронического чародея, все эти вооруженные и безоружные люди превратились в оголтелое стадо баранов.

Я не мог уловить, что именно вызвало панику и заставило солдат стрелять в пятый дом от угла Литейного по Невскому, – они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вот сейчас у них отнимут ружья. Стреляло человек десять, не более, а остальные, побросав винтовки и знамена на мостовую, начали вместе с публикой ломиться во все двери и окна, выбивая стекла, ломая двери, образуя на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха.

По мостовой, среди разбросанных винтовок, бегала девочка-подросток и кричала:

– Да это свои стреляют, свои же!

Я поставил ее за столб трамвая, она возмущенно сказала:

– Кричите, что свои...

Но все уже исчезли, убежав на Литейный, Владимирский, забившись в проломанные ими щели, а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки и грязные торцы покрыты красными полотнищами знамен.

Я не впервые видел панику толпы, это всегда противно – никогда не испытывал я такого удручающего, убийственного впечатления» (<http://ilibrary.ru/text/2378/p.8/index.html>).

На защиту Таврического дворца, где находились члены Временного правительства, выступили юнкера, казаки и конная батарея. Затем с фронта прибыли верные Временному правительству войска – матросы из Красного Села, и восстание было подавлено.

Еще вот тогда смуту и озлобление против большевиков вызвала публикация документов, доказывающих, что Ленин получал от германского генерального штаба деньги на разложение русской армии. Так что Временное правительство обвинило его в государственной измене и издало приказ об аресте. Тогда же была разгромлена редакция «Правды», начались аресты большевиков.

Сталин договорился с Аллилуевыми и привел Ильича на их квартиру. Там Ильич скрывался три дня. Потом, после совещания верных ему соратников, решили не рисковать и отправить его в район Сестрорецка. Для конспирации бороду и усы Ильичу пришлось сбрить. Это мастерски проделал «чудесный грузин» Коба, а когда он нахлобучил на голову вождя пролетариев всех стран кепку – никто его уже не узнавал.

11 июля 1917 года пригородным поездом Ленин отправился до станции Разлив. Там, в шалаше, ему предстояло скрываться до конца августа. Вместе с ним от сыщиков Керенского прятался сотоварищ по партии Овсей Герш Аронович Радомысльский (Зиновьев), самый трусливый из тех, с кем, как заметил Коба, «ни на борьбу не пойдешь, ни на пиру не повеселишься». Может, потому на всех картинах, изображающих исторический момент перед великим Октябрем, и осталось: вождь мирового пролетариата сидит на пеньке, что-то пишет, а Гришки Овсея не видно – он в шалаше прячется. Шутка ли, за его голову правительство обещало 20 000 рублей!..

А тем временем Сталин руководит работой нелегально открытого VI Съезда партии. Там он выступает с отчетным докладом ЦК и докла-

дом о политическом положении. В этих докладах Сталин сформулировал задачи и тактику партии в борьбе за социалистическую революцию. Один из делегатов Е. Преображенский при обсуждении 9 пункта резолюции предложил внести добавление о том, что революция в России может быть начата только «при наличии пролетарской революции на Западе». Сталин выступил против такой идеи. Он заявил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего». Слова Сталина были пророческими: Россия первой указала путь к социализму.

Таким образом, Сталин получил поддержку делегатов, съезд объединился вокруг него и нацелил партию на вооруженное восстание.

Между тем военное положение России все более обострялось. Немцы, заняв Ригу, стали угрожать Петрограду. Тогда Верховный главнокомандующий генерал Корнилов решил подтянуть туда 3-й конный корпус. Керенский испугался, что Корнилов может его арестовать, обвинил генерала в измене революции, приказал генералу сдать должность и явиться в Петроград. Корнилов выпустил воззвание, в котором обвинил Керенского в измене России и направил 3-й конный корпус под командованием генерала Крылова на Петроград.

Керенский задержался, бросил клич народу – защитить Временное правительство и революцию. Большевики тогда призвали рабочих и солдат к вооруженному отпору мятежникам, послали к корниловцам агитаторов, и солдаты начали митинговать. В конце концов Корнилов подчинился Керенскому, и тот назначил себя вместо Корнилова Верховным главнокомандующим. А еще этот юрист освободил вожаков июльского восстания и разрешил формировать отряды так называемой «Красной гвардии». Русская армия перестала существовать, в сформированные отряды попало около 40 000 винтовок, и вскоре в строю «гвардейцев» стояло 14 000 человек.

А полновластный хозяин и распорядитель земли русской А. Керенский (Аарон Кирбиц), лихорадочно цепляясь за власть, 28 августа

создал так называемую «Директорию», 1 сентября – это до созыва Учредительного собрания, которому предстояло выработать форму государственного управления России, – объявил ее республикой. Затем Керенский придумал «Демократическое совещание» из представителей всех слоев общества, которое через неделю самоликвидировалось. Новой идеей Кирбица было создание «Совета Республики» (Предпарламента), на котором дело дальше споров и болтовни не шло. Не случайно Иван Андреевич Бунин заметил: «В “Совете Российской Республики” говорят больше всего евреи» (*Бунин И. А. Лишь слову жизнь дана... М., 1990. С. 105*).

Именно тогда, 3 сентября 1917-го, вышел первый номер большевистской газеты «Рабочий путь». В нем была статья Сталина «Кризис и директория».

А как же Ленин? В шалаше у озера Разлив становилось прохладно. Пора было сматывать удочки, и вместе с Зиновьевым с фальшивыми документами они наострили лыжи в Финляндию. Загримированный, в парике, Ильич в тендере паровоза старательно исполнял обязанности помощника машиниста. Так в сопровождении финна Рахья он проследовал до станции Териоки, затем до Лахти, а оттуда его доставили в Гельсингфорс. Там вождь мирового пролетариата остановился у главного полицейского города, которому твердо обещал: в случае взятия власти предоставить Финляндии право выхода из России.

...Уже в советское время всем советским туристам предписывалось всенепременное посещение дома того полицмейстера, точнее, комнаты-музея, в которой товарищ Ленин провел полторы недели. У входа в дом предстояло ритуальное возложение цветов к бюсту Ильича. Финн-экскурсовод рассказывал, что бюст этот установлен не финнами, что его привезли из Москвы и что комната-музей с его штатами находится на содержании советского правительства.

Слово свое Ильич сдержал. Под Новый год, 31 декабря 1917 года, советское правительство признало государственную независимость Финляндии...

P.S.

С явлением Ильича народу на Финляндском вокзале в толпе оказалась артистка Фаня Раневская. «Знаете, – спустя годы заметила Фаня, – когда я увидела этого лысого на броневику, я поняла – нас ждут большие неприятности».

РОССИЯ. ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

А пока Ильич настойчиво бомбил комитеты большевиков письмами с требованием подготовки восстания в Петрограде и Москве. «Вы все будете предателями и негодяями, если сейчас же всю фракцию большевиков не распустите по фабрикам и заводам и не окружите Демократическое совещание и не арестуете всех мерзавцев». В одном из писем он заявил, что вообще выйдет из состава ЦК и сам поведет агитацию в низах партии...

Во время подполья Ильича Сталин дважды посещал его в Разливе, постоянно публиковал его статьи, которые перепечатывались в большевистских газетах. Представителей областных партийных организаций Сталин вызывал в Питер, инструктировал их и намечал боевые задачи на вооруженное восстание. В газете «Рабочий путь» № 13 вышла его статья под заголовком «Вся власть Советам».

Октябрьская революция, в отличие от тайного заговора заклятых друзей России за рубежом и наших доморожденных масонов, готовилась открыто. Вот только Ильич тщательно маскировался. Прежде чем вернуться в Питер, он решил снова воспользоваться париком и гримом. Когда ему привели бывшего парикмахера из Мариинского театра, он потребовал разрисовать его под финского пастора. Цирюльник удивился: мужик-то хоть и лысый, но еще не старый... Ильич пригрозил, мол, не твое дело, работай давай! Потом полицмейстер – ради «незалежности» Финляндии что не сделаешь! – достал краску для бровей, и вождя пролетарской революции разрисовали до неузнаваемости.

Так седым финским пастырем 7 октября он и вернулся в Питер. В парике Ильич явился и на конспиративное заседание ЦК, на котором из 29 членов комитета присутствовало только 12. То есть кворума не было. Но Ленин держит речь: «Русская буржуазия и Керенский и К° решили сдать Питер немцам для того, чтобы нанести удар в спину революции... только наша победа в восстании сорвет игру с сепаратным миром против революции».

Заметьте, немцы не жалели Ильичу денег на революцию. Они поступали по разным каналам, конспиративно. Но когда в дело стал вмешиваться Керенский, тут стало не до кворума, и двенадцать большевиков решили судьбу Российской империи. За вооруженное восстание проголосовало десять человек, против были двое.

Те двое – это Каменев и Зиновьев. 16 октября на заседании ЦК партии против их капитулянтских предложений решительно выступил Сталин. Он сказал: «То, что предлагают Каменев и Зиновьев, объективно приводит к возможности для контрреволюции подготовиться и организовать. Мы без конца будем отступать и проиграем революцию». Позже нарком Мандельштам-Луначарский будет умиляться по поводу своих единомышленников: «Сам Зиновьев человек чрезвычайно гуманный и исключительно добрый, высокоинтеллигентный, но он словно немножко стыдится таких своих свойств...» Да уж, года не пройдет, как этот «высокоинтеллигентный» Овсей Гирш Аронович, один из организаторов террора, знаменитых «троек», после убийства чекиста Моисея Урицкого предложит «разрешить всем рабочим расправляться с интеллигентами по-своему, прямо на улице». Тогда в Петрограде за короткое время погибли десятки тысяч человек...

Но не будем забежать вперед. События перед тем, как «грянет буря», развивались так. Троцкий и его зятек Каменев 22 сентября вошли в Президиум Предпарламента, несмотря на то, что ЦК партии был против участия большевиков в этом изобретении Керенского. 10 октября 1917-го на заседании ЦК РСДРП(б) Каменев вместе с Зиновьевым голосовали против решения о вооруженном восстании. Но 16 октября большинством

голосов был избран практический Центр для руководства восстанием во главе со Сталиным и он стал руководить всем ходом восстания. Тогда же был создан Военно-Революционный Комитет (ВРК), возглавлять который поручили Троцкому.

18 октября в газете «Новая жизнь» выступает Горький. Под суровым заголовком «Нельзя молчать!» «буревестник революции» обращается к Центральному Комитету большевиков: «Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20 октября предстоит “выступление большевиков” – иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3–5 июля. Значит – снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках, и эти винтовки будут стрелять в стекла магазинов, в людей – куда попало! Будут стрелять только потому, что люди, вооруженные ими, захотят убить свой страх. Вспыхнут и начнут чадить, отравляя злобой, ненавистью, местью, все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики – люди будут убивать друг друга, не умея уничтожать своей звериной глупости.

На улицу выползает неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут “творить историю русской революции”.

Одним словом – повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которую мы уже видели и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл.

Весьма вероятно, что на сей раз события примут еще более кровавый и погромный характер, нанесут еще более тяжкий удар революции.

Кому и для чего нужно все это? Центральный Комитет с.-д. большевиков, очевидно, не принимает участия в предполагаемой аванюре, ибо до сего дня он ничем не подтвердил слухов о предстоящем выступлении, хотя и не опровергает их.

Уместно спросить: неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания?

Или эти авантюристы желают ускорить удар контрреволюции и ради этой цели стремятся дезорганизовать с трудом организуемые силы?

Центральный Комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20-го, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков».

Гневался и правитель Российской республики юрист Керенский. Он приказывает арестовать Ленина и большевиков, выступающих с агитацией за восстание, при этом будто не замечает захват арсенала Петропавловской крепости, вооружение Смольного, организацию воинских частей для выступления. Рано утром 24 октября он приказал закрыть газету «Рабочий путь», к помещению редакции и типографии послал броневики, отряд юнкеров, и 800 номеров газеты были конфискованы. Типографию запечатали. А к 10 часам утра по указанию Сталина пришла рота Волынского полка, красногвардейцы и оттеснили броневики с юнкерами. Через час «Рабочий путь» все-таки вышел. В передовой статье Сталина под заголовком «Что нам нужно?» был призыв к свержению буржуазного Временного правительства.

В тот же день Ленин в последний раз вырядился с помощью телохранителя и посыльного финна Рахьи. «Для безопасности решили все-таки замаскироваться, – будет вспоминать потом этот финн. – Поскольку имелась возможность, переменили на нем одежду, перевязали щеку достаточно грязной тряпкой, на голову нацепили заваливавшуюся кепку, и, обегая патрулей, Ильич ринулся в Смольный – вершить революцию!» В Смольном он обращается к большевикам с последним призывом: «...ни коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня, непременно вечером или ночью... промедление смерти подобно».

В Предпарламенте выступал Керенский – он знал о сроке восстания. Об этом Каменев и Зиновьев разболтали в меньшевистской газете

«Новая жизнь», заявив о своем несогласии с партией по поводу вооруженного восстания. И Троцкий выдал партийную тайну. Отвечая на вопрос члена Государственной Думы, он как бы между прочим заявил: «Вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы у порога Всероссийского съезда Советов. Но если правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить – 24, 48, 72 часа, и выступит против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо...» (<http://www.illuminats.ru/component/content/article/29-new/3045-revolution>).

Так что Керенский о готовящемся восстании знал и в Предпарламенте от имени Временного правительства дал такую установку: «Группы и партии, которые осмелятся поднять руку на свободную волю русского народа... подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации» (<http://leninism.su/revolution-and-civil-war/4165-desyat-dnej-kotorye-potryasli-ves-mir.html?start=4>). Лихо это звучало и в 17-м году, и в 93-м: от имени русского народа русский же народ расстреливать!.. Только тогда выступление Керенского было уже пустым звуком.

За несколько дней до восстания он хвастливо говорил, что готов отслужить молебен, чтобы выступление большевиков произошло: «У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно». А в действительности правительство Керенского осталось почти без защиты. К Зимнему дворцу, последнему оплоту «вольных каменщиков», из 200-тысячного гарнизона собрались юнкера школы прапорщиков Северного флота, 352 человека 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков, 310 человек 2-й Петергофской, 68-го Михайловского артиллерийского училища, сотня уральских казаков, 5 броневики автомобильного дивизиона да рота Женского ударного батальона. Казаки вскоре ушли – воевать вместе с «бабами» сочли недостойным чести казачества. Укатали и броневики, якобы за неимением бензина.

Октябрьское вооруженное восстание не было массовым, всенародным. Как обычно, в Питере работали заводы, в помощь восставшим Балтийский завод отправил 235 человек, а Путиловский и того меньше – 80.

Горький в те дни писал: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к “социальной революции” – на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции...

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть – что из этого выйдет?

Конечно, он не верит в возможность победы пролетариата в России при данных условиях, но, может быть, он надеется на чудо.

Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею – не менее кровавая и мрачная реакция.

Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата.

Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат... Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России, – русский народ заплатит за это озерами крови...» (<http://ilibrary.ru/text/2378/p.38/index.html>; <http://ilibrary.ru/text/2378/p.38/index.html>)

Кто и как будет расплачиваться «за торжество демократии», время покажет. Во всяком случае Ильич в движущих факторах пролетарской революции разбирался не хуже автора «Челкаша». Не случайно он заметил, что большевики не имели бы шансов на победу, «если бы не прибегли к помощи 1 400 000 “местечковых жидков”». А когда Сталин, уже как нарком Рабоче-крестьянской инспекции, пришел к Ильичу по поводу

какой-то комиссии, вождь удивился ее составом, который назначил Сталин: «Ни одного еврейчика? – и тут же решительно распорядился: – Нет, ничего не выйдет!» Вот это фактор!

Формальную власть большевикам в октябре 17-го передал нелегитимный по сути II Всероссийский съезд Советов. Он открылся в Смольном, когда у Зимнего дворца шел бой. Меньшевики и правые эсеры, оказавшись в меньшинстве, съезд оставили, а вечером в Смольном появился Ленин. Он объявил, что съезд берет власть в свои руки, огласил Декрет о мире, Декрет о земле, по которым помещичья собственность на землю отменялась и вместо нее устанавливалась собственность государства.

Утром 27 октября съезд принял постановление об образовании первого в мире рабоче-крестьянского правительства – Совета Народных Комиссаров. Ленин был избран председателем Совнаркома. В состав первого Советского правительства наркомом по делам национальностей вошел Сталин. Съезд под лозунгами «Да здравствует революция!», «Да здравствует социализм!» работу закончил.

Все бы хорошо – революция (или переворот?) удалась, есть рабоче-крестьянское правительство, в котором ни одного путиловского или сормовского рабочего, ни одного крестьянина. Но вот незадача: до октябрьского-то переворота Ильич настойчиво высказывался за созыв Учредительного собрания, убеждал, что только партия большевиков, взяв власть в свои руки, может обеспечить такую демократию, как созыв Учредилки. Ведь только оно как высший орган власти, избранный всем народом России, могло придать правительству Ленина или Керенского легитимность. Но когда власть у Ильича оказалась в своих руках, его взгляд на то собрание резко изменился.

В самом деле, что – опять в Швейцарию, в шахматы играть или – еще лучше! – в шалаш с Овсеем Гиршем на озеро Разлив сматываться да бороду брить, дурацкие пари на голову напяливать? Ведь по выборам в Учредительное собрание, как большевики ни старались, ни чинили во время выборов насилия, из 707 депутатов было избрано:

от партии эсеров – 410 человек, это 50 %;

от партии большевиков 170 человек – 24,05 %;

от партии кадетов и др. 93 человека – 13,15 %;

от меньшевиков 34 человека – 4,8 %.

Несмотря на такой неблагоприятный для большевиков расклад, Учредительное собрание все-таки было открыто. 5 января в Таврическом дворце съехалось больше 400 депутатов. Ильич для высокого собрания продумал крутой ход: прежде всего, Учредилка должна была признать Совнарком законным правительством, утвердить изданные им декреты и лишь после этого начать работу. Однако на II Съезде Советов было решение: «Образовать для управления страной впредь, до созыва Учредительного собрания, временное рабоче-крестьянское правительство». Вся страна знала, что правительство Ленина – временное. Так что в день открытия Учредительного собрания на улицах Питера вспыхнули антибольшевистские демонстрации.

Вот что свидетельствует о тех событиях Максим Горький: «5-го января 1918-го безоружная петербургская демократия – рабочие, служащие – мирно манифестировала в честь Учредительного собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания – политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою идею. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови – и вот “народные комиссары” приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из “народных комиссаров” сами же, на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного собрания. “Правда” лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была сорганизована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно “буржуи”, “калединцы”...

“Правда” знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знамена-

ми Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов.

Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала “Правда”, она не скроет позорного факта» (<http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-376-5.htm>).

Не спокойно было в тот день и в Таврическом дворце. Сюда перед началом заседания большевики ввели несколько сот матросов – под видом охраны дворца. Они-то, рассевшись в зале, показали «учредилке» «свободу слова»! Да и сам Ильич был настроен воинственно, всем видом показывая, что не собирался никого слушать на этом собрании. Он уселся на ступеньках возле трибуны, весело шутил, что-то записывал. А когда делегаты отказались обсуждать выработанную Ильичом «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», большевики дружно встали и покинули Учредительное собрание.

7 января Совнарком, а затем ЦИК Совета приняли указ о роспуске «учредиловки». А дальше все просто было. В Таврический дворец явились матросики в широких клешах. С маузерами. Один из них, по фамилии Железняков, неспешно подошел к председателю Учредительного собрания, лидеру партии эсеров Чернову, положил на его плечо пятерню и произнес яркую историческую речь: «Караул устал!» Чернов и все депутаты Учредительного собрания сочувственно отнеслись к матросикам с маузерами – ребятам шибко спать хотелось – вот и разошлись депутаты. Теперь уже навсегда...

А Керенского к тому времени уже и след простыл. Капитан Нестеренко, летчик Гатчинской школы, вспоминает: «30 октября, придя с полетов около 10 с половиной часов утра в собрание школы, я узнал от взволнованных офицеров, что через 2–3 часа в Гатчину войдут большевики. Я поспешил во дворец, где увидел, что наш штаб уже скрылся, тщательно уничтожив на дверях все надписи с указанием должностных лиц и отделений штаба.

Встретивший меня прапорщик Д. сообщил, что он видел, как из ворот дворца выехал автомобиль “рено” начальника гарнизона, на котором в ка-

честве пассажира сидел какой-то странный субъект в пальто, подобном тому, какое носят мастера, в матросской фуражке и автомобильных очках; когда автомобиль проезжал вблизи него, ему показалось, что черты лица оригинально одетого господина очень похожи на Керенского.

Говорят, что Керенский, узнав о требовании большевиков выдать его, зашел к генералу Краснову и после краткого разговора спросил – что ему делать?

“Застрелиться”, – якобы последовал краткий, но выразительный ответ со стороны генерала Краснова. “Хорошо, я подумаю”, – ответил Керенский и ушел к себе в комнату, оттуда через смежную комнату, отделенную портьерой, он спустился в нижний этаж и, не проходя по коридору 3-го этажа, где его могли легко узнать и арестовать даже не большевики (об аресте Керенского поговаривали и казаки, и солдаты, и офицеры авиационной школы – *вот почему солдатский караул был заменен юнкерским*), вышел во двор, где его ждал заранее приготовленный автомобиль начальника гарнизона» (http://www.e-reading.club/chapter.php/1008872/7/Volkov_-_Soprotivlenie_bolshevizmu_1917_-_1918_gg.html).

Как всегда, в таких случаях на помощь приходят наши заклятые друзья из-за океана: Керенский на машине американского посольства, с американским флагом, бежал из Петрограда. Так бесславно закончилось правление Россией юриста Аарона Кирбица.

P.S.

«Прочитаем внимательно гл. 26 Левит, гл. 28 Второзакония, книгу пророка Иеремии, Плач Иеремии, книгу пророка Иезекииля – и мы поймем, за что страдает Россия. Велики, безмерно велики эти страдания, но милосердие Господне еще больше. Израненная и растерзанная мысль ищет выхода, обращает пробудившаяся совесть свой взор к Богу и с высоты небесной слышит глас Божий:

“...Не увидишь более народа свирепого, народа с глухою невнятной речью, с языком странным, непонятным” (Ис 33:19).

Слышит раскаявшийся человек и глас Божий к этому свирепому народу: “Горе тебе, опустошитель, который не был опустошителем, и гра-

битель, которого не грабили. Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабежи, разграбят и тебя”» (Ис 33:1).

Князь Н. Жевахов. Воспоминания. М., 1993

СИЛУЭТЫ МАНДЕЛЬШТАМА

Вот Алексей Максимович Горький – великий пролетарский писатель, – а никак не мог понять, что творится на Святой Руси после очередной ее «перестройки». Вчера только юнкера громили типографию большевиков, и – на тебе демократию! – уже большевики разгоняют всех, кто думает не по Марксу.

«Я спрашиваю:

Помнит ли русская демократия – за торжество каких идей она боролась с деспотизмом монархии?..

Чем отличается отношение Ленина к свободе слова от такого же отношения Столыпиных, Плеве и прочих?..

Не так же ли ленинская власть хватает и тащит в тюрьму всех несогласномыслящих?..

Держать в тюрьме старика революционера Бурцева, человека, который нанес монархии немало мощных ударов, держать его в тюрьме только за то, что он увлекается своей ролью ассенизатора политических партий, – это позор для демократии. Держать в тюрьме таких честных людей, как А. В. Карташев, таких талантливых работников, как М. В. Бернацкий, и культурных деятелей, каков А. И. Коновалов, немало сделавший доброго для своих рабочих, – это позорно для демократии.

Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске г. Троцкого над развалинами России, – это позорно и преступно.

Все это не нужно и только усилит ненависть к рабочему классу. Он должен будет заплатить за ошибки и преступления своих вождей – тысячами жизней, потоками крови...

Вот уже почти две недели, каждую ночь толпы людей грабят винные погреба, напиваются, бьют друг друга бутылками по башкам, режут осколками стекла и точно свиньи валяются в грязи, в крови. За эти дни истреблено вина на несколько десятков миллионов рублей и, конечно, будет истреблено на сотни миллионов.

Если б этот ценный товар продать в Швецию – мы могли бы получить за него золотом или товарами, необходимыми стране, – мануфактурой, лекарствами, машинами...

Но когда вспомнишь, что все это происходит в стране, где жизнь человека до смешного дешева, где нет уважения к личности и труду ее, когда подумаешь, что “простота” убийства становится “привычкой”, “бытовым явлением”, – делается страшно за Россию.

А убийство Шингарева и Кокошкина... Есть что-то невыразимо гнусное в этом убийстве больных людей, измученных тюрьмою. Пусть они понимали благо родины более узко, чем это понимают другие, но никто не посмеет сказать, что они не работали для народа, не страдали за него. Это были честные русские люди, а честных людей накоплено нами немного.

Конечно, мы совершаем опыт социальной революции – занятие, весьма утешающее маньяков этой прекрасной идеи и очень полезное для жуликов. Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг: “Грабь награбленное!”

Грабят изумительно, артистически; нет сомнения, что об этом процессе самоограбления Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом.

Грабят и продают церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, грабят дворцы бывших великих князей, расхищают все, что можно расхитить, продается все, что можно продать, в Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдок и продают их по 25 руб. за штуку. Это очень “самобытно”, и мы можем гордиться – ничего подобного не было даже в эпоху Великой Французской революции...

Я не могу считать “неизбежными” такие факты, как расхищение национального имущества в Зимнем, Гатчинском и других дворцах. Я не понимаю, какую связь с “ломкой тысячелетнего государственного уклада” имеет разгром Малого театра в Москве и воровство в уборной знаменитой артистки нашей М. Н. Ермоловой?

И вообще – “отрицательных явлений” много, а где же положительные? Они не заметны, если не считать “декретов” Ленина и Троцкого, но я сомневаюсь, чтоб пролетариат принимал сознательное участие в творчестве этих “декретов”. Нет, если бы пролетариат вполне сознательно относился к этому бумажному творчеству, – оно было бы невозможным в том виде, в каком дано» (*Горький М.* Несвоевременные мысли: <http://ilibrary.ru/text/2378/p.37/index.html>; <http://ilibrary.ru/text/2378/p.14/index.html>; <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-376-5.htm>; <http://ilibrary.ru/text/2378/p.39/index.html>).

Декретов, конечно, хватало. Декрет о мире, декрет о земле, декрет об отмене сословий, Учредительного собрания. Затем пошли декреты об отделении Церкви от государства и об отмене изучения в школах Закона Божьего; о гражданском браке и полном равноправии женщин; о введении нового стиля; о национализации железных дорог; монополизации внешней торговли; об аннулировании внешних займов; о правах народов России: праве на самоопределение, вплоть до отделения.

Вот об одном из первых декретов и большевики – троцкисты, ленинцы, – и демократы образца 1991-го застенчиво умалчивают. Это декрет от 29 октября 1917 года о репрессированных народах. Согласно этому декрету считалось, что Россия – «тюрьма народов», что она завоевала и присоединила к себе земли, народы которых должны рассматриваться как репрессированные. А это – в таких случаях называют цифру 160 – чудь, меря, кривичи, поляне, древляне, юкагиры, ительмены, чукчи, сарты, черкесы, осетины... Всех не перечислишь, да это никому и не надо было. Главное, что в том списке упоминались евреи. Хотя известно, что крещенные евреи считались русскими – без всяких ограничений! Да и какие ограничения у владельцев золотых приисков в Сибири Гинцбургов, биржевых дельцов, спекулянтов и крупнейших владельцев земли Бродского, Рафаловича, Полякова, Рубинштейна...

Однако даешь младшенькому братишке-еврею привилегии, льготы, цензы. И так останется – не репрессированный так беженец, не беженец так цензовик. Статус обиженных всегда отыщется.

Не из сборника анекдотов о тещах приведу здесь один факт. Значит, в сибирском городке Иркутске две задушевные подруги Женька Арцишевская и Нинка Гершевич решили после окончания школы поступать в московский архитектурный институт. Приехали в Москву, сдали положенные документы, анкету с подробным вопросником – кто родители, служили ли в Белой армии, участвовали ли во вражьих партиях и т. д. Женька, моя будущая теща Евгения Ивановна, как на духу призналась, что батюшка ее, в прошлом польский дворянин, в Сибири оказался совсем юным и работал простым учителем в школе. А вот у ее подружки отец Исай был капельмейстером. Богатый еврей, он владел тремя большими домами. С приходом к власти большевиков Исай сообразил и быстренько передал им два дома, таким образом сохранив для себя третий.

В Москве не стали разбираться, откуда у Исайя та недвижимость, чем он еще владеет, а у Исайя было-таки еще кое-что, и – согласно декрету новой власти о репрессированных народах – приняли евонную дочку в тот институт. А Женьке, понятно, отказали.

Горький был уверен, что в придумывании декретов новой власти пролетариат участия не принимал, иначе бы они не появились на свет. Он возмущался, что большевики посадили в тюрьму старика-революционера Бурцева, который, по иронии судьбы, в той же Петропавловской крепости за революционную пропаганду сидел 30 лет назад.

Владимир Бурцев был арестован в первый же день прихода большевиков к власти. Так вот, в знакомом равелине он писал о большевиках в открытом письме: «Они целые месяцы являлись самыми горячими защитниками Учредительного собрания. На его защите была построена главным образом вся их борьба с другими партиями, а потом они сразу отказались от Учредительного собрания и разогнали его после первого заседания!

Они все время кричали против смертной казни, а потом сами ввели ее как систему, освятили повсюду самосуды, – чуть не каждый декрет их кончается угрозой кого-то расстрелять!

Они всю Россию покрыли трупами.

Стояли за свободу печати, а явились такими цензорами и гонителями печати, каких никогда не видела Россия!

Были против террора, а превратились в страстных любителей тюрем и сами сделались самыми жестокими тюремщиками, стали сотнями держать людей в тюрьмах без суда и допросов!» (Бурцев В. А. Проклятие вам, большевики. Париж, 1919.)

Бурцев припомнил известную фразу Ленина, который как-то сказал, что на одного настоящего большевика приходится 60 дураков и 39 мошенников, и заключил открытое письмо: «Мы ничего не будем говорить тем настоящим “большевикам”, которых, по словам Ленина, приходится по одному на сто. Это – люди, действующие с открытыми глазами. Они прекрасно знают, что творят. Их нечего убеждать, им нечего открывать глаза!

Мы не будем обращаться и к тем 39 мерзавцам, примазавшимся к большевикам, о которых говорит тот же Ленин. Они тоже действуют с открытыми глазами и тоже прекрасно знают, что творят, и не под влиянием чьих-либо убеждений они изменяют свою политику. Для них где хорошо – там и отечество, а отечество хорошо до тех пор, пока им хорошо!

Мы хотим сказать несколько слов только тем 60 ленинским “дуракам”, которые не ведают, что творят.

Быть может, результат их хозяйничания когда-нибудь откроет им глаза и они увидят, к чему они привели Россию и в какую грязь они втоптали самый социализм.

Вот этим-то господам, стоящим в настоящее время в России у кормила правления, мы и скажем несколько слов:

“Уйдите скорей! Уйдите возможно скорей от власти! Уйдите – пока вас “не ушли”! Для страны будет счастьем, если вы уйдете от власти хотя бы днем раньше... Избавьте Россию от себя! Очистите место для представителей каких угодно партий, но только чтобы это были люди, любящие родину и желающие ее спасти!”» (Там же.)

Старый революционер, со слов Ильича, знал вышеупомянутое соотношение большевиков в ленинской партии, а как обстояло дело в дру-

гих партиях? Вот, скажем, ЦК социал-демократической рабочей партии. Это те, кто быстро сориентировался и оказались с Лениным: Бронштейн-Троцкий, Апфельбаум-Зиновьев, Лурье-Ларин, Радомысльский-Каменев, Нахамкес-Стеклов, Смидович, Мандельштам-Луначарский, Гаухман-Свердлов, Брам-Крыленко.

А вот ЦК из таких же демократов, только их меньшевиками называли: Цедербаум-Мартов, Цедербаум-Левицкий, Абрамович, Раппопорт, Дан, Либер, Зонн, Штраус, Ратнер, Гиммер, Диманд.

Или вот еще ЦК правого крыла партии социал-революционеров: Аронович, Давидович, Гуревич, Гисслер, Дистлер, Ратнер, Чернявский, Кинтшук, Берлинрут, Гольдштейн, Гоц, Лихач, Розенберг, Керенский.

В таком же ЦК той же партии только с левой стороны: Стица, Ландер, Ленберг, Штернберг, Фишман, Начман, Левин, Карелин, Каган, Кац.

К слову, Наум Ним, социалист из этой компании, как-то заметил, что «злоречивый Радек со смехом рассказывал, что в руководстве польских социал-демократов, где почти сплошь были одни евреи, только дворянин Дзержинский знал идиш». Напрасно смеялся Радек: батюшка главного чекиста рабоче-крестьянской республики был действительно еврей. Правда, крещеный. Так почему бы ему не знать идиш?

Вопрос другой: кто из всех вышеназванных людей был настоящий революционер, кто дурак, а кто просто мерзавец?

Еще вот те, по свидетельству самого Ильича, 1 400 000 «местечковых жидков», которые обеспечили большевикам победу, они что – все не шибко умные? Не совсем так.

В высших эшелонах власти из 556 мест 447 заняли евреи. В газетных киосках Питера в 18-м появилось новое издание – еженедельный журнал «Хроника еврейской жизни». Как сообщалось, тот журнал посвящался «еврейским интересам». Вот «Письмо из Москвы» от корреспондента того журнала:

«За время войны, – сообщает он, – Москва стала крупным еврейским центром. По мере того как стала сокращаться территория российского государства, увеличивалось еврейское население Москвы». Так в дворянских особняках появились «дети Арбата». Сборник «К десятилетию ин-

тервенции» дополняет эту картину: с 1917 по 1920 год коренное население первопрестольной уменьшилось на 40 процентов, Петрограда – на 50.

«Наплыв беженцев – литовских и польских евреев, – как утверждал корреспондент “Хроники”, – весьма благоприятно отразился на местной общественной жизни. Новые невольные москвичи внесли свежую струю с еврейской улицы – и сразу повеяло духом массовой еврейской жизни. Для наиболее чутких из старых московских деятелей соприкосновение с евреями черты оседлости послужило новым стимулом для работы; остальные деятели, чуждые новым веяниям, должны были уйти и уступить свое место другим».

Очень уж своеобразным был тот стимул. Вот обращение исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов от 2 марта 1918 года – два месяца спустя после разгона большевиками Учредительного собрания:

«Объявляется во всеобщее сведение, что все домовладельцы и квартиросниматели от 17 до 50 лет, занимающие 4, 5 и более комнат, обязаны явиться в 8 часов утра в помещение казарм Московского полка, на Сампсониевском пр., 63. Каждый обязан иметь при себе лопату и ложку.

Виновные в неисполнении сего приказа будут расстреливаться».

Начал осуществляться принцип: «Кто не работает, тот не ест». Явившиеся в тот день, 2 марта 1918 года, в казармы были разбиты на группы. Одним предложили немедленно начать расчистку дороги во дворе казармы от снега и льда, другим было поручено производить очистку конюшен и разные хозяйственные работы.

По тому ли, по другому ли случаю Зинаида Николаевна Гиппиус, известная русская поэтесса, записала в дневнике: «Пока я Диму разувала, терла ему ноги щеткой, он мне рассказывал, как их собирали, как гнали... (Дима – это муж З. Гиппиус, видный русский философ и писатель Мережковский, представлявший в свое время к Нобелевской премии. – С.Г.)

На месте дали кирку. Потрясающе ненужно и бесплодно. И всякий знал, что это принудительная бесполезность (вспоминаю “Мертвый дом” Достоевского. Его отметку, что самое тяжелое в каторжных работах – сознание ненужности твоей работы).

Никто ничего не нарыл, да никто и не смотрел, чтобы рыли, чтоб из этого вышли какие-нибудь окопы. Самое откровенное издевательство.

После долгих часов в воде тающего снега толстый, откормленный еврей (бабы его тут же, в глаза, осыпали бесплодными ругательствами: “Ишь, отъелся, жид, морда лопнуть хочет!”) стал выдавать “арестантам” с долгими церемониями по 1 ф. хлеба с собой.

Ассирийское рабство. Да нет, и не ассирийское, и не сибирская каторга, а что-то совсем вне примеров. Для тяжелой ненужной работы сгоняют людей, полураздетых и шатающихся от голода, – сгоняют в снег, дождь, холод, тьму... Бывало ли?

Все надсмотрщики – евреи».

Все надсмотрщики – евреи... Не об этой ли струе с еврейской улицы столь восторженно писала сионистская «Хроника»?

Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский навсегда оставили Россию.

Как известно, при советской власти выехал за границу на гастроли Федор Иванович Шаляпин. Выехал да так и остался на чужбине. Великому русскому певцу стали тогда приписывать всякое – мол, до денег жаден.

Нет, не из-за длинного рубля оставил Родину Федор Шаляпин.

«Был я всю жизнь рабочим, а вот – наложили на меня всякие контрибуции да и из России выжили, – с горечью вспоминал он. – Не знаю, кому сколько, а мне торжество пролетариата обошлось без малого в четыре миллиона рублей. Бог с ними, с деньгами этими! Не в наследство получил от отца – писаря! Сам нажил, своим трудом...»

Шаляпина выжили из России – не мытьем, так катаньем.

«В России теперь почему-то обязательно надо быть коммунистом, а я не коммунист, от политики устал, никогда она меня не интересовала, и люблю я только пение, – возмущался Федор Иванович. – Да ведь и пением не давали мне заниматься там спокойно всякие “Всерабисы”... В Россию я не вернусь. Довольно».

Один из биографов Шаляпина рассказывает: «Однажды какой-то комиссар в театре начал доказывать, как много, дескать, советская власть делает для искусства. Федор Иванович вдруг вспылил:

– Да какая же это власть? Говно, а не власть! Что она в искусстве понимает?

В те времена это еще могло сойти ему с рук. А в другой раз какой-то советский сановник начал поучать Федора Ивановича, как надо понимать пролетарское искусство. Шаляпин побелел, встал, взглянул на него и загремел:

– Ты кого учишь, сукин ты сын! Я царя Бориса понимаю, а твоего пролетарского искусства понять не могу?! Вон отсюда, пока я тебя с лестницы не сбросил!»

Кто уж там из сановников самого Шаляпина к искусству приобщать надумал?.. Известно, что были у него встречи с Троцким, Зиновьевым, Сталиным. Правда, сын певца, Федор Федорович Шаляпин, свидетельствует обратное. В 1988 году в Москве с ним встретился писатель Н. Кузьмин и вот пишет о той встрече:

«Разлетелся к нему в гостиницу на Петровских линиях. Гостю уже за восемьдесят, однако бодр, остроумен и даже проказлив.

– Федор Федорович, – спрашиваю, – неужели у Федора Ивановича не было ни одной встречи с Зиновьевым, Троцким, Каменевым?

– Простите, дорогой мой, – с барственной растяжкой заявляет гость, – но ведь они же евреи!

– Так потому-то я и спрашиваю!

В самом деле, разве могли эти временщики, всемирные бродяги, вдруг получив власть над огромнейшей страной, не “обставиться” соответствующим сану образом, не лнуть к человеку, слава которого гремела на всех материках!»

Гордый был человек Михаил Петрович Арцыбашев, известный русский писатель. Не приняв власть большевиков, вспоминал потом, как в голодные годы в буквальном смысле нужники чистил, а к корыту конюшни наркома Луначарского не пошел! После революции писатель решительно отказался от литературы и все свои творческие силы бросил на борьбу с большевизмом.

«Я видел, что большевицкие учреждения переполнены евреями, – писал он. – Евреи, безусловно, играют первую роль в той коммунистической

партии, которая является причиной гибели и разложения нашей родины. Почему же?... – И как бы отвечал на этот вопрос себе и своим соотечественникам: – Раз и навсегда было установлено, что евреи – “самый бесправный, самый гонимый народ”, а потому к этому народу надо относиться с такой деликатностью, что даже и вообще никакое критическое отношение не допускается... даже и теперь, когда, во всяком случае, евреи уже перестали быть самым угнетенным народом России, к еврейскому вопросу требуется подходить по-прежнему на цыпочках...»

В самом деле, в России с Октябрем 17-го всем народам было объявлено равенство. И вдруг – с чего бы это? – среди декретов и законодательств всплыло суровейшее табу на любое слово, оскорбляющее еврея. Именно еврея!

«Всякий другой народ вы можете не только критиковать, не только судить по делам его, но хотя бы ругать на все корки. Это никого не огорчит, никого не обрадует, – рассуждал Арцыбашев. – Мы совершенно открыто можем говорить, что не любим немцев, англичан или русских. Нам ответят, что это – наше личное дело. В худшем случае скажут, что мы не справедливы, но преступления в этом не найдут. Гейне, например, всю жизнь всячески издевался над англичанами, но это только забавляло.

И лишь по отношению к “самому гонимому” народу всякое выражение антипатии и тем паче всякое обвинение квалифицируется как ретроградство, черносотенство, преступление...»

Никто не заподозрит в юдофобстве французского историка Ренана, цитату из книги которого «Антихрист» я уже приводил: «До наших дней еврей неизменно вкрадывается повсюду, как бы помогаясь равноправия. В действительности отнюдь не равноправия ищет он, ибо сохраняет везде свои особые уставы. Он требует тех же гарантий, которыми пользуются все, и, сверх того, – закон исключительно для себя».

О такой гарантии вскоре после октябрьского переворота позаботился Лев Троцкий. При его комиссариате была создана специальная секция, которой предписывалась борьба с «антисемитами».

Тут надо напомнить, что 19 декабря 1917 года Совнарком принял решение по созданию Красной Армии. 2 января 1918-го Общеармейский

съезд объявил о демобилизации армии старой, а 13 марта было принято постановление СНК о назначении наркомом по военным делам Лейбы Бронштейна-Троцкого. И вот Лейба уже дает свою программную установку:

«Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических стран. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами.

Если мы выиграем революцию, то раздавим Россию и на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма, станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до скотского состояния...

А пока наши комиссары в кожаных куртках – сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы – умеют ненавидеть все русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию – офицеров, академиков, писателей!»

С гордостью за такого наркома отозвалась харьковская газета «Коммунист»: «Без преувеличения можно сказать, что великая социалистическая революция была сделана именно руками евреев. Разве темные, забитые русские крестьяне и рабочие смогли бы сами сбросить с себя оковы буржуазии? Нет, именно евреи вели русский пролетариат к заре интернационализма, не только вели, но и сейчас советское дело находится в их надежных руках. Мы можем быть спокойны, пока руководство Красной Армией принадлежит тов. Льву Троцкому. Правда, евреев нет в Красной Армии в качестве рядовых, зато в комитетах и совдепах в качестве комиссаров евреи и сейчас бесстрашно ведут к победе массы русского пролетариата» («Коммунист». Харьков, 1919. № 72. 12 апреля).

Спустя годы бывший нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов заметит: «Ленин понимал, что с точки зрения осложнения дел

в партии и государстве очень разлагающе действовал Троцкий. Опасная фигура. Чувствовалось, что Ленин рад бы был от него избавиться, да не может. А у Троцкого хватало сильных, прямых сторонников, были также и ни то, ни се, но признающие его большой авторитет. Троцкий – человек достаточно умный, способный и пользовался огромным влиянием. Даже Ленин, который вел с ним непримиримую борьбу, вынужден был опубликовать в “Правде”, что у него нет разногласий с Троцким по крестьянскому вопросу. Помню, это возмутило Сталина как несоответствующее действительности, и он пришел к Ленину. Ленин отвечает: “А что я могу сделать?” У Троцкого в руках армия, которая сплошь из крестьян. У нас в стране разруха, а мы покажем народу, что еще и наверху грыземся!» (http://grachev62.narod.ru/molotov_140/chapt06.htm).

Грызть друг друга «верным ленинцам», действительно, было не к лицу. В самом деле, если два «настоящих коммуниста» примутся за такую работу, что тогда ждать от остальных, которых на сотню-то 99 дураков и мерзавцев?

Для своих «революционных силуэтов» Мандельштам-Луначарский отбирал, надо полагать, не дураков: Ильич, Бронштейн-Троцкий, Радомысльский-Апфельбаум-Зиновьев, Розенфельд-Каменев, Гольдштейн-Володарский, Гаухман-Свердлов... Все пламенные борцы за счастье народное. Ильич, правда, давал порой по этим «силуэтам» как из пушки. Троцкого называл и «проституткой», и «мерзавцем», и «Иудушкой». А как иначе? До августа 1917-го Лейба – меньшевик. А в октябре он уже в большевиках да еще и нарком иностранных дел!

При этом Бронштейн-Троцкий ярлыки вождю пролетариата всех стран наклеивал тоже будь здоров. Определение «беззастенчивый эксплуататор отсталости русского рабочего движения» было еще вполне политкорректное. Но вот ведь и Анатолий Луначарский заметил: «Не было недостатка и в слухах о том, что Ленин, склочник и раскольник, во что бы то ни стало хочет установить самодержавие в партии, что Мартов-Цедербаум с Аксельродом не захотели, так сказать, присягнуть ему в качестве всепартийного хана» (*Луначарский А. В. Великий переворот. Петроград, 1919. С. 59–60*).

Был вот еще один из лидеров талмудического марксизма, автор «Манифеста РСДРП» Петр Бернгардович Струве. Ленина он хорошо знал, и вот каким запомнился ему Ильич: «В соответствии с преобладающей чертой в характере Ленина я сейчас же заметил, что его главной установкой... была ненависть. Ленин увлекся учением Маркса прежде всего потому, что нашел в нем отклик на эту основную установку своего ума. Учение о классовой борьбе, беспощадной и радикальной, стремящейся к конечному уничтожению и истреблению врага, оказалось конгениально его эмоциональному отношению к окружающей действительности» (*Струве П. Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Вестник Российского христианского движения. Париж, 1970. № 95–96. С. 163–164*).

По-своему вычислил вождя меньшевик более стойкий, чем Лейба, некто Португейс. В 1917 году он редактировал «Рабочую газету» и вот пишет: «Страстью, пожиравшей мозг и сердце Ленина, была власть. Не власть идеи освящала путь этого человека, а идея власти. Ей и только ей он служил беззаветно. Всем остальным идеям он изменял с неслыханным в истории революционного движения всех стран цинизмом... Он никогда не защищал себя лично. Он защищал идею власти, он был ее Дон-Жуаном, готовым на величайшие преступления, и он их совершил во множестве. Кровь и грязь, измена и предательство, гибель тысяч и тысяч людей – все это тлен и суета сует. Великое, единое, самое важное – это власть. Он ее первосвященник. Он ее рыцарь. И пусть все поникнет и сгинет перед лицом Великого...»

Хорошо знал господина Ульянова первый марксист, пахан социал-демократии на Святой Руси Георгий Валентинович Плеханов.

В Россию из эмиграции Плеханов вернулся чуть раньше Ленина. Но 4 апреля 1917 года в Большом зале Таврического дворца Ленин будет выступать, а Плеханов слушать его так называемые «Апрельские тезисы». Первый российский марксист отзовется на это выступление статьей «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен». Обижал патриарх марксизма вождя мирового пролетариата. Обижал. После великого Октября он обратился с «Открытым письмом к петроградским рабочим». И опять бочку на Ильича: «Переворот – величайшее историческое бедствие. Он вызовет гражданскую войну».

Ну, что было делать Ильичу? Пришлось отвечать Плеханову на его «Открытое письмо». На следующий же день на квартиру к Георгию Валентиновичу явились матросы с маузерами и мягко так намекнули, мол, пахан, отдай ствол, не то порешим. Розалия Марковна, жена патриарха, ахнула, обомлела, а он – хоть бы хны! Что значит – профессиональный революционер.

– Вы можете это сделать и не найдя оружия...

Оставили деда матросики: видно было, что скоро и так помрет. Только перед смертью он еще покритиковал Ульянова – вскоре после того, как большевики «по просьбе трудящихся» разогнали Учредительное собрание. В своей последней статье Георгий Валентинович заявил, что «тактика большевиков есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто Нечаева».

В апреле 1922 года на Политбюро ЦК РКП(б) зайдет разговор о печатании плехановских трудов. Все-таки «Манифест коммунистической партии» перевел, по его книжкам все российские демократы учились. На это Ленин решительно возразил. Большевики к изданию подготовят лишь ранние работы Плеханова. Зато вот по Нечаеву Ильич будет настаивать и повторять неоднократно: «Нечаев должен быть весь издан! Необходимо изучить, дознаться, что он написал, где он написал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать!...»

Дознаваться, что написал Нечаев, труда не представляло. В «Катехизисе революционера» он давал простые и ясные установки, вроде: «Любить народ – значит водить его под картечь». Еще проще проблемы свободы, равенства и братства на Святой Руси разрешал другой почитаемый Ильичом автор – П. Ткачев. «Для окончательного искоренения деспотизма в России, – говорил он, – необходимо уничтожить все население свыше 25-летнего возраста». Ильич так и усвоил: пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожило до мировой революции.

Вскоре после октябрьского переворота беспокойный марксист Плеханов в статье «Кто победил?» вынужден был признать: «Победил Ленин. А Ленин вовсе не дурак. Он свое дело знает. Конечно, не имеет ничего общего с делом сознательного пролетариата нашего времени...»

Тут Георгий Валентинович был не прав. Разве не о деле сознательного пролетариата всех стран пекся Ильич: «Дело не в России, – говорил он. – На нее, господа хорошие, мне наплевать! Это только этап, через который мы приходим к мировой революции!» И шли...

В июне 1918-го Ленин обращается к старому корешу Гершу Овсею, с кем совсем недавно – года не прошло! – коротал время в шалаше у озера Разлив. Овсей уже большой начальник – председатель Петроградского Совета (это вроде как мэр Собчак при Ельцине). И вот получает Аронович, как бы это помягче сказать, в общем, втык от Ильича:

«Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс вполне правильно.

Это не-воз-мож-но!.. Надо поощрять энергию и массовидность террора...» (http://thelib.ru/books/volkogonov_dmitriy/lenin_glava_4-read-9.html; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106).

К кому, как не к «сознательному пролетариату», обращался вождь? А вот его указание, спустя полтора месяца, пензенским большевикам: «Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде “последний решительный бой” с кулачем. Образец надо дать.

1. Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2. Опубликовать их имена.

3. Отнять у них весь хлеб.

4. Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей потверже».

В этой связи, надо заметить, Троцкий, хоть и окрестил его Ильич «проституткой», а дело «сознательного пролетариата» тоже знал и вполне поддерживал своего старшего товарища. Вот его установка: «Террор является могущественным орудием как для внешней, так и для внутренней политики». Как это выглядело на практике? Ну, вот, предстояло Лейбе ехать в Крым, где собралось немало русских офицеров, не пожелавших оставить Родину. Но Лейба заявил, что не поедет до тех пор, пока в Крыму останется хоть один контрреволюционер. Тогда за неделю чекист-еврей Бела Кун с комиссаршей Розой Залкинд («Землячка») расстреляли 50 000 человек.

Дело было так. Комиссарша Залкинд и тот Бела обратились к русским офицерам, мол, давайте начнем новую жизнь – будем строить Республику – сдавайте-ка свое оружие. Те, конечно, поверили... Расстреливали их из пулеметов. Многих топили – привязывали к ногам камни и сбрасывали с обрыва. Рассказывали, как один водолаз опустился в море, где происходила казнь, а вынырнул на поверхность весь седой... Он увидел на глубине жуткую картину: с обглоданными рыбами ногами в белых рубашках стояли, как в строю, полки утопленников. От морских волн, привязанные к камням, они шевелились, словно живые и словно зывали к нам, грядущим...

А затем комиссарша и чекист принялись отлавливать всех, кто имел дворянское происхождение, кто где-нибудь служил, вообще всех, кто был чисто одет и прилично выглядел. Истребляли их как «классово неполноценных». Только после этого Лейба Бронштейн и приехал в Крым.

Вот еще «революционный силуэт» по фамилии Розенфельд-Каменев. О нем нарком Луначарский пишет: «Сравнительно с такими людьми, как Ленин или Троцкий, Свердлов и им подобные, Каменев казался слишком интеллигентом. Вне деловых отношений он обладает многими очаровательными чертами, прежде всего задушевной веселостью, большим живым интересом ко всем сторонам культурной жизни и редкой сердечностью в личных отношениях».

К примеру, такое характерное проявление «задушевной веселости» слишком интеллигентного Розенфельда: «Свобода, любовь, братство,

личность, – обращался Лев Борисович к рабоче-крестьянским депутатам, – все эти ваши вшивые лозунги не стоят и выеденного яйца. Они взяты на вооружение контрреволюцией».

В самом деле, когда власть в руках, на кой хрен какие-то еще лозунги! Вон как «вольный каменщик» Бухарин, по оценке Ленина, самый выдающийся теоретик партии, рассуждал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала...» (*Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. 1920*).

Так вот из доброго, доверчивого народа и лепили племя, подобное себе – жестоковыйное, без веры в Бога, без любви к своей Родине, истории России, ее культуре, традициям – лепили Иванов, не помнящих родства.

«Мы ненавидим христиан. Даже лучшие из них должны быть признаны нашими врагами. Они проповедуют любовь к ближнему и сострадание, то, что противоречит нашим принципам. Христианская любовь преграждает развитие революции. Долой любовь к ближнему! То, что нам нужно, – это ненависть. Мы должны уметь ненавидеть!..» – так говорил нарком просвещения рабоче-крестьянской республики Мандельштам-Луначарский (<http://www.orthedu.ru/eparh/16625-plenarnoe-zasedanie-xx-novosibirskih-rozhdestvenskih-obrazovatelnyh-chteniy.html>). Благо, многие из тех 1 400 000, о которых с душевной признательностью отзывался Ильич, науку ненавидеть впитывали в себя с колыбельными песнями. Это их усердием только за первый год после революции лишились жизни (данные по газете «Таймс», март 1922 г.):

28 епископов

1 215 священников

6 775 профессоров и учителей

8 800 докторов

54 650 офицеров

260 000 солдат

10 500 полицейских офицеров

48 500 полицейских агентов
12 950 помещиков
355 250 представителей интеллигенции
193 350 рабочих
815 000 крестьян

Месяца не прошло после октябрьского переворота – на святого Угодника Николая, покровителя нашего, в Питере по приказу Ленина была создана так называемая «Чрезвычайная комиссия», в памяти народа оставшаяся кровавой аббревиатурой «ЧК». Официально деятельность ее определялась как бы борьбой против буржуазии. Во главе той ЧеКи был поставлен Феликс Фрумкин (Дзержинский).

И вот заседание Совнаркома. Фрумкин-Дзержинский держит речь: «Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу. У нас не должно быть долгих разговоров. И я требую одного – организации революционной расправы».

Эта расправа началась не только с активными врагами большевиков, но и с теми, кто по соображениям чекистов мог стать их врагом. Лейба-то Бронштейн в своем революционном экстазе мечтал всю Россию превратить в один концлагерь. Так что по установкам ЧеКи безжалостно уничтожались создаваемые столетиями духовно-нравственные ценности русского народа, без суда и следствия вешали и расстреливали князей, дворян, представителей офицерского корпуса, казаков, рабочих, хозяев-землевладельцев.

Денно и ночью трудились в подвалах «чрезвычайки» опричники Дзержинского. В Московской ЧК из местечковых отлично справлялись с установками на «революционную расправу» лихие чекисты: Ривкин, Циткин, Блюмкин, Дейбкин, Закис, Финес, Кнейфис, Цейстин, Гольдин, Закс, Гейдин, Кронберг, Хайкина, Шкловский, Размирович, Леонтович, Александрович, Бизенский, Ройтенберг, Раппопорт, Гальперштейн, Г. Свердлов. В Особом отделе – Агранов, Алиевский, Паукер. Начальник следственного отдела ЧК – Фельдман.

В Питерской «чрезвычайке» под командой Моисея Урицкого трудились Мейкман, Гиллер, Козловский, Модель, Размирович, Иселевич, Мербис, Бухан, Анвельт.

В Киевской ЧК на командных должностях были хлопцы все того же — одного из 160, согласно октябрьскому декрету, «репрессированных народов». По статусу вечно обиженный, из сыновей аптекарей, шинкарей, мянял и ростовщиков, он выдвинул великолепных мастеров убойных дел. Блувштейн стал председателем «чрезвычайки», Шуб — секретарем комиссии, Кац — заведующим тюремным отделом. Финкельштейн — командиром Особого отряда при той ЧеКе. Словом, из 20 командных должностей 4 занимали русские, а остальные — евреи: Лифшиц, Фаерман, Каган, Гринштейн, Финкельштейн, Рубенштейн, Рабичев, Шварцман, Манькин...

Одесскими палачами командовали Дейч, Вихман, Заковский, Ровер, Реденс, Мендель, Дукельский, Капелюс, Юзефович, Израилевич, Меламед. ЧК Черниговской губернии возглавляли Миллер (Вольский), Лившиц, Циклис.

На территории Белоруссии во главе ЧеКи стояли: Пинскер и Гуревич в Могилеве, Хасман и Шварц в Витебске, Ротенберг в Минске.

Унылый список мастеров «чрезвычайек» нет необходимости продолжать. В 1925 году в сборнике «На чужой стороне» были опубликованы материалы «Особой Следственной Комиссии на Юге России». По тем данным 75 % сотрудников ЧеКи составляли «комиссары в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров...». «Задумавшую веселость» на Святую Русь эти люди вносили по-своему. Об этом не любят вспоминать нынешние либералы — будто с 1917 года кремлевские куранты сразу отбили год 1937-й! — но из песни слова не выкинешь.

Министр иностранных дел Временного правительства Павел Николаевич Милюков с 1921 года возглавлял в Париже крупнейшую эмигрантскую газету «Последние новости». И вот он пишет о красном терроре, который до августа 1918 года был «фактическим», а после убийства Урицкого и покушения на Ленина в августе этого года стал «официальным»:

«Освобожденные от всяких норм следователи изощрались в изыскании способов получить признание всевозможными средствами пытки,



И. Сталин в Барнауле. 22 января 1928 г.

а палачи устроили из казни своеобразный спорт опьяненных вином и кокаином людей...

У каждого провинциального отдела ЧК были свои излюбленные способы пытки. В Харькове скальпировали череп и снимали с кистей рук “перчатки”. В Воронеже сажали пытаемых голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали, выжигали на лбу пятиконечную звезду, а священникам надевали венок из колючей проволоки. В Царицыне и Камышине пилили кости пилой. В Полтаве и Кременчуге сажали на кол. В Полтаве были таким образом посажены на кол 18 монахов и сожжены на колу восставшие крестьяне. В Екатеринославле распинали и побивали камнями. В Одессе офицеров жарили в печи и разрывали пополам. В Киеве клали в гроб с разлагающимися трупами, хоронили заживо, потом через полчаса откапывали».

Князь Николай Дмитриевич Жевахов свидетельствует: «С каждым днем своего владычества жида наглели все больше.

Сначала производились массовые обыски якобы скрытого жителями оружия, затем аресты и заключение в тюрьму и смертная казнь в подвалах чрезвычайек. Террор был так велик, что ни о каком сопротивлении не могло быть и речи, никакого общения населения не допускалось, никакие совещания о способах самозащиты были невозможны, никакое бегство из городов, сел и деревень, оцепленных красноармейцами, было немыслимо...

Вполне очевидно, что отсутствие сопротивления, покорность и запуганность населения еще более разжигала страсти палачей, и они скоро перестали обставлять убийства людей всякого рода инсценировками... Поймав свою жертву, жида уводили ее в чрезвычайку. Чрезвычайки занимали обыкновенно самые лучшие дома города и помещались в наиболее роскошных квартирах, состоявших из целого ряда комнат. Здесь заседали бесчисленные “следователи”. Приведя свою жертву в приемную, жида сдавали ее следователю, и тут начинался допрос.

Никакое воображение не способно представить себе картину этих истязаний. Людей раздевали догола, связывали кисти рук веревкой и

подвешивали к перекладинам с таким расчетом, чтобы ноги едва касались земли, а затем медленно и постепенно расстреливали из пулеметов, ружей или револьверов. Пулеметчик раздроблял сначала ноги, для того чтобы они не могли поддерживать туловища, затем наводил прицел на руки и в таком виде оставлял висеть свою жертву, истекающую кровью. Насладившись мучением страдальца, он принимался снова расстреливать ее в разных местах до тех пор, пока живой человек не превращался в бесформенную кровавую массу, и только после этого добивал ее выстрелом в лоб. Тут же сидели и любовались казнями приглашенные “гости”, которые пили вино, курили и играли на пианино или балалайках.

Ужаснее всего было то, что несчастных не добивали насмерть, а сваливали в фургоны и бросали в яму, где многих заживо погребали. Ямы, наспех вырытые, были неглубоки, и оттуда не только доносились стоны изувеченных, но были случаи, когда страдальцы, с помощью прохожих, выползали из этих ям, лишившись рассудка.

Часто практиковалось сдирание кожи с живых людей, для чего их бросали в кипяток, делали надрезы на шее и вокруг кисти рук и щипцами стаскивали кожу, а затем выбрасывали на мороз... Этот способ практиковался в харьковской чрезвычайке, во главе которой стояли “товарищ Эдуард” и каторжник Саенко. По изгнании большевиков из Харькова Добровольческая армия обнаружила в подвалах чрезвычайки много “перчаток”. Так называлась содранная с рук вместе с ногтями кожа. Раскопки ям, куда бросались трупы убитых, обнаружили следы какой-то чудовищной операции над половыми органами, сущность которой не могли определить даже лучшие харьковские хирурги. Они высказывали предположение, что это одна из применяемых в Китае пыток, по своей болезненности превышающая все доступное человеческому воображению. На трупах бывших офицеров, кроме того, были вырезаны ножом или выжжены огнем погоны на плечах, на лбу — советская звезда, а на груди — орденские знаки, были отрезанные носы, губы и уши... На женских трупах — отрезанные груди и сосцы и прочее. Масса раздробленных и скальпированных черепов, содранные ногти с продетыми под ними

иглами и гвоздями, выколотые глаза, отрезанные пятки и прочее и прочее. Много людей было затоплено в подвалах чрезвычайек, куда загоняли несчастных и затем открывали водопроводные краны.

В одном из подвалов чрезвычайки, точно не помню какой, было устроено подобие театра, где были расставлены кресла для любителей кровавых зрелищ, а на подмостках, т. е. на эстраде, какая должна была изображать собой сцену, проводились казни.

После каждого удачного выстрела раздавались крики “браво”, “бис” и палачам подносились бокалы шампанского. Роза Шварц лично убила несколько сот людей, предварительно втиснув в ящик, на верхней площадке которого было проделано отверстие для головы. Но стрельба в цель являлась для этих девиц только шуточной забавой и не возбуждала уже их притупившихся нервов. Они требовали более острых ощущений, и с этой целью Роза и “товарищ Вера” выкалывали иглами глаза, или выжигали их папиросой, или же забивали под ногти тонкие гвозди.

В Киеве шепотом передавали любимый приказ Розы Шварц, так часто раздававшийся в кровавых застенках чрезвычайек, когда ничем уже нельзя было заглушить душераздирающих криков истязуемых: “Залей ему глотку горячим оловом, чтобы не визжал, как поросенок...” И этот приказ выполнялся с буквальной точностью. Особенную ярость вызывали у Розы и Веры те из попавших в чрезвычайку, у кого они находили нателный крест. После невероятных глумлений над религией они срывали эти кресты и выжигали огнем изображение креста на груди или на лбу своих жертв...

Практиковались в киевских чрезвычайках и другие способы истязаний. Так, например, несчастных втискивали в узкие деревянные ящики и забивали их гвоздями, катая ящики по полу... Пользовались палачи и Днепром, куда сотнями загонялись в воду связанные друг с другом люди, и их или топили, или пачками расстреливали из пулеметов.

Когда фантазия в измышлении способов казни истощалась, тогда несчастных страдальцев бросали на пол и ударами тяжелого молота разбивали им голову пополам с такой силой, что мозг вываливался на пол. Это практиковалось в киевской чрезвычайке, помещавшейся на Садо-

вой, 5, где солдаты Добровольческой армии обнаружили сарай, асфальтовый пол которого был буквально завален человеческими мозгами. Неудивительно, что за шесть месяцев владычества большевиков в Киеве погибло, по слухам, до 100 000 человек, в их числе лучшие люди города, гордость Киева.

Кроме Розы Шварц, в подвалах чрезвычайек изощрялась “краса” матери городов русских садистка следственного отдела ЧК Ромовер. В Вологде и Архангельске навсегда запомнили чекистку Ревекку Мейзель. Жена чекиста Цедербаума-Кедрова лично казнила сотни русских офицеров.

Такая вот «веселость» прорывалась у «чрезвычайно гуманных и исключительно добрых, обладающих очаровательными чертами» интеллигентов новой России. К 1924 году уже были уничтожены дворяне, священники, цвет русской армии, трудяги-крестьяне, которым новая власть дала кличку «кулаки». Не обошли интеллигенты с «очаровательными чертами» и пролетариат, под лозунгами которого они въехали в Россию на тройном коне. Были физически стерты с лица земли квалифицированные рабочие Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода.

В январе 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) (наряду с Политбюро – один из руководящих органов партии), возглавлял которое Свердлов, принималет «Циркулярное письмо об отношении к казакам». Оно начиналось так:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью».

Расстреливали всех, кто служил у белых. А можно ли представить казака, который бы не служил, не готов был жизнь положить «За веру, Царя и Отечество»? Так все наиболее жизнеспособное население Дона, Кубани и Терека было уничтожено. А всего загублено 1 250 000 казаков, в том числе детей, женщин, стариков. То, что не под силу было сделать с казаками в многовековых войнах врагам России, сделало «Циркулярное письмо» Яшки Гаухмана.

Исследователь отечественной истории Вадим Кожин назвал цифру людских потерь за 1918–1922 годы – это примерно 20 миллионов че-

ловек! Но о том геноциде русского народа прогрессивная интеллигенция помалкивает. Их больше волнуют расстрелянные в 1937 году «старые большевики».

Не успел умолкнуть плач по убиенным казакам, прощальные по ним звоны колоколов, как начался погром православных храмов и монастырей. Под предлогом борьбы с голодом из стен русских святынь было вывезено 700 пудов золота, 9 500 пудов серебра, 8 000 штук бриллиантов, 48 фунтов жемчуга, 80 000 редких драгоценных камней.

В Шуе на защиту ценностей, веками создаваемых русским народом и отданных родным святыням – храмам и монастырям, поднялись все верующие и духовенство. Это «происшествие» вызвало тревогу большевиков, дошедшую до нас секретным письмом Ильича. Приведем его.

«Товарищу Молотову
Для членов Политбюро.
Строго секретно.

Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин тоже) делать свои заметки на самом документе.

Ленин.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим тоном борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20 марта, то поэтому я изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании Патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотен-

ное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент...

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий...

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало...

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокости народные массы не вынесут. Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий

не должна быть отменена. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей.

Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно...»

Видно, только в России – чуть что, если ты с кем-то или с чем-то не согласен – тебе тут же ярлык: «черносотенец», «антисемит», «фашист» (причем подчеркнуто – русский!). Вот и вождь пролетариата всех стран, надавив на басы о помощи голодающим, вытащил из сундука с нафталином безотказно действующий ярлычок о «черной сотне». И готова установка: «Дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству!» «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам... расстрелять, тем лучше...»

Такая вот Шуя... Будто не знал Ильич, что еще за месяц до событий в том городе Патриарх Тихон обратился к верующим и духовенству жертвовать в фонд помощи голодающим все не богослужебные ценности, деньги и продовольствие...

А между тем от изъятых церковных ценностей на закупку зерна для голодающих было истрачено не более 6 %. Остальные средства ушли на импорт, для валютных маневров в канун Генуэзской конференции.

По воспоминаниям чекистов-перебежчиков на Запад, «чрезвычайка» с момента ее создания была богатейшей организацией: «В помещении ЧК шкафы ломились от золота, отобранного во время облав. Золото в нашем хранилище складывалось штабелями, как дрова!»

«Кажется, что “мировую революцию” правильнее назвать «мировой финансовой революцией», вся идея которой заключается в том, чтобы собрать на лицевых счетах двух десятков человек все деньги мира, – в апреле 1921 года писала газета “Нью-Йорк Таймс” и уточняла: – Только за минувший год на счет большевистских лидеров поступило:

от Троцкого – 11 млн долларов в один банк США и 90 млн швейц. франков в Швейцарский банк;

от Зиновьева – 80 млн швейц. франков в Швейцарский банк;

от Урицкого – 85 млн швейц. франков в Швейцарский банк;

от Дзержинского – 80 млн швейц. франков;

от Ганецкого – 60 млн швейц. франков и 10 млн долларов США;

от Ленина – 75 млн швейц. франков».

О нравах первых лет революции блестящую прозу оставила нам Марина Цветаева. Осенью 1918-го, спасая от голода своих маленьких дочек, она отправилась в Тамбовскую губернию за продуктами. Все, с чем ей довелось столкнуться, увидеть в одном из реквизиционных отрядов, куда попала случайно, Цветаева рассказала в очерке «Вольный проезд». И то, как за тридцать верст по стриженному полю ходила в деревню менять ситец на крупу, и как у «хозяйки» – жены комиссара Иоси Каплана, руководившего реквизиционным отрядом, – посуду и полы мыла, и как однажды комиссарша наклонилась и тогда из-за пазухи у нее выпала стопка награбленного у крестьян золота.

В разгул на Святой Руси «свободы, равенства и братства» под знаменами местечковых комиссаров о публикации такой прозы не могло быть и речи. Вот одно только предложение из «Вольного проезда» Цве-

таевой: «Опричники: еврей со слитком золота на шее, еврей – семьянин (“если есть Бог, он мне не мешает, если нет – тоже не мешает”), “грузин” с Триумфальной площади, в красной черкеске, за гривенник зарежет мать».

Или вот Марина Ивановна в деталях передает один разговор «опричников» – после грабежа, «под лаской сала и масла». Речь тогда зашла об убиенном главе Питерской ЧеКи Урицком.

«Я: – Я, кстати, знала его убийцу.

(Подскок. – Выдерживаю паузу)

...Как же, вместе в песок играли: Каннегиссер Леонид.

– Поздравляю вас, товарищ, с такими играми!

Я, досказывая: – Еврей.

Левит, вскипая: – Ну, это к делу не относится!

Теща, не поняв: – Кого жида убили?

Я: – Урицкого, начальника Питерской Чрезвычайки...

Теща: – Ну, значит, свои повздорили. Впрочем, это между жидками редкость, у них это, наоборот, один другого покрывает, кум обжегся – сват дует, ей-богу!

Левит, ко мне: – Ну и что же, товарищ, дальше?

Я: – А дальше покушение на Ленина. Тоже еврейка (обращаясь к хозяину, любезно). – Ваша однофамилица: Каплан.

Левит, перехватывая ответ Каплана: – И что же вы этим хотите доказать?

Я: – Что евреи, как русские, разные бывают.

Левит, вскакивая: – Я, товарищ, не понимаю: или я не своими ушами слышу, или ваш язык не то произносит. Вы сейчас находитесь на реквизиционном пункте станции Усмань, у действительного члена Р.К.П. товарища Каплана...»

Словом, разговор становился все круче, Левит вскочил, «ноздри горбатого носа пляшут», и вот он орет: «Пропаганду вести? Погромы подстраивать? Советскую власть раскачивать! Да я вас!.. Да я вас в одну сотую доли секунды...»

Но теща из «Вольного проезда» невозмутимо отвечает Левиту: «Да что ж это вы, голубчик, всхорохорились? Подумаешь – “жид”. Да у нас

вся Москва жидом выражается, – и никакие ваши декреты запретные не помогут! Потому и жид, что Христа распял!..» (http://modernlib.ru/books/cvetaeva_marina/dnevnikovaya_proza/read).

После такого «обмена мнениями» с Левитом и Капланом Цветаевой из отряда реквизиторов надо было убираться. «Что вы с тещей натворили? Этот, в красной черкеске, в бешенстве! Полночи его работал. Наврал, что вы и с Лениным, и с Троцким, что вы им всем очки втирали, что вы тайно командированы, черт знает что наплел. Да иначе не вывез бы! Контрреволюция, орет, юдофобство...» – как мог, выручал Марину Ивановну ее знакомый.

А Капланиха, прослушав о «тайной командировке товарища», узнав, что в Кремле, оказывается, есть склады, что в Успенском соборе – шелка, в Архангельском – меха и бриллианты, «крохотными цепкими руками хватая» боевую подругу вождей мирового пролетариата, вкрадчиво и заискивающе приговаривала:

– Вы мне, может быть, запишете свой адресок?..

Марина Ивановна оставила комиссарше тот адресок: «Москва, Лобное место, – это площадь такая, где царей казнят, – Брутова улица, переулок Троцкого, дом 13 и квартира 13. Циперович Мальвине Ивановне...» Да и в самом деле, как было не оставить: «все эти расправы, расстрелы... Надо же и для себя...»

Президиум ВЦИК, возглавляемый Свердловым, вскоре ликвидировал «Всероссийский комитет помощи голодающим». Эти решительные действия были вызваны обращением членов «Комитета» к Патриарху Тихону и его Воззванием к верующим России и зарубежья.

Членам Исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов по рангу было виднее, что делать в такой ситуации. Людей этих избрал народ. В 1920 году в Нью-Йорке общество «Единство Руси» опубликовало список тех рабочих и крестьян. Вот он:

Председатель Свердлов, Абельман, Вельтман (Павлович), Аксельрод, Цедербаум (Мартов), Красников, Лундберг, Коген (Володарский), Цедербаум (Левицкий), Радомысльский (Урицкий), Ульянов (Ленин), Зиновьев (Апфельбаум), Бронштейн (Троцкий), Сирота, Гиммер (Суханов), Ривкин,

Цейбуш, Ратнер, Блейхман, Гольденрудин, Хаскин, Ландер, Аранович, Кац, Фишман, Абрамович, Фрих, Гольдштейн, Лихач, Книтштук, Берлинраут, Дистлер, Черниловский, Смидович.

«...Вам мало, что вы обогрили руки русского народа его братской кровью; прикрываясь различными названиями – контрибуцией, реквизицией и национализацией, вы толкнули его на открытый и беззащитный грабеж, – взывал Патриарх Тихон к совести этих комиссаров. – По вашему наущению разграблены и отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем “буржуев” грабили людей состоятельных, потом под именем “кулаков” стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна».

Уже в наше время дотошные журналисты, исследователи былого, докопались до тайных, чудом уцелевших документов, и вот такое донесение наркома внутренних дел Союза ССР товарища Ягоды:

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранится в запечатанном виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны. 26 июля с.г. шкаф был вскрыт, и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

2. Золотых изделий, многие на которых с драгоценными камнями, – семьсот пять (705) предметов.

3. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

- а) Свердлова Якова Михайловича
- ...б) Гуревич Цецилии – Ольги
- ...в) Григорьевой Екатерины Сергеевны
- ...г) княгини Барятинской Елены Михайловны
- ...д) Ползикова Сергея Константиновича

...е) Романюк Анны Павловны

...ж) Кленочкина Ивана Григорьевича

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

27 июля 1935 года. № 56568

Ягода».

Прежде чем стать главным чекистом страны, Генрих Ягода был фармацевтом – возможно, от той специальности и любовь к точности в работе. А раньше он был у Свердлова каким-то клерком на побегушках, женился на его племяннице Иде Леонидовне Авербах. Так что опись золотым изделиям Якова Михайловича комиссар доверил опытным в таких делах ребятам.

А что тут удивительного? Как заметила комиссарша Каплан, таки надо же и для себя. За что сражались?..

Живуч дух «комиссаров в пыльных шлемах», живуч. Вон письма Капланихи на имя Мальвины Циперович, говорят, до сих пор идут. Только адресок-то желанный за давностью лет боевая подруга Иоси, похоже, подзабыла. Ведь ясно было сказано: «Лобное место!» Оно по другую сторону кремлевской стены, а не в царских палатах.

P.S.

...В 1924 году в Берлине издательство «Основа» выпустило в свет сборник публицистики евреев-эмигрантов. Прорвав традиционное для их племени замалчивание недостатков, негатива, ошибок – словом, всего того, что не идет в их пользу, шесть евреев сказали правду. Правду без обязательных оговорок в пользу лукавой толерантности, оговорок о добродетельности и кротости еврейства.

Один из авторов сборника известный русско-еврейский общественный и политический деятель И. М. Бикерман писал: «Теперь еврей – во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего

механизма самоистребления». И дальше Бикерман с горечью заключает: «Русский человек твердит: жида погубили Россию. В этих трех словах и мучительный стон, и надрывный вопль, и скрежет зубовой».

О том же оставил запись в своем дневнике историк еврейства С. М. Дубнов: «...нам (евреям) не забудут участия евреев-революционеров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и др. – заслонят его самого. Смольный называют втихомолку: “Центрожид”. Позднее об этом будут говорить громко и юдофобия во всех слоях русского общества глубоко укоренится... Не простят...»

ЕВРЕЯМ*

Так бессеребрено – так бескорыстно,
Как отрок – нежен и как воздух синь,
Приветствую тебя ныне и присно
Во веки веков. – Аминь. –

Двойной вражды в крови своей поповской
И шляхетской – стираю письма.
Приветствую тебя в Кремле московском,
Чужая, чудная весна!

Кремль почерневший! Попран! – Предан! – Продан!
Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь – со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.

И мне – в братоубийственном угаре –
Крест православный – Бога затемнял!
Но есть один – напрасно имя Гарри
На Генриха он променял!**

* С таким посвящением у М. Цветаевой два стихотворения. Первое было написано в октябре 1916 года. Комплиментарное, оно предпосылало публикацию очерка «Вольный проезд». В мае 1920-го у Марины Цветаевой вырвались из души эти вот разящие строки. Их и по сей день не найти ни в одном сборнике русского поэта.

** Имеется в виду поэт еврейской национальности Генрих Гейне.

Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, –
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!

Май 1920

Марина Цветаева

«ВЫРВАТЬ ВЛАСТЬ!»

Любопытная деталь – в «Революционных силуэтах» Мандельштама-Луначарского нет ни слова о Сталине. То ли по фейсу не подошел большевик «кавказской национальности», то ли по иным каким причинам...

Вот Лейба Троцкий без проблем вычислил Кобу. «В течение месяцев революции трудно представить деятельность Сталина, – писал он. – Более крупные и даровитые люди занимают авансцену и оттесняют его отовсюду...» Или еще так: «Сталин в Смольном вообще не показывался».

Троцкий вроде не заметил, что в августе 17-го VI съездом партии руководил Сталин, выступал тогда с отчетным докладом ЦК и докладом о политическом положении, что съезд объединился вокруг него и нацелил партию на вооруженное восстание. Троцкий, похоже, не слышал, как 16 октября на заседании ЦК Сталин решительно выступал против капикулянтских предложений Каменева и Зиновьева по поводу вооруженного восстания, что именно Сталина избрали тогда во главе Центра для практического руководства восстанием.

20 октября, в то время, когда Троцкий витийствовал на трибуне Петроградского Совета, Сталин принял участие в собрании уполномоченных профсоюзов Петрограда о подготовке вооруженного восстания. В тот же день в газете «Рабочий путь» вышла его статья под названием «Окружили мя тельцы мнози тучны» – это слова из 21-го псалма, в котором царь Давид перечислял окружавших его многочисленных врагов. В статье Сталин вел речь о противниках вооруженного восстания Каменеве

и Зиновьеве, призывал членов партии и ее сторонников к выдержке. После редакции Сталин на заседании ЦК – там обсуждалось письмо Ленина с осуждением тех же «тельцов мнози тучных».

24 октября вышла последняя дореволюционная статья большевика Кобы под заголовком «Что нам нужно?». «Руководимые дурными пастырями, эсерами и меньшевиками, рабочие и солдаты добровольно передали власть ставленникам помещиков и капиталистов. Эту ошибку нужно исправить теперь же. Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции», – писал Сталин, обращаясь к рабочим, солдатам, крестьянам и казакам: «Если вы все будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит новому тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы... У власти должно быть новое правительство, избранное Советами, сменяемое Советами, ответственное перед Советами».

24 октября Сталин выступил с докладом на заседании большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов.

А Лейба вечером того же дня свалился с приступом эпилепсии, которую он унаследовал от матери. Очухался он к утру. Так что физически Троцкий не мог точно знать, что происходило вечером 24 октября в Смольном.

Между тем Ленин следил за событиями в столице и, находясь на подпольной квартире, написал членам ЦК: «Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»

Вечером Ленин пешком отправился в Смольный, где его встретил Сталин с членами ЦК.

Через несколько часов один из трех большевицких лозунгов «Вся власть Советам!» будет уже не просто лозунгом.

«Революция, у которой свои законы и ритмы, попросту отрицает Сталина», – считал Лейба Троцкий, он был уверен, что «более крупные и даровитые люди» – это те триста авантюристов, которые приплыли с

ним из Штатов. Приплыли с надеждой чем-нибудь поживиться, пока бесы крутят заплутавшуюся в пути Россию. А сам он, узнав о февральских событиях, учув возможность овладеть политической властью, загорелся и открыто кричал: «Вырвать власть! Остальное приложится...»

Бронштейн-Троцкий торопился, торопился к дележке пирога. В 1905 году вместе с паханом антирусской революции Парвусом они организовали всеобщую забастовку. В декабре Израиль Парвус – уже глава Петербургского Совета рабочих депутатов. А Ленин вернулся из эмиграции только в ноябре и 9 мая 1906 года впервые выступил на митинге. Поздновато...

К русским людям тогда обращались и Государь, и пастыри православные. Так, святой праведник Иоанн Кронштадтский наставлял: «Помните, что Самодержавие – единственное условие благоденствия России, не будет Самодержавия – не будет России, заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас». Святители Земли Русской умели говорить просто и ясно, и творцам смуты был вынесен приговор – стихийно возникший Союз Русского Народа не попустил разрушения Самодержавия, вытекающего из самого народного сознания, духа народа.

Парвус и Троцкий в 1906 году были арестованы. Их отправили в ссылку, в Сибирь, но по пути туда оба сбежали. Летом того же года в Финляндию укатил и товарищ Ленин. А вот в 1917-м он обошел на выражах Троцкого с Парвусом. Вячеслав Молотов вспоминал потом то время: «Троцкий постоянный противник Ленина до революции и после – по всем основным вопросам. А все-таки Ленин его включил в Политбюро. А это фигура таковская...»

Да уж, бросил огнепальный Лейба клич мужикам-лапотникам: «Обогащайтесь!» А как, за чей счет – не сказал. Свои-то счета в швейцарских да американских банках «Иудушка Троцкий» круто пополнил царским золотом, пограбил и дворцы, и сокровищницы двух столиц – национальное достояние России. «Бескорыстные борцы за общее благо, – писал отказавшийся от «кремлевского корыта» русский писатель Михаил Арцыбашев, – получали обильную мзду из огромных складов продовольствия, созданных за счет голодающего народа. Сыто, весело и пьяно жила боль-

шевистская опричнина, но еще сытнее и пьянее жили сами кремлевские владыки. К их услугам были палаты московских царей и лучшие отели, для них были автомобили, драгоценные меха, бриллианты, бессчетные суммы золота, вино и женщины...»

Возможно, не все помнят немой фильм тех давних лет «Мисс Менд» – больше десяти серий. Главную роль в нем играла некто Розенель – молодая жена наркома просвещения товарища Луначарского, она состояла в труппе актеров не только Малого театра, но и еще шести других московских театров. Один из биографов наркома рассказывает, что поначалу «молодая чета» пользовалась дачей на Воробьевых горах. И вот явился как-то нарком с Розенелью «в неофилологическую библиотеку, что помещалась в Денежном переулке. Явился неожиданно. Библиотечный персонал был приятно поражен приездом наркомпроса и молодой артистки. Чета вошла в библиотеку, никаких вопросов по существу персоналу не задавала, необычайно внимательно и детально осмотрела библиотеку и уехала. А на следующий день пришло извещение о немедленной очистке библиотечного помещения. Двенадцать тысяч томов ценнейших книг, брошенных на скорую руку в мешки, оттащены были по грязи сперва в Румянцевский музей, где их никак не удалось пристроить, затем в Академию художественных наук, где кое-как пришлось их разместить...»

Позже, рассказывает сама Розенель, Анатолию Васильевичу дали для летнего жилья второй этаж музея-усадьбы Астафьево. Имение Астафьево принадлежало князьям Вяземским и только в 1915 году перешло к новому владельцу, графу П. Шереметьеву, который оставался там при Советской власти в качестве хранителя этого «музея». Проще – сторожем.

Что тут скажешь, красиво жил верный ленинец, нарком просвещения Луначарский.

В своих мемуарах «Память сердца» Розенель вспоминает, как в начале 20-х годов она и Анатолий посетили Кавказ: «Сверкающим ранним утром из Владикавказа вышли на Военно-Грузинскую дорогу три открытых “фиата”; нас встретили во Владикавказе грузинские товарищи, и с нами выехали, чтобы проводить до Тифлиса, представители правительства Горской республики.

Все было радостно, празднично. С гор спускались группы всадников в бурках и низко надвинутых папах. Это аулы высылали свои почетные эскорты, чтобы приветствовать Луначарского.

На станции Пасанаури нас ждал сюрприз: туда навстречу нам выехала компания наших тифлиских друзей, и мы обедали там в большом и веселом обществе».

Старуха Розенель возмущалась спустя годы: «О чем думают наши киношники! Как можно было не заснять все это? Луначарский, окруженный грузинскими детьми!.. Тупые, инертные люди!»

Действительно, как это! Как можно было не заснять! Да только ли те кадры в компании, в большом и веселом обществе тифлисцев не сохранились для истории? Вот, к примеру, на следующий год, пишет Розенель, предполагалось, что в Берлине Анатолий Васильевич проведет недели две, столько же в Париже, а затем будет отдыхать на юге Франции. Что бы заснять и это? И то, как в 1927 году товарищ Луначарский снова был в Париже. А в 1928 – в Женеве. В 1930 – снова в Берлине. Правда, здесь Анатолий Васильевич «готовился к выступлению на Всемирном конгрессе философов в Гамбурге, – уточняет Розенель. – Мы жили под Берлином в живописном уютном Ванзее, в санатории “Таннэк”». И разве не любопытно, как наркома просвещения рабоче-крестьянской республики слушал в те дни вражий философ Бердяев?

В 1933 году чета Луначарских после Женевы переехала на маленький курорт в 14 километрах от Франкфурта-на-Майне. «Наш санаторий, – вспоминает Розенель, – находился в удивительно красивой долине, у отрогов Таунуса, с нашей террасы виднелись горы, увитые виноградниками, увенчанные руинами средневековых замков».

В 1933 году, заметим, в стране был страшный голод...

Да, так вот товарищу Парвусу после октябрьского-то переворота, когда большевики «вырвали власть», переехать в Советский Союз товарищ Ленин не разрешил. Хотя именно Израиль Гельфанд и Советы придумал, и паровоз с запломбированным вагончиком Ильичу организовал, и бабки ему передавал через Фюрстенберга-Ганецкого, Радека, Воровского, Коз-

ловского, «Коллонтаиху». Однако шибко много знал этот Парвус – вот и не впустил его Ильич в рабоче-крестьянскую республику.

Не ко двору товарищу Ленину пришлось и философы с мировыми именами – Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский... Целый «философский пароход» навсегда отправил он за границу, к чужим берегам...

Но это к слову о «законах и ритмах» революции, которая, если верить Троцкому, начисто отрицала и Сталина. Только ведь это – как смотреть. Один видит в революции себя, любимого, фонтанирующего словесами на съездах, перед толпой в солдатских шинелях. Другой – революцию в себе. С одной стороны, еврейское меньшинство, которому февраль 17-го показался не всеми решенными для еврейства вопросами и захотелось, как объявил Лейба, «вырвать власть!» и рулить Россией. С другой – порыв, вера людей в одну из древнейших мировых утопий – жизнь без бедных и богатых, без эксплуататоров. Так одни осатанело рвались к власти ради нее самой, ради выгод, какие она дает, народ они называли, как Бухарин, «человеческим материалом» или, как Троцкий, – «голосующей скотинкой». А другие – с готовностью навсегда покончить с вековой несправедливостью...

Троцкий, сын богатого херсонского помещика, крупного землевладельца, – с подачи Парвуса – носился с теорией «перманентной революции», любил красиво пожить – отдыхи на курортах, забота о своем драгоценном здоровье (за ним следили несколько врачей). Так что Сталин рядом с таким «революционным силуэтом» явно проигрывал.

Сохранились письма семьи Сталина. Вот его жена Надежда пишет ему на юг, где Сталин лечился: «Иосиф, пришли мне, если можешь, руб. 50, мне выдадут деньги только 15. IX в Промакадемии, а сейчас я сижу без копейки. Если пришьешь, будет хорошо». И еще: «Письмо с деньгами получила. Большое спасибо. Посылаю тебе шинель, т. к. после юга можешь сильно простудиться».

Так жил Сталин. В стаю циничных краснобаев и ортодоксов талмудического марксизма он вообще не вписывался. Но своей практичностью и реализмом в решении государственных и партийных задач большевик

Коба привлекал внимание людей, единомышленников, далеких от местечковой озабоченности.

Впрочем, и Лейба считал себя близким к народу интернационалистом. Когда его спрашивали, кто он, какой национальности, Лейба отвечал, что по-национальности он – коммунист! Это вроде, как «сын юриста»...

А между тем и один из первых декретов новой власти от 29 октября – это о «репрессированных народах». И в конце 1917-го еврейский отдел при комиссариате по делам национальностей уже заработал. С 1918 года отдел был преобразован в «Еврейский комиссариат». Чуть позже в Российском телеграфном агентстве появилось возглашение «Еврейского Коммунистического Союза Советской России» как особой части РКП(б). Но самым памятным народу – сразу за расстрелом царской семьи – стал закон от 27 июля 1918 года об антисемитизме. По тому закону, с оговоркой о вреде для революции «антисемитского движения», за слово «жид» предписывался расстрел на месте.

Кто был творцом того закона? Лейба Давидыч Бронштейн – безнациональный коммунист. Ильич только добавил фразу-установку: «ставить вне закона»! То есть расстреливать без суда и следствия. Только Лейба и без той установки знал, что делать. Став наркомвоенмором, он с сотней головорезов в кожаных куртках носился по равнинам русским, и каждое его появление в воинских частях, в чем-то провинившихся, где-то дрогнувших перед «белыми», заканчивалось приказом о расстреле каждого десятого.

Вот она музыка революции, ее ритмы, которые «попросту отрицали Сталина»!

Ну, а кроме расстрелов – увертюры на российских просторах мировой, как бы нынче сказали, виртуальной революции – что еще делал Бронштейн? Между расстрелами, покачиваясь в пути в царском вагоне, Лейба читал французские романы, кокетничал блеском своих парадоксов, а еще он вошел в историю перестраиваемой на новый лад России вместе с так называемым Брестским («похабным») миром.

Всеобщий мир, без аннексий и контрибуций, предложенный Лениным, страны Антанты (Англия, Франция США и др.) не приняли. Тогда

Советская Россия приступила к мирным переговорам с Германией. Немцы предъявили жесткие требования, на что советская делегация не согласилась и прервала переговоры. Однако в начале 1918 года на совещании членов ЦК Ленин выступил за немедленное заключение мира. «Несомненно, мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен с другим правительством», – говорил Ильич, отстаивая власть, но большинство членов ЦК поддерживали предложение Троцкого: «Не война и не мир!» Лейба убеждал, что немецкие войска выступать против Советов не смогут, в Германии вот-вот совершится революция. Ленин настаивал на своем и добился в ЦК партии решения о затягивании мирных переговоров. Его поддержали Сталин, Артем Сергеев и ряд других большевиков.

Троцкий отправился в Брест-Литовск как руководитель советской делегации и там заявил немцам, что Советская Россия войну прекращает, что армию демобилизует, но... мира не подписывает. Немцы обалдели. Вычислили ситуацию, складывающуюся вокруг пролетариев всех стран, и предъявили большевикам ультиматум о мирном договоре. Отстаивая предложение Ленина, Сталин составил с ним телеграмму, в которой было категорическое требование подписать мирный договор на предъявленных Германией условиях. Но Троцкий входил в роль гегемона партии и плевал на всякие там телеграммы. Он отказался принять ультиматум германского командования, сорвал переговоры, и 18 февраля 1918 года немецкие войска начали наступление по всему русско-германскому фронту.

Вечером того же дня в Берлин полетела радиограмма о готовности советского правительства подписать мир на условиях, предъявленных Германией. Однако немцы, продолжая наступать, 22 февраля предъявили ультиматум пуще прежнего: даешь полную демобилизацию армии, разоружение флота, отказ от Прибалтики, полное очищение Украины, передачу Турции Карса и Батума... И этот ультиматум ЦК партии большинством голосов был принят. Только Троцкий, Бухарин и их сторонники от голосования тогда воздержались.

25 февраля в Брест выехала новая делегация. 3 марта с Германией был подписан договор, по которому Россия теряла 26 % населения, 27 % терри-

тории, 33 % фабрик, 26 % железных дорог, 75 % каменного угля, 32 % урожая. К тому же правительство Ленина должно было заплатить Германии 3-миллиардную контрибуцию хлебом, рудой, прочим сырьем, а также передать немцам 245 564 кг золота.

Лейбу Бронштейна с поста наркома иностранных дел сняли. И вот в связи с этим одно любопытное наблюдение. В Питере с 1907 года по 1918-й служил настоятелем епископальной церкви некий доктор А. Саймонс. Выступая в американском Сенате, он доложил, что в беседах с официальными лицами советского правительства обнаружил у них «стремление сохранить, по возможности, дружественные отношения с Америкой. Это стремление было истолковано лицами дипломатического корпуса союзных стран как попытка отделить Америку от ее союзников. Кроме того, они рассчитывали, что если бы большевистский строй рухнул, то наша страна (Соединенные Штаты) явились бы убежищем, куда большевистские демоны могли бы спастись».

Троцкий, один из тех демонов, несомненно, рассчитывал на то убежище. А вот можно ли представить, чтобы такие расчеты строил Коба? То-то и оно.

P.S.

Еврейская революционная интеллигенция подрывает тот самый капитализм, в котором так уютно чувствовала себя еврейская буржуазия.

Г. Федотов

(«Новое на старую тему» // «Тайна Израиля». Спб., 1993).

УКРАИНСКИЙ УЗЕЛ

Ситуация в Малороссии, сложившаяся после октябрьского переворота, была похожа на старинную игру в чехарду. С приходом к власти на Святой Руси масона Керенского в Киеве образовалась Центральная

Рада, председателем которой стал один из лидеров украинских националистов тоже масон М. Грушевский, а министром по военным делам – С. Петлюра. Большевики Киевского военно-революционного комитета, возглавляемого Л. Пятаковым, издали было приказ о выборах в воинских частях командиров да комиссаров, потребовали списки личного состава, оружия, но украинская власть выкатила свой приказ – о неподчинении Пятакову.

17 ноября 1917 года, через 10 дней после октябрьского переворота, нарком по делам национальностей Сталин вышел на связь с представителем Украинской демократической партии. Состоялся разговор по прямому проводу, в результате которого выяснилось, что Центральная Рада никак не намерена передавать власть Советам. Тогда Совнарком предъявил Центральной Раде 48-часовой ультиматум: по нему без разрешения главковерха Крыленко запрещалось пропускать воинские части на Дон и Урал; было требование содействовать в борьбе с контрреволюционерами, сдавать отобранное оружие и т. д. На что в тот же день, это 4 декабря, Питер опять получил отказ «с коммунистическим приветом». Так что Киевскому Совету рабочих и солдатских депутатов пришлось менять свою дислокацию – отправляться в Харьков. И тут на помощь большевикам неожиданно пришел «Всеукраинский съезд», на котором Центральную Раду хлопцы объявили вне закона. Было принято решение о формировании советского правительства, которое Питерский Совнарком тут же признал и 9 декабря объявил Центральной Раде войну.

С 10 по 18 января 1918 года состоялся 3-й Всероссийский съезд Советов, который провозгласил, что Россия отныне будет называться Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой – РСФСР. Центральная Рада, рожденная у нэньки-Украины в дни разгула Временного правительства, 12 января сообщила о выходе из такой республики. А 15 января 1918-го красные войска Муравьева и Ремнева подошли к Киеву. Город подвергся 10-дневной бомбардировке, Грушевский с командой вынуждены были подать в отставку. Власть на полторы недели взяли в руки два студента – Голубович и Ковенко.

26 января большевики входят в Киев. Центральная Рада с правительством Голубовича и Грушевским отправляются на автомобиле в Житомир.

Тут надо заметить, что в Брест на встречу с немцами представители правительства Грушевского явились раньше Лейбы Троцкого. Без долгих разговоров «хохлы» заключили с немцами договор, и германо-австрийские войска потянулись по украинской земле к «матери городов русских». В Восточной Галиции их встречали – какой там хлеб с солью! – с лозунгами «Да здравствует украинская держава в Габсбургской монархии!» Нэнька-Украина в составе Габсбургской династии... Ничто не напоминает?

Алэ ж хлопци-галычане спивалы:

Будэ вильна Украина у свободи жыты,
Будэ кожны украинэць Габсбургам служыты.

Или еще так:

Да поможэ пани Божэ тай Прэчыста Маты
Як найскоршэ з Галычыны прочь москаля гнаты...

Брестский-то мир решительно осудила Русская Православная Церковь. Патриарх Тихон обратился к народу с посланием, в котором говорилось: «Благословен мир между народами, ибо все братья, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимые блага... И несчастный Русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждал мира... но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?.. Мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, мать городов, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской... Святая Православная Церковь, искони помогавшая Русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения... Этот мир... подписанный от имени Русского народа, не приведет к братскому сожительству народов... В нем зародыши новых войн

и зол для всего человечества» (https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-po-sluchaju-zakljuchenija-brestskogo-mira/).

Так все это и произошло. Пока австро-германские войска в медных касках ровными рядками вышагивали по шляхам Украины, Киев, брошенный на произвол судьбы, переживал бойню, которая была куда как круче той десятидневной бомбардировки...

Войско Муравьева и Ремнева, вошедшее в город, состояло из отрядов Красной гвардии, рабочей милиции и кое-каких частей старой армии, поддержавших советскую власть, – словом, с бору по сосенке. Вообще старая армия, разложившаяся не без помощи большевистской пропаганды, не представляла уже силы, способной противостоять хорошо организованному противнику. Но власти побаивались неуправляемой массы вооруженных людей, тех, кто совсем недавно ходил в атаки «За Веру, Царя и Отечество», поэтому Совнарком объявил о демобилизации их. Для этого не требовалось специальных декретов, директив. Армия-то была лапотная, в основном из крестьян, которым Советы обещали дать землю. Вот и получайте! Явитесь на место дележки да раздачи ее – и нет проблем ни вам, ни нам. Тысячи мужиков в серых солдатских шинелях рванули тогда в родные края. В переполненных поездах, в тамбурах, на крышах вагонов они торопились домой к застоявшейся за годы войны земле-кормилице. В такой сумятице, если не бегстве целой армии, многие погибли...

Однако какая власть обходится без штыков или, на крайний случай, пятерки танков из гвардейской дивизии? Властителей новой жизни народ вычислил довольно быстро. Не случайно уже в ноябре 17-го воронежские кооператоры выступили с таким вот обращением: «Собрание председателей воронежских кооперативов и союзов, стоя на точке зрения законности и порядка, протестует против захвата большевиками вооруженной силой народной власти Российской республики в лице Временного правительства. Преступное восстание за 3 недели до объявленного Временным правительством созыва Учредительного собрания, этого единственного вершителя судьбы России, повлекшее за собой гражданскую войну по всей стране, массовые погромы и грабежи, окончательно приостановило с

таким трудом налаженное дело продовольствия и ведет к полнейшей разрухе и гибели нашей родины.

Большевики, обманув рабочих и солдат обещанием немедленного мира, хлеба, воли и земли, дали народу вместо мира – потоки братской крови, и новое наступление немцев, и новые ужасы войны.

Вместо хлеба – голод.

Вместо воли – бесправие.

Вместо земли – братоубийственную рознь среди крестьян.

Натравив одну часть населения на другую, большевики, вызывая гражданскую войну, голод и разруху, подают этим свою руку, обрызганную кровью убитых ими русских граждан, врагам трудового народа. Не может быть им места, изменникам родины и революции, у власти народной, ни в общественных учреждениях, ведающих хозяйством страны. Довольно толкать родину к пропасти. Не смеют находящиеся в меньшинстве большевики навязывать всем свою преступную волю вооруженной расправой с русскими гражданами.

Весь народ сам должен сказать свободно свое слово через избранных представителей в Учредительном собрании – единственном хозяине земли русской...

Во имя кооперативного завета – “Все за одного и один за всех” – приглашаем всех товарищей кооперативов и все остальное трудовое население присоединить свой голос к протесту против врагов народа – большевиков, и принять все меры к борьбе с ними».

Так что 15 января 1918 года Совнарком быстренько принял декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии», которая, как предполагали «народные комиссары», должна была строиться на принципе добровольности. Ивану объяснили, что теперь он хозяин страны, что ее надо любить и защищать. Иванушка-то хоть и дурачок, да не полный, не идиот. Сведениями о комиссарских вкладах в швейцарских да американских банках он, конечно, не располагал, но разве скроешь от народа размах жизни под девизом комиссарши Каплан: «Таки надо уже немного и себе...»

Эх, а мог ли тогда Иван представить, что к концу века его правнукам так же вот придется вставать под ружье в интересах березовскосмолен-

скогусинскоабрамовичей? Лозунги у них будут другие, а все остальное-то как у Бронштейна с Нахамкесом – те же доллары в тех же швейцарских да американских банках.

Короче, декрет большевиков о наборе добровольцев в Красную армию энтузиазма масс не вызвал. К тому времени Лейбу с поста наркома иностранных дел сняли, а через полторы недели назначили председателем Высшего Военного Совета! 13 марта Лейба – опять народный комиссар, только уже по военным делам. С этим назначением нарком Троцкий навсегда войдет в память народа как кровавый палач.

Но вот 14 марта 1918 года уже в Москве, куда ретировалось правительство Ильича, открылся 4-й Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов. На нем наркома по национальным вопросам Сталина избирают членом ВЦИК. В тот же день «Известия» опубликовали статью Сталина под названием «Украинский узел», в которой Сталин писал, что «там, на Украине, завязывается теперь основной узел всей международной современности – узел рабочей революции, начатой в России».

А в конце апреля Совнарком назначил его полномочным представителем РСФСР на переговорах с Центральной Радой о заключении мирного договора, и 29 апреля Сталин с делегацией отправился в Курск.

Дело в том, что Украина входила в зону действий Южного фронта, главкомом которого по приказу Ленина от 8 декабря 1917 года был назначен Антонов-Овсеенко. И это как бы подтверждало отношение к ней как к части Юга России.

Но это только «как бы». А в действительности события на Украине развивались вне приказов Ленина. Так, в апреле-мае 1918-го произошли первые столкновения с большевиками Донбасса украинских крестьян-партизан, отступавших, как и большевики, с продвижением немецких войск. В то же время и сами большевики на земле нэньки-Украины боролись за место под солнцем.

Так, Гришка Пятаков, оставив в Питере службу комиссара Госбанка, в начале марта вернулся на Украину, чтобы бороться за мировую революцию. С ним прикатила его жена Евгения Бош, жесточайшая воительница за власть на Украине. На их стороне стояли: дружок Пятакова

Андрей Бубнов, бывший студент сельскохозяйственного института, члены киевской группы Косиор, Гамарник. Стать союзниками Пятакова и Бубнова согласились бывший меньшевик Затонский, Скрыпник. Эти так называемые левые коммунисты употребляли в то время слово «Украина», мыслили украинскими категориями и стояли хотя бы за относительную независимость от Москвы.

Забегая вперед, заметим: в 1920 году, после овладения Крымом, Пятаков стал известным специалистом так называемой пятаковской тройки, в которую входили товарищ Роза Залкинд (Землячка) и товарищ венгерский еврей Бела Кун.

Да, в 1937 году Пятаков стал обвиняемым по делу об «антисоветском троцкистском центре». Приговоренный к расстрелу, Гришка просил предоставить ему «любую форму реабилитации» и готов был – по его просьбе! – «лично расстреливать всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе свою бывшую жену» (надо полагать, очередную, поскольку Е. Бош, занимавшая в первом советском правительстве на Украине пост народного комиссара внутренних дел, вскоре повесилась. – С.Г.).

Но пока что Гришка с компанией катили бочку на Сталина, который защищал донбассцев, возмущались их «великорусским национализмом» и тем, что они не признавали существования «украинского вопроса». На стороне донбассцев были большевики из Екатеринослава, Харькова. Наиболее авторитетной считалась группа, в которую входили Ф. Сергеев (Артем), К. Ворошилов, Е. Квиринг, И. Яковлев (Эпштейн), В. Межлаук, М. Рухимович, И. Шварц.

Такой вот «украинский узелок» получался. В конце апреля Сталин, участвуя в переговорах еще с Центральной Радой о заключении мирного договора, встречался, конечно, с левыми коммунистами. Пятаков потрясал своим Манифестом, который был против Брестского мира на Украине, и призывал крестьян к восстанию. Тогда Сталин резко оборвал демагогию «левых». «Достаточно играли в правительство и республику, кажется, хватит. Пора бросить игру!» – заявил он председателю украинского ЦИК Затонскому. Затонский и Скрыпник возникли было, выразили протест имперским установкам Сталина, но потом смирились. Затонский

даже объяснил украинским большевикам «диалектику истории». «Советскую Украину, – писал он, – строили в значительной мере люди, которые даже украинской мовы не знали. Такая диалектика истории».

Если уж речь о такой диалектике, то Сталин, заметим, в те дни выступил и против Ленина. Ильич полагал, что лучше независимая, но дружественная нам демократическая Украина, чем плохая Советская республика. Сталин не согласился с ним. Он считал, что Украина – это опора советской власти, это миллионы работоспособного населения, это металл, уголь, хлеб.

А тем временем, в соответствии с Брестским договором, австрийские войска уже вошли в Одессу, Киев вполне любезно встретил немцев. Если следовать хронике тех дней, заметим, тогда же московское правительство решило распустить Красную гвардию, годную разве только для переговоров. А всем желающим большевики еще раз предложили записываться в Красную Армию, о чем настойчиво сообщали все районные Советы.

Нарком военных дел Троцкий тоже работал – лично подбирал для себя добровольцев. Не то врач, не то ветеринар, Эфраим Скланский стал у него заместителем. В Петрограде в Комитете революционной обороны были тоже крупные стратеги и мастера военного дела: Моисей Гольдштейн (Володарский), Яков Фишман, Яков Свердлов, Сергей Драбкин (Гусев), Григорий Чудновский.

Сейчас трудно сказать, кому пришла в голову мысль – для защиты завоеваний великого Октября использовать военнопленных. Во всяком случае, 15 апреля в Москве большевики организовали съезд так называемых интернационалистов из рядов вчерашнего врага России. Вскоре и в Сибири состоялся съезд «социал-демократов – интернационалистов».

Спустя полвека, уже военным корреспондентом газеты «Красная звезда» в Германской Демократической Республике, я встречался со многими участниками тех давних событий. Запомнилась одна встреча в Тюрингии.

Далекое, затерянное в горах местечко Викасдорф. Здесь жил старый коммунист, ветеран Первой мировой Карл Мюллер. В 1907 году, когда германский империализм, все более открыто требуя передела мира, уси-

ливал гонку вооружения, красильщик из Вуппертала Карл Мюллер вступил в ряды активных бойцов социал-демократической партии.

Началась Первая мировая война. Захлестнула Карла ее железная петля. Из-под Варшавы очутился он в 14-м году под Тюменью в тифозном бараке для военнопленных. Сибирь. Глухомань да морозы, от которых птицы на лету падают. Думал ли Мюллер, что выживет той зимой, что не только от тифа выходит его русская сестра, но и на всю жизнь оставит в сердце тепло, самые искренние и сильные чувства к ее народу.

Много десятилетий прошло с тех пор. Отгремела еще одна мировая война, а Мюллер все-таки не забыл чашки черного кофе, которую неизвестно каким чудом достала ему тогда в Сибири медицинская сестра. А как самое большое событие в своей жизни встретил немец весть о революции в России.

— Айда нах революцѳон! — держал речь среди военнопленных агитатор и пропагандист Карл Мюллер. Когда же против молодой советской власти началась военная интервенция, он, не задумываясь, ушел в интернациональный батальон. «Нам Ленин сказал: “Полгода воюете на нашей стороне — и через полгода мы отпускаем вас всех домой!”» — так приблизительно передал мне организацию пролетариев всех стран на пути к мировой революции старый Мюллер и подчеркнул, что слово свое товарищ Ленин сдержал. Выдали военнопленным оружие, показали в какую сторону стрелять — опять бить и колоть штыком Ивана, за что полвека спустя и отметили Карла медалью «За боевые заслуги».

Тысячи немцев, австрийцев, хорватов, сербов, чехов, венгров стали надежной опорой большевиков в их карательных делах. Вместе с латышскими стрелками они старательно трудились в лихую годину русской смуты, оставив кровавый след в нашей истории.

Однако 28 апреля 1918-го. В Киев съезжаются не военнопленные — свыше девяти тысяч хлеборобов! На съезде братья-славяне решили тряхнуть стариной: шо там тыи прэзыдэнты — даешь гэтьмана! И хлеборобы от имени всего украинского народа выбирают гетманом Украины вождя запорожского казачества генерала Павла Петровича Скоропадского. Дед

его – отставной гусарский поручик, предводитель дворянства Полтавской губернии. Отец – полковник, за бои с горцами в полувековой Кавказской войне был отмечен золотым палахом с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами и бантом. Так что и Павел, окончив Пажеский корпус в Петербурге, был зачислен в Кавказский полк, в котором служил его отец, участвовал в Русско-японской войне. Как и отец, был награжден палахом с надписью «За храбрость» и орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. После войны уже генерал, командир Лейб-гвардии конного полка, Павел Петрович Скоропадский большую часть своего состояния пожертвовал строительству эскадренного миноносца «Украина».

Но вот опять война – Первая мировая. Ее генерал встретил в Восточной Пруссии и вскоре был отмечен орденом св. Георгия 4-й степени. Как и прославленный русский полководец Скобелев, которому Петр Павлович подражал, он лично водил кавалеристов своей 3-й кавалерийской дивизии в бесстрашные рубки с противником.

С сентября 1917 года Скоропадский уже генерал-лейтенант, командир 34-го корпуса, преобразованного в 1-й Украинский, – это 60 тысяч штыков и сабель. 6 октября 1917-го на Верховной Раде в Чигирине, древней столице запорожцев, казаки вручают ему булаву гетмана. А семь месяцев спустя генерал Скоропадский стал главой всей Украины.

Но перед этим, в декабре 1917 года, силами верного генералу 1-го Украинского корпуса он будет защищать Киев от разбоя солдатни разложившегося Юго-Западного фронта, которых вела на город комиссарша У. Бош. Скоропадский спас Киев от штыков этой кровожадной комиссарши.

Здесь следует сделать изящный такой книксен – оговориться, скажем, словами Льва Николаевича Толстого, что и евреи бывают хорошие люди. К примеру, в том же декабре ростовский коммерсант-еврей А. Альперин вручил генералу А. Каледину 800 тысяч рублей на организацию партизанских отрядов против большевиков. Б. Гордон, как нынче говорят, «бизнесмен», отвалил крутые бабки генералу М. Алексееву. Одновременно начался сбор «еврейских денег» на Добровольческую армию.

Возникает вопрос: а в честь чего богатые евреи сделали вдруг ставку на казачество? Может, взгрустнулось братьям-евреям о «черте оседлости» в районе пивного завода в Хамовниках (это недалеко от Садового кольца в белокаменной) или о золотых приисках в Сибири?..

Центральная Рада по-своему отблагодарила командира 1-го Украинского корпуса Скоропадского – выпроводила боевого генерала в отставку! При этом Генеральный секретарь военных дел Украины С. Петлюра расформировал корпус и отправил его на фронт. А через месяц большевики взяли Киев.

Порой, говоря о гетмане Скоропадском, ему приписывают сотрудничество с немцами – чуть ли не в собственных интересах, во вред Украине. При этом забывают, что не только Украину – территорию Белоруссии, Прибалтику, Крым, часть Области Войска Донского немцы заняли стараниями Троцкого, заключившего «похабный мир» в Бресте. А Украину-то еще раньше сдали немцам хлопцы из Центральной Рады, обогнав Лейбу.

Да, генерал Скоропадский за два дня до избрания его гетманом Украины встречался с начальником штаба германских войск генералом Гренером. Состоялся разговор, во время которого немец заявил, что если в самое ближайшее время на Украине не появится «сильное правительство, способное выполнять международные обязательства, то Германия будет вынуждена объявить Украину оккупированной страной», и добавил, что силой оружия они начнут изымать необходимые Германии сырьевые и продовольственные ресурсы. Вот тогда-то 7000 делегатов съезда «вольных хлеборобов» от имени трех миллионов земледельцев и избрали генерала П. Скоропадского главой Украинского государства. Гетманпустил Раду, сформировал деловое правительство – не по кумовству или землячеству. Министром финансов, например, был назначен поляк Ржепецкий, труда – немец Вагнер, министром торговли – и евреи хорошие люди бывают! – еврей Гутник. Начальником Генерального штаба гетман поставил русского – им стал полковник Сливинский.

О тех днях генерал-лейтенант А. С. Лукомский, начальник штаба Верховного главнокомандующего, а с декабря 1917-го – Добровольческой армии, вспоминает: «В двадцатых числах апреля я со своими детьми

приехал в Киев... Через одного моего знакомого попросил узнать, когда гетман Скоропадский может меня принять. В тот же день мне было сообщено, что гетман меня просит к себе на другой день. В назначенный час я пошел в так называвшийся гетманский дворец (старый генерал-губернаторский дом)...

После завтрака гетман пригласил меня к себе в кабинет и очень горячо стал мне объяснять, что он согласился быть выбранным в гетманы только потому, что, по его мнению, это был лучший выход из создавшегося положения... что он не “щирый украинец”, что вся его работа будет идти на создание порядка на Украине, на создание хорошей армии и что, когда Великороссия изживет свой большевизм, он первый подымет голос за объединение с Россией, что он отлично понимает, что Украина не может быть “самостийной”, но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать из себя “щирого украинца”; что для него самое больное и самое трудное – это работать с немцами, но опять-таки и здесь это – единственно правильное решение, так как, только опираясь на силу, он может создать порядок на Украине; а единственно существующая и реальная сила – это немцы; что Добровольческая армия силы из себя серьезной не представляет, и немцы никогда не допустят ее усиления: тогда она станет для них опасной. А потому, как бы он ни сочувствовал генералу Деникину, опираться на него не может, а принужден опираться на немцев. Вот когда удастся создать прочную регулярную армию на Украине, тогда он иначе будет разговаривать и с немцами.

На это я ответил, что немцы все это понимают не хуже, чем он, и создать сильную армию на Украине они ему не позволят.

– Нет, я этого добьюсь; я получил уже принципиальное обещание, что мне будет разрешено сформировать девять корпусов...

Затем он сказал, что все же учитывает возможность задержки в получении этого разрешения и что у него разработан проект формирования в провинции особых частей для поддержания порядка в уездах; что эти части будут иметь в своем составе значительное число офицеров и, когда потребуется, могут послужить кадром для развертывания в более крупные войсковые части...

Я пожелал ему успеха, но еще раз высказал сомнение относительно того, чтобы немцы, разложившие русскую армию и выведшие ее из мировой борьбы, позволили ему создать новую армию, которая может обратиться против них же.

Затем гетман Скоропадский, совершенно для меня неожиданно, предложил мне быть в его правительстве военным министром.

– Я убежден, что мы с вами скоро сформируем хорошую армию, – добавил он.

Я категорически отказался, сказав, что возвращаюсь в Добровольческую армию (http://az.lib.ru/l/lukomskij_a_s/text_0020.shtml) и, кроме того, никогда и ни при каких условиях не соглашусь работать с немцами, которые не в честном бою, а подлыми предательскими приемами погубили нашу армию и продали Россию в руки большевиков, главные из которых евреи, преследующие не русские, а интернациональные цели».

Симон Петлюра по этому поводу имел соображения несколько иного плана. Временно коротая дни в тюрьме вместе с одним из большевистских руководителей Моше Рафесом, он делился с сокамерником своей заветной мечтой «о создании Украины-Иудеи». Интересное бы получилось царство-государство в составе, скажем, Федерации «Русь-Хазария». Тогда не потребовалось бы в конце века в Беловежскую Пущу торопиться – разваливать такое хозяйство, а потом еще и людей из танков расстреливать. Глядишь, и петлюровские козаченки бросили бы свою дурную привычку из Хайкиных перин пух вытряхивать. А то что ведь получалось? Возглавил Петлюра армию Украинской народной республики (УНР), стал Верховным атаманом, для евреев специально даже Министерство еврейских дел завел. А что толку?

Вот доклад еврея А. Гиллерсона о погроме в Проскурове 15 февраля 1919 года: «Проскуров является самым оживленным городом в Подольской губ. Население его простирается до пятидесяти тысяч, из коих до двадцати пяти тысяч – евреи... Дней за десять до погрома в Проскурове появилась запорожская казачья бригада украинского республиканского войска имени главного атамана Петлюры под командой атамана Семо-

сенко. Вместе с этой бригадой появился и 3-й гайдам. полк. Как бригада, так и полк, согласно объявлению Семосенко, явились с фронта для отдыха и несения в Проскурове гарнизонной службы.

Атаман Семосенко, на этот раз в полном согласии с Киверчуком (комендант города. – С.Г.) , вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона. Вступление свое он ознаменовал пышным угощением гайдамаков. За обедом обильно угостил их водкой и коньяком. А потом обратился к ним с речью, в которой обрисовал тяжелое положение Украины, а также понесенные ими труды на поле сражения. И отметил, что самым опасным врагом украинского народа и казаков являются жидаы.

– Их необходимо вырезать для спасения Украины и самих себя... Но при этом они также должны поклясться, что жидовского добра грабить не будут, так как грабеж не достоин казаков.

Начиная с Проскурова, основной целью погромов на Украине является сплошное вырезывание еврейского населения. Грабежи также широко практикуются, но отходят на второй план.

В Проскурове повторилась уманская резня времен Гонты. Разница лишь в том, что в Умани при Гонте резали поляков и евреев. В Проскурове же резали одних евреев при строгом нейтралитете со стороны поляков и прочих христиан».

А вот телеграмма начальника штаба группы Гринченко от 27 марта того же года Главнокомандующему фронтом атаману Осецькому, командиру корпуса сичовых стрельцов Коновальцу: «За время большевицкой власти в Житомире жидами-большевиками вырезано больше 2-х тысяч христиан. В селе Сингурах 23 марта при наступлении на Житомир большевики вырезали всех селян до одного, не пожалели даже женщин и детей, слабых и старых, а когда большевики повели наступление на Житомир вторично, то жители, услышав стрельбу, подумали, что войско не оберегает город, и все от страха, что придут большевики-жидаы, снова начнут резать христиан, разбегались, куда глаза глядели. Все это произвело на всех такое впечатление, что попы и ксензы с крестами в руках пошли благословлять народ на борьбу с поганцами, в Житомир к атаману Беня народ повалил тысячами. Многие организовали свои курени,

выкопали из земли оружие и направились в Житомир, но большинство было без оружия с голыми руками, таких уже 23 марта было 10–15 тысяч. Все население поддерживает нас, встает против большевиков. Необходимо как можно скорее прислать атаману Беню тысяч 10–15 ружей и патронов к ним... Необходимо благословение на восстание народа от Директории. Необходимо дать возможность житомирским беженцам – живым свидетелям жидовской ненависти, господствовавшей при большевиках, – быть непосредственными пропагандистами в народе. Необходимо использовать этот народный настрой в Житомире и селе Сингурах. Атаману Беню необходимо оружие, а он может дать казаков, дерущихся, как львы».

Завел Петлюра министерства для дел поляков и прочих христиан или не завел, кто знает. Телеграммы с угрозами о наказании виновных в еврейских погромах он рассылал регулярно, в мае 1919-го издал даже закон Директории УНР о создании Особой Следственной Комиссии для расследования еврейских погромов. А через две недели после принятия того закона встретился с делегацией еврейских деятелей и дал им слово, что «всю силу своего авторитета использует для того, чтобы прекратить все эксцессы против евреев».

Следом министерство информации УНР выпустило бюллетень «Жида и Украинская Республика» – о «решительной борьбе с провокаторами еврейских погромов». А погромы продолжались.

Петлюровцы грабили, насиловали и убивали. За один только 1919 год прошли погромы: в январе в селе Знаменка и в Ладыжине. 7 февраля в Василькове, 9 февраля в Бобрах, 14 февраля в Степанцах, 25-го в Раздельной, в конце февраля и 11 марта в Рассаве, в Коростень-Искровке, в марте-апреле в Славуте, 12 марта в Легичеве, 13 марта в Самгородке, 15 марта в Проскурове, в мае в Кобеляках, Ладыжине и Теплике, в конце июня в Овруче и Игнатовке, а в Словешно петлюровцы орудовали вместе с поляками. Перед Пасхой казаки-петлюровцы устроили погром в Аннополе, а на Пасху – в Остроге.

Нет, похоже, не суждено было сбыться мечте Симона Петлюры о царстве с таким трогательным названием – «Украина-Иудея»...

Кроме петлюровцев погромы на Украине устраивали григорьевцы, махновцы, гайдамаки, зеленевцы, сечевики, банды Соколовского и Во-лынца, местные крестьяне и поляки, отступающие с фронта солдаты и просто дезертиры. За бугром, понятно, вострубили: «Наших бьют!» Так что пану добродию Симону Васильевичу Петлюре пришлось обращаться с письмом до пана министра еврейских дел П. Красного с просьбой дать разъяснения для евреев за бугром по поводу ситуации с еврейскими погромами на Украине:

«Во всех немецких журналах начинается хорошо организованная кампания против украинских дел вообще и правительства УНР в частности по еврейским погромам. В этих журналах очень яркими красками рисуются “зверства”, в которых будто бы повинны наши войска. Собирается даже черная книга на разных европейских языках об этих погромах.

Возможно, где-то и бывали случаи, когда жертвою какого-то нападения был еврей, но в этом были виноваты банды разбойников, каких после большевицкого господства осталось немало и которых сразу нельзя было защитить. Про погромы, про массовые грабежи и убийства мирного еврейского населения я ничего не знаю и даже не допускаю, что это могло быть».

Такое вот письмо получилось министру еврейских дел от Главы Директории и Верховного атамана войск УНР Симона Петлюры. В государственном архиве Киевской области сохранился еще один миру неизвестный документ. Сквозь войны, перевороты, разбой он дошел до нас, чтобы неоднозначно – на потребу властолюбцам, авантюристам и партийным прохиндеям, гоняющимся за дешевыми лаврами, – передать атмосферу, грозное дыхание тех давних лет.

«Ко всем русским солдатам – большевикам и красноармейцам.

Товарищи! Кому из нас не дорога наша родина, кому не дороги заветы наших отцов, у кого из нас не надрываются сердца, видя все то, что происходит на наших очах. Посмотрите – везде и всюду руины. Человеческая кровь реками заливает нашу землю. В родных вам городах и селах вы не найдете ни одного места, где бы не заседали ставленники

Бронштейнов, Цимерманов, Броцких и т. п., не найдете ни одного уголка, где бы не прошли орды чужих нам по духу и крови китайцев и латышей. Это та сила, на которую сейчас только опираются деспоты Ленин, Троцкий со своими чрезвычайками и жидовскими комиссарами. Это та подкупленная ими сила, на которую тратятся большие народные суммы, в то время как наш русский солдат терпит во всем острую нужду, а семья его изнывает от тяжести налогов большевистской коммуны благодаря тому, что запасы пропитания отобраны для продовольствия этих диких орд, умирают с голода. Вас обманывают, вам одурманили идеи коммунизма голову, от вас скрывают все, что происходит внутри страны. Вас посылают против украинцев для того только, чтобы в мутной воде набить себе карманы, а также для того, чтобы, воспользовавшись Вашим отсутствием, передать господство над русским народом в руки жидов. Весь русский народ повстал против большевистской власти, ежедневно нам доносят, что не только повстали отдельные села и уезды, а также и губернии, так, напр., Тульская, Могилевская, Костромская, Минская и др. Всполошившись этим, Троцким посланы для подавления народного негодования целые полки китайцев, латышей, которые без всякого сострадания поголовно истребляют всех от мала до велика, а села и города сжигают. Неужели мы будем молчать? Неужели нас, русский народ, и дале будут захлебывать в крови от рук этих варваров? Неужели мы пойдем против воли народа? Но этого не будет. Мы, первая Советская армия, видя гибель нашего народа, первые подняли знамя борьбы против его угнетателей, против насильников, свернули власть коммунистов-жидов, заняли Гомель, Калинковичи, Конотоп и др. города и, соединившись с украинскими войсками рука об руку, пойдем вперед против того, кто до сих пор так издевался над нами, против власти коммунистов-большевиков. Не верьте, товарищи, что Украинская армия – буржуи, как нам говорили. Нет, это такие же бедняки селяне, как и мы. Украинский народ, скинувший гетмана и его прихвостней помещиков, задумал жить своей самостоятельной жизнью, на что имеет свои исторические и экономические права. Так не идите против него, не идите против нас, а вместо того повертайте назад, перережьте косоглазых наемников, очистите

родную землю от власти коммуны, от власти жидов, и этим спасем наш край от гибели. Вперед за нами. Присоединяйтесь к нам. Да здравствует Крестьянское Российское Народное Учредительное Собрание.

Солдаты 1-й Советской Российской Армии повстанцев».

Повстанцы пишут, что украинский народ скинул гетмана, его прихвостней-помещиков и «задумал жить своей самостоятельной жизнью». Но вот как оценивает те события современник атамана Петлюры последний дворцовый комендант Государя Императора Николая II генерал В. Воейков: **«Народные массы сочувствовали Петлюре, применившему называемый на языке общественных деятелей “тактический прием”**: он обещал сломить господство буржуазии, наказать помещиков и отдать землю крестьянам. В Украине почва для возбуждения крестьян против помещиков была прекрасно подготовлена оккупационными немецкими войсками: так как в “оберкомандо” отлично поняли, что выкачивать из Украины необходимые Германии “лебенсмиттели” будет возможно только при существовании помещичьих хозяйств, немецкое командование, войдя в Украину, восстановило в правах помещиков и учинило расправы над разграбившими имения крестьянами. Это обстоятельство и послужило подготовкой масс для обращения их в петлюровцев и последователей всевозможных “батек”» (<http://www.rulit.me/books/intervenciya-i-grazhdanskaya-vojna-read-218204-64.html>).

Немцы, войдя на Украину, пограбили ее – будь здоров! – в свою Германию вывезли тысячи тонн зерна. А гетман Скоропадский как раз и не сработал с «прихвостнями-то помещиками». Генерал А. Лукомский, тот, которому гетман предлагал быть в его правительстве военным министром, спустя годы рассуждал: «Если бы правительство гетмана Скоропадского было более дальновидно, то, правильно организовав и вооружив крепких земельных собственников – крестьян (хлеборобов), оно, может быть, смогло бы создать такую обстановку, при которой, после ухода немцев, власть сохранилась бы в его руках и большевизм не охватил бы Малороссии» (http://www.libtxt.ru/chitat/volkov_sergey/55237-1918_god_na_ukraine/15.html).



По-русски подпоясавшись. 1930 г.

И все-таки был ли просвет для Украины за время правления гетмана Скоропадского? Как представлял заслуженный боевой генерал ее будущее?

За один месяц гетманского правления Украину как суверенное государство признали 30 стран мира. Генерал Скоропадский решительно отвергал требования галичан-«западэнцив» об отторжении ее от России и не случайно почти одновременно заключил Соглашение о мире и сотрудничестве с атаманом Всевеликого Войска Донского П. Н. Красновым и... с председателем Совнаркома Лениным!

«Я считаю бессмысленным и гибельным для Украины оторваться от России, особенно в культурном отношении, – говорил Павел Петрович и подчеркивал: – Великороссы и наши украинцы создали общими усилиями русскую науку, русскую литературу, музыку и художество, и отказаться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо».

13 ноября гетман Скоропадский провозгласил федерацию Украинской державы с будущей – небольшевицкой Россией. Тогда же, в наиболее критический для Украины момент, выпущенный из тюрьмы Петлюра поднял против гетмана восстание и возглавил армию УНР, где в гетмане видели, прежде всего, царского генерала, захватившего власть для уничтожения украинства. Немцы только что подписали на Западном фронте перемирие, из Украины собирались уходить и в ее внутреннюю жизнь уже не вмешивались. Так что на стороне Скоропадского фактически остались одни русские офицеры, и 14 декабря он отрекся от гетманства.

Уже на чужбине Павел Петрович написал воспоминания, которые закончил такими словами: «Я вспоминал, как восемь месяцев тому назад я, прожив 44 года на свете, еще мало знал жизнь, когда у памятника св. князю Владимиру с такой доверчивостью пошел на эту каторгу, веря, что меня поймут. За мной не пошли, но я остался глубоко убежденным, что Великая Россия восстановится на федеративных началах, где все народности войдут в состав великого государства, как равное к равному, где жизнь не будет пронизана насилием и справа, и слева, как до сих пор, что только тогда наступит покой, только тогда мы дойдем до периода нового,

совместного народного творчества, и нам не страшны будут ни Центральные государства, ни Антанты того времени».

Согласитесь, великолепное вступление для бесед с электоратом очередного кандидата в украинские президенты. Только, думаю, генерал, Георгиевский кавалер, отдавший свое имение на строительство боевого корабля – эскадренного миноносца «Украина» на служение Российскому Флоту, говорил всегда искренне – что думал.

А что же Коба, нарком по делам национальностей? Под силу ли был большевикам такой «украинский узел»? Пропагандисты, лекторы, толкователи исторических пленумов и съездов старались не упоминать Соглашение Совдепии с Украиной о мире и сотрудничестве. В самом деле, оно только так обтекаемо называлось – «о мире». Американские бомбардировщики летали бомбить югославские города тоже «мирно». Ведь тем «соглашением» большевики фактически признавали Украину суверенным государством и с германским командованием, разрывали на части Святую Русь, единую и неделимую. Да не просто какую-то там территорию, откуда к самой императрице за черевичками для своей коханы летал на черте хлопец Вакула. Украина – это стратегические важные пункты, угольные и горнорудные районы, места богатых источников сырья и продовольствия, о чем говорил Сталин. Не случайно немцы, долго не рассуждая, прихватили даже Донбасс, который к Украине не имел отношения, но там был уголь. Заняли Крым. А на Крым глаз положили и турки – у них там были единоверцы – крымские татары, а при царе Горохе Крымское ханство входило даже в Османскую империю.

Короче, в конце апреля Сталин, представлятельствуя в переговорах о заключении мирного договора с братьями-славянами, призвал к порядку большевиков из «левых» – хватит играть в правительство! – вернулся в Москву и 9 мая в интервью «Известиям» сообщил: «Нам удалось добиться прекращения военных действий на Курском, Брянском, Воронежском фронтах», – и добавил, что теперь на очереди Южный фронт...

Да, но как же «украинский узел» – удалось развязать его?

В конце 1918-го в Киеве появились прокламации за подписью Директории о том, что создается Украинская Народная Республика и что власть переходит к этой самой Директории, в которую вошли Винниченко, Петлюра и Шве́ц. 20 ноября они получили разрешение Москвы на формирование украинского правительства. Однако комиссар по делам национальностей Сталин, ответственный за весь «Юг», не спешил с сообщением об этом.

Пятаков, руководитель «левых», дергался. 23 ноября он телеграфировал Сталину и ЦК партии: «Сейчас на Украине для широких масс имеются два борющихся центра: петлюровцы и гетмановцы. Советский центр отсутствует. Ваше запрещение опубликовать манифест (нового украинского правительства. – *С.Г.*) мы рассматриваем как крупную политическую ошибку». Затем Пятаков и Затонский обвинили Сталина в том, что он настроен вести переговоры с Директорией. Словом, встретились Сталин и Затонский, и после ужина Коба согласился на создание нового украинского правительства.

Как вся партия Ильича, в Швейцарии уместавшаяся на одном диване, так и правительству Гришки Пятакова достаточно было одного вагона на станции Курска. Там он с жуткой по жестокости комиссаршей Бош и корешами сочинял манифесты, декреты, обещал украинским селянам земли – скоко хошь! – только власть, по-ленински, отдай Советам, то есть ему с комиссаршей.

В Кремле, похоже, были иные соображения по поводу советского правительства на Украине. Во всяком случае, из Кремля ни денег, ни человека с ружьем Пятаков не получил. А войско Петлюры тем временем – это тысячи восставших против гетманской власти партизан-крестьян – брало один город за другим. Сани, крестьянские повозки с мужиками без всяких знаков различия, но вооруженными до зубов – от карабинов с пулеметами до казацких пик, – неслись по древнему Киеву с песнями под гармошку, и над всем этим войском развевались красные да желто-голубые знамена.

В то же время в Екатеринослав вступали банды Махно, Харьков взяли другие «анархисты», Матвей Григорьев вошел в Одессу. С уходом

с Украины немецких и австро-венгерских войск, а также с распадом гетманских частей крестьянско-партизанское войско получило сотни пушек, тысячи пулеметов. «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить – с нашим атаманом не приходится тужить...» Батько Махно и атаман Григорьев закрепились в южных краях, Петлюра – в западных. Хлопцы брали города, устраивали погромы евреев и грабили. Все награбленное вагонами уходило в села. Директория, кроме таких трофеев, обещаний земли неимущим да анархии, ничего не могла дать. Так что у Петлюры его главной опорой остались только сичовые стрельцы из Галиции. А крестьяне-партизаны понимали, что им не век грабить города да еврейские местечки, и не случайно на красных прапорах все больше выводили лозунг: «За владу Рад!»

Ну, а как армия Антонова-Овсенко? Она пополнялась воинством, бежавшим от пана Петлюры. Властвовать ему в Директории оставалось около месяца.

Первое советское правительство на Украине с февраля 1918 года возглавил румынский еврей, близкий приятель Лейбы Бронштейна Х. Раковский. Секретарями ЦК КП(б)У стали Софа Гопнер, ее любовник Е. Квириг, Л. Каганович, М. Хатаевич, членами ЦК – Грузман, Дробнис, Зисман, Ровнер, Фарбман, Тарский, Рухимович, Шварц, Эпштейн (Яковлев). У корыта Коминтерна от Украины стала та же Гопнер. Председателем Всеукраинкой ЧеКи Кремль назначил Шварца, наркомат внутренних дел возглавил Фрадкин (Волин), Бюро украинской прессы и информации оказалось в руках Гальперина, Люксембург, Эрде и прочих соплеменников Лейбы. Из 150 сотрудников губпродкомитета 120 человек были из этого вечно передового отряда.

Такая, вот, получалась, как говаривал Гришка Пятаков, диалектика истории.

P.S.

«У украинцев удивительно узкие взгляды на вопросы, какова должна быть политика отдельного государства, они как-то не считаются

ни с действительностью, ни с историей, они только знают твердить: “Хочмо самостийну Украину”, – забывая, что для того, чтобы достигнуть, я уже не говорю полной самостийности, но простого права в глазах всех стран на государственное существование, это право должно быть завоевано и мечом, и политикой – такой, которая заставила бы большинство стран, имеющих значение при решении этого вопроса, самим желать, чтобы это государство существовало».

Гетман Украины П. Скоропадский

В конце марта рабочие и железнодорожники Елизаветграда были против правительства Раковского, потому что это «власть жидов»... В Белой Церкви 31 марта восстали крестьяне с криком: «Да здравствует власть Советов! Долой большевиков и евреев!» В середине же мая в окрестных деревнях Могилева отмечалось «настроение и антикоммунистическое, и антисемитское... на их языке коммунист – жид».

РЦХИДНИ, ф.17, оп. 6, д. 369

«ЧУЖИЕ КОНЮШНИ»

К началу лета 1918-го революционные события переносятся в Поволжье. Вопрос стоял так: будет хлеб – устоит революция. В Поволжье был хлеб, и Сталина послали в Царицын спасать от голода Питер и Москву – тысячи людей (рабочие двух столиц хлеба в день получали не более 100 граммов).

Перед этим, 29 мая 1918-го, вышло постановление ВЦИК «О мобилизации трудящихся в Красную Армию». Оно звучало так:

«Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов считает, что переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода контрреволюции, как внутренней, так и внешней.

Необходимо безотлагательно перейти к принудительному набору одного или нескольких возрастов. Ввиду сложности дела и трудности его одновременного проведения на всю территорию страны, представляется необходимым начать, с одной стороны, с наиболее угрожаемых областей, с другой стороны, с главных центров рабочего движения.

Исходя из вышеизложенного, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановляет предписать Народному комиссариату по военным делам разработать в недельный срок для Москвы, Петрограда, Донской и Кубанской областей план осуществления принудительного набора в таких пределах и формах, которые в наименьшей мере нарушали бы ход производственной и общественной жизни означенных областей и городов.

Соответствующим советским учреждениям предписывается принять самое энергичное и деятельное участие в работах военного комиссариата по исполнению возложенных на него задач.

*Председатель Всероссийского
Центрального Исполнительного Комитета Я. Свердлов.
Секретарь В. Аванесов»*

Хлебная монополия и твердые цены на хлеб были введены законом Временного правительства еще в марте 1917-го. Излишки хлеба крестьяне-хозяева должны были передавать в распоряжение государства. Но – это как уговоры либеральным правительством ельцинской семибанкирщины: «Вернись! Я все прощу!» 20 августа 1917 года Министерство земледелия выпустило даже инструкцию о применении вооруженной силы к тем, кто утаивал хлеб. Плевать хотели мужики на эту инструкцию с высокой пальмы.

А большевики через два дня после решения о принудительной мобилизации грохнули обращение к трудящимся республики под названием «О чрезвычайных мерах борьбы за хлеб».

«Рабочие и крестьяне! Честные трудящиеся граждане всей России! – так начиналось то обращение. – Настали самые трудные недели. В городах и во многих губерниях истощенной страны не хватает хлеба... Бывшие ге-

нералы, помещики, банкиры поднимают головы. Они надеются на то, что пришедший в отчаяние народ позволит им захватить власть в стране...

Корниловцы, кадеты, правые эсеры, белогвардейцы, саботажники объединились в тесный союз между собой и с иностранными агентами.

В эти трудные дни Совет Народных Комиссаров считает необходимым прибегнуть к чрезвычайным мерам для прокормления рабочих и крестьян и для сокрушения врагов народа, покушающихся на Советскую Республику.

Дело идет прежде всего о хлебе насущном. Нужно вырвать его из цепких рук кулаков и спекулянтов. Центральный Исполнительный Комитет уже предписал Советам Москвы и Петрограда мобилизовать десятки тысяч рабочих, снарядить и вооружить их для похода за хлебом против хищников, кулаков и мародеров...

Против изменника Краснова, продающего Дон и Кубань, объявлен призыв трудовых казаков. Им на помощь будут двинуты красноармейские части из центральной России.

Голод и контрреволюция идут рука об руку. Мы должны объявить им обоим непримиримую войну.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)

Нарком по военным и морским делам Троцкий

Временный заместитель наркома по иностранным делам Чичерин

Нарком И. Сталин

“Правда”. 1918. 31(18) мая.

А 6 июня Сталин с чрезвычайными правами общего руководителя продовольственного дела на юге России прибыл в Царицын. Здесь же находился штаб Северо-Кавказского военного округа. На следующий день Сталин телеграфирует Ленину: «Шестого прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же можно навести порядок.

В Царицыне, Астрахани, в Саратове хлебная монополия и твердые цены отменены Советами, идет вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен...

Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают... Через неделю объявим “хлебную неделю” и отправим в Москву сразу около миллиона пудов...»

Так оно и было. Только в июне из Царицына в центральные районы страны ушло 2379 вагонов продовольствия, в том числе 1078 вагонов зерна, 213 вагонов муки и хлебопродуктов, 533 вагона мяса и рыбы.

Цифры, документы, деловая переписка – занятие для поколения офисных сидельцев скучное, это не сериалы «утомленного солнцем» режиссера. И все-таки наберитесь терпения, вдумайтесь, что стояло за строками сухих телеграмм из Царицына в Москву чрезвычайно уполномоченного в «битве за хлеб».

Телеграмма И. В. Сталина В. И. Ленину о мероприятиях по усилению продовольственных заготовок:

«Царицын, 9 июня 1918 г. 22 ч. 30 мин.

Я, Сталин, прошу дежурного немедленно записать и отдать для отбивки на машинке копию для отправки по назначению. Записка № 3.

На немедленную заготовку и отправку в Москву десяти миллионов пудов хлеба и тысяч десяти голов скота необходимо прислать в распоряжение Чокпрода 75 миллионов деньгами, по возможности мелкими купюрами, и разных товаров миллионов на 35: вилы, топоры, гвозди, болты, гайки, стекла оконные, чайная и столовая посуда, косилки и части к ним, заклепки, железо шинное круглое, лобогрейки, катки, спички, части конной упряжи, обувь, ситец, трико, коленкор, бязь, модеполам, нансук, гринсбон, ластик, сатин, шевьет, марин сукно, дамское и гвардейское, разные кожи, заготовки, чай, косы, сеялки, подошники, плуги, мешки, брезенты, галоши, краски, лаки, кузнечные, столярные инструменты, напильники, карболовая кислота, скипидар, сода. У Чокпрода всего денег миллионов 15 и товаров разных на 10 миллионов. Деньги и указанные товары должны выслать без промедления. Пусть Троцкий даст телеграфные распоряжения всем начальникам отрядов на фронте и штабу Снесарева не захватывать продовольственных грузов и мануфактуры,

беспрепятственно пропускать наши маршрутные поезда, оказывать содействие нашим продовольственным комитетам. Копию Сталину. Пусть ЦИК немедленно телеграфно обяжет Кубанский, Терской, Ставропольский советы не ломать твердых цен, не способствовать самостоятельным заготовкам и вывозу отдельными губерниями, уездами и волостями, а всемерно содействовать агентам Сталина и Чокпрода. Копию Сталину. Пусть Кобозев и Невский немедленно по телеграфу обяжут железнодорожных агентов по всем линиям юга России под строгой ответственностью не принимать хлебных грузов, не адресованных на Чокпрод и Компрод, не принимать пассажиров с мешками с хлебом. Копию Сталину. Пусть Кобозев и Невский в том же порядке обяжут к тому же всех агентов пароходства по Волге. Копию Сталину. Пусть Наркомпрод разошлет циркулярный приказ всем губпролкомам и советам, особенно же Орехово-Зуеву и прочим промышленным пунктам, не присылать своих агентов на юг за хлебом, так как весь заготовленный хлеб будем посылать в Москву сухим путем, в Нижний – водой. Копию Сталину. Мы настаиваем на обезличении продовольственных грузов с юга, снимаем с себя функцию распределения, отдавая ее всецело Волпроду, ограничиваемся заготовкой и транспортированием в два пункта – Москву и Нижний, где предлагаем Компроду создать базисные склады и распределительные конторы в общерусском масштабе. Исключены близкие к югу Баку, Туркестан и Астраханская губерния, которые беремся удовлетворить непосредственно. Постройка Кизлярской линии началась».

Ну вот еще пара телеграмм – Ленину и Цюрупе об отправке продовольственных грузов:

«Передать срочно: ввиду перерыва железнодорожного сообщения севернее Царицына мы решили весь груз направить водой. Стянуты все баржи. Отправлены полмиллиона пудов, главным образом пшеницы, тысячу пятьсот голов скота. Несколько десятков (пудов) хлеба уделили Туркестану и Баку. Погрузку начинаем утром, кончим в два дня и направим весь караван. Укажите срочно по прямому проводу, а не телеграммой, ибо телеграммы запаздывают, укажите, куда направить груз, на какую пристань. Подробности сообщим завтра дополнительно.

17 июня, 12 час. ночи. СТАЛИН, ЯКУБОВ».

Вот еще из телеграммы в Наркомпрод:

«Вы знаете из телеграммы № 11, что послано водой полмиллиона хлеба, 400 голов скота, 190 тысяч жмыхов на Саратов для Компрода. Сообщаю, что сегодня отправлено на Север из Царицына по железной дороге четыре маршрутных поезда под литерами Н., О., П. и Р. Сто вагонов хлеба, 200 голов скота. Больше не могу отправить в день за недостатком паровозов и паровозных бригад. Вы обещали прислать 20 паровозных бригад и по крайней мере 10 угольных паровозов, но не прислали. От Вас зависит усиление подвоза, имейте в виду, что через месяц начнется уборка и заготовка хлеба, естественно, ослабнет, ввиду чего надо использовать пока еще имеющийся в нашем распоряжении месячный срок. Эту записку зарегистрируйте за номером 12. Записка кончена.

Нарком СТАЛИН».

Такие вот дела. О встрече со Сталиным в те дни вспоминал потом Федор Раскольников, командированный Лениным в Новороссийск для потопления кораблей Черноморского флота: «На бесконечных параллельных путях недалеко от вокзала я разыскал вагон товарища Сталина. Он сразу принял меня. Над его столом висела карта. В черном кителе и брюках, заправленных в голенища высоких кожаных сапог, с длинными, зачесанными назад, стоячими черными волосами и с густыми, книзу опущенными усами на энергичном лице, Иосиф Виссарионович шагнул мне навстречу и, вынув левой рукой изо рта дымящуюся трубку, правую руку протянул мне.

Сталин был в Царицыне всем: уполномоченным Цека, членом Реввоенсовета, руководителем партийной и советской работы. Все вопросы он, как всегда, решал коллегиально, в тесном контакте с местными учреждениями, что импонировало им и еще больше усиливало его непререкаемый авторитет.

По предложению Сталина мы сели за стол, и я рассказал ему о порученной мне задаче. Я был поражен, когда оказалось, что Сталин знал все... Иосиф Виссарионович указал мне на ошибку Вахрамеева, который, приехав в Новороссийск с определенной директивой Совнаркома,

долгое время скрывал ее от руководства партийных товарищей Кубано-Черноморской республики.

– Эта ультраконспирация никуда не годится, – сказал он, взглянув на меня мгновенно подобранными темными глазами, и, морща нос, рассмеялся приятным гортанным смехом. И он посоветовал мне проездом через Екатеринодар непременно повидать местных руководящих товарищей, ознакомить их с целью моей поездки».

Эй, пивоварушкосванидзе, не это ли тот самый сталинизм, который вы подводите под статью об экстремизме и грозитесь преследовать всех, кто скажет о Сталине правду? «О Сталине плохо или ничего!» Лучше раскройте глаза доверчивому электорату о расстрельных указах Лейбы Троцкого и Яшки Свердлова да не скрывайте уж имена их исполнителей, по которым прошелся каток 1937 года.

Вот, к слову, о тех указах и ранее уже упомянутое письмецо Ленина: «Товарищи! – это обращение к пензенским коммунистам. – Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде “последний решительный бой” с кулачем» – и далее: «повесить...», «отнять...» «назначить заложников», «найдите людей потверже».

Письмо в Пензе, надо полагать, получили. Записки Сталина за номером 3 – об отправке в Москву 10 000 000 пудов хлеба и 10 000 голов скота, за номером 12 – о 100 вагонах хлеба и 200 голов скота – ушли. Конечно, сохранил «ультраконспирацию» по потоплению кораблей Черноморского флота и Федя Раскольников. А вот Сталин – знал ли он о другой конспирации?..

Спустя две недели после письма Ильича в Пензу, точнее 27 августа, власть Советов и кайзер заключили дополнительное соглашение к Брест-Литовскому договору, и потянулись в Германию эшелоны, груженные товарами и продовольствием. 6 миллиардов марок обязались уплатить кайзеровскому правительству народные комиссары, причем первый взнос – 1,5 млрд (из них 245 564 кг золотом) – сразу после того соглашения. Затем такой же взнос 10 сентября, 30-го и так – через месяц по 50 676 кг золота и 111 млн кредитных билетов.

В ноябре 1918 года немцы уже проиграли войну, а большевики все гнали и гнали в Германию эшелон за эшелонам с продуктами – еще на 1 миллиард золотом да деньгами! И так, заметим, продолжалось до 31 марта 1920 года.

Еще, вот, между, как бы нынче сказали, «суперконспирацией» на 6 млрд помощи врагам России и объявлением ее 2 сентября военным лагерем с введением красного террора произошла известная встряска на Святой Руси – в Ленина стреляли! Кто палил – толком-то неизвестно. Решили, что подслеповатая тетка. Сняла с носа пенсне, шарахнула в Ильича из маузера. Не попала. Вернее, попала, но только ранила.

А вот Марину Цветаеву на реквизиционном пункте комиссара Каплана «еврей со слитком золота на шее» чуть не застрелил. Помните: «Пропанду вести? Погромы подстраивать? Советскую власть раскачивать? Да я вас в одну сотую...» 10 млн пудов хлеба, 10 тысяч голов скота ушло из Царицына в Москву по записке № 3. По записке № 12 – еще 100 вагонов хлеба и 200 голов скота, а Марине Ивановне Цветаевой младшую дочку спасти так и не удалось – в Кунцевском приюте девочка умерла от голода...

Вместе со Сталиным в Царицын прибыла его жена Надя. Вообще-то она работала секретарем-машинисткой в Управлении делами СНК, но... медовый месяц! И она поселилась с Кобой на все лето в железнодорожном вагоне. Муж юной Нади Аллилуевой часто оставлял ее – колесил по крутым фронтовым да прифронтовым дорогам Южного фронта. В Москву от него летели по-военному краткие сообщения. Например, 7 июля: «Спешу на фронт. Пишу только по делу...» Это Ленину. Но вот 10 июля: Сталин отправляет ему негодующее письмо, в котором просит унять наглого Лейбу Троцкого, играющего роль полководца всех времен и народов.

«Несколько слов.

1) Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты Трифонову (Донская область), Автономову (Кубанская область), Коппе (Ставрополь), членам французской миссии (заслуживающим ареста) и т. д., то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все

развалится на Северном Кавказе... Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует, что иначе получается скандал для советской власти...

3) Хлеба на юге много, но чтобы его взять, нужно иметь налаженный аппарат, не встречающий препятствий со стороны эшелонов, командармов и пр. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия...»

Полномочия были получены, и 19 июля образовался Военный совет Северо-Кавказского округа. Сталина назначили его председателем. Тогда же, в то жаркое лето, у Сталина возникли серьезные разногласия по защите Царицына с бывшим царским генералом А. Снесаревым, командующим Северо-Кавказским военным округом. План генерала по защите Царицына Сталин объявил вредительским и арестовал его.

Так что с 22 июля общее руководство боевыми действиями по обороне Царицына от наступающей с юга Добровольческой армии и войска атамана Краснова принял Военный совет СКВО во главе со Сталиным. За короткий срок тогда были сформированы несколько дивизий, в том числе 1-я Донская, Морозово-Донецкая, Коммунистическая, кроме того – 1-й социалистический кавалерийский полк, колонна бронепоездов. Город объявили на осадном положении, и на подступах к нему рабочие отряды и местное население возвели оборонительные сооружения с 2–3 линиями окопов полного профиля с проволочными заграждениями.

Из разговора по прямому проводу Сталина с командиром отряда в Котельниково – Васильевым: «В Царицыне положение ухудшается с каждым часом. Иловля взята казаками, кадетами. Музга также взята, наши части отступают Карповка – Воропоново – Царицын. Если Царицын падет, погибнет весь Южный фронт и Поволжье...

Сегодня последний раз обращаюсь к Южному фронту с требованием незамедлительно перебросить на Север необходимые части. Повторяю, если эта переброска не произойдет сегодня же, Царицын будет отрезан, весь Юг останется без снарядов и патронов. Следует помнить, что кадеты направляют все свои силы против Царицына... Никакие колебания недопустимы, колебания преступны, либо вы спасете Царицын, и тогда спасен

весь Южный фронт, либо вы останетесь глухи к требованиям момента, и тогда неизбежно погибнет весь фронт. Торопитесь, не запаздывайте, ибо запоздать – все, значит, проиграть».

Сколько таких разговоров Сталина по прямому проводу, его телеграмм было в те дни обороны Царицына. Не случайно этот город и называли позже его именем – ведь здесь решалась судьба новой России. Жаль, что президенты РФ не слышат голоса сталинградцев – вернуть их городу имя Сталина. Под его руководством Военный совет разрабатывал тогда не только оборону Царицына – предусматривались и серии контрударов.

Так, 20 августа внезапным ударом разорвав кольцо окружения, на шестой день войска фронта перешли по всему царицынскому участку в контрнаступление, и тогда были разгромлены четыре белогвардейские дивизии.

В сентябре 1918-го воинские части Северо-Кавказского военного округа были объединены с войсками Южного фронта. К тому времени, а точнее, 2 сентября постановлением ВЦИК был учрежден Революционный военный совет Республики. Председателем его при поддержке Свердлова стал Троцкий. Это его «вотчина». А Сталин воюет. 6 сентября он докладывает Совнаркому о боевой обстановке под Царицыном: «Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом: на севере взята станция Иловля; на западе – Калач, Ляпичев, мост на Дону; на юге – Лашки, Немковский, Демкин. Противник разбит наголову и отброшен за Дон. Положение Царицына прочное. Наступление продолжается.

Нарком Сталин».

По-разному смотрели Сталин и Троцкий на свое назначение в боевой работе на фронтах разгоравшейся гражданской войны. Вот Сталина командировали в Царицын решать продовольственный вопрос. И свою первую «битву за хлеб» Сталин провел блестяще, без лозунгов, вроде «Россия, вперед!». Будто век занимаясь управленческими делами, в считанные дни в Царицыне, Астрахани и Саратове Сталин разогнал спекулянтов (по-нынешнему, «бизнесменов»), ввел карточную систему, установил твердые цены на продукты. Одновременно он наводит порядок на

железнодорожном транспорте, где в коллегиях да ревкомах правили бал бестолковые, но хваткие комиссары – ставленники Лейбы Троцкого.

Ленин понимал рвение к высшей власти двух единомышленников – Троцкого и Свердлова, поэтому в Реввоенсовет вводил людей, которым доверял, среди них был и Сталин. 8 октября постановлением Совнаркома он был назначен членом Реввоенсовета Республики. А Свердлов, к слову, пытался как-то по дороге в Москву примирить Сталина с Троцким. Тогда зашла у них речь о красных командирах, не являвшихся профессиональными военными.

«Вы что, действительно хотите их отстранить? – спросил Сталин. – Ведь они порядочные ребята». – «Эти порядочные ребята доведут до развала революцию», – ответил Троцкий.

Однако вот список ребят, которым Лейба доверял, которых приказом от 11 сентября 1918 года назначил членами Реввоенсовета (РВС) фронтов (в скобках указывается период деятельности этих «специалистов»):

Восточный фронт – А. П. Розенгольд (28.8 – 6.12.18), С. И. Гусев-Драбкин (10.12.18 – 15.6.19), М. М. Лашевич (23.3 – 16.8.19).

Западный – Р. А. Римм (19.2 – 19.5.19), Е. М. Пятницкий-Таршис (19.2 – 15.5.19), И. С. Уншлихт (11.12.19 – 12.4.21), А. П. Розенгольд (8.5 – 2.6.20), Д. И. Вайман.

Кавказский – С. И. Гусев-Драбкин (16.1 – 29.8.20), А. П. Розенгольд (23.8 – 5.9.20).

Северный – Лев Маркович Глезаров (30.9 – 8.12.18), Е. М. Пятницкий-Таршис (30.9.18 – 19.2.19).

Туркестанский – Лев Филиппович Печерский, Иосиф Еремеевич Славин, Моисей Янович Лисовский, Исаак Абрамович Зеленский, Герман Самойлович Биткер.

Юго-Восточный – С. И. Гусев-Драбкин (18.12.19 – 16.1.20).

Юго-Западный – С. И. Гусев-Драбкин (3.9 – 15.10.20), Моисей Львович Рухимович.

Южный (против Врангеля) – Григорий Яковлевич Сокольников-Бриллиант (1.12.18 – 6.10.19), Иосиф Исаевич Ходоровский (17.1 – 6.7.19).

Командующими армиями стали:

3-й армии Восточного фронта – М. М. Лашевич (30.11.18 – 5.3.19).

3-й армии Западного фронта – Владимир Соломонович Лазаревич (12.6 – 18.10.20).

7-й армии – М. М. Лашевич (30.7 – 25.8.20).

8-й армии Южного фронта – Григорий Яковлевич Сокольников (12.10.19 – 20.3.20).

9-й армии – Наум Семенович Сорокин.

14-й армии Южного фронта и др. фронтов – Иона Эммануилович Якир (15.12.20 – 6.1.21).

В 1981 году в Тель-Авиве вышла книга «В решающей войне». Автор ее, Арон Лазаревич Абрамович, – еврей и свой труд посвятил «воинам-евреям СССР – участникам войны против нацизма». При этом Арон Абрамович подчеркнул, что «издание этой книги имеет целью не бахвальство, а лишь утверждение исторической правды». Чем, милостивые государи, автор книги, которую вы сейчас держите в руках, озабочен. По этому поводу заметила как-то боевая подруга известного поэта Надежда Мандельштам:

«Мы в ответе за все. Но есть много способов уклониться от ответа. Первый – не вспоминать», – и дальше она справедливо подчеркнула, что история фальсифицируется на глазах, «и старшие поколения, пользуясь равнодушием младших, ловко втирают им очки». Добавим от себя – особенно в разгул так называемой гласности, демократии и поиска экстремистов. А посему сошлемся на книгу Абрамовича и приведем список членов Реввоенсоветов той кровопролитной войны, на которой сын убивал отца, отец сына, брат брата...

Наберитесь терпения, читатель, дочитайте этот список до конца.

Итак, в Реввоенсоветах армий, как указывает Арон Абрамович, один или два из трех его членов обязательно были евреи. Вот эти члены:

1-й армии Восточного и Туркестанского фронтов – Арий Константинович Мирский (7.4 – 19.7.19), Григорий Исаакович Брейдо, Илья Савельевич Желехес.

2-й армии Восточного фронта – Сергей Иванович Гусев-Драбкин (12.11 – 4.2.18), Григорий Яковлевич Сокольников-Бриллиант (19.9 – 22.11.18), Григорий Наумович Каминский.

3-й армии Восточного фронта – Михаил Михайлович Лашевич (7.8 – 29.11.18), Филипп Исаевич Голошекин, Яков Лазаревич Аскольдов.

4-й армии Восточного и Туркестанского фронтов – Борис Григорьевич Молдавский (26.5 – 19.7.18), Гавриил Давидович Линдов-Лейтейзен (10.9.18 – 13.1.19), Борис Григорьевич Зуль.

4-й армии Западного фронта – Евгений Ильич Вегер (18.6 – 19.10.20).

5-й Отдельной армии – Аркадий Павлович Розенгольц (18.8 – 15.9.18), Исаак Самойлович Кизельштейн (15.11.18 – 25.1.19), Борис Захарович Шумяцкий (13.1.21 – 27.2.22), М. А. Вольфович (заместитель начальника политуправления).

6-й Отдельной армии – Герман Самойлович Биткер (4.8 – 15.12.19), Р. В. Пикель, Лев Захарович Мехлис.

7-й армии Северного, Западного и др. фронтов – Михаил Иосифович Розен (1.10.19 – 21.1.19), Самуил Петрович Восков (19.11.18 – 23.3.19), Моисей Маркович Харитонов (24.5 – 22.10.19), Аркадий Павлович Розенгольц (28.6 – 30.9.19), Григорий Евсеевич Зиновьев-Радомысльский (14.7 – 26.11.19), Михаил Михайлович Лашевич (23.10.19 – 31.8.20).

8-й армии Южного и др. фронтов – Иона Эммануилович Якир (8.10.18 – 1.7.19), Яков Ильич Весник (7.11.18 – 28.8.19), Аркадий Павлович Розенгольц (7.12.18 – 18.3.19)...

Еще осталось перечислить двенадцать армий с именами их «великих» полководцев. Но компьютер то и дело стирает фамилии ставленников Лейбы – возможно, они нецензурные? Ну, вот, в 9-й армии Г. Я. Сокольников-Бриллиант, И. И. Ходоровский, А. М. Лиде. Дальше: Кушнер, Штейман, Шнейдерман, Лещинский, Кизельштейн, Зуль, Рухимович, Ленцман, Гольдберг, Зусманович, Губельман, Иосиф Бык, Роза Залкинд, Саша Эстрин, Яша Гамарник...

Арон Абрамович пишет: «В период гражданской войны многие евреи занимали должности командиров (начальников) штабов и политотделов

дивизий, бригад, полков и других соединений и частей». И перечисляет некоторых из них: Шейдеман, Гутман, Верман, Нейман, Фельдман, Фрейман, Шнитман, Борзинский, Яновский, Туровский, Ратайский, Цуковский, Лотоцкий, Белицкий, Лозовский, Давидовский, Блюменфельд, Мейер, Розен, Ширмахер, Кофель, Майстрах, Гордон...

Военкомами дивизий были: Шварцман, Клейтман, Гроссман, Фельдман, Вайман, Гринштейн, Нордштейн, Редер, Хасис, Пошеманский, Левин, Рихтер, Минц, Шварц, Зейликович, Аронштам, Рабичев, Лемберг, Кригер, Дрейцер, Брауде, Вальпе, Розенблум, Рухимович, Равикович, Дубсон, Гринберг, Лифшиц, Шифрес, Елецкий, Тольский Герт, Айзенштадт, Зильбергер, Темкин...

Начальниками штабов были: Крижман, Фрейман, Гиршельман, Зильберман, Ригельман, Берман, Яновский, Белицкий, Терпиловский, Крушинский, Бердичевский, Урицкий, Безель, Гилькнер, Гельфер, Сигал, Абрамович, Кофель, Рубин, Козик, Коренблит, Левинсон...

Начальниками политотделов были: Банквицер, Шифрес, Гольдшмит, Эпштейн, Фрумкин, Слуцкевер, Белоцкий, Хатаевич, Милях, Рухимович и т. д.

Арон Абрамович замечает: «Особенно был велик процент евреев среди политработников всех звеньев Красной Армии: членов военных советов фронтов и армий, комиссаров и начальников политических отделов армий, дивизий, бригад, полков и подразделений». Автор книги «В решающей войне» из командного состава назвал имена трех евреев. Среди них И. В. Дубинский, командир 7-го полка Червонно-Казачьей дивизии. Судьба распорядилась моей встречей с Ильей Владимировичем, да не просто встречей, а работой над книгой его воспоминаний. Так что боевая биография Дубинского мне хорошо известна.

Положа руку на сердце, ни донским, ни запорожским казаком Илья Владимирович отродясь не был. Еврейский юноша, в 1919 году он добровольно вступил в ряды Красной Армии и начал там с различных политических должностей. Как комиссар, он был на Орловском направлении, как комиссар получил орден Красного Знамени. А дело комиссарово известно: жги глаголом сердца! Не просто ведь это было, скажем, Гришку

Мелихова склонить против станишников своих. Конечно, помогали ревтрибуналы да расстрельные приказы Троцкого...

Арон Абрамович называет в книге трех председателей-евреев из тех трибуналов: Б. М. Гурович – в 5-й армии, Б. А. Александровский – в 55-й стрелковой дивизии, А. Л. Спиваковский – в 26-й стрелковой дивизии. Но, надо полагать, число их было значительно больше. По некоторым данным, евреи, выходцы из Бунда и Поалей Цион, составляли 99 % комиссаров и 90 % чекистов.

И то сказать, как это простому крестьянскому парню – человеку с ружьем – разобраться без комиссаров да чекистов в премудростях Марковского ученья? И как не согласиться с тов. Коганом, который с гордостью высказывался о своих единокровных единомудцах в газете «Коммунист»: «Без преувеличения можно сказать, что великая социалистическая революция была сделана именно руками евреев. Разве темные, забитые русские крестьяне и рабочие могли бы сами сбросить с себя оковы буржуазии? Нет, именно евреи вели русский пролетариат к заре интернационализма, и не только вели, но и сейчас советское дело находится в надежных руках. Мы можем быть спокойны, пока руководство Красной Армии принадлежит тов. Льву Троцкому. Правда, евреев нет в рядах Красной Армии в качестве рядовых... Зато в Комитетах и Советах в качестве комиссаров евреев и сейчас бесстрашно ведут к победе массы русского пролетариата».

Стало быть, 1 400 000 «местечковых жидков», как их окрестил Ильич, «в качестве рядовых» не числилось. Они в качестве комиссаров вели темных да забитых русских мужиков к «зарю интернационализма», а о «военных спецах» из бывшего офицерского корпуса, оставшихся в России и добровольно вступивших в Красную Армию или обманно попавших, мобилизованных в нее, либералы вспоминать не любят – это, как мы уже заметили словами Нади Мандельштам, один из способов уклониться от правды. Второй способ «заглушить голос памяти» – это приукрасить, «подрисовать прошлое, чтобы оно выглядело умильным и нежным». Проще говоря, наврать семь коробов, и чем ложь будет коварнее, бессовестнее, тем больше шансов, что ей поверят.

В свое время считалось, что солнце встает и петух начинает кукарекать оттого, что «наш дорогой Никита Сергеевич» (Хрущев) просыпается. Нынче наши либералы с отдельно взятыми патриотами – тут на одной грядке сидят и глузманы-любимовы, и обласканные властью киношники! – глядишь, скоро объявят сталинистом Чингиз-хана и призовут потомков его орды к покаянию за 1937 год. Не за 1918-й; не за хрущевскую «оттепель» с психушками для думающих не так, как велено; не за 1993-й с расстрелом властолюбивым чинушей «дарагих расеян», а за 1937-й. К этому году во всех «святцах», как жертвы погрома командных кадров, приписаны и «военспецы» – бывшие царские офицеры. А в действительности-то расправляться с ними начали с 1921 года, сразу после гражданской войны. Это была жестокая операция ОГПУ под кодовым названием «Весна». Тогда арестовали более 3 000 русских офицеров и большинство их погибло в застенках ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Некоторые историки считают, что начало гражданской войны – это весна 1918 года, связывая ее с чехословацким мятежом. Другие утверждают, что она началась с русско-украинского конфликта, последовавшего за декабрьским ультиматумом Центральной Раде. Тогда, это в январе 1918-го, Собельсон-Радек бросил клич в газете «Правда», мол, кричите: «Долой Раду!» – получите зерно. А между тем уже 7 декабря 1917 года было такое вот «Обращение Совнаркома ко всему народу»:

«Враги народа – империалисты, помещики, банкиры, их союзники казачьи генералы – предприняли последнюю попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюков, Гучков, Коновалов хотят вернуть себе власть и при помощи калединых, корниловых и дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствуя доставке хлеба на фронт, и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь при-

был бежавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь и шел походом на революционный Петроград. В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный комитет и Военно-революционный комитет, разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города...»

Через несколько дней состоялось заседание Совета Народных Комиссаров «об открытии военных действий против Дутова». Председательствовал на заседании Сталин. И вот выписка из протокола № 34: «Слушали: телеграмма из Самары. Необходимость посылки радиотелеграммы о необходимости открытия военных действий против Дутова.

Постановили: Послать в экстренно-спешном порядке радиотелеграмму в Ташкент о начале наступления на Оренбург. Поручить это Сталину».

Дело в том, что на Южном Урале против всевластия комиссаров поднялись казаки. Атаман Оренбургского казачьего войска полковник А. Дутов в ночь на 14 ноября 1917 года арестовал членов Оренбургского Совета, объявил мобилизацию казаков и вскоре собрал под свои знамена 8 000 солдат и офицеров.

Александр Ильич – из семьи отставного генерал-майора Оренбургского казачьего войска, окончил Николаевское кавалерийское училище, затем академию Генерального штаба. В конце 1917 года после выступления генерала Корнилова его вызвал Керенский, и вот Александр Ильич вспоминает: «Там мне, чуть не под угрозой заключения в тюрьму, было предложено подписать бумагу, в которой Корнилов и Каледин назывались изменниками». На что Дутов ответил: «Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги я не подпишу!»

26 октября 1917-го полковник Дутов объявил Оренбург, а затем и губернию на военном положении. 7 октября, открывая 2-й Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска, атаман держал такую речь: «Ныне мы переживаем большевицкие дни. Мы видим в сумраке очертания царизма, Вильгельма и его сторонников, и ясно, определенно стоит перед нами провокаторская фигура Владимира Ленина и его сторонников: Троцкого-Бронштейна, Рязанова-Гольденбаха, Каменева-Розенфельда, Суханова-Гиммера и Зиновьева-Апфельбаума. Россия умирает. Мы присутствуем

при последнем ее вздохе. Была Великая Русь от Балтийского моря до океана, от Белого моря до Персии, была целая, великая, грозная, могучая, серая земледельческая трудовая Россия – нет ее!»

Еще Александр Ильич говорил так: «Я люблю Россию, в частности свой Оренбургский край, в этом вся моя платформа. Если бы большевики и анархисты нашли действительный путь спасения и возрождения России, я был бы в их рядах. Мне дорога Россия, и патриоты, какой бы партии они не принадлежали, меня поймут, как и я их. Но должен сказать прямо: я сторонник порядка, дисциплины, твердой власти, а в такое время, как теперь, когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не останавлиюсь и перед расстрелами. Эти расстрелы не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны, большевики и не большевики, солдаты и офицеры, свои и чужие».

Согласитесь, сколько боли за Россию, землю пращуров, политую их кровью и потом, у этого русского патриота, атамана уральского казачества...

После доклада Сталина о положении дел на Южном Урале Совнарком поручил ему и Подвойскому организовать помощь красногвардейским отрядам в борьбе против «дутовщины», как стали называть движение восставших против большевизмской власти уральцев. На них направлены отряды, сформированные в Самаре, Екатеринбурге, Перми, – это около 12 000 человек при 25 орудиях и множестве пулеметов.

22 января радиограмма, подписанная Лениным, сообщала, что Оренбург занят революционными войсками и вся власть в городе перешла в руки Оренбургского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.

Но это к слову о начале гражданской войны. В конце концов, все шло по установке Ильича – гражданская война явилась продолжением октябрьской революции 1917-го, и Сталина бросали по всем фронтам – использовали, по его выражению, для чистки «чужих конюшен».

Позже он вспоминал ситуацию 1919–1920 годов: «Троцкий отзывался с фронта (в 1919 г.) за его ошибки на фронтах Колчака и Деникина.

Имеется ряд документов, и это известно всей партии, что Сталина перебрасывал ЦК с фронта на фронт в продолжение трех лет, на юг и восток, на север и запад, когда на фронтах становилось туго. Я хорошо помню, как в 1920 году требовал от меня ЦК переезда из Харькова в Ростов, где у нас дело обстояло плохо, и когда я настойчиво просил ЦК отменить это решение, указывая на то, что мне пора вернуться в свои наркоматы (в РКИ и в Наркомнац), что в Ростов должен поехать Троцкий, а не я, что мне надоело чистить “чужие конюшни”. Я помню так же хорошо, как в том же 1920 году ЦК требовал от меня поездки на польский фронт в момент, когда поляки занимали Киев и Ровно, и несмотря на это, даже после освобождения Киева и Ровно ЦК заставил меня остаться на фронте... В самых важных случаях гражданской войны, когда дело шло об основных врагах (о Деникине и Колчаке), основные вопросы решались у нас без Троцкого, против Троцкого».

Лейба-то дурил – он по-прежнему бредил мировой революцией, каждое свое явление на фронтах начинал с расстрелов, а Сталина просто терпеть не мог и не знал, как от него отделаться. Хорошо действовала в таких случаях статья о контрреволюции. А еще лучше обвинение в национализме и антисемитизме! Но не вписывался грузин Коба ни в контрреволюционера, ни в погромщика евреев. Да и вообще, этот кавказский человек в кремлевском кагале был уже не просто какой-то там Коба, а нарком по делам национальностей. Так что Лейбе оставалось только одно – строчить доносы на Сталина, в чем он был весьма искусен.

Вот, например, Сталин в Царицыне успешно руководит боевыми действиями Южного фронта, председателем Реввоенсовета которого он назначен совсем недавно. А Троцкий катит на него телегу: «Категорически настаиваю на отзывании Сталина. На царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тыс. солдат. Тем не менее я оставляю его командующим 10-й Царицынской армией на условии подчинения командарму Южной Сытину. До сего дня царицынцы не посылают в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет сделано, я отдам

под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии. Поскольку Сталин и Минин остаются в Царицыне, они, согласно конституции Реввоенсовета, пользуются правами только членов Реввоенсовета 10-й. Для наступления остается короткий срок, до осенней распутицы, когда здесь нет дороги ни пешеходу, ни всаднику. Без координации действий с Царицыным серьезные действия невозможны. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае это единственный путь, который я вижу для себя. 4 октября 1918 г. № 552.

Троцкий».

Ну, что тут скажешь! В команде Ленина не все евреи были дураки, и вместо разборки новым постановлением Совнаркома от 8 октября Сталина назначают членом Реввоенсовета Республики! К слову, у евреев есть одно емкое и точное по определению их некоторых национальных особенностей словечко – «хуцпе». Оно означает жестоковыйное присутствие духа, бесчинство, а одновременно наглость и дерзость. Известный, еще дореволюционный датский критик Г. Брандес уточняет это: «“хуцпе” у обыкновенных представителей еврейской расы принимает иногда возмутительный характер навязчивости и ни на чем не основанной страсти выставляться и играть роль». Черты этого самого «хуцпе» генетически вобрал в себя и на том держался Лейба, сын Давидов. Его заносило, да и хрен бы с ним, этим «представителем еврейской расы» (помните знаменитое «Толика Рыжего» – Чубайса: «Больше наглости!»), но если бы это возмутительное и наглое «хуцпе» не касалось нашей жизни, жизни нашей России...

В хрестоматиях по отечественной истории рядом с главами о братоубийственной гражданской войне идет разговор об интервенции англичан, французов и американцев – наших заклятых друзей не только по годам Антанты. Так вот, три месяца спустя после октября 1917-го так называемый ограниченный контингент чужеземных войск впустил на землю Святой Руси тот самый сын Давидов.

Вторжение интервентов началось в марте 1918 года с высадки их на севере – в Мурманском порту и на Дальнем Востоке. Чтобы выглядеть пристойно в глазах мировой общественности, представители Антанты, как писал потом премьер Великобритании Черчилль, приложили немало усилий для получения от Советов официального приглашения в Россию. В этом деле им помогали меньшевики, эсеры и милок Лейба. Как «Толик Рыжий» – кем он за двадцать-то капиталистических лет не был – и везде начальник, всегда самый умный, самый... наглый! Троцкий санкционировал высадку войск интервентов. Он дал команду Мурманскому Совету: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий». Свое решение Троцкий не согласовывал ни с ЦК партии, ни с Совнаркомом, и вооруженное вторжение в Россию под флагом «помощи со стороны Антанты для защиты края и Мурманской железной дороги от германских войск» вполне устраивало мировую общественность.

Без ведома Ленина Троцкий подписывал расстрельные приказы, расправился с командармом Ф. Мироновым. Самовлюбленный краснобай, бездарный стратег, Лейба только и повторял: «пресечь каленым железом», «безжалостно уничтожить». Это он вместе с Гаухманом-Свердловым от имени оргбюро ЦК РКП(б) выдали кровавую директиву «Об истреблении всего казачества России». А вот Троцкий говорит о русских интеллигентах: «Необходимо разобраться с положением дел в рядах нашей партии. К сожалению, оказалось, что там находятся такие слюнвявые интеллигенты, которые, как видно, не имеют никакого представления, что такое революция.

По наивности, по незнанию или слабости характера они возражают против объявленного партией террора. Революцию социальную такого размаха, как наша, в белых перчатках делать нельзя. Это нам доказывает пример великой французской революции, которую мы ни на минуту не должны забывать.

Старые правящие классы свое искусство, свое знание, свое мастерство управлять получили в наследство от своих дедов и прадедов.

Что можем противопоставить этому мы? Чем компенсировать свою неопытность?

Запомните, товарищи, – только террором! Террором последовательным и беспощадным.

Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат которой сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени выискивать действительных активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения физического всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти».

Сын богатого помещика, Лейба с детства усвоил, что «человек есть довольно ленивое животное». И свою завиральную теорию раскрестьянивания, превращения крестьянства в наемных рабочих Лейба философски объяснял прирожденной чертой людей «трудиться только по принуждению, только из-под палки». Превращение русской деревни в полигон со всеми этими «продразверстками», «военным коммунизмом» проходило в соответствии с его доктриной, по которой главной движущей силой считались голод, страх и принуждение.

Но эта политика вызвала волну крестьянских восстаний по всей России. Сознание крестьян никак не могло вписаться в коммунистическую уравниловку, национализацию земли с ее продотрядами да комбедами. Так, на Украине еще за два месяца до октябрьского переворота крестьяне Александровского уезда Екатеринославской губернии с восторгом встретили декрет Крестьянского совета о национализации земли и разделе ее между крестьянами без всякого выкупа. Этот декрет подписал бывший политкаторжанин, выходец из бедной крестьянской семьи Нестор Иванович Махно.

«ЛЮБО, БРАТЦЫ, ЖИТЬ»

В наше время в городских кинотеатрах, сельских клубах с помощью кинопередвижек крутили ленту, в общем-то такую же агитку, как и утомленного солнцем режиссера нового времени. Там была сценка, где

артист Б. Чирков изображает батьку Махно. Жуть смотреть! На все полотно экрана доверчивому зрителю впаривают окаянную рожу лохматого мужика. У него, конечно, какая-то беда, он напился – на столе бутылка мутной самогонки, и вот, тупо глядя с экрана, а зритель уже знает, что это бандюга Махно, он растягивает меха гармозы и запекает неприменную ныне в репертуаре праздничных кремлевских шоу песню: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...»

Разряженные казаки лихо поют, казачки приплясывают, потрясывают женскими прелестями – электорат доволен. А что же – по кинухе-то – батька Махно горюет, что с такой грустью растягивает меха своей гармозы? И вообще, кто такой этот Нестор – не по лекциям для семинаров по марксо-ленинской подготовке и не по учебникам нынешнего политпросвета?..

Пятый ребенок в семье – нехоленый отпрыск зажиточного помещика Давида Бронштейна – с 7 лет он уже вступает в трудовую жизнь, работает подпаском, с 12 лет – после окончания начальной школы – в имениях помещиков, экономиях немецких колонистов, на чугунолитейном заводе. В 1906 году Нестор вступил в кружок группы хлеборобов анархистов-коммунистов, совершил несколько налетов на местных толстосумов и отобранные ценности раздает бедным селянам. В одном из налетов хлопцы убили пристава. Махно принял вину на себя и был приговорен к повешению. 52 дня находился Нестор в камере смертников, но как несовершеннолетнему смертную казнь ему заменили 20 годами каторги.

Дальше – Акатуй, каторжная тюрьма, побег, снова тюрьма – в Бутырках. Здесь Нестор Махно сходится с анархистами П. Аршиновым и В. Волиным, много читает, изучает русскую грамматику, знакомится с историей культуры, политической экономией, занимается математикой. Борясь с тюремным начальством за справедливость и права, Нестор часто попадает в карцер. Там он и нажил себе туберкулез легких.

Под шумок февральской революции 2 марта 1917-го Махно вышел из тюрьмы и вскоре вернулся в родные края, в Гуляй-Поле, где его единогласно избирают председателем Крестьянского совета, и Нестор Иванович полностью отдается борьбе за лучшую крестьянскую долю.

После оккупации германскими войсками Украины Махно пробирается в Москву к старым корешам по Бутырке, анархистам, встречается с Яшкой Свердловым, Лениным. Ильич в беседе с ним заявил о готовности сотрудничать с такими анархо-коммунистами, как товарищ Махно. И Нестор Иванович ушел от Ильича в восторге: «Я лично почувствовал, как начинаю благоговеть перед Лениным!» А почему бы и нет?

В апреле 1922 года на Политбюро ЦК РКП(б) зайдет разговор о печатании плехановских трудов. Все-таки «Манифест коммунистической партии» перевел, по его книжкам все российские демократы учились. На это Ленин решительно возразил. Зато по Нечаеву Ильич будет настаивать и повторять неоднократно: «Нечаев должен быть весь издан! Необходимо изучить, дознаться, что написал, где он написал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать!..»

Вот с бывшим аптекарем Яшкой Гаухманом у Нестора Ивановича разговор не получился, хоть Яшка был второй человек в Кремле. Нестор объяснял Яшке национальную по содержанию крестьянскую стихию на Украине, втолковывал особенности движения крестьянских масс, но аптекарь был глух, не слышал председателя Крестьянского совета из Гуляй-Поля.

Вернувшись из Москвы на оккупированную Германией территорию, Махно организует сначала небольшой отряд и начинает борьбу с немцами и петлюровцами. В феврале 1919-го под его командованием уже 15 000 бойцов и Махно заключает с большевиками соглашение, по которому все его войско входит в состав Красной Армии в качестве независимой бригады. При этом махновцы сохраняли свои черные знамена и название революционной повстанческой армии. Взамен хлопцы Нестора Ивановича получили оружие и... «комиссаров в пыльных шлемах»!

Заметим, еще в ноябре 1918-го Совнарком дал Реввоенсовету директиву: «в десятидневный срок начать наступление в поддержку рабочих и крестьян Украины, восставшей против гетмана». Этот вопрос обсуждался у Ленина с участием членов Реввоенсовета Сталина и Затонского. 17 ноября был образован РВС Группы войск Курского направления, в которую входили командующий Антонов-Овсеенко, Сталин и Затонский. Они вы-

ехали в Курск, но Сталин вскоре был отозван в Москву, где с Лениным разрабатывал план помощи Группе войск Курского направления со стороны Орловского окружного военного комиссариата и взаимодействия ее с Южным фронтом. В директиве командованию фронта прямо говорилось: «Политическая обстановка властно требует нашего энергичного продвижения в ближайшие дни на Украину в Харьковском направлении».

Вот уж где ждал кое-кто наркома Троцкого! Помните выступление харьковской газеты «Коммунист», в которой некий М. Коган аж был от восторга: «Мы можем быть спокойны, пока руководство Красной Армии принадлежит тов. Льву Троцкому...» Понятно, не один он так думал. Только «темных да забитых крестьян», о которых Коган припоминал в газете, ни он, ни его любимый нарком, похоже, недооценили...

16 февраля 1919 года, когда большевики второй раз взяли в Киеве власть, первое, созданное ими там учреждение – ГубЧК – принялось, согласно установкам Троцкого, беспощадно карать всех возможных врагов. Казни начали с расстрелов 68 профессоров и «слонявых интеллигентов». Выступая на митинге, Лейба пообещал киевлянам: «По колено в крови контрреволюционеров уйдем из Киева!» Слово свое нарком Троцкий сдержал. До конца августа, это когда, разбив красных под Бриварами, в город вошли белые – деникинцы, в шестнадцати киевских «чрезвычайках» погибло 12 000 человек.

О тотальном геноциде славянских народов не принято вспоминать. Музеев для этого не строят. Имена палачей, авторов и исполнителей злодеяний – «массовидности террора» с 1918 по 1924 год – тщательно скрывают. Общественное мнение от исторической правды – трагедии тех лет – настойчиво уводится простецким переключением на Сталина и год 1937-й. В руках идеологов рыночного режима не тумблер «дальний – ближний свет» – мощная армия лжеисториков, умельцев впаривать обывателю кинохрентень и лицедейство, доведенное до совершенства.

Один маститый киношник явил как-то свой профессиональный блеск фокусом, вроде игры «в очко» на тысячу деревянных. Значит, с земли, от самого горизонта, за несжатым полем, поднимается огромное – до неба! – полотно. Когда оно разворачивается, вытягивается на всю длину, зритель

видит перед собой портрет Сталина. Картинка эта, словно фиговый листок на потрепанной продажной девке: догадывайся, мол, обалдуй, что у меня там, под листочком-то.

Такими фокусами и преподносится нынче история нашей много-страдальной Родины. Кинорежиссер В. Бортко, поистине талантливый мастер, автор блестящей киноленты «Тарас Бульба», хотел снять правдивый фильм о Сталине – 20 докторов исторических наук работали на такой сценарий! – но правительство отказалось финансировать эту киноленту. А когда другой «специал» обещал закатить кинуху, где Сталин на экранах страны предстанет уголовником, – тут же нашлись и деньги, и высокие покровители.

Или вот еще. Не только в России, а и за бугром как-то прокрутили богомерзкий фильм про «одну бабу», пропитанный ненавистью к русскому народу и особенно к крестьянству. 6 000 000 долларов отвалили режиссеру Смирнову на это дело. Поучаствовали в нем Рома Абрамович, Толик Чубайс, Гозман, Вексельберг, Кох, Сурков... Вот она, правда – без фигового листка!

Киев. Февраль 1919-го. Свидетельства почти 100 лет скрываемого геноцида нашего народа. Рассказывает академик АН СССР, Герой Социалистического труда, трижды лауреат Государственных премий А. Дородницын: «Как это ни странно, но ни разу не было, чтобы комиссаром тех красноармейцев был русский, не говоря уже об украинце. Откуда я знаю о национальной принадлежности комиссаров? Мой отец был врач. Поэтому командование всех проходивших воинских соединений всегда останавливалось у нас. Наше село находилось недалеко от Киева, и до нас доходили слухи о том, что творила Киевская ЧК... Даже детей в селе пугали именем местного чекиста Блувштейна. Когда Киев и наше село заняли деникинцы, отец отправился в Киев раздобыть лекарств для больницы. Завалы трупов – жертв ЧК – еще не были разобраны, и отец их видел своими глазами. Трупы с вырванными ногтями, с содранной кожей на месте погон и лампасов, трупы, раздавленные под прессом. Но самая жуткая картина, которую он видел, это были 15 трупов с черепами, пробитыми каким-то тупым орудием, пустые внутри. Служители расска-

зали ему, в чем состояла пытка. Одному пробивали голову, а следующего заставляли съесть мозг. Потом пробивали голову этому следующему, и съесть его мозг заставляли очередного...»

В многочисленных комендатурах Киевской ЧеКи трупы казненных людей убирать не успевали. Тогда чекистам явилась идея «нанотехнологии»: «...был заготовлен ящик в рост человека и такой длины, что в него могли лечь рядом 6 человек. Обреченные клались в него ничком и пристреливались выстрелом из револьвера в голову, сверху клался еще ряд живых, опять пристреливался и так до тех пор, пока ящик не заполнялся трупами, затем он вываливался в Днепр или прямо на свалку».

Стоит ли удивляться, что батко Махно восстал против комиссаров. В одной из телеграмм Реввоенсовету он решительно заявил: «Я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтом насилия в лице ваших комиссаров и чрезвычайек, творящих произвол над местным населением».

По Украине прокатилась волна восстаний – только в апреле 93 выступления крестьянских отрядов. Они шли под лозунгами «Да здравствует советская власть!», но... «Долой большевиков и евреев!». Киев практически был оторван от большинства волостей своего уезда, и Артем (Федор Андреевич Сергеев), организатор борьбы против Центральной Рады, комиссар народного хозяйства Донецко-Криворожской советской республики, 3 апреля послал в Москву письмо с просьбой немедленной отправки на Украину полномочного «авторитетного лица, авторитетного продовольственника, хотя бы Сталина».

А этот «авторитетный продовольственник» только что вернулся с Восточного фронта и, по предложению Ленина, был назначен комиссаром гос. контроля, позже реорганизованного в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Восстановив положение под Пермью, он сорвал попытку интервентов связаться с корпусом белочехов и Колчаком.

В мае к Петрограду решительно наступал генерал Юденич. Его поддерживали войска финнов, эстонцев, английская эскадра. К тому же в тылу большевиков восстали форты Красная Горка и Серая Лошадь. Центральный Комитет партии опять бросает, как бы нынче сказали, «в горя-

чую точку» Сталина. И он на дрогнувшем фронте красных восстанавливает порядок, организует удар с суши, кораблей – с моря и отбрасывает войска Юденича от Петрограда.

Так что на Украину в мае 1919-го покати сам Троцкий. За несколько дней до его появления там состоялся 3-й съезд крестьянских Советов, независимых от большевиков. Вот его резолюция: «Обсудив всесторонне, беспристрастно, без давления какой бы то ни было политической партии вопросы по докладу с мест и по текущему моменту и принимая во внимание, что настоящее положение на Украине и в Великороссии власти политической партии “коммунистов-большевиков”, не останавливающейся ни перед какими мерами для убеждения и закрепления за собой государственной власти с центра вооруженной силой и проводящей свою преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам политику,

Съезд постановил:

1. Категорически протестовать против незаслуженного присвоения съезду в телеграмме Дыбенко звания “контрреволюционного”, а также против его разгона.

Телеграмма Дыбенко: “Из Ново-Алексеевки № 283 10.4.19 г. По нахождению тов. Батько Махно, копия Александровскому Совету. Всякие съезды, созданные от имени распущенного согласно моего приказа Гуляй-польского военного революционного штаба, считаются явно контрреволюционными и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам, вплоть до объявления вне закона. Приказываю немедленно принять меры к недопущению подобных явлений. Нач. дивизии Дыбенко”.

Мы, съехавшиеся крестьяне, рабочие и повстанцы, еще раз горячо протестуем против подобного насилия и заявляем, что нас такие приказы не пугают. И мы всегда готовы к защите своих народных прав.

2. Съезд признает, что Третий Всеукраинский съезд Советов не явился истинным и свободным выразителем воли трудящихся, а потому мы считаем, что только съезд рабочих, крестьянских, красноармейских

депутатов, над волеизлиянием которого не будут чиниться никакие насилия, будет истинным выразителем воли трудового народа.

3. Протестуем против реакционных приемов большевистской власти проводимых комиссарами и агентами Чрезвычайек, расстреливающими рабочих, крестьян и повстанцев под всякими предлогами, что подтверждается имеющимися у нас данными.

4. Чрезвычайные комиссии, предназначенные для борьбы с настоящей контрреволюцией и бандитизмом, превратились в руках большевистской власти оружием для подавления воли трудящихся и достигли размеров в отдельных отрядах в несколько сот человек с оружием.

Требуем все эти прекрасно вооруженные реальные силы отправить на фронт, распределив их по разным здоровым революционным частям, борющимся с действительно контрреволюцией.

5. Мы требуем немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты: протестуем против всякой системы назначейства, так как их действия носят характер полной измены социальной революции. Мы требуем проведения правильного и свободного выборного начала.

6. Мы призываем товарищей рабочих, крестьян, повстанцев и красноармейцев соблюдать в своих рядах полную товарищескую революционную дисциплину и к прекращению всякой национальной травли.

7. Мы требуем социализации земли, фабрик, заводов.

8. Мы требуем изменения в корне продовольственной политики, замены ликвидационного отряда правильной системой товарооборота между городом и деревней и насаждения широкой сети обществ потребителей и кооператоров и полного упразднения частной торговли.

9. Мы требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций и вообще трудового народа.

10. Диктатуры какой бы то ни было партии категорически не признаем. Левым социалистическим партиям предоставляем свободно су-

ществовать только лишь проповедником разных путей к социализму, но право выбора путей оставляем за собой.

Долой комиссародержавие. Долой чрезвычайки, современные охранки. Долой борьбу партий и политических групп за власть. Долой однобокие большевистские Советы. Да здравствуют свободно избранные Советы трудящихся, крестьян и рабочих!

Почетный председатель Съезда Батько Махно

Почетный член Съезда Щусь

Председатель Съезда Чернокнижный

Товарищ председателя Коган

Секретарь Мавроди»

(<http://doc20vek.ru/node/3959>).

Троцкий, весь в мировой революции, профан в военных делах, но с претензией на крупного стратега, 4 июня расформировал 2-ю Украинскую армию, в которую в качестве бригады входило 15 000 хлопцев батьки Махно (по некоторым данным, больше 50 000). В харьковской газете «Известия» тут как тут появляется убойная статейка под заголовком «Махновщина», следом – передовица «Еще раз – долой махновщину!». А 6 июня выходит уже и приказ Троцкого о ликвидации махновщины, запрещении 4-го районного съезда в Гуляй-Поле, предании его делегатов суду революционного трибунала и объявлении Махно вне закона. Ох, и горяч был Лейба – как блин с огня!

Ведь только что, в мае, Нестор Иванович встречался с Антоновым-Овсеенко, говорил о своей верности революции, отказал атаману Матвею Григорьеву в создании единого фронта, хотя войско Григорьева было тоже сильно – 15 000 человек, бронепоезда, сотни пулеметов. Да что говорить, оба атамана на III Всеукраинском съезде Советов, состоявшемся с 6 по 10 марта 1919 года, прислали приветствия в адрес съезда. 1 700 делегатов его, среди которых было много крестьян, объявивших себя большевиками, бурно приняли сообщение о взятии отрядами Григорьева Херсона.

«С самого начала они (атаманы. – С.Г.) были теми, кто помогал коммунистам создавать вооруженную силу, – писал об украинско-еврейских

отношениях Осип Брик, – но когда ближе присмотрелись к коммунизму, то стали против коммуно-большевизма, считая его “жидовской властью”, а не властью крестьян и рабочих».

Судьбу крестьянского движения украинских повстанцев под знаменами атаманов Брик объясняет по-своему, мол, следует признать, что если бы украинская масса была бы организованной, государственно-творческой, то никакого «жидовского вопроса, а тем более погромных настроений давно бы не существовало. Жиды, очевидно, не могли бы и подумать о возможности такой Украине навязывать свою волю, такую Украину разрушать, ибо всякое государство имеет таких жидов, каких сама заслужила».

А заслужила нэнька-Украина сына херсонского помещика Лейбу Бронштейна.

Объявленный вне закона Нестор Махно еще телеграфировал в Москву, отстаивая права крестьян и рабочих на свои съезды, обращался к здравому смыслу Троцкого. Да какой смысл у петуха на заборе, главное – прокукарекать! И вот по приказу Лейбы несколько большевицких полков входят в Гуляй-Поле, район батьки Махно, и устраивают там рубку махновской коммуны и Советов. Его штаб размещался тогда в бронепоезде вместе со штабом 14-й армии Ворошилова. Махновцев схватили и казнили в Харькове (тогда украинской столице).

А в это время, воспользовавшись разборкой Троцкого с отрядами Махно, Деникин с меньшими силами ударил по красным. Лейба видел, как трещал Южный фронт, и, чтобы прикрыть свою бездарную авантюру, кровавые дела, валил все на батьку Махно, мол, он был в сговоре с белыми, с генералом Шкуро – вот Деникин и прорвал фронт.

В то время, когда он, как утопающий, хватаясь за соломинку, раскручивал на Украине террор с жуткими пытками, массовыми расстрелами, организовал даже отряд из 2 400 уголовников во главе с Мишкой Япончиком, батько Махно спасал красных. Непосредственный участник тех событий Антонов-Овсеенко спустя годы рассказывал о причинах разгрома Красной Армии, бездарном руководстве Троцкого. В «Записках

о гражданской войне» он откровенно пишет: «Факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места – района Гуляй-Поле, Бердянска – неверны... Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия... Прежде всего, здесь повинен аппарат Южфронта, не умевший сохранить боеспособность повстанческих армий и закрепить их революционную дисциплину».

Троцкий метался, в Москву летели его панические телеграммы о невозможности собрать на Украине Красную Армию, пока там «бандитизм», просил направить чекистов для чистки Киева, Одессы, Николаева, Херсона. Но у Ленина хватало забот и без Троцкого. То «эти чекисты и пекисты сдерживают массовидность террора». То в Нижнем Новгороде что-то надумали – и председателю губисполкома летит указание «напрячь все силы, навести тотчас массовый террор. Расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления!» В Пензенском губисполкоме слишком мирно живут. Такие и мировую революцию проворонят – им телеграмму: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»... И все-таки Ильич нашел время отправить на выручку Лейбы несколько отрядов чекистов – они-то свое дело знали.

А хлопцы батяки Махно одни – это от 50 до 80 тысяч вооруженных селян-землеробов – только одни они и сдерживали наступление армии Деникина. Они носились с пулеметными тачанками, делая переходы порой по 100 километров в сутки, и были неуловимы. Махновцы били по тылам белых, разрушили коммуникации между Киевом и Ростовом, взяли Александровск, Екатеринослав, сокрушительный удар деникинцам нанесли под Перегоновкой и направились на Таганрог, где была Ставка главнокома Деникина.

Попытка окружить Махно не удалась. Махновцы сами окружили и изрубили батальон Литовского полка, батальон 1-го Симферопольского офицерского полка – это почти 1 500 человек. Поэтому пришлось Деникину перебросить часть своих войск с победного похода на Москву. К тому времени они уже взяли Курск – до Москвы-то рукой подать. Не случайно

на Брестском (Белорусском) вокзале в боевой готовности стоял паровоз, который предназначался кремлевской команде. Для всей этой компаши были заготовлены загранпаспорта, деньги – притом немалые! – хранились уже в швейцарских да американских банках. Оставалось только занять места в вагонах, гудок и, как нынче говорят демократы с двойным гражданством, прощай, «наша Раша»! А если бы армия генерала Деникина соединилась с махновцами – тут аптекарей всех стран спасти могли разве что истребители с Ходынского поля, да и то – если бы рвать когти на полном форсаже!..

Ну, а что все-таки нарком военных дел Троцкий? Осенью 1919-го он еще суетился на Южном фронте, придумывал планы боевых действий против Деникина. Например, предложил устроить поход через Донские степи, где не было дорог, но хватало партизанских отрядов, и просить банд, враждебных власти большевиков. План Троцкого не приняли, его самого, наконец, отстранили от руководства на Южном фронте, а послали туда Иосифа Сталина.

По замыслу Сталина, войскам Красной Армии следовало продвигаться через Донецкий бассейн, где была налажена сеть железных дорог, большие запасы угля. К тому же там сочувствовали большевикам рабочие. Этот план был принят, и он обеспечил над Деникиным победу.

Так, к началу октября Южный фронт был разделен на два: Южным стал командовать бывший подполковник русской армии А. Егоров, и Юго-Восточным – полковник В. Шорин. По плану операции им предстояло прорвать фронт на стыке Добровольческой и Донской армий. Таким образом деникинцев отрезали от донского казачества, и взаимодействие двух главных сил терялось. Для контрудара по белым был направлен конный корпус, которым командовал бывший унтер-офицер С. Буденный.

Вот что рассказывал о тех днях командир кавалерийской дивизии генерал армии И. Тюленев: «17 ноября 1919 года Реввоенсовет Республики по докладу командования Южного фронта принял решение о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР.

В Реввоенсовет армии вошли К. Ворошилов и Е. Щаденко, а затем бывший секретарь Царицынского комитета РКП(б) С. Минин. Для официального оформления этого акта в село Великая Михайловка Старо-Оскольского района, где находился штаб корпуса, прибыло командование Южного фронта – А. Егоров и И. Сталин. На объединенном заседании Реввоенсовета Южного фронта и корпуса командующий фронтом Александр Ильич Егоров зачитал приказ о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР.

– Отныне, – сказал он, – штаб корпуса принимает на себя функции армейского организма и становится штабом Конной армии. Прошу врио начальника штаба Первой Конной армии Зотова доложить командованию Южного фронта обстановку и те задачи, которые выполняют части армии... Члены Реввоенсовета фронта одобрили доклад Зотова. И Сталин сказал в заключение:

– Наша задача состоит в том, как правильно доложил товарищ Зотов, чтобы рассечь фронт противника на две части, не дать войскам Деникина, находящимся на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу командование фронта возложило на Первую Конную армию.

Задача очень ответственная, она потребует максимум сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс, где может не быть фуража. Но ее будет встречать пролетариат Донбасса, который ждет Красную Армию и отдаст все, что может... Руководство фронта примет, в свою очередь, меры к тому, чтобы обеспечить Конную армию всем необходимым».

На этом заседании Буденному было вручено Почетное революционное оружие (шашка) с орденом Красного Знамени на нем, а Зотову – золотые именные часы.

Так на юге России начался закат Белой гвардии. Вот строки из сводок Красной Армии:

«23 ноября – очищение левого берега нижнего Днепра от махновцев.

2 ноября – занятие красноармейцами Конотопа, Старого Оскола, Коротояка и Лисок.



Художник В. Сварог. Сталин с пионерами. 1931 г.

1 декабря – Красной Армией заняты Прилуки и Сумы. 6 – захвачен Белгород. 9 – Бердичев, Богодухов, Валуйки. 12 – Харьков. 13 – Полтава. 16-го Киев, Купянск, Ромодан. 24 – Славяносербск, Миллерово, Луганск. 30 декабря – Екатеринослав, Синельниково».

Победа над Деникиным была одержана по плану Сталина. Товарищ Коган, выступая в газете «Коммунист» по поводу полководческого гения своего соплеменника Троцкого, выходит, шибко переборщил. Ошибся товарищ Коган и насчет «темных, забитых русских крестьян и рабочих», которых к «заре интернационализма» вели евреи «в качестве комиссаров». Реальное отношение народа к власти большевиков в 1918–1920 годах отражают официальные документы, сохранившиеся до нашего времени, частные письма, проходившие цензуру. Они передают обстановку и настроение «темного и забитого», но непокорного народа.

«У нас кругом повстанческие восстания, жидов поголовно вырезают» (Киев, 3 июня 1919 г.).

«Было у нас восстание, очень много побили коммунистов» (Симбирская губерния, Большие Березняки, 12 июня 1919 г.).

«Советским правительством недовольны... крестьяне восстают на жидов» (Киев, 12 июня 1919 г.).

«Вчера весь Совет разбили, и в Краснове тоже, и в Бурмакине. Сегодня во всей волости дома и в управлении иконы поставили, и портрет царя повесили, и молебен отпели» (Костромская губерния, Никольское, 27 июня 1919 г.).

«Брожение сильное на Украине и в Киеве. Троцкий был в Киеве. Его освистали, и он убежал скорее из Киева... все крестьяне против большевиков: разрушают железные дороги, обстреливают эшелоны с красноармейцами, евреев режут сильно» (Киев, 14 июня 1919 г.).

«Я проклинаю эту власть, скорее бы свергнули ее долой, чтобы нам не подчиняться жидам и подчиняться своему Богу. Долой их всех!» (6-я рота 6-го стрелкового полка, 26 июня 1919 г.).

«Рабочие говорят, что они дальше это жидовское правительство не хотят защищать» (Екатеринославская губерния, Нижнеднепровск, 1 июня 1919 г.).

«Жиду нужно бы воевать, а он уехал; из портновского союза 10 человек жидов уехали, а наши русские все воюют, как же их не бить окаянных...» (Орловская губерния, Ливны, 30 июня 1919 г.).

«У нас хлеб был 5 руб., а теперь 15 руб., а все из-за жидов, потому что они заняли все учреждения. Был крестьянский съезд, и крестьяне кричали против коммунистов и евреев, чтобы они не находились в учреждениях, но их не выгнали, они сильнее укрепились, и от крестьян стали брать хлеб и скот, и хотят нас мобилизовать, но крестьяне против жидов и коммунистов; много деревень выступили с оружием и кричали: “Долой жидов и коммуны!”, а против советской власти мы ничего не имеем, если на фронт пойдут евреи, то тогда и мы пойдем» (Волынская губерния, Ровны, 14 июля 1919 г.).

И так далее.

Не потому ли мужики, не шибко подкованные на тему пролетарского интернационализма и вообще в премудростях товарища Карла Маркса, при тесном-то контакте да боевом взаимодействии с махновцами против Белой гвардии переходили в ряды батьки Махно?..

Мне достались архивные документы и личные записи члена Военного совета Сталинградского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина. В 1920 году Константин Федорович как комиссар одного из полков 51-й стрелковой дивизии участвовал в боях на легендарном Каховском плацдарме, в штурме Перекопа. И вот он пишет: «Махновцы, соприкасаясь с нашими частями, ведут анархическую агитацию, говорят о засилье у нас комиссаров, которые пользуются всякими привилегиями, а красноармейцев заставляют воевать с ними (махновцами). Зовут переходить к ним». И переходили.

Вот состав полка, в котором в то время комиссаром был Телегин: «1 268 человек. Членов РКП(б) – 46, грамотных – 477, малограмотных – 248, неграмотных – 138. Рабочих – 65, крестьян – 836, других сословий – 7». Так кому тут Марксовы-то идеи впаривать? Не доступней ли крестьянским парням вместо бесед о пролетарском интернационализме да мировой революции конкретные дела батьки Махно?..

19-летний комиссар полка Костя Телегин внимательно изучал своих подчиненных, следил за их настроением. В политсводке за вторую неделю октября 1920 года он записал: «Красноармейцы ропщут на отсутствие теплого обмундирования: “Вот кормите нас беседами и лекциями да обещаниями дать обмундирование, а на деле не даете...”» И то сказать, у батьки-то Махно все обходилось без обещаний светлого будущего. Взяли хлопцы город, прошлись по домушкам богатеньких Абрамовичей, Бродских, Гинзбургов – и тишина...

Комиссар Телегин отметил национальный состав своего полка: «Русских – 832, татар – 45, черемисов – 10, вотяков – 10, немцев – 4, эстонцев – 4, евреев – 2». Почти 1 300 красноармейцев в полку, из них только 2 еврея – и те политруки. Выходит, прав был товарищ Коган, отмечая в газете «Коммунист» ведущую и направляющую роль в революции своих соплеменников. Хотя, по замечанию комиссара полка Телегина, «подготовка большинства политруков была слабая, требовалась повседневная помощь».

Вот он получает приказ Фрунзе «по разоружению махновской банды». Что делать? Собирает политруков, проводит с ними беседу на тему «Махновщина и для чего ее нужно обезоружить». Но вот беда – не хватает в его полку политруков. Впереди штурм Перекопа, гнилой Сиваш, Турецкий вал – бегут, черти, из полка! «Дезертировал политрук Самуил Рогельсберг (одессит)», – записывает в дневнике юный комиссар Костя Телегин и отыскивает замену дезертирам. Среди них окажется и бывший свинопас Никитка Хрущев.

«Он участвовал в разгроме Врангеля, был инструктором политотдела 9-й армии», – это спустя 40 лет, в расцвет «хрущевской оттепели», будет вспоминать – уже генерал! – Телегин. Интересны документы, на которые ссылается Константин Федорович. «Интересны эти документы с той точки зрения, что Владимир Ильич в своем высказывании на съезде кожевников в октябре-месяце 1920 года, когда он говорит о попытке Врангеля прорваться на Кубань, останавливается на том, что Врангель не сумел прорваться потому, что кубанский казак понял, что ему с Врангелем не по пути, – пишет генерал и проясняет интерес к тем докумен-

там: – Никита Сергеевич Хрущев как инструктор политотдела выезжал в казачьи станицы и там беседовал с казаками, как они относятся к врангельскому десанту, и в своих докладных записках излагает, что кубанское казачество настроено против Врангеля. Таких записок обнаружено две, они относятся к августу-месяцу 1920 года, видимо, по линии политотдела армии пошли в доклад в Москву, и на их основе в своих выводах В. И. Ленин высказался о том, что кубанские казаки не пошли за Врангелем, так как им с ним не по пути».

Генерал Телегин имел привычку колебаться вместе с линией партии, но, касаясь выездов Никиты Сергеевича к казакам, старый, опытный политрабочий оговорился: «Докладных записок Н. С. Хрущева мы еще не разыскали, но есть основания думать, что выводы В. И. Ленина построены на основании этих докладных записок, что они сыграли какую-то роль в этих выводах».

Так что не только «махновцы» «анархической агитацией» перетягивали в свои ряды крестьянских парней и казаков. А те две хрущевские записки, которые до сих пор ищут...

Не конным скачкам, не рубке клинком учил отрока Виталия родный батюшка Марк Григорьевич Примаков. Направил он его в черниговский кружок – вырабатывать красноречие, и вскоре сынок стал самым бойким участником того кружка. Когда началась мировая война, гимназист Примаков с корешком Мариком Темкиным, учащимся фельдшерской школы, расклеивали на улицах ночного города антивоенные листовки. Из гимназии его выгнали, отправили в ссылку, но наступил 1917 год – и 19-летний Виталик Примаков – участник II съезда Советов.

25 декабря в Харькове объявили, что на Украине есть рабоче-крестьянское правительство. Через два дня, 27 декабря, большевик Примаков вывел на улицы города целый полк червонных казаков. Кто они, откуда взялись? У Солженицына в книге «Двести лет вместе» по этому поводу есть замечание: «...привыкли мы, советские, к звучанию “корпус Червоного казачества”. Но то не было казачество, обратившееся к красному сознанию, а бандитское (переодевались для обмана и в форму

белых), образованное из всех наций, до румын и китайцев, с целым латышским кавалерийским полком». Писатель замечает, кто стоял в руководстве корпуса В. Примакова: «Политотдел возглавлял И. Минц (во 2-й дивизии Исаак Гринберг), нач. штаба – С. Туровский, оперативную часть штаба – А. Шильман, редактор дивизионной газеты – С. Давидсон, административный отдел штаба – Я. Рубинов».

Не случайно уже как начальник кавалерийской дивизии Примаков в разгар боев с петлюровцами и белополяками за Галичину обращался к повстанцам: «Спешите, казаки, расправиться с подлыми изменниками и идите к нам, в наши красные ряды, смыть пятно позора со своего лица...»

Что и говорить, известны были успехи армии Деникина, стремительные атаки его казаков, которые, как ураган, сносили ряды лапотных красноармейцев с винтовками Мосина. Именно тогда член Реввоенсовета Республики Сталин и предложил ввести в Красную Армию конницу. Спустя годы Ворошилов рассказывал, как «вопреки желанию Центра» создавалась 1-я конная во главе с С. Буденным и К. Ворошиловым и 2-я, которой командовал Кузьма Миронов. «Исторические последствия этого шага хорошо известны», – подчеркивал Климент Ефремович. Достаточно сказать, что в одну из годовщин первого освободительного похода Красной Армии в Галичину Семену Михайловичу Буденному в городе Броды был установлен памятник.

А вот об упомянутом выше герое гражданской войны Несторе Махно рекомендуют вообще не вспоминать. Помню, в школе на уроках пения мы разучивали песню о тачанке: «Эх, тачанка-ростовчанка, наша гордость и краса...» А ведь творец ее, этого великолепного оружия ближнего боя в степях-то Украины – Нестор Махно! Кого только не бил вожь революционной повстанческой армии – и немцев, и петлюровцев, и деникинцев. Не случайно большевики отметили его высшей по тем временам наградой – орденом Красного Знамени.

Нестор Иванович был двенадцать раз ранен, лишился ноги, но стойко продолжал борьбу и, как он передавал в одной из телеграмм Реввоенсовету, «оставался верным рабоче-крестьянской революции». Популярность батки Махно, не только среди своих, махновцев, пугала красных

комиссаров и скороспелых командармов. Троцкий грозился расстрелами, выпустил приказ № 133: «Перебежчикам к Махно – расстрел!» В Москву на него летели бесконечные доносы. Член РВС 14-й армии С. Орджоникидзе так разволновался встречей махновцев с красноармейцами, что тут же отбил в ЦК ВКП(б) телеграмму, мол, упоминание в прессе имени Махно влечет в армии нежелательные к нему симпатии. Да что говорить, Лейбу, как только он появился в Киеве, освистали. А махновцы в любом селе, в любой украинской хате были, как дома.

Осенью 1920 года правитель юга России Главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель обратился к севастопольцам: «Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разум одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель».

А другой командующий М. В. Фрунзе в телеграмме Ленину, ЦК ВКП(б) и Реввоенсовету Республики докладывал следующее: «Сейчас вернулся из поездки на фронт. Объехал почти все дивизии всех армий. Несмотря на величайшие лишения красноармейцев, связанные с тесно-

той размещения, недостатком обмундирования, вообще снабжения, что связано с полной оторванностью тылов, не только армейских, но и дивизионных, – всюду находил бодрое и уверенное настроение. На этой почве явилось возможным приступить к форсированию перешейков, опираясь не на нашу технику, безнадежно отставшую, а на живую силу бойцов. Получив приказ о наступлении в Крым, бойцы ринулись неудержимым потоком и мощным ударом овладели рядом чрезвычайно сильно укрепленных позиций противника...

Задачей войскам поставил молниеносным ударом завершить разгром противника и ни в коем случае не допустить его посадки на суда. Надеюсь, что в семидневный срок, считая с 13 ноября, мы будем в Севастополе. Для помехи эвакуации морем отдал приказ выйти к Севастополю нашей единственной подводной лодке.

Свидетельствую о величайшей доблести, проявленной геройской пехотой при штурме Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам под убийственным огнем на проволоку противника. Наши потери чрезвычайно тяжелы. Некоторые дивизии потеряли три четверти своего состава. Общая убыль убитыми и ранеными при штурме перешейков не менее 10 тыс. человек.

Армия фронта свой долг перед республикой выполнили. Последнее гнездо российской контрреволюции разорено, и Крым вновь станет советским.

Командарм Фрунзе»

(http://militera.lib.ru/memo/russian/budenny_sm/3_05.html).

В телеграмме упоминается штурм Перекопа и «проявленная при том величайшая доблесть геройской пехоты». Указывается общая убыль убитыми и ранеными при штурме – не менее 10 тыс. человек. Но вот товарищ Фрунзе ни слова не сказал о жертвах повстанцев армии Нестора Махно. Может, он выступал на стороне белых? Да нет.

Осенью 1920-го командующий фронтом Фрунзе заключил с ним соглашение о совместных боевых действиях против Врангеля. За помощь в разгроме правителя юга России большевики обещали батьке Махно решить вопрос об автономии «вольного района». Нестор Иванович поверил,

и его бойцы при штурме Перекопа были брошены на самый трудный участок – Турецкий вал. Там они почти все и погибли. Нарком Троцкий «отблагодарил» махновцев: там, на Перекопе, по его приказу, оставшихся в живых 5 000 человек и расстреляли. Только 200 бойцов из конного отряда Марченко ушли от пули комиссара Лейбы. Не оттого ли батька Махно – по советской-то кинухе – с такой печалью и затягивал под гармонь припев грустной песни: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...».

В дни вероломного обмана Троцким он, тяжело раненный, лежал в Старобельске. Едва залечив раны, Нестор Иванович собрал отряд уцелевших от расправы бойцов и прошелся по степям Украины кровавым мечом мщения. Крушил батька комиссаров, чекистов, продотрядчиков. В последний, неравный бой отряд махновцев в 600 сабель сошелся с большевиками под Полтавой в июне 1921 года. Отряд был разбит. Махно, раненный в голову, с небольшой группой перешел румынскую границу.

Умер Нестор Иванович на чужбине, во Франции, прожив 45 лет. Умирая, он просил сделать на его памятнике скромную надпись. Так и было начертано: «Советский коммунар Нестор Махно».

P.S.

А вот песня недопетая – контрреволюционная! – при большевиках, нелюбая – экстремистская! – при демократах:

Как на быстрый Терек, на широкий берег
Вывели казаки сорок тысяч лошадей,
И покрылся берег, и покрылся берег
Сотнями порубленных, пострелянных людей.

Любо, братцы, любо, любо, братцы жить,
С нашим атаманом не приходится тужить!

Атаман наш знает, кого выбирает,
Крикнули «По коням», – позабыли про меня.
Им досталась воля и казачья доля.
Мне досталась черная, холодная земля.

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить,
С нашим атаманом не приходится тужить.
А первая пуля в лоб меня целует,
А вторая пуля да поранила коня...

Старики, старухи, дети, молодухи,
Тихо спит станица, матери не спят.
Запалил станицу, вырезал станицу
Местечковый, трехязыкий, жадный продотряд.

Любо, братцы, любо, любо, братцы жить,
С нашим атаманом не приходится тужить.

Так помянем, братцы, братьев наших верных,
Терских, оренбургских наших братьев во Христе.
То иуда Троцкий, то иуда Свердлов
Подло распинали мать-Россию на кресте.

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить,
С нашим атаманом не приходится тужить.

И все то, что было, помним все, что было,
Тяжела казацкая мертвая слеза.
Даже и в могилах, в ямах торопливых,
Нам Руси Великой забывать нельзя...

«СПОР СЛАВЯН МЕЖДУ СОБОЙ?»

В феврале-марте 1920 года нарком рабоче-крестьянской инспекции Сталин «мобилизует трудящихся на борьбу за уголь» – возглавляет Совет украинской трудовой армии. 7 марта он отдает такой приказ: «Доблестная 42-я дивизия, героически сражавшаяся с врагами России бок о бок с другими дивизиями фронта и вместе с ними разбившая наголову Доброволь-

ческую армию Деникина, ныне должна отложить в сторону оружие для того, чтобы вступить в бой с хозяйственной разрухой и обеспечить стране каменный уголь...» (*Сталин И. В.* Соч. Т. 4. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 292–293).

На IV конференции КП(б) Украины Сталин, говоря о развале в экономике, в угольной, нефтяной промышленности, называет цифры: например, в 1916 году в Донбасе работало 65 доменных печей, а к началу 1920-го – ни одной. «Необходимо развалившуюся промышленность собрать и организовать, иначе мы не вылезем из разрухи... Рабочим надоела бесхозяйственность, и они охотно примут руководство, способное навести порядок и насадить трудовую дисциплину в промышленности», – подчеркивает нарком рабоче-крестьянской инспекции (Там же. С. 294–304).

А тем временем Симон Петлюра, рванув к полякам, обрабатывает руководителя Польши пана Пилсудского выступить против большевиков – устроить совместный польско-украинский поход, а потом создать польско-украинское федеративное государство, каким была Речь Посполита при царе Горохе – «от можа до можа»!

Еще в декабре 1918 года державы Антанты определили восточную границу Польши – по этническому принципу. Это была так называемая «линия Керзона». Но поляков такой расклад не устраивал. Пока Иван бил Петра, а Петр Ивана, они оттяпали от России немалую долю украинских, белорусских и литовских земель. Совнарком, признав независимость Польши, предлагал начать мирные переговоры и в заявлении от 28 января 1920 года соглашался Литву и Белоруссию, абсолютно не польские земли, оставить полякам. Но братья-славяне замахнулись на большее, отодвигая границу до Полоцка и реки Березины.

В связи с этим мне вспоминается белорусское местечко Рось – это не-подалеку от Гродно, где дислоцировался наш истребительный авиаполк. Я с семьей снимал там комнату, точнее, веранду, где вода в ведре зимой замерзала и каждое утро лед в нем приходилось пробивать «этажом» ниже. Но жили мы дружно – русские, приехавшие из глубинки России, и наша хозяйка-полька Болеслава Францевна Российская. Почему у Болес-

лавы была такая фамилия, не знаю. Впрочем, Польша-то до революции относилась к Российской империи.

Так вот с Болеславой не раз приходилось проводить политработу. Скажем, спрашиваю, когда лучше жилось? Болеслава задумывалась и начинала перечислять: при Царе жила, при Пилсудском жила, при немцах жила... Потом твердо: «Хуже всего при Советах!» Признаться, трудно было спорить с Болеславой. Баламут Никита своими зашибальными идеями довел страну до такого состояния, что народ восстал. В Новочеркасске вышедших на демонстрацию людей расстреляли, в Череповце, на Урале, на Донбассе недовольных политикой Хруща арестовывали, тащили в тюрьмы. А он грозился догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока и «временно» так вздул цены на продтовары, что с тех пор о снижении их помнят только старики, жившие при Сталине.

А однажды мы с Болеславой здорово поспорили на тему уроков истории. Узнав, что я с женой из Киева, она объявила, что город этот польский, что раньше принадлежал Польше, о чем она проходила в школе. Дремучесть Болеславы меня возмущала! Я начинал приводить ей доказательства, цитировал наших классиков, мол, когда еще писали: «Князь Игорь и Ольга на холме сидят...» Но Болеславу никакие «холмы» не убеждали, потому что в учебнике польской истории она видела карту, на которой Киев входил в Польское государство, и, вообще, Польша «от моря и до моря».

Так что и председателю Совнаркома с паном Пилсудским спорить было бесполезно – легче было отдать полякам Белоруссию, а вдобавок и Литву. Польшу, между прочим, основательно поддерживали тогда специалисты из Антанты. Это никто не скрывал. 25 февраля 1920 года лондонская газета «Дейли телеграф» открыто сообщала: «В настоящее время польские войска экипированы гораздо лучше, но все еще нуждаются во многих вещах, которые должны быть поставлены им, особенно в машинном оборудовании и транспорте. Помощь была оказана итальянцами, американцами и некоторыми нейтральными государствами. Англичане предоставили деньги, машины и необходимый персонал, который проде-

лал большую работу в ряде отраслей. В деле реорганизации армии основная роль отведена французам».

И вот 25 апреля 1920 года польские войска без объявления войны, согласовав действия с гвардией Врангеля, вступили на Украину. 7 мая поляки захватили Киев, затем Минск, оккупировали Вильно. Самонадеянный командующий Западным фронтом Тухачевский, заверив Главковерха С. Каменева о полной боевой готовности к решающему удару по польским войскам, уже в первой, майской, операции, несмотря на превосходство сил, потерпел поражение. И опять Сталина направляют «чистить чужие конюшни» – теперь на польский фронт: «ЦК требовал от меня поездки на польский фронт в момент, когда поляки занимали Киев и Ровно, и несмотря на это, даже после освобождения Киева и Ровно ЦК заставил меня остаться на фронте...»

Будущий маршал Советского Союза К. А. Мерецков спустя годы вспоминал: «12 мая в РСФСР вновь ввели военное положение. Сворачивались занятия на командирских курсах, и молодых красных офицеров досрочно направляли в действующую армию. Опустела и наша академия. В мае большая группа слушателей была откомандирована в Харьков, где находился штаб А. И. Егорова.

До Харькова мы добирались кто как мог. Одна из групп “академиков” (как нас называли в шутку) попала в вагон, который прицепили к поезду члена Реввоенсовета фронта И. В. Сталина.

Прибыв в Харьков, мы отправились в штаб фронта. Его начальник Н. Н. Петин не пожалел для нас доброго часа. Он обстоятельно рассказал об обстановке, ввел в курс событий и упомянул, что служить мы будем в 1-й Конной армии... После чего с нами пожелал встретиться И. В. Сталин.

В комнате Сталина беседа текла дольше. Мы сидели и отвечали на вопросы, а член Реввоенсовета фронта ходил, покручивая в руках трубку, неторопливо задавал вопросы, выслушивал ответы и снова спрашивал... Однажды, уже после Великой Отечественной войны, Сталин спросил меня: “Товарищ Мерецков, а с какого времени мы, собственно говоря, знакомы?” Я напомнил ему о поезде Москва – Харьков и о май-

ской беседе 1920 года. Сталин долго смеялся, слушая, как я тогда удивился, что первый вопрос, который он задал группе генштабистов, касался того, знакомы ли мы с лошадьми. Действительно, разговор шел в тот раз сначала примерно такой:

- Умеете ли вы обращаться с лошадьми?
- Мы все прошли кавалерийскую подготовку, товарищ член Реввоенсовета.
- Следовательно, знаете, с какой ноги влезать в седло?
- А это кому как удобнее! Чудаки встречаются всюду.
- А умеете перед седловкой выбивать кулаками воздух из брюха лошади, чтобы она не надувала живот, не обманывала всадника, затягивающего подпругу?
- Вроде бы умеем.
- Учтите, товарищи, речь идет о серьезных вещах. Необходимо срочно укрепить штабы 1-й Конной армии, поэтому вас туда и посылают. Тому, кто не знает, как пахнет лошадь, в Конармии нечего делать!

Да, 26 мая 1920 года ЦК направляет Сталина на Юго-Западный фронт. В начале июня в Кременчуге он проводит совещание с командирами 1-й Конной армии, и уже 5 июня конница Буденного южнее Киева прорывает польский фронт. А 12 июня буденовцы входят в этот город. “Паны научились уважать конницу: бегут, очищая перед нами дорогу, опрокидывая друг друга”, – докладывал командарм Буденный о разгроме киевской группы польской армии. Поляки рванули из Киева.

24 июня Сталин выехал из Харькова в Синельниково – в штаб Крымского участка Юго-Западного фронта. В тот день корреспондент УкрРОСТА беседовал с ним, и вот, оценивая обстановку на польском фронте, Сталин сказал: “Было бы ошибкой думать, что с поляками на нашем фронте уже покончено. Ведь мы воюем не только с поляками, но со всей Антантой, мобилизовавшей все черные силы Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, снабжающей поляков всеми видами довольствия.

Кроме того, не надо забывать, что у поляков имеются резервы, которые уже подтянуты к Новгород-Волынску и действия которых несомненно скажутся на днях. Нет сомнения, что впереди еще будут бои,

и бои жестокие...» (<http://texts.news/deyateli-rossii-publitsistika/1920-god-meretskoy-may-1920-61663.html>)

Сталин отвечал на вопросы корреспондента, словно только и занимался разработкой боевых операций: «...я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о “марше на Варшаву”, другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на “красной советской Варшаве”...» (*Сталин И. В.* Соч. Т. 4. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 329–334).

Это было сказано за десять дней до того, как Тухачевский бросил части Западного фронта в наступление. 20 июля они форсировали Неман, 1 августа – Буг и... вперед на Варшаву!

А Сталин тогда получил от Ленина такую вот телеграмму: «Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри ЦК растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение. С Главкомом я условился, что он даст Вам больше патронов, подкреплений и аэропланов».

Вот ведь как дело-то обстояло. Лукавые от либералов биографы Тухачевского, раскручивая «победы выдающегося полководца», выпустили как-то книжечку тиражом в 100 000 экземпляров (автор Л. Раковский, редактор А. Девель, корректор И. Блиндер), и в аннотации к ней упоминается «непревзойденный марш 1920 года на Варшаву против панской Польши». Вот уж, действительно, «непревзойденный»!

В распоряжении Тухачевского тогда было столько армий, что сам Чингиз-хан позавидывал бы такому войску. До вступления в Красную Армию Мишель Тухачевский даже ротой не командовал. Ну и выдал стратегию! По его замыслам, четыре армии – 3-я, 4-я, 15-я и 16-я – должны были идти на Варшаву с севера, вместе с ними – 3-й корпус Гая. Южнее

города наступают части Т. Хвесина вместе с 58-й дивизией. А полководец Тухачевский, не шибко-то считаясь с суворовской наукой побеждать – «воюют не числом, а умением!», – требовал на подмогу себе еще две армии – 12-ю и 1-ю Конные.

Ленин торопил, писал заму Троцкого Э. Скиянскому: «Надо нажать: во что бы то ни стало взять Варшаву в 3–5 дней». Он считал, что для этого можно обойтись и без 1-й Конной: «Мобилизовать поголовно белорусских крестьян. Тогда вздуют поляков без Буденного». Но Тухачевский, находясь за сотни километров от фронта, давил на главкома: «Обстановка требует от меня немедленного принятия южных армий». И вот, получив их, тут же гонит Буденному директиву: «Командарму 1-й Конной с получением сего вывести из боя свои конные части, заняв участок от района Топоров, и к югу частями 45-й и 47-й стрелковых дивизий всей Конной армии в составе 4, 6, 11 и 14-й кавдивизий четырьмя переходами перейти в район Устилуг, Владимир-Волынский».

Конармия вела тяжелые бои за Бугом. Ее командарм доказывал, что «физически невозможно было в течение одних суток выйти из боя и совершить 100-километровый маршрут, чтобы 20 августа сосредоточиться в указанном районе. А если бы это невозможное произошло, то с выходом к Владимир-Волынскому, – объяснял Семен Михайлович Буденный, – все равно армия не смогла бы принять участие в операции против люблинской группировки противника, которая действовала в районе Бреста».

В дни, когда звучали фанфары в честь «непревзойденного полководца» Тухачевского, Сталин выступил в «Правде» с обзором событий в советско-польской войне и сделал тогда предупреждение, к которому не прислушались ни Ленин с Троцким, ни Каменев с Тухачевским. «Наши успехи на антипольских фронтах несомненны, – говорил он, отвечая на вопросы корреспондента «Правды». – Несомненно и то, что успехи эти будут развиваться. Но было бы недостойным бахвальством думать, что с поляками в основе уже покончено...

...Очевидно, врангелевский фронт является продолжением польского фронта, с той, однако, разницей, что Врангель действует в тылу наших войск, ведущих борьбу с поляками, то есть в самом опасном для нас пункте.

Смешно поэтому говорить о “марше на Варшаву” и вообще о прочности наших успехов...» (*Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 336–341*).

К Сталину не прислушались. «Спор славян между собой» продолжался...

Поляки воспользовались несогласованными действиями командования Западного фронта во главе с Тухачевским – одновременным наступлением на Варшаву и Львов – и нанесли Варшавской группировке РККА такой контрудар, после которого кампания под бодрыми лозунгами «Даешь Варшаву!», «Даешь Берлин!» была позорно проиграна. Войска генерала Желиговского снова оккупировали Вильно, кремлевские комиссары тогда запросили мира, и в Минске начались переговоры. 12 октября 1920 года в Риге с поляками было заключено перемирие, а 18 марта 1921-го – мирный договор, по которому западные украинские и белорусские земли отошли к Польше.

Тухачевский пытался оправдать свое бездарное руководство войсками в советско-польской войне: «Я ясно увидел, что моя армия состоит на 50 процентов из всякого сброда и что она не такая, какую я хотел бы иметь...»

Не лучшим образом отзывался бывший поручик и о высшем командном составе РККА. В докладной записке Ленину он писал: «У нас принято считать, что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела. На самом деле, русский офицерский корпус не обладал ни тем, ни другим качеством. В своей большей части он состоял из лиц, получивших ограниченное военное образование, совершенно забитых и лишенных всякой инициативы... Хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства». Поручик Тухачевский имел в виду, очевидно, себя.

Свое поражение в войне с поляками он пытался свалить и на Сталина. Но Сталин не стал вступать в полемику. Пустой говорильне он предпочитал трезвый взгляд на события, тщательное изучение и точный расчет. Не случайно еще за два месяца до так называемого «польского чуда

на Висле» он был единственным в партийном руководстве, кто предостерегал об опасности «марша на Варшаву».

P.S.

Председатель российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей А. Иоффе 9 января 1921 года вручил письмо председателю польской делегации Я. Домбровскому. Вот выдержка из того письма: «В лагерях по отношению к пленным широко применяются побои. Достаточно привести только несколько случаев. В Домбе были случаи избияния военнопленных офицерами польской армии; в Злочеве пленных бьют плетками из железной проволоки от электрических проводов; в Тухоли был избит комиссар 12-го полка Кузьмич; в бобруйской тюрьме одного военнопленного заставили руками чистить уборную; когда он взял лопату, так как не понял приказания, отданного по-польски, то легионер ударил его прикладом по руке, отчего он не мог поднять руки в течение трех недель. Инструкторша Мышкина, взятая в плен под Варшавой, показала, что она была изнасилована двумя офицерами, которые избили ее и отняли одежду; после этого она была брошена в тюрьму на Дзельной улице» (http://studopedia.ru/7_76275_pismo-predsdatelya-rossiysko-ukrainskoy-delegatsii-na-mirnih-peregovorah-s-polshey-predsdatelyu-polskoy-delegatsii-dombskomu.html).

Из ноты полномочного представителя РСФСР в Варшаве правительству Польши, в которой приводятся факты издевательств над красноармейцами в лагере Стшалкове:

«В ночь с 18 на 19 декабря в лагере происходило систематическое избияние российских военнопленных и граждан. Дело дошло даже до стрельбы по баракам, в результате которой ранен был спящий на нарах пленный Калита Корней. Заключенным в бараках запрещено было выходить после 6 часов вечера. Выполнить это приказание было невозможно, так как внутри барачных нет уборных. Выходящих военнопленных и интернированных избивали специально следившие за ними польские солдаты. В этом избиянии пленных принимали участие и господа офицеры польской армии; так, пленного Реуша избил обнаженной шашкой дежурный офицер, обходивший посты, причем большая часть ударов пришлась по голове. Красноармеец Бирюков, дежуривший в тот день на кухне, возвращаясь в барак, был остановлен шедшим дозором и без всяких предупреждений сильно избит прикладами. В довершение всего поздно вечером был вы-

зван наряд солдат, которые открыли стрельбу по баракам, к счастью имевшую своим печальным последствием только ранение одного военнопленного.

Еще 19 июля 1921 года в Стшалкове имел место подобный же случай избиения военнопленных и обстрела бараков, в результате которого ранены были пленные Василий Ларионов, Митрофан Викторович, Павел Колесов, Иван Житов, Тихон Бородин, Нефед Алексеев и убит выстрелом в спину военнопленный Сидоров.

По всякому поводу к пленным применяется арест, причем условия его чрезвычайно тяжелы. К арестованным насильно применяются методы прогулки, которые являются не облегчением для них, чем должна была бы быть прогулка, а обдуманной пыткой и издевательством. Арестованных ежедневно выгоняют на улицу и вместо прогулок обессиленных людей заставляют под команду бегать, приказывая падать в грязь и снова подниматься. Если пленные отказываются ложиться в грязь или если кто-нибудь из них, исполнив приказание, не может подняться, обессиленный тяжелыми условиями своего содержания, то их избивают прикладами».

А вот один из протоколов допроса наших пленных, проводимого в городе Ковно: «По поручению полномочного представителя РСФСР в Литве мною допрошен 3 декабря 1920 года бежавший из польского плена красноармеец 24-й саперной роты 24-й бригады 8-й дивизии Валуев Василий Васильевич, который показал следующее:

18 августа мы, около 1000 человек, попали в плен под г. Новоминском. После взятия нас в плен мы были расстроены по взводам. Из нашего состава выбрали коммунистов, командный состав, комиссаров и евреев, причем тут же на глазах всех красноармейцев один комиссар-еврей (фамилии и части не знаю) был избит и потом тут же расстрелян. У нас отобрали обмундирование, кто сразу не исполнял приказания легионеров, тот был избит до смерти, когда падал без чувств, тогда легионеры силой стаскивали у побитых красноармейцев сапоги и обмундирование. После мы были отправлены в лагерь Тухоль. Там лежали раненые, не перевязанные по целым неделям, на их ранах завелись черви. Много раненых умирало, каждый день хоронили по 30–35 человек. Раненые лежали в холодных бараках без пищи и медицинской помощи. Все пленные были парализованы ужасами, творящимися в лагере Тухоль. По лагерю искали коммунистов, которых отправляли неизвестно куда. Между ними были Стреганов, командир 3-го взвода 214-й саперной роты, Романов, инструктор той же роты, и много других, фамилий не знаю.

В сентябре приехал в лагерь Тухоль офицер Балаховича (фамилии не знаю), который вербовал в армию Балаховича. Во избежание ужасов, творившихся в лагере Тухоль, записалось и уехало в армию Балаховича около 4000 красноармейцев, которые по прибытии на красный фронт собирались переходить к своим.

Вышеизложенное со своих слов подтверждаю.

Валуев. Ковно, 4 декабря 1920 года.

Опрос производил (подпись)».

По данным II Отдела Генерального штаба польской армии в феврале 1919 – октябре 1920 года с Западного и Юго-Западного фронтов было взято в плен более 146 тысяч русских. В ноте полякам наркома иностранных дел РСФСР Г. Чичерина называлась еще одна цифра: 60 тысяч наших соотечественников, погибших и умерших в плену. По данным ряда исторических исследований эта цифра доходит до 83,5 тысячи.

Сохранились документы, свидетельствующие о массовых расстрелах польскими legionерами пленных русских. 300 человек были расстреляны из пулеметов по приказу Сикорского. Генерал Пясецкий приказывал русских вообще в плен не брать. Расстреливать!

Но это к слову о покаяниях от имени нашего народа.

«В ЦАРСТВЕ ПРОИЗВОЛА, НАСИЛИЯ И ГРАБЕЖА»

К началу 1921 года города и веси России охватил голод. В конце февраля восстали районы Поволжья, Западной Сибири, Украины. Настоящая крестьянская война шла на Тамбовщине. Командарм Тухачевский, готовясь к ликвидации повстанческих отрядов, вместе с Антоновым-Овсеенко разработали план, в основе которого было сочетание действий военного и чекистского характера, с одной стороны, и социально-экономических мероприятий власти – с другой.

Что касается действий чекистского характера – тут все просто. Оперштаб при Тамбовском губчека 1 сентября 1920 года издал такой приказ: «Провести к семьям восставших и укрывающих восставших беспощад-

ный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и, если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их... Сносить дома или сжигать их... Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество».

Такой приказ претворялся в жизнь без особых проблем. А как насчет социально-экономических мероприятий? Вот что вспоминает о том времени писатель-публицист Михаил Арцыбашев, свидетель и очевидец давних событий: «В этом царстве дикого произвола, насилия и грабежа от голода спасали только спекуляция и воровство, а от издевательства – только сотрудничество в ЧеКа. Поэтому спекулировали все, от глубоких старцев до маленьких детей, проституция приняла характер стихийного явления, общество переполнилось ворами, провокаторами. Ужасающее моральное разложение целых поколений молодежи было результатом превращения всего народа в бессловесный рабочий скот. А безумные декреты, углубляющие и развивающие революцию, продолжали сыпаться как из рога изобилия, все суживая права человеческой личности и углубляя разрушение жизни и государства...» (http://thelib.ru/books/vladimir_bolshakov/ostrov_rossiya-read-7.html).

И вот 1 марта на Якорной площади морской крепости Кронштадт состоялся 16-тысячный митинг. Восстал тот самый Кронштадт, который в свое время первый уверовал в большевиков. Кронштадт, который с «Авророй» во главе принял участие в ликвидации Временного правительства, дал те силы, о которые разбилось наступление Краснова – Керенского. За все это торжественно и публично Троцкий возвел Кронштадт в звание «красы и гордости революции».

На трибуне митингующих стояли комиссар Балтийского флота Н. Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета П. Васильев и М. Калинин. Кузьмину дали открыть митинг, а Калинина слушали плохо.

– Брось, Калиныч, тебе тепло... Ты столько должностей занимаешь и, поди, везде получаешь...

– Сытый голодного не разумеет!

– А ты забыл, как на Северном фронте через десятого расстреливал?

– Гони, гони его!

Кронштадтские матросы приняли тогда резолюцию, в которой, между прочим, были такие пункты: «Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства на эти цели». «Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов». «Дать полное право крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен, и управлять своими силами, то есть не пользуясь наемным трудом...»

На следующий день Ленин и Троцкий объявляют, что в Кронштадте мятеж, что резолюция митинга «черносотенно-эсеровская», и на штурм крепости стягивают войско до 50 000 штыков.

«Черносотенцы» были не согласны. Кронштадтские «Известия» выражают иную постановку вопроса, иные настроения: «Гнуснее и преступнее всего созданная коммунистами нравственная кабала: они наложили руку и на внутренний мир трудящихся, принуждая их думать только по-своему, прикрепив рабочих к станкам, создав новое рабство. Сама жизнь под властью диктатуры коммунистов стала страшнее смерти. Здесь поднято знамя восстания для освобождения от трехлетнего насилия и гнета владычества коммунистов, затмившего собою трехсотлетнее иго монархизма...»

Делегатское собрание Кронштадтской крепости избрало штаб восстания – Временный революционный комитет во главе со старшим писарем линкора «Петропавловск» Степаном Петриченко. Той же ночью коммунисты особого отдела, политотдела и трибунала беспрепятственно уходят из крепости. А в Петрограде уже всю арестовывают жен и детей тех, кто в 1917-м был передовым отрядом Октября – кронштадтских матросов и офицеров.

Как горестная исповедь – страницы архивных документов: «Свершая октябрьскую революцию, рабочий класс надеялся достичь своего раскрепощения. В результате же создано еще большее порабощение человека человеком. Все резче и резче вырисовывалось, что теперь стало совершенно очевидным, что РКП не является защитником трудящихся,

каковой она сама себя выставляла, ей чужды интересы трудового народа, и, добравшись до власти, она боится лишь потерять ее, а потому дозволены все средства: клевета, насилие, обман, убийство, месть семьям восставших».

В своем, можно сказать, предсмертном политическом завещании кронштадтцы писали: «На горьком опыте трехлетнего властвования коммунистов мы убедились, к чему приводит партийная диктатура. Немедленно на сцену выползает ряд партийных генералов, уверенных в своей непогрешимости и не брезгующих никакими средствами для проведения в жизнь своей программы, как бы она ни расходилась с интересами трудовых масс. За этими генералами неизбежно тащится свора пресмыкающихся прихвостней, не имеющих ничего общего не только с народом, но и с самой партией. Создается класс паразитов, живущих за счет масс, озабоченный своим собственным благополучием, или тех, кто обеспечивает ему обеспеченную жизнь.

И какая бы партия не стояла у власти, она не избежит роли диктатора, так как какой бы крайне социалистической она не являлась, у нее будут программные и тактические пункты, выработанные не жизнью, а созданные в стенах кабинетов. Дела идут еще хуже, когда у власти стоит не одна, а несколько партий. Тогда в межпартийной своре за преобладание у руля правления некогда думать и заботиться о трудящихся...»

За три года перед этим, 4 января 1918 года, Учредительное собрание, просуществовавшее, как известно, всего один день, устами своего председателя торжественно заявило, что всякий крупный свой акт оно готово передать на проверочное поголовное голосование всей России и перед этим приговором самого народа предлагает преклониться всем партиям. Упрочению в России народовластия на таких началах большевикам удалось тогда воспрепятствовать не без помощи кронштадтцев. Теперь они, прозревшие, завещают России:

«Труженики сами по себе уже социалисты, и никакие партии не дадут им того Царства Социализма, которое рабочие и крестьяне заслужили своим мученическим долготерпением и страданиями и которого они добьются упорной неустанной борьбой за освобождение от всякого гнета.

Вот почему на знамени восставшего Кронштадта написан лозунг «Власть Советам, а не партиям!»» (<http://fb2.booksgid.com/content/9B/v-naumov-kronshtadt-1921/64.html>).

Были и обращения мятежных кронштадтцев к Троцкому. «Слушай, Троцкий! – писали они одному из вождей Великого Октября. – Нам нечего было бояться. Граждане знают, как произошел переворот и кем он сделан. Рабочие и красноармейцы знают, что среди гарнизона нет ни царских генералов, ни белогвардейцев. Со своей стороны и Временный революционный комитет отправил в Петроград радио с требованием освободить из переполненных тюрем взятых коммунистами заложников – рабочих, матросов и их семьи, а также политических заключенных.

Во втором радио мы предложили прислать к нам в Кронштадт беспартийных делегатов, которые, видя на месте ход событий, могли бы открыть глаза питерскому трудовому населению.

Что же сделали коммунисты?

Они скрыли это радио от рабочих и красноармейцев. Перешедшие на нашу сторону части войск фельдмаршала Троцкого привезли нам петроградские газеты, и в них ни слова о наших радио! А давно ли эти шулера, привыкшие играть краплеными картами, кричали, что от народа не должно быть никаких тайн, даже дипломатических?

Слушай, Троцкий! Ты можешь, пока не ушел от народного суда, расстреливать невинных целыми пачками, но правды расстрелять нельзя».

18 марта Кронштадт пал. Там сразу расстреляли 2 103 человека. Еще 1 400 заложников казнили в Питере и Ораниенбауме. 5 000 отправили в северные лагеря, где они все погибли.

Пока еще только три с половиной года длился в России безумный опыт: уничтожали частную торговлю, свободную кооперацию, горожан расстреливали за покупку продуктов у крестьян, крестьян – за продажу их горожанам. Города были обречены на голод, деревня – на ограбление. Свободный товарообмен был заменен реквизициями, конфискациями. Появились продотряды, специальные чека, ревтрибуналы. Шла дикая, небывалая война с деревней.

Да, деревенских мужиков из пушек расстреливать – много ли ума надо. В октябре 1920-го из 15–20 тысяч повстанцев Тамбовской губернии оружие имели только 2,5–3 тысячи; в январе 1921-го пропорционально – 6,5–7,5 тысячи. А у Тухачевского, тогда командующего войсками Тамбовской губернии, было 32,5 тысячи штыков, 8 тысяч сабель, 463 пулемета и 63 орудия. Мало того, он потребовал против крестьян и броневики, и бронепоезда, и авиацию.

27 апреля 1921 года Политбюро ЦК РКП (б) дало Тухачевскому месяц на ликвидацию тамбовских мужиков. Полководец старался. 11 июня 1921 года он и Антонов-Овсеенко подписали приказ, по которому практически можно было расстрелять все население Тамбовской губернии.

«1. Граждан, отказавшихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью Уполиткомиссий или Райполиткомиссий объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и выселению из губернии и имущество конфисковывается. Старший работник в этой семье расстреливается без суда на месте.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматриваются как бандитские, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель полномочной комиссии

Антонов-Овсеенко

Командующий войсками

Тухачевский.

Приказ прочесть на сельских сходах».

А вот приказ № 0116 от 12 июня 1921 года:

«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский

Начштаба Какурин» (<http://www.online812.ru/2012/03/30/010/>).

В июле Ленин запросил: «Как дела у Тухачевского? Все еще не поймал Антонова?» Тот ответил, мол, все в порядке, мятеж ликвидирован. А на поверку выходит, что слукавил Михаил Николаевич: 1-я армия крестьянских повстанцев ушла на Дон, и с ней пришлось воевать войскам Воронежской губернии. Сам же Антонов со своей тысячей держался в Тамбовской губернии аж до 1922 года.

Так в зареве крестьянских восстаний, под грохот кронштадтских орудий большевики отработывают назад – они были вынуждены отказаться от «разверстки» – дани на население деревни. Ленин принял решение о «повороте» к нэпу: «Если мы сейчас же, сегодня же ночью, по телеграфу, не известим о перемене курса, мы погибли!»

Так гром кронштадтских пушек вызвал рождение нэпа. Это было последним средством спасти партийную диктатуру.

Однако провозглашением нэпа бедствия, голод, террор в стране не прекращались. На беде, горе народном, как на дрожжах, поднялись очень богатые люди – нэпманы, вроде нынешних «новых русских». Они богатели путем жульнических махинаций, мошенничества, спекуляции. Росла рать их обслуги, чиновников. Этих так называемых совслужащих стало

в 10 раз больше, чем их было до революции. Равно, как нынче: офисных сидельцев, чинуш, бюрократов в РФ расплодилось в 10 раз больше, чем в бывших 15 республиках Советского Союза.

Полный сарказма очерк Марины Цветаевой «Мои службы» передает обстановку тех давних лет: «13-го ноября (хорош день для начала!), Поварская, дом гр. Соллогуба, “Информационный отдел Комиссариата по делам национальностей”.

Латыши, евреи, грузины, эстонцы, “мусульмане”, какие-то “Мара-Мара”, “Эн-Дунья” – и все это, мужчины и женщины, в куцавейках, с нечеловеческими (национальными) носами и ртами.

А я-то всегда чувствовавшая себя недостойной этих очагов (усыпальниц!) Рода.

(Говорю о домах с колонистами и о своей робости перед ними.)

14-го ноября, второй день службы.

Странная служба! Приходишь, упираешься локтями в стол (кулаками в скулы) и ломаешь себе голову: чем бы таким заняться, чтобы время прошло? Когда я прошу у заведующего работы, я замечаю в нем злобу.

Пишу в розовой зале, розовой сплошь.

Мраморные ниши окон, две огромных завешенных люстры. Мелкие вещи (вроде мебели!) исчезли.

15-го ноября, третий день службы.

Составляю архив газетных вырезок, то есть: излагаю своими словами Стеклова, Керженцева, отчеты о военнопленных, продвижение Красной Армии и т. д. Излагаю раз, излагаю два, переписываю с “журнала газетных вырезок” на “карточки”, потом наклеиваю эти вырезки на огромные листы. Газеты тонкие, шрифт еле заметный, а еще надписи лиловым карандашом, а еще клей, – это совершенно бесполезно и рассыпается в прах еще раньше, чем сожгут.

Здесь есть столы: эстонский, латышский, финляндский, молдаванский, мусульманский, еврейский и несколько совсем нечленораздельных.

Каждый стол с утра получает свою порцию вырезок, которую затем, в течение всего дня, и обрабатывает. Мне все эти вырезки, подклейки и наклейки представляются в виде бесконечных и исхищеннейших вариаций на одну и ту же, очень скудную тему. Точно у композитора хватило пороку ровно на одну музыкальную фразу, а исписать нужно было стоп тридцать нотной бумаги, – вот и варьирует: варьируем.

Забыла еще столы польский и бессарабский. Я, не без основания, «русский» (помощник не то секретаря, не то заведующего).

Каждый стол – чудовищен.

Слева от меня – две грязных унылых еврейки, вроде селедок, вне возраста. Дальше: красная, белокурая – тоже страшная, как человек, ставший колбасой, – латышка: “Я эфо знала, такой миленький. Он участвовал в загофоре, и эфо теперь пригофорили к расстрелу. Чик-чик”... И возбужденно хихикает. В красной шали. Ярко-розовый жирный вырез шей» (<http://lib.ru/POEZIQ/CWETAEWA/sluzhby.txt>).

Установку на это «чик-чик», кроме Троцкого и Свердлова, давал и Ильич (у него это неплохо получалось). В 1921 году в письме Сокольникову он, как и в 1918-м, когда призывал к «массовидности террора», писал: «Новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар». И в январе 1922-го летят уже конкретные указания Уншлихту: «Гласность ревтрибуналов не обязательна. Состав их усилить Вашими людьми, усилить их всяческую связь с ВЧК, усильте быстроту и силу их репрессий».

А вот, можно сказать, любезное обращение тов. Ленина к тов. Каменеву: «Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-нибудь!» Это из-за печатания его «Тезисов о внешней торговле». Ильич дал срок на ту работу 2–3 дня, а печатание по какой-то причине задержалось. Ну, почему тов. Каменев не посадит кого-нибудь в тюрьму? Да лучше бы и расстрелять. Как просто решались такие вопросы в 1918-м: «Расстреливать никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты!» – это из телеграммы Ильича в Саратов тов. Пайкесу. Или вот в Пензенский губисполком: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, по-

пов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении».

Те концлагеря, созданные по указаниям Свердлова и Ленина еще в первые месяцы 1918 года, с введением нэпа усилились Северными лагерями особого назначения (СЛОН). Архангельск, Холмогоры, затем Соловецкие острова – лагеря смерти... Выживший в одном из таких лагерей ээк А. Клиnger рассказывал, как там казнили людей. Каждый день отбирали 200 человек для расстрела. В Холмогорах только за январь-февраль расстреляли 11 000 человек. Это были казаки с Кубани и Дона, кронштадтцы, женщины, дети и старики из мест крестьянских восстаний.

Вот как дело-то обстояло. Вот откуда пошел пресловутый ГУЛАГ. Не Сталин его создавал. Лейба Троцкий ратовал за милитаризацию труда, формирование трудовых армий, в которые загонять и силой держать рабочих и крестьян, ну а недовольных такой жизнью – в концлагеря! Всю Россию Лейба мечтал превратить в единое государство – ГУЛАГ. Так что Сталин здесь не при чем.

Средствами массовой дезинформации русскоязычные либералы и демократы с двойным да тройным гражданством беззастенчиво охмыляют людей, уводят от правды, приписывая Сталину террор и геноцид русского народа. Никак нет! Теоретиками-то и практиками злодеяний в России были Ленин, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Бухарин, Урицкий, Дзержинский... Это они развязали террор сразу после захвата власти. С введением нэпа за два года, к марту 1923-го, только донских казаков было истреблено 2 500 000. А вся цена трагедии России с 1918 года по 1924-й – это около 24 миллионов человек.

И все же с введением нэпа в стране началось восстановление хозяйственных связей, транспортной системы, оживилась торговля. На повестку дня стал вопрос восстановления России, ее единства. Сталин уже в Туруханской ссылке пришел к пониманию строительства национально-русского государства, более всего отвечающего предназначению в жизни страны великого русского народа. Так что России в новом политическом качестве, как любой уважающей себя державе,

предстояло выработать и принять Конституцию. В связи с этим в августе 1922-го была создана Комиссия ЦК РКП(б) по проекту Конституции, председателем которой стал Сталин.

Именно Сталин разработал проект Конституции, по которому Украина, Белоруссия, Грузия и другие республики должны были вступить в состав РСФСР. Им предоставлялась автономия по многим направлениям общественной жизни – культурной, юридической, социальной, хозяйственной, но без права на отделение. То есть Россия не теряла своей исторической целостности. Но Ленин любое движение в сторону ее единства под знаменем русского народа клеймил «великорусским шовинизмом». В 1920 году он и Троцкий начали ликвидировать губернии и создавать национальные образования. Это была мина замедленного действия под великую единую державу.

В конце сентября Ильичу стало лучше, он оправился после инсульта и написал членам Политбюро послание, в котором настаивал на определении бывшей России как «Союза советских республик Европы и Азии». Тогда же Ильич вызвал на ковер Сталина, который не соглашался с ним, и членам Политбюро направил возражение со своими доводами.

В конце концов он уступил центральной власти, – был выработан компромиссный вариант. Часть полномочий республики передавали центральной власти, над республиканскими должны были стоять федеральные власти. И все же Сталин был убежден, что федерализм – это временная переходная фаза государственности, что будущее за унитарным государством, и ленинскую позицию назвал «национальным либерализмом».

30 декабря 1922 года собрался I Съезд Советов, на нем были приняты Декларация и Договор об образовании СССР. Ильич на съезде не присутствовал ввиду болезни, находился в Горках (это там, где в конце века с глубокого похмелья «работал с документами» верный ленинец Ельцин).

А вождь мирового пролетариата в Горках диктовал ряд писем и статей, в том числе соображений по вопросу «о национальностях». Тут он отвел душу, будь здоров! Досталось и «великой нации» – это русским, и Сталину. Вот Ильич диктует: «Грузин... который сам является настоящим и истинным не только социал-националистом, но и грубым велико-

русским держимордой, нарушающим интересы пролетарской классовой солидарности...». При этом он сетовал, что СССР создали все-таки не по его хотению, мол, несмотря на «пустую бумажку о свободе выхода из союза», слишком много функций осталось за центральным союзным правительством, что в аппарате такого правительства «ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в море шовинистической великорусской швали как муха в молоке».

Да уж. Тех «советских и советизированных рабочих» в 1921 году Ильич отыскивал сначала в еврейском «Бунде» и содействовал «бундовцам» в их вхождении в РКП(б), а в 1922-м в партию вошла и еврейская националистическая организация «Поалей-Цион» (у этих вообще была бредовая идея – соединение социализма с сионизмом!).

И вот результат: в 1921–1922 годах из пяти членов Политбюро трое – евреи. В ЦК партии около половины оказались тоже инородцами. К примеру, ленинским комсомолом сначала руководил, как бы нынче сказали, россиянин О. Ривкин, потом Л. Шацкий...

Наступил 1924 год, и в начале его Ильич умер. Все, что касается периода его болезни – с мая 1922-го и до смерти – писано-переписано. В школе, помню, мы проходили так называемые «ленинские уроки», на которых рассказывали, как Ленин был маленький, ходил в валенках и «катался с горки ледяной». И как потом, после революции, враги советской власти решили его убить – стреляли «отравленными пулями». Нынче в гимназиях обходятся без «ленинских уроков», а по системе ЕГЭ можно даже вычислить, кто стрелял в Ильича. Скажем, дано: Чубайс, Черномырдин или Фаня Каплан. Угадай с трех раз!

Пулю Ильичу вытащили, но опять беда – на почве склероза у него начали отказывать правая рука, правая нога, речь стала путанной. Пленум ЦК назначил тогда Сталина персонально ответственным за соблюдение режима товарища Ленина, установленного врачами. Было еще и такое решение Политбюро: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5–10 минут, но это не должно носить характер переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру

Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Но возникла Крупская: «Я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина» (http://grachev62.narod.ru/stalin/t16/t16_ap06.htm).

21 декабря она записывает под диктовку письмо Ленина Лейбе Троцкому. Сталин по телефону пригрозил «Миноге» (это была партийная кличка Крупской) Контрольной комиссией, сделал выговор за нарушение партийной дисциплины. Как потом вспоминала Мария Ильинична, сестра Ленина, Надежда Константиновна устраивала дикие сцены, «была не похожа на себя, рыдала, каталась по полу». Ленин тогда продиктовал Сталину письмо с требованием извиниться перед его боевой подругой, что тот и сделал.

Было еще «Письмо к съезду», в котором Ильич обвиняет Сталина в грубости, написал, что в должности генсека это недопустимо. Сталин выпады Ильича воспринял спокойно: «Это не Ленин говорит – это болезнь его говорит».

В архиве ЦК КПСС хранилась записка М. И. Ульяновой, которая должна была прозвучать на пленуме ЦК в защиту Сталина. Вот ее содержание: «Ввиду систематических нападков на тов. Сталина со стороны оппозиционного меньшинства ЦК и непрекращающихся утверждений о чуть ли не полном разрыве со Сталиным со стороны Ленина, я считаю себя обязанной сказать несколько слов об отношении Ленина к Сталину, ибо все последнее время жизни В. И. я была с ним.

Влад. Ильич чрезвычайно ценил Сталина, и притом настолько, что и во время первого удара, и во время второго удара В. И. обращался к Сталину с самыми интимными поручениями, подчеркивая при этом, что он обращается именно к Сталину.

Вообще в самые тяжелые моменты болезни В. И. не вызывал ни одного из членов ЦК и ни с кем не хотел видиться, вызывая лишь Сталина. Таким образом, спекуляция на том, что В. И. относился к Сталину хуже, чем к другим, является прямой противоположностью по отношению к истине...» (http://his95.narod.ru/doc19/dc22_24.htm).

Мария Ильинична Ульянова рассказывала, как после болезни Ленин, когда он пошел, было, на поправку, радовался встречам со Сталиным: «...Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр.»

Вот еще ее оценка Сталина, чего российские либералы как бы не замечают: «После Ленина в партии самый умный человек Сталин...»

Но между тем Ленин, понимая, что дни его сочтены, что вождем мирового пролетариата ему скоро уже не быть, в «Письме к съезду» под орех разделявает всех претендентов на его место. Все должны были понять, что его заменить не может никто.

По поводу этого «Письма» – якобы завещания Ильича большевикам – вот уже сколько лет никак не успокоятся ни историки, выпорхнувшие из-под крылышка троцкиста Хрущева в годы так называемого «потепления», ни нынешняя братва – хор холеных, хорошо оплачиваемых антисталинистов. Вон Радзинский, как чешет о Сталине с телеэкрана, как голосовыми-то связками играет – заслушаешься! На его книжечки эшелоны леса ушли. А на книгу фронтовика, профессора Литературного института Михаила Петровича Лобанова таких денег не нашлось...

Но ее все-таки издали. На дешевой газетной бумаге она вышла в серии «Тайные страницы истории» и сразу стала книжным раритетом. Приведу по ней выдержку из речи товарища Сталина на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 23 октября 1927 года. Сталин тогда прямо и откровенно повел разговор о том ленинском «Письме»:

«Вопрос о “завещании” Ленина стоял у нас – если не ошибаюсь – еще в 1924 году... Говорят, что в этом “завещании” товарищ Ленин предлагал съезду ввиду “грубости” Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил пленум освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация

обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и, когда партия обязывает, я должен подчиняться.

Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту.

Что же я мог еще сделать?

Что касается опубликования “завещания”, то съезд решил его не опубликовывать, так как оно было адресовано на имя съезда и не было предназначено для печати.

У нас имеется решение пленума ЦК и ЦКК в 1926 году о том, чтобы испросить разрешение у XV Съезда на напечатание этого документа. У нас имеется решение того же пленума ЦК и ЦКК о напечатании других писем Ленина, где Ленин отмечает ошибки Каменева и Зиновьева перед Октябрьским восстанием и требует их исключения из партии.

Ясно, что разговоры о том, что партия прячет эти документы, являются гнусной клеветой. Сюда относятся и такие документы, как письма Ленина о необходимости исключения из партии Зиновьева и Каменева. Не бывало никогда, чтобы большевистская партия, чтобы ЦК большевистской партии боялись правды. Сила большевистской партии именно в том и состоит, что она не боится правды и смотрит ей прямо в глаза.

Оппозиция старается козырять “завещанием” Ленина. Но стоит только прочесть это “завещание”, чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, “завещание” Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции.

В самом деле, это факт, что Ленин в своем “завещании” обвиняет Троцкого в “небольшевизме”, а насчет ошибки Каменева и Зиновьева во время Октября говорит, что эта ошибка не является “случайностью”. Что это значит? А это значит, что политически нельзя доверять ни Троцкому, который страдает “небольшевизмом”, ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются “случайностью” и которые могут и должны повториться.

Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в “завещании” насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина...» (http://grachev62.narod.ru/stalin/t10/t10_08.htm)

Известный русский писатель Владимир Солоухин в книге «Последняя ступень» пишет, что оставил Ильич в наследство Сталину: «...все было сделано, все расставлено по местам. Основные государственные органы подавления, руководства, власти находились в руках Интернационала. ЧК (в дальнейшем ОГПУ, НКВД, КГБ), армию и ЦК возглавляли и не только возглавляли, но и контролировали на всех средних инстанциях интернационалисты. К моменту смерти Ленина в этих трех основных государственных институтах в центре, то есть особенно в ЦК, ЧК и генеральном штабе, на уровне высшего руководства, средних руководителей, а равно и на местах, в губерниях, позднее в областях, равно и в военных округах, все руководящие нити находились, мягко сказать, не в русских руках. В тех же самых руках и все средства массовой информации, все газеты, журналы, книжные издательства, от главного редактора до заведующего хозяйственной частью, от Мехлисов, Авербахов, Кольцовых, Стекловых до Богорадов вся пресса, литературная критика, радио, все второстепенные государственные институты вроде профсоюзов, министерств, главков, трестов, торговли, медицины, педагогики – все было занято и захвачено, все было пронизано, все крепко держалось в руках».

Ну вот несколько фамилий «мягко сказать»: Троцкий (Бронштейн), Свердлов (Гаухман), Каменев (Розенфельд), Зиновьев (Апфельбаум), Стеклов (Нахамкес), Радек (Собельсон), Володарский (Гольдштейн), Рязанов (Гольденбах), Ларин (Лурье), Горев (Гольдман), Камков (Кац), Бобров (Натансон), Черноморский (Черномордник), Маклаковский (Розенблюм), Солнцев (Блейхман), Луначарский (Мандельштам), Ярославский (Губельман)...

Не прячась за чужие фамилии, элиту рабоче-крестьянской республики представляли господа-товарищи: Аранович, Рабинович, Рафалович, Смилович, Кальманович, Ривкин, Хейнкин, Фрумкин, Фридкин, Малкин, Ха-

скин, Кауфман, Фейерман, Глузман, Шенкман, Берман, Гохман, Шушман, Шотман, Шпицберг, Штейнберг, Гронберг, Ландер, Познер, Шнейдер, Ливенсон, Либерзон, Михельсон, Мартинсон, Фенигштейн, Шлихтер, Шредер, Розенталь, Ландау, Слуцкий, Дретлинг, Ширвин, Хайтис, Закхейм, Шмуклер, Рутгаузен, Крейнис, Альперович, Гольдблат, Лифшиц...

«Согласно этому списку главных большевистских вожakov, владычествующих полновластно и бесконтрольно над Россией, состоит 545 человек, – пишет Ф. Винберг, автор книги «Крестный путь», изданной в 1922 году в Мюнхене, и тут же отмечает: – Из них 447 – евреев». Унылое однообразие правителей рабоче-крестьянской республики – по Окуджаве «комиссаров в пыльных шлемах», а точнее, в черных кожаных куртках и при маузерах на ремнях.

В число владычествующих вошли и специалисты, без которых не обходится ни одна власть. В белокаменной, по списку, увидевшему свет в Нью-Йорке в 1920 году, значились члены Чрезвычайной Комиссии во главе с Дзержинским (наст. фам. Фрумкин): Ривкин, Циткин, Блюмкин, Лентович, Размирович, Александрович, Хайкина, Шкловский, Кнейфис, Цейстин, Кронберг, Бизенский, Рейтенберг, Финес, Закс, Гольдин, Гальперштейн, Книгиссен, Либерт, Модель.

В сборнике «На чужой стороне» (выпуск XI, 1925 г.) опубликованы материалы «Особой Следственной Комиссии на юге России», где приводится список командных должностей в Киевской «чрезвычайке»: Блувштейн, Финкельштейн, Гринштейн, Фаерман, Шварцман, Рабичев, Ганиотский, Цвибак, Шуб, Кац, Каган, Манькин.

Такая вот получалась диспозиция в противостоянии сторон, скажем, всемирного Интернационала и одного человека в одной отдельно взятой стране.

P.S.

«Теперь еврей – во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма

самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом».

Биккерман И. Россия и евреи. Воронеж, 1923.

«Десятки миллионов людей были уничтожены с тех пор, как еврейские сионисты-большевики, опирающиеся на просионистских международных евреев-банкиров, захватили Россию».

Бернштейн Д. Бегство в «рай» и обратно. М., 2003.

«Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России – грех, который в себе самом носит уже возмездие, ибо какое может быть большее несчастье для народа, чем видеть своих сынов беспутными, – не только вменяется нам в вину, но и толкуется как проявление нашей силы, как еврейское засилье... Все, положительно все страны и народы заливаются волнами юдофобии, нагоняемыми бурей, опрокинувшей Русскую державу.

Обращение «Отечественного объединения русских евреев за границей». Берлин, 1923 г.

НАРОД ПОВЕРИЛ СТАЛИНУ

После смерти Ленина на место нового вождя «пролетариев всех стран» на форсаже пер Лейба Троцкий. Он носился со своей теорией перманентной революции, требовал многопартийности, втягивал партию в дискуссии. В 1922 году избранный генеральным секретарем ЦК РКП(б) Сталин решительно выступил против троцкистского уклона. «Этот уклон, – заявил он, – ведет к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату к комбедовской политики раскулачивания, к провозглашению, стало быть, новой гражданской войны в нашей стране и, таким образом, к срыву всей нашей строительной работы». В своих интересах его под-

держали Зиновьев и Каменев. Разъяренные нападками на них Троцкого в его «Уроках Октября», они потребовали исключить Лейбу из партии.

На XIII партийном съезде в мае 1924 года Троцкий потребовал, чтобы его платформа была поставлена на голосование. 748 большевиков единодушно проголосовали против притязаний Лейбы на власть. Позже в «Моей жизни» он напишет: «Партийная борьба развивалась с нарастающей интенсивностью. Осенью оппозиция произвела открытую вылазку на партийных собраниях». Номер, однако, не вышел – попытку троцкистов внести разложение в ряды партии большевики заклеямили. На общепартийной дискуссии, навязанной Троцким, 724 тысячи голоса против 4 тысяч отвергли его платформу и высказались за руководство Сталина. Троцкого, заодно Каменева и Зиновьева, октябрьский пленум вывел из состава Политбюро.

Радек-Собельсон прошелся тогда по поводу Сталина, мол, чем он отличается от Моисея? И уточнил: «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из Политбюро». Намек болтливому Радеку Сталин отфутболил, как всегда коротко и твердо: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры».

Разгром оппозиции, в рядах которой большинство были инородцы, укрепил авторитет Сталина. Но, заметим, они не затерялись, не спешили добровольно покидать политическую арену. В 1926-м членом Политбюро стал Лазарь Каганович, наркомат земледелия возглавил Эпштейн-Лазарев, совхозный центр – Моисей Калманович, колхозный – Калинин. Полями Равнины Русской занялись такие специалисты, как Карл Бауман, Иосиф Варейкис. У них за полгода в колхозах оказались с 6 до 80 и с 3 до 70 % крестьян. Понятно, не без помощи товарищей из карательных органов, которые оказались в руках Еноха Иегуды (Ягоды). Наркомом иностранных дел стал Мейер Мовшевич Валлах-Финкельштейн (Литвинов), главным в политуправлении армии – Яков Пудикович Гамарник.

И вот декабрь 1925-го. На XIV партийном съезде Сталин уже говорит о необходимости создания экономической базы в стране, что обеспечит ее самостоятельность, укрепит обороноспособность: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить

своими собственными силами необходимое оборудование, – вот в чем суть, основа нашей генеральной линии». Главным для Сталина было желание увидеть свою страну могучей, высокоразвитой, независимой индустриальной державой.

Сталинскому плану Зиновьев и Каменев противопоставили предательский план закабаления СССР Западом, мол, советской России вполне достаточно оставаться аграрной страной. Сталин разгромил капитулянтов, обосновал линию партии на социалистическую индустриализацию, борьбу за победу социализма в СССР, и съезд утвердил этот курс в качестве основной партийной задачи.

Тогда оппозиция во главе с Троцким стала готовиться к открытому выступлению. 7 ноября, в день десятой годовщины большевистской революции, должен был произойти тот путч. Заметим, еще при жизни Ленина Сталин понимал тайный смысл революции, особую заинтересованность в ней еврейской нации. Он предчувствовал опасность навязываемой Троцким революции «перманентной», в которую нынче под лозунгами «глобализации» втягивает нас мировой капитал.

И вот сторонники Троцкого, Зиновьева и Каменева объединились и вывели на улицу кучку студентов, большинство – из евреев. Их встретили рабочие, которые с утра шли по улицам Москвы на демонстрацию, они и разогнали крикливых юнцов с троцкистскими лозунгами. Спецотряды гвардии Троцкого, ждавшие сигнала к путчу, были арестованы. В белокаменной арестовали Каменева и Пятакова, в Питере – Зиновьева и Радека. А Лейба тогда был исключен из партии и в январе 1928 года выслан в Алма-Ату. В ссылке Троцкий продолжал свою подрывную антисоветскую деятельность, так что спустя год его выгнали из Советского Союза.

К тому времени сформировалась так называемая правая оппозиция во главе с Бухариным. Хитрый Коля предусмотрительно отказался от участия в открытом путче. Он руководил Институтом красной профессуры, считал себя, а не Троцкого теоретиком и вождем оппозиции. Отобрав команду из студентов, «Бухарчик» принялся обучать их технике заговора.



Сталин в рабочем кабинете. Апрель 1932 г.

А страна вступала в первую пятилетку. В планах ее индустриализации, создания отраслей народного хозяйства в первую очередь стояли электроэнергетика (план ГОЭЛРО), авиационная промышленность, тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, автомобильная промышленность, станкостроение, создание отраслей, способных обеспечить защиту государства и народа.

В послереволюционной России насчитывалось около 25 миллионов мелких крестьянских хозяйств. Дробление их продолжалось, и становилось ясно, что армия и города могли очутиться перед лицом голода. И тогда, в 1927 году, Сталин намечает выход из угрожающего народному хозяйству положения – объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные на основе общественной товарищеской обработки земли с применением в таких хозяйствах тракторов и современных сельскохозяйственных машин. Так в самый разгар создания социалистической индустрии встала грандиозная задача – коллективизация сельского хозяйства. Именно тогда страна получила установку на плановую организацию всего народного хозяйства.

Все это требовало крайнего напряжения и без того измученного, уставшего от войн и разрухи народа. Вот на этом-то и готовился сыграть «Бухарчик» с группой из правящей верхушки, в которую вошли Рыков, Томский, Пятаков, агенты Торгпрома, да и Каменев с Зиновьевым, лишённые постов, но не яростной тяги к власти.

Позже, на суде, Бухарин рассказывал, как он разрабатывал программу «правой оппозиции»: «Если формулировать практически мою программную установку, то это будет в отношении экономики – государственный капитализм, хозяйственный мужик-индивидуал, сокращение колхозов, иностранные концессии, уступка монополии внешней торговли и результат – капитализация страны...» Вот он, предтеча нынешних реформаторов! То-то его именем, как с заповедным камнем, носятся демократы. Куда до него Толику Чубайсу с его «ваучерами» – так, наперсточник...

Но тогда «Бухарчика» не поняли, и в начале 1929 года состоялось объединённое заседание Политбюро ЦК и Президиума Центральной Контрольной комиссии ВКП(б). Выступал Сталин. Не скрывая стоя-

щие перед страной трудности, он решительно клеймил заговорщиков из «правой оппозиции» – защитников капитализма: «Чтобы провести план массового движения за колхозы и совхозы... необходимо, прежде всего, чтобы партийную верхушку поддержала в этом деле в первую очередь партия в своей массе. А партия у нас – миллионы, как известно. Следовательно, нужно убедить широкие партийные массы в правильности политики руководящей верхушки».

Разгром троцкистско-зиновьевского блока сплотил ряды партии в решении задач Первой пятилетки. Их по праву будут называть «сталинскими». А вот «мировое сообщество» – мировое финансовое закулирье, олигархи и нещадные грабители колоний – не слишком-то приветствовали «планов громадьё» новой России. Их она больше устраивала как сырьевой источник, как полуколониальная, зависимая от Запада страна с сохой и телегой. И тогда Сталин, указав задачи Первой пятилетки, прямо сказал, что если мы за 10 лет не пройдем путь, на который иным странам потребовалось 100 лет, то нас уничтожат.

Сейчас, когда люди живут без высоких нравственных идеалов, в тяжелой государственной и общественной анемии, когда всяк за себя, трудно представить, как это: подняться всем на общее великое дело. Однако было. Народ поверил Сталину, его планам и с энтузиазмом приступил к решению грандиозных задач.

Лето 1929-го. Вспоминает маршал Буденный: «Мы, члены Реввоенсовета, были приглашены в ЦК. Нарком К. Е. Ворошилов докладывал наши соображения о коренной технической реконструкции Красной Армии.

Сталин в основном одобрил наши предложения.

– Ваши специалисты хорошо потрудились, – сказал он. – Расчеты произведены со знанием дела, с учетом большой перспективы. Можете не сомневаться – советский народ даст своей Красной Армии все необходимое для разгрома любого врага. – Сталин помолчал. – И все же кое-что не учтено. Вы упускаете один очень существенный момент. Скоро в войска начнет поступать в большом количестве новая техника. Готовы ли красноармейцы принять ее? Задача состоит в том, чтобы в короткий срок овладеть ею. Рабочие не жалея сил создадут грозную машину – танк, са-

молет. А в чьи руки она попадет? Не получится так, что через несколько дней танк превратится в грудку безжизненного, бесполезного для вас металла? Подумайте об этом. Общеобразовательный уровень молодежи, конечно, поднялся, но недостаточно. Еще много малограмотных, есть и совершенно неграмотные – вам это лучше знать.

– Есть, – согласился Климент Ефремович. – Ликбезы в армии продолжают действовать.

– Русские крестьяне, – вновь заговорил Сталин, выслушав Ворошилова, – непосредственно не сталкивались с машинами на протяжении всей истории русского государства. Машина будет ломать не только старую экономику, старые хозяйственные отношения, но и психику людей. Главная задача всей партии на ближайшее время – поднимать народ на овладение техникой. Старый лозунг “Техника в период реконструкции решает все” партия заменяет новым: “Решают все кадры, овладевшие техникой”.

Сталин прошелся по кабинету.

– Подумайте вот над чем. С техникой меняются тактика и оперативное искусство. Надо заново переучивать всю армию. Как, где будет обучаться высший комсостав? Как организуете подготовку среднего? А командиры отделения? Подумайте над вопросами наиболее полного использования техники... На очереди овладение воздушным океаном для переброски по воздуху грузов. Вполне реальная перспектива – высадки, а может быть, и выброски десантов. Преимущества очевидны: быстрота, внезапность, снимается зависимость от дорог.

– И овса не нужно, – заметил Орджоникидзе, лукаво взглянув на меня.

– Авиация не отменяет кавалерию, – усмехнулся в усы Сталин. – А вопросы взаимодействия авиации и кавалерии, взаимодействия всех родов войск в связи с появлением нового оружия приобретают особо важное значение.

После совещания у Сталина Центральный Комитет 15 июля 1929 года принял постановление “О состоянии обороны СССР”.

В то лето экипаж самолета «Страна Советов» совершал перелет по маршруту Москва – Нью-Йорк. Наперекор разбушевавшейся стихии этот

самолет, сконструированный и построенный из советских материалов, с советским мотором, преодолел все испытания и потряс американцев. В то же время летчик М. Громов прошел по маршруту Москва – Берлин – Париж – Лондон – Рим – Москва. И тоже на нашем, отечественном самолете. Это ли не гордость народа страны Советов!

Сейчас страна под названием РФ занимает первое место в мире по числу авиакатастроф. 20 лет кремлевские чиновники повторяли: «У нас все под контролем. Все схвачено!» И вот при расследовании катастроф комиссии старательно ищут теперь так называемый «человеческий фактор», мол, во всем пилоты виноваты. Полно-те. За 20 лет Великой капиталистической революции народ разучился творить, ему незнакомо слово созидание – мы утратили промышленные навыки, разучились, дисквалифицировались. Старики устали, уходят из жизни, среднего поколения нет – это люди офисов, сидельцы с импортным словечком в дипломах – менеджер! Ну, а молодежь просто ничего не умеет делать – их просто ничему не учили, не передали им дедовы технические навыки, а философия безделья усваивается куда как быстрее и охотнее, чем философия упорного труда.

За 20 лет в стране потеряны целые отрасли, определяющие научно-технический прогресс. Это и станкостроение, и машиностроение, и приборостроение. Это электронная и радиопромышленность. Уничтожается и одна из ведущих наукоемких отраслей – наша отечественная авиационная промышленность. В СССР было 15 авиазаводов. Третью мира летала на самолетах Ильюшина и Туполева. Мы производили около 1500 великолепных воздушных кораблей в год. Сейчас наш авиапром – как умирающий лебедь. В 2011 году на Казанском авиазаводе построен и сдан один самолет Ту-214, на Ульяновском – один Ту-204, на Воронежском – один Ил-96. А кремлевские начальники обещают в самое ближайшее время построить свыше 600 самолетов. Как такое возможно, если у страны нет для этого производственных мощностей – самолеты негде, некому и не на чем строить! На заводах не осталось опытных специалистов, рабочих высокой квалификации.

Ничего удивительного, считает вице-президент Коллегии военных экспертов генерал А. Владимиров: «Мнение профессионалов нашей вла-

сти не нужно, всем руководят исключительно “эффективные менеджеры”, которые и довели страну до ручки... Россия живет по императивам мирного времени, а против нее ведется война».

Мнится мне, генерал прав. Помните, как в одной басне волк задирает овцу и не слишком-то по этому поводу оправдывается: захотел жрать – вот и привет овечке! Захотели американцы разбомбить Югославию – и разбомбили. Захотели вломиться в Ирак – вломились и повесили Хусейна. Не последняя в Штатах на шабаше ведьм некто мадам Олбрайт вслух произнесла заклинание: «Это несправедливо, что Россия владеет такой огромной территорией». Ее поддержала Кондолиза Райс, 66-й Государственный секретарь США (с 26 января 2005 по 20 января 2009 г.), советник президента США по национальной безопасности (2001–2005). Кремль молчит. Толерантность называется. А тем временем под лукавыми предложениями Америка окружает военными базами притихшую Россию...

«Попытки создать маленькую, но эффективную армию по образцу европейских государств привели к тому, что у нас сейчас нет никакой армии, – с искренней тревогой говорит генерал Владимиров и подчеркивает: – Эта трагедия усиливается практическим отсутствием промышленного производства страны и ее полной зависимостью от технологий и производств наших вероятных противников». В качестве триумфа «обновленного» авиапрома чиновники раскручивают самолет Суперджет-100. А в нем почти ничего нет отечественного. Топливная система и авионика – французские; электрика, гидравлика, колеса и тормоза – производства США; кресла пилотов – британские; система управления – германская.

Бывший президент Д. Медведев с металлом в голосе, как и подобает «отцам нации», объявил: «Если свои не способны раскрутиться, нужно покупать технику за рубежом». Эта фраза прогремела по всей стране. А мне почему-то припомнились другие слова, и сказаны они были другим человеком: «У нас не было авиационной промышленности, теперь она у нас есть!» Фамилия того человека – Сталин.

Результатом сталинской политики стал мощный экономический подъем страны. В начале 30-х годов, когда капиталистические державы во главе с США задыхались в Великой депрессии, СССР вышел на пер-

вое место в мире по темпам экономического роста. В те годы был создан фундамент советской научной и конструкторской школы, которая в середине XX века вырвалась на ведущие позиции в мире. Именно тогда, в годы сталинских пятилеток, закладывались основы будущего советского прорыва в космос.

Решение о коллективизации и о переходе в земледелии к крупному производству было принято в декабре 1927 года на XV Съезде партии. Но в сравнении с быстрым ростом индустрии, сельское хозяйство в начале Первой пятилетки оставалось слабым звеном экономики. К 1929 году оно находилось в руках зажиточных крестьян-кулаков. Их саботаж, эксплуатация наемного труда, завышение цен на сельскохозяйственную продукцию создавали трудности в обеспечении населения продовольствием. Поэтому решили забрать у них земли, организовать кооперативные коллективные хозяйства, которые снабдить тракторами и новейшими сельхозмашинами.

И то сказать, мелкие-то крестьянские хозяйства разве могли прокормить население городов и мощную Красную Армию?

В одной из бесед Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем зашел разговор о коллективизации. Отвечая на вопросы англичанина, Сталин откровенно рассказывал о борьбе, которую пришлось вести: «Это было что-то страшное, это длилось четыре года. Но для того, чтобы избавиться от периодических голодов, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали крестьянам трактора, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские (МТС – машинно-тракторные станции. – С. Г.), могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того, как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском». Молотов по этому поводу припомнил, как в Саратовской губернии на одном из собраний колхозников присутствовал Киров. И вот выступает крестьянин и говорит: «Ну что нам привезли трактор? Он пярдит, пярдит, а что из него толку?»

«Все это было очень скверно и трудно, – завершая беседу с Черчиллем о колхозах и коллективизации, сказал Сталин и после паузы добавил: – Но необходимо».

Не секрет, принцип добровольности вступления в колхозы не везде соблюдался. Местные руководители нередко перегибали палку, и это вызывало сопротивление крестьян. Так, в западных пограничных районах Украины волнениями было охвачено большинство сел. Кулаки прятали зерно, сокращали посевы, резали скот, ни за что не желая отдавать свое добро колхозам. А кто правил бал у землепашцев?

Ответственным за коллективизацию сельского хозяйства был назначен нарком земледелия Эпштейн (он же Яковлев). Заком у него был Фейгин, членами коллегии Наркомзема – Вольф, Рошаль. Колхозный центр возглавил Каминский, совхозный – Калманович.

Бездарность руководства в переводе крестьян на колхозный путь, неурожай в связи с засухой привели массы людей к голоду на Украине, в Среднем Поволжье, на Кубани, в Казахстане. Заметим, в 1935–1939 годах сотни ведущих следователей и криминалистов тщательно расследовали причины голода на Украине. Ответили за это 10 лет стоящий у руля ЦК компартии Украины С. Коссиор и председатель Совнаркома республики В. Чубарь. Они были осуждены и расстреляны.

Подчеркивая недопустимость насилия в переходе мелких крестьянских хозяйств к крупному колхозному производству, 2 марта 1930 года Сталин выступил в «Правде» со статьей «Головокружение от успехов». В ней он призывал местные кадры к исправлению ошибок и перегибов в развертывании коллективизации сельского хозяйства. Затем последовало постановление о сохранении личных подсобных хозяйств колхозников, возвращении им скота из общественных ферм, соблюдении законности и прекращении произвола государственных чиновников в деревне.

А письма Сталина того времени своим соратникам? Сталин отправляет шифровку членам Политбюро по поводу засылки в МТС и совхозы некомплектных комбайнов:

«Подача и приемка некомплектной продукции есть грубейшее нарушение решений ЦК, за такое дело не могут не отвечать также наркомы.

Печально, что Каганович и Молотов не смогли устоять против бюрократического наскока Наркомтяжа» (Наркомат тяжелой промышленности. – С. Г.). Вскоре письмо тому же Кагановичу: «Пора начать привлечение к ответственности руководства заводов, обязанных снабжать сталью автотракторные предприятия. Если Орджоникидзе станет скандалить, его придется заклеить как гнилого рутинера, поддерживающего в наркомтяже худшие традиции». Потом письмо по поводу нефтеперевозок по Волге: «Ответ неубедительный. Видно, что составили его “ловкачи” из НКТП или Госплана, а вы по обыкновению “подмахнули”». И еще: «Доколе будете терпеть безобразия в предприятиях НКснаба (наркомат снабжения. – С. Г.)? Почему не принимаете меры против НКснаба и Микояна? Доколе будут издеваться над населением...»

Или вот из письма Сталина по вопросам обороны: «Очень плохо обстоит дело с артиллерией. Мирзоханов разложил прекрасный завод. Павлуновский запутал и губит дело артиллерии. Серго надо вздуть за то, что он, доверив большое дело двум-трем своим любимчикам-дуракам, готов отдать в жертву этим дуракам интересы государства. Надо прогнать и снизить по “чину всех Мирзохановых и Павлуновских. Иначе дела не поправить”. Скажите Постышеву, чтобы он не поддавался давлению вельмож-бюрократов, добивающихся орденов для своих дружков-собюрократов». Вот так руководил страной Сталин! Никаких любимчиков, вроде непотопляемого Чубайса, Сталин не признавал. Молотов, Микоян, Каганович, Орджоникидзе – это были его ближайшие соратники. Но, отвечая за страну перед народом, Сталин не допускал никаких поблажек даже друзьям. У него номер – своих пацанов не сдаем! – не проходил...

Подведем и мы итоги забытой и перечеркнутой нашей истории. Курс, взятый Сталиным на ускоренную индустриализацию, оказался полностью оправданным. До Второй мировой войны оставалось около 10 лет, и Советский Союз под руководством Сталина использовал этот исторический шанс. В стране были созданы целые отрасли индустрии, заводы, необходимые оборонной промышленности, неведомые старой деревне

сельскохозяйственные машины. Особенностью же нашей экономической политики была опора только на собственные силы.

За Первую пятилетку страна получила 120 тысяч новых тракторов, 2446 машинно-тракторных станций, снабженных современными орудиями труда, свои отечественные автомобили. Экономика Советского Союза стала прочной основой социалистического строительства, и весь мир увидел преимущество плановой системы хозяйства, не знающей ни кризисов, ни безработицы, ни всевластия толстого кошелька. 10 лет перед войной, которую, по уверениям демократов, мы выиграли «вопреки Сталину», это был железный курс на индустриализацию как гарантию независимости государства. Новые производительные силы, созданные в городе и деревне, вели к новым отношениям и между людьми. Тут и культ здорового образа жизни, и ответственность перед трудовым коллективом.

Такая, в общих чертах, была атмосфера в нашей стране. Тут уж никуда не денешься – судьбу поколения, построившего социализм, не перепишешь, не перевернешь!

P.S.

Спустя годы, уже в начале наших так называемых демократических реформ, японский миллиардер Хероси Теравама по-восточному учтиво и тонко поделился своими соображениями по поводу сталинской экономики: «В 1939-м вы, русские, были умными, а мы, японцы, дураками. В 1949-м вы стали еще умнее, а мы были пока дураками. А в 1955 году мы поумнели, а вы превратились в пятилетних детей...» Это уже после Сталина, когда к власти пролез «Никита-кукурузник». Смену обстановки японский миллиардер объяснил просто:

«Вся наша экономическая система практически полностью скопирована с вашей, с той лишь разницей, что у нас капитализм, частные производители, и мы более 15 процентов роста никогда не достигали, а вы же – при общественной собственности на средства производства – достигли 30 процентов и более! Во всех наших фирмах висят лозунги сталинской поры».

<http://www.projectprofy.ru/articles.phtml?aid=468>

Ну, что тут еще скажешь?..

P.P.S. «...Была в селе Новорепном Ершовского района, где я работала учителем после окончания университета. Я помню бескрайние хлебные поля, помню, как работали механизаторы во время сева и уборки, какие урожаи собирали в те годы. Как жили рабочие совхоза! Получали не только сверхплановые, но и зерном. В каждом дворе водилась скотина – поросята и т. д. Сейчас – страшное запустение. Огромные массивы земли заброшены, совхоз разрушен, само село обезлюдело, молодежь от безысходности спивается, живя с родителями-пенсионерами, многие дома заброшены, стоят с пустыми глазницами окон. Река Новый Узень обмелела – тоже доживает последние годы: нет совхоза – некому поддерживать насосные станции. Впечатление удручающее. Я уезжала оттуда, как с похорон. Жутко!»

«Советская Россия», № 114, 11 октября 2011 г.

За последние 20 лет в России, по данным Минрегионразвития, потеряны 23 000 населенных пунктов – поселков и деревень. По официальным данным, в селах закрыто 12 000 школ (по сведениям тележурналиста А. Караулова – «Момент истины» – в два раза больше).

За 20 лет в Россию ввезено более 700 000 тонн иностранных радиоактивных отходов.

20 лет – это четыре советских пятилетки, которые могли полностью преобразить страну...

«ЛЮБИТ, НЕ ЛЮБИТ... К ЧЕРТУ ПОШЛЕТ!»

Вот еще способ объявить Сталина злодеем – вождь народов антисемит! Не антитатарин, не антигрузин, не античукча – правитель великой державы, оказывается, не любил евреев. Ах, злодей!

Что ж, отбросим в сторону эмоции публики, вечно чем-то недовольной (что не мешает им с этого получать гешефт). Попробуем разобраться, так ли все – насчет нелюбви Сталина к евреям-то.

Уже в наше время, когда прозападники-демократы, прорвавшиеся к власти, втискивали Святую Русь в мировое сообщество, корреспондент

одной молодежной газеты отправился в страну Израиль. В беседе с известным профессором еврейского университета, отбросив ломливую политкорректность, с солдатской прямоотой он спросил: «Почему вас, евреев, никто не любит?..»

Речь шла, надо полагать, о так называемой бытовой юдофобии. Кто-то не любит поляков или грузин, а кто-то – евреев. Как это запретить? Или как заставить любить, к примеру, тетю Софу и дядюшку Сруля? Право каждого человека на земле – кого-то любить больше, а кого-то меньше.

Древние пророки, античные философы, историки, ученые, среди которых имена, известные нам со школьных уроков, писали и о евреях – их происхождении, национальных особенностях, влиянии на жизнь других народов. Труды библейских пророков семинарист Сосо Джугашвили не просто «проходил», а изучал и сдавал экзамены, слава Богу, не по дурацкой системе, завезенной к нам из-за океана. Как можно представить проверку знаний по дебильной установке – угадай с трех раз! – Закона Божия, заповедей Христа, откровений пророков, их посланий нам, грядущим?..

Наша современница, русская еврейка Соня Марголина выпустила в свет книгу «Конец лжи. Россия и евреи в XX веке». Дочь старого большевика рассказывает о том, что нам уже хорошо известно, – о еврейском окружении Ленина, их безжалостном терроре после 1917 года, наконец, о том, что антисемитизм в России по-человечески понятен и исторически закономерен. Соня нарушила священные табу учений и установок о providенциальной роли евреев. «Нет причины уважать евреев больше, чем любой другой народ», – заявила она и обвинила еврейство в том, что оно не учится на уроках истории, что «неспособно к самоанализу», чем вызвала у своих соплеменников гнев и оказалась на скамье подсудимых.

Русская еврейка Соня Марголина не равнодушна к своему древнему народу, но, не приемля местечковых обычаев с комплексом превосходства, с тем сакраментальным негодующим «Почему нас не любят?!» – была осуждена за «антисемитизм». И тут великий ТАНАХ, рассказывающий о падении предков, будто уже не закон для евреев, а пророк Иеремия будто не о евреях говорил: «Народ Мой глуп, не знает Меня:

неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют» (4:22). Или вот его обращение: «Смой злое с сердца твоего, Иерусалим, чтобы спастись тебе: доколе будут гнеститься в тебе злостивые мысли?» (4:14).

А пророк Исайя? «Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные!..» (1:4). За такие слова комиссары Лейбы Бронштейна без разговоров расстреливали. А нынче Исайю по судам бы затаскали – тоже за «антисемитизм».

Но вот, хоть и более ста лет назад, но ближе к нам, по этому же поводу доктор философии Отто Вейнингер, к слову, австрийский еврей, высказал такую мысль: «Без причины никто антисемитом не бывает, – и уточнил: – Тот факт, что более выдающиеся люди были антисемитами (Тацит, Паскаль, Вольтер, Гердер, Гёте, Кант, Жан Поль, Шопенгауэр, Грильпарцер, Вагнер), объясняется тем, что эти люди, понимая больше всех других людей, понимали лучше и еврейство».

Список столь почтенной публики, несомненно, дополняют и многие другие имена. Скажем, римские философы Люций Сенека и Марк Юстиниан, испанский историк Хулио Каро Бароха и греческий историк Сикул Диодор, церковный реформатор Мартин Лютер, аббат Вюрцбургский и глава католической Церкви папа Климент VIII, венгерский композитор Франц Лист и немец Рихард Вагнер, итальянский ученый и философ Джордано Бруно и японский ученый князь Мобучум Окума, американский ученый и государственный деятель Бенджамин Франклин, император Германии Вильгельм II, император Франции Наполеон Бонапарт и король Пруссии Фридрих Великий.

В 1879 году в Берлине вышла книга «Победа еврейства над христианством». Автор ее участник революции 1848 года Вильгельм Марр не случайно заметил: «Я громко провозглашаю, без малейшей насмешки, торжество иудаизма в мировой истории... В настоящее время между всеми народами Европы одна Россия еще оказывает сопротивление официальному признанию нашествия иностранцев. Это последний оплот, против которого иудеи соорудили их последнюю траншею, и, судя по ходу дел, капитуляция России есть вопрос времени... Дух гибкой интриги

евреев погрузит Россию в такую революцию, подобно которой свет еще действительно никогда не видел...»

За ним Федор Михайлович Достоевский пророчески предупреждал: «“Интернационал” распорядился, чтобы европейская революция началась в России. И начнется... Ибо нет у нас для нее надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы, стойла, залиют мир кровью, а потом сами испугаются... Евреи сгубят Россию и станут во главе анархии».

«Минога», боевая подруга Ильича, книги Достоевского запретила читать. У нас это отработано. В середине 60-х годов я в немецком городке Кётене в библиотеке Дома офицеров нашего истребительного авиаполка забрал готовые к уничтожению великолепные издания Сталина. Тогда это Никита-дуролом дал команду сжечь все, что касалось Сталина. Кое-кто и нынче не против почистить даже классиков русской литературы. Вон Чубайс проговорился, что, прочитав Достоевского, готов был его на части разорвать!

Но образ еврея с характерными национальными чертами, особенностями, психологией нашел отражение в творчестве не только Достоевского. О еврействе писали А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Некрасов, Н. Гоголь, И. Тургенев, Н. Лесков, М. Салтыков-Щедрин, А. Чехов, А. Куприн, В. Розанов, А. Блок, А. Белый, С. Есенин. Согласитесь, на всех зла не хватит даже у «любимца партии и народа» Чубайса. Глубокий мыслитель Достоевский, может, тем и привел в бешенство непотопляемого «Толика Рыжего», что с предельной откровенностью всегда говорил и писал то, что думал. Федор Михайлович на десятилетия вперед предвидел тенденцию подавления русской культуры, опошления наследия наших предков, той же литературы.

«Вы вот жалуетесь на жидов в Черниговской губернии, а у нас здесь в литературе уже множество изданий, газет и журналов издается на жидовские деньги жидами (которые прибывают в литературу все больше и больше), и только редакторы, нанятые жидами, подписывают газету или журнал русским именем – вот и все в них русского», – это Достоевский

писал 28 февраля 1878 года. А вот его взгляд в будущее: «Я думаю, что это только еще начало, но что жидаы захватят гораздо еще больший круг действия в литературе, а уж до жизни, до явлений текущей жизни я не касаюсь – жид распространяется с ужасной быстротою» (*Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. в 30 т. Т. 30. Кн. I. С. 8. Л.: Наука, 1988).

Прошло почти 20 лет, и Антон Павлович Чехов, раздумывая о русской литературе, оставил запись, впервые опубликованную в 1980 году: «Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все – евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее формы, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше, ни меньше, как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский; и Гоголь уже не смешит ее» (<http://stavroskrest.ru/content/russkaya-intelligenciya-i-evrei>).

Поэт Андрей Белый: «...вы посмотрите списки сотрудников газет и журналов России; кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите почти сплошь имена евреев...

Общая масса еврейских критиков совершенно чужда русскому искусству, пишет на жаргоне “эсперанто” и терроризирует всякую попытку углубить и обогатить русский язык... И эта зависимость писателя от еврейской или юдаизированной критики строго замалчивается: еврей-издатель, с одной стороны, грозит голодом писателю, с другой стороны – еврейский критик грозит опозорить того, кто поднимет голос в защиту права русской литературы быть русской и только русской» (http://dugward.ru/library/beliy/beliy_shempelevannaya.html).

Известно жесткое письмо на эту же тему Александра Ивановича Куприна Батюшкову.

О роли евреев в жизни России много размышлял и русский философ Василий Васильевич Розанов. Так, он записывал в своих «Опавших листьях» и «Мимолетном», выражаясь языком либералов, «антисемитские» мысли. «В настоящее время для России нет двух опасностей. Есть одна

опасность. Евреи». Коротко и ясно. Или так: «Вся литература (теперь) “захвачена” евреями. Им мало кошелька: они пришли “по душу русскую”...»

Да, так вот право человека – кого-то любить, а кого-то ненавидеть, та же бытовая юдофобия, подгоняемая нынче у нас под статью Уголовного кодекса с бесовским заклинанием: «Анти!.. Анти! Взять его!..» Та статья, уже и козе понятно, явно не вписывается в здравый смысл слова «антисемит». Иначе самыми яркими антисемитами следовало бы считать евреев. Известно, как они проявляют свою «межнациональную любовь» к арабам, среди которых семитов-то десятки племен! Но вот прилипло это словечко только в защиту евреев – и все привыкли, словно так и должно быть. Неслучайно даже крупный деятель сионизма Владимир Жаботинский как-то признался, что в антисемиты можно попасть за одно слово «еврей» или «за самый невинный отзыв о еврейских особенностях».

Напомню, те особенности еще в 1905 году перед батумскими рабочими по-своему определил Сталин: «Что это за народ! Мартов, Дан, Аксельрод – жида обрезанные. Поди и работай с ними. Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься. Трусы и торгаши!» Понятно, после таких речей Кобу Джугашвили занести в реестр «антисемитов».

Но так думали и говорили не все евреи. В книге «Антисемитизм в Древнем мире» (Берлин, 1923) еврейский историк Соломон Лурье пишет: «Всякого мыслящего и чувствующего человека должен был заинтересовать вопрос о причинах этого исторического явления (общественного антисемитизма), крайне важного хотя бы уже вследствие своей многовековой давности. Для автора этой работы уже тогда было несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях, иными словами, что антисемитизм – явление неслучайное, что оно коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и не еврея».

Или то же признание классика еврейской литературы Шолома Алейхема о положении своих братьев во всем мире: «Выходит, что мир действительно прав, говоря о нас, что мы не народ, а просто так – упрямые людишки, племя жестоковыйное».

Видно, не случайно писатель, наслушавшись сионистов, высказался так, да еще и припомнил библейскую характеристику евреев – «племя жестоковейное». Дело в том, что на том конгрессе (1897) сионисты прямо поставили вопрос: «Неужели мы столько страдали, чтобы, в конце концов, основать крохотное государство, которое будет игрушечным мячом в руках великих держав?» А насчет земли в Палестине их духовный лидер Ахад Гаам (Ушер Гинцберг) дал установку – считать ее лишь убежищем для евреев, просто центром их духовной культуры.

Да и президент Всемирной сионистской организации Герцль после того конгресса сделал в своем дневнике такую запись: «В Базеле я основал еврейское государство. Если бы я сказал это сегодня вслух, ответом мне был бы всеобщий хохот. Но спустя, может быть, пять, самое позднее – пятьдесят лет, это признают все».

Через пять лет в России уже повсюду работали бомбисты. В 1903 году социал-революционеры совершили несколько террористических актов, убили двух царских министров. Но в октябре 1905-го, сразу же после провозглашения царского Манифеста, по всей Российской империи прокатились первые массово-политические погромы евреев.

Так или не так, а спустя 50 лет, в день провозглашения государства Израиль, первую страницу специального выпуска газеты «Иом ха – ме-дина» уже украшал портрет Теодора Герцля. Лидер сионистов будто в воду глядел...

И наконец, картинка из жизни спустя еще 50 лет. Рассказывает специалист легкого жанра, бессменный «дежурный по стране» (из телеящика) М. Жванецкий: «У нас был фестиваль еврейской культуры в Тюмени, “Ханука в Сибири” назывался. Сидели мы в маленьком санатории под Тюменью и там устроили ужин после концерта. Вдруг я вскочил и сказал: “Выйдем все на улицу”. Все вышли. Вокруг тайга, высоченные заснеженные деревья, ничего не видно, снег идет. И я сказал: “Евреи, вот ваша родина. И не прикидывайтесь!” Все были потрясены. Я и сам был потрясен...»

Сейчас маятник истории качнулся в сторону, когда «в России быть евреем по-любому выгодно и приятно». А мне помнится время, когда

этот самый маятник только набирал скорость. Работая над историей моего родного истребительного авиаполка, который дрался с немцами в небе Сталинграда, немало страниц я посвятил судьбе 18-летнего летчика Володи Микояна. Его отец, Анастас Иванович, второе лицо в государстве, принимал меня в Кремле. Внимательно вычитывая места, где речь шла о сыне, он вносил правку, что-то уточнял и убирал мои вольности по тексту. «Зачем писат, што лётчики полка били не любители молока и крепко выражалыс? – говорил Анастас Иванович, смотрел из кабинета на Соборную площадь, где девицы в джинсах раскуривали сигареты, и ворчал: – Турыски... Наш кремлевский воздух портат...»

Не знаю, что сказал бы Микоян нынче, глядя, как полчище пейсатых рабби торжествуют в центре православия, истории и культуры русского народа, а вот Сталин – уверен! – сдул бы из Кремля кошерную «поляну» и отправил бы «дорогих гостей» в края, где одессит Миша Жванецкий со товарищи был потрясен великолепной природой с заснеженными деревьями: «И не прикидывайтесь!..»

Да что уж тут прикидываться-то. Известное дело, лучшим чукчей у нас стал губернатор Рома Абрамович, якутов во власти представлял певец Кобзон Иосиф Давидыч. А вот после октября 17-го года российский электорат, хоть и был нацелен на пролетарский интернационализм, только чувства свои к «любимцам партии и народа» выражал несколько сдержанно.

В эмиграции в 1922 году вышла книга свидетеля тех лет, депутата Учредительного собрания С. Маслова, и вот он пишет: «Распространенное выражение “жидовская власть” весьма часто в России, особенно на Украине и в бывшей черте оседлости, понимается не как зазорное определение власти, а как совершенно объективное определение ее состава и ее политики. Когда украинец-крестьянин называет свою гужевую и трудовую повинность “жидовской панщиной”, он выражает свое искреннее убеждение, что панщина введена действительно евреями.

В определении власти как “жидовской” вкладывается двойной смысл: советская власть, во-первых, отвечает желаниям и интересам евреев, во-вторых, власть фактически находится в руках евреев. Характерный

бытовой факт, отражающий первый смысл определения власти: если к свободно разговаривающей о советских порядках группе лиц (не евреев) подойдет еврей, даже лично знакомый собеседникам, разговор почти всегда круто обрывается и переходит в другую плоскость».

Тогда же и Уинстон Черчилль писал о явлении евреев во власть: «Это течение среди евреев возникло не сейчас. Со времени Спартака-Вейсхаупта... и вплоть до Карла Маркса, дальше до Троцкого (Россия), Беллы Кун (Венгрия), Розы Люксембург (Германия) и Эммы Гольдман (Соединенные Штаты)... Теперь эта банда проходимцев из подполья Европы и Америки схватила за шиворот русский народ и стала непререкаемым владыкой громадной страны».

Еще не у руля Германии, но бесспорный лидер националистического движения Адольф Гитлер едва не повторяет англичанина: «Нельзя забывать, что правители современной России это – запятнавшие себя кровью низкие преступники, это – накупь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, и теперь вот уже 10 лет осуществляет самую жестокую тиранию, какую-либо только знала история».

Александр Кац, автор монографии «Евреи. Христианство. Россия», в разделе под заголовком «Кто крутил колесо?» утверждает со ссылкой на «Российский ежегодник», что «колеса страны крутили» исключительно евреи, являвшиеся «правлящим классом СССР в 1936–1939 гг.». Вот он рассказывает о радикальном преобразовании села с планами коллективизации, которые разрабатывал нарком земледелия Я. А. Эпштейн-Яковлев. Как это происходило – известно.

Первоначально было объявлено о коллективизации 8 млн хозяйств. Но уже в августе 1930 года Микоян предложил охватить коллективизацией 10 млн хозяйств, в сентябре – 13 млн, а в декабре замахнулись уже на 30 млн крестьянских хозяйств! Сталин еще весной осудил ретивость кремлевских чинуш. 2 марта 1930 года в статье «Головокружение от успе-

хов» он осудил нарушения добровольности при вступлении в колхоз, и тогда немало крестьян вернулось к своим огородам.

22 сентября 1930 года «Известия» сообщили об аресте, а через три дня и о расстреле 48 «участников вредительской организации в области снабжения населения продуктами» и «организаторов голода в СССР». Жизнеспособная, самодостаточная Россия должна была стоять на своих ногах!

В верхах госаппарата в середине 30-х годов были соплеменники наркома Эпштейна. Один из них Мейер Валлах-Филькинштейн, он же Литвинов, возглавлял наркомат иностранных дел. Заместителями у него были евреи Г. Бриллиант (Сокольников) и Карахан. Евреи, как сообщает А. Кац, возглавляли отделы наркомата: 1, 2, 3-й Западные, 1-й Восточный, консульский, печати и информации, экономический: «Аппарат этих и других отделов почти полностью был укомплектован большевиками-евреями». Вот, к примеру, люди из той команды: П. Карахан, В. Цукерман, Б. Розенблюм, Р. Флигельбаум, Я. Подольский, К. Уманский, А. Заславский, В. Браун, В. Левин, В. Дымент, Я. Ротштейн, Б. Бурштейн, С. Эпштейн, А. Рафаловская, Н. Ривкина, В. Блюменфельд, Е. Айзенштадт, Д. Штерн, С. Кантер, Х. Вейнберг, Ф. Грикман, Е. Кониц, Л. Гайдис, Л. Мартинзон, Л. Гашкель, М. Плоткин, Е. Гальперин, М. Морштинер, Г. Бриллиант, Б. Шлюх-Бронская, Е. Шмулевич.

Кто еще «крутил колеса» рабоче-крестьянской республики? Как сообщали «Известия» 8 мая 1936 года, бывший начальник Воздушного Флота РККА Арон Розенгольд стал наркомом внешней торговли, собрал так называемый «совещательный комитет», и на этом междусобойчике по-братски поделили теплые наркомовские местечки. Гендин стал начальником управления импорта внешторга, Барит – главным бухгалтером комиссариата, Тайц – начальником планового сектора внешторга. Иевину достался сектор торгпредства при внешторге.

А еще у наркома Розенгольца была коллегия хозяйства «Товар – деньги – товар»: М. Гуревич, Ф. Рабинович, Б. Беленький, Б. Краевский, И. Кацнельсон, С. Брон, М. Фрумкин, И. Вейцер, А. Кисин, Б. Плавник и др.

Однообразен список специалистов и в наркомате продовольствия: Глинский, Николаевский, Стариковский, Бронштейн, Заводник, Зимин, Кисин, Марголин, Дукор, Шаган, Гибер, Брейтман. И все начальники управлений – по мясу, молоку, маргарину, макаронам, даже дрожжам! Ходили слухи, что они и их семьи вместе со всей страной так же тяжело переживали организованный голод...

Надо полагать, в список 48 «участников вредительской организации в области снабжения населения продуктами» вошли и сотрудники комиссариата внутренней торговли. Их имена уже не режут слух и звучат привычно: Израиль Вейцер, Израиль Гиттис, Израиль Гапелин, Мейер Эпштейн, Соломон Гохман, Самуил Бедеский, Давид Гольдман, Исаак Зеленский, Лазарь Гордон, Лазарь Вешнер. Ну и так далее: Аронштам, Левенсон, Гуревич, Зисман, Каплан, Кремин, Нодель, Шинкарвский, Сморгонский, Шалямэйзер.

Конечно, не без внимания в жизни республики была ее рабоче-крестьянская армия. Кто же в 30-х годах командовал ею, стоял в высших генеральских эшелонах? Ну, нарком обороны, известно, был соратник Сталина Клим Ворошилов.

Для особых поручений при наркоме состоял Штерн Григорий Исаакович. Ступеньки высшей армейской иерархии по разным направлениям занимали соответственно:

Геккер Самуил Аронович – начальник внешних сношений Наркомата обороны.

Славин Илья Ефимович – начальник военно-учебных заведений.

Казанский Евгений Семенович – начальник Главного учетно-мобилизационного управления РККА.

Кучинский Давид Абрамович – начальник Главного санитарного управления.

Ашлей Петр Моисеевич – начальник финансового управления.

Роговский Наум Исаевич – начальник военно-хозяйственного управления.

Фишман Яков Моисеевич – начальник химического управления.

Иппо Борис Миронович – начальник Военно-политической академии.

Шифрес Аркадий Львович – начальник Военно-хозяйственной академии.

Ланда Моисей Моисеевич – ответственный редактор газеты «Красная звезда».

Фельдман Борис Михайлович – начальник физической подготовки РККА.

Особое место в Наркомате обороны рабоче-крестьянской Красной Армии занимали комиссары Политуправления. Начальником у них был Гамарник, а начальниками секторов и инспекторами состояли: Россет, Райхман, Раскин, Рудзит, Рейзин, Блументаль, Булин, Кацнельсон, Полтман, Гринберг, Озол. После Гамарника Политуправление возглавил Мехлис.

В военных округах помощниками командующих по политической части были:

Московского – Вейсман Григорий Исаакович;

Ленинградского – Смирнов-Ратайчик Петр Аркадьевич;

Белорусского – Булин Абрам Савельевич;

Киевского – Амелин Максим Петрович;

Северо-Кавказского – Германович Моисей Яковлевич;

Закавказского – Урицкий Соломон Борисович;

Сибирского – Таиров Григорий Аркадьевич;

Приволжского – Мезис Аркадий Иванович;

Особой Дальневосточной армии – Аронштам Лазарь Наумович.

Закавказской авиацией распоряжался некто Генц, Волжской – Вельтнер, Балтийским флотом – Рабинович.

Профессор академии МВД Станислав Кузьмин пишет, как при рассмотрении состава политических органов Красной Армии Сталин однажды заметил: «Тут было много сволочи!» Автор уточняет: «Известно, что в Политуправлении из 51 человека 50 являлись лицами еврейской национальности. Однако такое соотношение в кадровом составе армии не должно вызывать удивление. Состав партийных и государственных органов в 1936–1939 годах в среднем на 80 % состоял из тех же самых лиц».

Здесь, конечно, следовало бы назвать высших армейских начальников, среди которых М. Тухачевский, И. Якир, И. Уборевич, А. Корк, Р. Эйдеман, В. Примаков, В. Путна, но о них разговор особый...

Таким образом, указания Ильича – это насчет «еврейчиков» – Иосиф Виссарионович Сталин, похоже, усвоил хорошо. А вот был он «анти» или не был, любил евреев-то или не любил, – если, милостивые государи, кто-то считает, что для процветания страны, которой Сталин правил, это чрезвычайно важно, – оставьте свой офисный курятник, дома выдерните из розетки шнур бесовского телятника да смотайтесь в поле, в Русское поле, где еще цветут васильки, колокольчики, душистый клевер, и отыщите там незатейливую ромашку. Вот на волнующую вас – живо-трепещущую! – тему и погадайте: «Любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет» тот кавказский человек, который любил и посмеяться, и пошутить, и так забавно, с местечковым акцентом, рассказывал анекдоты о евреях.

P.S.

«В России и до революции проживала самая большая часть еврейского народа. Вместе с разрушением иудаизма и сионизма, параллельно с этим процессом, наступила после революции такая свобода, которую евреи не пробовали, не испытали ни в одной стране мира. Лазарь Каганович, этот скромный рабочий-кожевенник, еврей, именно в силу своих природных способностей, при новом режиме смог занять такое место – стать в окружении Сталина лидером коммунистов России. Россия есть уникальная страна во всем мире, где антисемитизм есть уголовное преступление».

«Бнай Брит Магазин», 1934, № 5.

«Что касается борьбы с антисемитизмом, то мы лелеяли СССР как наш единственный свет в окошке. Это непростительно, что Троцкий бросает Сталину беспричинные обвинения в антисемитизме».

Еврейская газета «Тор», Нью-Йорк, январь 1937 г.

«Видеть его – просто видеть – для всех было счастьем... Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства... Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова... Домой мы шли с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью...

Вчера слушал в Москве по радио речь Сталина с докладом о проекте (Конституции СССР. – С. Г.). Эта речь на века».

Корней Чуковский, писатель.

«Да, здесь, в стране социализма, каждый из нас, сынов еврейского народа-скитальца, обрел чувство родины, чувство социалистического отечества. Я призываю вас подчинить свое искусство огромным требованиям этой невиданной замечательной эпохи – эпохи Сталина, эпохи братства народов, эпохи вступления в обетованный мир коммунизма. Пример тому, как нужно бесстрашно дерзать и идти вперед, показывает наш великий вождь народов, поэт свободы товарищ Сталин».

Соломон Михоэлс, руководитель Еврейского антифашистского комитета СССР.

«...Мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если б это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов – ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третиrowали? Дали бы они им свободно сравняться в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того, не содрали бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как делывали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?»

Федор Достоевский. Дневник писателя.

БЕСЦЕННОЕ БОГАТСТВО...

Решающие схватки Сталина и его единомышленников с оппозицией выпали на 1927 год. К 1933 году оппозиционеры были разгромлены,

но после публичного покаяния остались в политической жизни, ожидая своего часа. А страна, несмотря на их помехи, на ошибки и просчеты самого Сталина, поднималась из разрухи, ее экономика была восстановлена и развивалась такими темпами, каких не знало ни одно капиталистическое государство.

Так ведь это не случайно. В 1931 году Сталин точно определил срок, отпущенный историей на создание промышленной базы, модернизацию не только промышленности и всего народного хозяйства страны, но и перестройки идеологической. На 1-й Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности он сказал: «У нас есть Отечество. И мы будем отстаивать его независимость!» Тогда руководством страны был взят идеологический курс на патриотизм, историческое величие России. При этом мертворожденная идея о солидарности пролетариев всех стран уходила в виртуальное пространство. На партконференциях большевики пели еще о разрушении всего мира «до основания», но вместо перманентной мировой революции Троцкого, планов Ильича по преобразованию России в некую безнациональную космополитическую конструкцию, Сталин хотел видеть ее могучей, высокоразвитой, индустриальной державой и выдвигал реальный план построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Русский писатель Петр Проскурин в раздумьях о жизни Сталина после революции среди болтливой оравы Бронштейнов, Либеров, Радеков, Нахамкесов подчеркнул его историческую роль в том переходе – от разрушения России к созиданию: «Бесы, захватившие ключевые идеологические позиции в России в семнадцатом году, и не могли принести ничего иного, кроме крови и ненависти, у них не было изначально гена имперской государственности, державности... Откуда у этих бесов, ослепленных идеей мировой революции, могло явиться чувство любви и сострадания, чувство ответственности за русский народ и русское государство? Они ведь его не строили и не созидали, они пришли разрушать, и должно было пройти определенное время, прежде чем появится Сталин, чтобы разрушение перелилось в созидание».

В самом деле, Лейба и его единомышленники ради мировой революции (по нынешнему – глобализации мира) не щадили ни народов, ни национальных богатств России. Ленин грозился расстреливать всех, кто верит в Бога. Бронштейн дал установку давить русский патриотизм, а для мировой революции, как он говорил, «мы готовы поставить из-за границы еще сто тысяч пламенных революционеров».

Сталин знал об этих установках. Да как не знать, если в приказах то и дело сквозило словечко «расстрелять», «расстрелять», и молодчики Лейбы в кожаных тужурках не жалели пуль для истинных патриотов России. Сталин, конечно, знал и видел, как в страхе за свою шкуру банда разрушителей Великой Империи бесстыдно разворовывала ее.

Вот Иона Якир – сын кишиневского фармацевта – поучился малость в Базеле. В 1917-м вступил в РКП(б). Тут и пошло: сначала он член Бессарабского Совета, затем – Одесского губревкома, потом командует какими-то китайцами – их батальоном. А когда стал вдруг членом Реввоенсовета 8-й армии, то комиссаром своим такие приказы погнал – до сих пор на Дону вспоминают! К примеру, вот распоряжение: «Ни от одного из комиссаров дивизий не было получено сведений о количестве расстрелянных белогвардейцев, полное уничтожение которых является единственной гарантией прочности наших завоеваний». В приказе есть строки, требующие «процентного уничтожения мужского населения». А это так. Скажем, в семье у отца выросло трое сыновей. Двух, на выбор, расстреляют, а одного оставят с отцом. Или, допустим, можно расстрелять отца и кого-то из его сыновей. Тогда двое еще жить останутся. За этим Иона Эммануилович следил и был очень требователен к своим комиссарам.

Это по поводу гарантий бесовских завоеваний на Святой Руси. А вот что рассказывал Г. Котовский, сын командарма времен гражданской войны: «Якир происходил из богатой семьи, которая держала аптеку. Был женат на дочери богатого торговца-оптовика, который владел магазинами готового платья в Одессе и Киеве. Продвижение Якира в годы гражданской войны происходило с подачи Троцкого, с которым он был в родстве.

В 1920 году во время кампании против белополяков в ходе успешного наступления Красной Армии на Киев был взят город Белая Церковь (там находилась главная резиденция графов Браницких, крупнейших польских землевладельцев в дореволюционной России).

...Через несколько дней разразился скандал: ЧК обнаружила, что было похищено столовое серебро Браницких. Жена Якира указала на Котовскую, которая первая со своими санитарями побывала во дворце, но вскоре выяснилось, что обвинение голословно.

Прошли годы. В 1924 году отец с матерью возвращались в Умань через Харьков, где тогда жил Якир, назначенный командующим Уральским военным округом. Котовские были приглашены Якиром на званый обед, во время которого мама обратила внимание на столовое серебро с вензелем “Б”. “Так вот где серебро Браницких!” – громко воскликнула она... Воцарилось неловкое молчание, а Якир побагровел, как рак...» (так же: [http://stalinism.ru/stalin-i-armiya/iz-intervyu-s-syinom-kotovskogo-g-g-kotovskim.html](http://stalinism.ru/stalin-i-armiya/iz-intervyu-s-syynom-kotovskogo-g-g-kotovskim.html))

Тащили все – от бесценных сокровищ, достояний народа, до обручальных колечек, снятых с убитых. Объясняли просто – для счастья народного и мировой революции. Некто Яков Рейх вспоминал, как в сентябре 1919-го ему поручили организовать в Берлине резидентуру Коминтерна. И вот он пришел в секретную кассу, которой распоряжался единолично Ильич, а заведовал там известный Ганецкий. «Я знал Ганецкого уже много лет, – вспоминал Рейх, – и он меня принял как старого знакомого товарища». Короче, Яша обалдел. Та «касса» ломилась от золота и драгоценностей – по ним просто ходили! Товарищу Рейху товарищ Ганецкий выдал столько этого добра, что он еле уволок его и потом долго и безбедно жил в Берлине под сенью Коминтерна.

С размахом жила комиссарша Лариса Рейснер. В своих мраморных дворцах она держала огромный штат прислуги. Когда комиссаршу упрекали, мол, нехорошо – в стране-то народ голодает, она удивлялась: «Разве мы делали революцию не для себя?» – и лезла принимать ванну из пяти сортов играющего пузырьками шампанского.

К слову сказать, вольготно жилось на белом свете и деткам Арбата, тому же хлопчику комиссара Окуджавы. «Знаете, у меня было счастливое детство, – как-то взгрустнулось Булату Шалвовичу, и один из столпов ельцинской демократии, арбатский певец, признался читателям газеты “Европеец”: – Отец занимал большие посты. Он был секретарем Тбилисского горкома партии...» То-то певец напевал:

Я все равно паду на той,
На той далекой, на гражданской.
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной.

Вот пацаны общака покрупнее прокололись. Сначала все было хорошо. Троцкий, Зиновьев, Урицкий, Дзержинский, Ганецкий, Ленин общак из франков по-братски поделили: от 60 млн долларов у Ганецкого до 90 млн у Троцкого, в пересчете на современные доллары это миллиарды. Правда, Лейба втихаря от братвы стащил бабло и открыл счет еще в двух американских банках, который к весне 1921-го возрос уже до 80.000.000 долларов!

Что ж, как сказала Марине Ивановне Цветаевой жена начальника реквизиторского отряда Капланиха: «Таки надо немножко и для себя», – и затырила горсть золотых колечек и сережек, отобранных у крестьян, в лифчик между пышных грудей. Так, на «черный день». Мало ли, сегодня одна власть, завтра другая. Сегодня ты у кормила, а завтра нет – и кати до следующей перестройки Святой Руси в Швейцарию, страну с тихими озерами да белыми лебедями, или в Париж, где в уютных кафешках можешь пугать изнеженную шансонами публику «призраком», который «бродит по Европе». При этом очень кстати будут счета в банках и золотишко из секретной кассы для мировой революции. Такое развитие революционной ситуации крутые марксисты предвидели и грамотно просчитали.

Тем удивительнее было поведение Кобы, ставшего у большевиков генсеком. Ни в списках кремлевского общака, ни в счетах швейцарских бан-

ков не значился этот веселый кавказец, лучшие годы жизни проведенный в ссылках, да еще каких! – за Полярным кругом, где и волки-то не живут.

Но вот было у него поистине бесценное богатство, которое, если верить фамильным преданиям, он достал буквально со дна моря. Дело было так. В 1903 году девочка Надя Аллилуева, двух лет от роду, жила с родителями в Баку. Однажды она играла на набережной и – бултых в море! Коба бросился за девочкой, подхватил ее из волн, а потом она выросла и стала его невестой.

Это произошло уже в 1917 году. Шестнадцатилетняя Наденька была восторженной гимназисткой одной из петербургских гимназий. Отец ее, Сергей Яковлевич Аллилуев, родом из воронежских крестьян, работал сначала слесарем, потом мастером Общества электрического освещения. Жили по тем временам скромно – в четырехкомнатной квартире. А в семье, кроме Нади, было еще трое детей – Анна, Федор и Павел. Хозяйством семьи, воспитанием детей занималась мать, Ольга Евгеньевна. Она умела делать все женские дела, а потом еще увлеклась и революцией, вступила в партию. Вот на этой основе – переустройство тысячелетней России – Наденькины родители и познакомились с боевиком Кобой еще в Тифлисе.

А в Петрограде они встретились, когда Сталин, ссыльный 38-летний революционер, вернулся из Сибири. Наденьке тогда только что исполнилось 16 лет.

Вот как она описывает то время:

«...Завтра из-за холода не пойду в гимназию. Только что вернулась с урока музыки, очень озябла. 3 января выдержала экзамен на 5! Я очень довольна, что мои труды не пропали зря; мне немного трудно, но бросать я все же не хочу». Это из письма друзьям родителей в начале 1917 года. А вот что пишет в канун революции, 27 февраля:

«А теперь у нас занятия на четыре дня прекращены ввиду беспокойного состояния Петрограда, и у меня теперь есть время. Настоящее положение Петрограда очень и очень нервное, и мне очень интересно, что делается в Москве... Занятий у нас после Рождества очень мало, то было холодно, то я болела, а теперь и на улицу не выйдешь. Написала бы под-

робнее, в чем дело, но, я думаю, в письме не стоит распространяться. Все эти дни буду читать Чехова, а то очень скучно. Все это надоело, и хочется скорее хорошего жаркого лета».

И такое лето пришло. Наденька Аллилуева два месяца 1917-го прожила в основном на даче. А в ее комнатке в Питере скрывался от полиции Временного правительства какой-то лысый – не то Лукич, не то как-то там еще. Наденьке многого не говорили. Но она знала, что все тайные знакомые ее родителей эсдеки, а точнее большевики.

Могла ли питерская гимназистка Наденька представить, что пройдет всего каких-то четыре года, и она будет жить в первопрестольной, работать среди людей, которые возьмут на себя смелость свернуть Великую Россию с ее исторического пути, а ей суждено будет войти в судьбу человека, чье имя будет знать весь мир...

Не пройдет мимо короткой жизни Наденьки и тот Лукич. Именно он выступит в защиту большевички Аллилуевой при чистке партии, когда ее уже исключат из рядов партийцев, верных и преданных делу всемирной революции.

«До меня дошло известие об исключении из партии Надежды Сергеевны Аллилуевой, – обратится он в Центральную комиссию по той чистке и задиктует такую вот телефонограмму: Лично я наблюдал ее работу как секретарши в Управлении делами СНК, т. е. мне очень близко. Считаю, однако, необходимым указать, что всю семью Аллилуевых, т. е. отца, мать и двоих дочерей, я знаю с периода до Октябрьской революции. В частности, во время июльских дней, когда мне и Зиновьеву приходилось прятаться и опасность была очень велика, меня прятала именно эта семья, и все четверо, пользуясь полным доверием тогдашних большевиков-партийцев, не только прятали нас обоих, но и оказывали целый ряд конспиративных услуг, без которых нам бы не удалось уйти от ищек Керенского. Очень может быть, что ввиду молодости Надежды Сергеевны Аллилуевой это обстоятельство осталось неизвестным комиссии. Я не знаю также, имела ли возможность комиссия при рассмотрении дела о Надежде Сергеевне Аллилуевой сопоставить сведения об ее отце, который работал в разнообразных функциях по содействию

партии задолго до революции, оказывая, как я слышал, серьезные услуги нелегальным большевикам при царизме.

Считаю долгом довести эти обстоятельства до Центральной комиссии по очистке партии.

20 декабря 1921 года в 20 часов.

Ленин».

Скоро, все это скоро будет. А пока что после летних каникул вся семья Аллилуевых в сборе, и Наденька аккуратно сообщает все тем же знакомым о последних своих и городских событиях:

«У нас теперь такая спешка с занятиями, да у меня еще часа два в день отнимает музыка. Вот я Вам пишу – уже 12-й час, а я еще не выучила французский. И так каждый день, раньше часу не ложусь. Уже все лягут, а я все сижу, долблю...

Уезжать из Питера мы никуда не собираемся. С провизией пока что хорошо. Яиц, молока, хлеба, мяса можно достать, хотя дорого... В общем жить можно, хотя настроение у нас (и вообще у всех) ужасное, временами прямо плачешь: ужасно скучно, никуда не пойдешь. Но на днях с учительницей музыки была в Музыкальной драме и видела “Сорочинскую ярмарку”, остались очень довольны. В Питере идут слухи, что 20 октября будет выступление большевиков, но это все, кажется, ерунда...

Наденька ошиблась. «Ерунда» оказалась государственным переворотом, который назовут Великой Октябрьской социалистической революцией, той третьей по счету революцией, которая наконец сдвинула Россию, и она рухнула на колени. Все остальное было делом технического порядка – расстрелы, аресты, массовый террор, гражданская война...

Гимназистка Наденька захвачена потоком бурной петроградской жизни: «Я теперь в гимназии все воюю. У нас как-то собирали на чиновников деньги, и все дают по два, по три рубля. Когда подошли ко мне, я говорю: “Я не жертвую”. Меня спросили: “Вы, наверно, позабыли деньги?” А я сказала, что вообще не желаю жертвовать. Ну и была буря! А теперь все меня называют большевичкой... Всю эту неделю посещаем Всероссийский съезд Советов Раб., Солд. и Крест. депутатов. Довольно

интересно, в особенности когда говорят Троцкий или Ленин, остальные говорят очень вяло и бессодержательно».

В гимназии, в слушанье Троцкого, в домашних делах и хозяйстве – «мама больше не живет дома», «у нас дома для нее уже нет больше личной жизни, а она еще молодая и здоровая женщина...» – Наденька успевает рассмотреть себя в зеркале – хотя бы мгновение перед отходом ко сну – и, к своему удивлению, видит в отражении прекрасную девушку!.. «Я изрядно за этот год выросла и стала совсем взрослая, и меня это радует», – как бы между прочим замечает она после рассказа о маме, которая опять вернется домой: «ей очень скучно жить без своей шумной оравы...»

А вскоре Наденька навсегда оставит и любимый Питер, и гимназию с классными дамами, и уроки музыки, и французский, и этот изрядно надоевший ей «несчастный Закон Божий»... Она еще ворчит на власть Советов Раб., Солд. и Крест. депутатов: «В Питере страшная голодовка, в день дают восьмушку фунта хлеба, а один день и совсем не давали. Я даже обругала большевиков...» Но это так, почти любя, Наденька дает им срок исправить положение: «С 18 февраля обещали прибавить. Посмотрим!..» Тут же с девической непосредственностью она сообщает, что вот фунтов на двадцать поубавилась в весе – все юбки и белье приходится перешивать. «Меня даже заподозрили, не влюблена ли я, что так похудела...»

Да, что уж там было сомневаться-то. Ну конечно же, юная гимназистка Наденька Аллилуева влюбилась. Ее сердце тревожно застучало при встрече с Кобой, который только что вернулся из ссылки и стал одним из руководителей подготовки и проведения октябрьского переворота.

Наденька уже знала о трудном детстве Сталина, о его жестоком отце-сапожнике, который пьянствовал и избивал жену и малолетнего сына; знала, что Сталин одинок – его жена Екатерина Сванидзе умерла совсем молодой. Еще Наденька знала, как однажды партия большевиков осталась без денег – никто не верил в нее, – и тогда Коба взял револьвер, несколько боевых товарищей и среди бела дня ограбил транспорт с государственными деньгами.

Однажды Сталин чуть не погиб. За подпольную работу его схватили жандармы и решили прогнать сквозь строй солдат Сальянского полка. Редко кто выдерживал такое испытание. Сталин выстоял.

Словом, Наденька Аллилуева вышла замуж за Кобу.

Вскоре она переехала в Москву, где стала работать секретарем-машинисткой в Управлении делами Совнаркома. Осенью Надежда Сергеевна вместе со Сталиным побывала на Южном фронте. А дальше, как говорится, все от Бога – родился мальчик...

Это был день, когда правительство Ильича приняло декрет о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом – 21 марта 1921 года. Мальчика назвали Василием. А вскоре Надежда Аллилуева родила Сталину и дочку – Светлану.

Семья жила в бывшем имении нефтепромышленника Зубалова, это недалеко от станции Усово – по ветке Белорусской железной дороги. У бывшего хозяина там было две усадьбы. В одной поселились Микоян с семьей, Ворошилов, Шапошников, а в другой – Сталин. Как вспоминает Светлана Аллилуева, в доме Микояна сохранилась вся прежняя красота: мраморная собака на веранде, мраморные статуи в доме, старинные французские гобелены, разноцветные витражи. «Парк, сад, теннисная площадка, оранжерея, парники, конюшня – все осталось, как было, – пишет Аллилуева. – Наша же усадьба без конца преобразовывалась. Отец немедленно расчистил лес вокруг дома, половину его вырубил, – образовались просеки; стало светлее, теплее и суше. Лес убирали, за ним следили, сгребали весной сухой лист. Перед домом была чудесная, прозрачная, вся сиявшая белизной, молоденькая березовая роща, где мы, дети, собирали всегда грибы. Неподалеку устроили пасеку, и рядом с ней две полянки засеивали каждое лето гречихой для меда. Участки, оставленные вокруг соснового леса – стройного, сухого, – тоже тщательно чистились; там росла земляника, черника, и воздух был какой-то особенно свежий, душистый, я только позже, когда стала взрослой, поняла этот своеобразный интерес отца к природе, интерес практический, в основе своей – глубоко крестьянский...

Маму больше заботило другое – наше образование и воспитание. Мое детство с мамой продолжалось всего лишь шесть с половиной лет, но за

это время я уже писала и читала по-русски и по-немецки, рисовала, лепили, клеила, писала нотные диктанты. Моему брату и мне посчастливилось: мама добывала откуда-то замечательных воспитательниц... Вся эта образовательная машина крутилась, запущенная маминой рукой, – мамы же никогда не было дома возле нас. В те времена женщине, да еще партийной, вообще неприлично было проводить время около детей...»

Ну, и как они жили? Почитайте отрывки из сохранившихся писем друг другу Надежды Аллилуевой и Сталина. Почитайте и поймете, сколько откровенного лукавства о них в книгах раскрученных ремесленников пера, мэтров киноэкрана. Вот Надежда Сергеевна пишет мужу, который лечился на юге (после стольких ссылок в северные-то края): «Иосиф, пришли мне, если можешь, руб. 50, мне выдадут деньги только 15. IX в Промакадемии, а сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь, будет хорошо». Заметьте, это пишет, как бы нынче сказали, «первая леди» рабоче-крестьянской республики. («Надю Аллилуеву невозможно представить себе покупающей драгоценности за границей на кредитную карточку “Америкэн экспресс”. Век Раисы Горбачевой настал много позже...» – *Светлана Аллилуева*.)

А тогда «первая леди» извещает мужа: «Письма с деньгами получила. Большое спасибо. Посылаю тебе шинель, т. к. после юга можешь сильно простудиться». Так в шинелешке с потрепанными рукавами да в стоптанных ботинках Сталин и проходил всю жизнь.

Светлана Аллилуева, теперь вспоминая мать, рассказывает, как она вела хозяйство: «Ни о какой прислуге не могло быть речи. Во всяком случае, важно то, что в доме был нормальный быт, которым руководила хозяйка дома, и никаких признаков присутствия в доме чекистов, охраны тогда еще не было. Единственный “охранявший” ездил только с отцом в машине и к дому никакого отношения не имел, да и не допускался близко...»

Мама работала в редакции журнала, потом поступила в Промышленную академию, вечно где-то заседала, а свое свободное время она отдавала отцу – он был для нее целой жизнью».

Вот Надежда Сергеевна пишет: «О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно, она тебя видела у Кали-

нина на обеде, что замечательно был веселый и тормошил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада».

Через день Аллилуева получает ответ: «Татья! Получил твое письмо.

Ты что-то в последнее время начинаешь меня хвалить. – Что это значит? Хорошо или плохо?»

«Татья!

Напиши что-нибудь... Как доехала, что видела, была ли у врачей, каково мнение врачей о твоём здоровье и т. д. – напиши.

Съезд откроем 26-го. Дела идут у нас неплохо.

Очень скучно здесь, Таточка. Сажу дома один, как сыч. За город не ездил – дела. Свою работу кончил. Думаю поехать за город к ребятам завтра-послезавтра.

Ну, до свиданья. Не задерживайся долго, приезжай поскорее.

Целую.

Твой Иосиф».

«Как дела с экзаменом? Целую мою Татьяку».

«Письмо получил. Книжки тоже. Английского самоучителя Московского (по методу Розендаля) у меня здесь не оказалось. Поищи хорошенько и пришли...

Посылаю тебе лимоны. Они тебе понадобятся.

Как дела с Васькой и Сетанкой?

Целую кепку ного, очень ного».

Сколько в этих строках душевного тепла, тревоги и заботы двух любящих сердец...

На что злопамятный Хрущев готов был нести о Сталине всякую чушь – и то растрогался в своих воспоминаниях об отношениях Иосифа Виссарионовича и Надежды Аллилуевой. Он рассказывает о ноябрьской демонстрации на Красной площади. Тогда Никита стоял еще в стороне от Мавзолея – в «группе актива». И вот запомнилось «нашему дорогому»:

«Аллилуева была рядом со мной, мы разговаривали. Было прохладно. Сталин на Мавзолее, как всегда, в шинели. Крючки шинели были расстегнуты, полы распахнулись. Дул ветер.

Надежда Сергеевна глянула и говорит:

– Вот мой не взял шарф, простудится и опять болеть будет.

Вышло очень по-домашнему и никак не вязалось с представлениями о Сталине, о вожде, уже вросшими в наше сознание.

Кончилась демонстрация, разошлись... На следующий день Каганович собирает секретарей райкомов и говорит, что скоропостижно скончалась Надежда Сергеевна...»

Через день уточнили: Сталин велел сказать, что Аллилуева не умерла, а застрелилась.

Молотов о причине смерти Надежды Сергеевны говорил так: «Она очень ревновала его. Цыганская кровь... Пустили слух, что он ее убил. Я никогда не видел его плачущим. А тут, у гроба Аллилуевой, вижу, как у него слезы покатились...»

Алексей Трофимович Рыбин, охранник Сталина, вспоминал, как он еще долго по ночам ездил к могиле. «Бывало, заходил в беседку и задумчиво курил трубку за трубкой...»

P.S.

Приведу здесь слова любимого романса Сталина.

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня она заветная,
Других не будет никогда...

Без комментариев.

СТРАНА С ДУШОЙ И ИДЕАЛОМ

Много ли может сделать человек, оказавшийся на вершине власти? Конечно, много. Но по-разному. Один, преуспев в подковерной борьбе,

партийных интригах, растеряв на карьерном пути честь и совесть, идет к власти ради себя любимого – потешить свое убогое честолюбие. Такой, как заметил украинский президент Кравчук, за власть готов мать родную зарезать. Или страну пропить. А потом прислушивается, что скажет княгиня Марья Алексевна, и – царствуй, лежа на боку!

У Сталина, прежде чем он стал у руля великой державы, были годы революционной борьбы, тюрьмы, ссылки. Это не курсы высшей партийной школы. И так, имея богатый жизненный опыт, Сталин вел страну, страна вела Сталина. Он рос вместе с нею, и не случайно в годы войны с именем Сталина люди бросались в атаку. Не случайно и слова «За Родину, за Сталина!» стали синонимами.

Пройдемся бегло по годам предвоенного десятилетия, прикинем вехи, которыми шла страна, события в ее жизни и жизни Сталина-человека, чья судьба была неразрывно связана с судьбой народа.

В начале 30-х годов в мире капитала разразился очередной экономический кризис. Естественно, спад производства, безработица. В Штатах, например, в 1932 году безработными оказались 17 млн человек. Спад производства доходил до 15 %. А в СССР экономика развивалась недоступными капиталистическим странам темпами. Так, годовой прирост промышленной продукции составлял 25–30 %! Это, понятно, тревожило олигархов и правящие круги Америки и Европы. Ничего хорошего от них ждать нечего было. Не случайно группенфюрер Г. Мюллер откровенно заметил: «Западная свалка мусора все толкует о Боге и других возвышенных материях, но может заморить голодом целый народ, если придет к выводу, что это соответствует ее интересам». Нынче Штаты уже и не прикрываются фарисейскими разглагольствованиями. Заявление Олбрайт, госсекретаря одного из американских президентов, что Сибири для одной страны – России – слишком много, по-нынешнему называют политкорректностью.

Сталин рассуждал иначе. 17 июня 1930 года, в день пуска Сталинградского тракторного завода, он так сказал рабочим: «50 тысяч тракто-

ров, которые вы должны давать стране ежегодно, есть 50 тысяч снарядов, взрывающих старый буржуазный мир!» А в феврале 1931-го Сталин выступил с речью «О задачах хозяйственников», в которой дал установку, не выдуманную кремлевскими спичрайтерами, вроде «Россия, вперед!» Он прямо, без этих виртуальных лозунгов, обратился к народу: «Помните, мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут!»

Не под фанфары – с трудностями и издержками шла в 30-е годы коллективизация сельского хозяйства. Ответственность за нее принято валить на Сталина. Но еще в 1926 году он выступал против коллективизации, говорил, что колхоз для мужика все равно что граммофон вместо коровы. И хотя в Политбюро уже не было такой угрозы, которая навязывала бы свою волю, – те же Троцкий, Зиновьев, Рыков, Бухарин, – важнейшие решения в начале 30-х годов Сталин принимал не единолично.

...Коллективизация и раскулачивание подорвали производительные силы деревни. Это подталкивало правительство к маневрам и уступкам от «генеральной линии». Выходили постановления о недопустимости ликвидации подсобных хозяйств колхозников, о возвращении им реквизированного скота, соблюдении законности и прекращении в деревне произвола вчерашних «комиссаров в пыльных шлемах».

В ряде областей, однако, прокатились забастовки и отказы от работы в колхозах. Сталин тогда обратился к личной заинтересованности крестьян: был сокращен государственный план хлебозаготовок и мяса, разрешена торговля этими товарами по свободным ценам, отменены многие налоги. Одновременно были приняты меры в ограничении прав карательного органа – ОГПУ.

В начале 1933 года, во время наступившего в стране голода, ОГПУ со скоростью звука фабриковала дела о «шпионско-диверсионной организации», работавшей якобы в пользу Японии. По распоряжению Сталина специальная комиссия расследовала деятельность чекистов в связи с жалобами по делам о «вредительстве в системе наркоматов земледелия

и совхозов». Вот одна из жалоб о «шпионаже в пользу Японии» и распоряжение по этому поводу Сталина:

«Тт. Куйбышеву, Жданову.

Обращаю Ваше внимание на приложенные документы, особенно на записку Ревиса. Возможно, что содержание обоих документов соответствует действительности. Советую:

а) Поручить комиссии в составе Кагановича, Куйбышева и Акулова проверить сообщаемое в документах.

б) Освободить невинно пострадавших, если таковые окажутся.

в) Очистить ОГПУ от носителей специфических “следственных приемов” и наказать последних “невзирая на лица”.

Дело, по-моему, серьезное, и нужно довести его до конца.

И. Сталин».

Вот ведь как Сталин относился к нарушителям законности, а не по выдумкам злодеев хрущевского да и нынешнего времени.

Демократы мотают сопли на кулак: «Ах, маршала, который на скрипке играл, ни за что расстреляли». А сколько тысяч тамбовских крестьян и кронштадтских моряков расстрелял этот барин – помалкивают. И о признании самого кровавого маршала будто никогда не слышали. Но вот признание Тухачевского:

«Народному Комиссару Внутренних Дел Н. И. Ежову.

Будучи арестован 22-го мая, прибыл в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня 26-го мая заявляю, что признаю наличие анти-советского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все, касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно.

26.5.37. М. Н. Тухачевский».

Фальсификаторы истории в таких случаях раскручивают заезженную пластинку о пытках и диких истязаниях во время следствия. Но вот

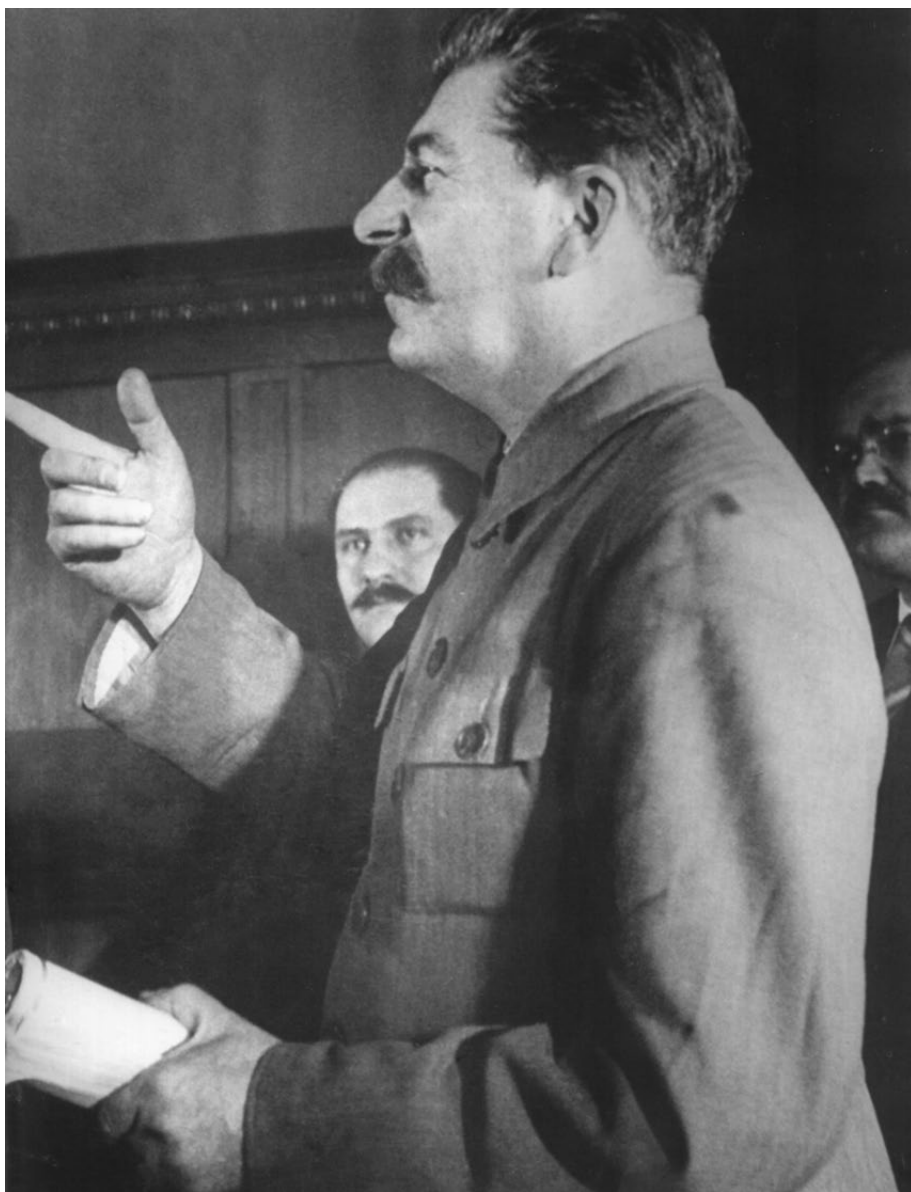
что свидетельствует о Тухачевском следователь Ушаков (Ушамирский Зиновий Маркович): «Я его пальцем не тронул и был поражен, что такой сильный физически и духовно (маршал, герой войны) так сразу во всем признался».

В самом деле, 25-го был первый допрос, а 26-го, прочитав представленные ему документы, Тухачевский сдался. За это время не то, чтобы пытаться – едва протокол за ним успевали записывать. Его подельник Б. Фельдман вообще обошел на виражах Лубянки всех участников заговора. Он стал давать признательные показания в первый же день ареста.

А Тухачевский, уповая на снисхождение в связи с чистосердечным признанием, попросил предоставить ему стенографистку, чтобы продиктовать ей подробно, как члены возглавлявшейся им организации «занимались вредительством, диверсией, шпионажем и изменили Родине». 143 страницы показаний Тухачевского раскрыли не один десяток заговорщиков, а на личном допросе наркома Ежова он рассказал ему, как в 1928 году был втянут в правую организацию, а еще раньше – с 1925 года – вошел в шпионские связи с немцами.

Короче, 11 июня состоялся суд. Все обвиняемые раскаивались, просили снисхождения, кроме В. Примакова. В последнем слове он выступил с пространной речью о заговоре и обвинением всех подсудимых. Восемь красных генералов во главе с Тухачевским были расстреляны.

Вот так, генералы, маршалы, с которыми вместе работаешь, кому доверяешь, при встречах они щелкают тебе каблуками, а сами тайно плетут паутину заговора – готовят государственный переворот; чекисты-гэпэушники – ловцы «японских шпионов», князьки-чиновники – борцы с «саботажем» – все это сопровождало задуманную Сталиным грандиозную перестройку России. Но не их будут винить за репрессии, за голод 1932–1933 годов. «Верный ленинец» Хрущев, скрывая свои преступления, спустит на имя Сталина свору продажных писак, которым все равно, кому служить – лишь бы власть, лишь бы косточка с барского стола. И нынешние «либералы», казалось бы лютые враги «коммуняка», а как нежно, признательно вспоминают хрущевское «потепле-



*«Жить стало лучше, жить стало веселей...»
Выступление И. Сталина на 2-м съезде колхозников-ударников. 15 февраля 1935 г.*

ние» (с психушками!), благоговейно произносят имя «нашего дорогого Никиты Сергеевича».

Однако сказано: собаки лают – караван идет...

К началу 1933 года раньше срока была выполнена Первая пятилетка. Наша страна из аграрной, мелкокрестьянской стала передовой индустриальной державой с самым крупным – социалистическим земледелием.

В среднем тогда ежедневно вступало в строй одно промышленное предприятие, создавались два совхоза, две машинно-тракторные станции, десятки колхозов. Сооружались сотни больших заводов, электростанций, рудников и шахт, прокладывались железнодорожные магистрали. Английский бизнесмен, председатель банка «Юнайтед доминион» Гиббсон Джарви, побывав в нашей стране, вынужден был признать: «Россия движется вперед, в то время как слишком много наших заводов бездействует – и примерно три миллиона людей в отчаянии ищут работу, – пятилетку высмеивали и предсказывали ее провал. Но... В условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось. Во всех промышленных городах, которые я посетил, возникают новые районы, построенные по определенному плану, с широкими улицами, украшенными деревьями и скверами, с домами наиболее совершенного типа, школами, больницами, рабочими клубами, детскими яслями и домами, где заботятся о детях работающих матерей. Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что советское правительство может провалиться», – так обращался банкир к своим собратям, и заключил: «Сегодняшняя Россия – страна с душой и идеалом!» (http://studopedia.ru/9_48979_mif---pervaya-stalinskaya-pyatiletka-fakticheski-provalilas-i-nazapade-otsenivalas-negativno.html).

То-то. «Россия, вперед»... Четверть века прозападники-либералы вытравливают душу народа. Так, ведущий литературный критик и публицист Владимир Бондаренко убежден, что наша держава, у которой была самая мощная в мире армия, рухнула не из-за экономики и не из-за политики, а из-за изменения духа народного.

Что и говорить, специалисты «вашингтонского обкома» дело свое знают туго. Триллионы их «зеленых» затрачены не зря. Уже уходит поколение крепких духом и телом людей, которое построило общество социальной справедливости, в котором было поистине братство народов великой страны. Это о них Сталин сказал: «Из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди...» И с ними учение о возможности построения социализма в одной стране, которую ты любишь, которой предан, и не ищешь еще гражданства на чужбине, – победило!

Припомним «стахановское движение». Начавшись у шахтеров Донбасса, оно охватило всю страну. Это был новый этап социалистического соревнования. Этап не пустой говорильни – сидя на газовой трубе! – о модернизации, нанотехнологии, по Чубайсу, а массовый трудовой подъем, энтузиазм народа, когда шла реконструкция всех отраслей народного хозяйства, ломались старые технические нормы и производительность труда в ряде случаев перекрывала передовые капиталистические страны.

В ноябре 1935 года на Первом Всесоюзном совещании стахановцев вместе с передовиками промышленности и транспорта, трактористами, комбайнерами и доярками Сталин в деталях обсуждал вопросы превращения Советского Союза в могущественную индустриально-колхозную державу. И вот несколько фактов.

К декабрю 1930 года в Москве открылись и вовсю заработали институты: авиационный, автомобильно-дорожный, геологоразведочный, горный, нефтехимической и газовой промышленности, станкостроительный, энергетический, архивоведения и библиотечный. Только учись! Образование бесплатное.

1 октября 1931 года завершилась реконструкция завода АМО (позже ЗИЛ). А 25 октября 1931 года этот завод уже закончил сборку первых 25 советских автомобилей.

1 ноября 1931 года вступил в строй завод «Шарикоподшипник».

25 декабря 1931 года за Серпуховской заставой заработал завод револьверных станков.

29 апреля 1932 года начался выпуск продукции на заводе режущих инструментов «Фрезер».

25 июня под руководством С. Королева были созданы научно-исследовательская и опытно-конструкторская группы реактивного движения (ГИРД). Работай, изобретай!

А господин Медведев с легкостью необыкновенной как-то объявил на всю страну, мол, раз не умеете строить самолеты – будем их закупать у других народов. В самом деле, что в аэроплане «суперджет» нашего, отечественного? Одна оболочка. Возникает вопрос: а от кого будем ждать запасные части и вообще эти самолеты, разбитые, скажем, 22 июня?..

Подпевалы из «пятой колонны» подыгрывают таким реформаторским замашкам. Толкуют, мол, коль решили жить по мировым стандартам, то нет ничего страшного, что небо бескрайней России будут бороздить американские самолеты. Я слушаю такие речи и вспоминаю, как наши «тушки», «илы», «антеи» летали над всеми континентами мира. Так почему у нас 96 % авиапарка «боинги» и «аэрбасы» и только 4 % – отечественные самолеты?

Славу советской индустрии «эффективные менеджеры» пустили под западный нож. Был, например, Московский станкостроительный завод им. Серго Орджоникидзе. Нынче там несколько автосервисов, сеть спортивных магазинов, банк и офисы, офисы...

Станкостроительный завод «Красный пролетарий» выпускал универсальные торные и прецизионные станки, а также станки с числовым программным управлением, многшпиндельные полуавтоматы. Производство их остановлено.

Или вот завод «Динамо» – флагман отечественного моторостроения. Это был едва ли не крупнейший в мире производитель электродвигателей, аппаратуры для электрического городского транспорта, краново-подъемных установок, экскаваторов, прокатных станов, морских судов. Вся нынешняя деятельность завода – аренда.

Знаменитая «Трехгорная мануфактура» на Красной Пресне в руках алюминиевого «короля» Дерипаски, и он готовился построить в здании

старинной фабрики контору – офисно-жилой комплекс. А пока там открыт бассейн для толстосумов.

Второй московский часовой завод «Слава» уже превращен в офисный центр. Московский телевизионный завод «Рубин» нынче известен как торговый «Горбушкин двор». Завод «Москвич» (АЗЛК) уничтожен. Все технологическое оборудование, документация, даже инфраструктурное оснащение предприятия полностью утрачены и распроданы. Огромная территория «Москвича» сдана в аренду.

И так по всей стране. Зато у нас уже около полторы сотни миллиардеров и миллионеров. Торговец газом Миллер, по данным ежемесячника «Форбс», получает по 5 миллионов в день! Неплохо зарабатывает и госпожа Нарышкина – у нее, как сообщает «Комсомолка», в день получается по миллиону. Вперед, Россия!..

25 ноября 1936 года в докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов Сталин предложил проект новой Конституции. Перечисляя огромные изменения, которые произошли в нашей стране после 1924 года, он подчеркнул, что СССР вступил в полосу завершения строительства социалистического общества и что новая Конституция может быть программой борьбы для трудящихся всех капиталистических стран. Эта Конституция была одобрена, утверждена съездом Советов и по праву стала называться Сталинской.

В тридцатые годы в СССР потянулись высокопоставленные представители западных стран – из США, Франции, Англии, Чехословакии. Серию дипломатических контактов с нами открыла Италия. В 1933 году Бенитто Муссолини и Сталин подписали итало-советский акт о дружбе, ненападении и нейтралитете. А в конце года Советский Союз признали и Соединенные Штаты Америки.

После многих лет полной изоляции Запад интересовала жизнь нашей страны, и Сталин встречался со многими писателями, журналистами, политиками. Шутка ли, живет народ без алчных банкиров, ростовщиков, взяточников, казнокрадов, живет не по богомерзким законам – здесь и сейчас! – а с верой в свое будущее.

Вот несколько строк из беседы Сталина с председателем американского газетного объединения Рой Говардом, которая состоялась в начале 1936 года.

«Говард: Вы признаете, что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социализм. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии утверждают, что ими достигнуты сходные результаты. Не является ли общей чертой для всех названных государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?

Сталин: ...Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне построенной, но в корне своем социалистической организацией. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность. Ни итальянский фашизм, ни германский национал-“социализм” ничего общего с таким обществом не имеют... Но это общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной. Мы построили его ради действительной личной свободы, свободы без кавычек. Мне трудно представить себе, какая может быть “личная свобода” у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода» (http://grachev62.narod.ru/stalin/t14/t14_33.htm).

В порядке вещей в обществе, где правит капитал, где все продается и все покупается, средствами массовой информации оглуплять людей, засорять им мозги бытовыми и тусовочными дрязгами «поп-звезд», интриговать, врать напрапалую – вытравливать душу народа. Вслед за Говардом к Сталину обратился еще один американец – корреспондент информационного агентства «Ассошейтед Пресс» Чарльз Ниттер. На Западе в кон-

це 1936 года распространился слух, будто Сталин после тяжелой болезни скончался, и корреспондент ничего лучшего не придумал, как отправить в Кремль письмо на имя Сталина. И вот фельдъегерь-чекист на Рождество доставил американскому корреспонденту такой ответ:

«Милостивый государь!

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если не хочешь быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира. С уважением, Иосиф Сталин».

P.S.

«Молодой народ ценой неслыханных жертв создал нечто очень великое, и вот он стоит перед своим творением, сам еще не совсем веря в него, радуется достигнутому и ждет, чтобы и все чужие подтвердили ему, как прекрасно и грандиозно это достигнутое...

Тупость, злая воля и косность стремятся к тому, чтобы опорочить, оклеветать, отрицать все плодотворное, возникающее на Востоке. Но писатель, увидевший великое, не смеет уклоняться от дачи свидетельских показаний, если даже это великое непопулярно и его слова будут многим неприятны.

Поэтому я и свидетельствую.

...Обожествление Сталина может показаться прибывшему с Запада странным, а порой и отталкивающим, все же я нигде не находил признаков, указывающих на искусственность этого чувства. Оно выросло органически, вместе с успехами экономического строительства. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это благополучие... Народ говорит: мы любим Сталина, и это является самым непосредственным, самым естественным выражением его доверия к экономическому положению, к социализму, к режиму».

Лион Фейхтвангер, немецкий писатель. «Москва, 1937».

МОСКВА, 1937

Журнал «Часовой», орган связи русского воинства за рубежом, издаваемый в Париже, в начале 1931 года писал: «По сведениям лица, прибывшего с юга России, в Красной Армии замечается несомненное брожение. В армии коммунисты ведут энергичную агитацию против Сталина. Сейчас эта агитация стала иногда почти открытой. К противосталинской агитации агенты ГПУ, по словам осведомителя, относятся будто бы чисто формально, стараясь не замечать ее. Объясняется это боязнью, что, в случае победы оппозиции, с особо ревнивыми сторонниками Сталина будут сведены счеты. Привлекается к ответственности главным образом мелкота, а средние и высшие агенты власти, агитирующие против Сталина, остаются в стороне».

Да, в начале 30-х до верхов еще не добрались. В рабоче-крестьянской республике вовсю трудились глубоко законспирированные масонские ложи. Именно тогда, находясь с визитом в Италии, начальник вооружения РККА, заместитель Председателя Реввоенсовета Республики М. Тухачевский посетил одну из римских лож и, как пишет З. Ненезич, автор книги «Масоны в Югославии», «сообщил много интересных данных о жизни, рискованной и героической работе русских лож, запрещенных ЦК большевистской партии». ЦК запретил, а в «свободных каменщиках» состояли и Л. Троцкий, и Н. Бухарин, и К. Радек, и Г. Зиновьев. Член ЦК РКП(б) И. Скворцов-Степанов до самой смерти, в 1928 году, в масонах состоял. Старушка Берберова к нам из Франции как-то приезжала – рассказывала, что ей удалось в масонские архивы залезть и что в них она нашла имена многих большевичков 20-х годов – и главного редактора «Известий», и заместителя Председателя Совнаркома и Госплана РСФСР. По зарубежным источникам, в Советском Союзе действовало 47 масонских лож.

Возможно, не случайно и пражский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в июне 1937 года утверждал, что два представителя высших руководящих кругов Праги «определенно знают о существовании

тайных связей между германским генеральным штабом и некоторыми высшими русскими генералами».

Конечно, не обязательно, чтобы эти «высшие русские генералы» находились в тайных связях с германским генштабом. Было известно, что в то время, а точнее с 1926 года по 1931-й, некоторые красные командиры РККА проходили подготовку на секретных курсах генерального штаба рейхсвера. Так, например, Уборевич учился в Германии в 1928 году. В 1929-м – Якир. А еще раньше – Эйдеман, Корк, Тодорский. А в марте 1926-го с обширной программой военно-экономического сотрудничества в Берлин с секретным визитом ездили заместитель наркомвоенмора и Председатель Реввоенсовета И. С. Уншлихт, начальник военно-химического управления Фишман, начальник военно-технического управления Халепский, заместитель начальника ВВС Муклевич, представитель Главного управления военной промышленности Высочанский, представитель начальника Морских Сил Орас.

Немецкие специалисты внимательно изучали красных командиров. Скажем, о Тухачевском начальник организационного отдела управления сухопутных войск полковник Хильмар фон Миттельбергер записал в отчете, что тот был лейтенантом гвардии в русской армии. Или вот еще характеристика: «Широко известно, что он стал коммунистом только по соображениям целесообразности. Ему, как полагают, присуще мужество решиться на отход от коммунизма в том случае, если дальнейший ход событий подтолкнет его к этому шагу». Характеристика – хоть сейчас на Лубянку! Заметим, до «дела Тухачевского» было еще очень долго – почти десять лет...

Однако оставим масонов: о них все патриоты России – эти «фашисты и антисемиты» – наврали. Согласимся, что информация о них – бредни, что никаких масонских архивов нет, а если и есть, то их специально понаписали, чтобы всех после той Октябрьской революции окончательно запутать. Правда, вот князь Косаткин-Ростовский, полковник, который с будущим маршалом Тухачевским в окопах Первой мировой был и вспоминал потом о целеустремленности к карьере юного подпоручика, – ему-то зачем сочинять? Он-то ведь князь!..

В «Семеновском бюллетене», издававшемся в Париже объединением Семеновского полка, он вспоминает окопы Первой мировой, юного подпоручика, которому суждено было стать маршалом.

Итак, идет бой, немцы обстреливают.

«“Они не заметили.... Лежите! Мы здесь в мертвом пространстве, за бугорками. Сейчас двигаться нельзя до заката”, – сказал мне офицер. Я повернулся к нему. Это был подпоручик Тухачевский. Он лежал рядом и продолжал: “Идти вперед бессмысленно. Мы совершенно отчетливо видны, и надо идти около 1000 шагов по голому полю, скатом к неприятелю. В роте уже есть потери, и капитан Веселаго приказал задержаться”.

Тухачевский рассказал и указал мне расположение рот второго батальона и сказал мне: “Простите, господин капитан, меня очень интересует один вопрос”. – “Какой?” – “Почему вы пошли на войну? Вы уже не так молоды, вы были в отставке по болезни, ваши должности по выборам дворянства и земства освобождали вас от призыва! Почему же вы добровольцем? Что вам надо на войне?”

“Как что, – ответил я, – я офицер, я люблю родину, где же мне было быть, когда она в опасности?” – “Конечно, я очень уважаю это, – ответил Тухачевский, – но к чему вам это, еще ранят или убьют!” Я стал еще доказывать, что как семеновец считал, что мой долг быть в рядах полка в дни войны, был счастлив, что мог пойти с полком, и готов отдать свою жизнь за Россию, и прибавил: “А вы разве не делаете то же самое?”

“Ну, я другое дело”, – ответил он, и глаза его блеснули. “Для меня война в-с-е! Чем бы я был без войны? В лучшем случае через много лет батальонным командиром или пошел бы в Генеральный штаб! А здесь я могу выдвинуться, кто знает, если меня не убьют, чего можно достигнуть на войне! Это мое призвание! Карьера! Помните ландскнехтов? Дрались они, где и когда возможно, за тех, кто их нанимал, и главное, не для каких-то высоких идей, которые вами руководят, а для себя, чтобы взять от войны все, что она может дать! Для меня это главное!”

Князь вспоминал этот эпизод в связи с присвоением бывшему подпоручику Михаилу Тухачевскому звания маршала.

Как же произошел тот качественный скачок миру неизвестного подпоручика из рядов царской армии в «лучшие высшие офицеры Красной Армии»?

Если верить свидетельствам биографов маршала, в котел Октябрьской революции – Петроград, куда съезжались несметные авантюристы, маузерами и наганами желающие исправлять русскую историю, Тухачевский прибыл из Швейцарии в момент полного развала России, в конце 1917-го. Случайная встреча с товарищем по кадетскому корпусу Н. Кулябко круто изменила его судьбу. А дальше, уточняет один из биографов маршала: «Тухачевскому посчастливилось. Он оказался удачлив на встречи с настоящими коммунистами».

В самом деле, кадет Никола Кулябко, с кем Миша Тухачевский музицировал и ставил трогательные до слез домашние спектакли, оказался членом ВЦИК. Он без труда представил своего друга в Смольном. «В апреле 1918 года, не успев толком подчитать “марксистские формулы”, – пишет о Тухачевском замечательный русский писатель Роман Гуль, – уже вступил в РКП(б) и в военном отделе ВЦИКа занял должность инспектора формирования Красной Армии». Дальше пошло еще веселей. Четыре месяца канцелярской работы – и вчерашний подпоручик с мандатом на «исполнение работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командования ими» направляется на Восточный фронт.

На месте, как выяснилось, уже была сформирована армия, и с 28 июня Тухачевский становится ее командующим. Не фунт изюму: в 25 годков – да сразу и в командармы! Особенно если вчерашний подпоручик даже ротой не командовал. В 27 лет он возглавил фронт, в 42 стал маршалом.

Этот факт историки, исследователи, писатели и биографы Тухачевского истолковывают по-разному. Одни не устают повторять, что он-де был признанный полководец, блестящий талант. Пишут об особом к юному командарму расположении товарищей Ленина и Троцкого. Тот самый Кулябко, рекомендовавший Тухачевского в РКП(б), вспоминал: «Когда на Волге вспыхнул мятеж белочехов, я имел случай доложить

о Тухачевском В. И. Ленину. Владимир Ильич очень заинтересовался им и попросил привести “поручика-коммуниста”». Как потом рассказывал Михаил Николаевич своему другу из ВЦИК, посидели они с Владимиром Ильичом, поговорили, «и очень скоро вчерашний поручик получил назначение на пост командующего 1-й Революционной армией Восточного фронта».

Ну что тут скажешь? В распоряжении Совнаркома с февраля 1918 года были опытейшие военные специалисты русской армии: 775 генералов, 980 полковников, офицеры Генштаба. Но Владимиру Ильичу было видней, кого в командармы определять, – он разбирался в людях. Того же Троцкого назвал однажды проституткой – и все тут. Генерал Волкогонов вон как ни крутит вокруг Льва Давидыча, мол, если посмотреть с одной стороны, то... а с другой – это... Но ведь проститутка Троцкий! Так и останется на века.

По душе пришелся вчерашний подпоручик Тухачевский и Льву Давидычу. Примчался как-то Предреввоенсовета – нарком военмор на своем знаменитом паровозе на Восточный фронт, отодрал почти всех командиров и комиссаров за бездействие, а товарища Тухачевского в пример поставил. Тогда по приказу наркома в 4-м Латышском полку были расстреляны все члены полкового комитета, в Петроградском рабочем полку расстреляли каждого десятого – была такая мода, – а в полках казанских татар косили всех подряд – прямо из пулеметов...

И все-таки не за это в начале лета 1937-го красного маршала судили и расстреляли.

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре, – это из стенографической записи последнего слова командарма Примакова. – Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя в руках Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства:

измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели?.. Для восстановления капитализма. Путь один – ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план?.. Я назвал следствию более 70 человек – заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора...

Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора – из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У Якира – родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича – в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...» (<http://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka/stalin-i-hrushev.html?start=16>).

Однако некоторые считают, в частности, писатель В. Карпов уверял, что суд над Тухачевским был хитро обдуман и построен на контрастах: «Одна часть подсудимых – Тухачевский и Якир – поначалу категорически не признавали себя виновными, другая, признаваясь во всем, уличала остальных».

Полно-те! Еще раз повторю: уже на второй день после ареста Тухачевский признался в подготовке военного переворота. Конечно, надеясь, что его помилуют за такое откровенное признание, он взялся даже за разработку стратегических вопросов Красной Армии. Какая на хрен стратегия у недоученного поручика! Позорно проиграть войну с поляками да оставить в плену у них – на гибель! – 60 тысяч солдат? Душить газом русских мужиков? Расстреливать восставших кронштадтцев?..

Мишель Тухачевский дрогнул в точно назначенный день переворота – 15 мая 1937 года. Хотя все было готово для захвата власти, ареста Сталина, и кровавый Лейба Бронштейн с нетерпением ждал своего торжественного въезда в Кремль.

Бывший курсант школы ОГПУ Иван Орлов вспоминал, как в начале 36-го Ягода, его заместитель Агранов, начальник правительственной

охраны комиссар Паукер, его заместитель Волочин и капитан Гинцель сформировали особую роту боевиков. «В нее вошли я и мои однокурсники Середа, Юрчик. Это были боевики двухметрового роста, ловкие, сильные, богатырского телосложения. Нас учили самбо, штыковому ближнему бою, преодолению препятствий. Нас хорошо вооружили и обмундировали. Обычно мы маршировали на площади Дзержинского, а Ягода наблюдал за нами из окна своего кабинета. Наконец нам решили произвести смотр во дворе ОГПУ. Ягода и его единомышленники решили, что мы – те самые парни, которые способны ради их замыслов на любой разбой. Нас готовили для захвата Кремля и ареста Сталина».

Что рота! Два отборных полка должны были участвовать в военном перевороте генералов Тухачевского. Агент НКВД А. Орлов (настоящая фамилия Фельдбин) в свое время удрал в Америку, ну а при «царе» Никите осмелел и в журнале «Лайф» (23 апреля 1956 г.) опубликовал статью о «подоплеке» дела Тухачевского.

По плану заговорщиков, Сталин и Ворошилов должны были собрать высших военачальников для обсуждения вопросов обороны страны. На совещании их хватают, арестовывают. Те полки в это время перекрывают доступы к Кремлю войск НКВД. Сталина, долго не мешкая, тут же расстреливают... О плане Фельдбину рассказал его двоюродный брат З. Кацнельсон, заместитель наркома внутренних дел Украины. То же самое засвидетельствовали, кстати, в разное время, Розенгольц и Крестинский. Они назвали и точную дату переворота – 15 мая 1937 года, и оба подчеркнули, что Тухачевский был уверен в реальности своего замысла. Но заговор провалился.

В России, действительно, несомненно, с искренней безграничной радостью встречали известия о казнях большевиков, совершавшихся в Москве. Все радовались, что наконец-то казнены эти палачи, и были счастливы, что могут открыто, на площадях и на собраниях, кричать анафему казненным, о которых они до сих пор принуждены были молчать, – в книге «Преступление и наказание большевиков» писал старейший русский революционер В. Бурцев и подчеркивал то, о чем нынешние фарисеи-демократы помалкивают:

«Мы с полным правом можем сказать в защиту Сталина, что в бывших троцкистско-зиновьевско-бухаринских процессах он не проявил никакого особенного зверства, какого бы все большевики, в том числе и сами ныне казненные Зиновьев, Бухарин, Пятаков, не делали раньше – все время после 1917 года со своими политическими врагами – не большевиками».

Лион Фейхтвангер, лично присутствовавший на процессе троцкистов Пятакова и Радека, делится своими наблюдениями: «Людей, стоявших перед судом, никоим образом нельзя было назвать замученными, отчаявшимися существами, представшими перед своим палачом... Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику. По общему виду это походило больше на дискуссию, чем на уголовный процесс, дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло и почему это произошло».

Фейхтвангер подчеркивает деловитость и обнаженность, с которой семнадцать обвиняемых «перед своей почти верной смертью рассказывали о своих действиях и давали объяснения своим преступлениям». Писатель замечает, что они признавались: «...один с циничной интонацией, другой молодецкато, как солдат, третий, внутренне сопротивляясь, прибегая к уверткам, четвертый – как раскаявшийся ученик, пятый – поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы...» («Москва, 1937 год»: http://thelib.ru/books/feyhtvanger_lion/moskva_1937_god-read-7.html).

Вскоре после военного суда и расстрела Тухачевского, Якира, Уборевича, Фельдмана, Корка нарком обороны Ворошилов и нарком внутренних дел Ежов подписали совместный приказ, в котором утверждалось, что в стране создана разветвленная сеть шпионов. Всем, кто как-то оказался замешан в шпионской деятельности, было предложено сознаться, а тем, кто что-то знал или подозревал, – доносить. Заработал аппарат ведущей и направляющей силы, активисты его.

Такой силой в белокаменной правил Никита Хрущев. Ходил он в коговоротке – косил под простака. А был Никитка и троцкистом, и верным ленинцем.

Вот что свидетельствует о нем чекист А. Рыбин, в те годы работавший в органах ОГПУ-НКВД:

«14 августа 1937 года состоялся пленум МГК ВКП(б), который заслушал информацию Н. Хрущева по укреплению рядов ВКП(б) в районах партии. Вот фрагмент из его выступления: “Нужно уничтожать этих негодяев, чтобы не дрогнула рука, и переступить через трупы врагов на благо народа”. В этой связи вспоминает бывший член МК, МГК, секретарь Свердловского РК ВКП(б) города Москвы И. Новиков: “В отсутствии Сталина в 1937 г. Н. Хрущев и Г. Маленков проводили пленум МГК ВКП(б). Н. Хрущев обвинял Угарова, Бартановского, Персица и десятки других членов МГК ВКП(б) и секретарей райкомов партии по трем пунктам: 1. Московская партийная организация в своей работе противопоставила себя ЦК ВКП(б) и лично товарищу Сталину. 2. Московская партийная организация вела антипартийный подбор кадров. 3. Утратила революционную бдительность в борьбе с врагами”.

“Арестовано только (!) 308 человек, – раздувал щеки Хрущев. – Надо сказать, что не так уж и много мы арестовали людей... 308 человек для нашей Московской организации – это мало”». (Из Центрального архива общественных движений Москвы.) Всего же в 1934–1937 годах в Московской партийной организации было арестовано 136 из 146 партийных секретарей, многие руководящие советские и профсоюзные работники, руководители предприятий, специалисты, деятели науки и культуры.

В феврале 1938 года Хрущева направляют первым секретарем ЦК Украины. Вот уж раздолье-то помещному князьку! В июне он, горластый, с горящими гневом глазами, уже призывает энергичнее искать недобитых врагов народа: «У нас на Украине состав Политбюро почти весь, за исключением единиц, оказался вражеским! Приезжал Ежов, и начался настоящий разгром. Я думаю, что сейчас мы врагов доконаем на Украине».

Как «доканывал» тех врагов – еще из воспоминаний А. Рыбина: «Мне, Карпову, Черняеву, Квасникову пришлось просмотреть сотни архивно-

следственных дел на арестованных и расстрелянных. Среди них попало дело наиболее характерное. Тогда Н. Хрущев являлся первым секретарем ЦК КП Украины. В деле бывшего наркома НКВД Украины Успенского находился подшитый список на 92 человека с резолюцией Н. Ежова: “Арестовать”. Резолюция появилась после инспекционной поездки Н. Ежова по Украине. Будучи под хмелем он черкнул по этому списку, который подсунуло руководство Украины. Так Никита Сергеевич, словно Мамай, прошел по украинской земле и опустошил лучшие кадры».

Только за первый год владычества Никиты на Украине было арестовано 106 119 человек. В 1939 году – около 12 000 и в 1940-м – около 50 000. Но Никите этого было мало, и он строчил в Кремль такие вот послания: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17–18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более двух-трех тысяч. Прошу принять срочные меры. Любящий Вас Н. Хрущев».

Сталин ему тогда ответил: «Уймись, дурак!»

Ну, уж не-ет, буйного Никиту в борьбе за мировую революцию сдерживать было не так-то просто.

**Постановление
Военного Совета Киевского военного округа
о состоянии кадров командного, начальствующего
и политического состава округа**

1. В результате большой проведенной работы по очищению рядов РККА от враждебных элементов и выдвижения с низов беззаветно преданных делу партии Ленина–Сталина командиров, политработников, начальников – кадры командного, начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народов товарища Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи частей РККА.

2. Враги народа успели немало напакостить в области расстановки кадров. Военный совет ставит как главную задачу – до конца выкорчевать остатки враждебных элементов, глубоко изучая каждого командира, на-

чальника, политработника при выдвижении, выдвигая смело проверенные, преданные и растущие кадры...

Командующий войсками Киевского военного округа

Командарм второго ранга ТИМОШЕНКО

Член Военного совета

Комкор СМИРНОВ

Член Военного совета

Секретарь ЦК КП(б)У Н. ХРУЩЕВ

В итоге беспощадного выкорчевывания троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа:

	По штату	Обновлено
Командиров корпусов	9	9
Командиров дивизий	25	24
Командиров бригад	9	5
Командиров полков	135	87
Командиров УРов	4	4
Начальников штабов корпуса	9	6
Начальников штабов дивизий	25	18
Начальников штабов УРов	4	3
Начальников штабов полков	135	78
Начальников отделов штаба округа	24	19

К слову, этими цифрами любят оперировать историки-фарисеи, приписывая репрессии в армии Сталину. А пошло это вранье с легкой руки того же Никитки.

А вот как обстояло дело в то же время в братской республике Белоруссии. Рассказывает первый секретарь ЦК компартии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко:

«Когда к концу 1938 года я увидел, какие беззакония творятся НКВД у нас в Белоруссии, сколько невинных людей идет под расстрел, я написал об этом докладную Сталину. Тринадцать страниц. И когда поехал

по делам в Москву, передал ему этот документ. По моей докладной было проведено специальное заседание Политбюро, на котором я присутствовал. Я тогда понял, что подобные докладные писали многие партийные руководители с мест. На заседании Сталин был чрезвычайно взволнован, ходил по кабинету, без конца курил трубку, говорил:

– Я не верю больше Ежову! Не питаю к этому морально разложившемуся человеку политического доверия!

Ежов сидел тут же, сжавшись в комок. Такой маленький человечек. Вскоре его сняли с поста наркома внутренних дел. Некоторое время он пробыл наркомом водного транспорта, а потом был арестован и расстрелян».

В конце 1938 года были пересмотрены все судебные дела, проводимые при Ежове. А в 1939-м 327 тысяч политзаключенных вышли на свободу по воле и настоянию Сталина. Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин оставил в дневнике такую запись: «Сталин много раз брал на себя ответственность за отмену наказания, заявляя, что подсудимый невиновен. Но, делая это, он помнил, что не имеет права злоупотреблять служебным положением».

Именно так. Чтобы, например, снять с поста шефа НКВД Ежова потребовалась комиссия из членов ЦК и юристов, ее затем утверждали члены Политбюро и председатель Совнаркома Молотов. Только потом комиссия получила право на ревизию работы НКВД. А Молотов, между прочим, в течение месяца не давал согласие на утверждение той комиссии. Объяснял это Вячеслав Михайлович просто: «Пускай Ежов очистит общество от “пятой колонны”, ведь мы находимся в преддверии войны...»

«Пятая колонна», целью которой была подрывная деятельность в интересах германского фашизма, действительно, формировалась. Бывший нарком И. Бенедиктов свидетельствовал: «Немало врагов пробралось в государственный и партийный аппарат, даже в НКВД. Это была “пятая колонна в стране”. Не случайно в Кремле с 1 по 4 июня 1937 года состоялось расширенное заседание Военного совета при наркоме обороны с участием членов Политбюро и 116 военных работников из разных мест

страны. Цвет высшего комсостава Красной Армии слушал своего наркома о чудовищном заговоре известных военачальников.

На следующий день выступал Сталин. Он также говорил, что в стране давно назревал военно-политический заговор против Советской власти, руководителями которого были Троцкий, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Карахан, Енукидзе, а по военной линии – Тухачевский, Ягода, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник...

“Что это за люди?” – спрашивал Сталин и тут же давал характеристику каждому, подчеркивая, что сама по себе ругань ничего не дает, а чтобы зло вырвать с корнем, его надо спокойно изучить, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь такие безобразия не повторялись...

Начали с малого – с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое, ГПУ у нас в руках. Ягода в руках, Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие, слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели.

Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться?..

...Вопрос – почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки как-никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть, мы малоспособные люди или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии, вам известно, что эти успехи несколько вскружили голову, когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно... Чего же не хватает?.. Всякому из нас открыт путь для того, чтобы двигаться вперед, неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции?

Есть такие мыслишки в головах. Мы-то не знали, что это ядро уже за-вербовано германцами, и они даже при желании от пути контрреволюции не могут отойти, потому что живут под страхом того, что их разоблачат и они головы сложат. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми...

Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость...» (http://grachev62.narod.ru/stalin/t14/t14_48.htm; http://thelib.ru/books/m_n_tuhachevskiy/kak_my_predavali_stalina-read.html).

В обсуждении доклада наркома обороны выступило 42 человека. Мораторий на отстрел «пятой колонны», или, как нынче вежливо выражаются, «агентов влияния», тогда никто не объявлял. На Лубянке учли критические замечания, и, как бывало при Феликсе Эдмундовиче, Лацисе, Урицком, Розе Шварц, Соньке-Золотой Ножке, чекисты тряхнули стариной! Правда, бумеранг прошелся и по их головам...

Расстреляли замнаркома внутренних дел Сорензона (Агранова) Якова Сауловича, заместителя начальника третьего отдела ГУГБ НКВД Во-лынского Самуила Григорьевича, еще одного замнаркома внутренних дел Штубиса (Заковского) Леонида Михайловича, начальника отделения Разведывательного управления Генштаба РККА Фридмана (Максимова-Уншлихта) Макса Германовича, начальника Четвертого управления Генштаба РККА Абрамова Александра Лазаревича, председателя НКВД при правительстве Груз. ССР Розенберга Марселя Израилевича, сотрудника ИНО ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1921 года Гюнзберга (Уманского) Михаила Васильевича, начальника ИНО НКВД Шпигельглаза Сергея Михайловича...

В Иерусалиме Яков Айзенштат выпустил книгу, в которой рассказывает, как смещали наркома иностранных дел Мейер Валлах-Финкельштейна (Литвинова), арестовывали по списку сотрудников наркомата. Свое обращение к работникам этой конторы ее новый нарком Молотов «начал ясно и недвусмысленно:

— Мы навсегда покончим здесь с синагогой...»

Что имел в виду Вячеслав Михайлович? Возможно, состав послов рабоче-крестьянской республики? По данным на 1936 год полпредами Советской России за границей были:

Англия – И. Майский (Штейман), еврей;

Бельгия – Е. Рубинин, еврей;

Норвегия – И. Якубович, еврей;

Финляндия – Э. Асмус, еврей;

Латвия – Л. Бродовский, еврей;

Литва – А. Краский (Брейтман), еврей;

Австрия – А. Лоренц, еврей;

Италия – Б. Штейн, еврей;

Румыния – М. Островский, еврей;

Греция – М. Кобецкий, еврей;

Япония – К. Юренев (Ганфман), еврей;

Франция – Я. Суриц, еврей;

Внешняя Монголия – Б. Таиров, еврей;

Моньчжоу-Ди-Го – Славуцкий, еврей;

США – Трояновский, женат на еврейке.

Вот еще дипломаты из той команды: Л. Мартенс, А. Минкин, Л. Гайкис, Н. Равич, М. Розенберг, Я. Янсон, Ж. Арэнс, М. Галкович, И. Дейчман, В. Осинский, С. Пестовский, А. Петровский, Б. Подольский, Б. Сквирский, Б. Шумяцкий, И. Марцинский, А. Кржеминский, Б. Симанский, Г. Шкловский, Л. Старк. Их всех арестовали. Арестованы были и заведующие отделами наркомата иностранных дел: И. Беклан, А. Нейман, В. Цукерман, Г. Грикман, Г. Ванштейн, Х. Вайнбрег, А. Заславский, М. Логановский, С. Пилявский, Н. Райвид, Б. Розенблюм. Чекисты увели и сына неизвестного Израиля Гельфанда-Парвуса, соратника Ильича, – Е. Гнедича. Он заведовал отделом печати наркомата.

...Много было невинно осужденных. Умело расправлялись с ними такие ведущие специалисты ГУЛАГа, как Берман Матвей Давидыч, Коган Лазарь Иосифович, Фирин Семен Григорьевич, Раппопорт Яков Давидыч, Френкель Нафталий Аронович, Ягода Енох Гершенович... М. Берман, например, чекист с 1918 года, был создателем Главного управления

лагерей (ГУЛАГ) – огромного предприятия с использованием рабского труда заключенных.

На том бы и закончить разговор о приснопамятном 37-м. Тербя его, лукавое племя пропагандистов и сомнительных историков валят в одну кучу всех – заговорщиков, шпионов, уголовников и без вины виноватых, государственных изменников и нарушителей законности, по чьей вине совершались преступления, приписываемые Сталину.

И вот тогда рождаются цифры, которым попробуй не поверь! 2.000.000 расстрелянных – звучит? А на таком фоне расстрел Ельциным 1.500 ни в чем не повинных душ – это, как сказал сын члена Политбюро, генерал А. Микоян, «расстрел скорее моральный, чем фактический» (официально принято считать 150 расстрелянных парламентариев). Так и рождается все разъедающая ложь, которая не оставляет людям ничего святого.

Справедливое суждение о своеобразии той эпохи высказал известный историк В. Кожин:

«Большинство из того, что до сих пор о 37-м годе написано, – это, в сущности, эмоциональные всплески. Можно понять людей, особенно тех, которые сами пострадали или их отцы, их деды пострадали. Но все-таки надо еще и глубоко, основательно понять, что же тогда произошло. А вот для этого сделано очень мало.

Какое наиболее популярное объяснение? Что Сталин был такой страшный человек и что он в своем стремлении к безраздельной, диктаторской, деспотичной власти (как любят говорить – власти восточного сатрапа) уничтожал всех, кого в какой-то мере мог считать не только людьми враждебными, а, скажем, не вызывающими доверия лично у него. Но, подумайте, сами масштабы того, что произошло, никак не согласуются с этим. Ведь погибли сотни тысяч людей. Что же, все погибшие – личные противники Сталина?

Нелепо думать, будто все исходило от одного человека... Я уже не раз приводил пример, который наглядно показывает, что лично Сталина считать человеком кроважadem бессмысленно. Этот пример – история с его дочерью. Как вы знаете, шестнадцатилетнюю девочку начал соблаз-

нять почти сорокалетний мужчина, блистательный по-своему, – сценарист, киносценарист Каплер. Там уже были поцелуи и объятия, а главное – своего рода развращение.

И как поступил Сталин? Он, в сущности, отправил его в административную ссылку. Его, правда, объявили шпионом, но даже это очень характерно: объявляют шпионом, а всего-навсего отправляют в Воркуту, где он был совершенно вольным, работал каким-то фотографом, одно время заведовал литературной частью местного театра. Я вам прямо скажу: любой человек с кавказским менталитетом, имея такую абсолютную власть, как Сталин, и увидев, что его дочь соблазняет какой-то распущенный мужик, да он просто своими руками придушил бы его! Или велел бы пристрелить, как собаку. Ведь в это время, кстати, Каплер ездил на фронт, оттуда он в “Правду” присылал статьи, где прямо обращался к Светлане, и, конечно, Сталину соответствующие люди все это доносили, он все это прекрасно знал. И ему ничего не стоило отдать приказ пристрелить его – мало ли, шальная пуля там где-то на фронте... Он этого не сделал. Так что я никак не могу считать, что Сталин был лично кроваваден. Не вяжется с фактами!»

26 ноября 1936-го после первого дня работы VIII Чрезвычайного съезда Советов СССР, на котором была принята новая Конституция, писатель Корней Чуковский сделал в дневнике такую запись: «Вчера слушал в Москве по радио речь Сталина. Эта речь на века...» Да, знал бы Корней Иванович, сколько яда выпустят либералы по поводу той Конституции, одной из лучших в мире и по праву названной «Сталинской».

На съезде Сталин хмурился, слушая Никиту Хрущева, первого секретаря МК и МГК, который в своем выступлении больше пятидесяти раз повторил его имя. Не случайно Сталин потом заметил: «Подхалимствующий дурак приносит больше вреда, чем сотни врагов».

В конце декабря в Москву приехал немецкий писатель Лион Фейхтвангер. Он был в восторге от жизни москвичей: «Клубы рабочих и служащих, библиотеки, парки, стадионы – все это богато, красиво, просторно...» В декабре начал работу Государственный хор СССР, основано Всесоюзное

добровольческое спортивное общество профсоюза железнодорожников «Локомотив», открыт Центральный детский театр.

31 декабря за час до Нового года по радио передавали концерт. Выступали Обухова, Степанова, Азаринов, Ерюшков, Бабанова, Ойстрах, многие другие. А с наступлением 1937 года началась трансляция праздника из клубов столицы.

Да, вот еще из уходящего 1936-го. Событие не ахти какое, но следует отметить, что 16 ноября послом США в СССР был назначен Джозеф Дэвис. Пройдет совсем немного времени – каких-то четыре года – и он выскажет суждение, трудно перевариваемое лютыми ненавистниками Сталина: «Теперь совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью решительного и эффективного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от переворота изнутри, но и от нападения извне...» Такое вот суждение о «сталинском терроре» и «пятой колонне» (http://studopedia.ru/15_50768_o-strashnom-.html).

Однако жизнь продолжалась. 10 февраля 1937 года в Большом театре состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина.

14 февраля в Москве открылся Дом актера Всесоюзного театрального общества.

2 марта в Государственной Третьяковской галерее открылась выставка народного творчества, на которой было представлено искусство Палеха, Мстеры, Холуя, росписи по дереву, резьба по кости.

В начале марта по улицам столицы прошла колонна первых советских автомобилей «ЗИС-101», а в конце, 20 марта, был открыт для пассажиров участок метрополитена «Смоленская–Киевская» (с мостом через Москву-реку).

1 апреля страна узнала о выполнении плана 2-й пятилетки за 4 года и 3 месяца.

11 апреля с Ногинского полигона под Москвой взлетела наша первая боевая ракета на жидком топливе. Она пролетела 12 километров.

14 апреля в Большом театре состоялась премьера оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила».

Народная артистка СССР В. Барсова и народный артист М. Михайлов сорежиссером всех оперных постановок в Большом театре называли Сталина. Так, в финале оперы «Иван Сусанин», по настоянию Сталина, хор исполнял «Славься» Михаила Ивановича Глинки. «Как же так, без “Славься”? – говорил Сталин. – Ведь на Руси тогда были князья, бояре, купцы, духовенство, миряне. Они все объединились в борьбе с поляками. Зачем же нарушать историческую правду? Не надо».

Сталин тогда обратил внимание на огульное осуждение отечественной истории, пренебрежительное отношение к русской культуре. Идеологи-то Октября вытравливали из русского народа все национальное, русское, законодательно запрещали любовь к своему Отечеству, оплевывали наши святыни. На Бородинском поле на месте взорванных памятников в честь победы над Наполеоном поставили памятник Иуде Искарйоту! В умы и сердца подрастающего поколения вдалбливали «Русскую историю» некоего Покровского, в которой прошлое великой России подавалось как беспросветный мрак и дикость нашего народа.

В разгул нынешней демократии комедиант Хазанов на тему нашей истории как-то продемонстрировал отвратительную сценку: изображая якобы пьяного школьного учителя, он оперся о стул, раскорячился и так несколько минут нес всякую мерзость – якобы вел урок русской истории. Не за это ли ему четвертый орден? Полных кавалеров этого ордена в Российской Федерации всего 30 человек, из них только четыре ученых и Гена Хазанов, «мальчик из кулинарного техникума»...

Тогда, в середине 30-х годов, школьный учебник истории был внимательно разобран и решительно переписан с замечаниями Сталина, Жданова и Кирова – злобной русофобии в нем не осталось места.

В те годы на экранах страны стали выходить новые кинофильмы о героическом прошлом нашего народа: «Петр Первый», «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов» – не нынешняя хренотень о «штрафбатах»...

К 750-летию «Слова о полку Игореве» в ЦПКиО им. Горького состоялось объединенное заседание Академии наук и Союза писателей СССР.

Мне довелось редактировать военные мемуары Главного маршала артиллерии Н. Воронова. Человек высокой культуры, Николай Николаевич владел французским языком, без переводчика сопровождал в Сталинграде президента Франции де Голля. Для себя маршал делал записи и разные пометки в обычном блокноте, который принес в нашу историческую редакцию во время работы по изданию книги отца его сын. Вот несколько строк из того блокнота:

«Мне довелось много общаться со Сталиным в различной обстановке – в Ставке, на его даче и квартире, а также однажды в боевых условиях на Западном фронте. Я стал встречаться с ним начиная с 1937 года, с назначением меня начальником артиллерии Красной Армии. Он производил благоприятное впечатление своей начитанностью, – пишет известный в годы войны военачальник и приводит пример: – Заведя как-то разговор по поводу бессмертного “Слова о полку Игореве”, Сталин особенно восхищался стихотворным переложением, сделанным Аполлоном Майковым, ставя его выше, чем В. А. Жуковского. Как бы в подтверждение, он по памяти зачитал всю сцену “Игоревой брани” как одного, так и другого авторов».

Дальше Николай Николаевич Воронов замечает, как Сталин «увлеченно начинал рассказывать историю возникновения государства Тевтонского ордена – в дальнейшем Ливонии, на протяжении долгого времени угрожавшей Древней Руси, при этом замечая, что нашим академикам-историографам предстоит еще много попотеть над ее “белыми пятнами”».

Наш современник, замечательный русский писатель Владимир Владимирович Личутин однажды заметил: «Может быть, когда-нибудь придет на Русь такой управитель, который будет, наконец-то, читать книги. Единственным властителем за последние сто лет, который внимательно читал книги, был Иосиф Сталин. Будем надеяться, что вновь появится такой управитель, который будет ценить вкус художественного слова» (http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/denliteraturyi/m/j2.html).

Не случайно сказаны эти слова. Может, вспомнят, что наша страна в 30-е годы была самой читающей в мире, что у нас вышло тогда уникальное издание «Academia», неповторимая публицистика древней истории «Откровения протопопы Аввакума», сказки «Тысячи и одной ночи», тома Гёте, Сервантеса, вся русская классика. Может, вспомнят, что в школах тогда мы учили стихи Пушкина, Лермонтова, Майкова, Тютчева, Никитина и не требовалось угадывать – с трех раз! – кто автор «Евгения Онегина»: Чубайс, Черномырдин или Пушкин.

Летом 1937-го, 18–20 июня, В. Чкалов, Г. Байдуков и А. Беляков совершили перелет через Северный полюс из Москвы в Америку. Выступая на правительственном приеме в честь завершения исторического перелета, Сталин подчеркнул возросшее мастерство и уровень знаний советских летчиков: «Смелость и отвага – это только одна сторона героизма. Другая сторона, не менее важная, – это умение. Смелость, говорят, города берет. Но это только тогда, когда смелость, отвага, готовность к риску сочетаются с отличными знаниями».

Забегая вперед, замечу: в начале 50-х годов «сталинские соколы» сошлись с американцами в небе Кореи и победили!..

15 августа 1937 года, в канун Дня Воздушного Флота, в Москве были приняты в эксплуатацию станции метрополитена – в Филях, у завода «Шарикоподшипник», у Курского вокзала, в Чистяковском переулке и у ЦПКиО им. Горького.

Сентябрь. В столице, на ул. Горького, № 48, открылся первый магазин штучных товаров – без весов, все товары продавались в расфасованном виде. Мясо и копчености, завернутые в бумагу, сосиски определенного веса поставлялись в магазин прямо из мясокомбината.

В первый же год второй пятилетки Сталин отменил карточную систему. Писатель А. Авдеенко, делегат с Урала на VII Съезд Советов, вспоминал: «Иду по вечерней Москве. Много сегодня на улицах народа. Пылает лозунг: “Привет делегатам съезда Победителей!” Перед площадью Пушкина внимание привлекает нарядный, с зеркальными окнами магазин... Острый аромат свежеевыпеченного хлеба, хлеб пшеничный, черный, пеклеванный, ржаной. Булки. Пряники. Калачи. Бублики. Суха-

ри. Листовые хлеба. Подковки с маком. Гребешки с сахаром. Кавказские чуреки. Замысловатые кренделя. Рулеты с маком. Ромовые бабы. Квадратные кирпичики английских кексов и горы подрумяненных горячих пирожков с мясом, капустой, рисом, картофелем и всякой всячиной... Магазин имеет в продаже двести двадцать сортов хлеба!..» (<http://www.fedy-diary.ru/?p=3690>)

А вот и публицист В. Бережков вынужден был признать, что трудные годы первой пятилетки сменились временем процветания страны и, как сказал Сталин, «жить стало лучше, жить стало веселей!». И Бережков перечисляет, что появилось в магазинах: «В деревянных кадках стояла черная и красная икра по вполне доступной цене. На прилавках лежали огромные туши лососины и семги, мясо самых различных сортов, окорока, поросята, колбасы, названия которых никто не знает, сыры, фрукты, ягоды – все это можно было купить без всякой очереди и в любом количестве. Даже на станциях метро стояли ларьки с колбасами, ветчиной, сырами, готовыми бутербродами и различной кулинарией. На больших противнях были разложены отбивные и антрекоты. А в деревнях в любом дворе в жаркий день вам выносили кружку молока или холодной ряженки и не хотели брать деньги».

Заметим, все эти продукты были натуральные, без консервантов, стабилизаторов, красителей, нитратов и прочей гадости, вредной для здоровья человека, но выгодной взошедшему, как сорняк, поколению торгашей и так называемых «предпринимателей» – детей рынка.

В конце 30-х моего отца после бухгалтерских курсов в Иваново направили в северный городок Сегежу. Там работал один целлюлозно-бумажный комбинат, ну и были, как в любом уважающем себя населенном пункте, дворец культуры, гостиница, больница, магазины. А еще, что мне по малолетству запомнилось, – это шарабаны, полные всяческой снеди. На высоких бортах их было написано: «Доставка продуктов на дом». На полках таких передвижных магазинов отраду для себя мог найти самый привередливый гурман.

...1937-й заканчивался. Что еще было сделано, чем запомнился моим современникам этот год?

17 октября. В Колонном зале Дома Союзов состоялось первое выступление Государственного ансамбля народного танца СССР под руководством И. Моисеева.

3 ноября на площади Маяковского открылся Театр кукол.

8 ноября в Государственном музее керамики был выставлен советский художественный фарфор.

11 ноября на Кузнецком мосту открылась выставка мастеров советской сатиры.

13 ноября в Музее нового западного искусства на ул. Кропоткинской состоялось открытие выставки советской цветной гравюры.

17 ноября начал работу Центральный дом архитекторов.

Впервые фабрика звукозаписи выпустила в свет пластинки джаза Л. Утесова.

В Московской консерватории состоялось первое выступление Государственного ансамбля оперы СССР под руководством И. Козловского.

В Колонном зале Дома Союзов прошло первое выступление Государственного джаз-оркестра СССР под руководством В. Кнушевицкого.

В 1937 году в стране действовало около 30 тысяч самодеятельных народных хоров, почти 25 тысяч оркестров народных инструментов, были открыты сотни театров народного творчества.

Московские ЗАГСы ежедневно регистрировали 147 браков. В нашей столице ежедневно рождалось 372 человека. Детьми при Сталине не торговали.

P.S.

«В России в 1941 году не оказалось представителей “пятой колонны” — они были расстреляны. Чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены».

Джозеф Э. Дэвис, американский посол в СССР

«Начиная с Хрущева, подробности предательской и заговорщической деятельности “жертв сталинизма” засекречены. Но и сегодня они по-прежнему засекречены, более того, дела в архивах уничтожа-

ются и фальсифицируются. Правда о “жертвах сталинизма” тщательно скрывается, и причина очевидна – узнай мы ее, и у нас возникнет понимание, за что расстреливались тогдашние “пламенные чекисты” бакатины и калугины, “военные профессионалы” грачевы и шапошниковы и т. д. и т. п.»

Юрий Мухин, историк, публицист, г. Москва

«Взглянешь сегодня на тех, кто развалил наше Отечество, кто грабит и разворовывает нашу землю, кто распродает ее всякому жулью, сразу убеждаешься, что так оно и было. Жива “пятая колонна”! Живы и по-прежнему процветают христопродавцы иуды и каины, крысами годами и десятилетиями точившие корпус нашей державы, травившие ядом своей крысиной злобы воздух советской жизни, обволакивавшие дурманом своего двуличия сознание советских людей, сбивавшие нас с толку ложью и лицемерием “борьбы с культом личности Сталина”».

Михаил Постол, г. Краснодар

НЕ ЛЕПО ЛИ НЫ БЯШЕТ, БРАТИЯ, СМЫСЛ РАЗУМЕТЬ ПЕЧАЛИ ОБИЛЬНАЯ СРЕДЬ ЗЕМЛИ РУСКИЕ?

Все, что касается Сталина – его государственной деятельности и личной жизни, – в либеральной идеологии несет отпечаток беззастенчивой фальсификации, искажения очевидных фактов и откровенной лжи. Помните чубайсовское «больше наглости»?

После октября 1917-го в пропагандистском арсенале Кремля безотказно действовали дежурные штампы и ярлыки, вроде «пережитки прошлого», «остатки царизма». Тогда, действительно, непросто было заставить человека, скажем, отказаться от веры в Бога, заповедей Христа, а догмам и заклинаниям ненавистника России Маркса поверить. Но нынче-то, больше 60 лет спустя после смерти Сталина, что уж он так тревожит российских

реформаторов? Снова штампы, ярлыки несогласным с ними: «красно-коричневые», «сталинисты», «совки». Кремлевские идеологи запустили в оборот даже специальный термин – «десталинизация общества».

Мать честная, да те, кто родился в год ухода из жизни Сталина, уже прадедушки и прабабушки – сколько поколений сменилось! Одного пацана как-то спросили перед телекамерой, кто такой Сталин? Пацан почесал репу и говорит: «Да, кажись, у него клевая группа тяжелого рока»... Гозман, он из чубайсовцев, Сталина называют вурдалаком. Познер, ведущий в телящике душевные беседы с улыбкой палача перед жертвой, Сталина сравнивает с драконом. При этом добавляет, мол, дракона убивают, но от него появляются маленькие дракончики. Тут Познер смотрит в камеру, держит паузу и улыбается – словно уже топор над головой занес...

Чуждая нашему народу, эта братва мне напоминает клубок змей в период их размножения. Помню, когда мы в астраханских песках выполняли пуски ракет класса «воздух–воздух», это ракетой по ракете, руководитель полетов советовал в случае остановки двигателя катапультироваться, а после приземления распустить парашют, поудобнее устроиться на нем и ждать вертолета. «Не вздумайте бродить по пустыне, – наставлял он. – Змеи сожрут!» Была пора змеиных свадеб, и они собирались в кучу – до 400 штук...

Но, мнится мне, тот клубок ползающих тварей по природе своей куда как естественнее в экстазе, чем люди, живущие по хватательному принципу «Здесь и сейчас!». Для них не только имя Сталина – даже буквы СССР звучат как вызов.

И это понятно. Сталину на практике удалось доказать, что можно построить общество без господства паразитного финансового капитала, общество, в котором ликвидирована эксплуатация человека человеком. Все трудящиеся нашей страны при Сталине обрели такие социальные гарантии, каких не знала история. Это – гарантированное право на труд, 7-часовой рабочий день, оплачиваемый отпуск, общедоступное и бесплатное образование вплоть до высшего, общедоступное и бесплатное здравоохранение, равенство в правах всех граждан независимо от пола, расы, национальности, вероисповедания.

Мощным двигателем прогресса в стране стала уверенность советских людей в завтрашнем дне, отсутствие страха банкротства предприятия, потери работы, зависимости от мировых кризисов. Сталин совершил почти невозможное, подняв Россию до уровня мировой державы и превратив ее в несокрушимый бастион. Так что понятно, почему для познеров, гозманов, сванидзе и прочая он страшнее дракона – Сталин стал символом отрицания того, что происходит сейчас. И уж тут холуи криминально-олигархического режима дегтя на его имя не жалеют! Кто не согласен, не понимает такой их «черный квадрат» – болван да еще и экстремист.

Компашка во главе с одним буйным шоуменом бросила лозунг: «О Сталине – плохо или ничего» – и проталкивает через Думу закон: приравнять сталинизм к экстремизму. А дальше, как у нас старшина роты Голуб говорил: «Не знаешь – научим, не хочешь – заставим!» Пока что хорошо оплачиваемые бойцы литературного спецназа, гламурные режиссеры-киношники и шуты гороховые учат дремучий электорат. Но дело у них идет со скрипом, и чем дальше эта их работа – борьба за счастье народное! – тем тот самый «электорат» становится неприступнее к пониманию полотен, исполненных широкими мазками дегтя.

Вот смерть жены Сталина. Надежда Аллилуева покончила жизнь самоубийством – застрелилась. «Нет! – кричат злопыхатели. – Сталин ее застрелил. И на похороны жены не ездил... Ах, ездил? Ну, так гроб ее чуть не перевернул!» И уж тут не до свидетелей, участников тех похорон. Вячеслав Молотов рассказывал, как было на самом деле, как переживал Сталин, прощаясь с Надеждой...

Охранник Рыбин стал свидетелем, как Сталин по ночам ездил к могиле жены. Сохранилось письмо Сталина матери: «После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь», – пишет он и словно успокаивает то ли мать, то ли себя: «Но ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

Через два года на Сталина свалилось еще одно глубокое личное горе. 1 декабря 1934 года выстрелом из револьвера был убит его друг,

член Политбюро Сергей Миронович Киров. Убийцу задержали на месте преступления.

«Не согласная я! – завопила, скажу словами Александра Ивановича Куприна, “старая, истеричная, припадочная блядь”. – Кирова Сталин убил!» А в жизни первым такой хай поднял Лейба Троцкий. Ему, видишь ли, в Мексике из-за бетонных стен своего логова хорошо было видно, кто стрелял в Питере...

Молотов назвал еще одного «несогласного». Им, оказывается, явился «наш дорогой Никита Сергеевич». Спустя годы он вдруг взволновался тем происшествием: «Хрущев намекнул, что Сталин убил Кирова. Кое-кто до сих пор в это верит. Зерно было брошено».

Известно, Никита и по поводу смерти Надежды Сергеевны Аллилуевой подбрасывал «зернышки» – так, как бы между прочим, мол, Сталин убил свою жену: «Были такие слухи, и я лично их слышал».

Ну, раз «наш дорогой» слышал, значит, так тому и быть: убийца – Сталин.

Никита Хрущев и Анастас Микоян – активные участники кружка художественной самодеятельности на Ближней даче Иосифа Виссарионовича. Никита перед Сталиным гопака наяривал, Анастас, по просьбе хозяина, исполнял кавказский танец – лезгинку. Все происходило дружески, по-братски. Но вот прошло время, Сталина не стало, и в его огород – по поводу убийства Кирова – Анастас тоже подбросил свое зернышко.

В книге «Сталин. Каким я его знал» (М., 2013) он пишет: «В моей памяти осталось совершенно непонятным поведение Сталина во всем этом: его отношение к Ягоде, нежелание расследовать факты. В другом случае он расстрелял бы сотни людей, в том числе чекистов, как в центре, так и на местах, может быть и невинных, но навел бы порядок. Когда же необходимость серьезных мер вытекала из таких поразительных обстоятельств гибели Кирова, он этого не сделал».

Но вот незадача: чуть раньше у того же автора была иная оценка тех дней. Значит, 10 часов вечера. В кабинете Сталина в Кремле экстренное заседание Политбюро. Микоян вспоминает: «Сталин объявил, что убит

Киров. Он тут же, до какого-либо расследования, сказал, что зиновьевцы, потерпев поражение в открытой борьбе, перешли к террору против партии. Он предложил, чтобы Молотов и Ворошилов с ним немедленно выехали в Ленинград для проведения расследования этого дела... предложил принять чрезвычайный закон, по которому за террористические акты террористы будут беспощадно наказываться, а судебные решения о расстреле будут приводиться в исполнение немедленно, без права апелляции. Это было так неожиданно, невероятно, так нас подавило, что обсуждения никакого не было. Сталин поручил Енукидзе подготовить постановление ЦИК».

Вот ведь как дело-то обстояло. Сталин сразу же после убийства Кирова выехал в Ленинград и взял следствие под свой личный контроль. Он сам и допрашивал Николаева, убийцу Сергея Мироновича. Заметьте, Микоян же пишет, что Сталин поручил Енукидзе готовить постановление ЦИК о расправе с террористами.

Что же тут «совершенно непонятного» в поведении Сталина, «во всем этом...»? Микоян якобы разговаривал с Серго Орджоникидзе, обменивались мнениями по этому вопросу, и оба «удивлялись, поражались, не могли предположить и понять». Вот оно, «зернышко»-то в огород Сталина!

А к чему намек Микояна о сотнях людей, в том числе невинных, которых Сталин мог бы расстрелять, да не расстрелял? Разве немедленное расследование «этого дела» вместе с Молотовым и Ворошиловым, чрезвычайный закон по борьбе с терроризмом, Постановление ЦИК, о чем сам Микоян и рассказывал, не достаточно «серьезные меры», принятые после убийства Кирова?

К тому же известно, что убийца, а с ним более ста человек, обвинявшихся в терроризме и находящиеся в это время в тюрьмах, были все-таки расстреляны.

«Удивлялись, поражались» два кавказских человека, словно и не заметив, что уже через две недели после суда над убийцей Кирова на скамье подсудимых, обвиняемых в соучастии к террористическому акту, сидели шишки из Кремля – Каменев и Зиновьев. Они, конечно, призна-

вали, что несут моральную и политическую ответственность за убийство Кирова, но упорно отрицали свою осведомленность о подготовке покушения на его жизнь.

Ленинградский суд приговорил Зиновьева к 10 годам заключения, а Каменева – к 5. Неужели член Политбюро Микоян не знал об этом? А протоколы допросов группы троцкистов и зиновьевцев? Похоже, Анастас Иванович и это запамятовал. За давностью лет...

А тогда нить за нитью следственные органы распутывали хитросплетения заговора. Военная коллегия Верховного Суда Каменева и Зиновьева за террористическую деятельность и измену приговорила к расстрелу. Сохранились протоколы их допросов и признаний.

Вот некоторые выписки из них.

Герш Аронович Апфельбаум-Зиновьев: «Я действительно являлся членом объединенного троцкистско-зиновьевского центра, организованного в 1932 году. Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким, от которого Смирновым были получены прямые указания по подготовке убийства Сталина.

Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени объединенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде. Это поручение мною было дано в Ильинском осенью 1932 года».

Розенфельд-Каменев: «Да, вынужден признать, что еще до совещания в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. При этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока – Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к этому мероприятию в осуществлении тех начал, которые были положены в основу блока».

И далее:

«Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял».

Для объединения террористических групп был создан так называемый московский центр. В него входили Бакаев, Рейнгольд, Никель, Мрачковский, Дрейцер. Организатор террористических актов Бакаев показал на допросе: «Я признаю, что мне лично Зиновьев поручил организовать убийство Сталина в Москве».

И далее:

«По указанию Зиновьева к организации террористического акта над Сталиным мною были привлечены зиновьевцы Рейнгольд, Богдан и Файвилович, которые дали согласие принять участие в террористическом акте.

Наряду с ними убийство Сталина готовили И. Н. Смирнов и С. В. Мрачковский, которые получили прямую директиву Троцкого совершить террористический акт».

Но вот Хрущеву всенепременно хотелось, чтобы в такой компании был Сталин и считать его убийцей Кирова. «Была создана комиссия в 1956 году. Человек двенадцать разных, – это Молотов рассказывал, – смотрели много документов, ничего против Сталина не нашли. А результаты не опубликовали...

Помню, что был Шверник, были, по-моему, Суслов, Каганович, Фурцева, прокурор Руденко... Человек десять-двенадцать. Точно не помню, пожалуй, был Микоян.

Докладывал Комитет государственной безопасности. Группа Руденко материалы проверяла, рассматривала. Довольно много материалов... Комиссия пришла к выводу, что Сталин к убийству Кирова непричастен. Хрущев отказался это опубликовать – не в его пользу».

Понятно, поиски «царя-кукурузника» не в пользу и нынешним либералам, борцам со «сталинизмом» в сознании народа. А что свидетельствовали люди из окружения Сталина, кто был для него Киров – друг или конкурент на политическом поприще? Власик, начальник охраны Сталина, уверен, что Кирова он любил и уважал больше всех: «Любил его какой-то трогательной нежной любовью. Приезды Кирова в Москву и на юг были

для Сталина настоящим праздником. Приезжал Сергей Миронович на неделю, две. В Москве он останавливался на квартире у Сталина, и Иосиф Виссарионович буквально не расставался с ним» (http://thelib.ru/books/nikolay_vlasik/stalin_lichnaya_zhizn_sbornik-read.html).

«Потрясенный смертью Сергея Мироновича, Сталин за эти дни осунулся и почернел, оспины на лице стали виднее... После смерти жены у него не было более близкого человека», – вспоминает охранник Рыбин.

И Молотов: «Говорить о Кирове как о каком-то его заместителе в этом деле – это такой абсурд для каждого грамотного, знающего дело коммуниста! Это настолько противоречило взаимоотношениям между Сталиным и Кировым и, прежде всего, мнению самого Кирова о своих возможностях! Это настолько противоречило, что только такой уголовный тип, как Никита, мог договориться до того, что Сталин будто бы имел специальную цель покончить с Кировым...» (<http://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka/stalin-i-hrushev.html?start=10>).

И вот деталь. Именно с расстрела организаторов убийства Кирова профессиональные, хорошо оплачиваемые борцы со «сталинизмом» начинают отсчет репрессий 30-х годов. Почему, однако, их называют «сталинскими»?

Вот Хрущев – все произведения Сталина приказал изъять из библиотек и сжечь. Переведенные на многие языки, те книги разве не хранили опыт революционной борьбы, строительства нового общества в истории человечества? Никите ничего не стоило выслать писателя, не любого ему, на чужбину или упрятать в «психушку». Восставших против его бредовых реформ он арестовывал, расстреливал огнем карателей.

А Ельцин, лучший среди президентов исполнитель рока, разве не он недовольных его правлением избивал дубинками омоновцев? Разве не он опутал народный парламент колючей проволокой и вывел на них танки? Не он ли развязал гражданскую войну на Северном Кавказе, в которой, как в мясорубке, перемалывались жизни молодых, несостоявшихся отцов? И вот, демократы, улыбаясь, называют годы ельцинского правления «лихими девяностыми»...

Хрущевское время для них «лихие шестидесятые». Невежественный, малограмотный человек, «царь Никита» был знаменит своими резолюциями на «государевых» документах. Писал так: «Азнакомица!» – классический образец образования – под американцев – по системе ЕГЭ.

Не в ладах Хрущев был и с арифметикой. Приписал Сталину 19 млн репрессированных и 7 млн из них расстрелянных – это в 1935–40-х годах. А подумал бы Никита, как за те же годы население страны не убавилось, а, наоборот, увеличилось на 11,8 млн человек!

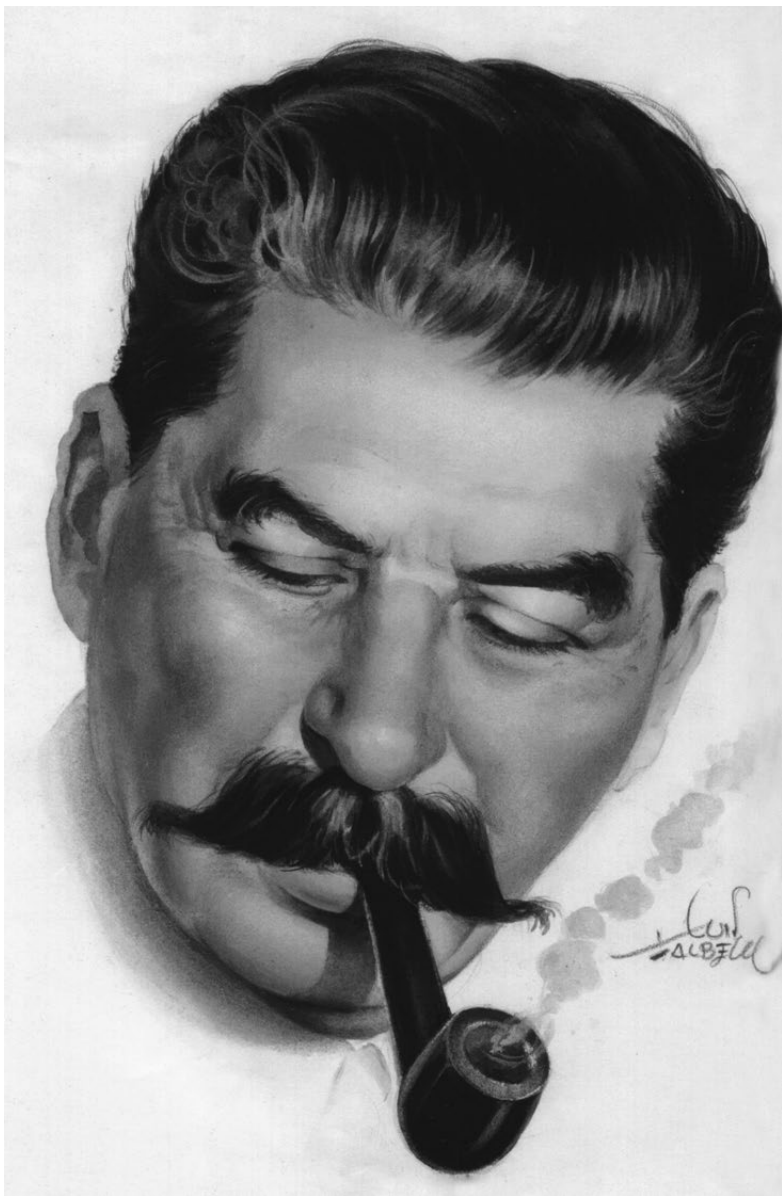
При Сталине за семь лет – 1934–1941 годы – было осуждено 2.097.775 человек, в том числе за многие уголовные преступления. К смертной казни из них приговорено 696,251 человек, но в исполнение приводились не все приговоры. Заметим, при Ильиче да Троцком народа уничтожили в 30 раз больше! Ну, понятно, «лихие двадцатые».

Олигарх ельцинской поры, непотопляемый Чубайс, как-то сказанул: «Ну и что из того, что народ не приспособлен к реформам, умирает? Ну и пусть вымрет 30.000.000. Русские бабы еще нарожают!» Сталин на одного кремлевского деятеля с такими замашками как-то нарисовал карикатуру и подписал ее: «Повесить за яйца!» Умел же Иосиф Виссарионович так просто и ясно выражать народную волю...

Словом, для российских демократов весь XX век как бы «лихой». Только вот тридцатые годы их смущают – для них они не просто репрессивные, но еще и «антисемитские». А тут уж готовься – все пушки по этому поводу палят! И только примолкают застенчиво, когда речь заходит об участниках и исполнителях тех репрессий.

...Начало 30-х годов. На руководящих постах в центральном аппарате ОГПУ, можно сказать, знакомые по русскому фольклору, отрицательные типы русских былин: Л. Коган, А. Флексер, М. Кушнер, К. Паукер, Л. Эберт, М. Горб, Я. Визель, Я. Генкин, Я. Раппопорт, М. Розенфельд, М. Гай, К. Зильберман, А. Аранович, В. Герсон, С. Гельфер, М. Луцкий, А. Слуцкий, А. Беленький.

С лета 1934-го, после реорганизации ОГПУ, начальниками и заместителями начальников разных инстанций этого карательного органа стали: Г. Ягода, В. Гарт, И. Герт, Э. Фурман, В. Ржевский, Я. Дашевский, Я. Ры-



*Художник Фальдбель (Куба). Советской миссией рисунок
был послан Сталину и хранился в его личном архиве*

бальский, И. Ильицкий, Я. Лоев, А. Горный, Л. Рошаль, М. Шнеерсон, И. Лернер, З. Коцнельсон, З. Залин, И. Блат, С. Дукельский, Г. Раппопорт, М. Погребинский, Б. Бак, В. Каруцкий, Н. Зеликман, М. Гроссман, Д. Соколинский, Р. Пиляр, Л. Заковский, Н. Райский, И. Леплевский. И это только шишки ОГПУ-НКВД.

В середине 30-х годов видными работниками на Лубянке считались: А. Абрамович, Я. Берман, С. Коган, М. Вейцман, И. Вейцман, А. Дарфман, В. Зайдман, М. Госкин, С. Гиндлин, А. Минкин, С. Фирин, Л. Залин, М. Курин, М. Трилиссер, Л. Мейер, Я. Вольфгон, З. Кацнельсон, Ф. Кац, Ф. Курмин, С. Розенберг, А. Шапиро, Л. Шпигельман, М. Патер, Н. Френкель, Я. Дымент, Г. Абрампольский, В. Баумгарт, Е. Водарский, А. Вайнштейн, К. Гольдштейн, Л. Кудрик, И. Путилик, М. Лебедь, М. Иезуитов...

За усердие в специфической деятельности этой организации высшей награды – ордена Ленина – удостоились начальники Беломорстроя и ГУЛАГ НКВД: Г. Ягода, Л. Коган, М. Берман, С. Фирин, Я. Раппопорт, С. Жук, Н. Френкель, К. Вержбицкий. Не по этому ли поводу А. Кац, автор книги «Евреи. Христианство. Россия», заметил: «В целом еврей-большевики верой и правдой служили ВКП(б), способствуя ее авторитету и власти над своим народом».

И странное дело, этих специалистов награждали высокими званиями, отмечали за усердие и заботу об «авторитете партии и ее власти над своим народом», а они почему-то скрывались под чужими фамилиями.

В 1935 году Генеральным комиссаром НКВД стал Енох-Гершель Иегуда. Ну и оставался бы Иегудой, так решил стать Ягодой. Яков-Шевель Шмаев – это Агранов. Мойсыф – В. Агас, Юкельзон – М. Александровский, Мильштейн – А. Альшанский, Шейнкман – М. Андреев, Мотель Израилевич – Г. Арлюк, Кессельман – А. Арнольдов, Абрамович – М. Бабушкин, Фрейлих – И. Белкин, Минц – М. Бельский, Вайнер – М. Волков, Штоклянд – М. Гай, Говбиндер – М. Говлич, Гурвиц – Н. Горев, Бенкович – А. Горянов, Клювгант – Г. Гришин, Сафес – А. Грозный, Малышкевич – Д. Давыдов, Берлин – Н. Жуков, Кессельман – С. Запидный, Задов – Л. Зиньковский, Гюнзберг – В. Ильк, Эдельман – И. Илюшин, Капелюс – М. Корнев, Гинзберг – В. Кривицкий, Ройтман – Д. Леопольд,

Каган – Л. Миронов, Рамберг – И. Николаев, Палей – В. Петровский, Лехтман – Н. Райский, Цифранович – Б. Рогачев, Розенбардт – А. Розанов, Шавер – Н. Шаров...

Не все, конечно, прятались под чужими фамилиями. Да и на кой черт прятаться – чекистам ввели новые звания, многие стали комиссарами НКВД 2-го и 3-го ранга. Они на коне! Среди них многие орлы еще с 1918 года: Б. Бердичевский, Л. Берензон, Б. Берман, В. Блиндерман, Я. Броверман, Я. Брук, Я. Вейншток, М. Вайнштейн, Я. Визель, С. Волинский, А. Вуль, А. Вургафт, В. Гафт, Л. Гейзлер, С. Гендин, Я. Генкин, В. Герсон, И. Герт, Я. Герцберг, А. Герцовский, С. Гильман, А. Гильфонд, А. Гиршфельд, Е. Гольденштейн, М. Горб, А. Горин, Ф. Гурский, Я. Дейч, С. Деноткин, М. Диментман, С. Дукельский, Л. Залин, Н. Зеликман, Э. Зибрак, Г. Карпель, В. Каруцкий, З. Кацнельсон, Л. Коган, Б. Козельский, А. Косой, Я. Крамер, И. Купчак, В. Курский, М. Кушнер, А. Лев, Г. Левитан, И. Лернер, С. Ливент-Левит, М. Листенгурт, М. Литвин, И. Мильграм, С. Мильштейн, С. Миркин, И. Николаев-Рамберг, М. Оксень, И. Островский, М. Панов-Бройде, Ш. Партин, З. Пассов, К. Паукер, В. Пескер-Пискарев, Я. Письменный, И. Плинер, М. Погребинский, В. Портной, М. Поташник, М. Раев, Л. Райхман, Г. Раппопорт, Я. Раппопорт, А. Ратнер, И. Рейф, Л. Рейхман, И. Рессин, Е. Ривлина, М. Розенфельд, Л. Рошаль, Н. Рубинштейн, А. Сапир, А. Свердлов, П. Силановский, М. Спектор, С. Фирин, Н. Фридгут, Э. Фурман, В. Цесарский, И. Шапиро, Н. Шапиро-Дайховский, С. Шварц, Л. Шварцман, Н. Шершневский, Н. Шнеерсон, М. Шрейдер, И. Штейн, М. Ямницкий...

Так что же получается с лихим 1937-м? В подвалах Лубянки на допросах трещат кости от пыток, брызжет кровь семитов, а их братки – орденоносцы, почетные чекисты, полные сил и энтузиазма на ниве служения «власти над своим народом», – не слыша крика невинных жертв, балдеют от того, как гениально играет на скрипке Сруль Рабинович?..

Что сделал Сталин, несомненно, самый авторитетный, признанный во всем мире и любимый народом руководитель государства, чтобы прекратить в стране «массовидность террора»?

В конце 1938 года Сталин подписал Постановление, которое нынешние борцы со «сталинизмом в общественном сознании» стараются не вспоминать. Вот несколько строк из него:

«1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР...»

Следующим решением Сталина стало возвращение народу Православной Церкви. Известие это пронеслось от края и до края России как праздничный перезвон колоколов. Вот выписка из протокола заседания Политбюро ЦК от 11.11.39 г.:

«По отношению к религии, служителям русской православной церкви и православноверующим ЦК постановляет:

1. Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2. Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666-2 “О борьбе с попами и религией”, адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви, отменить.

3. НКВД СССР произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда Советской власти.

4. По вопросу о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно.

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин».

И тогда, в том же 1939 году, из лагерей ГУЛАГа – я бы назвал их «имени Лейбы Троцкого» – вышли на свободу 327 тысяч безвинно осужденных человек.

В Постановлении о прекращении «массовидности террора» говорится о тех, кто «сознательно извращали советские законы, проводили массовые необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевших в органах НКВД».

Так вот, почти всех перечисленных выше руководителей ГУЛАГа, оперов, следователей, расстрельщиков Лубянки Сталин наказал их же методами – одних расстрелял, других отправил на нары. Этого-то российские демократы, отплясав на крови вхождение во власть Ельцина, и не могут простить Сталину. А еще – того, что в 30-х годах он не дал им развалить великую Россию.

P.S.

«Вместо активной борьбы с лицами, готовившими распад страны, троцкистско-сионистские карательные органы создавали видимость этой борьбы путем создания массовых ложных обвинений против честных, преданных людей, преследуя две цели:

1. Устраняя важные кадры, подорвать экономику и этим затормозить развитие страны, подорвать ее обороноспособность, сорвать индустриализацию и не допустить улучшения жизненного уровня трудящихся.

2. Уничтожением невинных людей создать видимость массовой борьбы с врагами страны и таким путем, с одной стороны, сохранить врагов страны, с другой – подорвать авторитет И. В. Сталина, совершая преступления от его имени».

Федор Маренков, публицист

«ПУСТЬ ЛЮДИ НЕ СПЯТ, А ЗНАЮТ, ЧТО НАДВИГАЕТСЯ ГРОЗА...»

Серьезным испытанием для внешней политики Кремля в середине 30-х годов была гражданская война в Испании. Германия и фашистская Италия открыто поддерживали Франко, а на стороне республиканцев

в Испании выступали анархисты и троцкистская так называемая Всемирная рабочая партия. Когда имя Троцкого прикрывали словами «рабочие», «пролетариат», козе было понятно, по ком звонит колокол Лейбы. Так что Сталин направил в Испанию своих советников и добровольцев.

А в мире с приходом к власти Гитлера – рейхсканцлером Германии он стал 30 января 1933 года – все ощутимее становились раскаты грозы, куда как круче испанских событий – Вторая мировая война. Гитлер, уже не скрывая, будил сонных бюргеров: «Мы хотим вызвать бурю! Пусть люди не спят, а знают, что надвигается гроза. Мы хотим избежать того, чтобы и наша Германия была распята на кресте!»

Распятой на кресте Гитлер считал Россию. И Сталин понимал – России предстоит сойтись в схватке практически со всеми странами Европы, чьи материальные и финансовые ресурсы контролировались Германией.

Кризис рыночной экономики, как нежно выражаются о бандитском капитализме наши реформаторы, в 30-х годах, известно, коснулся всех стран. Кроме Германии и Советского Союза. В Первую мировую, столкнув лбами две империи – Россию и Германию, – темные силы (этакое толерантное выражение для сволочей) набросились на них, как хищники на подранков, и сожрали под веселый ритуальный мотивчик.

В Штатах некий специалист по «русскому фашизму» профессор У. Лакер в 1965 году выпустил книжечку «Германия и Россия». Профессор – еврей, автор книг о еврейских проблемах, спрашивает: «Кто виноват в падении царской России? Кто воткнул кинжал в спину непобедимой немецкой армии? – как бы рассуждая, Лакер работает под дурака. – Не очевидный ли факт, что после Первой мировой войны на ведущих политических постах в Германии и России, а также в экономической и культурной жизни этих стран, внезапно появились евреи?..»

Конечно, очевидный. Об этом свидетельствовала даже Парижская (Версальская) конференция 1919–1920 годов, проведенная руководством масонов и еврейских организаций. Сведения о той команде можно найти в «Краткой еврейской энциклопедии» (Иерусалим, 1976), «Encyclopaedia Judaica» (Berlin, 1929), «Judisches Zexicon» (Berlin, 1930).

А проще и откровеннее по этому поводу заметила еврейская газета «Пейевише вордле» 13 января 1919 года: «Международное еврейство принудило Европу принять войну, чтобы по всему свету начать новую еврейскую эру». Коротко и ясно.

Приход этой эры немцы почувствовали на своей шкуре сразу после Версальского договора. По нему Германия была разрублена на части. Она лишилась своих исконных с древнейших времен территорий. В пользу победителей были созданы какие-то нелепые таможенные союзы, отняты ее колонии, торговые суда. Порты, реки, каналы, пути сообщения поставили под контроль, а горы ценнейшего сырья – уголь, железо, поташ, свинец, цинк и т. д. – все конфисковали!

На Рейне расположилась оккупационная армия, содержание которой немцам обходилось во много дороже, чем содержание всей германской армии и флота во время войны. Миллионы немцев остались без работы, тысячи умирали с голоду. Вчерашние владельцы заводов и фабрик становились простыми рабочими, а их заводы, отели, дома, рестораны за бесценок скупались спекулянтами и авантюристами – творцами новой эры. В пуританскую страну грязным потоком хлынула порнуха – развратные фильмы, похабные журналы, бульварные книжонки. Германия погрузилась на дно...

«Эта была жуткая картина послевоенной экономической катастрофы. Немецкая марка катилась с молниеносной быстротой, – вспоминает знаменитый русский певец Александр Вертинский. – Началась паника. Массовые самоубийства охватили Германию. Ловкие спекулянты скупали дома целыми кварталами, и немцы, как слепые, продавали их за ничего не стоящие миллионы, которые через несколько дней оказывались простыми бумажками. Огромные универсальные магазины, такие, как “Ка-Де-Ве”, например, оказывались очищенными от товаров в одной утро. А к вечеру марка падала вниз на сто пунктов, и то, что было продано магазином за сто марок, нельзя было уже купить за тысячу. Пока немецкое сознание переварило все это, тысячи людей, главным образом иностранцев, конечно, заработали безумные деньги. Один только мой

знакомый, одесский коммерсант Илья Гепнер, имевший в кармане всего-навсего одну тысячу американских долларов, умудрился купить шесть домов и огромный “Луна-Парк” в Берлине.

Когда немцы наконец поняли, в чем дело, было уже поздно. Три четверти из них были разорены.

Так начались первые годы их послевоенного существования.

Берлин был весь покрыт сетью маленьких киосков, напоминающих лимонадные будочки. Из крошечных окошечек видны были только руки. Иногда это были большие, волосатые, иногда сухие, жилистые, часто смуглые. Над будочками красовалась надпись: “Вексельштубе”. Это были менялки. Лавочки, где торговали деньгами. Потные, запыхавшиеся люди подлетали к окошечку, хрипло бросали несколько слов, из маленьких и больших чемоданчиков выбрасывали на прилавок целые кучи денег, перевязанных в пачки, и получали в обмен зеленые американские доллары. Или наоборот, разменяв одну десятидолларовую бумажку, получали из окошечка целый чемодан марок. Знаменитый петербургский спекулянт, “банкир” Дмитрий Рубинштейн говорил мне с отеческой нежностью в голосе:

– Хотите посмотреть моего ребенка?

Особого желания у меня не было. Но, чтобы не огорчать отца, я согласился. Мы стояли около сквера.

– Ваш ребенок здесь? – спросил я, указывая на толпу играющих детей.

Рубинштейн снисходительно улыбнулся.

– О, нет. Он у меня уже большой. Ему уже семнадцать лет. Это будущий гений. Да. Чтобы вы знали! Сегодня день его рождения. Я подарил ему это... – Он указал рукой на деревянный киоск с надписью “Вексельштубе”. – Пусть ребенок приучается. У него такие способности! Скоро отца за пояс заткнет!..

Мы подошли к менялке. Оттуда выглядывало жирное молочно-розовое лицо, напоминающее свежераспаренный человеческий зад. Пухлые руки с обкусанными ногтями лежали на прилавке. Плотоядный чувственный рот снисходительно улыбался.

– Уходи, уходи, папаша. Ты мне мешаешь работать! – строго прикрикнул на отца “ребенок”. Мы отошли на цыпочках в благоговейном

молчании» (Вертинский А. Н. Дорогой длиною... М., 1990; <https://www.litmir.co/br/?b=260426&p=45>).

Чувство нестерпимого унижения и гнева переполняло сердца мужественного и талантливого народа. «Немцы поняли, что у них нет выбора, что нужно или погибать под тяжестью Версальского договора, или со смелостью отчаяния вступить в единоборство...» – писал в то трагическое для Германии время князь Жевахов, непосредственный участник единения и дружной совместной работы с немцами.

Но вот и 30-е годы. Они навсегда запомнились немцам. Именно они принесли германской нации надежду и возрождение духа. Сработал инстинкт самосохранения. Ведь почти 15 лет крестьяне, рабочие, буржуазия, крупные промышленники – весь народ находился в зависимости от иностранного банковского капитала. Словом, борьба против него, закабаляющих государство международных кредитов стала основным моментом программы достижения свободы и независимости Германии.

Имперскую группу промышленников составляли представители национального капитала, на протяжении истории доказавшие верность своему государству и народу. Крупп, Геккер, Порше и другие не ловчили, не нуждались в паспортах с двойным да тройным гражданством. И Гитлер не стал отбирать у них предприятия, национализировать банки. Однако он поставил толстосумов в жесткие рамки государственного хозяйственного плана. За их прибылью был установлен жесткий контроль. Так что капитал не утекал в чужие банки, а стал опорой для выполнения программы экономических и военных реформ.

Да, откровенно-то говоря, не все финансировавшие Гитлера иностранные банки норовили надуть его. Недавно Национальный архив США и Библиотека Конгресса американцев рассекретили документы, из которых выяснилось, что дед президента Штатов Джорджа Буша-младшего Прескотт Буш помогал Гитлеру и его партии, сохраняя вполне джентльменские отношения.

Все вышло просто. Лейба Троцкий женился на дочке толстосума Животовского, объединенного с банкирами Варбургами, родственниками Якова Шиффа, так и Прескотт Буш породнился с крупным финанси-

стом Д. Гербертом Уокером. Тестюшка в качестве свадебного подарка дал Бушу пост вице-президента компании Brown Brothers Harriman и К°. Вскоре компания стала самым большим в мире частным инвестиционным банком, и тогда же Прескотт Буш был назначен одним из семи директоров нью-йоркского инвестиционного банка Union Banking Corporation. Он принадлежал голландскому банку семьи Тиссен, интересы которого и обслуживала компания Brown Brothers Harriman.

Спрашивается, от кого же фюрер «бабки» получал? Так вот. Глава династии Тиссенов Фридрих считал, что Гитлер предпочтительнее Троцкого с Лениным, и с 1923 года вкладывал деньги в Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Позже он написал книгу «Я платил Гитлеру». Среди директоров барка Тиссена был, между прочим, и прадедушка президента США Джордж Герберт Уокер.

60 лет об этом помалкивали. И то сказать, одно дело – свой новый мировой порядок. Ну там, Югославия, Ирак, Афганистан, Северная Корея... Другое – Гитлера. И все же, как ни вьется веревочка, конец ее всегда отыщется. Вебстер Терпли и Антон Чейткин в книге «Джордж Буш: запрещенная биография» так и пишут: «Семья президента сыграла важную роль в финансировании и вооружении Гитлера при его восхождении на вершину власти в Германии и способствовала росту военной индустрии нацистов, воевавших в том числе и против Соединенных Штатов...»

Известно, что у Гитлера были деловые отношения и с еврейскими банкирами. Они помогали ему деньгами, всячески прославляли политику фюрера. Имена тех толстосумов из истории Третьего Рейха не выкинешь. Это и Симон Альфред фон Оппенгейм, совладелец банковской фирмы «Соломон Оппенгейм юнгере унд К°», и его биржевой партнер Луи Хаген, банкир Мендельсон, финансировавший нацистскую партию и получивший за это звание «почетного арийца». Вроде похоже на «сотрудничество» еврейских олигархов российского разлива с «царем Борисом». Да не совсем. У фюрера не было таких великолепных мастеров своего дела, как Березовский, Гусинский, Ходорковский. Не было и дочки – имиджмейкера по кремлевским штатам.

И еще. Рейхсканцлеру Германии не догадались придумать указ, согласно которому законопослушный электорат полагал бы его безгрешным и ненаказуемым во веки веков. Аминь!..

Тут следует напомнить об одном американце, в свое время отмеченном крестом Верховного Ордена Германского Орла. Это был автомобильный король Штатов Генри Форд. Признания своих заслуг он удостоился от Гитлера в июле 1938 года, а в мае 1920-го в газете «Дирборн индепендент» он выступил со статьей, в которой поднимал проблему «международного еврейства». «Существует народ на земле, причисляемый к роду человеческому, к которому никто и никогда не испытывал добрых чувств», — заявил автомагнат и затем закатил в той же газете еще 90 статей! В них разговор шел и о финансовой деятельности евреев, и о коммунистическом движении, и о тайном мировом правительстве. Заголовки статей говорили об остроте поднимаемых автором вопросов: «Зачем евреи добиваются власти», «Изошренное искусство изменения еврейских имен», «Еврейское господство в Красной России»...

Вскоре поползли слухи о том, что «детройтский король» финансирует в Мюнхене «национальное и антисемитское движения», возглавляемые Гитлером. Роль посредника и «связных» между Фордом и Гитлером взяли на себя якобы внук бывшего кайзера и русские эмигранты. Среди беженцев из «Новой Иудеи» был, например, помощник министра юстиции царской России Борис Бразоль. Он возглавлял в Штатах Ассоциацию русских офицеров армии и флота, кроме того, числился американским представителем великого князя Кирилла Владимировича — претендента на русский престол. Так что затруднений с переводом больших сумм в Германию у Форда не возникало. Известно, что 40 тысяч долларов он передал на издание на немецком языке своих антиеврейских статей, затем послал Гитлеру еще 300 тысяч «зеленых».

Наконец, о путях дальнейшего сотрудничества с Гитлером в поместье автомобильного короля обсуждали вопрос Вагнеры — сын великого немецкого композитора Зигфрид и его жена Винфред. Рихард Вагнер публично и неоднократно выражал свою антиеврейскую позицию.

Не случайно фюрер говорил, что политические статьи «нашего композитора» – его «любимое чтение» и подчеркивал: «Тот, кто желает понять национал-социалистическую Германию, должен знать Вагнера...»

В результате в течение 2 лет Гитлер ликвидировал безработицу – обеспечил работой 6.000.000 немцев. За 5 лет при отсутствии инфляции немецкий рабочий удвоил свой доход, и нищете в стране был положен конец. Олигархи и международные банкиры нервно и обеспокоенно подергивались. Но Гитлер им дал понять, что контроль над деньгами никому не дает права на хищную эксплуатацию народа. Он твердо проводил в жизнь свою программу: люди, а не прибыли должны стоять на первом месте! А прибыль магнаты бизнеса смогут получать, если народ будет жить и работать в достойных условиях.

Фюрер противопоставил идеологию классовой борьбы – классовому сотрудничеству. В «Хрестоматии немецкой молодежи» записали: «Социализм означает: общее благо выше личных интересов; думать не о себе, а в целом, о государстве; каждому свое, а не каждому одно и то же...» И национальный социализм в Германии стал народным движением.

Большинство национал-социалистов были рабочими. Им за минимальную стоимость были построены сотни тысяч прекрасных домов. Каждый – с садом для выращивания цветов и овощей. При личном участии Гитлера был создан так называемый «народный автомобиль» «Фольксваген». За него рабочий выплачивал всего 5 марок в неделю. Эта машина, кстати, и поныне знаменита во всем мире.

Подобные программы были разработаны и для крестьян, и для среднего класса. В результате Германия за 4 года произвела вдвое больше нефти, почти втрое больше стали, в 8 раз больше алюминия. К концу 1938 года производство чугуна и стали в Германии превзошло английское и французское вместе взятые. Доходы германской промышленности выросли с 37 до 75 млрд марок.

Надо заметить, что в национал-социалистической Германии процветало свободное предпринимательство. Деньги на такие государственные программы, как дорожное строительство, развитие гидроэнергетики – не чубайсовские приколы! – были найдены, в том числе через выпуск госу-

дарственных беспроцентных облигаций. Так что вскоре через всю страну была проложена сеть великолепных скоростных автострад.

Но чтобы достойно жить, нужен не только хлеб насущный, но и честь, учила «Хрестоматия немецкой молодежи». «Рабы полагают, что наличие еды и питья достаточно для жизни. Свободному человеку в первую очередь нужна честь... свобода не означает жизнь в свое удовольствие». И в заботах о нации законы Третьего рейха запретили пропаганду аборт, всячески стали поощрять рождаемость, культ здоровой немецкой семьи. С этой целью для матерей были предоставлены просторные пансионаты, роддома. Молодым людям, не достигшим совершеннолетия, запрещалось курить. Солдаты и дети ежедневно получали различные витамины. Да что витамины! – вся пищевая продукция для населения была высокого качества, без вредоносных химических добавок и якобы допустимых канцерогенов.

Долго ли, коротко ли, но новый рейхсканцлер Германии вернул ей земли, отторгнутые после кабального Версальского договора и скупленные безродными мошенниками-спекулянтами.

Когда в марте 1938 года Германия поглотила Австрию, Сталин предложил Англии и Франции создать союз. 2 сентября Кремль снова выступил с предложением вместе гарантировать при германской агрессии безопасность европейских стран. Как писал потом Черчилль, «советские предложения игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись... с презрением».

Но вот австрияки с восторгом вступили под знамена фюрера. Немецких солдат там встречали как освободителей. Несколько сложнее обстояли дела с захватом Судетской области Чехословакии. В 1918 году после распада Австрии земли Богемии и Моравии с проживающими там немцами и австрийцами отошли к новообразованной Чехословакии. И вот английский премьер-министр Чемберлен пишет Гитлеру письмо, что хотел бы обсудить проблему этой страны.

Обсуждение завершилось 29 сентября 1938 года в Мюнхене сговором с Германией, Англией, Францией и Италией. Заметим, тут и Польша подсуежилась: ее правители заявили, что поляки не выступят против Гит-

лера и не пропустят советские войска к границам Чехословакии, а если Советы попытаются сделать это – выставят против них 60 дивизий!

Мюнхенский сговор узаконил захват Рейхом Судет, а затем всей Чехии. На очереди стояла Польша.

По Версальскому договору земля вокруг Мемеля, как и вся Восточная Пруссия, принадлежавшая немцам, отошла от Германии. Мемельский край перешел под управление литовцев, а Восточная Пруссия и Познань – полякам. Но спустя 20 лет правители Литвы, видя, как Гитлер легко разрешает проблемы, как бы нынче сказали, с ближним зарубежьем, 22 марта 1938 года приняли решение возратить Мемель Германии. Таким образом, у Литвы с Германией получился «фройндшафт», она к тому же получила право на пользование частью Мемельской гавани.

Да, так вот еще до окончания Первой мировой, прикинув слабость соседей, Польша оттяпала у Германии часть ее земли, у Литвы – Виленскую область, город Вильно, а заодно присвоила арендованную территорию Данцигского коридора и Данциг. У нас в то время разгоралась гражданская война, так что под шумок братья-славяне прихватили у России часть Белоруссии и Украины. Но это к слову.

Наступил 1939 год. Гитлер четко выражает польскому правительству программу своих действий. Он предложил проложить через территорию Польши автостраду, железную дорогу в Восточную Пруссию и провести голосование относительно Данцигского коридора – подданными какой страны жители захотят стать. Ну, а Данциг должен был стать немецким без всякого голосования. Этот город в Западной Пруссии в 1309 году перешел от поморских славян к Тевтонскому ордену. У него был самостоятельный статус, и 95 % населения составляли немцы.

В нашей ситуации в апреле 1939 года советское правительство еще раз предложило Франции и Англии заключить союз, который гарантировал бы безопасность Польши и других европейских стран. Куда там! У тех задача была покруче – снова, как и в Первую мировую, – столкнуть лбами две поднявшиеся с колен державы – Россию и Германию.

На XVIII Съезде партии Сталин прямо сказал, что главными поджигателями войны являются не Германия, захватившая Австрию и Чехословакию, а западные державы – Англия и Франция. Гитлер к тому времени уже сколотил Антикоминтерновский пакт с Японией. Этот пакт стал открытым военным союзом Германии, Италии и Японии, к которому присоединилась целая куча марионеточных государств.

А у нас в стране досрочно заканчивалась вторая пятилетка. Она отметила рост крупной промышленности, особенно машиностроения, что, в свою очередь, положительно сказалось на техническом перевооружении всех отраслей народного хозяйства. Свыше 80 % всей промышленной продукции было получено на вновь построенных или полностью реконструированных предприятиях. Так что в сельском хозяйстве у нас работало уже около 500 тысяч своих тракторов, свыше 130 тысяч комбайнов и 150 тысяч грузовых автомобилей.

Несколько слов об отношении Сталина к армии.

Известно заседание Главного военного совета 17 апреля 1939 года, на котором выступал Сталин. Он тогда заметил, что «культ традиций и опыта гражданской войны помешали... перестроиться на новый лад, перейти на рельсы современной войны». А, собственно, чему тут было удивляться-то?

После советско-польской войны 1920 года (которая обошлась нам десятками тысяч погибших при разгроме армий Тухачевского), потеряв чуть ли не половину Украины и Белоруссии, Михаил Николаевич опубликовал свой труд «Поход на Вислу», где за истинных виновников поражения под Варшавой выставлял дядю – Главное Командование РККА и Юго-Западный фронт. Затем начальник вооружения РККА шибко увлекся теорией так называемой «классовой стратегии». Что это такое? Да это когда Красная Армия наносит удар по какой-либо капиталистической стране, там срочно восстает рабочий класс и плотными рядами идет на встречу нашим красноармейцам. Естественно, поют «Интернационал».

Время покажет, насколько оказалась точна «классовая стратегия» Тухачевского. В 41-м эту международную солидарность пролетариата ле-

гендарная РККА прочувствовала основательно. Лопнула идея стратегических бомбардировщиков, заимствованная маршалом у итальянца Дуэ. Не оправдался замысел Тухачевского и относительно применения в новой боевой обстановке радиоуправляемых торпедных катеров, легких быстроходных танков, безоткатных пушек. Вот «катюши» себя оправдали, но... при жизни начальник вооружения РККА Тухачевский отношения к идее развития реактивной артиллерии не имел. Все это, задним числом, присочинили лукавые биографы маршала. Вот в чем оказались точны, так это по поводу скрипок.

Да, действительно, Тухачевский мастерил скрипки. Часами экспериментировал с разработкой лаков, морилок, облучением дерева ультрафиолетовыми лучами. Маршал даже книжку написал по этому поводу – «Справка о грунтах и лаках для скрипок». А еще личный врач Тухачевского рассказывал, как в генштабовском кабинете прижился мышонок. Маршал, добрая душа, приучил божье создание взбираться на стол в одно и то же время и разделять с ним трапезу.

Семен Михайлович Буденный, тот мышей не любил и был далек от скрипичных концертов – маршал на гармошке наяривал. А нарком обороны Ворошилов любил плясать. Рассказывают, Климент Ефремович издал однажды даже распоряжение: всем красным командирам бальным танцам обучиться. Тут дело, честно сказать, не очень-то продвинулось.

Песни, гармошки, скрипки – все это хорошо. Но кому-то предстояло и более прозаическим делом заниматься. Фюрер-то предупредил: «Пусть люди не спят, а знают, что надвигается гроза». Проще говоря, война, к которой надо было готовиться. А это не устройство одного училища на всю страну для подготовки летчиков-истребителей. Или еще круче – объединение Военно-инженерной авиационной академии с командной, которая находилась в дальнем Подмосковье. В знаменитой Жуковке готовили военных инженеров и поднимали авиационную науку виднейшие ученые страны: академики И. Артоболевский, Н. Бруевич, В. Кулебакин, Б. Юрьев, профессора В. Уваров, И. Привалов, В. Пышнов, Т. Мелькумов, Б. Горошенко, В. Голубев и многие другие. Можно ли представить, как академи-

ки, цвет нашей науки, мотаются в подмосковный гарнизон на электричках – по 4 часа в день! – читать лекции, вести научно-исследовательскую работу. И это еще не все! Я написал, что командная академия, присоединившая к себе инженерную – как к корове седло! – находилась в Подмосковье, в деревне Монино, так все это хозяйство вскоре загнали вообще в провинцию, в Воронеж. Туда же – единственное на всю Сибирь военное училище – авиационно-техническое. Академики и профессура туда – ну, конечно же! – прямо на форсаже рванули, как в молодости 100-метровки сдавали на значок «ГТО». Хорошо и нашему «потенциальному врагу» (если о таком еще совсем не забыли) – шарахнул пару «пятитонков» на все то хозяйство – и никаких ракет не надо...

Так вот, до войны человек, который занимался такой работой, как обеспечение безопасности страны, был Сталин. С 1937 года он вникал во все вопросы, связанные с перевооружением армии, и никто не мог помешать человеку, ставшему против Гитлера...

Авиаконструктор А. С. Яковлев вспоминает о встрече героя Испании С. П. Денисова со Сталиным, который удивил его своей осведомленностью в вопросах авиации: «Сталин, по словам Денисова, оказался даже в курсе таких деталей, как вооружение английских истребителей “Спитфайр”, у которых пулеметы, в отличие от немецких “мессершмидтов”, с одной центральной авиапушкой и двумя синхронными (стреляющими через плоскость вращающегося винта) пулеметами далеко разнесены от оси самолета и установлены по размаху крыльев. Особенно Сталин интересовался тем, как целесообразнее вооружать истребители – пушками или пулеметами – и какой огонь действеннее – прицельный из одной крупнокалиберной пушки или рассеянный из нескольких пулеметных стволов».

Александр Сергеевич рассказывает, что от летчика С. П. Денисова еще в 1937 году была докладная записка руководителям военновоздушных сил и авиапромышленности – по опыту гражданской войны в Испании, но записку его оставили без внимания. Прошло два года, и в боях на Халхин-Голе наши И-16 и «чайки» остались с прежними недо-

статками. Тогда Сергей Прокофьевич и обратился к Сталину. Тот внимательно выслушал его, предложил все замечания изложить письменно и на очередную встречу вызвал наркома М. Кагановича. «Каганович оправдывался, но спорить по специальным вопросам с таким знатоком, как Денисов, ему было не под силу, – рассказывает Яковлев. – В конце концов, Сталин буквально выгнал наркома из кабинета и рекомендовал Денисову связаться непосредственно с конструкторами Лавочкиным, Микояном и со мной».

Да, на недостаток воли, твердости духа и знания дела у «хозяина» его приближенные сетовать не могли...

К слову, о подготовке военных летчиков. Вот только авиашколы, созданные для подготовки летчиков: Черниговская и Краснодарская – численностью по 1200 человек; Одесская и Армавирская – по 960 человек; еще – Пензенская, Фастовская, Херсонская, Ульяновская, Тамбовская и Астафьевская. Появились новые школы стрелков-бомбардиров – Ташкентская, Алсуфьевская, Грозненская, Волчанская, Павлоградская, Ярославская; военно-авиационные школы механиков – Пушкинская, Житомирская – численностью по 1000 человек. Увеличились до 1680 человек Чугуевское, Сталинградское и 1-е Чкаловское военно-авиационные училища; Энгельсское – до 1920 человек, Мелитопольское – до 1500, а также действовавшие раньше школы пилотов – Качинская, Борисоглебская, Балашовская, Ворошиловградская, Конотопская, Новосибирская, Таганрогская, Кировобадская, Омская, Тбилисская, Хорольская, Бирмская, Слонимская, Петрозаводская; Вольская военная авиашкола механиков увеличилась до 1500 человек.

Одна деталь, без которой передача обстановки предвоенных лет будет не полной. Речь все о том же пресловутом «антисемитизме» Сталина.

Не секрет, что во второй половине 30-х годов под его твердую руку попадали и евреи. Так он уничтожал своих политических противников, затаившихся последователей Лейбы Троцкого, среди которых процентный показатель на евреев приходился самый высокий. По данным «Известий» за 1936 год, 135 их соплеменников входили в список ведущих сановников

и кремлевских вельмож. Они-то частично и лишились рычагов политической власти. Хотя 3–4 еврея всегда входили в состав Политбюро (это при 1,5–2 % их доли в многонациональной стране).

Но вот до Кремля все ощутимее стали доноситься предгрозовые раскаты Второй мировой войны. И тогда 3 мая 1939 года Сталин принимает решение взять в свои руки контроль внешней политики СССР. В тот же день он отправляет в отставку наркома иностранных дел М. Литвинова (настоящая фамилия Мейер Валлах-Финкельштейн). «Если сказать коротко, – заметил публицист Н. Стариков, – Литвинов – некий аналог современного Чубайса. Это прямой ставленник мировых банкирских кругов, это “телефон” связи с ними» (Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991. С. 50–51; <http://profilib.com/chtenie/121059/nikolay-starikov-stalin-vspominaem-vmeste-102.php>). Так вот этот «телефон» взяли и отключили. Место наркома иностранных дел занял Вячеслав Михайлович Молотов.

Советник германского посольства в СССР В. Типпельскирх на следующий же день сообщил Гитлеру: «Молотов (не еврей) считается наиболее близким другом и ближайшим соратником Сталина. Его назначение, несомненно, гарантирует, что внешняя политика будет проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина». Это уж так. Вячеслав Михайлович спустя годы расскажет:

«В 1939 году, когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: “Убери из наркомата евреев”. Слава Богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи... И каждый за собой целый хвост тащил...

Сталин, конечно, был настороже в отношении евреев. Тем не менее самым преданным ему был Каганович. Берия за спиной Кагановича говорил: “Лазарь, этот Израиль”.

Сталин не был антисемитом, как его порой пытаются изобразить. Он отмечал в еврейском народе многие качества: работоспособность, спаянность, политическую активность. У них активность выше средней, безусловно. Поэтому есть очень горячие в одну сторону и очень горячие

в другую. В условиях хрущевского периода эти, вторые, подняли голову, они к Сталину относятся с лютой ненавистью».

Либералы из «расеян» по сей день по этому поводу негодуют. А с чего вдруг? Вот, к примеру, 1939 год. Тогда, в начале августа, на экраны страны вышел фильм «Ленин в 1918 году». Автор сценария А. Каплер, режиссер М. Ромм. Простые советские евреи.

19 апреля в Колонном зале Дома Союзов состоялось торжественное заседание, посвященное 80-летию со дня рождения еврейского писателя Шолом-Алейхема.

Или вот Ю. Борева рассказывает, как еврей по национальности А. Райкин со Сталиным коньяк пил. После победы на конкурсе Аркадия пригласили на правительственный прием. «Выступления Райкина Сталин слушал без улыбки. А один раз он наклонился к Ворошилову и что-то сказал. Когда потом Райкина пригласили за стол и усадили за стол между Сталиным и Ворошиловым, он поинтересовался:

– Товарищ Ворошилов, во время моего номера товарищ Сталин вам что-то сказал. Может быть, это было какое-то замечание?

– Товарищ Сталин спросил, что значит “авоська”.

Вождь налил Райкину коньяку и предложил тост за талантливых актеров. Райкин выпил. Потом Сталин налил Райкину второй бокал и предложил тост за Ленинград, дающий нам талантливых актеров. Райкин выпил и этот бокал, опьянел, и его отправили домой».

Да теми же политрабочими в Красной Армии кто руководил? Вместо Гамарника начальником ГлавПУРа был назначен Лев Мехлис. Он временно стал и редактором «Правды». Или вот замечание английского журналиста У. Г. Чемберлена: «Преобладание евреев в этом комиссариате (речь о Наркомате иностранных дел. – С. Г.) в годы моего пребывания в России (с 1922 г.) было почти смехотворным, русские были представлены седым швейцаром и пожилыми, опустившегося вида женщинами, разносящими чай».

Так что, как говаривал президент Путин, «мухи отдельно, котлеты отдельно». А где тут мухи, где котлеты – читатель сам разберется. Мне думается, что в предвоенной жизни страны более существенным, чем

забота о вечно чем-то недовольных евреях, было совсем другое, а именно одна из важных составляющих общественного лада – национальное равноправие и дружба народов. И не случайно Сталин не раз обращал внимание по этому поводу. Так, на совещании колхозников Таджикистана и Туркмении он держал такую речь: «Очевидно, что дело с хлопком у вас пойдет... Но есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок, – это дружба народов нашей страны. Пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует».

Нынче особенно ясно, как прав был Сталин – без дружбы народов войну бы мы не выиграли. Не по этому ли поводу писатель В. Распутин как-то заметил: «Тогда-то народ знал, где его враг, а теперь так замутили правду, что многие понять не в состоянии, что происходит. “Реформа, реформа!” – а бед от этих “реформ” не меньше, чем от танков. Страна разрушена, миллионы беженцев, беспризорников, и свежие дивизии из Сибири не подойдут: реформы всюду. Но самое неприятное: если война сплотила народ, реформы развращают и разрушают человека, они от восстановления страны сегодня в десять раз дальше, чем в 45-м» (http://ruskline.ru/analitika/2015/03/23/za_veru_narod_i_otechestvo).

Думы писателя разделяет протоиерей Дмитрий Смирнов. «Если и дальше так пойдет, то народ окончательно превратят в быдло, – заявил он за круглым столом редакции “Русь державная” и уточнил свою мысль: – будут навязывать ему то, что они хотят. Это мы уже имеем с нашей системой образования. Учителя – против, директора – против, ученики – против. А Васька слушает да ест. Президент что-то говорит невнятное. Премьер вообще молчит. А “реформа” продолжается... Мы проходим то же самое, что уже проходили в 1905, 1917 годах. И те духи, которые владели людьми, исполнителями тех революционных программ, они те же самые и ныне» (<http://rusk.ru/st.php?idar=54246>).

Отец Дмитрий не заигрывает с народом. «Фактически мы в своей стране – никто, – говорит протоиерей, и слова его падают, словно ядра. – “В этой стране”, как они любят говорить, они хозяева». И вот дальше без

реверансов в «их» сторону: «Если народ допускает, что бьют уже не по щеке, а плюют в самую душу, то народ пожинает то, что он разрешил сеять. А кого-то убедить? – спрашивает отец Димитрий и открыто – как в бою за Христа! – бросает вызов: – Это представители другой религии, враждебной христианству».

Напомню, именно в 1939 году Сталин выступил в защиту Церкви. Он не просто замахнулся, а решительно отменил ленинское указание «О борьбе с попами и религией» и все установки чекистов и энкаведешников, касающиеся преследования служителей Русской Православной Церкви.

Всячески оттягивая переговоры о заключении тройственного союза о взаимопомощи в случае войны с Германией, Англия и Франция в августе 1939-го наконец-то отправили в Москву своих военных представителей. На пароходе неспешно плыли ребята до Ленинграда, оттуда поездом в Москву. Хватило у Сталина терпения – два с половиной месяца пришлось уговаривать правительства этих стран для решения вопроса организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе. По сути вопроса – быть или не быть новой мировой войне.

...12 августа делегации, занявшие места в зале особняка наркоминдела, были представлены друг другу. Советскую делегацию возглавлял нарком К. Ворошилов, и входили в нее начальник Генерального штаба командарм I ранга Б. Шапошников, народный комиссар Военно-Морского Флота флагман флота Н. Кузнецов, начальник Военно-Воздушных Сил командарм 2 ранга А. Лактионов, заместитель начальника Генерального штаба комкор И. Смородинов.

Миссию Великобритании возглавлял адмирал Р. Дракс, известный призывами к войне против СССР. Вместе с ним прибыли маршал авиации У. Бернет, который был уже не у дел, генерал Т. Хейвуд и какой-то артиллерист. Четыре человека представили на переговоры в Москве и французы. Во главе их делегации был генерал Ж. Думенк, командир авиадивизии генерал М. Вален, преподаватель военно-морской школы Вийом и капитан А. Бофр (не хватало еще какого-нибудь старшины роты).

В свое время я хорошо знал генерала А. Пономарева, редактировал его военные мемуары. Александр Николаевич на тех переговорах работал переводчиком, и вот он вспоминал: «Обстановка была торжественная, чувствовалось, что члены иностранных делегаций смущены высокой авторитетностью представителей советской стороны. Все охотно согласилось, что председательствовать на первом заседании будет К. Е. Ворошилов. Глава советской миссии не стал спорить. В первых же словах он изложил свои полномочия, определенные решением Совета Народных Комиссаров, а в этом решении указывалось, что советская делегация “уполномочивается вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе”. Главы иностранных делегаций нервничали. Я слышал, как генерал Думенк потребовал от своих переводчиков записать решение Советского правительства слово в слово. Затем председательствующий попросил французскую сторону огласить свои полномочия. Генерал Думенк поднялся с места, некоторое время молчал, потом прочитал документ о том, что он “уполномочивается вести с Верховным Командованием Советских Вооруженных Сил переговоры по всем вопросам, относящимся к сотрудничеству, которое должно быть установлено между вооруженными силами этих двух стран”.

Когда я перевел, Ворошилов поморщился.

– Вы, конечно, понимаете, – спросил он Думенка, – что ведение переговоров и заключение военной конвенции – это понятия весьма различные?

Думенк пожал плечами и сел.

А Дракс и вовсе заявил, что его делегация не имеет никаких письменных полномочий, что он уполномочен вести только переговоры, а о подписании пакта (конвенции) ему вообще ничего не говорили. И добавил:

– Но если нужны полномочия, я их представлю. Вот если бы перенести переговоры в Лондон, я бы все документы представил моментально.

Общий смех заглушил его слова. Ворошилов иронически заметил:

– По-моему, доставить бумаги из Лондона в Москву все же легче, чем ехать в Лондон такой большой компанией. – И уже серьезно: – Трудно

на такой основе вести переговоры. Ну а соответствующие планы организации обороны договаривающихся стран у вас есть?

Дракс воспрянул:

– Я ехал в Москву в надежде, что такой план будет предложен советской миссией.

Климент Ефремович усмехнулся:

– Господа, по-видимому, не понимают, что организация обороны должна интересоваться прежде всего Англию и Францию. Ведь в случае агрессии первый удар будет нанесен вашим странам – они соприкасаются на западе с фашистским государством.

Поднялся генерал Думенк. Он сказал, что Франция такой план имеет, и сводится он к трем принципам: а) создать против агрессора два прочных фронта – на западе и на востоке; б) обеспечить слияние этих фронтов в единое целое; в) использовать против неприятеля силы всех трех договаривающихся государств.

– Туманно, очень туманно, – проговорил Ворошилов.

Дальше в свой доклад Думенк внес некоторые уточнения. Из названного числа дивизий он вычел 20 дивизий, на которые возлагалась оборона Туниса, Корсики и линии Мажино.

– Наш принцип: всеми силами против немцев!

Думенк лгал или говорил слишком безответственно. Почти в это время, а именно 15 августа, Черчилль был в Париже и писал своему правительству о том, что Франция “будет бороться за свое существование, вот и все”. О наступлении с участием английских войск между ним и Даладье разговора не было. Почти тогда же и Гитлер на совещании высших офицеров германских войск заявил: “Я познакомился с этими жалкими существами – Даладье (французский премьер-министр) и Чемберленом (английский премьер). Они слишком трусливы, чтобы нападать. Они не пойдут дальше блокады”.

На вечернем заседании 13 августа генерал Хейвуд рассказал о состоянии вооруженных сил Англии. Он нарисовал безотрадную картину. Рассеивая надежду генерала Думенка об английском подкреплении, Хей-

вуд сказал, что программа Великобритании – отмотилизовать к началу войны всего 16 дивизий.

В зале все удивленно переглянулись. Ворошилов счел нужным вмешаться:

– Что-то неясно. Скажите, если завтра вспыхнет война, то сколько английских дивизий могут быть переброшены во Францию?

Хейвуд, наклонив голову, ответил:

– Пять пехотных и одна механизированная.

– А когда?

– На этот вопрос я ответить не могу.

Замечу сразу же: Хейвуд назвал очень скромные цифры, но и они, мягко говоря, были взяты с потолка. 22 августа Даладье скажет своим министрам: “Англичане не смогут подготовить серьезной армии ранее, чем за два года”.

Пытаясь уточнить возможную численность сухопутных войск на Западном театре военных действий, Ворошилов спросил генерала Думенка, рассчитывает ли Франция на участие Польши, которая в то время имела договор о взаимной помощи с Францией. Последовал весьма расплывчатый ответ о том, что в соответствии с договором Польша обязуется помочь, но какими именно силами, пока не обусловлено.

Ворошилов хмурился. Расплывчатость ответов французов и англичан удручала его. А французская делегация предлагала уже свою преамбулу военного соглашения трех держав.

– По-моему, еще рано нам говорить об этом, – сказал Климент Ефремович. – Возникает вот какой вопрос: как СССР будет осуществлять помощь Англии и Франции, не имея с ними общих границ?

Климент Ефремович подошел к висевшей на стене карте и тупым концом карандаша показал пространство между нашей границей и границей фашистского рейха.

– Как видите, наше участие в войне возможно лишь в том случае, если советские войска получают возможность пройти по территории Польши и Румынии. Можете ли вы гарантировать такую возможность, ведь у вас существуют договоры с этими государствами?

Англичане и французы молча переглядывались. После долгой заминки заговорил генерал Думенк:

– Наша первая задача – каждому держаться на своем фронте и группировать силы на этом фронте. Что касается Польши, Румынии и Турции, им надо защищать свою территорию, но мы должны быть готовыми прийти им на помощь.

– А если они не потребуют помощи, а попросту поднимут руки и сдадутся врагу, что тогда предпримет французская армия?

Думенк лишь растерянно развел руками.

Англичане и французы несколько минут обменивались репликами, пока не заговорил генерал Хейвуд:

– Польша и Румыния – самостоятельные государства, и такое решение могут дать только они. Мы должны связаться с нашими правительствами, чтобы они вместе с Польшей и Румынией рассмотрели эту проблему.

– Хорошо, – согласился Ворошилов. – Я думаю, что нам придется прервать наши переговоры, пока вы не получите ответа от ваших правительств.

Обстановка осложнялась. Все чаще объявлялись перерывы, но они ничего не давали. Адмирал Дракс каждый раз удрученно сообщал, что правительства Великобритании и Франции пока не прислали ответа на “кардинальный вопрос”.

Как-то утром Ворошилов, собрав членов советской делегации, сказал, что, по-видимому, ответ из Англии и Франции придет нескоро, но мы все равно должны высказать свои соображения, подчеркнуть еще раз наше серьезное отношение к переговорам. Меня Климент Ефремович предупредил:

– Сегодня переводите особенно тщательно.

В тот день с докладом выступал Б. М. Шапошников. Четко и убедительно он изложил военный план Генерального штаба РККА на случай агрессии в Европе. Адмирал Дракс, не особенно стесняясь, велел своим коллегам как можно полнее записывать слова Шапошникова:

– Главное – цифры, – приказал адмирал.

Б. М. Шапошников сообщил, что СССР предполагает выставить против агрессора 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 9–10 тысяч танков и 5–5,5 тысяч боевых самолетов. Советский Генеральный штаб предлагал три варианта совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и СССР.

В зале воцарилась тишина. Иностранные делегации ловили каждое слово начальника Генштаба. Чувствовалось, что они никак не ожидали такой ясной и прямой постановки вопроса. А доклад Шапошникова был обстоятельным, подробным. В нем содержались данные о составе и боевой готовности наших сухопутных войск, авиации и флота, их использовании в случае войны.

Это произвело сильное впечатление на иностранные делегации. После доклада Шапошникова они стали характеризовать свои вооруженные силы, но было видно, что, в конце концов, разговор снова сводили к общим декларациям.

На очередном заседании я переводил выступление Локтионова. Начальник ВВС обстоятельно доложил, что представляет собой советская военная авиация.

Эти проблемы особенно заинтересовали французов и англичан. Локтионову было задано много вопросов, на которые он отвечал по-прежнему четко, исчерпывающе. Конкретного же разговора о совместных действиях против агрессора англичане и французы упорно избегали, по-прежнему камнем преткновения оставался вопрос о пропуске советских войск к границам Германии» (*Пономарев А. Н. Покорители неба.* <http://detectivebooks.ru/book/9530512/?page=14>).

...18 августа 1939-го послы Англии и Франции посетили министра иностранных дел Польши Ю. Бека. Речь у них шла о возможности пропуска советских войск через польскую территорию. Ответ Бека: «Я не допускаю, что могут быть какие-либо использования нашей территории иностранными войсками. У нас нет военного соглашения с СССР. Мы не хотим его».

Но по всему было видно, что Англия и Франция тоже не стремятся к действительному сотрудничеству с СССР. Ворошилов, однако, все еще

заседал, делегации все еще рассуждали, что бы такое предпринять в случае агрессии в Европе. Тогда, как позже рассказывал адъютант наркома Р. Хмельницкий, Сталин поручил ему передать для Ворошилова распоряжение, чтобы он прервал те затянувшиеся переговоры. Хмельницкий, стараясь не мешать работе миссий, отослал наркому записку: «Клим! Коба сказал, чтобы ты сворачивал шарманку...»

Клим и свернул.

– Нет у нас оснований верить в стремление Англии и Франции к действительному сотрудничеству, – решительно заявил тут же и подвел итоги: – Ответственность за неудачу переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны...

Как вспоминал генерал Пономарев, за столом тогда произошло замешательство. «Английский генерал вскочил с места:

– Вероятно, полковник перевел неправильно, исказил слова маршала?

Я вначале смутился: может, действительно, что-то спутал? Ворошилов кивнул мне, тихо сказал:

– Все правильно... Неужели нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом?..

По существу переговоры на этом и закончились. Вечером Климент Ефремович с горькой усмешкой заметил мне:

– Плохие мы с тобой дипломаты...» (http://thelib.ru/books/ponomarev_aleksandr/pokoriteli_neba-read-6.html).

Однако все это было понятно и плохим дипломатам. В жестоком мире капитала, где роскошь и вседозволенность одних соседствует с нищетой и бесправием других, где все продается и все покупается, не президенты и не парламенты решают мировые проблемы.

Писатель Э. Тополь как-то через газету обратился к своему соплеменнику-олигарху Б. Березовскому: «Знаете, когда в Германии все немецкие деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь о преумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер, и кончилось это Холокостом... А ведь немцы были великой и цивилизованной нацией, ни один их поэт не сказал о них: “Страшен немецкий бунт, бессмысленный и беспощадный”» («Возлюбите Россию, Борис Абрамович!»

Открытое письмо Березовскому, Гусинскому, Смоленскому, Ходорковскому и остальным олигархам).

Ни лондонским толстосумам, ни французским не нужен был мир в Европе. «Успехи новой Германии вызвали зависть и бешеную злобу в странах, граждане которых уже давно превратились в послушных рабов международного банковского капитала», – справедливо подчеркнул другой наш современник, публицист Пруссаков. Так что британская и французская делегации из отставного маршала, какого-то артиллериста да преподавателя морской школы были под стать разве что команде начальника обороны РФ из мебельщиков.

До Второй мировой оставалось каких-то две недели...

20 августа 1939 года Адольф Гитлер обратился к Сталину с просьбой принять министра иностранных дел Германии Риббентропа. Вот текст его телеграммы:

«Господину Сталину. Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень перестройки германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии...

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов...

4. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день...

5. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом... Я буду рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

Ответ Гитлеру был готов на следующий день, через 2 часа после того, как посол Германии Шуленбург зачитал телеграмму Сталину:

«21 августа 1939 г.

Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру.

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

Но перед подписанием Договора о ненападении Сталин выдвинул условие – активизировать германо-советские экономические связи. В результате 20 августа с Германией было подписано торговое соглашение. Советский Союз получил от немцев кредит в 200 миллионов марок, который тратился на покупку у них же новейших технологий: мы должны были получить 30 самолетов «Мессершмидт-109», «Мессершмидт-110» и «Юнкерс-88», крейсер «Лютвиц», рабочие чертежи линкора «Бисмарк», а еще образцы полевой артиллерии, танки, формулу танковой брони, взрывные устройства, локомотивы, оборудование для нефтяной и электропромышленности, турбины, станки и так далее.

И вот 23 августа на Ходынском поле приземлился четырехмоторный «Фокке-Вульф Кондор» с министром иностранных дел Риббентропом.

После краткого визита в посольство Риббентроп направился к Кремль. Там состоялась трехчасовая беседа, в которой участвовали Сталин, Молотов, Риббентроп, посол Шуленбург и два переводчика от каждой стороны.

«Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба, – будет рассказывать потом граф Иоахим фон Риббентроп. – Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, – человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде».

Так высоко Сталина оценивали люди, которые имели честь видеть его, решать с ним государственные дела, просто беседовать в домашней обстановке. Это были не телеболтуны, не хохмачи эстрадные, шуты гороховые – прислужники любых режимов. Риббентроп был наш враг. А вот веришь ему, его оценке Сталина как мудрого руководителя великой державы, а не поносу слов, постоянно обрушиваемого на имя Сталина.

После подписания советско-германского договора прямо в кабинете Молотова был накрыт стол. Когда все было готово и все уселись, Сталин встал и произнес короткий тост: «Я знаю, как сильно германская нация любит своего Вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье».

Молотов потом заметил по этому поводу: «Он видел, что все-таки Гитлер организовал немецкий народ за короткое время. Была большая коммунистическая партия, и ее не стало – смылись! А Гитлер вел за собой народ... Сталин как человек хладнокровный при обсуждении большой стратегии, он очень серьезно относился к этому делу». К примеру, вот еще его ответ Риббентропу. Перед отлетом в Германию он задал Сталину вопрос по поводу русско-германского договора от 1936 года и услышал от Сталина лаконичный ответ: «Русские интересы мне важнее всех других!»

Итак, 23 августа 1939 года Молотов и Риббентроп подписали Договор о ненападении. А на следующий день газета «Правда» опубликовала сообщение: «Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различие в

идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для установления добрососедских отношений между обеими странами. Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета».

На внеочередной 4-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва, которая состоялась 31 августа 1939 года, товарищ Молотов держал такую речь:

«Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами, – говорил Вячеслав Михайлович. – Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами. Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны. Наоборот, политическое искусство заключается здесь в том, чтобы уменьшить число таких врагов и добиться того, чтобы вчерашние враги стали добрыми соседями, поддерживающими между собою мирные отношения».

Так мудрость Сталина, его дипломатия отсрочила целых две войны – с Германией и Японией. Мы на два года выигрывали время на подготовку страны к суровым испытаниям и возвращали украденные у России территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

P.S.

«Первое и главное, о чем мечтает и над чем работает Адольф Гитлер в плане своей внешней политики, – это поиски сильного, крепкого и благодарного союзника. А таким союзником Германии может быть только одна Россия – Русская Россия...

В Европе не было и нет такой силы, которая хотя бы в малой доле могла сравняться со значительностью русской дружбы. Это так очевидно!..

Истинное благополучие Новой Германии наступит лишь в тот момент, когда воскреснет Русская Россия. Без русского сочувствия и рус-

ской дружбы над Германией Адольфа Гитлера будет вечно висеть Дамоклов меч постоянных угроз, злостных интриг и жестокого бойкота».

*М. Грот, переводчик книги,
известной под названием «Mein Kampf»*

КТО КОМУ ДОЛЖЕН ИЛИ КТО ВИНОВАТ?

Так или иначе собирая земли, где проживали немцы, Гитлер добрался и до Польши. 1 сентября 1939 года германские войска одновременно с трех сторон – Восточной Пруссии, Силезии и Померании – вступили на территорию Польши. 3 сентября Гитлеру пригрозили из Великобритании: английские власти требовали немедленно вывести войска с польской территории. На раздумья фюреру дали 2 часа. Гитлер в ответе объяснил, почему не может уйти из Польши. Но, похоже, на острове туманного Альбиона только того и ждали. Англия объявила Германии войну, а через 6 часов то же объявила Франция. Началась Вторая мировая война.

Чуть позже газета «Правда» сообщала: «Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну... Правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны». И английский историк генерал Фулер спустя годы признает, что подвигло те «круги» против Германии: «На войну нас толкнули не политические идеи Гитлера. Мотивом стали его успехи в опыте создания новой экономики. Причинами войны явились: зависть, алчность и страх».

А разве не те же самые мотивы лежали тогда в основе отношений и с Советским Союзом? Разве Запад не напрягался, видя успехи социалистической экономики, плановых «сталинских пятилеток»? Их правящие круги делали все, чтобы, как и в Первой мировой войне, столкнуть две великие державы в смертельной схватке. Благо, нынче российский «опыт создания новой экономики» всех устраивает. Чему завидовать-то?..

А тогда армия вермахта, вступив в Польшу, на второй день окружила войско польское. На двенадцатый уже вся страна была в руках немцев. Сопротивление поляки оказывали только при битве за Варшаву.

Тем временем президент Польши пан Мосницкий и правительство, бросив страну и армию, 5 сентября рванули в Румынию. 10 сентября туда же укатил Верховный главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы. Истребительная авиабригада ПВО из-под Варшавы зачем-то перелетела в Брест, и в результате в польской столице от гитлеровских бомбардировщиков погибло свыше 20 тысяч мирных жителей.

В первых числах сентября круто поработало только с местным населением воинство панской Польши. Так, в Быгдоше (Бломберг) и Шулитце (Гольштейн) они устроили массовую резню немцев (заметим, задолго до Катыни). По поводу такой «работы» генерал Андерс откровенно говорил: «Немцев нужно вырезать всех до единого от 7 до 40 лет». Но это к слову.

17 сентября 1939 года в 2 часа ночи в присутствии Молотова и Ворошилова Сталин принял германского посла Шуленбурга и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в шесть утра на всем ее протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска.

Сталин тогда зачитал Шуленбургу ноту, заготовленную для посла Польши Гржибовского, изменил по просьбе немца три пункта, а утром та нота была вручена адресату. С заверением политики нейтралитета текст ее Молотов препроводил и дипломатическим представителям Германии, Италии, Ирана, Китая, Японии, Великобритании, Франции, Афганистана, США, Турции, Финляндии, Болгарии, Монгольской Народной Республики, Дании, Швеции, Греции, Бельгии, Румынии, Турвинской Народной Республики, Норвегии, Венгрии. А также Латвии, Литвы и Эстонии. Пока...

Вот эта нота:

«17 сентября 1939 года

Господин посол,

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша

потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный комиссар иностранных дел СССР

В. Молотов».

И 17 сентября Красная Армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Это были исконно русские земли. И если граница СССР до 17 сентября находилась, например, от Минска всего в 30–35 километрах, то теперь наши западные границы стали заметно отодвинуты, что было очень важно для экономических центров страны. В течение недели войска Красной Армии прошли 250–300 километров и к концу месяца достигли польско-венгерской границы и остановились на рубеже Западный Буг и Сан. Так Сталин вернул Советскому Союзу зем-

ли площадью 200 тысяч квадратных километров, на которых проживало 12 тысяч человек, в основном украинцы, белорусы и поляки.

Вот как описывает польский лесничий из Белостокского округа те дни: «Красная Армия ведет себя вполне миролюбиво по отношению к местным жителям. Никаких бесчинств, всюду порядок, даже отношение к пленным полякам вполне приличное. Но власть в городах передается в руки самых худших элементов: политические преступники, неблагонадежные при польской власти, озлобленные молодые еврейчики-подмастерья. В городах начались издевательства над интеллигенцией. Из Новогрудка пришли уже достоверные вести о том, что вслед за прошедшими через город частями Красной Армии прибыли политические комиссары, начавшие вылавливание всех “подозрительных”... Польскую полицию заменила рабочая гвардия, состоявшая исключительно из еврейской молодежи. Не проходило и дня, чтобы не проводили толпами по городу польских офицеров, полицейских и чиновников. Никаких внешних бесчинств я не наблюдал и во имя объективности еще раз должен подчеркнуть, что красноармейские части вели себя дисциплинированно и, видимо, расположили в свою пользу население...»

То же в своей исследовательской работе «Революция из-за границы» свидетельствовал и писатель Ян Гросс: «По всей Западной Украине и Западной Белоруссии, на хуторах, в деревнях, городах Красную Армию приветствовали малые или большие, но в любом случае заметные, дружелюбно настроенные толпы... Люди сооружали триумфальные арки и вывешивали красные знамена (достаточно было оторвать белую полосу от польского флага, чтобы он стал красным)... Войска засыпали цветами, солдат обнимали и целовали, целовали даже танки... Иногда их встречали хлебом и солью... Свои последние бои польская армия на своей территории вела против украинцев, белорусов, евреев».

В этой связи несколько слов о так называемом Катынском деле. Речь о 12 тысячах польских офицеров, расстрелянных весной 1940 года якобы по приказу Сталина.

Спустя больше полувека, уже в наши дни, «архитектор перестройки», бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев, а с ним заодно вер-

ные ленинцы Горбачев и Ельцин принялись раздувать угольки Иоахима Геббельса. Чем ложь круче, тем ей больше верят – такого правила придерживался министр пропаганды «новой Германии» и писал: «Наряду с ТАССовскими евреями и англичанами придумали Катынскую махинацию». «Более глупого тупые евреи в Москве придумать не могли». «За каких дураков эти нахальные еврейские болваны считают европейскую интеллигенцию». «Такого идеального соединения еврейского зверства с отвратительной еврейской лживостью мы еще не знали в истории»...

Только что, с началом войны – в сентябре 1939 года – войско польское вместе с семьями рванули от немцев к русскому Ивану. Советы устроили братьев-славян в специальные городки, два года это воинство и кормили, и поили. Часть поляков вошла в Армию Людову и боролась вместе с советскими войсками против гитлеровцев. А около 100 тысяч человек по решению высшего офицерства во главе с генералом Андерсом еще в декабре 1941-го оставили Россию. На дорожку братьев-славян мы еще одарили оружием, которого самим не хватало.

Да, так вот никто из тысяч поляков ничего не знал о каких-то расстрелах, «еврейском зверстве», пока немцы в 1943 году не устроили эту заварушку, а Геббельс не расстрезвонил «катынскую махинацию» на весь белый свет. Жили поляки под одной крышей, встречались каждый день, и никто, выходит, не заметил, как 12 тысяч земляков однажды вдруг исчезли куда-то?..

А вот Геббельс все видел, все знал и своим борзописцам давал установки: «...нам нужно чаще говорить о 17–18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешение послать домой письма, и т. д., так как это действует особо потрясающе...»

Это «и т. д.» раскрутил не только министр пропаганды Третьего рейха. Пропагандой умело, можно сказать, мастерски занимался и зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев, автор книг «Призыв убивать (Американские фальсификаторы проблем войны и мира)», «Идеология американской империи», «Идейная нищета апологетов холодной войны», «От Трумена до Рейгана: доктрины и реальности ядерного века». Здесь не место разбирать, для чего ему все это нужно было. Мог бы более до-

сконально – без фальшивок – раскрутить другую тему, например, как президент Б. Ельцин Верховный Совет расстреливал. Только теперь-то господину Яковлеву, как и господину Ельцину, Бог судья!

А вот расстрел польских военнопленных в Катыни документально аргументировал другой наш современник, публицист Юрий Мухин. С исторической точностью он подготовил две книги – «Катынский детектив» и «Антироссийская подлость» – и доказал, что НКВД к расстрелу поляков никакого отношения не имел. Катынская трагедия, как Бабий Яр и другие, – дело рук гитлеровцев. Исследование Мухина рассматривал польский Сейм, и в результате поляки вынуждены были замолчать. Да ведь даже не вникая в тонкости геббельсовской пропаганды, на простых фактах высвечивается фальсификация Катынского дела.

Ну, вот, скажем, расстреливали военнопленных из оружия немецкого образца. Что, у НКВД своих патронов не было? В карманах убитых были обнаружены всякие документы второй половины 1940 года и даже 1941-го. Тут педантичные и аккуратные во всем немцы явно перестарались: расстрел-то был весной 1939-го!..

Еще вот раскручивалась тема гибели в Катыни «всего цвета» польской армии. Но генерал Андерс, уходя через Иран к англичанам, как-то не заметил такой потери. И Геббельс о «цвете» войска польского промолчал, а вот гибель 17-летних пацанов-прапорщиков требовал расписывать как можно убедительнее.

«Катынское дело» свалили на Сталина. Да, Госдума так записала в своем заявлении: «Преступление было совершено по прямому указанию Сталина». Потом Дума подумала и добавила: «и других советских руководителей».

А спроси: для чего этот расстрел нужен был Сталину? Почему генерала Андерса он проводил с его 100-тысячным войском без всяких проблем, даже вооружил поляков, – никто из думцев толком ничего не ответит. Поговаривают, будто Сталин запомнил, как в 1920 году поляки замучили 60 тысяч наших парней, оказавшихся у них в плену, мол, он и дал команду расстрелять в Катыни 12 тысяч польских офицеров. Но почему 12, а не 60 из тех 250 тысяч рванувших к нам от немцев?

Покаяние перед поляками от имени России было как бы из области высоких материй – толерантности да либеральности. А на деле все выглядело довольно прозаически. 800 тысяч поляков выстроились в очередь за деньгой и ждали крупной финансовой компенсации за расстрелянных в Катыни своих родных и близких. Память, святость – это, мол, понятно. Но, панове, раскрывай карман шире – с Ивана бабки тряханем!

Полно-ка, панове. Если уж будем выстраивать свою жизнь по законам биржи, вы крупно проиграете. Вспомним-ка историю с двумя Лжедмитриями, разорение этими польскими самозванцами русских земель. Там, писал современник, «жилища человеческие превратились в логовища зверей... птицы вили гнезда на трупах человеческих, а люди сменили зверей в их лесных убежищах, скрываясь в пещерах, непроходимых кустарниках». А интервенция короля Сигизмунда III, потом королевича Владислава, их претензии на царский престол, поджог Москвы... А захват Смоленска, Чернигова, Новгород-Северского, еще около 20 городов и той же Катыни. Сколько все это стоит в переводе-то на язык судебных приставов?

Глядя на поляков, счет Сталину надумали предъявить и прибалты. Тоже, вот, специалисты из земель Видземе да Курземе насчитали, сколько им Россия должна. Интересно бы знать, за что?.. Может, за то, что Троцкого, Ленина и Свердлова охраняли? С Тухачевским головы тамбовским мужикам сносили? В застенках «чеки» и воентрибуналах трудились Я. Петерс, М. Лацис, К. Петерсон, Я. Янелис, Р. Аустринь, Я. Ратнек... Вспомним, какой ужас наводили они на людей.

...В Рыбинске народ выразил как-то недовольство советской властью: требовали хлеба, дети, мол, голодные сидят. Разобраться с проблемой направилась туда команда 2-го латышского полка. Недовольства в Рыбинске больше не было. В Псковской, Новгородской, Великолукской губерниях тоже есть захотели, тоже кому-то хлеба оказалось мало. Ясность народу в связи с таким недостатком, тяжелым продовольственным положением внесли товарищи из 5-го и 8-го полков. Так что не случайно Яков Михайлович Свердлов сердечно благодарил товарищей: «Многое и очень многое сделали славные латышские стрелки для Октябрьской ре-



Дар лионских (Франция) ткачих: портрет, вышитый на шелке. 1938 г.

волюции. А сколько еще сделают!» Да уж. Сделали. Помнят их «славные дела» Вологда, Муром, Арзамас, Осташков, Кириллов, Демянск, Бологое, Боровичи, Старая Русса, Ижевск, Воткинск, Рузаевка...

Взбунтовались в Москве левые социал-революционеры – по указанию Ленина опять же латышскими стрелками усилили охрану Кремля. В боевую готовность тогда привели 9-й полк: у всех ворот выставили взводные посты, три роты с пулеметами на кремлевские стены взгромоздили, а еще две, на всякий случай, в резерве придержали. Владимир Ильич самостоятельно охрану Кремля проверял, со стрелками беседовал. Он и в Смольном их инструктировал. Всего в Москве и вокруг нее в начале июля 1918 года собралось свыше 4000 стрелков из земель Курземе да Видземе.

В свое время буйный Хрущев закрыл главный православный храм в центре Риги и устроил там дурацкий планетарий. Осталась в городе одна церквушка, носившая имя святого Александра Невского. Как-то в командировке я зашел туда – поклониться великому князю, и староста, видимо, проникнув почтением к казенному человеку – при погонах! – стала рассказывать об истории церкви, и о том, как после революции из России тащили золото, всякие драгоценности, иконы. Все уплывало за границу, в Америку.

Муж этой пожилой женщины был эстонец, а она – русская. Всю жизнь церковная староста прожила в Прибалтике и вот припомнила еще, как летом 1941-го отступали наши. «Высокое начальство на автомашинах, доверху загруженных барахлом, укатило. Бедные солдатики с винтовками бежали лесами, не зная, куда бежать, а в спину их расстреливали те самые латышские стрелки, которым нынче памятник установили...»

Действительно, в Риге стояла огромная глыба гранита, из которой скульптор обозначил трех стрелков в шинелях до пят и в «буденовках». Прижавшись друг к другу спинами, они смотрели в разные стороны. Лица хмурые, злые – казалось, вот выхватит латыш саблю из ножен, миг – не успел перекреститься – и нет твоей головы!.. А вечером эти «курземе» да «вудземе» усядутся в кружок, закатят глаза долу и примутся слушать, как их земля из Земгале – расстрельщик ярославских мужиков – страдает со своей скрипкой над мотивами Сен-Санса.

В середине ноября 1917 года в бригадах латышских стрелков было 24 000, в Запасном полку – 6000 стрелков. Через два года только в одной Латышской дивизии Южного фронта числилось 19 340 человек. Ребята все молодые, средний возраст стрелков в 1918 году был 22–23 года. Рубили саблями лихо, с настроением. Как пишет академик Я. Крастынь, «с прибаутками и юмором». Особенно весело расправлялись стрелки с 31-й дивизией генерала Деникина. В этой дивизии собрались крестьяне Екатеринославского и Курского районов. Необученные шибко-то саблями махать да и с юмором не слишком изысканным – что это за противник был для славных латышских стрелков? Порубили они их без особого труда...

Или вот рейд конницы Латышской дивизии в начале ноября 1919 года. «На станции Поньри, – писал академик Крастынь, – конница захватила несколько эшелонов с военным снаряжением, взорвала станцию и изрубилла до 300 корниловцев». Тоже, надо полагать, с прибаутками.

«Что же вы к нам, таким веселым ребятам, в 1940-м на танках-то прикатили?» – так или приблизительно так видели и объясняли связь времен состарившиеся «латышские стрелки». А в мае 1990 года от имени Верховного Совета Латвийской республики они сочинили уже и Декларацию о восстановлении независимости, при этом ни словом не вспомнив встречи своих руководителей со Сталиным, которые проходили осенью 1939 года в теплой и дружественной обстановке.

Так вот тогда в Кремле все три прибалтийские республики заключили с Советским Союзом договор о взаимопомощи и торговле. Первый договор подписала Эстония. Это было 28 сентября. Господин Сельтер, представлявший республику, вспоминал, как после подписания того договора к нему обратился Сталин: «Могу Вам сказать, что правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С вами могло бы получиться, как с Польшей». И через пару дней тот Сельтер телеграфировал Молотову:

«Вернувшись на родину, прошу Вас, господин Председатель, принять лично и передать вождю народов СССР Сталину, а также Наркому Микояну искреннюю благодарность эстонского правительства за мудрое руководство политическими и хозяйственными переговорами в Москве

и за счастливое приведение их к новым дружественным соглашениям между нашими государствами.

Сельтер, Мининдел Эстонии».

Следом с речью по поводу договора выступил и главнокомандующий эстонской армией Лайдонер: «Перед смешанной военной комиссией Советского Союза и Эстонии стояла трудная задача – быстро найти взаимное согласие по вопросам реализации пакта, установить места баз для морских сил Советского Союза и достичь соглашения по вопросу о размещении и временном местонахождении гарнизонов... Эта большая работа теперь закончена. Она проводилась в атмосфере взаимного доверия и понимания».

Об этом писали и все эстонские газеты, например, «Уус Эсти»: «Ложны и лишены основания утверждения газет северных стран о том, что прибалтийские страны будто бы перестали быть нейтральными... Новое положение трех прибалтийских государств требует еще большего сотрудничества между ними. В своей внешней политике они должны действовать дружно потому, что они все заключили равноценные пакты о взаимопомощи с СССР, создав тем самым сплоченный фронт защиты своей самостоятельности и безопасности».

Это так. Почти одновременно аналогичные договора о взаимопомощи и торговле с нами подписали Латвия и Литва. В переговорах с Латвией присутствовал Сталин. Руководитель латвийской делегации Мунтерс был удивлен прямоотой и мудростью его суждений. Еще в начале переговоров Сталин заявил, что Советский Союз не навязывает свою Конституцию, органы управления, министерства, внешнюю политику, экономическую систему. «Мы хотим с вами поговорить об аэродромах и обороне... Наши требования диктуются войной между Германией, Францией и Великобританией. Если мы договоримся, появятся очень благоприятные условия для коммерческих договоров».

Сталин в переговорах с латышами ничего не скрывал: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся. Если не мы, то немцы могут вас оккупировать. Но мы не желаем злоупотреблять. Нам нужны Лиепая и Вентспилс». Понятно, не для строительства коттеджей нужны были Сталину

эти географические пункты. Он говорил латышам о важности Ирбентского пролива, через который могут проходить подводные лодки и обстреливать Ригу, подчеркивал, что береговые батареи у пролива должны находиться под одним командованием: «Иначе они не смогут действовать...»

При этом Сталин учтиво оговаривался, что заключенные еще в 1920 году договоры не могут существовать вечно: «Прошло двадцать лет. Мы окрепли, и вы окрепли...»

По договору, подписанному 5 октября 1939 года, СССР предусматривал введение в Латвию весьма ограниченного контингента войск — 25 тысяч человек. В армии латышей было 100 тысяч. И президент этой республики Ульманис сказал тогда: «Этот пакт с великим народом, заключенный в духе взаимного доверия и доброй воли, дает нам гарантии устранения опасности войны или даже ее предотвращения». Что повторила и газета «Ритс»: «Если теперь наш великий сосед для обеспечения своей обороны и обороны Балтийского моря взялся также поддерживать нас и помогать нам охранять побережье, то это дает нам уверенность в том, что в Балтийском море образовался организм, который будет служить делу мира и безопасности».

Литовская правительственная делегация на переговорах в Кремле ставила условие: перед вводом на территорию Литвы 20-тысячного контингента передать им Вильнюс. И вот сообщение ТАСС 11 октября 1939 года: «Все литовские газеты на первой полосе поместили текст договора о передаче Литовской Республике города Вильнюс и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой». Газета «Лиетувос Жиниос» поместила портреты товарищей Сталина, Молотова и Ворошилова. «Лиетувос Айдас» указывает, что «литовский народ имеет все основания радоваться, так как исправляется обида, нанесенная Литве польскими захватчиками 19 лет назад».

Заметим, что писала и литовская газета «ХХ амжиус» от 7 октября 1939 года: «В то время как в западноевропейской печати мы часто встречали враждебное отношение, не было ни разу случая, чтобы Советский Союз проводил какую-либо пропаганду, направленную против нашего государства». Однако уже в начале 1940-го прибалты принялись нарушать между-

народные соглашения. Литовское правительство вступило в военный союз с Латвией и Эстонией – это шло вразрез с подписанным договором. В феврале стал выходить военный журнал «Ревю Балтик» на английском, французском и немецком языках – этакий координирующий печатный орган. Не для русских. В Литве к тому же произошел инцидент, который вызвал негодование, гневный протест в советском гарнизоне – был похищен, а затем убит полицейскими наш военнослужащий Бутаев...

И дальше – больше. Из Прибалтики стали поступать сведения, что под видом проведения «балтийской недели» и «праздника спорта» фашистские организации Эстонии, Латвии и Литвы готовятся захватить власть и просить Германию ввести в их страны войска вермахта. Тогда руководство СССР потребовало от Литвы сформировать новое правительство, «которое было бы способно обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского договора о взаимопомощи». И еще. Наше правительство потребовало пропустить на территорию Литвы советские воинские части в количестве, необходимом для обеспечения безусловного выполнения и договора, и предотвращения в Литве провокационных действий против советских военнослужащих.

Такие же требования были предъявлены правительствам Латвии и Эстонии. На следующий день, 15 июня 1940 года, ТАСС сообщило: «Сегодня в 17 часов 45 минут советские танковые части и моторизованная пехота начали прибывать в Каунас. Десятки тысяч жителей Каунаса рукоплесканиями и криками “ура” приветствуют войска. Красноармейцам и командирам люди преподносят цветы...»

Литовское правительство подало в отставку. Так же поступило руководство Эстонии и Латвии. Вновь избранные парламенты прибалтов пользовались поддержкой населения, и по волеизъявлению трудящихся они обратились к советскому правительству с просьбой о присоединении всех прибалтийских республик к Советскому Союзу, что и состоялось в августе 1940 года. Да ведь выбора-то у прибалтов не было. Твердую руку парней «нордического типа» они знали. Скоро, совсем скоро – года не пройдет! – для них будет готова директива в прошлом их земляка, министра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга:

«Целью имперского уполномоченного в Эстонии, Литве, Латвии и Белоруссии должно быть сохранение Германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями Германской расы и уничтожения нежелательных элементов». Просто и ясно.

Спустя полвека история с «твердой рукой» повторится. Наши соседи снова заговорят о взаимопомощи и дружно запросятся в НАТО. На тех аэродромах, где стояли советские истребители, они прячутся под крыло американских перехватчиков, суетятся с ракетами – как бы их поудобней приспособить против Ивана. Все повторяется, и словно не было откровенных слов Сталина, сказанных латышам в далеком 39-м: «Не мы, так немцы могут вас оккупировать...»

Да, короткая память у «горячих парней» из земель Видземе да Курземе. Почитали бы «Краткий курс истории» на латышском языке, изданном в Латвии в 20-е годы. Там невыдуманный рассказ о том, как до прихода немцев Прибалтика находилась под влиянием варягов и русских. Латыши долгое время жили вместе со славянами, поэтому впитали в себя православное христианство, они обязаны России и русским формированием своей национальной самобытности. В русле российской политики у латышей начал формироваться литературный латышский язык и письменность, издаваться книги на латышском. Министр земледелия Янис Голдманис накануне Первой мировой войны выступал в Российской Государственной Думе, и вот его слова:

«Среди латышей и эстонцев нет ни одного человека, который бы не осознавал, что все, чего мы достигли, получено под патронатом русского орла. И все то, что сбылось, и то, чего так желают латыши, возможно единственно потому, что Балтийский край и в будущем станет составлять неделимую часть России. Ни национальность, ни язык, ни вера не мешают нам, латышам и эстонцам, быть пламенными патриотами России и защищать свое Отечество плечо к плечу со всем русским народом».

И вот уже наш современник, Айнар Комаровскис, сотрудник одной из консалтинговых фирм, глубоко вникнув в историю отношений Латвии

и России, латышей и русских, убежденно говорит: «В мире есть только один народ, который может быть к латышам бескорыстным и признавать их себе равными даже тогда, когда сами они того не признают. Россия – единственная страна, вместе с которой мы можем выжить».

Этот голос сильнее рева турбин американских бомбардировщиков!

Не чинуша-временщик, прорвавшийся к власти, – государственный деятель, чью мудрость признавали сильные мира сего, Сталин думал о безопасности вверенной ему страны. Одним из уязвимых районов на западной границе СССР был советско-финский, примыкавший к Ленинграду. В каких-то 32 километрах от города, в котором было 30–35% всей нашей оборонной промышленности, финны построили современные военные сооружения – линию Маннергейма, – и советское правительство в интересах безопасности с марта 1939 года пыталось договориться с Финляндией о перенесении границы на несколько километров в глубь Карельского перешейка, об аренде у входа в Финский залив порта Ханко для строительства там военно-морской базы и о передаче нам некоторых территорий в Карелии и Заполярье – всего 2.761 кв. км. В возмещение за эту уступку финнам предлагали в Карелии территорию в два раза больше – 5.529 кв. км.

Свою озабоченность и соображения в интересах обеих сторон правительство СССР изложило в меморандуме от 14 октября 1939 года, один из пунктов которого гласил: «Усилить существующий пакт ненападения между Советским Союзом и Финляндией, включая пункт в взаимных обязательствах не вступать в группировки и коалиции государств, прямо или косвенно враждебные той или другой договаривающейся стороне».

4 ноября в переговорах с Финляндией участвовал Сталин. В дополнение ко всем предложениям, высказанным ранее, он поставил вопрос о покупке некоторых островов в районе Ханко. Финское правительство ни с чем не соглашалось, и переговоры зашли в тупик.

А тем временем на западе Германия, с одной стороны, Англия и Франция – с другой, то ли воевали, то ли не воевали. Ту войну уже называли «странной», а более точно выразился Сталин: «То ли воюют, то ли

в карты играют». Во всяком случае, премьер-министр Великобритании Чемберлен, сетуя, что у англичан не хватает вооружения для войны с Гитлером, отправил Финляндии 144 самолета, 114 тяжелых орудий, 185 тысяч снарядов, 50 тысяч гранат, 15.700 авиабомб и даже 100 тысяч шинелей. Французы проявили солидарность с союзником и тоже передали для финской армии 179 самолетов, 472 орудия, 795 тысяч снарядов, 5100 пулеметов и 200 тысяч ручных гранат.

Спрашивается, для чего? Чем была вызвана такая озабоченность в отношении страны, с которой никто не воевал? Нынче просто бы объяснили: все эти пушки, самолеты да пулеметы направлены против Ирана и Северной Кореи. А между тем 26 ноября 1939 года на нашей границе начались провокации. Возле селения Майнила финны открыли артиллерийский огонь по советской погранзащите. Погибло четыре красноармейца, девять было ранено. Маршал К. Мерецков вспоминает: «Приказав взять под контроль границу на всем ее протяжении силами военного округа, я немедленно переправил донесение в Москву. Оттуда пришло указание готовиться к контрудару. На подготовку отводилась неделя, но на практике пришлось сократить срок до четырех дней, так как финские отряды в ряде мест стали переходить границу, вклиниваясь на нашу территорию и засылая в советский тыл группы диверсантов» (http://thelib.ru/books/mereckov_kirill/na_sluzhbe_narodu-read-16.html).

28 ноября советское правительство денонсировало договор с финнами о ненападении, отозвало из Финляндии своих дипломатических представителей, и 30 ноября 1939 года войска Ленинградского военного округа перешли на Карельском перешейке в наступление.

Красная Армия в тяжелых боях преодолела мощную систему оборонительных сооружений, освободила Выборг, территории, принадлежавшие Ленинграду. Война длилась 3 месяца и 12 дней. 12 марта 1939-го между СССР и Финляндией был подписан мирный договор, по которому финны уступали нам Карельский перешеек, северо-восточный берег Ладожского озера, часть полуостровов Рыбачий, Средний и соглашались сдать в аренду остров Ханко.

С 14 по 17 апреля 1940 года в Москве состоялось совещание начальствующего состава РККА по сбору опыта боевых действий против Финляндии. С заключительным словом на заседании выступал Сталин. Он сделал объективный анализ финской кампании, вскрыл причины неудач настолько профессионально, что разговоры о том, будто в начале Великой Отечественной войны Сталин слабо разбирался в военной стратегии, вызывает серьезное недоверие к авторам таких заявлений.

Здесь нет возможности полностью привести стенограмму выступления Сталина на апрельском совещании при ЦК ВКП(б). Но вот некоторые его рассуждения, несколько откровенных замечаний, выводы о боевых действиях наших войск в Финляндии.

Например, Сталин говорит о размещении войск на фронте в виде колонн: «Мы знали, что финнов поддерживают Франция, Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает Америка, поддерживает Канада. Знаем хорошо. Вот исходя из этого надо было здесь создать большую колонну – на Карельском перешейке, что могло прежде всего обеспечить Ленинград от всяких возможных случайностей.

Расположение войск на Карельском перешейке преследовало три цели: создать серьезный заслон против всяких возможностей и случайностей против Ленинграда; во-вторых, устроить разведку территории и тыла Финляндии, что очень нужно было нам; и, в-третьих, создать плацдарм для прыжка, куда войска будут подвезены».

Подводя итоги финской кампании, Сталин прямо говорил и о недостатках в организации ее: «После первых успехов по части продвижения наших войск, как только война началась, у нас обнаружились неувязки на всех участках. Обнаружились потому, что наши войска и командный состав наших войск не сумели приспособиться к условиям войны в Финляндии.

Вопрос, что же особенно помешало нашим войскам приспособиться к условиям войны в Финляндии? Мне кажется, что им особенно помешала созданная предыдущая кампания психологии в войсках и командном составе – шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша

Красная Армия непобедимая, что нет ей равной, что у нее все есть, нет никаких нехваток, не было и не существует, что наша армия непобедима. Вообще в истории не бывало непобедимых армий. Самые лучшие армии, которые били и там и сям, они терпели поражения. У нас товарищи хвастались, что наша армия непобедима, что мы всех можем шапками закидать, нет никаких нехваток. В практике нет такой армии, и не будет.

Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться, перестроиться применительно к условиям Финляндии. Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше – это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война. Потребовалось время для того, чтобы наша армия поняла это, почувствовала и чтобы она стала приспосабливаться к условиям войны в Финляндии, чтобы она стала перестраиваться.

Имейте в виду, что за все существование советской власти мы настоящей современной войны еще не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у оз. Хасан или в Монголии – это чепуха, это не война, это отдельные эпизоды на пяточке, строго ограниченном. Япония боялась развязать войну, мы тоже этого не хотели, и некоторая проба сил на пяточке показала, что Япония провалилась. У них было 2–3 дивизии, и у нас – 2–3 дивизии в Монголии, столько же на Хасане. Настоящей, серьезной войны наша армия еще не вела. Гражданская война – это не настоящая война, потому что это была война без артиллерии, без авиации, без танков, без минометов. Без всего этого какая же это серьезная война? Это была особая война, не современная. Мы были плохо вооружены, плохо одеты, плохо питались, но все-таки разбили врага, у которого было намного больше вооружений, который был намного лучше вооружен, потому что тут в основном играл роль дух.

Так вот, что помешало нашему командному составу с ходу вести войну в Финляндии по-новому, не по типу гражданской войны, а по-новому? Помешали, по-моему, культ традиции и опыт гражданской войны. Как у нас расценивают комсостав: а ты участвовал в гражданской войне? Нет, не участвовал. Пошел вон. А тот участвовал? Участвовал. Давай его сюда, у него большой опыт и прочее.

Я должен сказать, конечно, опыт гражданской войны очень ценен, традиции гражданской войны тоже ценны, но они совершенно недостаточны. Вот именно культ традиции и опыт гражданской войны, с которыми надо покончить, он и помешал нашему командному составу сразу перестроиться на новый лад, на рельсы современной войны.

А что такое современная война? Интересный вопрос, чего она требует? Она требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия – это бог, судя по артиллерии. Кто хочет перестроиться на новый современный лад, он должен понять: артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия. И поэтому разговоры, что нужно стрелять по цели, а не по площадям, жалеть снаряды – это несусветная глупость, которая может загубить дело. Если нужно в день дать 400–500 снарядов, чтобы разбить тыл противника, передовой край противника разбить, чтобы он не был спокоен, чтобы он не мог спать, нужно не жалеть снарядов и патронов. Как пишут финские солдаты, что они на протяжении четырех месяцев не могли выспаться, только в день перемирия выспались. Вот что значит артиллерия. Артиллерия – первое дело.

Второе – авиация, массовая авиация, не сотни, а тысячи авиации. И вот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше бомб нужно давать противнику для того, чтобы оглушить его, перевернуть вверх дном его города, тогда добьемся победы. Больше снарядов, больше патронов давать, меньше людей будет потеряно. Будете жалеть патроны и снаряды – будет больше потерь. Надо выбирать. Давать больше снарядов и патронов, жалеть свою армию, сохранять силы, давать минимум убитых или не жалеть бомбы, снаряды».

Сколько же бумаги исписали, как только не изощрялись фальсификаторы истории и ненавистники Сталина, убеждая, что Великую Отечественную войну он выиграл за счет численного превосходства так называемой «живой силы», проще говоря, жизни солдат. Ну, так читайте, господа либералы, хотя бы стенограмму выступления Сталина в 1940 году. А забегая вперед, к последнему штурму в Великой Отечественной войне – рейхстага, разве не так же уговаривал он Жукова – беречь людей, не

устраивать ценой их жизни взятие той неприступной крепости непременно к празднику Первого мая?..

Сталин, анализируя итоги войны с Финляндией, четко определил, в каких средствах вооружения и в какой военной технике нуждается Красная Армия. Он упрекал военачальников за недооценку в современной войне минометов, автоматического ручного оружия, сокращение их производства. И не случайно Сталин завел разговор о командном составе армии, общевойсковом командире, создании новых органов управления армейскими подразделениями и штабной культуре.

Апологеты «новой России», западники, осевшие в Кремле или на подступах к нему, злобно искажают историю нашей страны, оплевывают великие имена русских царей и полководцев, святителей и народных героев. Целое поколение людей искаженно представляет Великую войну и подвиг народа в борьбе с Третьим рейхом. Русский солдат спас Европу от фашистской чумы. Но вот в жизнь вступил олигархический капитализм, страну заставили жить по законам бандитского рынка – и все забыто. Чтобы из сознания людей вытравить правду о нашей Победе, множество радиостанций, телеканалов, продажные газеты оболванивают, сеют недоброе в юные души, учат молодежь презирать свое прошлое.

Немалую смуту домыслами своих книжек вводит некий «историк» Резун, предавший Родину. Скрываясь в лондонском чулане, он утверждает, что Сталин готовился развязать войну, но Гитлер опередил его. Да ведь еще за год до плана Германии о нападении на СССР, известного под кодовым названием «Барбаросса», против нас готовили войну Англия и Франция. Такое решение их Верховный военный совет вынес 19 декабря 1939 года. Ударами с севера и юга предполагалось разбить Красную Армию и взять Москву.

С началом Зимней войны в Финляндию прибыла французская военная миссия. Один из этой миссии, капитан П. Стелен позже вспоминал: «Замысел операции был выражен на карте двумя изогнутыми стрелами: первая – из Финляндии, вторая – из Сирии. Заостренные наконечники этих стран соединялись в районе на восток от Москвы».

На стреле с севера планировалась высадка совместно с финскими войсками 150-тысячного экспедиционного корпуса англичан и французов. Десанту того корпуса предстояла высадка в Петсамо, а дальше совместно с финнами – наступление в направлении Кандалакши. Дальше по плану это войско перерезает железную дорогу Мурманск – Ленинград, и готовься, северная столица, встречать воинов-освободителей от ига «жидов-комиссаров».

С юга против СССР вместе с союзниками должны были выступать армии Турции, Румынии и Югославии. «План непосредственного вторжения на Кавказ» разрабатывали генерал М. Гамелен и адмирал Ф. Дарлан. Сначала Англия и Франция готовились нанести бомбовый удар по советским нефтепроводам и городам Кавказа. Так, Баку намеревались разрушить за 15 дней, Грозный – за 12, Батуми – за 1,5 дня. Для этого, по расчету командования англичан и французов, достаточно было 90–100 самолетов...

Однако все предусмотрело, все более точно рассчитало советское руководство – и начало, и конец «финской кампании». Мировая общественность тогда встала на рога, но Сталин сам устанавливал «санкции». «Перед финнами мы с начала войны поставили два вопроса – выбирайте из двух одно: либо идете на большие уступки, либо мы вас распылим и вы получите правительство Куусинена, которое будет потрошить ваше правительство, – говорил Сталин, и вот результат: – Финны встали на колени... Они предпочли пойти на уступки, чтобы не было народного правительства».

Планы Запада рухнули. Премьер-министр Франции Э. Деладье 19 марта 1940 года, выступая в парламенте, едва не плакал: «Московский мирный договор – это трагическое и позорное событие. Для России – это великая победа...»

P.S.

Вот так «злодей» Сталин готовился развязать мировую войну. Судя по всему, сначала он собирался напасть на Францию и Англию – не случайно они разработали план удара по Москве с севера и юга. А вот и стратегия Кремля: отдать финнам территорию в два раза больше – взамен на их земли, затем взять у них в аренду на 30 лет остров Ханко – это в самом дальнем восточном углу Балтийского моря – для нападения на Францию. Воевать так воевать!

«В 1721 году в Ништадте был подписан мирный договор, по которому Швеция отдавала России все свои балтийские провинции, а также юго-восточную Финляндию, включая важнейшую крепость Выборг».

Краткая история Швеции. Стокгольм, 1994.

«Его Королевское Величество шведское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свейского престола и королевства Свейского Его Царскому Величеству и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в войне чрез Его Царского Величества оружия от короны свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманляндию и часть Карелии с дискриком Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан, с городами и крепостями: Ригой, Дюнаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, листриками, берегами, с островами Эзель, Даго и Меном и всеми другими от курляндской границы по лифляндским, эстляндским и ингерманляндским берегам...»

*Выписка из Ништадтского договора,
завершившего Северную войну 1700–1721 гг.*

Да, вот еще. Uwaga panowie! Когда снова начнете базар – кто кому должен, – не забудьте принять в расчет костромского крестьянина, жизнь положившего за царя, Ивана Сусанина. Его потомков и наследников тоже, поди, наберется тысяч-то 800...

ДОБРОСОСЕДСКИЕ И ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Однако как складывались наши отношения с немцами после того, как Германия подписала с Советским Союзом торговое соглашение, затем договор о ненападении и, наконец, о дружбе и границах? Спустя год нарком

иностранных дел Молотов на сессии Верховного Совета не без оснований заметил, что в основе дружественных советско-германских отношений лежат государственные интересы обеих стран, а усилением могущества Германии нас не запугать. Ведь за 1938–1940 годы и у нас были большие успехи в развитии промышленности. Продукция индустрии увеличилась в 1,5 раза, на 76 % – рост машиностроения.

Нынче российским крохоборам-капиталистам и представить трудно, что тогда в нашей стране каждые 10 часов вступало в строй новое промышленное предприятие. Одичавшие демократы из «дорогих расеян» опять скажут, что все это народ создавал вопреки Сталину. А нынче на Святой Руси иной народ, что ли?..

Итак, за год после договора с Германией о ненападении Сталин не только обезопасил страну, отодвинув ее границы далеко на запад и север, а, понимая, что в Европе разгорается серьезная война, готовил перевооружение армии и требовал от конструкторов, ученых, инженеров создания военной техники новейшего образца. Интересно, как основательно проникал он в проблему, как тщательно изучал вопрос, прежде чем принять решение, хотя бы по тому же вооружению. Ниже пойдет речь о подготовке к войне нашей боевой авиации, и я расскажу о роли Сталина в той работе не по умственным суждениям шоуменов да липовых академиков, типа «чего изволите-с», а по свидетельствам участников давних событий.

Высокоразвитая энергетическая и промышленная база, использование производственных потенциалов стран Западной Европы позволяли им высокими темпами развивать и расширять свою авиационную промышленность. И вот, почти два месяца спустя после августовского договора – не откладывая в долгий ящик – в Германию для знакомства с авиационной техникой выехала группа специалистов во главе с членом ЦК партии тов. И. Ф. Тевосяном. В делегации он, видимо, для красоты числился. Ну, как это: ехать за бугор – и без представителя! А остальные все по делу были: авиаконструкторы А. С. Яковлев и Н. Н. Поликарпов, директор завода П. В. Дементьев, первый заместитель наркома, большой

специалист по моторостроению В. П. Баландин, а также конструкторы А. Д. Швецов, В. П. Кузнецов, летчик-испытатель С. П. Супрун и инженер летчик-испытатель из НИИ ВВС И. Ф. Петров. Руководил группой генерал А. И. Гусев.

По сути торговая делегация, она должна была ознакомиться с авиационной техникой и закупить наиболее интересные объекты для изучения или оснащения отечественных предприятий.

Иван Петров уже был в зарубежных командировках. Вместе с профессором Пышновым и Доброхотовым изучали аэродинамические трубы во Франции, Англии, Америке. Так что полковник знал, как себя вести с капиталистами, о чем можно говорить, а о чем лучше помолчать. Ну а тот, кто впервые покатил, получил соответствующий инструктаж.

Делегацию приодели, чтоб все в шляпах были, не позорили «наших»! – и 24 октября 1939 года поезд Москва – Берлин отправился в дружественную Германию. Да, нарком иностранных дел В. М. Молотов в октябре на заседании Верховного Совета СССР именно так и сказал: «Теперь наши отношения с Германским государством построены на базе дружественных отношений, на готовности поддерживать стремления Германии к миру».

И вот Берлин. Александр Сергеевич Яковлев вспоминает, как немцы встречали делегацию из России: «Гитлеровские чиновники изо всех сил старались казаться радушными хозяевами. Это проявлялось во всем: берлинский вокзал к нашему приезду был украшен советскими и германскими флагами, нас встречали городские и военные власти. Нам улыбались, пожимали руки, говорили любезности, старались создать атмосферу дружелюбия и искренности, поместили в самой шикарной гостинице “Адлон”, на улице Унтер-ден-Линден».

Одним из первых советскую делегацию принял заместитель министра авиации генерал-полковник Удэт. Это был очень известный летчик. В годы Первой мировой войны, как и министр авиации Герман Геринг, он отличился в воздушных боях. Удэт по-прежнему летал – только что установил мировой рекорд скорости на самолете Хейнкеля, а как заместитель Геринга ведал технической частью Министерства авиации.

На делегацию из Москвы генерал Удэт произвел хорошее впечатление. Он обещал показать всю боевую технику Германии – и самолеты, и моторы, и новейшее авиационное оборудование. На аэродроме Иоганисталь, под Берлином, наши специалисты, действительно, увидели почти всю боевую технику гитлеровских «люфтваффе»: пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87», двухмоторный бомбардировщик «Юнкерс-88», «Дорнье-215», истребители «Хейнкель-100», «Мессершмитт-109», «Мессершмитт-110», самолеты-разведчики «Фокке-Вульф-187» и «хеншель».

На аэродроме русских, так похожих друг на друга – клеши шириной 33 сантиметра из-под полов добротных драповых пальто торчат, – встречали, кроме Удэта, и чины министерства маршала Геринга. Немцы умеют не только работать, но и хорошо подать то, что сделано. Вся та их боевая техника была выставлена на аэродроме под линейку, у каждого самолета – экипаж в полном составе. Команда – и пулей готовы любой приказ выполнить!

Но перед самолетом Удэт предложил главе нашей делегации Тевосяну подняться с ним над аэродромом на «шторхе» – самолете связи. Тевосян согласился: в ЦК на такой случай никаких указаний не давали. Походили на бреющем, помахали крыльями, приземлились, и на память от Геринга – самолет. Ничего не жалко для Ивана!

Все боевые самолеты в Иоганистале были показаны, названы все их тактико-технические данные, каждая машина взлетала и проходила над делегацией русских. Словом, впечатление, конечно, было сильное, особенно когда все эти «юнкерсы», «мессеры», «хейнкели» с интервалом в одну минуту поднялись в воздух.

В гостинице «Адлон» за сытным обедом под немецкое пиво русские обменялись первыми сомнениями: поди, врут друзья-то... Генерал Гусев согласился: «Наверное, нас считают дураками и показали старье, а не современные самолеты...»

Но немцы ничего не скрывали. Советской делегации предоставили возможность ознакомиться и с серийным производством боевой техники, и с технологической оснащенностью заводских цехов. Наши специалисты

побывали на самолетостроительных заводах Хейнкеля в Ростоке, Юнкерса в Дессау, Дорнье в Фридрихсгафене, Мессершмитта в Регенсбурге и Аугсбурге, Фокке-Вульфа в Бремене, Хеншеля в Шенefeldе. Показали и свои моторы – фирмы «Даймлер Бенц» в Штутгарте и Бисдорфе, «Юнкерс» в Дессау, «Сименс» и «Гальске» в Берлине, «Хирт» – где-то около Берлина, «Байрише Моторен Верке» в Мюнхене. Немцы не скрывали даже заводы, поставлявшие оборудование для самолетов и моторов, – Боша в Штутгарте, Шварца в Берлине, Юнкерса в Магдебурге, Карла Цейса в Йене, Аксания Веерке в Берлине и многие другие.

В результате осмотра заводов и предприятий нашей делегации удалось ознакомиться не только с имеющимися конструкциями боевых машин, но и с перспективой их дальнейшего развития.

«По возвращении в Берлин нас, как и было обещано, снова принял Удэт, – вспоминает А. С. Яковлев. – Однако его отношение резко изменилось, когда наш старший, генерал Гусев, в довольно бестактной форме заявил, что показанные самолеты устарели, интереса для нас не представляют и что мы хотели бы увидеть технику сегодняшнего дня. Удэт вспыхнул:

– Я офицер и за свои слова отвечаю. Мы показали все, и если вам не нравится, не покупайте. Мы не настаиваем – дело ваше.

С тем и вернулись мы в Москву...»

В мартовские дни 40-го состоялось решение о посылке в Германию второй торгово-экономической делегации.

«Перед самым отъездом, – рассказывал мне в одну из встреч Иван Федорович Петров, – вызвал меня в Кремль Сталин. “Вот вы, товарищ Петров, едете в Германию, – начал Иосиф Виссарионович. – Вы знаете, что мы заключили с ней договор о ненападении. Это хорошо, нам нужно время. Но вы, товарищ Петров, имейте в виду – немцы были и остаются нашими врагами”».

Иван Федорович только что стал помощником начальника НИИ ВВС и в Германию направлялся как заместитель руководителя авиационной группы. Руководителем Сталин определил Яковлева.

«Мы были у Сталина вместе с Яковлевым. И Александр Сергеевич вдруг обратился к нему с просьбой увеличить суточные деньги командированным товарищам. Сказал, что наши товарищи в Берлине да и в других городах живут в плохих гостиницах, экономят деньги на транспорте, на чаевых, а этим компрометируют себя за границей. Сталин позвонил Микояну, спросил, сколько наши командированные получают суточных, и, узнав, что 12 марок, предложил увеличить до 25».

Руководитель группы поблагодарил Сталина за поддержку и тут же разрешил еще одну проблему. Дело в том, что бюрократическая система первого в мире государства рабочих и крестьян, совершенствуясь из года в год, перед войной выглядела уже вполне сложившейся. Скажем, решили наши закупить у немцев те же самолеты. Ради бога, пиши заявку в торгпредство, оно сделает запрос в Москву, в Наркомвнешторг, а Наркомвнешторг ту заявку оправит на заключение в Наркомат авиационной промышленности и в Управление ВВС. Там должны решить, а чтобы что-то решить, надо подумать. К тому времени, глядишь, мировая война и закончится.

« – Разрешите, товарищ Сталин, нашей делегации закупать на месте то, что мы сочтем необходимым, – объяснив более-менее популярно все эти бюрократические тонкости, спросил Яковлев и добавил: – Под нашу ответственность.

Сталин согласился:

– Что же, это разумно, – сказал он и поинтересовался, сколько потребуется для таких закупок валюты.

– Я думаю, тысяч сто-двести, – скромно прикинул Александр Сергеевич.

Сталин тут же опять позвонил Микояну и распорядился:

– Выделите в распоряжение делегации один миллион марок. Когда израсходуют, еще миллион...

Наличные деньги, которыми могли распоряжаться по своему усмотрению наши авиаспециалисты, пришлось как нельзя кстати.

– Мы закупили много ценного аэродромного оборудования, вездеходы, малогабаритные групповые автомобили, техническую литературу, –

рассказывал Иван Федорович и припомнил, что приобрели даже технологический процесс изготовления чертежных досок “Кульмана”. – На все истратили только полмиллиона марок».

Совестливые мужики были! Не чета сынкам застойной элиты – внешнеторговцам периода развитого социализма...

А Петрову перед отъездом в Германию Сталин дал и персональное задание.

«Товарищ Петров, – напутствуя в дорогу, обратился он к нему в одной из встреч. – Берегите время. Надо сделать как можно больше, реализовать согласие немцев на продажу нам самолетов и моторов. При осмотре авиационной техники постарайтесь определить их промышленный потенциал. Нам очень важно знать сейчас, сколько немцы смогут выпустить боевых самолетов в день, если начнется война...»

И без того непростое задание осложнялось еще и тем, что никто из советской делегации ни на минуту не оставался один. Постоянно кто-то из немцев сопровождал – ни обменяться мнением, ни записать что-то.

«Ко мне в качестве сопровождающего сначала был приставлен полковник гестапо, а потом добавили и генерала!» – вспоминая былое, ушедшее, посмеивался Иван Федорович и объяснил столь повышенное внимание к его персоне.

Дело в том, что в те дни в советской печати был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года о введении в Красной Армии воинского звания генерал. Среди первых шестнадцати человек, удостоенных этого звания, был и И. Ф. Петров. «Правда» поместила портреты шестнадцати. Немцы интеллигентно промолчали по поводу присвоения лампас рядовому инженеру ЦАГИ, как представлялся в документах делегации Иван Федорович, а гестаповского генерала к нему все-таки приставили. По статусу положено – немцы народ педантичный.

219 авиационных точек осмотрели в ту поездку члены делегации. В Кремль было передано более 200 телеграмм. После осмотра основных авиационных заводов Германии П. В. Дементьев, А. С. Яковлев, Н. Н. Поликарпов и большая часть других членов авиационной группы вернулись в Москву, и всю заботу по закупке и отправке боевых машин Алек-

сандр Сергеевич возложил на своего заместителя. С Петровым остались летчик-испытатель С. П. Супрун, инженер Торгпредства СССР в Германии В. К. Михин и переводчица Н. Н. Перлова.

Еще раз встретился Иван Федорович с Удэтом, Вилли Мессершмидтом и Хейнкелем.

Мессершмидт не слишком-то благоволил к русским. Член нацистской партии, он, видимо, не строил особых иллюзий на тему неразливной дружбы со страной Советов и, когда речь зашла о его новом самолете «мессершмитт-209», не сразу показал этот истребитель. Машина еще не была доведена. Русские инженеры высказали конструктору свое мнение, и тогда Вилли Мессершмидт, высокий, худой немец со злыми глазами, разрядился короткой очередью:

– Вам не нравится – как хотите! А по-моему, хорошая машина!..

Во всяком случае, первый самолет Иван Федорович Петров решил закупить у Хейнкеля. Хе-100 был в то время самый скоростной истребитель в мире. Поторговались немцы да русские в кабинете главного конструктора, определили цену машины и направились к аэродрому – пощупать товар руками. Степан Супрун залез в кабину, профессионально осмотрел приборы, управление самолета и кричит Петрову:

– Дядя Ваня! Проверь...

Иван Федорович выслушал Супруна – принял, так сказать, зачет, все вроде путем, разобрался испытатель в незнакомой машине, и уже оба просят немцев, мол, на старт надо, слетать бы.

На аэродроме поднялся шумер. Забегали, засуетились немецкие друзья. Именно эту машину им не очень-то хотелось показывать. Через полчаса подходят и объявляют, мол, есть шибко строгая инструкция Геринга, согласно которой к полетам на Хе-100 допускаются только летчики, прошедшие трехмесячную подготовку на этом самолете. Делегация русских принялась объяснять, что Супрун – летчик-испытатель, что ему цены нет, и какая еще там подготовка для короля воздуха! Немцы снова забегали, снова засуетились. Через полчаса объявляют новое требование, мол, могут разрешить, но при условии, что самолет будет оплачен – слу-

чись что. Петров подписал это предъявление. Время идет, а самолет все не буксируют на взлетную полосу.

«Ждали, ждали, – вспоминает Иван Федорович, – и вот приносят лично мне письмо, в котором оговаривается, что в случае катастрофы фирма не несет никакой ответственности за жизнь летчика. “Ничего себе, подняли настроение!” – подумал я, но и то обязательство подписал. Супруну, конечно, не показал – не перед полетом такие психологические тесты. После всего этого самолет наконец-то потянули на взлетную полосу. Степан поднялся в воздух да рванул над аэродромом такой пилотаж – аж маникюр на пальчиках нашей переводчицы Ниночки треснул!..»

Когда Супрун приземлился, немецкие летчики бросились к машине, вытащили Степана из кабины и на руках понесли его в свой трапезный зал. Хозяин фирмы Хейнкель, живой и веселый старик, устроил там настоящий банкет. Знаменитый авиаконструктор настолько был взволнован полетом, который только что продемонстрировал на его самолете русский летчик, что предложил салютовать ему хрустальными рюмками. Проще, притянули немцы толстый лист авиационной фанеры, и после каждого тоста опорожненные рюмки звенели о ту стенку. К финалу банкета выросла заметная горка битого богемского хрусталя.

Много тогда было сказано хороших слов в адрес русских. Хейнкель пел про Стеньку Разина, про то, как лихой атаман бросал красавицу персиянку в набежавшую волну, и было весело.

– Я очень люблю русских. Моя давнишняя мечта – лично побывать в России, – несколько раз повторил тогда хозяин известной самолетостроительной фирмы.

Но побывать Хейнкелю в России не довелось. Минует чуть больше года, и боевые машины Хейнкеля, груженные бомбами, возьмут курс на восток. Видимо, предвидя это, Сталин и дал задание нашим авиаконструкторам и специалистам вывезти из Германии образцы новейшей техники.

На основании оценок, сделанных авиационной группой, тогда было решено закупить по пять машин-истребителей Хе-100, Ме-110 С-2 (двухмоторный) и Ме-109Е; а также бомбардировщики Ю-88К1 (пикирующий

вариант), Ю-87, «Дорнье-215» – по две машины. Опытные бомбардировщики «До-217» и истребитель «Фокке-Вульф-180» решили не закупать, поскольку они еще были в стадии испытаний.

– Когда торговая часть мероприятия закончилась, нам предстояло договориться с немцами о доставке купленных самолетов в Москву, – припоминал подробности давних событий генерал Петров. – Конечно, можно было вызвать наши экипажи, но процедура оформления их документов неизбежно затянулась бы, и боевая техника Германии до нас могла и не дойти...

Генерал Петров принял тогда мудрое решение – не вызывать экипажи для перегонки из Москвы, а добиться согласия на выполнение такого задания немецкими летчиками. Разрешение на этот полет зависело от Удэта, и вместе с Василием Константиновичем Михиным Петров трижды вступал в беседы с заместителем министра имперской авиации. Наконец Удэт согласился. Но он поставил одно условие: показать летчикам, которые будут совершать перегон самолетов, два наших авиационных завода – 1-й и 30-й. Такое тоже требовало согласования с Москвой, а это значило – опять затяжка времени, и генерал Петров дал свое согласие без одобрения высокого начальства. По тем временам риск в подобных решениях немалый.

«За время нашей работы в Германии Удэт принимал нас трижды, – рассказывал Иван Федорович и начинал перечислять: – Сначала в министерстве авиации, потом у себя на квартире и еще раз на квартире. Когда мы осмотрели все заводы, какие хотели, он поинтересовался нашими впечатлениями о немецкой авиационной промышленности. А что там было говорить? Прямо и сказали, мол, очень высокий технический уровень, такая промышленность способна выполнить любой поставленный ей план. Удэт помолчал, а потом говорит: “С планом у нас большие трудности. Вот вы объехали почти всю страну. Обратите внимание, что с балконов и вокруг палисадников сняты почти все решетки? У нас нет металла. Наше руководство считает, что война с русскими... – тут генерал Удэт осекся и поправил себя: – И чтобы покончить с коммунистами, потребуется три

месяца. Поэтому у нас и план только на ближайшие два-три с половиной месяца: по 70–80 самолетов в день. Дальше заранее ничего нельзя предвидеть – все будут определять война и металл...»»

Иван Федорович напомнил, что осмотрел 219 авиационных объектов и прикинул возможности их промышленного потенциала. Именно на этой цифре – 70–80 самолетов в день – и сошлись расчеты заместителя начальника НИИ ВВС.

По возвращении в Москву Петров сделал сообщение о проведенных им расчетах на коллегии Наркомата авиапромышленности. Коллегию вел нарком А. И. Шахурин.

Несколько слов о наркоме.

В начале 1940-го Шахурин был еще секретарем Горьковского обкома партии. К авиации имел отношение постольку-поскольку, но 35-летний секретарь уже прочно вошел в синебрион номенклатурных работников, а там, известно, без разницы, чем заниматься – святыми ликами или самолетами.

Шахурин, как и большинство партийных деятелей нового поколения, начинал с комсомола. В сентябре 1922-го – старт. Алеша Шахурин руководит ячейкой на московском заводе «Манометр». В 20 лет он ведет отдел политпросветработы в Бауманском райкоме комсомола. В марте 1926-го его избрали членом ЦК ВЛКСМ. Приобщение к авиации началось с Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского, где Шахурин принялся было посещать лекции, но неумный темперамент комсомольца не давал покоя, и его опять избирают – теперь уже в партийные органы академии. Был здесь секретарем парторганизации штаба, потом – членом райкома партии. А с августа 1937 года Шахурин – парторг ЦК на авиационном заводе. Правда, недолго, всего лишь несколько месяцев. В апреле 1938-го он получил назначение на должность первого секретаря Ярославского обкома партии. Словом, только парень с авиационной терминологией начал знакомиться – партия бросает его на тот участок, который потом назовут каким-то диковатым словом – Нечер-

ноземье – и которому за полное опустошение и развал посвятят целую программу по подъему, да так же преспокойно похоронят ее, как сотни других.

Алексей Иванович будет вспоминать, как однажды вызвали его на оргбюро ЦК – докладывать о работе обкома. За длинным столом сидели А. А. Андреев, А. А. Жданов, А. С. Щербаков, а в зале Надежда Константиновна Крупская с Розалией Самойловной Землячкой (Залкинд) – это та самая комиссарша, которая к расстрелу в Крыму тысяч русских офицеров имела прямое отношение.

После 15-минутного доклада, как вспоминает Шахурин, «мне задали несколько вопросов, и, отвечая на них, я “поплыл”. Жданов спросил:

– Какая у нас номерность льна?

Я еще плохо ориентировался в льноводстве и стал искать помощи у секретарей обкома, но так и не понял, что они подсказывали. Ответил, что вспомнилось:

– Три с половиной.

Щербаков сказал:

– Мало.

Жданов согласился с ним».

С чем согласился? А хрен его знает. Да и на черта он кому нужен, этот лен! Розалии Самойловне, что ли? И секретари обкома партии тоже... круглые троечники – толком подсказать шефу не могли.

Но когда Шахурин проходил мимо стола, где сидели Крупская и Землячка, Надежда Константиновна вдруг поблагодарила молодого и обаятельного секретаря за его доклад. «Обычно секретари обкомов говорят цифрами и процентами о работе промышленности и сельского хозяйства, – заметила она, – а вы говорили о людях. Это очень хорошо и интересно. И партийно».

Вот именно, партийно и интересно. А цифры – это и неинтересно, и непартийно.

«Отошел я от Надежды Константиновны с ощущением, будто получил большую награду. В хорошем настроении мы пообедали и уже начали собираться в обратный путь», – спустя многие годы будет вспо-

минать нарком Шахурин. Еще бы!.. Но собираться Алексею Ивановичу в ярославские края пришлось совсем ненадолго. В ЦК ему отвели один лишь день на пленум обкома: «Отчитайтесь и вечером выезжайте в Горький». Новое назначение.

Ну, после отчета на оргбюро ЦК что там, в обкоме, отчитываться-то! Свои, чай, мужики. Так что вечером – и в Горький.

Горький, естественно, произвел на Алексея Ивановича сильное впечатление. А впечатление для руководящего товарища – это важно. «Прежде всего, – вспоминал Шахурин, – бросалась в глаза огромная индустриальная мощь: “Красное Сормово”, автозавод, машиностроительный завод, станкостроительный и многое другое».

Так что гори он синим огнем, тот лен! Пусть там с его номерами Патоличев разбирается. А в индустриальном размахе главное что? Главное, как заметила Надежда Константиновна, никакие не цифры, не проценты, а люди. «Нужно найти путь к сердцу актива, – напутствовал секретаря обкома один из работников ЦК и намекнул на чаёк. – Если с сормовичами не посоветуешься, чайку вместе не попьешь, ничего не выйдет». При этом товарищ из ЦК почему-то рассмеялся.

А что, может, и прав аппаратчик, может, и действительно все дело в чае? «Чай не пьешь – какая сила?..»

Алексей Иванович Шахурин уже как нарком авиапромышленности будет делиться в мемуарах опытом работы: «Самое главное – узнать людей. Прежде всего, руководителей горкомов и райкомов». В самом деле, скажем, в той же Ярославской области в 1938 году, при Шахурине, было 52 района. Если эти районы да поделить на 8 месяцев, которые провел в обкоме партии ее первый секретарь, то получается по 6,5 райкомовского секретаря на месяц – для их узнавания (городских пока не считаем, хотя их тоже рекомендуется узнать). Ну, вот и пей чай-то – хоть по одному, хоть всей компанией. Пей да вычисляй, пей да вычисляй. 6,5 секретаря на январь, 6,5 – на февраль и так далее.

Много чаю со своими партийцами секретарь обкома Шахурин не напил и в Горьком. И здесь больше года не задержался – его назначили наркомом авиационной промышленности...

Коллегия наркомата. Генерал Петров сообщает результаты своих расчетов по поводу потенциала авиапромышленности Германии, нашего вероятного противника. Нарком Шахурин внимательно слушает выступление, но оно, как и сам докладчик-генерал, почему-то все больше раздражает его. Спустя годы Иван Федорович Петров передаст обстановку той наркоматовской коллегии:

«Названная мною цифра настолько не соответствовала существовавшему у руководителей нашей авиационной промышленности представлениям о потенциальной мощи авиапромышленности Германии, что мое сообщение было встречено раздраженно, если не враждебно. После такой реакции я, естественно, почувствовал себя весьма скверно...»

Трудно было не считаться с конкретной оценкой дел, которую тщательно изучил и доложил коллегии заместитель начальника НИИ ВВС генерал Петров. Трудно было не считаться с его профессиональным авторитетом, компетентностью.

...В апреле 1918-го матрос Петров, участник штурма Зимнего, окончил машинную школу Балтийского флота и получил назначение в школу воздушного боя в Красном Селе техником по истребительной авиации. В 1918-м!

В июне 1919-го на Северном фронте он работал старшим техником отряда и учился летать.

В июне-августе 1920-го – на Южном фронте в качестве морского летчика. После взятия Одессы командовал там боевым гидрозвеном.

В октябре 1923-го Петров окончил школу высшего пилотажа и получил звание инструктора 1-го класса.

В 1925 году поступил в Военно-воздушную академию имени проф. Н. Е. Жуковского и в 1929-м окончил ее. С защитой дипломного проекта Петров завершил научно-исследовательскую работу о штопоре самолета и получил направление в НИИ ВВС инженером-летчиком.

С 1930 по 1935 год как летчик-испытатель проводил испытания самолета И-5. За разработку и устранение дефектов на этой машине, приводивших к массовой аварийности в летных частях, в 1932 году награжден орденом Красной Звезды. В эти годы как инженер-летчик испытывал

самолет ТБ-3 и участвовал на нем в полетах в Варшаву, Париж, Лион, Прагу. В 1934 году в соавторстве с А. Н. Филиным написал книгу «Шторм самолета».

В 1935-м – начальник станции летных испытаний НИИ ВВС.

В 1936-м командирован правительством для изучения работы аэродинамических труб во Францию, Англию, США.

В мае 1939 года Петров за освоение новой техники награжден орденом Ленина.

Словом, авторитет генерала достаточно высок. С мнением Ивана Петрова считался сам Сталин.

Вот это-то, пожалуй, больше всего и смущало молодого наркома...

Закрыв заседание коллегии, Шахурин позвонил секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. Маленков в авиации разбирался, как сторож сельпо в идеях Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Но он курировал авиационную промышленность – разве этого мало? Последовало распоряжение. Срочно явиться к нему. Едва Петров вошел в кабинет высокого сановного лица, последовал вопрос: «Так сколько, по-вашему, немцы смогут выпускать боевых самолетов в день?..»

«Я ответил, что, по нашему подсчету, 70–80. Больше разговаривать со мной Маленков не стал. Он знал, что я выполнял личное задание Сталина, – глуховато, с доброй улыбкой припоминал бывшее генерал Петров. Подробно рассказывал Иван Федорович, как Маленков звонил Сталину, как тот пригласил всех приехать к нему. – А реакция Шахурина была вполне понятна. Ведь мы в то время выпускали лишь 26 боевых самолетов в день, и соотношение с немцами 80:26 говорило не в пользу руководителей авиапромышленности. Они тогда, скорее, предпочли бы сделать из меня “врага народа”, чем сказать Сталину правду. Жизнь моя повисла на волоске...»

Реакцию Алексея Ивановича на сообщение генерала Петрова действительно нетрудно понять. Вскоре после назначения Шахурина наркомом авиационной промышленности Сталин вызвал его к себе и устроил разнос. Этот случай нарком приводит в своих воспоминаниях: «Как только я вошел в кабинет, обрушился с упреками, причем в очень резком

тоне: почему, почему, почему? Почему происходят такие-то события на таком-то заводе? Почему отстает это? Почему не делается то-то? И еще много разных “почему”».

Нарком Шахурин пишет, что он настолько опешил от такой встречи, что едва вымолвил:

– Товарищ Сталин, вы, может быть, упустили из виду, что я всего несколько дней на этой должности?..

Однако тут нарком сошелся не с Розалией Самойловной и Надеждой Константиновной. В отличие от последних, хозяина кабинета интересовали цифры, а не импровизации о людях. Тут номер как с тем ярославским льном – «ответил, что вспомнилось» – не проходил! В ответ на напоминание Сталину о сроке на новой должности нарком услышал:

«Нет, нет, нет. Я ничего не упустил. Может быть, вы мне прикажете спрашивать с Кагановича, который был до вас на этой работе? Или чтобы я подождал еще год или полгода? Или даже месяц? Чтобы эти недостатки имели место? Чтобы я никого не трогал? С кого же я должен спрашивать о том, что делается не так в авиапромышленности и не в таком темпе?..»

И вот те полгода, о которых не без иронии говорил Сталин, действительно прошли. Много это или мало для раскочки в должности министра? Кому как. Столыпину, например, хватило двух лет, чтобы Россию преобразить. Запасы его хлеба большевики и в 1921 году использовали. Ну, а если речь о самолетах, то для знаменитого Ил-2 хватит трех месяцев – от получения заводом чертежей до запуска этой боевой машины в серийное производство. Но это еще впереди.

А пока что нарком волновался, чувствовал себя как-то тревожно, неуверенно. Этот генерал Петров словно с неба свалился! Конечно, поступил он по-товарищески, достойно: о результатах своих исследований и расчетах прежде всего рассказал коллегии наркомата. Но узнает и сравнит результаты Сталин – с кого тогда спрос?..

С горечью вспоминают ту коллегию помощники Ивана Федоровича Петрова, с кем он так тщательно изучал и осматривал на немецких заводах самолеты, моторы, оборудование. «За то, что мы сделали в Гер-

мании, не жаль было бы и по две наших жизни отдать!» – спустя годы заметит Василий Константинович Михин. И только бывший нарком авиапромышленности ни словом не обмолвится в книге своих воспоминаний о делах генерала Петрова. Хотя за шесть лет, которые Шахурин возглавлял наркомат, – до его «дела» и ареста – Иван Федорович был и начальником НИИ ВВС, и начальником ЦАГИ, и заместителем командующего ВВС РККА, и членом Военного совета, наконец, главным инженером ВВС!

О резкой реакции, которую вызвало сообщение Петрова на наркоматовской коллегии, Алексей Иванович умолчал. Зато о частых встречах со Сталиным, о том, как многому они учили его, молодого наркома, писал охотно: «Общение со Сталиным приучало к быстрой организации нового дела, а также и к безусловному выполнению принятых решений. Теперь может показаться странным, но мы не уходили из своих кабинетов до двух-трех, а то и до четырех-пяти часов утра. Так было заведено. Вероятно, можно было работать и по другому распорядку, но тот, кто был непосредственно связан со Сталиным, работал именно так, потому что так работал и сам Сталин».

Нарком вспоминал, что обычно официальные доклады заслушивались у него в кабинете. Но бывало и так: докладываешь, а Иосиф Виссарионович вдруг остановит и предлагает:

– Кто не обедал, пойдемте обедать!

Признаться, странным кажется не то, что Сталин до утра работал, а с ним весь бюрократический аппарат, партийная элита. Больше удивляет то, что Шахурин, отсидев после войны почти семь лет в тюрьме, не обрушивается на Сталина. Напротив, вспоминает его добрым словом.

«Он как-то созвал совещание наркомов и выступил с речью о стиле руководства, – пишет Шахурин, излагая тезисы того выступления и то, как Сталин закончил его.

– Вот я часто встречаюсь с молодым наркомом товарищем Шахуриным и вижу определенную пользу от этих встреч, да и ему, думаю, они не бесполезны.

Эти слова, – вспоминает Алексей Иванович, – вызвали в зале гул одобрения. А когда все расходились с заседания, нарком общего машиностроения П. И. Паршин заметил:

– Вот это здорово, я к своему шефу раз в три месяца не всегда попадаю, а ты почти каждый день бываешь у Сталина.

Нарком Шахурин ответил коллеге:

– Это так, но ты не думай, Петр Иванович, что это просто – бывать у Сталина. Когда едешь к нему, никогда не знаешь, по какому вопросу вызван и какой вопрос возникнет в ходе доклада или беседы, а ответить всегда нужно точно. Сталин мог согласиться, что ответ ему будет дан завтра по вопросу, требующему подготовки: совета с заводом, конструкторами. Но на вопросы, которыми непосредственно занимается руководитель, ответ должен быть незамедлительным...»

Запомнились наркому Шахурину и обеды у товарища Сталина. Не то обеды, не то ужины, начинались они часов в 10–11 вечера и затягивались порой до 2–4 ночи.

«Раздевались в передней, проходили по коридору к умывальнику, потом – в столовую, – рассказывает он. – Сталин заходил в столовую через другую дверь. Стол всегда был уже накрыт. Когда все усаживались, простая русская женщина вносила две миски с первым блюдом – харчо и щи из свежей капусты, а также горячую картошку в мундире... Выпив рюмку коньяку или водки, Сталин переходил на сухое вино и пил его такими же маленькими глотками, иногда разбавляя водой. Ел мало. Мало ели и окружающие, ограничиваясь самым необходимым. Сами наливали себе щи или харчо и брали что-нибудь холодное из мяса или рыбы» (*Шахурин А. И. Крылья победы*).

За столом, как припоминает Алексей Иванович, Сталин вел неторопливую беседу, а во время бесед любил ссылаться на изречения из книг, особенно персонажей Горького. По мнению наркома, Сталин был весьма начитанным человеком. Но «чаще всего в моем присутствии, – замечает он, – говорили об авиации. Авиация, если не разбирались какие-то общие вопросы, за обеденным столом была главной темой... Сталин любил разбирать наши самолеты, сравнивать их с немецкими, американскими

и английскими машинами. Когда я рассказывал о посещении заводов, институтов, о беседах с рабочими, летчиками, конструкторами, Сталин внимательно слушал, задавал вопросы».

Обеды, по сути заседания в неофициальной обстановке, бывали и на даче Сталина, куда он приглашал порой и в выходные дни.

«В один из таких вызовов на дачу, а дело было в июне 1940 года, я и рассказал Сталину о том, к каким выводам мы пришли, обобщив материалы поездок наших специалистов в Германию, – как бы между прочим пишет о том вызове Шахурин. – Я прямо сказал, что выясняется очень опасная для нас картина. Немецкая авиапромышленность вместе с промышленностью оккупированных ею стран примерно в два раза мощнее нашей. Сталин знал немецкие серийные самолеты. Тут для него ничего нового не было. Но, как я мог заметить, он несколько удивился, услышав, что мы существенно отстаем от мощностей немецкой авиапромышленности. Сталин задал несколько вопросов о германских подземных заводах, чем они отличаются от обычных, и предложил:

– Напишите все это официально и представьте свои соображения!»

Тут, заметим, мемуаристу, очевидно за давностью лет, несколько изменила память. Вызов такой к Сталину действительно был, и действительно в июне. А точнее, после той, всполошившей руководство авиационной промышленности коллегии, на которой выступал генерал Петров. Напомню. Раздраженно и враждебно встретив сообщение Ивана Федоровича, нарком позвонил Маленкову. Маленков вызвал обоих к себе, задал Петрову один лишь вопрос – в связи с личным тому заданием Сталина, – тут же доложил Сталину, мол, Петров приехал, и уже втроем отправились на дачу, о чем вспоминает Алексей Иванович.

Естественно, что суждение о результатах поездки в Германию Сталину целесообразнее было услышать не в чьей-то передаче, а именно от того, кому давалось задание: «Постарайтесь определить их промышленный потенциал... Очень важно знать сейчас, сколько они смогут выпускать боевых самолетов в день...»

И вот краткий доклад генерала Петрова. Затем Сталин спросил:

– Каким образом вы получили эту цифру – 70–80 самолетов?..

Иван Федорович на вопросы Сталина отвечал кратко, по-деловому, но не без волнения.

«Рука, в которой я держал папку с расчетами, сильно вспотела», – запомнилось генералу.

Еще бы! Час назад чуть не признали врагом народа, завербованного немцами...

Сталин взял у Петрова папку с подсчетами, походил по кабинету молча, затем сел и начал читать.

«Кроме меня, представленные материалы подписал инженер-механик Михин как сотрудник нашего Торгпредства в Германии, и летчик-испытатель Супрун. Это как-то вселяло уверенность, – посмеиваясь, восстанавливал Иван Федорович в памяти мельчайшие детали. – Окончив читать, Сталин встал и сказал Маленкову: “Надо развернуть нашу промышленность на это количество боевых самолетов, то есть на 70–80 самолетов в день”. Тут ко мне подошел Шахурин и уже весьма дружелюбно спросил: “Иван Федорович, а вы не ошиблись в подсчете?” Я ответил: “Ошибка, Алексей Иванович, есть – в наших планах по выпуску боевых самолетов на случай войны. И их придется быстро менять”».

После этой встречи Сталин вместе с Петром Васильевичем Дементьевым, будущим министром авиапромышленности, осмотрел несколько авиационных заводов. На заводах № 1 и 39 с ними был и генерал Петров.

Память Ивана Федоровича сохранила массу подробностей тех лет. Скажем, он помнит, что первый завод по плану должен был выпускать пять штурмовиков в день, а на деле давал лишь два-три. Сталин тогда же поставил задачу выпускать по двадцать таких самолетов в день и вдруг обратился к Петрову:

– Что такое Советская власть, знаешь?

Иван Федорович признался, как начал было молотить что-то из запомнившихся академических формулировок, как тогда учили. А Сталин послушал-послушал, потом безнадежно махнул рукой и говорит:

– Ничего ты не знаешь. Если возникает какая-то проблема, которая не противоречит законам физики, механики и химии, а ее решение необходимо Родине, то она будет решена. Вот что такое Советская власть.

Удобным моментом тут же воспользовался Дементьев:

– Товарищ Сталин, – обратился он, – но для решения нашего вопроса нужны дополнительные производственные площади, станки, люди.

– Конечно, нужны, – ответил Сталин. – Вот напротив комната, садитесь и пишите все, что вам нужно, и передайте это немедленно мне...

Вот так и завершилось дело с тайным наказом вождя Ивану Петрову. Гитлеровскую авиационную технику мы заполучили – почти всю. Чем же объяснить этот невероятный факт: новейшие машины – и вдруг перед самой войной проданы противнику?.. Генерал Петров говорил о планах немцев по скорой войне, выигрыше во времени. Не исключал и моральный фактор – стремление нагнать на Ивана страху, подавить своей мощью. Во всяком случае – не просто «добрососедским и дружественным отношением» Германии к стране Советов...

P.S.

«Насущный интерес наших сторон заключается в том, чтобы избежать в будущем разрыва между Германией и Россией в интересах западных демократий».

Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел Германии

«Русские не позволят капиталистическим странам использовать себя в качестве пушечного мяса».

Герман Геринг, рейхсмаршал, главнокомандующий ВВС Германии

«А ВРЕМЯ-ТО ШЛО...»

Десятки версий, тысячи исследований, научных трудов и многотомных историй о Великой Отечественной войне писаны-переписаны, а так и не высказана вся правда о ней и о Сталине – как председателе Государствен-

ного Комитета обороны и Верховном Главнокомандующем Вооруженными Силами, его роли как руководителя государством в схватке идеологий и битве народов – не на жизнь, а на смерть. Спустя уже три четверти века ученые мужи опять только на подступах к правде о войне и в четвертый раз садятся за многотомник о Второй мировой.

Вот вышел в свет первый и второй тома, где приводятся 10 тысяч документов Государственного Комитета обороны, 3 тысячи из которых продиктованы Сталиным. И что? При Хрущеве такие же «ученые» отписали шеститомник о Великой войне, так там «наш дорогой Никита Сергеевич» несется по страницам всех шести книжечек, словно Чапай на белом коне. Его имя в ту «Историю» вписано 129 раз. Он, политик-говорун, в военном искусстве разбирающийся, как свинья в апельсинах, оказывается, вдохновитель и организатор всех наших побед! Сталину, чье имя в шеститомнике упоминается как бы между прочим, только 99 раз, понятно, далеко до Никиты – четырежды Героя труда и боев.

Но все это было, как учили нас обкомовские да главпуровские ребята, при развитом социализме. А что ждать нынче, при олигархическом, недоразвитом, несозревшем еще за четверть века капитализме?

Такой вот пример. Когда Лужок, бывший мэр московский, к одному из юбилеев Победы собрался было поместить портрет Сталина среди других полководцев, российские демократы подняли такой хай, что все благие порывы градоначальника тут же и угасли.

В компашке трудяг идеологического фронта нашелся один специалист, который по поводу правды о войне открыто заявил: «Если мы не развенчаем эту победу, нам трудно будет оправдать то, что произошло в 1991 году и в последующие годы». А для начала в такой работе простецкая наживка: «Народ или Сталин?» Вот и труби, и раздувай щеки, мол, победа-то была «вопреки сталинскому руководству». Вот и вали все в одну кучу – как Сталин и к войне не готовился, и воевал по глобусу, а еще круче – сам чуть на Гитлера не напал!

Немало лет довелось послужить в ГлавПУРе – политуправлении нашей армии – Дмитрию Антоновичу Волкогову. С ним я учился в Военно-по-

литической академии имени В. И. Ленина. Майор Волкогонов состоял там тогда адъютантом. До этого он был «зам. по танцам», как в войсках мы называли комсомольских работников, но быстро сделал карьеру в ГлавПУРе – стал генерал-полковником, доктором философских и исторических наук, – а когда власть на Святой Руси перешла под знамена демократов, тут же перевернулся, забыл, как вымучивал доблестное воинство разработками семинаров по марксистско-ленинской подготовке, и возглавил Комиссию по упразднению политорганов Вооруженных сил СССР.

И вот уже крутой демократ, Дмитрий Антонович сетует на свою судьбинушку. «Было время, – рассказывает он, – когда в отделе печати ГлавПУРа в соответствии с высокими указаниями Суслова и его аппарата просматривались все мемуарные рукописи. Мне приходилось говорить с людьми, которые в 50-е, 60-е годы и позже знакомились с воспоминаниями военачальников. Рукописи долго ходили “по кругу” в высоких инстанциях, и авторам было хорошо известно, что можно писать, а чего нельзя. Прежде всего, благодаря этому фильтру, в книги не попадали факты, выводы, события, статистика, наблюдения, размышления, оценки, которые могли “очернить” нашу историю, и потому она выглядела всегда вполне благополучной».

Генерал признается: «Мы были пленниками “ложного сознания”». И понимать это следует так: задумал, скажем, ветеран войны написать воспоминания о былом – ради бога. Но на собственную оценку событий, какую-то свою авторскую концепцию пусть не рассчитывает. Есть конъюнктурные установки – ими и руководствуйся». То есть, как уточняет Волкогонов, «или в книге все будет “как надо”, или она не выйдет в свет». Совсем малое.

Главпуровскими заботами был остановлен в свое время и выпуск в свет книги воспоминаний Главного маршала авиации Е. А. Голованова. Журнал «Октябрь» успел опубликовать несколько глав из тех по-своему интересных мемуаров командующего авиацией дальнего действия. В одном издательстве была подготовлена и верстка большей части их. Но не вписывался Главный маршал авиации со своими воспоминаниями и раз-

мышлениями в очередные конъюнктурные рамки. А Евгений Александрович категорически запретил подстраивать свою работу под то, «как надо».

Мне довелось начинать работу над воспоминаниями маршала авиации Г. В. Зими́на. Вместе с тысячей страниц рукописи, помню, получил заключение на нее из ГлавПУРа – изящное по форме, отчего не менее категорическое по содержанию.

«По нашему мнению», «думается», «видимо, нецелесообразно»... За частоколом этих оградительных фраз, выхолащивающих душу будущих книг, стояло то самое прокрустово ложе, о котором упоминал генерал Д. А. Волкогонов.

«Видимо, нецелесообразно писать о том, что автор говорил командиру батальона аэродромного обслуживания: “Я вас расстреляю...”»

«Думается, главным побудительным мотивом для наших летчиков, совершивших воздушные тараны, было чувство долга».

«Вызывает сомнение утверждение автора о том, что “фашистские летчики вели себя нагло и самоуверенно, привыкнув побеждать и сковывать небольшими силами любые по численности группы самолетов”».

Вызывает сомнение... Товарищу из ГлавПУРа, выходит, виднее, чем летчику-истребителю маршалу Зимину, за плечами которого сотни боевых вылетов.

«Представляется нецелесообразным», «вряд ли правомерно», «вряд ли точно», «видимо, нельзя»... Казалось бы, ни к чему не обязывающие фразы. Но после их те 1000 страниц воспоминаний постригут под один гребешок, опрыскают дешевым одеколоном и поставят в строй: «На первый, второй рассчитайся!..»

Сохранилась резолюция начальства на рукописи Героя Советского Союза маршала авиации Г. В. Зими́на. Она гласит: «Тов. Волкогонов Д. А. согласен полностью с замечаниями и рекомендовал автору все исправить». Это уже – как приговор: «Или в книге все будет, как надо, или она не выйдет в свет...»

Тов. Волкогонов – автор книги о Сталине. На страницах ее этак назидательно он замечает: «Если бы Сталин читал о божественном Юлии

Гае Светонии, то мог бы вспомнить слова Цезаря...» А если бы «Мысли» Наполеона, то... И так далее.

Признаться, я так и не разобрался – кто он, политрабочий Волко-гонов, – философ или историк? И вот тоже интересно – читал генерал Платона или не читал? Если читал, то, должно быть, вспомнит одну любопытную мысль древнего грека о том, что власть и философия не-соединимы в одном лице. Единственным исключением был император Марк Аврелий.

Но ведь он был философ-стоик.

Ну, да Бог с ними, этими философами. Теоретики научного коммунизма, преподаватели социалистической политэкономии, ее преимуществ перед рынком, со сменой на Святой Руси власти они, как в сказке, перевернулись и запели по нотам, расписанным Вашингтонским обкомом. Народ их метко окрестил «перевертышами».

Вопрос другой – готовился ли Сталин к войне или отплясывал с Никитой гопака, а с Микояном лезгинку?

Такой вот пример.

Берлин. 12 и 13 ноября 1940 года. Здесь состоялась встреча и переговоры наркома иностранных дел Молотова с Гитлером и Риббентропом. Немцы предлагали присоединиться к союзу трех держав – Германии, Италии и Японии. А советская делегация добивалась от них ответа по поводу размещения войск вермахта в Румынии и Финляндии. Переговоры зашли в тупик, и Молотов вернулся в Москву ни с чем. (Ничто не напоминает? Польша, Чехословакия, Прибалтика. Теперь, вот, Украинский фронт и пустопорожние переговоры в Минске...)

14 ноября после доклада Молотова на заседании Политбюро выступил Сталин. Вот из его речи: «Позиция Гитлера во время переговоров, в частности, его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии – все это свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу

неущемления “глобальных интересов” Советского Союза, на деле ведется подготовка к нападению на нашу страну».

Мудрый, прошедший большую школу политической борьбы, Сталин и в этой непростой ситуации искал выгодный политический ход. Он решил воспользоваться предложением Германии о присоединении СССР к военному блоку трех держав: «Мы должны повести дело так, чтобы быстрее заключить пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией... Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить военно-экономическую помощь китайскому народу. Нам надо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлекать на нашу сторону страны-сателлиты, попавшие под влияние и зависимость гитлеровской Германии».

Забегая вперед, отметим, что 13 апреля 1941 года в Москве состоялись переговоры с Японией, после чего был заключен советско-японский пакт о нейтралитете и подписана декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-го. Молотов тогда заметил: «Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией!.. Большое значение имели переговоры с японским министром иностранных дел в Москве. В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не провожал. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку, чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать».

Заключение пакта с Японией, казалось бы, стабилизировало отношение и с Германией. Но это только казалось. Уже через три недели после встречи Молотова и Шуленберга и предложений советской стороны по поводу «пакта четырех» Гитлер подписал Директиву № 21, известную как «план Барбаросса». Это было 18 декабря 1940 года. Позже фюрер скажет, что никакие пакты и договоры с СССР не могли быть честными, потому что была «слишком глубока пропасть между мировоззрениями»...

Это понимал и Сталин. Но тогда уже через 11 дней стало известно о принятии Гитлером директивы на войну против Советского Союза.



Н. Ежов (в центре). М. Калинин, И. Сталин у дверей Мавзолея. 1937 г.

В начале января 1941-го тот документ обсуждался с высшим командованием в присутствии Сталина. А после совещания всех командующих ВВС военных округов и командиров дальнебомбардировочных корпусов пригласили в Кремль.

«В зале, где мы собрались, – вспоминал маршал авиации Н. С. Скрипко, – были стенографистки, которым вменялось записывать все выступления. Они приготовились к работе, но вошел Сталин и, прежде чем начать с нами разговор, дал сигнал всем стенографисткам удалиться. Потом стал говорить. Свое выступление он начал с характеристики международной обстановки. Речь шла о Германии. Негромко, неторопливо Сталин говорил, что немцы вышли непосредственно к западным границам Советского Союза, что возникла угроза прямого военного нападения на нашу страну и поэтому он собрал нас – чтобы обменяться мнениями о состоянии Военно-воздушных сил, боеготовности авиации...»

Николая Семеновича тогда только что назначили командиром 3-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса. Он впервые присутствовал на столь высоком совещании, впервые видел и слышал Сталина, так что невольно запомнилось, как Сталин держался, как говорил.

«А держался он просто, естественно, мысль выражал ясно, кратко. Ставил какой-нибудь вопрос и логично, обоснованно разъяснял его».

Маршал припомнил, как и сам попросил слова и держал речь о трудностях летной работы в зимних условиях. Зима была снежная. Взлетно-посадочные полосы засыпало снегом, а технических средств для уборки его, для подготовки аэродромов к полетам не доставало. Приходилось использовать весь автотранспорт, личный состав полков, включая летный, а порой ограничиваться уплотнением снега простыми аэродромными катками да волокушами.

Когда Николай Семенович стал передавать реплики Сталина по поводу его выступления, я обратил внимание, как он вытянулся по-военному, сделал руки по швам, и в этом движении, которым маршал сопровождал мгновение разговора с вождем, в легком, едва заметном сквозь улыбку трепете его взгляда неистребимым отголоском пробежало что-то давнее, грозное, от чего терялись и бледнели даже очень мужественные люди.

«Вот азиатчина! Весь мир летает зимой на колесах. В Норвегии снег выпадает на несколько метров – и то справляются и летают. Ведь лыжи на самолете снижают скорость полета, скороподъемность. Это надо понять!.. – так Сталин прервал выступление командира корпуса, но, заметив его смущение, улыбнулся, подправил мундштуком трубки усы и смягчил свой гнев: – Правда, вы не просите, как другие, возврата к лыжам. Это хорошо».

Николай Семенович запомнил все подробности той встречи, все, что говорил сам, что спрашивал Сталин.

«После его реплики я не знал, продолжать ли мне выступление дальше, и попросил разрешения сесть на место.

“Нет, продолжайте, товарищ Скрипко, – сказал он. – Мы вас слушаем...”»

И молодой командир авиакорпуса продолжил, говорил о частых срывах полетов из-за отсутствия топлива, задержках в его подвозе. 15 тысяч тонн горючего хранилось рядом, на складах, а взять его – в случае перебоев с подвозом – нельзя. Тревогу вызывали авиационные моторы: многие из них устарели, выработали установленный ресурс, и самолеты по этой причине простаивали. Летный состав не получал необходимой тренировки.

«Когда я начал о двигателях, о неполном использовании летных смен из-за простоя самолетов, Сталин что-то сказал Рычагову, сидевшему с ним рядом, в президиуме. С совещания мы разъехались с полной ясностью – возможна скорая война. Сталин прямо и откровенно назвал нашего вероятного противника – гитлеровская Германия...»

В свое время мне довелось работать с генералом А. В. Беляковым – готовились к изданию его военные мемуары. Штурман прославленного чкаловского экипажа, Александр Васильевич вспоминал, как в феврале 1941 года его вызвали в Москву – он только что вступил в должность начальника 1-й высшей Рязанской авиационной школы штурманов.

«Тогда прибыли все недавно назначенные командиры корпусов, дивизий, школ. Выступал перед нами Сталин. Помню, Иосиф Виссарионо-

вич перечислял новые боевые самолеты, запущенные в серийное производство, по каждому называл скорость, потолок, вооружение, остальные тактико-технические данные. Особенно остановился на самолете-штурмовике Ил-2. И вот, прощаясь, Сталин обратился ко всем: “Переучивайте летчиков, штурманов и техников на новые типы самолетов как можно быстрее! А тактические задачи решайте на Германию”. Это выражение “на Германию” я услышал впервые».

И вот уже 5 мая 1941 года. В Большом Кремлевском дворце прием выпускников военных академий, и Сталин снова говорит о приближении войны. После его выступления, которое длилось 40 минут, нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА Жуков, вступивший в эту должность 15 января 1941-го, поставили задачу генералу Василевскому подготовить проект директивы, как раньше говорили, в свете выступления товарища Сталина.

Так, вместо разработанного маршалом Шапошниковым официального плана, в котором был заложен принцип активной обороны, предусматривающий, при необходимости, организованный отход с арьергардными боями, развертыванием в эшелонированных боевых порядках главных сил, что исключало возможность разгрома их одним внезапным массированным ударом, родилась идея предупредительного удара, по сути, превентивного нападения на Германию.

Тимошенко и Жуков 15 мая этот документ под названием «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил» решили показать Сталину. Сталин, по словам Жукова, удивился:

– Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?

Тимошенко и Жуков стали оправдываться, ссылаясь на его выступление в начале мая, на что Сталин ответил:

– Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии.

А вот тот же эпизод в пересказе маршала авиации Зими́на – приведу его в авторской редакции (в книгу воспоминаний по разным причинам он не вошел): «Из бесед с маршалом Советского Союза товарищем Тимошенко С. К., с которым мы неоднократно отдыхали в Сочи, я узнал про

начальный период Великой Отечественной войны, который меня очень интересовал, так как многое было непонятно, тем более что в предвоенные годы и в начале войны Наркомом обороны Союза ССР был он; много раз он уклонялся от этого разговора, говоря: “Вы все, наверное, только и говорите, что во всем виноват Тимошенко и Жуков”. Наконец, на мои настойчивые просьбы он сказал: “Пошли ко мне в номер”.

Расположившись поудобнее и посадив меня, начал рассказ:

“5 мая 1941 г. был очередной выпуск из военных академий. В Кремле на выпуске выступил Сталин. Речь в газетах не печаталась. Он охарактеризовал международную обстановку как очень серьезную и перешел к оценке состояния нашей Красной Армии в сравнении с фашистской Германией. Давая оценку нашим сухопутным войскам, он сказал, что они достаточно мощные и неплохо подготовлены. У нас мощная и современная артиллерия и есть хорошие танки, но их пока в войсках мало. Также он дал оценку и Военно-морским силам противника, сказав, что мощного флота противник не имеет и наш ВМФ не уступает противнику, в том числе и по подводным лодкам. Что касается авиации, он сказал, что воздушные силы у противника сильные. Наши ВВС имеют хорошие и мощные бомбардировщики, назвав их почему-то диверсантами, которые могут решать любые задачи. Относительно самолетов-истребителей сказал, что у нас их достаточно. Что у нас имеются и хорошие современные истребители, но их пока в войсках мало. Что перед нами сильный и хорошо технически вооруженный противник, покоривший уже Европу. Война с Германией неизбежна. Она должна вот-вот начаться. Он в своей речи обратился к товарищу Молотову со словами, что вот, мол, если МИД сумеет оттянуть начало войны с Германией на 2–3 месяца, то это будет их большой заслугой перед Родиной. И сказал: “Очередной отпуск Вам отменяется. Немедленно езжайте в части. Приедете на места, принимайте немедленные меры к повышению боевой готовности наших частей и соединений”.

После приема в Кремле и указаний Сталина мне удалось добиться, чтобы нас с Жуковым послушали на Политбюро по военным вопросам. Доклад делал начальник Генерального штаба Жуков Г. К., ты же знаешь,

какой он резкий. Мы подготовили схемы, на которых наложили замысел врага, подготовили таблицы соотношений сил и наши вытекающие из этого предложения. Жуков начал твердым голосом докладывать обстановку, предложения и дату возможного начала войны, а мы ее знали: “Главный удар фашистских войск планируют: в центре, на севере и юге. В этой обстановке необходимо немедленно вывести войска на границу и занять оборону, занять УРы (укрепленные районы), эшелонировать оборону в глубину и подтянуть резервы из глубины страны”.

Сталин слушал, потом поднялся, начал ходить с трубкой. Я уже знал, что это он сердится, и, действительно, он через несколько минут прервал Жукова и обрушился на него с руганью за неправильные выводы и предложения, говоря: “Что вы нас пугаете немцами, мы не из пугливых, мы их не боимся. Так может докладывать только провокатор, а Вы знаете, что с ними делают”. Несмотря на твердый характер Жукова, ему стало плохо, и его увели в расстройстве в другую комнату, где он чуть не потерял сознание.

После ухода Жукова, говорит маршал, я встал и, обращаясь к Сталину, говорю, что обстановка очень серьезная и доложенные предложения необходимо срочно проводить в жизнь.

После моих слов Сталин обрушился на меня:

“Вам нужно понимать дело глубже и не вызывать своими действиями немцев на войну”.

В заключение Сталин сказал, что вообще-то за такие дела надо было Тимошенко расстрелять, но он неплохо командовал дивизией в гражданскую войну, и знаю его как преданного человека нашей Родины, поэтому ограничимся этим разговором. Передвижение войск без моего разрешения на границах запрещаю.

“Вот теперь и пиши, – сказал маршал. – Я ведь воровским путем после этого разговора все же передвигал отдельные полки на нашей западной границе в нужных направлениях”.

К слову, в устном рассказе маршал Зимин признание бывшего наркома обороны Тимошенко передавал, как это было при их встрече: “Вы все только и говорите, что во всем Тимоха виноват”...»

Во всем или не во всем, но вот признание наркома, мол, несмотря на запрет Сталина по перемещению войск на границе, он «воровским путем» все-таки нарушал – передвигал отдельные полки туда-сюда – вызывает вопрос: а зачем? Что это могло изменить? Какой «контрблицкриг» Тимошенко-Жукова мог быть у необстрелянной, неопытной в основном массы РККА перед армией, уже испытанной в боевой работе, с опытом ведения маневренной войны?..

И то сказать, французы сдались немцам через 44 дня. Кроме Англии на Западе им никто не оказывал сопротивление, и все ресурсы Европы работали на Германию. Так что у немцев без всяких проблем было отработано производство самых современных вооружений – те же боевые самолеты, которые в 1939 году мы у них вывезли (это в короткий период наших деловых, как бы нынче сказали, конструктивных отношений).

Военно-воздушные силы РККА насчитывали 29 958 самолетов, из них 19 583 боевых.

Парк Германии составлял 20 700 самолетов, в том числе 13 100 боевых.

На наших западных границах на 22 июня 41-го года насчитывалось 7133 самолета. Немцы выставили вдоль границы СССР в своих 4 воздушных армиях 3904 самолета. На их стороне была еще авиация Венгрии, Румынии да Финляндии. Это – около 1300 самолетов.

Так вот из тех 7133 самолетов, входивших в состав западных приграничных округов, только 1448 самолетов были новых типов – Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2 и Су-2. Это всего лишь 20,3 %...

Наша авиация в 30-х годах бурно развивалась. В ВВС появились самолеты, отвечающие всем требованиям того времени. Они неплохо показали себя в небе Испании и на Халхин-Голе. Советские истребители на первых порах несколько превосходили немецкие «мессершмитты» в маневренности, и это породило и в руководстве ВВС того времени, которое имело опыт боев в Испании и на Халхин-Голе, благодушие, которое привело к тому, что они не заметили появление нового Ме-109 с более мощным двигателем и усиленным вооружением, который значительно превосходил наши

самолеты-истребители к концу войны в Испании. Тем временем фашистская Германия приняла радикальные меры к модернизации самолетного парка и созданию новых образцов самолетов, которые находились уже в серийном производстве и на вооружении «люфтваффе».

Исследование архивных материалов свидетельствует о том, что наша авиапромышленность в предвоенный период вообще не выполняла государственные заказы по выпуску самолетов. В 1940 году ни один из авиационных заводов не справился с плановым заданием. К примеру, тот же завод № 39, который просил показать своим пилотягам генерал Удэт, должен был поставить частям 75 самолетов Пе-2. Сдали только один. Воронежскому авиазаводу к концу 1940-го планировали поставку 65 боевых машин Ер-2. Не сделали ни одной. Оба завода клепали потихонечку старенькие бомберы ДБ-3, ДБ-3ф. И по ним-то план выполнили лишь на 60 с небольшим процентов. По истребителям новых типов и того меньше – 25,1 %...

Сталин, понятное дело, сердился. Раскрутить такую махину, как Россия, пока жареный петух не явится клевать в определенное место, – не фунт изюму съесть! Далее нарком Шахурин, говоря об успехах введенного ему наркомата по выпуску новой продукции, свидетельствовал: «В этом смысле очень решительно вел себя Сталин. Иногда нам хотелось немножко что-то оттянуть, выпустить еще какое-то количество машин старого типа.

– Прекратить! Немедленно прекратить производство таких-то самолетов! – приказывал Сталин.

И прекращали».

Известное дело, для боевых самолетов нужны аэродромы. В 1941 году в приграничных округах планировалось построить 240 бетонных взлетно-посадочных полос. Но строить их не успевали, при этом занялись реконструкцией старых аэродромов, так что образовалась большая скученность боевой техники. А представьте, что часть аэродромов находилась к тому же в непосредственной близости от границы, порой на дистанции артиллерийского выстрела...

Вот как передал ту обстановку командующий авиацией МВО генерал Н. А. Сбытов. В марте 1941-го для проверки приграничных аэродромов его направили в Западный Особый военный округ.

«Помню, лечу на У-2 и вижу, что самолеты всюду не рассредоточены, не замаскированы – стоят как на ладони! – спустя годы возмущался Николай Александрович. – Приземлился на одном аэродроме – там новехонькие “пешки” рядком выстроились. Проверил – а они даже горючим не заправлены. Я хвост трубой и докладываю командующему войсками, тот – Щербакову, Щербаков – Маленкову. (После XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), которая состоялась в феврале 41-го, Маленков был избран кандидатом в члены Политбюро и решал отдельные проблемы военно-оборонного производства). Так вот тогда был рожден документ о положении авиации на границе. Подписали его Маленков, Щербаков, Тюленев и я как член парткомиссии Главного политуправления РККА. А 4 мая состоялось заседание, на котором присутствовало все командование ВВС. И вот Сталин по той нашей бумаге издает приказ: “Немедленно привлечь к судебной ответственности...” Это было известно и наркому Тимошенко, и начальнику Генерального штаба Жукову. Короче, управление ВВС отправляет в пограничные округа комиссию. Та комиссия уже через пару дней вернулась и докладывает: “Все в порядке!” Ну, что ты скажешь!..

Начальника ВВС Пашу Рычагова расстреляли. Но такое же положение на границе было и с сухопутными войсками. К примеру, 41-я танковая дивизия – это 415 устаревших танков, бронеавтомобилей, 682 автомашины, орудия и минометы, артиллерийские тягачи, тракторы, мотоциклы – и все это стояло стройными рядами чуть ли не за пограничными столбами. Там и маскироваться-то нечего было – немцы видели все, как на ладони. И это вместо того, чтобы такое хозяйство расположить на линии старых укрепленных районов или рассредоточить километрах в 100 от границы да зарыть танки в землю по самые пушки, замаскировать их.

Не по этому ли поводу альтернативное решение предвидел маршал К. К. Рокоссовский? «Войскам, ввязавшимся в бой с наседавшим противником, следовало поставить задачу: применяя подвижную оборону,

отходить под давлением врага от рубежа к рубежу, замедляя этим его продвижение. Такое решение соответствовало бы сложившейся обстановке на фронте. И если бы оно было принято Генеральным штабом и командующими фронтами, то совершенно иначе протекала бы война, и мы бы избежали тех огромных потерь, людских, материальных, которые понесли в начальный период фашистской агрессии».

Именно такой официальный план был разработан маршалом Б. Шапошниковым.

Спустя годы адмирал Н. Кузнецов писал, что сталинское выступление перед выпускниками военных академий не оставляло сомнений в неизбежной близости войны. Но «высказавшись за вероятность войны, — подчеркнул адмирал, — Сталин думал, что все высокие начальники, от которых это зависело, примут надлежащие меры».

Ну, конечно. Вон, нарком Тимошенко на отдыхе в Сочинском санатории с чувством исполненного долга будет рассказывать маршалу Зимину, какие меры он принимал втихаря от Сталина — как перемещал отдельные полки с места на место. Что из этого вышло — известно.

Уже на третий день войны замкнулось кольцо окружения частей 5-й армии Юго-Западного фронта, в котором погибла и 41-я танковая дивизия. В первых же боях там не досчитали 2648 танков. Механизированные корпуса Западного фронта тоже лишились почти всех танков — 2100 боевых машин как ветром сдуло. 80 % танков потерял 3-й мехкорпус Северо-Западного фронта.

Что касается авиации, то, по нашим данным, к полудню 22 июня мы потеряли 800 самолетов, так и не успевших взлететь, на земле...

Однако что за «Соображения» в плане стратегического развертывания войск 15 мая 41-го предложили Сталину на подпись Тимошенко и Жуков? В преамбуле их сказано, что у немцев армия и отобилизованная, и с развернутыми тылами. А что же наши тылы? Да ничего. У нас вон какая широкая страна — «много в ней лесов, полей и рек...» Надо будет, так и тылы развернем — из Сибири мужики на лыжах приедут...

А пока что такая вот установка Генштаба: «Упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию!» И почему это Сталин

так разгневался: «Вы что, с ума сошли?» Ну чем плохи такие стратегические «соображения»:

«Первой стратегической целью – наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшей задачей – разбить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении выйти на рубеж р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар левым крылом Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезать Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Демблин с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки...» и т. д.

Мать честная, так ведь уже проходили такую «стратегию»! Сидючи в Минске в генеральском кресле, барин Тухачевский гнал крестьянских парней на мировую пролетарскую революцию: «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!» Потом полководец свалит свое поражение на тех парней: «Моя армия... на 50 процентов из всякого сброда, она не такая, какую я хотел бы иметь».

В истории России известен другой военачальник. Он обычно говорил: «Мы русские – какой восторг!» А еще так: «Вперед, чудо-богатыри!» – и брал Берлин, Париж, непреодолимые Альпы, неприступные крепости. Его фамилия Суворов. Александр Васильевич Суворов...

Читаю, вот, теперь уже тоже ушедшие в историю стратегические «соображения» о войне наркома Тимошенко и Генштаба, и невольно припоминается книга писателя Ник. Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне», вышедшая в свет в 1939 году. События в ней развиваются 18 августа. Во время традиционного воздушного парада на глазах у зрителей устанавливается мировой рекорд высоты.

«— Мы знаем: в тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет границы вражеской страны... — сразу после рекорда держит речь мировой рекордсмен и популярно выкладывает военную доктрину: — Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны. С того момента, как враг попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны. И первыми среди первых будут советские летчики!»

Но вдруг над аэродромом голос диктора:

«— Всем, всем, всем! Сегодня, 18 августа, в семнадцать часов, крупные соединения германской авиации перелетели советскую границу. Противник был встречен частями наших воздушных сил. После упорного боя самолеты противника повернули обратно, преследуемые нашими летчиками...»

Фантазии автора хватило на то, чтобы за один день расправиться с германской авиацией. Вот любопытный хронометраж войны по Н. Шпанову:

17.00 — самолеты врага пересекли границу СССР.

17.01 — уже воздушный бой.

Еще 29 минут — и последний германский самолет выдворен из наших пределов.

В 19.00 для удара по аэродромам противника вылетают штурмовики, через 20 минут — 720 скоростных дальних бомбардировщиков и разведчиков.

К исходу дня результат: за тысячу километров от нашей границы синим пламенем горят склады «Фарбен-индустри», к небу вздымаются ядовитые газы и заводы взрывчатых веществ, перебито 55 % «мессершмидтов», 45 % «Арадо-Удет», 96,5 % бомбардировщиков «Хейнкель». Немецкие рабочие на авиационном заводе «Дорнье» ожидают, когда наконец-то будут сброшены на их завод, в котором находятся, советские бомбы, и поют при этом «Интернационал»...

Читаю «соображения» известного до войны писателя Ник. Шпанова и думаю, а не слишком ли близко приняли к сердцу его стратегию служивые Генштаба РККА?..

Весь май и первую половину июня 1941-го Сталин всеми дипломатическими средствами старался оттянуть начало войны.

В военных мемуарах большие шишки, известное дело, – каждый тянет одеяло на себя. Перед судом истории свои ошибки стараются не замечать, поражения в войне оправдывать, а то и беззастенчиво валить собственную вину на другого. Так, все невзгоды, все плохое, что было у нас в стране, злостный волонтарист Хрущев приписал Сталину. О войне и говорить нечего – только Сталин виноват, в 41-м немцев допустил до Москвы. Вот, если бы его, Никиту Хрущева, в начале мая 1941 года назначили председателем Совнаркома, то есть главой Советского правительства, он бы показал Гитлеру «кузькину маму»!

Так, с хрущевских времен, вот уже больше 60 лет, стало обязательным во всех трудах по истории войны сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года упоминать с именем Сталина и объяснять как документ, который дезориентировал военное руководство, в том числе Генштаб, в принятии решений. Что ж, известное дело, каждый мнит себя стратегом, видя бой издавна. Но чтобы не морочить вам голову рассуждениями псевдоисториков, приведу оценку известного документа маршалом А. М. Василевским:

«Это сообщение и сейчас нередко толкуется вкривь и вкось. Говорится, к примеру, что оно сыграло чуть ли не роковую роль в неудачном начале войны, так как дезориентировало страну. Слов нет, оно вызвало в первый момент у нас, работников Оперативного управления, некоторое удивление. Но за ним не последовало новых принципиальных указаний относительно Вооруженных сил и пересмотра прежних решений о боевой готовности, и мы пришли к выводу, это дипломатическая акция нашего Правительства и в делах Министерства обороны ничто не должно измениться. К тому же Н. Ф. Ватутин (первый заместитель начальника Генерального штаба, начальник Оперативного управления. – С. Г.) уже к концу дня разъяснил, что целью Сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев. Поэтому я считаю неправильным представлять Сообщение ТАСС как документ, который якобы успокоил и чуть ли не демобилизовал нас!» (http://www.softmixer.com/2011/06/blog-post_582.html).

А вот другой знаменитый документ, который – одни по неведению, другие по злему умыслу – по сей день умалчивают. Это приказ Сталина от 18 июня 1941 года – приказ (Директива) о готовящемся со дня на день нападении Германии на Советский Союз и о проведении в связи с этим в полную боевую готовность войск западных военных округов. Именно тогда командир 43-й истребительной авиационной дивизии полковник Г. Н. Захаров по заданию командующего авиацией Западного Особого военного округа вылетел на разведку обстановки вдоль границы. Маршрут в 400 километров пролегал с юга на север – до Белостока. Георгий Нефедович к тому времени имел уже боевой опыт, много интересного рассказывал мне о боях в небе Испании, Китая, но памятный полет над западной границей в канун войны я приведу лучше по книге его воспоминаний.

Значит, тот полет состоялся 17 или 18 июня.

«Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиационной дивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные танки, бронемшины, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, легковые – судя по всему, штабные – автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее, как в невидимую преграду, и готовое вот-вот перехлестнуть через нее.

Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме одного – единственного: близится война. Все, что я видел во время полета, наслаивалось на мой прежний военный опыт, и вывод, который я для себя сделал, можно было сформулировать в четырех словах – “со дня на день”... (<http://www.kp.ru/daily/25706/906806/>)

Мы летали тогда немногим больше трех часов. Я часто сажал самолет на любой подходящей площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, молча брал под козырек и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух и, пройдя 30–50 километров, снова сади-

лись. И снова я писал донесение, а другой пограничник молча ждал и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру таким образом мы долетели до Белостока и приземлились в расположении дивизии Сергея Черных.

В Белостоке заместитель командующего Западным Особым военным округом генерал И. В. Болдин проводил разбор недавно закончившихся учений. Я кратко доложил ему о результатах полета и в тот же вечер на истребителе, предоставленном мне Черных, перелетел в Минск.

Командующий ВВС округа генерал И. И. Копец выслушал мой доклад с тем вниманием, которое свидетельствовало о его давнем и полном ко мне доверии. Поэтому мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом (фронтом). Слушая, генерал Д. Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел впервые. У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил, а не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно заменяла слово “преувеличивать” на “паниковать” – он явно не принял до конца всего того, что я говорил.

Именно тогда, 18 июня 1941 года, Сталин получил достоверные сведения о готовящемся вторжении Германии на территорию Советского Союза. Кстати, тоже заезженная пластинка интеллигентов особого назначения – Сталин и разведка, которой он не доверял.

Помните впечатляющую сценку из кинофильма «Семнадцать мгновений весны»: в берлинском гостштете или ресторанчике сидит Штирлиц. Сидит и смотрит на жену. Она совсем рядом, за соседним столиком, а подойти к ней не может. Потому как разведчик, который всех немцев вокруг пальца обвел и у Гитлера все тайны выведал, а Сталин ему все равно не доверяет. В задачке и спрашивается: а с чего бы это?..

На Нюрнбергском процессе одним из советских переводчиков был Георгий Афанасьевич Литвин. Уже в наше время при поддержке немецких друзей он выпустил книгу «Маятник войны» и вот что пишет о разведчиках:

«Сталин к началу войны имел уже колоссальный опыт политической борьбы, прекрасно знал методы работы разведки и был в курсе дел почти всех важных разведчиков, ибо обладал феноменальной памятью

и огромной работоспособностью. Практически на всех руководящих постах в разведке ОГПУ и Генштаба РККА работали евреи, и резидентами внешней разведки тоже были они. Сталин уничтожил “пятую колонну” в руководстве партии, вооруженных силах. С разведкой же обстояло сложнее, хотя в ней было исключительно много предательства и измены. Вот почему он так осторожно воспринимал доклады работников разведки о надвигающейся опасности со стороны Германии.

Он всегда помнил о Якове Блюмкине, убившем немецкого посла в Москве, затем при помощи сионистов скрывшемся на Украине. Известно, что он после амнистии работал в аппарате Троцкого. Став резидентом советской разведки в Азии, вступил в тайную связь с высланным из СССР Лейбой Бронштейном (Троцким), передал ему крупную сумму денег, получил от того инструкции для сторонников и шифр для переписки, но был разоблачен и расстрелян.

До этого резидентом в Турции был Георгий Агабеков. Тот был завербован английской разведкой. Агабеков захватил всю валюту и скрылся. Он выдал 400 тайных осведомителей, четверых из них подвергли смертной казни. Затем предательства Игнация Порецкого (Людвиг Рейсс), Вальтера Кривицкого (подлинное имя и фамилия Самуил Гинзберг)...

Посол СССР в Греции Александр Бармин под прикрытием работника внешней торговли руководил агентурой во Франции, Италии, Бельгии, Польше... Он знал всех советских разведчиков, работавших под “крышей” дипломатических работников. Этот предатель затем работал в Центральном разведуправлении США, и нет сомнения, что он нанес существенный удар по интересам нашей страны перед Второй мировой войной.

А вот еще один “революционер” – Лейба Лазаревич Фельдбин (он автор книги “Тайная история сталинских преступлений”, псевдоним Александр Орлов). Перед войной Фельдбин принял православие, поступил в московское военное училище. В 1917 году ему присвоили звание подпоручика, но на фронт он не стремился. Когда большевики захватили власть, он пошел в ЧК к Дзержинскому, польскому еврею. Тот собирал под свои знамена бывших уголовников, инородцев – китайцев, пленных

австрийцев и немцев, латышей. Эти люди затем направлялись им следователями и надзирателями.

Фельдбин довольно быстро стал продвигаться по службе и вскоре среди нелегалов-разведчиков появился в Европе. В Париже он работал под фамилией Николаев. В 1933 году ездил в США, где тайно встречался со своими богатыми и влиятельными родственниками, о чем не доложил руководству. Он действовал в Германии, Франции, Чехословакии, Австрии, Швейцарии, Великобритании, создавая и расширяя разведывательную сеть, организовывая убийства и похищения неугодных лиц. В 1936 году он действует в республике Испании. Лейба Лазаревич участвует в вывозе испанского золота в СССР, но часть драгоценных камней и металлов исчезла при его помощи.

Переход такого разведчика на сторону враждебных государств и выдача секретов, ему известных, фактически приводили к краху нашей европейской разведки, учитывая и предательство других нелегалов.

Фельдбин выдал советского агента “Этьена”, который был внедрен в секретариат Льва Седова, а также сообщил Троцкому о планах его ликвидации советской разведкой. Обливая потоками лжи бывших своих подельников, Лейба Фельдбин скрывал свои собственные злодеяния.

Сталин всегда помнил и предателя Генриха Люшкова, который был удостоен личной его благодарности и награжден орденом Ленина. Генрих родился в Одессе, в еврейской семье среднего достатка. Он занимался перепродажей товаров. При установлении Советской власти в Одесскую ЧК привел его старший брат. В Одесской ЧК свирепствовали мерзавцы высочайшего класса. Дзержинский всячески способствовал продвижению Генриха. Он работал с начальником ОГПУ Украины Балицким, а когда того назначили заместителем начальника союзного ОГПУ, он привез Люшкова и Когана в Москву.

Люшков совершил множество провокаций, истребил многих честных людей. Когда он был назначен на Дальний Восток и почувствовал, что его могут арестовать, перешел границу и просил “политического убежища” в Японии. Предатель был вывезен в Японию. Там он выполнял задания японской контрразведки, и даже с его помощью разраба-

тывали план уничтожения Сталина во время его отдыха на Кавказе, но операция сорвалась. Люшков в конечном счете был уничтожен самими японцами после капитуляции» (http://modernlib.ru/books/litvin_georgiy/na_razvalinah_tretego_reyha_ili_mayatnik_voyni/read/).

За океан к дядюшке Сэму бежали Лейба Фельдбин, Самуил Гинзберг, Соломон Исецкий, Земмельман, Виссингер, Штейнберг, Жора Агабеков, Лева Гельфанд... Эти «штирлицы» не очень задумывались, «с чего начинается родина» – где им хорошо, там и родина! А что мог ждать от этих «штирлицев» Сталин?..

Ну, устраивали браткам «мочиловку». Гинзбурга укокошили. Тихо-спокойно прямо за столом одного из ресторанов Майнца в лучшие миры ушел резидент военной разведки товарищ Нестерович. Игнация Рейсса, мягко выражаясь, «замочили в сортире». Генерал-лейтенант П. Судоплатов рассказывал, какой беспорядочный образ жизни вел за бугром этот «разведчик»:

«Им были получены большие суммы денег, за которые он не смог отчитаться». Эти деньги были предназначены для оперативных целей, а Натан Рейсс-Игнаций Порецкий (кликуха «Людвиг») спер их, положил в американский банк, а сам скрылся. Братки, как пишет генерал Судоплатов, «весьма скоро засекли его» и в пригороде Лозанны ликвидировали. По сведениям генерала, убийство Рейсса организовал заместитель начальника Иностранного отдела ОГПУ-НКВД товарищ Шпигельглаз. Кадр, судя по скандальным ликвидациям за бугром врагов пролетарской революции, считался ценным.

За границей рабоче-крестьянскую республику представляли: А. Беркман, Г. Гохман, А. Фридман, С. Каган, Л. Карахан, И. Майский, С. Бродовский-Брайтман, М. Карский-Бекман, А. Петровский, М. Кобецкий, Е. Гиршфельд, Х. Залкинд, Б. Свирский, Г. Шейнин, А. Минкин, М. Розенберг, Б. Гордон, Л. Каплан, С. Кранц, Я. Суриц, Б. Штейн, К. Юренев-Ганфман, П. Кушнер, П. Фридгут, Н. Райвид, И. Морштин, Л. Фридрихзон, А. Файнштейн, Л. Шнитман, Л. Гельфанд, Б. Шапиро, П. Гольдштейн, С. Кофман, И. Златкин, Я. Горский... и так далее. Все на хороших местах, в уютных кабинетах, среди цивилизованных народов – живи и радуйся

жизни! «Хозяин» – лицо кавказской национальности – никого не тревожит. Можно сказать, «пролетарии всех стран» объединились.

И вдруг, на тебе! – вычислил Коба Джугашвили. Неладно что-то в Датском королевстве: «Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле также – в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас.

Разведка – это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши. Слишком большие победы одерживали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников» (*Сталин И. В.* Соч. Т. 14. С. 214–235).

Странно звучат такие слова нынче, не правда ли? Великая Россия, создаваемая в веках кровью и потом наших предков, по пьянке пропреданная в Беловежском лесу бездарным властолюбцем, тем не менее еще жива и не дает покоя завистливым соседям. «Это такой лакомый кусок для империалистических хищников, что он, этот кусок, обязывает нас быть бдительным. Судьба, история доверили этакое богатство, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что такое богатство, как наша страна, не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну», – так говорил Сталин в 1937-м и твердой рукой наводил порядок, в том числе в засоренной шпионами нашей разведке, так решал задачку с одним «штирлицем» и многими неизвестными (*Сталин И. В.* Там же).

А теперь еще о днях, часах и минутах перед самой войной. Приведу здесь запись из личного архива Героя Советского Союза генерал-лейтенанта А. В. Белякова:

«В начале марта 1962 года я со своей женой Ольгой Павловной отдыхал в подмосковном санатории “Архангельское”. Это один из краси-

вейших уголков средней полосы России, бывшее родовое имение князя Б. Н. Юсупова. Из санатория мы отправились навестить моего старого друга и сослуживца Николая Михайловича Хлебникова, где довелось поближе познакомиться с Вороновым Николаем Николаевичем...

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов в Великую Отечественную войну был представителем Ставки в Сталинградской операции. Меня же очень интересовал другой вопрос: что делал Николай Николаевич в первые дни войны, и я спросил:

– Где вас застало начало Отечественной?

– За три дня до войны я принял ПВО страны. Знакомясь с обстановкой и входя в курс дела, – начал рассказ Николай Николаевич, – я с первых же часов своей новой работы получал донесения от постов ПВО, находившихся на государственной границе, о том, что слышен шум моторов, что немцы производят замену воинских частей, что есть нарушения границы немецкими самолетами, а местами немцы даже снимают проволоку. Все эти донесения я аккуратно докладывал в Генеральный штаб, а некоторые из них – непосредственно начальнику Генерального штаба Жукову и наркому Тимошенко. На все получал ответы: не поддавайтесь на провокации, войскам даны указания по отдельным самолетам-нарушителям государственной границы не стрелять...

В субботу 21 июня 1941 года, – продолжал Николай Николаевич, – я получил указание оставаться в штабе ПВО до распоряжения. Передав очередные донесения в Генштаб, уже поздно ночью прилег отдохнуть. Часа в три с половиной утра меня разбудил дежурный, который принес свежую ленту с телеграфа: “Севастополь подвергается бомбометанию с воздуха”. Я тотчас позвонил Тимошенко. Он был в своем кабинете и потребовал от меня проверить достоверность донесения, чем я и занялся. Проверка подтвердила, что бомбометание продолжается и усиливается. В это время поступило новое донесение о том, что самолеты производят бомбометание Любавы, Виндавы и Риги. Для меня стало ясно, что война началась. Не было сомнения и в том, что на нас напали немцы.

Тимошенко попросил меня немедленно приехать к нему. Захватив наиболее важные донесения, через несколько минут я явился к наркому.

В кабинете кроме Тимошенко был Мехлис – начальник Главного политического управления.

Будучи чрезвычайно взволнованным, я повторил все наиболее важные сведения.

– Так вы нам обо всем доложенном напишите, – сказал Тимошенко.

Я не понял, зачем это нужно, однако сел за стол и на бланке принялся излагать возможно кратко все, что только что докладывал устно. А время-то шло. Ответные меры никакие не принимались. Закончив писать, я подал донесение Тимошенко. Вместе с Мехлисом они принялись внимательно перечитывать его.

– А вы это донесение подпишите вот здесь, – указал мне Мехлис.

Я понял, что война началась, но в правительстве этому еще не верят...

Вот какова была обстановка начала Великой Отечественной войны. Сами видите, что к ответному удару мы не были готовы. Да и к активной обороне тоже. А я глубоко уверен, займи мы на основе ранее имеющихся сигналов хотя бы те укрепленные полосы и укрепленные районы, которые к этому времени уже были закончены, то не смогли бы немцы так глубоко продвинуться на нашу территорию. И пример был в Прибалтике. Одна наша дивизия занимала такой укрепленный район. Немцы на него напорились и прежде, чем взяли, потеряли более 300 танков. А ведь если бы наши старшие начальники были более решительны, вполне можно было занять эти рубежи заблаговременно под видом учений, маневров...» (*Грибанов С. В. Хроника времен Василия Сталина.*)

Вот так, спустя годы, известный военачальник подтвердил точность расчета и разработок маршала Б. Н. Шапошникова по стратегии нашей армии в начальный период войны.

Борис Николаевич, полковник царской армии, еще в 1910 году окончил академию Генерального штаба. В 1932–35 годах он начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе, в 1937–40 годах – начальник Генерального штаба РККА. В окружении Гитлера Шапошникова считали единственным в советском высшем командовании заслуживающим внимания военным теоретиком. Борис Николаевич, заметим, был одним из ближайшего окружения Сталина, к которому он обращался по имени и отчеству.

Вот еще любопытная деталь из жизни приграничных военных округов в последние часы перед войной.

21 июня командующий Прибалтийского военного округа генерал-полковник Ф. М. Кузнецов приказал ввести затемнение военных объектов в городах Прибалтики. Начальник главного управления ПВО генерал Н. Н. Воронов доложил об этом начальнику Генерального штаба Жукову.

В ответ, как вспоминал Николай Николаевич, слышались угрозы, ругань в адрес командующего Прибалтийским военным округом. В 15 часов 21 июня нарком Тимошенко в телефонном разговоре приказал Кузнецову отменить распоряжение о затемнении Риги. Затем командующий получил от Жукова уже письменное указание:

«Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении в действие положения № 2 – это значит провести по Прибалтике затемнение, чем нанести ущерб промышленности...» Он долго ломал голову, но так и не понял, какой промышленности? Авиационной, коммунальной, молочной?.. Дальше следовало суровое напоминание: «Такие решения могут проводиться только по решению правительства».

Мать честная! Чтобы решить – вешать или не вешать на окна одеяла, должен заседать Совнарком?

Начальник Генштаба объяснял недогадливому командующему военным округом, что его распоряжение о затемнении «нервирует общественность». Это не «лесных ли братьев»? Так они без решений правительства уже достали со своих чердаков все, что стреляет, и, если чуточку нервничали, так вовсе не из-за одеял на окнах. Староста Храма Александра Невского в Риге рассказывала мне, как из Риги, перегруженные домашним скарбом, мебелью и всяким барахлом, катили автомашины начальства, а солдатики, путаясь в лесах, бежали Бог весть куда, а им из-за деревьев стреляли в спины «лесные братья».

«Требуя немедленно отменить незаконно отданное распоряжение и дать объяснение для доклада наркому. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков», – так заканчивалось послание командующему Прибалтийским военным округом. Велик ли ущерб отечественной промышленности нанес генерал Кузнецов тем затемнением?

И вообще, успели ли снять чувствительно-нервные рижане одеяла со своих окон в ночь-то на 22 июня? Ни в письменных распоряжениях, ни по записи телефонных разговоров историкам выяснить до сих пор так и не удалось.

Известно другое. В журнале боевых донесений Западного фронта не упоминается, вопреки приказу Сталина, объявление боевой готовности и выход на позиции 18–21 июня. В отчете командира 7-й танковой дивизии генерала Борзилова, написанного задним числом, уже в июле, есть ссылка на тот приказ: комдив подчеркивает, что именно 18–21 июня он привел свою дивизию в боеготовность и все танки загрузил снарядами и патронами.

Вечером 21 июня член Военного совета Шмыков и начальник политпропаганды Рожков сидели в первом ряду зрительного зала Брестского Дома офицеров на концерте артистов московской эстрады. Сидели почти под прямой наводкой пушек фюрера.

Тем же субботним вечером в Кобрине главный политрабочий 4-й армии генерал Сандалов и командующий Коробков с командирами 4-й армии смотрели спектакль Белорусского театра оперетты «Цыганский барон». А в Минске, как вспоминает зам. командира округа Болдин, он искренне смеялся с генералом армии Павловым, как артисты ансамбля песни и пляски Красной Армии исполняли роль Яшки и Попандопулы в комедии «Свадьба в Малиновке».

А теперь обратите внимание на хронику памятного дня – 22 июня 1941 года. Значит, командующий ПВО страны генерал Воронов в 3 часа 30 минут уже знал, что немцы бомбят Севастополь. Об этом он сразу же известил наркома Тимошенко. Тот потребовал проверить, так ли все плохо на самом деле. Командующий проверил – удар с воздуха усиливался, и донесения летели уже из разных мест – с юга до Прибалтики. Тогда Тимошенко вызвал Воронова к себе в кабинет. После доклада о наиболее важных сведениях от командующего ПВО страны потребовали изложить все еще раз, но в письменном виде. Пришлось писать. А бомбы летели на мирные города, на сотни скопившихся на аэродромах самолетов.

Затем Тимошенко и Мехлис, наконец, вернули бумагу Воронову: «Подпишите вот здесь...» А время шло, одновременно с авиацией огонь по приграничным заставам и районам расположения советских войск открыла артиллерия противника. Вслед за этими ударами на территорию нашей страны двинулись танковые и моторизованные группировки гитлеровцев. Ясно было – война!

22 июня 1941 года в 4 часа 15 минут немцы обрушили артиллерийский огонь на Брест. Об этом всеми доступными способами докладывали войсковые штабы, в частности, начальник штаба 42-й стрелковой дивизии. А из штаба Западного Особого военного округа только еще отбивали такую телеграмму:

«Передаю приказ Народного комиссара обороны для немедленного исполнения:

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого и Одесского военных округов...» Нападение, оно, конечно, возможно, будет, а возможно, и не будет...

Маршал авиации Н. С. Скрипко, командовавший тогда 3-м дальнебомбардировочным авиакорпусом, вспоминал: «Время идет, а задачу не получаем. Командиры авиадивизий, как и я, беспокоятся. Ведь когда поступит боевая задача, нас начнут торопить со взлетом, а пока уходят драгоценные минуты!»

В 6 часов в штаб 4-й армии поступило приказание: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому. Павлов, Фоминых, Климовских».

Да уж, те «действия обозначились» так, что не заметить их было просто нельзя. Сотни самолетов противника почти одновременно нанесли удары по 26 аэродромам Западного военного округа! И только в 7 часов 15 минут 22 июня в военные округа была передана Директива № 2, которую следует привести полностью:

«22 июня 1941 г. в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы

и подвергала их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировку его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км.

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко

Маленков

Жуков».

Здесь я еще приведу ссылку на воспоминания маршала авиации Скрипко. Его мемуары я редактировал, и, признаюсь, то самое «прокрустово ложе», в которое вписывалась правда о войне, не обошло и книги Николая Семеновича. Но об этом чуть позже. А пока он, командир корпуса дальних бомбардировщиков, нервничал: «Время идет, а задачу не получаем!»

Вот уже 10 часов утра. Наконец, по поручению начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерала П. Ф. Жигарева корпусу дальних бомбардировщиков поставлена боевая задача: «Всеми силами корпуса уничтожить скопление войск противника в сувалковском выступе, в районах Сувалки, Прасныш. Вылетать по готовности...»

Маршал Скрипко вспоминает: «Затем трубку взял П. Ф. Жигарев. Он говорил очень возбужденно, неоднократно повторял, что действиями

авиации надо возможно дольше задерживать продвижение бронетанковых колонн противника, что немецкие танки движутся прямо по шоссе, не встречая противодействия наших наземных войск, которых в глубине попросту нет».

А о чем предупреждал в своем официальном плане маршал Шапошников, предлагая использовать и линию старых укрепрайонов, и рассредоточение войск в 100 километрах от границы? И вот, комкор Скрипко, действуй! Но где наши войска, какие имеются данные о противнике в районах наших целей? На это вопрос никто не мог дать точного ответа...

Зато поздно вечером командир 3-го авиационного корпуса дальних бомбардировщиков получил копию Директивы № 3, подписанной все тем же авторским коллективом – Тимошенко, Маленков, Жуков. Родилась эта Директива в 21 час 15 минут 22 июня. В ней говорилось, что войска Западного фронта совместно с Северо-Западным фронтом к исходу 24 июня должны овладеть районом Сувалки; что мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. А к исходу 24 июня овладеть районом Люблин.

3-му дальнебомбардировочному авиакорпусу было приказано поддерживать одним вылетом боевые действия войск Западного фронта по разгрому сувалкинской группировки противника. Но 23 июня обстановка в том районе изменилась, боевой вылет корпуса не потребовался и, как пишет Скрипко: «Все части простояли в 30-минутной готовности к вылету, а задачи так и не поступило».

Маршал Жуков спустя годы по поводу той Директивы заметит, что, ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня, и «в своем решении Главное командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции...»

Кто же входил в состав Ставки? Прежде всего, И. В. Сталин, затем нарком иностранных дел В. М. Молотов, нарком обороны С. К. Тимошен-

ко, маршалы С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников и начальник Генерального штаба генерал Г. К. Жуков.

Стало быть, «интуиция» этой Ставки подсказала, что полкам авиационного корпуса Н. С. Скрипко в районе Сувалки делать уже было нечего, так что бомберы, попусту просидев в готовности к вылету, повылезали из кабин боевых машин в ожидании очередной Директивы.

Но вот деталь. 22 июня 41-го никакой Ставки у нас и не было! Она 23 июня только еще была образована и, понятно, к Директиве № 3 никакого отношения не имела. Ее авторский коллектив, что подтверждают подписи под документом, внимательному читателю уже знаком: нарком обороны СССР С. Тимошенко, член Главного Военного Совета Г. Маленков и начальник Генерального штаба РККА Г. Жуков. О тех директивах Вячеслав Михайлович Молотов спустя годы не случайно заметил:

«Жуков снимает с себя ответственность за начало войны, но это наивно. И не только снимает с себя, он путается. 21 июня представили директиву, что надо привести войска в боевую готовность. У него двусмысленность: то ли правильно, он считает, Сталин поправил, то ли неправильно, – он не говорит. А конечно, Сталин поправил правильно. И вот в одних округах сумели принять меры, а в Белорусском не сумели...» (<http://www.litmir.co/br/?b=6333&p=12>).

Может, не к месту, но напомним слова Сталина, сказанные им по поводу своих соколов: «Сердце кровью обливается, когда слышу, что летчика обижают». Как знать, может, старый кавалерист Тимошенко в такой именно озабоченности в начале 1941-го и направил в войска секретный приказ, известный под № 0200? В нем была строгая установка – всех летунов, которые еще не набрали четырех лет выслуги в рядах РККА, поселить в казармы и держать там всех на казарменном положении. Семьи их нарком распорядился отправить к родственникам, чтобы не отвлекали от постижения боевой и политической подготовки.

Мой однопольчанин генерал-лейтенант авиации Б. Н. Еремин вспоминал, как по вечерам у забора, которым была огорожена казарма, собирались жены и дети, и этот забор, который, как казалось, ни с того, ни с сего разгородил семейную жизнь, все должны были понимать как

некую необходимость, но понимать это было очень трудно. «Ко всему прочему необходимо отметить, что подобную перестройку, затрагивающую большой контингент людей, никак невозможно провести в сжатые сроки, – отмечает Борис Николаевич Еремин и как летчик прав: – Летная работа была сокращена, и перестройка, по сути, заняла те немногие месяцы мирной жизни, которая еще оставалась до начала тяжелейшей войны».

На ту перестройку уходило не только так необходимое для подготовки к войне время – на хозяйственные работы, переоборудование казарм под общежития тратились немалые суммы денег. Чтобы в казармах создать домашний уют, закупалась дорогостоящая мебель, ковровые дорожки, плюшевые и бархатные шторы.

Комиссарам такое положение рекомендовали объяснять повышением боеготовности авиационных частей. Ведь в «соображениях» наркома и его Генштаба зрела стратегическая цель – причем с ближайшей задачей! – разгрома германской армии и овладения Варшавой. То ли для поднятия духа, то ли из других стратегических соображений нарком Тимошенко издал тогда еще один знаменитый приказ: летчиков, получивших в военных школах подготовку в объеме полной программы, выпускать... сержантами! Получалось так: техник самолета – лейтенант, а летчик, командир экипажа, – сержант. Кто кому должен был подчиняться, докладывать, соблюдая воинскую субординацию, – это для «плана стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» значения не имело.

P.S.

Да, в знаменитом наркомовском приказе, «ноль двести» в целях повышения боеготовности войск РККА был еще один пункт: молодых командиров – с пропиской их в казармах – всех поголовно, стричь «под нулевку»! То есть, чтобы ни у кого никаких там чубчиков и кудрей. Голова красного командира, согласно тому приказу, должна пребывать чистой, ясной и блестящей, как плешь наркома обороны РККА, героя гражданской войны.

«ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!»

Властолюбцам, карьеристам, прохиндеям всех мастей, сколько ни втемяшивают в головы, что нельзя подняться за счет других, пороча да принося чужие заслуги, талант, а все в плебейских душах живет эта подлая черта. Вот уже больше шестидесяти лет, как не стало Сталина, а имя его все не дает покоя прорвавшимся к власти кремлевским царедворцам.

Кампания эта началась с Хрущева, человека злопамятного, хитрого. Что только не сочинял, как только не изощрялся «Никитка-кукурузник», чтобы опорочить Сталина! Холопы подпевали «нашему дорогому» – с барского стола им летели государевы премии, научные звания, ордена. Поди, не одну диссертацию заслужили любезные за инсинуацию о первых днях войны и «шоке» Сталина. Да и еще заслужат! Так вот первоисточник для их поисков.

«Война началась, но каких-нибудь заявлений правительства или лично Сталина не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом в воскресенье днем выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз... То, что выступил Молотов, а не Сталин, тоже заставляло людей задумываться.

Сейчас я знаю, почему Сталин не выступил. Он, видимо, был совершенно парализован в своих действиях, не смог справиться с мыслями. Потом, уже позже, после войны, я узнал, что в первые часы войны Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее. Когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Я не знаю, все ли или определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин был совершенно подавлен морально. Он сделал примерно такое заявление: “Началась война, она развивается катастрофически. Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали”. Он буквально так и выразился, по словам Берия. “Я, – говорит, – отказываюсь от руководства”. И ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу» (http://ros-istor.ru/_14/sovr2).

Этот текст – из воспоминаний Никиты.

Ну, а в начале войны что мог знать Хрущев о Сталине, если сам находился в Киеве? Пишет: «Он, видимо, был совершенно парализован...» Так, видимо или не видимо? Хрущеву, конечно, надо, чтобы Сталин был «парализован». А дело-то происходило так.

21 июня, вечером, уставшие от летнего зноя москвичи разъезжались за город, на дачи. Секретарь МК и МГК партии товарищ А. С. Щербаков и председатель исполкома Моссовета В. П. Пронин уехать не успели, и их вызвали в Кремль, к И. В. Сталину.

В кабинете главы государства оба услышали сообщение в возможном нападении немецко-фашистских войск. Затем Сталин распорядился задержать в городе руководителей районных партийных и советских организаций, и, как вспоминал потом Пронин, в течение той короткой июньской ночи в ЦК партии рассматривались вопросы, связанные с прикрытием в случае войны важнейших предприятий города и области от налетов вражеской авиации. Был установлен порядок объявления воздушной тревоги в столице. Председателю исполкома и командующему Московской зоной ПВО генералу М. С. Громадину ЦК партии поручил проверить надежность прикрытия зенитной артиллерией и аэростатами воздушного заграждения электростанций, водопроводных станций, важнейших оборонных заводов города.

«– Заехав на несколько минут в Моссовет и убедившись, что руководители штаба МПВО на месте, – припомнит Пронин, – мы собрались немного отдохнуть, но у ворот дома нас ожидал один из сотрудников, который сообщил:

– Из ЦК просили передать, чтобы вы немедленно были на месте. Началась война...»

Свою психическую атаку на Сталина Хрущев начал на XX съезде партии. После окончания работы съезда на следующий же день он был избран Первым секретарем ЦК и тогда же выступил со вздорными обвинениями Сталина. «Запальчиво и захлебываясь читал Хрущев, – вспоминал зам. зав. Отделом культуры ЦК И. Черноуцан, – с особой ненавистью и ожесточением говорил Хрущев о Сталине. Он объявил его,

впавшего в состояние глубокой депрессии, прямым и главным виновником поражения на фронтах в первый период войны... Никита с яростью кричал: «Он трус и паникер!»»

А между тем в Кремле тщательно велся «Журнал посещений И. В. Сталина в его кремлевском кабинете». В первый день войны, 22 июня, Сталин принял 29 человек. Молотов, Жуков, Маленков, Микоян, Вышинский, Тимошенко приходили к Сталину дважды. Берию, Ворошилова, заместителя начальника ГРУ Кузнецова Сталин вызывал трижды. А еще у него были в тот день Мехлис, Каганович, Димитров, Манульский, Шапошников, Ватутин, Кулик.

Напряженная работа в Кремле шла все дни. 23 июня у Сталина был принят 21 человек, 24-го – 20, 25-го – 29, 26-го – 28, 27-го – 30, 28 июня у Сталина была 21 встреча. Он работал по 14–16 часов в сутки. Принимал партийных и ведомственных руководителей, высшее военное командование, конструкторов, испытателей боевой техники, тыловиков. Деловые встречи Сталин проводил не только в кремлевском кабинете, но и в резиденции, которая была на ул. Кирова, 33; принимал людей и на пункте управления Генштаба, и на даче...

Если Хрущев порол чушь о Сталине, будучи в Киеве в первый-то день войны, то нарком Каганович находился рядом, полтора часа работал со Сталиным в Кремле, и он возмущался злонамеренными хрущевскими речами:

«— Ложь! Мы-то у него были... Нас принимал. Ночью мы собрались у Сталина, когда Молотов принимал Шуленбурга. Сталин каждому из нас сразу же дал задание – мне по транспорту, Микояну – по снабжению.

И транспорт был готов! Перевезти пятнадцать-двадцать миллионов человек, заводы... Сталин работал. Конечно, это было неожиданно. Он думал, что англо-американские противоречия с Германией станут глубже и ему удастся еще на некоторый срок оттянуть войну. Так что я не считаю, что это был просчет. Нам нельзя было поддаваться на провокации. Можно сказать, что он переосторожничал. Но и иначе нельзя было в то время.

А сейчас если начнется?...»

22 июня сообщения с границы поступали противоречивые. Только к 8 часам утра положение на фронтах более-менее прояснилось, и тогда в Кремле стал вопрос, как объявить народу о вероломном нападении Германии на нашу страну. Решили, что надо выступить по радио.

Речь Молотова слушала вся страна. Призывно прозвучали в ней слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Когда Молотов закончил выступление, Сталин вошел к нему в кабинет и сказал: «Ну и волновался ты. Но выступил хорошо...»

В тот день, еще до выступления Молотова, Сталин разговаривал по телефону с Пономаренко об обстановке на западной границе. Получив оценку действий командующего Павлова и просьбу Пономаренко «прислать в штаб фронта одного из авторитетных маршалов Советского Союза» для помощи растерявшемуся командующему, Сталин ответил: «Я уже думал об этом, и сегодня же к вам выезжает маршал Борис Михайлович Шапошников. Имейте в виду: это опытный военный специалист, пользующийся полным доверием ЦК. Будьте к нему поближе и прислушайтесь к его советам».

После выступления Молотова Сталин разговаривал с Тимошенко. И вот что он сказал наркому обороны: «Внезапность нападения, разумеется, имеет значение в войне. Она дает инициативу и, следовательно, большое военное преимущество нападающей стороне. Но Вы прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте в виду – немцы внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей армии. Надо строго-настрого предупредить командующих о недопущении какой-либо паники. В директиве об этом скажите. Если проект директивы готов, рассмотрим вместе с последней сводкой. Свяжитесь еще раз с командующими, выясните обстановку и приезжайте. Сколько потребуется Вам времени? Ну, хорошо, два часа, не больше, – и опять о Западном фронте. – А как обстановка у Павлова?»

Судя по всему, Тимошенко тоже был озабочен руководством этого командующего, и Сталин, выслушав наркома обороны, гневно бросил: «Павлов ничего конкретного не знает, что происходит на границе!»

Не имеет связи даже со штабами армий! Ссылается на то, что опоздала в войска директива... Но разве армия без директивы не должна находиться в боевой готовности?» Потом еще раз, словно в подтверждение разговора с Пономаренко, повторил, что к Павлову надо направить Шапошникова, что он поможет организовать управление войсками, и тут заметил: «Но наши войска, видимо, не могут справиться с задачей прикрытия западной границы. Они оказались в очень тяжелом положении... Да, не успели мы подтянуть силы, да и вообще не все сделали... не хватило времени».

Так с первых же дней войны Сталин, строго спрашивая за организацию и руководство боевыми действиями с высоких армейских чинов, командующих, не снимал ответственности и с себя: «...не успели мы подтянуть силы... не все сделали...» Именно так Сталин не раз и подчеркивал – «мы...».

Известный военачальник маршал Советского Союза Василевский, всю войну работая рядом со Сталиным, не пошел на поводу «царя-кукурузника», несмотря на установку Кремля поливать вождя грязью, а дал ему достойную оценку: «Сталина несомненно можно отнести к разряду выдающихся полководцев».

22 июня у Сталина состоялось совещание, на котором было принято решение о проведении мобилизации, принят проект постановления о создании Ставки Главного командования. Тогда было принято и решение о преобразовании военных округов во фронты: Прибалтийский стал Северо-Западным, Западный – Западным фронтом и Киевский особый округ – Юго-Западным.

23 июня. В кабинет Сталина в 3 часа 20 минут первым вошел Молотов. Через 5 минут – Ворошилов и Берия, еще через 5 – Тимошенко и Ватутин, затем Кузнецов, Каганович, Жигарев. Совещание длилось до 6 часов 25 минут, а потом продолжилось с 18 часов 45 минут до 1 часа 25 минут, но это было уже 24 июня.

В тот день был образован Совет по эвакуации населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей. Возглавить его поручили Кагановичу.

До 29 июня Сталин принимал наркома связи Пересыпкина, начальника Главного управления пограничных войск Соколова, начальника Главного автобронетанкового управления Федорова, начальника Управления военных сообщений Ковалева, начальника Главного артиллерийского управления Яковлева, заместителя начальника ВВС по тылу Соколова-Соколенка, начальника Главного управления ВВС Жигарева, заместителя начальника управления запасных авиapolков по боевой подготовке Никитина, заместителя начальника 1-го управления по летной подготовке Титова, первого заместителя наркома авиационной промышленности Дементьева, летчика-испытателя Стефановского, командира 401-го истребительного авиapolка особого назначения Супруна. 28 июня Сталин принял председателя Госбанка СССР Булганина и наркома вооружения Устинова. В 24 часа в кабинет Сталина вошел нарком госбезопасности СССР Меркулов.

Это лишь часть людей, с кем встречался Иосиф Виссарионович в первые дни войны. Хорошо бы задумываться о том российским либералам, прежде чем нести всякую чушь доверчивому электорату.

На Западный фронт тогда отправился Шапошников, на Юго-Западный – Жуков. Обстановка там и там складывалась для главных сил фронта угрожающе. На Западном фронте танковые соединения противника продвинулись на советскую территорию до 200 километров. Маршал Шапошников 25 июня запросил у Ставки разрешения отвести войска на линию старых укрепрайонов, и в тот же день Военный совет фронта отдал директиву на общий отход. Но было уже поздно: 26 июня две танковые группы противника прорвались на подступы к Минску и 28 июня, сломив оборону 13-й армии, соединились в районе белорусской столицы.

О взятии Минска Сталин узнал из передач западных радиостанций – не от Генерального штаба. Тогда он приказал отозвать командующего Павлова в Москву, и постановлением наркома обороны Тимошенко от 6 июля 1941 года командование Западным фронтом было привлечено к уголовной ответственности...

29 июня Сталин работал над проектом «Директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям при-

фронтовых областей». В этом важнейшем документе войны говорилось: «Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов». «Директива» призывала «отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу».

«Враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов», – говорилось в том документе, и, с призывом «организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами», отдельный пункт «Директивы» гласил: «Немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны – невзирая на лица». (Номер «своих не выдаем» у Сталина не проходил.)

В тот день, 29 июня, Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного командования и, по словам Жукова, «крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении». Вот как вспоминает Микоян об одной из встреч тогда Сталина с Тимошенко и Жуковым:

«Вечером 29 июня у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Всех интересовало положение на Западном фронте, в Белоруссии. Но подробных данных о положении на территории этой республики тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Западного фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Однако тот ничего конкретного о положении на западном направлении сказать не смог.

Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой. В кабинете наркома были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование фронта, какая имеется с ним связь. Жуков докладывал, что связь потеряна, и за весь день восстано-

вить ее не удалось. Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д. Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для восстановления связи – никто не знает. Очевидно только, в этот момент Сталин по-настоящему понял всю серьезность просчетов в оценке возможности, времени и последствий нападения Германии и ее союзников.

И все же около получаса поговорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник Генштаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Раз нет связи, Генштаб бессилен руководить. Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал за состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек не выдержал, разрыдался, как баба, и быстро вышел в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного, но все еще с влажными глазами Жукова» (см., например, <http://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka/iyun-1941-go-10-dnej-iz-zhizni-i-v-stalina.html?start=1>).

Но слезы слезами, а положение в стране складывалось критическое. Потеря Минска, продолжавшееся отступление на всех фронтах... В такой ситуации для мобилизации всех сил и ресурсов на отпор врагу требовалось коренное изменение структуры государственного и военного управления. И в последние дни июня Сталин разработал положение о Государственном Комитете Обороны. Во главе его он стал сам. Таким образом, в руках Сталина сосредоточилась вся полнота власти в нашем Отечестве, которое он мобилизовал на разгром врага.

Тимошенко был направлен командовать Западным фронтом в Смоленск. Первый зам. начальника Генштаба Ватутин – начальником штаба Юго-Западного фронта. Жуков пока оставался начальником Генштаба.

Здесь не место рассказывать о кардинальных мероприятиях, проводимых ГКО в период перестройки народного хозяйства на военный лад. Назовем только две цифры. За пять месяцев после вероломного нападения немцев на Советский Союз на восток нашей страны было отправле-

но 1523 промышленных предприятия, большое количество институтов, лабораторий. Одновременно в тыловые районы было эвакуировано более 10 миллионов человек! В первые же дни образования ГКО вышло постановление «О выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны». (Вот бы нам такой план нынче!) Затем, – это все в июле! – были постановления о подготовке резервов для армии и флота, об управлении тылом, о выпуске противотанковых и танковых пушек, о развертывании производства бронебойных и зенитных снарядов, о мероприятиях по обеспечению Красной Армии теплыми вещами на зимний период 1941–1942 годов.

Вот, господа либералы хреновы, 10 дней из жизни Сталина в том трагическом 41-м. Все остальное о Сталине – ложь! Но за нее хорошо платят...

Ранним утром 3 июля 1941 года по радио Сталин обратился к народу. В начале его обращения были слова: «Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

Сколько после Сталина сменилось в Кремле всяких говорунов – крикливых, глуповатых, заигрывающих с народом – помните, сгущенность голосовых связок «всенародно избранного» после очередного запоя: «Дарягие расеяне...» – а на самом-то деле абсолютно равнодушных к нему. А искреннее, без пафоса, идущее от сердца к сердцу обращение Сталина вызвало у народа прилив патриотических чувств и веру в нашу победу.

На митингах люди выражали готовность к защите Родины в рядах народного ополчения. «Чеканная, теплая речь вождя. Его слова – братья и сестры – доходят до сердца каждого. В ответ на нее хочется еще лучше работать, отдав все силы и энергию любимой Родине», – это из выступления рабочего фабрики пластмасс Рассказова, которое в докладе члену Политбюро Щербакову привел комиссар госбезопасности Кубаткин. И таких выступлений было большинство.

Но не на митингах, и с другими настроениями, были высказывания, о которых Кубаткин тоже не умолчал. Вот научный сотрудник Института мировой литературы Шифман держит речь: «Всему крах. Положение на фронте безнадежное. Из Кремля дано указание готовить подпольные

организации. Москва будет оставлена. Положение настолько трагическое, что ЦК партии принял решение о всеобщем ополчении. Вот до чего докатились, куда же девалась доблесть Красной Армии? Всеобщее ополчение – это шаг отчаяния, признак растерянности».

По-своему понял призыв Сталина некий Перельман-инженер: «Все эти речи, мобилизация народа, организация тылового ополчения свидетельствуют об исключительной ненадежности фронта и не спасут положения. Видимо, в скором времени немец займет Москву, и советской власти не удержаться».

Читаешь такие откровения, и кажется, что авторы их не из далекого 41-го, а нынешние демократы, которые торжествовали, как заметил наш современник писатель А. Проханов, «когда кремлевская власть была похожа на коллективного американского агента, громила покоренную советскую страну, уничтожала армию и флот, оборонную индустрию, крушила военно-промышленный комплекс...»

Да, в речи Сталина была горькая правда. Но она была сказана. И в этом чувствовалась не слабость, а сила, ожидание перемен к лучшему...

Однако еще лето 1941-го. Обстановка в стране чрезвычайно напряженная. Из Москвы уже были эвакуирована часть наркоматов, на Восток потянулось население. А немецкая авиация все настойчивее рвалась к столице, забрасывая город зажигалками, обрабатывала фугасными бомбами. Для защиты московского неба создавались полки из отборных летчиков-испытателей НИИ ВВС, Наркомата авиационной промышленности. Одним из них – 402-м – командовал летчик-испытатель Петр Стефановский. В середине июля этот полк базировался в районе Великих Лук, когда на имя его командира поступила телефонограмма: «Немедленно явиться в Москву...»

Прощальный круг на связном У-2 – и уже на подмосковном испытательном аэродроме сразу же после посадки Стефановскому передают указание прибыть утром к члену Военного совета Западного фронта Булганину.

На следующий день они вместе едут в Кремль, к Сталину. Верховного Главнокомандующего интересовали дела по обороне воздушного

пространства от противника на подступах к Москве. Командир авиаполка докладывал о тяжелой обстановке на фронте, о теневых сторонах нашей авиатехники, боевых действиях истребителей.

Молча выслушав Стефановского, Сталин как бы между прочим заметил:

– Немцы собираются бомбить Москву. Надо помочь защитить ее.

– Как прикажете, товарищ Сталин! – по-солдатски отчеканил Стефановский.

Внимательно посмотрев на командира истребительного авиаполка, словно взвешивая его возможности, Верховный заметил:

– Не надо так говорить. Приказать каждый дурак может. А немцы через три дня собираются Москву бомбить. – Сталин помолчал и неожиданно спросил: – Вам известно, кто непосредственно руководит обороной Москвы с воздуха?

– Известно, товарищ Сталин. Командир истребительного авиакорпуса полковник Климов.

– Кто такой Климов?

Стефановский знал Ивана Климова еще по Качинской летной школе и по-хорошему отзывался о нем как о командире и летчике.

– А сколько у него полков?

– Кажется, около тридцати.

– Вот-вот. А сколько заместителей? – следовали вопросы.

– Командиру авиакорпуса по штату один положен, – ответил Стефановский, и тут Сталин подвел разговор к логическому концу:

– Так как же, скажите, один, даже хороший командир может управлять тридцатью подчиненными командирами? Со времен Римской империи известно, что один человек может плодотворно управлять не более чем пятью подчиненными. Есть у вас карта?..

Вскоре на летной десятикилометровке были расчерчены четыре сектора обороны Москвы с воздуха: западный, восточный, северный и южный.

– В каждый сектор назначьте начальника, который одновременно будет и заместителем командира авиакорпуса. – Это указание Сталин сделал уже прибывшему по его вызову начальнику Управления ВВС ге-



Сталин в рабочем кабинете. 1 ноября 1938 г.

нералу П. Ф. Жигареву. – Начальником западного сектора будет подполковник Стефановский, северного – нынешний заместитель командира авиакорпуса полковник Митенков. А начальников южного и восточного секторов обороны назначьте сами. Проект приказа представьте мне сегодня, в двадцать два часа...

Полки из отборных летчиков. У читателя может сложиться представление, что наших летчиков немцы действительно перебили в первый день войны. Это не так.

За 20 лет работы в военно-мемуарной редакции я не раз читал в рукописях и слышал рассказы их авторов, как в то раннее июньское утро они бежали под градом огня противника, бросались в кабины истребителей и взлетали... в одних трусах! Наивно думать, что после такого вылета полк соберется в бескрайнем небе и прилетит на свой или запасной аэродром белыми лебедями. «На честном слове и на одном крыле» пилоты приземляли боевые машины, где придется, не вписываясь ни в какие правила, а уж тем более в директивы. Но потом-то они возвращались и продолжали боевую работу – зачастую уже в других полках.

Один большой кремлевский начальник как-то сказал, что в атаку наших бойцов гнали под дулами автоматов. Так вот, в первый же день войны летчики И. И. Иванов, Л. Г. Бутелин, Д. В. Кокорев, П. С. Рябцев, А. И. Мокляк, А. С. Данилов совершили в неравных схватках с пилотами «люфтваффе» воздушные тараны. Кто гнал этих славных парней порой на верную смерть? Может, договор на службу по контракту?..

22 июня наши летчики-истребители, как нас называл народ, «сталинские соколы», совершили 6 тысяч самолетовылетов и в воздушных боях уничтожили свыше 200 самолетов противника! А цифра 400 якобы сбитых наших боевых машин совершенно не точная. Пущенная в угоду хрущевской пропаганде, она больше устраивает и демократов. Тут даже не идут в счет сведения немцев. По их данным, они сбили только 223 самолета. Или немцы считать не умеют?

Наша беда и потери летчиков (не обязательно в первый день войны) – в их слабой летной подготовке. Те же немцы выпускали своих летунов из летных школ с налетом 450 часов. Американцев к боевой работе до-

пускали после 600–700 часов полета. Французов – тоже после 600 часов. А у наших пилотов налет был всего по 20–25 часов, при этом на боевых самолетах часов по 6.

Моя пилотская судьба, видно, не случайно свела меня с двумя сильнейшими летчиками Великой войны – Кириллом Евстигнеевым и Алексеем Алелюхиным. Я чрезвычайно благодарен ей за этот щедрый дар. Частые встречи и беседы с ними, далекие от официального лукавства, пропагандистской суеты, помогли разобраться и понять многое в сути той тяжелой боевой работы, которая выпала им, рядовым неба.

– Знаешь, пятерых «мессеров» одному держать вполне возможно. У меня получалось, – с достоинством крестьянина-пахаря рассказывал о своих боях дважды Герой Советского Союза Алелюхин. – Главное что? Чтобы видеть всех. Если видишь, становишься в вираж – ни за что не собьют!

А Кирилл Алексеевич, давая оценку подготовки наших летчиков, прямо говорил:

– Выживет пилот в первых десяти боевых вылетах – будет воевать!..

В чем же дело? Вот выписка из аттестации начальника вузов ВВС генерала Левина командованием ВВС Красной Армии от 5 февраля 1941 года: «...Вследствие продолжительного отрыва от строевых частей (8 лет) Левин мало замечает недостатки в работе школ... Качество подготовки кадров отставали от требований, предъявляемых к выпускникам школ ВВС. Решительной борьбы за выполнение плана и качество подготовки Левин не вел, плохую работу оправдывал ссылками на объективные причины...»

Короче, генерала сняли с должности начальника вузов ВВС и назначили заместителем командующего ВВС Ленинградского военного округа. А через четыре месяца его арестовали, и вот один из пунктов обоснования ареста: «Вузы ВВС, руководимые Левиным, из года в год не выполняли плана по подготовке кадров ВВС КА, а выпускаемые из школ летчики имели низкую подготовку, в силу чего в строевых частях увеличались летные происшествия».

В деле Левина были показания генерал-лейтенанта авиации Я. В. Смушкевича – он подтверждал плохое положение подготовки в школах летчи-

ков, летнабов и стрелков. Начальник Липецкой высшей летно-тактической школы Н. Я. Котов тоже показал, что генерал Левин «проводил и поощрял очковтирательство в школах, узаконив лозунг “Судят не за то, что занимаешься очковтирательством, а за то, что неумело его проводишь”». Начальник штаба эскадрильи 20-й авиашколы рассказал, как генерал Левин давал ему вредительские установки по летной подготовке курсантов: «Не надо выполнять те программы, которые утверждены Наркомом, это все чепуха. Главное, научить курсантов взлету, посадке и полету по кругу над аэродромом».

Вот и ответ на потери наших летчиков в первые-то дни войны. Сержантские гимнастерки да жизнь в казарме положение дел явно не изменили.

22 июля 1941 года, ночью, московское небо озарилось небывалым светом. Заградительный огонь зенитной артиллерии, лучи сотен прожекторов, трассы самолетных пушек и пулеметов, зарницы фугасных бомб, пожары от зажигалок – все это смешалось в кромешный ад, которому, казалось, не будет конца. 220 гитлеровских бомбардировщиков шли к одной цели – центру Москвы, шли с разных направлений, эшелонами, на разной высоте.

Первыми приняли на себя налет авиации противника одиннадцать полков западного сектора обороны столицы. В воздух навстречу врагу поднялось все, что могло летать.

После отбоя воздушной тревоги генерал Журавлев докладывал Государственному Комитету Обороны о результатах налета, о том, что к городу прорвались лишь несколько вражеских бомбардировщиков, что разрушения от их удара незначительны, а по предварительным данным, не менее двадцати гитлеровских самолетов уничтожено.

По окончательным данным, – это сообщалось в приказе наркома обороны от 22 июля – было сбито 22 самолета противника, из них 12 – истребителями. На нашей стороне было 602 самолета-истребителя, 1044 зенитных орудия, 336 зенитных пулеметов, из которых 166 крупного калибра. По бомбардировщикам противника зенитная артиллерия израсходовала 16 200 снарядов крупного калибра, 13 280 – малого и до 130 000 пулеметных патронов. То есть на один сбитый самолет пришлось около 3000 снарядов и 13 000 патронов.

А что же немцы? Действительно разрушения от их воздушного налета, как докладывал Сталину командир 1-го корпуса ПВО, оказались незначительны, или первый удар по Москве был все-таки результативен?

Известно, что бомбардировщики противника в первом эшелоне сбрасывали кассеты с электронно-термитными зажигательными бомбами: немцы стремились создать как можно больше очагов пожаров. Второй эшелон вражеских машин обрабатывал места возгораний фугасными бомбами, обстреливал пулеметным огнем работавших там людей. «Зажигалки» противника легли на железнодорожные пути Белорусского направления, на Центральный аэродром, где от них загорелись ангары и самолеты. Вспыхнули бараки и складские помещения на Хорошевском шоссе. Трижды в ту ночь немцы подвергли бомбардировке здание на Кропоткинской улице, № 22. Там бы штаб противопожарной службы, который они хорошо знали: до войны напротив этого дома размещалось германское посольство.

А всего в ту ночь возникло около 2000 загораний в различных местах города. Наблюдавший налет на Москву английский журналист, корреспондент газеты «Санди таймс» А. Верт заметит: «Шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град. В Лондоне мне не пришлось ни видеть, ни слышать ничего подобного. В широких масштабах была организована борьба с пожарами. Позже я узнал, что многие из тех, кто тушил пожары, получили тяжелые ожоги от зажигательных бомб, иногда по неопытности. Мальчишки первое время хватали бомбы голыми руками!» (<http://www.istpravda.ru/research/14229/>)

Однако к 10 часам утра все основные очаги пожаров были ликвидированы, москвичи получили газеты и прочитали сообщение Совинформбюро, которым руководил А. С. Щербаков, о том, что «рассеянные и деморализованные действиями нашей ночной истребительной авиации и огнем наших зенитных орудий, немецкие самолеты большую часть бомб сбросили в леса и на поля на подступах к Москве. Ни один из военных объектов, а также ни один из объектов городского хозяйства не пострадал...»

Леса и поля вокруг Москвы, конечно, были. Но если без обмана, нетрудно выяснить, что за первый месяц воздушных налетов противник сбросил на город 615 фугасных и 77 000 зажигательных бомб. В результате бомбардировок погибло 736 человек, тяжело раненных было 1444, легко – 2069.

В связи с частыми воздушными налетами Ставка и Генеральный штаб на ночь поначалу перебрались в помещение станции метро «Белорусская», где были оборудованы командный пункт и узел связи. «Вскоре, – вспоминал генерал С. М. Штеменко, – мы отказались от этого и перебрались в здание на улице Кирова. Станция метро “Кировская” была полностью в нашем распоряжении. Поезда здесь не останавливались. Перрон, на котором мы расположились, отгораживался от путей высокой фанерной стеной. В одном его углу – узел связи, в другом – кабинет для Сталина, а в середине – шеренги столиков, за которыми работали мы. Место начальника Генштаба – рядом с кабинетом Верховного».

Вопросу защиты Москвы от налетов гитлеровской авиации вскоре было посвящено заседание ГКО. Состоялось оно в одной из подземных комнат метро. С докладом выступал генерал М. С. Громадин.

«– Нарком авиационной промышленности Шахурин, авиаконструктор Яковлев и я, – рассказывала мне генерал И. Ф. Петров, в то время главный инженер ВВС, – пришли на это совещание вовремя, но все места уже были заняты, и мы стояли у стенки. Доклад Громадина прозвучал как-то невразумительно: не были четко сформулированы доктрина и тактика, которыми руководствовалась ПВО, не ясно было, какие наземные средства использовались для борьбы с самолетами противника, чего не хватало для эффективной защиты города. Словом, тот доклад никого не удовлетворил, и вот после совещания Сталин подошел к нам и, недоуменно пожимая плечами, спросил: “Так или не так?” Шахурин и Яковлев молчали. “Но работать не с кем, товарищ Сталин, – выпалил я. – Все настоящие тактики сидят”. Сталин молча посмотрел на меня, потом сказал: “Завтра к часу дня передайте мне список всех, кто вам нужен”...

Всю ночь мы с Яковлевым работали над тем списком. Всего у нас в нем получилось 107 человек, и на другой день мы передали его Сталину. К сожалению, 53 человек из этого списка уже не было в живых. Но остальных удалось спасти, и среди них были Баландин, бывший заместитель Шахурина по моторам, полковник Трунов, преподаватель тактики Военно-воздушной академии имени Жуковского, и другие».

В начале августа 41-го и наши бомбардировщики нанесли ответный удар по столице Германии.

Замечу, пропагандисты всего мира имеют, видимо, одну общую черту – неукротимое стремление чуточку, а то и как следует приврать. Почитать сообщения Совинформбюро – так ни одна бомба на Москву не упала. Немцы же в августе 41-го растрезвонили повсюду, что русская авиация полностью уничтожена еще в первые дни войны. Тем не менее нашим летчикам была поставлена задача – отплатить врагу за налеты на Москву, и она ведь как-то выполнялась.

Заместитель главного штурмана авиации дальнего действия генерал-полковник С. Ф. Ушаков рассказывал, как проходили десять боевых налетов на Берлин. Первый из них был с острова Сааремаа (Эзель) в Балтийском море. Экипажу до цели и обратно предстояло пролететь 1760 километров – это около семи часов в воздухе. Но более близкого аэродрома к линии фронта не нашлось, да и остров тот вот-вот должны были захватить немцы, так что с вылетом торопились.

В ночь на 8 августа тринадцать боевых машин 1-го минно-торпедного полка взяли курс на Берлин. В мою задачу не входит подробное описание тех вылетов (после полка Е. Н. Преображенского на Берлин летала группа комбрига М. В. Водопьянова). Одно скажу – не так уж приподнято-оживленно проходила та работа, как преподносилось пропагандистами. Сергей Федорович Ушаков рассказывал мне, как наши самолеты падали еще на взлете и возвращались далеко не все, как в воздухе отказывали моторы, и бомбы приходилось сбрасывать просто в море...

Внимательно следил за теми полетами Верховный. Немцы поначалу не могли и подумать, что Берлин прилетели бомбить русские. По радио они заявили, будто шесть английских самолетов после ночной бомбардировки сбиты и скоро будут выставлены для обозрения. Но англичане официально сообщили, что в ночь на 8 августа никто из них не летал.

«— А над Берлином действительно были сбиты два наших самолета, — говорил мне и генерал Петров. — Я узнал об этом от Сталина. Он вызвал меня в кабинет на станции метро и сообщил об этом. При тех трудностях, которые сопровождали полет — шутка ли, в сорок первом долететь до Берлина! — потеря боевых машин была незначительная. Но я заметил тогда, что бомбили мы неправильно. В самом деле, когда самолеты сбросят бомбы и, уходя от цели, ложатся на обратный курс, они представляют хорошую мишень для зениток. На мой взгляд, бомбардировщикам, отработав, не следовало разворачиваться обратно, на Москву, а лететь дальше и приземляться в Англии. Там заправиться и с новым запасом бомб возвращаться домой через тот же Берлин, где еще раз ударить по противнику. Первая реакция Сталина на это предложение была резкой: “У себя дома не все могут сесть на своем аэродроме, а ты — в Англию...” Он встал и начал ходить по комнате. Вслед за ним встали находившиеся при нашем разговоре Михаил Иванович Калинин и Георгий Димитров. Продолжая ходить, Сталин, словно рассуждая с собой, вдруг задумчиво произнес: “Да, мы ошиблись... Мы не так представляли войну. Это мы должны признать искренно...”»

P.S.

«Представляю, что было бы, если бы не Сталин, а, например, Горбачев с Ельциным и примкнувшим к ним Кравчуком возглавили бы в 1941-м СССР. Ручаюсь, Гудериан остановился бы только на Камчатке. Михаил Сергеевич сказал бы: “Процесс пошел”, а Леонид Макарович: “Маэмо те, що маэмо”. Ну и Ельцин бы добавил в своем стиле: “Россияне, простите, не смог”. И выпил бы граммов двести».

*Олесь Бузина, украинский писатель, публицист,
убитый майдановской хунтой*

«ОСТАЮСЬ В МОСКВЕ С РУССКИМ НАРОДОМ»

В начале сентября 1941-го, после ожесточенного Смоленского сражения, когда Красная Армия сорвала планы гитлеровского командования прорваться к Москве сходу, Гитлер подписал директиву о проведении операции «Тайфун». Основной целью ее было уничтожение советской столицы, и вот как фюрер видел ее будущее:

«Вокруг города Москвы мы создадим пояс симпатичных деревень, связанных лучшими дорогами. Все, что существует за этими пределами, относится к другому миру, в котором мы намерены дать русским жить так, как им хочется. Необходимо лишь, чтобы мы ими руководили. В случае революции нам понадобится лишь сбросить несколько бомб на их города, и дело будет кончено. (Ничто не напоминает? – С. Г.) Раз в год мы будем проводить киргизское войско через столицу рейха для того, чтобы потрясти их воображение размерами наших монументов».

Такую речь фюрер держал 8 сентября 1941 года, а 30 сентября немецкие войска обрушились на части нашей армии, и уже через три дня, преодолев 200 километров, танки Гудериана ворвались в Орел. 6 октября был сдан Брянск. 6–7 октября под Вязьмой и Брянском попали в окружение 7 из 15 наших армий, стоявших на защите Москвы. Погибло 660 тысяч красноармейцев, 70 тысяч попало в плен, из окружения вырвалось 85 тысяч человек. Но ожесточенное сопротивление наших окруженных войск на три недели сковало половину дивизий группы армии «Центр».

10 октября войска Западного и Резервного фронтов были объединены в Западный фронт, командующим которого стал Г. К. Жуков.

13 октября немцы заняли Калугу, через день Калинин (Тверь), а еще через 4 дня – Можайск и Малоярославец.

Как вел себя в эти тревожные дни Сталин, как оценивал причины наших неудач? Вот что рассказывал о встрече с ним зам. наркома авиационной промышленности А. С. Яковлев: «В эти напряженные дни, которые пере-

живала Москва, а с нею и вся страна, мне довелось побывать у Сталина. Настроение было, прямо скажу, нервное. Все мы, причастные к оборонной промышленности, особенно чувствовали свою долю ответственности за положение на фронте.

Сталин принял меня и наркома в Кремле у себя на квартире, в столовой. Было часа четыре дня. Когда мы зашли в комнату, то почувствовали какую-то необычную тишину и покой. Сталин был один. По-видимому, перед нашим приходом он прилег отдохнуть. На стуле около дивана в белом полотняном чехле лежал раскрытый томик Горького, перевернутый вверх корешком.

Поздоровавшись, Сталин стал прохаживаться вдоль комнаты. Я очень внимательно всматривался в эту знакомую фигуру и старался угадать душевное состояние человека, к которому были теперь устремлены взоры и надежды миллионов людей. Он был спокоен, в нем незаметно было никакого возбуждения. Чувствовалось, правда, крайнее переутомление Сталина, пережитые бессонные ночи. На лице его, более бледном, чем обычно, видны следы усталости и забот. За время разговора с нами, хотя и невеселого, его спокойствие не только не нарушилось, но и передалось нам.

Он не спеша, мягко прохаживаясь вдоль обеденного стола, разламывал папиросы и набивал табаком свою трубку. Делал это очень неторопливо, как-то по-домашнему, а от этого и вся обстановка вокруг становилась обыденной и простой...

Разговор начался с обсуждения важнейших вопросов, стоявших перед авиационной промышленностью и связанных с выпуском самолетов. Сталин четко и целеустремленно поставил перед нами ряд задач и указал, как их осуществить. Он внес поправки в некоторые мероприятия, предложенные наркоматом по эвакуации заводов, причем осмотрительно исходил из возможности железнодорожного транспорта.

После обсуждения конкретных вопросов, связанных с работой наших конструкторов и заводов в эвакуации, разговор перешел на обсуждение тем о войне, о последних событиях, о наступлении гитлеровцев. Сталин

обсуждал тяжелое положение, в котором находилась тогда наша страна и армия, довольно трезво. Он не придавал решающего значения тому, что немцы уже захватили большую часть нашей территории и подошли совсем близко к Москве. Он говорил, что все равно немцы не смогут выдержать такого напряжения длительное время и что в этом смысле наши возможности и наши неограниченные ресурсы, безусловно, сыграют решающую роль в победе над врагом.

Сталин говорил, что только в нашей стране возможно положение, когда при таких военных успехах врага народ единодушно и сплоченно стал на защиту своей Родины. Ни одна другая страна, по его мнению, не выдержала бы таких испытаний, ни одно другое правительство не удержалось бы у власти.

В то время он с горестью и большим сожалением высказал мысль, что некоторые наши военные (речь шла о высшем командном составе) надеялись на свою храбрость, классовую сознательность и энтузиазм, а на войне оказались людьми недостаточной культуры, недостаточно подготовленными в области технической» (http://thelib.ru/books/yakovlev_aleksandr_nikolaevich/cel_zhizni-read-23.html).

Главный маршал авиации А. Е. Голованов тоже вспоминал те октябрьские денечки: «Жуков написал, что 6 октября 1941 года Сталин у него спрашивал, отстоим ли Москву, и Жуков твердо ответил: “Отстоим!” А ведь было так, что он прислал генерала Соколовского к Василевскому (Александр Михайлович это должен помнить), чтобы тот в Генштабе принял узел связи для Западного фронта. Василевский с недоумением позвонил об этом Сталину, и тот дал нагоняй Жукову. Жуков предлагал сдать Москву, и так оно и было бы, если бы не Сталин...»

Это подтверждал и генерал армии С. М. Штеменко: «Командный пункт Жукова в период угрожающего положения находился ближе к линии обороны. Жуков обратился к Сталину с просьбой о разрешении перевода своего командного пункта подальше от линии обороны, к Белорусскому вокзалу. Сталин ответил, что если он переедет к Белорусскому вокзалу, то он займет его место».

Вот еще запись Ф. Чуева в дневнике: «Едем к Молотову в Ильинское с Шотой Ивановичем Кванталиани (при Сталине ответственный работник ЦК партии Грузии) и Александром Евгеньевичем Головановым...

Я достал свежий номер “Комсомолки” – интервью с Г. К. Жуковым. Корреспондент В. Песков задает вопрос: “Не было ли опасным держать управление решающим сражением так близко от фронта?” Речь идет о штабе Западного фронта в деревне Перхушково во время Московской битвы. Жуков отвечает: “Риск был. Ставка мне говорила об этом. Да и сам я разве не понимал? Но я хорошо понимал и другое: оттяни штаб фронта – вслед за ним оттянутся штабы армейские, дивизионные. А этого допустить было нельзя”.

– Врет! – резко сказал Голованов и отбросил газету на скамейку электрички... – Я был свидетелем телефонного разговора Сталина с членом Военного совета ВВС Западного фронта генералом Степановым – тот поставил этот вопрос перед Сталиным по поручению командования фронтом. Сталин ответил: “Возьмите лопаты и копайте себе могилы. Штаб Западного фронта останется в Перхушково, а я останусь в Москве. До свиданья”. Кроме Сталина, об этом знают Василевский и Штеменко. Жуков есть Жуков, но факт есть факт. А при встрече скажет, что либо такого не было, либо корреспондент не так написал, – усмехнулся Голованов».

Насчет корреспондентов Александр Евгеньевич очень точно заметил. За годы работы в «Красной звезде» и редактором военных мемуаров мне не раз приходилось сталкиваться с подобной сменой у пятизвездочных шишек своих, скажем так, настроений. Заняв место, кто на пьедестале, а кто на пьедестальчике, уже неохота спускаться с него, и понятия чести, простой человеческой порядочности с легкостью игривых гимназисток отступают...

А Сталин, между тем, не раз выезжал на фронт. В сентябре он осматривал Можайско-Звенигородскую линию обороны. В октябре в 1-й армии Рокоссовского знакомился с боевой работой «катюш».

«На фронте был неписанный закон: после залпа сразу меняй место, ибо последует артудар, налет авиации противника, – вспоминал охранник

Сталина Алексей Трофимович Рыбин. – Была осенняя распутица, и “паккард” Сталина сел на брюхо. Реактивные установки после пуска тут же ушли, а мы застряли. Сталин пересел в 8-цилиндровый “форд”, “паккард” подцепили танком и устремились к шоссе. Но уже начался артобстрел, потом авианалет. Правда, недолго. Знали бы фашисты, кого упустили...

Сталин отправился в село Лупиха на Волоколамке, где находился фронтовой госпиталь, встретился с ранеными, вышедшими из боя. Бойцы прямо-таки опешили, когда в палате увидели вождя. Иосиф Виссарионович поздоровался, присел на табуретку и начал расспрашивать, чем на сегодняшний день силен немец, в чем его слабость. Немец уже не тот, убеждали бойцы, уже в тряпки кутается, каблуками стучит от холода, гонор пооблетел... И кто-то вдруг предложил: вот бы, товарищ Сталин, сейчас по ним вдарить всей силой, Сталин впервые, наверное, с начала войны улыбнулся: “Мы ваше пожелание, товарищ, выполним”».

15 октября. Обстановка на подступах к столице обостряется. В наркомате путей сообщения мечется Лазарь Каганович. Он говорит, что Москву могут захватить внезапно и приказывает: «Метрополитен закрыть! Подготовить за три часа предложения по его уничтожению. Разрушить объекты любым способом. Что нельзя эвакуировать – сломать, уничтожить!»

А. Рыбин (он же охранник Большого театра) тоже передает обстановку того дня: «Берия с Щербаковым собрали в НКВД первых секретарей райкомов. Берия лживо заявил:

– Немецкие танки уже в Одинцово. Связь с фронтом прервана. По решению ГКО необходимо заминировать все крупные заводы и важные объекты. Оставьте по пятьсот человек от района для защиты Москвы. Детей и стариков ночью эвакуируйте. Раздайте все продукты населению, чтобы не достались врагу.

Наш театр и ближнюю дачу немедленно заминировали. В городе начались беспорядки, подогретые слухами, будто Сталин уехал на Калининский фронт или куда-то еще подальше...

Где же он был в ту роковую ночь? Шофер Митрюхин помнит, что из Кремля Сталин хотел ехать на ближнюю дачу. Румянцев начал его отго-

варивать под предлогом будто там уже сняты шторы, отвернуты краны, выключено отопление и тому подобное. Но Сталин все равно приказал ехать. Ворота были уже на запоре. Орлов с той стороны доложил обстановку. С досадой крикнув, Сталин сказал:

– Сейчас же все разминируйте.

Пришлось Орлову отпирать ворота и топить печку в маленьком домике, где тоже имелась кремлевская вертушка. Пока Сталин разговаривал с командующими, прибывшие саперы разминировали основной дом.

А в городе паника! Первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков, чтобы успокоить население, выступил по радио, сказав, что Сталин в Москве, что надо будет драться и отстаивать родную столицу до последней капли крови. Чтобы яснее представить, как в середине октября жила Москва, приведу несколько малоизвестных свидетельств и ранее недоступных документов.

В свое время я служил в Германии – сначала летчиком гвардейского истребительного полка, потом спецкором военной газеты «Красная звезда». Мой корреспондентский пункт находился неподалеку от городка Цоссен, где в 20-х годах встречались два больших русских поэта Андрей Белый и Марина Цветаева. Муж Марины Ивановны после революции оказался в эмиграции, вот к нему и добиралась она через Германию.

Потом я узнал, что сын Цветаевой Георгий Эфрон (это его фамилия по отцу. – С. Г.) в 1944 году был призван в действующую армию, воевал, но дальнейшая его судьба оставалась неизвестной. Ходили слухи, что он удрал к фашистам или – еще желательнее для пропаганды демократов – будто его расстреляли в штрафном батальоне! Долгий журналистский поиск – работа в архивах, переписка с однополчанами Георгия – полностью восстановили место и время его последнего боя и привели к могиле «неизвестного солдата».

По документам военкомата это оказалось местом захоронения сына Цветаевой. Но речь не о том. Я приведу здесь несколько строк из дневника 14-летнего юноши. После смерти матери Георгий из тылового города Чистополь вернулся в Москву и вот передает обстановку октябрьских дней 1941-го.

11 октября. «В Москве открыто говорят о том, как будет, если Гитлер войдет в столицу».

14 октября. «Вчера, зайдя к Кочетову, узнал, что весь Союз писателей эвакуируется в Ташкент, и решил на свой страх и риск эвакуироваться с ним».

15 октября. «По городу все больше и больше эвакуирующихся или у которых такой вид. Их можно узнать по количеству хлеба на дорогу и по тому, что они нагружены, как ослы».

16 октября. «Сегодняшнее сообщение пахнет разгромом... Это сообщение – худшее за всю войну».

Вечером того же дня. «Положение в Москве абсолютно непонятное. Черт и тот голову сломит: никто ничего не понимает. События, кстати, ускоряются. Каковы же факты трех последних дней? Огромное количество людей уезжает куда глаза глядят, нагруженные мешками, сундуками. Десятки перегруженных вещами грузовиков удирают на полном газу... Коммунисты и евреи покидают город...

Немцы продолжают вносить в бой новые части. Ну вот. Таковы факты. Во всяком случае, в Москве все говорят об очень близкой оккупации Москвы немцами. Недаром бегут коммунисты и евреи, недаром Президиум Союза (писателей. – С. Г.) улепетнул, предусмотрительно захватив деньги с собой...»

Сын Марины Ивановны Цветаевой в июле 1944 года пал смертью храбрых в бою у деревни Друйка Браславского района Витебской области. Там ему установлен памятник.

Еще из дневников свидетелей тех грозных для Москвы октябрьских дней. Пишет журналист Н. Вержбицкий:

16 октября. «Многие заводы закрылись, с рабочими произведен расчет. Много грузовиков с эвакуированными: мешки, чемоданы, ящики, подушки, люди с поднятыми воротниками, закутанные в платки...»

17 октября. «Липка рассказывает: “Сестренка 16-го целый подол конфет притащила и два графина молока. Она на фабрике Моссельпрома работает. Директор сказал: тащите все!..”

В мясوماгазине на Преображенской завы и продавцы тащили домой окорока...

Результат паники и предательства: на заводе Петра Ивановича, который выпускает текстильное оборудование, работа идет, а на заводе Вальки (им. Маленкова), где делают части танков, висит замок...»

Из справки Управления коменданта г. Москвы:

«Используя напряженное положение, вражеские и неустойчивые элементы пытались создать в городе панику. Только за 16–18 октября, по некоторым данным, из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников.

Из 1-го Московского медицинского института бежали директор института Ларин В. В., его заместители Лихачев и Вишневецкий и главный бухгалтер Ионов, захватив из кассы 76 000 руб.

На фабрике № 2 “Большевичка” бежали технорук Волков и начальник цеха Гапкин, похитив из кладовой 160 метров бостона и меховых изделий на сумму 87 000 руб.»

В годы войны все письма проверяла так называемая Военная цензура. Это было в интересах сохранения военной и государственной тайн. Вот под грифом «совершенно секретно» был подготовлен в свое время обзор корреспонденции за две недели, обработанный Военной цензурой Москвы и Московской области, – его обработал майор государственной безопасности Лынько. Из 2 626 507 корреспонденций цензоры конфисковали 3214 писем и частично вычеркнули текст в 30 532 документах. «Просмотренная корреспонденция в абсолютном своем большинстве отражает положительные настроения населения, – сообщает майор госбезопасности. – В 75% обработанных документов замечен особый подъем настроения, вызванный выступлением т. Сталина».

А 25%? Майор Лынько докладывает, что факты отрицательных настроений связаны с подысканием работы, снабжением продуктами и эвакуацией. Так, со станции Голутвин в Ереван М. Тихомирова пишет Г. Антоняну: «Хотели уезжать, просидели сутки на вокзале и пришли обратно – нет поездов. Едут из Москвы одни евреи в электрических вагонах, куда бежать – не знаю...»

Из действующей армии Зайцев Е. в адрес Кирилловой, г. Сухуми, до востребования, пишет: «В Москве не увидишь еврея, все убежали, начиная с больших начальников... Ведь кому-кому, а евреям в первую очередь надо защищать Москву. СССР ведь единственная страна, которая делает им поблажку. Ведь евреев в Москве было процентов до 75 от жителей города, большинство занимали руководящую работу... Наше правительство сделает большую ошибку, если обратно их пустит в Москву...»

Со станции Хотьково В. Горохов пишет на фронт своему другу С. Кутыну: «Евреи эшелонами бегут на север, надеясь, что русский из боя выйдет с победой и они заживут с хозяйской рукой...» На эту же тему письмо москвича Р. Комарова в Куйбышев К. Ильину: «Обидно за евреев. До войны у них и жилплощадь, и все было, а как Москву защищать, так разлетелись. Логически рассуждая, зачем евреев земля держит...»

Из дневника ученого секретаря Комиссии по изучению истории Москвы П. Н. Миллера: «Воскресенье. Утром – 2° и снег, днем – дождь, туман, гололедица, улицы не убраны, лихорадочное движение транспорта, часто пустые грузовики. Народ как шалый бредет во всех направлениях с узлами, чемоданами. Бегут последние остатки евреев. Происходит какая-то “дееврейзация” Москвы. Уехал гл. доктор Боткинской больницы, и служащие избрали директором Очкина, уехал Самосуд (Самуил Абрамович Самосуд – директор Большого театра. – С. Г.), и актеры Большого театра избрали Голованова».

19 октября заседание Государственного Комитета Обороны. Председатель исполкома Моссовета В. П. Пронин вспоминает: «Идем вместе с А. С. Щербаковым по темному и пустынному Кремлю... Слышу громкий, с акцентом голос Берии: “Оставлять следует Москву, иначе передушат нас здесь, как курят”. Пришли на заседание. Сталин ходит хмурый, спрашивает: “Что будем делать с Москвой?” Все молчат. Тогда он говорит: “Я думаю, Москву сдавать нельзя”. Первым подает голос Берия: “Конечно, товарищ Сталин. О чем разговор?” Остальные тоже соглашались. Сталин, обращаясь к Маленкову: “Пиши постановление о введении в Москве осадного положения”. Затем через несколько минут спрашивает: “Написал? Читай!” Маленков зачитывает свой текст. Сталин раздра-

женно бросает: “Мальчишка, тебе только волостным писарем работать”. И к Щербакову: “Пиши, что я буду говорить”». Так появилось знаменитое постановление о введении с 20 октября в Москве и прилегающих районах осадного положения.

В постановлении за подписью Сталина говорилось:

«Оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100–200 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах...

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение...

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».

...Но пока еще Москву бомбили немцы. В бомбардировках Москвы прямым попаданием полутонной бомбы почти полностью был разрушен театр имени Евг. Вахтангова. Сгорела Книжная палата на улице Чайковского, досталось и консерватории имени Чайковского. Три фугаски ударили по Третьяковской галерее, четырежды бомбили Музей изобразительных искусств. Чудом как-то спасли музей-усадьбу Льва Толстого, куда бросили 34 «зажигалки»! А вот взрывом 1000-килограммовой бомбы полностью были разрушены и повреждены около двух десятков зданий на Овчинниковской набережной. Такая же 1000-килограммовая фугаска рванула у Никитских ворот, напротив памятника Тимирязеву, да так рванула, что воронка получилась около десяти метров глубиной. Памятник Тимирязеву снесло взрывной волной и разбило. Полуразрушены были ближайшие здания, скручены трамвайные рельсы... К утру памятник ученому стоял на месте. Воронку засыпали. Трамвайные линии заменили новыми. В официальных отчетах это называлось «ликвидацией очагов поражения».

К таким очагам относились заводы «Динамо», «Серп и Молот», ГПЗ-1, фабрика «Парижская коммуна», Всесоюзная строительная выставка, издательство газет «Правда», «Известия», Большой театр, Мо-

сковский государственный университет, улица Горького. 15 фугасных и несколько зажигательных бомб упали на территорию Кремля, дважды – на здание Арсенала. При этом погибло около 100 красноармейцев Кремлевского гарнизона!

С середины октября немцы налетали на Москву уже не только ночью, но и днем – по 4–5 налетов в сутки, при этом не только бомбили, но и обстреливали город из пулеметов.

Вот что рассказал о тех днях генерал И. И. Лисов, бывший заместитель командующего воздушно-десантными войсками, тогда сотрудник разведотдела этих войск: «До Арбата, помню, мы шли по Кировской, площади Дзержинского, мимо Центрального военторга и видели суровую картину, как Москва готовилась к защите. При подходе к кинотеатру “Художественный” нам довелось почувствовать близость гитлеровцев – два их самолета шли на бреющем полете от Кропоткинских ворот и вели плотный огонь по людям вдоль Малого Садового кольца. Мы пережили обстрел, прижимаясь к домам и подворотням, а по кольцу уже неслись санитарные машины, где-то рядом они были нужны пострадавшим людям...

Воздушные налеты на Москву начались в ночь на 22 июля и продолжались до апреля 1942-го. Всего было совершено 125 налетов. К городу прорвалось 338 бомбардировщиков. В результате бомбардировок было разрушено и повреждено 1567 жилых домов, промышленных и культурно-просветительных объектов, пострадало 7708 человек, в том числе 2196 – погибли...»

Тут следует заметить еще одну малоизвестную деталь октября 41-го. Под треск пулеметных очередей «мессершмиттов» почти весь состав Политбюро рванул за Волгу. Упорно отказывался бросить столицу один Сталин. Маленков и Берия подтолкнули Хрущева, чтобы он предложил ему в целях безопасности покинуть Москву. Охранник А. Т. Рыбин помнит, как Сталин молча взял Никиту под руку и вывел, «точнее – выставил из кабинета». Командующий истребительной авиации ПВО Н. Сбытов рассказывал мне, как Сталин среагировал и на предложение начальника авиации

генерала Жигарева покинуть Москву на самолете, который уже стоял на Красной площади в готовности к отлету. Узнав об этом, Сталин еще более резко отверг замысел услужливой кремлевской рати:

– Пусть Жигарев улетает в любую сторону. Я останусь здесь до последнего!..

Также и шофер А. Кравченко вспоминает ответ Иосифа Виссарионовича по этому поводу:

– Остаюсь в Москве с русским народом...

Тогда в осажденном городе были приняты все меры по обеспечению обороны каждой улицы и каждого дома. Москвичи сооружали баррикады, противотанковые заграждения, укрепления. Оставшиеся в городе машиностроительные заводы превратились в мощный арсенал фронта. Они выпускали танки, самоходные пушки, артиллерийские тягачи. Кроме того, армия получала от московских рабочих снаряды, мины, бомбы, взрыватели.

Не прекращала свою деятельность научная и культурная жизнь столицы. Ученые Московского высшего технического училища им. Баумана установили тесную связь с оборонной промышленностью, разрабатывали новые технологии производства вооружений, боеприпасов. Учебные мастерские МВТУ превратились в цеха военных заводов. В городе работали все кинотеатры, два самых стойких театра – имени Ленсовета и Станиславского и Немировича-Данченко.

«В филиале Большого театра на Пушкинской площади, – вспоминал А. Т. Рыбин, – состоялся необыкновенный концерт артистов оперы и балета. Начался он в час дня. Трижды прерывался из-за воздушных тревог, во время которых тенор Ф. Бобков прямо в сценическом костюме поднимался на крышу и вместе с дежурными тушил зажигалки. А завершился концерт в шесть вечера. От имени присутствующих и отсутствующих фронтовиков артистов горячо поблагодарил командующий 15-й армией генерал Рокоссовский» (<http://detectivebooks.ru/book/27137829/?page=14>).

С наступлением морозов на Пионерских прудах (ныне Патриаршие пруды. – С. Г.) открылся каток. В городе повсюду торговали мороженым.

И вот что сообщал о положении в русской столице Бюллетень германской полиции безопасности:

«Работают все виды транспорта, за исключением автомобильного и такси. Театры и кино открыты, жизнь в Москве в своем внешнем проявлении вообще не очень отличается от довоенной». Бюллетень не без оснований счел нужным сообщить и следующее: «Все сохранившиеся храмы открыты, их посещает много народа. Регулярно проводятся богослужения, в которых звучат молитвы о свободе русской земли». И вывод: «В общем, мысль о падении Москвы больше не допускается».

Однако что произошло в Москве в начале ноября 1941 года? Что вызвало, как заметил в обзоре писем майор государственной безопасности Лынько, положительное настроение населения?

Так вот, 6 ноября на станции метро «Пл. Маяковская» состоялось торжественное заседание Московского Совета. Там, в вестибюле, собрались партийные и советские работники, военные, рабочие, и все кого-то ждали. Наконец, к платформе станции тихо подошел поезд метрополитена. Он доставил на заседание членов правительства, и ровно в 7 часов 30 минут председатель Моссовета объявил, что слово предоставляется товарищу Сталину. Все замерли. Спокойным глуховатым голосом Сталин начал доклад.

Здесь нет необходимости приводить текст того поистине исторического выступления. При желании его можно отыскать в библиотеках: Хрущев не все уничтожил, а нынешние борцы со «сталинизмом» в общественном сознании масс рады бы вообще не вспоминать о Сталине, да не получается. Из песни-то слова не выкинешь! Приведу отзывы людей поколения победителей в Великой войне – что они думали, о чем говорили тогда, после торжественного заседания в Московском метрополитене 6 ноября 1941 года.

Работник завода СВАРЗ П. Барков: «Помню, что выехал я за два часа до начала заседания. Но едва отъехал от завода, как загудели сирены. Воздушная тревога! Раздумывать не приходилось. Я направился пешком через пол-Москвы... Незаметно дошел до места заседания. И вот я там...

Вдруг зал затрясся от аплодисментов, от гула и крика. Это на сцену поднялись т. Сталин и его соратники. Не могу выразить словами нашу радость. Как мальчишки, мы вскакивали на стулья, хлопали, кричали “ура”. Но радость стала еще большей, когда т. Пронин предоставил слово т. Сталину.

Долго не могла утихнуть овация. Товарищ Сталин качал головой и с улыбкой показывал на часы. А по залу минут десять, как волны, бушевали наши аплодисменты. Но вот зал затих... Мы все превратились в слух, во внимание. Спокойно, твердо и проникновенно прозвучали слова вождя.

Что было самым главным в этом докладе? Прямота, суровая правда. Сталин не приукрашивал положения. Он говорил о том, что было в жизни. И от этих его спокойных слов, от ясности мысли и глубины анализа становилось как-то ясно на душе, просто и понятно. Через весь доклад проходила мысль о грозной опасности, о неумолимом, жестоком и сильном враге, который рвется к сердцу страны. И, несмотря на это, чем дольше я слушал, тем больше росла уверенность в нашей победе» (<http://vpravda.ru/statii/978-parad41.html>).

Из записи беседы с начальником политотдела Киевской железной дороги Д. Никоновым: «Появление товарища Сталина, его доклад так воодушевили всех нас, такое состояние было у меня лично, что каждый из присутствующих на торжественном заседании готов был отсюда с винтовкой в руках идти на фронт... Когда выходили с торжественного заседания, то совсем иные были лица – уверенные, спокойные. Я, например, сам не заметил того, как пешком прошел от станции метро «Маяковская» до Киевского вокзала, шел, как на крыльях, под этим впечатлением. Был морозный вечер. Я ничего не чувствовал, есть мороз или нет» (<http://www.proza.ru/2015/02/12/2130>).

Известный в стране кинорежиссер С. Эйзенштейн речь Сталина слушал по радио в далекой Алма-Ате: «Голос ясный и ровный. Иногда иронический, когда он говорит о льве и котенке. Иногда строгий, когда он призывает к выдержке. Иногда скорбный, когда он говорит о потерях и жертвах. Голос, полный уверенности, когда он говорит о грядущей

победе. Голос гневный, когда зовет свой народ к уничтожению гнусного врага. Голос Сталина...

И под словами радость ощущения: Сталин и Москва с нами. Тысяч километров не стало. Мы рядом. Мы вместе. И подобно тому, как здесь преодолено пространство, так же будет преодолено время. Тяжкое время тяжелых страданий и войны... Много дней испытаний впереди. Много потребуется от фронта. Много потребуется от тыла. Еще больше потребуется от непоколебимости народного сознания. Снова и снова светочем к верному пути для достижения победы будут сверкать слова Сталина, сказанные им в незабываемый день 6 ноября 1941 года» (<http://www.sovross.ru/articles/407/6689>).

А вот письмо из обзора майора госбезопасности Лынько: «Слушали товарища Сталина и, знаешь, при всей трудности и грозности нашего положения, при неизбежности еще очень и очень тяжелых дней стало как-то легко, когда раздался голос товарища Сталина. Он особенно успокоительно действует: при мысли, что с нами в Москве Сталин, сделалось легко и не так страшно». Письмо это полевой почтой отправил москвич В. Хаст другу Л. Попову. Из 2 626 507 писем, обработанных Военной цензурой, 75 % были именно такие – письма народа, сражающегося за свободу и независимость своей Родины.

Утром следующего дня на Красной площади состоялся парад войск. Москву затянуло низкой облачностью, пошел снег. Подморозило. И вот за несколько минут до 8.00 в уличных репродукторах слышалось раскатистое: «Говорят все радиостанции Советского Союза... Центральная радиостанция Москвы начинает передачу с Красной площади парада частей Красной Армии...»

В 8 часов на трибуну Мавзолея поднялся Сталин. Как вспоминал потом секретарь МК ВКП(б) Б. Н. Черноусов, он «был в хорошем настроении, прохаживаясь, подошел к нам и сказал, показывая на небо:

– Везет большевикам...

Плохая погода действительно исключала налет вражеской авиации, и парад состоялся. Принимал его маршал Буденный. Объезд войск занял

5 минут. А затем от имени Центрального Комитета партии и Советского правительства выступил Сталин. “На вас смотрят поработанные народы Европы... как на освободителей, – не громко, но твердо звучал его голос. – Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии. Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая, – на весь мир звучали исторические слова, сказанные Сталиным. – Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших предков – Александра Невского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!...”

Можно ли представить подобную речь, исходящую от Троцкого или Тухачевского?.. Даже из уст Молотова нельзя. А Сталин ее произнес.

Выдающийся полководец Великой Отечественной войны маршал К. К. Рокоссовский как-то вспоминал разговор со Сталиным, который у него состоялся вскоре после того парада. Константин Константинович признался, что верит в предчувствия и припомнил деревню Акулово, где стоял его штаб, ясную морозную ночь... «Я шел по деревне мимо домов. Была абсолютная тишина. Я невольно посмотрел в сторону немцев. Там стояла такая же тишина. И вдруг я почувствовал, что мы победили. Я почувствовал, что город спасен. Я повернул обратно и вошел в избу. В это время звонок по телефону. Подхожу. “Вы генерал Рокоссовский?” – “Да, я, Иосиф Виссарионович”. Слышу спокойный голос, спокойный, как и эта ночь. “Ну, как у вас дела?” – “Ничего, Иосиф Виссарионович, все хорошо”. – “Вам нужны подкрепления?” – “Хотелось бы”. – “Я могу послать только один полк. Больше ничего нет сейчас. Можете продержаться?” – “Сделаем”. – “Спокойной ночи”. – “Спокойной ночи”.

Этот разговор меня успокоил совершенно. Через два часа на машинах был доставлен полк... Второй разговор с Иосифом Виссарионовичем, когда он мне прислал дивизию, был такой же краткий и кончился словами: “Ну, видите, я вам говорил, что все будет хорошо. Так оно и вышло”. – “Да, собственно говоря, Иосиф Виссарионович, я и не боялся”. – “Я тоже так думаю”.

И начался отход немцев...»

P.S.

Когда читаешь такие идущие от сердца строки, какими жалкими становятся потуги облаканных властью киношников, нелепыми «откровения» доморощенных историков о былой войне, всемирно признанной роли в ней Иосифа Виссарионовича Сталина. Тот же член Ставки Г. К. Жуков, которого наши демократы селятся противопоставить Сталину, писал в «Воспоминаниях и размышлениях»: «И. В. Сталин был все это время в Москве, организуя силы и средства для разгрома... Своей жесткой требовательностью он добивался, можно сказать, почти невозможного... В битве под Москвой была заложена прочная основа для последующего разгрома фашистской Германии».

Не случайно зимой 1942 года в Нью-Йорке и лорд Уильям Бивербрук чрезвычайно высоко оценил деятельность Сталина: «Коммунизм при Сталине завоевал аплодисменты и восхищение всех западных наций. Коммунизм при Сталине дал нам примеры патриотизма, которым трудно найти аналоги в истории. Коммунизм при Сталине дал миру самых лучших генералов. Преследование национальностей? Совсем нет. Евреи живут там так же, как и все остальные. Политические репрессии? Да, конечно. Но теперь уже ясно, что те, кого расстреляли, предали бы Россию немцам». Вот ведь что. Лорд говорил, а не эстрадный хохмач, замахнувшийся на роль Сталина.

Об оценке союзниками по войне победы советских войск под Москвой и роли Сталина передовой отряд нашей интеллигенции вообще молчит. Напомним, что писал 16 декабря 1941 года Сталину премьер-министр Великобритании У. Черчилль: «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о Ваших замечательных победах на русском фронте. Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны».

Президент США Ф. Рузвельт так прокомментировал успешное контрнаступление Красной Армии: «На европейском фронте наиболее важным событием за последний год было сокрушительное наступление великих армий России против мощной германской армии. Русские армии уничтожили и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов – войск, самолетов, танков, орудий, чем все другие объединенные страны, вместе взятые».

А вот что высказал 20 января 1941 года по лондонскому радио председатель Национального комитета «Свободной Франции» генерал Шарль де Голль: «Сегодня для Германии война на Восточном фронте – это лишь занесенные снегом кладбища, нескончаемые эшелоны раненых, внезапная смерть генералов. Конечно, не следует думать, что с военной мощью врага уже покончено.

Однако нет никакого сомнения в том, что он потерпел одно из самых страшных поражений, какие когда-либо знала история.

В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, солнце русской славы восходит к зениту. Весь мир убеждается, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим...»

И еще о Сталине сэр Черчилль: «Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив и здоров. Только Сталин может спасти мир!»

СТАЛИН И ЕГО ГЕНЕРАЛЫ

С «перестройкой и перестрелкой» на Святой Руси у историков-самочуек от российской демократии взгляд на войну изменился так, что даже наш бывший противник – немцы – от удивления руками разводят.

Из Берлина я как-то получил письмо от знакомого по совместным учениям братских армий военного корреспондента майора М. Отто. 19-летним пилотягой он летал в 41-м бомбить Крым. Там его «Юнкерс» сбили наши зенитки, парень уже тонул в Черном море, но его спасли русские моряки – вытащили из воды за шиворот. Отсидел Отто у нас в плену, вернулся домой и, приняв сердцем новую жизнь, справедливый строй рабоче-крестьянской республики, верой и правдой стал служить новой Германии.

Что произошло потом, миру известно. Первый коммунист нашей страны Горби получил своего – от кого! – Нобеля. А мой приятель, военный корреспондент газеты «Volksarmee», с болью в сердце и горькой иронией писал: «Про-предали нас!.. Хорошо, что снова в плен не взяли...»

Между тем за этими словами скрывалась горькая правда. Германская Демократическая Республика перестала существовать, на части растащили и Советский Союз, и тогда к нам из Америки поперли всякие советники, авантюристы, контрольные комиссии по разоружению нашей армии. При премьерере Черномырдине широко развернул свою просветительскую деятельность финансовый делец дядюшка Сорос. Огромными тиражами он выпускал для наших ребят учебники. Отпечатанные на пре-

красной бумаге, с картинками да еще и бесплатные, книжки те были как мины замедленного действия. Они разрушали лучшее в мире наше отечественное образование. По книжкам Сороса войну выиграли американцы. Историческим битвам Красной Армии, подвигу нашего народа, мужеству и героизму русского солдата финансовый спекулянт отвел лишь пару абзацев. Читай, мол, Ванятка, как твой дед, прошедший от Волги до Берлина, ждал, когда мы, союзнички, второй фронт откроем. Открыли. Летом 1944 года – это когда советские войска уже освобождали Европу.

Да что Сорос! К 60-летию Великой Победы старики-ветераны просили российского президента вернуть городу, известному во всем мире своей исторической битвой, его прежнее, дохрущевское, название – Сталинград! Не внял президент просьбам старых солдат... А вот и результат: один наш пацан на вопрос, кто такой генерал Багратион, почесал репу и задумчиво так протянул: «Кажись, участник Сталинградской битвы...»

«Пацанам», как этот, нынче уже лет 30. Сталина они, конечно, представляют по Хазанову, кинуху смотрели. А вот один англичанин в свое время прямо сказал: «Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив и здоров. Только Сталин может спасти мир!» Фамилия его Черчилль. Да, премьер Великобритании сэр Уинстон Черчилль. Сказал он так на встрече представителей союзнических держав в 1943 году в Тегеране. И позже, когда Сталина уже не было, Черчилль говорил о нем как о выдающемся государственном деятеле и полководце.

Скажут, а не расстреляли бы в конце 30-х годов Тухачевского с генералами – не было бы потерь в начале войны. Ну, конечно, залезла бы вся Красная Армия в танкетки маршала Тухачевского – и сразу туда, в Берлин, рейхстаг брать! О «пятой колонне», рвущихся к власти заговорщиках наши либералы говорят как о невинных овечках, которых серый волк задрал. А вот что по этому поводу говорила жена Молотова Полина Семеновна Жемчужина (Карповская Перл). В свое время нарком, она была арестована и осуждена в 1949 году за связи с сионистской организацией. За такой поворот судьбы жена министра иностранных дел, казалось бы, могла затаить на Сталина не самые лучшие чувства. Ан нет.

Отсидев в местах не столь отдаленных, Жемчужина не ожесточилась, и дочь Иосифа Виссарионовича Светлана Аллилуева вспоминала потом откровенные беседы с ней. «Полина говорила мне: “Твой отец был гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну, и, когда началась война – партия и народ были едины. Теперь больше нет революционного духа, везде оппортунизм”» (*Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. «Сорех Establishment», 1967*).

«Заслуга Сталина в том, что он сам выдвинул в начале войны целую плеяду блестящих полководцев, таких как Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, Воронов. Позже к ним добавились Ватутин, Ерёменко, Малиновский, Мерецков, Черняховский и другие...

Сталин был непревзойденным Верховным Главнокомандующим. Его самые талантливые генералы – Жуков, Рокоссовский, Конев и другие, которые сами по себе были выдающимися полководцами среди военачальников всех стран, вовлеченных в войну, – непререкаемо воспринимали его авторитет. Он превосходил их не только положением, но и силой характера и интеллекта. Он внушал глубочайшее уважение.

Умный, наблюдательный и честный, он умел находить и ценить в своих офицерах нужные качества», – это мнение англичанина Яна Грэя – историка, известного не только в Англии (*Ян Грэй. Сталин. Человек истории. http://thelib.ru/books/grey_yan/stalin_chelovek_istorii-read-15.html*). Кремлевские установки, начиная с Хрущева, – что да как говорить о Сталине, – ему были до фонаря. Так что взгляд чужеземца-англичанина куда как ценнее обработанных пропагандой суждений отдельных наших соотечественников.

А теперь слово тем самым офицерам, которые лично знали Сталина, работали с ним в самые трудные для нашей Родины годы испытаний на прочность общественного строя, с кем шли к Великой Победе.

В. Грабин, генерал-полковник технических войск, конструктор знаменитой 76-миллиметровой пушки: «Он душевный был человек, он заботился о людях, Сталин. Хрущев сказал, что мы не готовились к войне. А я все свои пушки сделал до войны. Но если бы послушали Тухачев-

ского, то их бы не было... Я попросил Тухачевского выставить на смотре пушку. Тот наотрез отказался. Тогда я сказал, что заявлю в Политбюро. Эта пушка оказалась самой лучшей в войну. Сталин сказал 1 января 1942 года: “Ваша пушка спасла Россию...”»

Н. Яковлев, маршал артиллерии: «Слово Верховного было законом. В первый год войны я часто, почти каждый день вызывался в Ставку и убеждался в безукоснительном выполнении всеми его указаний. В разговоре с ним можно было приводить доводы в обоснование своих предложений. Можно было просить согласиться с тем, что можно выполнить, и не соглашаться, если Сталин иногда настаивал на невозможном. Твердо, не отступая перед острым в случае необходимости спором, всегда отстаивал перед Сталиным свою точку зрения нарком вооружений Д. Ф. Устинов.

Работу в Ставке отличала простота, интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, разговоры вполголоса. Сталин не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку...»

К. Мерецков, маршал Советского Союза: «И. В. Сталин высоко ставил откровенность и прямоту».

А. Василевский, маршал Советского Союза: «Неправильны утверждения, что он не переносил советов других и игнорировал их. От нас, военачальников, работавших во время войны под непосредственным его руководством, от командующих фронтами он всегда требовал оценки происходящих на фронте событий и предложений по ним и строго взыскивал с каждого из нас при малейшем нарушении этих требований.

“Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 мин. 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесения об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки. Я давно уже обязал Вас как уполномоченного Ставки обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения...”

Так начиналось полученное мною 17 августа 1943 г. и запомнившееся мне по сей день послание И. В. Сталина».

А. Голованов, Главный маршал авиации: «А с Василевским у него была интересная история. Мне Александр Михайлович рассказывал, как Сталин пригласил и стал расспрашивать о родителях. А у него отец – сельский священник, и Василевский с ним не поддерживал отношений. “Нехорошо забывать родителей, – сказал Сталин. – А вы, между прочим, долго со мной не расплатитесь!” – подошел к сейфу и достал пачку квитанций почтовых переводов. Оказывается, Сталин регулярно посылал деньги отцу Василевского, а старик думал, что это от сына. “Я не знал, что и сказать”, – говорит Василевский».

И. Баграмян, маршал Советского Союза: «Из Кремля я вернулся весь во власти новых впечатлений. Я понял, что во главе наших Вооруженных Сил стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник. Во время обсуждения предложений командующих Верховный был немногословен. Он больше слушал, изредка задавал короткие, точно сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, названия населенных пунктов, меткие выражения. Сталин был предельно собран».

А. Яковлев, генерал-полковник авиации, авиаконструктор: «Во время войны я заметил в Сталине такую особенность: если дела на фронте хороши – он сердит, требователен и суров; когда неприятности – он шутит, смеется, становится покладистым. В первые месяцы войны мы находились под впечатлением неудач, наши войска отступали, всем было очень тяжело. Сталин никогда не показывал вида, что ему тяжело. Я никогда не замечал у него растерянности, наоборот, казалось, что настроение у него бодрое, отношение к людям терпимое. Он понимал, видимо, что в такие моменты людей нужно поддержать, подбодрить.

Одно время, до войны, любили у нас писать и говорить о “непобедимой Красной Армии”. Сталин заметил:

– Неверно называть какую бы то ни было армию непобедимой. История не знает непобедимых армий. Армия может быть победоносной...

Во время войны Сталин не мог спокойно слышать о фактах безразличного отношения командиров к нуждам бойцов. Однажды, выслушав доклад нескольких высших командиров, прибывших с фронта, и узнав о плохом подвозе питания и обмундирования для солдат, Сталин вспылал и с возмущением сказал:

– Стыдно! Вы – коммунисты! Смотрите, – он кивнул на висевшие у него в кабинете в золотых рамах портреты Суворова и Кутузова, – дворяне, помещики Кутузов, Суворов проявляли больше заботы о своих солдатах, больше знали своего солдата, больше любили его, чем вы, советские командиры-коммунисты.

И те, кому был брошен этот упрек, и мы, присутствовавшие при разговоре, почувствовали справедливость его слов.

...Как-то поздно ночью после затянувшегося делового разговора Сталин пригласил всех присутствовавших к себе домой поужинать.

– На сегодня, кажется, хватит, – сказал он. – Не знаю, как другие, а я проголодался. Специально никого не приглашаю, чтобы это не приняли как обязательное и обременительное, а кто хочет поужинать, прошу!..

Ужин, или, как говорил Сталин, обед, по существу, являлся продолжением совещания, начатого в кабинете. Но разговор шел как-то свободнее, чередовался обменом мнениями на самые разнообразные темы: политические, международные, по вопросам техники, литературы, искусства...

Я обратил внимание на такую реплику:

– У каждого есть недостатки и промахи в работе, святых людей нет. Поэтому с маленькими недостатками в работе каждого надо мириться. Важно, чтобы баланс был положительный. Вы думаете, у вас нет недостатков? – дотронулся он рукой до моего плеча. – И у вас есть. И у меня тоже есть недостатки, хотя я – “великий вождь и учитель”. Это мне из газет известно, – пошутил Сталин...

После арестов в 1937–1938 годах с кадрами было нелегко. Однажды Сталин дома за ужином сам заговорил о том, что во всех областях не хватает хороших работников.

– Ежов мерзавец! Погубил наши лучшие кадры. Разложившийся человек. Звонишь ему в наркомат – говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК –

говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом – оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли».

С. Штеменко, генерал армии, начальник Генерального штаба: «Немец стоял под Москвой и рвался к Москве. Особенно тяжелое положение было в направлении Волоколамского шоссе – Западный фронт. В этот период все соединения просили подкрепления. Их у нас не было. Участки обороны мы подкрепляли поротно, даже военные училища мы делили на кусочки. В этот период у Сталина находилось пять полнокровных армий, вооруженных новой техникой. Под Москвой операциями тогда командовал Жуков, и, несмотря на его неоднократные просьбы и мольбы, Сталин не дал ему ни одного батальона и сказал, чтобы он любой ценой продержался. Тогда мы считали, что Сталин допускает ошибку. В декабре месяце, когда немецкие войска были обескровлены, Сталин ввел эти войска в действие. Немец от Москвы был отброшен. Тогда только мы поняли, насколько Сталин велик не только в стратегии, но и в тактике».

А. Шахурин, нарком авиационной промышленности СССР, генерал-полковник-инженер: «Примерно часов в пять-шесть вечера меня вызвали к Сталину. Вхожу в кабинет. Сталин один. На длинном столе, покрытым синим сукном, лежит экземпляр акта испытаний Ту-2.

– Оказывается, хвалят машину. Вы читали?

– Да, читал. Зря сняли самолет с производства. И сколько я упреков от вас получил.

– И все-таки вы неправильно поступили, – вдруг сказал Сталин.

– В чем?

– Вы должны были жаловаться на меня в ЦК.

Сказал и пошел дальше по кабинету, попыхивая трубкой. Это не было шуткой с его стороны. Он говорил вполне серьезно и для того момента, может быть, искренне.

Я промолчал. Никому из нас в голову не могли прийти писать на Сталина в ЦК. В лучшем случае над этим посмеялись бы.

После паузы я заметил:

– На месте эвакуированного завода сейчас восстанавливается завод по производству бомбардировщиков. Это предприятие, конечно, не такое крупное, как в Сибири, но наладить выпуск Ту-2 можно.

Сталин отозвался:

– Хорошо, готовьте решение.

Туполевский бомбардировщик начали выпускать. За годы войны удалось сделать около 800 машин.

Со Сталиным можно было спорить, как я уже говорил, по практическим вопросам хозяйственной деятельности, доказывать нецелесообразность того или иного мероприятия, даже предложенного им, и спорить настойчиво».

Из беседы Ф. Чуева с Г. Жуковым: «К моему глубокому сожалению, мои личные отношения со Сталиным не сложились. Но он уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум.

Подумав немного, Жуков добавил:

– Сталин меня снимал, понижал в должности, но попробуй меня кто-нибудь при Сталине обидь – Сталин за меня голову оторвет!»

Н. Воронов, Главный маршал артиллерии: «Мне довелось много общаться со Сталиным в различной обстановке – в Ставке, на его даче и квартире, а также однажды в боевых условиях на Западном фронте. Я стал встречаться с ним начиная с 1937 года, с назначением меня начальником артиллерии Красной Армии. Он производил благоприятное впечатление своей начитанностью... Или вдруг увлеченно начинал рассказывать историю возникновения государства Тевтонского ордена – в дальнейшем Ливонии, на протяжении долгого времени угрожавшей Древней Руси, при этом замечая, что нашим академикам-историографам предстоит еще много попотеть над ее “белыми пятнами”. Мне импонировали его здравые суждения и четкость в определении насущных проблем, включая артиллерийские, его стремление детально вникнуть в нужды артиллерии

и оказать ей посильную помощь. Он любил повторять наполеоновское выражение: “Артиллерия – бог войны”».

Из всех советских военачальников и полководцев только Бориса Михайловича Шапошникова и Константина Константиновича Рокоссовского Сталин называл по имени-отчеству. Начальник Генерального штаба Шапошников, царский полковник, еще до Первой мировой войны окончил академию Генштаба. А Рокоссовский в Первую мировую был только младший унтер-офицер. Дело, понятно, не в воинских званиях и не в почтении кавказцев к возрасту. Маршал Жуков всего на 20 дней старше Рокоссовского, а так и остался для Сталина «товарищ Жуков».

Как знать, может, что-то подсказывало Сталину, что Константин Константинович Рокоссовский еще проявит себя и запомнится народу не только как стойкий солдат и талантливый полководец, но как человек чести и высокого гражданского мужества.

Когда Сталина не стало, партийный чинуша Хрущев принялся собирать на него злостные наветы. Не все тогда устояли против натиска волюнтариста, дрогнули даже увенчанные большими звездами воинские начальники. А когда Хрущев обратился к Рокоссовскому – написать на Сталина какую-нибудь пакость, он решительно отказался от подлой затеи «кукурузника»: «Товарищ Сталин для меня святой!»

На следующий день Константин Константинович пришел на работу, а в его кабинете, за его столом уже сидел генерал Москаленко и протягивал решение о снятии Рокоссовского с действующего поста маршала...

СЫНОВЬЯ

Однажды Сталин собрал своих сыновей – Якова, Василия, приемного Артема – сына погибшего друга-революционера Сергеева – и сказал:

– Ребята, скоро война. Вы должны стать военными...

Первым кремлевское подворье оставил Василий. Он решил стать военным летчиком – таким, как Чкалов! И вот Качинская школа пилотов. Василия, как он только прибыл на Качу, разместили не в казарме, а в отдельном домике, гостинице для приезжих. Питаться его определили тоже не с курсантами, а в комсоставской столовой. Узнав об этом, Сталин разгневался, и Василия тут же перевели в казарму – на общие харчи и махорку.

«Здравствуй, дорогой папа!

Большое спасибо за письмо, – писал отцу курсант Сталин. – Я живу хорошо. Занимаюсь много и пока успешно. Товарища себе нашел, некоего Мишу Лепина, очень хорошего и умного парня.

Думаю подать заявление в партию. Придется много готовиться, но ничего, думаю, что примут.

Вообще живем очень хорошо и весело. Приехало новое пополнение курсантов и все из Москвы. Пятнадцать человек. Погода у нас испортилась. Дуют сильные ветры, но пока погода летная, и я летаю.

До свидания, папа.

Твой Вася Сталин.

15.12.38 г. »

Вот несколько строк из аттестации на курсанта Сталина:

«Энергичный, инициативный, настойчивый, принятое решение доводит до конца; требовательный к подчиненным как старшина отряда; внимательный к запросам подчиненных; резковат в обращении иногда в разговорах с вышестоящими командирами. Лично дисциплинированный, может служить примером для других, охотно делится с товарищами своими знаниями. Теоретическая успеваемость отличная. Техника пилотирования отличная. Больше интересуется практическими занятиями по всем предметам, недооценивает теоретическую часть их. Хорошо усвоил полеты в закрытой кабине и штурманские, отлично летает строем. Летать любит, но недостаточно тщательно готовится к полетам, необходим контроль за подготовкой к полетам. Физически развит хорошо. Строевая подготовка отличная.

По личным и летным качествам может быть использован в истребительной части как летчик-истребитель и достоин присвоения воинского звания “лейтенант”, так как все предметы и технику пилотирования сдал на “отлично”.

Инструктор-летчик капитан (Маренков)».

В документе полагалась и подпись выпускника. Написано: «Аттестацию читал В. Сталин.

21 марта 1940 г.»

В этот день Василию исполнилось 19 лет.

Слушателем артиллерийской академии становится Яков. В артучилище поступает и Артем Сергеев.

«Здравствуйте все! То есть Степа, Володя, Леша, Ваню и Серго, – обращается он к куче сыновей кремлевской шишки Анастаса Микояна и совсем по-мальчишески делится своим огорчением: – Я по-прежнему в артучилище. Сижу да дрожу, как бы не получить по какому-нибудь немецкому “пару”. Врагов товарищи мои в финскую войну всех перебили, а я родился с небольшим запозданием и не поспел. Но я не унываю. Думаю, и мне достанется взять какого-нибудь лорда в “вилочку” и перейти на поражение на срединном прицеле... Учитесь лучше, чтобы потом бить врага умело и беспощадно».

А встречи с врагом и Артему, и Якову, и Василию ждать оставалось совсем недолго. На десятый день войны у реки Березины в неравный бой с танковой лавиной противника вступит командир батареи лейтенант Сергеев. Из 106 бойцов в живых вместе с Артемом останется всего 7 человек. Но задачу свою батареи выполнят с честью – 24 танка навсегда замрут на подступах к Березине...

В районе Витебска 27 июня 1941 года вступит в боевые действия батарея 14-го гаубичного артполка, которой командовал старший лейтенант Яков Джугашвили. В архивах уцелел такой вот наградной лист – представление за боевую работу сына Сталина к ордену Красного Знамени: «В период боев на реке Черногостье 6–7 июля огнем своей батареи подавил огонь одного минометного взвода, уничтожил один пулеметный.

В период боев в районе Вороны 12–13 июля уничтожил огнем своей батареи одну батарею, около роты пехоты противника и два противотанковых орудия.

Тов. Джугашвили представляется к награде орденом “Красного Знамени”.

Командир 14 ГАП майор Балашов.

Комиссар полка Шлапаков».

12 июля полк был брошен с малой горсткой пехоты против в 10 раз превосходящего противника и попал в окружение. Когда стало известно, что командир 6-й батареи Джугашвили в район сосредоточения дивизии не вышел, на поиски его была направлена группа мотоциклистов со старшим политруком Гороховым. У озера Каспия они встретили красноармейца Лопуридзе, который рассказал, как он со старшим лейтенантом Джугашвили выходил из окружения.

15 июля они закопали свои документы, переоделись в гражданскую одежду – Яков остался передохнуть, а Лопуридзе продолжал путь к своим. Мотоциклисты дружно согласились, что искать Джугашвили нет необходимости – он наверняка вернулся в дивизию – и по газам. Сына Сталина никто больше не видел...

16 июля 1941 года Яков оказался в штаб-квартире командующего группы армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока. 18 июля состоялся его первый допрос, а 22 июля о случившемся стало известно руководству страны и Сталину. После Сталинградской битвы в 1943 году через посольство нейтральной страны Сталину передали предложение немецкого командования – обменять его пленного сына на фельдмаршала Паулюса, тоже попавшего в плен. Что сказал Сталин, точно никто не знает, но с тех пор стала расхожей фраза, приписываемая ему как ответ: «Я солдат на маршала не меняю...»

Демократы раскрутили эту тему – и каких только собак не навешали на Верховного главнокомандующего! Но, как все о Сталине ложь, начиная с болтовни Никиты, так и суждения о его отношении к старшему сыну – примитивная пропаганда, рассчитанная на обывателя, Ивана-ду-

рака! Вот что сказал по этому поводу генерал А. Сергеев: «Сталин, говоря тогда о пленных, действительно, отказался обменять своего сына на Паулюса и ответил так: “Там все мои сыновья”».

Сталин не бросил сына на произвол судьбы. Якова, в действительности, пытались вызволить из неволи. Лидер испанских коммунистов Долорес Ибаррури в книге воспоминаний, вышедшей в Барселоне в 1995 году, рассказывает, как в 42-м за линию фронта была заброшена спецгруппа, в которую входил испанец Хосе Парро Мойсе, имевший документы на имя офицера франкистской «Голубой дивизии». Так вот, той группе и предстояло выкрасть сына Сталина. Но операция сорвалась, все участники ее погибли...

Для освобождения Якова Джугашвили из плена тщательно готовилась еще одна группа. Крепкие решительные парни, не за деньги способные выдержать любые испытания, учились стрелять из любого положения, владеть приемами самозащиты, прыгать с парашютом и ориентироваться на местности днем и ночью. Но, кроме того, они отрабатывали на специальном макете действия в расположении концлагеря, в котором, по сведениям разведки, и находился военнопленный Джугашвили.

Все было отработано до совершенства, бойцы знали пароли, места встреч с участвующими в этой операции людьми, и вот в глубоком тылу ночью одиннадцать смельчаков оставили самолет. Собрались все вместе утром. Сориентировались – до концлагеря, где находился «объект», было километров двадцать. Оставалась самая малость – пройти те километры, снять охрану, проникнуть на территорию лагеря и... Но в последние минуты операции выяснилось, что буквально накануне Якова Джугашвили перевели в другой лагерь...

Не все вернулись домой из участников этого бесстрашного броска в тыл врага. Но вот один из них, Иван Леонтьевич Котенев, дожил до наших дней и вспоминает, как «соответствующие начальники», надо полагать имевшие отношение к тому заданию, спросили его, какое вознаграждение желает он получить за участие в операции. Иван Котенев сказал, что мечтает после войны иметь крышу над головой. И добавил: «Если, конечно, останусь жив...»

Иван Леонтьевич остался жив. Он еще много успел сделать для Великой Победы – выручал из окружения Иосифа Броз Тито с его штабом, добывал «лесных братьев». Боевой путь полковника Котенева заслуженно отмечен орденами Красного Знамени, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны и другими наградами. А вот одна награда ему особенно памятна и дорога. Собственно, это и не награда, а просто некая грамота, предъявителя которой советская власть была обязана обеспечить жильем в любом месте Советского Союза, где он пожелал бы жить. Распоряжение то неукоснительно выполнялось даже при властвовании ненавистника Сталина Никиты Хрущева.

Весной 1945 года, в марте, – это уже перед концом войны – Сталин как-то прогуливался с Жуковым и потом предложил (далее из воспоминаний маршала):

«– Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить.

На обратном пути я спросил:

– Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На это вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, он сказал каким-то приглушенным голосом:

– Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Чувствовалось, что он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагивался к еде. Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

– Какая тяжелая война! Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало семей, у которых не погибли близкие...»

Вот ведь как дело-то обстояло, вот правда жизни, а не в домыслах борзописцев, прислужников любой власти, исполнителей установок Кремля – будь то при дуrolоме Никите или при режиме реформаторов-олигархов – о «злodee-отце», который будто только и ждал, как бы расстрелять сына за то, что он попал в плен.



Выступление И. Сталина. 7 ноября 1941 г.

...Весной 1942 года Якова Джугашвили перевели в лагерь XIII-Д в Хаммельбурге. Спустя годы охранник лагеря И. Кауфман не случайно вспоминал сына Сталина. В западногерманской газете «Вильд ам эснтаг» бывший эсэсовец писал: «Сын Сталина выступал в защиту своей страны всякий раз, как представлялся случай. Он был твердо убежден, что русские победят в войне».

Указом от 28 октября 1977 года Президиум Верховного Совета СССР наградил старшего лейтенанта Якова Иосифовича Джугашвили орденом Отечественной войны I степени (посмертно).

На том бы и закончить рассказ о трагической судьбе Якова. Но, думаю, уместно будет передать здесь еще одну версию.

В итальянской печати как-то прошло сообщение о бесстрашном русском офицере – «капитане Монти». По свидетельствам очевидцев, летом 1944 года немцы привезли его в один из концлагерей, расположенных в Италии. Пленный совершил побег из лагеря и добрался до партизан. Это был Яков Джугашвили. Итальянские партизаны стали называть его по-своему – «капитан Монти», и так они ходили на боевые задания.

Вместе с ним в партизанском отряде действовал итальянец Джованни Лиесси. У этого Джованни была красивая сестра Паола. Как-то ночью в дверь дома Лиесси кто-то постучал. Джованни догадался, что это был русский офицер. Стоит ли сомневаться в чувствах, радости любви, охвативших Паолу и капитана Монти...

Но однажды русский с боевого задания не вернулся. 6 февраля 1945 года с двумя партизанами он ушел на разведку. Их группу окружили. И тогда капитан Монти, взмахнув над головой гранатой, крикнул: «Живыми нас не взять!»...

В том же году итальянка Паола родила сына и назвала его Джордже. А после войны она посетила советского консула в Венеции. Паола рассказала о русском военнопленном, бежавшем из лагеря, их сыне, и тогда ей предложили отдать Джордже – отправить в Советский Союз. Сотрудники консульства говорили, что мальчику будут созданы хорошие условия для учебы, что ей не придется ни о чем беспокоиться. Паола отказалась...

Спустя годы в итальянском местечко Рефрентоло можно было встретить прекрасного юношу, по свидетельствам партизан, вылитого капитана Монти. А еще говорят, что он был похож на своего дедушку из России – того, молодого, бескомпромиссного в борьбе скитальца по сибирским ссылкам и тюрьмам – Кобу.

Джордже было семь лет, когда умер Сталин. Мальчика усыновил отчим Ренато Дзамбона. При случае, если будете в Италии, загляните в деревушку Рефрентоло – там вам любой покажет, где встречались Паола и капитан Монти. А еще – место, где русский офицер взорвал себя гранатой за нашу Победу и жизнь, достойную великого народа.

Перед войной и Василий Сталин поступил в военную академию – на командный факультет. Но вскоре оставил уютные академические аудитории – и на аэродром!

– Потом доучусь! Не время наукой заниматься, да и скучно! – откровенно признался он однокурсникам, уже понюхавшим пороху, и отпрашился в Липецк, на курсы усовершенствования авиационных командиров. После курсов Василия Сталина направили в группу летчиков-инспекторов, и война застала его в командировке, в Таллинне. А дальше все происходило, как в ускоренной киносъемке.

Слушателя академии Федора Шинкаренко вызвал дежурный по академии и объявил: «Звонил Сталин. Завтра в девять ноль-ноль быть в штабе ВВС. Машину вам пришлют...» Шутка ли – вызывает сам Сталин!..

В многолюдной приемной начальника Управления ВВС генерала П. Жигарева слушателя академии Шинкаренко вызвали сразу.

– Рапорт на фронт писал? – без долгих вступлений спросил Жигарев.

– Писал.

– Так вот. В Орле формируется 42-й истребительный полк. Срок на формирование – месяц. Если назначим командиром полка, справишься?

Участник войны с финнами, Герой Советского Союза Федор Иванович Шинкаренко без долгих раздумий согласился, но осмотрительно спросил:

– А люди, товарищ генерал? Кто составит костяк полка?

Жигарев кивнул в сторону окна, где стоял Василий Сталин.

– Вот один. Знаком, надеюсь? Остальных надо подбирать.

Шинкаренко понял, кто поднял переполох в академии телефонным звонком, и тут же приступил к делу:

– Разрешите взять несколько инструкторов из Качи?

В прошлом начальник штаба этой старой летной школы, Жигарев согласился:

– Пришлем позже. А сейчас подбирай штаб из слушателей академии. Завтра же вы должны быть в Орле...

Скупые строки фронтовых записей – боевых донесений и оперативных сводок – доносят до нас дыхание огненных лет войны.

...Небо Сталинграда. Здесь летом 42-го немцы просто обнаглели – прилетят к нашему аэродрому и бросают вымпел: «Иван, взлетай. Драться будем!» Тогда Василий Сталин собрал в 434-й истребительный авиаполк качинских инструкторов, опытных воздушных бойцов, воевавших в Испании, с финнами, и показали немцам, как русский Иван умеет драться!

Полком командовал 23-летний командир Иван Клещев. За полтора года войны он одержал 51 победу! И вот в канун нового года с одного из полевых аэродромов Клещев взлетел, чтобы поскорее добраться до Москвы. За бронеспинкой боевой машины Иван пристроил двух гусей, которых достал у крестьян соседней деревушки. Но торопился пилот напрасно. Погода была явно не летная – хмурая облачность опускалась едва не до самой земли. После взлета началось обледенение самолета, и вот утром на аэродром пришел крестьянин и сказал: «Там самолет упал. В кабине летчик и два гуся...»

Боевой коллектив полка, отмеченный гвардейским знаменем, переименовали в 32-й истребительный, направили на Калининский фронт, и командовать им стал Василий Сталин. В начале марта он вылетал на боевые задания почти ежедневно, иной раз выполнял по 3–4 боевых вылета в день. Об этом рассказывают штабные документы и политдонесения. Вот одно из них: «...Исключительную отвагу проявил в воздушном бою

5 марта в районе Коломна Герой Советского Союза гв. капитан Холодов. Патрулировавшие наши 4 самолета, где старшим был тов. Холодов, встретили до 5 Ме-109 гг и 5 ФВ-190. В завязавшемся неравном бою, видя явное превосходство сил противника, после нескольких атак гв. капитан Холодов таранил Ме-109 гг, сам выбросился на парашюте.

В этом же бою, беря пример со своего командира, гв. капитан Коваль пошел на таран и таранил ФВ-190, отрубив ему винтом хвост...» Остается добавить, что в том бою от атаки Василия Сталина один «фоккер» упал в районе Сёмкина Горушка.

Командир полка Сталин гордился своими гвардейцами. В полку было уже 10 Героев Советского Союза – Котов, Луцкий, Орехов, Гарам, Савельев, Хользунов, Федоров, Анискин, Шишкин, Макаров. Только за один 1943 год они сбили 184 самолета противника! Слава о 32-м гвардейском гремела по всем фронтам. И стоит ли говорить, с какой грустью расставался с боевым коллективом его командир.

В начале 1944 года Василий Сталин получает распоряжение вступить в командование 3-й гвардейской истребительной авиадивизией. Нынешние борцы со «сталинизмом» с радостью раскручивают боевые дела сына Сталина Василия, талдычат, мол, папаша продвигал его. И тут прислужники новорежимной идеологии помалкивают, что у летчика Сталина был большой профессиональный опыт, он летал на всех типах истребителей, на многих бомбардировщиках, на штурмовике, на американских и английских боевых машинах. А примеров быстрого служебного роста еще и до войны было немало.

Например, В. Хользунов в 1936 году капитан, командир звена, а в 1937 – командующий армией особого назначения. А. Губенко в 1936 году старший лейтенант, командир звена, а в 1938 – полковник, заместитель командующего ВВС округа. Г. Захаров в 1938 году командир звена, старший лейтенант, а в 1939 – командующий ВВС округа. Георгий Нефедович рассказывал мне, как в кабинет наркома обороны он вошел старлеем, а вышел полковником. Г. Кравченко в 1937 году был капитаном, а в 1941 – генерал-лейтенантом, тоже командующим ВВС округа.

А Василий Сталин, кстати, был и младшим летчиком, и рядовым инспектором-летчиком, и летчиком-инструктором. Говорят, мол, генералом он стал чуть ли не в пионерском возрасте. Полно-ко врать-то! Генеральские лампы Василий Иосифович мог получить еще весной 1944 года – как командир дивизии. Но прошел год войны, а это не сидение в так называемом Арбатском округе ельцинских генералов.

Так, например, 5 июля 1944 года немцы, прорвав кольцо окружения, рвались на запад, к Минску. Это – пять дивизий пехоты с артиллерией и танками. Создалась непосредственная угроза аэродрому Слепянка и частям полковника Сталина. Сохранилось донесение комдива об обстановке и действиях личного состава в бою, который академически именуется как ближний оборонительный, а проще – это когда на тебя в упор направляют артиллерийский ствол, а ты сидишь в кабине боевой машины, беспомощной, неприспособленной летать ночью, и ждешь залпа...

«Я принял решение спасти материальную часть, гвардейские знамена и секретные документы штаба, дивизии и штабов частей, – пишет комдив Сталин. – Для этого отдал приказ об эвакуации их на северо-восточную окраину Минска. Начальнику штаба дивизии полковнику Черепову поручил организовать наземную оборону на подступах к аэродрому для охраны материальной части, т. к. с наступлением темноты без заранее организованного ночного старта поднять в воздух летный эшелон было невозможно.

Сам на У-2 убыл ночью на аэродром Докуково – для организации там ночного старта. Организовав старт, оставил для приема экипажей капитана Прокопенко и на Ли-2 вернулся в Слепянку. В случае крайней необходимости я уже был готов поднять самолеты в воздух...

Утром на штурмовку противника мы произвели 134 боевых вылета, израсходовали 13 115 снарядов. Штурмовка парализовала группировку противника и раздробила его на мелкие группы.

После штурмовки летный эшелон был выведен из-под удара и перебазирован на аэродром Докуково. Личный состав управления дивизии вместе с техническим составом частей, взаимодействуя с артбригадами,

уничтожили в наземном оборонительном бою 200 солдат и офицеров и захватили в плен 222 человека.

В борьбе с немецкими захватчиками стойкость и мужество проявили офицеры, сержанты и рядовые управления и частей дивизии, из числа которых отмечаю...

3-я гвардейская истребительная авиационная Брянская дивизия вверенного корпуса готова к выполнению любых боевых задач.

Командир 3 гв. истребительный авиадивизии

В. Сталин» (<http://www.proza.ru/2010/08/16/326>).

Много это или мало для 23-летнего парня на одну ночь – судите сами. А чтобы еще яснее представить обстановку в полосе наступления наших войск, расскажу о случае, который произошел в середине августа на аэродроме Шауляй.

Вместе с дивизией Сталина на шауляйском аэродроме стоял полк торпедоносцев. Высокие темпы наступления вызывали ряд трудностей со снабжением частей боеприпасами, горючим, продовольствием, так что комдив Сталин, чем мог, помогал товарищам по оружию.

Но вот 16 августа два полка пехоты и 50–80 танков противника из района Кельмы и два полка до 200 танков из района Куршенай перешли в наступление на Шауляй и к исходу 17 августа начали обстрел аэродрома. Промедли минуту – и танки разворотят всю боевую технику. Торпедоносцы и истребители оставляли аэродром. До конца оставались на нем командир 1-го гвардейского минно-торпедного авиаполка КБФ подполковник И. Борзов и комдив В. Сталин.

«Когда танки гитлеровцев вышли уже на окраину летного поля и открыли по нам огонь, на “Бостоне” младшего лейтенанта Муравьева лопнуло колесо и самолет замер на взлете, – вспоминал летчик торпедоносца Алексей Скрыбин. – Я тогда предложил Муравьеву пробить из пистолета другое колесо и взлетать на ободах. Все лучше, чем под гусеницами у немецких танков оказаться. Пилот согласился, сбросил уже на землю торпеду, и тут, глядим, бежит комдив Сталин. Спрашивает – в чем дело? А сам уже все понял, прикинул ситуацию и командует: “Скорей к Борзову!”

Иван Иванович взял экипаж на борт, и все вместе взлетели. Последним аэродром оставил Василий Иосифович. Он взлетел за нами на своем истребителе. Ох, и бесстрашный был!»

Высокую оценку за помощь в ликвидации прибалтийской группировки противника истребители 3-й гвардейской авиадивизии получили от командования механизированного корпуса, с которым они взаимодействовали. «Нужно особо отметить, – писал в донесении командир мехкорпуса генерал-лейтенант Обухов, – бомбардировку переправ на реке Западная Двина истребителями дивизии полковника Сталина».

Благодарность летчику выразил и командир 1-й Смоленской истребительной противотанковой артиллерийской бригады РК полковник Пилипенко. «Командир 3-й ИАД полковник Сталин, – отмечал он, – находясь на наблюдательном пункте, добился прекрасных результатов взаимодействия с артиллерией по уничтожению немецких войск... Благодарность ему от личного состава бригады за хорошую слаженность и смелость летчиков-гвардейцев и умелое руководство ими в бою!»

...8 мая 1945 года на КП дивизии Василий Сталин дал последнюю команду подзадержавшемуся в берлинском небе бойцу: «Возвращайся! Посадку разрешаю. Войны больше нет...»

P.S.

Первым в небо из кремлевской поросли ушел сын Сталина Василий. За ним потянулись Микояны (три брата), Ярославские (двое), Тимур Фрунзе, сын Булганина, отпрыск Хрущева Леонид. По-разному складывались их судьбы. Тимур погиб в воздушном бою в начале 1942-го. Владимир Микоян – осенью того же года. Его брат Степан с 1943 года остался в Москве – сторожить небо над Кремлем. А Василий Сталин с боями шел до самого Берлина – командовал полком и дивизией.

Но вот сынок члена Политбюро Хрущева Леонид, с начала войны меньше месяца находясь в бомбардировочном полку и совершив 12 боевых вылетов, тут же был представлен к ордену Красного Знамени. В представлении к награде комдив Писарский после слов «командир экипажа Хрущев Леонид Никитович» в скобках добавил («сын Никиты Сергеевича»). Застенчиво так, как бы между прочим. Это чтобы не было там, в штабах, сомнений – в честь чего старлея

сходу награждать таким орденом, причем этот летун угробил два своих бомбардировщика! На посадке Лёня, «сын Никиты Сергеевича», умудрился дважды скапотировать, проще говоря, поставить тяжелую, неповоротливую машину «на попа», и хрясь ее всей массой вместе с экипажем на спину!

Боевые донесения писали коротко и ясно. В первом случае «победу» Леонида Хрущева отметили даже с некоторой долей оптимизма: «Самолет разбит. Экипаж невредим». А второй раз пилотяга Хрущев так грохнул бомбардировщик оземь, что и сам загудел в госпиталь – ногу сломал.

На молодых кости, известно, как на собаках срастаются. По себе знаю: две поломанные ноги за три месяца еще крепче стали. Лёня Хрущев свою ногу лечил с июля 1941-го по март 1942-го – 8 месяцев! К слову, Алексей Маресьев вообще без ноги летал, а летчик-истребитель Захар Сорокин – даже без двух ног!

Сын Хрущева после госпиталя надумал переучиваться на истребителя (это бомберу-то с сырым фитилем в голове...) Тут опять не до войны – еще 8 месяцев! – с марта 42-го по ноябрь идет переучивание летчика, у которого общий налет был больше 1260 часов! Мне, например, как и моим сверстникам, чтобы вылететь самостоятельно на реактивном истребителе потребовалось всего-то 6 часов 42 минуты.

Дочь Никиты Хрущева Рада рассказывала о той «военной» поре брательника: «Леонид долго лежал в госпитале, в одной палате с Рубеном Ибаррури. Они дружили. Брат долго выздоравливал. Пили в госпитале, и брат, пьяный, застрелил человека, попал под трибунал». Да, стрелять в бутылку, установленную на голове, это надо уметь. Первым выстрелом Хрущев точно попал в цель – поллитровка разлетелась вдребезги. А вторая пуля угодила капитану 2 ранга прямо в лоб.

Никита валялся в ногах у Сталина – просил простить непутевого Леньку, родную кровинушку. «Ты просишь как отец или как член Политбюро?» – спросил Сталин. – «Как отец», – стонал Никита. – «А что я скажу тому отцу, сына которого застрелил твой сын?»

Так старлей Хрущев оказался среди штрафников в истребительной авиадивизии генерала Г. Н. Захарова.

С Георгием Нефёдовичем я сохранял добрые дружеские отношения до самого ухода из жизни этого великолепного воздушного бойца, человека удивительной судьбы. В его воспоминаниях речь о штрафнике Хрущеве не шла – по цензурным соображениям. Но генерал подробно рассказывал мне о прибытии Хрущева в его дивизию, строгом наказе охранять в бою этого летуна: «Головой отвечаешь!» Тогда и командир 18-го гвардейского истребительного авиаполка

гвардии майор Голубов, поставив Хрущева ведомым в пару с одним из лучших летчиков полка, кстати, ровесником штрафника, так же сказал: «Упустишь Лёню – башку снесем!» А ведь в воздушном бою ведомый должен следить за ведущим, а не наоборот. «Ведомый – щит ведущего!» – так считается до сих пор, и, по законам военного времени, за потерю в бою ведущего спрашивали строго.

Но вся-то боевая работа старшего лейтенанта Хрущева и в истребительном авиаполку уложилась в несколько дней – с 7 по 11 марта 1943 года. Точнее, так: 9 марта он слетал звеном. Тогда ему показали, как следует атаковать противника. Одного «фоку» бойцы завалили, и сбитый самолет по-братски записали всей группе. Это был первый воздушный бой Хрущева. А через день, 11 марта, – второй и... последний.

Начальник штаба дивизии отправил в управление воздушной армии оперативную сводку, в которой сообщалось: «Як-7 б № 3622 – пилот 18-го ГИАП старший лейтенант Хрущев Леонид Никитович – не вернулся с боевого задания». Именно так, нейтрально: «не вернулся...». Ведь участники того боя видели, как Заморин сбил «фоккера», как отогнал от своего ведомого второго, видели, как Хрущев выполнил переворот и вышел из боя. Как же напишешь, что он погиб?

На поиски штрафника Хрущева были выделены лучшие разведчики 18-го гвардейского авиаполка. «Произведено 8 самолетовылетов на розыски самолета Хрущева. Налет 10 часов», – зафиксировал журнал боевых донесений. Поиском летуна-штрафника занимались спецназовцы по линии НКВД и СМЕРШа. «Дело о розыске сына Н. С. Хрущева, – вспоминал чекист П. Судоплатов, – находилось на особом контроле». И вот результат: «Лично Сталиным было принято решение считать Леонида Хрущева погибшим при выполнении боевого задания, а не пропавшим без вести. В тех условиях это имело важное значение для политической карьеры Н. С. Хрущева, исключало возможность компроматации одного из членов советского руководства данным эпизодом».

Готовя к изданию рукопись бесед Феликса Чуева со вторым лицом в государстве В. Молотовым, с которым автор встречался на протяжении многих лет, я невольно отметил, что Вячеслав Михайлович в своих рассказах о былом несколько раз упомянул сына Хрущева. Заметим, сказано о нем было в разное время: 15.8.1972, 18.1.1974, 20.6.1976, 16.6.1977, 30.10.1980, 9.12.1982... К примеру, такие вот отрывки из фраз:

«Хрущев в душе был противником Сталина. Сталин – все и вся, а в душе другое. Личное озлобление его на любые шаги толкает. Озлобление на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли». «У него сын был вроде изменника...»

Министр обороны маршал Советского Союза Д. Т. Язов в книге «Удары судьбы» тоже рассказывает, как штрафник Хрущев сотрудничал с фашистами: «Он призывал красноармейцев сдаваться в плен, обещая райские кущи. И тогда Верховный Главнокомандующий приказал нашим разведчикам выкрасть сына Хрущева у немцев». Дмитрий Тимофеевич пишет, что его потом судил военный трибунал и приговорил за измену Родины к расстрелу!..

О том, как расстреливали штрафника Хрущева, мне рассказывал мой бывший командующий по Группе советских войск в Германии маршал авиации И. И. Пстыго. Значит, так:

«Стоит полк. Перед полком вывели... того. Недалеко стоит машина, полтурка. В стороне так стоит. Полк стоит в строю. Зачитывают приговор. Три дня шел суд – в ангаре... Туда каждый день меняли состав – чтоб слушали. И офицеров, и солдат посылали. Дальше. Его вывели, зачитали, значит... Руки не завязаны у него были, потому что он ходил сзади с двумя автоматчиками. Потом объявляют какую-то команду: “По изменнику Родины...” А в это время для строя подают команду: “Кру...” Там: “... пли!” – и огонь пошел. А здесь: “...гом!” И не видели, как он упал. Ну, увидели, когда он дергался. А было перед строем это, ну, может, в двадцати метрах. Потом подходит эта полтурка, цепляют ему на ноги петлю и тащат его по местности, в рощицу. Все это залупилось... Вот ведь как было дело-то. Его захоронили там, задраили дёрном, а полк весь подписался – все, кто стоял, – что никто ничего этого не видел и “в случае утечки от меня, я подлежу расстрелянию”...»

Это рассказ от Ивана Ивановича я слышал не раз – он в свое время учился с Лёнькой Хрущевым, был в одном экипаже летной школы. А о подробностях его кончины маршалу рассказал наш прославленный летчик Иван Кожедуб.

Такой вот момент истины.

ПОБЕДЫ НА ВОЙНЕ ВОПРЕКИ СТАЛИНУ? А ПОРАЖЕНИЯ?

В радостные дни торжеств по случаю возвращения Крыма в Россию на одном из телеканалов появился мрачный мужик и заявил: «Вас, русских, в Крыму, конечно, больше, чем нас, крымских татар. Даже украинцев

больше. Но Крым наш. У нас нет другой земли. А нас спросили, что мы хотим, какие у нас требования?»

Вот те фунт! Кто был тот татарин? Потомок хана Шахин-Гирея? Но хан, возведенный на трон Екатериной Великой, без оговорок был верен русской царице. Заглянем в прошлое.

25 сентября 1768 года началась война Османской империи с Россией. Турки испокон веков вели себя по-наглому: постоянные набеги, грабежи, уводы пленниц... И вот янычары совсем оборзели: потребовали вывести русские войска из Польши – фактически это и было объявление России войны.

Вызов был принят. 26 мая 1770 года, Чесменская бухта Средиземного моря – турки запомнили тот день... Тогда эскадра Алексея Орлова одержала блестящую победу – сожгла весь флот Османской империи. А в июле на реке Ларге войска Петра Румянцева наголову разбили орды крымских татар, потом в сражении на реке Кагул сокрушили 150-тысячное татарское войско, заняв крепость Измаил, Аккерман, Бендеры. Так в 1771 году Крым был отделен от Турции и стал безопасным для Российской империи.

А русские войска между тем перешли Дунай и продолжили свое победное шествие к Константинополю. Турки запросили мира. 10 июля 1774 года в местечке Кучук-Кайнарджи мирный договор был подписан. По нему России отошло все северное побережье Черного и Азовского морей, и она получила свободный выход в Средиземное море. По тому договору и Крымское ханство было признано независимым от Турции.

Но та «независимость» была относительной – по-прежнему оставалось влияние Турции. Тогда в 1776 году русские войска снова вошли в Крым и Россия провозгласила ханом своего ставленника Шагин-Гирея. Турки, понятно, были недовольны таким поворотом дела и целой эскадрой полетели на всех парусах к Крыму.

Принцесса Ангальт-Цербстская, став русской царицей, ни на минуту не забывала, какому народу она служит. Так что 8 апреля 1783 года уже как Екатерина Великая она решительно объявила всему миру о присоединении Крыма к России и в первой половине 1787 года отправилась

осмотреть новые владения. Но только царица вернулась в северную столицу – Турция опять с войной. Ну, что ты скажешь!

Десант турок по приказу Екатерины Великой был разбит наголову на Кинбурнской косе войском полковника Суворова. Имя его турки запомнят надолго. В 1789–1790 годах Александр Васильевич Суворов взял штурмом неприступную крепость Измаил, раздолбал турецкую армию под Фокшанами, это на реке Рымник. Год спустя адмирал Ушаков разбил турецкий флот, и Турция запросила пощады.

Тогда, после стольких лет войны, 29 декабря 1791 года в Яссах был подписан договор, по которому Крым, новороссийские степи и северный берег Черного моря вплоть до Днестра стали вечной собственностью России.

В начале 1944 года на Ученом совете Ленинградского университета с докладом о роли территориального расширения России выступил академик Е. В. Тарле. Он говорил о псевдоисториках, которые сплошь и рядом писали, мол, индусы томятся под игом Англии, ждут освобождения, – точно так же и наши крымские татары. Но... «говорить о конкистадорах, которые приезжают из одной страны и завоевывают то, что ничего общего с ними не имеет, – это одно, – заметил академик. – А другое дело – постепенное продвижение России в Крым и на Кавказ, которое вызвалось необходимостью: Крымская орда поставила этот вопрос не только своими постоянными набегами на Русское государство, но и тем, что Россия платила им постоянную дань».

Свою мысль академик Тарле закончил просто и ясно: «Индусы не нападали на Англию, а крымцы на Россию нападали!»! Знает ли обо всем этом выступавший перед телекамерой крымский татарин? Слышал ли мужик об огненных атаках своего земляка Амет-Хан Султана? Возьмет ли в толк – во имя чего, уже дважды Герой Советского Союза, этот выдающийся летчик отдал жизнь при испытании нового самолета? Задумывался ли о том многом, что можно поставить в актив, а иное и в пассив своему народу?..

В дни перед Крымским референдумом в Севастополе побывал русский писатель полковник Николай Иванов. Патрулировавший город совместно с кубанскими казаками один из татар завел разговор о своих соплеменниках и сказал Николаю:

«— Вы должны понять: у нас есть свои ваххабиты. Думаете, мы все костями ложимся за противостояние с Россией, к которому призывают некоторые татарские политики? Лучше бы они поделились теми средствами, которые получали все эти годы в виде спонсорской помощи. Когда делили меж собой деньги, народ не замечали. Сейчас, когда потребовалось, они взывают к нам. Поезд ушел...» (<https://dompissateley.wordpress.com/2016/03/18/как-это-было-крейсер-крым>).

Мнится и мне: тот радетель за крымских татар, выступая перед телекамерой, далеко не потомок хана Шагин-Гирея. Скорее, он верный ученик «Толика Рыжего» — крымский Чубайс! Не так ли?

Не одно уж столетие прошло-пролетело с той поры, когда турки склонили головы перед непобедимым русским полководцем Александром Суворовым. Крым навсегда отчалил от берегов Турции к России, и бежавшие оттуда турецкие и татарские феодалы оставили много свободных земель. Правительство раздавало эти земли русским дворянам, татарам, высказавшим преданность России. Переселялось в Крым и крестьянское население из северных областей империи. Льготы для переселенцев привлекали разношерстную публику: из разных стран на Таврический полуостров потянулись немцы, греки, швейцарцы, армяне, болгары.

В 1875 году на месте степного шляха, по которому ордынцы гоняли на продажу и в рабство юных славянок, построили железную дорогу Лозовая — Севастополь. Она усилила миграцию населения. Крым преобразался. Вместо ханских теремов появились храмы, великолепные дворцы, гостиницы. Симферополь, Феодосия, Мелитополь, Алешки стали центрами ремесленного производства. Фабрично-заводская промышленность работала в основном на местном сырье. Но появились и новые отрасли, например, самолетостроение. В небо Тавриды поднялись первые русские аэропланы. Так что в Крыму городское население преоб-

ладало над сельским, а в связи с этим достаточно многочисленной стала и крымская интеллигенция.

Пестрота национального состава края объясняет множество партий, обществ и организаций, явившихся в 1917 году. Эсеры, кадеты, большевики, меньшевики, народные социалисты... Была и крымско-татарская объединенная социалистическая партия, якобы «стремящаяся в полном единении со всей революционной демократией к осуществлению великих лозунгов русской революции».

Русская-то русская, однако крымские татары настойчиво продвигали идею о своей национальной автономии. 24 ноября II губернский съезд РСДРП(б) по этому поводу вынес постановление: «Констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары являются численно преобладающим элементом (только 18% всего населения), съезд считает, в силу местных особенностей, единственно правильным решением вопроса об автономии Крыма референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма». Но, разогнав Учредительное собрание – «Караул устал! Шибко спать хочется...», – большевики идею крымско-татарской автономии похоронили.

Годы расцвета Крыма, как и всех регионов нашей страны, выпали на время правления Сталина. Перед войной промышленно-аграрный комплекс этого края включал 45 крупных заводов и фабрик, свыше 300 промышленных предприятий. Успешно работали железно-рудный комбинат в Камыш-Буруне, Керченский металлургический завод. На 18 тысяч гектаров выросла посевная площадь, более чем вдвое – площадь садов, повысилась урожайность зерновых, продуктивность животноводства.

Кадры для народного хозяйства Крыма готовили: Таврический университет, медицинский, педагогический, сельскохозяйственный и два учительских института, 40 техникумов и 9 рабфаков. А еще 2082 школы, 838 библиотек. На всю страну были известны научные учреждения – Симеизская обсерватория, Севастопольская биологическая станция, Никитский ботанический сад, а также музеи края, Севастопольская панорама, Феодосийская картинная галерея. Кроме того, в Крыму было

около 600 театров и дворцов культуры. Крым при Сталине стал поистине здравницей страны: 195 санаториев и домов отдыха ежегодно посещали свыше 300 тысяч человек.

Так что этот лакомый кусочек земли – в Черном, Эгейском, Русском море! – притягивал многих. В том числе и евреев. 21 февраля 1944 года руководители Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс, Ицик Фефер и Шахно Эпштейн заготовили «Записку о Крыме» и подсунули ее Молотову (жена Вячеслава Михайловича из евреев). В той «записке» они без ложной скромности предлагали Крым объявить «еврейской советской социалистической республикой» – без всяких там референдумов!

Такая идея не давала покоя соплеменникам авторов «записки» – из Штатов – еще с 20-х годов. А в 1943-м во время поездки в Америку Михоэлс и Фефер встретились с американскими магнатами, и, по словам Фефера, миллионер Д. Розенберг откровенно говорил, что Крым интересует их «не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым – это Черное море, Балканы и Турция». Проще говоря, плацдарм и база для разрешения их геополитических замыслов.

Однако заметим, в Крыму еще шла война. «Еврейский комитет» не мог не знать, что там не менее активно действовал другой творческий коллектив – «Татарский комитет», председателем которого был Джемал Абдураимов. Этот буржуазно-националистический комитет, состоявший на службе у нацистов, комплектовал добровольцев для немецкой армии, формировал части для борьбы с партизанами, создавал карательные и охранные батальоны, комендатуры, полевую жандармерию. Они регулярно участвовали в облавах, расстрелах крымчан...

Конечно, не все татарское население работало в интересах оккупантов. Одни участвовали в обороне Севастополя, жители Керчи, Феодосии и Евпатории содействовали высаженным советским десантам. Но часть горного и предгорного Крыма выступала пособником немцев.

21 марта 1942 года командование партизанским движением (А. В. Мокроусов и С. В. Мартынов) докладывали в подпольный Крымский обком партии: «Деятельность партизанских отрядов осложняется необходимостью вооруженной борьбы на два фронта: против фашист-

ских оккупантов, с одной стороны, и против вооруженных банд горно-лесных татарских селений». Мало того, после разгрома 6-й армии Паулюса «Татарский комитет» в фонд помощи пострадавшим оккупантам собрал 1 млн рублей! Так что Экономический штаб Ост не случайно давал такие вот установки: «Не следует держать в тайне очевидное предпочтение татарских племен, а, наоборот, нужно объявить это как акцию особого признания их заслуг».

Не случайно командир 95-й стрелковой дивизии генерал В. Ф. Воробьев при обороне Севастополя и распорядился о выселении из района, непосредственно примыкающего к оборонительному участку 90-го стрелкового полка, всех граждан, проживающих в населенных пунктах Мамашайской долины. Уже будучи начальником штаба 38-й армии, Владимир Филиппович в своей тетради под грифом «совершенно секретно» сделал такую запись:

«23 марта 1944 г. Хмельник.

Второй день живу в Хмельнике – небольшой городок на Буге... Зашел полковник Хомич. Еще в 1918–1919 я с ним учился в Кремле на 1-х Московских пулеметных курсах, затем уже мы встретились с ним в Севастополе, где он был на должности начальника штаба дивизии. Хомич рассказал о последних героических днях защитников Севастополя. Позорно вел себя полковник, ныне ген.-м-р Капитохин. Он дважды бросал дивизию, которая еще дралась на северной стороне, а 3 июня Капитохин, никому не сказав, ушел и на самолете улетел на большую Землю. На 35 батарее собралось до 700 чел., и, опираясь на нее, можно было еще держаться несколько дней, но оставленный за командарма ген. Новиков приказал батарее взорвать, а сам сел на катер и уехал. Новикова в районе Ялты взяли в плен. Вокруг батареи до 4 июля войска продолжали драться, но затем немцы, сжимая кольцо окружения, прижали всех к морю. Берег крутой, обрывистый, и севастопольцы очутились на самой кромке берега. Немцы сверху забрасывали гранатами, расстреливали из автоматов, обваливали камни и давили несдающихся героев. Патроны все вышли. Петрову послали телеграмму с просьбой прислать катера, указав, что можно еще сопротивляться. Послана была телеграмма тов. Сталину, где излагалась обстановка герои-

чески защищавшихся севастопольцев. Продовольствие все вышло, и все голодали уже 4–5–6 дней. Многие стали кончать жизнь самоубийством. А корабли Черноморского флота все не подходили. Многие мастерили из бревен плоты и пускались в плавание, но, отплыв несколько сот метров, гибли под огнем артиллерии противника. 9–10 июля катера противника подошли к берегу, и таким образом защитники были окружены. В плен брали партиями. На берегу же начался отбор офицеров, комиссаров и евреев. Большими партиями пленных повели через разрушенный Севастополь в Симферополь. Голодные, измученные, но гордые за правоту своего дела шли пленные. Когда кто-либо хотел напиться из лужи, конвоиры-немцы пристреливали. Русское население провожало наших пленных с большой грустью, стремясь хоть чем-нибудь облегчить их участь, – зато иначе вели себя татары, часто выполняя роль полицейских».

Нынче все известно о депортации народов: и количество переселенных – немцев, чеченцев, карачаевцев, крымских татар, – и чем было вызвано такое мероприятие и без того в трудный для страны час. 27 апреля 1942 года Советское правительство заявило об ответственности за преступления против народов СССР не только гитлеровцев, но и их пособников. И вот сообщение в августе 1942-го Наркома внутренних дел Чечено-Ингушской АССР Албогачиева наркому Л. П. Берия:

«В связи с приближением фронта к территории Чечено-Ингушской республики значительно активизировалась антисоветская деятельность контрреволюционных и бандповстанческих элементов. Создан Комитет Чечено-Горской национал-социалистической партии, которая начала интенсивно готовить восстание в горных районах республики с целью свержения Советской власти.

В республике действует более 240 бандитов, разгромлен Дзумоевский сельский Совет, распущены колхозы. Отсутствие сил НКВД не позволило ликвидировать вспышки, разгромлен РК ВКП(б), разогнаны партийные и советские работники, разгромлены линии связи с Грозным, присоединилась часть населения.

...Работа по ликвидации банд продолжается. Имеем в наличии 200 красноармейцев, 25 оперработников. Необходимо выделить в распо-

ряжение НКВД Чечено-Ингушской республики из состава 19-й Грозненской дивизии войск НКВД весь 141-й стрелковый полк, участвовавший успешно в борьбе с бандитами с конца 1941 года».

...В середине мая 1944 года в условиях продолжавшейся войны проживавшие в Крыму татары – 165.259 человек – были переселены в восточные районы нашей страны.

Заметим, в то же самое время уже три года в концлагерях США сидели американцы японского происхождения – около 120 тысяч человек. В Штатах рассуждали просто: зачем нам пятая колонна, и без персональных разбирательств да выяснений – всех узкоглазых в каталажку! Это притом, что война шла не на территории США.

В 1943–1944 годы с Северного Кавказа было выселено 346.717 чеченцев – в основном с Среднюю Азию, ингушей – 83.518 человек, карачаевцев – 63.327, балкарцев – 33.214; из Грузии: турок-мехетинцев – 46.790, курдов – 8.843 и хешмелов – 1.397 человек.

В «совершенно секретных» тетрадях генерала Воробьева есть запись, датированная 1 июля 1943 года:

«29 июня комфронта (Северо-Кавказский. – С. Г.) прилетел из Москвы, куда он был вызван Ставкой. “Дуглас” в сопровождении 4 истребителей приземлился на Пашковском аэродроме. Генерала Петрова приехали встречать я, генерал Найденов, жена Петрова, представитель 4 ВА (4-я воздушная Краснознаменная армия. – С. Г.). Делясь впечатлениями о поездке, генерал Петров рассказал, что он был на приеме у товарища Сталина два раза. Все мероприятия, представленные фронтом, утверждены. На побережье Азовского моря приказано поставить “славянские дивизии”».

Так не по глобусу ли отыскивал Сталин тех татар, турок да хешмелов? Еще и с точностью до 3 и 7 человек! Тогда зачем вызывал с фронта командующего Петрова и приказывал ему выставить против немцев, «славянские дивизии»?..

Да, по поводу референдума. Спустя почти сто лет после II губернского съезда РСДРП в Крыму все-таки состоялся всенародный референдум. 98% населения полуострова высказалось за возвращение Крыма России, и это было блестящим проявлением идеалов народной демокра-

тии, а заодно и избавлением от, как бы нынче сказали, прикольной фишки самодура Хрущева.

Однако 1942 год. Последние бомбы на Москву были сброшены в марте, но немцы все еще находились недалеко от столицы. Ржев, Вязьма, Гжатск, каких-то 130 километров – это был мощный плацдарм противника.

Приказ всех «сталинских соколов» стричь под наркома Тимошенко – чтоб плешь сверкала! – в воздушных боях с гитлеровскими асами оказался не слишком эффективен. Кудри у наших соколов уже в первые месяцы войны заметно отросли. А «Тимоха», как пилоты звали между собой наркома обороны товарища Тимошенко, без особого шума, как-то незаметно в июле 1941-го от должности наркома обороны был отстранен и стал главнокомандующим Юго-Западного направления. Вместе с Хрущевым, который был членом Военного совета того же направления, разрабатывали планы действия войск Юго-Западного и Западного фронтов. Планы были будь здоров! Куда там Александру Македонскому до Никиты...

Вот придумали операцию с размахом более, чем на 1000 километров фронта и на глубину свыше 600 километров: «Разгромить противостоящие силы противника и выйти на Средний Днепр (Гомель, Киев, Черкассы) и далее на фронт Черкассы, Первомайск, Николаев». При этом в личном составе войск Юго-Западного направления был некомплект – 46 %!

Начальник Генерального штаба Шапошников (Жукова с этого поста тоже убрали) с замыслами лихих полководцев не согласился. Сталин поддержал Шапошникова и предложил «стратегам» взять хотя бы один город – Харьков. Но и эта задача оказалась им непосильной и завершилась трагически...

Тогда же, это в конце марта 42-го, была поставлена задача и войскам Калининского (командующий Конев) и Западного (командующий Жуков) фронтов. Им было приказано завершить разгром ржевско-вяземской группировки и в последующем развивать наступление на Смоленск. Вновь образованному в начале 1942-го Крымскому фронту предстояло освободить Крым. Командующим этого фронта назначили генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова, в марте к нему в качестве представителя Став-

ки явился Л. З. Мехлис, а с ним из Генштаба – генерал П. П. Вечный; они должны были помочь командованию фронта в операции по деблокированию Севастополя.

Но давайте по порядку. Значит, товарищ Мехлис Лев Захарыч сразу же, как только прибыл на фронт, принялся шерстить командные кадры. Начал с начальника штаба генерал-майора Ф. И. Толбухина – заменил П. П. Вечным. К слову, заметим, Федор Иванович в апреле-мае 1944-го уже командующим 4-м Украинским фронтом будет освобождать Крым. В том же году ему присвоят звание маршала Советского Союза. А кто такой этот Мехлис, откуда свалился?

До революции пылкий Лёва из Одессы был активистом сионистской организации «Поалей Цион». В гражданскую войну комиссарил в Правобережной группе войск на Украине. Потом Лев Захарыч окончил Институт красной профессуры и стал редактором газеты «Правда». Один эпизод из жизни пропагандиста и агитатора.

Значит, шибко озабоченный идейной позицией пролетарской литературы и искусства, пишет он «буревестнику революции» А. Пешкову донос на замечательного поэта П. Васильева. «Буревестник» благодарит тов. Мехлиса «за информацию», и такой вот у него вывод о творчестве поэта: «П. Васильева я знаю, стихи его читаю с трудом. Истоки его поэзии – неонародническое настроение или течение, созданное Клычковым – Клюевым – Есениным, оно становится все заметнее, кое у кого уже принимает русофильскую окраску и в конце концов ведет к фашизму...»

Поэта П. Васильева расстреляли.

А Мехлис в 1937 году был назначен начальником Главного политического управления РККА. Вот тут-то «красный профессор» развернулся!

«Я об этом палаче слышать не хочу! Самая темная личность, – говорил о Мехлисе маршал И. С. Конев. – Это по его спискам в 1937–1940 годах, когда он был начальником Главного политуправления РККА, уничтожались политработники всех рангов без суда и следствия. Десятки тысяч преданных комиссаров».

Как-то главный комиссар отправился с заместителем наркома внутренних дел М. П. Фриновским в Хабаровск, и вот в Москву летят телеграммы: «Уволил 215 политработников, значительная часть из них арестована. Но очистка политаппарата, в особенности низовых звеньев, мною далеко не закончена. Думаю, что уехать из Хабаровска, не разобравшись хотя бы вчерне с комсоставом, нельзя...»

Главный маршал артиллерии Воронов заметит по поводу той «разборки вчерне»: «Значительное число опытных командиров было уволено и уничтожено по сфабрикованным обвинениям. Довольно неприглядную роль в этом сыграли тогдашний начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис и зам. наркома внутренних дел М. П. Фриновский. Они безответственно расправлялись с командными кадрами и поставили наши войска на Дальнем Востоке в очень трудное положение».

Да только ли на Дальнем Востоке? С началом войны до всех участников боевых действий на всех фронтах была доведена установка крутого комиссара о военнопленных. Вот что говорил по этому поводу маршал Г. К. Жуков: «У нас Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу: “Каждый, кто попал в плен, – предатель Родины”, – и обосновывал ее тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан покончить жизнь самоубийством, то есть, в сущности, требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей было замучено немцами в плену, умерло от голода и болезней, но по теории Мехлиса выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в 41-м или 42-м, не лишили себя жизни...»

Такой вот эпизод с участием комиссара Мехлиса на одном из участков Западного фронта. Туда он прибыл как представитель Ставки в августе 1941-го. И вот случайно блестящий комиссар столкнулся с бойцами народного ополчения. Они только что прибыли, даже оружие не успели получить. Но комиссар ест глазами комбата В. Суетина и сурово выпытывает: «Почему не бросаете в атаку?!» Майор докладывает, мол, люди

окапываются, оружие будет доставлено часа через два. Мехлис не собирается выслушивать какие-то объяснения комбата ополченцев, орет: «Трус! Расстрелять!» Особисты тут как тут, уже и затворами автоматов щелкают, а комиссар не унимается: «Немедленно взять высоту! Оружие добыть в бою!»

Тогда по его вине 800 жизней лишил, по сути, один пулеметчик противника, укрепившийся на той высотке. Эпизод этот припомнил Герой Советского Союза Павел Михайлов. А еще вот писатель Андрей Жариков рассказал мне, как Мехлис однажды самолично расстреливал его.

На Волховском фронте Андрей Дмитриевич был начальником арт. вооружения 849-го арт. полка. Однажды он отправился на полуторке за боеприпасами. Дело было ночью, моросил дождь. И вдруг на повороте дороги луч фары полуторки упал на броневик и два легковых автомобиля. Рядом с машинами стояли люди в плащ-палатках, один из них поднял руку, и Жариков притормозил. Едва он вышел из кабины, как к нему кто-то решительно шагнул и принялся кричать: «Пособник Гитлера! Освещаешь машины фронтового командования!» Затем раздался выстрел...

Спустя годы Андрей Дмитриевич Жариков узнал, что стрелял по нему сам Мехлис. А от его пули спас начштаба Волховского фронта генерал М. Н. Шарохин. Он отвел руку Мехлиса и едва унял комиссара.

А вот в другой раз генерал сделать это не успел. Тогда Мехлис прикатил со своей свитой и охраной на наблюдательный пункт фронта, чтобы посмотреть наступление двух дивизий. Вдруг отказала связь. В таких случаях в работу вступают посыльные. Мехлис, не разбираясь в военных делах, увидел двух бегущих к окопу офицеров, выскочил навстречу им и с криком «Смерть паникерам!» начал палить в посыльных из пистолета. Одного сразу убил, а второго спас опять Шарохин – вмешался в стрельбу комиссара.

Об этом случае узнал Сталин и вызвал на связь командующего Волховским фронтом К. А. Мерецкова. Тот отдыхал, и к телефону подошел начальник штаба. «Что это у вас там Мехлис офицеров стреляет?» – спро-

сил Сталин. Шарохин слукавил: «Все в должном порядке. Недоразумений нет. Боевая обстановка сложная, но благодаря товарищу Мехлису справляемся...» – «Ну, смотрите там...» – наказал Верховный. А что мог ответить генерал Сталину, когда рядом стоял только что разжалованный им и сниженный в звании Мехлис?..

Вернемся на Крымский фронт. Оставаясь верным себе, Мехлис, вопреки указаниям Генштаба, меньше всего заботился об оперативном построении фронта, обороне его, а вот доносы на командующего фронтом Д. Т. Козлова строчил аккуратно. Фронтная разведка уже точно установила день перехода противника в наступление, однако представитель Ставки устраивал лишь бестолковые совещания да по-прежнему препирался с командующим, при этом ни тот, ни другой не готовились к отражению удара противника.

8 мая немцы на слабом приморском участке фронта прорвали наши позиции. Оборона Крымского фронта была дезорганизована, управление войсками потеряно, и противник стремительно развивал успех. Один из участников этих событий рассказывал корреспонденту «Красной звезды» К. Симонову: «Я был на Керченском полуострове в 1942 году. Мне ясна причина позорнейшего поражения. Полное недоверие командующим армии и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле. Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армии на самую передовую и т. д. Три армии стояли на фронте 16 километров, дивизии занимали по фронту 600–700 метров, нигде и никогда я потом не видел такой насыщенности войсками. И вот все смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец».

Симонов тоже отметил, что Мехлис не входил ни в какие обстоятельства, каждого, кто предпочитал занять удобную позицию в 100 метрах от врага, считал трусом, а кто элементарно предохранял войска от возможной неудачи – «паникером». Но в первый же день прорыва Крым-

ского фронта Мехлис, сам трусливо оправдываясь, отписал Сталину такую телеграмму:

«Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал Военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10–15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Спротивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

Сталин ответил представителю Ставки: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы – не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если “вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать”, а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у нас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы

фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте...»

Так, через 12 дней наступления противника Крымский фронт, имея численное превосходство, потерпел жестокое поражение. В начале мая он насчитывал около 270.000 человек и вот потерял свыше 170.000. Немцы уничтожили 400 самолетов, 347 танков, 3.476 орудий и минометов.

В проекте директивы Ставки по горьким урокам Крымского поражения сообщалось, что «в критические дни операции командование фронта и т. Мехлис, вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочисленных бесплодных заседаниях Военного совета».

Прочитав проект этой директивы, Сталин спросил Василевского:

— И это все?

— Да, товарищ Сталин... — последовал ответ.

Тогда Верховный Главнокомандующий, заметив, что командование фронтом следовало бы отдать под суд военного трибунала, приказал:

«1. Снять армейского комиссара первого ранга т. Мехлиса с поста заместителя Народного комиссара обороны и начальника Главного Политического управления Красной Армии и снизить его в звании до корпусного комиссара.

2. Снять генерал-лейтенанта т. Козлова...

3. Снять дивизионного комиссара т. Шаманина...

4. Снять генерал-майора т. Вечного...

5. Снять генерал-лейтенанта т. Черняка...

6. Снять генерал-майора т. Колганова...

7. Снять генерал-майора авиации т. Николаенко...»

О встрече Мехлиса со Сталиным после Крымского поражения вспоминал сотрудник кремлевского аппарата Чадаев. Мехлис только что прилетел с фронта и в приемной Верховного спорил с Чадаевым о причинах разгрома наших войск на Керченском полуострове. Неожиданно в дверях появился Сталин. «Мехлис соскочил с места. “Здравствуйте, товарищ Сталин! Разрешите Вам доложить...” Сталин чуть приостановился, на мгновение взглянул на Мехлиса сверху вниз и с волнением

в голосе произнес: “Будьте Вы прокляты!” И тут же вошел в кабинет, захлопнув за собой дверь...»

Потом Мехлис все-таки был принят Сталиным. И вот что свидетельствовал о том начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев. Приведем его в передаче генерала Н. Г. Павленко.

«Хрулев рассказал мне, что, когда он в конце мая 1942 года был на докладе у Сталина, в кабинет вдруг неожиданно вошел Мехлис. Не говоря ни слова и не смущаясь присутствием Хрулева, он стал на колени. Сталин попытался отойти в сторону, но Мехлис, обливаясь слезами, пополз за ним. При этом поносил себя всякими ругательными словами, называл себя “паршивым жидом”. Мехлис говорил Сталину, что не оправдал его доверия и готов понести любое наказание. Через несколько секунд Сталин подходит к Мехлису и говорит ему: “Не стоит так убиваться, на войне всякое бывает”. Мехлис моментально встал на ноги. Он понял, что прощение состоялось. На другой день Сталин вызвал к себе всех руководителей Крымского фронта. Был здесь и Мехлис, но он выступал уже в роли обвинителя» (*Павленко Н. Г. Была война... М., 1984*).

Ну вот, а говорят, что Сталин был антисемитом. Еще – будто во время работы в правительстве рабоче-крестьянской республики с Троцким, Свердловым, Каменевым, Зиновьевым, Ярославским, Володарским, Луначарским и прочая он выучился их местечковому диалекту, который точно воспроизводил в анекдотах про евреев. Анекдоты были смешные, но нехорошие. Нехорошие. Но смешные!

Думаю, читатель поймет автора и не будет слишком строго судить его за этот беглый экскурс по истории Крыма. В дни, когда разрушенная и униженная Россия вернула по праву принадлежавшую ей землю, скажите, как было сдерживать себя, не разделить радость победы в открытом бою с устроителями нового «мирового порядка» и прихвостнями их – продажной «пятой колонной». Им все дорогое наше до лампочки – наша история, имена наших славных пращуров – адмиралов Ушакова, Корнилова, Нахимова, прапорщика Щёголева, матроса Кошки, Даши Севастопольской... Под лицемерной болтовней о «правах человека» образ жизни

так называемых носителей «свободы и демократии» – это отсутствие идеалов, продажная «рыночная» мораль со спекуляцией банковским капиталом (типа Международного валютного фонда), это невиданная в истории человечества безнравственность, половой беспредел, наркомания и патологическая ненависть к России, стране, божественным промыслом призванной сохранить на земле жизнь по законам любви и милосердия – все светлое и доброе в ней, завещанное нам нашими предками.

И еще, друзья. Вот пишу о войне. Не моя задача рассматривать в этой книге стратегические операции и битвы на советско-германском фронте. Но, по возможности придерживаясь хроники военных лет, я хочу донести читателю правду о войне, малоизвестные страницы наших взлетов и падений, поражений и побед. Я постараюсь доказать, что Великую Победу мы одержали не вопреки, а благодаря Сталину!

«На войне всякое бывает...» Говорил так Сталин ползущему за ним на коленях Мехлису или не говорил, кто знает. Со времен Никиты Сталину много приписывают такого, чего явно не было. Тому, кто ловчее наврет, запутает подтасовкой фактов, фальшивок, поддельных документов, такому и награды, и степени ученые, и часы говорильни на телеэкране.

Во всяком случае, после Крымского поражения Сталин не гладил Мехлиса по головке – он его и с высокой должности снял, и в воинском звании понизил. Политрабочим, правда, оставил, но представителем Ставки крутой одессит уже никогда не был.

Словом, на войне как на войне. Всякое бывает. Порой бездарь, ловкач и лицемер может выдать себя за героя и уверенно делать свою карьеру. Вот, к примеру, еще один член Военных советов – каких только не было фронтов! – Юго-Западного, Сталинградского, Юго-Восточного, Южного, Воронежского, 1-го Украинского. Ну, незаменимый стратег! Только успевай коней менять. На переправах...

«Чего он лезет? Ведь он ничего не понимает. Вот если бы он свинопасом пошел!» – так говорил об этом специалисте, «нашем дорогом Никите Сергеевиче», маршал Г. К. Жуков, который хорошо его знал.

В январе 1943-го в беседе с маршалом Еременко о потерянном для страны «свинопасе» заметил и Сталин: «Да вы еще не знаете этого подлеца. Это такой пройдоха, что пробы негде ставить!» Борис Пастернак определил Никиту проще: «Дурак и свинья». А писатель Войнович, назвав Хрущева «ловким придворным интриганом, ради карьеры совершившим столько преступлений», конкретно определил место последнего назначения того «придворного»: «Кончить он должен был виселицей...»

Прямо скажем, не все члены Военных советов получали столь яркие характеристики. А между прочим, в судьбе этого человека не последнюю роль сыграл тов. Мехлис.

Начиналось так. В 1929 году в школу для большевиков под названием Промакадемия поступил простецкий такой мужичонка в косоворотке. Старый приятель по партработе на Украине Лазарь Каганович помог ему устроиться в это учебное заведение, и на втором курсе он уже стал секретарем парткома.

Чем же отличился этот слушатель среди равных ему? (Заметим, в Промакадемии училась жена Сталина Надежда Аллилуева.) Ведь теперь у него был и кабинет с портретом Ильича, и первое слово за трибуной с кумачом. Партийный функционер А. Г. Соловьев будет потом удивляться, как лихо рванул к вершинам партийного Олимпа его сотоварищ: «Очень плохо учился в Промакадемии. Теперь второй секретарь вместе с Кагановичем. Но удивительно недалекий и большой подхалим...»

А все оказалось довольно просто. Вот что рассказывает главный научный сотрудник Московского объединения архивов, доктор исторических наук А. В. Пономарев: «25 мая 1930 г. Хрущев был приглашен к редактору газеты “Правда” Л. З. Мехлису. Тот предложил ему подписать под псевдонимом “Т” заметку о росте “правых” настроений в стенах Промакадемии. Хрущев согласился. И через три дня “сознательного студента” второго курса срочно избирают секретарем партийной ячейки... За семь месяцев хрущевского секретарства из заседаний бюро ячейки и партийных собраний фактически выпали все вопросы, кроме персональных дел коммунистов. При этом использовались разнообразные средства дискриминации

обсуждаемых – вплоть до непроверенных слухов, обрывков разговоров и клеветнических заявлений. Инсценировал подобные нечистоплотные приемы лично Хрущев, проявляя при этом немалые дирижерские способности. Обвинения носили порой настолько бездоказательный, огульный характер, что многие не выдерживали. Например: “В ответ на оглашение т. Хрущевым заявления, что якобы я веду на швейной фабрике явно фракционную работу и что брат у меня – бывший белый офицер, с которым поддерживаю связь, категорически отрицаю и заявляю, что это наглая ложь”, – возмущался бывший секретарь райкома Берзин...

Поразительно, – замечает Анатолий Николаевич Пономарев, – но даже спустя много лет Хрущев так и не отказался от обвинений в адрес сокурсников, многие из которых были незаконно репрессированы...

В январе 1931-го Хрущев, так и не доучившись в Промакадемии, по рекомендации Кагановича – секретарь Бауманского райкома партии, через полгода – Краснопресненского, самого престижного района столицы. Еще через полгода, не без помощи все той же «лохматой руки», Никита уже второй секретарь МГК ВКП(б). В январе 1934-го он – первый секретарь у московских большевиков, в марте 1935 года сменяет Кагановича на посту уже первого секретаря обкома партии. Это было весьма крупное назначение – в Московскую-то область территориально входили нынешние Тульская, Калужская, Рязанская, Калининская области.

Есть такой архив – ЦАОДМ. Неспециалист не вдруг-то и расшифрует его аббревиатуры, да и не всякому интересны его фонды, описи, дела. Центральных архив общественных движений Москвы – уже понятно, чем он занимается и что хранит. Так вот, видно, в этом скромном учреждении смерды поганые тоже кое-что не досмотрели, прошляпили записочки о царевых-то проделках. А может, и руки не дошли до каких-то там общественных движений. Таких движений, поди, полно было и в северной столице, и в Киеве, и на Кавказе... За всеми не уследишь.

Тем более что архивы на Святой Руси были покруче этого – тот же архив КГБ!..

Так что читаем писульку из речи Хрущева на пленуме МГК ВКП(б): «Арестовано только (!) 308 человек. Надо сказать, что не так уж и много

мы арестовали людей... 308 человек для нашей Московской организации – это мало».

На V Московской областной партконференции, которая проходила в июне 1937 года, Хрущев перебирает организации, районы и подмосковные города, где следует искать «заядлых врагов»: «В Калуге – там надо покопаться. Там еще не все раскопали...» «Нами исключен из партии Коншин – секретарь Каширского райкома. Он не арестован, но его надо будет арестовать, потому что нити к нему начинают прокладываться...»

Никита в расцвете сил. Крепким молодым голосом он наставляет партийцев на великие дела: «Надо не забывать, что в Осоавиахиме враги могут готовить свои кадры против нас. Надо посмотреть, кто тренируется, кто учится стрелять, кто готовится стать снайпером, для каких целей. А у нас обычно бывает так, что, если человек – ударник, подал заявление о том, что он хочет упражняться в стрельбе, – все ему аплодируют, не интересуются тем, что он собой представляет. А надо не забывать, что враг другой раз готовит свои кадры для действий в будущем».

Установочки «царь Никита» умел давать – будь здоров. А порой обходилось и без лишних слов, туды твою в качель!.. Старый большевик Р. А. Ульяновский вспоминает, как расправились с ним: «Ордер на арест был подписан заместителем народного комиссара внутренних дел. Но внизу стояла весьма знакомая подпись – Н. Хрущев. Мой арест был согласован с Московским комитетом партии. Это меня удивило: Хрущев меня знал. Я был одним из лучших и наиболее популярных пропагандистов Бауманского района и МК».

Мало ли кого знал Никита. А если тот «враг народа»?!

В цифрах вражья сила выглядела довольно внушительно. «Сообщаю, что всего уголовных и кулацких элементов, отбывающих наказание и осевших в гор. Москве и Московской области, учтено 41 305 чел. ...Имеющиеся материалы дают основания отнести к 1-й категории уголовников 6500 чел. и ко 2-й категории – 5272 чел. кулаков, отбывших в г. Москве и районах области, учтено 7869 человек. Имеющийся материал дает основание отнести из этой группы к 1-й категории 2000 чел. и ко 2-й категории – 5869 чел.».

Такую вот записочку в ЦК ВКП(б) сгнобобил Никита и просил при этом утвердить «тройку» – этакую инквизицию в составе начальника управления НКВД, заместителя прокурора по Московской области и себя лично. Энергии у Хрущева хватало не только на те «тройки». «По свидетельствам очевидцев, Никита Сергеевич неоднократно присутствовал при допросах на Лубянке арестованных партийных работников. И регулярно вносил наверх предложения об усилении борьбы с элементами», – пишет А. Н. Пономарев и приводит еще несколько цифр, скрыть которые было невозможно: «К 1938 г. значительная часть московского актива была буквально выкошена органами НКВД. Из 38 секретарей МК и МГК, работавших на этих должностях в 1934–1937 гг., избежали репрессий лишь трое. Было арестовано 136 из 146 секретарей горкомов и райкомов, многие руководящие советские, профсоюзные работники, руководители предприятий, специалисты, деятели науки и культуры».

Итак, в первопрестольной легкодумная Фортуна несла Никиту на всех парусах все выше и выше. В феврале 1938 года он является на Украину – уже первым секретарем ЦК компартии! – а в июне на XIV Съезде украинских коммунистов призывает их доистребить кое-кого из «врагов народа»: «У нас на Украине состав Политбюро ЦК КП(б)У почти весь, за исключением единиц, оказался вражеским. Приезжал Ежов, и начался настоящий разгром. Я думаю, что сейчас мы врагов доконаем на Украине...»

Доконяем... А потом все это дело свалим на Сталина – злой грузин виноват! К слову, репрессии в Москве прекратились именно с уходом Никиты. Он же, как вспоминает председатель Моссовета В. П. Пронин, «будучи уже на Украине, на Политбюро в 1938 году настаивал на репрессиях и второго состава руководителей Московского городского комитета партии».

Ну, а в Украине «царь Никита» «доканывал» с размахом и штатских, и военных. Сохранился документ – Постановление Военного Совета Киевского военного округа «О состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа», подписанное командующим округом Тимошенко, членами Военного Совета КВО комкором Смирновым и секретарем ЦК КП(б)У Хрущевым. Так вот и сюжет того «слова о полку...»: «В итоге беспощадного “выкорчевывания” троцкистско-бу-

харинских и буржуазно-националистических элементов на 25 марта 1938 года проведено следующее обновление руководящего состава округа: командиров корпусов на 100 %, командиров дивизий на 96 %, командиров бригад на 55 %, командиров полков на 64 %, комендантов УРов на 100 %, начальников штабов корпусов на 67 %, начальников штабов дивизий на 72%, начальников штабов полков на 58 %, начальников отделов штаба округа на 84 %...

Из частей Киевского военного округа по политико-моральным причинам было уволено 2922 человека, из них органами НКВД арестовано 1066 человек...»

Старый идеолог А. Н. Яковлев в свое время возглавлял Комиссию Политбюро по реабилитации жертв политических репрессий. В докладной записке его Комиссия подтверждает, что Никита лично давал согласие на аресты партийных и советских работников, сам направлял документы с предложениями об их арестах. Всего в Украине при Хрущеве только за 1938 год было арестовано 106 119 человек. Репрессии продолжались и в 1939 году – тогда арестовали около 12 000 человек, и в 1940-м – около 50 000.

Не за эти ли загубленные души Хрущев и подарил нэньке Украине Крымский полуостров?..

В октябре 1953-го на пленуме ЦК его только что избрали первым секретарем. Он еще не вошел в роль всевластного «хозяина». Кремлевские шишки помнили Никитку как исполнителя перед Сталиным украинского гопака и после смерти вождя считали его фигурой временной, проходящей. А он сам-то помнил и другое – как с его назначением на Украину тысячи приговоров заканчивались буквами «ВМС» (высшая мера наказания. – С. Г.). И пусть символически – в составе-то СССР не имеющую значения, – но сдачу Крыма Украине Хрущев провернул как бы в знак примирения с украинским народом. Палач смывал с рук кровь своих жертв...

А всего-то на это дело хитрому «Микитке» потребовалось несколько минут. После очередного заседания, отправляясь с членами Президиу-

ма ЦК на перерыв, он как бы между прочим сказал: «Да, товарищи, тут есть мнение передать Крым Украине». У всех возник вопрос: для чего это надо? «Так проще». Шепилов переспросил: «Что проще?» – «Проще и проще», – пробурчал Хрущев и затряс брюшком в кремлевскую трапезную.

Впрочем, что для гегемона те загубленные души! «Кукурузник» заморил народ обещаниями красивой жизни при «коммунизме». В Чите чекистам пришлось собирать листовки с непотребными текстами: «Болтун Хрущев, где твое изобилие?» «Долой диктатуру Хрущева!» В Новочеркасске 1 июня 1962 года восстали рабочие электровозостроительного завода. На тендере электровоза огромными буквами они тоже поместили убойный для «любимца партии и народа» текст: «Хрущева на мясо!»

На площади заводууправления собралось свыше 4.000 человек, и тогда «наш дорогой» дал команду ввести в город войска. На следующий день восставших поддержали рабочие всех заводов, было много женщин, детей. А навстречу их мирному шествию с красными флагами выступили танки и солдаты на бронетранспортерах. Хрущев, не дрогнув, распорядился открыть по демонстрантам огонь!

За возмущение спокойствия к тому времени уже трижды Героя социалистического труда многих отправили в лагеря строгого режима – сроком на 15 лет, семерых приговорили к расстрелу.

Так что не ошибся товарищ Мехлис, выбирая «сознательного студента» для подписи заметки под псевдонимом «Т». Больше того, на фронтах войны ученик обошел учителя. Крымский фронт под знаменами представителя Ставки Мехлиса потерял 176.566 человек (среднесуточные потери 14.714 бойцов – это с приказом не рыть окопы). В то же время в так называемом Харьковском сражении, где от имени партии правил бал член Военсовета генерал Хрущев (не будучи даже ефрейтором!), только безвозвратных потерь было свыше 170 тысяч. Всего же людские потери под Харьковом в мае 1942 года вошли в анналы истории цифирью еще более яркой – 277.190 человек! Полководческим гением маршала Тимошенко и генерала Хрущева ежедневно в города и веси страны уходило 15.399 похоронок.

Что же придумали-то стратеги, над чем чесали репу, имея в распоряжении две армии, две танковые бригады, две противотанковые бригады, три кавалерийских корпуса? Войск у них было больше, чем у Наполеона при вторжении в Россию – около 500.000!

Разработанный Тимошенко и Хрущевым план наступательной операции Юго-Западного фронта на Харьковском направлении предусматривал нанесение двух ударов по сходящимся направлениям на Харьков – в районах Волчанска и Барвенкова. Никто им этого плана не навязывал. Но в трагедии под Харьковом, как вообще во всем, Никита потом будет обвинять Сталина. Ложь! Вот что пишет о том генерал армии Штеменко: «Генштаб с большим опасением следил за развитием этой операции, предпринятой по инициативе фронтового командования. Ставка предупреждала фронт, что не может обеспечить операцию дополнительными войсками, боеприпасами, горючим, поскольку в то время готовых резервов и достаточных материальных средств в запасе не имелось...»

Сергей Матвеевич Штеменко слишком виртуально выражается здесь по поводу виновников Харьковской трагедии. «Ставка предупреждала фронт...» Не фронт, а «Тимоху» и Навуходоносора из Козолуповки – «нашего дорогого» Никиту! А фронт в распутицу – в валенках! – бежал уже до самого Сталинграда...

Военный совет, пишет генерал армии Штеменко, ручался за успех и без дополнительных войск да боеприпасов, горючего. Но «развитие событий пошло здесь, однако, в непредвиденном направлении». И вот немцы нанесли поражение сразу трем армиям фронта. «Положение фронта становилось все более и более трудным и наконец стало чрезвычайно тяжелым. На просьбы Военного совета о помощи Верховный Главнокомандующий вынужден был ответить:

“У Ставки нет готовых к бою новых дивизий... Наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что, кроме вашего фронта, есть еще у нас другие фронты... Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране. Учтите все это, если вы хотите когда-либо победить врага”».

Но расчеты командования Юго-Западным фронтом строились на песке. Когда наши войска на барвенковском выступе попали в сложное положение, находились в полу-окружении, Хрущев все еще настаивал на продолжении наступления. Только 19 мая во второй половине дня, когда стало ясно, что 57-я и 6-я армии окружены, Военсовет решил прекратить наступление и готовиться к обороне. Поздно! Армии влезли в подготовленный противником мешок, который ему удалось «завязать».

Немцы взяли в плен 240 тысяч наших солдат и командиров, уничтожили и захватили 2026 орудий, 1249 танков. Из окружения вышло только 22 тысячи человек – и это было все, что осталось от полумиллионного войска. Тимошенко и Никита забрались в самолет и на форсаже рванули восвояси. В докладе Сталину вину за Харьковскую катастрофу они пытались свалить на погибших – командующего 57-й армией и его штаб, командующего конной группой и не вышедшего из окружения командующего 6-й армией:

«Командование армией и часть командиров корпусов и дивизий в ответственные моменты операций и в боях не руководили соединениями войск, а разъезжали по подразделениям. Так происходило в группе генерала Костенко и 6-й армии в период полу-окружения и окружения, когда командующий армией уезжал в одну дивизию, член Военного совета – в другую, а начальник штаба – третью». Ну, конечно. Вот если бы они все вместе завалились в одну дивизию – немцы сразу бы и открыли тот «мешок» и сами бы рванули к «Тимохе» и Никите в плен.

Мертвые, известно, сраму не имут. А наше прошлое непредсказуемо. Так, спустя 20 с лишним лет Хрущев станет Героем Советского Союза. Прах Мехлиса с почестями захоронят в Кремлевской стене. Вместе с маршалом Жуковым. К слову, Жукову огульно приписывают все успехи Красной Армии («выиграл войну», «спас Москву», «спас Ленинград»...) и обходят молчанием ответственность за 1941 год, крупные просчеты в боевых операциях. С кампании десталинизации, раскрученной Хрущевым в 1956 году, на XX Съезде партии, вот уже больше полувека все наши поражения в войне валят на Сталина, а на счет Жукова числят одни победы. Право, так ли все было-то?

Скажем, зима и весна 42-го. Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция. Она проводилась с января по апрель войсками Западного фронта, которым командовал Г. К. Жуков, и Калининским – там командующим был И. С. Конев. Это 95 дивизий, 16 бригад, 1.059.200 человек боевого состава. В ходе операции им содействовали еще два фронта – Северо-Западный (командующий П. А. Курочкин) и Брянский (командующий Я. Т. Черевиченко).

Спустя годы на встрече в редакции «Военно-исторического журнала» маршал Жуков как бы между прочим заметил: «Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались. Ефремова отсекли. Белова отсекли. Они остались в тылу... Они перешли, собственно говоря, на положение партизанских отрядов».

И все-таки операция была. И готовились к ней, иначе, на кой черт было сгонять туда больше миллиона человек так называемой «живой силы»? Подробно об этом рассказывает в «Записках командующего фронтом» Иван Степанович Конев. Он рассказывает о встрече со Сталиным, как обсуждались с ним детали операции, как принималось решение для наступательных действий на этом важном плацдарме войны. Приведу отрывок из воспоминаний маршала:

«Зимой 1942 года, когда я командовал Калининским фронтом, в Генеральном штабе возникло намерение спрямить линию фронта, ликвидировать все те узоры на карте, которые образовались в результате нашего контрнаступления... Такое предложение было как будто выгодным. Но Сталин все-таки не принял решения по этому предложению без ведома командующих фронтами. И теперь представитель оперативного управления докладывал соображения Генерального штаба при нас троих (Курочкин, Жуков, Конев. – С. Г.).

Первым было заслушано мнение генерала Курочкина... Он заявил о своем согласии с предложениями Генштаба».

Дальше высказался Конев, обосновал свое суждение против спрямления фронта, и Жуков поддержал его предложение. «В ходе обмена мнениями приводились доводы и за, и против, – передает разговор в Кремле автор “Записок командующего фронтом”. – Сталин очень внимательно

выслушивал всех. А в итоге принял решение: не менять положение, не отводить войска, не утрачивать плацдармы, которые могут быть использованы для будущих наступательных действий. В последующем это решение оправдало себя. Мы убедились, насколько были важны выдвинутые вперед плацдармы и на Северо-Западном фронте, и в особенности на Калининском и Западном».

Обратите внимание, как тщательно продумывалось решение на ту операцию. Выступали и представитель оперативного управления Генштаба, и командующие трех фронтов. И так было всегда – никакого диктата, никакой авторитарности, приписываемых Верховному Главнокомандующему. В этой связи несколько слов о Сталине из воспоминаний наркома вооружения в годы войны Д. Ф. Устинова: «При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое, и как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло».

Да, так вот на встрече в редакции маршала Жукова спросили о судьбе командующего 33-й армии М. Г. Ефремова и командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса П. А. Белова, участвовавших в операции. Ответ был по-военному краткий, да не полный: их отсекали, они остались в тылу, словом, «операции никакой не было». А что же было-то?

На Западном фронте из 713.100 человек 148.940 списали как безвозвратные потери (с того света, понятно, не возвращаются). Еще 286.722 человека – санитарные потери (все ли выживут?). А сколько было еще без вести пропавших?.. Или это все сводки о боях местного значения?

Известно, например, что с начала контрнаступления под Москвой 33-я армия освободила Наро-Фоминск, Боровск, Верею. Во второй по-

ловине января 1942-го армия уже нуждалась в пополнении личным составом, боевой техникой и боеприпасами. А тут – бух! – 17 января приказ Жукова: наступать на Вязьму. Задача – совершить глубокий рейд на Вязьму – была поставлена и 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу. Там он должен был соединиться с частями 11-го кавалерийского корпуса и совместными действиями замкнуть кольцо окружения группы армий «Центр» западнее Вязьмы.

Немцев здесь поддерживало не менее 1 000 орудий и 400 самолетов. А четыре стрелковых дивизии 33-й армии – 113, 160, 329 и 338 – были брошены без должного прикрытия и обеспечения. Силы и средства, выделенные для освобождения Вязьмы, были крайне недостаточны, но от Жукова летели телеграммы: «Не топтаться перед слабым противником. Только от ваших стремительных действий зависит успех...». «Создать ударную группу, наступать на Вязьму и вместе с Беловым овладеть ею».

В мемуарах Жуков пишет: «...М. Г. Ефремов решил сам встать во главе ударной группы и начал стремительно продвигаться на Вязьму...» Ну прорвал оборону немцев командарм Ефремов. А дальше что?

Начальник разведки 1-го гвардейского кавалерийского корпуса полковник А. К. Кононенко не без оснований рассуждал по этому поводу: «Конечно, если не отрываться от реальной действительности и немного поразмыслить, можно было бы задать себе такой вопрос: как части, находящиеся в тылу врага без артиллерии и танков, без боеприпасов и прочих видов снабжения и обеспечения, могут “окружить и уничтожить” группировку противника, которая не только во много раз превосходит их по численности, но хорошо вооружена, оснащена техникой, отлично прикрыта с воздуха и не ощущает никаких недостатков в любом виде боевого обеспечения? Действительно, как? Нет, конечно же, даже человеку непосвященному и не искушенному в искусстве руководства боевыми действиями было ясно, что ни 33-я армия, ни группа войск Белова, ни корпус Соколова, ни все эти соединения вместе взятые с добавлением нескольких тысяч десантников не смогут выполнить такой задачи. На что же рассчитывал командующий Западным фронтом?..»



Встреча «без погон». Черчилль и Сталин. Москва. 14 августа 1942 г.

Теперь-то известно, командующий фронтом – он же и западным направлением – Г. Жуков не принял мер для того, чтобы закрепить и расширить создавшийся участок прорыва в гитлеровской обороне, а немцы бросили сюда две танковые дивизии и намертво перекрыли образовавшуюся брешь. Один из свидетелей трагедии 33-й армии, М. П. Сафир, вспоминает, как командарм М. Г. Ефремов, пытаясь разобраться в совершенно неясной ситуации, телефонограммой докладывал Жукову, что обстановка заставляет его находиться в Износках – там он готовился создать фланговое обеспечение прорыва. Но тут же от Жукова пришел грозный приказ: «Ваша задача быть под Вязьмой, а не в районе Износка. Оставьте Кондратьева в Износке. Самому выехать сейчас же вперед».

«Меня с собой Михаил Григорьевич не взял из-за отсутствия к тому времени в армии исправных танков, – пишет В. М. Сафир. – Узкий коридор прорыва немцы быстро перекрыли. Внешнее кольцо окружения нашей армии на моих глазах замыкал немецкий батальон. У нас практически ничего не было – один танк-калека Т-26 и немного пехоты. Попытались кольцо прорвать – бесполезно. Немедленно доложили Жукову. В ответ услышали: “Не дергайтесь, я покажу вам, как надо прорывать”. Только через двое суток, пригнав несколько вагонов со снарядами, провел артналет. Не добившись успеха, молча повернулся и уехал...»

Начальник штаба 33-й армии полковник С. И. Киносян вспоминает, как 9 апреля в район Шпырьевского леса, куда немцы загнали остатки частей армии, прилетел связной самолет с распоряжением Жукова – вывести командующего из окружения. Командарм М. Г. Ефремов при всех вскрыл пакет и вслух прочитал доставленную летчиком записку. Посмотрев на осунувшиеся лица бойцов, он громко сказал: «Я с солдатами пришел и с ними вернусь назад!» – и отправил вместо себя на том самолетишке начальника штаба Киносяна.

А группа бойцов и работников штаба во главе с генералом Ефремовым, не имея никакой техники, в ночь с 13 на 14 апреля прорвалась через сплошной пулеметно-автоматный огонь и вышла к реке Угре в районе Виселово, Нов. Михайловка. Встречного удара частей Западного фрон-

та не было. Группу уничтожили. Командарм, получив третье ранение, потерял способность двигаться. Немцы пытались взять его живым, но Михаил Григорьевич отстреливался. Затем, застрелив свою медсестру, застрелился сам.

Немцы хоронили Ефремова в деревне Слободка. При захоронении немецкий генерал сказал, обращаясь к своим солдатам: «Сражайтесь за Германию так же доблестно, как сражался за Россию генерал Ефремов!» Немец отдал честь. Был дан салют. А когда наши войска освободили тот район и Ефремова решили перезахоронить, то обнаружили, что немцы оставили на руке командарма золотые часы. Заметим тут, к слову, когда Никита Хрущев в лютой злобе к Сталину приказал вынести его тело из мавзолея и захоронить в земле, хрущевские опричники срезали с кителя генералиссимуса пуговицы, говорят, были тоже золотые...

Из окружения вышли 666 человек. Из них 400 раненых и больных. Вышли командиры дивизий: 338-й – полковник Кученов и 160-й – полковник Якимов. Из 113-й – полковой комиссар Коншин. Командир 329-й стрелковой дивизии полковник Андрусенко был приговорен к расстрелу. Приговор фронтового военного трибунала № 411 уточнял, за что: «за бездеятельность при выходе дивизии из окружения». Стрелять не стали. Военная коллегия Верховного суда СССР расстрел заменила на «10 лет лишения свободы». Войну Корней Михайлович Андрусенко окончил Героем Советского Союза.

Разгром 33-й армии поставил под угрозу и судьбу группы войск Белова. В тылу группы армий «Центр» еще действовали 3 наши кавалерийские дивизии, 3 воздушно-десантные и 2 партизанские. А у немцев было 56 пехотных дивизий, 12 танковых и огромное количество артиллерии, сотни самолетов – и все это с неограниченными боеприпасами, военной техникой, продовольствием.

Начальник разведки 1-го гвардейского кавалерийского корпуса полковник А. К. Кононенко вспоминал: «Лучше других тактике рейдирования по тылам была обучена конница, но те, кто теперь посылал ее в тыл врага, совершенно не были обучены думать о том, как обеспечить такие действия. Само собой разумеется, раз человек не способен думать, он не

способен и делать. Вот и получилось так, что, “толкнув” конницу в тыл врага, все начальники начинали мечтать об успехах, разгроме и никто – о снабжении, эвакуации, обеспечении прикрытия с воздуха, а мыслями о людях вообще никто не утруждал себя...»

Кавалеристы дрались в тылу врага героически. Но только перейдут в наступление – тут начинает работать и артиллерия, и авиация противника. И снова конники, голодные, выбившиеся из сил, истекая кровью, принимают к родной матушке-земле. Алексей Константинович Кононенко свидетельствует, какие телеграммы на сообщения о тяжелом положении войск получали от командующего фронтом: «1. Лупи противника, пока он не собрался. 2. Пошли удалцов для диверсий в Вязьму для паники. Жуков». Или так: «Действуйте нахальнее, и тогда Вязьма будет ваша. Жуков».

Полковник Кононенко рассказывает, как для связи с Соколовым еще 9 февраля от Белова ушла группа разведчиков. Ею командовал командир пулеметного эскадрона младший лейтенант Рубец. Ушли – и тишина. День, второй, третий, неделя... Когда все-таки вернулись, выяснилось, что 11-й кавкорпус находится далеко севернее шоссе Смоленск – Вязьма. «Командующий же фронтом продолжал уверять Белова, что 11-й кавкорпус захватил шоссе. Больше того – закрепился на нем!.. Но возвратились разведчики и доложили: по шоссе спокойно двигаются танки и машины немцев. Кому нужен такой обман!..»

В апреле, когда начал таять снег и потекли весенние ручьи, Белов сообщает: «Бойцы совершенно выбились из сил, в мокрых валенках, в плохом обмундировании. Кожаной обуви нет. Люди лежат в мокрых снежных окопах». Начальник штаба группы полковник Заикин доносил в тыл фронта генералу Виноградову: «Фуража совершенно нет. Лошади голодают, увеличился падеж. Прошу срочно подать овес, комбикорм...» Летит ответ: «Если местные ресурсы продфуража исчерпаны, то маневрируйте, в большие бои не ввязывайтесь. Жуков».

Лошадь, она что – глупая скотина. Приказов не читает, комиссаровых речей не слушает. Привыкла к регулярного приему определенной порции сена. Ей еще и овса подавай. Иначе... Шла, шла – упала да испустила дух!

Начальник политотдела 10-й армии в донесении политуправлению Западного фронта сетовал, что «отдельные лица начальствующего состава и бойцов» не выполняют приказы, проявляют неорганизованность, трусость, бросают оружие и бегут с поля боя. Откуда такое с внуками чудо-богатырей Александра Суворова, Михаила Кутузова? Начальник политотдела, как любят говаривать нынешние генералы да маршалы, все «держал под контролем» и объяснял такое положение дел по-своему: «В силу отсутствия командирской воли и большевистской настойчивости, в сознание массы бойцов и командиров не внедрялось высокой политической сознательности, железной воинской дисциплины, наступательного порыва, бодрости и уверенности в победе над врагом».

Сосед 10-й армии по левому флангу, командующий 16-й армией генерал К. Рокоссовский рассуждал иначе: «Еще не видя врага, задолго до атаки героическая пехота выбивалась из сил, несла потери, – и поди, не случайно вспоминал великих пращуров наших: – Сложность заключалась еще и в том, что мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому “каждый солдат должен знать свой маневр”. И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание – аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронтом формулировкой задачи – “изматывать противника”, осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя».

Так говорил военачальник, к которому Сталин обращался только по имени-отчеству – Константин Константинович.

P.S.

**Гвардии капитан 8-й гвардейской стрелковой
имени И. В. Панфилова дивизии Баурджан Момыш-улы – жене**

«14 января 1942 года

Жамкеш!

Я очень и очень люблю жизнь. Люблю Родину свою – свободную и независимую. Люблю тебя, люблю нашего сына Бахитджана – счастье

наше. Люблю жизнь – шел и иду за нее в бой. Моя жизнь принадлежит моей матери-Родине. Будет жить она свободной, независимой жизнью – буду жить и я счастливо, родные мои. Иду и веду за нее бой!

Капитан Баурджан Момыш-улы»

Баурджан Момыш-улы закончил войну полковником, командиром 9-й гвардейской стрелковой дивизии.

И. И Кузнецов – жене и детям

«15 марта 1942 года

Уважаемая моя дорогая семья. В настоящее время я жив, здоров и того вам желаю.

От фронта, где я нахожусь, 9 километров. Полтора месяца я не слышу и не знаю, как вы живете, и сердце мое обливается кровью. Мы кладем все силы и старания на борьбу с врагом. Дочка Маня, читай письмо родимого батюшки, только ты не плачь и не тревожься. Передаю своей дорогой супруге Ольге Васильевне мое супружеское почтение и с любовью низкий поклон. Заочно целую тебя несчетно раз, и уста твои будут помнить долго меня. Еще передаю своим деткам, Марии Ивановне и Татьяне Ивановне и дочкам Нюре, Зине и Тоне и матери свое любящее почтение. Еще, дорогие мои родные, передайте привет сыну Ивану Ивановичу. Я нахожусь, где и мой сын Дмитрий Иванович.

20 марта пойдем наступать на врага, громить его будем.

Ваш отец»

Иван Федосеевич Селедцов – жене и родным

«7 июня 1942 года Юго-Западный фронт

Здравствуйте, милые мои Верочка и Светочка! Шлю вам свой горячий, сердечный привет, целую вас крепко, крепко.

Милая Верочка, сегодня получил от тебя письмо, которое ты написала 8 мая. Я очень рад ему. Получил также фотокарточку, где мы с тобой вдвоем, теперь у меня две. Я ждал фотокарточку Светочки, очень охота посмотреть...

Пару слов о себе. Живу хорошо, воюем. Успехи неплохие, думаю, что будут еще лучше. Сам я чувствую себя хорошо. Здоров. Нахожусь

на харьковском направлении, недалеко от Харькова. Работы много. Энергия в работе все больше возрастает. Ненависть к врагу настолько большая, что не жалко даже своей жизни для того, чтобы уничтожить эту гадину. И скоро придет время, когда вся фашистская мразь будет уничтожена...

Милая Верочка, поверь, что для меня радость и счастье только ты, и сколько бы времени это ни продолжалось, сколько бы я ни был с тобой в разлуке, я буду помнить только о тебе.

Передай привет маме, папе, Зине, Нине и всем моим знакомым. Пиши, не забывай. Придет время, и мы будем вместе.

До свидания, родная.

Крепко любящий тебя, твой Ваня»

22 июня 1942 года танковый батальон И. Ф. Селедцова вступил в единоборство с большим количеством гитлеровских солдат, наступавших на деревню Ковалевку Харьковской области. Фашисты не прошли рубежа, занимаемого танкистами Селедцова. В неравном бою комбат погиб смертью храбрых.

5 ноября 1942 года старший лейтенант И. Ф. Селедцов посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Евгений Иванович Червонный – жене

«Июль 1942 года

Родная Талюшка!

Трудно начинать трафаретными словами: когда ты получить это письмо, меня уже не будет в живых. Но ведь это так, и надо мириться с действительностью.

Жизнь! Гордо звучит это слово. В нем печаль и радость, страдание и блаженство. Я не хочу быть бахвалом, говоря, что жизнь мне безразлична. Нет, она оценена очень высоко. И терять ее весьма тяжело.

Молодость! Что может быть дороже этого? Я не отношусь к категории “мрачных искателей смерти на поле брани”. Играть жизнью недостойно человека. Это не значит, что надо бояться опасности. Много возможностей представлялось быть на берегу. Но я, как и многие мои товарищи, выбирал море, где больше опасности и риска, зато можно найти полное применение себе и принести максимум пользы. Проще, это было желание отдать все, что имеешь.

Есть жизнь, заключающаяся в ежедневном прозябании на положении безгласной скотины, и есть свободная и счастливая, с прекрасными перспективами. Добиться последней является целью и задачей каждого из нас. На наше поколение возложена большая и благородная задача: ценою своей крови и жизни приобрести право на счастье...

Вот сейчас вспоминаются детство и юность. Первые робкие шаги к сдаче “аттестата зрелости”. Первый экзамен – 1938–39 гг. – концлагерь в Испании. Там я избавился от части того благодушия и привычки видеть все в розовом свете, которые присущи каждому юноше и девушке. Это был хороший урок в попытке познать жизнь. Там, в Испании, появилось ясное представление о враге. Результатом явилось решение – всю свою деятельность посвятить военному делу, быть командиром. Сейчас ты уже ощутила привкус ненависти. А у меня он появился еще тогда.

Спокойный и мирный 1940 год. Год грандиозных планов на будущее. И вот пришла война. Перед каждым стояла проблема – найти свое место, быть достойным сыном своей Родины. Старое чувство ненависти, оккупация любимой Украины, потеря отца, матери, брата, сознание того, что борьба всеобщая и на кого-то полагаться нельзя, помогли с первых дней определить свою роль и место. Война стала испытанием, она окончательно определила характер. Я отдавал все. И наберусь смелости сказать, что никто не может упрекнуть меня в поступке, недостойном командира-коммуниста.

Нам пришлось узнать правду жизни, горькую и раньше срока, какой положен по возрасту, но тем дороже будет сама жизнь. Познаешь действительную цену ее, и каждый день или час ее будет представляться уже не мелочью. Я знаю и уверен, что, выйди я целым из этого испытания, мы зажили бы счастливо... Мы живем в такое время, что, прежде чем претендовать на это счастье, необходимо завоевать его в жестокой борьбе и внести свою скромную лепту в общее дело. Будут ли эти силы – знание, кровь или жизнь, безразлично. Вне этого оставаться нельзя.

Вспоминай иногда, что был любящий тебя человек, который, не задумываясь, отдал бы жизнь за свою Талюшку. А ведь оно в действительности так и есть. Во всем общем есть частица каждого человека. И то, за что я отдал ее, есть и твое дело. Я верил в твою любовь, знаю, что она кристально чистая, и тем отрадней для меня вспоминать прожитое время...

Я знаю, что тебе трудно будет смириться с мыслью утраты Женьки. Но, прошу тебя, не давай никаких обетов. Постарайся рассеять быстрее

все мрачное. Сделай свою жизнь счастливой. И хочу верить, что через некоторый промежуток времени все забудется или хотя бы сгладится, и ты еще познаешь личное счастье. Каждому своя участь. И с этим надо согласиться. Хочется выразить чувство благодарности маме, папе и Зойке. Ведь они относились ко мне как к сыну. Желаю им счастливой, беззаботной и долгой жизни. Надеюсь, что родным и Зойке придется еще ласкать и пестовать своих внуков, сыновей и племянников...

Вот как будто все. Хотелось так много сказать, найти теплые слова, которыми можно выразить свои чувства. Но ты и так хорошо знаешь своего Женьку и понимаешь с полуслова. Ведь так?

Желаю счастья, здоровья и доброго духа. Будь умницей. Не надо сильно печалиться. Ведь этим не поможешь. Устраивай свою жизнь счастливо, чтобы могла пожить за меня.

Вспоминай иногда Женьку, но без грусти, а с мыслью, что он погиб не напрасно. Будь счастлива.

Любящий тебя Евгений»

Великая Отечественная война застала старшего лейтенанта Евгения Ивановича Червонного в Таллинне. В суровые августовские дни 1941 года морской охотник, которым командовал Евгений, шел вместе с кораблями Краснознаменного Балтийского флота из Таллиннской гавани в Кронштадт. Это был героический подвиг моряков-балтийцев. Под непрерывной бомбежкой через вражеские минные поля балтийцы с боями прорывались на свою основную базу. За личную отвагу и смелые действия экипажа Евгения Червонного наградили орденом Красного Знамени.

В один из июльских дней 1942 года старший лейтенант Червонный уходил в море. Шансов возвратиться живым почти не было. Евгений знал, на что идет. В последние минуты перед выходом в море Евгений написал это письмо...

«КУДА НИ ГЛЯНЕШЬ – ОГОНЬ...»

С апреля по июнь 1942-го наши войска пытались прорвать блокаду Ленинграда, но тщетно. Под Тихвином была потеряна целая армия, ее командующий генерал Власов сдался в плен, а немцы 28 июня начали

широкомасштабное наступление с целью захватить Сталинград и отрезать нас от кавказской нефти.

Еще в апреле 42-го немецкое командование, готовясь к летней операции, главной целью ставило захват нефтяных районов Кавказа. В директиве № 41 от 5 апреля упоминался Сталинград, но этому направлению отводилась вспомогательная роль. Немцы полагали, что для овладения Сталинградом достаточно 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии Гота. А в середине июля они и 4-ю танковую повернули на юг – для действий на Кавказе.

Но в том же июле пришлось спешно перенацеливать 4-ю танковую армию с северо-кавказского на Сталинградское направление. Для прикрытия его с нашей стороны из резерва Ставки были направлены войска трех армий – 62, 63 и 64-й. Эти армии, а также отошедшая за Дон 21-я и 8-я воздушная вошли во вновь созданный Сталинградский фронт. Создан он был 12 июля, и командующим его назначили маршала С. К. Тимошенко. Но, как вспоминает маршал А. М. Василевский, «Ставка и Генеральный штаб с каждым днем все более и более убеждались в том, что командование этим фронтом явно не справляется с руководством и организацией боевых действий такого количества войск, вынужденных к тому же вести ожесточенные бои на двух разобщенных направлениях. Не справлялось оно и с руководством теми мероприятиями, которые по заданиям ГКО и по требованиям военной обстановки должны были проводиться для усиления обороны города и удовлетворения нужд войск продукцией, производимой городской промышленностью...» (http://velib.com/read_book/vasilevskijj_aleksandr/zhukov_marshal_zhestokojj_vojjny/a_m_vasilevskijj_polkovodec_zhukov_iz_knigi_a_m_vasilevskogo_delo_vsejj_zhizni/stalingrad/).

Здесь я предлагаю устроить небольшой перекур. Отбросим на время заботы фельдмаршала Манштейна – «искоренить раз и навсегда еврейско-большевистский строй», отставим самый суровый за войну приказ, который уже зрел где-то в Кремле и которому суждено будет обрести реальный смысл в словах «Ни шагу назад!», и перенесемся в имение графа Юсупова, ныне престижный военный санаторий. Там в январе 1965 года

отдыхал генерал-лейтенант авиации А. В. Беляков, он и расскажет нам об одной из своих памятных встреч:

«В январе 1965 года, будучи в санатории “Архангельское”, я получил любезное приглашение генерала Ивана Никифоровича Рухле посетить маршала Василевского. Такой случай представился 26 января.

С волнующим чувством ожидал я встречи с военачальником, перенесшим на своих плечах всю тяжесть оперативно-стратегического планирования, тягчайшей борьбы нашего народа за свою независимость...

Александр Михайлович родился в 1895 году, окончил академию им. Фрунзе и академию Генерального штаба вместе с Рухле. Сын священника. Когда маршал Шапошников в первые месяцы Великой Отечественной войны был назначен начальником Генерального штаба, он привлек Василевского на должность начальника оперативного управления Генштаба (это было, кажется, 26 июля 1941 года).

После ухода Шапошникова Василевский был назначен начальником Генерального штаба и продолжал им быть до конца войны. Затем он был назначен военным министром до прихода на эту должность Булганина. Продолжая работать в должности заместителя министра, он в период XX Съезда КПСС вновь получил предложение занять пост министра. Чувствуя ухудшение здоровья, Александр Михайлович отказался в пользу маршала Г. К. Жукова, который оставил его в роли заместителя по науке. Однако в 1956 году Жуков неожиданно предложил Александру Михайловичу заняться писанием истории и мемуаров и уйти на пенсию. Этот удар повлек у Василевского инфаркт миокарда, и он слег надолго в постель. Только в 1959 году новый министр, Малиновский, предложил ему возвращение на службу в роли инспектора при министре. Вот кратко история.

В дачном поселке “Архангельское” мы без труда нашли домик № 18. Зеленые ворота и калитка. Участок соток 30–40 покрыт девственно-белым снегом. Видны кустарники и фруктовые деревья – сливы, груши. Дача каменная, небольшая, светлая и очень приветливая.

В кабинете Александра Михайловича шкафы и полки с книгами. 1-е издание БСЭ, 2-е издание ее же, “История Великой Отечественной

войны”, произведения классиков отечественной и переводной литературы украшали стены кабинета.

За письменным столом рукописи, пишущая машинка.

– Вот написали в Институте марксизма-ленинизма (у Пospelова) и издали 5 томов “Истории Великой Отечественной войны”. А толк какой? Очень много архивных материалов не использовали, – говорит А. М. Василевский. – Излагают записки операций, а архив Генерального штаба, документы, мною составленные и оформленные, лежат без движения и даже как следует не систематизированы.

Теперь в этом же институте составлен “Краткий исторический обзор Великой Отечественной войны”. Ранее меня к консультациям не привлекали, а теперь, вот видите, Пospelов пишет просьбу, чтобы я просмотрел сигнальный экземпляр и дал свои замечания. Я их написал. Так теперь родился ко мне вопросник. Вот он на двух страницах. Совершенно необходимо пересоставление и переиздание “Истории Великой Отечественной войны”.

Делу не помог маршал Еременко. Он в своих мемуарах неточен, предвзят и просто необъективен. Приписывает себе замысел Сталинградской операции, а между тем в Генштабе основные мысли и директивы о создании и сосредоточении резервов для этой операции начались еще в августе 1942 года.

Александр Михайлович очень оживился, был весьма рад нашему посещению, особенно Ивану Никифоровичу Рухле. Здесь он более подробно услышал от Рухле историю его работы в роли начальника штаба Сталинградского фронта, разногласия с Маленковым и Жуковым (они обвиняли Рухле в том, что он пропустил немцев к Волге) и последующий арест и отсидку 10 лет.

Просидели два часа, побоялись утомить маршала и ушли очень довольные встречей...»

Маршал Василевский действительно написал воспоминания. Книгу озаглавил так – «Дело всей жизни». А еще была публикация в сборнике «Сталинград: уроки истории». Именно там, ссылаясь на Ставку и Генштаб, маршал пишет, что командование Сталинградским фронтом «явно

не справлялось с руководством и организацией боевых действий». Так что откровения бывшего начальника штаба этого фронта генерала Рухле в работе над воспоминаниями о былом, видно, негодились Александру Михайловичу. И то сказать, с июня 1942-го он – начальник Генерального штаба – принимал участие в разработке плана наступательной операции под Сталинградом, находился там как представитель Ставки. О том, что начальник штаба фронта Рухле арестован и упрятан на 10 лет в тюрьму – якобы за прорыв немцев к Волге и прочее – Василевский конечно же знал. Как и о том, что летом закрыть коридор в Сталинград, восстановить утраченное положение не смогло и новое руководство – теперь уже двух фронтов, Сталинградского и Донского.

В большой излучине Дона немало наших дивизий оказалось в окружении, тысячи командиров и красноармейцев попали в плен. И тогда, чтобы остановить отступление, Сталин подписал приказ № 227 от 28.07.42 г. с известным призывом «Ни шагу назад!». Вчитайтесь, друзья, в простые, идущие от сердца, исполненные горечи слова.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россосшь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского Союза – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага».

Этот суровый приказ был встречен с облегчением – народ ждал правды, и она была сказана – мужественная, хотя и горькая, правда. И главное – приказ вселял веру, что с отступлением будет покончено.

Из хроники боевых действий:

7 августа

Утром 6-я полевая армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. Паулюса, получив значительные подкрепления и имея перевес сил в четыре раза, возобновила наступление.

19 августа

Ф. Паулюс подписал приказ «О наступлении на Сталинград». Ударные группировки 6-й и 4-й танковой гитлеровских армий при участии 8-й итальянской армии одновременно начали наступление на Сталинград с севера и юга. Противник добился незначительных успехов, его продвижение было остановлено на рубеже совхоза имени Юркина севернее Абганерово.

23 августа

Ударная группировка 6-й армии вермахта перешла в наступление. Войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов расчленены 8-километровым коридором, по которому двинулись танковые части армии Ф. Паулюса. Они достигли северной окраины Сталинграда в районе Латошинки, оказавшись в 2–3 км от Тракторного завода. 62-я армия была отрезана от основных сил с северного фланга.

Сталинград стал фронтовым городом, передовой линией фронта.

В 16 часов 18 минут силами 4-го воздушного флота люфтваффе по командованию генерал-полковника В. Рихтгофена началась массированная бомбардировка Сталинграда. В течение дня было произведено 2 тысячи самолетовылетов. Город был разрушен, погибли десятки тысяч жителей.

Наши истребители, отражая налет, провели над городом 25 воздушных боев и сбили 90 гитлеровских самолетов, а вместе с зенитной артиллерией – 120.

24 августа

В 4.50 утра представитель Ставки генерал А. М. Василевский доложил Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину о трагических

событиях 23 августа, на что Сталин по телефону ответил: «Советую: Первое – обязательно и прочно закрыть нашими войсками дыру, через которую прорвался противник к Сталинграду, окружить прорвавшегося противника и истребить его. У вас есть силы для этого, вы это можете и должны сделать.

Второе – на фронте западнее и южнее Сталинграда безусловно удерживать свои позиции, частей с фронта не снимать для ликвидации прорвавшегося противника и безусловно продолжать контратаки и наступление наших войск с целью отбросить противника за пределы внешнего Сталинградского обвода».

25 августа

Сталинград объявлен на осадном положении. Фашистские войска, наступающие с юга, форсировали Дон в районе Калача. Воины 64-й и 57-й армий остановили продвижение 4-й танковой армии под командованием генерала Г. Гота.

27 августа

Радио Парижа сообщало: «Внимание всего мира сейчас приковано к грандиозному сражению под Сталинградом. Радио Америки, Англии и держав “оси” передают сообщения, что бои под Сталинградом по своим размерам превосходят все бои этой и прежних войн. Значение Сталинграда для СССР огромно. Сдать Сталинград – значит открыть противнику сердце страны».

29 августа

4-я танковая армия вермахта, наступая с юга, прорвала фронт обороны 64-й армии, которая заняла новый рубеж по реке Червленной.

В район Сталинграда прибыл представитель Ставки ВКГ генерал армии Г. К. Жуков.

29 августа 4-я танковая армия противника прорвала оборону Юго-Восточного фронта, расколов боевые порядки 64-й и 62-й армий, и по

приказу командующего фронтом войска этих армий были отведены на внутренний оборонительный обвод. Создалась угроза прорыва немцев в пределы Сталинграда с юга.

Город горел. Авиация противника господствовала в воздухе. Именно в эти дни на одном из подмосковных аэродромов на очередное переформирование собрались пилоты 434-го истребительного авиаполка. Они прилетели сюда из-под Сталинграда – опытейшие воздушные бойцы, которых собрал Василий Сталин еще в мае 42-го.

Полком вообще-то командовал Герой Советского Союза 23-летний майор Иван Клещев. Однако, находясь в непосредственном подчинении инспекции ВВС, руководство 434-м истребительным авиаполком сначала осуществлял заместитель начальника инспекции подполковник Пруцков, а с 13 июля – Василий Сталин.

Как работал этот один из сильнейших наших авиаполков под Сталинградом? По-разному.

О Сталинградской битве, как, впрочем, и о многих других, понаписано столько всякого, что не хотелось сбиться на повторение канонизированных историй о массовом героизме, о какой-то чудодейственной ведущей и направляющей силе. Автор далек и от того, чтобы навязывать читателю какие-то собственные выводы. Буду вполне удовлетворен, если прочитавший просто задумается над фактом и хотя бы на мгновение в чем-то усомнится...

Так вот – для сравнения – о делах полка, который вскоре перейдет под командование Василия Сталина.

26 июля 1943 года бойцам его был дан приказ прикрывать переправы в районе Калача. И за день полк насбивал, как за весь предыдущий месяц, – 34 самолета противника! Понятно, на аэродроме политрабочие засуетились: обобщить опыт, распространить опыт... Тогда появился и групповой портрет летчиков 434-го истребительного. Мне его подарил Герой Советского Союза генерал В. А. Луцкий – он командовал нашим исследовательским Центром в Липецке.

Владимир Александрович, помню, показывал тогда на снимке: «Вот Иван Клещев, командир полка. Вот Андрей Баклан, он в тот день был

ранен, но вернулся на У-2. Вот Володя Микоян, совсем еще мальчишка. А вот Вася Сталин – обнял нашего Котика...»

Пилоты, видно, только что из боя. Расположились у копенки сена – кто лежа, кто присел. Снимок на память о хорошем боевом дне. Сама история!

Еще не было того наркомовского приказа № 277, в котором говорилось о знаменах, покрытых позором, о том, что Красную Армию многие проклинают. Еще не вступил в силу призыв «Ни шагу назад!». Грозный приказ еще зрел в Кремле, он вот-вот появится. А пилоты 434-го истребительного авиаполка – и без того приказа – как стояли, так и стоять будут за родное Отечество – насмерть.

Я расскажу об одном из них, кому не суждено было дожить до победы, но кто своей короткой и светлой жизнью приблизил ее.

Владимир, второй по возрасту из пятерых сыновей Анастаса Ивановича Микояна, под Сталинград перелетел вместе со Степаном, своим старшим братом. Степан только что вышел из госпиталя, с ним проблем в отправлении на фронт не было – уже обстрелянный боец. А вот Володю решили не пускать: ну какой из парня истребитель, если год назад впервые только в небо поднялся! Но он упорно настаивал, писал на имя Василия – начальника инспекции ВВС – рапорты. Вот один из них:

«Прошу Вашего разрешения об отправке меня с 434-м истребительным авиационным полком для участия в боевых операциях. К работе в полку считаю себя подготовленным.

Старший лейтенант Микоян В.»

Дальнейшие события с отправкой Володи на один из самых тяжелых фронтов – да в какое время! – решались помимо рапорта. Как все это происходило, мне рассказал сам Анастас Иванович, и не только рассказал, а даже описал подробности последней встречи и разговора с сыном.

Помню тот вызов в Кремль. Бюро пропусков у Спасской башни, здание за Кремлевской стеной – и вот часовой как-то особенно долго и напряженно всматривается в мое удостоверение личности офицера, прежде чем пропустить в здание с кабинетами. Говорят, при этом контроле не так важно что-то там обнаружить – проблема ли сличить человека с его фотоснимком? – глав-

ное, определенное время выдержать. Это скорее из области психологической проверки: а вдруг задержась... Ты ведь стоишь перед вооруженным верзилкой, который вытянулся – словно аршин проглотил, и смотрит, смотрит, смотрит на твой документ, что-то там вычисляет, обученный квалифицированными специалистами. В принципе он за две-три секунды уже все уловил: явившийся в Кремль не какой-то там англо-американский шпион и вовсе не псих с улицы. Это выяснили еще до него! – когда пропуск заказывали, когда его выписывали. Так что остальные 58 секунд гренадер просто выполняет инструкцию, а сам при этом может думать о любимой Марусе из Крыжополя: «Ой, та яка ж вона гарна дівчина...» Или о колбасе, которую сегодня на ужин дадут... А ты при этом стой и молчи. Шаг вперед – по башке получишь. Да с часовыми вообще разговор короткий...

Когда изучение моего типового армейского удостоверения и простой в общем-то физиономии перевалило на вторую минуту – казалось, вечность прошла! – я уже сам стал сомневаться: а не лежит ли у меня в портфеле бертолетовая бомба, а не торчит ли, случаем, из-за голенища сапога финка... Ничего, пронесло. Солдат-шкаф вдруг вытянулся передо мной, как перед императором эфиопским, резко вернул мне документ, и я, не слишком уже уверенный, что благополучно удастся вернуться из Кремля домой, побрел по коридору, отыскивая нужную комнату.

Дальше все было просто. Нина Ивановна, секретарь Председателя Президиума Верховного Совета СССР, впустила меня в кабинет, где я повоенному представился человеку кавказского типа – это и был Микоян, – и без долгих вступлений мы приступили к беседе.

Анастас Иванович рассказывал, как рвался его сын на фронт. Перед отлетом 434-го истребительного авиаполка Володя нервничал и как-то с возмущением бросил: «Проклятая эта фамилия – Микоян!» На что отец возразил: «А чем она тебе мешает?» Ну, Володя популярно и объяснил, мол, был бы Ивановым – хоть завтра на фронт, а так нашли отговорку: достаточно в полку одного Микояна – Степана.

– И тогда я ему сказал, – не торопясь, с акцентом Анастас Иванович передавал грустную историю проводов сына на его гибель: – Ты

не прав, Володя. Фамилия твоя не должна быть помехой в этом деле. Скажи своему начальству от моего имени, что ты военный летчик и должен быть там, где твои товарищи...

Во время беседы рядом со мной сидел какой-то мужик. Я решил, что это тоже один из секретарей или помощников Микояна, но вот полез в боковой карман кителя за блокнотом, чтобы записать рассказ Анастаса Ивановича, – и наивность мою как ветром сдуло!

Тот – с виду вполне интеллигентный – мужик вдруг всем корпусом рванулся в мою сторону и... В первое мгновение я даже не сообразил, что его так испугало. Потом наконец дошло, и до конца беседы озабоченность, чтобы ненароком еще раз не потревожить охранника старого человека, уже не покидала меня. Я не лазал больше по карманам, старался даже меньше записывать, словом, не допускал никаких лишних движений за столом.

Уж сколько лет минуло, но восторг мой перед реакцией и натренированностью того помощника-секретаря-охранника, признаюсь, не угасает. Нынче на Святую Русь повезли всяких видов азиатских и иных побоищ – жестоких, человеконенавистнических, – но все те диковинные каратэ, у-шу и др. и пр. меркнут перед обученностью старой гвардии НКВД – свернуть шею любому!

Одно я вот только не пойму: неужто тот паря действительно мог подумать, что в карман я полез не за блокнотом, а за маузером?..

Второй раз в Кремль я входил уже, как в родной дом.

Когда я был у Микояна в Кремле, только что вышла книга его воспоминаний «Дорогой борьбы». Подписав на память свою работу, председатель Президиума Верховного Совета СССР пожал мне на прощание руку и сказал:

– Асталное памошник паможет...

Думал – писать или не писать? – как-то не вяжется до сих пор: Кремль, можно сказать, святилище русской истории, культуры и... подзаборный мат! Но из песни слова не выкинешь, и я хочу рассказать, как за высокой Кремлевской стеной, как раз напротив мавзолея товарища Ленина, меня обложили матом. Мат вообще-то не так чтобы слишком крепкий был, скорее даже примитивный: тому специалисту – попадись он

на аэродроме – я бы десять очков вперед дал! Но известно, эффект выигрывает от неожиданности...

Итак, Анастас Иванович во вторую нашу встречу припомнил письмо одного красноармейца, который рассказывал, что, будучи пленным, он с товарищами видел, как погиб Володя, и похоронил его. Я, естественно, спросил разрешения познакомиться с письмом. Микоян распорядился сделать копию, и после аудиенции мне предложили пройти в соседний кабинет. Вот там тот самый мужик – который с виду интеллигент – и врезал по мне короткую очередь:

– Ты какого х... все ищешь здесь? – спросил он.

Ба-а-а... Я, конечно, слышал истории, как моих коллег по журналистике в ЦэКа пороли. Тамошние чиновники могли и кулаками по столу стучать и тем же искрометным матом всю беседу провести: в споре, так сказать, рождается истина. За 70 с лишним лет мы, похоже, родили ее, ту истину. Но, повторяю, так неожиданно, да прямо за мавзолеем...

Я тогда хотел объяснить помощнику Микояна: мол, никто не забыт и ничто не забыто, мол, поиск неизвестного солдата...

Тут кабинет прошла очередь пожестче, длиннее и еще откровеннее. Но я все-таки получил копию письма, диспут решил не продолжать и поспешил оставить святилище. С тех пор Кремль, да не так он, как красные звезды на его башнях, вызывают у меня, признаюсь, несколько двойственное ощущение. Однако это – сугубо личное восприятие...

А Володя Микоян погиб, по сути, в первом же бою.

Почти одновременно с ним в полк к Клещеву прибыло звено девчат из соединения Марины Расковой – Клавдия Блинова, Ольга Шахова, Антонина Лебедева, Клавдия Нечаева. Сначала сбили Нечаеву, потом погиб любимец полка Николай Парфенов. 18 сентября из третьего боевого вылета на прикрытие наших войск в районе станции Котлубань не вернулся и Владимир Микоян.

Вечером того дня командир 434-го истребительного авиаполка Иван Клещев писал боевое донесение: «Прикрывающая группа наших истребителей, которую вел капитан Долгушин, видела, как старший

лейтенант Микоян после второй атаки зажег еще самолет противника – Хе-111, который горящим стал падать в трех-четыре километрах южнее деревни Котлубань. Затем прикрывающая группа была атакована истребителями противника.

После окончания воздушного боя все наши самолеты вернулись на свой аэродром, за исключением старшего лейтенанта Микояна Владимира».

Не поднялась рука храброго рубаки Ивана Клещева написать, что летчик Микоян погиб...

С направлением Жукова в район Сталинграда туда были переброшены три армии – 1-я гвардейская, 6-я и 24-я. Они должны были нанести контрудар с севера и деблокировать 62-ю армию.

И вот 3 сентября. Сталин торопит Жукова с наступлением – приказывает найти его и передать такую телеграмму: «Положение под Сталинградом ухудшилось. Противник в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если Северная группа войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимы никакие промедления. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации очень мало».

Жуков доложил, что раньше 4 сентября начать наступление не может – надо увязать взаимодействие частей с артиллерией, танками и авиацией. Сталин тогда спросил: «Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь? Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедленно не ударите с севера».

Жуков настаивал: «Прошу разрешить начать наступление 5-го. Что касается авиации, то я сейчас же дам приказ бомбить противника всеми силами».

Сталин дал согласие, но распорядился: «Ну, хорошо. Если противник начнет общее наступление на город, немедленно атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск».

4 сентября

На Сталинградское направление была передана 291-я штурмовая авиационная дивизия. И в тот же день Ставка ВГК распорядилась о создании для Сталинградского фронта 16-й воздушной армии. 8-я воздушная армия оставалась на Юго-Восточном фронте.

13 сентября

Официальная дата начала уличных боев. Гитлеровская армия начала штурм Сталинграда.

14 сентября

Один из самых тяжелых дней Сталинградской эпопеи. Противник бросил на город 7 своих лучших дивизий, 500 танков, несколько сот самолетов, более тысячи орудий. Особенно ожесточенные бои развернулись в районе Мамаева кургана, на берегу реки Царицы, у элеватора и на западной окраине Ельшанки. Ценой больших потерь гитлеровцы овладели господствующей над Сталинградом высотой 102,0 – Мамаевым курганом, вокзалом Сталинград-1.

18 сентября

Сталинградский комитет обороны принял решение о мобилизации всего населения Тракторозаводского района на строительство баррикад.

26 сентября

Лондонское радио передавало: «Наши симпатии к русскому народу растут с каждым днем. Нам хочется сражаться с такой же сумасшедшей энергией, с которой наши союзники ведут бои на улицах Сталинграда».

30 сентября

В командование Донским фронтом вступил генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Сталинградским фронтом – генерал-полковник А. И. Еременко.

3 октября

И. В. Сталин в послании У. Черчиллю сообщал: «...положение в районе Сталинграда изменилось к худшему с первых чисел сентября. У немцев оказались большие резервы авиации, которые они сосредоточили в районе Сталинграда, и добились двойного превосходства в воздухе... Мы могли бы временно отказаться от некоторых видов помощи... при условии, что будет усилена помощь истребительной авиацией... Такая помощь была бы более эффективной, и она ухудшила бы положение на фронте» (http://vlastitel.com.ru/stalin/perepiska/sc/sc42_10.htm).

В письме Г. Кэссиди, московскому корреспонденту американского агентства «Ассошиэйтед Пресс», И. В. Сталин писал, что «в сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, помощь союзников Советскому Союзу пока еще малоэффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств» («Правда». 5 октября 1942 г.).

5 октября

Верховный Главнокомандующий потребовал от командующего Сталинградским фронтом А. И. Еременко принять все меры и обеспечить оборону Сталинграда, чтобы город ни при каких обстоятельствах не был сдан врагу.

Ставка ВГК из своего резерва передала Сталинградскому фронту новые подкрепления для обеспечения обороны на островах Волги: Спорном, Зайцевском, Голодном и Сарпинском.

7 октября

И. В. Сталин в послании Т. Рузвельту сообщал: «Что касается положения на фронте, то... за последние месяцы наше положение на юге, особенно в районе Сталинграда, ухудшилось из-за недостатка у нас самолетов, главным образом истребителей. У немцев оказался большой резерв самолетов. Немцы имеют на юге минимум двойное превосходство в воздухе, что лишает нас возможности прикрыть свои войска. Практика войны

показала, что самые храбрые войска становятся беспомощными, если они не защищены от ударов с воздуха» (http://www.stalingrad-battle.ru/index.php?id=224&option=com_content&view=article).

14 октября

Мэр города Ковентри (Англия) А. Гриндлей сообщил в телеграмме: «Ковентри, наиболее пострадавший от войны город Британии, с глубоким восхищением приветствует защитников героического города Сталинграда, чей пример вдохновляет каждого честного человека, поднявшегося против общего врага. Жители Ковентри никогда не забудут жертв, принесенных Сталинградом, и выражают вам, сталинградцам, чувство особой симпатии и восхищения вашим великолепным мужеством и железной решимостью бороться до победы» (<http://www.biograph.ru/index.php/gallery/1691-chronicleoctober>).

21 октября

Противник увеличил налеты авиации до 2 тыс. самолетовылетов в сутки. Под прикрытием авиации немецкие дивизии ведут бои за заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». Усилены атаки и бомбовые удары по переправе через Волгу.

По указанию Ставки ВГК Донской и Сталинградский фронты готовят очередные наступательные операции. Для укрепления островов на Волге присланы стрелковая дивизия, полк ПВО и 20 крупнокалиберных пулеметов.

29 октября

На 28 октября из Сталинграда было эвакуировано свыше 330 тыс. граждан. Остались только те, кто работал на оборону.

31 октября

В октябре продвижение немецких войск на всем протяжении фронта было остановлено. Они вынуждены были перейти к обороне.

7 ноября

К защитникам Сталинграда обратились с приветственной телеграммой рабочие товарных складов города Чикаго (США): «Мы выражаем свою поддержку бессмертным защитникам и рабочим Сталинграда. Мы сегодня приняли резолюцию, требующую немедленного открытия второго фронта».

Газета «Дейли уоркер» сообщила об объявлении мэром города Нью-Йорка Ла Гардиа 8 ноября «Днем Сталинграда»: «В последний год особенно выдающимся и главным событием является эпическая оборона Сталинграда, не имеющая себе равной в истории. Она вызвала восхищение всего мира... В связи с этим я объявляю 8 ноября “Днем Сталинграда”. Цель “Дня Сталинграда” – воздать должное нашему союзнику и продемонстрировать наше боевое единство с ним в борьбе за достижение полной победы» (<http://www.biograph.ru/index.php/gallery/1694-chroniclenovember>).

10 ноября

В районе командного пункта 57-й армии состоялось совещание представителей Ставки ВГК с командованием Сталинградского фронта по окончательной отработке плана контрнаступательной операции «Уран» под Сталинградом.

Но тут командующий ВВС генерал А. А. Новиков заявил, что авиация для проведения контрнаступления еще не готова – не хватало горючего, боеприпасов. Жуков доложил об этом Сталину, и 12 ноября получил такой вот ответ: «Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнять три задачи:

Первое – сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска;

Второе – пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против нас войск;

Третье – преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне ваше общее мнение» (*Сталин И. В.* Соч. Т. 15. С. 132).

В этом поистине историческом послании Верховного Главнокомандующего были не только указания по организации боевых действий авиации в контрнаступлении под Сталинградом, а изложены главные принципы советского военного искусства, основанные на опыте первого периода войны. Эти принципы легли в основу дальнейшего использования нашей авиации во всех фронтовых и стратегических наступательных операциях.

15 ноября

Отдано распоряжение Верховного Главнокомандующего генералу Г. К. Жукову о предоставлении ему полномочий в установлении сроков перехода в наступление войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов. «Тов. Константинову. Только лично. День переселения Федорова и Иванова можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезду в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению. Васильев. Передано тов. Сталиным по телефону. 15.11.42 г. Боков».

На Сталинградское направление передана 282-я истребительная авиадивизия. В этот же день в средней излучине Дона приступил к боевой работе 5-й гвардейский истребительный авиаполк под командованием Героя Советского Союза майора В. А. Зайцева.

Воздушные бои шли непрерывно. Транспортные самолеты Ю-52, бомбардировщики Ю-88 и Хе-111 рвались к Сталинграду – немецкое

командование пыталось организовать снабжение своих войск. За месяц боевой работы было сбито 45 фашистских бомбардировщиков, много уничтожено на аэродромах. В воздушных боях и штурмовых атаках отличились летчики-гвардейцы Василий Попков, Николай Макаренко, Дмитрий Штоколов, Игорь Ширдаков, Александр Мастерков, Иван Кильдюшев.

Эта была «поющая» эскадрилья, которой чуть позже командовал «Мастро» – такой позывной стал у Виталия Ивановича Попкова. Именно он будет прототипом комэски в фильме «В бой идут одни старики», чью роль неповторимо сыграл актер Леонид Быков. А еще как режиссер Быков использовал в фильме эпизод с отстранением молодого летчика от полетов. Виталий Иванович весело вспоминал тот случай:

«Я прибыл в полк и вот отправился на летное поле к самолету – ликвидировать перерыв в полетах. Только сел в кабину, слышу голос техника-старшины: “А ну-ка, вылезай! Какой ты к черту летчик!” Вид у меня был, действительно, убогий. По дороге в часть у меня в поезде украли шинель. Комендант одной из железнодорожных станций пожалел меня и вытащил из шкафа старую засаленную шинельку. Суконка доходила мне до пят. Выгнанный из самолета техником, в таком “нелетном” виде я предстал перед командиром полка Василием Зайцевым. Он, чтобы проверить меня в деле, тут же отправил в пробный полет. Набирая высоту, думал: сейчас я вам покажу! А требовалось просто взлететь, сделать пару кругов и спокойно посадить машину. Я же принялся пикировать, входить в штопор на малой высоте – прямо над аэродромом! – как когда-то инструктором обучал курсантов летного училища.

Приземлился и в хорошем настроении подошел к командиру. Тот строго спросил: “Почему не пошел в зону?” Я по глупости выпалил: “Я – артист, мне нужен чуткий зритель...” Тут он мне и выдал: “Раз ты артист, будешь дежурить по аэродрому, пока не посинеешь”. Два месяца меня не допускали к полетам. От тоски я стал ловить кузнечиков и дрессировать прибившегося к нам пса Пирата. Так ко мне прозвище Кузнечик и прилипло. Этот эпизод Быков использовал в фильме.

А “поющей” эскадрильей мы стали в конце 1943 года. В свое время я неплохо играл на трубе, нашелся гитарист, ударник, баянист... Мы так завелись, что остановить нас было практически невозможно. Все свободное время отдавали музыке: разучивали ноты, новые песни, на наши концерты приходили из других подразделений. Так эскадрилью стали называть “поющей”. А у меня тогда-то и появился позывной “Маэстро”...» (http://www.privatelife.ru/arhiv/2007/cg/09/cg2007_09_07.pdf)

Виталий Иванович в беседе замечает: «Как бы у читателей не сложилось впечатление, будто мы только пели да плясали. К концу войны в нашей “поющей” эскадрилье было 11 Героев Советского Союза, а комэск – дважды».

Сталинград... Память о битве там сохранила не только ожесточенные бои – по 7 боевых вылетов в день! Не только потери друзей – 7 летчиков со всего полка осталось. Впервые за время войны «Маэстро» – Виталий Попков столкнулся с непонятной для него жестокостью, о которой лучше бы и не вспоминать, да из сердца-то не выкинешь...

Эпизод, свидетелем которого он стал, был связан с именем Г. К. Жукова. В то время еще генерал, Жуков осуществлял под Сталинградом координацию действий фронтов, и вот очередное совещание, на которое были приглашены и руководители авиационных полков. Рассказ о том привожу доподлинно – по магнитофонной записи одной из прославленных наших летчиц.

Уже дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Виталий Иванович Попков вспоминает: «Там генералов человек тридцать было. Все три фронта, в том числе Сталинградский. Жукова ждали. Он когда пришел, ему там представили, кто присутствует. Тут он сразу покати “бочку” на летчиков. “Вот вы плохо воевали и поэтому, вот, наши войска оказались здесь, на Волге и под Сталинградом...”»

В этом месте в записи на магнитной пленке помехи, но по дальнейшему разговору понятно, что Жуков обращается к командиру 5-го гвардейского истребительного авиаполка Герою Советского Союза майору В. А. Зайцеву. Генерал Жуков спрашивает, сколько летчиков расстрелял командир полка, и он отвечает: «Я своих не умею расстреливать. У меня

немцев хватает. Вот девятнадцать штук я завалил». Далее следует уже чистая запись рассказа Виталия Ивановича:

«“Ну, Героя звезда видна” (это у майора Зайцева. – С. Г.). Потом он у Лавейкина (командира эскадрильи): “А ты сколько?” Тот: “Кого?” Он еще глухой был. “Летчиков!” – “Я никого не расстреливал”. – “А ты, Попков?” – “А я вообще старший сержант. Мне не положено никого стрелять, кроме немцев”. Он, обращаясь к Зайцеву: “Вы не можете, значит, стрелять. Мы вам покажем как”.

И там, в этой землянке, в строю было три офицера. Их выводят на свет Божий, туда. Поставили и... Охрана Жукова, 34 автоматчика – тррр!.. Не объясняя за что, почему – предатель ли он или трус. А они были рядом с нами... А по нам принимается решение. Ну, мы им объяснили, что по 7 вылетов делаем в день, у нас самолетов нету. А остальные части, они были отозваны на переформирование – готовилось контрнаступление. Ну, вот, показали нам. “Этим боевые вылеты не считать. Воздушные бои и сбитые не считать. К наградам не представлять. В должности не повышать. Будет выпущена медаль за оборону Сталинграда – этим не давать!”

Ну, там не было магнитофонов, а они уже записали. Потом, когда мы приехали в полк, в личном деле рукой Жукова синим карандашом написано: “Не давать, не представлять” и прочее. Но на это потом никто не обратил внимания. Ну, вот, появилась цифра 13 сбитых. 6 самолетов под Москвой, 7 самолетов под Сталинградом. Ну, я понимаю, можно не давать денежную выплату: 1000 рублей за истребитель, 1500 за бомбардировщик. Бог с ними. А как – я сбил, а вы... Как это не считать?..

Я приехал – есть ничего не мог. Три месяца питался молоком и луком жареным. Туда ехал – руки дрожали. Я как увидел, что эти офицеры, они ничего не сказали, а прямо – тррр... И все.

Потом, в день 70-летия, я напомнил Георгию Константиновичу у Келдыша, президента Академии наук, когда он сказал: “Стоп, стоп. Где-то я этого матроса видел”. Я говорю: “Я не матрос – я летчик. Мы с вами встречались четыре раза”. – “Где?” – “Сталинград. 26 октября”. – “Ну и как?” – “Георгий Константинович, я бы так не сделал. Мы туда прибыли, думали, нас угостят за хорошую работу или дадут орден. 7 человек оста-

лось. Больше нету там в живых. Как так?” – “А знаешь, какая обстановка была. Видели же”. – “Ну так не авиация же. Мы потеряли 70 процентов в сорок первом году при первом ударе немцев по нашим аэродромам. Но это не наша роль! Взять в нашем полку: летчики летали во всех условиях. Из 100 самолетов, рассредоточенных, 74 немцы спалили. Кто слаб был, только из училищ, пешком ушли, а мы к Минску полетели. Осталось 20 с чем-то самолетов. Но тут не вина летчиков...”.

Говорят, у страха глаза велики. А те, кто пробуждает страх, сходят за великих.

Гвардейцам 5-го истребительного авиационного полка Василию Зайцеву, Ивану Лавейкину и «Маэстро» Виталию Попкову нечего было бояться! Ни в небе, ни на земле...

19 ноября

Началась стратегическая контрнаступательная операция под кодовым названием «Уран» по окружению и разгрому фашистских агрессоров под Сталинградом.

26 ноября

Из донесения начальника штаба Донского фронта Верховному Главнокомандующему: «Войска Донского фронта... первым флангом вели бои по очищению западного берега Дона от остатков окруженной группировки противника: в центре и на левом фланге совместно с войсками Юго-Западного и Сталинградского фронтов продолжали наступление, сжимая кольцо войск противника. Противник, прикрываясь отдельными отрядами с запада против 65-й армии, оказывал ожесточенное сопротивление наступающим частям 24-й армии...» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Хроника_Великой_Отечественной_войны/Ноябрь_1942_года).

28 ноября

Из директивы Верховного Главнокомандующего: «...Ставка Верховного Главнокомандования поручила руководство действиями Сталинградского и Донского фронтов по ликвидации окруженного противника

товарищу Михайлову, распоряжения которого безусловно обязательны для товарищей Донцова и Иванова. “Михайлов” – позывной А. М. Василевского. “Донцов” – позывной К. К. Рокоссовского. “Иванов” – позывной А. И. Еременко. “Васильев” – позывной И. В. Сталина».

10 декабря

Распоряжение Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина заместителю Верховного Главнокомандующего – представителю Ставки ВГК генералу армии Г. К. Жукову: «Передаются Вам соображения Михайлова. Сообщите Ваши мнения. Из телеграммы не видна роль 57-й армии в общем наступлении для ликвидации окруженного противника. После разговора с Михайловым выяснилось, что 57-я армия будет действовать из района Ракитино, Кравцов и Цыбенко в общем направлении на совхоз “Горная Поляна” и балка Песчаная» (<http://www.biograph.ru/index.php/gallery/1695-chronicledecember>).

11 декабря

Ставка ВГК в основном утвердила план уничтожения окруженной под Сталинградом немецко-фашистской группировки (операция «Кольцо»). Замысел ее заключался в том, чтобы ударом с запада на восток расчлнить окруженную группировку и ликвидировать ее по частям.

19 декабря

Из директивы Верховного Главнокомандующего представителям Ставки ВГК о назначении генерал-полковника артиллерии Н. Н. Воронова заместителем А. М. Василевского: «Товарищу Воронову как представителю Ставки и заместителю Василевского поручается представить не позднее 21 декабря в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженных под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти-шести дней» (<http://www.biograph.ru/index.php/gallery/1695-chronicledecember>).

28 декабря

Командующие Донским фронтом К. К. Рокоссовский и Сталинградским – А. И. Еременко обратились к солдатам и офицерам гитлеровской

армии, окруженным в районе Сталинграда. В листовке они предлагали прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать.

31 декабря

Из итогового донесения командующего Сталинградским фронтом А. И. Еременко И. В. Сталину: «...фашисты свернули себе шею под Сталинградом, они потерпели здесь стратегическое поражение.

В боях за Сталинград особо отличились на первом этапе сражения 62-я и 64-я армии, а их войска показывали невиданное упорство в борьбе за преданность нашей Родине. Эти армии заслуживают награждения орденами, преобразования их в гвардейские и присвоения им наименования “Сталинградские”... А их командующие генерал-лейтенант Чуйков и генерал-лейтенант Шумилов достойны присвоения званий Герой Советского Союза» (<http://www.biograph.ru/index.php/gallery/1695-chronicledecember>).

1943 год

2 января

Местная промышленность Сталинградской области в 1942 году произвела и поставила Красной Армии 41 тыс. пар валенок, 19 тыс. полушубков, 112 тыс. комплектов телогреек и брюк, 52 тыс. пар рукавиц и носков, 4521 сани, 1882 телеги, 18 тыс. седел, 157 тыс. котелков и много другого снаряжения.

5 января

Радио США передает: «Самой отрадной вестью из всех, какие мы слышали на пороге нового года, является сообщение Совинформбюро об итогах шестинедельного наступления советских войск под Сталинградом. Гитлер допустил величайший просчет, когда напал на Советский Союз» (<http://www.biograph.ru/index.php/chronicle>).

8 января

Советское командование предъявило командованию окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск ультиматум с предложением

прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать во избежание напрасного кровопролития.

Ультиматум, подписанный представителем Ставки ВГК Н. Н. Вороновым и командующим Донским фронтом К. К. Рокоссовским, передан по радио в штаб Ф. Паулюса и доставлен нашими парламентарями майором А. М. Смысловым и переводчиком Н. Д. Дятленко в боевые порядки немецко-фашистских войск.

Из ультиматума командования Донского фронта командующему окруженной 6-й немецкой армией генерал-полковнику Паулюсу: «1. Всем германским окруженным войскам во главе с вами и вашим штабом прекратить сопротивление. 2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии... Ваш ответ ожидается в 6 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 года...» (<http://www.biograph.ru/index.php/chronicle>).

9 января

Генерал-полковник Ф. Паулюс в письменной форме отклоняет предложение советского командования о капитуляции.

10 января

Войска Донского фронта начали наступательную операцию «Кольцо» с целью ликвидации окруженной немецко-фашистской группировки под Сталинградом.

27 января

Начались бои по ликвидации расчлененных групп гитлеровских войск.

31 января

Гитлер присваивает Ф. Паулюсу звание генерал-фельдмаршала в расчете на его самоубийство, ибо в истории Германии не было случая пленения фельдмаршала. Полковнику Роске присвоено звание генерал-майора.

Немцы начинают переговоры о капитуляции. Ультиматум советского командования о немедленном прекращении огня и о полной капитуляции южной группы немецких войск принят.

Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс вместе со штабом пленен. Состоялась передача немцами карт минных полей, которые впоследствии использовались при разминировании Сталинграда.

1 февраля

У. Черчилль в послании И. В. Сталину писал: «...примите, пожалуйста, мои поздравления по случаю капитуляции фельдмаршала Паулюса и по случаю конца 6-й германской армии. Это, действительно, изумительная победа».

В ходе ликвидации окруженных войск врага в период с 10 января по 2 февраля войска Донского фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского разгромили 22 дивизии противника, а также свыше 160 различных частей усиления 6-й полевой армии вермахта и частей обслуживания.

К. К. Рокоссовский докладывает Верховному Главнокомандующему: «Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.02.43 г. закончили разгром и уничтожение окруженной Сталинградской группировки противника... В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились» (<http://www.biograph.ru/index.php/chronicle/1742-chroniclefabruary>).

Сталинградская битва, продолжавшаяся 20 дней и ночей, завершилась полным триумфом советского военного искусства. 330-тысячная армия противника оказалась в окружении. Свыше 100 тысяч солдат и офицеров фюрера сдались в плен. Остальные погибли. А всего в Сталинградской битве противник потерял убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести около 1,5 миллиона человек – это 25% всех сил, действовавших на советско-германском фронте.

Подготовкой плана разгрома гитлеровских войск под Сталинградом руководил Верховный Главнокомандующий Сталин. По его оценке, «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии». Немцы после битвы

на Волге уже не могли оправиться, и началось повсеместное изгнание врага с нашей земли.

P.S.

Время оставило совсем немного свидетельств героического участия сталинградцев в битве за волжскую твердыню. Тем ценнее любой документ, дошедший до нас и сохранивший дыхание тех лет – непоколебимый дух великого русского народа. Я приведу здесь несколько писем, которые были написаны в самом Сталинграде в те трудные дни, когда решалась его судьба. Письма эти отправлялись на другой фронт и каким-то чудом доходили до адресата – бойцу 115-го минометного полка *Ивану Донцову*.

Вот одно из них. Написано оно *28 июля 1942 года*.

«Здравствуй, дорогой Ваня!

Шлем мы тебе привет и желаем всего хорошего – быть живым и здоровым и вернуться домой поскорее невредимым... Мы пока запасли – 2 воза сена и воз соломы. Отец работает в колхозе, быков ночью пасет – вот и заработал корму. Словом, живем, Ваня, мы хорошо пока, но, как видно, скоро нагрянет на нас черная туча и польются горячие дожди – враг все ближе и ближе к нам. Живем не скучно: как 11 часов ночи – тут как тут является оркестр, какому сам черт не рад! Все гудит... Как спасти наших малышат?.. Мы надеемся на нашу армию – что не допустит к нам проклятого врага...

Ребята наши живут ничего. Люся занята делом – ухаживает за своим цветником. Каждый вечер ходили к ней любоваться цветами военные девушки да еврейки – все завидовали, а сейчас некому ходить, все уехали. Скворцы тоже улетели со своими птенчиками...

Ну пока всего хорошего, с приветом к тебе твоя семья.

До свиданья. Может, больше и не придется писать, потому что звуки войны все приближаются.

Крепко тебя целую.

Маруся».

Такое вот письмо. Сколько в нем веры, великого терпения и душевной красоты простой русской женщины! «Живем хорошо... Скворцы улетели... есть воз соломы...»

Первый секретарь обкома партии А. С. Чуянов в своем дневнике дает обстановку тех тревожных дней в Сталинграде. «Вся область пришла в движение, – пишет он. – На восток, снявшись с обжитых мест, двигались колхозники, работники совхозов, МТС, предприятий и учреждений, перегонялись большие гурты скота, а на запад шли отряды строителей оборонительных рубежей, переправ, войсковые части из резерва.

Сталинград был переполнен эвакуированными. На улицах скопилось большое количество машин с различным грузом, домашним скарбом. Враг, пытаясь усилить дезорганизацию, забрасывал диверсантов и распускал провокационные слухи. Требовались решительные меры для пресечения проявлений неорганизованности и растерянности».

В ночь на 20 июля по ВЧ состоялся разговор И. В. Сталина с первым секретарем Сталинградского обкома. Сталин подробно расспросил о положении в городе и закончил разговор словами: «Сталинград не будет сдан врагу. Так и передайте всем...»

12 августа 1942-го Ивану Донцову из Сталинграда ушло очередное письмо.

«Здравствуй, дорогой Ваня! – писала бойцу его жена Мария. – Шлем мы тебе привет и желаем всего хорошего – быть живым и здоровым... Мы живем пока ничего, все у нас заготовлено к зиме – как корм, так и топка, но пользоваться придется ли? У нас дело идет серьезное, я думаю, что ты сам приблизительно знаешь о наших новостях... Мне сделали хорошее убежище, дети там и живут – в огороде. От твоей работы остались воспоминания да кучи пепла... Гена говорит: “Мама, что такое: и ложимся – гудит, и встаем – гудит. Надоело слушать...” Но о нас особенно не беспокойся: что будет, то и будет, от своей судьбы не уйдешь. Дети пока ничего не боятся, дальше видно будет.

Пока до свиданья. Шлют своему папочке дорогому привет наши голубятки Люся и Гена. На их долю выпала такая жизнь, приходится видеть такие страсти... Ну пока до свиданья, дорогой Ванечка.

С приветом к тебе твоя Маруся».

Видно, не хотела тревожить Мария своего Ивана. Пишет, мол, чудесный цветник у дочки получился – приходили каждый вечер любоваться ее цветами военные девушки да еврейки, но уже никто не ходит, все выехали. Мария не знала, что к тому времени, когда она писала письмо Ивану, из города через Волгу по сталинградским мостам и переправам прошло около 2.000.000 человек,

1.500.000 голов скота, 5 000 сельскохозяйственных тракторов и комбайнов. А через десять дней, 23 августа 1942 года, сигнал «воздушная тревога» прозвучал как-то особенно зловеще. Гудели все заводы. Остановились и сигналили машины. А вскоре небо затянуло тысячей бомбардировщиков с крестами.

Спустя три месяца после этого налета из Бекетовки рядовому Донцову было отправлено такое письмо:

«24.11.1942 г.

Здравствуй, дорогой Ваня!

Шлем мы тебе привет и желаем тебе всего хорошего. Мы живы и здоровы, живем ничего, а что будет дальше – неизвестно. Жизнь наша – часовая, а если день переживем, то много. С 23 августа уже три месяца живем часами, никогда и не представляли такого мучения, какое нам принесли эти проклятые фрицы. Ну ничего, отольются кошке мышкины слезки. Сейчас наши провожают немцев так, что им некогда и пятки смазать. Три месяца просидели фрицы на горе, любовались Волгой, но не допустили их хозяйничать, наладили этапным порядком...»

Наладили. Да еще как! Для этого только за 20 суток в ноябре 42-го на правый берег Волги было переправлено более 160 тысяч бойцов, 630 танков и самоходных установок, 950 артиллерийских орудий и 14 тысяч автомобилей. В строительстве переправ, подходов к ним принимали участие местные жители – ежесуточно работали до 20 тысяч сталинградцев.

Это не брюхом трясти да ногами со сцены дрыгать перед президентскими выборами, не пьяным в дупель палочкой размахивать перед немецким оркестром...

Когда Сталинградская битва завершилась, Иван Донцов получил письмо от жены Марии о жизни в Бекетовке с такой пронзительной правдой, какую в школьных хрестоматиях да учебниках по истории о минувшей войне не вдруг-то отыщешь. Написано оно было в *марте 1943 года*, уже по весне, когда в наши края с юга слетаются жаворонки.

«...Жизнь у нас стала налаживаться. На базаре дела лучше стали, все дешевле: молоко было 300 руб. за литр, а теперь 180, яйца были 600 руб. за 10 штук, а теперь 300 руб., масло постное – 700 руб. за литр, табак был – стакан 200 руб., а теперь 50 руб. Так что стало все налаживаться и по магазинам – стали снабжать хлебом регулярно, масло, сахар,

крупка есть. Потом для наших детей пришли из Америки хорошие подарки: масло, сахар, молоко сгущенное, печенье, мыло – всего понемногу для детей Сталинграда. Сознают все наши страдания... Жили кругом в пожаре, куда ни глянешь – огонь. Я детей ночью не выпускала из блиндажа, чтобы они не видели такую страсть...»

«От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных наций против сил агрессии».

*17 мая 1944 года. Франклин Рузвельт
Вашингтон*

«САМЫЙ БЕСКОРЫСТНЫЙ АКТ»

23 августа 1943 года войска Степного фронта при содействии войск Юго-Западного и Воронежского фронтов освободили Харьков. С Белгородско-Харьковской операцией завершилась Курская битва, а с ней и коренной перелом Великой войны.

В августе-сентябре успешно была проведена Смоленская операция – фронт заметно отодвинулся от Москвы. Выполняя решение Ставки, войска Воронежского (1-го Украинского) фронта*, с 12 октября по 23 декабря провели Киевскую операцию. Противник был отброшен за Днепр. 3 ноября ударная группировка фронта в составе 60-й, 38- и 3-й гвардейской танковой армии неожиданно для немцев перешла в наступление, а 6 ноября в полночь войска 38-й армии (командующий К. Москаленко) и 3-й гвардейской танковой (командующий П. Рыбалко) освободили Киев.

* С 20 октября 1943 года Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты стали именоваться соответственно 1, 2, 3 и 4-й Украинские.



Верховный Главнокомандующий И. Сталин в маршальской шинели

Так что президент США Рузвельт не красного словца ради заметил о победе русских вполне возможной и без второго фронта, которым союзники уже 2,5 года морочили нам голову. Гитлеровское командование вынуждено перебрасывало свои дивизии из той же Франции в Россию. Казалось бы, условия для открытия второго фронта были благоприятные, но союзники не торопились.

Первые-то послания о создании антифашистской коалиции Сталин направил президенту США Рузвельту еще 4 августа и 3 октября 1941 года. Известна переписка Сталина, Рузвельта и Черчилля, которая позволяла обеспечивать информационный контакт между союзниками и, по возможности, координацию их действий. По праву считая, что основную тяжесть войны несет наша армия, свои предложения Иосиф Виссарионович нередко выдвигал как требования. Вот, например, он пишет: «Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину».

Рузвельт и Черчилль признавали в Сталине умного и неуступчивого политика, он по праву заслуживал уважение у западных партнеров. Но уважение уважением, а политика политикой.

В конце июня 41-го, когда немцы уже взяли Минск, американская элита присматривалась, как там пойдет дальше схватка с русскими сильнейшей армией Европы. Сенатор Гарри Трумэн, будущий президент США, откровенно говорил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше» (https://ru.wikiquote.org/wiki/Гарри_Трумэн). Герберт Гувер, предшественник Рузвельта на посту президента, тоже считал, что со вступлением в войну Америке спешить не надо: «Выгоднее подождать ее окончания, когда другие нации будут достаточно истощены, чтобы уступить военной, экономической и моральной мощи США» (<http://inosmi.ru/world/20050412/218832.html>).

6 июля на переговоры с англичанами и американцами Сталин послал военную миссию во главе с генералом Ф. Голиковым. Речь шла, конечно, об открытии второго фронта. Пустое дело! Американцы спорили, подсчитывая дни, которые потребуются немцам для разгрома Советского Союза. Адмирал Ноке прикидывал – «от шести недель до двух месяцев». Но недели летели. «Блицкриг» у фюрера ни хрена не получался, и тогда наши будущие союзнички принялись чесать репу – как поучаствовать в войне и сохранить при этом своих парней для послевоенного устройства мира (по-нынешнему, глобализации в интересах Штатов).

Немцы-то бомбили английские города и промышленные объекты. Великобритания отвечала тем же, однако вскоре стала испытывать нужду в военных материалах, в стратегическом сырье и людских резервах. По указанию английского правительства и его премьер-министра Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля (он же главнокомандующий вооруженными силами Великобритании), посол Англии в Советском Союзе Стаффорд Криппс попросил приема у председателя Совета Народных Комиссаров И. В. Сталина. 8 июля 1941 года Сталин принял английского посла и имел с ним беседу, которая продолжалась свыше часа.

В результате указанных переговоров 12 июля 1941 года было подписано Соглашение о совместных действиях правительства СССР и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии, а также Протокол к этому Соглашению. Позже, 18 июля 1941 года, Стаффорд Криппс был вторично принят Сталиным. В этой беседе принимал участие народный комиссар иностранных дел СССР Молотов. Беседа продолжалась также свыше часа.

При подписании Соглашения присутствовали со стороны СССР И. В. Сталин, народный комиссар Военно-морского флота адмирал флота Н. Г. Кузнецов, заместитель народного комиссара обороны маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, заместитель народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинский, генеральный секретарь наркоминдела А. А. Соболев, члены Коллегии наркоминдела А. П. Павлов и другие ответственные работники наркоминдела. Со стороны Великобритании – глава

военной миссии в СССР генерал-лейтенант Мэсон Макфарлан, член военной миссии контр-адмирал Д. Майлс, член военной миссии вице-маршал воздушных сил А. Кольер, глава экономической миссии в СССР г-н Лоуренс Кадбюри, советник английского посольства г-н Л. Баггаллей, военный атташе полковник Р. Грир, воздушный атташе полковник Ч. Халлау-эд, морской атташе капитан Г. Клэнчи и другие (http://nik191-1.ucoz.ru/blog/nachalo_velikoj_otchestvennoj_vojny_chast_13_11_14_ijulja_1941_g/2013-06-09-260).

Текст подписанного Соглашения содержал следующее:

«Правительство Союза ССР и Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили настоящее Соглашение и декларируют о следующем:

1. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжении этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или морского договора, кроме как с обоюдного согласия.

Соглашение подписали: по уполномочию правительства Союза ССР – заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел Молотов. По уполномочию правительства Его Величества в Соединенном Королевстве – Чрезвычайный и Полномочный посол Его Величества в СССР – Стаффорд Криппс.

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит».

Это Соглашение, несмотря на то, что носило общий характер и в нем не указывались конкретные взаимные обязательства, было первым серьезным шагом на пути создания антифашистской коалиции.

В конце июля 1941 года президент США Рузвельт направил в Москву своего личного представителя Гарри Гопкинса с целью изучения военного и экономического положения Советского Союза и выяснения вопроса о том, насколько СССР в состоянии оказывать эффективное и длительное сопротивление гитлеровской Германии.

В беседе с американским послом в Москве Лоуренсом Штейнгардтом Гопкинс заявил, что главная цель его миссии состоит в том, чтобы определить, действительно ли положение Советского Союза так «катастрофично», как это считает военное министерство США и как доносил об этом из Москвы американский военный атташе.

В письме президента Рузвельта, определяющем полномочия Гарри Гопкинса, адресованном председателю Совнаркома СССР Сталину, говорилось: «Я прошу Вас относиться к г-ну Гопкинсу с таким же доверием, какое Вы испытывали бы, если бы говорили лично со мной. Он сообщит непосредственно мне о Ваших взглядах, которые Вы ему изложите, и расскажет мне о том, что Вы считаете самыми срочными отдельными проблемами, по которым мы можем оказать помощь».

Во время пребывания в Москве Гарри Гопкинс вел переговоры со Сталиным, Молотовым, представителями советского военного командования, а также с послом США и Англии в Москве. Во время этих бесед обсуждался вопрос о положении на советско-германском фронте и перспективах войны, о потребностях СССР в вооружении, стратегическом сырье и других материалах. Гопкинс заявил о том, что правительство США готово оказать помощь поставками вооружения и материалов, но при этом подчеркнул, что решение о долгосрочном снабжении правительство США примет лишь тогда, когда «будет полностью знакомо не только с военным положением в России, но и с типами, количеством ее вооружения, а также с ресурсами сырья и промышленным потенциалом».

В результате ознакомления со страной Гарри Гопкинс пришел к выводу, что советский народ полон решимости вести войну до разгрома фашизма и что Советский Союз выдержит натиск врага и одержит в конечном счете победу над гитлеровской Германией. Гопкинс писал Рузвельту из Москвы: «Я очень уверен в отношении этого фронта... Здесь существует безграничная решимость победить» (http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gopkins.php).

Миссия Гопкинса способствовала изменению взглядов правительственных и военных кругов США и Англии на боеспособность Советского Союза.

О своей поездке в СССР Гарри Гопкинс лично сделал доклад Рузвельту и Черчиллю при их встрече в августе 1941 года на военно-морской базе Арджентия в Атлантическом океане (остров Ньюфаундленд) на борту английского линкора «Принц Уэльский». Доклад Гопкинса оказал существенное влияние на ход той встречи.

14 августа 1941 года Рузвельтом и Черчиллем была провозглашена декларация двух держав, получившая название «Атлантическая хартия». В ней были сформулированы общие задачи войны против фашистской Германии и заявлялось, что ее участники не согласятся ни на какие территориальные захваты и изменения в мире. США и Англия объявили, что они уважают право всех народов свободно избирать себе форму правления по собственному желанию и выбору и что они будут бороться за безопасность и территориальную целостность государств, за свободное плавание в морях и океанах, за отказ от применения силы в решении любых конфликтов между народами. Рузвельт и Черчилль вновь заявили о готовности сотрудничать с Советским Союзом в борьбе народов против фашистской Германии.

В сентябре 1941 года Советский Союз присоединился к «Атлантической хартии», подчеркнув при этом, что главной задачей свободолюбивых народов мира является уничтожение ига нацизма и необходимость концентрации для достижения этой цели всех экономических и военных ресурсов. Эта декларация явилась важным шагом на пути к дальнейшей консолидации антигитлеровской коалиции.

К сожалению, в «Атлантической хартии» ничего не было сказано об оказании военной помощи Советскому Союзу. И это вполне понятно – со всей очевидностью действовала тактика выжидания и проволочек.

15 августа 1941 года Штейнгардт и Криппс посетили Сталина и передали ему послание Рузвельта и Черчилля с предложением созвать Конференцию трех держав в Москве по вопросу военных поставок.

Сталин, учитывая свою ранее состоявшуюся встречу с Гарри Гопкинсом, приветствовал это послание и принял необходимые меры к скорейшему созыву Совещания. Оно открылось 29 сентября 1941 года в Москве и было названо Московской конференцией представителей СССР,

Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Черчилль, между прочим, был недоволен, как англо-американскую миссию встретили в Москве. В своих воспоминаниях сэр отметил: «Ее приняли холодно, и совещания проходили отнюдь не в дружелюбной атмосфере. Можно было подумать, что мы были виноваты в том тяжелом положении, в котором сейчас очутился Советский Союз. Советские генералы и должностные лица не давали никакой информации своим американским и английским коллегам...»

Эко дает сэр! Их еще и реверансами встречать надо. Дожил бы до ельцино-горбачевских времен – любую информацию имел бы – от карты с грифом «совершенно секретно» с картиной размещения наших стратегических ракет до «прослушек», понатыканных в новом здании американского посольства.

Еще вот Леонард Спенсер Уинстон пишет, мол, «неофициальный обмен мнениями создает ту атмосферу, которая позволяет достичь соглашения. Но сейчас подобного настроения почти не чувствовалось». Учли на Святой Руси замечание премьера Черчилля. Такие неофициальные «встречи без галстуков» устраивал «царь Борис» – ахнешь!

Впрочем, и по поводу холодка на том совещании да и после, не все были так недовольны, как Черчилль. На конференции, за которой следил весь мир, одни – с надеждой, другие – с тревогой, присутствовал вчерашний студент физико-технического факультета Стэнфордского университета лейтенант Клинтон Олсон. В июне 1941 года он курировал американские предприятия, выпускавшие пулеметы, и вот в составе группы Гарримана и Бивербрука оказался на переговорах с русскими.

«Ни один другой лейтенант никогда не вращался в таких высоких сферах. Там были одни генералы и полковники, и лишь я один – младший офицер», – вспоминал с годами уже как посол господин Олсон. И что могло запомниться лейтенанту? Ну, например, как приняли его в гостинице «Националь», как Сталин устроил далеко не официальный прием в Кремле после подписания бумаг о ленд-лизе.

«Я был приглашен на этот прием, который длился с шести вечера почти до утра следующего дня. Было подано две дюжины блюд, и мы

выпили три дюжины бокалов, причем каждый из них до дна», – рассказывает Олсон. Память сохранила множество всяких подробностей – и как после ужина снова пили коньяк, кофе, курили сигары, и как после всей этой еды всех провели в личный кинозал Сталина и закатили там не один, а два фильма.

Тот лейтенант, к слову, остался в России в группе снабжения – заместителем генерала Теймонвилль. Но 15 октября, когда немцы вплотную приблизились к столице, весь дипломатический корпус эвакуировали в Куйбышев. В поезде вместе с американской группой ехали артисты балета и оперы Большого театра.

– Иногда поезд останавливался на целый день, – вспоминает Олсон, – и 600 миль мы тащились шесть дней. Мимо нас проезжали в эшелонах сибирские дивизии Красной Армии, которые двигались на запад. С едой у нас было не богато – немного консервов. Но выпивки было вдоволь, и это укрепляло наш дух, чего нельзя сказать о моральных устоях. Когда через шесть дней мы добрались до Куйбышева, пассажиры всех вагонов вовсю общались друг с другом, а мы близко познакомились с балеринами Большого театра...

Дружба с танцовщицами наладилась, «ленд-лиз» получался взаимовыгодным, не без пользы для аппетита и здоровья. Однако, как говорят на Святой Руси, ЧеКа не дремлет! После новогоднего вечера с американскими сотрудниками из группы военных поставок всех балерин вызвали в дирекцию и предложили выбирать между дружбой с американцами и па-де-де в «Лебедином озере». Пришлось «маленьким лебедям» вернуться к своим берегам... Моральные устои большевики умели блюсти – не то что нынешняя «демократическая» вольность...

Ну, а сэр Черчилль будет еще иметь возможность убедиться в том, что Сталин хорошо понимал разницу между официальными приемами и неофициальным обменом мнениями.

А тогда на совещании возникли более серьезные трудности. При обсуждении вопроса о взаимных поставках представители США и Англии не соглашались с тем, что предъявляло наше правительство. Однако по-

том – в счет ленд-лиза – было принято совместное решение: США и Англия обязались с 1 октября 1941 года до 30 июня 1942 года ежемесячно поставлять в СССР 400 самолетов (100 бомбардировщиков и 300 истребителей), 500 танков, 200 противотанковых ружей, 2000 тонн алюминия, 1000 тонн броневых листов для танков, 7000 тонн свинца, 1500 тонн олова, 300 тонн молибдена, 1250 тонн толуола и, кроме того, в течение девяти месяцев передать Советскому Союзу 152 зенитные пушки и 756 противотанковых орудий.

Со своей стороны, Советское правительство дало обязательство предоставлять США и Англии некоторые виды сырья для производства вооружения.

Одновременно Соединенные Штаты Америки дали согласие на предоставление Советскому Союзу первого беспроцентного кредита на общую сумму в 1 млрд долларов.

Итак, казалось бы, основная цель совещания в какой-то мере была достигнута, хотя решения его и не обеспечивали тех огромных потребностей, в которых остро нуждались фронт и тыл нашей страны. Московская конференция трех держав сыграла свою положительную роль, заключающуюся прежде всего в том, что она свидетельствовала о срыве стратегических намерений гитлеровской Германии расправиться со своими противниками поодиночке, одним за другим. Впервые с начала Второй мировой войны против фашизма создавалось такое объединение государств, которое располагало всеми силами и средствами, необходимыми при их концентрации для достижения главной цели – разгрома зарвавшейся гитлеровской Германии и ее партнеров по оси Берлин – Токио – Рим.

К сожалению, достигнутое в Москве Соглашение о поставках в СССР выполнялось весьма неэффективно, особенно в части соблюдения согласованной номенклатуры и сроков этих поставок.

По данным справки Наркомвнешторга СССР о выполнении Англией принятых ею обязательств по упомянутому выше Московскому протоколу за октябрь-декабрь 1941 года была такая же картина, а именно: «из 800 самолетов, которые Англия должна была поставить за эти месяцы

в Советский Союз, фактически было доставлено 669, танков – 487 вместо 1000, а танкеток 330 вместо 600».

Такие примеры стали типичными для поставок в СССР в 1941 году. Еще хуже обстояло дело с поставками непосредственно из США. Так, за ноябрь и декабрь 1941 года Советский Союз получил по ленд-лизу непосредственно американских поставок всего лишь на сумму 545 тыс. долларов, а должен был получить примерно на 111 млн долларов.

Принятые обязательства по поставке боевой техники тоже не выполнялись. Так, за указанный период Советский Союз получил из США только 267 бомбардировщиков (29,7%), 278 истребителей (30,9%), 363 средних танка (32,3%), 420 легких танков (37,3%), 16502 грузовика (19,4%) и т. д. При этом поставляемое вооружение было, как правило, устаревших конструкций и образцов, со множеством различных дефектов. Например, Англия поставляла в СССР самолеты устаревшего типа «Харрикейн», уклоняясь от поставок новейших, уже бывших на вооружении ВВС Англии истребителей «Спитфайер» и американских «Аэрокобра». Американские танки М2-А2, М3-А, М4-А4 «Шерман» явно уступали нашим танкам Т-34, КВ-1, КВ-2 по размерам, толщине брони, вооружению.

4 сентября 1941 года в беседе с Чрезвычайным и Полномочным представителем СССР в Англии И. М. Майским Уинстон Черчилль откровенно заявил, что «до зимы мы не сможем оказать вам никакой серьезной помощи ни путем устройства второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия».

Проще говоря, Великобритания и Соединенные Штаты Америки в труднейшем 1941 году не по доброму желанию оказали некоторую помощь Советскому Союзу вооружением, стратегическим сырьем, продовольствием и прочими материалами. Этот их шаг во Второй мировой войне был продиктован объективной необходимостью и желанием откупиться от нас материально, чтобы в конечном счете прибрать к своим рукам лавры победы.

В США законодательство о ленд-лизе рассматривалось вообще как мера «самообороны». В отчете об операциях по ленд-лизу президент США

откровенно говорил: «Все, что делается на основании закона о ленд-лизе, делается для обороны Соединенных Штатов, а не для другой цели».

Но поставки по ленд-лизу были, кроме того, и одним из крупных источников обогащения американских монополий. Массовый сбыт американских товаров на внешнем рынке, в том числе залежалых и некачественных, способствовал поддержанию в США относительно высокого уровня промышленного и сельскохозяйственного производства, усилению экономической и военной мощи, экспансии американских монополий в таких районах мира, как Ближний Восток, Иран, Ирак, Индия, где в основном господствовали английские монополии. В результате осуществленных поставок по ленд-лизу (особенно Англии) монополистические объединения США получили баснословные прибыли.

Англо-американские правящие круги между такими качественно несопоставимыми понятиями, как их поставки-непоставки по ленд-лизу и открытие второго фронта, старались поставить знак равенства. Хитрили союзнички. Это ведь совершенно несравнимые понятия. Не случайно Гитлер в директиве от 23 марта 1942 года отметил, что даже десант с ограниченными целями на западное побережье сковал бы значительные силы их сухопутных войск и авиации и существенно нарушил бы планы боевых действий в решающих местах.

Но Черчилль выдавал ленд-лиз как апофеоз любви к ближнему – «самый бескорыстный акт в человеческой истории»! Уговорил-таки англичанин нашу «пятую колонну» демократов – трындят уж четверть века, что без ленд-лиза Сталин войны не выиграл бы. На что, казалось бы, мудрый писатель Ч. Айтматов – и то наставлял: «Союзническая помощь США и Англии во Второй мировой войне должна ставиться нами на подобающее благодарное место», – и как аргумент для такой благодарности называет количество поступивших нам боевых самолетов – около 14.500.

Смею не согласиться с почтенным мастером пера. По поводу «союзнической помощи» я больше разделяю мнение молодого американского ученого, профессора кафедры истории университета штата Кентукки

Дж. Херринга. «Это был акт расчетливого эгоизма. Американцы всегда отчетливо представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь», – писал ученый историк, опровергая бытующий на Западе и проталкиваемый у нас взгляд на ленд-лиз чуть ли не как подарок Бога (<http://www.liveinternet.ru/users/1298624/post163100973/>).

Однако простите, господа демократы, что касается самолетов, которые союзники выдавали нам как «бескорыстный акт», у меня по этому поводу взгляд вполне профессиональный – летчика-истребителя.

Значит, так. Поначалу союзнички пытались сбить нам старые, бывшие в употреблении самолеты, что вовремя было обнаружено и немедленно опротестовано.

Черчилль в своем послании Сталину от 7 ноября 1941 года как джентльмен поинтересовался, все ли вооружение, доставляемое морскими каналами, дошло до России, вывозится ли из Архангельска советскими властями. Сталин ответил: «Можете не сомневаться, что нами принимаются все меры к тому, чтобы поступающее из Англии в Архангельск вооружение своевременно доставлялось по месту назначения. То же будет сделано и в отношении Ирана. Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде».

Вот английский самолет-истребитель «Харрикейн». Скорость у него была 475 километров в час, а у «мессера» – 648. Маневренность «Харрикейна» – как у коровы на льду. Как на таком аэроплане драться в воздушном бою? Да и вообще, этот самолет англичанами готовился не для русских зим. Моторы, шланги, шины колес не выдерживали наших морозов. На «Харрикейнах» только за верблюдами гоняться в британских колониях.

Теперь о «бескорыстном акте» американцев. С весны 1943 года они начали поставлять нам по ленд-лизу истребитель «Аэрокобра Р-39» (Белл). Проще, «кобру». Сами они предпочитали другие самолеты – «лайтинг», «мустанг», «тандерболт». Но, как говорится, дареному коню в зубы не

смотрят (пока пахать на нем не начнешь...). А вот на полях-то воздушных тот конь, как выяснилось, хромал на все четыре ноги!

Нельзя, конечно, хулить все только за то, что оно американское. На «кобре» неплохо, например, было придумано трехколесное шасси с носовым колесом. На рулѐжке и взлете мотор перед глазами не торчал, он стоял за кабиной летчика, так что получался хороший обзор – словно в партере сидишь – рули без помех хоть до самого Парижа. И все же спотыкался чужеземный конь на каждом шагу – и в воздухе, и на земле. Ну, взять хотя бы узлы крепления тех же шасси – они то и дело трещали, особенно при работе с неподготовленных площадок и в распутицу. А много ли у нас в войну на полях-то российских бетонных полос было?..

Опять же хвост у «кобры» – непонятно, для кого рассчитывали его американские специалисты. При выводе из пикирования пилот потянул машину чуть познергичнее – горизонтальное оперение в стороны, хвост скрутился, как у мокрого петуха, – падай, милоч, отлетался!..

А двигатель... То его заклинит в полете, то он загорится ни с того ни с сего. Конечно, и у нас случались пожары в воздухе. Но на «кобре» тягу управления рулями высоты пристроили почему-то вдоль того движка, и от огня она легко перегорала. Ну, а без руля высоты – это без хвоста-то – даже ворона не полетит.

Еще вот в Америке додумались: трансмиссионный вал от двигателя до выносного редуктора винта провели на той «кобре» под полом кабины летчика – между ног. Когда он разрушался – бойца мгновенно убивало. Этакая средневековая казнь...

Ну и главное. «Кобра» имела особенность совершенно произвольно срываться в штопор. Вывод из него был весьма затруднителен. Пилоты, как правило, погибали. В НИИ ВВС на этой каракатице разбились два опытейших летчика-испытателя – К. Груздев и К. Овчинников. Так что же было делать? Все-таки воевать с немцами или считать гробы во имя «технического прогресса» любезного дядюшки Сэма?..

Руководство научно-исследовательского института направило за океан, американской фирме «Белл Эйркрафт Корпорейшн» рекламу.

Вскоре из Штатов в Москву прилетели инженеры с одним из конструкторов «кобры». Американцы не очень поверили нареканиям русских. Как, мол, так, да не может такого быть – американская техника лучшая в мире! И уже свой гимн готовы были затянуть – со слезой: «Америка, Америка...» Тогда наши предложили джентльменам прокатиться в боевые полки – ознакомиться с обстоятельствами летных происшествий не по бумагам, а послушать, что там скажут. Понятно, за ними ринулся косяк особистов, политкомиссаров – эти шныряли, где надо и где не надо, классовую бдительность у летной братвы блюли! А хрена ли было терять-то бойцам? Тут или молчать, или кости боевых друзей собирать от полетов на той «кобре». Так что по-русски отрубили правду-матку пилоты, и представители фирмы «Белл Эйркрафт Корпорейшн», пообещав устранить конструктивно-производственные дефекты своей недоделанной «кобры», отчалили восвояси.

В декабре 1943 года от той фирмы летит в заснеженные края России сообщение: готово! Фирма просила прислать летчика и инженера, чтобы те посмотрели на месте и убедились, какую великолепную машину делали американцы для русского Ивана. Называли они свою доработанную машину уже не просто «кобра», а «королевская кобра»!

17 февраля 1944-го транспортный самолетишко Ли-2 взял курс на восток. В Америку летели группа наших нефтяников, сотрудник торгпредства и два испытателя из НИИ ВВС – А. Г. Кочетков и Ф. П. Супрун. Андрею Кочеткову предстояло полетать на том «королевском» змее, а Федор Супрун должен был выступать в качестве ведущего инженера, а заодно и переводчика.

...По северной перегоночной трассе – через Красноярск, Якутск, Чукотку – пробивался транспортный самолетишко в Америку. Каждый командировочный из важных советских ведомств летел по своим чрезвычайно важным делам, и кто бы знал, с каким заданием были отправлены в Штаты два летуна и как аукнется потом этот их маршрут в кремлевских стенах.

«Кобра королевская»... Ее, конечно, следовало укротить – шла война. Однако у двух наших пилотяг было задание и поважнее того укрощения. Спустя годы, уже не летчик-инженер, а профессиональный разведчик полковник Ф. П. Супрун припомнит, какое «четкое указание относительно сути нашего задания» дал перед отправкой в США заместитель главкома ВВС генерал А. К. Репин. Но об этом чуть позже.

Проскочив Берингов пролив и приземлившись в Фербенксе – это уже американский аэродром на Аляске, – пассажиры краснорозового Ли-2 распрощались: каждый отправился по своему направлению, а испытателей Супруна и Кочеткова пригласили в военную администрацию.

– Нас ввели в комнату, где было сооружение наподобие стойла, – вспоминал Федор Павлович, – усадили там и принялись фотографировать в профиль и в анфас при зафиксированном положении головы. Будто уголовников...

От Фербенкса на военно-транспортном самолете С-47 Супруна и Кочеткова доставили на аэродром канадского городка Эдмонтон. Здесь, в офицерской гостинице, им предстояло заночевать.

Утром русских разбудили. Пробуждение было тяжелым: у обоих трещала голова, оба пошатывались. С чего бы?.. Причина головной боли вскоре выяснилась. Когда пилоты стали одеваться, то обнаружили, что подкладка их кителей в ряде мест оказалась подпортой. Стало быть, парни из местных компетентных органов уже поработали: сначала наших усыпили, а потом проверили – не везут ли они из России что-либо такое, что подорвало бы завоевания их неповторимой демократии.

«Жаль было кителей. Сшили-то их нам в самом образцовом военном ателье...» – смеясь над американскими «штирлицами», будет вспоминать потом Федор Павлович.

Но такая встреча с союзниками оказалась только разминкой. Еще немало подобных ситуаций предстояло выдержать посланцам Москвы. 16 марта 1944 года Супрун и Кочетков уже в Вашингтоне. Оба уверены, что все вопросы, связанные с испытанием нового самолета, командованием двух сторон решены, и осталось лишь приступить к работе. Но не тут-то

было. Потребовалось больше двух недель утомительного ожидания, прежде чем Пентагон спустил со своих сиятельных высот окончательное решение доводить «кобру» до ума.

Наконец-то наших испытателей принял президент корпорации «Белл Эйркрафт Корпорейшн» господин Лоренс Д. Белл. Принял прямо на заводе, который находился в местечке Ниагара-Фолс, пригороде Буфалло. Пожав русским руки, босс грохнулся в мягкое кресло – и лапти на стол! Это надо было понимать как особое доверие к «своим парням».

– Я разрешаю вам называть меня не мистером Беллом, а просто Лари, – разыгрывал из себя простака шеф «Эйркрафт Корпорейшн». Стало быть, и нашим следовало отступить от официоза. «Как же назваться этому Лари? – прикидывал Федор Павлович. – Просто Федя? А поймет ли?..»

– Зовите меня просто Фред, – предложил он и тут же перекрестил Андрея Григорьевича: – А ты будешь Генри.

– Итак, резюме: Лари, Генри и Фред, – заключил Белл. – О'кэй?

– О'кэй! – радостно вставил Генри Кочетков. По-английски Андрей Григорьевич никаких слов больше не знал. Правда, спустя шесть месяцев, оставляя Америку, он несколько обогатил свой лексикон, добавив к бодрому «о'кэй» более прозаическое: «рашен пайлот»! Что означало: «Я русский летчик» – и этим, мол, все сказано, будьте здоровы...

На следующий день ведущий инженер фирмы У. Хеслер по-хозяйски провел Супруна и Кочеткова по всем помещениям испытательной станции, показал ангар, лаборатории, мастерские, летную комнату и офис для их работы. В ангаре тут и там были разбросаны десятка два самолетов разных типов, а в углу, за брезентовой ширмой, стояло нечто, видимо не для всех дозволенное. Охранял то «нечто» здоровенный негр-полицейский.

Здесь же, в ангаре, русские увидели и «королевскую кобру», которую им предстояло испытать. Вместе с Хеслером они составили программу летных испытаний: четыре ознакомительных полета, затем полеты на определение максимальной скорости на различных высотах, дальности, скороподъемности машины, полеты на штопор, стрельбу по воздушным и

наземным целям. Для воздушного боя очень важно было определить радиус виражей и маневренные свойства самолета, так что решили провести и несколько воздушных боев. Понятно, без стрельбы. Всего – 61 полет.

После этого мистер Белл пригласил «просто Фреда» и «просто Генри» на встречу с ведущими инженерами фирмы и представителем Пентагона майором Мило Миллером. И вот президент опять уложил свои ноги на стол, представил русских летчиков-испытателей и просил всех любить да жаловать их, а русских – чувствовать себя в Америке как дома и «даже лучше, чем дома!».

Эту домашнюю теплоту и душевность американских нравов Фред и Генри ощутили сразу же после непринужденной встречи с шефом. Их завели в строго охраняемое помещение, и там, не слишком церемонясь, отшлепали у каждого отпечатки со всех пальцев.

«Хорошо, что разуваться не пришлось. Еще ведь десять пальцев на ногах осталось!» – посмеялся тогда Андрей Григорьевич. Но неприятный холодок от такой процедуры пробежал в душе, и скрыть его было не просто.

Да не только все эти полицейские приколы обескураживали Супруна и Кочеткова с первых дней работы на аэродроме Ниагара-Фолс.

«Почти все вели себя в отношении нас настороженно. Некоторые даже уклонялись от разговоров, а если вынуждены были отвечать, то пристально вглядывались в нас и бросали отрывистые односложные фразы, – вспоминал Федор Павлович начало работы с американскими коллегами. От контакта с ними, от окружающей обстановки зависел успех дела, поэтому Супрун и Кочетков старались понять американцев. – Они любили похлопать один другого по плечу. И мы начали это делать. Разговаривая, они громко смеялись. И мы стали громко смеяться. Большинство из них хранило как сувенир бумажный доллар. И мы завели такую игрушку. Стоило кому-то попросить наш автограф – мы охотно давали, но тут же протягивали свой денежный знак: “Пиши, парень!”»

Постепенно лед недоверия к русским начал оттаивать. В разговорах наедине американцы признавались Фреду и Генри, что немало наслушались о России чудовищных историй. Один летчик-испытатель искренне

признался, будто был убежден, что русские – людоеды, что у них общие жены, и спят они под одним одеялом...

Пропаганда в Штатах работала неплохо. Но... события опережала. Мировая революция с новым мировым порядком явно задерживалась – той же России до власти демократов еще полвека отведено было. Так что летчик-инженер Супрун записывал в своем карманном блокнотике, что видел в Америке, что его удивляло, что обескураживало. Записывал так, для себя. Любил майор Супрун порядок во всем, был всегда пунктуальным и точным. Не случайно все записи его и сохранились, хотя полвека минуло. Не все, конечно, расшифруешь без автора, не все ясно, что считал важным для себя пометить Федор Павлович. Однако и за скупыми строками его записей нескрываема динамика и напряжение тех давних дней.

6.4.44. Встреча с Роджерсом – не авиаспециалист. Корреспондент. Ниагарский водопад... Полициант проводил пацанов в школу. Фонограф. Разговор о евреях...

13.4.44. Первый день прекрасная погода. Занятия по вооружению М-4. Взгляды на истребительную авиацию.

15.4.44. Знакомство с заводскими инженерами и военными. Тосты за Сталина, СССР, ВВС Красной Армии. За нас.

18.4.44. Полет на самолете С-78 с мотором Уасов. Я ознакомился с местностью. Проверка Р-39...

Что за разговор был у полицианта с Фредом о евреях – кто знает. А вот запись о пушке М-4 калибра 37 мм кое-что прояснила. Дело в том, что американцы на всех серийных истребителях устанавливали пулеметы калибра 12,7 мм – за исключением Р-39, Р-63 и Р-61. Они считали, что с дальних дистанций прицельный огонь из пушки вести невозможно, а если ударить из нее с близкой дистанции – самому достанется. Поэтому Райт-Филд настаивал на снятии М-4 с «королевской кобры».

Но как было объяснить фирме Белл и Военному департаменту США, что нашим истребителям для воздушного боя больше подходила именно мощная 37-миллиметровая пушка, а не трещотки-пулеметы, что и тактика боя у нас совершенно иная. Как говорится, что русскому хорошо, то для немца – смерть!..

Пролетел апрель. Уже не экзотической диковинкой стал для «рашен пайлот» Ниагарский водопад, а просто пилотажной зоной – местом, где предстояло укротить «королевскую кобру». Когда Кочетков взлетал и приземлялся, Супрун непременно находился на стартовом командном пункте – руководил полетами. Радиосвязь вели по-русски. Но вскоре Андрей Григорьевич освоился и на запросы американских диспетчеров – впадал или не очень – бойко отвечал своей знаменитой фразой: «Рашен пайлот о'кэй!»

Не слишком о'кэй у русского пилота получилось в полете субботним деньком 29 апреля – в канун праздника международной солидарности трудящихся масс всех стран. В тот раз решено было лететь без боекомплекта – как бы после боевой работы. На фронте наши воздушные бойцы, как говорится, на собственной шкуре проверили характер «кобры». Пройдет летчик сквозь зенитный огонь противника, отработает по танковой колонне или срежет в поединке «мессера» – домой возвращается с победой, ликуя, и вдруг – на тебе! – где-то на подходе, а то и прямо над аэродромом грохается вместе с той «коброй» оземь...

Как выяснилось, дело было в нарушении центровки самолета. Загруженная боекомплектом «кобра» летит да хвостом помахивает. А расстрелял боец снаряды – считай, загудел под фанфары: «кобра» срывалась в штопор. Да не простой, а плоский! Получалось, что лучше и не стрелять вовсе. Катай ту пушку по небу вместе с ее снарядами – вроде бы и делом занят. Однако Ивану такой ленд-лиз не подходил – горела Россия...

Вот и думали, и рассчитывали на земле все до мелочей летчики-испытатели Супрун и Кочетков, чтобы затем проверить машину в воздухе да исключить потери наших воздушных бойцов без боя.

В полете у Кочеткова сначала все шло хорошо, как по плану: машина слушалась рулей и по воле летчика выходила из штопора. Но вот Александр Григорьевич доложил, что будет выполнять три витка влево, и радиосвязь на том прекратилась... Такие мгновенья на аэродроме кажутся вечностью, от такого на глазах седили мужественные пилотяги...

– Падает самолет! – наконец услышал Супрун чье-то тревожное сообщение. Через минуту: – Летчик с парашютом. Сектор...

К месту падения «кобры» тут же двинулась вереница автомашин. А по радио (как потом выяснилось, связь держал полицейский) последовало уточнение:

– Нахожусь с летчиком. Говорит: «Рашен пайлот!»

«Кобра» шмякнулась неподалеку от Ниагарского водопада и разлетелась вдребезги...

В тот же день на аэродроме Ниагара-Фолс состоялось совещание. Андрей Григорьевич подробно докладывал о случившемся. О том, как после третьего витка штопора «кобра» перестала слушаться рулей и закружилась как-то необычно, судорожно скидывая нос к самому горизонту. Летчик сделал все, что мог, чтобы вывести машину из штопора, использовал даже тягу двигателя, но безуспешно. Только после двадцатого витка он принял решение покинуть неуправляемый самолет...

Что и говорить, не часто русский Иван зависал с парашютом над Ниагарским водопадом. Так что фирма «Ирвинг» отметила это событие торжественным приемом наших испытателей, на котором Андрею Григорьевичу был вручен персональный знак с его фамилией и датой – 29.4.44 г.

Как-то само собой после того прыжка потеплели отношения к двум русским американских испытателей и аэродромной obsługi. Многие подробно расспрашивали Кочеткова о случившемся, поздравляли с благополучным исходом. Уж от той ли теплоты или по другим причинам, но в блокноте у Федора Павловича появилась такая вот запись: «21.5.44. День теплый. Получили сообщение, что к нам едут пять девушек из Колумбийского университета. Хотят жениться. Им рекомендовал меня Родзевич Е. В. из Нью-Йорка. Старается парень...» Вот это был поистине «бескорыстный акт!».

Говоря о качестве американской техники, ее пригодности для боевых действий, Сталин в переписке с президентом Рузвельтом отмечал, что их танки легко горят, поскольку работают на высокооктановом бензине, писал, что мы готовы временно отказаться от поставок и тех танков, и артиллерии, и боеприпасов, а нужны самолеты-истребители. При этом Иосиф Виссарионович уточнял, что «Киттихоки» не выдержи-

вают схваток с немецкими истребителями – у них были очень слабые тактико-технические и боевые характеристики; писал, что советские летчики предпочтение отдают «Аэрокобре», которая хоть и срывается в штопор, но неплохо вооружена.

Надо сказать, что Сталин, когда речь шла о России, ее противниках, борьбе, жесточайшей схватке с коварным врагом, не слишком-то церемонился, не упражнялся с союзниками в политкорректности. И то сказать, в ходе первых поставок из Англии и США нам старались втюрить несколько сот самолетов, основательно изношенных, прошедших капитальный ремонт. При этом многие боевые машины оказывались без формуляров, по которым можно было вычислить, что «бескорыстный» подарок от дядюшки Сэма вот-вот рухнет в небе от инфаркта. Из 360 таких боевых единиц наши авиационные специалисты приняли 330, остальные забраковали, они были совершенно негодными не только для воздушного боя.

В марте 1943-го в Абадан союзники доставили 90 самолетов. С горем пополам мы приняли только 18 единиц. На следующую неделю для сборки нам предоставили 14 боевых машин – к полетам были допущены только 8. А от одной партии уже собранных «Аэрокобр» пришлось полностью отказаться. В воздухе эти самолеты трясло, как в лихорадке. После тщательной технической проверки выяснилось, что причиной вибрации оказалось биение промежуточного вала, соединяющего вал мотора с редуктором воздушного винта. И это – целая партия боевых машин! В бою с «мессерами» вот уж на хрен такой ленд-лиз...

На неудовлетворительное состояние не боевых машин – грузовиков, прибывающих в Советский Союз через Иран, неоднократно обращал внимание американского правительства нарком внешней торговли А. Микоян. Так, в марте 1942 года в Басре советские приемщики из 100 прибывших автомобилей 40 забраковали. Это же почти половина!

С бензином, который нам отгружали англичане, тоже без казусов не обходилось. Точнее-то, союзнички с туманного Альбиона приворачивали топливо для боевых машин. Работники нашего тыла решили разобратся в этом деле и в присутствии английских офицеров проверили порядок налива бензина в баки на нефтебазе в Андимешке. Оказалось,

что за полгода англичане сперли там 835 тонн топлива! Пришлось вести переговоры о возмещении убытков.

Так что ленд-лиз был далеко не бескорыстным актом, не от широты души, недоступной прагматичной и расчетливой американской публике. Само название это в переводе с английского означало: ленд – давать взаймы, и лиз – сдавать в аренду. Закон о ленд-лизе предоставлял американскому президенту полномочия продавать, передавать, сдавать в аренду, взаймы, обменивать и поставлять иным способом военные материалы любой стране. Но обменивать – не обманывать!

В соглашениях, заключенных Штатами с некоторыми странами, получавшими ленд-лизские материалы, были установлены следующие основные принципы урегулирования расчетов:

1. Материалы, уничтоженные, утраченные во время войны и оказавшиеся непригодными для дальнейшего потребления, не подлежат никакой оплате.

2. Материалы, оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских потребителей, оплачиваются полностью или частично в порядке долгосрочного кредита.

3. Военные материалы остаются в странах, их получивших, но правительство США сохраняет за собой право истребовать эти материалы...

Право то союзники из-за океана использовали довольно энергично. Например, требовали сдать уцелевшие боевые самолеты всенепременно с полным комплектом отверток, технических инструментов, колодок под колеса, а потом мощный стальной пресс ставил на той же «кобре» жирную точку – на основе «принципов урегулирования расчетов». Паровозы, вагоны-пульманы, прочая техника летели в овраги – и тут уже не так важно, какое было соглашение. Главным оставался «расчетливый эгоизм».

С приходом в нашу страну капитализма с оглядкой на Штаты реформаторы быстро усвоили – делай, как там! Кроме патриотизма и любви к своему народу. Только что активисты бездумно кричали на парт- и ком-

сомольских съездах да конференциях: «Ленин – партия – комсомол!», а почуяли ветер с другой стороны и поперли стройными рядами, но уже с лозунгом: «Однаво живем!»

В 1991 году двое бывших комсомольских вождей с огоньком в глазах – Горбачев и Шеварднадзе – втихаря от народа отдали американцам шельф Берингова и Чукотского морей, где хранится 16 процентов всех мировых запасов нефти. Перед президентскими выборами 1996 года партократ Ельцин подарил нашим соседям на Дальнем Востоке 2 тысячи квадратных километров территории – и тоже тихо, без лишних разговоров. Никто даже не заметил, как уплыла русская земля, завоеванная нашими пращурами – первопроходцами.

А между тем наши либералы продолжают чудить. Так, полвека мы добывали оружейный уран, без которого нынче немыслима оборона и безопасность страны. Но бывший советский министр, при Ельцине премьер Черномырдин (нынче молодые уже и не помнят такого) за бесценок – в тысячекратном проигрыше! – продал тот собранный нечеловеческим трудом уран американцам. Наша Дума узнала о том уже после сделки – из американских газет.

На «подобающее благодарное место», о котором так пекся писатель Айтматов, наши правители однажды тоже надумали поставить и тот акт, с таким простецким названием «ленд-лиз». Это 722 миллиона долларов. Давно закончилась война. С тем ленд-лизом все давным-давно было решено, забыто, и только на страницах либеральных газет лились крокодильи слезы признательности и любви к Америке за тот ее «бескорыстный» акт...

В окаянные годы правления Ельцина, когда под девизом Чубайса «Больше наглости!» по швам трескали наша промышленность, сельское хозяйство, армия, наука, образование, культура, прозападные реформаторы добрались и до одного из самых крупных книжных издательств страны, известного под названием «Воениздат». Сначала разогнали там художественную редакцию, иностранную, переводную, потом истори-

ческую, мою родную военно-мемуарную, и я, «последний из могикан», в ожидании приказа об увольнении из армии, которой посвятил 40 лет службы, досиживал последние дни среди разбросанных по углам рукописей. Это были воспоминания прославленных героев войны, людей известных и не очень, чьи исповедальные страницы жизни теперь уже никто не узнает.

Так вот на одной из запыленных папок я обратил внимание на стертую, едва различимую надпись «Это забыть нельзя». Автор рукописи П. К. Галицкий оказался коллегой по перу – бывший зам. редактора газеты «Новый путь» районного центра Залучье. Что и говорить, те воспоминания читать было нелегко. С первой до последней страницы – кабинеты следователей НКВД, прокуратуры, допросы, камеры предварительного заключения, нары, где как-то уживались уголовники и растратчики, бытовики, мелкие жулики и контрики. Автор вспоминает, как уже в военное время на Колыме в Заудинских приисках, где он отбывал срок, контингент эзков стал пополняться украинскими националистами, «зелеными братьями» из прибалтов, полициями, старостами, работавшими на немцев, власовцами... И все они на тех приисках добывали золото.

Здесь нет необходимости рассказывать подробности жизни в лагерях, созданных гением Троцкого и Свердлова еще в 1918-м. Ну, вот несколько строк быта и бытия лагерников.

«Кормили плохо. Пайка 900, а приварок – жидкий суп или щи и ложка каши. Это в обед, а утром и вечером баланда, где крупа крупу погоняет и не догонит. А работали по 12–14 часов на колымском морозе!

В палатках холодина – шапка примерзает к нарам, спишь, не снимая ее, иначе замерзнешь! 2 бочки раскалены докрасна, но Колыму не обогреешь – низ палатки не достает до земли на 1,5 метра, и сделан барьер из снега – неутрамбованного, рыхлого. Позже, в 1954 году, в Оймяконе, я видел, как якуты утепляют свои сделанные из торфа домишки: засыпают снегом и обливают водой. На Колыме до этого не додумались, поэтому холод донимал и на работе, и в лагере.

2–6 декабря мороз достиг своего апогея: 67 градусов! Холод лез под тулупы, телогрейки, не спасали валенки! Ребята в тачках возили горячий

песок (так назывался грунт с содержанием золота) прямо из-под костра и в ожидании разгрузки ложились на тачку: живот грелся, а спина промерзала и покрывалась инеем. В полночь пришел мастер и сказал: “Везите последние тачки и в лагерь: Дальстрой выполнил план на 145 %”».

Меня удивили строки воспоминаний автора, где он пишет, что на приисках в начале 40-х годов было «полно продуктов – штабеля муки, сухих овощей, ящики с консервами, крупа...» Только все это до заключенных не доходило. И вот дальше:

«Приехал новый начальник ОЛПА Сангурский. Говорили, что из заключенных, реабилитированный. Сменился и начальник прииска. Собрал начальник ОЛПА бригадиров для знакомства, что нас насторожило: мы всего боялись и ждали только худшего. Со спокойным выражением лица, с такой же спокойной и ровной речью – он производил приятное впечатление.

“Ребята, – сказал он, – вы имеете право на лучшие бытовые условия, на лучшее питание. До апреля производство закрывается, и будем строить лагерь. Питание улучшим, чтобы к промысловому сезону поднять на ноги работяг”. Поговаривали, что Гаранина убрали, что комиссия из Москвы вскрыла вопиющие безобразия и многие начальники полетели. Поговаривали об амнистии, о пересмотре дел. Люди хотели жить, хотели верить...”

Кормить начали, действительно, лучше: обед из шести блюд, завтрак из трех, так же и ужин. Слабым добавочно ввели полдник. Деликатесов не было, но появилась вареная картошка, сладкая от мороза, лук репчатый, небольшие порции масла, компот, пончики...»

Прямо скажу, можно бы и не поверить такому, но автор воспоминаний как «временно изолированный» слишком много пережил, чтобы приукрашивать жизнь на Колыме. Он рассказывает, как в ноябре 41-го на прииски прибыл какой-то военный и вечером, после ужина, всех эзков выгнали на построение, и тогда военный обратился к ним с речью. «Говорил хорошо и дельно, вселял в наши души надежду. Вкратце, речь сводилась к тому, что Гитлер развязал войну и весь советский народ, независимо от национальности и веры, встал на защиту Родины. “И вы, временно

изолированные, – сказал он, – как и настоящие советские люди, должны помочь в этой войне! Самоотверженным трудом вы укрепите фронт: каждый грамм добытого золота – удар по фашизму, помощь Красной Армии!” Так он закончил свою речь».

Но вот дальше: «Весна 1942 г. подошла незаметно, а веселого было мало. Одно время поговаривали, что будут на фронт брать, и каждый думал – лучше погибнуть с оружием в руках, защищая Родину, чем “доходить” здесь... Началась промывка, план напряженный – золото нужно для закупки продуктов и оружия у союзников. Нередко бригаду после ужина опять гнали на работу. Золото, золото! Об этом кричали плакаты, твердило начальство, знали и мы, что оно необходимо для Победы».

Вот такой он был ленд-лиз, так называемый «самый бескорыстный акт в человеческой истории». «Зэкам» за наше самой высочайшей пробы золото стали выдавать, как пишет Галицкий, американские продукты, даже хлеб печь стали из американской муки. На Колыме оставалось «Мак-Дональдс» завести да бомбить золотые прииски «ножками Буша». Однако еще война. Еще будущий лауреат Нобелевской премии и «лучший немец» Мишка Горбачев собирает на месте боев эсэсовские сувениры – кресты, расшитые немецкие погоны, пуговицы... И седой Урал еще не знает, что один его пацан отыщет друзей за океаном и пойдет в разнос матушка Русь: «друг Билл», «друг Боря», встречи «без галстуков»... да с лапшой на ушах! Так что приведу еще одну страницу из выкинутой, за ненадобностью, в окоянные дни «семибанкирщины» рукописи бывшего «зэка» Галицкого.

«В мае готовились на прииске к встрече Г. Уолесса, вице-президента – министра торговли – США. Он ехал посмотреть на колымское золото, чтобы убедиться в нашей платежеспособности по ленд-лизу. В лагере спешно сносили вышки, на самом большом приборе возле трассы, напротив маркбюро, 3 дня не делали съемки. С Сусумана приехали вольные, чтобы во время приезда Уолесса работать на приборе.

Этот день наступил. Заключенных на работу не вывели, загнали в бараки, закрыли двери, приставив конвой, – лагерь выглядел пустым.

Я по заявке находился в маркбюро и всю процедуру приезда и встречи наблюдал из окна.

В одиннадцать часов приехали из Сусумана три машины: из первой вышел начальник Дальстроя генерал-лейтенант Никишов, маленький, рыжий, в штатском сером костюме с золотой звездой Героя социалистического труда. Рядом с ним стоял, как я потом узнал, Мазурук, летчик, Герой Советского Союза. Из других машин вышли американцы: высокий в сером костюме вице-президент и с ним три члена делегации. Все пошли к прибору.

Начальник прибора, в прошлом “зэк”, Саша Мезенцев потом рассказывал: “Только они поднялись на эстакаду к колоде, я сразу приступил к съемке. Но сначала делегация и Никишов пошли к работающим, поздоровались и наблюдали, как работяги лихо гонят тачки. Для них тачка – архаизм, давно пройденный этап, как для нас динозавр. На прииске в Америке все на технике – драги, бульдозеры и т. п. Потом и на Колыме она применялась.

Американец, толстый, небольшого роста, попросил тачку, ему нагрузили, он сделал несколько шагов по траве и упал. А я делаю съемку, – продолжал Сашка: – Американцы стоят, смотрят, что-то говорят и даже языком щелкают от удивления. Мы 3 дня не снимали, и золотишко шло хорошее – в колоде сплошной блеск! В верхних порогах показались самородки. Тогда Уолесс поднял кусочек побольше, граммов на 50, потер его о брюки, и самородок засверкал. Рядом с ним стоял Никишов. Уолесс, улыбаясь, прислонил к груди начальника Дальстроя самородок, рядом со Звездой Героя соц. труда – все заулыбались, защелкали аппараты...”

Посещение длилось минут 35. Вице-президент США убедился, что у нас есть, чем оплачивать ленд-лиз!»

Такое вот оно, чисто американское бескорыстие. Не один пароход отчалил тогда к берегам Штатов с русским золотом. Кровью и потом «зэков», виновных и невинно осужденных, тысячами жизней наших парней,

бесстрашно бросавшихся на амбразуры, идущих на огненные тараны, прирастало и охранялось благополучие государства-монстра...

P.S.

В Сибири жил американец Сильвио Склочинни. Пишу «жил», потому что много времени прошло с тех пор, как веселый и певучий Сильвио полюбил русскую женщину, прикипел к тайге, Байкалу и оставил Америку. И вот, уже ветеран войны, однажды он убежденно выразил мнение многих своих соотечественников: «Ни один простой американец не держит и мысли о том, что Советский Союз остается должником США за военные поставки. Любой здравомыслящий человек, озабоченный будущим, скажет, что ни о какой уплате долга не может быть речи: двадцать миллионов погибших русских и наши парни, павшие в боях за Нормандию, никогда бы не простили нам подобных торгов. Давайте же будем достойны их памяти...»

Что тут еще сказать? Разве что припомнить список санкций к России президента Обамы. Или вот твердую убежденность президентовой секретарши Олбрайт – поделить Сибирь с теми же Штатами. Вот уж был бы поистине «самый бескорыстный акт в человеческой истории»!

«НЕ БОЙСЯ, РОССИИ НЕ ПРОПЬЮ!»

Второй фронт наши союзники оттягивали, как могли. «Я вполне сочувствую вашему трудному положению, а также России в ее страданиях, – писал премьер Черчилль послу Великобритании в Москве Стаффорду Криппсу и объяснял, почему нецелесообразно высаживать британские дивизии в России, к примеру, в Архангельске, как предлагал Сталин. – Было бы глупо посылать в виде символической жертвы две или три английские или англо-индийские дивизии в глубь России для того, чтобы их окружили и искрошили там. У России никогда не было недостатка в людских ресурсах...»

Сэр Черчилль жалел своих парней. В самом деле, ну приедут индусы на боевых слонах в заснеженные русские поля – худющие, в коротких не то

штанишках, не то трусах – без боя померзнут! Это Иван натренирован и на морозы сибирские, и на жару африканскую – помните, как за арабов стояли в небе Синай?.. И хотя президент Рузвельт откровенно писал о тяжести, переносимой нашей армией: «Ясен простой факт – русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые», – второй фронт вырисовывался, как нынче сказали бы, весьма виртуально (<http://www.coldwar.ru/rvo/092010/itogi-i-uroki-vtoroy-mirovoy-voyni.php>).

А в 42-м положение на советско-германском фронте складывалось для нас, как известно, критическое, и в конце мая Сталин отправил наркома иностранных дел Молотова в Лондон и Вашингтон. Англичане и американцы заверили тогда нашего наркома о высадке своих войск в Европе до конца года. Но только самолет с Молотовым взял курс в Россию – Черчилль по газам и уже в Вашингтоне уговаривает Рузвельта забыть о том, что наобещали этим русским.

«Что касается второго фронта в Европе, – 23 июля Сталин прямо заявляет Черчиллю, – то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер... Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год». А Черчилль свое – о невозможности открыть фронт во Франции. Но Сталин настаивает, он предлагает союзникам создать второй фронт если не во Франции, то на Балканах, чем оттянуть с Восточного фронта 30–40 немецких дивизий: «Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт выучил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была неприглядной, и не бояться высказать правду, как бы она ни была нежелательной».

Черчилль, как он вспоминал потом, после такой телеграммы уже не мог отделаться очередным письмом, и 1 августа 1942 года этот 67-летний британский премьер, устроившись в бомбардировщике, отправился в дальний путь – через Каир и Тегеран в Россию...

Вот тут я приведу факт, который западные историки да и наши, похоже, не замечают. А мне кажется, он вполне отражает одну характерную

черту Сталина. Пишут, что Сталин в защите интересов страны проявлял себя умным, однако неуступчивым политиком. Но вот представьте на минуту еще раз обстановку 1942 года, в которой оказался Сталин как Верховный Главнокомандующий нашей армии.

Значит, в мае полководец всех времен и народов генерал Хрущев с маршалом Тимошенко завалили Харьковскую операцию (более 240 тысяч человек попало в плен, 1000 наших танков было уничтожено). Тогда же и комиссар Мехлис как представитель Ставки лихо проявил свои организаторские способности – Керченский полуостров оказался в руках противника. На северо-западном направлении немцы нанесли серьезные потери 2-й ударной армии. Наша попытка ликвидировать демянскую группировку тоже не имела успеха. Группа «Центр» в полосах Калининского и Западного фронтов громила корпуса генерала П. Белова. Были вынуждены отступить войска Южного и Юго-Западного фронтов. 28 июня Германия начала широкомасштабное наступление восточнее Курска – создалась опасность прорыва немцев на Кавказ и к Сталинграду. А отрезав страну от кавказской нефти, Гитлер планировал нанести тогда удар и по Москве...

Так вот, в такой обстановке президент Рузвельт 6 июля 1942 года пишет Сталину письмо:

«Египетский кризис, угрожающий путям снабжения Союза Советских Социалистических Республик, побудил премьер-министра Черчилля обратиться ко мне со срочным вопросом о возможности передачи на египетский фронт 40 бомбардировщиков А-20, находящихся в настоящее время в Иране по пути в Союз Советских Социалистических Республик. Ввиду того, что информации, которой мы располагаем здесь, недостаточно, я не имею возможности вынести суждение по этому делу. По этой причине я полагаю, что лучше обратиться к Вам с просьбой принять решение, учитывая интересы взаимных усилий Объединения Наций в целом» (<http://stalinism.ru/dokumentyi/perepiska-i-v-stalina-s-f-ruzveltom-i-g-trumenom-v-godyi-voynyi.html?showall=1>).

Заметим, с таким почтением к Сталину обращались и президенты, и премьеры, и короли, на всех конференциях сильные мира сего, когда Сталин входил, вставали и вытягивались, словно по команде «смирно».

Да, так вот тогда, на следующий же день, 7 июля, Сталин ответил президенту Рузвельту: «Ввиду создавшегося для союзных войск положения в Египте не возражаю против передачи 40 бомбардировщиков А-20, из числа находившихся в Иране для СССР, на египетский фронт».

Черчилль был в восторге от великодушия такого союзника и 10 июля строчит в Кремль благодарственное письмо: «Я только что узнал от Президента Рузвельта о том, что Вы дали согласие на отправку нашим вооруженным силам в Египет 40 бомбардировщиков “Бостон”, прибывших в Басру на пути к Вам. В нынешнее время было трудно обращаться к Вам с такой просьбой, и я весьма обязан Вам за Ваш быстрый и великодушный ответ. Они направляются прямо в бой, где наши самолеты наносят тяжелый урон противнику».

Забегая вперед, напомним: 6 июня 1944-го англо-американский десант высадился на северо-западе Франции, в Нормандии. Второй фронт наконец-то был открыт. Наши союзнички полгода повоевали, а 6 января Черчилль уже взмолился: «Спасите нас!» Еще бы. В Арденнах немцы так шарахнули по их войску, что от 83 тысяч человек осталось только 6 тысяч.

Черчилль тогда опять писал Сталину: «Можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января?.. Я считаю дело срочным». И Сталин принял решение – опять в интересах союзников! – досрочно начать Висло-Одерскую операцию. И это притом, что на втором фронте союзникам противостояли 56–75 дивизий вермахта, а на советско-германском – 270.

«Весть, сообщенная Вами мне, сильно ободрит генерала Эйзенхауэра, так как немцам придется делить свои резервы», – это Черчилль выражал глубокую признательность Сталину о готовности открыть широкие наступательные действия по всему Центральному фронту. А через несколько дней английский премьер уже «от всей души» благодарил Сталина по случаю того «гигантского наступления», которое наши войска начали на Восточном фронте. Но это к слову.

Пока что сэр Черчилль летел над бескрайней Россией, где ему предстояли переговоры с Джо – так неофициально в переписке с президен-

том Рузвельтом он называл Сталина. Летел англичанин и размышлял: «Я размышлял о моей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы...» (http://militera.lib.ru/memo/russian/karmen_rl/07.html).

Так или не так, но встретили у нас Черчилля как подобает. Почетный караул, оркестр, национальные гимны, репортеры. Молотов доставил премьера в подмосковную резиденцию, так называемую государственную дачу № 7.

«В мое распоряжение был представлен в качестве адъютанта огромный офицер, обладавший великолепной внешностью (я думал, что он принадлежал к княжеской фамилии при царском режиме), который выступал также в роли нашего хозяина и являлся образцом вежливости и внимания, — вспоминал Черчилль. — Много опытных слуг в белых куртках и с сияющими улыбками следили за каждым пожеланием или движением гостей. Длинный стол в столовой и различные буфеты были заполнены всякими деликатесами и напитками, какие только может представить верховная власть. После всех необходимых погружений и омовений нас угощали в столовой всевозможными отборными блюдами и напитками, в том числе, конечно, икрой и водкой. Но, кроме того, было много других блюд и вин из Франции и Германии, гораздо больше, чем мы могли или хотели съесть...»

Вечером 12 августа в Кремле Черчилль встретился со Сталиным. Речь повели о втором фронте. Разговор не клеился. «Первые два часа были унылыми и мрачными... Сталин становился все мрачнее и мрачнее... Сталин, который стал держать себя нервно, сказал, что он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему мы так боимся немцев? Он не может этого понять», — так передает ту встречу премьер-министр Великобритании.

Но вот Черчилль заговорил об операции «Торч», и Сталин тут же оценил стратегическое преимущество ее: он перечислил основные до-

воды в пользу этой операции: «Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар».

Черчилль пришел в восторг от «русского диктатора»: «Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно...» (http://militariorg.ucoz.ru/publ/istorija_strany/velikoe_prorochestvo_stalina/19-1-0-61754).

И все же об открытии второго фронта в 1942 году Сталин снова выразил свою точку зрения в меморандуме на следующий день, а Черчилль – свою. «Самый лучший второй фронт в 1942 году и единственная возможная крупная операция с Атлантического океана – это операция “Торч”, – настаивал премьер-министр. – Если ее можно будет осуществить в октябре, она окажет больше помощи России, чем какой-либо другой план. Она также подготовит почву для 1943 года...»

14 августа в Кремле состоялся официальный обед. Присутствовало около сорока человек. «Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали».

Сэр Уинстон Черчилль чуточку слукавил. Поддали тогда как следует! Вот как вспоминал тот прием в Кремле Главный маршал авиации Голованов: «В один из августовских дней я был вызван Сталиным с фронта, что случалось нередко. Прибыв в штаб АДД, я, как всегда, занялся накопившимися делами. Раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал голос Сталина. Поинтересовавшись, как идут дела, он сказал:

– Приведите себя в порядок, наденьте все ваши ордена и через час приезжайте.

Раздались частые гудки. И прежде случалось, что Сталин, позвонив и поздоровавшись, давал те или иные указания, после чего сразу клал

трубку. Это было уже привычно. Верховный имел обыкновение без всяких предисловий сразу приступать к тому или иному вопросу. А вот указаний надеть ордена и привести себя в порядок за год совместной работы я еще ни разу не получал.

Обычно я не носил наград, и пришлось немало потрудиться, чтобы правильно прикрепить ордена на гимнастерке. Придя в назначенный час, я и вовсе был сбит с толку. Поскребышев направил меня в комнату, расположенную на одном этаже с Георгиевским залом. Там уже были К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, А. С. Щербаков и еще два-три человека.

Вошел Сталин, не один. Рядом с ним я увидел высокого полного человека, в котором узнал Уинстона Черчилля, и какого-то военного, оказавшегося начальником английского генерального штаба Аланом Бруком. Сталин представил Черчиллю присутствующих, а когда очередь дошла до меня и он назвал мою довольно длинно звучащую должность, дав при этом соответствующую аттестацию, я почувствовал, что краснею. Черчилль очень внимательно, в упор разглядывал меня, и я читал в его взгляде некоторое изумление: как, мол, такой молодой парень может занимать столь высокую и ответственную должность? Поскольку я был самым младшим, здоровался я с Черчиллем последним. После представления Черчиллю всех нас Сталин пригласил к столу.

Если не ошибаюсь, на этой встрече присутствовало человек десять, а может быть, чуть больше. Стол был небольшим, но за ним уселись все. Я оказался напротив Климента Ефремовича Ворошилова, перед тарелкой которого стояла бутылка водки со стручком красного перца. Это было, как он утверждал, его лекарство от желудка. По правую руку от Ворошилова сидел Брук, затем Черчилль, рядом с ним Сталин, далее Молотов и другие. Сталин налил Черчиллю вина и провозгласил здравицу в честь союзников. Сразу вслед за этим Ворошилов взял стоявшую перед ним бутылку, пододвинул две солидного размера рюмки, наполнил и подал одну из них Бруку со словами:

— Предлагаю выпить со мной за доблестные вооруженные силы Великобритании и Советского Союза. По нашему обычаю в таких случаях

пьют до дна, если, конечно, человек, которому предлагают, согласен с этим. – И он выпил свою рюмку до дна.

Англичанину ничего не оставалось, как последовать примеру Климента Ефремовича.

Тем временем я увидел в руках британского премьера бутылку армянского коньяка. Рассмотрев этикетку, он наполнил рюмку Сталина. В ответ Сталин налил тот же коньяк Черчиллю. Тосты следовали один за другим. Сталин и Черчилль пили вровень. Я уже слышал, что Черчилль способен поглощать большое количество горячительных напитков, но таких способностей за Сталиным не водилось. Что-то будет?..

Почему, я и сам не знаю, мною овладела тревога. За столом шла оживленная беседа, звучала русская и английская речь. Референт Павлов с такой легкостью и быстротой переводил разговор Сталина с Черчиллем, что казалось, они отлично понимают друг друга без переводчика. Речь Черчилля была невнятна, говорил он, словно набрав полон рот каши, однако Павлов ни разу не переспросил его, хотя беседа была весьма продолжительна.

Тосты следовали один за другим. Черчилль на глазах пьянел, а в поведении Сталина ничто не менялось. Видимо, по молодости, я слишком откровенно проявил интерес к состоянию двух политических деятелей и очень переживал, чем все это кончится... Вдруг Сталин вопросительно взглянул на меня. Я понял, что проявляю чрезмерное любопытство, и ступешивался.

Встреча подошла к концу. Все встали. Распрощавшись, Черчилль покинул комнату, поддерживаемый под руки. Остальные тоже стали расходиться, а я стоял, как замороженный, и смотрел на Сталина. Конечно, он видел, что я все время наблюдал за ним. Подошел ко мне и сказал: “Не бойся, России не пропью. А вот Черчилль будет завтра метаться, когда ему скажут, что он тут наболтал...” И твердой, неторопливой походкой вышел из комнаты (<http://stalinism.ru/stalin-i-gosudarstvo/ne-boysya-rossii-ya-ne-propyu.html>).

На 16 августа планировался вылет премьер-министра в свои туманные края. Накануне вечером он еще раз встретился со Сталиным и после

часовой беседы стал прощаться. “Но тут вдруг Сталин пришел в замешательство, – вспоминает Черчилль, – и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной: “Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?” Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор, пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил. Он мне показал свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре – столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца. Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: “Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью”. Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею. Затем он сказал: “Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество – он может пить”. Тогда я понял, что предстоит обед...

Да, обед состоялся. В 2 часа 30 минут утра Черчилль уже не выдержал и сказал, что должен ехать. В коммюнике интеллигентно сообщалось: “Беседы, происходившие в атмосфере сердечности и полной откровенности, дали возможность еще раз констатировать наличие тесного содружества и взаимопонимания между Советским Союзом, Великобританией и США...”» (http://www.duel.ru/199813/?13_6_3).

Умели, выходит, и большевики договариваться с капиталистами. Получалось и без того – времен перестройки – «общечеловеческого лица».

...Вот здесь, пожалуй, уместно пристроиться с экипажем на транспортный самолет и очутиться в Тегеране. Это уже конец ноября 1943-го – историческая Тегеранская конференция. Именно тогда встретились И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт и У. Черчилль, решений которых ждал истерзанный войною мир.

Поездом до Баку, а дальше самолетом – такой маршрут выбрал для советской делегации Сталин, и подготовка его проходила в полной тайне. Предосторожность была нелишней. Крупный специалист по кровавым операциям и диверсиям штурмбанфюрер СС Отто Скорцени получил личное задание Гитлера – выкрасть в Тегеране президента Рузвельта. Было возможно покушение на жизнь и всех участников конференции, о чем узнали наши разведчики и своевременно информировали свою службу.

Понятно, в Тегеране были приняты меры предосторожности. Иранская столица кишела шпионами, агентурой гестапо, проникавшими в город с волной беженцев из Европы. От греха подальше Сталин предложил остановиться Рузвельту в советском посольстве. Президент вначале отказался от приглашения, но здравый смысл подсказывал, что предосторожность будет не лишней, и позже Рузвельт об этом не жалел. Тем более что пленарные заседания конференции проходили в зале советского посольства, и американскому президенту из-за паралича ног было очень удобно передвигаться: его комнаты выходили прямо в тот зал.

Советская делегация в составе Сталина, Молотова и Ворошилова располагалась в квартире нашего посла в Иране.

На Тегеранской конференции Сталин сделал все, чтобы в центре внимания стал вопрос о втором фронте. Он потребовал от Черчилля назвать точную дату открытия фронта. Черчилль темнил. Тогда Сталин поднялся с кресла и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: «У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получится...» Настойчивость Сталина сработала. Черчилль вынужден был назвать дату открытия второго фронта – май 1944-го. И 30 ноября Рузвельт, открывая заседание, сообщил: «Сегодня объединенные штабы с участием Черчилля и Рузвельта приняли следующее предложение: операция “Оверлорд” намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции».

Идя навстречу союзникам, Сталин согласился через три месяца после окончания боевых действий в Европе объявить войну Японии. На конференции было начато обсуждение и послевоенного устройства

мира, прежде всего, вопроса о западной границе СССР. Сталин настаивал на признании границы, установленной после сентября 1939 года. А с англо-американской позиции граница СССР должна была проходить по линии Керзона. «Назовите как хотите! – сказал Сталин. – Наша граница пройдет так!» Черчилль ставит помехи: «Но Львов никогда не был русским городом!» – «А Варшава была», – невозмутимо ответил Сталин. И, касаясь портов Кенигсберг и Мемель, Сталин повторил требование, которое высказывал еще в декабре 1941-го А. Идену: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы территории Восточной Пруссии. Тем более, что – исторически – это исконные славянские земли».

Как всегда, были проблемы с Польшей. Она всегда служила плацдармом для нападения на Россию. Касаясь правительства Сикорского, Сталин еще в апреле 1943-го в письме Черчиллю осудил его, писал, что оно скатилось на путь сговора с гитлеровским правительством, «стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу», и по польскому вопросу, поднятому на тегеранской конференции, Сталин прямо заявил: «Мы отделяем Польшу от эмигрантского правительства».

Обсуждали в Тегеране и будущее устройство Германии. США и Англия предлагали расчленить единое германское государство. Известное дело, монополистам такое на руку, да и тайную политику однополярного мира власти кучки олигархов под фарисейскими лозунгами о свободе и демократии легче проводить. Так, Рузвельт предложил создать пять автономных государств. Кильский канал, Гамбург, а также Рур и Саарскую область оставить под контролем Объединенных Наций, фактически под контролем Штатов. Черчилль предложил разделить Германию на три части – глаз на промышленный район Рур положил, чтобы потом занять господствующее положение в Европе.

Сталин был против раздела Германии и выступил в защиту национальных прав немецкого народа. Американцы и англичане предложили запретить в Германии военную промышленность, мол, как бы немцы новую войну не развязали.

Ну, скажем, Сталин-то знал, кто устроил мировую заварушку. Не случайно же «Правда» 30 ноября 1939 года писала: «Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну». Да и запреты на военную промышленность Сталин считал наивной мерой. «Если мы запретим строительство самолетов, то мы не можем закрыть мебельные фабрики, а известно, что мебельные фабрики можно быстро перестроить на производство самолетов. Если мы запретим Германии производить снаряды и торпеды, то мы не сможем закрыть ее часовых заводов, а каждый часовой завод может быть быстро перестроен на производство самых важных частей снарядов и торпед».

Железная логика Сталина, знание вопросов, которые, казалось, прямо не относились к политическим проблемам, невольно определяли его как лидера так называемой «Великой тройки». В этой связи интересно наблюдение присутствующего на конференции будущего министра иностранных дел А. Громыко. Вот он пишет: «Когда говорил американский президент, все присутствовавшие выслушивали его очень внимательно. Они наблюдали за ходом и поворотом его мысли, которые имеют огромное значение в предстоящем строительстве мира.

Выступал или делал замечания премьер-министр Англии. Он умело и даже ловко формулировал свои мысли, умел блеснуть и шуткой. Чувствовалось, что он “на ты” не только с политикой, но и с историей, особенно новейшей...

Тем не менее как-то само собой получилось, что все присутствующие – и главные, и не главные участники – фиксировали взгляды на Сталине. Даже если говорил другой участник, то почему-то большинство присутствующих все равно наблюдали за Сталиным, за выражением его лица, за взглядом, стараясь понять, как он оценивает слова и мысли своих коллег.

И вот тихо, как бы между прочим, начинал говорить Сталин. Он говорил так, как будто, кроме него, присутствовали еще только двое. Ни малейшей скованности, никакого желания произвести эффект, ни единой



Большая тройка – Черчилль, Рузвельт, Сталин. Ялта. Февраль 1945 г.

шероховатости в изложении мысли у него не было. Каждое слово у него звучало так, как будто специально заготовлено для того, чтобы сказать его в этой аудитории и в этот момент.

Обращало на себя внимание то, что во время высказываний Сталина, даже если они не относились к высокой политике, Рузвельт часто старался дать понять свое отношение – либо кивком головы, либо своим открытым взглядом – словам советского лидера» (http://militera.lib.ru/research/suhodeev_vv/07.html).

Небезынтересно привести здесь письмо, присланное после конференции президентом США Сталину.

«Маршалу Иосифу В. Сталину, Премьеру СССР

Москва, Россия

Уважаемый Маршал Сталин. В день нашего отлета из Тегерана состояние погоды для перелета через горы было идеальным, так что перелет в Каир был легким и комфортабельным. Я спешу высказать Вам свою личную благодарность за Ваше внимание и гостеприимство, выразившееся в предоставлении мне жилого помещения в Вашем Посольстве в Тегеране. Там мне было не только в высшей степени удобно, но и также вполне сознаю, насколько больше мы смогли сделать в короткий период времени благодаря тому, что мы были столь близкими соседями во время нашей встречи.

Я рассматриваю эти знаменательные дни нашей встречи с величайшим удовлетворением как важную веху в прогрессе человечества. Я благодарю Вас, а также Ваших сотрудников и обслуживающий персонал дома за многие любезности, оказанные мне и моим сотрудникам.

Теперь я направляюсь домой и по пути нанесу визит моим войскам в Италии.

Сердечно Ваш

Франклин Д. Рузвельт

3 декабря 1943 г.»

Эй, господа аристократы и не очень, михалковы и сванизде, пивоваровы и млечины, любимовы и радзинские, а-уу!..

P.S.

«Русские были великолепными союзниками. Они воевали в соответствии со своими обязательствами».

Г. Стимсон, военный министр США

«Россия выполняла каждое ранее достигнутое соглашение».

Адмирал Леги

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

После Сталинградской битвы, с конца марта и до начала июля, на советско-германском фронте наступило относительное затишье. По обе стороны готовились к грядущей схватке в самом сердце России. Наше командование разрабатывало план нового стратегического наступления – разгромить немецкие группы армий «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину, Донбасс, восточные районы Белоруссии и выйти на линию – Смоленск, река Сож, среднее и нижнее течение Днепра.

А немцы рассчитывали ликвидировать так называемую Курскую дугу – выступ между Орлом на севере и Белгородом на юге – и так взять реванш за сокрушительный удар на Волге. К этой операции, под кодовым названием «Цитадель», гитлеровское командование делало ставку на новейшую боевую технику – тяжелые танки «Пантеры» и «Тигр», истребители танков «Фердинанд» и «Насхорн», усовершенствованные «Мессершмитт» 109 G-6 и «Фокке-Вульф» 190 A-8. И вся эта грозная техника – в тоннах брони, стали, с тысячами человеческих жизней...

Вот как выглядели силы сторон: у немцев было 40.000 орудий и минометов, 2700 танков и самоходок, более 2000 самолетов, около 900 тысяч человек.

Наши войска превосходили гитлеровский вермахт. Мы противопоставили немцам более 1.300 тысяч человек, 19.000 орудий и минометов,

около 3500 танков и около 2200 самолетов. Но Сталин еще 23 февраля предостерег командование фронтами, чтобы те не успокаивались, говорил, что не следует думать, будто с армией противника все покончено и осталось только преследовать врага до границ нашей страны. Так что Ставка, Генштаб и военные советы фронтов с их штабами тщательно разрабатывали операцию, в которой предстояло участвовать Воронежскому фронту (командующий Н. Ф. Ватутин), Центральному (командующий К. К. Рокоссовский), Степному (командующий И. С. Конев), а также части войск Западного фронта, Юго-Западного и Брянского.

Никита Хрущев, член Военного совета на этот раз Воронежского фронта, подбивал Ватутина склонить Ставку ВГК к упреждающему наступлению. Полководец всех времен и народов «Микитка» уже имел опыт таких лихих операций против готового к удару врага – дело под Барвенковым и Изюмом в 1942-м. Находившийся в это время по заданию Ставки на Воронежском фронте Жуков пишет Сталину: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выйдем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Но вот маршал Рокоссовский пишет, что в воспоминаниях Жукова, опубликованных в «Военно-историческом журнале» (1967 г., № 9), «допущена с его стороны тенденциозность и неверное освещение событий».

Итак, Г. К. Жуков пишет, что разработка плана оборонительной операции проводилась на Воронежском фронте Ватутиным и Хрущевым и была ими представлена в Ставку ВГК, а на Центральном фронте это делалось начальником штаба Малининым, и им же была представлена в Генеральный штаб.

Отвечаю. Так же, как и на Воронежском фронте, план оборонительной операции разрабатывался командованием фронта с привлечением для этого всего коллектива руководящих работников управления и штаба и был представлен в Ставку военным советом фронта. Малинин был слишком порядочным человеком, и на подобный поступок, кото-

рый приписывает ему Г. К. Жуков, он никогда бы не решился. Жукову должно быть известно, что по установившемуся в Красной Армии порядку подобного рода документы представлялись в Ставку военными советами фронтов, а не начальниками штабов. К этому еще добавлю, что для окончательной отработки упоминаемого плана обороны войск Центрального фронта я был вызван в Ставку и лично докладывал свои соображения Верховному главнокомандующему Сталину, и после некоторых уточнений этот план был им утвержден.

Действительно, Сталин распорядился о совещании в Ставке для обсуждения плана летней подготовки. К 12 апреля Генштаб должен был выяснить оценку противостояния противника командующими фронтами, их соображения о характере действий и вероятного направления ударов немецко-фашистских войск.

Здесь, объективности ради, следует привести ту часть письма маршала Рокоссовского в «Военно-исторический журнал», где он пишет об участии Жукова как представителя Ставки на Центральном фронте в дни подготовки к оборонительной операции и первом дне Курской битвы: «В своих воспоминаниях он широко описывает проводимую якобы им работу у нас на фронте в подготовительный период и в процессе самой оборонительной операции. Вынужден сообщить с полной ответственностью и, если нужно, с подтверждением живых еще свидетелей, что изложенное Г. К. Жуковым в этой статье не соответствует действительности и им надумано.

Жуков Г. К. впервые прибыл к нам на КП в Свободу 4 июля, накануне сражения. Пробыл он у нас до 10–11 часов 5 июля и убыл якобы на Западный фронт к Соколовскому В. Д., так, по крайней мере, уезжая, он сказал нам.

Находясь у нас в штабе в ночь перед началом вражеского наступления, когда было получено донесение командующего 13-й армией генерала Пухова о захвате вражеских саперов, сообщавших о предполагаемом начале немецкого наступления, Жуков Г. К. отказался даже санкционировать мое предложение о начале артиллерийской контрподготовки, представив решение этого вопроса мне как командующему фронтом.

Решиться на это мероприятие необходимо было немедленно, так как на запрос Ставки не позволяло время.

В Ставку позвонил Г. К. Жуков примерно около 10 часов 5 июля, доложив по ВЧ в моем присутствии Сталину о том (передаю дословно), что Костин (мой псевдоним) войсками управляет уверенно и твердо и что наступление противника успешно отражается. Тут же он попросил разрешения убить ему к Соколовскому. После этого разговора немедленно от нас уехал. Вот так выглядело фактически пребывание Г. К. Жукова на Центральном фронте. В подготовительный к операции период Жуков Г. К. у нас на Центральном фронте не бывал ни разу.

Правда, у нас некоторое время в конце марта пребывали член ГКО Маленков, генерал Антонов и нач. Тыла Красной Армии Хрулев, занимались они вопросами оказания фронту помощи в быстрейшей переброске в район сосредоточения войск фронта – соединений и тылов, застрявших под Сталинградом» (http://www.hrono.info/dokum/194_dok/1943rokosov.php).

Маршал Рокоссовский пишет, чем вызвана необходимость разъяснения некоторых страниц из воспоминаний Жукова в журнальной публикации: «...ко мне обращаются товарищи – участники Курской битвы – с вопросами: почему Жуков в своих воспоминаниях искажает истину, приписывая себе то, чего не было? Кому-кому, а ему не следовало бы допускать этого!»

Решение о подготовке оборонительной операции – преднамеренной обороне – принял Сталин. Для этого следовало пополнить и сосредоточить войска, резервы, подвести боеприпасы, накопить горючее. Удар противника южнее Орла предстояло отражать Центральному фронту, оборонявшему северную и северо-западную часть Курского выступа, а из Белгорода – Воронежскому, оборонявшему его южную и юго-западную части. За этими фронтами стояли войска Степного фронта – резерв Ставки. Сталин считал, что в случае прорыва противником нашей обороны, тому резерву предстояло остановить врага и уже совместно с Центральным и Воронежскими фронтами громить его решительным контрнаступлением.

Сталин был прав, отклонив планы Хрущева и Ватутина. Оборона Воронежского фронта действительно чуть не рухнула под ударами 4-й тан-

ковой армии и группы «Кемпф» – резерв Ставки выправил ситуацию. То, что «фердинанд» был вооружен 88-мм пушкой, а даже длинноствольная 75-мм пушка среднего танка противника могла поражать наш танк Т-34 на дальности 1500 метров – это политрабочего Хрущева не шибко волновало. Его дело было проще – надуться посуровее, махнуть ручкой, сжатой в кулак, да напрячь голосовые связки: «Вперед, ребята! Родина вас не забудет!» А там – что Бог даст...

8 мая в Генштаб поступили сведения о возможном наступлении 10–12 мая. Наступление не состоялось. Тогда Хрущев с Ватутиным опять за свое – нанести по немцам упреждающий удар. Ставка их соображения отвергла. 19 мая Генштаб получил новые данные о времени наступления немцев – в период от 19–26 мая. Текст второго предупреждения тем же фронтам подготовил генерал А. Антонов, и после доклада Верховному Главнокомандующему в 3 часа 30 минут ночи 20 мая оно было отправлено адресатам. «Как и в первый раз, их обязывали не ослаблять бдительность и боевую готовность войск, в том числе авиацию, разведкой и захватом пленных вскрывать группировку противника и его действительные намерения», – пишет генерал армии С. Штеменко и подчеркивает, что в таком напряженном ожидании прошел весь май (https://ru.wikipedia.org/wiki/Хроника_Великой_Отечественной_войны/Май_1943_года).

Во второй половине мая Сталину пришлось выяснять отношения с президентом Рузвельтом. С его посланцем в Москву прибыл специальный представитель – бывший посол в СССР Джозеф Дэвис (тот самый, который как-то заметил, что Сталин вовремя сокрушил в стране «пятую колонну»). В письме американский президент объяснял, что обеспокоен ослаблением связи между союзниками, и предлагал встречу без участия Черчилля. Сталин спросил, почему без Черчилля. Дэвис ответил, что они доверяют друг другу, но имеют разные представления о колониализме и империализме. Когда он изложил позицию Рузвельта по международным событиям, Сталин согласился на встречу.

Сын Лаврентия Берии Серго Гегечкори писал, что Рузвельт не скрывал своего взгляда на послевоенное устройство мира и был против со-

хранения Британской империи. Сталин сообщил Рузвельту, что примерно 15 июля будет готов встретиться с ним в Фэрбенксе на Аляске, но все будет зависеть от военной обстановки. Встреча, однако, не состоялась...

В те напряженные перед Курской битвой дни, если точно – 13 мая 1942 года – с Садово-Каретной, дом 5, кв. 6, полетело в Кремль «лично И. В. Сталину» письмо от члена ВКП(б) с 1919 года товарища Я. Гринберга. Начиналось то послание просто и ясно:

«Дорогой вождь и учитель И. В. Сталин!

Чем можно объяснить, что в нашей советской стране в столь суровое время мутная волна отвратительного антисемитизма возродилась и проникла в отдельные советские аппараты и даже партийные организации? Что это?..» Да, товарищ Сталин, что это такое! Знаем, что идет война и Родина-мать зовет, но ответь нам, евреям, почему нас не любят и по какому праву волнуют евреев-актеров?

«Недавно меня, – рассказывает тов. Гринберг, – пригласил домой артист Малого театра И. Лепштейн (заслуженный артист РСФСР) и со всякими предосторожностями беседовал об антиеврейских настроениях, которые волнуют евреев-актеров этого театра. Знаю, что с большой тревогой об этом явлении говорят народный артист СССР Михоэлс, народный артист РСФСР А. Я. Таиров и очень много рядовых работников. Известно, что ряд представителей художественной интеллигенции (евреев) обращался к писателю Эренбургу с просьбой поставить этот вопрос. Со мной об этих явлениях много говорил писатель Борис Горбатов.

Уже дошло до того, что отдельные коммунисты (русские) и даже секретари низовых парторганизаций (например, в Управлении по делам искусств Мосгорисполкома, в отделе искусств облисполкома) начинают совершенно официально ставить вопрос о “засоренности” аппарата евреями, выдвигают обвинения в “протаскивании евреев”. В управлении по делам искусств пришлось даже делать подсчеты и определять, не нарушена ли еврейская норма – четыре еврея на 30 работников аппарата.

Становится невоготу! Это уже не случайность, а явление!..»

Тов. Гринберг, член ВКП(б) с 1919 года, подчеркивал, что письмо это «лично И. В. Сталину» он писал от массы евреев, чувствительных к различным художествам, которых в этой стране опять обижают.

И что было делать Сталину, Верховному Главнокомандующему, с Гитлером воевать или евреями заниматься? Вот-вот под Курском должна была грянуть тяжелейшая битва – решался исход схватки с фашизмом, а тов. Гринберг глубоко переживал, что в Комитете по делам искусств берут русских, а евреев туда не пускают. Ах, беда-то какая! Пол-Ташкента под бердичевские скрипочки фрейлихс наяривали, а Комитет по делам искусств бедного еврея даже в Мухосранске театральным администратором не пускают...

Лукавил член ВКП(б) с 1919 года тов. Гринберг. Незадолго до его послания «лично Сталину» в Секретариат ЦК поступила записка, информирующая о том, что из 12 руководителей Большого театра (директор, режиссеры и т. д.) 10 человек – евреи. И только один русский.

В том же 1943 году секретарь парткома МГУ В. Ноздрев направил в ЦК партии письмо, в котором тоже указывал на несколько своеобразный подбор студентов университета: так, на одном из факультетов МГУ евреев было 98 %, а русских... 2 %!

Что Гринберг... Весной 45-го чекисты регулярно докладывали Сталину о «странном, очень странном поведении» его дочери. 16-летняя девятиклассница на одной из встреч брата Василия с создателями нового фильма о летчиках познакомилась с 38-летним сценаристом А. Каплером. Люся, так звали его друзья, за кинухи «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» получил Сталинскую премию, слыл любителем женского пола и на той вечеринке, пригласив на танец школьницу, у которой уже всю игру играли гормоны, повешал ей лапши на уши – она и забалдела.

Сталин знал об увлечении дочери, восторга от этого не испытывал, да и до проблем ли ее гормональной озабоченности было в ту пору Верховному? Но когда ему сообщили, что свое 17-летие «Сетанка-хозяйюшка» отметила тет-а-тет с Каплером, причем довольно продолжительно, Сталин не выдержал. Он отчитал выпорхнувшую из-под надзора охранников

дщерь да так, что за всю свою жизнь ничего подобного она не слышала ни от евреев, ни от индусов, ни от американцев!.. Отчитал по-русски и занялся государственными делами.

А стойкий борец с антисемитизмом всех стран тов. Гринберг на письмо «лично Сталину» ждал ответа, как соловей лета. Напрасно ждал. Летом 1943-го Сталину было не до комедиантов Гринберга, не до анти-семитов. Противник уже несколько раз переносил время своей наступательной операции, и, наконец, Гитлер объявил окончательное решение – операцию начать 5 июля.

Перед этим фюрер написал обращение к войскам, в котором подчеркивал значение наступательной операции: «Эта операция не только укрепит наш собственный народ, произведет впечатление на остальной мир, но и прежде всего придаст самому немецкому солдату новую веру. Укрепится вера наших союзников в конечную победу, а нейтральные государства будут вынуждены соблюдать осторожность и сдержанность. Поражение, которое потерпит Россия в результате этого наступления, должно вырвать на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий... успех этой первой великой битвы 1943 года решит больше, чем какая-либо обыкновенная победа».

И вот 5 июля. Немецкие пленные, захваченные ночью, называли ночное время начала наступления – в 3 часа утра. Тысячи «тигров», «пантер», «фердинандов», «мессершмиттов» и «фоккеров» были готовы обрушить огонь на позиции наших войск. Но их опередили.

По приказу командующего Центральным фронтом Рокоссовского свыше 500 орудий за 10 минут до начала артподготовки противника обрушили мощный артиллерийский удар по их боевым порядкам и огневым позициям, командным и наблюдательным пунктам. В стане врага это вызвало замешательство, дезорганизацию. Начало атаки немцам пришлось отсрочить, хотя в тот день они четыре раза пытались прорвать нашу оборону. Вот как объяснил успехи войск, которыми командовал, маршал Рокоссовский:

«Жуков Г. К. утверждает, что более успешные действия в оборонительном сражении войск Центрального фронта, чем войск Воронежского, объясняются тем, что против войск Центрального фронта было значительно меньше сил противника, чем против войск Воронежского фронта.

Отвечаю. Ударная группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, состояла из 14 дивизий, из коих было 5 пехотных, 8 танковых и одна моторизованная, а ударная группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, состояла из 15 дивизий в составе 8 пехотных, 6 танковых и одной моторизованной. Таким образом, если группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, несколько превосходила по количеству танков, то группировка его, действовавшая против войск Центрального фронта, значительно превосходила по количеству пехоты и артиллерии.

Более удачные действия войск Центрального фронта объясняются не количеством войск противника, а более правильным построением обороны.

Мы решили, что наиболее опасным участком в обороне является основание выступа – наш правый фланг, где прорыв противника выводил бы его войска на фланг и тыл всей обороны наших войск; прорыв же на любом ином участке не создавал такой угрозы, поэтому и все наши усилия были направлены на то, чтобы не допустить этого прорыва.

Итак, на угрожаемом участке, где, зная тактику немцев, мы ожидали нанесения главного удара противником на фронте шириной 95 километров, было сосредоточено 58% стрелковых дивизий, 70 % артиллерии и 87 % танков и САУ. Остальной участок фронта шириной в 211 километров оборонялся двумя армиями (60-й и 65-й) со своими армейскими средствами.

Вторые эшелоны и фронтовые резервы также были расположены на направлении вероятного наступления основной группировки противника. Правильное определение наиболее опасного для войск фронта направления наступления противника, соответствующая этому группировка войск, маневр силами и средствами в процессе сражения явились основными факторами более успешных действий войск Центрального фронта,

чем войск Воронежского, где основные – главные силы этого фронта были растянуты на 164-километровом фронте, располагаясь равномерно на всем этом участке» (http://www.hrono.info/dokum/194_dok/1943rokosov.php).

Ценой огромных потерь к исходу 5 июля противник, наконец, вклинился на позиции наших войск: на орловско-курском направлении на 9 километров и на белгородско-курском – от 15 до 35 километров первой оборонительной полосы. 15 тысяч гитлеровских солдат и офицеров полегло тогда на Равнине Русской, при этом потеряв 110 своих хвальных танков.

А вскоре войска Центрального и Воронежского фронтов сами перешли в наступление и восстановили положение, занимаемое до 5 июля. Тогда же в наступление включились Западный и Брянский фронты, они прорвали немецкую оборону и устремились в сторону Орла. В районе миру неизвестной дотоле Прохоровки сошлись 1200 танков. Немцы там выставили танки дивизий СС «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова». Но наши танкисты выстояли. К концу дня противник перешел к обороне, а 15 июля под ударами Центрального фронта начал отступать.

Гитлеровское командование от плана окружить и уничтожить советские войска на Курском выступе вынуждено было отказаться. Их «Цитадель» рухнула.

5 августа от немецко-фашистской оккупации были освобождены два старинных русских города – Орёл и Белгород, и тогда Москва салютовала доблестным войскам Центрального, Западного, Брянского, Степного и Воронежского фронтов. Ровно в 24 часа раздался артиллерийский залп 120 орудий – это был наш первый победный салют.

Между прочим, идея отмечать победы, салютовать отличившимся в них войскам, принадлежала Сталину. Генерал армии Штеменко вспоминал: «Как только командующие войсками доложили Ворошилову о взятии этих городов (о таких победах они всегда стремились докладывать ему непосредственно), генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

– Читали ли вы военную историю? – обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда!

А Сталин меж тем продолжал:

– Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, – кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, – давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинить какую-то иллюминацию.

Уже через несколько минут после этого разговора в Ставку был вызван командующий Московским фронтом противовоздушной обороны генерал-лейтенант артиллерии Д. А. Журавлев. Ему было поручено проинформировать вечером в столице первый победный салют» (<http://www.proza.ru/2015/04/30/1693>).

Как знать, может, глядя на разноцветную иллюминацию в ночном небе, член ВКП(б) с 1919 года тов. Я. Гринберг стоял в толпе антисемитов, на которых жаловался Сталину, и на время забыл о благоустройстве своих корешей на театральных помостках...

P.S.

Михаил Павлович Зозулин – родным

«14 февраля 1943 года

Привет и самые наилучшие пожелания, дорогие родители. Таня, Витя, Тося и мои любимые племяннички Витенька, Лидочка, Жекачка. Шлю вам командирский привет и наилучшие пожелания. Мои дорогие, как только получите письмо, то сразу дайте, если возможно, телеграмму, как обстоят дела дома, как у вас всех здоровье и как вы жили эти десять месяцев при фашистах. Они устанавливали свой “новый мировой порядок”, наверное, замучили и растерзали тысячи наших братьев и сестер,

но ничего, пришла расплата – никому из бандитов не будет пощады! Они еще не раз испытают силу наших ударов, как это было под Сталинградом, где были уничтожены и взяты в плен 330 тысяч фашистских оккупантов. И это еще не все – скоро, скоро они все найдут себе могилу на нашей русской земле...

Я пока в резерве наших танковых войск, шесть месяцев учился и получил звание “техник-лейтенант”. Мой адрес: полевая почта 745, часть 81. Зозулину М. П. Пока до свидания. Целую вас всех».

Михаил».

«Хорошо помнят ростовские судоремонтники своих воспитанников. Один из них Куприн – ныне закаленный в боях краснофлотец. В своем письме он пишет:

“Где бы я ни был, всегда с теплым чувством вспоминаю свой родной завод. Моя жизнь принадлежит ему, воспитавшему во мне хорошие качества советского человека. Сейчас, находясь в боях, я стараюсь как можно больше уничтожить вражеской силы, оправдать ваше доверие, дорогие друзья”.

Куприн пишет, что участвовал в освобождении Новороссийска: “Не за горами тот день, когда вся страна будет очищена от проклятых фашистов, тогда я вновь вернусь в свой любимый Ростов, приду на завод и, как прежде, буду работать у своего станка”, – добавляет краснофлотец в одном из своих писем.

Гвардейский привет речникам передает ныне офицер танковый войск Красной Армии Михаил Павлович Зозулин. Вместе с ним о своих делах пишет друзьям по работе бывший начальник пристани Павловск, ныне гвардеец, участник обороны Ленинграда, Петр Георгиевич Иванов.

Воины пишут. Им отвечают речники. Отвечают делом, трудовыми подвигами. С каждым днем победа все ближе и ближе. И когда она придет – вновь встретятся друзья и расскажут одни о своих делах на фронте, другие о работе в тылу. И этот день будет счастливым днем всех речников»

Из газет

К сожалению, Михаилу Зозулину встретиться с друзьями после Победы не довелось. И долгие годы никто не знал – погиб ли он, а если погиб, то где за-

хоронен. Поиском дяди занялся его племянник Евгений Ачкасов. После многих запросов в различные инстанции, архивы, военкоматы ему удалось узнать, что в картотеке по учету безвозвратных потерь офицерского состава значился:

«...гв. техник-лейтенант Зозулин Михаил Павлович, 1921 года рождения, бывший механик-водитель танка 33-го отдельного гвардейского танкового Минского полка прорыва. Убит на поле боя 15.4.1944 г., похоронен в районе дер. Сидорово, Ленинградской области. Исключен из списков офицерского состава приказом ГУК № 01634 от 17.5.1944 г.»

Однако населенных пунктов Сидорово на бывшей территории Ленинградской области насчитывалось 15. Ко времени поиска это были территории уже трех областей – Псковской, Новгородской и Ленинградской. И снова маршруты по областям, переписка, запросы в архивы. Ответы Евгений Викторович Ачкасов получал неутешительные, но вот однажды из города Остров поступил ответ – всего-то три строчки:

«На Ваше письмо сообщаю, что лейтенант Зозулин Михаил Павлович, 1921 года рождения, занесен в списки воинов, захороненных в братскую могилу д. Сидорово, Палкинского района, Псковской обл.

*Островский горвоенком.
Майор Кожевников».*

Своей жизнью, как и тысячи других верных сынов Отечества, танкист Зозулин приблизил Великую Победу. Он навсегда остался в памяти благодарных потомков.

Василий Кузьмич Пашикин – жене

«20 февраля 1943 года

Письмо от известного вашего мужа Василия Кузьмича.

Здравствуй, многоуважаемая моя супруга Акулина Федоровна. Пошлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Еще кланяюсь дорогому, никогда не забываемому сыну Кузьме Васильевичу, посылаю ему свой горячий отцовский привет и желаю всего хорошего в его жизни. Еще кланяюсь дорогой доченьке Зинаиде, посылаю ей горячий привет и желаю всего хорошего.

Дорогая женка, посылаю я вам карточку, которую я очень старался сделать. Живу покаместь хорошо. Писать некогда, тороплюсь на занятия. Посылаю вам деньги 300 рублей и справку.

Пока до свидания. Жду от вас ответ».

«Я поклялся тебе, отец...»

«Мне шел пятый годик, когда в наш дом в селе Журавкино, что в Мордовии, пришла с фронта страшная весть: 8 марта 1943 года погиб мой отец, Василий Кузьмич. Случилось это под Старой Руссой Новгородской области. Отец воевал сержантом, командиром отделения. Погиб от осколка снаряда.

И никогда не забыть мне ту жуткую картину, когда моя мама Акулина Федоровна, мои тетушки – отцовы сестры Анна, Евдокия, Ефросинья и бабушка Хавронья Яковлевна – отцова мать, рассевшись за стол, буквально рыдали над этим печальным известием. Рыдали громко, судорожно, обхватив головы руками, опершись локтями о стол.

Своим неокрепшим еще детским умом я понимал, что случилось что-то страшное и непоправимое, но что именно – не знал. А спросить боялся, настолько был подавлен этими громкими всхлипываниями родных людей. И никто почему-то мне не сказал, в чем дело. Видимо, поступали мудро, пожалели мою детскую психику.

Повзрослев, я поклялся: любой ценой, во что бы то ни стало, рано или поздно найти могилу отца и почтить его светлую память. Но время шло, годы летели, и все было как-то недосуг. Мысленно успокаивал себя: есть еще время, все еще впереди. Однако пошел мне уже восьмой десяток лет, и летом 2012 года я твердо сказал себе: пора! Дальше откладывать просто непозволительно.

Поговорил с сыном Сергеем, он ради этого отпросился с работы. И в полночь 25 июля 2012 года мы выехали на его машине. Предварительно я купил подробные топографические карты Тверской и Новгородской областей, чтобы наметить по ним оптимальный маршрут движения.

В девятом часу утра мы наконец достигли конечной цели: деревни Нагово Старорусского района Новгородской области. Именно у этой деревни, насколько я знал, в братской могиле похоронен отец. Местная жительница подсказала нам, где находится эта братская могила. Поехали в указанном направлении.

Еще издали увидели справа по ходу движения стоявшего на возвышении бронзового солдата – памятник погибшим защитникам Отечества. И вокруг него – аккуратный окрашенный металлический забор с красными звездами. Внутри этого ограждения и находится братская могила.

Невозможно словами сказать, с каким душевным трепетом и волнением шагнул я на священное место. На наклонных каменных плитах высечены в алфавитном порядке фамилии и инициалы погибших. Всего более 200 фамилий. Первым фамилию своего деда обнаружил его внук Сергей, мой сын. Я подошел к этой плите с родной фамилией и наклонился, чтобы положить красные гвоздики. И слезы сразу неудержимо хлынули из глаз.

– Я поклялся тебе, отец, что найду тебя и приду к тебе, – вымолвил я сквозь слезы. – И прости меня за то, что не сделал этого раньше.

Пытался взять себя в руки, унять слезы, но они так и выпирали из глаз, не поддаваясь моей воле. Сквозь слезы я рассказал отцу, как не хватало его нам с мамой и сестренкой в тяжелые послевоенные годы. Рассказал о том, как моя мама, оставшись вдовой в 25 лет, все свои силы прилагала к тому, чтобы вырастить нас с сестренкой Зиной, которой шел тогда третий годик, поставить нас на ноги.

О многом, словно на исповеди, рассказал я тогда отцу. К примеру, о том, как в школу вплоть до 6 класса ходил в лаптях и в поношенной ватной фуфайке, потому что другой обуви и одежды не было. Но любил учиться, старался. Зато теперь я почетный выпускник школы, в школьном музее висит мой портрет и представлены некоторые мои личные вещи.

После того памятного “свидания” с отцом возвращался домой с легким сердцем. Ведь я сдержал свою клятву – побывал на могиле отца.

Кузьма Пашикин, военный журналист, полковник в отставке».

Николай Петрович Журавлев – жене

«12 августа 1943 года

Сообщаю, что сегодня я жив и здоров. По адресу, что послал вам, не пишите. Сейчас отправляюсь в другую часть. Адреса не знаю. Иду на Запад из Орла. Героическая Красная Армия освобождает советскую землю. Фашистские чудовищные “тигры” изломаны и исковерканы.

Близится время, мои родные, когда окончательно будет сломан хребет фашистскому зверю. Дорогая Таня, я так тоскую по вам. Писем давно не получаю, а теперь и тем более связь прервется на некоторое время. Так хочется увидеть вас.

Сейчас у меня задача трудная. Хорошо бы хоть вы от меня получили письма. С почтением к вам».

Николай Петрович Журавлев родился в 1899 году. До войны работал на Карашском торфоболоте. Жизнь его оборвалась осенью 1943 года. В последнем письме он писал: «Писем пока не пиши, иду на боевое задание, выполнять долг». Больше сообщений никаких не было.

Сергей Павлов – жене

«19 июля 1943 года

Дорогая моя, любимая!

Перед большим боем с врагом нашей Родины пишу тебе, моя любимая, несколько слов.

Может быть, придется погибнуть. Ну что ж, Родина воспитала меня, из сироты-беспризорника сделала командиром. И ты должна воспитать сына таким же. Чтобы он ненавидел всяких пришельцев в нашу страну, любил бы свою Советскую Родину и был бы честным советским гражданином».

Это письмо было найдено вблизи одного из сел Краснодарского края. Сергей Павлов, командир 6-й стрелковой роты 694-го стрелкового полка 383-й стрелковой шахтерской дивизии, погиб в том бою, не успев отправить весточку семье.

Николай Илларионович Михайлов – жене

«10 августа 1943 года

Письмо я ваше получил. В этот миг представляешь, что находишься дома со своей любимой на диване при свете электричества, а рядом родная мамаша. Да, милая Лелечка, кажется, и не дожدهшься того времени, когда это будет. Но не унывай, моя дорогая. Это будет скоро. Разгромим проклятый фашизм и с победой вернемся домой.

Лелечка, так бы и поел свежих огурцов, как бывало раньше. Ты особенно любишь свежепросольные. Это все вспоминаешь вдалеке от вас, где не видишь мирных жителей по несколько месяцев. Милая Лелечка, посылаю тебе стихотворение.

Я шлю эту песенку вместо письма,
Чего не хватает, дополни сама.
И утром, ее напевая без слов,
Ты знай, что я твой, что я жив и здоров.

Мне приятно читать твои письма и воображать, что как будто это не письмо, а действительно, наяву мы с тобой сидим и разговариваем...»

Николай Илларионович Михайлов в 1941 году ушел на фронт добровольцем. Служил в Ярославской коммунистической дивизии. Погиб под Смоленском.

Антонина Меньшенина – матери

«17 августа 1943 года

Милая мама!

Сейчас ночь, сижу в блиндаже вся вымокшая и грязная, на улице льет дождь. Жутко. После десятидневного боя наша часть отведена... У меня большое, непоправимое горе. Сегодня ночью, шесть часов тому назад, убит мой любимый друг Юрий Мишин. Мне ужасно тяжело, так как тело его не удалось вынести с поля боя (он убит в 20 метрах от места, где расположены немецкие автоматчики). Почему он мокнет, ведь он заслужил, чтобы его вынесли! Нет, нельзя... Хотела ползти я, но меня не пустили, да я и сама чувствую, что могу наделать много глупостей. Родная! Мы крепко любили друг друга. Он все время охранял и оберегал меня, боялся даже поцелуем осквернить нашу дружбу. Мы с ним часто мечтали, что после войны будем учиться в Москве – он в академии, а я в училище. Хотели после окончания войны пожениться и мечтали, что у нас будет маленький сын, но, увы, жизнь складывается иначе...

Мы вместе с ним и бойцами пулеметчиками роты, которой он командовал, ворвались в немецкие траншеи. Он во время бомбежки прикрывал меня своим телом. Я перевязывала и выносила с поля боя раненых бойцов. Он показал себя командиром-героем. Когда вышел из

строя пулеметный расчет, он лег за “максим” и отбил три контратаки противника.

Второй раз, уже посмертно, он награжден орденом Красного Знамени (у него был орден Красной Звезды). Хочется написать много, но сейчас не могу.

Пиши мне, родная. Целую крепко, крепко.

Твоя Антонина»

Тоня готовилась стать актрисой. «Придет время, – писала в Троицк родителям с фронта, – и вы увидите меня на сцене одного из театров Советского Союза».

Весной 40-го года девушка окончила десятилетку. На стол директора Свердловского театрального училища легло заявление от Меньшениной Антонины Филипповны 1922 года рождения: «Желая посвятить свою жизнь театру, прошу допустить меня к приемным испытаниям».

Решение приемной комиссии было: «Зачислить на 1-й курс»...

А над страной уже бушевала великая всенародная война. Фашистские полчища рвались к Москве, тревожные сводки поступали с фронтов.

Среди комсомолок Троицка, добровольно ушедших на фронт, находилась и Тоня Меньшенина. Девчат провожал весь город.

И встречал в 45-м. Тех, кто возвратился с Победой. Тоня не вернулась. Она похоронена далеко от дома, у белорусской деревни Сухая Долина. Еще несколько недель после гибели шли домой ее письма...

Николай Чехович – невесте

«13 октября 1943 года

Здравствуй, Шура!

Сегодня получил сразу два твоих письма. Обидно будет, если некоторые из твоих писем пропали. Ведь каждое из них приносит мне столько радости. И храню все твои письма, часто перечитываю их и каждый раз нахожу все новое, чего, кажется, не заметил раньше. Всегда в письме от дорогого сердцу человека между строк читаешь больше, чем написано в строках. Твои письма всегда придают мне новую энергию, бодрость в суровых условиях фронтовой жизни. Я, кажется, еще не описывал тебе подробности боевой операции, участником которой я был. Напишу в

следующих письмах. Тогда мы ползли ночью под проливным дождем, то и дело прижимаясь к земле от пулеметных очередей и каждую минуту ожидая, что наползешь на мину. А я все время ощущал в кармане гимнастерки теплое, дружеское похрустывание бумаги твоего письма. Казалось, ты здесь вместе со мной, и почему-то меня наполняла уверенность, что я вернусь не только живым, но и невредимым. Рассудок говорил, что шансов на это у меня не так уж много, что я так же легко могу навсегда остаться лежать около немецкой колючей проволоки, как и всякий другой. Но какое-то другое чувство подсказывало, что это еще не последняя операция, в которой я участвую. Тогда я не верил этому чувству, теперь вижу, что оно не обмануло меня...»

«23 января 1944 года

Дорогая Шура! Сейчас, когда я пишу это письма, ночь. Последняя ночь! На рассвете идем в бой. И какое счастливое совпадение! В эту ночь я получил письмо от тебя. Сколько радости доставило оно мне, тем более что в нем была твоя фотокарточка... Я сохраню его, как храню все твои письма. И если мне суждено пройти невредимым сквозь огонь штурма, оно пройдет вместе со мной. Ощущение его в кармане наполняет сердце радостью и еще больше воодушевляет меня.

На это письмо не пиши ответа. Возможно, писать уже будет некому. При благополучном исходе дела я напишу тебе еще. Если же не будет от меня писем, значит... Значит, их больше никогда не будет.

Ну, пора кончать. Стрелки часов приближаются к назначенному сроку. Скоро откроют огонь наши батареи, и мы войдем в траншеи на свои места.

Кончаю. До свидания, милая.

Твой Коля»

В дни решающих боев за освобождение от блокады города Ленина лейтенант Чехович получил задание выбить фашистов из соседней деревни. Натиск, смелость, отвага наших воинов вынудили противника покинуть занятые позиции. Пытаясь вернуть их, гитлеровцы отчаянно контратаковали, но каждый раз терпели поражение и откатывались обратно.

Командир взвода лейтенант Николай Чехович, тяжело раненный в том бою, 25 января 1944 года скончался.

Людмила Павловна Размахнина – родным

«Добрый день, мои дорогие, хорошие мама и папа!

Как ни тяжело писать вам, но нужно предупредить вас, что, по всей вероятности, на зиму приехать не придется, т. к. окончания войны не видно, а без победы возвращаться не буду. Пока я помогаю в работе в тылу, но есть шансы попасть в самое пекло, если того заслужу... Сейчас напряженная обстановка. Страна – вся военный лагерь, и люди тоже все военные, хотя и не в рядах РККА.

Дорогие мои, потерпите еще одну осень, зиму, ну и весной, думаю и надеюсь, что буду у вас и не будет ни одной немецкой ноги на Земле Русской. Помните слова Александра Невского: “Если кто с мечом к нам войдет, то от меча и погибнет. На том стояла, стоит и стоять будет Земля Русская!” Так ведь это? Да! Ну, а люди русские должны быть терпеливыми и мужественными, как вы...

Ну, а пока, мои хорошие, дорогие, берегите себя и не беспокойтесь. Целую крепко. *Ваша дочка Людмила*».

И вот сибирячка Людмила на фронте, «в самом пекле». Она связистка 135-го отдельного дорожно-строительного батальона.

«Здравствуй, дорогая мама!

Вчера мне исполнилось 20 лет, и я могу поздравить тебя с тем, что ты имеешь дочку, которой перевалило на третий десяток. Мама, а как, ты думаешь, я провела этот день?

Утром направилась на линию. Ходила долго. Искала повреждения. Когда исправила, пошла назад, в часть. Шла и напевала песенки. Так по лесу около 20 километров протопала. Иду, иду – запнусь за пень, свалюсь, встану – и дальше... А отметила я свой день рождения утром. Позавтракала по-праздничному! Каша несоленая, 300 граммов хлеба да кружечка чая с кусочком сахара.

Мама, дорогая, очень прошу тебя – достать каким-нибудь образом валенки на зиму. Сейчас уже холодно. На ночь в палатку мы приносим в красноармейских касках горячие угли из костров и этим обогреваемся. Спать мне тепло, так как я ложусь в теплом белье, в шерстяном свитере, да еще иногда надевая меховую жоржетку-безрукавку. Кроме всего этого, одеяло из верблюжьей шерсти и свое зеленое. Да еще шинель.

Вот, видишь, как мне бывает тепло. Да еще теплее становится, когда подумаю о вас, а еще горячее – когда получу от вас письмо.

Ну пока всего хорошего. Не беспокойтесь, не скучайте. Следующий день рождения отпразднуем вместе, по-настоящему!

Целую крепко, крепко.

Твоя дочка Миля».

Владимир Ефимович Назаров – другу

«5 декабря 1943 года

Дорогой Саша!

Передай моему другу любимой Марусе, что я слово свое выполнил. Я буду биться до последней капли крови, как она просила.

Для меня Родина – это все: и жизнь, и любовь – все, все. Вот сейчас я вижу, что русского человека не победишь. Он любит свою Родину, и в этом его непобедимость».

В этих напряженных схватках 5 декабря 1943 года погиб Владимир Ефимович Назаров. В разгар боя он торопливо набросал несколько строк на клочке бумаги и передал своему другу по оружию А. Я. Липатову с просьбой отправить Марусе. Липатов не успел спросить ни фамилии девушки, ни ее адреса. Владимир погиб в тот же день. В кармане его солдатской гимнастерки нашли фотокарточку Марии с надписью на обороте: «Любимому другу Володе от Маруси Я. 10.V.1943 г.».

«Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то, возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится!»

1943 г.

Ф. Рузвельт, президент США

«ОЙ, ДНІПРО, ДНІПРО, ТЫ ШИРОК, МОГУЧ...»

Победа в Курской битве позволила начать общее наступление и преследование противника на всех фронтах. Войска Калининского, Западного

и Брянского фронтов действовали на Витебском, Оршанском и Гомельском направлениях, а Центральный, Степной, Юго-Западный, Южный и Воронежский развивали наступление на Левобережной Украине. Форсировать Днепр и захватить плацдармы на правом берегу – такую задачу фронтам Сталин поставил еще при завершении битвы под Курском, и в начале августа Верховный Главнокомандующий выехал на Калининский фронт. Здесь я приведу отрывки из рукописи воспоминаний маршала А. И. Еременко, в то время командующего фронтом, о встрече его со Сталиным в селе Хорошево Калининской области.

«Я остановился в крайней избе, чтобы наскоро привести себя в порядок, совершить небольшой туалет перед встречей, стряхнуть пыль, умыться, почистить обувь. Ведь даже на фронте я не мог явиться к Верховному Главнокомандующему в неопрятном виде.

Затем мы подъехали к небольшому дворику, в центре которого стоял ничем особенно не выделяющийся скромный домик.

Во дворе меня встретил генерал для поручений. “Вас приглашает Верховный Главнокомандующий”, – четко сказал он мне, уступая дорогу.

До этого я имел не одну встречу с товарищем Сталиным. Но когда услышал, что меня ожидает Верховный Главнокомандующий, как-то невольно заволновался.

Однако это не помешало мне еще раз быстро перебрать в памяти важнейшие вопросы, по которым необходимо было доложить товарищу Сталину, и восстановить в сознании наиболее сложные, затруднявшие меня моменты в предстоящей операции с тем, чтобы получить по ним указания и решения.

Едва я переступил порог комнаты, как сразу же увидел Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. Он ходил по комнате ровным, размеренным и спокойным шагом, серьезный, несколько задумчивый, по видимому что-то обдумывая.

Я остановился и твердо, по-военному приложив руку к головному убору, отдал рапорт: “Товарищ Верховный Главнокомандующий, войска Калининского фронта ведут бои на прежних позициях и, согласно вашему приказу, готовятся к новой наступательной операции”.

Товарищ Сталин, ходивший до того по комнате, остановился посредине и принял от меня рапорт. “Здравствуйте, товарищ Еременко”, – произнес он мою фамилию с ударением на первом слоге и подал мне руку. “Здравия желаю, товарищ Сталин!” – ответил я.

Он улыбнулся как-то просто и тепло, приветливо потряс мою руку и, пристально глядя на меня, сказал:

– Вы, по-видимому, до сих пор обижаетесь на меня за то, что я не принял вашего предложения на последнем этапе Сталинградской битвы добить Паулюса. Обижаться не следует. Мы знаем, знает весь наш народ, что в Сталинградской битве вы командовали двумя фронтами и сыграли главную роль в разгроме фашистской группировки под Сталинградом, а кто доколачивал привязанного зайца, это уже особой роли не играет.

На эти, по сути дела, слова благодарности, я ответил:

– Сталинград – теперь уже история, а творец ее – наш народ, партия и вы лично, товарищ Сталин.

В этом месте Сталин вставил реплику: “Все на Сталина валят, Сталин да Сталин. Это неправильно. Я, конечно, давал директивы, но вы же непосредственно там командовали и руководили этой битвой. Победил, безусловно, советский народ во главе с великим русским народом, но им нужно было руководить”.

После этого приятного для меня разговора Иосиф Виссарионович задал мне несколько вопросов. Его интересовало, как ведет себя противник, какие есть новые данные о нем, нет ли у него чего нового, как живут наши войска и как обстоит дело с их снабжением, в частности с питанием.

Последний вопрос товарищ Сталин подчеркнул особо, так как он всегда проявляет исключительно большую заботу о питании войск, их обмундировании, вооружении и всех видах снабжения. Это для него было важно еще и потому, что предыдущий командующий Калининским фронтом генерал М. А. Пуркаев был снят с должности как раз за то, что в войсках было плохо организовано питание и снабжение, а товарищ Д. С. Леонов, член Военного совета этого фронта, получил за это же самое выговор.

На все эти вопросы, а также многие другие я и дал исчерпывающие ответы. Товарищ Сталин остался ими доволен и произнес: “Ну хорошо”.

А потом после некоторой паузы заметил: “Значит, дела выправились, так и нужно”. – “Так точно, товарищ Сталин”, – ответил я. “Теперь перейдем к другим вопросам”, – сказал он.

После разговоров о кадрах и об оперативном искусстве товарищ Сталин внимательно посмотрел на карту, которую полтора часа назад я прикрепил к стене: “Ну, теперь докладывайте, как вы спланировали Смоленскую операцию, – сказал он и, улыбнувшись в усы, с ехидцей добавил: – вы Смоленск сдавали, вам его и брать”.

Я ответил, что постараюсь выполнить приказ.

Вначале коротко охарактеризовал операционное направление – Смоленские ворота, затем дал подробную характеристику позиций противника, их укреплений, сил врага, вывел соотношение сил, для чего так же обстоятельно охарактеризовал состав наших сил и средств, изложил общий замысел и план операции, который вытекал из поставленной мне задачи.

Смоленская операция проводилась нашим фронтом во взаимодействии с правым флангом Западного, тоже нацеленного на Смоленск. Действия двух фронтов должны были слиться в единый удар. Между прочим, операция, связанная с прорывом духовщинских позиций противника, приобрела вполне самостоятельное значение, сыграв первостепенную роль в успешном завершении боев за Смоленск. Она стала называться Духовщинско-Смоленской.

В истории Великой Отечественной войны эта операция, несомненно, займет особое место. И не только потому, что проводилась силами и средствами, которых не хватало для прорыва превосходно подготовленной обороны противника, особенно на заранее выбранных и подготовленных рубежах, но и по своему значению, по результатам, по тем перспективам, которые открыла она нашим войскам для дальнейших сражений, по тому влиянию, которое она оказала на успех соседних фронтов и армий.

Тогда же мы имели еще и разработанный план Велижской операции, которая должна была быть вспомогательной. Но этот удар позднее получил самостоятельное и тоже первостепенное значение, открыв для наших войск Витебское направление. В качестве завершающей операции планировалось нанести удар на Невель. Вместе с Невельской, проводимой

несколько позднее, Духовщинско-Смоленская и Велижская операции составляли как бы единый комплекс, обеспечивающий взлом и прорыв всей обороны противника.

Центральное место в моем докладе Верховному Главнокомандующему все же занимала Духовщинско-Смоленская операция. Это и понятно, потому что успешное ее проведение открывало так называемые Смоленские ворота, раскалывало левое крыло фронта противника, и войска фронта получали возможность выхода на широкий оперативный простор, на поля Белоруссии и Прибалтики, откуда открывался путь в Восточную Пруссию. Смоленские ворота должны были стать для нас воротами в Западную Европу.

Товарищ Сталин внимательно слушал меня и по ходу изложения доклада задавал вопросы. Например, когда я коснулся организации прорыва сильной обороны противника, он спросил:

- Сколько у вас орудий на километр фронта?

- Сто пятьдесят, товарищ Сталин.

- Мало, – после небольшой паузы заметил Верховный Главнокомандующий. – Надо не менее двухсот орудий на километр фронта. Артиллерия должна сопровождать пехоту огнем от рубежа к рубежу, прокладывая ей путь двойным валом, а для этого требуется до двухсот орудий на один километр. Особенно недопустимо отставание от пехоты артиллерии сопровождения. Нужно за счет второстепенного направления усилить артиллерийскую плотность, – заключил товарищ Сталин.

При обсуждении третьего этапа операции товарищ Сталин обратил мое внимание на то, что я имел недостаточно сил для развития успеха. Он тут же подошел к столу, на котором стоял телефонный аппарат, поднял трубку и произнес: “Дайте 2-12”.

Я услышал, как знакомый голос ответил:

- Слушаю, товарищ Сталин.

- Товарищ Штеменко, прикажите, чтобы 3-й кавкорпус к 10 августа и одну общевойсковую армию к 20 августа перебросили в распоряжение товарища Еременко в район города Белого. Поняли?

- Так точно, понял, товарищ Сталин.

Иосиф Виссарионович положил трубку и продолжал разбирать вопросы авиационного обеспечения. Он также нашел, что у меня маловато бомбардировщиков, и приказал помочь мне в этом вопросе.

В конце моего доклада я попросил у товарища Сталина дополнительно один боекомплект тяжелых снарядов. Товарищ Сталин по телефону отдал приказание товарищу Яковлеву отгрузить мне снаряды в первую очередь.

Наша встреча с Верховным Главнокомандующим продолжалась около трех часов, но время пробежало незаметно, и казалось, что мы говорили всего несколько минут. На протяжении всей беседы в словах, выражениях и жестах товарища Сталина чувствовалась твердая уверенность и настойчивость. Временами, ближе к концу беседы, он несколько отвлекался от обсуждаемых вопросов, много шутил.

К концу третьего часа нашей беседы чувствовалось, что все вопросы, связанные с операцией, разобраны. Тогда товарищ Сталин произнес:

– Ну, что ж, будем кончать?

– Как прикажете.

Я попросил товарища Сталина сфотографироваться. Еще мне хотелось запечатлеть на кинопленте его пребывание на Калининском фронте, но он по скромности или другим соображениям отказался.

“Я обещаю, товарищ Еременко, – произнес Иосиф Виссарионович, выходя из домика, – что обязательно сфотографируюсь с вами, но в другой раз”.

Товарищ Сталин пригласил меня на обед, который состоялся в обычном пассажирском служебном вагоне с несколькими купе и небольшим салоном, просто, но со вкусом обставленным.

Обед прошел в оживленной беседе. Товарищ Сталин, как всегда, держал себя очень просто, настроение у него было приподнятое, бодрое.

Я всматривался в лицо Верховного Главнокомандующего, вслушивался в его речь, замечания и шутки, и в сознании невольно возникали впечатления от других встреч, разговоров по телефону. И тогда я ощутил, насколько правдиво обрисован образ Сталина Анри Барбюсом.

Сталин производил на меня глубокое впечатление. В его образе отчетливо выделялись сила, здравый смысл, развитое чувство реальности, широта познаний, изумительная внутренняя собранность, тяга к ясности, неумолимая последовательность, быстрота и твердость решений, умение молниеносно оценить обстановку, ждать, не поддаваться искушению, хранить грозное терпение.

Все эти качества покорили меня, как и каждого человека, кто с ним встречался» (см., напр., *Еременко А. И.* Смоленские ворота в Европу, или Три часа с И. В. Сталиным. «Военно-исторический журнал». № 12, 1993 г.).

26 августа войска Центрального фронта начали наступление на Черниговском направлении, и к 19 сентября его передовые части вышли к Днепру. Обстановка требовала форсировать водный рубеж сходу, чтобы противник не успел укрепить оборону на правом берегу. Но преодолеть такую преграду без предварительной подготовки – под огнем противника – казалось делом невозможным. Мосты через все реки Левобережной Украины немцы взорвали, доставка технических и материальных средств задерживалась, и тогда было принято решение форсировать Днепр, не дожидаясь переправочных средств: частям Центрального фронта – у устья Припяти, а Воронежского – в районе западнее Переяслав-Хмельницкого.

За форсирование крупных водных преград и закрепление на плацдарме в директиве от 9 сентября 1943 года Ставка приказала представлять личный состав к высшим правительственным наградам, а за преодоление Днепра и равных ему водных рубежей – к званию Героя Советского Союза.

2 438 солдат, офицеров и генералов всех родов войск были удостоены за Днепр этой высокой награды. Но люди не ангелы. И справедливости ради надо сказать, что заслуженные награды не всегда находили своих героев, а кое-кому доставались не по заслугам.

...Так уж получилось, что командир саперного взвода старшина С. Г. Язвинский к концу войны был отмечен лишь медалью «за бэзэ» («боевые заслуги») да знаком «Отличный сапер».

Как-то его внучка, наслушавшись воспоминаний деда-сапера о войне, решила успокоить его и сказала: «Дедуля, а ты у нас больше, чем Герой СССР. Ты – неизвестный солдат!» Рассмешила, конечно, всех. Но и возразить ей ветеран-фронтовик не смог.

А между тем Станислав Гаврилович под Сталинградом лично подбил четыре танка противника и форсировал Днепр – туда и обратно – десять раз!

Дело было на Никопольском плацдарме. 50-я гвардейская стрелковая дивизия форсировала Днепр в районе Лепетихи. Язвинский со своим взводом переправлял бойцов под огнем противника на правый берег реки, там подбирал раненых и опять под огнем противника преодолевал водный рубеж – но уже в обратном направлении. Последний заход был особенно трудным. Огромный плот был явно перегружен – на нем разместили около 300 раненых. Старшина Язвинский стоял на переднем крае плота и управлял им с помощью длинного весла, на котором был прикреплен моторчик – немецкий трофей. Снежная шуга до метра толщиной мешала продвижению. Когда плот почти уже добрался до нашего берега, перед ним ухнула мина, вторая разорвалась за плотом. «Третья – наша...» – только успел подумать Язвинский – плот вздрогнул, затрещал, потом вдруг вздыбился, и все 300 человек раненых ушли под воду.

«Меня сбросило с плота – я ведь стоял с веслом на самом его краю, – припоминает тот рубеж Станислав Гаврилович и, слушая его за столом в крохотном домике, приютившемся на склонах Ай-Петри, трудно даже представить, как мог вынести столько испытаний этот скромный, так по-доброму улыбающийся, не потерявший молодецкой выправки человек. – И вот в яловых сапогах, ватном тельнике принялся я выплывать из Днепра. Каждый взмах руки становился все труднее. Намокшее зимнее обмундирование тянуло на дно. Я уже захлебывался водой и, помню, как в бессилии взмахнул еще раз правой рукой и такая острая боль тут же пронзила грудную клетку, что я потерял сознание. Это от багра. Какой-то солдат зацепил им за мое ребро и вытащил меня из ледяной воды. Опомился я уже на берегу...»

После освобождения Николаева 50-ю гвардейскую перебросили на север. Шла подготовка к знаменитой наступательной операции, известной под кодовым названием «Багратион». Освобождение родной Белоруссии командиру взвода Язвинскому запомнилось эпизодом, в общем-то рядовым в его фронтовой судьбе, но в дальнейшем получившим любопытное продолжение.

Как-то в районе передовых позиций их дивизии, на виду, можно сказать, всей публики, на тарахтелочку По-2 навалился «мессер». Чувствуя свое явное преимущество, немец решил, видимо, поиграть с безоружной «рус-фанера». Он и «бочки»-то перед носом Ивана крутил, и огнем из пулеметов пугал. В конце концов, заставил По-2 приземлиться. Только пилот посадил машину не на стороне противника, а на нейтральной полосе, выбрав свободное место. Открылась стрельба – били немцы, им отвечали наши. Противник, похоже, намеревался захватить и самолет, и летчика. Тогда комбат саперов по-отечески душевно распорядился: «Язвинский, давай, вытащи этих мудаков...»

Дело в том, что легкомоторный По-2 приземлился на минном поле. Пилоты сообразили, в каком положении они оказались, когда рассмотрели торчащие вокруг их самолета мины... «Давайте завесу и огонь! Вот немцы-то торопятся взять трофею», – заметил старшина Язвинский и, когда такое прикрытие обеспечили, принялся за работу.

Проделав дорожку до самолета, то есть разминировав ее, Язвинский вытащил двух летунов из опасной зоны. А вечером его вызывают вдруг в штаб дивизии. «Смотрю, полно машин. Прикидываю, значит, высокое начальство заседает, – рассказывает Stanisław Гаврилович и улыбается чему-то давно ушедшему, но памяtnому. – Ввели меня в землянку. Отцы-командиры расступились, и тут ко мне навстречу направляется тот пилот, который управлял тарахтелкой По-2. Подходит – он был в шевретовой куртке – и протягивает стакан коньяка: “Спасибо, старшина, спас ты нас от беды! Давай выпьем...” Я поблагодарил, но пить не стал. Вообще всю войну не пил. Пилот тогда достал авторучку, что-то написал на листочке бумаги и говорит: “Вот мой телефон. После войны будешь в Москве –

позвони мне”. Я, помню, только и ответил: “Еще дожить надо...” На том и расстались».

Судьба распорядится так, что сапер и летчик встретятся – после войны. Оба припомнят эпизод с посадкой По-2 на минном поле. И тогда бывший сапер узнает, что летун, которого он спас от мин, сын Сталина – Василий.

Еще вот эпизод у водного рубежа, о котором когда-то написано: «Чуден Днепр при тихой погоде». Батальон капитана Н. П. Петровского, безотрывно следуя за наступающими войсками 38-й армии, хорошо знал диспозицию передовых частей и своевременно обеспечивал восстановление так необходимой в полосе наступления дорожной сети. «Несмотря на недостаток переправочных средств, – вспоминает Николай Павлович, – части 240-й стрелковой дивизии полковника Уманского форсировали Днепр в районе Сваромье и захватили плацдарм на его западном берегу. Для развития успеха, переброски артиллерии и техники в месте форсирования было приказано навести надежную переправу. Это поручили сделать 268-му отдельному инжбату, а устройство подъездной дороги – нашему, 187-му ОДСБ. Песчаная пойма реки, конечно, не позволяла проезд транспорта и техники без устройства верхнего покрытия. Но опыт строительства дорог по пескам батальон уже имел – мы прокладывали такие дороги при форсировании нашими войсками Десны. Покрытие, изготовленное из местного материала – прутьев тальника, связанных в фашины, – вполне обеспечивало проезд боевой техники. Так что рота, которая первой прибыла в район переправы, сразу же принялась за изготовление фашинных матов, благо, на берегах Днепра было вполне достаточно тальника.

Первая ночь прошла спокойно. Немцы не мешали нашей работе. А утром, обнаружив строящуюся переправу, враг открыл по нашему берегу огонь. Била артиллерия, минометы, бомбили “юнкерсы”... Пришлось все работы по заготовке строительного материала, укладке фашин перенести на ночь и предутренние часы. Однако фашины мы продолжали вязать в соседнем лесочке.

Но вот где-то после полудня ко мне явился командир 268-го ОИБ, с ним был представитель 240-й стрелковой дивизии, и оба вдруг выкладывают мне свою озабоченность и тревогу. Дело в том, что после налетов гитлеровской авиации 268-й батальон, наводивший переправу, понес большие потери в людях и технике: часть понтонов оказалась потопленной, восстановлению не подлежала, а надежд на пополнение людьми и переправочными средствами – никаких! Выход, по мнению комбата, был один – прекратить работы на подъездной дороге и приняться за строительство низководного моста на свайных опорах. Представитель дивизии Уманского это соображение поддерживал, считая, что техника с помощью пехоты преодолет пески, пройдет как-нибудь, а, мол, дорога без переправы не нужна никому.

Мне же было ясно и другое: переправа без техники тоже не нужна! Ведь мощные пылеватые пески непроходимы – никакая пехота тут не поможет. Как быть?.. У меня тоже приказ – построить дорогу. Вся ответственность за выполнение приказа лежит на мне. В войну известно, как наказывают за невыполнение таких установок. А тут тем более решалась стратегическая задача – советские войска форсировали Днепр!..

Пообещав сообщить решение через час, я выехал в распоряжение своих заместителей и ротных и как можно яснее доложил им обстановку. Все понимали, чем грозит прекращение наших работ по устройству дороги и подъезда к переправе. Но выход, куда ни кинь, получался один – и приказ о строительстве подъезда выполнять, и соседа, попавшего в беду, выручать...

Техническое решение приняли быстро. Строительство моста на сваях – дело трудоемкое, к сроку явно не поспеть. Подумали мы и согласились тогда с таким предложением: на мелководе реку перекрывать мостом на усиленных рамных опорах, а на глубине более 1,8 метра – бить сваи. Оставался еще вопрос относительно рабочей силы – личного состава на два таких ответственных дела не хватало. И вот тут все пришли к одному выводу – без помощи местного населения не обойтись. Тогда и решили: мобилизовать местных жителей окрестных деревень

для заготовки элементов моста и вязки фашин, а специалистов – для изготовления деталей моста.

Ночью к нам стали подтягиваться плотники с инструментами на лошадях и сразу принялись за работу: одни начали заготовку леса, другие – вязать фашинные маты. Выяснилось, что немцы где-то выше по течению реки заготовили лес, но вывезти его не успели. Тогда мой заместитель выехал с крестьянами на изготовление плотов. Словом, работа закипела.

На вторые сутки на место работы прибыл начальник инженерной службы 38-й армии. Он ознакомился с обстановкой, горячо поблагодарил нас за проявленную инициативу и обещал доложить командующему – генералу Чибисову. А работа шла своим чередом. Немцы бомбили нас. Наша артиллерия, зенитчики прикрывали переправу. Словом, все как на войне.

Мост и дорогу мы успели, однако, построить к сроку. Прибыл тот же начальник инженерной службы, принял нашу работу и отличившихся приказал представить к правительственным наградам. Потом он сообщил, сославшись на директиву Ставки, что командиров 240-й стрелковой дивизии, 268-го отдельного инжбата и меня будут представлять к званию Героя Советского Союза. Отличившихся наградили. Героями действительно стали – и комдив полковник Уманский, и комбат капитан Цицишвили, и... начальник инженерной службы 38-й армии.

Получил Звезду и я. Только не золотую, а простую – красную...»

Такой вот эпизод из времен Великой войны. О себе комбат Петровский ничего не рассказывал, а в конце письма, как бы между прочим, заметил, что его батальону было присвоено почетное наименование «Днепропровский» приказом самого Сталина.

Если уж коснулись разговора о наградах, замечу, как к ним относился командир авиадивизии Василий Сталин. Вот он гневается на равнодушие армейских чиновников: «Тов. Крюков! Относитесь к наградным листам серьезней!..» Или вот о поощрении своих бойцов пишет рапорт командиру 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса генералу Белецкому:

«Мной были Вам представлены к правительственным наградам – боевым орденам – достойные командиры и летчики: гв. старший лейтенант Боровик и гв. лейтенант Сергеев. Представляли к ордену Красного Знамени, а награждены орденом “Отечественной войны” I ст. Гв. младший лейтенант Исаков представлялся к ордену Красного Знамени, а награжден тоже “Отечественной войной” I ст. Гв. младший лейтенант Перовский, Потапович представлялись к ордену “Отечественной войны” I ст., а награждены этим орденом II степени.

Не понимаю, как награждать боевыми орденами? Почему мнение командира дивизии не является авторитетным по данному вопросу?...» (<http://www.proza.ru/2010/08/17/290>)

К слову, когда Василий Иосифович узнал, что за умелое руководство истребительной авиадивизией вышестоящее начальство готовит представление его к званию Героя Советского Союза, он решительно воспротивился этому. Что тут скажешь? Сын Сталина – не сын Хрущева, которого после первых же боевых вылетов на бомбере подхалимистый комдив представил к ордену Красного Знамени с приписочкой в скобках «сын Никиты Сергеевича».

А боевые дела летчика-истребителя Василия Сталина, как и заслуги его отца, несмотря на все потуги лжеисториков, не забыты – они нашли признание нашего народа.

Выполняя приказы Ставки, войска Воронежского фронта – дальше 1-го Украинского* – с 12 октября по 23 ноября провели Киевскую операцию. После неудачных попыток освободить город с букринского плацдарма направление главного удара было перенесено в район Лютежа, это севернее Киева. На этом плацдарме находились войска 38-й армии, командовал которой генерал К. С. Москаленко, и 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко. 3 ноября они внезапно для противника перешли в наступление, прорвали его оборону и в полночь 6 ноября

* С 20 октября 1943 года все фронты были переименованы: Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный стали соответственно 1, 2, 3 и 4-й Украинскими. Прибалтийский был переименован в 1-й Прибалтийский, Калининский — во 2-й Прибалтийский, а Центральный — в Белорусский фронт.

пробились в центр Киева – не ко сну будет помянут – на территорию нынешнего «Майдана». Днем древний город Святой Руси был полностью освобожден.

P.S.

«Рэвэ та стогнэ Дніпр широкий,
Сэрдітый вітэр завыва...»

Нет сил читать и слушать о том, что творится нынче на Украине. Отставные украинские президенты – «верные ленинцы» и откровенные прозападники – сидят рядом в Раде, на всевозможных сборищах под прицелом заокеанского дядюшки Сэма, стареют в своих «малэньких хатэньках» – ценою в миллионы долларов, а к власти рвутся новые вожди. Они натравливают друг на друга народы нэньки-Украины, и, как было уже не раз, брат стреляет в брата, в огне злодеи сжигают непокорных, как Тараса Бульбу, и летит над седым Днепром сатанинский хохот: «Здоровэньки булы, панове, о'кэй?»

Ревет и стонет Днепр широкий...

«ОТОН-PREE-THE ЕН-ТОН...»

Вернемся на мгновение к 434-му истребительному авиаполку, который под Сталинградом из качинских инструкторов, опытных воздушных бойцов, воевавших в Испании, на Халхин-Голе, с финнами, собрал полковник В. Сталин. Этот боевой коллектив отличился в небе Сталинграда, был отмечен гвардейским знаменем и уже как 32-й гвардейский был направлен на Калининский фронт.

Полк включился в боевые действия сначала на Великолукском направлении, а с 10 февраля – на демянском плацдарме, где противник сосредоточил большие силы и вклинился в нашу оборону. С аэродрома Заборовье началась боевая работа. Скупые строки фронтовых запи-

сей – донесений, оперативных сводок – доносят до нас дыхание огненных лет войны.

Вот десяткой истребителей группа ушла на прикрытие наших войск в район Хмели. В 13 часов 36 минут взлетели Сталин, Герасимов, Якушин, Коробков, Долгушин, Батов, Шишкин, Гнатенко, Луцкий, Хользунов. Задание выполнили. Но при возвращении летчики попали в такой снегопад, что свой аэродром не нашли и сели в Старой Торопе.

Странно читать о сыне Сталина обывательские импровизации. Один уважающий себя весьма крупный авиационный специалист поставил как-то под сомнение сбитый Василием самолет. Маршал заявил в газетном интервью, что и летал-де Василий с няньками. Эх, добро бы рассуждал так дилетант, человек некомпетентный в летных делах – а то ведь летчик! Неужто неизвестно, что истребитель в боевой машине всегда один. Если летят на задание парой, звеном или эскадрильей – так это принятые боевые порядки. В той же паре ведомый – щит ведущего. А опытный ведущий разве бросит в беде своего напарника?

Так кто же здесь нянька?..

26 февраля Сталин вылетал на задание с Ореховым и был тогда ведущим пары. Орехов, что ли, нянька? Да, Владимир Александрович опытный воздушный боец, на него можно было положиться в любой схватке с противником. Но в тот же день Василий летал со Степаном Микояном – и опять ведущим. А Степан-то совсем молодой пилот...

Были боевые вылеты командира истребительного авиаполка Сталина в паре с Власовым, Луцким, Якимовым. А то уходил на задания вообще один. Например, 8 марта, 9 марта.

...Напряженность боевой работы все нарастала. В начале марта Василий вылетал на задания почти ежедневно, иной раз делал по три-четыре боевых вылета в день. Об этом рассказывают те же политдонесения.

Заместитель командира полка по политической части майор Стельмашук 9 марта сообщал в дивизию следующее:

«С 1 по 7 марта было сделано на сопровождение самолетов Ил-2 в район цели, а также прикрытие своих войск 227 боевых вылетов, про-

ведено 10 групповых воздушных боев. Сбито 20 самолетов противника, из них ФВ-190 – 8 самолетов, Ме-109 – 12 самолетов. Образцы боевой работы показывали летчики-коммунисты:

гв. старший лейтенант Лепин, сбивший 2 самолета Ме-109гг;

гв. капитан Почечуев, сбивший 1 ФВ-190 и 1 Ме-109ф;

гв. лейтенант Марков, сбивший 1 ФВ-190 и 1 Ме-109гг;

гв. младший лейтенант Разуванов, сбивший 2 самолета ФВ-190.

Один самолет ФВ-190 сбит лично гв. полковником Сталиным.

Исключительную отвагу проявил в воздушном бою 5 марта в районе Коломна и западнее коммуны имени Крупской Герой Советского Союза гв. капитан Холодов. Патрулировавшие наши 4 самолета, где старшим был тов. Холодов, встретили до 5 Ме-109гг и 5 ФВ-190. В завязавшемся неравном бою, видя явное превосходство сил противника, после нескольких атак гв. капитан Холодов таранил Ме-190гг, сам выбросился на парашюте. Таран подтверждает пленный немецкий летчик, тоже выбросившийся на парашюте.

В этом же бою, беря пример со своего командира, гв. капитан Коваль пошел на таран и таранил самолет противника ФВ-190, отрубив ему винтом хвост, сам произвел посадку на р. Ловать; был доставлен в тяжелом состоянии в госпиталь, поломав при посадке ввиду неуправляемости самолета обе руки и ногу. На тараненном немецком самолете ФВ-190 оказался летчик-майор. Таран подтверждают командиры зенитной батареи и летчики Лепин и Макаров...»

Далее майор Стельмашук доносил в политотдел дивизии о делах на земле:

«Заседанием партийной комиссии принято в ряды ВКП(б) – 5 человек.

Выпущен 1 номер стенгазеты.

Вывод: политико-моральное состояние полка хорошее, полк готов выполнять любую задачу».

Комиссар 32-го гвардейского авиаполка, как всегда, был педантичен в своих политдонесениях: два тарана, одна стенгазета, две поломанные руки и одна нога...

Остается добавить, что тот боевой вылет, когда истребителям 32-го гвардейского пришлось таранить противника – дважды в одном бою, – проходил на высоте 200 метров и ниже. Они сошлись с большой группой «мессершмиттов» и «фоккеров». Завязался тяжелый бой. Наши летчики, как видно из политдонесения, стояли насмерть. Два «фоккера» бойцы сбили тараном. Один, горящий от атаки Василия Сталина, упал в районе деревни Семкина Горюшка. Там же свое место нашел и «фоккер», сбитый младшим лейтенантом Вишняковым.

Назову всех участников того боевого вылета: Холодов, Макаров, Ба-клан, Коваль, Сталин, Лепин, Шульженко, Вишняков.

Интересно, кто у кого в той огненной метели был нянкой?!

Командир полка Сталин гордился своими гвардейцами. В полку было уже 10 Героев Советского Союза – Котов, Луцкий, Орехов, Гарам, Савельев, Хользунов, Федоров, Анискин, Шишкин, Макаров. Только за один 1943 год они сбили 184 самолета противника! Слава о 32-м гвардейском гремела по всем фронтам. И стоит ли говорить, с какой грустью расставался с боевым коллективом его командир. А дело было так.

23 марта поступило распоряжение: 32-му истребительному перелететь на подмосковный аэродром Малино. Предстояло укомплектование полка людьми, боевой техникой. 1-й истребительный авиакорпус, в который входил полк Сталина, выводили из боев – начиналась подготовка к Курской битве. Но вместо аэродрома Малино Василий приземлился всем полком на одном из полевых аэродромов.

«Пилотам надо отдохнуть», – принял он командирское решение. И отдохнули...

**Выписки из политдонесения
о чрезвычайном происшествии в 32-м
гвардейском истребительном авиаполку**

«...Происшествие произошло при следующих обстоятельствах. В 15.30 группа летного состава, состоящая из командира АП полковника



*И. Сталин и К. Варашилов приветствуют участников
Парада Победы. 24 июня 1945 г.*

Сталина В. И., Героя Советского Союза подполковника Власова Н. И., заместителя командира 3 АЭ, Героя Советского Союза капитана Ба-клан А. Я., заместителя командира 2 АЭ, Героя Советского Союза капи-тана Котова А. Г., заместителя командира 1 АЭ, Героя Советского Союза Гаранина В. И., командира звена старшего лейтенанта Шишкина А. П., инженера по вооружению полка инженер-капитана Разина Е. И., вышла на реку Селижаровка, находящуюся в 1,5 километрах от аэродрома, на рыбную ловлю.

Бросая в воду гранаты и реактивные снаряды, глушили рыбу, собирая ее с берега сачком. Перед бросанием реактивного снаряда инженер-капитан Разин предварительно ставил кольцо капсуля детонатора на максимальное замедление (22 секунды), отворачивал ветрянку, а затем бросал снаряд в воду. Так им лично было брошено 3 реактивных снаря-да. Готовясь к броску последнего реактивного снаряда, инженер-капитан Разин вывернул ветрянку – мгновенно произошел взрыв в руке, в резуль-тате чего 1 человек был убит, 1 тяжело и 1 легко ранен...»

Такое вот вышло приключение на рыбалке у реки. Тем легко ранен-ным выпало быть Василию. Осколком реактивного снаряда ему раздро-било пятку правой ноги.

Да, что-то, видно, недосмотрел, что-то недодумал комиссар Стель-машук в плане культурно-массовой работы среди истребителей 32-го авиаполка.

Чтобы не возвращаться больше к мартовским событиям, приведу еще один прелюбопытный документ тех лет – из политических донесе-ний – любимого жанра комиссара Стельмашука.

«2 марта 1943 г. во время осмотра самолета Як-9, принадлежащего командиру 32-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии пол-ковнику Сталину В. И. (техник самолета – старший техник-лейтенант Поваренкин), обнаружено в соединении первой тяги от хвоста рулей глубины воткнутое техническое шило, которое заклинивало управле-ние самолета.

Предварительным расследованием выяснилось, что самолет последний полет имел 26.2.43 г., с тех пор на нем производилась работа по проверке шасси и съемка бензобаков...

Считаю: совершен акт с диверсионной целью.

Необходимо немедленно: для личной охраны гвардии полковника Сталина, штаба полка и самолетов Сталина и капитана Микояна прикомандировать к полку 2 отделения по 10 автоматчиков из внутренних войск НКВД.

Заместитель командира 32 ГИАП по политической части гв. майор Стельмашук».

Это, как указывается в донесении, произошло 2 марта. На следующий же день Василий вылетел на Як-9 патрулировать с Коробковым и Якушиным. Напряжение боевой работы истребителей 32-го гвардейского нарастало. Командиру полка было не до диверсантов. Оставим и мы это мгновение весны юлиансеменовским штирлицам.

Очевидно, дела более важные, чем заботы о благоустройстве сына своего Василия, преследовали Иосифа Сталина, если о происшествии на рыбалке у реки летунов 32-го гвардейского полка он узнал только спустя два месяца. О «чэпэ» на рыбалке – Лаврентий Берия подсуетился, заложил Василия. Сталин проявил внимание к сыну и продиктовал такой вот приказ:

«Командующему ВВС Красной Армии
Маршалу авиации тов. Новикову
Приказываю:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника Сталина В. И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что портит и развращает полк.

3. Исполнение донести.

Народный Комиссар Обороны И. Сталин

26 мая 1943 г.»

Но Василий Сталин к началу 1944-го, похоже, искупил свою вину с весенней рыбалкой: 16 января он приступил к исполнению обязанностей инспектора-летчика по технике пилотирования в 1-м гвардейском истребительном авиакорпусе.

О работе инспектора рассказывать особенно нечего. Для Василия Сталина это был своего рода контрольный рубеж, подготовка к командованию дивизией. Участники событий тех давних лет свидетельствуют, что Василий как инспектор много помогал в комплектовании соединения летно-техническим составом, самолетами, горюче-смазочными материалами и даже по делам продовольственно-вещевой службы – обмундированием, питанием.

А командир 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса генерал Белецкий оценивает полковника В. Сталина в те дни такой вот характеристикой:

«В должности инспектора-летчика авиакорпуса с января 1944 года. За это время он проявил себя весьма энергичным, подвижным и инициативным командиром. Сразу же по прибытии в корпус включился в боевую работу частей корпуса.

Во время проведения операций на Витебском и Полоцком направлениях – в январе-феврале 1944 года – и Идрицком направлении – в марте 1944 года – часто находился непосредственно на ВПУ командира корпуса, руководил воздушными боями истребителей, анализировал и разбирали бои с летным составом частей.

Провел большую работу по проверке техники пилотирования у летчиков корпуса.

Обладает отличной техникой пилотирования, летное дело любит. По прибытии в корпус на должность инспектора в течение трех дней изучил и самостоятельно вылетел на самолете Ла-5, до этого летал на самолетах типа “як”.

Тактически грамотен, боевую работу авиационных полков и дивизии может организовать хорошо.

С людьми работать умеет, но иногда проявляет излишнюю горячность, вспыльчивость.

Принимает активное участие в партийно-политической работе, является членом парткомиссии корпуса. Лично дисциплинирован, исполнитель, обладает хорошими командирскими качествами. Пользуется авторитетом у личного состава корпуса.

Занимаемой должности соответствует, достоин выдвижения на должность командира истребительной авиационной дивизии».

18 мая 1944 года, согласно приказу Главного маршала авиации Новикова, с 12 часов 00 минут полковник В. Сталин вступил в командование 3-й гвардейской истребительной авиадивизией.

Поднаторевшие в свое время на «проблемах» партийной печати специалы нынче ринулись судить да рядить о делах армейских. С какой ноги марш начинать не ведают, а туда же – о стратегии рассуждать, о военных операциях судить – кто прав, кто виноват. Когда же речь о Сталине и его сыне Василии заходит – тут ни логики в рассуждениях, ни простого здравого смысла. Одно талдычат: папаша продвигал, папаша сынишке карьере делал. Однако вот деталь, о которой почему-то помалкивают, когда речь заходит о полковнике Сталине. Командование дивизией Василий принял, когда у него был налет 3105 часов! Он летал на всех типах истребительной авиации, состоящей на вооружении нашей армии, на многих бомбардировщиках. А еще на штурмовиках, на американских да английских боевых машинах.

Были ли прецеденты столь стремительного служебного роста, как у сына Сталина? Да вот, скажем, Миша Тухачевский, лейб-гвардии поручик, красавец-барин, – не он ли в 25 годков принял жезл командарма? Ну, конечно, конечно, тут полководческий талант плюс «марксистские формулы».

А Иероним Уборевич, герой подавления антоновщины, в 22 года командовавший дивизией, а в 23 – армией? А фармацевт Иона Якир, он же 23-летний начальник дивизии? А Эйдеман – начальник Особой дивизии

в 23 года? А юная комиссарша Рейснер, перед которой дрогнули матросы целой флотилии?

Могут сказать: но то было в гражданскую войну. «Красные дьяволята» шли косяками, и народ сам выдвигал своих героев. Хорошо, вот не «дьяволята», а действительно любимые в народе «сталинские соколы».

Например, летчик А. К. Серов. В 1938 году он был старшим лейтенантом, командиром эскадрильи, а через год – уже комбриг, начальник Главной летной инспекции ВВС РККА. В. С. Хользунов в 1936 году капитан, командир эскадрильи, а в 1937 – командующий армией особого назначения. П. П. Рычагов в 1937 – старший лейтенант, командир звена, а в 1940 – генерал-лейтенант, начальник ВВС РККА. Да и у авиационных штурманов таких примеров много. Г. М. Прокофьев в 1937 году был штурманом эскадрильи, а на следующий год он уже флаг-штурман ВВС.

Здесь самый момент перейти к Белорусской операции, которая проходила под кодовым названием «Багратион». Это большое наступление наших войск началось через две с половиной недели после высадки союзников в Нормандии – 23 июня. Готовилась операция в строжайшей тайне и для немцев оказалась полной неожиданностью. Четыре фронта – 1-й Прибалтийский и три Белорусских – 3, 2 и 1-й – прорвали их оборону и в общем направлении на Минск окружили основные силы группы армий «Центр».

3 июля наши войска освободили столицу Белоруссии. А 5 июля немцы, прорвав кольцо окружения, рванули на запад.

Операция «Багратион» завершилась освобождением Белоруссии, части Литвы и Латвии. Войска четырех фронтов продвинулись на 260–400 километров и, расширив фронт наступления на 1000 километров, вступили на территорию Польши и подошли к границам Восточной Пруссии. 17 дивизий и 3 бригады противника были полностью уничтожены. 50 дивизий потеряли более половины основных сил группы армий «Центр».

Полковник В. Сталин за руководство в Белорусской операции авиадивизией был отмечен орденом Александра Невского. Как знать, может, не случайно в августе 1944-го Уинстон Черчилль сказал: «Именно русская армия выбила дух из немецкой армии! – при этом премьер прави-

тельства Великобритании добавил: – В мире не существует другой силы, которая смогла бы это сделать».

То ли от избытка таких же чувств, то ли по иной какой причине, но наши заокеанские союзники 7 ноября 1944 года подготовили нам такой праздничный сюрприз, что пришлось «сталинским соколам» отвечать им взаимностью в духе таких же теплых отношений. Здесь речь пойдет о воздушной схватке русских с американцами, которая произошла во Вторую мировую войну в небе Югославии. Малоизвестный эпизод в анналах истории остался извинительным письмом президента Рузвельта Сталину. А мне о нем рассказывали заместитель командира 866-го истребительного авиаполка Герой Советского Союза Д. Д. Сырцов, позже – старший инженер 897-го истребительного полка А. И. Райло. А со временем уточнить некоторые детали и боевую обстановку в районе схватки с американцами помогли воспоминания командира авиадивизии Бориса Александровича Смирнова.

Свидетелей, а тем более участников того боя, скорее всего, уже не осталось. Так что сохраним светлую память о них, а этой страницей пополним летопись русской боевой славы.

Итак, осень 1944 года. Войска 3-го Украинского фронта включились в боевую работу по освобождению Югославии. Командиру 288-й истребительной авиадивизии полковнику Б. А. Смирнову было приказано перебазироваться в район действий армейской группы Кочи Поповича. И вот на аэродроме, пристроившемся на окраине живописного местечка Ниш, разместился командный пункт 866-го истребительного полка.

«В начале ноября погода стояла нелетная. Шли дожди вперемешку со снегом, так что для боевой работы мы ловили любую возможность. В первой готовности у нас постоянно находились дежурные экипажи. Только разрыв в облаках, только небо чуть просветлеет – и через сорок секунд наши истребители в воздухе», – кажется, совсем недавно рассказывал о былом Дмитрий Дмитриевич Сырцов...

Утром 7 ноября на аэродроме у местечка Ниш появился всадник. Это оказался один из адъютантов генерала Кочи Поповича. Он приглашал русских на митинг и парад частей. Несколько свободных от боевого де-

журства офицеров под командой политработника 897-го авиаполка В. Заварухина втиснулись в полуторку и не без труда пробились на городскую площадь. Не без труда – потому что по дороге на Белград сплошным потоком следовали колонны войск 37-й армии – танки, артиллерия, пехота на автомобилях...

«Югославы, завидев нашу делегацию, с криками “друже рус!» бросились навстречу». К слову, в начале прошлого века сербы и русские под командованием Михайлы Кутузова разбили здесь, под Нишем, войска турок. Проявление братских чувств славян продолжалось недолго. Погода начала улучшаться: открылись горы, сквозь разрывы облачности показалось чистое небо – и делегаты от летного полка заторопились на аэродром.

Дальше привожу рассказ комдива Смирнова:

«Значит, примерно около тринадцати часов головные машины одной из боевых колонн 37-й армии проходили уже траверз полкового командного пункта, и тут дежурный офицер доложил начальнику штаба полка майору Сигорскому, что с запада, курсом на аэродром, на высоте около двух тысяч метров летят две большие группы немецких самолетов. Я в это время находился на командном пункте в расположении второй болгарской армии и вдруг слышу, как командарму докладывают, что колонну наших войск в районе города Ниш атакуют американцы... Помню, командарм Судец распорядился: “Принять все меры к предотвращению столкновения в воздухе!” Но как?..

Со стоянки дежурной авиаэскадрильи взлетела восьмерка истребителей, возглавляемая Героем Советского Союза капитаном А. И. Колдуновым. Ему и всем летчикам группы командир дивизии Смирнов передал указание командующего: сделать все возможное, чтобы привлечь внимание американцев, дать им как-то понять, что удар они наносят по своим – союзникам.

– Сделать такое было трудно: ведь радиоволну обмена американских экипажей мы не знали...» – припоминал обстановку давних лет Борис Александрович.

Короче, встреча русских с американцами в небе Югославии состоялась. Видно, суждено было. А происходило это так. Две группы боевых машин из США – по 25–30 самолетов каждая – приближались к аэродрому. Одна, верхняя, встала в круг для прикрытия действий нижней, нижняя группа разделилась еще на две – и пошла работа!..

Что происходило на дороге, забитой танками, повозками, автомашинами, людьми, когда на все это неожиданно-негаданно обрушился огненный смерч, представить не трудно. Часть американских «лайтингов» штурмовала нашу колонну, другая же деловито атаковывала взлетающие «яки».

И любой-то воздушный бой не прост. А тут... Загорелась боевая машина лейтенанта Шипулина, за ним – лейтенанта Кривоногих. Капитан Панин рассказывал потом:

«Американские “лайтинги” гоняются за нами, а мы лишь увертываемся. Ведь команда поступила – дать понять, что мы – союзники. Вот и отвечай на пулеметные очереди реверансами! Какая-то игра в кошки-мышки...»

Но где-то уже на двадцатой минуте этой схватки с земли заметили, как один из наших истребителей дерзко, на огромной скорости прорвался сквозь стену огня к ведущему американской группы. Казалось, еще мгновение, и летчик с «яка» даст очередь или винтом срежет задержавшегося перед ним «лайтинга». В ожидании смертельной развязки все замерли. Но истребитель со звездами на крыльях смешался с американскими, затем вплотную пристроился к их ведущему и... бой прекратился.

– Когда наши самолеты приземлились, все бросились к машине Колдунова, – свидетельствовали очевидцы. – Пилотам хотелось узнать, как это ему удалось прекратить атаки американских «лайтингов». Капитан Панин – тот прямо спросил:

– Колдун, ты английский знаешь?

– Нет.

– А как же разговаривал?

– Очень просто – на летном языке. Зажал ручку управления между колен, поднял руки, соединив ладони в рукопожатии, а потом постучал кулаком по лбу – намекнул, что мы союзники...

Панин прервал Колдунова:

– Подожди. Уточним перевод летного языка. Значит, ты сказал приблизительно так: «Босс, ты – дурак. Соображать надо!»

– Ну... примерно, – согласился Колдунов.

– А если бы он не понял? – спросил Панин.

Колдунов подумал немного и ответил:

– Жить захочешь – поймешь!

Больше вопросов к Саше не было. Тогда Панин призвал:

– Качаем Колдуна!

И Саша снова оказался в воздухе...

Александр Иванович Колдунов – личность легендарная. 46 самолетов противника, сбитых в 96 воздушных боях, – такое мало кому удавалось. А как просто и мудро учил он своих ведомых. Рассказывают, подведет в бою к самолету противника и говорит: «Прикрываю. Сбивай!» Попробуй не сбить – в глаза стыдно смотреть будет...

Великолепный мастер атак, капитан Колдунов стал дважды Героем Советского Союза, маршалом авиации. Но пока еще шли бои, где-то там, на Ставропольщине, подрастал будущий рыцарь мальтийского ордена, автор процесса, который «пошел», – развала одной из величайших держав мира. Сельского хлопца по фамилии Горбачев в небо не потянуло. Он выбрал иную дорожку – к тайнам партийного ордена. Миша призывал всех – работать до пота и так – целеустремленно, ступенька за ступенькой – прошагал от ретивого комсомольского функционера с огоньком в глазах до генерального секретаря компартии Советского Союза. Именно он, очумев от власти, принял неоправданное решение о смещении Александра Ивановича Колдунова с поста главнокомандующего войсками ПВО.

Тяжело переживал маршал авиации опальное положение, а еще тяжелее то, что творилось в стране... Силы покидали Александра Ивановича: ему отняли ноги, а вскоре он и скончался...

А тогда, осенью 1944-го, капитана Колдунова, как сообщалось в официальных документах, проявившего смелую находчивость в сложной об-

становке, командование отметило орденом Красного Знамени. Кто сбивал «лайтинги» – установить не удалось. «Летчики как воды в рот набрали», – вспоминал комдив Смирнов.

Еще бы! Ведь в том дипломатическом распоряжении командующего воздушной армией: «Принять все меры к предотвращению...» – не было сказано: «Бейте их в хвост и в гриву!» Это потом можно было рассуждать – что да как. «Оценим по достоинству подвиг Колдунова, – писал старший начальник Александра Ивановича. – Представим себе такую ситуацию: нашим летчикам не удалось разъяснить сложившуюся у города Ниш обстановку, и американцы продолжали бы штурмовать корпус генерала Котова. Пришлось бы поднять в воздух полк, а то два-три, и тогда доброй половины “лайтингов” на базе близ города Бари наши союзники недосчитались бы...»

Все так. Может, завалили бы и больше половины. Но результат находчивости и русской смекалки в схватке с американцами был и так неплохой, и это утешило наших бойцов. По свидетельству полковника Райло, летчики капитана Колдунова сбили тогда в небе Югославии пять «лайтингов». Еще один американский самолет рухнул в ущелье после боя – это видели возвращавшиеся на аэродром наши экипажи.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, в 44-м начальник штаба 3-го Украинского фронта, вспоминал в своих мемуарах эпизод в районе города Ниш. О сбитых «лайтингах», конечно, ни слова. Одно лишь многоточие... Но многоточие порой говорит больше, чем это хотелось бы самому автору. Маршал писал, что во время налета союзников погиб командир корпуса боевой генерал Г. П. Котов, и бегло замечал, мол, представители американского командования приезжали к нам с извинениями. «Но судя по всему, – заключал начштаба фронта, – это был неискренний шаг...»

Комдив Смирнов более откровенен. Он работал в комиссии по расследованию столкновения с американцами и, побывав на месте падения одного из «лайтингов», сообщил подробности того расследования:

– Я поднял предмет, который искал, – катушку с намотанной картой. Она была отпечатана на шелке и хорошо читалась. Красная черта,

нанесенная на карту, обозначала маршрут полета. Он начинался от города Бари и заканчивался в нашей Полтаве, где американские самолеты получали обслуживание для обратного полета. Мы обратили внимание на то, что два югославских города, Приштина и Ниш, были отмечены на карте особо. Обычно так делается летчиками, отмечающими цель. Приштина была занята гитлеровскими войсками, освобожденный город Ниш лежал строго по линии маршрута на северо-востоке, в восьмидесяти четырех километрах от Приштины. Колошин в прошлом был отличным штурманом. Глядя на меня, он только с удивлением развел руками...»

Когда закончилась война, командир авиадивизии Б. А. Смирнов получил новое назначение. На прощальный ужин собрались боевые друзья, приехал и командарм Ф. И. Толбухин.

«За столом, – рассказывал Борис Александрович, – зашла беседа о прошлых делах, и Федор Иванович вдруг обратился ко мне:

– А помните встречу с союзниками?

Я сразу догадался, о чем речь, и с сожалением заметил:

– Ее трудно забыть, Федор Иванович.

– Вот, вот! Какой прекрасный был командир генерал Котов. Сплоховали вы в тот раз...

Нет, мне кажется, наши тогда вовсе не сплоховали. Шесть сбитых «лайтингов» – это все-таки урок. Надеюсь, ведущему американцев запомнился и тонкий намек капитана Колдунова: «Босс, ты – дурак! Сообщать надо...»»

Заметим, Александр Иванович знал, что говорил. Слов на ветер он никогда не бросал, а свои нравоучения обычно заканчивал положительным примером. Тогда в небе братского нам народа он не только провел дидактическую беседу с ведущим «лайтингов», но и лично сбил два американских самолета.

Что скрывать-то! Особенно нынче...

В 1943 году Военный департамент США выпустил в свет небольшую книжечку под названием «Русский разговорник». Издание это было

официальное, что подтверждали три подписи на последней странице: начальник штаба Военного департамента Г. Маршалл, генерал-лейтенант И. Улио и некто господин «Х». Составители книженции, судя по тематике разговоров, профессионально продумали все, что необходимо было для поддержания задушевной беседы с русскими. Например: «Стой! Руки вверх, буду стрелять!» «Идите впереди меня!» «Не двигайтесь!» «Бегом!» «Вы арестованы. Следуйте за мной». «Кто вас послал?» «Вы шпион?» «Кто вам платит?» Тут составители «Русского разговорника» явно перегнули. Разве наш Штирлиц в окружении врагов за бабки работал?

Вопросы для задушевных бесед с русскими располагались тремя колонками: английский текст, русский и третья колонка – где русская фраза записана латинскими буквами. Вот, допустим, американец ломится в отделение штаба с секретными документами. Что он должен говорить? «Ot-kroy-the dvehr!» Затем: «Otoh-pree-the eh-toh». То есть: «Откройте дверь!» «Откройте это». Русский-то язык простой, и в этой своей простоте он велик. А на том английском, чтобы слово произнести, язык во рту надо так закрутить, чтобы он аж под ноздри залез! Вот произнесите-ка название известной фирмы по-английски: «Pa-nha-sho-nik». То-то и оно. Sho, sho...

Короче, «Русский разговорник» был разбит по главам и разделам. Скажем, встретились американец и наш пилот, выпили за мир и дружбу, и полетели у союзничка вопросы: «Где находится ваш аэродром?» «Какой длины стартовая дорожка?» (Какая еще дорожка! У нас поле – русское поле во все четыре стороны от горизонта до горизонта!) Или вот еще дурацкий вопрос: «С какой стороны прилетают обыкновенно бомбовозы?» Да с какой стороны на Святую Русь испокон веков прутся наши недруги и завистники? Ясно, что с запада! Обыкновенно...

У связиста, согласно «Разговорнику», следовали такие вопросы: «Какую частоту имеет ваша главная сеть?» «Какой радиоаппарат (частотной модуляции) незатухающей волны?» «Какой код (шифр)?» Или, вот, видит американец русского танкиста – и пошло по тому «Разговорнику» знакомство: «Сколько танков в настоящее время (в вашем взводе,

в вашей роте, при вашем штабе)?» «Какой опознавательный знак командирского танка?» «Дайте нам список ваших сигналов». «Покажите мне формуляр вашего танка».

Так и напрашивается вопрос по-русски: «Паря, а тебе больше ничего не показать?» – при этом не средний пальчик в кулачке вытянуть, а руку по локоть под нос засандалить!..

Говорят, в Штатах «Русский разговорник» нынче снова вызывает большой интерес. А по случаю восшествия на киевский престол «шоколадного короля» будто сделали и перевод той книжечки на украинский. Братский, так сказать, привет из-за океана дядюшки Сэма.

В связи с этим обратимся к фронтовым тетрадям начальника штаба 38-й армии генерала В. Воробьева, к слову, редактора воспоминаний одного из военачальников вермахта Типпельскирха. Такая вот в его дневниках осталась запись: «В ночь на 3.12.44 занимался разбором и ликвидацией “парашютного десанта” противника. В 3.00 позвонил пост ВНОС из Загуж (вост. Бжозув), что на него напали парашютисты противника. Пост просил помощи. Из 8 АЗСП была брошена рота (конечно, пешком, а не на авто), взвод конных разведчиков, опергруппа СМЕРШ. На Загуж выехала польская милиция и несколько красноармейцев от коменданта Бжозув. К утру донесли, что найден парашют, наушники от приемника. К вечеру 3.12 донесли, что задержаны два парашютиста... американца! Вообще пока все непонятно...»

Разобрались ли в штабе 38-й армии с теми американцами, свалившимися с неба на парашютах ночью, да еще и с нападением на пост ВНОС! – кто теперь расскажет. И пригодился ли тогда той десантуре «Разговорник» для дружеских бесед с русскими?.. Вот что доподлинно известно, это как капитан Колдунов на высоте 3 тысячи метров провел с пилотягами из Штатов дидактическую беседу, да так доходчиво, с русским фольклором, что к «Разговорнику» интерес у них явно пропал.

Итак, президент США Рузвельт извинился перед Сталиным за инцидент в небе югославского местечка Ниш. А через два месяца после этого

как бы случайного эпизода войны пилотяги с тех «лайтингов» и прочее воинство союзников с их командованием запросили у русского Ивана помощи. То, что немцы не смогли сделать в Сталинграде, они устроили нашим союзникам в Арденнах. А наши войска тогда готовились уже к Висло-Одерской операции.

Наступление планировалось начать 20 января 1945 года. Но вот просьба Великобритании – и Сталин, несмотря на неблагоприятные условия для наступления, принимает решение начать операцию на 8 дней раньше. И 12 января ударная группировка 1-го Украинского фронта, а 14-го – 1-го Белорусского вступают в боевую работу.

Для ориентировки читателей: за один день боев только на участке 67-го стрелкового корпуса было израсходовано 57 вагонов боеприпасов. «Это позволило пробить брешь в обороне противника и отбросить его на $1\frac{1}{2}$ –2 км», – записал в школьной тетрадке «в клеточку» генерал В. Воробьев. А теперь прикиньте, во что нам обошлись те 8 дней во имя спасения в Арденнах наших союзников...

Стоит ли сомневаться, что раскрученная западной пропагандой высадка десанта в Нормандии была просто невозможна без победоносного наступления нашей армии. Та же блестяще разработанная и проведенная Белорусская операция лишила немцев возможности использовать свои резервы – перебрасывать их во Францию. На участке-то англо-американского вторжения у них было всего 2 пехотных дивизии. И то – укомплектованные менее, чем на 70 %, да еще и стариками – солдатами старших возрастов. А США и Англия для операции в Нормандии выделили 3 воздушно-десантных дивизии, 5 дивизий, которые высаживались с помощью военного и транспортного флота – это 6 483 корабля, в том числе 6 линкоров и 25 крейсеров. В распоряжении Эйзенхауэра было 5 049 истребителей, 1 467 тяжелых и 1 645 средних и легких бомбардировщиков, 2 316 транспортных самолетов. А у немцев – всего-то 300 самолетов.

И вот при таком соотношении сил воинство союзников еле шевелилось. Лишь к исходу седьмого дня они соединили пять участков свое-

го десантирования в один – протяжением в 80 километров по фронту и 10–18 километров в глубину. В сутки это огромное войско одолевало не больше 4 километров. А куда спешить? Пусть немцы бьют русских, а русские – немцев...

Замечу, мы в Белорусской операции продвигались вперед с темпом 15–25 километров в сутки. При этом немцы в Белоруссии подготовили эшелонированную оборону глубиной до 270 километров с надежной системой полевых укреплений, защитных рубежей. Так, например, войска Западного фронта на Оршанском и Витебском направлениях с 12 октября 1943 года по 1 апреля 1944 провели 11 наступательных операций, но никак не могли пробить оборону противника.

А англо-американская операция «Оверлорд» для немцев обошлась потерями, совсем не сравнимыми с тем, что было у них в боях с нашими войсками. В самом деле, в Нормандии безвозвратных потерь у них было в 7,5 раз меньше, чем за тот же период в дни нашей наступательной операции «Багратион».

Не случайно в «Журнале боевых действий верховного командования немецких армий» разгром группы армий «Центр» оценивается «катастрофой большей, чем Сталинград». Известно и то, что Белорусская операция входила в число десяти победоносных «сталинских ударов». Но наши законопослушные историки со времен Хрущева об этом стараются не вспоминать.

Не только те десять ударов – и всю-то Великую Отечественную войну, подвиг нашего народа ненавистники России искажают, топят во лжи. Историю фальсифицируют, начиная со школьных учебников. Кажется, совсем недавно братья-славяне стран народной демократии плечом к плечу стояли на рубеже двух миров – и вот уже в Польше и в Чехословакии нацеливают ракеты дядюшки Сэма в сторону России.

Журнал «Новая Польша» (№ 3, 2015 г.) пишет: «Польскую политику определяют вовсе не исторические комплексы, а аннексия Крыма и нападение на Луганск и Донецк...» Обалдеть! Дальше читаем: «Путин разбудил в российском обществе дух шовинизма и агрессии. Поэтому

имперскую агрессию Путина необходимо остановить. Это требует мужества, воображения и последовательности от всех нас... И сегодня мы должны доказать, что наш мир свободы стоит того, чтобы защищать его...» И будто не было у поляков Армии Людовой, которая вместе с нашими войсками освобождала Польшу от фашистской оккупации, дошла вместе с нами до Берлина.

Будто не было и 1-го чехословацкого армейского корпуса генерала Л. Свободы, чехи и словаки которого вместе с нашими парнями одолевали Дуклинский перевал...

2 сентября 1944 года Ставка приказала провести наступательную операцию 1-го и 4-го Украинских фронтов с целью войти в Словакию и соединиться с повстанцами. Немцы там заняли выгодные оборонительные позиции и оказывали сильное сопротивление. В начале операции они превосходили нашу армию по танкам и самоходно-артиллерийским установкам почти в 2,5 раза. А после боев подо Львовом и Сандомиром в наших частях был большой некомплект личного состава, которые к тому же не имели опыта боевых действий в горах. И все же 6 октября вместе с 1-м чехословацким армейским корпусом мы овладели Дуклинским перевалом Главного Карпатского хребта. На Дукле у наших братьев-славян родился лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!»

Почти месяц шли кровопролитные бои за соединение в районах Словакии с повстанческой армией и партизанами – бои в интересах поддержки чехов и словаков, восставших против оккупантов. Дорого обошлись нам те Карпаты. К примеру, за одну неделю 287-я стрелковая дивизия потеряла 1 100 человек (это только прошедшие через медсанбаты, не считая убитых). Напряжение боевых действий особенно возросло к концу месяца. Вот как передают обстановку тех дней пожелтевшие страницы тетрадей начштаба 38-й армии генерала В. Васильева:

«С начала операции, т. е. с 8.9, по 27.9 потери по армии достигают 19 225 человек. Ежедневные потери в период затишья в среднем 500 человек... Перед отъездом из Шарбова генерал-полковник Москаленко (командир 38-й) вызвал к телефону командира 70-й гвардейской стрел-

ковой дивизии генерал-майора Гусева. Последовали указания: “Ты мерзавец и сволочь, негодяй и самозванец, а не герой. Б...ь ты, а не генерал! Весь день топтался на месте, развернул в тылу 211-й и 241-й стрелковых дивизий два своих полка. Трус ты, а не командир дивизии. Немедленно начать наступление, лично самому идти в боевые порядки пехоты и вести ее в атаку!..” Это было в 23.00 25 октября. Такие же указания последовали и другим».

28 октября наступление прекратилось. 38-я армия и корпус генерала Л. Свободы перешли к обороне. Но недолго. «2.11.44 г. около 3 часов ночи, – пишет генерал Васильев, – позвонил нач. штаба 1-го Украинского фронта Соколовский: “Где командарм? Какие итоги дня боя, задачи на следующий день?..” Что я мог ему ответить? В 23.00 командарм вернулся с НП и лег спать, ничего мне не сообщив, не поставив на 2.11 задачи для армии... Вполне резонно Соколовский заявил: “Какой же вы НШ, если не знаете, где командарм?” Наконец, командарма удалось поднять к телефону, и он имел разговор с маршалом (ком. фронта И. С. Конев). Затем Москаленко позвонил мне:

“Отдайте все распоряжения и немедленно по проказу маршала выезжайте в 287 с. д. и гоните ее вперед!”...

В 5.00 утра выехал в Шарбов. Туман, не видно ни зги. Грязь непролазная. По дороге пробки. Жердевой настил рассыпался. Машину в ряде мест вытаскиваем на руках. Приехал к 10.00 в Медведзие, где стоял 2-й эшелон штаба 287 с. д. Взяли двух верховых лошадей, подводу и тронулись в путь через гору Явира на НП 287 с. д. Дорога – ад. Я слез с повозки и пошел пешком, т. к. опасался перевернуться на больших ухабах. Все поляны изрыты воронками мин, бомб, снарядов. Кроны деревьев сорваны. Валяются фрицы. У одного оторвана голова, и метрах в 20 валяется рука. Кто-то бросил лошадь. Она от истощения умирает, и глаза ее полны слез и страданий... Около 16.00 2 ноября я добрался до НП 287 с. д. Сил уже не было, и я лег в землянке...

С утра 3.11.44 сплошной туман. Даже в 5 метрах не видно человека. Наступление продолжалось. Бой идет за каждое дерево. Около 17.00 позвонил командарм и впервые за всю службу в 38 армии спросил,

как я себя чувствую. Хотелось ответить: “Как дурак”. Приказал в 20.00–21.00 возвращаться обратно. Что это – нарочно? Как идти по лесу ночью по тропинке, когда с трудом днем преодолеваешь эту гору. Мы решили с ген. Шмыго идти засветло. Путь этот может понять тот, кто его прошел. Два раза упал в грязь. Вернулся домой в 3 ч. ночи. Принял душ, белье и мундир пропустил через дезкамеру. Несмотря на усталость, не смог уснуть».

Такая напряженная обстановка наступательной операции для поддержки повстанцев и партизан Словакии длилась более двух месяцев. За это время мы потеряли там убитыми и ранеными свыше 90 тысяч человек. Ну, что вам еще сказать, братья-славяне?..

P.S.

Владимир Алексеевич Лепехин – жене

Не позднее 26 марта 1944 года.

«Здравствуй, милая Поля!

Сообщаю, что я жив и здоров. Нахожусь в своей части, на передовой. Жизнь протекает нормально, как может протекать жизнь фронтовика – “до смерти четыре шага”, как говорит песня. Но унывать некогда. Впереди немец, а мы на него злые. Ведем охоту за ним, не даем ему покоя.

Сейчас сижу в блиндаже и пишу тебе. Вспоминаю, как мы прощались, когда я уезжал. Я тогда войну представлял по книжкам. А на самом деле все это идет не так красиво. Погода стоит скверная: дождь, грязь, вода и все прочее. Вот и прикинь, как нам в окопах приходится. Но переносим это с надеждой, что скоро все кончится. Теперь победа не за горами...

Я понимаю, Полечка, что тебе сейчас нелегко приходится. Но терпеть и выносить надо... Полина, милая! Если бы ты знала, как я жду от тебя письма! Сегодня 43 дня, как я написал тебе, а уже нет никакого терпения. На этом до свидания. Передаю привет всем родным и знакомым. Целую тысячу раз.

Твой В. Лепехин»

В начале войны Лепехин ушел на фронт добровольцем. Дома, в Благовещенске, оставил жену Полину, ожидавшую ребенка. Позднее, на передовой, узнал, что родилась девочка, которую называли Людмилой. В одном из писем «с волнением рассматривал очертания крохотных ручки и ножки».

Не суждено было Владимиру Алексеевичу увидеть свою дочку. Командир стрелкового батальона В. А. Лепехин погиб 7 мая 1944 года в боях за освобождение Венгрии.

Степан Иванович Кучеренко – жене

«27 июля 1944 года

Привет с фронта от вашего мужа Кучеренко Степана Ивановича. Жена Клава Ивановна! В первых строках моего письма спешу сообщить, что я в настоящее время жив и здоров, того и вам желаю в вашей жизни, желаю хороших успехов в вашей уборочной кампании. Ивановна, я вам уже пишу четвертое письма с фронта. Так что пока все благополучно. Движемся вперед, бьем врага беспощадно. Ивановна, сообщаю тебе, что я представлен ко второй награде за отличную, хорошую работу в боях. Пишите, как будете проводить уборочную кампанию.

Письма мне пишет мой товарищ, с которым кушаем из одного котелка, белорус Новиков П. Н.

Награду я еще не получил, награда еще не известная, когда получу, тогда сообщу. Новостей особых нет. Передаю я вам свой фронтовой поклон: жене Клавье Ивановне и сыну Коле, и сыну Шуре, и Швагорке Федосье с ее детками, и матери, и брату Алексею, и дяде Володе с его женой, и братишке Ваське за неотказную помощь тебе, моей жене.

Пишите письма. Только будете писать, то пишите разборчиво, чтобы я мог сам читать, ибо вы кончили 10 классов, а я всего учился две недели.

Сообщаю я тебе, Ивановна, что письмо ваше получил, за которое сердечно благодарю. Которое вы писали 28 июня, то я его получил 22 июля. Яблок очень много, где мы находимся. Скоро будем кушать».

Орест Леонидович Горностаев – любимой девушке

«3 ноября 1944 года

Варя! Я не мог вам писать, так как делали очень трудный марш. Шли пешком 600 км. Ночь шли, а день стояли, но пришли на место

скоро. Теперь будем бить врага в его собственной берлоге. Погода в Польше сейчас, Варя, очень плохая. Идут дожди, и кругом болото. Пока жив и здоров».

«1 января 1945 года

Вчера, Варя, от вас получил два письма. Писать совсем некогда, но я не забываю вас никогда. Сейчас мы на передовой. Живем и спим в траншеях. Пишу вам письма, снаряды рвутся, то недолет, то перелет. Сами понимаете, много не напишешь. Вы, наверное, видели кинокартину о разгроме Яссо-Кишиневской группировки. Я там участвовал и награжден орденом Красной Звезды, а также получил благодарность Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Пишите мне чаще. Я сейчас живу в довольно тяжелых условиях. Но ничего. Недолго осталось. Переживем. Разобьем фрицев и с победой приедем домой».

Орест Леонидович Горностаев награжден орденом Красной Звезды и орденом Славы III степени. Погиб 26 марта 1945 года. Похоронен на воинском кладбище в г. Гросс-Нойендорф.

«НЕ БЫЛО В МИРЕ ТАКОЙ СИЛЫ...»

Одно из ярких воспоминаний о Сталине оставил нам Главный маршал авиации А. Е. Голованов. Отдельные главы рукописи военных мемуаров выдающегося военачальника, командующего Авиацией дальнего действия были опубликованы в журнале «Октябрь». Потом «Записки командующего АДД» приняло издательство «Советская Россия», подготовило их к печати, но...

Воспоминания и размышления автора о создании и непосредственном руководстве боевой работой Авиации дальнего действия, о людях, с кем его сводила судьба, представляли несомненный интерес не только для читателей – это был достойный вклад в летопись Великой войны. Начав с командования Отдельным дальнебомбардировочным полком, подполков-

ник Голованов уже в марте 1942 года стал командующим Авиацией дальнего действия. Тогда в его хозяйстве было около 350 бомбардировщиков, а к концу войны – более 2000! Части и соединения АДД участвовали в оборонительных и наступательных операциях нашей армии от Заполярья до Северного Кавказа. Каждая третья бомба по переднему краю противника, его резервам, железнодорожным узлам, – по целям ближним и дальним – это была работа авиации Голованова. Ударная сила Ставки Верховного Главнокомандования, она действовала в интересах стратегически важных фронтов, – при этом только по личным указаниям Сталина. Главный маршал авиации Голованов никому, кроме Сталина, не подчинялся. И работа в Ставке, частые встречи с Верховным Главнокомандующим, естественно, нашли отражение в воспоминаниях автора.

Вот Александр Евгеньевич рассказывает о первой встрече со Сталиным, на которой речь шла об организации соединения, способного вести боевую работу независимо от метеоусловий – «не хуже англичан или немцев». Так сформулировал Голованов свое предложение в письме Сталину.

«...Армия или корпус задавят человека портянками и всякими видами обеспечения и снабжения, а нам нужны люди, организованные в части и соединения, способные летать в любых условиях. И сразу армию или корпус не создашь. Видимо, было бы целесообразно начинать с малого, например, с полка, но не отдавать его на откуп в состав округа или дивизии. Его нужно непосредственно подчинить центру, внимательно следить за его деятельностью и помогать ему, – так Сталин высказался по поводу идеи летчика эскадрильи особого назначения из Аэрофлота, спросил – согласен ли он с ним и заключил: – Кончайте ваше вольное казачество, бросайте ваши полеты, займитесь организацией, дайте нам ваши предложения, и побыстрее. Мы вас скоро вызовем...»

Интересны впечатления автора воспоминаний о той встрече: «Нити всех бед, как я не без основания считал, тянулись к Сталину... Сейчас же я увидел человека, который совсем не соответствовал моему представлению о нем. Наоборот, мне показалось, что это человек, с которым можно говорить, который интересуется твоим мнением, а главное, думает о

том же, о чем думаешь и ты, и сам помогает некоторым, вроде меня, выйти, казалось бы, из безвыходного положения, сам подсказывает тебе мысли, которые ты ищешь и не можешь найти. Больше всего меня поразила его осведомленность в вопросах авиации. Понял я и то, что мысли его сосредоточены на неминуемой грядущей войне с фашистской Германией...» (http://anticomprador.ru/publ/letchik_stalinec_a_golovanov/29-1-0-964).

Ровно, без дежурных фраз и газетных штампов, всенепременно словословящих: «Ленин – партия – комсомол!», Александр Евгеньевич повествует о работе Ставки доступно для массового читателя, передает те или иные факты и события военных лет, связанные со Сталиным. Вот он пишет:

«На мой взгляд, чертой товарища Сталина была его поразительная требовательность к себе и к другим. Радуюсь тому или иному успеху, назавтра он рассматривал этот успех уже как нечто само собой разумеющееся, а послезавтра “виновника” успеха спрашивал, что тот думает делать дальше... Эта характерная черта не позволяла людям самоуспокаиваться и топтаться на месте. Каждый также знал, что ответит сполна, несмотря ни на какие заслуги, если он мог что-либо сделать, но не сделал... Если же человек в чем-то ошибся, но пришел и сам сказал прямо обо всем, как бы тяжелы ни были последствия ошибок, никогда за этим не следовало наказание. Но горе было тому, кто брался что-то сделать и не делал, а пускался во всякого рода объяснения. Такой человек сразу лишался своего поста. Болтунов Сталин не терпел. Не раз слышал я от него, что человек, который не держит своего слова, не имеет лица. О таких людях он говорил с презрением...

Известно, что И. С. Конев вследствие неудач на фронте (речь идет о 41-м и 42-м годах) дважды оказывался в очень тяжелом положении. И оба раза Сталин брал его под защиту, видя, что на войне иногда складывается такая обстановка, когда один человек, будь он даже семи пядей во лбу, лично сделать ничего не может».

В связи с этим такое вот наблюдение командующего АДД:

«Слово “я” в деловом лексиконе Сталина отсутствовало. Таких выражений, как “я дал указание”, “я решил” и тому подобное, вообще не суще-

ствовало, хотя все мы знаем, какой вес имел Сталин и что именно он, а никто другой, в те времена мог изъясняться от первого лица...»

Александр Евгеньевич Голованов отмечает, что Сталин любое дело подчинял определенной, конкретной цели. Вот, казалось бы, мелочь – план занятий со слушателями академии Генерального штаба. По нему почти треть часов отводилась политическому образованию. Жуткое это дело – повторять марксистские догмы, которые ни Богу свечка, ни черту кочерга. Сколько времени уходило на семинары, разрабатываемые главпуровским генералом Волкогоновым. А этот сакраментальный вопрос политработчих: «Сколько вы законспектировали последних работ товарища Ленина?»

Так, вот, Сталин раздел политобразования в плане занятий академии Генштаба решительно перечеркнул и распорядился усилить подготовку по военным дисциплинам. «Свою политическую образованность наши командные кадры очень хорошо показали и показывают на фронте, а вот военных познаний им еще не хватает. Это – главное, на это и делайте упор», – так сказал Сталин. Просто и ясно.

Обо всем этом Главный маршал авиации Голованов откровенно писал в «Записках командующего АДД» и, подчеркивая, сколько новых теоретически и практически обоснованных положений ввел Сталин в способы и методы ведения войны, был уверен, что «нет надобности убеждать кого-либо в том, что Сталин являлся истинным руководителем вооруженной борьбы советского народа против фашистских захватчиков». Однако пришлось...

Сначала Александру Евгеньевичу свои требования предъявляли в журнале «Октябрь» – то убрать, здесь сократить. Автор мемуаров, в конце концов, отказался от дальнейшей публикации их в этом журнале (всего в «Октябре» вышло пять номеров, охватывающих период войны 1941–1942 годов). В августе 1972 года воспоминания Главного маршала авиации были приняты и подготовлены к печати в издательстве «Советская Россия». «Однако руководитель Главлита при Совете министров СССР П. К. Романов выпуск книги задержал, – это Александр Евгеньевич обращается к первым лицам страны Брежневу и Косыгину. – В

октябре месяце 1974 года я был приглашен в отдел пропаганды ЦК КПСС, где меня ознакомили уже с замечаниями ГлавПУРа...» (http://militera.lib.ru/memo/russian/golovanov_ae/01.html) Ну, тут туши свет! В этих конторах сидели такие волкодавы, каких на кривой кобыле хрен объедешь.

И опять – здесь убрать, тут сократить, там изменить формулировку. Словом, думай и пиши не так, как тебе думается, а как надо. А надо забыть и наплевать на имя человека, которого хорошо знал, под чьим руководством работал, чьи задания выполнял все годы войны, – имя Сталина. «То, что касается деятельности Сталина, его стиля работы, общения с людьми, то, что написано в книге, является безусловной правдой», – старается убедить кремлевское начальство Главный маршал. И в этой своей неравной борьбе, понимая, что и они не в силах изменить навязанные Хрущевым установки, Александр Евгеньевич подчеркивает, что в книге речь не только о Верховном Главнокомандующем, а вообще о минувшей войне: «так, как я ее видел, так, как я в ней жил...»

Вот отзывы на публикацию воспоминаний Голованова:

Герой Советского Союза Степан Шве́ц из Днепропетровска пишет, что они стали «живительным эликсиром жизни для меня, да, видимо, и не только для меня... Низкий поклон Вам за это от всех нас, рядовых летчиков».

А вот участник четырех войн Михаил Васильевич Воюев просит Александра Евгеньевича выслать его книгу для комнаты Боевой Славы ветеранов войны: «Хотя я и не летчик и далек от авиации, но Ваши мемуары произвели на меня большое впечатление, и очень, очень Вам благодарен, что рассказали о Сталине...»

Из Бердичева в редакцию журнала прислал письмо В. Стовбчатых: «Лучшей, справедливой, доходчивой, простой книги, написанной из глубины души, я не читал. По моей рекомендации ее прочитали тысячи рабочих, служащих, инженеров. Ибо эта книга о нашем поколении, его судьбе, борьбе нашего поколения за нашу Родину... Передайте автору книги большую благодарность за правду...»

Благодарят Главного маршала авиации за правдивые воспоминания москвичи В. Коган, В. Кочетов, из Горького М. Райцин. Высокую оцен-

ку работы автора дало собрание Военно-научного общества при ЦДСА: «Факты, события, изложенные т. Головановым в мемуарах, имеют большую общественную значимость. Все они помогают читателю глубоко осмыслить атмосферу и колорит эпохи. Молодое поколение в мемуарах т. Голованова найдет опору, способствующую постоянному укреплению веры в великую созидательную силу, неисчерпаемый талант нашего народа...»

Но вот среди тысяч таких читательских отзывов появилось письмо совершенно иного взгляда на воспоминания Главного маршала. Автор его в размышлениях Александра Евгеньевича увидел крайне опасную для нашего общества «реабилитацию тех методов, нравов, той общественной атмосферы, которую он насаждал». Он – это Сталин.

«Как видите, речь идет далеко не просто о справедливой или несправедливой оценке личности умершего двадцать лет назад старика!» – гневается автор письма и предлагает обдумать то, что он написал, согласиться с ним и выкинуть, перечеркнуть все, что Главный маршал знал о Сталине и рассказал в своей книге. Иначе... Тут в письме такой аккорд, после которого при Хрущеве хоть сразу в «психушку», да и при Брежневе – опала и ни о какой книге можно уже не мечтать! «Нам будет очень горько, – так заканчивается то письмо, – если Ваше имя станет ассоциироваться в сознании людей с поддержкой непрогрессивных, не соответствующих полной исторической правде, бесповоротно осужденных нашей партией тенденций».

Мать честная, формулировочки-то! Впрочем, ничего удивительного. Автор послания командующему АДД Главному маршалу авиации А. Е. Голованову летчик-испытатель, кандидат технических наук, Герой Советского Союза М. Л. Галлай. Не будем гадать, кого имел в виду Марк Лазаревич за фразой «нам будет очень горько...». Тысячи писем со всей страны в редакцию журнала «Октябрь» и лично командующему выражали не горечь, а глубокую признательность и благодарность за правду о войне и память о человеке, с именем которого сыновья и дочери всех национальностей нашей огромной страны шли в бой и верили: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

И об имени людей, которые, к вящему неудовольствию Галлая, думали иначе, чем он, можно было не горевать. По сей день не только золотые звезды да высокие звания вызывают глубокое уважение и народную любовь к таким нашим героям, как Константин Константинович Рокоссовский, Александр Иванович Покрышкин. А ведь прославленный ас Великой Отечественной войны, трижды Герой Советского Союза Покрышкин прямо говорил: «Если бы не Сталин, то войну бы мы не выиграли». И Рокоссовский на предложение Хрущева написать какую-нибудь пакость о Сталине, не дрогнув, ответил: «Товарищ Сталин для меня святой!»

На следующий же день «царь Никита» расправился с полководцем, которого Сталин почитал выше других и обращался только к нему по имени-отчеству. Даже не поблагодарив маршала за его многолетнюю службу, Хрущев уволил Рокоссовского из армии.

С заранее заготовленным письмом в духе хрущевских разоблачений Сталина приезжали цековские холуи и к Голованову. Александр Евгеньевич выгнал их, после чего опального маршала – без работы, без пенсии – хотели даже лишить высокого воинского звания. Тамара Александровна, его дочь, вспоминала, как отец говорил о Никите: «Ведь у Хрущева руки по локоть в крови. Процессы на Украине... А что он наделал в московской партийной организации! Ведь на всех документах о репрессиях его подпись. Если бы он не выступил против Сталина, то сам бы очень скоро оказался на скамье подсудимых, вот и сделал “ход конем”...»

Галлай в обращении к Главному маршалу то и дело вспоминает партию, курс Истории КПСС, хрущевские съезды: «партия подвергла», «партия осудила», «партия внесла». Да полно-ко! После Сталина не та ли самая партия рукоплескала Хрущеву, увешав его четырьмя звездами Героя? Не те ли хлопцы – Горбачев да Ельцин – созревали в сени его и другого героя-политрабочего, ставшего маршалом. Не они ли в райкомах да обкомах пели осанну Леониду Ильичу?..

Опального командующего Голованова как-то вызвали в ЦК партии, и там начальник административного отдела Савинкин недвусмысленно намекнул ему, что в мемуары надо ввести генсека Брежнева, как это сделал Жуков. Александр Евгеньевич не поступился своими принципами,

всегда честный перед собой и людьми, с которыми его сводила судьба, с солдатской прямоотой ответил партийному чинуше: «У меня в книге те, кто воевал со мной. Те и будут!» Понятно, об издании книги речь уже не шла. Ее похоронили.

Еще вот деталь, по письму Галлая, о якобы горестных ассоциациях с именем Голованова, которые могут возникнуть «в сознании людей», если он не отречется от сказанного о Сталине.

Это было в 1957 году, когда Хрущев хитрым путем избавился от Жукова. Тамара Васильевна, жена Александра Евгеньевича, вспоминает, как он, сам опальный, узнав, что Жуков снят со всех постов, собрался ехать к нему: «Мне надо его навестить, у него большая неприятность». Я встревожилась: «Куда ты едешь, а если тебя заберут? У нас детей много...» И уехал. Нет его, нет... Приехал через пять часов. Я обрадовалась: «Господи!» А он улыбается. «Ну, что?» – спрашиваю. «Знаешь, как хорошо, что я был. Георгий Константинович так доволен, что я его навестил!» И рассказывает, что Жуков у него просил прощения. «Сколько, – говорит, – на тебя наговаривали! Я сам тебя загнал... И звание Героя тебе отменил. Такие нехорошие мысли были о тебе. А оказался ты одним из самых преданных и самых порядочных людей. Ты в такую минуту, в таких условиях меня навестил...»

Ну, с чем еще может ассоциироваться имя боевого летчика, Главного маршала авиации А. Е. Голованова?..

Один экземпляр верстки воспоминаний Александра Евгеньевича хранился в нашей редакции – военных мемуаров Воениздата. И вот как-то при составлении перспективного плана я предложил вернуться к забытым «Запискам командующего АДД». В стране уже во всю раскручивалась горбачевская гласность с ускорением. Мы первыми переиздали книгу генерала А. Деникина. Гласность так гласность! Однако к верстке издательства «Советская Россия» мы не имели никакого отношения. Предстояло начинать все заново – мало ли что там сократили, непрофессионально прошлись по рукописи редакторы, да и морально мы не

имели права присваивать работу коллектива «Советской России». Проще говоря, требовался первоисточник, рукопись автора воспоминаний, и я принялся искать кого-либо из семьи Головановых.

На связь вышла Ольга Александровна, одна из дочерей Александра Евгеньевича. Помню, как при встрече радостно зажглись ее глаза: шутка ли, мемуарами отца заинтересовалось подведомственное ГлавПУРу издательство! Ведь именно эта контора давала установки, что можно вспоминать авторам военных мемуаров, а что нельзя, следила – благоговейно ли чувствуют они себя при упоминании сначала «нашего дорогого Никиты Сергеевича», потом Леонида Ильича. Рукописи маршалов и генералов армий внимательно изучали чиновники политуправления и Института военной истории, без их виз-разрешения издательство не имело права даже рассматривать воспоминания военачальников. Но вот горбачевская «перестройка» закончилась – перестрелкой, к власти Вашингтонский обком присмотрел рубаху-парня, на каких падок Иванушка-дурачок. В стране пошел бардак, неведомый в истории человечества ни у одного народа. Воениздат, никому не нужный, доживал свои последние дни, и в этом пиру во время чумы те, кто как-то еще держался в издательстве, выпустили воспоминания Голованова. Тираж книги был ничтожно мал даже для офисных сидельцев – бездумных потребителей, рожденных рынком. В советское время военные мемуары выходили в свет тиражом 65 000–100 000 экземпляров. Так, воспоминания штурмана чкаловского экипажа Александра Васильевича Белякова «В полет сквозь годы», к которым я имел прямое отношение не только как редактор, были переизданы, и 200 000 экземпляров этой книги разошлись среди читателей безо всяких проблем. Тираж «Записок командующего АДД» не превысил 600 экземпляров. И скажу откровенно, сокращения и изъятия текста, на мой взгляд, ценного для более правильного понимания исторических событий, личности Сталина да и судьбы самого автора, вряд ли объяснимы только варварскими реформами нового режима.

К 60-летию Московской битвы издательство объединения «Мосгорархив» как-то умудрилось выпустить сборник документов и материалов,

а также фрагменты из воспоминаний Главного маршала авиации А. Е. Голованова, и эту ценную книгу мне подарила Ольга Александровна с трогательной надписью: «Дорогой Станислав Викентьевич! С чувством глубокого уважения к Вам и в знак признательности за все доброе, что было сделано Вами, примите на память книгу о моем отце. Искренне Ваша Оля Голованова».

Да, так вот еще из воспоминаний Александра Евгеньевича Голованова о роли Сталина при решении главных операций Великой Отечественной войны. В зимнюю кампанию 1943–1944 годов наша армия провела наступление на Украине, вышла на границу с Чехословакией, Румынией, а в летне-осеннюю кампанию 1944-го провела Белорусскую, Львовско-Сандомирскую, Восточно-Карпатскую, Яско-Кишиневскую, Прибалтийскую, Дебреценскую, Белградскую операции. Об одной из них, Белорусской, проходившей под кодовым названием «Багратион», и рассказывает Голованов.

В Ставке обсуждались варианты проведения этой операции. Решался вопрос – где наносить главный удар. Командующий 1-м Белорусским фронтом Рокоссовский предлагал нанести одновременно два главных удара. Генеральный штаб и Жуков выступили против такого плана. По их расчетам, главный удар следовало наносить в одном месте – с плацдарма на Днестре в районе Рогачёва. Сталин был согласен с ними. Александр Евгеньевич замечает: «Если бы это предлагал не Рокоссовский, предложение при наличии таких оппонентов, образно говоря, было бы пропущено мимо ушей, в лучшем случае – как необдуманное, в худшем – как безграмотное».

Но предлагал Рокоссовский. После Сталинградской битвы и Курской дуги его авторитет в глазах Сталина так возрос, что не считаться с ним было нельзя. Да Рокоссовский просто не мог вносить необдуманных предложений. Тогда Сталин предложил ему, как вспоминает маршал Голованов, «пойти в другую комнату и еще раз подумать, прав ли он. Когда Рокоссовский был позван, он доложил, что своего мнения не изменил.

Вторично ему было предложено пойти и еще раз подумать». Ведь предложение строилось вопреки всем канонам военного искусства: наносить не один, а два главных удара – это значит все силы и средства разбить на две части да еще в такой крупномасштабной наступательной операции. Но Рокоссовский опять обосновывает и отстаивает свое решение.

Наконец, Сталин с ним согласился и, как оказалось, не ошибся. «Верховному стало совершенно ясно, – пишет Голованов, – что только глубоко убежденный в правильности своего предложения человек может так упорно настаивать на его выполнении. Предложение Константина Константиновича было принято, несмотря на неснятые возражения. Верховный, принимая предложение, сказал, что такая настойчивость командующего является гарантией успеха. Не случайно Сталин называл Рокоссовского “мой Багратион”».

В 1944 году, разгромив стратегические группы армий «Центр» и «Северная Украина», наши войска вступили на территорию Польши. Румыния, Болгария, а затем и Венгрия вышли из союза с Германией и объявили ей войну. Финляндия тоже прекратила военные действия и заключила с нами перемирие. Германия оказалась одна. Фашистский блок распался. А наши войска, продвигаясь на запад, освобождали падшую перед Гитлером Европу. Премьер правительства Великобритании Черчилль, выступая тогда в палате общин, признал, что «не было в мире такой силы, которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали русские советские армии».

Итак, русский солдат Иван в Европе. Перед ним еще сильный противник, еще на каждом шагу поджидает смерть, но жизнь сильнее смерти, и в минуты затишья перед боем вдруг как рванет ту тишину гармошка-двухрядка да не полонезом, не вальсами Штрауса – «Семёновной»! Или «Калинку-малинку». А уж если гармонист за русские частушки примется – тут и Иоганн Штраус, и тот, который Севастьян, отдыхают...

Стоит ли говорить, с каким интересом рассматривали местные девчата наших парней, их простые, открытые и вовсе не лютые лица. И пусть

им не знакомы были звуки гармошки, но плясать-то с русскими хоть «Се-мёновну», хоть краковяк так весело и легко!

Теплели сердца молодых. Чужой язык становился понятным без переводчика. Вот бойкая паненка, сложив вместе ладошки, показывает, как бы всплеснув к лицу воду – хлюп, хлюп! – и смеется: «Вот так ваши умываются!..» Солдат знает что к чему, и это его не трогает. «Меня зовут Иван», – представляется паненке. «А я Зося...» И оба уже смеются, радуются своей молодости – с верой, что скоро война закончится, наступит мир и все будут счастливы... Это из рассказа о былом разведчика артдивизиона 24-й гвардейской Нежинской мехбригады Е. Селиванова.

О вступлении в Польшу вспоминает и лейтенант Н. Белявцев: «Не знаю почему, но к полякам у нас было какое-то недоверчивое отношение. Возможно, это было и потому, что у немцев служили и польские солдаты, возможно, остались в голове воспоминания из школьных учебников о нравах буржуазной Польши. Но все мои мыслишки полетели в тартарары, как только мы вступили в Польшу. Польша нас встречала как истинных друзей, как освободителей. И, хотя мы разговаривали на разных языках, было все понятно: доброе и дружественное всегда на всех языках понимается быстро...»

А за Польшей фронтовая путь-дорожка ведет лейтенанта Н. Белявцева в Чехословакию. «Несмотря на то, что нас ожидали еще бои, но мы как бы спустились в мир, где почувствовали сразу теплоту встречи...

Первое село. Кругом только груды кирпичей – следы жестоких боев. Враг бежит. Жители возвращаются из леса... Нарядно, по-праздничному одеты чешские девушки и женщины. Несутся в воздух бесконечные крики приветствия: “Наздар! Наздар!”

Проезжаем Лоуны, Злотницу, Сланы. Враг в панике. Освобождаем город за городом, село за селом. Нас приветствуют старики, молодежь, дети. У взрослых от радости катятся слезы. Снимает шляпу и кланяется старый чех: “Мы вас давно уже ждали. Что же вы так долго к нам не приходили?” – говорит он по-русски.

Вот и Прага. Нет, я не в силах выразить словами того торжества в ликовании, той ласки, с которой нас встречала столица Чехословакии...»

А вот еще из записок лейтенанта Е. Селиванова: «Четвертый день среди чехов. Наша встреча с ними – это неопишное торжество народа. Вся Чехословакия в национальных и красных флагах. Каждый дом празднует. Как чехи ждали к себе русских! На каждом шагу преподносят тебе цветы, бокалы вина, пива, пирожки. Вышел седой-седой старик и дрожащими руками заиграл на скрипке “Пришла Русская Армада!”»

Чешские девушки часами разговаривают с советскими солдатами. Это Милы, Яны, Эры. Они искренне радуются своим освободителям. Деревни Бишковцы, Либиши, Кливиницы, в окрестностях которых мы расположились, стали для нас центрами большого праздника. Мы в гостях у Шестак, Ярулиновых, Швицаровых, Гомолковых. Музыка, танцы. Признание чехов: “Мы думали, что у вас танцуют только “казаки”...”»

И тогда в полки пришел строгий приказ маршала Жукова: «Приказываю:

Особое внимание обратить на то, чтобы люди не допускали бы фактов панибратства и любезничанья с... гражданским населением.

Г. Жуков

Телегин».

К. Телегин – член Военного совета фронта, главный политработчик. Среди всяких там дел «облико моралики» нашего войска за рубежом была тоже его забота. А как же.

Вот по этому поводу несколько строк из фронтовых записей начальника штаба 38-й армии генерала Воробьева: «Война принесла с собой падение нравов, – пишет генерал. – Полковник Шухтин рассказал, что машинистку из моей канцелярии Веру возили к командарму, а когда она не согласилась на предложение быть “хозяйкой” дома, ее “заташили” (выражение Шухтина) к ген. Епишеву – там она тоже якобы отказалась...»^{*} Мой зам. по политчасти 50-летний полк. Ш. завел и себе ППЖ (полевая походная жена. – С. Г.), взяв для этого какую-то 19-летнюю девчонку, работавшую в роте охраны, поселил ее у себя, взяв на полное иждивение. Я был этим поражен и удивлен – до чего может довести безделье!..

^{*} А. А. Епишев с 1938 г. комиссар, в годы войны член Военных советов 38-й и 40-й армий. С 1962-го нач. ГлавПУРа.

Ортенберг* (чему я тоже не верил, пока не подтвердили очень многие) приспособил машинистку из своего политотдела...»

Похоже, установка Жукова и Телегина по поводу «любезничанья» касалась не всех. Впрочем, какое любезничанье – ну «приспособил» Давид Ортенберг молодую деваху у себя «хозяйкой дома». Эка проблема.

Только вот Сталин, как вспоминал Александр Евгеньевич Голованов, «очень не любил, чтобы товарищи, занимающие большие государственные посты, чем-то особенно выделялись среди окружающих. Так, например, узнав, что члены Военных советов фронтов Н. А. Булганин и Л. З. Мехлис завели себе обслуживающий персонал и личных поваров, снял их с занимаемых постов на этих фронтах».

А Мехлис Лев Захарыч всплыл, однако, как непотопляемый олигарх Чубайс и, будучи уже начальником ГлавПУРа, донес Сталину на маршала Рокоссовского. Известно, что на фронт регулярно выезжали концертные бригады артистов кино и театров. Они и пели, и плясали – отогревали солдатские сердца от боев. Понятно, выступали и перед командованием армейских соединений, фронтов. Ну и произошел эпизод встречи известной артистки кино В. Серовой с маршалом К. Рокоссовским.

Константин Константинович мужчина был заметный – и царственным видом своим, и внутренним строем души. Иные-то военачальники отличались порой грубостью, и не только. Создав себе имидж эдакого крутого отца-командира, отработав командирский рык, такой даже на лице своем старался нести маску непримиримой суровости – на всех страха нагоняя. И слово «расстрелять» не всегда оставалось для него пустым звуком...

Рокоссовский был совсем другим человеком. О нем за всю войну да и после – до конца его жизни – никто ни единого слова плохого не сказал.

Так что не удивительно, что артистка Серова дрогнула, да так, что расставаться с Константином Константиновичем уже никак не захотела. Она даже в Генпрокуратуру за помощью обратилась: так, мол, и так,

* Давид Исаакович Ортенберг в начале войны под покровительством Мехлиса был назначен отв. редактором «Красной звезды». В июле 1943 г. был изгнан из газеты и продолжал службу в армейских политотделах.

отношения наши шибко близкие, а юридически их тов. Рокоссовский не оформляет. Когда Сталину стало известно об этом эпизоде, он ответил: «Суворова сейчас нет. В Красной Армии есть Рокоссовский. Прошу это учесть при разборе данного дела».

Да какой еще разбор, какие, на хрен, страданцы! – не за горами уже был Берлин, и полководец Рокоссовский уверенно вел свои войска к Победе.

P.S.

«В годы Великой Отечественной войны, ведя переговоры с руководителями великих держав, Сталин очень часто ссыался на Советский Союз так: “Мы, русские, думаем...”»

Не следует забывать, что после победы Октябрьской революции большевики много размышляли над тем, как назвать Советскую республику. Они хотели избежать в названии слова “русский”».

Л. Белади, Т. Крус, венгерские историки

«По национальности более 90 % противостоящей Германии советской армии составляли русские (великороссы, малороссы и белорусы), почему она без преувеличения может называться русской армией, что нисколько не умаляет посильного вклада и других народов России в противостояние общему врагу».

Олег Платонов, директор Института русской цивилизации

Виталий Леонидович Самохин – жене

«5 декабря 1944 года

Здравствуй, дорогая жена Тamarок!

Пишу издалека, сама понимаешь это. Теперь я от тебя еще дальше, нежели раньше, и чем быстрее время идет вперед, тем, с другой стороны, я ближе к тебе приближаюсь. Сейчас нахожусь на берегу Дуная. Знаешь, есть такой вальс под названием “Дунайские волны”. Почти в последнем на моем пути югославском городке Кула я слушал двух местных музыкантов, которые играли “Дунайские волны”, играли и другие

русские вещи, а также свои, национальные. Это было в кинотеатре, зал был полон. Замечательно играли. Еще и еще раз вспоминалась моя прекрасная Родина, родная земля и родные люди, русские люди. За эту любимую Родину и боремся мы, находясь даже и здесь. Велика сила любви к Родине у русских людей!..»

«ЭТО ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Кротко, без лишних разговоров наши заклятые, как нынче говорят, «партнеры» – американцы и англичане – согласились на встречу руководителей трех держав у нас, в Крыму. Президент Рузвельт, больной человек, – он даже не дожил до Дня Победы – летел к нам за тридевять земель, премьер Черчилль тоже добирался издалека, и в начале февраля 1945 года конференция, которая вошла в истории как Ялтинская, состоялась. На ней присутствовали и министры обороны, и начальники генеральных штабов, и всякие советники.

В ту пору наши войска вышли уже на Одер и боевые действия вели в 60–70 километрах от Берлина. А союзников били немцы в Арденнах, в январе они молили нас о помощи и со своими «студебеккерами» возились где-то еще там, в 500 километрах от германской столицы. Так что – хочешь, не хочешь, – а место встречи «большой тройки» определил Сталин. В Крыму.

На конференции, уже под занавес войны, были приняты решения по окончательному разгрому Германии, выработаны условия ее безоговорочной капитуляции и намечены основные принципы послевоенного устройства мира. Американцы и англичане снова, как и на Тегеранской конференции, выдвинули план расчленения Германии. Их интерес был в захвате промышленных центров и устранении Германии как сильного конкурента. Наша делегация выступила против такого предложения. Советский Союз, ведя борьбу за демократическое устройство мира, был за независимое национальное государство – в интересах немецкого народа.

Решения конференции о временной оккупации Германии не нарушало ее единства. Оно предусматривало лишь создание условий, исключающих новую агрессию германского милитаризма и строительство миролюбивой демократической Германии.

Советский Союз выступал против экономического закабаления побежденной Германии, но интересы нашей страны справедливо требовали возмещения ущерба, принесенного нам вероломным нападением. Протокол по репарациям предусматривал обязательство выплаты немцами 20 млрд долларов, из которых 50 % должна была получить наша страна. Речь шла не о деньгах. Репарации предполагали выплату путем вывоза ценных промышленных предприятий, поставками промышленной продукции.

Протокол по репарациям был подписан Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, хотя англичане и выступали против суммы, предложенной Россией. Да для полного возмещения потерь и ущерба, причиненного нам, не хватило бы всего национального богатства Германии. Ведь в Белоруссии, на Украине и в Центральных областях России было разрушено четыре пятых производственных мощностей, 80 тысяч километров железных дорог – это больше, чем все германские дороги вместе взятые. Немцы, отступая, взорвали мосты. Более трети жилых помещений были разрушены. Что там те доллары!..

11 февраля закончилась Ялтинская конференция. Союзники договорились придерживаться в боевых операциях определенных разграничительных линий. А уже в ночь с 12 на 13 февраля сотни бомбардировщиков США и Великобритании совершили налет на Дрезден, разрушили там мосты через Эльбу – это чтобы задержать наступление наших войск. Затем союзнички нанесли удар с воздуха по заводам будущей советской зоны оккупации, центру нефтедобычи в Плоешти, лабораториям Ораниенбурга, работавших с ураном.

Одной из важных проблем, решаемых на Ялтинской конференции, был вопрос будущего правительства Польши и ее границ. Советский Союз отстаивал возвращение Польше отнятых немцами исконных польских земель на западе. Этому воспротивились США и Англия. Опреде-

ление восточной границы Польши не вызвало особых разногласий, она прошла по так называемой линии Керзона, установленной еще в 1919 году Антантой. А вот по вопросу польского правительства на конференции разгорелась острая борьба.

США и Англия игнорировали политические изменения, которые произошли в стране, и навязывали правительство из лондонской эмиграции. Но польский народ уже сделал свой выбор – основой правительства Польши было решено считать Временное народно-демократическое правительство, состав которого будет расширен деятелями из числа находившихся за границей.

В отношении польского вопроса Сталин сделал заявление, четко сформулировав национальные интересы России: «Господин Черчилль только что сказал, что вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести. Мне это понятно. Со своей стороны, однако, я должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также вопросом безопасности. – Сталин на конференции обычно выступал сидя, а тут он говорил, встав из-за стола. – Дело не только в том, что Польша – пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение. Но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападавший на Россию... Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании сильной, свободной и независимой Польши».

В Ялтинской конференции принимал участие будущий министр иностранных дел А. А. Громыко, он и припомнил такой эпизод: «Однажды разговор зашел о бессмысленности упорства гитлеровского командования и сопротивления немцев в конце войны, когда дело фашизма уже было проиграно, только слепые не могли этого видеть. Говорили об этом

несколько человек. Сталин внимательно всех выслушал, а потом, как будто подводя итог услышанному по этому вопросу, сказал сам:

– Все это так. Я согласен с вами. Но в то же время нельзя не отметить одно характерное для немцев качество, которое они уже не раз демонстрировали в войнах, – упорство, стойкость немецкого солдата.

Тут же он высказал и такую мысль:

– История говорит о том, что самый стойкий солдат – это русский; на втором месте по стойкости находятся немцы; на третьем месте...

Несколько секунд он помолчал и добавил:

– ... поляки, польские солдаты, да, поляки.

Товарищи, участвовавшие в заседании, согласились с тем, что эта характеристика справедлива. На меня лично она произвела большое впечатление. Немецкая армия, по существу, уже была разгромлена, потерпела в войне сокрушительное поражение. Казалось бы, эту армию агрессора, армию насильников, грабителей и палачей он должен был охарактеризовать в самых резких выражениях и с точки зрения личностных качеств солдата. Между тем Сталин дал немецкому солдату оценку в историческом плане, основываясь на фактах, оставив эмоции в стороне» (http://www.tinlib.ru/politika/pamjatnoe_kniga_pervaja/p69.php).

Еще вот из наблюдений Громыко: «Не помню случая, чтобы Сталин прослушал или недостаточно точно понял какое-то существенное высказывание своих партнеров по конференции. Он на лету ловил смысл их слов. Его внимание, память, казалось, если употребить сравнение сегодняшнего дня, как электронно-вычислительная машина, ничего не пропускали. Во время заседаний в Ливадийском дворце я, возможно, яснее, чем когда-либо раньше, понял, какими незаурядными качествами обладал этот человек».

Спустя годы, выступая в палате общин, Черчилль припомнил дни, проведенные в Ялте, и одного из той «большой тройки»: «Сталин произвел на нас величайшее впечатление! Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам». Переводчик



*Художник В. Яковлев. Портрет Сталина
в форме генералиссимуса Советского Союза*

В. Бережков по этому поводу заметил: «Однажды британский премьер твердо решил не вставать. Но когда Сталин вошел, “какая-то сверхъестественная сила”, как он выразился, подняла его со стула...»

А теперь, друзья, представьте комедианта Гену Хазанова – он взялся изображать Сталина в каком-то дурацком фильме. Сценаристы, режиссеры, операторы суеются, гримеры подкрашивают, подмазывают шнобель Гены, приклеивают ему усы... И не стыдно людям?..

На Ялтинской конференции обсуждался вопрос о создании международной организации для поддержания мира – будущей Организации Объединенных Наций, американский проект ее. Тогда же Сталин, верный союзническому долгу, подписал соглашение о вступлении Советского Союза в войну с Японией – через три месяца после окончания военных действий в Европе. Это обязательство, принятое на Ялтинской конференции, восстанавливало наши права на южную часть Сахалина, Курильские острова, военную базу Порт-Артур, утерянные Россией в войне с Японией в 1905 году.

Так Сталин надолго обеспечил безопасность границ России на Дальнем Востоке.

И еще. В дни Ялтинской конференции Сталин ни на минуту не забывал о боевых действиях наших войск на фронтах Великой войны. Корреспондент английской газеты «Санди таймс» Александр Верт писал по этому поводу: «На западных наблюдателей произвел большое впечатление тот факт, что на протяжении всей Ялтинской конференции Сталин внимательно следил за ходом войны и выполнял свои функции Верховного Главнокомандующего между полуночью и 5 часами утра».

Вскоре после конференции Сталин встретился с Жуковым и делился с ним впечатлениями о работе в Крыму, решениях, совместно выработанных с союзниками. И вот маршал вспоминает, как во время этого разговора вошел А. Н. Поскребышев с какими-то документами. Сталин быстро пробежал их и распорядился: «Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же».

На следующий день Верховный Главнокомандующий приказал готовиться фронтам к решающей операции на Берлинском стратегическом направлении.

P.S.

«Никогда не думал, что с русскими так легко общаться. Джо (Сталин. – С. Г.), в частности, просто великолепен. Это великий человек. Он очень выгодно отличается от двух других престарелых руководителей».

Кадоган, помощник министра иностранных дел Англии

«Мы искренне верили, что это рассвет нового дня, о котором мы все молились и говорили в течение многих лет... Русские доказали, что могут мыслить рационально и перспективно. Ни у президента, ни у кого из нас не было и тени сомнения, что мы сможем мирно существовать с ними многие и многие годы. Здесь нужно сделать оговорку – мне кажется, что все мы в глубине души сознавали, что не можем предвидеть поворота событий, если что-то случится со Сталиным. Мы были уверены, что можем рассчитывать на него как на человека разумного, рационального и понимающего, но мы не могли быть уверены в том, что происходит или произойдет в Кремле».

Г. Гопкинс, представитель президента США

«Сталинское государство без достойных Сталина преемников обречено».

Президент Франции Шарль де Голль

«МЫ ПОДГОТОВИЛИ ПОДАРОК НАРОДУ»

Работа спецкором «Красной звезды» по Германской Демократической Республике с правительственной аккредитацией, а стало быть, правом получать информацию о жизни этой страны, допуском к различным архивам,

историческим документам давали мне возможность взглянуть на прошлое Германии, причины Второй мировой войны и крах мощной европейской державы под углом зрения, несколько отличным от установок официальной кремлевской пропаганды. А если учесть приход к власти Хрущева, возвращение на командные высоты «опального» Жукова, потом изгнание из Кремля и того и другого, то можно представить, как болтало тетушку Клио на волнах той ветреной пропаганды, и, прямо скажу, сомневаться – да туда ли гребла буйная команда, не с бодуна ли был кормчий, прорвавшийся к кормилу-то да кормушке?..

К круглым датам военных лет, победным битвам Красной армии у нас традиционный подъем патриотических чувств во всех газетах, на всех телеканалах и радиоволнах. Тут тебе – и старому ветерану, и молодому солдату – поток пылких слов, обещаний красивой жизни, да все это под напевы эстрадных королей.

А прошла дата – кончен бал, погасли свечи...

Так вот как-то в канун очередного юбилея нашей Великой Победы в редакцию «Красной звезды» пришел «певец во стане русских воинов» и бросил идею – обратиться через газету к тем, кто штурмом брал крепость Рейхстаг, а потом оставил на стенах его и победные автографы. Идею поддержали, так что вскоре редакцию завалили письмами – писали те, кто штурмовал последний оплот гитлеровцев, и те, кто позже пришел к рейхстагу. Свидетели, очевидцы, участники – целый мешок их писем!

Я в то время получил разрешение от министра обороны на право жить в Москве и на московскую прописку. После напряженной работы посткомом в Группе советских войск в Германии в ритм аппаратной жизни газеты вписался легко и с готовностью принял тот мешок ветеранских писем – разгребать так разгребать, штурмовать так штурмовать.

До юбилейного Дня Победы вышло много подборок на тему рейхстага.

Работа была интересной. Люди-то писали, как на духу – как все тогда было, а не как надо – будто было. Письма – летопись жизни. У простых – от земли, полуграмотных людей они искренние, исповедальные. Вот у политрабочих, комсомольских божков породы «а ля Мишка Горби» язык

засорен партийными трафаретами, штампами – понос слов, запор мысли. А в том мешке воспоминаний о битве в Берлине и последнем нашем штурме было столько нескрываемой правды, – поистине красоты подвига русского солдата! – что невольно заставляло задумываться: да одолеем ли мы с авторами писем канонизированные установки ГлавПУРа, а еще и военной цензуры?..

С некоторыми потерями в боях местного значения одолели. Так что «певец во стане русских воинов» спокойно взял все, подготовленное и опубликованное в нашей газете, добавил пару своих слов, отдел оформления «Красной звезды» подобрал ему снимки военных лет, – и книга готова!..

Но не все письма предоставил я тому «певцу». Не сдал в архив – уберег от огня. Часть из них уже прорвались в свет – это как разведка боем. А нынче, в минуты, когда на душе горько за обманутую Россию, за бедных стариков, от которых слышишь: «Сталина на вас нет!», я достаю те письма, бережно разглаживаю пожелтевшие от времени листики и в дыхании их бесхитростных строк ищу поддержку и веру в то, что у нас еще будет свой Сталинград!

В начале 1945 года одной из задач советских войск на фронтах Великой войны считался разгром группировки противника между Вислой и Одером, освобождение Польши и выход на подступы к Берлину. (Странно, как тяжело выписываются два слова – «освобождение Польши» – нынешней базы для американских ракет на наши головы...). Ту задачу Ставка поручила выполнять войскам 1-го Белорусского фронта – командующий маршал Г. К. Жуков и 1-го Украинского – маршал И. С. Конев. Содействовали им левое крыло 2-го Белорусского – командующий маршал К. К. Рокоссовский и правое крыло 4-го Украинского – командующий генерал армии И. Е. Петров.

Когда я пишу эти строки, в Польше вместо снега, говорят, прошел дождь и напротив Министерства иностранных дел образовались большие лужи. Министр тех дел (фамилию не помню) на днях прямо из Варшавы объявил всему миру, что польскую землю, в частности концлагерь Освен-

цим, освобождали чисто украинцы, мол, у них был целый фронт – 1-й Украинский. Ну, стало быть, на 1-м и 2-м Белорусских фронтах собрали одних белорусов. Вопрос: а русские воевали? Не было же Русского-то фронта.

Мало-мальски грамотная публика, на европейских форумах охотно приплясывающая под дудку президента Обамы, и та удивленно разводит руками от заявления польского пана.

Внимательный читатель, думаю, заметит более существенное и вправе усомниться – не вкралась ли ошибка в командование фронтами, 1-м Белорусским фронтом (раньше Центральным) командовал маршал К. К. Рокоссовский. Константин Константинович вспоминает, как он со штабом своего фронта готовился к той операции:

«Получив ориентировочные предложения Ставки о направлении действий войск 1-го Белорусского фронта, мы своим коллективом начали отрабатывать элементы плана новой фронтовой наступательной операции. Основные идеи: нанесение главного удара с пултуского плацдарма на Нарве в обход Варшавы с севера, а с магнушевского и пулавского плацдармов – глубокий удар южнее Варшавы в направлении на Познань. Соответственно этому началась группировка сил. Эти соображения начальник штаба фронта М. С. Малинин доложил Генеральному штабу, они были утверждены Ставкой. С этого момента для отработки операции были привлечены командиры и их штабы.

Место фронта было понятно, и все мы горели желанием как можно лучше подготовить себя и войска к этой интереснейшей наступательной операции. Но не суждено было мне в ней руководить войсками 1-го Белорусского фронта...» (<http://fanread.ru/book/4531082/?page=68>).

В операции принимала участие Дальняя авиация, которой командовал Главный маршал авиации А. Е. Голованов, он-то и приоткрывает занавес – метаморфозу с переменой мест слагаемых: «Во время Висло-Одерской операции наши войска были ослаблены и не смогли форсировать Вислу. Жуков как представитель Ставки взялся командовать фронтом Рокоссовского и потерпел неудачу. Сталин позвонил Рокоссовскому:

- От кого, от кого, а от вас, Константин Константинович, не ожидал.
- А я здесь не команду, товарищ Сталин, – ответил Рокоссовский.

Жуков был снят с поста заместителя Верховного и назначен на фронт Рокоссовского, а Рокоссовский – на фронт Жукова».

Как это выглядело, рассказывает Константин Константинович: «Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что, не подумав, я тут же спросил:

– За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов – 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г. К. Жуков.

– Как Вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная. По-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов. Жуков таким и является. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами:

– Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков» (<http://fanread.ru/book/1063605/?page=68>).

В начале февраля завершилась Висло-Одерская операция. Тогда было уничтожено 35 дивизий противника, 25 их дивизий потеряли от 50 до 70 процентов состава. Так что гитлеровское командование было вынуждено перебросить на Берлинское направление против советской армии более 20 дивизий. Черчилль 27 января 1945 года благодарил Сталина: «Мы

очарованы Вашими славными победами над общим врагом и мощными силами, которые Вы выставили против него. Примите нашу самую горячую благодарность и поздравление по случаю исторических подвигов». Позже и гитлеровский генерал Меллентин признал, что «Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи».

Читаешь вот такие признания, слушаешь, о чем болтают политики, сжимая при этом вокруг России кольцо американских баз, и такое впечатление, что старушка Европа намертво забыла исторические-то подвиги русского солдата. По букварям для элитных гимназий да в аглицких колледжах холеные отроки наших вождей усваивают уроки очарования «славными победами» американцев да британцев.

А между тем наши союзнички в конце января, почти месяц спустя после удара по ним немецких войск в Арденнах и Вогезах, очухались и засуетились – Иван-то так и войну без них закончит. Английский историк Д. Эрман позже признался о намерениях Д. Эйзенхауэра: «Главкомандующий стремился начать операцию на севере как можно скорее, пока наступление на Восточном фронте не завершилось полным поражением немцев».

Американцы в своих букварях о таком, понятно, не слышали. Да чему удивляться-то, если «хорошие парни» там о Красной Армии ничего не слышали, а город Сталинград для них более неведом, чем звезды. Впрочем, чему удивляться, если и наши «хорошие парни» под вопли демократов и по наущению добрых дядюшек из-за океана возникают против возвращения этому городу имя Сталина...

В конце января Ставка Верховного Главнокомандования запросила у командующих 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов их сообщения относительно дальнейших боевых действий. 26 января Жуков доложил свое решение о безостановочном наступлении вплоть до взятия Берлина. На следующий день в Ставку поступило решение и командующего 1-м Украинским фронтом. Конев тоже был готов наступать без долгих раздумий и правым крылом своего фронта во взаимодействии с фронтом Жукова овладеть столицей Германии. Вот тут-то и получилась некая неувязочка, несогласованность в замыслах командующих.

Ставка-то, по рекомендации Жукова, согласилась с разграничительной линией между фронтами, что фактически исключало непосредственное участие в боях за Берлин 1-го Украинского фронта. Тогда эту проблему разрешил Верховный Главнокомандующий.

«Сталин пошел на компромисс, – вспоминал генерал армии Штеменко, – он не отказался от своей идеи полностью, но и не отверг начисто соображений И. С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разграничения, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел ее до населенного пункта Люббен (в 60 км к юго-востоку от столицы) и оборвал.

– Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин, – заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая разграничения не давала нам покоя более двух месяцев» (*Михеенков С. Е.* Конев. Солдатский Маршал. С. 114: <http://www.litmir.co/br/?b=202865&p=114>). Еще бы! Если сам Жуков придумал такую стратегию...

Берлинскую операцию решено было начать не позже 16 февраля и закончить ее в течение 12–15 дней. Но уже на следующий день Конев докладывал Сталину о переправе через Шпрее о том, что танковые армии начали отрываться от общевойсковых и выдвигаться вперед в северо-западном направлении. Иван Степанович вспоминает:

«Когда я уже заканчивал доклад, Сталин вдруг прервал меня и сказал:

– А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

– Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил свое мнение...

– Товарищ Сталин, это займет много времени и внесет большое замешательство. Перебрасывать в осуществленный нами прорыв танковые войска 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин.

Сказав это, я уточнил направление, куда будут повернуты танковые армии, и назвал как ориентир Цоссен – городок в двадцати пяти километрах южнее Берлина, известный нам как место пребывания ставки немецко-фашистского генерального штаба.

– Вы по какой карте докладываете? – спросил Сталин.

– По двухсоттысячной.

После короткой паузы, во время которой он, очевидно, искал на карте Цоссен, Сталин ответил:

– Очень хорошо. Вы знаете, что в Цоссене ставка гитлеровского генерального штаба?

– Да, знаю.

– Очень хорошо, – повторил он. – Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

На этом разговор закончился...

Как только Сталин положил трубку, я сразу же позвонил на ВЧ командармам обеих танковых армий и дал им указания, связанные с поворотом обеих армий на Берлин».

А что за трудности оказались на 1-м Белорусском фронте?

Застрыв в низине перед Зееловскими высотами, пехота фронта изрядно поредела, и тогда командующий Жуков для прорыва тактической обороны решил бросить танки оперативного назначения. Член военного совета 1-го Белорусского фронта генерал К. Ф. Телегин позже откровенно писал:

«Мы знали, что вывод танковых войск на оперативный простор осуществить будет почти невозможно. Было решено ввести все танковые войска, чтобы задавить противника массой техники, уничтожить максимум сил и средств его, деморализовать его и тем самым облегчить задачу взятия Берлина... Да, мы считались с тем, что придется при этом понести потери в танках, но знали, что даже если потеряем и половину, то все же до 2 тысяч бронеединиц мы введем в Берлин, и этого будет достаточно, чтобы взять его...» (Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин: Красная Армия в поверженной Германии. Т. 15 (4–5). М.: Терра, 1995. С. 496–499)

Интересно, как шишки, увешанные большими звездами, умеют рассуждать о всяких там оперативных успехах. «Да, мы... знали, что даже если потеряем и половину, то все же еще до 2 тысяч бронеединиц мы введем в Берлин». А та самая половина 1-й гвардейской танковой армии, брошенная на труднопроходимые для техники высоты, карабкалась на них уступом, подставляя борта машины вражеской артиллерии. Командующий армии генерал М. Катуков с горечью отмечал тот «оперативный успех»:

«Когда мы вышли к Зееловским высотам, развернулись и устремились вперед, все наши попытки успеха не имели. Все, кто высунулся вперед, моментально горел, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона немцев на Зееловских высотах сломлена не была...» Вот итог первого дня наступления, который с горечью подвел командарм Катуков: «У меня погибли 8 тысяч танкистов, 4 командира бригад, 22 комбата, несколько командиров полков, две сотни танков...»

Что и говорить, «деморализовали противника».

Так, в связи с медленным продвижением 1-го Белорусского фронта возникла необходимость повернуть танковые армии 1-го Украинского фронта для удара по Берлину. 20 апреля они подошли к Цоссенскому оборонительному рубежу и овладели им. Маршал Жуков в тот же день, уже вечером, срочно отправляет командующему 2-й танковой армии генералу С. Богданову такое распоряжение:

«20 апреля 1945 г. 21.50

2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 года любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе.

Жуков. Телегин»

Обратите внимание на слова приказа: «ворваться», «прорваться», «водрузить», «любой ценой»... А если не «любой»? С чего вдруг такая спешка? Танки Конева в Цоссене стоят, можно сказать – через забор и Берлин.

Помню, этот маршрут на электричке занимал всего 20 минут. Но на подступах к Берлину гитлеровские войска оказали упорное сопротивление. Одна армия генерала Т. Буссе сдерживала одиннадцать армий и многочисленные резервы фронта, которые находились в распоряжении Жукова.

Однако силы были не равны, и 21 апреля на южном участке оборонительного обвода сопротивление противника было сломлено – войска 1-го Белорусского фронта с севера и северо-востока ворвались в Берлин. 22 апреля и 3-я гвардейская танковая армия 1-го Украинского фронта, усиленная войсками 28-й армии, при поддержке авиации 18-й воздушной армии прорвали внутренний обвод Берлина. А 25 апреля наши войска полностью завершили окружение берлинской группировки.

В тот же день передовые подразделения 58-й и 97-й гвардейской дивизий, 3-й гвардейской армии вышли на Эльбу в районе Торгау. Здесь произошла встреча с американцами. Фронт немецко-фашистских войск был разорван: армии северной и южной Германии оказались отрезанными друг от друга. Москва в честь этой победы салютовала войскам 1-го Украинского фронта.

А Берлин не сдавался. 200 тысяч человек, 3 тысячи орудий и минометов, 250 танков стояли против наших войск. 27 апреля бои шли уже в центре города. По приказу Гитлера тоннели метро – убежище для тысяч раненых, женщин и детей – затопили, большинство мостов взорвали. Через Шпрее оставался только мост имени Мольтке, защищенный противотанковыми препятствиями и многослойным пулеметным огнем. В ночь на 29 апреля батальон капитана С. А. Неустроева 756-го полка 150-й дивизии и батальон старшего лейтенанта К. Я. Самсонова из 380-го полка 171-й дивизии тот мост захватили.

Приближалось 1 мая. Накладно нам обходились праздничные даты – тысячами загубленных жизней расплачивались. Скажем так: «Дашь Киев!» И дашь именно к 7 ноября. А не к 10 или 11 того же месяца. Так ведь красиво звучало: «Товарищ Сталин, докладываем, что...»

Вот историки до сих пор и спорят: следовало нам брать Берлин к Первомаю или лучше бы подождать чуток? Немцы ведь не остановились у того же Бреста – через неделю под Минском и оказались. А тут какие

проблемы? Закрутил кран с водой покрепче – также через неделю враги полезли бы из всех своих дыр да щелей. Город-то был окружен. А в окружении надолго ли хватит того же продовольствия, боеприпасов?..

Между прочим, Сталин на весь этот треск с победными докладами к светлым датам смотрел без восторга. Вот свидетельство по поводу того же Первомая 1945-го маршала Жукова:

«Когда я доложил ему, что, как я и опасался, мы застряли, что немцы сосредоточили силы, оказывают ожесточенное сопротивление и наше продвижение замедлилось, мы все еще не можем прорваться в глубину, Сталин отреагировал на это очень спокойно.

– Ну что ж, – сказал он, – пусть подтягивают резервы, пусть цепляются. Больше перебьете здесь, меньше останется в Берлине.

Такой была его реакция в тот трудный для нас день.

Она осталась такой же и в дальнейшем. Я рассчитывал поначалу, что 1 мая мы уже доложим об окончании боев за Берлин и что об этом можно будет объявить на майском параде. Когда 30 апреля я понял, что сделать этого мы не сможем, я позвонил Сталину и сказал, что нам придется еще дня два провозиться с Берлином. Я ожидал с его стороны недовольства, а может быть, и упреков. Но он, против моих ожиданий, сказал очень спокойно:

– Ну что ж, пока не сообщим. В это Первое мая все и так будут в хорошем настроении. Позже сообщим. Не надо спешить там, на фронте. Некуда спешить. Берегите людей. Не надо лишних потерь. Один, два, несколько дней не играют теперь большой роли.

Такой была его реакция на мои доклады и в начале боев за Берлин, и в конце их» (<http://www.voskres.ru/army/publicist/pobeda.htm>).

Спустя годы корреспондент «Правды» М. Мержанов, сидя у Жукова на даче, выпытывал малоизвестные факты и подробности штурма Рейхстага. Зашла речь о Сталине, и Жуков припомнил еще один разговор с ним в те предмайские дни: «Вечером я позвонил Сталину и сказал ему:

– Мы подготовили подарок нашему народу, хотим порадовать его к пролетарскому празднику.

– Какой подарок? – перебил он меня.

– Наши войска ворвались в Рейхстаг.

– Не подгоняйте штурм к празднику, – ответил он. – День и час для нас не играют роли... Вопрос решен...» (<http://www.voskres.ru/army/publicist/pobeda.htm>).

Не с этого ли стремления «порадовать» народ да потешить себя и разгорелся потом сыр-бор вокруг Рейхстага, запутав не только историков, но и самих-то участников штурма.

И то сказать, вот, к примеру, установка Жукова танкистам I-й гвардейской танковой армии: «Не позднее 04.00 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться в пригороды Берлина и сразу же передать для Сталина и для прессы сообщение об этом».

Такое ЦЭУ Георгий Константинович выдал 20 апреля. По этому поводу маршал И. Конев уже после войны заметит: «Известно, что Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина... Жуков был крайне раздражен, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине».

...28 апреля. Прикрытый танками, 79-й стрелковый корпус первым прошел к мосту Мольтке, и вскоре командир 150-й стрелковой дивизии генерал Шатилов отправил комкору боевое донесение:

«Бою за овладение Рейхстагом предшествовали тяжелые бои по овладению мостом Мольтке через р. Шпрее и ближайшими кварталами на южном берегу р. Шпрее. В течение 29.4.45 г. 756-й стрелковый полк, захватив мост через р. Шпрее, сумел переправиться полностью на южный берег и очистил квартал от противника восточнее, идущий от моста.

В 21.00 29 апреля 1945 года мною было принято решение о вводе в бой 674-го сп.

План операции был намечен следующий: в ночь на 30.4.45 г. 674-й и 756-й стрелковые полки очищают от противника кварталы Министерства внутренних дел и, выходя в район парка, непосредственно прилегающий к Рейхстагу, к утру овладевают Рейхстагом.

Начало действий в 4.30 30.4.45 года.

К 9.00 30.4.45 здание Министерства внутренних дел в тяжелом бою обходом с востока было очищено от противника, в части, стремительно

продвигаясь в юго-восточном направлении, вышли в район и непосредственную близость западного и южного фасадов Рейхстага.

Подтянув артиллерию, минометы, танки, самоходные орудия, после короткой массированной артиллерийской обработки, атаковали позиции противника у здания Рейхстага 1/756 сп – командир батальона капитан Неустроев и 1/674 сп – командир батальона капитан Давыдов. Комендантом Рейхстага в 14.00 назначен капитан Неустроев» (http://militera.lib.ru/docs/da/berlin_45/04.html). Но вот и Степан Андреевич Неустроев решил приоткрыть правдивую обстановку того предпраздничного денечка. «Пришло время, – признается он, – и я могу говорить, будучи абсолютно свободным от пристального генеральского надзора...

В середине дня, часов в тринадцать, была предпринята еще одна атака, третья по счету, но успеха она также не имела, – не просто рассказывает, а словно исповедуется за год до ухода из жизни комбат Неустроев. – Кое-кто уже подбегал к подъезду. Казалось, что вот-вот роты ворвутся в рейхстаг. Но противник усилил ружейно-пулеметный огонь по площади и открыл артиллерийский и минометный огонь. Площадь утонула в разрывах снарядов и мин, ничего и никого не было видно... Казалось, что все смешалось: и земля, и небо...

Около трех часов ко мне на наблюдательный пункт снова пришел полковник Зинченко и смущенно сообщил:

– Есть приказ маршала Жукова, в котором объявляется благодарность войскам, водрузившим Знамя Победы, в том числе всем бойцам, сержантам, офицерам и генералам 171-й и 150-й стрелковых дивизий. В письменном виде приказ маршала Жукова в войска 1-го Белорусского фронта, очевидно, поступит завтра...

Я спросил командира полка:

– Рейхстаг не взят, Знамя Победы не водружено, а благодарность уже объявлена?

– Так выходит, товарищ комбат, – в задумчивости ответил Зинченко и тут же спросил меня: – А может быть, кто-нибудь из наших все-таки вошел в Рейхстаг? Может быть, ты из-за разрывов снарядов и мин не заметил, что происходило на ступеньках парадного подъезда?

На такой вопрос мне было сложно ответить. Мелькнула мысль: “Может быть, кто-нибудь действительно вошел, а может быть, нет”. По телефону попросил ротных доложить обстановку, они доложили: в Рейхстаге наших нет. На мой наблюдательный пункт позвонил генерал Шатилов и приказал передать телефонную трубку командиру полка. Командир дивизии потребовал от Зинченко:

– Если наших людей в Рейхстаге нет и знамя не установлено, то прими все меры к тому, чтобы любой ценой (опять «любой ценой». – С. Г.) водрузить флаг или хотя бы флажок на колонне парадного подъезда. Любой ценой! – повторил генерал и добавил, что если Жуков узнает, что знамя не водружено, то гнев его обрушится на наши головы...»

«Дорого обошелся жестокий приказ “любой ценой”! А сколько было таких безумных приказов за время войны, даже подсчитать невозможно!» – с горечью заключает Степан Андреевич Неустроев.

И вот тот явно обескураживший командира полка Зинченко и его комбата приказ. Он проходил под грифом секретно – приказ Военного совета 1-го Белорусского фронта № 06 от 30 апреля 1945 года. До конца своей жизни хранил его в личном архиве генерал К. Телегин. Сейчас это всего лишь пожелтевший от времени листок. Приведу полностью его содержание:

ПРИКАЗ

войскам 1-го Белорусского фронта

30 апреля 1945 года № 06. Действующая армия

1. Район Рейхстага в г. Берлине обороняли отборочные части «СС». Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28.4.45 г. выбросил на парашютах батальон морской пехоты. Противник в районе Рейхстага оказывал ожесточенное сопротивление нашим наступающим войскам, превратив каждое здание, лестницу, комнату, подвал в опорные пункты и очаги обороны. Бои внутри главного Рейхстага переходили в неоднократные рукопашные схватки.

2. Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломили сопротивление врага, заняли главное здание Рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. в 14.25 подняли над ним наш советский флаг.

В боях за район и главное здание рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Переверткина и его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды, 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова.

3. Поздравляя с одержанной победой, за проявленную храбрость, умелое и успешное выполнение боевой задачи всем бойцам, сержантам, офицерам и генералам 171-й и 150-й стр. дивизий и непосредственно руководившему боем командиру 79-го стр. корпуса генерал-майору Переверткину объявляю благодарность.

Военному совету 3-й ударной армии наиболее отличившихся в боях за Рейхстаг бойцов, сержантов, офицеров и генералов представить к правительственным наградам.

4. Близится час окончательной победы над врагом. Наш советский флаг развевается над главным зданием Рейхстага в центре города Берлин.

Товарищи бойцы и сержанты, офицеры и генералы 1-го Белорусского фронта! Вперед на врага! Последним стремительным ударом добьем фашистского зверя в его логове и ускорим приближение часа окончательной победы над фашистской Германией.

Приказ объявить во всех ротах, эскадронах и батареях войск фронта.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Советского Союза Г. Жуков

Член Военного совета 1-го БФ генерал-лейтенант К. Телегин

Начальник штаба 1-го БФ генерал-полковник М. Малинин

Этот приказ вписывал в историю время водружения над Рейхстагом Знамени Победы – 14 часов 25 минут. А в действительности бойцы батальона Неустроева, прошедшие до Берлина долгими верстами войны и совсем еще юные, с красными тряпицами под гимнастерками, рвущиеся водрузить на Рейхстаге – каждый свое знамя! – еще лежали на Королевской площади, прижатые к земле огнем противника. Многим из них не доведется услышать тот приказ и узнать, как «порадует» Военный совет фронта своим первомайским «подарком» их родных – матерей, жен, невест...

Командарм А. Горбатов спустя годы заметит: «У нас часто говорят: штурм Берлина, штурм Берлина. Я держусь того мнения, что с военной

точки зрения Берлин не надо было штурмовать. Конечно, были и политические соображения, соперничество с союзниками, да и торопились салютовать. Но город достаточно было взять в кольцо, и он сам сдался бы через неделю-другую. Германия капитулировала бы неизбежно. А на штурме, в самый канун победы в уличных боях мы положили не меньше ста тысяч солдат. А ведь они уже радовались, что вот-вот домой».

Валентин Фалин, высокопоставленный советский чиновник, посол в ФРГ, имевший доступ к тайным бумагам кремлевского двора, уже в канун 60-летия Великой Победы дипломатически обволакивая словесами самодурство высокого армейского начальства, тоже вот признает ненужность затеи с тем штурмом. «Когда я обо всем этом думаю, у меня до сих пор свербит на сердце, – не лучше ли было замкнуть кольцо вокруг Берлина и подождать, пока он не сдастся сам? Так ли обязательно было водружать флаг на Рейхстаг, будь он проклят? При взятии этого здания погибли сотни наших солдат...»

Сотни жизней за флаг на крыше какого-то там дома, который кое-как отыскивали русские мужики среди подобных германских домов; тысячи жизней за город, который никуда бы не делся в окружении-то нескольких фронтов, – много это или мало в меню-раскладке «любой ценой»? Пропагандисты легко объяснят тот штурм соображениями стратегического калибра. Вот в канун 60-летия Великой Победы министр регионального развития России Владимир Яковлев заявил, что «в стране с населением 144 миллиона человек скоро некому будет работать» и привел цифры. Из 20 миллионов мужчин трудоспособного возраста один миллион – наркоманы, четыре миллиона – хронические алкоголики, примерно один миллион сидят в тюрьмах, а четыре миллиона сторожат их и новых радетелей за счастье народное – много это или мало?..

«Выполняя приказ старшего командования, из батальонов Якова Логвиненко, Василия Давыдова и Константина Самсонова стали отправлять с флажками добровольцев-одиночек, храбрейших людей, с задачей установить флажок на колонне парадного подъезда, или на фасадной стене, или на углу здания Рейхстага. Где угодно, лишь бы на Рейхстаге, – воспомина-

ет Неустроев. – Никто из этих первых не добрался до цели – все погибли. Первым в моем батальоне бежал Петр Пятницкий. Его убило. Окровавленный флажок поднял Петр Щербина. Красную материю размером с носовой платок каждый водружал на своей собственной позиции, там, где их прижало к земле огнем.

Не только из Рейхстага, но и справа, и из Кроль-оперы фашисты продолжали хлестать свинцом. Становилось ясно, что посылать еще кого-то бессмысленно. Немцы применили артиллерию и тяжелые минометы. Снаряды с воем пролетали над нами и рвались где-то позади, в районе моста Мольтке, а через него командование срочно перебрасывало к нам для усиления танки, артиллерию и “катюши”.

Со мной на КП находилась группа капитана Макова со знаменем из штаба корпуса. Ей поставил задачу лично комкор генерал Переверткин: докладывать о ходе боя и водрузить флаг корпуса над Рейхстагом. Такая же группа, возглавляемая майором Бондарем, ушла в боевые порядки соседей 171-й дивизии и находилась в батальоне Самсонова.

Наступил вечер. Зинченко по телефону объявил: “Через 15 минут атака. Жду доклада из Рейхстага”.

Я думал о боеспособности батальона. Командиры рот и взводов имели опыт ведения боев в крупном городе. Они в высшей степени надежны. В успехе штурма почти не сомневался, но смутное беспокойство все же было. Мало ли что может произойти...

Незадолго до этого Военный совет 3-й ударной армии принял решение об учреждении Знамени Победы. Их изготовили 9, по числу дивизий, и пронумеровали. Знамя № 5 досталось 150-й стрелковой Идрицкой дивизии.

Перед атакой по инициативе коммунистов и комсомольцев в батальоне приготовили свои красные флаги различной величины. Каждое отделение имело их по одному, а то и по два. Теперь десятки флагов развернулись в атакующей цепи, всем хотелось, чтобы именно его флаг первым оказался на Рейхстаге».

В 1961 году по инициативе ветеранов войны после многочисленных обращений в различные инстанции состоялось закрытое совещание в Ин-

ституте марксизма-ленинизма. Основательно расходилась официальная оценка давних событий с рассказами фронтовиков. Особенно решителен в борьбе за историческую правду был комбат Неустроев. Главным оппонентом его стал бывший комдив генерал-полковник Шатилов.

Комбат доподлинно помнил, как 30 апреля в 13.30 перед штурмом Рейхстага началась только артподготовка. А комдив утверждал, что 89 стволов, направленных на Рейхстаг, грянули около 13.00, через полчаса роте Съянова «до Рейхстага оставалось каких-то 120 метров» и что в 14.30 он уже принял от командиров полков доклады, мол, роты Греченкова и Съянова уже в Рейхстаге. «Знамя Военного совета поставлено у колонны, справа от входа», – так якобы доложил полковник Зинченко. Шатилов ответил: «Знамя вижу!»

Все бы хорошо – цифры эти сходятся и по приказу Военного совета, и с мемуарами маршала Жукова. Но вот незадача: командир-то полка Зинченко вспоминает, как те 150 метров, оставшихся до Рейхстага, бойцы смогли одолеть только спустя несколько часов после начала штурма – где-то уже после 18.00. Он тогда докладывал Шатилову: «Наших людей в Рейхстаге пока еще нет... Батальоны лежат в ста пятидесяти метрах от него... Необходима поддержка артиллерии...» И в 17.50 вздрогнула земля. Ураганный огонь сотряс воздух. Это была пока еще поддержка!

В один год с книгой воспоминаний генерала В. Шатилова вышел фундаментальный военно-исторический труд по Берлинской операции Института военной истории. Авторы этого исследования пишут: «В 18 часов 30 апреля штурм Рейхстага был повторен. Под прикрытием огня артиллерии бойцы батальона С. А. Неустроева бросились в атаку. Ее возглавил парторг роты И. Я. Съянов...» Так что, похоже, что-то запечатлел комдив: в 14.30 знамя Военного совета «справа от входа» появиться не могло!

Словом, участники последнего штурма Великой войны собрались на совещание и два дня восстанавливали картину боя, делились своими воспоминаниями о том, что видели и пережили. Бывший член Военного совета К. Ф. Телегин признал тогда, что водружение Знамени Победы «приняло уродливый характер». На что комбат Неустроев заметил генералу: «Прежде чем водружать знамя, нужно было взять Рейхстаг».

Совещание закончится. Бойцы поспорят, поломают копья и разъедутся по родным хатам. В целях исторической справедливости ветераны припомнят известный под № 06 жуковский приказ, а в официальных изданиях о войне этак застенчиво, но уже станут писать, мол, оказывается, были еще отличившиеся при штурме Рейхстага «группы майора М. М. Бондаря и капитана В. Н. Макова». Степан Андреевич Неустроев уточнит:

«Ради исторической правды нужно сказать, что капитана Макова и его подчиненных нельзя было считать подразделением или боевой группой. Командование 79-го стрелкового корпуса послало Макова и Бондаря в боевые подразделения в качестве информаторов: Макова – в мой батальон, Бондаря – в батальон Самсонова. Как эту роль выполнял Михаил Бондарь, я не знаю, но Владимир Маков регулярно докладывал по радиации генералу Переверткину, что и как делается в моем батальоне. Он докладывал из “дома Гимлера” и из Рейхстага».

Степан Андреевич вспоминает, как уже в вестибюле Рейхстага, заняв круговую оборону, он хотел доложить обстановку, но штаб полка еще не успевал обеспечить его связью. Тогда, заметив неподалеку капитана Макова, комбат попросил связать его со штабом. Маков согласился, но сначала доложил генералу Переверткину о выполнении своего специального задания: «Товарищ 10! Докладывает “Дозор 5”. Ваше приказание выполнено: флаг 79-го корпуса установлен на крыше Рейхстага...»

Именно флаг капитана Макова первым оповестил Победу! Его водрузили над Рейхстагом в 22.40 минут по московскому времени добровольцы 136-й армейской пушечной артиллерийской бригады во главе с Маковым старшие сержанты Алексей Бобров, Александр Лисименко, Гизий Загигов и сержант Михаил Минин. Сражавшиеся в боевых порядках батальона Неустроева, они разделили с его бойцами все трудности последнего штурма и радость победы.

«У меня и сейчас нет причины усомниться в правдивости его доклада, – спустя годы подтверждал комбат Неустроев. – Маков серьезный и порядочный человек, он не солгал бы, но вся беда в том, что знамени корпуса на крыше никто не видел. Маков допустил непростительную ошибку: после доклада генералу ушел из Рейхстага в штаб корпуса и для охраны

флага не оставил ни одного из своих подчиненных. Флаг бесследно исчез. То ли его сбило осколком, то ли сам он упал, то ли еще что...

Такова печальная история флага 79-го стрелкового корпуса. Но, несмотря на это, мне жаль, что о группе капитана Макова широко не известно.

... К десяти часам вечера по местному времени сложилась следующая обстановка. В вестибюле и центральном зале Рейхстага заняла оборону вторая рота Антонова. Лейтенант Ищук расположился на правом фланге, на левом фланге с ротой Съянова был капитан Ярунов. Подразделения Давыдова находились у южного входа, Самсонова – у арки...

Около двенадцати часов ночи (время берлинское) в Рейхстаг пришел полковник Зинченко. Я обрадовался его приходу.

– Капитан Неустроев, доложите обстановку!

Полковника интересовало знамя. Я попытался ему объяснить, что знамен много, доложил, что флажки ротные, взводные и отделений в расположении их подразделений.

– Не то ты говоришь, товарищ комбат, – резко оборвал меня Зинченко.

– Я спрашиваю, где знамя Военного совета армии под номером пять? Я же приказал начальнику разведки полка Кондрашову, чтоб знамя шло в атаку с 1-й ротой, – возмущался полковник.

Стали выяснять, расспрашивать, оказалось, что знамя осталось в штабе полка, в “доме Гимmlера”. Зинченко позвонил по телефону начальнику штаба майору Артемию Григорьевичу Казакову и приказал:

– Немедленно организуйте доставку знамени Военного совета в Рейхстаг! Направьте его с проверенными, надежными солдатами из взвода разведки.

Вскоре в вестибюль вбежали два наших разведчика – сержант Егоров и младший сержант Кантария. Они развернули алое полотнище – знамя Военного совета 3-й ударной армии под номером пять. Ему суждено было стать Знаменем Победы!»

Степан Неустроев припоминает все подробности тех поистине исторических минут. Он рассказывает, как командир полка ставил задачу Егорову и Кантарии, как с нетерпением все ждали, когда вернутся знаменосцы

и радостно доложат, что приказ командования выполнен. Однако бойцы вернулись минут через двадцать с тем знаменем в руках и смущенно сообщали: «Там темно. У нас нет фонарика. Мы не нашли выход на крышу...»

Можно представить ситуацию, сгущающуюся вокруг двух разведчиков, заметим, не внушительных с виду, далеко не царской стати. С минуты, как передает обстановку комбат, полковник Зинченко молчал. Потом тихо, с нажимом на каждом слого стал говорить: «Верховное Главнокомандование Вооруженных Сил Советского Союза от имени Коммунистической партии, нашей социалистической Родины и всего советского народа приказало нам водрузить Знамя Победы над Берлином... – слова командира полка под сводами Рейхстага ложились как ядра! – Этот исторический момент наступил, а вы... не нашли выход на крышу!»

Рушилась красивая легенда о том, как русский с грузином, плечом к плечу, ползли с красным знаменем, чтобы водрузить его, согласно приказу маршала Жукова, над логовом фашизма. И тогда, закончив речь, Зинченко резко повернулся к Степану Неустроеву и так же тихо, словно остерегаясь, как бы не подслушал кто, распорядился: «Комбат, обеспечьте водружение Знамени Победы над рейхстагом!..»

Комбат обеспечил. «Пойдешь вместе с разведчиками, – приказал он лейтенанту Бересту, – и на фронтоне, над парадным подъездом, привяжешь знамя, чтобы его было видно с площади и из “дома Гимmlера”. А про себя, как признается потом Степан Андреевич, подумал: «Пусть имлюбуются тыловики и высокое начальство...»

Берест, Егоров и Кантария направились к лестнице, ведущей на верхние этажи, путь им расчищали автоматчики из роты Съянова. Почти сразу же откуда-то сверху послышалась стрельба, разрывы гранат, но минуты через две все стихло.

Прошло полчаса. Они не возвращались. Мы ждали их внизу, в вестибюле.

Время тянулось издевательски медленно. Ну вот, наконец-то... На лестнице послышались шаги – ровные, спокойные, тяжелые. Так ходит только Берест.

Алексей Прокопьевич доложил: «Знамя установлено на бронзовой конной скульптуре, на фронте главного подъезда. Привязали ремнями. Не оторвется».

Признаюсь, в далеком 45-м я и предположить не мог, что спустя годы в литературе, в том числе и исторической, на собраниях и митингах будут писать и говорить примерно следующее: «30 апреля 1945 года Егоров и Кантария водрузили над рейхстагом Знамя Победы. Слава им и ура!» И вот сейчас, на старости лет, задаюсь вопросом: «А не велика ли честь для двух человек? Ведь это же воля случая, не более, что в историю вошли именно они. Заслуга-то, если разобраться, принадлежит солдатам, сержантам и офицерам трех батальонов, а не двум разведчикам».

Пройдут годы после цеховского совещания с участниками последнего штурма войны, страсти бойцов, казалось бы, поутихли, но вот однажды генерал Телегин получит письмо из города Каргополя Архангельской области. Писал один из героев отважной пятерки капитана Макова Михаил Минин. «Решил обратиться к вам – бывшему члену Военного совета 1-го Белорусского фронта – и доложить о фактах грубого искажения исторической действительности, – без лишних вступлений начиналось то взволнованное послание на шестнадцати страницах, которое привожу впервые. – Теперь уже со всей очевидностью ясно, что в многочисленных выступлениях В. М. Шатилова, Ф. М. Зинченко, И. Я. Съянова, А. П. Береста, М. А. Егорова и др. с утверждениями о вступлении в Рейхстаг роты И. Я. Съянова и знаменосцев знамени № 5 30 апреля 1945 года в 14.25 преследуется цель – любой ценой оправдать себя перед историей, скрыть истинную картину, за искажение которой они несут моральную ответственность...»

Михаил Петрович доподлинно передает хронику штурма, детали памятного боя и действия их группы: «Примерно в 15.00 генерал С. Н. Переверткин в разговоре по радию с капитаном Маковым сказал, что по I БФ есть приказ о взятии рейхстага в 14.25 30 апреля 1945 г. На утверждение капитана Макова, что к рейхстагу из-за сильного огня противника еще ни один наш воин не прорвался, Переверткин сделал ему замечание: “Плохо знаете обстановку!”

Сообщение о “взятии” рейхстага в 14.25 вызвало большое недоумение среди нас, несмотря на это, ни один доброволец не попытался уклониться от поставленной задачи», – пишет Минин и припоминает доклад генерал-лейтенанта артиллерии Игнатова на имя командующего артиллерией I БФ генерал-полковника артиллерии Казакова о водружении над Рейхстагом знамени пятеркой капитана Макова. Затем Михаил Петрович не без оснований делает вывод, что именно указание в том докладе истинного времени исторического события, идущее вразрез уже раскрыченной установки приказа № 06, позволило высокому начальству действия группы капитана Макова расценить как рядовой поступок. И хотя генерал С. Н. Переверткин приказал подготовить на пятерку отважных артиллеристов представления к званию Героя Советского Союза и наградные листы были подписаны уже утром 1 мая 1945 года, вместо золотой звезды каждому дали по ордену Красного Знамени.

Забегая вперед, замечу: в 1997 году группа Макова все-таки получила звание Героев – именем Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР.

Приведу из письма участника штурма рейхстага Михаила Минина еще один малоизвестный факт. «Примерно в 2 часа ночи 1 мая 1945 г., когда я и А. Ф. Лисименко спустились с крыши рейхстага на первый этаж для очередной связи с капитаном В. Н. Маковым, то лицом к лицу встретились с группой автоматчиков, возглавляемой лейтенантом А. П. Берестом, которые вошли в здание рейхстага через главный вход с западной стороны. Среди них были и знаменосцы М. Егоров и М. Кантария с зачехленным знаменем, с этим знаменем группа автоматчиков прошла в коронационный зал. Как и в какое время знамя № 5 было доставлено наверх Рейхстага, мне неизвестно, но бесспорным является тот факт, что до 5 часов утра 1 мая 1945 г. знамя № 5 не было доставлено к скульптурной группе.

Во-первых, свое знамя мы охраняли у подножья скульптурной группы и, во-вторых, совместно со стрелковыми подразделениями полностью контролировали лестницу, которая за время нашего пребывания в Рейхстаге был единственной, по которой можно было подняться наверх Рейхстага...»

Тут, пожалуй, пора раскрыть школьную тетрадь в клеточку, которую в 1988 году в Военное издательство прислал бывший начштаба батальона К. Гусев. Этот отзыв на воспоминания своего командира Кузьма Владимирович сопровождал припиской: «При чтке рукописи С. Неустроева “Путь к Рейхстагу” сделать пометки на полях страниц рукописи оказалось невозможным. Пометки требовалось делать почти против каждой строки рукописи. Поэтому мною взято со страниц рукописи несколько примеров».

Вот, скажем, о приведенном выше эпизоде встречи в Рейхстаге командира полка Зинченко Кузьма Владимирович пишет: «В действительности было не так». Обстановку полковнику Зинченко докладывал начальник штаба батальона старший лейтенант К. В. Гусев (то есть он сам, автор тетрадки в клеточку. – С. Г.). А Неустроева в Рейхстаге еще не было. Тогда, уходя из Рейхстага на свой КП, в «дом Гиммлера», Зинченко приказал лично лейтенанту Бересту: «Найти Неустроева и, когда он появится в Рейхстаге, доложить». Берест нашел Неустроева в пьяном состоянии в трансформаторной будке, метрах в ста пятидесяти от «дома Гиммлера». Привел Неустроева в Рейхстаг и уложил в безопасное место. Начштаба и дальше повторяет историю, как лейтенант Берест отыскал комбата в будке, заботливо уложил отца-командира в укромном местечке, где он, если верить Кузьме Гусеву, и вздремнул «до утра первого мая»... Выходит, и Первомай, и водружение наших знамен на крыше Рейхстага, а заодно и капитуляцию врага лихой комбат отметил в Берлине первым!..

Что же могло сниться комбату Неустроеву в том вражьем логове под грохот артиллерийских орудий, треск автоматных очередей, уханье мин, гранат?.. Поди, уральская деревушка Талица, где в старые времена Неустроевы промышляли зверя и рыбу, шли в старатели, на прииски... На всю жизнь Степану запомнился 1929 год. Тогда в Талице организовали коммуну. Отца, в первую-то мировую исправного солдата, отмеченного двумя Георгиевскими крестами, избрали председателем. Ох, и зажили тогда мужики в той коммуне!

Неподалеку от Талицы скопом построили бараки с длинным общим коридором и отдельными комнатками для каждой семьи. Деревенские избы, понятно, оставили – в трех бараках вся-то Талица и уместилась.

Питались «коммунары» в общей столовке – кормежка была бесплатная. Степан с дружками признали преимущество такой жизни и в той столовке обедать и ужинать умудрялись по два раза.

Скот, кур, гусей – всю живность согнали земляки со своих старых дворов, обобществили в одно хозяйство, да что-то дело на лад не шло. И то сказать, портрет Карла-то Маркса в правлении коммуны мужики повесили, а как строить новую жизнь по тому бородатому – никто толком не знал. Коммуна в Талице через год распалась.

Как знать, а может, комбату Неустроеву снился Ленинский поселок, куда вслед за отцом переехала вся их семья. Снилось, как мать топила печку да приговаривала: «Хоть бы духовка хорошо пекла и в комнате тепло было...» Духовка пекла хорошо, за столом собирались всей семьей – семеро по лавкам! – и дружно уплетали пышные да румяные картофельные шаньги. Мать радовалась: «Слава Богу, дожили до хорошей жизни. Теперь и помирать не захочется...» А отцу не сиделось на месте. Все чаще он называл какие-то незнакомые слова: «Уралмаш», «Магнитка», «Ростсельмаш», «Днепрогэс» – и уговаривал мать податься на новые стройки. Потом стал заходить разговор о Германии, фашистах, и тогда отец хмурился: «Пахнет порохом, ой как пахнет...»

Степан Неустроев, окончив неполную среднюю школу, стал работать в трестовской мастерской при гараже – постигал мастерство токаря. Страна дала уже свои первые 100 000 тракторов. По радио то и дело сообщали о подвигах наших летчиков в воздушных просторах. Чкалов, Байдук, Беляков, потом Громов, Леваневский, Каманин, Коккинаки... Они устанавливали мировые рекорды, спасали челюскинцев, совершали героические перелеты через Северный полюс в Америку – и Степан, конечно же, мечтал о своих подвигах.

Райком комсомола поддержал стремление паренька – токаря Березовских мастерских Неустроеву дали рекомендацию в военное училище, но, к огорчению, комиссия ему отказала – по возрасту – не хватило одного года. А когда возраст подошел, военком уговорил Степана на пехотное училище: «Давай в пехоту! Настоящим командиром будешь!» Степан согласился и, действительно, стал настоящим командиром – требователь-

ным, заботливым, готовым принять ответственность за свои решения по законам военного времени.

Такой вот эпизод. «1 мая в горящем Рейхстаге шел бой. Только в ночь на 2 мая роте под командованием капитана Ярунова удалось обойти фашистов с тыла и атаковать их. Гитлеровцы не выдержали удара и отступили в подземелье, – вспоминал Степан Андреевич. – Мы насторожились. Вскоре из-за угла лестницы, ведущей в подземелье, фашисты выкинули белый флаг. Какое-то мгновение мы молча смотрели на него, не веря своим глазам. Затем я вызвал рядового Прыгунова, знавшего немецкий язык, и сказал ему:

– Пойдешь и выяснишь, что значит этот флаг.

– Есть! Иду.

Мучительно долго тянулись минуты. Укрывшись за колоннами и статуями, мы ждали возвращения Прыгунова...»

Комбат передает подробности переговоров с немцами, полные драматических и порой забавных минут. Дело в том, что противник поставил условие: переговоры будут вести только с генералом или, по меньшей мере, с полковником. Тогда Неустроев принял командирское решение, какие, пожалуй, лишь в двадцать-то лет и приходят в голову.

– Кузьма, зови Береста! – распорядился он. Начальник штаба выполнил указание, и когда Алексей Берест, статный, почти двухметровый добрый молодец, предстал перед Неустроевым, он спросил:

– Не приходилось быть дипломатом? – и разъяснил свой замысел...

Вскоре лейтенант стал полковником. Его манера держаться – свободно с достоинством – вполне соответствовала званию, а остальное подправили. Кожаной курткой прикрыли лейтенантские звездочки, отыскали фуражку поновее, Берест тщательно побрился и доложил, что к дипломатической работе готов. Внешний вид Неустроева (себя он определил адъютантом полковника) также отвечал протоколу фронтовой дипломатии. Комбат вспоминает, что на нем поверх кителя была сильно обгоревшая телогрейка, из дыр которой торчала вата. Зато сохранился китель с золотыми погонами да еще пять орденов на груди!.. «Можно было бы свой китель надеть на другого человека и послать его с Берестом, – спустя годы

заметит Неустроев, – но это шло уже против моей совести. Я считал себя обязанным делить все опасности и с лейтенантом Берестом, и со всеми остальными бойцами батальона...»

Этот эпизод из хроники взятия Рейхстага не преминул отметить в мемуарах и генерал Шатилов. Вот он перечисляет: «Делегация в составе Береста, его “адъютанта” Неустроева и переводчика рядового Прыгунова отправилась на переговоры». Казалось бы, какие еще сомнения – что было, то было. Но вот начштаба батальона искренне возмущен: «Это фантазерство Неустроева! На переговоры Неустроев не ходил...» Кузьма Гусев утверждает, что Береста сопровождали только два солдата – переводчик и связной. Неустроев же в это время находился будто «на командном пункте батальона в одной из комнат внутри Рейхстага».

Ох, незадача! Да ведь и командир полка Зинченко доподлинно вспоминает, как лично передал Бересту команду: «С вами за адъютанта пойдет Неустроев. Пока вы будете вести переговоры, он присмотрится, как лучше проникнуть в подвалы, если гитлеровцы не согласятся на капитуляцию». После переговоров, по словам Зинченко, Неустроев смеялся и рассказывал о «дипломатической миссии»: «Ну, товарищи, наш Берест – прирожденный дипломат!..»

То ли запаматовал Кузьма Владимирович Гусев, то ли еще что, но в воспоминаниях о последнем штурме он пишет, что полковник Ф. М. Зинченко, выслушав его доклад о боевой обстановке, «задал несколько вопросов, потом дал ряд указаний и ушел из Рейхстага обратно, в “дом Гимmlера”, на свой полковой командный пункт». А комдив Шатилов свидетельствует иное: Зинченко оставался в Рейхстаге и никуда не уходил: «Часы показывали около половины восьмого вечера. Я соединился с Переверткиным: “Товарищ генерал, Зинченко перенес свой энпе в Рейхстаг. Бой идет за второй этаж. Я назначил Зинченко комендантом Рейхстага”».

Вот ведь что получается-то.

...Корреспондент «Правды» М. Мержанов в дни штурма Берлина находился в расположении 79-го стрелкового корпуса и раз услышал историю, приключившуюся с начальником штаба батальона К. Гусевым еще на подходах к Рейхстагу. Подразделениям 150-й и 171-й дивизий предстоя-

ло одолеть реку Шпрее, чему мог послужить один только мост длиной в 50 метров и шириной менее 30 – мост Мольтке. На нем были видны надолбы, стальные ежи, баррикады, он простреливался со всех сторон. Все понимали, что это был последний мост войны, и вот в сумерках человек двадцать с автоматами по команде командира взвода лейтенанта М. Крутых бросились из разрушенного дома на тот мост. Крутых погиб. Но своим подвигом лейтенант открыл путь к Рейхстагу...

Так вот Гусев, как рассказывает о нем корреспондент со слов командира полка Зинченко, во время той переправы вроде бы тоже погиб. Однако оказалось, разорвавшийся снаряд только подбросил его в воздух, затем Гусев упал в воду. Нырнув неглубоко, он схватился за подводные ветки и всплыл. «Над его головой, на мосту шел жаркий бой, – пишет Мержанов. – Нужно было вылезать, но как? Берега Шпрее крутые и выложены гранитом. Он липкий, скользкий. Несколько раз Кузьма пытался выкарабкаться, но каждый раз срывался. Силы уходили, руки от холодной воды коченели, теряли подвижность и чувствительность. И вдруг в одном месте он увидел на откосе выбитую снарядами плиту и спасительную земляную выемку. Уцепившись за разбитый гранит, он влез на землю и там отдышался.

Затем вылез на берег, под огнем бросился к швейцарскому посольству, увлекая по пути солдат, а там, в подвале, встретился с комбатом Неустроевым. Тот долго глядел на человека “с того света” в мокрой одежде.

– Кузьма! – нерешительно, скорее испуганно и взволнованно, чем радостно, крикнул комбат, и они жарко обнялись...»

Эх, братья-славяне, братья-славяне...

За год до ухода из жизни Степан Неустроев все-таки увидел свою книгу-исповедь – такую, как подсказывала ему его совесть. «Русский солдат: путь к Рейхстагу» – так назвал ее комбат и выразил признательность за поддержку в издании книги кубанским казакам, генералу А. Сапрунову и мэру Краснодара В. Самойленко.

«Отгремели бои за Рейхстаг... Советские солдаты поздравляли друг друга с победой, обнимались, целовались, качали своих командиров, бросали в воздух пилотки и кричали “Ура!” – который уже раз комбат Неу-

строев проигрывал в памяти те давние дни и подводил итоги последнего штурма Великой войны: – Я построил свой батальон. Сильно поредели его ряды: из 450 человек в строю осталось 280...»

А всего в Берлинской операции потери составили 352 475 человек. Больше половины тех потерь было на 1-м Белорусском фронте.

Отшумели, упокоились, ушли в лучшие миры бойцы батальона Степана Неустроева. Как знать, может, в те памятные предмайские дни 1945-го их 22-летний комбат один из немногих и понял всю бессмыслицу приказов «любой ценой» и такой ценой обретенного к празднику флага над крышей. Как знать, может, лихой капитан, весь израненный за войну, с орденами от плеча до плеча, пустил пару теплых словечек в адрес творцов приказа № 06 да ахнул кружку трофейного шнапса!.. Что до Победы, то она завершилась бы и без фанфар, без того приказа.

Спустя годы – уже без знаменитых полководцев и комиссаров – развалом великой державы и расстрелом народных депутатов, забастовками и протестами тысяч людей, в том числе ветеранов войны, сурово и неотвратимо встал вопрос: «Так кто же победил в той войне?»

Тогда, в 45-м, подобная мысль никому бы и в голову не пришла. В Кремле пили за – великий русский народ...

P.S.

Здесь, друзья, я приведу несколько писем победителей, кто оставил свои автографы на Рейхстаге. Их имена старушка Европа давно позабыла. Да и у нас кремлевские чинуши, сытые да поенные партократы со времен «царя Никиты» только обещали: то «коммунизм» через 20 лет, то чудо – перестройку и жизнь с молочными реками и кисельными берегами. А при Ельцине торгаши и спекулянты – опора реформаторов – открыто кричали: «Если б не ваша победа, мы давно бы пили баварское пиво!» Дожили...

В приводимых письмах я ничего не убирал и полностью сохранил авторскую орфографию.

«Мой путь до рейхстага был прост, – вспоминает ветеран-фронтовик Петр Шевцов. – До войны проживал я в Пушкино, в зверосовхозе. Родился в Рязани в двадцать третьем году, 22 июня. В сорок первом,

1 июля подал заявление и добровольно пошёл на фронт. Попал в 17-ю Московскую дивизию ополчения в кавэскадрон разведки. Под Любаныю в начале августа получил первое крещение огнем. 3 октября попал в окружение, вышел из него в Москву 29 октября и обратно пошел на запад. Нарофоминск, Можайск, Темкино, Ржев. Под Орел. Опять Вязьма – там ранило 28 ноября сорок второго. Госпиталь. В апреле попал под Спасдемянск. Наступать стали. В августе дошел до Белоруссии. 12 октября сорок третьего участвовал с первой польской дивизией под Ленино. Ранение получил. В декабре – Витебск. Оттуда послали в военное училище в Красноярск, потом Тамбовское самоходное – с марта по сентябрь. Формировка в Пушкино. Правда, дома был целый месяц, как во сне. Потом фронт. На Варшаву. Первый город Германии – Арнцвальд, за ним Франкфурт на Одере, Шверин, Берлин. Расписался на колонне рейхстага 1 мая в 11 часов дня и пошел дальше, на Эльбу. Там выпустил последний снаряд 3 мая в 21 час. До победы шесть дней не воевал – не с кем было. Встретились с союзниками. 15 сентября 1945 демобилизовали по ранению, их у меня 5. Потом приехал домой в Пушкино, в зверосовхоз. Работаю здесь плотником. 23 года будет на одном месте. Все хорошо. У меня жена, дочь уже работает. Пошел рядовым разведчиком, окончил войну старшиной, командиром САУ-100. Орден Красной Звезды, Отечественной войны. 2 медали “За отвагу”. Москва, Варшава, Берлин. Победа. 20 лет. 50 лет. От Орловской области до Ржева на пузе все исползал».

Петр Шевцов

Вот и весь сказ о пережитом. Вся человеческая жизнь. Не убавить – не прибавить.

«...Ето было утро 30-го Апреля 1945 года я и сечас немогу и описать каким чудом нас несколько бойцов по подвалам по закоулкам берлина горел и был вес в дыму мы в окна подвала очутились в доме Гимлера полетели гранаты и затрешали автоматы мне в детстве не приходилос играть в войну в потемках а там была настояшия воина да притом в слепую и в собственном доме Гимлера сколько там был бой я не могу сказать но там мы их наложили и не сосчитать я израсходовал все три диска на второй этаж я вместе с младшим летинатом Алексевым которой только что догнал часть с резерва фронта и прямо вступил в бой он

был высокова роста и по всему красавец мужчина он старше мене на два года. На втором этаже из большова зала мы увидели кумпол Рехстага вокруг все гремело враг бежал в окна он стрелял им в спины с пистолета и я одиночными выстрелами был их без промаха дом Гимлера был очишен от С.С. и наш штаб разместился в нем время было пять часов дня но етот день был как будто бы вечностью. Младший летинат доложил после боя о своем прибытии в часть ему дали взвод и вот туту нас всево осталос 18 гвардеицев нас построили и объяснили всю обстановку подполковник Самсонов и все командование штаба зам полит сказал чтобы 1го мая знамя победы развевалос над рехстагом вы дошли до Берлина и вы ето зделайте в строю я стоял второй ко мне подошли Петров он тогда был маер и вручил мне Красное полотнища и сказал дойдеш до рехстага будеш герой я ответил служу Советскому Союзу и дойду и вот я хочу вам товарищи описать ету дорогу они была небольшая не бояс за свою еще молодую жизнь а мне было тогда 20 год со стороны рехстага бил немецкий пулемет мой командир роты обнял меня пожелал мне успеха и пожал руку и сказал ну сержант немалой путь я прошел с тобой и теперь ты идеш в послдений штурм рехстага около дома Гимлера подошел наш танк 34 из окна дома танкисты подавали боеприпасы по фашистам удалос зади на бежали еще двое рядовой Носов и Дорошенко вскочив в рехстаг там было темно мы бросилис в правую сторону здания и завязали бой он был короткий но жестокий Дорошенко сраженный пулей умер ему пуля попала в голову а Носов был вес изранен а нам удалос ворватся в середину зала и в ето время еще ворвалис несколько бойцов пробежав по леснице мы с Алексеевым очутилис на чердаке рехстага и мы попали как в мышиловку на чердаке в углу стоял ящик с песком и лифт а над лифтом кумпол рехстага лифт оказался в железных прутьях и не чем было их взломать начал подниматся дым нечем было дышать одно окно занял мл.летинат на площад рехстага а я с другой стороны рехстага в середине здания горел огонь кто зажег там мы не видели трижды я пытался пробратся по лифту на крышу но через узкие отверстия я не как не мог пролезть время шло я взглянул в окно а со двора все видно и я увидел из люка выбегают фашисты вот туту я яво поджег фаустом и он запылал началис рватся патроны и вот в ето время мы с младшим летинатом воспользавшис дымовой завесой выскочили из Арки дома Гимлера прямо на открытую площад кругом все гремело я ничего не сображал и знал одно

что у меня под гимнастеркой стяг победы и не обрасчая на стоны раненых по пластунски и короткими перебежками очутились недалеко от ленице и калон входа в рестах Алексеев мл. летинат огляделся и сказал что нам удалось только двом проскочить эту площадь а она как я помню от дома Гимлера небольшие петсот метров да рехстаг был тих и мрачен было уже темно но стрельба не прекращалась и знаете как было страшно и жутко там было неизветно что Алексее вскочил схватил меня за руку и мы вместе пробежали лесницу и в то время под градами пуль нам и в голову не пришло на ту колонну что стоит на левой стороне рехстаге написать свои фамилий и писали они позже, при беге по леснице мы оглянулись и начал их оливать потом все стихло и вдруг с зади с низу по лестнице к нам прибежали трое двое рядовых а третий был капитан Неустроев я узнал его позже он осмотрел все и выглянул в окно и сказал смотри в оба и чтобы муха там не пролетела и скрылись вниз и опять из люка выскочили я дал оередь и вот что я никогда не забуду из люка показалась женская голова волос был белой и красивой она была одета в сесовский костюм на мгновенье я зажмурил глаза и кто-то длинной автоматной очередью пришил ее к земле и после етого больше не кто непо-являлся нам было хорошо видно как трое полезли на кумпол рехстага и мл.летинат мне сказал ну сержант достал блокнот и чтото быстро написал и дал мне и я быстро выскочил с чердака где все трешало и гремело при выходе спускаясь по леснице раздался сильной взрыв я не знаю куда меня забросело и что было со мной в это время очнулся в то самое время когда над рехстагом развивалось красное знамя победы около меня стоял ротной старшина и капитан. Я вернул им тот стяг и сказал что задание не выполнил но он сказал мне ты сделал свое дело молодец но я ничего не собирал да мне было тяжело смотреть на его но что сделаешь война есть войной и на ней все случается здес были старший летинат командир роты Манаев маер Суботин и остальные меня на носилках положили на повозку в то самое время армия дала салют к небу полетели пилотки сперва я думал это поднялись птицы но потом догадался это солдаты трожествуют победу а меня в повозке отправили в санбат потом в город Найрупин за 60 километров от Берлина туда мне пришли документы одну грамоту лично от Жукова за Штурм рехстага и две от Сталина за Одер и Взятие Берлина. Прошло много лет я много читал книг за это время но нигде не встречал имена тех кто были в рехстаге

первыми а написать свою фамилию это было не так трудно когда они писали то уже несвистели пули и не рвалис фаусты... вот что я написал это немного и все не опишеш ведь я не поет а просто написал о том что в рестаг мы взошли первыми а они пришли позже нас и я видел как они водружали в них уже никто не стрелял скоро наш праздник в этот день я бывал часто в сквере напротив Большова Театра в день победы а в этот я несмогу быть и мой адрес не очень красивой я нахожус сечас город Медынь Кал.области п./я. 55/4. Родился я в Москве в 1925 году но сечас меня нет в любимой столице».

А. Е. Овчинников

«Когда были в берлини, я как сейчас помню здание Название его мне неинтересовало а если слышал то помоей памяти, я немог их запомнить до настоящего момента. Но когда прочел вашу статейку То мне вспоминается все прошлое Это повидемому было здание Реххстага там до нас было много начертано подписей. Сольдат Хромов у мене взял немецкий штык и стал сертит надпис, как сейчас в глазах его надпис, он писал смерт немецким захвачикам, подпись свою написал крупными буквами ХРОМОВ, и почемуто по мельче поставил мое фамилие Гнездилов, я даже немного душевно признаюс был не доволен етим. Но успокоил себе тем, что нам было некогда, мы выполняли задание, После того вскоре мой друг погиб».

Г. Гнездилов, Башкирская АССР. Кумертау

«Мне в составе войск, штурмовавших фашистское логово – Берлин, – довелось участвовать в штурме и, больше того, оставить следующую запись на одной из стен внутри рейхстага: “Мл. лейтенант Куралесин Владимир Николаевич, рождения 1923 г. ”

Пахло смрадом, гарью. Внизу стены было написано то, чего не следовало бы писать... Для чего нужно было писать нецензурно? Хотя в то время было не до цензуры. Собрав трупы фашистов, сложив их поленницей, я взобрался на них и сделал вышеуказанную запись».

В. Куралесин, Пензенская обл.

«Я был утром 3 мая 1945 г. в рейхстаге. Тогда я занимал должность адъютанта командира минометной бригады... Я с полковником поднялись

на второй этаж, немного побродили. Полковник говорит мне: “Давай, адъютант, оставим здесь какую-нибудь память”. И мы решили оставить свои автографы. Написали мы карандашом такие слова: “Полковник Колесник П. И. и младший лейтенант Мутагаров Р. М. 3 мая 1945 г.”

Когда стали уходить, полковник мне говорит: “Но, адъютант, что еще оставим на прощанье?” Вы думаете, что мы оставили на втором этаже рейхстага на память? Хотя неудобно, но напишу: оправились оба по легкому и ушли. Вот и все».

Мутагаров Рашид, Башкирская АССР

А вот такое письмо:

«Это пишет вам Канакин Борис Федорович. Рождения 1926 г. 1 мая. села, героя СССР А. Е. Махалина Пензенской области Кузнецкого района.

Я помню, как тяжело, далась, нам, победа, эта, но и знаю, цену, жизни и сейчас, и был у рейстага в 1945 г. и лишь не типерешное время!.. Но, я все-же, мечтаю встретить, своих, боевых друзей, лишь им рассказать, как можно, прожить и это, было прожито и действительно!.. Вы извините, меня, что я был, около, рехстага, в 1945 г. 9 мая, и поставил, роспись, лишь, такую, что “вывроченная, бы псина, родила бы, тебя, снова”. В те моменты когда совесть чеснее, и радость, в людях, от всего, пережитого к нам людям, вы наша Страна, очень дороже!

Моя Победа, родилась, в труде, а на войне, под бомбежкой и переживанием, за родину, я лишь, горд, что, мы с города Зольдин, штурмовали, город Берлин, а росписи ставили, сами, каждый за себя!.. Помню все, те места, и свою роспись, в присяге и на рейстаге 1945 г. 9 мая! Но, только, уж нимного обидно, за то, что, дом, все, мой стоит, все землянка, и вот, вот крыша, упадет в селе Махалино... А очередь, все, на труд и на мир и на свободу и на братство все не приходит».

Б. Ф. Канакин Пензенская область

Письмо это Борис Федорович Канакин писал давно. Не знаю, дошла ли очередь у солдата на «свободу и равенство...» Вот для землянки его в Берлине – ой, сколько материалу было! Та же крыша: собрать с рейхстага – на все бы Махалино хватило.

Что стоит «неизвестный солдат», если он жив...

БЫЛИ-НЕБЫЛИ О СКАКУНЕ ДЛЯ СТАЛИНА

Вот уж потешили себя на эту тему расейские либералы, вот уж посмешили народ! В 1994 году – это уже после заговора «лесных братьев» в Беловежской пуще и после расстрела Верховного Совета – вышла в свет книга В. Карпова «Маршал Жуков. Опала». В предисловии к этой «литературной мозаике», как определил свое творение автор, отмечает достоверность собранных им источников, а «обилие выдержек, цитат, рассказов свидетелей и очевидцев событий, благодаря прямому общению автора с читателями, не затрудняют их понимание, а усиливают и создают духовную доверительность».

Вслед за книгой наша главная военная газета «Красная звезда» под рубрикой «Были-небыли» опубликовала отрывок из нее. На первой полосе большими буквами заголовка «Как Верховный коня укрощал» газета, надо полагать, тоже старалась усилить и создать «духовную доверительность» с читателями.

Незаметно пролетело уже больше 20 лет. За эти годы о Сталине и о параде в честь Великой Победы писано-переписано и, к вящей радости пропагандистов от демократии, переписывается «быль-небыль» книженции В. Карпова. Хор мальчиков-фарисеев любим кремлевским начальством, поддерживается им, только вот «духовная доверительность» от этого лучше не просматривается. Напротив. Яркий публицист, один из последних писателей-фронтовиков Владимир Сергеевич Бушин, разбирая писание Карпова, главу, где речь идет о Сталине и об известном параде, без глубоких реверансов в сторону «мультилауреата» назвал по-солдатски прямо: «Минное поле клеветы!» Отправимся вслед за бесстрашным сапером.

Вот Владимир Сергеевич цитирует Владимира Васильевича: «Парад намеревался принимать Сталин сам. Об этом стало известно позднее

от Василия Сталина, который в кругу собутыльников разболтал тайну отца». Бушин откровенно признается: «Видит Бог, я долго не хотел опровергать ее – несуразную, малоумную, высмеивающую Сталина байку о том, будто он непременно хотел сам принимать Парад Победы на борзом коне, но не совладел с конем и только поэтому поручил принимать Парад маршалу Жукову».

Писатель Карпов по этому поводу не без иронии восклицает: «Какое благородство! Какая скромность! Какое уважение к Жукову...» А Владимир Бушин прикидывает, сколько же человек могло знать «тайну отца», которую запросто разболтал Василий Сталин: «Круг собутыльников, это, надо полагать, по меньшей мере, человек десять. Кто же были эти собутыльники? Назови хоть одного! Не может... А когда разболтал? Неизвестно... И каким образом от собутыльников “тайна” дошла до мультилауреата Карпова? Молчит... Да ты, сердцевед, за кого же нас держишь?» (http://thelib.ru/books/bushin_vladimir/na_sluzhbe_otchestvu-read-12.html).

Отношение отца Василия к гордому имени «Сталин» было особое. С давней поры за ним стояли мужество, несгибаемая воля и честь революционера, борца за лучшую долю бедных и гонимых людей. Им Иосиф Виссарионович отдал молодость, проведенную в тюрьмах, ссылках, бесконечных преследованиях жандармов, – лучшие годы жизни.

Однажды ему стало известно, что Василий в школе хулиганит, порой бездумно бравировает доставшейся от отца фамилией. «Запомни, – строго наказал Иосиф Виссарионович сыну, – ни ты, ни я Сталин, – и показал на висевший у Василия свой портрет: – Вот он Сталин...»

Уже пройдя войну, закаленный в боях генерал, Василий Иосифович, как и все фронтовики, понимал, что боевой клич «За Родину! За Сталина!» был не дежурной фразой, вроде той, придуманной Марксом и обязательной для всех газет: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Призыв «За Сталина!» был как знамя, как звуки боевой трубы, ведущие к Победе. А разве не так же «За Веру, Царя и Отечество» ходили в жаркие сечи и наши пращуры, русские чудо-богатыри?..

Василий любил отца. Но, зная его твердый характер, по-особому требовательное отношение к себе и всем своим близким, он и побаивался его.

Не с чых-то слов, не по досужим ссылкам-вымыслам – «Одна баба сказала» – знала Иосифа Виссарионовича жена Василия, его верный друг, Капитолина Георгиевна, проще Капа. Она встречалась со Сталиным в домашней обстановке, на отдыхе, порой и на посиделках вождя со своими единомышленниками. Здесь не место передавать памятные разговоры, по-отечески добрые и ненавязчивые советы Сталина своей невестке. Умудренный жизнью человек, познав русскую душу без этого, с трудом скрываемого подергивания – где уж нам уж, – Сталин с легкостью, как-то сразу принял Капу – будто век были знакомы. Так что Василий, решая свои проблемные дела, порой пользовался таким отношением Сталина к Капе и уговаривал ее: «Ну, иди к отцу. Объясни. Он тебя послушает...»

Так, например, состоялся разговор Сталина с Капитолиной Георгиевной, неоднократной рекордсменкой страны по плаванию, о строительстве спортивных сооружений перед Олимпийскими играми. И когда Капа узнала, что Василий якобы был с отцом в Манеже, видел, как он носился там на арабском скакуне да упал с него, она возмутилась: «Какая нелепость! Иосифу Виссарионовичу тогда было 65 лет. Он никогда не владел конем – у него с детства была сломана рука, и, на тебе, писатель пишет, что Сталин надумал покрасоваться перед народом на белом коне. Уж я-то знала бы о том эпизоде. А Василий – разве он мог нести такую чушь о своем отце! Он не сплетник – никогда не доходил до такого, даже о своих женах никогда не говорил плохо. И с Жуковым Василий никогда не был в приятелях, чтобы еще и ему выставить отца в таком виде...»

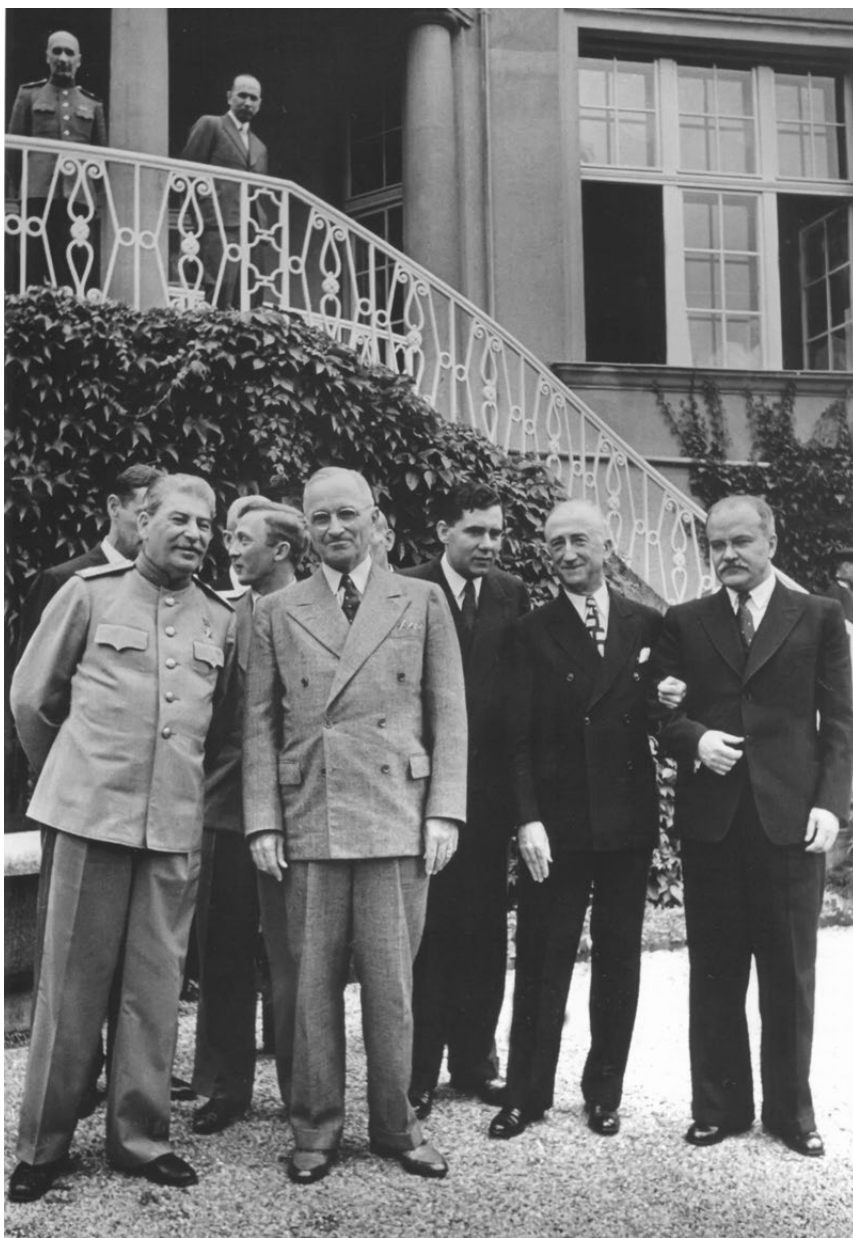
За годы работы редактором военно-мемуарной литературы мне довелось встречаться со многими современниками и друзьями Василия Сталина. На книжных полках остались их воспоминания, к которым, как редактор, я имел прямое отношение. А это не только тысячи страниц исповедей от начала войны до победного парада, но порой крутые откровения с оговоркой «не для печати». Так вот ни от известных военна-

чальников, ни от лихих пилотяг – однополчан сына Сталина – о приключениях на Манеже я не слышал.

Читаем, однако, писателя Карпова, якобы по рассказу об отце Василия: «...Ночью, когда в Москве и в Кремле все спали глубоким сном, Сталин в сопровождении только самого доверенного – начальника личной охраны генерала Власика (который был его ординарцем еще под Царицыном) – отправился в манеж. В этот вечер на квартире Сталина был Василий, который увязался за отцом (если бы не он, мы бы не узнали многих подробностей, да и вообще об этом эпизоде из жизни вождя – Власик умел держать язык за зубами).

В манеже горел полный свет, недалеко от входа стоял белый конь, которого держал под уздцы коновод. Сталин подошел к коню, потрогал седло, не без труда занес ногу в стремя. Власик поспешил, было, ему на помощь, хотел подсадить, но Сталин тут же остановил его: “Не надо, я сам”. Затем он сильно оттолкнулся от земли правой ногой и грузно плюхнулся в седло. Конь от такой неумелой посадки запрядал ушами и стал перебирать ногами. Чтобы не свалиться, Сталин пытался удержать себя в седле, сжимая крепкие ноги. А конь, понимая это по-своему, горячился и пошел боком-боком, отчего седок сполз набок и стал падать. Коновод, Власик и Василий кинулись на помощь и не дали Сталину рухнуть на землю. Но все же он из седла вывалился и повис у них на руках.

Встав на ноги, Иосиф Виссарионович недовольно крутнул плечами, освободился от поддерживающих рук, сердито буркнул: “Отойдите”. Он был упрям! Злость закипела в нем, решил показать этой строптивой лошади свою твердость. Вновь вставил ступню в стремя и на этот раз более решительно взлетел в седло. “Дай”, – сказал коноводу и взял у него поводья. Сталин зло натянул повод и ударил ногами в бока лошади. Хорошо обученный конь не понимал седока: натянутый повод приказывал стоять на месте, удар ногами посылал вперед. Конь “заплясал”, перебирая ногами, и опять пошел боком-боком. Сталин еще раз дал ему, как говорят кавалеристы, шенкеля, и конь устремился вперед тряской рысью. Проехав с полкруга, Сталин попробовал выпрямить спину, обрести гордую осанку, но, видно, при этом неловко надавил каблуками



И. Сталин и Г. Трумэн (на переднем плане). Июль 1945 г.

в бока лошади, причинив ей боль, и она нервно вскинула задом, отчего Сталин тут же вывалился из седла.

Приближенные кинулись ему на помощь. Они подняли его, принялись отряхивать опилки с его одежды. Сталин держался за плечо, он ушибся довольно сильно.

– Нет, это не для меня, – махнув рукой, сказал Иосиф Виссарионович и вернулся на квартиру...»

Да, Василий донес манежный эпизод своим «собутыльникам» с такими деталями, таким художническим мастерством, которые не под силу не только выпивохам, но и не всякому писателю – «инженеру человеческих душ».

Вот он дает диспозицию сторон, настраивая корешей-собутыльников на увлекательный рассказ про своего папашку. Значит, ночь. «Дорогие мои москвичи» и все, кто ни наест в Кремле – охрана, чекисты, их сторожевые псы, – дрыхнут без задних ног. Так что самый момент пробраться в тот манеж незамеченным. Василий, конечно, знал, что только отец работал по ночам в Кремле, чем основательно досаждал наркомам да генералам – в любую минуту мог вызвать по государевым делам. А тут тихонечко, на цыпочках крадется в «компанию на троих» в помещение манежа.

Василий не торопит рассказ. Он вводит, казалось бы, второстепенные детали – замечает, какой свет был в манеже, где стояла лошадь, уточняет, что не на привязи она была, а держал ее под уздцы коновод. А как же, после третьего стопаря это страшно интересно послушать.

Но вот Сталин подходит к белому коню. «Потрогал седло, не без труда занес ногу в стремя» (это уже потом «собутыльники» будут пересказывать писателю). И манежные события закрутились! Рассказ «по секрету», надо полагать, увлекал слушателей такими подробностями, что уже вся компания до слезы переживала за всадника.

Вот он «сильно оттолкнулся от земли правой ногой и грузно плюхнулся в седло». Ну, то, что, сядя на коня, отталкиваться надо правой ногой, – это и дураку понятно. Василий мог бы об этом и не рассказывать. Левая-то нога в стремени. А вот то, что седок «плюхнулся в седло», – тут

только руками развести да ахнуть! Такое не всякому под силу. Новичку в конных делах на коня-то впору по самолетной стремянке забираться. А тут 65-летний генералиссимус так оттолкнулся от земли, что взлетел над жеребцом, высота в холке которого около трех метров. Это же почти арабское сальто с пируэтом! Силен старик...

Ну, да ладно, «плюхнулся» так плюхнулся. А вот дальше подлец – это конь арабского-то происхождения – такое вытворял, хоть матом крой. И «ушами прядал», и «ногами перебирал». Седок, как передает писатель со слов «собутельников», «пытался удержать себя в седле, сжимая крепче ноги. А конь, понимая это по-своему, горячился и пошел боком-боком...» Писатель и дальше будет рассказывать, как горячая арабская животина, хоть и хорошо обученная, ни хрена не понимала Сталина и опять «плясала», перебирая ногами, и опять все ходила «боком да боком». Ну, как тут не выпить!..

Рассказ Василия Иосифовича, точнее писателя, заканчивался на грустной нотке. Та бестолковая лошадь «нервно вскинула задом», и отец упал... Честная компания рыдала от такой истории, материла животину, а заодно и тех, кто подсунул ее товарищу Сталину.

А минное-то поле писателя Карпова еще представляло опасность. Строки убойной силы он приберег и шарахнул под занавес своей книги. Шутка ли, в прошлом разведчик, Владимир Васильевич добрался до рукописи самого Жукова, в которой также повторялся манежный эпизод. Правда, его из «воспоминаний и размышлений» маршала кто-то якобы вычеркнул. Зачем? Разве не повод кавалерийским наскоком еще раз пройти по имени Сталина? Вот писатель-разведчик всего-то в двух газетных колонках, а как лихо разбросал минные-то растяжки на пути к истине:

«Он был упрям! Злость закипела в нем...» «Сталин зло натянул повод и ударил ногами в бока лошади». «Сталин настойчиво рекомендовал Жукову именно того коня, с которого сам свалился. Он знал, что дисциплинированный Жуков не может пренебречь его рекомендацией, и, может

быть, втайне надеялся, что с маршалом произойдет такой же, как и с ним, казус и Жуков всенародно опозорится».

Минное поле наветов, хитросплетений и домыслов о величайшем из руководителей нашей страны решительно преодолевает фронтовик Владимир Бушин. Вот он пишет: «Все это чушь зеленая. Такое мог сочинить только человек, люто ненавидящий Сталина и не имеющий ни малейшего представления о том, что это такое – Сталин. Когда я рассказал Александру Проханову про эту чушь, он заметил: “Мне легче представить в седле Надежду Константиновну”. И был, пожалуй, прав».

С солдатской прямоотой Владимир Бушин пишет о разговоре с Карповым по поводу всего этого эпизода в книге Жукова: «В помянутый день 1 марта 1997 года я спросил Карпова, откуда он взял эту манежную историю. Он ответил, что, пользуясь высоким положением члена ЦК и 1-го секретаря Правления Союза писателей СССР, имел доступ к бумагам умершего маршала и среди них обнаружил вот этот рассказ Василия. Сокращения текста жуковских воспоминаний, конечно, могли быть, были, и очень вероятно, что при восстановлении в десятом издании (1990 г.) сокращенных мест Карпову, пользуясь своим высоким положением, удалось вставить эту самую манежную байку, которую сам и выдумал».

Интересно сравнить пересказ писателем Карповым то ли «собутыльников» Василия Сталина, то ли его самого о том, как «Верховный коня укрощал», и встречу в дни подготовки к Параду Победы капитана Карпова и маршала Жукова.

Значит, на аэродроме, где шла предпоследняя репетиция, на белом коне является Георгий Константинович. «Обычно он здоровается и приветствует...» – тут писатель рассказывает, как маршал оказался рядом с ним и его лошадь «затанцевала» на месте. У Сталина тот арабский скакун «заплясал» – там наездник оказался неопытный, а с Жуковым-то что выплясывать?

«Жуков крепко держал повод, но конь стал еще более нервно перебирать ногами и почти коснулся меня горячим боком». Опять двадцать

пять! У Сталина конь «горячился» и «перебирал ногами» и у Жукова «нервно перебирал ногами». Что он, танец маленьких лебедей разучивал? Одному кавалеристу давно на седьмой десяток перевалило, а другому-то всего 48. В чем дело-то? Может, жеребец просто психоватый был? И там, и тут нервничает, горячится, ногами перебирает... В «былях-небылях» читаем, как неловкого седока он «вскинул задом» и тоже «нервно». Да почему нервно-то? Может, с радостью – легче стало!

Мина замедленного действия, о которой долгие годы молчал литератор-разведчик, конечно, рванула. Но, мнится мне, ни Василий Сталин, ни жеребец белой масти здесь вовсе не причем.

«По сведениям Карпова, – пишет Владимир Бушин, – знали манежную историю: Сталин, Жуков, Буденный, Власик, Василий, человек десять его собутыльников, несколько работников Манежа и, конечно же, знакомые, близкие многих из них. Наверняка это сотни людей. И пять-десять лет все, кроме любящего сына, хранили молчание, история никак не распространилась, и вот только разведчик Карпов выведал, поймал и привел...»

Что еще мог узнать читатель, миновав минное поле литератора Карпова? Прежде всего, то, что в мае 1945 года Сталин перенес второй инфаркт – первый был в феврале. Самое время жеребцов укрощать! Вот что писал об этом немецкий врач, профессор медицины Антон Ноймайр:

«Первое официальное упоминание о гипертонии у Сталина относится к февралю 1945 года, времени проведения Ялтинской конференции. К этому времени относятся первые субъективные жалобы на головную боль, шум в ушах, состояние головокружения, сопровождающиеся легкой тошнотой. Как это часто бывает у лиц, страдающих гипертонической болезнью, поводом для подобных явлений послужили, скорее всего, психические перегрузки, вызванные сложными переговорами с партнерами по конференции.

Насколько силен был перенесенный Сталиным стресс, показывает серьезное состояние его здоровья по возвращении в Москву: к описанным выше симптомам прибавилась сильная устойчивая боль в области сердца и под грудиной. У него возникло ощущение, что его грудь зата-

нута, – типичные симптомы приступа стенокардии. Приглашенный для консультации кардиолог профессор Мясников на основании этих симптомов и резкого снижения кровяного давления (угрожающий симптом у больных гипертонией) высказал предположение о том, что у больного имел место инфаркт. Кардиограмма, снятая немедленно, подтвердила это предположение, показав, что произошел ограниченный инфаркт верхушки сердца. Уже через несколько недель, в мае 1945 года, имел место повторный ограниченный инфаркт...

За несколько дней до начала Потсдамской конференции в июле 1945 года у него произошел третий инфаркт, который, как и предыдущие два, держался, естественно, в строгом секрете».

Посмотрим, что дальше скрывалось за минным полем литератора-разведчика. Вот из воспоминаний генерала армии С. Штеменко: «Через несколько дней после подписания победного приказа Верховный Главнокомандующий приказал нам продумать и доложить ему наши соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией.

– Нужно подготовить и провести особый парад, – сказал он. – Пусть в нем будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск. Хорошо бы также, по русскому обычаю, отметить победу за столом, устроить в Кремле торжественный обед. Пригласим на него командующих войсками фронтов и других военных по предложению Генштаба. Обед не будем откладывать; чтоб его подготовить, хватит дней десять-двенадцать.

На другой день в Генштабе закипела работа. Были созданы две группы: одна вместе с Главным политическим управлением готовила списки лиц, приглашаемых на торжественный обед, а вторая всецело занялась парадом».

И вот 24 мая. В Кремле в честь командующих войсками Красной Армии члены правительства, деятели народного хозяйства, науки, культуры, литературы и искусства произносят тост за тостом. В зале становилось все шумнее, и тогда с бокалом в руке поднялся Сталин. Наступила

мертвая тишина. Сталин произносил здравицу за великий Русский народ. С тех пор о русских доброго слова никто не сказал. А тогда свою историческую речь Сталин начал так:

– Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа...

На эти слова зал победителей ответил криками «ура» и бурей оваций.

– Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза, – продолжал Сталин. – Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...

И тут Сталин произнес слова, на которые решиться мог только честный и мужественный человек, вставший у руля великой державы:

– У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидая родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!..»

Авиационный конструктор А. Яковлев пишет, что речь Сталина постоянно прерывалась долго не смолкающими овациями, поэтому его ко-

роткий тост занял чуть ли не полчаса: «Наконец, Сталин не выдержал и засмеялся:

– Дайте мне сказать, другим ораторам слово после предоставим. Все выскажутся.

Новый взрыв аплодисментов и криков “ура!”. Свое выступление Сталин закончил словами:

– За здоровье русского народа!»

В тот день, 24 мая, работники Генштаба доложили Сталину соображения и расчеты парада в ознаменование победы над Германией. Генерал армии Штеменко так передает разговор с Иосифом Виссарионовичем: «Наши предложения он принял, но со сроками подготовки не согласился.

– Парад провести ровно через месяц – двадцать четвертого июня, – распорядился Верховный и далее продолжил примерно так: – Война еще не кончилась, а Генштаб уже на мирный лад перестроился. Потрудитесь управиться в указанное время. И вот что еще – на парад надо вынести гитлеровские знамена и с позором повергнуть их к ногам победителей. Подумайте, как это сделать... А кто будет командовать парадом и принимать его?

Мы промолчали, зная наверняка, что он уже решил этот вопрос и спрашивает нас так, для проформы. К тому времени мы уже до тонкостей изучили порядки в Ставке и редко ошибались в своих предположениях. Не ошиблись и на сей раз. После небольшой паузы Верховный объявил:

– Принимать парад будет Жуков, а командовать – Рокоссовский...»

В конце мая все работники Манежа были заняты поиском для маршала Жукова белой лошади.

Полковник И. Ф. Бобылёв, бессменный вице-президент Федерации конного спорта СССР, профессор, член-корреспондент Академии ветеринарных наук, рассказывает, как в Манеж приехал начальник Генерального штаба генерал А. И. Антонов и дал указание искать коня серебристо-белой масти, что с незапамятных времен символизировало Победу и Славу.

– Давайте смотреть ваших белых лошадей, – после сообщения о предстоящем параде предложил начальник Генштаба, и ему вывели двух коней

стрелецкого происхождения. Целебес и Цветок, превосходно выезженные начальником Манежа Иваном Дулинцом, были послушны под седлом, безупречны по движениям, но мелковаты ростом. Специалисты-конники единодушно заключили, что для маршала Жукова по такому торжественному случаю необходим конь более крупный.

– Вот вам четыре, максимум пять дней на решение этой задачи, – заключил генерал армии А. И. Антонов и с тем уехал.

Полковник Бобылёв рассказывает, как нелегко дались тогда поиски подходящего коня белой масти. Хороших лошадей находили и в кавалерийских частях, и в Высшей кавалерийской школе, и на ипподроме, и на Московском конном заводе, и в кавалерийском клубе ДОСААФ. Всюду смотрели – как невесту выбирали лошадь, подходящую для Жукова, но ни одна из них высоких специалистов конного дела не устраивала...

Остался кавалерийский полк КГБ – последняя надежда многотрудного поиска. Полк располагался тогда на Хорошевском шоссе. Командовал им полковник П. И. Литовченко. Он-то и показал дивного коня белой масти. Кумир, так звали лошадь, которой суждено было участвовать в Параде Победы, всем понравился. Остались довольны после его осмотра и маршал Буденный, и начальник Генштаба Антонов. Тревожило одно – придется ли по душе белоснежный Кумир строптивому маршалу.

Игорь Федорович Бобылёв не без оснований замечает, что Жукова все боялись. «Во время тренировки Жукова, – вспоминает он, – никто другой в Манеже не ездил, громких разговоров не велось, шуткам не было места. В первый же день Жуков, слезая с Кумира, увидел на голенищах своих сапог едва заметную белизну и сразу же сделал мне строгое замечание, больше, правда, взглядом и перстом, чем словами. Естественно, я вытянулся по швам и извинился. Жуков, не прощаясь, уехал из Манежа...»

Что же случилось? Чем было вызвано явное недовольство маршала и то его замечание – «взглядом и перстом»? Оказывается, Кумира, перед тем как представить Жукову, мыли под теплым душем. «И... – признается Игорь Федорович, – переусердствовали – от теплой воды эпидермис кожного покрова начал шелушиться. После упрека Жукова мытье Кумира

кончилось. Мы начали его чистить с использованием березового угля». Хорошо хоть не парить березовым веником!..

Короче, приключившаяся в Манеже беда – «едва заметная белизна» на голенищах сапог маршала, так испортившая ему настроение, – больше не повторилась. За эпидермисом Кумира бдительно следил лично Бобылёв – профессор, член-корреспондент Академии ветеринарных наук Франции.

Верно служил людям белоснежный красавец с большими выразительными глазами, по-доброму смотревшими на всех. Бархатные губы Кумира тянулись к рукам каждого, кто подходил к нему. А пишут, что он только и норовил, как бы навредить кому – отравить ноги, брюхом толкнуть. Будто носился он по Манежу, словно угорелый, а еще – будто его подослали с тайным заданием – сбросить на бульжники Красной площади самого Жукова! Он, конечно, конь не простой – кагебешный, но до такого додуматься?..

Словом, не мог постоять за себя Кумир, свидетель – да что свидетель – участник исторического торжества русской воинской славы! У людей-то есть неписанный, ничьей волей непреодолимый закон бумеранга, который, известно, возвращается. И от зла летит зло, от добра – добро. Вот те же реформаторы-перестройщики великой державы Горбачев, Ельцин, Яковлев, Гайдар, Чубайс, Бурбулис, Черномырдин, Старовойтова, Волкогонов... Где они? Что стало с ними?

Одних уж нет, а те далече... В трубках телеэкранов кое-кто еще мелькает. Всмотритесь, какие у них опустошенные холодные глаза. Побывав на Олимпе власти, очумев от вседозволенности, богатств, они прячутся под защиту охранников-бультерьеров, но бумеранг возвращается... Так было и так всегда будет.

Однако это у людей. А Кумир – он был хоть и царских кровей, но все-таки лошадь. Правда, однажды, еще при его жизни, произошло такое, о чем невольно задумаешься. Дело-то для лошадей, казалось, немудрящее – опять парад с музыкой, приветствиями, криками «ура». Только случилось это не в белокаменной, а на Урале, в Свердловске. Миру неизвестный коняка Иман сбросил-таки с себя Жукова! Это произошло в са-

мый ответственный момент, когда опальный маршал, привычно крутой, картинно торжественный, приготовился слушать рапорт командующего парадом. Иман вдруг решительно вздыбился – «встал на свечу» – и выждал, пока седок не рухнет с его мощного крупа. Пришлось маршалу вынужденно приземлиться да снова залезать на коня с гордым и непокорным характером.

Как знать, может, и у лошадей, как у людей, есть свои законы добра и зла...

Сталину тогда доложили о происшествии. Он разгневался и запретил использовать лошадей в парадах, впредь все парады стали принимать только на открытых машинах.

Преодолев минное поле литератора Карпова, что еще мог бы узнать читатель о белом коне, которого Сталин якобы «настойчиво рекомендовал» Жукову? Ну, скажем, прийти в Манеж, отыскать там начальника Манежа Ивана Дулинца или полковника Бобылёва, более 40 лет ведущего организатора конников страны, да спросить о Сталине. В ответ от них услышали бы твердое, без оглядки на авторитеты, подтверждение, что с 1944 года по 1953-й в Манеже Сталин ни разу не был!

А если бы Владимиру Васильевичу Карпову как разведчику и члену ЦК удалось бы добраться не до страниц рукописи маршала, якобы расписанных кем-то да вычеркнутых, а до его книги, хранимой в личном архиве маршала Конева, то напротив строк, где речь идет о том Параде, легко было бы обнаружить надпись синим фломастером: «Врет!»

P.S.

Эх, а сколько, по определению «сапера» Бушина, «простачков да недотеп», веря табличкам с надписью «Мин нет», купилось на славных-то полях русской истории. Но так уж, видно, устроены доверчивые братья-славяне. И летят по белу свету рассказы о Сталине, том параде и добром коняге Кумире, которому суждено было войти в историю, как коню Троянскому.

Но вот однажды по телеящику на «Поле чудес» показали, как по команде «Подарки в студию!» Якубовичу вывели лошадь – не арабского скакуна,

а крошку-пони. «Нет, нет, нет! – закричал Якубович. – Я-то знаю, что вы Сталину готовили лошадь для Парада... Боже, как вы живы остались после этого?..»

Встретился я с тем «коноводом».

– Колось! – сходу признался Сергей Николаевич. – Дело было так. Вижу, для телека карусель раскручивается, вспомнил тогда историю из «Красной звезды», как ее там писатель Карпов расписал, вот и подыграл затее – и про Сталина, и про Кумира, и про себя...

В майские победные дни 45-го «коновод» Сталина отбывал срок в местах не столь отдаленных.

– 18-летним пацаном я добровольцем ушел на фронт. В Ржевско-Вяземской операции попал в плен. Тогда там как раз и командовал Жуков. Он не любил вспоминать об этом. Вот и я не люблю вспоминать, как нас, тысячи пленных – раненых, обессиленных, голодных людей, – гнали куда-то на запад. Потом снова плен, уже американский. Так что расстреливать меня никто не собирался. Судьбу свою я исправлял в северных лагерях. А пони мы взяли в зоопарке и после передачи Якубовича туда же и отправили.

«Коновод Сталина» помолчал, потом задумчиво, уже вслух, продолжил свои невеселые мысли:

– Да, такое вот «поле чудес»...

Казалось, он что-то хотел добавить еще, я гнал догадку о «Стране дураков», а мой собеседник как-то резко разговор оборвал, и к этой теме мы больше не возвращались.

ПОТСДАМ И БОМБА

Война закончилась. Москва залпами из тысячи орудий отсалютовала нашей Победе. Сталин на встрече с командующими войсками произнес здравицу русскому народу, потом состоялся парад победителей, и вот, отмечая заслуги Верховного Главнокомандующего в Великой Отечественной войне, Политбюро ЦК ВКП(б) постановило присвоить ему звание генералиссимуса и Героя Советского Союза.

Сталин решительно воспротивился от всех этих внешних отличий. Так и говорил: «Зачем мне все это?» Видные военачальники еще в годы войны

неоднократно обращались к руководству страны с просьбой присвоить Верховному Главнокомандующему звание фельдмаршала, но Сталин возражал. Тогда Молотов, Берия, Маленков и Микоян 23 февраля 1943 года предложили учредить высшее воинское звание «генералиссимус» с присвоением его Сталину. Он опять убедил Политбюро не делать этого. Только 26 июня 1945 года такое звание было учреждено.

На заседании Политбюро присутствовали маршалы Жуков, Василевский и Рокоссовский. Когда Сталин выступил против присвоения ему генералиссимуса, Константин Константинович Рокоссовский как бы шутя заметил: «Товарищ Сталин, вы маршал, и я маршал. Вы меня наказать не сможете!» И вопрос решился – Сталин стал первым генералиссимусом Советского Союза. Молотов рассказывал, как потом Иосиф Виссарионович очень жалел, что согласился на это. А когда разговор зашел еще и о присвоении ему звания Героя Советского Союза, Сталин прямо заявил, что под статус Героя он никак не подходит, что это звание присваивают за лично проявленное мужество. «Я такого мужества не проявлял!» – категорически отверг он указ о присвоении этого высокого звания и звезду Героя не взял. Молотов подтверждает: «Он носил только одну звездочку – Героя социалистического труда».

Первая послевоенная хроника известна: с 17 июля по 2 августа 1945 года в пригороде Берлина Потсдаме состоялась третья по счету встреча «большой тройки». Сталин уже был ветеран этих встреч, вместо умершего в апреле Франклина Рузвельта США представлял Гарри Трумэн, а Великобритании – сначала Уинстон Черчилль, потом возглавивший правительство лейбористов Клемент Эттли.

На конференцию Сталин опоздал на один день. «За несколько дней до этого он перенес третий инфаркт, – свидетельствовал профессор А. Ноймайр. – Он, естественно, стремился скрыть это от партнеров. Однако от присутствовавших на конференции не укрылись его неуверенная походка и бледность». (Еще раз! Только маршал Жуков, если верить строкам его рукописи, как-то добытой литератором Карповым, ничего не заметил. Он был уверен, что Сталин носился по манежу на окаянном жеребце, которого

подсунул ему с тайной надеждой, что жеребец этот так же сбросит его – на смех честному народу, иностранным дипломатам и всему миру.)

А Ноймайр пишет, как Сталин при встрече с Трумэном сказал: «Прошу простить за то, что опоздал на день, меня задержали переговоры с китайцами. Я хотел лететь самолетом, но врачи категорически запретили», – и выразительно указал на сердце (http://www.e-reading.by/chapter.php/130763/49/Guslyarov_-_Stalin_v_zhizni.html). Несмотря на недавно перенесенный инфаркт, Сталин проявил завидную боеспособность, о чем свидетельствует унылая запись в дневнике доктора Морана: «Нам нечего было противопоставить настойчивости и упорству Сталина» (<http://proflib.com/chtenie/83372/aleksandr-ushakov-stalin-po-tu-storonu-dobra-i-zla-227.php>). Все это нашло свое отражение в устройстве послевоенной Европы, которое соответствовало «Потсдамской декларации от 2 августа 1943 года».

Накануне конференции американцы испытали атомную бомбу под названием «Манхэттенский проект», и Трумэн забалдел от этого «проекта». Ему не терпелось огорошить Сталина сообщением о новом оружии. В отношении-то России Гарри вообще не испытывал теплых чувств. Еще в 1941-м он откровенно сказал, мол, хорошо бы, чтоб русские и немцы убивали друг друга как можно больше. И вот, едва зайдя на трон, уже через 10 дней, 23 апреля 1945 года, он в вызывающей манере провел беседу с Молотовым – это означало «новый американский подход, который изменил ход истории». Молотов тогда заметил в адрес нового президента США: «Туповатый, по-моему...» Это еще мягко было сказано.

Словом, американец говорил Сталину о сокрушительной силе атомного оружия, а Сталин и ухом не повел на его речи. Но это так только казалось. Пока Гарри сетовал Черчиллю, что «дядя Джо» «не имеет ни малейшего представления о той революции в международных делах, которая свершилась», «дядя Джо» уже давал Молотову установку: «Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы...»

Первая-то конференция по атомному ядру у нас прошла еще в 1933 году! Тогда в ней участвовали видные ученые многих стран, в том

числе Англии, Франции, Италии, Чехословакии, Дании. А в 1937-м молодой ученый Игорь Васильевич Курчатов докладывал уже об исследованиях взаимодействия нейтронов с ядрами. В 1940 году Георгий Николаевич Флёрв и Константин Антонович Петржак под руководством Курчатова открыли самопроизвольное деление ядра урана. Был сделан вывод о возможности цепной ядерной реакции и получении атомной энергии. Но началась война, и работа в области ядерной физики была прервана – многие ученые ушли на фронт. И все-таки в 1943 году ядерные исследования продолжились.

Курчатов с началом войны занимался защитой кораблей от магнитных мин. А в конце 1942-го Сталин предложил молодому ученому возглавить работы по атомному проекту. В марте 1943 года вышло постановление ГКО и приказ по Академии наук о назначении профессора И. В. Курчатова директором лаборатории № 2.

Здесь забежим чуточку вперед. Значит, атомный проект сначала был под контролем Молотова. От него Курчатов получал «ценные указания», однако геологические изыскания урановых месторождений не велись, и в 1945 году главным администратором проекта Сталин назначил Берия. Для оперативного руководства было создано 1-е главное управление, которому подчинялись все участвовавшие в этой работе наркоматы. Во главе этого управления стал бывший нарком вооружения генерал-полковник Б. Л. Ванников.

Еще в августе 45-го его вызвал Сталин, как потом вспоминал Борис Львович, «посоветоваться, как организовать работы по созданию атомной бомбы». Берия предлагал создать управление, которое будет подчиняться НКВД, и возглавлять его должен был зам. наркома Завенягин. «Это не подойдет, – возразил Сталин. – Нужно создать специальный комитет, как его назвать – вы подумайте потом. Такой комитет должен находиться под контролем ЦК, и работа его строго засекречена. Нужно будет тщательно продумать, как обеспечить секретность при большом размахе работ и при вовлечении в эту работу много народу и множества организаций».

В столице, в пустынях Средней Азии, в горах Урала, в секретных городах те самые люди, которых демократы называют «совками», строили

атомные реакторы, искали уран, создавали предприятия, равных которым не было в мире. 2100 научных работников, 112 институтов Академии наук и различных организаций участвовали в Атомном проекте.

У меня сохранился экземпляр рукописи воспоминаний главного инженера проекта первого атомного комбината В. В. Филиппова. По цензурным соображениям в советское время издать их не представлялось возможным – только из Кремля нашим «партнерам» выкладывались совершенно секретные сведения. Помните, как колхозник-матершинник Горбачев преподнес английской премьерше Тэтчер карту нашего ракетного удара по военным объектам ее острова? Потом и главный кагэбэшник страны показал, где в новехоньком здании американского посольства наши разведчики понатыкали «жучков» для подслушки. Покаялись, так сказать, перед дядюшкой Сэмом – больше не будем нехорошо себя вести...

Так что какие нынче секреты – и я приведу здесь из рукописи заслуженного строителя РСФСР Виктора Васильевича Филиппова несколько строк. Возможно, они как-то представят великое напряжение, выпавшее на подвижников, создателей советской атомной бомбы, тревожную эпоху ядерного противостояния.

«Созданную комплексную бригаду в составе главного инженера проекта, технологов, монтажников, конструкторов, строителей и всех смежников-специалистов разместили в отдельном особняке, и началась активная работа над проектом, – пишет Виктор Васильевич и сразу замечает особенности той работы. – Трудности заключались в наличии большой радиоактивности элементов, извлеченных из обогащенного урана. Они губительно действовали на живой организм, поэтому предстояло создать мощную защиту для рабочего персонала.

В качестве биологической защиты сооружения выполнялись с применением металла и тяжелого железобетона с объемным весом не менее 4 тонн на квадратный метр. При этом еще был заполнитель из железной руды или дробленый чугун нужных размеров. Установка технологического оборудования и перекачивающих агрегатов, типа монжюсов, выполнялась раздельно в отсеках и в каньонах с защитой от проник-

новения радиации. Проемы в стенах каньонов заполнялись специально разработанными конструкциями, а перекрытия проектировались из сборных чугунных или металлических плит со скошенными торцами, укладываемыми в несколько слоев. Это, по расчетам, обеспечивало биологическую защиту.

Технология извлечения элементов выполнялась с применением самых сложных и сильных химических реактивов. Поэтому оборудование, трубопроводы, запорная арматура и вентиляция выполнялись из нержавеющей стали высоких марок, а на конечном этапе получения элементов – из драгоценных металлов (серебра, платины и золота).

Разработка получения из обогащенного урана разных элементов с очисткой их от примесей – это для передачи физикам – была поручена ленинградскому Радиевому институту Академии наук СССР. Возглавлял тот институт известный академик Виталий Григорьевич Хлопин. И вот для подтверждения проекта химического комбината академик В. А. Никитин, В. В. Смирнов и А. З. Ротшильд отправились к Виталию Григорьевичу на квартиру – он был нездоров и просил приехать к нему.

Запомнилось в окружении ученого множество комнатных цветов, но наше внимание он обратил на одно из них – фикус. “Быстрее и выше всех вырос, – заметил Виталий Григорьевич и уточнил: – Дозу облучения получил...” Своей болезни академик скрывать не стал, сказал, как будто между прочим: “Столько лет вожусь с радием, полонием, ураном и плутонием. Элементы, отнюдь не укрепляющие организм... – и, помолчав, добавил: – На нашем горьком опыте люди научатся остерегаться этих элементов”.

Для увязки проекта комплекса с общей компоновкой комбината мы с Никитиным и Ротшильдом поехали в Лабораторию № 2, к академику И. В. Курчатову. В отличие от химиков, которым в основном было за пятьдесят, Игоря Васильевича окружала молодежь, среди которых он был стариком, а ему в то время было немного за сорок. И вот эта группа молодых, никак еще не прославившихся людей шла вперед быстро, уверенно – так же, как химики, которые были хотя и постарше, но исключительно работоспособными, старательными, безоговорочно исполнительными и интересующимися всем новым.

Внимательно выслушав доклад Никитина, Курчатов утвердил проект нашего комплекса для дальнейшей разработки в увязке со всем комплексом сооружений комбината. Сроки разработки комплекса и опытного завода были установлены сверхжесткие. Сотрудники бригады оставались работать до 10–11 часов вечера, а в самые ответственные дни приходилось оставаться и ночевать в своих кабинетах».

Дальше Виктор Васильевич Филиппов рассказывает, как Ванников назначил его замом директора по строительству комбината. Для оказания помощи комбинату в оперативном решении разработки технической документации, строительства, монтажных работ и изготовления заводами нового спецоборудования и приборов к ним были направлены зам. председателя Совнаркома генерал Первухин, зам. председателя Госплана СССР генерал Борисов, зам. председателя Госстроя СССР Онуфриев, заместитель наркома машиностроения Сулоев и другие ответственные руководители наркоматов...

«Дела на комбинате продвигались очень быстро. Славский, Первухин и Борисов подобрали институты и заводы для разработки и изготовления новейшего оборудования, автоматики и спец. приборов. На еженедельных оперативках, проводимых Ванниковым в присутствии всех ответственных исполнителей, а также представителей науки вместе с Курчатовым, Славским, Первухиным и другими руководителями, заслушивались сообщения о ходе выполнения работ и графиков. Борис Львович напористо, не стесняясь в выражениях, проводил эти совещания.

Когда весь руководящий состав рассаживался за длинным столом, он выходил из своей комнаты, сделав обзор всех, снимал пиджак, аккуратно вешал его на спинку стула, вынимал из заднего кармана брюк пистолет и клал его на стол. Небрежно осмотрев справки, распоряжался: “Ну, докладайте!” (именно так). А иногда и так: “Ну, синагога, докладайте”. К чему так обращался, не знаю. Евреев на совещаниях было мало, единицы. Правда, сам Борис Львович был еврей...

В начале оперативок всегда я первым докладывал о выполнении работы и поставках оборудования. И однажды я доложил, что изготовление нержавеющей резервуаров задержалось из-за изменения проекта. По но-

вому моему решению, согласованному с технологами и утвержденному Первухиным, экономится очень большое количество нержавеющей стали, а соответственно, монтажных работ. Тут Ванников, прервав меня, говорит: “Когда я был наркомом вооружения и мой главный инженер завода изменил свое уже утвержденное решение по одному важному заказу на более экономичное, я велел его расстрелять...” И дальше Борис Львович, будто ничего особенного не сказал, продолжил заслушивать доклад.

Аналогичное высказывание на одной из оперативок было сделано им и в отношении старшего монтажника И. Б. Нафта, который доложил, что не смог выполнить монтаж оборудования по объективным причинам. Ванников перебил его: “За это на тебя жалко истратить даже маленький кусочек свинца...” – и показал на пулю в пистолете. А за невыполнение почасового графика работ у руководителя автоматики он просто разорвал пропуск на объект.

Словом, спрос за выполнение работ в установленное время был большой – как в военное время. Резкость и грубость начальства, конечно, не всегда помогали делу. Но, видимо, это оправдывалось ответственностью, требованиями безоговорочного выполнения правительственного задания. Хотя, в отличие от такого руководства, всегда удивляло нас при решении любых вопросов олимпийское спокойствие Игоря Васильевича Курчатова. Деловой, энергичный, в разговоре он мог и поспорить, и возмутиться, но никогда никого не оскорблял, а уж тем более не запугивал людей.

В этой связи вспоминается главный администратор атомного проекта Лаврентий Павлович Берия.

Когда в институте Капицы мы разрабатывали методы получения дейтерия, я послал в Комитет обороны предложение внедрить на одном из заводов нашу технологию. В разных местах по-разному искали пути к тому дейтерию, и в одной из лабораторий произошел взрыв на опытной установке.

Получаю приглашение на заседание спец. комитета. Картина такая: несколько военных, Курчатова, Ванникова, Первухина, Малышева, Жданова, Махнева (который занимался урановой проблемой), Мешиков (он отвечал за режим, потом был арестован по делу Берия). Меня усаживают по одну

сторону от Берия, по другую – Махнев. Он докладывает: “Вот, Лаврентий Павлович, товарищ Александров предлагает построить завод по получению дейтерия”. Берия меня словно не видит, обращается к Махневу: “А товарищ Александров знает, что опытная установка взорвалась?” Тот отвечает: “Да, знает”. – “А товарищ Александров подпись не снимает?” – “Не снимает”. Тут же рядом я сижу – что бы ему меня спросить. “А товарищ Александров знает, что, если завод взорвется, он поедет туда, где Макар телят гоняет?” Тут я не выдержал: “Я себе представляю”. Берия поворачивается ко мне: “Подпись свою снимаете?” – “Нет, не снимаю”...

Завод построили. Слава Богу, до сих пор не взорвался».

С таким вот трудом и энергией не только тысяч специалистов – всего нашего народа! – шел поиск той чудовищной силы, которая, как джинн в кувшине, хранилась в недрах земли и которая одна могла сдерживать беспредел заокеанской страны-монстра. Именно Штаты монопольно владели атомной бомбой, испытали ее на людях – жителях Хиросимы и Нагасаки. И вот в Фултоне в Вестминстерском колледже премьер Великобритании Черчилль держит такую прочувственную речь:

«Стоя здесь в этот тихий день, я содрогаюсь при мысли о том, что происходит в реальной жизни с миллионами людей и что произойдет с ними, когда планету поразит голод. Никто не может просчитать то, что называют “неисчислимой суммой человеческих страданий”. Наша главная задача и обязанность – оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны... Не претендуя на чужие земли и богатства и не стремясь установить произвольный контроль над мыслями людей, если все моральные и материальные силы Британии объединятся с вашими в братском союзе, то откроются широкие пути в будущее – не только для нас, но и для всех, не только на наше время, но и на век вперед».

Вот что вспоминает о проекте «урановой бомбы» Игорь Николаевич Головин, непосредственный участник ее создания:

«В кабинете у Сталина в Кремле, где уже находились ответственные за разработку бомбы работники государственного аппарата, собрались

И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон и П. М. Зернов, административный директор. С собой они принесли в шкатулке никелированный плутониевый шар – ядерный заряд первой советской атомной бомбы. Курчатов доложил о готовности и просил разрешения на взрыв.

– Вот готовый заряд для бомбы, – сказал Курчатов, указывая на шар почти десяти сантиметров в диаметре.

– Сколько их еще сделано? – спросил Сталин.

– Больше нет, здесь весь накопленный плутоний.

– Это плохо. А скоро можете накопить на второй заряд?

– Пока еще накопление идет медленно. Месяца за четыре приготовим второй, Иосиф Виссарионович.

– Раздразним американцев, а на складе ничего нет в запасе, а вдруг они попрут со своими атомными бомбами? Нечем их будет сдержать. Взрывая первый, надо иметь на складе еще второй, а то и третий заряд.

Сталин задумался.

– Хорошо бы сделать из этого шара два заряда. Добавьте химической взрывчатки, пусть будет две бомбы, хотя и меньшей силы.

– Нельзя, Иосиф Виссарионович, – ответил Харитон, – нужна критмасса. – И он стал объяснять, что явления природы таковы, что меньшая масса не взорвется.

Сталин закурил трубку, прошелся задумчиво по кабинету.

– Критмасса... – произнес он. – Критмасса... Это тоже понятие диалектическое. В одних условиях критмасса одна, а в иных условиях критмасса может быть другая, наверное, другая.

– Мы не знаем, – отвечал Курчатов, – в каких условиях может быть получена меньшая критмасса. Чтобы узнать это, нужны исследования. Они могут занять не месяцы, а годы.

– Нет, ждать нельзя. Приложите усилия, чтобы накопить скорее второй заряд.

Помолчав, Сталин сказал:

– А откуда видно, что это плутоний, а не блестящая железка?! И зачем такой блеск? Зачем пыль в глаза пускаете?

– Заряд никелирован, чтобы безопасно было касаться его руками. Плутоний очень токсичен, а никелированный он безопасен, – ответил Курчатов. – А чтобы убедиться, что это не простая железка, поручите кому-нибудь по вашему выбору коснуться шара рукой. Он теплый, а железка была бы холодной.

Сталин сам положил руку на шар.

– Да, теплый. И всегда теплый?

– Всегда, Иосиф Виссарионович. В нем идет непрерывная ядерная реакция альфа-распада. Она греет его. А мы вызовем в нем мощную импульсную реакцию деления. Это и будет взрыв большой силы.

Сталин дал согласие на испытание».

И вот сообщение ТАСС: «23 сентября президент США Трумэн объявил, что, по данным правительства США, в одну из последних недель в СССР произошел атомный взрыв. Одновременно аналогичное заявление было сделано английским и канадским правительствами.

Вслед за опубликованием этих заявлений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других стран появились многочисленные высказывания, сеющие тревогу в широких общественных кругах.

В связи с этим ТАСС уполномочен заявить следующее.

В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов – строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то, возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что “этого секрета давно уже не существует”. Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В. М. Молотова как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее

1952 года. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году...»

«Сталин торопил и с водородной бомбой, – рассказывал Серго Берия. – Надо отдать ему должное, ничего без его ведома тут не делалось. Здесь средств у него было много – от материального поощрения людей, занятых в проекте, до давления. Но помогал, безусловно. Я как-то рассказывал своим нынешним коллегам, что у меня в институте тогда было вычислительных машин больше, чем сегодня. Одиннадцать! Да, больше по объему, еще первого поколения, но – были! Отечественная, кстати, техника» (<http://profilib.com/chtenie/18484/sergo-beriya-moy-otets-narkom-beriya-59.php>).

26 марта 1951 года Лаврентий Берия подводил итоги развития атомной промышленности: «Атомные бомбы. В 1949 году было изготовлено 2 бомбы (кроме одной, израсходованной для испытания), в 1950 году изготовлено 9 бомб вместо 7 по плану.

В связи с улучшением технологических процессов производства плутония в 1951 году будет изготовлено 25 бомб вместо 18, предусмотренных по плану. В 1951 году за два месяца (январь, февраль) сделано 4 бомбы. Таким образом, на 1 марта 1951 года всего имеется 15, а к концу 1951 года будет 34 бомбы... Готовые бомбы хранятся в специальном подземном железобетонном складе».

Можно ли было представить в ту пору, что в конце века к власти придут люди алчные, расчетливые, ради своих собственных интересов готовые поступиться самим существованием России?..

P.S.

«Я разложил перед премьер-министром Великобритании большую карту, на которую в тысячных долях были нанесены все запасы ядерного оружия».

М. Горбачев

Оружейный уран, годами собираемый и хранимый для защиты нашей страны от ее ненавистников, тайно – за бесценок! – был продан Соединенным Штатам Америки (известная сделка «Гор – Черномырдин»).

«СОРОК ЛЕТ ЖДАЛИ МЫ ЭТОГО ДНЯ»

8 августа 1945 года советское правительство, верное союзническому долгу, заявило правительству Японии, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. Нота об объявлении войны напоминала японцам о прошлом, начиная с русско-японской войны 1904–1905 годов, интервенцию 1919-го, события на озере Хасан, на реке Халхин-Гол и, наконец, помощь, которую Япония оказывала Германии.

С Запада на Дальний Восток всюю шло перебазирование 27 стрелковых дивизий, 7 стрелковых и 5 танковых бригад, 1 танкового и 2 механизированных корпусов. Кроме того – соединения и части других родов войск. 136 тысяч вагонов катили по единственной дороге 12 тысяч километров...

Главкомом советских войск на Дальнем Востоке Государственный Комитет Оборонны назначил маршала А. М. Василевского. Тихоокеанским флотом командовал адмирал И. С. Юмашев, Военно-Воздушными Силами – Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Но вот наступили памятные для всего человечества трагические дни: 6 и 9 августа 1945 года американцы бросили на города Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы. Нынче стратеги из Штатов говорят, мол, эти бомбежки одним махом решили исход войны с Японией, сколько, мол, жизней своих солдат сохранили. Это уж так – за счет 447 тысяч убитых и искалеченных мирных жителей. Только бросать те бомбы в интересах боевых действий вовсе не требовалось – судьба японской армии и без них была предрешена. В Штатах балдели – эффект-то какой! С этого эффекта и началась политика атомного шантажа...

Тем временем войска трех наших фронтов сломили упорное сопротивление японцев на основных направлениях и продвинулись в глубь Маньчжурии на 120–140 километров. Мощная Квантунская армия была расчленена на части, и 14 августа правительство Японии приняло решение о капитуляции. Но сопротивление японцев в различных районах

Маньчжурии продолжалось. Вот как описывает события на Дальнем Востоке перед полной капитуляцией Японии генерал Штеменко:

«Чтобы ускорить фактическую капитуляцию японских войск и предотвратить ненужное кровопролитие, было решено высадить воздушные десанты в ключевых пунктах расположения противника – Харбине, Гирине, Мукдене, Чанчуне и некоторых других городах Маньчжурии и Кореи.

18 августа после 17 часов с аэродрома Хороль поднялись в воздух и взяли курс на Харбин самолеты с первой группой десантников в 120 человек под командованием подполковника Забелина. Десант имел задачу: захватить аэродром и другие важные военные объекты, обеспечить сохранность мостов на Сунгари и удержать их до подхода главных сил 1-го Дальневосточного фронта. С первым эшелоном десанта следовал заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Г. А. Шелахов, назначенный особо уполномоченным Военного совета. В обязанности его входило – предъявить командованию японских войск в Харбине ультиматум о капитуляции и продиктовать ее условия. Точных данных о положении в городе и располагавшемся там советском консульстве не имелось. Было лишь известно, что на Харбин откатывались понесшие поражение под Муданьцзяном главные силы 1-го фронта Квантунской армии, весьма значительные по численности.

Тем не менее советский десант в 19 часов приземлился на Харбинском аэродроме и в считанные минуты занял всю его территорию. Вскоре туда прибыл в сопровождении нескольких офицеров начальник штаба Квантунской армии генерал Х. Хата. Он доложил особо уполномоченному, что японские части в зоне Харбина дезорганизованы и штабом почти не управляются. Г. А. Шелахов потребовал безоговорочной их капитуляции и предъявил следующий ультиматум:

“1. Во избежание бесцельного кровопролития командование советских войск предлагает немедленно прекратить сопротивление и приступить к организованной сдаче в плен, для чего через 2 часа представить данные о боевом и численном составе войск Харбинской зоны;

2. При добровольной капитуляции генералам и офицерам Квантунской армии, до особого распоряжения советского командования, разрешается иметь при себе холодное оружие и оставаться на своих квартирах;

3. Ответственность за сохранение и порядок сдачи вооружения, боеприпасов, складов, баз и другого военного имущества до подхода советских войск полностью несет японское командование;

4. До подхода советских войск поддержание надлежащего порядка в г. Харбине и его окрестностях возлагается на японские части, для чего разрешается иметь часть вооруженных подразделений во главе с японскими офицерами.

5. Важнейшие объекты в Харбине и окрестностях, как-то: аэродромы, мосты на р. Сунгари, железнодорожный узел, телеграф, почтовые учреждения, банки и другие важнейшие объекты – подлежат занятию подразделениями десанта немедленно;

6. Для согласования вопросов, связанных с капитуляцией и разоружением всей Квантунской армии на территории Маньчжурии, начальнику штаба Квантунской армии генерал-лейтенанту Хата, японскому консулу в Харбине Ф. Миякава и другим лицам по усмотрению японского командования предлагаю в 7.00 19 августа на самолете нашего десанта отправиться на КП командующего 1-м Дальневосточным фронтом”.

Хата запросил 3 часа “для подготовки необходимых материалов”. Просьба была удовлетворена.

На следующий день Хата и Миякава были доставлены на командный пункт К. А. Мерецкова, куда прибыл и главнокомандующий советских войск на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский. Он продиктовал порядок капитуляции Квантунской армии, определив срок разоружения японских войск – не позднее 12 часов 20 августа. И вот с Забайкальского фронта в гарнизон Чанчунь, где находился штаб Квантунской армии, для принятия капитуляции вылетел самолет с особо уполномоченным полковником И. Т. Артеменко. Его сопровождали одиннадцать человек и пять самолетов-истребителей. На Чанчуньском же аэродроме стояли около 300 боевых японских самолетов.

Приземлившись, наши пилоты некоторое время ждали, как встретят японцы столь неожиданное для них явление «сталинских соколов». Самураи вели себя тихо, а что было у них на уме, кто знает... Тогда Артеменко передал по радиосвязи, чтоб на Чанчунь вылетала десантура, а сам направился к командующему Квантунской армией Ямаде. Увидеть решительно вошедшего в его кабинет советского полковника японец не ожидал, а над аэродромом уже гудели наши десантные самолеты. Так что Ямада для приличия посопровтивлялся, оговаривая какие-то свои условия, но это было уже ни к чему. Сняв с себя саблю, японский командующий передал ее Артеменко, чем признал себя побежденным. К вечеру 19 августа над зданием штаба Квантунской армии был поднят советский флаг.

В тот же день, 19 августа, на памятный нам по русско-японской войне город Мукден свалилось с неба 225 лихих десантников под командованием генерала А. Д. Притулы. Кто знал, что ждало наших парней на земле, где в самолетах-снарядах сидели летчики-камикадзе, которым умереть за императора, как бы сказали нынче, «нет проблем». Так вот, вдруг навстречу русскому Ивану выходит представитель императора Маньчжоу Го и начальник гарнизона.

Сам император Пу И – не поймешь, где у него тут фамилия, а где имя – застрял на аэродроме в ожидании самолета, чтобы рвануть из Японии. Император убедительно просил не выдавать его японцам, ну наши и постарались – упрятали Пу И со свитой за решетку, вроде нынешних «обезьянников» в ментовках. Когда об этом узнал главком Василевский, то срочно отменил такую охрану и потребовал провести со всеми дидактическую беседу, как вести себя и обращаться с такой публикой. Император все-таки. Не какой-нибудь обкомовский секретарь из прорабов...

На Сахалине японцы сопротивлялись до 25–26 августа. В последний день месяца самураи сдались в плен на Курильских островах. Завершив разоружение японских войск, мы освободили Маньчжурию, Ляодунский полуостров и Северную Корею до 38-й параллели. Японский генерал Симидзу, командующий 5-й армией, сказал потом: «Мы не ожидали такого молниеносного наступления русских. К тому же мы не ожидали, что русские армии пойдут через тайгу...» (<http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/15.html>).

2 сентября 1945 года представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война закончилась. В ней Советский Союз, приняв на себя основную тяжесть борьбы с сильнейшим противником, выполнил главную роль в достижении Победы как на западе, так и на востоке. 2 сентября, обращаясь к народу, Сталин напомнил, что Япония в 1904 году, воспользовавшись слабостью царского правительства, вероломно напала на русский флот в Порт-Артуре; что поражение в русско-японской войне легло на нашу страну черным пятном. Но «наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот он наступил». Сталин подчеркнул, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и послужат нам в деле обороны нашей страны.

Тут заметим, как неделю спустя после броска атомной бомбы на головы детей, женщин и стариков президент США Трумэн попросил, чтобы Советский Союз разрешил американцам использовать один островок на Курилах в качестве авиационной базы. Сталин категорически отверг его просьбу. 3 сентября 1945 года он приказал дать салют в честь Победы над Японией 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

P.S.

Не вышел номер у американцев с островком на Курилах. Спустя 70 лет, уже не «вероятный противник», как мы намекали на парней из Штатов, а «партнер» положил глаз на другой полуостров нашей необъятной страны. Крым называется. Но продолжение этой истории напишет уже кто-то иной, кто помоложе.

«АВИАЦИОННОЕ ДЕЛО»

Сразу после войны начальник штаба армии США генерал Маршалл докладывал военному министру, что «без успешных действий Красной

Армии американские войска были бы не состоянии противостоят агрессору и война была бы перенесена на Американский континент». Уж не поэтому ли еще в конце марта сэр Черчилль дал команду готовить операцию «Немыслимое» – 1 июля 1945 года шарахнуть по союзнику – стране с терпеливым, стойким, но доверчивым и добрым народом?

Черчилль рассчитал: войска у русских устали – от Волги до Берлина шли! – тылы растянулись, техника основательно потрепана. Ну и, пока свои вояки да янки не разъехались по домам, а еще 10–12 немецких дивизий в южной Дании, которые не расформированы, да польский экспедиционный корпус – вот этими силами и устроить русским заварушку под названием «Немыслимое». И плевать на какие-то там соглашения – тегеранские ли, ялтинские...

Крепко, видно, боялся Сталина сэр. Не случайно вставал да вытягивался по струнке, когда Иосиф Виссарионович входил. А Трумэн, хоть и туповатый был – по первому-то, безошибочному впечатлению о нем Молотова, – но предложил не торопиться с войной против Советского Союза. Пусть, мол, Иван поможет с Японией разобраться.

Заметим, к этому времени в Штатах готовился план, куда как оригинальнее «Немыслимого». Автор его – один из создателей и первый директор ЦРУ Аллен Даллес. Так вот что он предлагал тогда в своих «Размышлениях по реализации американской послевоенной доктрины против СССР»:

«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность,

отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов.

Вот так мы это и сделаем».

Без комментариев.

А на четвертый день после войны истребителям дивизии, которой командовал Василий Сталин, поступила вводная. Полки дивизии стояли на аэродроме Темпельгоф, и вот, вдруг там приземляется американский самолет. Стали экипаж расспрашивать: «Вы чего, мужики?» Американцы понесли околесицу, мол, топлива не хватило, не долететь до своих. А того топлива у них хватило бы на добрый десяток колхозов – трактора в посев-

ную заправлять. Вскоре еще два «мустанга» приземлились – и тоже под дурака работали. Этакое напоминание о жарком лете 1941-го...

Маршал Жуков запрашивает у Сталина: «В связи с тем, что за последнее время участились случаи самовольных полетов самолетов союзников над территорией, занятой нашими войсками, и городом и летчики союзников не выполняют требований идти на посадку, прошу указать, как с ними поступать». Сталин интеллигентно отвечает: «Всех иностранцев союзных нам государств, как военных, так и гражданских, самовольно проникающих в район Берлина, задерживать и возвращать обратно...»

Судя по всему, наши союзники по-прежнему рассчитывали на благородство, разум и гуманность русского народа. А что же сами? А сами – с усами! Уже в ноябре 1945 года американский генерал Д. Макартур в беседе с английским фельдмаршалом А. Бруком заявил: «Мы должны готовиться к войне и собрать по крайней мере тысячу атомных бомб в Англии и Соединенных Штатах... На Тихом океане, используя новые сверхбомбардировщики... мы должны напасть на Россию из Америки» (http://www.libma.ru/politika/_ssha_imperija_zla/p5.php).

В директивах комитета начальников штабов США в сентябре и октябре 1945-го Советский Союз прямо назывался «главным врагом», а объединенный разведывательный комитет в ноябре того же года предложил конкретный план действий – подвергнуть атомной бомбардировке 20 наших городов (это 15 млн человек) и дачи Сталина. Начало войны намечалось на весну 1946 года. Комендант Баварии американский генерал Паттон был настроен не затягивать такое дело и грозился провести свое войско до Москвы за 30 дней!

В конце 1945-го Ален Даллес на совещании ЦРУ откровенно высказался по поводу вчерашнего союзника: «...хотя мы уверяем Москву в своих доброжелательных и союзнических намерениях, на сегодняшний день именно Советский Союз, возглавляемый Сталиным, представляет главную угрозу долгосрочным целям нашей внешней политики... Быстрый рост экономического потенциала СССР и его военного могущества предполагает расширение его влияния во всех регионах мира... Многие

страны могут воспользоваться политическим и экономическим опытом Советского Союза, не говоря уже об усилении антиколониальной борьбы многих народов. СССР, руководимый Сталиным, препятствует глобальной роли и ответственности Соединенных Штатов».

Используя для шантажа и угроз монополию на ядерное оружие, США приступили к созданию по всему белу свету своих убойных авиационно-военно-морских баз. В 1946 году у американцев было сформировано стратегическое авиационное командование. В этом хозяйстве появились и самолеты-носители атомных бомб. Понятно, тут же и план боевых действий против Советского Союза придумали, «Чариотиром» назвали. А это нанесение удара по 70 нашим крупным городам с применением 133 атомных бомб. Хорош «Чариотир»!..

Журнал «Кольерс» изложил тогда подробное описание «войны с Красной Россией» и с последующей оккупацией ее. Такие планы Пентагон пек, как блины: «Пинчер», «Бройлер», «Габбер», «Флитвуд», «Дропшот»... Ну, что ты поделаешь! Гены пращуров. Те скальпы с индейцев снимали, а по плану «Дропшот» Штаты готовились сбросить на наши головы уже 300 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных – страна-то большая. Но это как бы прелюдия. Затем к нам должны были войти 250 дивизий. С их «миротворческой помощью» идеологи и главные руководители государства-монстра планировали расчленить Россию на 20–25 марионеточных государств, уничтожить русских как этнос, а остальных обучить пению американского гимна, да не просто как-то там нашептать текст, а чтоб со слезой из глаз!

Вот в такой обстановке с усилением «холодной войны» Запада против России оказалась наша страна после Великой Победы. Сталин, конечно, знал обо всех этих доктринах и планах мировой закулисы. И что было делать? Косить под дурака: «У нас нет больше врагов!» «Мы с Америкой – партнеры!» Да чтоб еще и «детки с Арбата» умилялись: «Сталин с Трумэном – встреча без галстуков...»

Ну уж нет. Сталину наши либералы что только не приписывают, но чтобы он испугался чьих-то угроз, каких-то санкций – такого даже са-

мые отъявленные ненавистники его не решаются придумать. Тут ведь все просто. Сталин жил для народа. Это все знали – в таком деле людей не проведешь. Отвечая за страну, он будил в народе сознание, поднимал энергию масс, и под руководством Сталина Советский Союз не только отстоял свой государственный суверенитет, но и стал одной из двух мировых сверхдержав. Это историческая правда, и ее не могут опровергнуть никакие вульгарные антисталинисты.

«Вот мы говорим: крестьянина он перебил, – делится своими мыслями о Сталине и судьбах России русский писатель Владимир Владимирович Личутин. – Да, казалось бы, что коллективизация – это плохо, но в то же время индустриализация вычерпывала генетический слой. С одной стороны, плохо, с другой стороны, хорошо. Ученые, академики, маршалы, генералы, писатели, композиторы – возьми любую область духа или промышленности – все из крестьянства! Он вытащил, высосал, как пылесосом, лучшую силу, но не выбросил же в тюрьмы, а поселил в городах. Писатели стали писать, ученые сочинять и делать всякое оружие...» Конечно, без коллективизма невозможна была бы индустриализация, без индустриализации невозможно было сохранить государство. Сталин более чем на 70 лет отодвинул расчленение исторической России и стремление Запада превратить ее в свою колонию. Этого Запад простить Сталину не может, и чем дальше в историю уходит сталинская эпоха, тем злобнее ее обвинения. А еще абсурднее обвинения отечественных специалистов по «выбиванию из общественного сознания сталинизма», тех, кто должны вечно быть благодарны Сталину за спасение во время войны их самих или их родственников.

Тут уместно замечание писателя Личутина о роли евреев. Вот Владимир Владимирович пишет: «Это народ, который исполнен особенных качеств. Это умение считать, делать капитал на чужом труде. Но когда власть сильная, он легко вписывается в обстоятельства и начинает служить верно. Только нужно им управлять. Эпоха Сталина это показывала, когда он прижучил 10 тысяч партийных евреев в 1937 году, но зато впустил полтора миллиона местечковых евреев, и они начали трудиться... Нельзя сказать, что они боялись. Они по-настоящему работали».

По-настоящему работали евреи и над созданием атомного оружия. Никто не давил на них. Напротив, всячески поощряли. И честные евреи не прятались под чужими фамилиями, не спекулировали «пятым пунктом». Известна, например, одна еврейская семья из Штатов, муж и жена, которые потрудились в наших интересах по созданию атомной бомбы.

Словом, на эту тему шла энергичная работа тысяч предприятий страны. Нельзя было не предвидеть и не утихомирить дядюшку Сэма с его «миротворческими» замашками. Для перехвата самолетов-носителей атомных бомб нам требовались новейшие истребители с большими скоростями полета. Боевые машины типа «эх, ты, ласточка-касаточка моя, быстрокрылая» с огромным мотором на носу самолета уже не подходили. А их к концу войны гнали, как ливерную колбасу на мясокомбинате имени тов. Микояна.

И вот Потсдам спустя два месяца после войны. К Сталину пришли летчики и откровенно рассказали о своих проблемах, о самолетах, на которых им приходится летать. Воздушные бойцы не случайно затронули вопрос об истребителях с реактивным двигателем. У них было большое преимущество перед самолетом с винтомоторной группой, за ними было будущее. Читатель спросит, а что же руководство авиационной промышленности, командование ВВС не знало, что ли, об этом? Как не знало – знало, конечно. Так в чем же дело? Таки разрешите мне ответить на вопрос по-еврейски – вопросом.

А 18 июня 1941-го нарком обороны и Генштаб разве не знали распоряжения Сталина о приведении войск в полную боевую готовность? А президентам страны из двух букв разве не приходила на ум простецкая истина: «Хочешь мира – готовься к войне»? Тогда как понять объединение Военно-инженерной авиационной академии имени проф. Н. Е. Жуковского с командной? Передовую мысль самого наукоемкого рода войск – боевой авиации – докторов наук, академиков, профессуру из Москвы направили сначала в деревню Монино, а потом всем этим ученым, творцам некогда лучшей в мире авиационной техники предложили грузиться в вагоны и катить в Воронеж, еще дальше от Кремля?

Таки почему мы должны летать на американских самолетах? Почему лимита со всего бела света – чужаки будут возить нас в нашем родном русском небе? Или не мы первыми маханули через Северный полюс в Америку? Или не наши летчики устанавливали на серийных боевых самолетах мировые рекорды скорости и высоты полета, которые до сих пор не побиты?..

И еще. А 22 июня та лимита в какую сторону полетит? А дядюшка Сэм регулярно ли будет поставлять нам из Штатов запчасти для своих «боингов»?..

А теперь конкретно по так называемому «авиационному делу». Мать честная, сколько же этих дел пришлось изучать по учебникам истории: «дело Дрейфуса», «дело Бейлиса», «дело Тухачевского», «дело врачей»... Нет только дела Иисуса Христа.

Значит, так. На Параде Победы номер с добрым, без вины виноватым жеребцом Кумиром не прошел. Либералы просчитались. И то сказать, даже при самой необузданной фантазии трудно представить, чтобы в такой день Сталин, стоя на Мавзолее, ждал, как Жуков рухнет с коня и начнет за ним бегать по Красной площади. Но умы фарисеев изворотливы. За восемь послевоенных – последних – лет жизни Сталина они еще много дел понасочиняют ему. Первое, вскоре после Парада, либералы особого назначения обозначили как «авиационное дело» и приложили немало выдумки, чтобы противопоставить два совершенно несопоставимых, неравноценных имени – Сталина и Жукова.

...Итак, все шло по законам известного жанра. Кореш главного героя, понятно, по ложному обвинению был схвачен и заключен под стражу. В тюрьме братан раскололся – погнал пургу на пахана. Тот, кто на него сострелял ксиву – лицо кавказской национальности, – торжествовал победу. А толпа во главе с вечно передовым отрядом ревела и готова была разорвать на части злодея-грузина. Такой вот сюжет.

Ну, а теперь хроника не столь увлекательной документальной прозы.

Значит, в Потсдаме произошла беседа Сталина с боевыми летунами. Вот так вспоминал о той встрече присутствующий там нарком иностран-

ных дел Молотов: «Сталин поинтересовался: “Ну, как у вас дела?” – “Да вот, – они без особой хитрости говорят, – начались катастрофы”. – “Как катастрофы? Расследовать!” И расследовали. Оказывается, Шахурин договорился с Новиковым. И того, и другого посадили – и наркома, и героя этого, Новикова».

Напомню, Шахурин – нарком авиационной промышленности, а «герой этот, Новиков» – Главный маршал авиации, командующий ВВС.

То, что Сталин много усилий отдавал авиации и разбирался в ней основательно – да только ли в ней! – подтверждают и заместитель наркома авиационной промышленности авиаконструктор А. С. Яковлев, и нарком вооружения Б. Л. Ванников.

«Я помню, как в период испытаний новых самолетов ежедневно в 12 часов ночи готовилась сводка для Сталина о результатах испытательных полетов», – пишет Александр Сергеевич.

Говоря об отношении Сталина к авиационной промышленности, нарком Ванников также подчеркивает, что занимался ею Сталин повседневно, что руководивший тогда этой отраслью Шахурин «бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать, почти каждый день».

Нет, не прав был начальник Рычагов, бросив в запальчивости горькие для Сталина слова обвинения: «Вы заставляете нас летать на гробах!» Напротив, за те «гробы» Сталин снял с должности наркома авиационной промышленности Михаила Кагановича, родного брата Лазаря, и поставил на его место Шахурина. А с августа 1940-го – в интересах дела! – именно Рычагова назначил командовать военно-воздушными силами.

«Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонений от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности», – вспоминает нарком вооружения.

А «гробов», если верить цифрам, именно при Рычагове заметно прибавилось. Так, в 1939 году – с 1 января по 15 мая – в авиационных катастрофах погибло 79 человек, а за неполный квартал 1941-го в два раза больше – 141 человек! Это без войны. Просто так. Земля шибко твердая...

Может, не случайно 12 апреля 41-го нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генштаба Г. К. Жуков и написали по этому поводу такой вот приказ: «Главный Военный Совет Красной Армии, разобрав вопрос об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии, установил, что аварии не только не уменьшаются, но все более увеличиваются из-за расхлябанности летного и командного состава авиации, ведущей к нарушениям элементарных правил летной службы. Из-за расхлябанности ежедневно при авариях и катастрофах в среднем гибнут 2–3 самолета, что составляет в год 600–900 самолетов».

Нарком Тимошенко приказал снять с поста начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта П. Рычагова, а группу командиров авиачастей предать суду.

Через месяц нарком подводил итоги боевой подготовки ВВС за зимний период обучения. Сохранилась директива от 17 мая 1941 года под грифом «совершенно секретно». В ней Тимошенко отмечал следующее:

«Боевая подготовка ВВС КА проходила неудовлетворительно. Низкие показатели в боевой подготовке авиачастей Красной Армии сопровождались чрезвычайно большим количеством катастроф и аварий... Основные недостатки боевой подготовки за зимний период: переучивание летного состава на новые типы самолетов проводились медленными темпами; эксплуатация новой материальной части летно-техническим составом освоена слабо; тренировки в пикировании на самолетах СБ и АР-2 проводились неинтенсивно; обучение бомбометанию с пикирования на самолетах Пе-2 и АР-2 не проводилось; летный состав боевому применению – бомбометанию, воздушной стрельбе, высотным и маршрутным полетам – обучался совершенно неудовлетворительно; самостоятельный выпуск на боевых самолетах молодого летного состава недопустимо затянулся и не был закончен к концу зимнего периода; подготовка летного состава к слепым и ночным полетам во всех частях ВВС КА была развернута слабо. Слепой налет составил 5,2 % к общему налету, ночной – 4,6 %...»

Да что «слепой полет» – с декабря 1940-го фигуры высшего пилотажа почти полностью были запрещены и на «Чайках», и на знаменитых «ишачках». Техника эта, казалось бы, была проверена в боях за торжество

пролетарского интернационализма, а проку? Немцы уже на заключительном этапе тех же испанских событий – в 1938 году – продемонстрировали нам свой «мессер», который обходил наш И-16 более, чем на 100 километров в час! И уже не из пулеметов строчили они по тем же «ишачкам», а вовсю из пушек палили. Однако наркомат авиационной промышленности при Моисеевиче не телился. В конструкторских бюро создавались какие-то одномоторные бомбардировщики якобы дальнего действия – «наутилу-сы капитана Немо», корпели над аэродинамикой фанерных бипланов со скоростями, действительно, как у ишака. И тогда Сталин собрал руководящих работников наркомата авиационной промышленности и ВВС, всех ведущих авиаконструкторов и поставил задачу – за полтора-два года провести работу по проектированию, постройке, летным испытаниям, доводке и внедрению в серию новых типов боевых самолетов с улучшенными летно-техническими характеристиками.

В 1940 году уже созданы и запускаются в серию истребители Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-1. По скорости они обходили «мессера», только вот по «выпуску в свет» не обходили. В 1940 году то, что планировали, – ни один авиационный завод не выполнил. За 1941-й заводы наркомата авиапромышленности недопоставили для боевых частей 1144 самолета!

Одной из причин невыполнения плана, как свидетельствуют архивные документы, являлось отсутствие военных представителей ВВС в самолетостроительных КБ. Это позволяло главным конструкторам передавать самолеты на государственные испытания и в серийное производство без должной отработки, недоведенными, с большим количеством конструктивных недостатков. Шутка ли, испытывать самолет, у которого не три неведомых дороги: «Налево пойдешь – коня потеряешь» и так далее, а все 100! И на всех головы не сносить...

Так, в ходе испытаний по самолетам МиГ-1 и МиГ-3 было выявлено 128 дефектов, по самолету Як-1 – 144 дефекта, а по самолету Пе-2 – 132!

Командование ВВС принимало и отправляло в авиационные полки необлетанные боевые машины, нередко ссылаясь на... плохую погоду! Например, в конце 1940 года у завода № 1 без облета было принято 122 самолета И-153 и 15 самолетов МиГ-1. За январь-февраль 1941-го – 176 само-

летов МиГ-3. Это 40,5 % – почти половина новых истребителей, поступивших в строевые части.

А как там шло переучивание на новую технику? Вот, скажем, в западных пограничных военных округах к началу войны было 1448 самолетов новых типов. Летать на них обучилось только 208 экипажей, вести боевые действия в сложных метеорологических условиях лишь 4 экипажа. Так же и ночью. Если луна светит вовсю, то те 4 экипажа как-то еще взлетят. А уж в «сложняке» ночью, то есть в облаках, ни один пилот не мог подняться.

Я знал немало летчиков моего поколения, которые за год уверенно утверждались в боевом мастерстве и летали во всех погодных условиях и днем, и ночью. Мы выполняли перехваты с автоматическим наведением на цель – без единой команды по радио, били ракетами и по наземным, и по воздушным целям. Когда готовились воевать с евреями в районе Египта, то такой пилотаж на малой высоте откручивали – аж искры летели! Не случайно мой однополчанин Коля Семенюченко, веселый потомок запорожских казаков, и без войны в Египте боевой орденом Красного Знамени заслужил. Он тоже за год прошел всю программу переучивания на истребитель-перехватчик МиГ-21 и стал военным летчиком 1-го класса, а это в авиации знак признания высшего летного мастерства. Между прочим, истребитель наш летал быстрее пули. Секунда – и километр, еще секунда – еще километр. В кабине у пилота было свыше 360 всяких кнопок, тумблеров, приборов... Ничего, одолели. А что же в 1939-м, парни разве слабее были? 4 летуна на 1448 самолетов!..

Но вот давнее постановление ГКО – еще от 1 августа 1941 года «О строительстве самолета “перехватчик” с реактивными двигателями». Ныне забытый и нигде не упоминаемый документ нашей истории. Постановление по-военному четко излагало программу подготовки боевой машины нового поколения и обязывало наркома тов. Шахурина, директора и главного конструктора завода № 293 тов. Болховитинова спроектировать и построить 5 самолетов «перехватчик» с реактивными двигателями. Обозначались сроки исполнения и конструкторскому бюро, и научно-исследовательским институтам, и наркомату Шахурина. К 5 авгу-



Мао Цзедун на праздновании 70-летия И. Сталина. 21 декабря 1949 г.

ста 1941 года НИИ № 3 предписывалось сдать чертежи двигателя наркомату авиационной промышленности. Наркомат обязывали по тем чертежам изготовить детали двигателя, а именно первый комплект – к 12 августа. А к 1 сентября НИИ № 3 совместно с заводом № 293 предстояло уже отработать тот реактивный двигатель. На такое дело наркомату финансов дали распоряжение выделить для наркомата Шахурина 365 миллионов рублей. В постановлении подчеркивалось, что все работы по «перехватчику» должны выполняться «вне всякой очереди за счет всех других работ». Подписал постановление Иосиф Сталин.

Но что это – прямо из «ишачков» да в ракету! – не из мечтаний ли калужского учителя?.. Только неделю назад немцы на Москву устроили налет, от которого произошло 2000 пожаров. Какие тут ракеты!..

И все-таки решение Сталина в те грозные для Отечества дни – строить «перехватчик» с реактивным двигателем – исходило из реальных посылок. В Государственный Комитет Обороны из конструкторского бюро В. Ф. Болховитинова поступила заявка с предложением создать самолет «перехватчик» с реактивным двигателем. По своей инициативе над проектом такого истребителя работали два инженера – А. Я. Березняк и А. М. Исаев. «Сталин заинтересовался этим предложением и пожелал встретиться с конструкторами, – вспоминает нарком А. И. Шахурин. – На прием мы явились все вместе... В прежние времена ждать приема у Сталина не приходилось. В назначенный час после доклада Поскребышева вы сразу входили в кабинет. Но был август 1941 года. Время чрезвычайно трудное. Сталин принял нас спустя два часа».

И вот Иосиф Виссарионович задает конструктору Болховитинову лишь один вопрос:

– Вы верите в это дело?

Немногословный Виктор Федорович ответил:

– Верю, товарищ Сталин.

– Тогда делайте, но срок на создание опытного образца один месяц.

«Даже по нормам военного времени, – замечает Шахурин, – этого было слишком мало». Но Сталин повторил:

– Да, один месяц – сейчас война...

И поднял руку, как всегда прощаясь и одновременно освобождая людей. Не с этой ли минуты в небе России открылась новая эра – полета стремительных и грозных ракетноносцев, которым в мире долгое время не было равных...

В сентябре 41-го – через месяц и десять дней после постановления ГКО – самолет БИ-1, названный по начальным буквам его конструкторов, был готов. Не было только двигателя. Но планер машины уже создали. Для начала его отбуксировали на необходимую высоту с помощью бомбардировщика и там отцепили. Летчик-испытатель Б. Н. Кудрин приземлил аппарат – конструкцию БИ-1 признали годной для полетов.

Одновременно велись работы по наземным и стендовым испытаниям двигательной установки для самолета. К весне 1942-го однокамерный жидкостно-реактивный двигатель прошел первый этап испытаний, а 15 мая в небо поднялся наш первый реактивный истребитель. Испытывал его капитан Г. Я. Бахчиванджи.

Полет завершился благополучно. Григорий Яковлевич поднимал эту машину в воздух еще семь раз. Но 27 марта 1943 года при испытании самолета на максимальной скорости случилось непредвиденное. Летчик погиб...

За рубежом поиски перспективного авиационного двигателя продвигались более успешно. Еще весной 1937-го англичане провели испытание газотурбинного двигателя Френка Уиттла. Вскоре в воздух поднялся и реактивный самолет, управляемый летчиком Сейером.

Итальянцы, единственным форте которых, как заметил император Наполеон, были макароны да музыка, тоже – до войны! – умудрились создать турбореактивный двигатель. Авиаконструкторы Капрони и Кампини построили для того двигателя самолеты, и в 1940 году они начали летать. В декабре 1941-го был совершен даже перелет – по маршруту Милан – Рим.

А что же немцы? Они работали, оставаясь верными себе, неторопливо, наверняка. Газовой турбиной у Хейнкеля занимался доктор Огайн, у Юнкерса – профессор Вагнер и инженер Мюллер, позднее – доктор Франк и инженер Энке. В 1938 году у них появились первые реактивные

двигатели, через год – первые реактивные самолеты Хе-176 и Хе-178, а в апреле 1941-го прошел испытания реактивный истребитель уже с двумя двигателями – Хе-280.

Спустя годы нарком нашей авиационной промышленности товарищ Шахурин заметит, мол, «опьяненные первыми успехами после нападения на СССР, гитлеровцы упустили время для развертывания этой работы», то есть по выпуску реактивных истребителей и бомбардировщиков. Как сказать. Ведь те же 1800 реактивных «мессеров» немцы не для воздушных парадов наклепали. Свой первый Ме-183 конструктор Мессершмитт создал еще в 1941-м – совместно с конструктором Липпишем – и с 1943-го-был налажен их серийный выпуск. Затем появился Ме-262 – наиболее удачный истребитель и бомбардировщик с двумя двигателями. Германская авиационная промышленность даже в январе 1945-го выпустила 155 реактивных машин, в феврале – 225, и в марте, и в апреле – и все это списать на «упущенное время»?

Спустя полвека какой секрет из того, что в начале Второй мировой, да еще и до начала ее, на реактивных машинах летали и немцы, и англичане, и итальянцы. Колдовали на эту тему и у дядюшки Сэма: специалисты фирмы Белл заполучили из Англии чертежи турбореактивного двигателя Уиттла, и группа инженеров-англичан оказывала им техническую помощь в создании самолета нового поколения.

А что же мы? Или при большевиках Бог обделил смекалкой русского мужика?

Генерал-майор инженер Г. А. Печенко всю свою долгую жизнь – а стукнуло ему 93 года, когда мы познакомились, – посвятил моторам и двигателям. Григорий Арсентьевич поведал мне об обстановке, которая складывалась у нас в связи с этим делом. Так, еще в начале 1938 года его земляк, харьковский инженер-изобретатель А. М. Люлька, предложил проект турбореактивного двигателя. Главное управление авиационной промышленности (ГУАП), получив его проект с положительным заключением и предложением НИИ ВВС о создании конструкторского бюро для постройки реактивного двигателя, повело работу на завал этой идеи. Тогдашний начальник управления, брат Лазаря Кагановича, быстренько

собрал расширенное совещание и выступил против проекта. Его поддержал профессор В. В. Уваров. Но специалисты по двигателям не поддались их давлению и согласились с предложением НИИ ВВС. Тогда руководство ГУАП принялось тормозить создание конструкторского бюро по реактивным двигателям. Что тут скажешь? Конечно, «пятая колонна»!

Работники НИИ ВВС не сдавались – они обратились в суровую инстанцию на Старой площади с просьбой дать указание о создании конструкторского бюро по проектированию и постройке реактивных двигателей на одном из авиазаводов. Тут уж ГУАП отступать было некуда. Но управление Михаила Моисеевича Кагановича делает ход конем: КБ под руководством Люльки создали, только не при авиационном заводе, а на территории Кировского, в Ленинграде, который к авиационной промышленности не имел никакого отношения. Было там опытно-конструкторское бюро, в котором придумывали для тяжелых бомбардировщиков какой-то паровой двигатель, – еще Серго Орджоникидзе организовал. Основными агрегатами такого двигателя должны были стать паровая турбина и охладитель пара. Как на паровозе Стеффенсона: кидай дрова в топку и... полетели, погудели! Однако директор Кировского завода товарищ И. М. Зальцман видел в этом большое будущее авиации: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Так что конструкторское бюро Люльки осталось неприкаемым.

«Руководство НИИ ВВС, – вспоминал генерал Печенко, – предложило мне съездить на завод Кирова и ознакомить там начальство с решением ЦК, а заодно выяснить возможность завода в изготовлении деталей реактивного двигателя для конструкторского бюро Люльки. Парторг ЦК партии на заводе товарищ Ефремов после нашей встречи поручил комсомольцам взять шефство над новым КБ. Работа сдвинулась с места, и перед войной двигатель уже был в сборке, готовился к испытанию...»

«Ну, а дальше?» – спросит читатель. А дальше война. Она, естественно, все и списала. Эшелон, с которым эвакуировалось конструкторское бюро Люльки, попал под бомбежку. После этого новый двигатель где-то затерялся, да и все конструкторы разъехались в разные стороны, на разные предприятия.

«Сам Люлька, – рассказывал Григорий Арсентьевич, – попал в КБ танкового завода. Свои координаты по условиям военного времени сообщить не мог. Только случайно, будучи в командировке в одном зауральском городе, я встретил Архипа Михайловича...»

...Летом 1942-го, месяц спустя после полета капитана Бахчиванджи на истребителе с жидкостно-реактивным двигателем, Государственный Комитет Оборона принял решение о постройке самолета-перехватчика с воздушно-реактивным двигателем конструкций Костикова. Так же, как для самолета Болховитинова, наркомату авиационной промышленности выделялись деньги из резервного фонда СНК СССР. Шахурину и директору завода № 156 НКАП Ржищеву предписывалось организовать опытно-конструкторское бюро Костикова с опытным цехом при нем, определялись сроки постройки первого варианта перехватчика – 15 марта 1943 года.

Необходимость создания боевых самолетов с реактивными двигателями становилась все очевиднее. Наша разведка получала сведения о зарубежных самолетах-снарядах, ракетах, реактивных истребителях-перехватчиках. Было известно, что и американцы склепали свой реактивный аппарат под названием «Воздушная комета» Р-59. Англичане после своего опытного «Глостера» в марте 1943-го подняли в небо очередной самолет – «Метеор». Он был уже с двумя реактивными двигателями, и хотя не слишком активно, но стал участвовать в боях против германских «люфтваффе», а с баз Южной Англии действовать даже против самолетов-снарядов.

Авиаконструктор А. С. Яковлев, вспоминая те годы, заметит, что на протяжении всей войны он и его коллеги не раз говорили о необходимости перспективных работ по реактивной технике: «Мы неоднократно ставили это вопрос в наркомате. Однако каждый раз нам отвечали, что главное сейчас – обеспечить выпуск максимального количества боевых самолетов». В наркомате считали, что «перспектива подождет...».

«Перспектива» ждала. А шел уже 1944 год. Талантливый инженер-изобретатель А. М. Люлька работал в тылу, на танковом заводе, гусеницы на Т-34 натягивал! После случайной встречи с генералом Печенко Артем Михайлович был отозван в Москву – создавалось новое конструкторское

бюро по реактивным двигателям. «Беспокойство военных инженеров о развитии реактивной техники дошло, наконец, до наркомата авиационной промышленности...» – вспоминает генерал Г. А. Печенко.

Да, по мнению генерала, основной причиной отставания развития турбореактивных двигателей – а Печенко в те годы отвечал в НИИ ВВС за перспективу развития авиационных моторов – была недооценка важности этого дела руководством авиапромышленности. Проторенной дорожки старались держаться и некоторые моторные КБ. Григорий Арсентьевич обратился как-то к известному двигателю А. А. Микулину с предложением создать в его конструкторском бюро группу, которая занималась бы разработкой турбореактивных двигателей. Микулин выслушал и ответил:

– Пусть реактивными двигателями занимается Люлька. На мой век и поршневых моторов хватит!

Печенко пытался объяснить, что КБ Люльки только создается, что в нем нет конструкторских кадров, что производственная база не укомплектована ни станками, ни рабочими. Куда там... Тогда НИИ ВВС обратился в ЦК партии, и в конце 1944-го в Кремле состоялось совещание, на котором Микулин категорически отказался менять профиль своей работы. На этот раз он сослался на профессора Б. С. Стечкина, специалиста по реактивной технике. Действительно, еще в начале 30-х годов, заведая кафедрой авиационных двигателей в Военно-воздушной академии имени проф. Н. Е. Жуковского, Стечкин принялся готовить небольшие группы инженеров по реактивной технике, но никто не откликнулся на его призывы. А самого Стечкина вскоре осудили и упрятали за решетку.

На совещании в Кремле присутствовал Сталин. Внимательно выслушав Микулина, Иосиф Виссарионович подвел итог:

– Разработка отечественного реактивного двигателя, товарищ Микулин, будет поручена вашему КБ как самому мощному по кадрам и производственной базе. Что касается профессора Стечкина, то мы пришлем его вашим заместителем...

Вопрос был решен без всенародного референдума. На следующий день профессор Стечкин мирно беседовал с двигателюстом Микулиным.

Как же развивалась перспективная боевая техника после совещания в Кремле? Сталин, по свидетельству генерала Г. А. Печенко, обещал государственную премию тому, кто первым проведет испытания отечественного реактивного двигателя. Так сдвинулся ли воз с места? Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях конструктор А. С. Яковлев:

«В конце войны инженерный и управленческий аппарат, техническая и серийная производственная база авиационной промышленности представляли огромную, мощную силу. В то же время работники опытного строительства и главные конструкторы располагали слабыми технико-производственными средствами, не позволявшими проводить какие-нибудь серьезные перспективные работы... Но, к большому нашему огорчению, руководство наркомата препятствовало перекачиванию ресурсов из серийного производства в опытное даже в самых минимальных размерах и твердило все одно и то же:

– Когда будет нужно, получите указание и займетесь опытными делами.

И даже перед окончанием войны мы недостаточно занимались новыми конструктивными разработками. Возникали опасения, как бы и теперь не повторились ошибки и просчеты, допущенные в прошлом, как бы бездеятельность и потеря времени в ожидании команды не привели к серьезному отставанию авиации».

Александр Сергеевич с горечью признает, что и в устной, и в письменной форме авиационные конструкторы ставили вопрос о выделении некоторых ресурсов из серийного производства для опытников, но поддержки у руководства наркомата Шахурина не находили...

Ну, а те летчики, что в дни Потсдамской конференции жаловались Сталину на плохую авиационную технику, может, они преувеличили чуточку список катастроф да аварий? Может, нервы у бойцов сдали после победы-то? А может, сам Сталин и виноват, что катастрофы не прекращались и люди гибли без боя?..

Время стирает факты, за давностью лет события туманятся, и остается состряпанное так называемое «авиационное дело». Обратимся к документам.

Сохранились архивные материалы, признания осужденных. Сохранились записки Новикова по тому делу, его заявление на имя Сталина от 30 апреля 1946 года.

«Помимо того, что я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускавшихся авиационной промышленностью, я как командующий Военно-воздушных сил должен был обо всем этом доложить Вам, но этого я не делал, скрывая от Вас антигосударственную практику в работе ВВС и НКАП, — пишет Новиков. — Я скрывал также от Вас безделье и разболтанность ряда ответственных работников ВВС, что многие занимались своим личным благополучием больше, чем государственным делом, что некоторые руководящие работники безответственно относились к работе. Я покрывал такого проходимца, как Жаров, который, пользуясь моей опекой, тащил направо и налево. Я сам культивировал угодничество и подхалимство в аппарате ВВС.

Все это происходило потому, что я сам попал в болото преступлений, связанных с приемом на вооружение ВВС бракованной авиационной техники...»

Или вот такое признание Новикова:

«У меня вскружилась голова, я возомнил себя большим человеком, считал, что я известен не только в СССР, но и за его пределами, и договорился до того, что в разговоре со своей бывшей женой Веледеевой, желая себя показать крупной личностью, заявлял, что меня знают Черчилль, Циен и другие».

Потом маршал этукую манию величия объясняет так:

«Находясь в состоянии тяжелой депрессии, доведенный до изнеможения непрерывными допросами, без сна и отдыха, я подписал составленный следователем Лихачевым протокол моего допроса с признанием моей вины во всем, в чем меня обвиняли».

Что ж, не каждый генерал Карбышев. И согласимся, что какой-то там Жаров, который к «авиационному делу» отношения явно не имел, и товарищ Веледеева, бывшая жена маршала, — все это выдумки чекистов.

Но вот читаем из записок Новикова о государственной комиссии по проверке деятельности ВВС, созданной в марте 1946 года.

«В ее состав входили Маленков, Жуков, Василевский, Штеменко, Шикин, Руденко, Вершинин, Судеец, – перечисляет Новиков имена людей, чей авторитет вряд ли у кого вызовет сомнения, и тут вдруг неожиданный поворот: – Причиной создания этой комиссии и ревизии ВВС послужили письма Василия Сталина отцу о том, что ВВС принимают от промышленности самолет Як-9 с дефектами, из-за которых бьется много летчиков...» Далее маршал просто констатирует: «Делу о приемке плохих самолетов был дан ход, принявший обычный путь объяснений, разъяснений, обещаний исправить и т. д. Но хитрый, рвущийся к власти Васька хотел выдвинуться...»

Откровенно-то говоря, так ли это предосудительно – желать выдвинуться. Вряд ли когда устареет наш армейский постулат: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!» А Василий Сталин не в штабной канцелярии сидел – в кабине боевого истребителя и, слава Богу, летал бесстрашно, сбивал самолеты противника. Генеральское звание ему – как любому комдиву – полагалось присвоить с вступлением на эту должность – в марте 1944 года. Для сына Сталина да в окружении подхалимов – какие проблемы! Однако проходит и 44-й, и последние месяцы войны в 45-м, а воинское звание Василию Иосифовичу не присваивают. Дивизия полковника В. И. Сталина отмечается в приказе Верховного Главнокомандующего за овладение Берлином. Потом наступит победное ликование, а с ним «звездопад» – для кого-то заслуженный, а кое-кто – под шумок-то! – и незаслуженно звезд нахватал: крупные – на погоны, золотые – на грудь. А что же Василий Сталин?

А Василий летал, командовал авиационным корпусом. По закону ему уже и генерал-лейтенанта надо было присваивать, а он все в полковниках ходил. Только на третий раз – после настоящего представления к тому министра обороны Булганина – Иосиф Виссарионович разрешил присвоить его сыну давно заслуженное воинское звание.

Так какая же тут «хитрость»? Василий Сталин по определению не был хитрым. Если бы он умел хитрить, то не сидел бы 8 лет в тюрьме! Своей

прямотой он, как танк, давил хрущевскую шушеру, говорил правду и категорически отказывался вести себя по установкам холуев Кремля – помалкивать да не тревожить царствование Никиты-«кукурузника»...

По Новикому-то, не только Васька «хитрый, рвущийся к власти», – он и Жукова не щадит. В заявлении Сталину так и писал: «Жуков хитрый и лукавый душой...» А восемь лет спустя, раскручивая пластинку, угодную Хрущеву, он говорил, что вопросы состояния ВВС на его допросах были «только ширмой», что заявление с компроматом на Жукова он не писал, что не им составленный текст ему оставалось только подписать. Однако, по другим сведениям, оригинал заявления, написанный рукой Новикова, сохранился, с него была снята копия, которую и зачитывали на Высшем военном совете.

Известно, Лубянка не институт благородных девиц. Следователи могут выбить показания и у без вины виноватых. Но способ, который чекисты применили к Новикову, прямо скажем, оригинальный. «Мне дали закурить какую-то папиросу, – рассказывает он, – и я окончательно теряю представление реального...»

Вот уж, действительно. Иначе как бы следователи узнали то, что было известно только Жукову и Новикову? Видно, сильна махорка на Лубянке. Что бы побольше табачным-то фабрикам выпускать такие папиросы. Затянулся подследственный дымком под портретом «железного Феликса» – и, как на духу, всю правду-матку на чистом листе тут же изложил. И по уху любезного бить не надо.

А что же, однако, с реактивными самолетами? Что же Сталин? Сталин, безусловно, знал о технических достижениях наших вчерашних союзников, знал и о том, чего добились немцы. Не случайно сразу после войны он поручил Маленкову, который курировал авиацию, возглавить Особый комитет и определить рациональное использование результатов работы немецких авиаконструкторов. Тогда же была создана правительственная комиссия, и в августе 1945-го она уже высказала свои соображения по поводу трофейной техники, считая целесообразным изучение и

освоение ее. Ведущие наркоматы страны привлекались к этому важному государственному делу, а несколько заводов обязали освоить трофейные газотурбинные двигатели и наладить их серийное производство.

Заводу № 115, где главным конструктором был тов. Яковлев, предстояло создать реактивный истребитель с использованием двигателя ЮМО-004; заводу № 155 (главный конструктор тов. Микоян) – сделать истребитель с двумя газотурбинными двигателями БМВ-003; заводу № 381 (главный конструктор тов. Лавочкин) поручили работу над реактивным самолетом-истребителем также с использованием трофейного двигателя ЮМО-004. Для руководства всеми этими работами при наркомате авиационной промышленности было создано специальное Главное управление по реактивной технике, и Сталин утвердил заключение правительственной комиссии.

...Еще пять месяцев пролетело. Уже всем было ясно, что реактивная авиация стала не только средством отражения возможного удара противника с воздуха, но пока единственным носителем ядерного оружия. А у нас незадача – как сбавить в полки допотопные птеродактили, к тому же косые, хромые и начисто потерявшие нюх! Проще говоря, в конце 1945 года нарком Шахурин обращается к главкому Новикову с предложением принять на вооружение ВВС изготовленные заводом № 31 около 100 дефектных Як-3 с мотором ВК-107. Новиков приказал принять 40 таких машин. Надо полагать, на случай перехвата стратегического сверхбомбардировщика «Консолидейтед-Валти» с четырьмя реактивными двигателями.

Тогда группа ведущих авиационных конструкторов пишет письмо в ЦК партии о тревожном положении в области науки и опытного самолетостроения. «В декабре 1945 года это письмо послужило предметом неоднократного, подробного обсуждения в Центральном Комитете партии и правительстве, – вспоминает Александр Сергеевич Яковлев. – Здесь было решено во избежание отставания, особенно в области реактивной авиации, принять срочные меры по улучшению опытного строительства новых типов самолетов, двигателей, оборудования и оказанию широкой помощи научно-исследовательским институтам».

Короче, под занавес победного сорок пятого решением ЦК партии была создана комиссия для всесторонней проверки работы наркомата авиационной промышленности и определения перспектив дальнейшего развития отечественной авиации.

В феврале 1946 года предложения комиссии были одобрены Политбюро и утверждены Советом Министров СССР. Главное внимание в них уделялось развитию реактивной техники. Партия обязывала советских ученых заняться разработкой теоретических проблем в области аэродинамики, теории реактивного двигателя, конструкции самолета. Была представлена и конкретная задача – создать и внедрить в серийное производство истребители со скоростью 850–950 километров в час, бомбардировщики со скоростью 800 километров в час, а также экспериментальные боевые машины для осуществления полетов на сверхзвуковой скорости.

По свидетельству генерала Печенко, большим подспорьем в работе наших двигателистов стали трофейные реактивные двигатели ЮМО-004 и БМВ-003. Немцы уже освоили их и проверили в боевых условиях. У нас эти двигатели пойдут под марками РД-10 и РД-20. В то же время для выхода на передовые рубежи реактивного двигателестроения был использован еще один путь – закупка и освоение лучших зарубежных конструкций.

Со слов Александра Сергеевича Яковлева, в начале апреля 1946 года его и уже нового министра авиационной промышленности Михаила Васильевича Хруничева вызвали к Сталину на совещание, посвященное перспективам развития нашей авиации. «Мы с Хруничевым доложили о том, что главное для нас – это быстрее создание собственного реактивного двигателя, – пишет конструктор и передает реакцию Сталина на их предложение о закупке у англичан двигателей “Дервент” и “Нин”: – Сталин очень удивился такому, как он считал, наивному предложению: “Какой же дурак станет продавать свои секреты!..”»

Но Яковлев разъяснил, что те двигатели уже не секретны, что они широко рекламируются в печати и лицензии на их производство проданы ряду стран.

Вскоре наши специалисты закупили в Англии около 60 реактивных двигателей, а затем создали и свои – РД-45 и РД-500.

«Для проведения госиспытаний была назначена правительственная комиссия, – вспоминает генерал Печенко. – Ее председателем определили меня, а членами были заместитель министра авиационной промышленности по моторам В. П. Баландин, генеральный конструктор В. Я. Климов, главный инженер завода А. А. Куинджи и другие. При испытании двух моторов РД-45 оборвались лопатки – в одном на 56-м часу работы, в другом – на 90-м. В то же время параллельно испытывавшийся английский прототип “Нин” проработал срок – 170 часов – нормально...»

Аналогичное положение было и при испытании двигателя РД-500. Комиссия вынуждена была доложить о срыве сроков испытания двигателей правительству, и вскоре по этому поводу собрались в Кремле. Туда были приглашены министр авиационной промышленности М. В. Хруничев, министр металлургической промышленности И. Ф. Тевосян, генеральный конструктор В. Я. Климов, главный инженер завода А. А. Куинджи. Как председатель комиссии по испытаниям был там и генерал Г. А. Печенко. Заседание вел В. М. Молотов. Присутствовал И. В. Сталин.

«Слово сразу было предоставлено мне, – до деталей запомнил то совещание Григорий Арсентьевич. – Я рассказал о результатах проведения испытаний, об обрыве лопаток, о нормальной работе английского прототипа. Климов, говоривший вслед за мной, объяснил неудачи с мотором плохим качеством стали, поставлявшейся металлургической промышленностью для лопаток турбины. Министр металлургии Тевосян, конечно, пообещал принять радикальные меры для повышения качества стали.

Подытоживая короткое совещание, Сталин негромко, но внушительно сказал:

– Сталь для лопаток турбины должна быть получена в короткий срок, иначе вам, товарищ Тевосян, не поздоровится. Это же относится и к Хруничеву...

“Не поздоровится...” Что означали такие слова, сказанные Сталиным, все знали.

– Мы вышли из кабинета, где проводилось совещание, с настроением далеко не радужным, – передает обстановку тех дней генерал Печенко. – Сразу же собрались в кабинете Тевосяна, долго обсуждали, как улучшить качество стали для лопаток, очищать сталь от серы и водорода. Решили в помощь металлургам привлечь форсилавщиков».

Григорий Арсентьевич помнил, как напряженно работали над этой непростой проблемой – очисткой стали от вредных примесей. Наконец, нашли решение, и обрыв лопаток реактивных турбин прекратился. Двигатель РД-45 успешно выдержал все испытания. Его установили на истребитель МиГ-15, затем на фронтовой бомбардировщик Ил-28.

Тем временем шла работа и над нашими отечественными двигателями. В 1946-м они еще проходили доводочные заводские испытания, а через год двигатель ТР-1 конструкции А. М. Люльки успешно прошел и государственные испытания. Тогда Сталин лично поздравил конструктора с успехом. Его удостоили Государственной премии, наградили боевым орденом, вручили автомобиль. Сталин радовался этому достижению, казалось, больше всех...

Шутка ли – в мирное время три «боевика» заслужить! Так вот у нас, в Черниговском военном авиационном училище летчиков-истребителей, начальником «огня и дыма», то есть заместителем командира полка по огневой и тактической подготовке, был летчик 1-го класса майор И. И. Клюкин. Перед выпуском я слетал с ним в зону и страшно гордился тем событием – сам Клюкин мой пилотаж проверял!

А на выпускном вечере мы, зеленые лейтенантики, поддали, как полагается, я тогда отважился – подошел к Ивану Ивановичу и принялся расспрашивать, за что же у него те три ордена. Одна из наград оказалась за пролет 1 мая 1947 года на реактивных истребителях над Красной площадью. Тогда боевые машины вели три летчика – И. Полунин, И. Клюкин и И. Кошель.

Кое-кому, наверное, покажется странным такое внимание правительства к полетам, на первый взгляд, довольно немудрящим. Но вот

как описывает праздничный пролет реактивных машин над Тушинским аэродромом авиаконструктор А. С. Яковлев: «Праздник начался. Загремели торжественные звуки гимна, и одновременно на малой высоте перед трибуной проплыли самолеты Як-12 с развернутыми знаменами союзных республик.

Орудийный салют совпал с появлением в воздухе большой группы летчиков-спортсменов на учебно-спортивных “яках”. Затем номер за номером проходил групповой и индивидуальный показ летного мастерства воздушных спортсменов: юношей, девушек и военных летчиков. А мы с Микояном уже ничего не замечали, ничто нас не интересовало: мы ждали появления своих реактивных первенцев.

Наконец заветное мгновенье! Небо над летным полем очистилось от последних самолетов, и диктор объявил: к аэродрому приближается реактивный самолет конструкции Яковлева. В этот момент к границе аэродрома на небольшой высоте быстро приближалась черная точка. Еще мгновение – и я узнаю знакомые очертания. Перед самыми трибунами с шелестящим свистом, присущим реактивным самолетам, Иванов проносится на Як-15. Еще несколько секунд – и так же проходит МиГ-9.

Аэродром гремит овациями, люди бросают вверх шляпы, всеобщее ликование и восторг! Великое, ни с чем не сравнимое, подлинное, глубокое счастье переполняет все мое существо! К слезам, застилающим глаза от напряженного взглядывания в даль, прибавляются слезы радостного волнения. Нас с Артемом обступают десятки людей, знакомых и незнакомых, поздравляют, обнимают, целуют. А у нас ноги подкашиваются от пережитых волнений...» (Яковлев А. С. Цель жизни. С. 147: <http://www.litmir.co/br/?b=72894&p=147>).

Не знаю, доступен ли подобный восторг нынешнему деловому читателю. Коммерсанты, брокеры-рокеры, мэры-пэры, биржевики и профессиональные проститутки... Устремленные к новым заветным – коммерческим! – рубежам, поймут ли они то состояние души, которое выше суеты вокруг американского доллара! Выше хотя бы потому, что полет человека сродни поэзии. А первый полет – это как первый вальс, первый снег, первая любовь. Такое не покупается!

Ну а если подойти по-деловому ко всем этим радостям, огорчениям, падениям да взлетам, то была оценка и взгляд специалистов, давно прошедших ликбез «золотой лихорадки» и умеющих ловко считать не только десятичные дроби. Те специалисты поначалу недооценили Ивана.

«“Западные деятели считали, – пишет авиаконструктор А. С. Яковлев, – что “можно было опасаться только армии русских, но не их отсталых Военно-воздушных сил”. Видно, в том смысле, что русских много и всех не перебить! Но вот сошлись наши и американцы в небе Кореи...”

25 июля 1950 года южнокорейские войска напали на северян. Совет безопасности ООН вынес резолюцию – применить санкции против КНДР. Что это за “санкции” – известно. Тяжелые американские бомбардировщики тут же начали “миротворческие” бомбардировки Северной Кореи. Напалма, понятно, не жалели – вся страна горела, окуталась густым дымом. И вдруг разрекламированная на весь белый свет “сверхкрепость” В-29 едва не замерла в полете, чуть не поперхнулась! Это в небе Кореи ее, утыканную со всех сторон пушками, атаковал истребитель русских МиГ-15.

“Быстрота, с которой русские запустили МиГ-15 в серийное производство, была поистине невероятной, но еще более удивительным является то, что на земле никто правильно не оценил этот факт”, – признал потом Ричард Стокуэлл, автор книги “Воздушная мощь”.

В ноябре 1950-го советские “миги” и американские истребители провели первый воздушный бой. В районе реки Яла на большой высоте “миги” сбили несколько Р-80 (“Шутинг стар”). Начальник штаба ВВС США генерал Ванденберг запричитал: “Вследствие большого количества истребителей МиГ-15 господству Организации Объединенных Наций в Корее угрожает серьезная опасность...”

Американцы срочно выпускают реактивный истребитель F-36 “Сейбр”. Наши летчики знали некоторые преимущества этого самолета, например, на горизонтальных маневрах. Но чтобы сбить один МиГ-15, как подсчитал журнал “Флаинг ревю”, шести пулеметам “Сейбра” требовалось израсходовать 1024 патрона! Так что главный бой наши “миги” выиграли – американцы утратили превосходство в воздухе и в течение двух лет пози-

ционной войны, по приблизительным подсчетам, потеряли около 3200 самолетов» (*Дроздов Сергей*. Василий Сталин. Ч. 26. Война в Корее: <http://www.proza.ru/2010/09/01/394>).

И выходит, что не напрасно, интересуясь, как продвигается работа над новым истребителем, почти каждый день звонил на завод Иосиф Сталин.

Вот и вся правда об «авиационном деле».

P.S.

«Шахурин создавал видимость, что авиационная промышленность выполняет производственную программу, и получал за это награды. Вместо того, чтобы доложить народному комиссару обороны, что самолеты разваливаются в воздухе, мы сидели на совещаниях и писали графики устранения дефектов на самолетах. Новиков и Репин преследовали лиц, которые сигнализировали о том, что в армию поступают негодные самолеты».

*Н. С. Шиманов, бывший член Военного Совета ВВС
(после пребывания в местах не столь отдаленных)*

«Все на Сталина нельзя валить! За что-то должен и министр отвечать. Вот я, допустим, что-то неправильное сделал в авиации, так я за это и какую-то ответственность обязательно несу. А то все на Сталина...»

А. И. Шахурин, нарком авиационной промышленности

1) Установить, что т. Маленков как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов – над Военно-Воздушными Силами морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б).

2) Признать необходимость вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)...

Секретарь ЦК ВКП(б)

Сталин

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 мая 1946 года

«КОНЧЕН БАЛ, ПОГАСЛИ СВЕЧИ...»

Сюжет о «ксиве на пахана» трещал по швам – послевоенная жизнь в нашей стране шла не по замыслу либералов.

Управление государством, продвижение в высшие эшелоны власти совершалось по деловым и политическим качествам. Творчески мыслящие, наиболее подготовленные в профессиональном отношении молодые люди занимали высокие посты. Например, среди них были Н. Вознесенский, А. Косыгин, Д. Устинов, В. Малышев, И. Тевосян, Б. Ванников, Н. Патоличев.

Девиз «своих не сдаем!» не проходил, и на Святой Руси был порядок. Никакие соображения личной преданности, близости, семейно-родственных связей в расчет не шли. Сталин строго наказывал и главкомов, и наркомов, и членов Политбюро. Чубайса при Сталине, конечно, расстреляли бы. Министра обороны Сердюкова отправили бы на лесоповал, и бабе из его «батальона» стихи писать пришлось бы тоже на нарах.

Так что уточним со слов либералов некоторые детали того дела. Итак, Новиков с должности Главкома ВВС был снят в марте 1946-го. Через несколько дней из Группы советских оккупационных войск в Германии в Москву отозвали маршала Жукова и назначили его Главкомом сухопутных войск.

Арестовали Новикова 22 апреля, через неделю он признал обвинение по «авиационному делу», а 30 апреля направил в правительство заявление против Жукова. Вот текст того послания, зачитанный на Высшем Военном Совете.

«Министру Вооруженных Сил СССР И. В. Сталину
от бывшего главнокомандующего ВВС, ныне арестованного Новикова
Заявление.

...Настоящим заявлением я хочу Вам честно и до конца рассказать, что, кроме нанесенного мною большого вреда в бытность мою коман-

дующим ВВС, о чем я уже дал показания, я также виновен в еще более важных преступлениях.

Я счел теперь необходимым в своем заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с *Жуковым*, взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период войны и до последнего времени.

Хотя я теперь арестован и не мое дело давать какие-либо советы, в чем и как поступить, но все же, обращаясь к Вам, я хочу рассказать о своих связях с *Жуковым* потому, что, мне кажется, пора положить конец такому вредному поведению *Жукова*, ибо если дело так далее пойдет, то это может привести к пагубным последствиям.

За время войны, бывая на фронтах вместе с *Жуковым*, между нами установились близкие отношения, которые продолжались до дня моего ареста.

Касаясь *Жукова*, я прежде всего хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений.

Зная *Жукова*, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаще бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе еще больший авторитет.

Вместо того чтобы мы как высшие командиры спланировали состав вокруг Верховного Главнокомандующего, *Жуков* ведет вредную, обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для них он является “добрым дядей”. Таким человеком у *Жукова* был и я, а также *Серов*.

Жуков был ко мне очень хорошо расположен, и я, в свою очередь, угодничал перед ним.

Жуков очень любит знать все новости, что делается в верхах, и, по его просьбе, когда *Жуков* находился на фронте, я по мере того, что мне удавалось узнать, – снабжал его соответствующей информацией о том, что делалось в Ставке. В этой подлости перед Вами я признаю свою тяжелую вину.

Так, были случаи, когда после посещения Ставки я рассказывал Жукову о настроениях Сталина, когда и за что *Сталин ругал меня и других*, какие я слышал там разговоры и т. д.

Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытался умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им.

Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге разработаны по его идее и им, Жуковым, подготовлены. То же говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой.

Как-то в феврале 1946 года, находясь у Жукова в кабинете или на даче, точно не помню, Жуков рассказал мне, что ему в Берлин звонил Сталин и спрашивал, какое бы он хотел получить назначение. На это, по словам Жукова, он якобы ответил, что хочет *пойти Главнокомандующим сухопутными силами*.

Это свое мнение Жуков мне мотивировал, как я его понял, не государственными интересами, а тем, что, находясь в этой должности, он, по существу, будет руководить почти всем *Наркоматом обороны*, всегда будет поддерживать связь с войсками и тем самым не потеряет свою известность. Все, как сказал Жуков, будут знать обо мне.

Если же, говорил Жуков, пойти заместителем *Министра вооруженных сил* по общим вопросам, то придется отвечать за все, а авторитета в войсках будет меньше.

Тогда же Жуков мне еще рассказывал о том, что в разговоре по “ВЧ” в связи с реорганизацией *Наркомата обороны* Сталин спрашивал его, кого и на какие должности он считает лучше назначить.

Жуков, как он мне об этом говорил, высказал Сталину свои соображения, и он с ними согласился, но тем не менее якобы сказал: “Я подожду Вашего приезда в Москву, и тогда вопрос о назначениях решим вместе”.

Я этот разговор привожу потому, что, рассказывая мне об этом, *Жуков* дал понять, что, как он предлагал *Сталину*, так Сталин и сделал.

Ко всему этому надо еще сказать, что *Жуков* хитрит и лукавит душой. Внешне это, конечно, незаметно, но мне, находившемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно.

Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: *Жуков* на глазах всячески приближает *Василия Сталина*, якобы по-отечески относится к нему и заботится.

Но дело обстоит иначе. Когда недавно уже перед моим арестом я был у *Жукова* в кабинете на службе и в беседе он мне сказал, что, по-видимому, *Василий Сталин* будет инспектором ВВС, я выразил при этом свое неудовольствие таким назначением и всячески оскорблял *Василия*. Тут же *Жуков* в беседе со мной один на один высказался по адресу *Василия Сталина* еще резче, чем я, и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления.

В начале 1943 года я находился на Северо-Западном фронте, где в то время подготавливалась операция по ликвидации так называемого “Демьянского котла”, и встречался там с *Жуковым*.

Как-то во время обеда я спросил *Жукова*, кому я должен писать донесения о боевых действиях авиации. *Жуков* ответил, что нужно писать на имя *Сталина*, и тогда же рассказал мне, что перед выездом из Москвы он якобы поссорился с Верховным Главнокомандующим из-за разработки какой-то операции и поэтому, как заявил *Жуков*, решил не звонить ему, несмотря на то, что обязан делать это. Если, говорил *Жуков*, *Сталин* позвонит ему сам, то тогда и он будет звонить ему.

Рассказывал этот факт мне *Жуков* в таком высокомерном тоне, что я сам был удивлен, как можно так говорить о Сталине.

В моем присутствии *Жуков* критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства. В беседах на эти темы я, в ряде случаев, поддерживал *Жукова*.

После снятия меня с должности главнокомандующего ВВС я, будучи в кабинете у *Жукова*, высказал ему свои обиды, что Сталин неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС.

Жуков поддержал мои высказывания и сказал: “Надо же на кого-то свалить”.

Больше того, *Жуков* мне говорил: “Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято *Сталиным*”. Хотя *Жуков* прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС.

Должен также заявить, что, когда *Сталин* вызвал меня и объявил, что снимает с должности командующего ВВС, и крепко поругал меня за серьезные недочеты в работе, я в душе возмущен поведением *Маленкова*, который при этом разговоре присутствовал, но ничего не сказал, в то время как *Маленкову* было хорошо известно о всех недочетах в приемке на вооружение ВВС бракованной материальной части от Наркомата авиационной промышленности. Когда я об этом поделился с *Жуковым*, то он ответил мне, что “теперь уже тебя никто не поддержит, все как в рот воды набрали”.

Я хоть усмехнулся, говорил мне *Жуков*, когда *Сталин* делал тебе замечание по работе, и сказал два слова: “Ничего, исправится”.

Припоминаю и другие факты недовольства *Жукова* решениями правительства.

После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий бывшим 2-м Украинским фронтом *КОНЕВ* получил звание маршала.

Этим решением правительства *Жуков* был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им – *Жуковым*, а награды и звания за нее даются другим людям.

Тогда же *Жуков* отрицательно отзывался о *ВАТУТИНЕ*. Он говорил, что *ВАТУТИН* неспособный человек как командующий войсками, что он штабист, и если бы не он, *Жуков*, то *ВАТУТИН* не провел бы ни одной операции.

В связи с этим *Жуков* высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провел большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами. Для подтверждения этого *Жуков* сослался на то, что приказы за проведение тех или иных операций адре-

суются командующим фронтов, а он, *Жуков*, остается в тени, несмотря на то что операции проводились и разрабатывались им. Во время этой беседы *Жуков* дал мне понять, чтобы я по приезде в Москву, где следует, замолвил об этом словечко.

В тот же период времени *Жуков* в ряде бесед со мной говорил и о том, что правительство его не награждает за разработку и проведение операций под Сталинградом, Ленинградом и на Курской дуге.

Жуков заявил, что, несмотря на блестящий успех этих операций, его до сих пор не наградили, в то время как командующие фронтов получили уже по несколько наград. В этой связи *Жуков* высказался, что лучше пойти командующим фронтом, нежели быть представителем Ставки.

Жуков везде стремился проталкивать свое мнение. Когда то или иное предложение *Жукова* в правительстве не проходило, он всегда в таких случаях очень обижался.

Как-то в 1944 году, находясь вместе с *Жуковым* на 1-м Украинском фронте, он рассказывал мне о том, что в 1943 году он и *Конеv* докладывали *Сталину* план какой-то операции, с которым *Сталин* не согласился. *Жуков*, по его словам, настоятельно пытался доказать *Сталину* правильность этого плана, но *Сталин*, дав соответствующее указание, предложил план переделать. Этим *Жуков* был очень недоволен, обижался на *Сталина* и говорил, что такое отношение к нему очень ему не нравится.

Наряду с этим *Жуков* высказывал мне недовольство решением правительства о присвоении генеральских званий руководящим работникам оборонной промышленности. *Жуков* говорил, что это решение является неправильным, что, присвоив звание генерала наркомам и их заместителям, правительство само обесценивает генеральские звания. Этот разговор происходил между нами в конце 1944 года, когда я и *Жуков* находились на 1-м Белорусском фронте.

Осенью 1944 года под Варшавой *Жуков* также рассказал мне, что он возбудил ходатайство перед *Сталиным* о том, чтобы КУЛИКА наградили орденом Суворова, но *Сталин* не согласился с этим, то он – *Жуков* – стал просить о возвращении КУЛИКУ орденов, которых он был лишен по суду, с чем *Сталин* также не согласился. И в этом случае *Жуков* высказал

мне свою обиду на это, что его, мол, не поддержали и что *Сталин* неправильно поступил, не согласившись с его мнением.

Хочу также сказать Вам и о том, что еще в более близкой связи с *Жуковым*, чем я, находился Серов, который также угодничает, преклоняется и лебезит перед ним. Их близость тянется еще по совместной работе в Киеве. Обычно они бывали вместе, а также посещали друг друга.

На какой почве установилась между ними такая близость, *Жуков* мне не говорил, но мне кажется, что *Жукову* выгодно иметь у себя такого человека, как Серов, который занимает большое положение в *Министерстве внутренних дел*.

Я тоже находился в дружеских отношениях с Серовым, и мы навещали друг друга.

Когда я был снят *Сталиным* с должности командующего ВВС, *Серов* говорил мне о том, чтобы я пошел к *Маленкову* и просил у него защиты.

Во время моего пребывания в Германии Серов содействовал мне в приобретении вещей.

Касаясь своих преступлений, я вынужден признать, что после отстранения меня от работы в ВВС я был очень обижен и высказал в кругу своих близких несогласие с таким решением *Сталина*, хотя внешне при людях я лукавил душой и говорил, что со мной поступили правильно, что я это заслужил.

Так, вскоре после состоявшегося обо мне решения я в беседе со своей женой и ее братом Владимиром говорил, что причина моего снятия заключается не в плохой моей работе, а в том, что на меня наговорили. При этом я всячески поносил и клеветал на *Верховного Главнокомандующего* и его семью. Я также заявлял, что *Сталин* несправедливо отнесся ко мне.

Когда мне стало известно об аресте ШАХУРИНА, РЕПИНА и других, я был возмущен этим и заявлял в кругу своих родственников, что поскольку аресты этих лиц произведены с ведома *Сталина*, то просить защиты не у кого.

Вражеские разговоры я в апреле 1946 года вел со своей бывшей женой ВЕЛЕДЕЕВОЙ М. М., которая проездом останавливалась в Москве.

В беседе с ВЕЛЕДЕЕВОЙ я говорил, что *Сталин* необъективно подошел ко мне, и возводил на него злобную клевету.

В разговорах с моей теперешней женой Елизаветой Федоровной и с ВЕЛЕДЕЕВОЙ я обвинял правительство и лично *Сталина* в том, что они не оценивают заслуг людей и, несмотря ни на что, изгоняют их и даже сажают в тюрьму.

Повторяю, что, несмотря на высокое положение, которые я занимал, и авторитет, созданный мне Верховным Главнокомандующим, я все же всегда чувствовал себя пришибленным. Это длится у меня еще с давних времен.

Я являюсь сыном полицейского, что всегда довлело надо мной, и до 1932 года я все это скрывал от партии и командования.

Когда же я столкнулся с *Жуковым* и он умело привязал меня к себе, то это мне понравилось, и я увидел в нем опору.

Такая связь с *Жуковым* сблизила нас настолько, что в беседах с ним один на один мы вели политически вредные разговоры, о чем я и раскаиваюсь теперь перед Вами.

Признаюсь Вам, что я оказался в полном смысле трусом, хотя и занимал большое положение и был главным маршалом.

У меня никогда не хватало мужества рассказать Вам о всех безобразиях, которые по моей вине творились в ВВС, и о всем том, что я изложил в настоящем заявлении.

НОВИКОВ

30 апреля 1946 года».

Спустя сорок дней под грифом «совершенно интересно» вышел приказ Министра Вооруженных Сил Союза ССР № 009. Вот его содержание:

«Совет министров Союза ССР постановлением от 3 июня с. г. утвердил предложение Высшего Военного Совета от 1 июня об освобождении Маршала Советского Союза Жукова от должности Главнокомандующего сухопутными войсками и этим же постановлением освободил маршала Жукова от обязанностей заместителя министра Вооруженных Сил.

Обстоятельства дела сводятся к следующему.

Бывший командующий Военно-Воздушными Силами Новиков направил недавно в правительство заявление на маршала Жукова, в котором сообщал о фактах недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к правительству и Верховному Главнокомандованию.

Высший Военный Совет на своем заседании 1 июня с. г. рассмотрел указанное заявление Новикова и установил, что маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным Главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц.

Маршал Жуков, утерев всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе в разговорах с подчиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения.

Более того, маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым правительству и Верховному Главнокомандованию.

Будучи назначен Главнокомандующим сухопутными войсками, маршал Жуков продолжал высказывать свое несогласие с решениями правительства в кругу близких ему людей, а некоторые мероприятия правительства, направленные на укрепление боеспособности сухопутных войск, расценивал не с точки зрения интересов обороны Родины, а как мероприятия личного характера, направленные на ущемление его, Жукова, личности.

Вопреки изложенным выше заявлениям маршала Жукова, на заседании Высшего Военного Совета было установлено, что все планы всех без исключения значительных операций Отечественной войны, равно как планы их обеспечения, обсуждались и принимались на совместных заседаниях Государственного Комитета Обороны и членов Ставки в присутствии соответствующих командующих фронтами и главных со-

трудников Генштаба, причем нередко привлекались к делу начальники родов войск.

Было установлено, далее, что к плану ликвидации сталинградской группы немецких войск и к проведению этого плана, которые приписывает себе маршал Жуков, он не имел отношения: как известно, план ликвидации немецких войск был выработан и сама ликвидация была начата зимой 1942 года, когда маршал Жуков находился на Украинском, другом фронте, вдали от Сталинграда.

Было установлено, дальше, что маршал Жуков не имел также отношения к плану ликвидации крымской группы немецких войск, равно как к проведению этого плана, хотя он и приписывает их себе в разговорах с подчиненными.

Было установлено, далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым, а Киев был освобожден не ударом с юга, с букринского плацдарма, как предлагал маршал Жуков, а ударом с севера, ибо Ставка считала букринский плацдарм непригодным для такой большой операции.

Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя умалчивать, отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он был взят.

Под конец маршал Жуков заявил на заседании Высшего Военного Совета, что он действительно допустил серьезные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может оставаться на посту Главкома сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы.

Высший Военный Совет, рассмотрев вопрос о поведении маршала Жукова, единодушно признал это поведение вредным и несовместимым с занимаемым им положением и, исходя из этого, решил просить Совет Министров Союза ССР об освобождении маршала Жукова от должности Главнокомандующего сухопутными войсками.

Совет Министров Союза ССР на основании этого изложенного принял указанное выше решение об освобождении маршала Жукова от занимаемых им постов и назначил его командующим войсками Одесского военного округа.

Настоящий приказ объявить главнокомандующим, членам военных советов и начальникам штабов групп войск, командующим, членам военных советов, начальникам штабов военных округов и флотов.

Министр Вооруженных Сил Союза ССР Генералиссимус Советского Союза И. Сталин».

Вот и все.

Направляя Жукова в Одесский военный округ, Сталин вовсе не ставил целью избавиться от него. Это ненавистники Сталина льют по этому поводу крокодильи слезы, мол, отправил бедного маршала в Одессу — чуть ли не в ссылку.

А вот как было дело. На Высшем Военном Совете зачитали заявление Новикова, затем выступили члены Политбюро ЦК партии, маршал Конев, Василевский, Рокоссовский, Рыбалко. И Жуков вспоминает:

«Сталин никого не перебивал. Предложил прекратить обсуждение по этому вопросу. Затем он подошел ко мне, спросил: “А что вы, товарищ Жуков, можете нам сказать?” Я посмотрел удивленно и твердым голосом ответил: “Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно служил партии и нашей Родине. Ни к какому заговору не причастен. Очень прошу разобраться, при каких обстоятельствах были получены показания... Я хорошо знаю этих людей, мне приходилось с ними работать в суровых условиях войны, а потому глубоко убежден в том, что кто-то их принудил написать неправду”.

Сталин спокойно выслушал, внимательно посмотрел мне в глаза и затем сказал: “А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву”».

Заметьте, как завершился тот разговор, который в деталях запомнился маршалу Жукову: Сталин не сверкал глазами, не стучал по столу кулаком, не топал ногами, как это обычно преподносят в наивных агитках лукавые

мастера – мастера ли? – экранов. Напротив, он спокойно выслушал Жукова, так же спокойно и внимательно посмотрел в глаза человека, с которым провел всю войну, и с оговоркой, похоже, даже с глубоким сожалением сказал: «А все-таки...» Да разве так отправляют в ссылки!

В Одессе крепкий, можно сказать, в расцвете сил 50-летний мужчина, Георгий Константинович установил для себя четкий режим. Ранний подъем, утренний променад на коне по свежему воздуху, затем морские ванны для нагула аппетита. Ну, а потом и в штаб округа.

Известно, что после войны в стране разгулялась преступность. В Харькове, например, страх на жителей наводила банда под названием «Черная кошка». В Одессе жизнь была и раньше-то беспокойная – южный город славился жуликами, шулерами, авантюристами, воришками всех мастей. Но что стоило военачальнику, взявшему Берлин, расправиться со всей этой братвой. Жуков это решил одним махом – распорядился выдать всем офицерам личное оружие и палить по преступникам в любых с ними разборках. Город был разбит на секторы, зачистка от бандитов прошла по-военному, и вскоре «Одесса-мама» успокоилась.

Тогда же Жуков разрешил еще одну проблему, которая годами жила в обещаниях «слуг народа», – квартирный вопрос для служивых Красной Армии. Он, тоже по-военному, дал команду вселяться в новые дома без лишних разговоров с местным начальством. Это напоминало, как бы нынче сказали, рейдерские захваты, но получалось хорошо.

Ну, а служба войск, естественно, оставалась прямой обязанностью командующего военным округом. Когда он прочесывал гарнизоны – все готовились к разносам и беспощадным после них выводам. Я помню приказы Жукова, когда он стал министром обороны. В летной работе, известно, случается всякое – и аварии, и предпосылки к летным происшествиям, и катастрофы. Летчик мог разбиться по всяким причинам, и вот тогда, как правило, следовал приказ, по которому командира полка из армии просто выгоняли. Человека, лучшие годы своей жизни отдавшего охране воздушных рубежей Родины, в таких гарнизонах, где уже за воротами волки воют, которому порой до пенсии по выслуге лет оставалось

год-два, убрали из армии по приказу МО № 100, пункт «Е», и судьба его больше никого не интересовала.

Как тут было не вспомнить отношение к летчикам Иосифа Виссарионовича Сталина, его слова: «Сердце кровью обливается, когда слышу, что летчика обижают». А пехота и кавалерия в летных-то делах разве что-то соображают? Тут звезд хоть до пупа навешай – не поможет. Например, один известный маршал, участник Сталинградской битвы, как-то предложил убрать из кабины истребителя парашют, чем увеличить боекомплект боевой машины. Оригинальный мужик!

А вот один эпизод рассказал мне Герой Советского Союза маршал авиации А. П. Силантьев. Значит, в 42-м он с группой истребителей сопровождал до Ленинграда самолет Жукова. Шибко сердит был тогда Георгий Константинович: «Почему летчики отстали? Что в хвосте плетутся? Летать не умеют!...» И невдомек было в то время еще генералу, что летящие крыло в крыло самолеты хороши только для парада. Оно, может, и спокойнее на душе, когда видишь в окошке летящую рядом охрану с пушками да пулеметами, но для того же «мессера» это великолепный подарок – одной очередью срезать сразу два самолета. А ведь только на определенной дистанции от прикрываемого самолета можно встретить противника, сорвать его атаку и навязать воздушный бой...

Однако закроем эту мало кому интересную нынче тему. Публику тешат на экранах и в прессе любовными приключениями звезд, всяких знаменитостей. Добрались и до маршала Жукова. Георгий Константинович к деликатному-то вопросу – кто, с кем и как – зело строг был. Когда наши войска вошли в Европу и готовились к наступлению на Одере, он призвал к порядку командующего 1-й гвардейской танковой армией М. Е. Катуква. Такая вот была записка: «В собственные руки т. Катукову, Пепелю (члену Военного совета армии Катукова. – С. Г.).

Я имею доклады особо ответственных лиц о том, что Катуков проявляет полнейшую бездеятельность, армией не руководит, отсиживается дома с бабой и что сожительствующая с ним девка мешает ему в работе. Авторитета Катуков в корпусах сейчас не имеет, и даже Шалин (начальник

штаба армии. – С. Г.) и командиры штаба вокруг Катукова ведут очень нехорошие разговоры.

В частях Катуков как будто не бывает. Бой корпусов и армии не организует, вследствие чего за последнее время имелись в армии неудачи.

Требую:

1) От каждого из вас дать мне правдивое личное объяснение по существу.

2) Немедля отправить от Катукова женщину. Если это не будет сделано, я прикажу ее изъять органами СМЕРШ.

3) Катукову заняться делом.

Если Катуков не сделает для себя нужных выводов, он будет заменен другим командиром».

«Аморалка» была вечной заботой политрабочих и любимой повесткой дня партийных бюро. Разбирали со вкусом: «А из зала кричат – давай подробности!» Но вот времена изменились. Проблема эта больше никого не тревожит, и один телеканал закатил как-то программку на весь эфир о тайном сыне маршала Жукова и певицы Руслановой. Мужика привезли в Москву, взяли у него и племянницы Руслановой биоматериал на экспертизу ДНК. Результат анализа оказался убойным – 99,1 % вероятности. Осталось только провести генетическую экспертизу на родство с дочерьми маршала.

Короче, средства массовой информации раскрутили тему. Публика узнала, что с осени 1941 года Жуков возил с собой «прикомандированного фельдшера» Лиду Захарову. «Худенькая, стройная, она была для нас, как солнечный лучик», – вспоминает А. Н. Бучин, шофер маршала. Он рассказывает, что от фельдшера Лиды маршалу была большая польза: «порошок» там дать, банки поставить, спину растереть, да и просто настроение поднять ласковым словом... Заметим, между банками и порошком Лида Захарова от Георгия Константиновича дважды была беременной.

С «прикомандированным фельдшером» маршал не расставался и после войны – взял ее с собой в Одессу, потом в Свердловск. При этом у него была уже вторая жена – Александра Диевна, двое их общих дочерей, была

и внебрачная дочь от Марии Николаевны Волоховой. Затем у Георгия Константиновича появилась военврач Галина Александровна...

Откровенно говоря, при такой диспозиции сторон лейтенантов и молодых капитанов на парткомах драли, как сивых коз, корили за потерю классовой бдительности, морального облика советского офицера. Но когда на бабах горел генерал, блюстители нравственности – политрабочие – восторгались: «Товарищ генерал – жизнелюб!» Приблизительно так закончилась и телепередача по поводу певицы Руслановой и ее возможного сына от Жукова. Проблемы женщин – не маршала! – сексопатолог объяснил просто, хотя для непросвещенных несколько туманно: оказывается, Жуков обладал «большой харизмой»!.. Ну, тут уж ничего не поделаешь – маршал не виноват, что она у него такая...

На Потсдамской конференции союзники разработали программу послевоенного устройства мира, однако одной из важных для нашей страны и до конца нерешенных проблем остались стратегически важные черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. В отношении их был определен режим, в основе которого оставалась конвенция, принятая еще в 1936 году. Суверенитет проливов сохранялся за Турцией, и, согласно международному акту, через те проливы в Черное море имели право проходить как гражданские, так и военные суда. Но для боевых кораблей нечерноморских государств были ограничения – по классу, тоннажу, срокам пребывания в Черном море. Они должны действовать и сейчас.

К примеру, претя штатовский авианосец, скажем, «Independent»: в брюхе у него не один полк истребителей – тоннаж такой, что те проливы из берегов выходят. Но как не пропустить дядюшку Сэма – скучает ведь добродей по нэньке-Украине. Дуже сподобується его хлопцам, колы им про Галю спивають: «Ой, ты Галю, Галю молодая, пидманулы Галю, увезли з собо-ой...»

И вот деталь: во Второй мировой войне Турция объявила нейтралитет! Но помощь-то Гитлеру оказывала? Вот, говорят, Сталину военные предлагали за три дня решить вопрос с теми проливами – стратегически важным для нас выходом в Средиземное море. Однако это не произошло.

Возможно, Сталин рассчитывал на евреев, которым в Штатах в 1942 году была обещана поддержка в создании государства. Гитлер в свое время для такого дела предлагал Мадагаскар. Но евреи выбрали Палестину, и Сталин решительно стал за образование Израиля. Согласитесь, там, на Средиземное море, мог быть форпост стран народной демократии, к примеру, как Германская Демократическая Республика на рубеже с хищным миром Запада. Тогда и те проливы работали бы по другому режиму.

Замечу, к слову, у Турции до сих пор земли Российской империи. В Первую мировую, в декабре 1914-го, в бою с турками смертью храбрых пал мой дед Андрей Петрович Грибанов, Георгиевский кавалер, сотник 1-го Сибирского казачьего полка имени Ермака Тимофеева. Тогда была блестящая Сарыкамышская операция, в которой русские войска наголову разбили превосходящие силы турецкой армии. Именно казаки 1-го Сибирского полка взяли знамя 8-го Константинопольского полка Энвера-паши. Дед был захоронен в братской могиле в Ардагане.

А после революции, в 1921 году, Ленин взял да отдал туркам территорию на юге Кавказа, в том числе города Карс, Каракурт, Ардаган и другие. Отдал крепости – южные рубежи Российской империи – спрашивается, на кой черт?.. Ведь они были основаны армянами еще в четвертом веке! Потом турки захватили эти земли, но русские войска тот же Карс штурмовали в 1807, 1828, 1855, 1877 годах и трижды овладевали им. Так, может, в разборках Второй мировой пора было вернуть то, что исторически принадлежало России?

Феликс Чуев, чьи записи бесед с Молотовым я редактировал для Военного издательства, как-то припомнил разговор по поводу Русской Аляски. Он заметил, что, в случае необходимости, мы могли выставить против американцев 14-ю десантную армию под командованием генерала Олешева. Молотов согласился:

– Да, Аляску неплохо бы вернуть.

– А мысли такие были?

– Были, конечно, – ответил Молотов. – Ну, если мысли были, а больше ничего не было. Еще время, по-моему, не пришло таким задачам.

Возможно, в войну не пришло время возвращения России и ее южных рубежей. Что-то помешало Сталину провести такую важную для укрепления нашей страны операцию – закрыть ворота, в которые беспрепятственно будут ломиться наши вчерашние союзники – вооруженные до зубов «миротворцы». Сначала они будут рыскать на подводных лодках, потом открыто шлепать на боевых посудинах к берегам величайшей русской славы, какой не было и никогда не будет у государства банкиров, финансовых дельцов и спекулянтов.

Так вот, в связи с этим и назначением, как говорят нынче наши либералы, «маршала Победы» к берегам-то Черного моря я раскрою одну тайну, которая если и была известна, то очень узкому кругу людей, умевших по долгу службы молчать.

Значит, в штабе Одесского военного округа, командовать которым прибыл Жуков, начальником Управления связи войск округа был полковник Боянков. Спустя годы он рассказал своему сыну Павлу Боянкову об известных только ему разговорах – по секретной связи – речь шла об изменении режима черноморских проливов и возвращении наших земель на южной границе.

Оценивая послевоенное положение страны, Сталин как-то заметил: «На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика – это исконно русские земли! – снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы – вместе, молдаване – вместе. На Западе нормально. – И сразу перешел к восточным границам. – Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь. Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш. – Сталин провел трубкой по Китаю, – и КВЖД наша. Китай, Монголия – все в порядке... Вот здесь мне наша граница не нравится!» – сказал Сталин и показал южнее Кавказа...

Речь шла о проливах Босфор и Дарданеллы, управлении ими. Полагая оформить это через ООН, Сталин подсказывал Молотову: «Давай, нажимай! В порядке совместного владения». Министр иностранных дел сомневался: «Не дадут». – «А ты потребуй».

Когда наши корабли вошли в проливы, там уже стояли англичане. Момент был упущен.

В 1975 году в одном из солидных государственных учреждений проходил вечер, посвященный русскому дипломату, поэту Федору Ивановичу Тютчеву. Вечер вел известный историк, публицист В. Кожин, и, к слову, заметил, что, по убеждению Тютчева, в будущем Константинополь станет одной из столиц Российской империи. Когда он об этом сказал, в зале кто-то гневно воскликнул: «Проморгали Константинополь, проморгали!»

Это был прославленный полководец Великой войны главный маршал бронетанковых войск Павел Алексеевич Ротмистров. Как известно, в конце сентября 1944 года наши танки, вышедшие на южную границу Болгарии, находились на расстоянии одного броска от древнего средоточения Православия...

Да, так вот священник православного Братства имени Архистратига Михаила Павел Боянков передал мне как-то ту секретную информацию, известную его отцу. Каких-либо документов, подтверждающих разговоры командующего округа с Кремлем, понятно, нет. Так вообще не все кремлевские-то разговоры укладывались в протоколы. Скажем, почти одновременно тогда шла работа по образованию на палестинской территории государства Израиль. Мы помогали евреям оружием, которое доставляли через Чехословакию. А кто знал об этом? В газетах не писали, по радио не передавали.

Вот после Одессы, отправляясь на Урал, Жуков в разговоре с женой бросил в сердцах такую фразу: «Ну, х... с ними, пусть теперь другие повоюют!» Что имел в виду маршал, с кем ему уготовано было еще «повоевать»?..

Как знать, может, опальному маршалу давался хороший шанс на реабилитацию: Сталин планировал наказать Турцию за ее откровенно прогерманскую позицию в 1941–1944 годах?.. Только вот не растерял ли Георгий Константинович боевой дух в житейских-то передрыгах?

9 июня 46-го он выслушал приказ об освобождении его от обязанностей заместителя министра Вооруженных Сил, Главнокомандующего

сухопутными войсками и назначении в Одессу. А через десять дней в Ягодинской таможне, близ Ковеля, были задержаны 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью – 194 предмета! Среди них спальня для дачи из карельской березы, круглый стол – полированный орех Мозер с матовой инкрустацией под кожу, гостиная красного дерева с обивкой из золотого плюша и т. д. Ко всему этому хозяйству прилагалась справка, в которой сообщалось, что выше поименованная мебель была лично заказана маршалом Советского Союза тов. Жуковым Г. К. в Германии на мебельной фабрике «Альбин Май». Разрешение на вывоз этого хозяйства дали командующий ГСВГ В. Соколовский и член Военного совета К. Телегин.

И вот, надо же! Сталин только что получил письмо от одного генерал-полковника – тот возмущался, что на таможне задержали целый вагон вещей, которые он вез из Германии. Сталин прочитал жалобу и наложил такую резолюцию: «Вернуть г.-полковнику барахло. И. Сталин». А тут еще круче – 7 вагонов одной только мебели!

Так до черноморских ли проливов было отцам-командирам. Шибко, видно, расслабились под победные-то фанфары. И Сталин тогда распорядился вагоны с «барахлом» задерживать и все содержимое передавать государству. Это было начало «трофейного дела».

По тому делу был арестован адъютант Жукова А. С. Семочкин. На следствии он откровенно рассказал о поборах в Германии некоторых генералов и офицеров. Сообщил Семочкин и о своем шефе. По его свидетельству, Жуков хранил чемодан и шкатулку с уникальными золотыми изделиями и бриллиантами, при этом адъютант подробно описал, как выглядит тот маршалский багаж.

Сталин не поверил его показанию. Бессребреник, до 40 лет скитавшийся по ссылкам, не имеющий ни кола ни двора, он ходил в стоптанных ботинках, старой шинели, был противник всего западного. А тут...

– Я хочу понять вашу психологию. Вот я как руководитель имею две государственные машины. У вас тоже есть государственные машины, – так Сталин разговаривал с Новиковым после его ареста. – Зачем вам еще восемь собственных?..

На московской квартире Жукова был произведен обыск. Министр госбезопасности Абакумов потом докладывал: «Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями. В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальном комнате». В той шкатулке оказалось 17 золотых часов, 3 – с драгоценными камнями, 15 золотых кулонов, в том числе 8 с бриллиантами. А еще чекисты обнаружили золотые портсигары, браслеты, серьги, кольца.

Через три дня они провели обыск и на даче маршала. «Дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей», – рассказывал Абакумов, и сам-то круто поработавший в Германии на эту же тему. Однако вот опись той антикварной лавочки:

«Кулоны и броши золотые (в том числе один платиновый)
с драгоценными камнями 13 штук.

Часы золотые 9 штук.

Кольца золотые с драгоценными камнями 16 штук.

Серьги золотые с бриллиантами 2 пары.

Другие золотые изделия (браслеты, цепочки и др.) 9 штук.

Украшения из серебра, в том числе под золото, 5 штук.

Металлические украшения (имитация под золото и серебро) с драгоценными камнями (кулоны, цепочки, кольца) 14 штук.

Столовое серебро (ножи, вилки, ложки и другие предметы) 713 штук.

Серебряная посуда (вазы, кувшины, сахарницы, подносы и др.) 14 штук.

Металлические столовые изделия под серебро (ножи, вилки, ложки и др.) 71 штука.

Шерстяные ткани, шелка, парча, бархат, фланель и другие ткани 3420 метров.

Меха – скунса, норка, выдра, нутрии, черно-бурые лисы, каракульча и другие 323 штуки.

Шевро и хром 32 кожи.

Дорогостоящие ковры и дорожки больших размеров 31 штука.

Гобелены больших размеров художественной выделки 5 штук.

Художественные картины в золоченых рамах, часть из них представляет музейную ценность 60 штук.



*Последнее публичное выступление И. Сталина.
В последний раз он просится в отставку. 14 октября 1952 г.*

Я даю крепкую клятву большевика – не допускать подобных ошибок и глупостей.

Я уверен, что я еще нужен буду Родине, великому вождю товарищу Сталину и партии».

Нет, никак не вязался прикольный сюжет либералов с ксивой на пахана. Сколько, мягко говоря, несоответствий в аргументах и фактах, письменных и устных, искусственно накрученных с целью убедить людей в зловещих замыслах Сталина. Вот Жуков рассказывает военному историку Н. А. Светлишину о заседании Высшего Военного Совета 1 июня 1946 года:

«Генерал Штеменко занял стол секретаря Совета. Сталин почему-то опаздывал. Наконец он появился. Хмурый, в довоенном френче... Он надевал его, когда настроение было “грозовое”. Недобрая примета подтвердилась... Его взгляд на какое-то едва уловимое мгновение сосредоточился на мне. Затем он положил на стол папку и глухим голосом сказал: “Товарищ Штеменко, прочитайте, пожалуйста, нам эти документы”.

Генерал Штеменко раскрыл положенную Сталиным папку и начал громко читать. То были показания находившегося в застенках Берии бывшего члена Военного совета 1-го Белорусского фронта К. Ф. Телегина и бывшего командующего ВВС Советской Армии Главного маршала авиации А. А. Новикова... Суть их была однозначна: маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота. Всего в деле фигурировало 75 человек – из 74 ко времени этого заседания были уже арестованы и несколько месяцев находились под следствием. Последним в списке был я.

После прочтения показаний генерала Телегина и маршала Новикова в зале воцарилась гнетущая тишина, длившаяся минуты две. И вот первым заговорил Сталин. Обращаясь к сидящим в зале, он предложил выступать и высказывать мнение по существу выдвинутых в мой адрес обвинений. Выступили поочередно члены Политбюро ЦК партии Маленков и Молотов. Оба они стремились убедить присутствующих в моей вине. Однако для доказательств не привели каких-либо новых фактов,

повторив лишь то, что указывалось в показаниях Телегина и Новикова. После Маленкова и Молотова выступили маршалы Советского Союза Конев, Василевский и Рокоссовский».

Ну, прежде всего, о показаниях генерала К. Ф. Телегина. Откуда они-то взялись? Я несколько лет работал в военно-мемуарной редакции Воениздата с сыном Константина Федоровича Костей Телегиным. Доподлинно знаю историю ареста, заключения его отца. Если были показания члена Военного совета, то без всяких пыток, добровольно. Когда Жукова освобождали от занимаемых им постов, член Военсовета Телегин, можно сказать, грузил ему те 7 вагонов мебели. В таможене близ Ковеля их задержали через десять дней после приказа о переводе маршала Жукова в Одессу – и справка за подписью Телегина не помогла. А самого-то Константина Федоровича арестовали только через полтора года. Если была «телега» генерала Телегина на своего командующего, то абсолютно добровольно, как на духу.

Полная неразбериха и в перечислении выступавших после прочтения генералом Штеменко письма Новикова. В беседе с историком Светлишиным Жуков упоминает выступления на Высшем Военном Совете членов Политбюро ЦК партии Маленкова и Молотова, а в собственноручной записи маршала названы Берия и Булганин. То же касается и выступавших маршалов: в одном случае названы Конев, Рокоссовский, Василевский и Рыбалко, в другом – Голиков и Рыбалко.

О военном заговоре будто бы 75 генералов идет речь в записи историка Светлишина. Но потом о «перевороте» нигде и речи нет. Военачальники корили маршала Жукова за присвоение себе заслуг в разработке и проведении всех победных операций Великой Отечественной войны, в том числе и тех, к которым он не имел никакого отношения; обвиняли в недостойном поведении, фактах, изложенных в заявлении на него Новиковым.

Старый друг Жукова генерал В. Крюков, муж известной певицы Л. Руслановой, на следствии рассказывал то же, в чем упрекали маршала члены Политбюро ЦК партии и видные военачальники. «Жуков не раз называл себя спасителем Родины. В своем зазнайстве он дошел до того, что стал противопоставлять себя Верховному Главнокомандующему,

бесстыдно заявляя, что заслуга в разгроме немцев принадлежит только ему, Жукову, – говорил Крюков и признавался: – Все мы старались перещеголять друг друга, на все лады восхваляя Жукова, называя его новым Суворовым, Кутузовым, – и Жуков принимал это как должное. Но особенно ему нравилось то, что Русланова прилюдно стала его называть “Георгием Победоносцем”. Надо сказать, что он не забывал нас поощрять. В августе 1944-го, когда Жуков был представителем Ставки на 1-м Белорусском фронте, я пожаловался ему, что меня обошли наградой за взятие города Седлец. Жуков тут же позвонил Рокоссовскому и предложил ему представить меня к награждению орденом Суворова I степени. Это указание было незамедлительно выполнено, и я был награжден. Точно так же, превысив свои полномочия, он наградил и мою жену Русланову. Когда Жуков стал Главкомом сухопутных войск, он взял меня к себе и назначил начальником Высшей кавалерийской школы. Он же помог мне получить еще одну квартиру, третью по счету».

Из Германии казачий генерал вывез 4 машины старинных ковров и gobеленов, мебель, меха, антикварные сервизы, картины. Но Крюков делился предметами домашнего обихода: «Жукову я отправил дорогие отрезы, ковры, посуду и много чего другого». Крюкова и Русланову арестовали.

В феврале 1948-го ребята с Лубянки с их сокровищами сработали уже более четко, чем с тем чемоданчиком, заполненным бриллиантами и золотом. В тайнике под плитой на кухне бывшей няни Руслановой были изъяты 208 бриллиантов, изумруды, сапфиры, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия. Лидия Андреевна коллекцию таких камешков объясняла просто: «Хорошо зарабатывала исполнением русских песен». 208 раз спела про «Валенки, не подшиты, стареньки» – 208 бриллиантов в коробочку, под пол. Нынче так лихо поет разве что Алла Борисовна Пугачева. Попела о королях: «Все могут короли... Охо-хо, а-ха-ха...» – несколько тысяч «зеленых» гони, Афоня!

Да, а генерал и генеральша, друзья Георгия Константиновича, были к тому же крупными ценителями русского искусства. Стены их дома были увешаны картинами, которым цены нет! 7 полотен Маковского, 5 – Кустодиева, 5 – Шишкина, 4 – Репина, 4 – Нестерова, по 3 – Поленова, Айва-

зовского, Сомова, Малявина, по 2 – Серова и Врубеля, по 1 – Васнецова, Сурикова, Верещагина, Тропинина, Мясоедова, Брюллова, Крамского, Юона, Левитана... Короче, более 132 полотен. Картины эти помогал приобрести в блокадном Ленинграде известный искусствовед И. Грабарь. На допросе Лидия Андреевна, как бы между прочим, заметила, что не одна она скупала тогда художественные ценности и бриллианты и называла не менее известные имена, среди которых были Леонид Утесов, Исаак Дунаевский, Екатерина Гельцер...

Вот еще была коллекция у генерала и певицы. Чекисты не поленились и подсчитали все. По описи у них значилось: 144 куса мыла, 47 банок гуталина, 50 шнурков для обуви, 44 велосипедных насоса, 16 дверных замков... 47 банок гуталина! Да это пехотному полку целых полгода сапоги чистить!..

Протоиерей Михаил Ардов как-то припомнил о встречах с генералом Крюковым и певицей Руслановой. Родители Миши были хорошо знакомы с ними, и вот протоиерей рассказывает: «Мы в гостях у Руслановой. На роскошном пушистом ковре распластана фигура человека в темном костюме. Это – классик советской драматургии Николай Погодин.

Над ним стоит генерал в кителе и в штанах с лампасами, это – Крюков. Он производит шутиливую экзекуцию, бьет веником по мягкому месту вдребезги пьяного Погодина. А присутствующие – Русланова и мои родители – заливаются веселым смехом... Под потолком сияет хрустальная люстра, мебель вся из карельской березы. А на диване – предмет нашего с братом Борисом восхищения и любопытства – шкура настоящего тигра. Пасть оскалена, стеклянные глаза сверкают...»

Что тут скажешь, веселая компаха собиралась вокруг Георгия Константиновича Жукова. Тут уж не до турок с их Дарданеллами...

P.S.

А. Миркина, редактор АПН:

– Георгий Константинович, как могло получиться, что после всего, что вы сделали, Сталин отправил вас в Одессу, а затем в Свердловск?

Г. Жуков:

– Зависть к моей славе...

«Как был скорняком, так скорняком и остался» (в юности Г. Жуков работал в скорняжной мастерской своего дяди. – С. Г.).

*Сталин, узнав о сотнях меховых шкур,
хранимых на даче маршала Жукова*

«Следует сказать, что жуковское оперативное искусство – это превосходство в силах в 5–6 раз, иначе он не будет браться за дело. Он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру».

Маршал Советского Союза А. Еременко

«Тов. Сталин, я еще раз со всей чистосердечностью докладываю Вам о своих ошибках.

Во-первых, моя вина прежде всего заключается в том, что я во время войны переоценивал свою роль в операциях и потерял чувство большевистской скромности...

Все допущенные ошибки я глубоко осознал, т. Сталин, и даю Вам твердое слово большевика, что ошибки у меня больше не повторятся... Прошу Вас, т. Сталин, оказать мне полное доверие, я Ваше доверие оправдаю».

Г. Жуков.

27 февраля 1947 г.

«...Настоящий пленум для меня был большой партийной школой. К моему глубокому сожалению, я только здесь по-настоящему осознал значение тех ошибок, которые были допущены мною в руководстве Вооруженными Силами, особенно за последнее время...

Я искренне, товарищи, благодарю за эту хотя и горькую, но объективную критику, проникнутую партийной тревогой нашего Центрального Комитета за наши Вооруженные Силы.

Предлагая меру взыскания, некоторые товарищи говорили, что я уже был один раз выведен из ЦК при жизни Сталина в 1946 году и что я не понял необходимости исправить те ошибки, за которые был выведен. Тогда, товарищи, я не мог признать и не признал правиль-

ным вывод меня из Центрального Комитета, не признал правильными те обвинения, которые мне были предъявлены. Сейчас другое дело. Я признаю свои ошибки, я их в процессе пленума глубоко осознал и даю слово Центральному Комитету партии полностью устранить имеющиеся у меня недостатки. В этом я заверяю через наш Центральный Комитет КПСС всю нашу партию».

*Г. Жуков
29 октября 1957 г.*

«Хрущев уже делал все, что ему велела “левая нога” (не снимая ботинка, как в Нью-Йорке). Жуков импонировал ему грубостью и стремлением к единоличной власти. Но такие властолюбивые люди, как Жуков, опасны, если над ними нет сильной руки и авторитета. Сталин правильно и вовремя заметил опасные стремления Жукова приписывать все только себе.

...Они оба, Хрущев и Жуков, открыто ругали И. В. Сталина и выдумывали всякие небылицы. Но это остается на их совести. В книге Жукова я уже прочитал другое... Он в феврале 1955 года был назначен министром обороны и получил “карт-бланш” от Н. С. Хрущева. Вся накопившаяся к Сталину неприязнь, как распрямившаяся пружина, чувствовалась в эти дни во всем поведении Жукова. Он как бы стремился наверстать потерянное время и славу».

Н. Г. Кузнецов, адмирал флота

ДВА ПРЕЗИДЕНТСКИХ СРОКА

В конце 1945 года у Сталина случился очередной инсульт. Он собирался уйти от непосредственного руководства страной и как-то за столом на даче сказал: «Пусть Вячеслав теперь поработает. Он помоложе». Но работа, служение Сталина России по-прежнему оставалось смыслом его жизни.

Не на словах, а на деле Сталин стремился поднять жизненный уровень народа, понесшего во время войны огромные потери. Так, 25 августа 1946 года вышло постановление Совета министров СССР «О повышении

заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке».

В декабре 1947-го была отменена карточная система на продукты питания. 16 декабря объявлена денежная реформа. Наличные деньги у населения менялись на новые из расчета 10:1. Денежные вклады в сберегательных кассах до 3 тысяч рублей, а это было $\frac{4}{5}$ всех вкладов, сохранялись – их меняли рубль на рубль, а все, что превышало 10 тысяч рублей, уменьшалось в два раза. Так что большинство народа от той реформы не пострадало. Ну, а мошенников, спекулянтов, кто нажился за счет войны, крепко приструнили.

Прошло всего три послевоенных года, и вот на XIX съезде партии докладчик Молотов сообщил, что «уровень довоенного, 1940 года по общему годовому производству промышленной продукции достигнут и превзойден»! Восстановление народного хозяйства – всего за 3 года! – стало еще одной блестящей победой сталинской эпохи.

С 1948-го до последних дней жизни Сталина в стране проводилось снижение цен на продовольственные и промышленные товары. К примеру, черный хлеб стал в 3 раза дешевле, картофель – в 9,4 раза, мясо – в 2,4; масло сливочное – в 2,3; сахар – в 1,6; молоко – в 1,3 раза.

Копейки стоила оплата за жилищные услуги, а квартиры мы получали вообще бесплатно. Бесплатными были и медицинское обслуживание, и лечение в санаториях, и образование. А оплату за транспорт нынче и сравнивать невозможно: 3 копейки стоил проезд на трамвае, 4 копейки – на троллейбусе, метро – 5 копеек. Такси – 20 копеек за километр. В парикмахерской тебя постригут за 60 копеек, а если еще попрыскают одеколоном – 1 рубль. Почтовая марка стоила 4 копейки, так что на почте маленькой деревушки, возле которой стоял наш полк, я выписывал кучу иллюстрированных журналов из дружественных нам стран народной демократии. В глухомани, среди староверов, было интересно получать почту из ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии. А еще ведь шли и наши газеты и журналы – и это все при финансовом довольствии лейтенанта в 140 рублей.

Разумно управляемое при Сталине плановое ведение народного хозяйства позволило не только восстановить в кратчайшие сроки разрушенную войной страну, но и реализовать масштабные проекты.

В 1946 году был принят четвертый пятилетний план, а уже в марте 47-го начал действовать первый гидроагрегат ДнепроГЭСа. На севере Сибири началось строительство железной дороги, связывающей в устье Оби Салехард с Игаркой. На Волге, Ангаре, Каме и Днепре сооружались крупнейшие гидроэлектростанции, строился Волго-Донской судоходный канал, всюду заработали сотни индустриальных гигантов, в том числе Череповецкий, Орско-Халиловский, Закавказский металлургические заводы.

В 1946-м впервые в мире мы начали внедрять автоматизацию технологических процессов, и в 1948-м в стране было автоматизировано управление 25 крупнейших ГЭС. В 1949 году началось производство промышленных автоматов, затем была создана первая электронно-вычислительная машина. Ну и в 1949 году мы сделали атомную бомбу, в 1953-м – водородную, почему за бугром с нами как-то еще считаются до сих пор и на европейских сборищах позволяют нашим начальникам присутствовать... в сенях.

Рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер в свое время высказался по этому поводу: «К Сталину тоже надо испытывать безусловное уважение. Он в своем деле – гениальный... его экономическое планирование настолько всеобъемлюще, что оно, пожалуй, превзойдено только нашим четырехлетним планом...»

Не случайно Сталин оставил народу золотой запас больше 2 000 тонн! С горбачевским «процессом» резерв золота уменьшился в 10 раз. Так что нынешние ударники капиталистического труда вынуждены выкручиваться из трудного положения.

Вон Рома Абрамович, скромнейший казначей ельцинской семьи, скупал острова с дворцами – на континент не тянул, денег не хватало. За 168-метровую яхту Рома заплатил полмиллиарда долларов. И у него стало три яхты, заработанные в поте лица. Миллиардер В. Лисин приобрел замок XVI века в шотландском поместье. Д. Рыболовлев – домишко на берегу Женевского озера за 26 миллионов долларов, а своей дочурке за

88 миллионов долларов рванул самую дорогую квартиру в Нью-Йорке. Трубопрокатный миллиардер А. Мельниченко за 1 миллион долларов на свой день рождения пригласил певичку Кристину Агилеру. Ну, как праздник без Агилеры! Трубопрокатчика на глубоких виражах обошел никелевый олигарх В. Потанин. В подмосковном дворце для себя любимого за 3 миллиона долларов он устроил концерт Майкла Джорджа. Что за птица такая этот Джордж? А хрен его знает. Вот у Володи Потанина яхточка за 200 000 000 долларов – это да!

В евангельской притче о Втором Пришествии Сына Человеческого сказано, что всех людей он разделит – одних по правую сторону от себя, других – по левую сторону. Правыми и праведниками окажутся те, кто накормил голодных, напоил жаждущих, дал кров бездомным, послужил больным. Не в евангельских притчах – в жизни – в многотрудные послевоенные годы наш народ был признателен Сталину за его праведные дела: и за хлеб, и за образование, и за порядок в стране.

Вот, скажем, коррупция, о которой нынче много говорят, а воз и ныне там. Была ли она при Сталине? Если была, то как боролся с ней – без всяких кавычек! – хозяин страны? Товарищ по перу Шамиль Султанов как-то заметил: «Наши либералы никогда не говорят о том, что главной мишенью “большого террора” 1937–38 годов была коррупционная система, которую создали вместе т. н. “старая ленинская гвардия” и десятки тысяч “героев нэпа”. Для Сталина накануне “большой войны” гораздо важнее было доверие десятков миллионов советских людей своему государству, чем лицемерная лояльность сотен тысяч чиновников. Потому Советский Союз и выиграл войну».

Детки и внуки тех «гвардейцев» и «героев» раскрутили тему и послевоенного – «малого террора». Меньше всего заботясь о причинно-следственной связи побасенок о Сталине, несут несусветную чушь, мол, сажал он в тюрьмы и расстреливал без вины виноватых. Однако дело обстояло не совсем так.

С победой над Германией в разрушенную и ограбленную врагом страну стали возвращаться наши культурные и материальные ценности,

а заодно шли и трофеи победителей. Полковникам бесплатно полагался легковой автомобиль. Капитан мог получить мотоцикл. Раз в месяц и рядовые бойцы имели право отправлять родным почтовые посылки.

Так, мой отец, в звании капитана, стал владельцем спортивного мотоцикла «Puch», а мне привез маленький полуаккордеончик «Traviata». В железнодорожном узловом пункте Ковель, где отец служил, была трофейная перевалочная база, отвечал за которую генерал Шимановский. Так вот именно оттуда кое-кому и отправляли импортное «баракло» вагонами.

Крепко поработала на эту тему вторая жена Василия Сталина, дочь маршала Тимошенко. Сам полковник Сталин был равнодушен к таким «ценностям». Трофейный автомобиль «Паккард» и немецкая овчарка – вот все, что Василий Иосифович оставил себе после развода с Тимошенко. А между тем на фоне жизни возрождавшейся страны вырисовывалась и тревожная картина: всколыхнулся коррупционный дух «ленинской гвардии» и «героев нэпа». Пошли взятки и «подарки» – породистыми лошадьми, бриллиантовыми брошками, а попроще – радиоприемниками «телефункен», редкими по тому времени. Появились миллионеры.

Я знаю одного сослуживца отца, который вывез из Германии всего-навсего маленький чемоданчик, заполненный швейными иглками. Этот товар после войны был чрезвычайно дефицитным, и скромный интендант, вроде Ромы Абрамовича, сколотил миллион рублей. Получилось не хуже, чем у грузинских батона, которые летали в наши северные края. Туда чемодан лаврушки – три листика в пакетике из газеты: «Адын рупь!», а назад тот же чемодан приземлялся – полный денег.

Этот бардак Сталин решительно прекратил. Вот почему мы и восстановили страну после войны за три года.

Отмена карточной системы на продукты, снижение цен на товары народного потребления, финансовая реформа обеспечивали рост благосостояния народа на 15–20 % ежегодно. Это постоянное повышение жизненного уровня людей, непрерывный рост могущества государства Сталин разработал и обосновал теоретически в своем труде «Экономические

проблемы социализма в СССР». В нем был открыт и обоснован экономический закон социалистического развития страны. Сталин пишет:

«Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом:

Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Социалистическое государство должно осуществлять свою деятельность по Закону планомерного развития народного хозяйства, а не по Закону конкуренции.

Закон планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства не уничтожают принцип рентабельности производства. Рентабельность надо брать всего хозяйства.

В основе социалистического производства лежит примат производства средств производства, без чего невозможно осуществить непрерывный рост народного хозяйства.

Отказ от примата средств производства означает уничтожение возможности непрерывного роста народного хозяйства. Ибо невозможно осуществить непрерывный рост народного хозяйства, не осуществляя вместе с тем примата производства средств производства».

Комсомольский божок с профессиональным огоньком в глазах, как земляки еще называли Горбачева, «Мишка-пакет», пробравшись на царский трон, отменил примат производства, чем уничтожил возможность развития страны. Прозападники Гайдар, Черномырдин и прочая шушера, скопившаяся вокруг недалекого обкомовского чинуши Ельцина, вообще свернули производство средств производства, уничтожив непрерывность роста нашего народного хозяйства.

Вот дождались мы стараниями либерального правительства того пеху, который клюет в известное место, – Штаты с Европой объявили РФ санкции. Олигархам это до лампы, а кремлевские начальники вынуждены чесать репу. Свое-то производство средств производства развалили в надежде закупать, что потребуется, за бугром, и что?

Мне особенно горько было слышать нервное подергивание экс-президента Медведева по поводу нашей авиационной промышленности. Эта его отмашка, мол, если не умеете строить самолеты – будете на чужих летать... Да, дожили. 90 % гражданских самолетов в стране иномарки – «боинги» да «айрбасы», и обслуживание их полностью зависит от Запада. В разработку российского транспортного «суперджета» государство вложило уже 7 млрд долларов, а российским-то его назвать можно лишь с большой натяжкой – его начинка практически полностью импортная.

Народ был благодарен Сталину и за создание атомного и ракетного щита, обеспечивающих надежную защиту нашей Родины.

13 мая 1946 года вышло сталинское постановление, определившее развитие всей ракетно-космической отрасли на многие годы вперед – включая и наше время. Все нынешние заводы и достижения – остатки того, начало чему положил Сталин. Гонка вооружений, навязанная нашей стране, конечно, отвлекала средства от мирного строительства, задерживала решение жилищной проблемы в городах, тормозила развитие сельского хозяйства и благоустройство деревень. Но выбора не было.

Еще вот, в связи с этим, мудрое государственное решение Сталина – речь о так вспоминаемых нынче «детях войны». Но прежде о детях, родившихся в окаянные годы нового режима, общественного устройства, где, с одной стороны, кучка толстосумов-банкиров, финансовых спекулянтов, взяточников-чиновников и бесстыжих холуев власти экранной элиты, зоологических ненавистников Сталина, а с другой – жутко терпеливый многострадальный наш народ.

Сейчас, когда я пишу эти строки, в телепрограмме «О чем нельзя молчать» рассказы о девочке Фелиции, удочеренной шведской семьей. Она встречается со своей биологической мамой, а у нее еще четверо детей, о которых она ничего не знает с самого их рождения.

Как-то наш президент в беглой беседе перед камерами с госпожой Матвиенко несколько не сошлись в подсчете беспризорников в стране. Уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка привел такую цифру – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России

почти 700 тысяч (<https://rg.ru/2011/06/21/detbandy.html>), а Матвиенко уверена, что брошенных на произвол судьбы в новой России только 600 тысяч. Заметим, что бедных детей, которые живут в подвалах, на мусорных свалках с бомжами, в канализационных колодцах, значительно больше. И вот память опять возвращает к ушедшему времени – к тому, как было при Сталине...

После войны без отцов осталось около 600 тысяч ребят. Чтобы спасти молодое поколение, Сталин увеличил количество суворовских и нахимовских училищ, открыл новые авиационные, морские и артиллерийские спецшколы, в которых стали учиться мальчики даже из самых глухих сел и деревень. Жили они на полном государственном обеспечении и получали хорошее образование, великолепную физическую подготовку.

В средних-то школах и мы на уроках физкультуры сдавали зачеты – бегали на короткие и длинные дистанции, прыгали в длину и высоту, ходили на лыжах, бросали гранаты. В начальных классах ребята должны были выполнять нормативы на значок «БГТО» («Будь готов к труду и обороне»), для старшеклассников требования предъявлялись более высокие – по нормативам «ГТО» I и II ступени. Ну, а спортивные достижения определялись разрядами – от юношеского до первого, дальше уже был потолок – мастер спорта. Так вот, на кителях «спецов», как мы называли ребят из спецшкол ВВС, щеголявших в красивой «военной форме», с погончиками, было порой по 5–6 значков самых разных видов спорта!

Так, в трудные послевоенные годы Сталин спас целое поколение парней, которое потом верой и правдой служило нашему Отечеству. Я бы мог долго перечислять имена «спецов», ставших командующими соединений, генералами, заслуженными военными летчиками, космонавтами, испытателями, инженерами. Назову некоторых из них: А. Федотов, Д. Заикин, И. Защитин, В. Красковский, В. Омельченко, П. Сидорчук, А. Чабан, Н. Стененко... С ними я летал в небе ставшей родной мне Украины, Белоруссии, в полку Группы советских войск в Германии.

Сейчас, оглядываясь на пройденные 25 лет жизни, разрушительных для некогда великой державы, я вспоминаю поистине братские отноше-

ния армий дружественных нам стран народной демократии. И свидетельства тому – совместные учения частей Группы советских войск в Германии, немцев, чехов, венгров, поляков. Полк, в котором я завершил свою боевую вахту летчика-истребителя, стоял на границе двух миров – хищного капитала и первой в истории Германии рабоче-крестьянской республики. Американские самолеты то и дело рыскали там вдоль границы «челноками» – туда-сюда, туда-сюда. Наглости-то этим «ястребам» не занимать, а у них на уме – кто знает, что? Поэтому, как только «миро-творцы» начинали выруливать со стоянки, у нас, в дежурном звене, сигнал – летчик в кабину, по газам, и через пять минут – днем или ночью, в любую погоду – уже на высоте 10 000 метров.

Как-то, помню, залетел милочка за «ленточку», то есть за границу. На перехват его поднялся капитан Зиновьев Федя с ведомым. Сначала, для порядка, Федя предупредил американца очередью из пушек перед его носом, мол, следуй за мной. Тот косить под дурака – будто не понимает, в чем дело. Капитан Зиновьев прочно усвоил завет фронтовиков: стрельба – лучший способ передачи мысли на расстоянии, – ну и шарахнул по американцу очередь – мама, не горюй! Оказался, гад, разведчиком. Федю тогда за решительные действия по нарушителю границы наградили орденом Красного Знамени.

К слову, с заветами фронтовиков нам достались песни, привезенные с войны. Они вдохновляли наших бойцов на победу, выражали их сокровенные чувства любви к Родине, родному дому. Сейчас такие песни не поют. Нынче в моде песни о деньгах. «Мани, мани, мани...». Или, вон, здоровенная тетка берет на руки корешка-напарника и голосит: «Бухгалтер, милый мой бухгалтер...» – хоть святых выноси.

А мы, бывало, идем эскадрильей, и тот, кто поголосистей, запекает старую фронтовую песню:

Нам крылья дал народ родной,
И мы храним его границы.
Но если враг навяжет бой,
То мы сумеем с ним сразиться.

Дальше уже все мы – бодро, с настроением:

Летчики-пилоты боевые,
Сталинские соколы родные
Врага в бою заставили понять,
Что можем за свободу постоять,
За Родину, за Сталина сумеем постоять!..

Далеко летела наша песня. И было так радостно на душе, так спокойно – за свое будущее, свою судьбу, накрепко связанную с судьбой страны, равной которой не было на всем белом свете.

Так что побасенки и страшилки о злодее Сталине, его замыслах по поводу знаменитого маршала – о том, как Сталин подсовывал ему «коня белой масти», о доносе Новикова, выбитом из-под палки, наконец, о «зависти» Сталина к чужой славе – трещат по швам! Они даже не вписываются в хронику его послевоенной жизни...

В августе 1945-го, разгромив японскую Квантунскую армию, Советский Союз освобождает территорию и население Северо-Восточного Китая, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов. На Потсдамской конференции были установлены зоны для приема капитуляции японцев – к северу и югу от 38-й параллели как временной демаркационной линии между советскими и американскими войсками. Но в мае 1948-го реакционные круги Южной Кореи провели выборы и создали марионеточное правительство.

Тогда, в августе того же года, и на севере Кореи состоялись выборы. Там 9 сентября Верховное народное собрание провозгласило Корейскую Народно-Демократическую Республику. О Потсдамских соглашениях по Корее уже можно было не вспоминать: прикрываясь голубым флагом ООН, дядюшка Сэм наложил свою лапу на южную территорию полуострова. Граница его государства от Кореи хрен знает где, а наша-то рядом, через забор. И что было делать тогда Сталину? Махнуть рукой да пойти играть в теннис: «У России нет врагов!» А может, заняться выяснением, откуда взялись обезьяньи шкурки для шубы Диевны?..

Освобождение нашей армией Северо-Восточного Китая создало условия для победы китайских Народно-Вооруженных Сил над гоминдановскими войсками. Советский Союз был единственной страной, которая оказывало китайскому народу военную и экономическую помощь – еще с 1937 года. И вот все уже шло к образованию Китайской Народной Республики. Так что, Сталину разборка с «барахольщиками» да бриллиантами певички Руслановой были важнее рождения нового Китая?

В мае 1947-го на сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. Громыко от имени Советского Союза предложил создать в Палестине суверенное еврейское государство, и в ноябре была принята резолюция об образовании там двух государств – еврейского и арабского. Арабы не согласились с решением ООН и поднялись на вооруженную борьбу. Американцы, в своих интересах, через англичан тайно вооружали их (это у них получается). А Сталин в той ситуации помог евреям, который просили о поддержке и обещали устроить на Синае «социалистический Израиль».

28 марта 1948 года им был отправлен целый корабль с оружием. Сталин передал евреям и несколько немецких самолетов в разобранном виде, танки Т-34. Вооружение осуществлялось через Чехословакию, там, в Ческе-Будеёвице, наши инструкторы обучали и полетам еврейских летчиков.

Еще вот деталь. Мы одарили евреев Палестины частью собственности Русской Православной Церкви. И что дальше? А дальше лидер еврейской общины Давид Бен-Гурион, виленский иудей, дружок Лазаря Кагановича, работавший с ним в Гомеле, 14 мая 1948 года провозгласил декларацию о создании на территории Палестины еврейского государства. Тогда правила из Штатов тут же признали явление страны Израиль, и отношения у них складывались, как у той девицы, которой цыганка за трешку все рассказал: «А молодая ты, а красивая, а стоишь ты на высокой горе, и все счастье твое спереди. А наклонишься – оно и сзади!..»

Усвоила ли девица смысл гадания цыганки, не знаю. А вот страна Израиль, к вящему удовольствию дядюшки Сэма, все поняла, тем более, что дядюшка для начала пообещал ей дать хорошую деньгу – 100 миллионов долларов.

Не все евреи тогда поддержали такой поворот событий. Израильский политический деятель Шарет, имея в виду роль Советского Союза в создании еврейского государства, писал посланнику Израиля в Англии М. Элиашу: «В моральном плане Израилю не следует демонстрировать на международной арене пример черной неблагодарности и приучать своих граждан платить злом за добро».

Мысль-то какая! Что бы и до русских евреев она дошла...

P.S.

«Что же ты, сука, порочишь Сталина, ты ведь при нем вырос и льешь грязь на то время, период, эпоху. Это кому надо? Посмотрите на его (Приставкина. – С. Г.) портрет в газете – это же откормленный эсэсовец».

Илья Исаакович Штрахман, Амурская обл.

Из интервью писателя А. Приставкина корр. латвийской газеты «Юрмала» В. Юдкину и А. Ольбику.

«Вспоминаю, как я выступал в Тель-Авиве в первый раз. Я прочел какие-то стихи о Сталине, и вдруг в зале поднялся еврей с орденом и крикнул мне: “Как тебе не стыдно порочить гениального генералиссимуса?!” Я буквально остоленел. Если бы это был русский фронтовик, еще понятно. Но еврей...»

Б. Окуджава, гитарист. Май 1995 г. «Два интервью с внуком кантониста». «Алеф», № 900, 2002.

«УЖ НЕ МОГЛА СЕБЕ РУССКОГО НАЙТИ!»

Долгие годы знакомства с Капитолиной Георгиевной Васильевой, женой, верным другом Василия Сталина, оставили добрые воспоминания о ее непростой, но яркой жизни, о встречах и беседах с Иосифом Виссарионовичем. Удивительно проникновенное чутье, понимание людей сра-

зу расположили тестя к новой невестке своего младшего сына. Да там и не требовалось быть особенно тонким психологом – русская-то душа открытая, бесхитростная. Сталин понимал это, поэтому ценил и любил русских – добрый и терпеливый народ.

Но сначала, как Капа познакомилась с Василием. Это случилось в конце 1949 года. После очередной победы знаменитой на всю страну пловчихи Васильевой командующий авиацией округа генерал Сталин вручал ей хрустальный кубок, в который вложил путевку в Дом отдыха. В то время это было редкостью. Но Капа от путевки отказалась, объяснив, что не с кем оставить дочь. Тогда молодой генерал пригласил Капу с дочкой на первомайский парад, потом – на дачу, в Зубалово. «С тех пор моя спортивная звезда и закатилась», – Капитолина Георгиевна как бы подводила итог одной своей жизни – шутка ли, стать 18-кратной рекордсменкой СССР! – и вдруг осесть у домашнего очага. Но, похоже, Василий был прав. Кроме дочки Лины, в новой семье Капе предстояло воспитывать и поднимать еще двоих детей Василия от первого брака – Сашу и Надю...

Почему распался брак Василия с Галиной Бурдонской, никто не знает. Александр Бурдонский, первенец Василия и Галины, делает такое предположение: «Власик, вечный интриган, сказал ей:

- Галочка, ты должна мне рассказывать, о чем говорят Васины друзья. Мать его – матам! Он прошипел:
- Ты за это заплатишь.

Вполне возможно, развод с отцом и был платой. Власик мог начать интригу – чтобы Василий взял жену из своего круга. И подсунул Катю Тимошенко, маршальскую дочь...

Екатерина Тимошенко с нами страшно обращалась. Сестру била жесточайшим образом, у нее почки до сих пор отбиты. На роскошной даче мы умирали с голода. Вылезли как-то, это еще до Германии было, маленькие дети, прокрались туда, где овощи лежат, набрали себе в штаны и зубами чистили свеклу, немытую грызли в темноте. Просто сцена из фильма ужасов. Это в царском доме! Няньку, которую Екатерина поймала на том, что та нас подкармливала, выгнала... Жизнь Екатерины с

отцом – сплошные скандалы. Я думаю, он ее не любил... Скорее всего, чувств особых не было с обеих сторон. Очень расчетливая она, как и все в своей жизни, просто просчитала этот брак».

Поселились они на даче главкома Новикова. Роскошный особняк на берегу Москвы-реки маршал отделал материалами, вывезенными из Германии, обставил фирменной немецкой мебелью, изысканным фарфором. Но весной 46-го Новикова арестовали, и дача перешла Василию. Вот там-то и размахнулась его вторая жена, Екатерина, дочка маршала Тимошенко.

«Екатерина вывезла из Германии огромное количество барахла. Все это хранилось в сарае на нашей даче, где мы с Надей голодали. Когда отец Екатерину выставил в 1949 году, ей потребовалось несколько машин, чтобы вывезти это добро, – вспоминает А. Бурдонский. – А потом у отца появилась третья жена – Капитолина Георгиевна Васильева, известная в то время пловчиха. Я ее вспоминаю с благодарностью, да и теперь мы поддерживаем связи. Она был единственной в то время, кто по-человечески пытался помочь отцу».

Не случайно, надо полагать, так легко и быстро и пришлось по душе Иосифу Виссарионовичу Сталину его третья невестка, Капа. О том свидетельствует двоюродная сестра Василия Кира Павловна:

«Сталин к Капитолине очень хорошо относился. Считал, что она на сына хорошо влияет. Он ведь все знал о Васькиных похождениях. К Василию, как и к Светлане, были представлены соглядатаи из МГБ. Да и доброжелатели всегда все Сталину докладывали.

Рядом с Капитолиной в обществе отца Василий чувствовал себя более защищенным. Поэтому, как только Иосиф Виссарионович приглашал сына приехать к себе, тот тут же бросался к Капе: “Давай поедem к нему вместе! Тебя он так любит!” Надеялся, что при жене ему не так от отца достанется...»

И вот что рассказывала мне о Сталине Капитолина Георгиевна: «В октябре или ноябре 1950-го мы с Василием поехали в санаторий в Сочи. Иосиф Виссарионович в это время отдыхал в Риге и пригласил

нас к себе. Я думала, что едем на день-другой, села в одном платьице в машину, и мы покатили.

Со Сталиным отдыхали некоторые члены правительства, и утром, когда все собрались на завтрак, Иосиф Виссарионович представил меня им, начиная с Молотова:

– Вот моя невестка. – Эти слова он произнес так, будто мы были давным-давно знакомы.

Потом Сталин спросил:

– Что будем пить?

Я вдруг как сказану:

– Коньяк!

Он взял маленькую рюмочку и налил. Рюмочка та, конечно, так и простояла. Все пили грузинские вина Цинандали, Цоликаури. Помню, у Сталина был узенький длинный бокальчик – этого ему хватало на весь завтрак или обед.

Меня Сталин посадил за столом слева от себя. Так две недели это место и было за мной. Однажды сидим, обедаем. День чудесный. Но вот к Сталину подходит секретарь Поскребышев и негромко так докладывает, что в Китае погибли наши летчики. Как же у меня вырвется: “Господи! Да до каких же пор наши ребята будут гибнуть!..” Все, кто сидел за столом, опустили головы, и наступила тишина. Я не знала, что делать. Захотелось выскочить из-за стола и убежать куда-нибудь. На нервной почве принялась за форель. Деру ее, что-то не получается, и вдруг из-за спины к моей тарелке протягивается рука, и я слышу голос: “Рыбу надо кушать вот так. Положить ее на бочок – у нее есть боковой шов, по шву провести ножом, потом на две части и разложить. Вот так...”

Это был, конечно, Иосиф Виссарионович. Я поблагодарила его. Сталин прошел на свое место, я подняла глаза от тарелки, а он зорко посмотрел на меня и говорит: “Война без жертв не бывает... А сейчас мы займемся вашими семейными делами...”

«Иосиф Виссарионович поинтересовался:

– Какие у вас доходы? Сколько человек семья?

Я стала перечислять: мы с Васей, Саша, Надя, Лина – моя дочка. У Василия оклад 5 тысяч рублей, у меня – 2,5 тысячи. Василий платит алименты 1,5 тысячи, потом взносы, займ. Остается на семью тысячи четыре.

– Это сколько же получается в день? – спросил Сталин.

Я попыталась сосчитать: выходило что-то около 25 рублей на человека.

– Маловато, – заметил Иосиф Виссарионович. – Вот когда будет сотня в день, да еще бутылка вина сухого к обеду, вот тогда жизнь можно будет назвать нормальной. А сейчас – неважная жизнь...

На этом разговор закончился. Вдруг через месяц в наш дом на Гоголевском бульваре приезжает водитель от Сталина. Василий выскочил, а водитель говорит:

– Нет, мне Капитолину Георгиевну. Пакет приказано передать ей.

Там была вся месячная зарплата генералиссимуса – 10 тысяч рублей. И стояла надпись: “Зарплата И. В. Сталина за декабрь 1950 года”.

Василий, конечно, обрадовался:

– Слушай, мне нужно купить кобылу!

– Знаешь что, у тебя нет костюма, даже штанов гражданских. У Саши руки вылезают из рукавов. Не говорю уж о себе. Так что эти деньги на семью! – возразила я.

А вечером позвонила Светлане:

– Света, отец дал нам десять тысяч. Прислал свою зарплату. Я поделюсь с тобой.

– Ни в коем случае! Не смей! И не придумывай! У тебя семья... – заволаговалась Светлана.

А через месяц звонит мне:

– Слушай, отец мне тоже прислал!..

Светлана не знала: когда Сталин подсчитывал наш доход, я сказала:

– У нас плоховато, а у Светланы еще хуже.

Она развелась тогда со вторым своим мужем Юрой Ждановым и осталась с двумя детьми... Так Иосиф Виссарионович и рассылал нам свою зарплату до конца 1952 года».

У Светланы Иосифовны дела на семейном фронте были, действительно, плоховатые. Зная, что отец в курсе дела, 10 февраля 1952 года она все-таки пишет ему:

«Дорогой папочка!

Мне очень хочется тебя видеть, чтобы поставить тебя в известность о том, как я живу сейчас. Мне хочется самой тебе обо всем рассказать с глазу на глаз. Я пыталась было несколько раз, но не хотела приставать к тебе, когда ты был нездоров, а также сильно занят.

Прежде всего, я очень довольна занятиями в Академии общественных наук, там у меня идут дела неплохо, и, кажется, мною там тоже довольны. Это большая радость для меня, потому что при всех моих домашних неурядицах занятия любимым и интересным делом заслоняют собой все остальное.

Что касается Юрия Андреевича Жданова, то мы с ним еще накануне Нового года решили окончательно расстаться. Это было вполне закономерным завершением, после того как мы почти полгода были друг другу не муж, не жена, а неизвестно кто, после того как он вполне ясно доказал мне – не словами, а на деле, – что я ему ничуть не дорога и не нужна, и после того как он мне вторично повторил, чтобы я оставила ему дочку. Нет уж, довольно с меня этого сушеного профессора, бессердечного “эрудита”, пусть закопается с головой в свои книжки, а семья и жена ему вообще не нужны...

Так что, папочка, я все-таки очень надеюсь тебя увидеть, и ты, пожалуйста, на меня не сердись, что я тебя оповещаю о событиях *post faktum*, ты ведь был в курсе дел и раньше.

Целую тебя крепко-крепко.

Твоя беспокойная дочь».

Юрий, сын члена Политбюро А. Жданова, был кандидатом химических наук, заведовал при ЦК КПСС отделом и сектором науки и вузов, рассматривался на пост 1-го секретаря ЦК ВЛКСМ, как чуть позже, в наше неповторимое время, комсомолец-активист Миша Ходорковский...

«Светлана была на похоронах моего отца. Потом мы стали встречаться на нашей квартире. Я с утра до вечера на работе, мать одна в кремлевском заточении, Светлана разделяла ее одиночество. Наши встречи участились, и дело кончилось союзом», – так рассказывал о браке с дочкой Сталина Юрий Андреевич Жданов.

Но «дело-то кончилось», заметим, не союзом, а разводом. Уже спустя три года Светлана Иосифовна откровенно призналась Сергею Берия, в которого была влюблена: «Чаша переполнена, не могу больше выносить этого выродка...» Прямо скажем, довольно эмоциональная оценка того союза. А почему? Юрий Андреевич успешно окончил Московский государственный университет, где к химической теории его приобщали преподаватели А. Ребиндер и М. Ботвинник, к математике – В. Немыцкий, к политической экономии М. Мейман. Во время войны молодой химик-органик, проявляя страсть к философии, трудился в Политуправлении ЦК ВКП(б), где в беседах с востоковедами И. Брагинским, А. Куреллой и философом Э. Кольманом находил подход к методологическим вопросам естествознания.

Но тут женитьба. Сразу после свадьбы Юрий Андреевич, как он пишет, «засадил Светлану за выписывание библиографических карточек из Маркса, Ленина, Павлова для своей работы». Эти карточки он сохранил, и, судя по всему, они пригодились в дискуссии на русские темы, которая разгорелась в 60-х годах с публикациями в патриотической печати и в первую очередь в журнале «Молодая гвардия». Именно туда Юрий Андреевич отправил письмо, в котором сразу оговорился: «Попутно придется коснуться и юбилейной статьи в “Огоньке” члена Вашей редколлегии М. Лобанова». Вот главное соображение ученого химика: «В “Молодой гвардии” возник странный патриотизм: без верного понимания отечественной истории, без уважения к другим народам, без понимания русской художественной мысли, без классового подхода, без русских просветителей и декабристов, без революционеров-народников, без ленинского подхода к нашей истории».

Далее ученый устраивает разборку члену редколлегии: «М. Лобанов пишет о нравственной силе русского народа, непонятной “для привычного

европейского представления”. Во-первых, что это за представление, – рассуждает Юрий Андреевич. – Кем оно изложено? Представление ли это английского углекопа или немецкого бюргера, Стендаля или Гегеля, Байрона или Энгельса? Во-вторых, не вариации ли это на давно забытый мотив: умом Россию не понять?..»

«В отличие от Ю. Жданова, я полагаю, что этот “мотив” еще не забыт. Недаром нынешние погромщики России злобствуют, дивятся, почему “эта страна”, ее народ не хотят принять “рыночного рая”, вбежать в царство демократии и мировой цивилизации», – прочитав давнее письмо доктора химических наук в его книге «Взгляд в прошлое», пишет Михаил Петрович Лобанов и, невольно возвращаясь к дискуссии «молодогвардейцев» 60-х годов, приводит пример того «первородного, на чем зарождаются нервные узлы нравственного бытия и откуда исходит мощь творческого духа», никак не укладывающаяся в угоду концепции русофобов прошлого века да и нынешнего: «Зайдите в храм, и какие светлые, благодатные лица вы увидите. И кто, как не такие женщины, своим стоянием, молитвами у здания суда спасли от недавнего судебного преследования тех молодых отважных алтарников, положивших конец выставке “художников-сатанистов” в так называемом сахаровском центре. И в социальной жизни, в самом быту: в свое время в начале 90-х годов я писал, как поразила меня встреча со старухой в моей родной деревне на Рязаньщине, которая, говоря о своих мучениях при Ельцине, крикнула: “Я бы его, гада, подняла на вилы!” – и сделала такой выпад руками, что и до сих пор стоит она в моих глазах как символ народной ярости...»

Мужественный, стойкий в борьбе с ненавистниками России, ветеран войны, Михаил Петрович Лобанов пишет, как в годы гонений и погрома церквей, когда в русском народе вытравливали веру в святыни, даже у «красных военных» жила русская душа. Писатель приводит факт из воспоминаний сына известного философа Евгения Трубецкого – Сергея. «В 1920 году тридцати лет он был арестован за “контрреволюционную деятельность в пользу белых армий” и несколько дней находился в арестном помещении при кремлевском карауле». Потом через Спасские ворота стража повела заключенных в новую для них тюрьму на Лубянке. «Когда

проходили через ворота, по старой московской традиции почти все мы сняли шапки. Я заметил, что большая часть нашей стражи тоже их сняла. С. П. Мельгунов как принципиальный атеист с интеллигентской целью и прямолинейностью не снял шапки, и один из конвоиров ему заметил: “Спасские ворота – шапку снимите!”» (*Князья Трубецкие*. Россия воспрянет. М.: Воениздат, 1996. С. 327).

Ну вот, пожалуйста – и «русская общественная мысль», и «классовый подход», и «просветители» с декабристами – все почти по доктору Ю. Жданову. Да только душа-то русская, как видим, не укладывается в прокрустово ложе классовых позиций – тут хоть весь марксизм разложи по библиографическим карточкам!

Должен заметить, Юрий Андреевич был музыкален. От бабушки Горской он унаследовал любовь к Брамсу, России, но вот в мотивах о России его молодая жена разобралась тогда куда как глубже. Даже долгие часы корпения над теми карточками по Марксу да Ленину не сбили Светлану Иосифовну в понимании того, что составляет «живую душу народа».

В тех же 60-х годах в «Молодой гвардии» были напечатаны «Письма из Русского музея» Владимира Солоухина, еще раньше – его же «Владимирские проселки», «Капля росы». И вот писатель получает письмо – школьную тетрадь в клеточку, исписанную от корки до корки. Отрывки из того малоизвестного письма, думаю, приоткроют душевный строй Светланы Аллилуевой – женщины, как ее назвал Владимир Солоухин, «благородной, умной, светлой, с, в общем-то, трагической судьбой». Вчитаемся в строки ушедшего времени.

«Милый голубчик Владимир Алексеевич!

Извините такое вольное обращение к Вам, но, право, прочитав Ваши замечательные лирические повести, хочется назвать Вас возможно более ласково, насколько это возможно в официальном письме читателя к писателю.

Позвольте прежде всего представиться: меня зовут Светлана Аллилуева, нас с Вами знакомил поэт Давид Самойлов на вечере в ИМЛИ (Институт мировой литературы им. М. Горького), который был в конце декабря 1960 года... Я выросла в Подмоскowie, в районе между Перхуш-

ковым, Одинцовым и Усовым и знаю здесь каждый овражек, каждую молодую елочку, которой не было раньше, каждую новую проложенную дорогу. Вырастила меня, в общем-то, моя няня, Александра Андреевна Бычкова, человек необычайный по судьбе и заложенным в ней талантам, очень любившая и знавшая природу и крестьянский труд, и хотя мне, конечно, не приходилось этим трудом заниматься, но рассказов я от няни наслушалась много. А она была (она прожила в нашем доме 30 лет и умерла 71 года в 1956 году) человеком необычайно веселым, добрым, жизнерадостным и деятельным: от нее исходил свет спокойствия, доброты и каратаевской “округлости”: она была истинным прирожденным поэтом в своем видении мира, природы, людей... Она умела так рассказать, например, как жнут серпами и как вяжут перевясла и как снопы укладывают, что все это было видно воочию. У нее были золотые руки, умевшие все: и шить, и вышивать, и вкусно готовить не какие-нибудь там пироги, а “французскую кухню”, и косить, и копать, и ткать, и прясть, и вязать. И все это она делала с великим удовольствием, с радостью и хотела эту радость передать и другим. Ее все любили, и когда мы праздновали в 1955 году ее 70-летие, то собрался огромный стол народу, и каждый, поднимая бокал за ее здоровье и начав говорить, вдруг начинал глотать слезы. Это было величайшее счастье, дарованное мне судьбою, прожить почти 30 лет рядом с нею, вырасти на ее добрых руках, учиться у нее и читать, и писать, и считать, и, по-видимому, она передала мне, в какой-то степени, свою способность радоваться природе, голубому небу, солнечному лучу, цветам, травам, радоваться силе жизни, чистоте и здоровью. Если бы не эти качества, впитанные от нее, то я бы давно сломалась где-нибудь на полдороге своей бестолковой биографии...

Я поведала о ней, чтобы объяснить Вам, что Вы вдруг возродили в душе такое же чистое чувство, какое испытывала я рядом с нею... Когда я читала “Владимирские проселки” и “Каплю росы”, что-то открывалось во мне самой такое, о чем я не то чтобы позабыла, но отодвинула куда-то в дальний ящик души, такое, что перестало во мне блестеть, сверкать и радовать. И это была любовь к тому, что существует здесь, рядом, вокруг

меня, – не надо колесить по свету, надо только пошире открыть свои глаза и жадными глотками пить и пить родной воздух.

Ах, Вы, голубчик мой дорогой!

Вот я знаю теперь, что обязательно выполню свое давнее, заветное желание – проеду с сыном (ему уже 16 лет) по Волге, посмотрю старые русские города. Так давно этого хотелось, но не было какого-то внутреннего толчка, а теперь он есть. Есть у меня много хороших друзей и во Владивостоке, и на Урале, и в Калининграде, – зовут, приезжай, посмотри, а мне все чего-то лень и неохота. А сейчас так захотелось посмотреть свою страну от края до края, так стало интересно и так стыдно, что ничегошеньки еще не видела.

К туризму в автобусах и к галопам по Европам у меня давнее отвращение. Я бы с радостью пожила месяц во Франции, Англии, Италии, побродила бы по улицам так, как хочется, – но вид наших советских туристов, запихнутых в автобус и озирающих таким путем “запад”, мне отвратителен. И московских снобов, посмотревших таким способом уже не одну страну и даже имеющих кое-какие скудные суждения о “жизни в Швеции” или о “жизни в Париже”, – не переношу. И стихи Евтушенки о Париже, о парижском рынке и т. д. считаю позором для поэта. Такое можно сочинять, сидючи за своим столом в городе Москве, посмотрев предварительно хронику о Париже и почитав Золя. Это поверхностное, наносное западничество хуже всякого славянофильства и несет от него за версту провинциальностью и допотопными реверансами перед каждым французским парикмахером.

Вы, я надеюсь, понимаете меня, милый Владимир Алексеич. Я не против путешествий, связей, контактов и всего такого, я только за то, чтобы не терять своего лица и не забывать вкуса и запаха родного своего ветра в поле. Я за то, чтобы писатели не были дачниками в той деревне, где живет наш народ. Я за то, чтобы, исколесив Европу, Америку и Восток во всех направлениях, поэт сказал бы о своей России: “...мне избы серые твои, твои мне песни ветровые, как слезы первые любви...”. Я за то, чтобы поэты говорили на трех-четырех европейских языках (как Пуш-

кин, как Толстой, как Тургенев), но чтобы милую называли бы “любонька моя, голубонька”, а не – “киса”.

Простите мне, ради Бога, весь этот сумбур, но мне сейчас уже трудно остановиться и трудно следовать какой-нибудь логике...

А вы, мне кажется, могли бы писать великолепную прозу о вещах серьезных и больших, таких, как война, как любовь. Вы могли бы чудесно писать о любви, потому что у Вас есть чисто русское целомудрие, сложившееся в русской классической литературе, целомудрие, с каким писали о любви Тургенев, Толстой, Чехов. В Вас (я разумею Ваше творчество) вообще очень много света, тепла и того глубокого душевного здоровья, которое составляет живую душу и нашей народной жизни, и нашего лучшего, что создано в искусстве... В Вас очень много неподдельной искренности и чистоты в вещах больших, серьезных и главных. Снобов это раздражает более всего, так как раз этого им самим недостает, и они ополчаются на то, например, что человек любит свою родную деревню, стога сена, луг, маленькую речушку. Им кажется, что это – поза, выдумка, “идейное притворство” и всякое такое, – наплюйте, голубчик, “идите своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно”...

Лев Толстой писал о Пьере Безухове (а может быть, и об Андрее): “И в душе его что-то мягко распустилось”. Такое ощущение было у меня после прочтения Ваших повестей. Что-то распустилось, размякло, отошло, отлегло. Какие-то засохшие слезы отогрелись и пролились. Засияли белоснежные облака в небе, и простейшие вещи стали прекрасными.

И что-то окрепло в душе. Какие-то сухие листья отлетели. Какие-то слова перестали трогать душу, и раскрылась их холодность и бездушие, надуманность и поза. Душа потянулась к искреннему, здоровому, безыскусному. И великой, недостижимой правдой снова встал передо мною простой человек, мудрый, чистый, сильный духом, тот, кем держалась, держится и будет держаться наша любимая Россия. Тот человек, что полетел в Космос, и сделав это, – не сказал ни единой цветастой фразы, не сделал ни одного неделикатного жеста...»

В конце письма стояла подпись: «Аллилуева Светлана Иосифовна».

Вот читаешь это письмо, трогательные слова, родившиеся после прочтения повести Владимира Солоухина: «так захотелось посмотреть свою страну от края до края, так стало интересно и так стыдно, что ничегошеньки еще не видела», – вслушиваешься в душевный строй молодой женщины: «что-то окрепло в душе... Душа потянулась к искреннему, здоровому, безыскусному...», – но все это как-то не вяжется с жизненными установками, поступками величайшего государственного деятеля.

Ну, с киношником Каплером все понятно. 16-летняя дева, у которой вовсю играют, бурлят гормоны, и 40-летний сладкоголосый ловелас – силы не равные. «Каплер был толстым, отвратительным внешне и, кроме того, далеко не лучшим писателем», – такой портрет первого ухажера Светланы дала автор книги «Дочь Сталина» Марта Шад. Такой выбор своей любимицы «Сетанки» возмутил и Сталина: «Писатель! Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!» «То, что Каплер – еврей, раздражало его, кажется, больше всего», – была уверена юная дочь вождя.

Но это уж слишком обывательское суждение для Сталина, руководителя многонационального государства. Да что говорить, к 1949 году из 10 самых близких сподвижников Сталина 7 так или иначе были связаны с евреями. «Дети Сталина, Яков Джугашвили (от Екатерины Сванидзе) и Светлана Сталина (от Надежды Аллилуевой), до поры до времени безнаказанно крутили романы с евреями и еврейками, которыми был полон Кремлевский дворец и его окрестности», – пишет А. Кац в книге «Евреи. Христиане. Россия». Так оно и было. Второй женой Якова стала Юлия Исааковна Мельцер. Первым мужем Светланы – Гриша Морозов. Они учились в одной школе, а поженились студентами: Гриша учился в институте международных отношений, а Светлана – в МГУ на историческом факультете. Сталин дал согласие на тот брак, но заметил: «Слишком он расчетлив, твой молодой человек... Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, – а он, видишь, в тылу окопался...»

Породнившись, кум и зятек Иосифа Виссарионовича дали раскрутку. Гриша задействовал правительственную мастерскую для бесплатного пошива костюмов и пальто дяде Абраму, тете Саре и прочим бессчетным

родственникам кагала. Гришин батюшка, тихий бухгалтер какой-то там конторки, стал важным гостем правительственного санатория «Барвиха», представлялся как старый большевик, познакомился с Поль Карповской (Жемчужиной), Розой Залкинд (Землячкой), директором института физиологии Линой Штерн, которая определила его своим заместителем по хозяйственной части.

Короче, через три года Светлана ушла от Гриши. Хрущев врал, будто на разводе настаивал Сталин. Светлана не раз повторяла, что разошлась с Морозовым «по причинам личного порядка». Аллилуевым говорила: «Отец тут не при чем, он еще не знает об этом. Так решила я...» Правда, разговор на эту тему потом был. Иосиф Виссарионович выговорил дочери: «Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька». Она пыталась возразить: «Папа, да ведь молодежи это безразлично, – какой там сионизм!» – «Нет! Ты не понимаешь! – сказал Сталин резко, – сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат...»

P.S.

«Когда Сталин потребовал от Светланы, чтобы она развелась с мужем, он, видимо, сказал примерно то же Маленкову. Его дочь, очень приятная девушка Валя, вышла замуж за Шамберга, сына друга Маленкова...

Маленков не был антисемитом. Да он и не говорил мне, что Сталин ему что-то сказал на этот счет... Маленков “догадался” сам и заставил сделать то же самое свою дочь. Тут налицо проявление самого низкопробного, позорного антисемитизма. Я лично Маленкову это не приписываю, перед нами холуйское услужение, если Сталин так сделал, то и он так поступит».

Н. Хрущев

Никита как-то вернулся со службы и видит такую картину: на диване его Ленька жмет соки из южной красавицы... Молодые встрепенулись – и началось знакомство.

– Я – Роза, – с артистизмом в десять баллов представилась невестка будущего Первого секретаря коммунистической партии.

– Как твоя фамилия, Роза? – внимательно разглядывая ее, спросил Никита.

Мило грассируя, красавица произнесла:

– Трейвас...

У Никиты челюсть отвисла. Но вот он пришел в себя и с большевистской прямоотой влепил невестке вопрос:

– Кем тебе приходится Борис Трейвас, которого мы с Ежовым расстреляли?

В ответ услышал:

– Это мой дядя...

«Так, узнав, что его старший сын Леонид женился на еврейке Розе Соломоновне Трейвас, Никита Сергеевич тут же “организовал” расторжение этого брака и не признавал не только свою еврейку-невестку, но и внука».

Пройдут годы. Роза расцветет, станет эстрадной артисткой – в Кремле будет публику веселить. И вот на одном из концертов в дни приема нашим правительством лидера Китая Чжоу Энь-лая она встретится со своим несостоявшимся свекром.

– Ты Роза Трейвас? – узнает ее Никита.

– Да, я Роза Хрущева, – ответит она и уточнит, как у маузера: – Племянница Бориса Трейвас, которого вы с Ежовым расстреляли...

М. Гейзер. Семь свечей.

Москва – Иерусалим: Изд. Гешарим, 1999

SI VIS PACEM – PARA BELLUM

Пока в кремлевском подворье разыгрывались шекспировские страсти молодого поколения с активным участием «верных ленинцев», бывшие союзнички по войне строили планы нападения на нашу страну и клепали носителей ядерной бомбы – реактивный самолет. И в научно-испытательном центре ВВС США в Райт-Филде всю уже работали

восемьдесят шесть немецких и австрийских специалистов. Среди них были крупные мастера по ракетным снарядам Фау-2: Вернер фон Браун – конструктор этого снаряда, Шиллинг – создатель приборов для Фау-2, Штейнгофф – конструктор системы дистанционного управления. Все они уже испытывали свой снаряд на полигоне Уайт Сенус. А в Райт-Филде работал известный конструктор самолета «Мессершмитт-163» Липпиш. Соображали янки, какие трофеи из Германии вывозить. На черта им нужны были какие-то королевские гобелены, средневековые мадонны. Все эти рококо да барокко пусть Иван спасает! Он привык минные-то поля преодолевать – от самой Волги...

Американцы использовали все – и немецких конструкторов, и опытные истребители, вывезенные из Германии, и вагоны трофейных чертежей. Одиннадцать фирм работали на эту тему! «Норт Америкен», например, спроектировала бомбардировщик с четырьмя реактивными двигателями – ХВ-45. На лето 1946 года уже было намечено окончание постройки его. ХВ-46 – тоже реактивный бомбовоз – строила фирма «Консолидейтед-Валти». ХВ-35 клепала команда из фирмы «Нортроп». Полетный вес этого самолета был внушительный – около 70 тонн!

Неплохо шло дело и на островах туманного Альбиона. В начале ноября 1945 года англичанин Вилсон маханул на «Метеоре» 976 километров в час. Это был мировой рекорд скорости. За ним пилотяга Дональдсон показал максимальную скорость полета на том же самолете – 991 километр в час. Так что в марте 1946 года сэр Черчилль закатил в Фултоне довольно крутую речь, которая вошла в послевоенную историю как начало «холодной войны».

«В настоящее время Соединенные Штаты стоят на вершине мирового могущества... – объявил премьер-министр всему человечеству. Но тут же предостерег, мол, надо испытывать и тревогу, как бы не лишиться достигнутых позиций: – Берегитесь, может не хватить времени! Давайте не будем вести себя таким образом, чтобы события развивались самотеком...»

Что же подвигнуло Черчилля на такое заявление? Кажется, вчера только сидели со Сталиным всю ночь напролет – до самого отлета пре-

мьера из Москвы. В душевной беседе на самые разнообразные историко-философские темы Сталин только успевал открывать бутылки, и скоро на столе, как потом вспоминал Черчилль, «образовалась большая батарея превосходных вин...» Только вчера Черчилль, надо полагать, вполне искренне говорил о суровом диктаторе: «Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив-здоров. Только Сталин может спасти мир!»

И вот мы победили. Теперь наши союзники боялись России: «как бы не лишиться достигнутых позиций...» Полгода не прошло после выступления английского премьера – в Штатах взлетел стратегический «сверхбомбардировщик» В-36. Как тогда писали в газетах, «Консолидейтед-Валти» В-36 мог нанести удар по любой цели, расположенной в любой точке земного шара...

Тут, друзья, я забегу на полвека вперед. В растерзанную, разграбленную страну с таким правителем, каких свет не видывал, к ветеранам-победителям минувшей войны прилетели из-за океана бывшие союзники – американские «ястребы». Целая неделя совместных маршрутов, встречи с летчиками военной академии имени Гагарина, авиационного гарнизона Кубинки, откровенные беседы и по-русски гостеприимные застолья предоставили гостям возможность поближе узнать тех, кто бесстрашно ходил в огненные метели войны, и тех, кто продолжает их боевые традиции.

Как-то американский генерал Моатс, бывший президент Ассоциации летчиков-асов, откровенно заявил мне, что Вторую мировую войну выиграли они, американцы, что их «мустанг» разбил немецкую авиацию, что советские историки, мягко выражаясь, все ввали. Потом генерал, видимо после третьей рюмки, совсем разгорячился и стал рассказывать, как в 1950 году их бомбардировщики стояли на английских аэродромах в готовности взлетать с курсом на восток – бомбить Советский Союз!

Признаюсь, крепко приходилось сдерживаться. Ведь общипанный, без перьев «ястреб» был у нас в гостях...

Что же остановило этих пилотяг в их «крепостях» от внезапного налета на наши города и села? Вот несколько хронологических эпизодов из жизни страны того времени.

Август 1946-го. День Воздушного Флота. В небе над Тушинским аэродромом впервые прошли опытные образцы наших реактивных истребителей МиГ-9 и Як-15. У военных наблюдателей и послов из-за бугра челюсти тогда отвисли от удивления. Еще бы! На Советский Союз готовился налет «летающих крепостей» с атомными бомбами, а тут над их головами проносятся великолепные советские истребители, готовые на перехват непрошенных гостей!..

В начале 1949 года Иосиф Виссарионович Сталин спросил у Василия – возможно ли подготовить кубинскую дивизию к первому майскому параду, то есть пройти над Красной площадью на реактивных истребителях МиГ-15. Пролет боевых машин над огромным городом – дело всегда ответственное, а тут предстояло лететь на самолетах, которые еще не были освоены. Василий подумал и сказал: «Пройдем!» Он считал, что за четыре месяца летный состав вполне одолеет реактивную технику.

И началась работа. Уже изучена теория, сданы зачеты по знанию самолета, инструкции по технике пилотирования, и летчики выходят на аэродром. Но погоды нет. Вернее, погода есть – то снегопады и метели, то туманы и оттепели. Все это для первых полетов на истребителях не годилось. Минул январь, за ним – снежный февраль...

В середине марта Иосиф Виссарионович поинтересовался, как идут дела с подготовкой к параду. Василий сказал, что из-за погоды полеты пока задерживаются, но 1 мая дивизия реактивных истребителей пройдет над Красной площадью. Обязательно!

Обычно солнечный март в том году обманул – оказался тоже неблагоприятным для полетов. Наступил апрель. В дивизии на новой машине могли летать не больше эскадрильи летчиков. И Василий Сталин безвыездно на аэродроме, нервничает, тревожит метеослужбу одним вопросом: «Когда? Когда же?» – когда, наконец, установится летная погода...

К 20 апреля летчики, вылетевшие самостоятельно на МиГ-15, перенесли с завода все необходимые для парада самолеты. До конца месяца оставалось уже меньше десяти дней, а ни один из полков дивизии в полном составе на новую технику так и не переучился.

Наступило 25 апреля. Аэродромное поле вдруг осветило солнце – это распахнулось омытое весенними дождями небо! Василий Сталин безотлучно – от зари до зари – на старте. Гудят раскаленные турбинами высоты, и свершается, казалось, невозможное: на генеральной репетиции летчики четко проходят в составе парадных колонн.

...За день до парада командующий приказал комдиву Луцкому собрать в гарнизонном Доме офицеров весь летный состав, инженеров и техников дивизии. В установленное время все были на месте, ждали генерала Сталина, но он не появлялся. Томительно тянулись минуты... Наконец, команда: «Товарищи офицеры!» – и из-за кулис сцены в генеральском костюме показался Василий Сталин. Приняв рапорт, он не сел за стол с дивизионным начальством, а подошел к краю помоста, как-то по-мальчишески радостно улыбнулся, хотел что-то сказать, но на глазах у него навернулись слезы, и он тут же ушел за кулисы.

В зале нависла тишина. Какое-то время все сидели, примолкнув, словно разделяя с командующим его столь неподдельное волнение. А потом все повторилось. Василий снова вышел из-за кулис, так же подошел к краю сцены, попытался говорить, но слезы снова опередили слова – он решительно оставил зал и больше не появлялся...

Тогда к собравшимся обратился заместитель командующего генерал Редькин. Он выразил надежду, что все поняли Василия Иосифовича, который искренне признателен каждому за их верность! После Редькина от имени участников парада генерал Луцкий просил передать генералу Сталину, что они оправдают его надежду.

Так и было. 1 мая 1949 года над седыми соборами Кремля, разрывая воздух мощными турбинами, пронесли наши боевые истребители. Для чего это потребовалось Сталину Иосифу Виссарионовичу – разговор особый.

Апрель 1950-го. Тогда американский бомбардировщик Б-29 вторгся в воздушное пространство СССР над Латвией, ну и долбанули его наши летчики. В газетах прошло скромное сообщение, мол, самолет-нарушитель «ушел в сторону моря»...

Так государственная воля, уверенность и спокойствие Сталина перед планами превращения нашей страны в ядерную пустыню были сорваны, и мир был избавлен от катастрофы глобальной ядерной войны.

И все-таки «сталинские соколы» сошлись с «ястребами» государства-громилы. В небе Кореи. Я уже писал, что Совет безопасности ООН объявил КНДР «агрессором» и санкционировал уже совершенное вмешательство США в корейскую войну. Война шла на Север, к границам Советского Союза и Китая. Так что по просьбе правительства Корейской Народно-Демократической Республики против известных на весь мир «миротворцев» была направлена и 324-я истребительная авиадивизия, которую лично готовил для выполнения ответственной задачи командующий ВВС МВО генерал В. И. Сталин.

Значит, первая встреча наших с американцами состоялась в ноябре 1950-го. «Ястребы» не досчитались тогда несколько своих истребителей. А вот дату 12 апреля 1951 года они запомнили навсегда.

Тогда рано утром американские бомбардировщики взяли курс в район населенного пункту Сингисю и железнодорожного моста через реку Ялуцзян. Около 150 «летающих крепостей» Б-29 и истребителей готовились сокрушить этот Аньдунский мост. Бомбардировщики тащили на себе каждый по 7,5 тонн бомб, один – даже радиоуправляемую бомбу «Тарзан» весом 5 тонн. На перехват этой компании подняли наши истребители. И вот на подходе к Нанси на скорости около 1000 километров в час «миги» прошли через строй истребителей прикрытия и атаковали бомберов.

Атака была сокрушительной – 16 хваленых «летающих крепостей» загудели под фанфары. И как же забавно слушать нынче рассуждения о войне в Корее некоторых специалистов. Вот отрывок из интервью с доктором наук А. Панцовым шефа радиостанции, называемой «Эхо Москвы». Для их душевной беседы «Еврейская газета» (№ 35–36 2008 г.) выделила целую полосу да еще и с портретами Сталина, Мао-Цзедуна. Читаем:

«А. Панцов: В воздухе господствовали американцы. А Сталин, дав добро на войну, не стал помогать корейцам и китайцам в той мере, в какой

они ожидали, воздушным прикрытием... Сталин так и не дал добро на участие советских самолетов в корейской войне.

А. Бенедиктов: Напрямую. Инструкторы-то были...»

Ну вот, пожалуйста... Как же легко дилетанты в военных вопросах завоевывают господство в умах обывателей. Да господство-то в воздухе американцы сдали нам с первых же боев – и не каким-то «инструкторам», а великолепным воздушным бойцам!

Когда я прибыл в так называемый китайский полк, боевые действия в небе Кореи уже закончились. Все летчики, мои однополчане, были награждены правительством Китайской Народной Республики и лично Мао-Цзедунем. Наши истребители стояли тогда на аэродромах Саншелепу, Пулондянь, Двишахе, Дальний, Дзинь-Джоу. С аэродрома Аньдунь боевые действия вели летчики истребительной авиадивизии генерала А. Халутина.

В ту войну американцы не досчитались 3000 самолетов, по их подсчетам получается еще больше – 4000 боевых машин. Так что не случайно на всю жизнь запомнились мне атаки, особенно ночью, которым учил нас, лейтенантов, Герой Советского Союза Л. К. Щукин. В небе Кореи он совершил 121 боевой вылет и сбил 15 самолетов. Полковник Е. Попеляев и капитан Н. Сутягин на своем боевом счету имели больше 20 сбитых «крепостей», «сейбров» и прочая. В корейской войне 1950–1953 годов высокого звания Героев Советского Союза удостоились 54 наших летчика.

А китайские награды моим однополчанам пришлось сдать. Безбашенный Хрущев заявил, что советский народ отказывается от орденов и медалей Китая (это когда по его вине произошел разрыв добрых отношений с великой страной), и тогда все боевые награды приказали сдать в военкомат.

P.S.

Герой Советского Союза С. М. Крамаренко рассказывал, как на очередное празднование победы над американцами участников корейской войны пригла-

сили в Пхеньян: «Мы восхищались тем, как корейцы красиво его отстроили. Изумительный город, один из самых красивых городов мира. Чего стоит стадион имени “1 мая” – огромный, тысяч на 150.

Состоялся парад. Перед нами проходили парадные батальоны, затем пошли девушки. В корейской армии есть специальные батареи, где они служат, – береговой артиллерии, зенитные. Девушки прошли красиво.

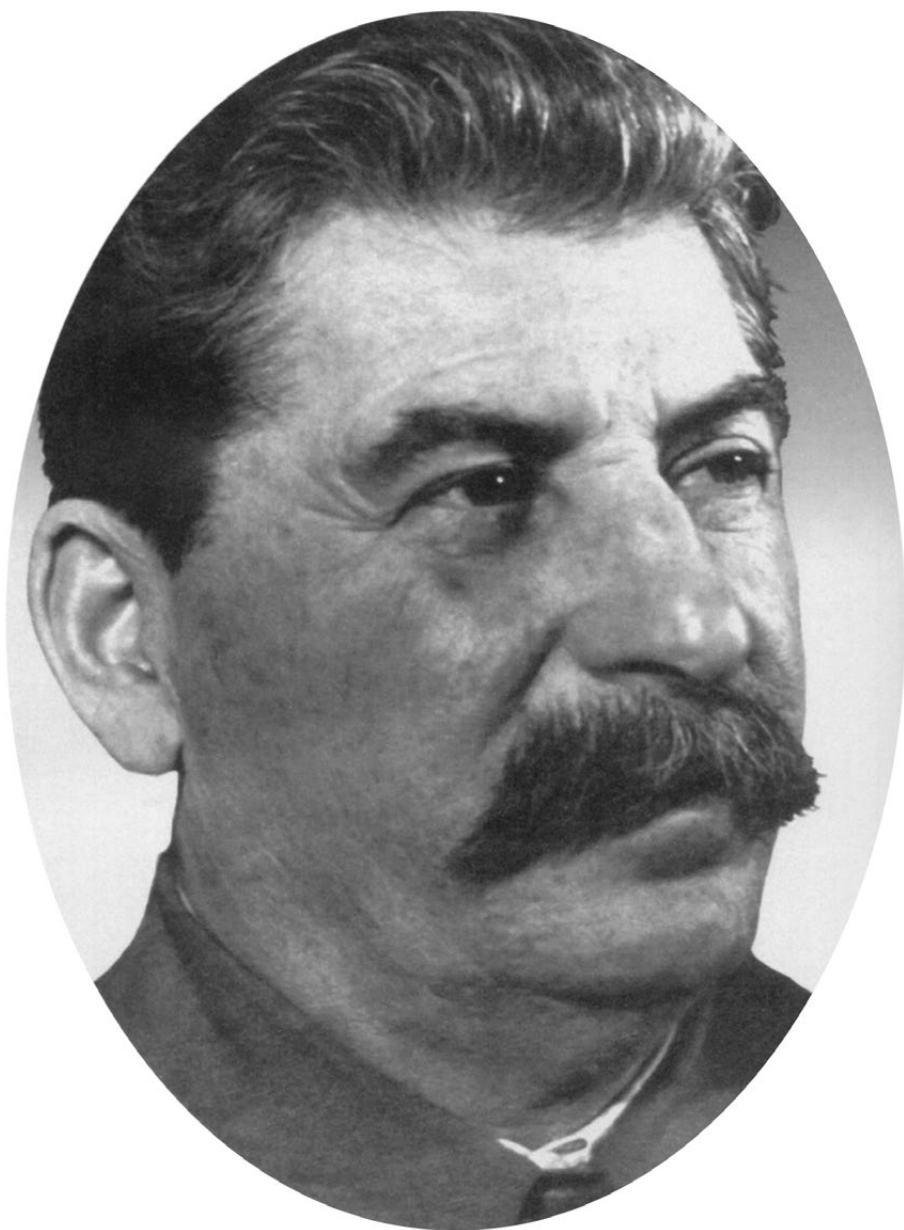
А после парада нас пригласили на торжественный обед. Когда мы приехали, нас приветствовал Ким Ир Сен. Он хорошо говорил по-русски. Спрашивают, как вас величать – господа или товарищи? Отвечаем: мы были с вами товарищами и останемся товарищами. Потом мы его спросили, когда он к нам придет. Он улыбнулся – когда у вас снова будет социализм, когда предатели, купленные американцами, уйдут...»

«Эхо Москвы», а-уу!..

ИЗРАИЛЬ МОГ БЫТЬ В КРЫМУ

В декабре 1947 года в американской печати была опубликована статья о личной жизни Иосифа Сталина. Содержание статьи стало ему известно, и он приказал разобраться, откуда всплыло все то понаписанное. Так, 10 декабря ребята из компетентных органов увели под белы ручки тетку Светланы и Василия Евгению Александровну Аллилуеву.

Дочь новгородского священнослужителя, она была человеком образованным. С гимназических лет хорошо знала французский, в Германии выучила немецкий, потом, уже в Москве, на курсах освоила английский язык. Знала она хорошо и русскую литературу, у нее была, как пишет Кира Павловна, ее дочка, «красивая, правильная русская речь и замечательное чувство юмора». Иосиф Виссарионович и сам великолепно знал русскую литературу, при случае беседовал с Женечкой Аллилуевой о новых книгах, советовался – что почитать. А она «к случаю», как замечает, Кира Павловна, любила сыпать новгородскими поговорками: «Сталин не был ни сухарем, ни угрюмым неучем, как о том многие сегодня говорят. Он заливается искренним смехом, услышав “в тему” мамино: “Прихо-



В ночь на 5 марта 1953 г. умер Иосиф Виссарионович Сталин

дите к нам через подворотню задницей, чай пить, когда нас дома нету!” Или: “Да, да! Просто, просто срать с моста! Один срал – да в воду упал!” или: “В своем говне как в крепости”...»

Кира Павловна так комментирует поговорки своей не лишенной юмора матушки: «Быть может, на чей-то вкус – слишком смачно, грубовато, но до чего же точно по смыслу!» Не согласиться с таким заключением трудно. А в русских-то тюрьмах, ох, как просто убедиться в великой мудрости наших народных поговорок...

В ходе допросов Евгения Александровна указала на близко знакомого ее семьи И. И. Гольдштейна, сотрудника Института экономики АН СССР, который был критически настроен, как бы нынче сказали, к «этой стране». В январе 1948 года арестованный Гольдштейн в свою очередь указан на Гринберга. Оказалось, что еще в 1946 году Гринберг, сотрудник аппарата президиума Еврейского антифашистского комитета, сообщил ему об антисоветской националистической работе, которую проводит комитет (ЕАК), и что возглавляет ту работу артист Соломон Михоэлс.

Еврейский антифашистский комитет был создан в 1942 году при Совинформбюро. После войны ЕАК оказался не у дел, но связи Михоэлса с еврейскими буржуазными националистами в США остались. Гринберг рассказал об этом Гольдштейну. Все это записали на допросе в протокол, в том числе сообщение Гринберга, что Соломон Михоэлс «пользуется полной поддержкой у американских сионистов». А еще Гольдштейн показал, что артист и руководитель ЕАК пытался воспользоваться браком Светланы Аллилуевой с Морозовым, чтобы влиять на отношение Сталина к евреям.

Именно тогда артист Соломон Михоэлс и поэт Ицик Фефер, вернувшись из поездки в США, вместе с рабби Эпштейном написали Сталину письмо с просьбой содействовать учреждению «Еврейской социалистической республики в Крыму».

«Бесстыдной просьбой» назвал посягательство еврейских националистов на землю, занятую другими народами, известный общественный деятель, депутат Госдумы Ю. Власов. В самом деле, историческое присутствие евреев в Крыму было незначительным. В основном там жили

русские. Ко времени переселения, это в мае 1944 года, в Крымской АССР почти пятую часть составляли крымские татары. «Все закручивалось по совпадающим признакам будущей палестинской трагедии, – пишет Юрий Власов. – Но на землю Палестины у евреев имелись хотя бы библейские права (дескать, Бог надиктовал там Моисею свои заповеди. – С. Г.), а Крым с какого бока? Это типично сионистская постановка вопроса».

К слову, известно, что в рядах гитлеровского вермахта служили и евреи – 120 000! Из них более 10 000 оказались в советском плену. И тем не менее Сталин перед захватом Крыма немцами организовал крупномасштабную операцию по спасению евреев, оставшихся там от неудавшегося крымского проекта 20-х годов – создания в Крыму Израиля. Их вывезли в глубь страны. Сейчас об этом не вспоминают, а клянут Сталина за депортацию крымских татар.

Да, переселили и татар, и турок-месхетинцев, и курдов... Цифры эти я привел. Но ведь есть и другой счет. «Крымско-татарскими националистами были сформированы так называемые отряды самообороны, – пишет один из исследователей этого вопроса А. Залесский. – Там действовало десять крымско-татарских батальонов по 200–300 человек и 14 рот такого же назначения. При активном участии этих формирований были разгромлены партизанские базы, выжжены населенные пункты вблизи лесных массивов и истреблены их жители. Там была создана “мертвая зона” вокруг партизанских отрядов. В процессе карательных операций с участием крымско-татарских националистов истреблены 86 тысяч мирных жителей, 47 тысяч военнопленных и 85 тысяч угнано на каторгу в Германию».

В. Кардашов и С. Семанов уточняют: «На военную службу к немцам перешло больше 10 % татар: гитлеровцы организовали несколько татарских вооруженных отрядов численностью не менее 20–25 тысяч. Только из 51-й армии в мае 1942 года при отступлении ее из Крыма дезертировало до 20 тысяч татар». Наши российские либералы и об этом помалкивают...

А мне, признаться, совершенно неожиданным показался взгляд по поводу депортаций одного лагерника. Его спросили уже в наше, процве-

тающее реформами время – мол, вы много претерпели от старой системы, сидели в лагерях и вдруг стали противником распада Советского Союза, все простили тем, кто вас держал за решеткой.

– А чего прощать-то? – ответил он. – Я никогда не чувствовал себя обиженным, считал, что посадили меня правильно... Шла война с Германией. Я был немцем. Потом в лагерях оказались крымские татары, чеченцы... Правда, те же татары во время оккупации Крыма все-таки работали на фашистов. Это некрасиво. Среди же немцев если и были предатели, то полпроцента или даже меньше. Но попробуй их выявить в условиях войны...

Эти слова принадлежат крупному ученому, одному из основателей отечественной космонавтики, академику Борису Викторовичу Раушенбаху.

Однако еще 1948 год. В начале его трагически погиб руководитель Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс. «Сейчас общепринятой является версия, – пишет один из исследователей этой темы Юрий Бондарев, – что Михоэлс был убит сотрудниками МГБ по личному распоряжению Сталина. Не обошлись без нее и издатели стенограммы суда над Еврейским антифашистским комитетом. (Единственными источниками, подтверждающими эту версию, являются протоколы допросов Л. Берия и В. Абакумова. Условия этих допросов были таковы, что многие показания подследственных оказались недостоверными.) Из показаний художественного руководителя Московского Государственного Еврейского театра В. Д. Зускина выясняется, что, как только труп Михоэлса прибыл в Москву, стало ясно, что хоронить его в таком виде нельзя. Поработать над трупом вызвался друг Михоэлса академик Б. И. Збарский, который взял его в своей институт для обработки. Збарский неофициально обследовал трупы и установил, что Михоэлс и Голубев, несомненно, стали жертвой дорожной катастрофы. Конечно, она могла быть подстроена сотрудниками МГБ. Но вот что интересно. Збарский говорил сотрудникам Еврейского театра, что смерть Михоэлса наступила не от полученных повреждений, а от переохлаждения тела в результате многочасового пребывания в сугробе. Можно ли представить

себе, что сотрудники МГБ оставили Михоэлса на улице, не удостоверившись в его смерти? По итогам допроса других членов Еврейского антифашистского комитета видно, что результаты работы Збарского не вышли за пределы Еврейского театра».

И то сказать, что за необходимость многоопытным мастеровым Лубянки в разгар разборки с евреями из того Комитета убирать самого главного, кто знал по тому «делу» больше всех остальных? В «деле», например, красных маршалов автомобилями никого не давили. Тухачевский до расстрела успел в камере еще и свои теоретические взгляды по военным проблемам изложить.

И вот еще. Ну, кого там путать-то было? Кому нужны были подобные инсценировки – в духе тайн мадридского двора? И с каких это пор мастера Лубянки стали столь застенчивыми, что убрать человека решились только вдалеке от площади Дзержинского? Или патронов, что ли, на еврейский-то комитет не хватило?..

Наш современник, известный историк Олег Платонов объясняет ситуацию, складывавшуюся в стране вскоре после войны. «Осенью 1948 года Сталин понял огромные масштабы сионистского подполья в СССР, угрожающего самим основам Русского государства, – пишет Платонов. – В условиях холодной войны, которую западный мир вел против России, еврейские националистические организации, ненавидящие русских и симпатизирующие Америке, представляли собой “пятую колонну” Запада, готовую ударить в спину Русского Народа».

Именно тогда в белокаменной было явление первого дипломатического представителя Израиля Гольды Меир. Боец невидимого фронта информировал Лубянку: «По сведениям, полученным из Телль-Авива, в состав миссии Израиля в Москве, за исключением торгового атташе Бежерана, все ответственные сотрудники набраны из числа членов правительственной партии “МАПАЙ”».

1. Посланник миссии – Мейерсон Гольда Мойшевна, 1898 года рождения, уроженка г. Киева, большую часть жизни провела в США, где получила образование. Убежденная сионистка с большим стажем практической работы. Не знает русского языка.

2. Советник миссии – Намир (он же Немировский) Мордехай Ицхак-кович, бывший руководитель правых сионистов-социалистов в г. Одессе. В Советском Союзе подвергался репрессиям, настроен антисоветски. В Палестине с 1928–1930 гг.

Гольда Мейерсон и Намир имеют персональное задание от руководства партии “МАПАЙ” – “наладить контакт с евреями в Советском Союзе и найти путь для включения их в активную общесионистскую деятельность”»...

Контакт Гольда Мойшевна устанавливала и с простыми советскими евреями – и в синагоге, и с дамами кремлевского двора. ЧеКа, известно, не дремлет. Все вычислили – и синагогу, и разговоры Мойшевны с Семеновной, женой министра иностранных дел. Обе при первой же встрече принялись изъясняться на родном идиш. Полина Семеновна с гордостью объявила израильской посланнице: «Ich bin a iddishe tochter!» («Я – еврейская дочь!») Ахнули еврейские дочери по рюмке водки, Семеновна пожелала Израилю всяческого благополучия и со слезами на глазах, расстроенная, добавила, мол, если Израилю будет хорошо, то и всем евреям в остальном мире тоже будет хорошо.

Гольда Мойшевна соглашалась, но о плацдарме столь заманчивом не только для евреев, но и для американцев – полуострове под названием Крым – не забывала. Вместе с Полиной Семеновной они разработали план обращения в ЦК с просьбой объявить все-таки этот кусочек огромного Советского Союза Еврейской республикой.

Сталину, понятно, докладывали о визите первых представителей Израиля – о том, как Мейерсон вручала в синагоге свиток Торы, как за теплый прием пожертвовала раввину 3500 рублей. Ну, а о том, что созданию еврейского государства в Крыму будут помогать «еврейские народные массы всех стран мира, где бы они не находились», Иосиф Виссарионович уже знал – из письма ему Ицика Фефера, Соломона Михоэлса и Шахно Эпштейна. Так что его реакция на явление «миссии» уроженки Киева, была однозначна: «Нам угрожает опасность сионизма!»

Это потом, спустя почти 30 лет, Организация Объединенных Наций примет резолюцию № 3379, в которой сионизм будет заклеен как «форма

расизма и расовой дискриминации». Потом видный военачальник, дважды Герой Советского Союза Давид Драгунский будет обличать национал-шовинизм сионистских лидеров: «Сионизм – это культ вседозволенности и безнаказанности в политике... Сионизм – это открытая ставка на индивидуальный и государственный террор... Сионизм – это непрекращающаяся война!» Потом, чтобы отменить резолюцию ООН № 3379, будут брошены баснословные суммы на подкуп политических авторитетов, носителей громких званий и титулов, популярных писателей и журналистов, социологов и кинозвезд, ориентированных на защиту сионизма от его «антисемитски настроенных» критиков.

А тогда события для Кремля развивались совершенно неожиданно. «Когда в Москву приехала Гольда Меир, еврейские жены кремлевских комиссаров, начиная с госпожи Молотовой и кончая женами мелких чиновников, встречали ее со слезами, словно потерянную сестру, – пишет израильский писатель Исраэль Шамир. – Сталин надеялся, что поддержка Израиля поможет ему пленить умы американских евреев, однако вместо того, чтобы ввести пятую колонну в Нью-Йорк, он позволил американцам (через их союзников израильтян) ввести пятую колонну в Москву».

11 сентября явление на Святой Руси Гольды Мойшевны вызвало невиданное массовое столпотворение евреев. Израильская посланница утверждала, что на встречу к ней к синагоге стянулось около 50 тысяч ее соплеменниц и соплеменников. А 16 сентября, когда Мойшевна посетила Московский еврейский театр, – там евреи ликовали, будто только что Рейхстаг взяли. Видно, не зря Карл Мордахеич Маркс призывал объединяться пролетариям всех стран и города Одессы...

После революции представители еврейской национальности в высших партийных и советских органах подбирали кадры не по деловым качествам, а в интересах еврейской национальной местечковости. В основе ее, с одной стороны, лежал догмат иудаизма о богоизбранности еврейского народа, а с другой – националистическая еврейская практика. Эту практику доктор исторических наук, профессор А. И. Залесский определил так:

«Жаловаться и приbedняться, приbedняться и жаловаться, а самим хватать и обижать, фискальничать на других и рвать себе, защищать единоплеменников и сталкивать лбами других, особенно глупых славян».

В конце 30-х годов при равноправных отношениях между национальностями и народностями да с началом-то Второй мировой войны, когда Советский Союз впустил и пригрел у себя около 300 000 польских евреев, местечковый национализм как бы пригас. Евреи с воинами других национальностей участвовали в освобождении нашей страны от немецкой оккупации.

Но вот Советский Союз сыграл решающую роль в создании государства Израиль. Сталин рассчитывал, что в том важном для нас геополитическом районе будет надежный союзник, а евреи там большие пальцы под мышки хрясь! – и засучили ножками «семь-сорок» в сторону Штатов. А тут еще «номер без сетки»: после того как в белокаменную прикатила Гольда Мойшевна да наделала шороху в синагоге, через десять дней, в еврейский праздник Судного дня, в Москве собрались евреи уже из многих городов нашей страны и устроили демонстрацию.

Демонстрации у нас были в дни государственных праздников – 1 Мая, 7 ноября, а тут буйный кагал выступал с требованием – хотим в Израиль! Понятно, Сталину такая самодеятельность пришлось не по душе. Всплеск еврейского национализма круто изменил его политику относительно евреев. Тогда, заметим, изменились и отношения Иосифа Виссарионовича с Молотовым.

Вскоре после встречи его жены с Мойшевной он вызвал Молотова и спросил:

– Скажи, правильно ли это, если высокий иностранный гость живет дома у членов правительства?

Молотов ответил:

– Нет, разумеется.

– Скажи, а как следовало бы поступить с таким членом правительства?

– Наказать по закону.

И Сталин согласился со своим министром:

– Ну, так и поступай...

Полю арестовали и отправили подумать в стороне от кремлевского-то жития, кому ей все-таки служить – России, которая пригрела евреев от гонений иных стран и народов, или “пятой колонне” в ней – людям, которым где хорошо, там и их родина.

К чести Полины Семеновны – бывшего наркома рыбной промышленности, а также управляющей треста высшей российской парфюмерии (фирма «ТЭЖЭ») – она признала свои ошибки, и, когда один еврейчик из ее родни попытался однажды за столом осуждать Сталина, она резко поставила его на свое место: «Молодой человек, вы ничего не понимаете ни в Сталине, ни в его времени. Если бы вы знали, как ему было трудно сидеть в его кресле!»

Легко ли, трудно ли было Сталину управлять великим государством, не развалить Россию, а приумножить русские земли от Галиции, Закарпатья, Бессарабии до Сахалина и Курильской гряды, Семеновна – комиссарша Перл Карповская – вычислила и откровенно призналась дочери Сталина, что отец ее был гений.

Ситуацию, складывающуюся тогда в стране и за ее пределами, по-своему объяснил один из ближайших единомышленников Сталина Лазарь Моисеевич Каганович. С ним можно не согласиться, но прислушаться стоит. Все-таки не обыватель из либералов – говорил член Политбюро: «Евреи всегда мутят воду, потому что они меньше зависят от традиций страны и больше поддерживают узы с зарубежными сородичами...» Чуть останавливаю мысль члена Политбюро. Вот насчет тех уз – невольный пример. У нас в классе, это было в начале 50-х годов в одной из школ на окраине Киева, половина девчонок и парней своими корнями принадлежали к роду израилевому. Жили мы дружно, да и до сих пор встречаемся оставшимся классом – первым послевоенным выпуском школы. Пишу «оставшимся», потому что те самые «узы», о которых говорил Каганович, половину моих одноклассников из евреев уволокли за бугор. Моська Гендельман еще при советской власти оказался в Израиле. В 1973 году другой одноклассник – Володька Гордиенко, летчик-испытатель Горьковского авиазавода, – летал туда по делу в командировку. Не секрет, мы ведь всегда после отвала израильтян в сторону Штатов помогали ара-

бам. Так вот, Маечка Подоровская, обаятельнейшая из наших девчонок, в которую была влюблена половина класса, наказывала Вовке: «Смотри! Не разбомби Мосин кибуц!..» Замечу, к слову, Володя Гордиенко из той крутой командировки вернулся 25 апреля, а 26-го ему вручили в Кремле золотую звезду Героя Советского Союза.

Мося, слава Богу, жив-здоров. Сейчас, поди, подсчитывает, сколько невинных жизней ливанцев за двух плененных своих уничтожила израильская солдатня. За 1 000 перевалило. А там, за океаном, не то в Нью-Йорке, не то в Вашингтоне, уже в «перестройку» России поселился Алька Габа, то есть Габович, наш школьный комсомольский божок. Говорят, бизнес наладил. Где-то в Штатах и Людка Беркова. Мой корешок Ленька Зозовский живет в Потсдаме. Регулярно звонит: «Был в Париже... Был в Венеции...» Словом, путешествует по Европе. А в Париже и его дочка живет. Регина Эпштейн, тоже была комсомольским вождем – рангом пониже, чем Габа. Она осталась в Киеве. Зато ее сын в Америке, дочь в Польше...

Это так, к слову об «узах»... Прикинем, как объяснял ситуацию в стране Лазарь Моисеевич, когда мы еще дружно всем классом штурмовали биномы Ньютона, срывались с уроков на трофейную кинуху «Девушка моей мечты», влюблялись и пели о Родине – нашей бескрайней стране, лучше которой нет на всем белом свете...

«Мы вполне разгромили еврейский буржуазный национализм, все эти сионистские организации еще в 1920-е годы. Однако после войны, когда Красная Армия спасла евреев от Гитлера и когда советское правительство помогло евреям, пережившим трагедию гитлеровского геноцида, образовать государство Израиль в Палестине, еврейский национализм в нашей стране снова поднял голову. Хорошо зная психологию и тактику сионистов, я обеспокоился и сообщил о своей тревоге Сталину, – это Каганович говорит, думаю, понятно. – Иосиф Виссарионович согласился с моими доводами о том, что целесообразно свернуть деятельность Еврейского антифашистского комитета, слишком тесно связанного с зарубежными сионистскими центрами в США, Израиле и Европе, и нанести удар по “космополитизму”, прежде всего, по космополитично настроенной советской еврейской интеллигенции».

Лазарь Моисеевич прожил долгую жизнь, сохранил память, прекрасно ориентировался в современной ситуации – «перестройки» и реформ – и такой вот его вывод: «Я считаю, это была тогда правильная мера, она оздоровила идеологическую обстановку в партии и государстве. Сейчас же, в годы крушения коммунистических идеалов, нет ничего удивительного, что еврейские “возмутители спокойствия” снова в первых рядах».

А по поводу националистической деятельности Еврейского антифашистского комитета поэту Ицику Феферу напомнил поэт Перец Маркиш. «Оценивая сейчас деятельность ЕАК, я полнейшим образом утверждаю, что Комитет стал заповедником национализма, и, когда я прочитал эти 42 тома, мне стало стыдно жизни моей». Понятно, подобные многотомные издания хранятся в единственном экземпляре – в самой компетентной библиотеке – в то время на площади имени Дзержинского. Ну, а Маркиш эту беседу с Фефером вел уже в дни разборки Комитета с чекистами – в 1948 году. «Я считаю, что Еврейский антифашистский комитет был превращен в шинок, где изготовлялись изысканные шпионские “блюда” для разведчиков», – заключил поэт.

На этом, пожалуй, и закончим подзатянувшийся разговор об «*idishe tochter*» и деле, которое уложилось в 42 тома самой компетентной в нашей стране библиотеки.

P.S.

«Да, здесь, в стране социализма, каждый из нас, сынов еврейского народа-скитальца, обрел чувство родины, чувство социалистического отечества. Я призываю вас подчинить свое искусство огромным требованиям этой невиданной замечательной эпохи – эпохи Сталина, эпохи братства народов, эпохи вступления в обетованный мир коммунизма. Пример тому, как нужно бесстрашно дерзать и идти вперед, показывает нам великий вождь народа, поэт свободы товарищ Сталин».

С. Михоэлс, руководитель Еврейского антифашистского комитета

«Весь еврейский народ переживает величайшую трагедию в своей истории, потеряв от фашистских зверств в Европе около 4 миллио-

нов человек, т. е. $\frac{1}{4}$ своего состава. Советский Союз же единственная страна, которая сохранила жизнь почти половине еврейского населения Европы».

С. Михоэлс, Ш. Эпштейн, И. Феффер

«В Куйбышеве я встретился с Бергельсоном, который, пересказывая мысль Михоэлса, настойчиво доказывал, что еврейское государство надо создавать не в Палестине, а у нас, в Советском Союзе, так как это, по его мнению, наиболее реально. Ссылаясь на свою осведомленность о влиянии американских евреев на правительственные круги США, Бергельсон утверждал, что если нам удастся заручиться их поддержкой, то они сумеют через правительство США оказать давление на Советский Союз, при котором Советское правительство вынуждено будет пойти на уступки».

Д. Гофштейн

Еврейский антифашистский комитет был распущен 20 ноября 1948 года, а в июле 1952-го его руководство было расстреляно. В вину им вменялся антигосударственный замысел – создание в Крыму Еврейской республики, которую американцы в нужный момент могли бы использовать как плацдарм против СССР.

«ТОЛПОЮ ЖАДНОЮ СТОЯЩИЕ У ТРОНА...»

Последние годы жизни Сталина проходили по-прежнему в напряженной борьбе с недругами великой России – внутренними и внешними, тайными и явными. Тюрмы, ссылки, революции, гражданская война, поединки с отродьем бронштейнов, пятилетки строительства мощной индустриальной державы, одолевшей нашествие полчищ со всей Европы, потом восстановление страны из военной разрухи, создание поистине братского союза стран народной демократии – много это или мало для одного человека?..

Не о себе любимом думал Сталин в будни и праздники, в годы невзгод и взлета величайшего государства, шагнувшего в мечту человечества – жить всем по законам социальной справедливости, равенства, братства. Вспомните письма жены Сталина: «Иосиф, пришли мне, если можешь, рублей 50, мне выдадут деньги только 15.IX. в Промакадемии, а сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь, будет хорошо»...

Боже мо-о-ой!.. Можно ли представить такое письмо от жены Ельцина: «Боря, пришли мне, если можешь... я сижу без копейки...»? На содержание этого президента уходило 60 миллионов, а 80 % населения жило за чертой бедности. Один известный литератор-диссидент, откровенный противник Советской власти, вынужден был признать: «Ельцинское ограбление России – хуже нельзя было придумать! Народ брошен в нищету, народ брошен в страдание...»

Приемный сын Иосифа Виссарионовича генерал А. Сергеев как-то рассказывал о последних годах его жизни: «Сталин решил проверить, во что обходится государству его содержание. Посмотрел счета и ужаснулся:

– Это что? Я столько съел и выпил, столько износил обуви и костюмов?

Итогом этой проверки стало снятие верного помощника – Поскребышева, а начальник охраны генерал Власик угодил за решетку... Погуляли ребята...»

В начале сентября 1945-го, только что закончив работу на Потсдамской конференции, Сталин вызвал к себе Микояна. И вот он вспоминает: «Мне казалось, что я предвидел, о каких делах пойдет речь, но то, что Сталин сказал, никак не входило в круг моих предположений: “Ты мог бы полететь на Дальний Восток?” И, не дожидаясь ответа, продолжил: “Меня интересует, как наше командование налаживает жизнь в южной части Сахалина и на Курильских островах. Как они обходятся там с японцами? Нет ли жалоб у местного населения? Посмотри порты, предприятия, железные дороги: что они сегодня могут дать нашему народному хозяйству? Какие там есть бухты, пригодные для морского дела, для флота? Съезди заодно и на Камчатку, узнай, как там идут дела. Сейчас

на Дальнем Востоке путина – заготавливается красная икра. Проследи, чтобы ее хранение и вывоз были хорошо организованы. О своих впечатлениях сообщай каждый день подробно, шифровками”».

Микоян оговаривается, мол, не предполагал, что придется лететь туда, где «не был никто из членов правительства». Выходит, до дальнего края России дело было одному Сталину?

А «раз как-то весной, – вспоминает Анастас Микоян, – мы были на даче у Сталина. Сидели в кабинете, потом пошли обедать в сад. В это время Сталин с Вознесенским остановились в коридоре. После Вознесенский, очень обрадованный, подошел ко мне и сказал, что большое дело сделал: показал Сталину свой труд, тот полностью одобрил его, сказал, что можно публиковать. Речь шла о книге “Экономика Советского Союза во время войны”, которую после войны написал Вознесенский.

Затем этот труд получил Сталинскую премию, кажется, 200 тыс. рублей. Эти деньги Вознесенский отдал на общественные нужды. Дело, конечно, не в деньгах. Он добился признания себя как экономиста, знатока военной экономики.

Все шло нормально. Хотя как человек Вознесенский имел заметные недостатки. Например, амбициозность, высокомерие. В тесном кругу узкого Политбюро это было заметно всем. В том числе его шовинизм.

В послевоенное время (и до войны так же это было) Сталин и Молотов всегда ворчали на хозяйственников. Вообще, у нас ежегодно из месяца в месяц идет рост производства в хозяйстве. Месяц пика – это декабрь. В январе же и в первом квартале производство падает, а затем с марта-апреля постепенно начинает повышаться, летом опять начинается небольшой спад в связи с уходом на сельскохозяйственные работы и т. д.

Несколько лет подряд при рассмотрении плана предстоящего года в сопоставлении с истекшим годом, когда видели, что первый квартал оказывается ниже четвертого квартала, Сталин и Молотов требовали не только не снижать темпов производства, но и повышать их. Но это никак не получалось. Я, в частности, выступал против такого требования.

Но Сталин не хотел слушать мои возражения. Раздраженно отмахнулся: “Опять ты за свое! Брось!”

При обсуждении плана на 1948/49 год в Политбюро этот вопрос встал со всей остротой. Сталин предложил поручить Вознесенскому как председателю Госплана обеспечить такой рост, чтобы не было падения плана производства в первых кварталах против последних.

Он составил проект такого плана. В нем не было падения производства в первом квартале, а намечалось даже какое-то повышение. Сталин был очень доволен. В его проекте план будущего года сравнивается с планом текущего года, а текущий год брался в ожидаемом исполнении.

И вот, месяца через два или три Берия достает бумагу заместителя председателя Госплана, ведающего химией, которую тот написал Вознесенскому как председателю Госплана. В этой записке говорилось, что “мы правительству доложили, что план этого года в первом квартале превышает уровень IV квартала предыдущего года. Однако при изучении статистической отчетности выходит, что план первого квартала ниже того уровня производства, который был достигнут в четвертом квартале, поэтому картина оказалась такая же, что и в предыдущие годы”.

Эта записка была отпечатана на машинке. Вознесенский, получив ее, сделал от руки надпись: “В дело”, то есть не дал ходу. А он обязан был доложить ЦК об этой записке и дать объяснение. Получилось неловкое положение – он был главным виновником и, думая, что на это никто не обратит внимания, решил положить записку под сукно. Вот эту бумагу Берия и показал, а достал ее один сотрудник Госплана, который работал на госбезопасность, был ее агентом. И когда мы были у Сталина, Берия выложил этот документ.

Сталин был поражен. Он сказал, что этого не может быть. И тут же поручил Бюро Совмина проверить этот факт, вызвать Вознесенского.

После проверки на Бюро, где все подтвердилось, доложили Сталину. Сталин был вне себя: “Значит, Вознесенский обманывает Политбюро и нас, как дураков, надувает? Как это можно допустить, чтобы член Политбюро обманывал Политбюро? Такого человека нельзя держать ни в Политбюро, ни во главе Госплана!”»

Тогда было решено вывести Вознесенского из состава Политбюро и освободить от поста председателя Госплана СССР. Но вот Микоян рас-

сказывает о своем свояке и отмечает, что, как и с Вознесенским, которому очень доверял Сталин, сделал ошибку, слишком быстро подняв «ленинградского Кузнецова» над другими секретарями ЦК: с 1946 года он стал секретарем ЦК ВКП(б) по кадрам, вскоре Сталин поручил ему и контроль над работой МГБ, над Абакумовым.

Микоян пишет: «Кузнецов для Кремля был наивным человеком: он не понимал значения интриг в Политбюро и Секретариате ЦК – ведь кадры были раньше в руках Маленкова. А МГБ традиционно контролировал Берия... Конечно, у Кузнецова сразу появились враги: Маленков, Берия, Абакумов». И Анастас Микоян вспоминает такой эпизод:

«Кажется, это был уже 1948 год. Как-то Сталин позвал всех, кто отдыхал на Черном море в тех краях, к себе на дачу на озере Рица. Там при всех он объявил, что члены Политбюро стареют (хотя большинству было немногим больше 50 лет и все были значительно младше Сталина лет на 15–17, кроме Молотова, да и того отделяло от Сталина 11 лет). Показав на Кузнецова, Сталин сказал, что будущие руководители должны быть молодыми (ему было 42–43 года), и вообще, вот такой человек может когда-нибудь стать его преемником по руководству партией и ЦК. Это, конечно, было очень плохой услугой Кузнецову, имея в виду тех, кто втайне мог мечтать о такой роли».

Мечтателей о царском троне на Святой Руси хватало. Давно ли один «всенародно избранный» даже на танк поперся – обещать народу красивую жизнь. Вошел в историю свердловский прораб, вошел. Точнее, влип... А тогда, в начале сентября 1948-го, во время отдыха на Валдае умер Жданов. Наблюдательный Анастас Иванович замечает: «Видимо, Абакумов (по заданию Берия или по собственной инициативе) начал собирать компромат на Кузнецова, как в безопасности говорили тогда, “разрабатывать его”. К концу 1948 года в Политбюро стало известно, что Сталин согласился на то, чтобы снять Кузнецова с работы в ЦК. Это был дурной знак: было понятно, что дело принимает плохой оборот».

В августе 1949 года Кузнецова арестовали. Раскручивалось так называемое «ленинградское дело». Микоян в своих воспоминаниях это дело сваливает на Сталина, гневно клеймит его за «репрессии населения по-

границных регионов, от Эстонии до Грузии (очевидно, речь о “лесных братьях” и бандеровцах. — С. Г.)), упоминает «дело о космополитах», аресты «видных евреев», «дело врачей».

Осталось еще припомнить дело о бакинских комиссарах, из которых 26 отрубили головы, а одному оставили*.

Да, вот еще. Если кому-то интересно будет узнать решения партии о единомудце, сотоварище Сталина, Хрущева, потом Брежнева Анастасе Ивановиче Микояне, в Архиве Президента РФ — в Особой папке (пакет № 59) под грифом «Совершенно секретно» можно найти такую запись:

«Прямую ответственность за участие в массовых репрессиях несет А. И. Микоян. С его санкций были арестованы сотни работников системы Наркомпищепрома, Наркомвнешторга СССР. Микоян не только давал санкции на арест, но и сам выступал инициатором арестов. Так, в письме на имя Ежова от 15 июля 1937 года он предлагал осуществить репрессии в отношении ряда работников Всесоюзного НИИ рыбного хозяйства и океанографии Наркомпищепрома СССР. Аналогичные представления делались Микояном и в отношении работников ряда организаций Внешторга СССР».

В сентябре того же года Микоян прибыл в Ереван на пленум ЦК армянских коммунистов и обрушился с обвинениями на местных руководителей. Первый секретарь ЦК КП Армении Амадуни пытался возразить Анастасу Ивановичу, за что был арестован, и свои соображения получил

* Бакинские комиссары были арестованы местными властями (стачечным комитетом рабочих-социалистов). Им предъявили обвинение в сдаче Баку азербайджанцам. По этому обвинению перечисленные 26 человек и были казнены — местный туркмен отрубил им головы. Английские войска не имели к этому никакого отношения — их в Красноводске в то время просто не было. Подлинную картину казни установила комиссия ВЦИК РСФСР под руководством В. А. Чайкина, опубликовавшего свой отчет в Москве в 1922 г.

Впрочем, один из бакинских комиссаров был отпущен. Генерал-майору А. Е. Мартынову, который в 1918 г. был начальником штаба главнокомандующего Прикаспийским краем (он участвовал в следствии и подписал приказ о казни «комиссаров»), пришлось освободить Анастаса Микояна, будущего сталинского наркома, именем которого называется мясокомбинат в Москве. Он помог белой контрразведке выявить своих товарищей среди 600 беженцев. «Самая сволочь из этих комиссаров был, но я ему слово офицера дал, что если поможет — сохраню ему жизнь», — вспоминал Мартынов в эмиграции (Черная книга имен, которым не место на карте России. Сост. С. Волков. — М.: «Посев», 2008).

возможность высказывать уже в застенках НКВД. Заодно с ним были арестованы второй секретарь ЦК, председатель Совнаркома республики, нарком внутренних дел. Короче, свыше 3500 ответственных партийных, советских, военных и хозяйственных работников (журнал «Коммунист» – Армения, 15 ноября, 1961).

Что же касается «ленинградского дела», то в отличие от Микояна, сын Маленкова, доктор наук Андрей Георгиевич считает, что личную вину за гибель А. Кузнецова и других ленинградских руководителей несет Хрущев – именно он контролировал деятельность репрессивных органов. Это подтверждает и один из руководителей тех органов генерал П. Судоплатов: «Во время последних лет сталинского правления Хрущев умудрился внедрить четырех своих ставленников в руководство МГБ-МВД». Ну те и старались...

Такие «мечтатели» окружали Сталина в последние годы его жизни. Об этом нынче пишут, но уже никто не вспоминает о великих планах и делах Сталина, направленных на улучшение жизни народа. Вот, например, в октябре 1948 года был принят сталинский план преобразования природы, это поистине удивительное, масштабное строительство со взглядом в будущее системы оросительных каналов, лесозащитных полос.

Тогда же началась прокладка транснациональной магистрали Москва – Пекин. При Сталине успели проложить бетонную полосу до Ногинска. А не стало его – о той магистрали забыли и принялись страну «от Москвы до самых до окраин» засеивать кукурузой.

Не вспоминают либералы и замечательную работу Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» 1952 года. В ней Иосиф Виссарионович наметил ближайшие социально-экономические планы: «Сократить рабочий день до 5 часов, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования... чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое как путем прямого повышения денежной

зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления...»

По инициативе Сталина еще в 1944 году было принято постановление по производству домов заводским способом – из расчета 3,6 млн квадратных метров в год. Он узнал о разработке французскими архитекторами строительства дешевого панельного жилья и поручил профессору Карасеву организацию домостроительной промышленности. Вот параметры квартир по установке Сталина: минимальная площадь однокомнатной квартиры 40–45 кв. метров, двухкомнатной – не менее 70–75, трехкомнатной – 100 кв. метров; высота потолка 3–3,5 метра, санузел раздельный.

Никитины «хрущобы» давно трещат по швам, а сталинские постройки стоят и стоят – им цены нет!

17 июня 1949 года состоялось заседание Политбюро, на котором было принято предложение Сталина о замене 25-летнего плана реконструкции Москвы на 10-летний. В тот день заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Малышев записал в дневнике несколько слов о пленуме: «Выступил в конце товарищ Сталин и сказал примерно следующее: “Чтобы уважали Москву как столицу, нужно сделать ее красивой. Надо помнить, что столица укрепляет государство...”

Теперь несколько замечаний по существу проекта.

Надо, чтобы большая часть Москвы была бы застроена 8–10-этажными домами и 25–30 % – 12–14-этажными домами. Это будет более экономно, чем предложение застраивать Москву 4–5-этажными домами.

Развитие промышленности в Москве надо остановить, а предприятия, портящие воздух, надо вынести из пустых зданий (клубы, дворцы и т. д.). Это неправильно. Надо со всей силой налечь на строительство жилья и решить жилищный кризис”...»

5 июля 1952 года на заседании Политбюро было принято предложение Сталина о денежном довольствии – снижении зарплат партаппаратчикам и чиновникам различных министерств и управлений:

«В связи с тем, что за последние годы произошло серьезное снижение цен на товары массового потребления ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Принять предложение членов Политбюро о сокращении с 1 августа 1952 года денежного довольствия членам Политбюро, секретарям ЦК ВКП(б), заместителям председателя Совета Министров СССР и установить вместо ныне получаемого денежного довольствия в сумме 20 000 рублей ежемесячное денежное довольствие в размере 8–12 тысяч рублей, в зависимости от количества членов семьи.

2. Сократить денежное довольствие членам ЦК ВКП(б), министрам союзных министерств и другим работникам центрального аппарата, получающим денежное довольствие в сумме 15 000 рублей ежемесячно, и установить им денежное довольствие в размере от 6 до 9 тысяч рублей, в зависимости от количества членов семьи.

3. Сократить денежное довольствие кандидатам в члены ЦК ВКП(б), первым заместителям министра союзных министерств и другим работникам центрального аппарата, получающим довольствие в сумме 10 000 рублей, и установить им ежемесячное денежное довольствие в размере от 5 до 7 тысяч рублей в зависимости от количества членов семьи.

4. Сократить руководящим работникам центрального аппарата, республиканских и местных партийных и советских органов размер денежного довольствия, по сравнению с ныне получаемым, по следующей шкале:

- получающим от 6 000 до 4 000 рублей – на 33 %
- получающим от 4 000 до 3 000 рублей – на 25 %
- получающим от 3 000 до 2 000 рублей – на 20 %
- получающим от 2 000 до 1 000 рублей – на 15 %.

5. Работникам, получающим денежное довольствие в размере от 1 000 рублей и ниже, – выплату денежного довольствия сохранить на прежнем уровне.

6. Установить с 1 августа 1952 года Министрам Военному, Военно-Морскому, Госбезопасности, Внутренних дел и Госконтроля СССР, их заместителям должностные оклады независимо от звания на уровне, установленном для министерств и заместителей министров других министерств.

Выписки были посланы Маленкову, Звереву, Помазневу». (Для ориентировки: в начале 50-х великолепный легковой автомобиль «Победа» стоил 15 тысяч рублей, «Москвич» – 8 тысяч.)

5–14 октября 1952 года в Большом Кремлевском дворце состоялся XIX съезд партии, на котором последний раз с краткой речью выступал Сталин. На съезде был утвержден 5-й пятилетний план – намечены задачи политического и культурного строительства. Съезд внес изменения в Устав партии. Тогда же, по предложению Сталина, Политбюро ЦК было преобразовано в Президиум ЦК, избранный в расширенном составе – из 25 членов и 11 кандидатов. А после съезда на Пленуме Сталин объявил об уходе по состоянию здоровья с должности секретаря ЦК.

Партноменклатура задергалась: после ухода Сталина с такого поста трещали стулья партаппаратчиков. Им оставалось заниматься только идеологией – политическим словоблудием, вроде хрущевского «коммунизма» к 1980 году, да расстановкой своих кадров. А вся хозяйственная жизнь страны – от промышленности до культуры – автоматически переходила к Совету Министров и в исполнительную власть.

Однако государственными делами Сталин занимался до последних дней своей жизни. Член ЦК партии Д. Т. Шепилов вспоминал, как вскоре после Пленума 20 октября его и Юдина вызвали к Сталину: «Я затрудняюсь сказать, что это было: заседание Президиума ЦК с группой работников идеологического фронта или узкое совещание по идеологическим вопросам...» Шепилов, ссылаясь на свои записи и Юдина, перечисляет проблемы, которые волновали Сталина и которых он коснулся в выступлении на том заседании: речь шла о лучшем управлении промышленностью, об изучении кадров для нее, выдвижении молодых работников. Шепилов записал слова Сталина: «Плохо идут дела в сельском хозяйстве. Партийные работники не знают истории сельского хозяйства в Европе, не знают, как ведется животноводство в США. Только бумаги подписывают и этим губят дело...» Но в основном, замечает Шепилов, Сталин говорил о руководстве идеологической работой партии: «Наша пропаганда ведется плохо, кака какая-то, а не пропаганда. Все недовольны постанов-

кой дела пропаганды... Надо создать при Президиуме ЦК постоянную комиссию по идеологическим вопросам... В идеологическую комиссию надо включить Шепилова, Чеснокова, Румянцева, Юдина, Суслова. Кого еще? И надо создать секретариат комиссии».

А вот что рассказывал министр финансов А. Г. Зверев: «Перестройка хозяйства на мирный лад в основном завершилась в 1946 году. В 1948 году объем промышленного производства в стране превзошел довоенный уровень. Таким образом, на восстановление промышленности потребовалось около двух с половиной лет. Героический труд рабочих, неутомимая деятельность партии обеспечили выполнение первой послевоенной пятилетки в промышленности за четыре года и три месяца.

Однако успехи вовсе не означали, что путь, по которому шла страна, был легким. На фоне впечатляющих успехов промышленности было особенно заметно отставание сельского хозяйства. Восстановить его было сложнее, чем промышленность. Трудности в сельском хозяйстве в значительной степени объяснялись серьезными упущениями в руководстве им, нарушением принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в результатах своего труда...»

И вот уже начало марта 1953-го. Специально созданная комиссия рассматривала вопрос о размерах подоходного налога с работников сельского хозяйства. «Некоторые члены комиссии внесли тогда предложение отдельно внести налог с оборота и налог на трудодни, – вспоминает министр финансов. – Таким путем государству передавалась часть национального дохода, созданная колхозами и колхозниками. Тогда мне поручили составить справку о размерах налога с оборота по отдельным видам сельхозпродукции. Там значилось, что налог с оборота по зерну был равен 85 процентам, по мясу – 75 процентам и т. д.

Эти цифры вызвали сомнение. Справку показали Сталину. В разговоре со мной по телефону Сталин, не касаясь происхождения цифр, спросил, как я истолковываю природу налога с оборота. Я ответил, что налог родственен прибыли, одна из форм проявления прибавочного продукта. Слышу: “Верно”. Новый вопрос: “А помните, до войны один член ЦК на

заседании ЦК назвал налог с оборота акцизом?» Я помнил этот случай: Сталин тогда ответил, что у акциза иная экономическая природа*.

Далее Сталин спросил: чем объясняется столь высокий процент налога с оборота по основным видам сельскохозяйственной продукции? Я отвечал, что здесь выявляется разница между заготовительными и розничными ценами, установленными правительством на сельхозпродукты. Следующий вопрос: для чего мы раздельно берем прибыль и налог с оборота и не лучше ли объединить эти платежи? Говорю, что если объединим, хотя бы в виде отчислений от прибыли, то в легкой и особенно в пищевой промышленности возникнет прибыль процентов 150–200 в год: исчезнет заинтересованность в снижении себестоимости, которое планируется в размере 1–3 процентов в год, ибо прибыль будет и без того велика, но не в результате работы. Опять слышу реплику: «Верно!» Так были затронуты многие коренные проблемы деятельности финансов, причем ни разу не упоминался вопрос о сельскохозяйственном налоге. По окончании беседы Сталин сказал: «До свидания». (Редчайший случай: обычно он просто клал трубку.)

Однако свидание уже не состоялось – через несколько дней И. В. Сталин скончался».

«В последнее время он жил особенно уединенно, поездка на юг осенью 1951 года была последней, – вспоминает об отце Светлана Аллилуева. – В Кунцево... рядом с большим домом выстроили маленький деревянный дом – там лучше был воздух; в комнате с камином отец часто и проводил дни».

Охранник Сталина Алексей Трофимович Рыбин свидетельствует: «Сказывалась постоянная гипертония. Раз на ходу чуть не упал от головокружения. Порой с трудом поднимался по лестнице на второй этаж... И как-то невольно пожаловался Орлову:

– Чертова старость дает о себе знать».

* Между прочим, Сталин, опираясь на свою исключительную память, часто проверял осведомленность других. Так, однажды он по телефону спросил у меня, чему равна унция. Я пояснил, имея в виду унцию, которой в СССР пользовались в ювелирном деле. «А еще какие бывают унции?» Унций вообще-то четыре вида, они разнятся по весу, но на сколько именно, я сходу сказать не могу. Сталин прочитал мне тогда нотацию...

«Так я и говорю, что Сталин взял на себя такой груз, что, конечно, устал, ему было уже очень трудно в последние годы, когда он состарился, а главное, уже был очень утомлен, потом не лечился человек, он боялся лечиться. Для этого тоже были свои основания, потому что могли подсунуть – врагов у Сталина было достаточно», – это рассказывал его старый товарищ еще по революционной борьбе Вячеслав Михайлович Молотов, подчеркивая, что понять Сталина можно, потому что вынести на своих плечах все, что взвалил на себя, было очень трудно...

Известно, что Сталин собирался уйти на пенсию сразу после войны. Но изощренные во лжи либералы даже в таких естественных, связанных с возрастом проявлениях, как быстрая утомляемость, усталость человека, отыскивают коварные замыслы вождя: «Это он специально так говорил – чтобы узнать, кто согласится на его просьбу, а потом взять того и застрелить!» – сколько такой пакости навывдумывали интеллигенты специального назначения... Расстрелял – и помолодел. И снова строй всякие там Днепрогэсы, Уралмаши, гоняй с песнями на своих тракторах по колхозным полям! До чего же бессовестные люди живут еще на нашей земле...

Ведь и Молотову, и Кагановичу, и Микояну Сталин говорил, что «люди найдутся на наши места». Тот же Микоян вспоминает, как в 1947 году Иосиф Виссарионович предлагал кремлевским начальничкам подготовить «из среды своих работников человек пять-шесть, которые могли бы заменить нас самих, когда ЦК сочтет нужным это сделать». Микоян не скрывает, что Сталин несколько раз настойчиво повторял свое требование.

Ну, да – с разбегу! Кто это от кормила-то да кормушки добровольно отказываться собирался, может, верный ленинец-троцкист Хрущев? Он еще всем, даже покойному Сталину, покажет «кузькину мать»!

«Я заметил, – это Микоян, – что, зная своих работников, не могу подготовить пять-шесть человек с гарантией, что они смогут меня заменить». Потом все-таки согласился: «Хотя два-три работника у меня есть на примете. Если с ними хорошо поработать года два, то они могут стать достойными кандидатами для замены». Да, конечно. Анастас Иванович с 1926 года один занимался вопросами снабжения и торговли. Вот еще

годика два ему поработать бы со своими помощниками, замами и прочая, глядишь, что-нибудь из них и получилось бы. «В перспективе».

Только ни через два, ни через три, ни через восемь лет Микоян так и не нашел для замены достойного себе кандидата, так и правил внешней торговлей нашей страны в одиночестве. Обеднела Армения на таких специалистов. На июльском пленуме 1953 года он еще скажет слова признательности Иосифу Виссарионовичу: «Когда формировалось руководство государства и партии, все ученики Сталина, кто многие годы работал под его руководством и кто мог оказать помощь в работе, нашли участок и своей работы...» На том участке – в Политбюро – Анастас Иванович умудрился просидеть бессменно 19 лет! И при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе...

Почувяв слабость стареющего льва, все решительнее к нему подкрадывался коварный Берия. Дочь Сталина Светлана рассказывает: «Берия, создав “дело врачей”, таким образом шел прямой наводкой к своей цели – укоротить жизнь Сталина, поставить его здоровье под угрозу и тем самым простимулировать летальный исход».

И вот еще она свидетельствует: «“Дело врачей” происходило в последнюю зиму его жизни. Валентина Васильевна рассказывала мне позже, что отец был очень огорчен оборотом событий. Она слышала, как это обсуждалось за столом, во время обеда. Она подавала на стол, как всегда. Отец говорил, что не верит в их “нечестность”, что этого не может быть...»

Принято считать, что «дело врачей» началось с письма кардиолога кремлевской поликлиники Лидии Тимашук. Но оно было послано не накануне ареста врачей, в 1952 году, а еще в 1948-м! В письме утверждалось, что академик Виноградов неправильно лечил Жданова и других руководителей страны. Проверка заявления была поручена следственной части по особо важным делам МГБ СССР. С вымышленными фамилиями 12 копий амбулаторных карт высших руководителей партии были разосланы в различные города страны. Проверка шла в городских и районных больницах, в частности, в Ленинграде, Омске, Киеве, Владивостоке, Орле, Ярославле, Курске. В результате было установлено расхождение данных

объективного обследования пациентов и поставленных диагнозов, явно не соответствующих характеру и остроте заболеваний. Соответственно для больных предписывалось неправильное лечение – не теми лекарственными препаратами, которые были им необходимы. Жертвами лечащего персонала кремлевской больницы были Горький и его сын, Фрунзе и Куйбышев, Димитров и Готвальд, Жданов и Щербаков.

Сотрудник для поручений В. Туков так рассказывает о сомнениях Сталина: «Однажды едем в машине. Сталин говорит: “Что делать? Умерли один за другим Жданов, Димитров, Чойбалсан, а ранее – Менжинский, Горький... Не может такого быть, чтобы так внезапно умирали государственные деятели! Видимо, надо заменить старых кремлевских врачей и подобрать молодых”. Я сказал: “Товарищ Сталин, старые врачи имеют большую врачебную практику, а молодые – одна зелень, без опыта”. Сталин: “Нет, надо заменить... поступают сообщения об отравлении лекарствами соратников, из кремлевской больницы. НКВД настаивает на аресте некоторых старых врачей, лечивших Димитрова, Жданова и других”».

Прекрасно! Тут как тут традиционная раскрутка темы: бедных евреев обижают, а Тимашук – антисемитка. Публицист В. Кожин, досконально изучивший этот вопрос, пишет: «Широко распространенные до сего времени представления о Л. Ф. Тимашук как злобной и коварной “антисемитке”, которая будто бы и положила начало делу “врачей-убийц”, абсолютно не соответствует действительности, перед нами один из множества мифов, столь характерных для “общепринятых” представлений о послевоенном периоде. Во-первых, диагноз Тимашук был совершенно верен, его подтвердило патолого-анатомическое вскрытие. Во-вторых, среди врачей, диагноз которых Тимашук оспаривала в своей записке, не было евреев!»

Да что говорить! Стоит зацепиться за какое-то новое «дело» – тут как тут довесок к статье по «делу» – пресловутый «антисемитизм». Скажем, статья «за разжигание межнациональной розни и... антисемитизм», «против терроризма, экстремизма и... антисемитизма». Вот и по «делу врачей» раскрутили заезженную пластинку.

Полно-ко. По тому делу арестованных русских вообще было больше, чем евреев. Племянник жены Сталина Владимир Аллилуев пишет: «Громкие кампании тех времен – “дело врачей”, борьба с “безродным космополитизмом”, история с Крымской еврейской автономией – были не результатом мифического “зоологического антисемитизма” Сталина, о чем столь широко вещали наши “демократы”, а плодами целенаправленной политики лидеров и идеологов сионизма». И заместитель министра внутренних дел СССР В. Рясной, в охране Сталина занявший место Власика, был убежден, что «дело врачей» – «не больше, не меньше, как прямая провокация, вызванная элементами, желавшими свержения Сталина. Все было подготовлено к его гибели».

А давно ли в Киеве, на еврейском Подоле, товарищ С. Фейнтух напевал:

Lomir trinken a leheim
Far dem lebn far dem nayem...
Un dem ershtn veln mir
Khvalien undzer libn haver Stalin!

Что в переводе звучит так:

Давайте выпьем лехаим
За новую жизнь
И первый бокал за здоровье
Любимого Сталина!

Или вот. «В начале 1940 года мне удалось убежать из захваченной фашистами Варшавы на территорию Советского Союза, – в “Еврейской газете” пишет Т. Купервейс, один из сотен тысяч евреев, рванувших к нам от поляков. – Новая страна, новые люди, новые порядки... Но меня – сразу же ставшего студентом Белорусской Консерватории – ничто в жизни советских людей не поразило так сильно, как национальное равенство! Это было удивительное открытие для меня, испытавшего

многолетние преследования евреев в Польше и спасшегося от кровавого насилия фашистов.

В моей памяти – и на моей “шкуре” – еще свежи были следы тех кошмарных событий, а тут свершилось чудо – неожиданно я оказался в стране с “наднациональным” обществом.

Еврейский журнал «Бнай Брит Магазин» (№ 5, 1934 г.) сообщал: «В России и до революции проживала самая большая часть еврейского народа. Вместе с разрушением иудаизма и сионизма, параллельно с этим процессом, наступила после революции такая свобода, которую евреи не пробовали, не испытали ни в одной стране мира. Лазарь Каганович, этот скромный рабочий-кожевник, еврей, именно в силу своих природных способностей, при новом режиме смог занять такое место – стать в окружении Сталина лидером коммунистов России».

Можно долго перечислять евреев, занимавших при Сталине ответственные государственные и партийные посты. Скажем, наркомом земледелия в конце 1929 года был назначен Я. Эпштейн (Яковлев). Это он возглавил комиссию, которая разработала план коллективизации. В исполнительных органах партии, в ЦК были евреи Н. Анцелович, Б. Ванников, Р. Залкинд (Землячка), Л. Каганович, М. Каганович, М. Валлах (Литвинов), С. Дризо (Лозовский), Д. Мануильский, М. Митин, Г. Штерн, Е. Ярославский (Губельман)... Зять Иосифа Виссарионовича Г. Морозов мемуаров не написал, но как-то заметил: «Кстати, в НКВД, в Генеральной прокуратуре значительное число следователей по особо важным делам были евреями. В том числе такие страшные костоломы, как Шварцман и Родос. Даже убить Троцкого Сталин доверил еврею Эйтингону».

Скажут, вот-вот, только такие кадры тирану и нужны были. Минуточку, а служители муз? Художник Исаак Бродский в 1934 году был назначен директором Всероссийской Академии Художеств. Моисей Гринберг, «видный организатор музыкально-концертной жизни», руководил Музгизом. Во главе Главлита – цензуры над печатным словом – в 30-х годах стоял Б. Фрадкин. Словом, не только физики, другие специалисты, достигавшие успехов в области военной техники, без которых, могут сказать, Сталин

не создал бы такую мощную армию, но и писатели, критики, литературоведы, кинорежиссеры, артисты еврейского происхождения, которых щедро одаривали высокими званиями, наградами, премиями, прочими льготами, от которых, заметим, никто не отказывался.

Вадим Кожин, исследуя период 1946–1953 годов в истории России, коснулся этой проблемы. Он перечисляет лауреатов Сталинской премии по литературе вроде бы во время разгула «антисемитизма»: А. Барто, Б. Брайнин, М. Вольпин, Б. Горбатов, Е. Долматовский, Э. Казакевич, Л. Кассиль, С. Кирсанов (Корчик), П. Маляревский, С. Маршак, Л. Никулин, В. Орлов (Шапиро), М. Поляновский, А. Рыбаков (Аронов), П. Рыжей, Л. Тубельский, И. Халифман, А. Чаковский, Л. Шейнин, А. Штейн, Я. Эльсберг. «Притом они составляли около трети общего числа удостоенных Сталинских премий в эти годы авторов, пишущих на русском языке!»* Не слишком ли много высоко превознесенных литераторов-евреев для диктатора-«антисемита»?! – не без оснований удивляется Вадим Валерианович. – Притом дело ведь шло отнюдь не о каких-либо действительных корифеях литературы, чьи творения, мол, просто неловко, неприлично было бы не увенчать званием лауреата, и напоминает другие, куда как достойнее для тех же премий имена: – Михаил Пришвин, Андрей Платонов, Николай Заболоцкий, Ярослав Смеляков, которые премий «не удостоились»».

А Илья Эренбург? В 1948-м, в год закрытия Еврейского антифашистского комитета, он также удостоивается Сталинской премии, в 1950-м Сталин подписал решение Политбюро об утверждении его заместителем председателя Советского комитета защиты мира. Вскоре Эренбурга избирают вице-президентом Всемирного Совета Мира.

Как можно говорить о «притеснении евреев как евреев», пишет В. Кожин и перечисляет кинорежиссеров еврейского происхождения: Р. Кармен, Л. Луков, Ю. Райзман, А. Ромм, Г. Рошаль, А. Столпер, А. Файнциммер, Ф. Эрмлер, которым предоставлялись огромные средства для их кинематографической деятельности. Все они сталинские лауреаты, самые прославляемые деятели кино, а рядом с ними работали кинорежиссеры

* Среди лауреатов 1949–1952 годов было много евреев, писавших на других языках народов СССР.

Довженко, Пудовкин, Эйзенштейн (его ошибочно считают евреем). Последние трое, замечает Вадим Валерианович, как наиболее выдающиеся получили за все время их деятельности всего по 2 Сталинские премии, между тем как Эрмлер – 4, Ромм – 5, Райзман – 6!

В начале декабря 1948 года на имя Сталина пришло письмо от журналистки Анны Бегичевой, работавшей в отделе искусств газеты «Известия». «В искусстве действуют враги. Жизнь отвечаю за эти слова», – писала она и называла имена театральных критиков, заведующих литературными частями театров, преподавателей вузов, занимающих ответственные посты, но абсолютно равнодушных к советскому народному искусству – «замаскированных космополитов»: Юзовский, Мацкин, Гурвич, Альтман, Бояджиев, Варшавский, Борщаговский, Гозенпуд, Малюгин... «Эта группа крепко сколочена. Скептицизмом, неверием, презрительным отношением к новому они растлевают театральную молодежь и людей недалеких, прививая им эстетические вкусы, чему, кстати, очень помогают пошлые заграничные фильмы, заливающие экраны», – похоже, искренне писала журналистка «Известий», а я вот сейчас цитирую ее письмо Сталину и думаю: вот бы глянула она на нынешнюю Россию, послушала бы, о чем травят балаганные шуты российской эстрады, прошлась бы по телеканалам – школе жестокости, алчности, нравственного разложения. Куда до них тем «ловкачам и дельцам»... Уже целое постперестроечное поколение «дорогих расеян» воспитано и живет по законам джунглей. Не зря говорят, что при Сталине в стране был железный занавес, а нынче у всех – стальные двери.

«...Все эти космополиты-деляги не имеют любви к советскому, “мужичьему” (Юзовский о Л. Леонове) искусству. У них нет национальной гордости, нет идей и принципов, ими руководит только стремление к личной карьере и к проведению евро-американских взглядов о том, что советского искусства нет. Эти “тонкие” ценители страшно вредят, тормозят развитие искусства», – такой вывод в письме делала Анна Бегичева, и существует мнение, будто с этого ее письма Сталину и началась кампания против «безродных космополитов», то есть против евреев.

Думаю, это не так. Письмо журналистка «Известий» Бегичева отправила 10 декабря 1948 года. Но до него в августе того же года, когда в провозглашенном Израиле в условиях тщательной конспирации 8 тысяч кадровых советских военных (понятно, еврейского происхождения) толком не знали – на чьей стороне им придется быть в раскрученной «холодной войне», когда убежденная сионистка Гольда Мейерсон только прикидывала с руководством партии «МАПАЙ», как им «наладить контакт с евреями Советского Союза», Андрею Александровичу Жданову, партийному идеологу, ведающему решениями в области литературы и искусства, поступило письмо от гражданки Л. Красковой.

«Начну с конкретного факта, – обращается она. – Из семи членов редколлегии журнала “Новый мир” пять евреев во главе с редактором Симоновым. В последнем № 8 “Нового мира” из 17 авторов 11 евреи... Во всех издательствах если не на первых, то фактически на вторых ролях сидят евреи. В Союзе советских писателей заправляют они, в “Литературной газете” – они, в издательстве “Советский писатель” – главный редактор еврей, в “Московском рабочем” – еврей, в “Молодой гвардии” – еврей. Нет от них спасения!.. Вопрос этот серьезнее и глубже, чем может показаться. Дело не в антисемитизме. Евреи мешают переделывать психологию советских людей в коммунистическом духе. Во все области нашей жизни они вносят дух торгашества, личной корысти, беспринципной круговой поруки, подхалимства и лицемерия. Вот в чем вся штука!

Народ наш терпелив. Он терпит из уважения к партийным принципам большевистской партии. Но терпение может лопнуть, особенно, если не дай бог, разразится новая война. А когда лопається терпение у нашего народа, он страшен в гневе своем. Нельзя ли все-таки укоротить аппетиты евреев, хотя бы на идеологическом фронте? Ведь гадят они нам, все извращения корнями своими уходят в их проделки, в их психологию... А с ними продолжают носиться, как будто они-то и есть соль советской земли. Говорить об этом вслух нельзя, да и не с кем и толку мало, поэтому и пишу в ЦК ВКП(б)».

Еще раньше – в январе 1948 года – назначенный Ждановым заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК Шепилов тоже указывал на

«национальный состав работников редакции» газеты «Москау ньюс»: русских – 1 человек, армян – 1 человек, евреев – 23 человека, прочих – 3 человека. Шепилов предлагал закрыть ту газету как некий осколок западного либерализма. Жданов согласился, в июле подписал проект решения Политбюро, но заболел, и вопрос о прекращении издания замяли.

Ну, а на письмо Анны Бегичевой из «Известий» реакция получилась действенной. Главный редактор газеты «Советское искусство» В. Вдовиченко в январе 1949 года писал секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову о К. Симонове: «Имеет наглость называть себя русским!» А именно Константин Михайлович как заместитель Генерального Секретаря Союза советских писателей выступил с предложением исключить из Союза писателей СССР ряд «критиков-антипатриотов».

Письмо это было под грифом «секретно» от 26 марта 1949 года – товарищу Сталину И. В. и товарищу Маленкову Г. М.* и сурово гласило: «В связи с разоблачением одной антипартийной группы театральных критиков, Секретариат Союза советских писателей ставит вопрос об исключении из рядов Союза писателей критиков-антипатриотов: Юзовского И. И., Гурвича А. С., Борщаговского А. М., Альтмана И. Л., Малюгина Л. А., Бояджиева Г. Н., Субоцкого Л. М., Левина Ф. М., Бровмана Г. А. как несоответствующих п. 2 Устава Союза советских писателей, в котором говорится:

“Членами Союза советских писателей могут быть писатели (беллетристы, поэты, драматурги, критики), стоящие на платформе советской власти и участвующие в социалистическом строительстве...”»

Коротко и ясно. Но в конце марта 1953 года К. Симонов снова заготавливает записку – уже Никите Хрущеву как секретарю ЦК КПСС – о проведении чистки в рядах мастеров изящной словесности. Чем не кампания! Записка шла под заголовком о «мерах Секретариата Союза советских писателей по освобождению писательских организаций от балласта».

«Значительную часть этого балласта составляют лица еврейской национальности», – докладывали Никите братья по цеху А. Фадеев, А. Сурков и К. Симонов и при этом приводили конкретные цифры. Из 1 102 чле-

* Письмо подписал и секретарь Правления Союза советских писателей А. Софронов. Резолюция Г. Маленкова: «Т. Шепилову. Прошу разобраться и подготовить предложения».

нов московской организации Союза писателей 329 человек (это почти каждый третий) были евреи. Украинцев насчитали всего-навсего 23 человека. Писатели еврейской национальности в том Союзе состояли с 1934 года, то есть с момента его создания. Тогда их в пропорциональном отношении было еще больше – 35,3 %. Остальные проценты оставались на те 160 народов и народностей, о которых особенно часто любят напоминать демократы нынче, после развала Советского Союза, – это когда в стране РФ 87 % оказались русские.

В записке, подготовленной К. Симоновым, указывалось, что в Союз писателей принимают зачастую по приятельским отношениям, что в нем пасутся случайные люди, проникнувшие в творческий коллектив для получения материальных преимуществ, связанных с пребыванием в нем (снабжение, литерные карточки и т. д.). Приводились примеры. Так, М. Хенкина в 1929 и 1936 годах выпустила две книжки стихов на еврейском языке, и муза ее с тех пор не посещала.

С 1934 года в Союзе писателей состояла Т. Дубинская. «До 1939 года написала несколько рассказов и две повести на весьма невысоком художественном уровне. С 1934 года не напечатала ни одной строчки. Разъезжая по стране с чтением неполноценных лекций, пыталась вымогать деньги у различных местных организаций. В течение ряда лет получала пособия от Литфонда: только за последние два года получила пособий на сумму в 6 тыс. рублей», – такая вот краткая служебная характеристика получилась на члена писательского профсоюза Т. Дубинскую.

Вот тут впору бы возмутиться: это как так – с 1934 года ни строчки! – а деньги народные гребет... Да не поднимается рука хулить боевую подругу одного из отцов-командиров червонного казачества Ильи Дубинского. Если уж речь о деньгах, то, заметим, по той же докладной записке Никите Хрущеву видно, что денег она от Литфонда получила не больше, чем другие. Вон у драматурга А. Ржешевского задолженность перед разными организациями достигла 150 тысяч рублей! У Д. Хаита должок перед Литфондом был 11,5 тысяч рублей, и у Б. Бобовича всяких пособий за два последних года тоже за 11 тысяч перевалило. А этот Бобович только

несколько эстрадных хохм для «Синей блузы» написал (в 1920–1930 годы был такой агитационный театрально-эстрадный жанр).

Но мне корить чету Дубинских непозволительно вот почему. В 1988 году, в разгул гласности и «ускорения» по системе колхозника Горбачева, «Литературная газета» посвятила целую полосу судьбе полковника И. В. Дубинского. В 1958 году наше Военное издательство выпустило в свет книгу, в которой автор, бывший командир 6-го червонно-казацкого полка Илья Дубинский, рассказывал о боях на деникинском фронте, на Перекопе... А тут, оказывается, у него давно лежит рукопись о предвоенных 30-х годах и делах 4-й Киевской тяжелой танковой бригады, которой он командовал, о знаменитых Киевских маневрах, о своих боевых соратниках и корешах – Семене Абрамовиче Туровском, Илье Гарькавом, Мите Шмидте, Примакове, Тодоровском, Эйдемоне, комиссаре Минце...

Стоит ли говорить, какому издательству предстояло готовить залежавшуюся рукопись полковника И. Дубинского. Команда – и на следующий день я в самом престижном районе Киева – черте оседлости некогда знаменитых сахарозаводчиков Левы и Лазаря Бродских, толстосумов Гинцбурга, Гальперина, Ландау... И вот уже за столом, беседуем с Ильей Владимировичем, пьем с его боевой подругой за будущую книгу! Сам автор после инсульта, заново учится ходить и страшно рад, что его рукописью займется Военное издательство.

90 лет жизни – срок не малый. Илья Дубинский через год ушел в лучшие миры, а у меня остались на память две его книги с добрыми словами: «Полковнику Грибанову Станиславу Викентьевичу с признательностью от глубины души до глубины души. Автор».

Не знаю, чем закончилась кампания по поводу «балласта» в русской литературе. Но вот выяснилось, что еще во время Второй мировой войны в ЦК партии поступила записка по поводу другой музыки: оказывается, пока грохотали пушки, совершенно безнаказанно были ликвидированы оркестры русских народных инструментов в Москве и Ленинграде, в тяжелом положении оказались театры и музыкальные учреждения.

К примеру, в Московской филармонии всеми делами вершил некто Лакшин, не имеющий никакого отношения к музыке, и группа его приближенных администраторов: Гинзбург, Векслер, Арканов и др. Из штата филармонии тогда были отчислены почти все русские: лауреаты международных конкурсов – Брюшков, Козолупова, Емельянова; талантливые исполнители и вокалисты – Сахаров, Королев, Ярославцев, Ельчанинова, Выспрева и другие. В штате же филармонии оказались почти одни евреи: Фихтенгольц, Л. Гилельс, Э. Гилельс, Гольдштейн, Флиер, Зак, Гринберг, Ямпольский, Тамаркина и так далее.

Вот в связи с этим Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в августе 1942 года и подготовило записку секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, Г. М. Андрееву, Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову «О подборе и выдвижении кадров в искусстве». В ней шел откровенный разговор о явном извращении в течение ряда лет национальной политики во всех отраслях искусства, подчеркивалось, что в управлениях Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи). В частности, в Комитете по делам искусств руководящие должности занимали: Фалковский, Владимирский, Плоткин, Шлифштейн, Гольцман...

В Большом театре Союза ССР, являющемся центром великой русской музыкальной культуры и оперного искусства СССР, руководящий состав был целиком нерусский! В записке приводился список: исполняющий обязанности директора театра Леонтьев, главный режиссер и дирижер Самосуд, зам. директора филиала Большого театра Габович, художественный руководитель балета Мессерер, заведующий хором Купер, заведующий оркестром Кауфман, дирижеры Файер, Штейнберг, главный концертмейстер Жук, главный администратор Садовников – все евреи.

Такая же картина была и в Московской государственной консерватории: директор Гольденвейзер и его заместитель Столяров – евреи. Основные кафедры возглавляли евреи: Цейтлин, Ямпольский, Дорлиак, Пекелис, Файнберг. В Ленинградской государственной консерватории правили бал заместитель директора Островский, руководители ведущих кафедр Штейнберг, Эйблин, Гинзбург – все из той же этнической группы.

Не случайно в консерваториях учащимся не прививалась любовь к русской музыке. Оканчивающие консерваторию вокалисты и музыканты совсем не знали русских народных песен!..

В музыкальной критике, указывалось в докладной записке, было за-
силье евреев. Наиболее активно в печати выступали Рабинович, Гринберг, Коган, Шлифштейн, Житомирский, Цукерман, Мазель и другие. Они замалчивали концерты лучшего советского пианиста Софроницкого (русского) и давали пространственные статьи и отзывы о концертах Э. Гилельса, Ойстраха, Фихтенгольца и прочих. Этому в значительной мере способствовали центральные газеты, где отделами литературы и искусства заведовали также нерусские: в «Правде» – Юнович, в «Известиях» – Войтинская, в «Вечерней Москве» – Орликова, в «Литературе и искусстве» – Рабинович, Горелик, Бассехес, директором «Музгиза» был Гринберг..

В той докладной записке намечались мероприятия по исправлению национальной политики в области искусства. Так что проблема-то с «безродными космополитами» была давняя, и дело не в кампании, начатой якобы с письма журналистки Бегичевой, отмеченного декабрем 1948 года. Кстати, кампанию эту превратили в фарс: одни – работая с умом, хитро, а другие – от явной дури.

В нашем «китайском» полку («китайский» потому, что в 1950 году он дислоцировался на территории Китая – шла война в Корее) был механик по спецоборудованию Вячеслав Парфенов. Парень профессионально владел баяном. Но музыкальное училище ему закончить не позволили – выгнали за «космополитизм»! Дело в том, что строй баяна, русского инструмента, казалось бы, не располагал, как говорил наш замполит, к чуждой советскому человеку музыке – «всяким буги-вуги». А Славка на баяне наяривал такие ритмы, – куда было устоять той классовой бдительности! Невольно ноги шли «не в ту степь», особенно, если тебе только 20 годков стукнуло. Вот Славку и поперли из училища – «за преклонение перед Западом». Как говорится, заставь дурака Богу молиться – он и лоб готов разбить.

Кампания – она и есть кампания. При Хрущеве мы и в его «коммунизме» пожили, и Америку догнали по молоку да мясу. В мечтаниях лауреата двух израильских премий – то ли Моисея, то ли Соломона –

Горбачева всей страной уже 16 лет как в отдельных квартирах живем. А оригинал Черномырдин, умеющий своему лицу придать и ответственное выражение, и озабоченность судьбами народа, этак решительно сообщал, мол, живете плохо, а будет еще хуже! Вот это кампания. Такому молодцу как было не поверить...

Коль уж мы коснулись музыки, замечу: в декабре 1950 года в ЦК ВЛКСМ поступило письмо от бывшего начальника отдела кадров главного управления учебных заведений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР Шароевой. Она писала: «В течение долгого ряда лет на международных конкурсах музыкантов-исполнителей честь советского искусства защищали скрипачи, которых никак нельзя считать представителями великого русского народа, это: Леонид Коган, Юлиан Ситковецкий, Эдуард Грач, Игорь Ойстрах, Игорь Безродный, Рафаил Соболевский. Что же, разве нет талантливой русской молодежи?» – спрашивала Шароева и отвечала – конечно, есть! Она анализировала ситуацию с кадрами, которая, как и в 1942 году, оставалась проблематичной. Автор письма приводит пример: «Профессорско-преподавательский состав скрипичной кафедры Московской консерватории имеет следующий вид: русских – 3 человека (Д. Цыганов, М. Козолупова, Б. Кузнецов); армян – 1 человек (Габриэлян); евреев – 10 человек (Цейтлин, Ойстрах, Ямпольский, Питкус, Янкелевич, Беленький, Бондаренко, Рабинович, Мострас, Сибор)».

Нынче с такими вопросами нет никаких проблем. Что тут не ясно? Автор письма антисемитка. И вообще. Обижает «маленьких»... А тогда, при Сталине, разбирались, подсчитывали, – действительно ли у преподавателя Ямпольского из 100 подготовленных им учеников 1 грузин, 4 русских, а остальные евреи?..

Военным корреспондентом я часто бывал в Берлине. Это уже в середине 60-х годов – после того как Никиту уже поперли с царского трона. Дружил я со многими немцами – коллегами из «Armee Rundschau», «Volksarmee», «Freie Welt», «Neues Deutschland», встречался с бывшими у нас военнопленными, понятно, и с молодыми летчиками-истребителями. Часто бывал в семье старого коммуниста, друга Эрнста

Тельмана, Эриха Ноффке. У него были две дочери. Одна из них, Ирина, работала переводчицей и в поездках по Германской Демократической Республике познакомилась с нашим молодым талантливым скрипачом Владимиром Малининым. Володя уже был лауреатом различных международных конкурсов, позже в Москве я не раз видел афиши его концертов и гордился большим русским талантом. А Ира, став женой Малинина, рассказывала, как все не просто происходит в мире музыки. Тот же И. Ойстрах, сын Д. Ойстраха, явно уступал в исполнительском мастерстве, блеске игры на скрипке Владимиру Малинину. Но местечковые жюри, понятно, из людей, близких Ойстрахам, отодвигали Володю на второй план. Это как со Сталинскими премиями по литературе...

Признаюсь, после множества писем и записок руководству страны – тех же Красковой, Бегичевой, Симонова, Шароевой – было удивительно читать в одном интервью с известной ныне певицей такие вот строки: «Скромная одесситка Лариса Кудельман никогда не обладала выдающимися внешними данными и всегда испытывала стойкую неприязнь к своему отражению... К известности она шла весьма трудным путем и отлично знала себе цену: пробиваться к славе в антисемитском Союзе было непросто...»

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Еще одно откровение: Советский Союз, оказывается, был не только «империей зла» – он еще и Союз братских антисемитских республик!.. Дальше о певице: «Переименовав себя в Долину, Лариса Кудельман не избавилась от проблем...» А как девице в 16-то годков жить без проблем? Рванув из дома на гастроли, юная одесситка узнает, что мужчины-артисты, оказывается, выпивают и изменяют женам, которых оставляют в Одессе!..

Что тут скажешь, нехорошо, конечно, и женам изменять, и пить не в меру. Но при чем все-таки «говорящая» фамилия, доставшаяся Ларе Кудельман от батюшки, и «пробивание к славе»? Например, ее земляк Леда Вайсбейн тоже совсем еще молодым хлопцем решил стать артистом и стал Утесовым в том же «антисемитском Союзе». Когда он пел: «Легко на сердце от песни веселой, она скучать не дает никогда...» – антисемиты всех республик радостно подпевали Леде Вайсбейну. А уж как зашепчет: «Ну,

что сказать вам, москвичи, на прощанье, что пожелать мне вам...», — от Москвы до самых до окраин рыдали самые отъявленные ксенофобы!..

Был еще певец, который опять-таки про Одессу напевал — о том, как какой-то там Костя-моряк доставлял в порт «шаланды полные кефали», ну, а потом что-то у него завязалось с рыбачкой Соней. Артист, исполнявший ту песню или вот эту: «Темная ночь, только пули свистят по степи...», — Марк Бернес. Фамилию свою он не менял.

Советница президента по культуре Л. Долина в молодости, надо полагать, слышала и песни нынешнего депутата Государственной Думы И. Кобзона. Отмечали Иосифа Давидовича всегда и премиями, и всякими званиями. Так что, он, Бернес, Утесов, Эдди Рознер, Цфасман и прочие современники Ларисы Кудельман-Долиной, может, не в той стране жили?..

Конечно, маэстро Кобзон и в годы перестройки России на новый лад старается сохранить за собой признание публики. Помню, как-то выступал он со знаменитым армейским хором имени Александрова. Хор во всю жизненную емкость легких прогудел басами: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает...» Потом спели: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Зал притих, посуровел. Дамы и господа на первых рядах заерзали отчего-то... Но тут выходит маэстро, напряжение публики в первых рядах схлынуло, — артисты на сцене этак непринужденно зашевелились, посматривая друг на друга, — будто впервые встретились, а затем оркестр как врежет мотивчик на «Семь-сорок»! Словом, Иосиф Давидович такой Бердичев на сцене устроил, будь здоров.

Вот и вывод: если Сталина упрекать в нелюбви к евреям, то не следует забывать, что он был политик, государственный деятель, и не особенности характера, психики выразились в крутых решениях последних лет его жизни, а логика политической борьбы. В условиях холодной войны, которую западный мир развязал против Советского Союза, еврейские националистические организации, высокий удельный вес лиц еврейской этнической группы в госаппарате, учреждениях культуры, науки, искусства вызывали сомнения в лояльности евреев, особенно после создания государства Израиль, объявившего всех евреев мира «своими гражданами»... Хотя

видим: оценка Сталина, отношение к нему не столь однозначно в том же Израиле. Как государственный деятель, последний из собирателей Руси, личность, внушавшая глубочайшее уважение силой своего характера и интеллекта, он остается в сердцах людей независимо от их национальности.

«Еврейская газета» как-то опубликовала результаты одного опроса:

«По данным опроса, проведенного в Израиле по заказу газеты “Новости недели” и радиостанции РЭКА Институтом социальных и политических исследований, на вопрос “Самый выдающийся политик или общественный деятель XX века” было получено 102 варианта ответов. В этом ряду Сталин (82) почти вдвое обогнал Теодора Герцля (48) и Ицхака Рабина (47). Менахем Бегин оказался в “приятной компании” с Карлом Марксом (по 7 голосов). Любавичский ребе – с Леонидом Брежневым, Юрием Лужковым и Петром Столыпиным (по 2 голоса)...

Подготовила Н. Абесадзе.

К этому остается добавить признание того же М. Бегина, бывшего премьер-министра Израиля: «Я не могу забыть, и ни один еврей не должен забывать этого... Благодаря Советскому Союзу сотни тысяч евреев были спасены от рук нацистов». На самом деле, число советских и восточноевропейских евреев, переживших нацистский геноцид благодаря Советскому Союзу, было намного выше, возможно, около трех миллионов...

А относительно «дела врачей» известный чекист, один из руководителей Лубянки П. Судоплатов не без оснований заметил, что вся правда в отношении того дела так никогда и не была обнародована, даже в период горбачевской гласности: «Причина в том, что речь шла о грязной борьбе за власть, развернувшейся в Кремле перед смертью Сталина и захватившей, по существу, все руководство».

P.S.

«Микоян признался мне и Мехмету Шеху, что они вместе с Хрущевым планировали совершить покушение на Сталина, но позже, как сказал Микоян, отказались от этого плана. Общеизвестно, что хрущевцы не могли дожидаться смерти Сталина.

Загадочным при этих обстоятельствах выглядит и дело “белых халатов” – суд над кремлевскими врачами, которых при жизни Сталина обвинили в попытках убить многих руководителей Советского Союза. Почему замолчали это дело? Потому что, если бы расследование было продолжено должным образом, много грязного белья оказалось бы на свету, много преступлений и заговоров, которые совершили скрытные ревизионисты во главе с Хрущевым и Микояном, открылись бы. Это объяснило бы так же и внезапные смерти Готвальда, Берута, Димитрова, Фостера и других (все они были верными последователями Сталина, и все нашли смерть в Москве)».

Энвер Ходжа, генеральный секретарь ЦК компартии Албании

«СТАЛИН НЕ УШЕЛ В ПРОШЛОЕ – ОН РАСТВОРИЛСЯ В БУДУЩЕМ!»

Да, непростая диспозиция складывалась в кремлевском подворье весной 53-го. С одной стороны стояли рвущиеся к престолу царедворцы, с другой – Сталин, на которого они в страхе за свои темные дела вешали потом все смертные грехи. А либералы особого назначения подыгрывают им даже сейчас – спустя десятилетия.

Некто А. Ваксберг, раскручивая тему врачей, нарисовал в своем опусе такую картину – куда до нее средневековым инквизиторам: «Так или иначе схема будущих событий разработана и утверждена: пропагандистская кампания завершается на Красной площади. Осужденных вешают на Лобном месте. Немедленно вслед за этим повсеместно начинаются еврейские погромы... радио передает обращение знаменитостей еврейского происхождения Сталину – просьбу спасти их соплеменников от справедливого народного гнева депортацией в безлюдные районы Дальнего Востока...» (*Кожин В. В. Россия век XX-й. 1939–1964. С. 86: <http://www.litmir.co/br/?b=15267&p=86>*)

Вот это картина! Круче Варфоломеевской ночи. Только женщин на кострах не собирались жечь. А. Ваксбергу подпевал собрат А. Борщагов-

ский: «Ссылка, депортация евреев страны не миф, но мифологический, близкий к фантастике образ вожделений и тайных планов Сталина» (там же, с. 87). То есть «мечта» о тотальной расправе с евреями.

Но сначала – для разминки, что ли? – суд над врачами. «По достоверным свидетельствам», он должен был состояться 5–7 марта. Казнь на Лобном месте – 11–12 марта. А пока по всей стране якобы готовились списки лиц еврейской национальности: одни – по месту работы евреев, другие – по месту их жительства. Списки будто были двух видов – на чистокровных евреев и полукровок. Это, очевидно, чтобы легче разобраться было там, наверху, – кто любимый на все 100 %, а кто не совсем, на 50 %, потому что нечистокровный...

Помечтали, пофантазировали братья-демократы, а ни тысяч новехоньких барачков на Дальнем Востоке, ни списков в жэках на лиц еврейской национальности никто так и не обнаружил. Вот что доподлинно известно – это как в Нью-Йорке, в центральной синагоге Хабада, евреи отмечали свой праздник Пурим. Ребе держал там речь словами из Торы и вдруг без всякой связи с ней стал рассказывать историю об одном еврее, который, приехав в Петербург, очутился в восторженной толпе. Это по улице проезжал царь Павел I, и народ, приветствуя царя, кричал «ура! ура!». Ребе деликатно уточнил, мол, тот местечковый еврейчик был простоват, по-русски ни хрена не понимал, подумал, что люди кричат: «гу-ра! гу-ра!», и вместе со всеми тоже принялся кричать: «гу-ра! гу-ра!». А по-еврейски «гу-ра» значит «он плохой». Через несколько дней царь Павел умер – на него было совершено покушение.

«Поэтому давайте и мы сегодня, как тот еврей, вместе прокричим: “гу-ра!”», – предложил ребе. Присутствовавшие на праздничном фарбренгене удивились – в честь чего такой призыв? Но коль ребе просит – тысячи хасидов принялись орать: «гу-ра! гу-ра!...» А дальше, как бы между прочим, журнал «Лехаим» еврейской общины «Марьиная роща» сообщает, мол, умер Сталин: «Удар случился с ним в Пурим...»

Это так. Сталина умертвили в иудейский праздник Пурим. 5 марта врач Русаков, анатомировавший тело Сталина, был уничтожен. А народ

вплоть до утра 6 марта обманывали «внезапной и тяжелой болезнью товарища Сталина».

Восстановить уход из жизни И. В. Сталина не просто. Ненавистники его, даже покойного, стараются лягнуть покрепче, а смерть представить так, чтоб людям тошно стало. «Свидетельствам» членов Политбюро, особенно Хрущеву, вообще верить нельзя. Из них мало кто не мечтал видеть портрет Сталина в траурной рамке. Так что стоят их «свидетельства»?

На одном из праздников Великой Победы в минувшей войне среди дорожников – участников давних событий – присутствовал отставной генерал В. С. Рясной, последние годы работавший в системе дорожного строительства. Меня с ним познакомил руководитель концерна «Росавтодор» Геннадий Иванович Донцов. В разгар застолья Василий Степанович высоко отозвался о моей книге «Заложники времени», которую, как он заметил, бережно хранил на видном месте в серванте. Естественно, зашел разговор о героях книги «летчике Василии по фамилии Сталин» и его отце. Этот генерал, заметим, с февраля 1952 года был заместителем министра государственной безопасности СССР, а после ареста начальника правительственной охраны Власика занял и его место.

Дальше. Несколько лет мне довелось выполнять обязанности секретаря Совета ветеранов Московской городской писательской организации, где общие творческие интересы сходились с автором сочинений о «дворцовых тайнах», офицером кремлевской охраны Сергеем Павловичем Красиковым.

Наконец, поэт и публицист Феликс Чуев нашему Военному издательству предоставил полную запись воспоминаний Вячеслава Михайловича Молотова, и я редактировал этот многолетний труд. Книга у нас, к сожалению, не вышла в связи с гайдаровской реформой о либерализации цен.

Так вот из этих встреч, бесед с авторами военных мемуаров, в частности, с генерал-полковником медицинской службы В. И. Смирновым, невесткой Сталина Капитолиной Георгиевной Васильевой складывалась картина ухода из жизни Иосифа Виссарионовича.

28 февраля Сталин предложил членам Политбюро собраться у него на даче, в Кунцево. К полуночи туда приехали Лаврентий Берия, Георгий Маленков, Никита Хрущев и Николай Булганин. Смотрели кино, потом ужинали. Ужин затянулся часов до 4 утра. Потом Сталин проводил гостей и дежурному охраны Хрусталеву сказал: «Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать...»

Дежурили Хрусталев, Лозгачев, Туков и Бутузова. Нервы у всех были крепкие, проспали до 10 часов утра, а в 10.00 Хрусталева сменил Старостин. В полдень началась тревога – в комнатах Сталина не было никакого движения. Однако без вызова к нему идти не полагалось.

Как вспоминают охранники, в половине седьмого вечера в кабинете вождя зажглась настольная лампа, и это якобы успокоило охрану. И все-таки тревога не уходила: все двери в помещении были оборудованы электрическими счетчиками, но никаких сигналов о передвижении не поступало. Получается, что Сталин с 4 часов утра (ухода гостей) и до половины седьмого вечера сидел в кабинете, не отрываясь даже в туалет? Мне помнится, такое бывало в лихие лейтенантские годы: вечером лег спать на левый бок – на том боку всю ночь, не вставая, и проснулся утром. А Сталину-то было уже 73 года.

В этой простецкой житейской схеме и пошли домыслы – кто мог быть в комнате Сталина без его вызова, кто зажигал свет? Для чего?..

«В десять тридцать охрана окончательно убедилась в скверности положения, – рассказывает охранник Рыбин. – Лозгачев послал Старостина в кабинет. Но тот уклонился. Дескать, раз ты старший, то иди первым. Пока препирались, привезли свежую почту из ЦК. Это давало возможность войти на законном основании. Твердым шагом Лозгачев направился в большую столовую, где Сталин мог отдыхать. Не заметил его в темноте. Миновал одну, другую комнату. Пусто. Из приоткрытой двери малой столовой лился свет. Заглянув туда, оцепенел... У стола на ковре лежал Сталин, как-то странно опираясь на локоть. Рядом лежали карманные часы и газета “Правда”. На столе стояли бутылка минеральной воды и пустой стакан. Видимо, Сталин еще не потерял окончательно сознание, но говорить

уже не мог. Заслышав шаги, он чуть приподнял руку, словно подзывая. Бросив почту на стол, Лозгачев подбежал, выпалив: “Что с вами, товарищ Сталин?” В ответ слышалось непонятное “дз-з-з...”

По внутреннему телефону Лозгачев позвал Старостина, Тукова и Бутузову. Они мигом прибежали. Лозгачев спросил: “Вас, товарищ Сталин, положить на кушетку?” Последовал слабый кивок головы. Все вместе положили больного на кушетку, которая оказалась короткой. Пришлось перенести Сталина в большой зал на диван. По пути стало видно, как он озяб. Наверное, лежал в столовой без помощи несколько часов. Бутузова тут же распустила ему завернутые по локоть рукава нижней рубашки. На диване Сталина тщательно укрыли пледом. Лозгачев сел рядом ждать врачей. А Старостин немедленно позвонил о случившемся Игнатьеву. Но всемогущий шеф КГБ робко предложил обратиться к Берии. Поскольку его все просто не переваривали, потому предпочитали с ним даже не разговаривать. Старостин разбудил Маленкова. Как и следовало ожидать, этот безвольный человек не сделал ничего конкретного. Лишь через полчаса торопливо сообщил, что не нашел Берия, и предложил искать его самим...

Только в 3 часа ночи подъехала машина. Думалось, это “скорая”! Наконец-то можно передать больного врачам, перевести дух, избавившись от гнетущей бездеятельности. Но это явились “друзья” – Берия с Маленковым. Задрав голову и поблескивая очками, Берия прогромыхал к Сталину. У Маленкова скрипели новые ботинки. Сняв их, пошел в носках. Оба встали поодаль от дивана. Вдруг Сталин захрапел. Может, увидел их, да так выразил свое отношение. Кто знает... Однако Берия среагировал сразу, бросив Лозгачеву:

– Ты что панику наводишь! Видишь, товарищ Сталин крепко спит! Нас больше не беспокой и товарища Сталина не трожь!

Лозгачев стал доказывать, что больному срочно необходима медицинская помощь. Но Берия перебил его грязным сквернословием. С тем друзья покинули зал. Встретив Старостина, Берия устроил ему разнос:

– Кто вас, дураков, к товарищу Сталину приставил? Вы недостойны работать у него! Я еще вами займусь!

Наконец они уехали. Часы отбивали уходящее время. И все очевиднее становилось: врачи не спешат на помощь. Лишь в половине восьмого приехал Хрущев, утешив:

– Скоро будет медицина.

Около девяти часов действительно появились врачи во главе с профессором Лукомским...

Были медицинские светила: министр здравоохранения А. Третьяков (Е. Смирнов в декабре после ревизии правительственной комиссии вернулся на прежнее место – начальника Военно-санитарного управления), известные невропатологи Р. Ткачев, И. Филимонов, Иванов-Незнамов – терапевт Лечсанупра Кремля, А. Мясников, Н. Коновалов, Е. Тареев, И. Глазунов. Но с четырех-то часов утра 1 марта до девяти утра следующего дня – это около 29 часов – Сталин был без помощи!..

Светлану и Василия к умирающему отцу вызвали 2 марта. Охрана и работники Кунцевской дачи успели рассказать Василию о последних часах жизни Сталина, и, взволнованный, он бросил в лицо всей этой братве из Политбюро: «Сволочи! Загубили отца!» Ворошилов принялся было успокаивать Василия, оправдываться: «Мы принимаем все меры для спасения жизни товарища Сталина», и Светлана потом напишет о тех «мерах»: «Начался цирк с Академией медицинских наук – как будто для определения диагноза нужна академия!»

Прелюбопытно нынче читать задним числом откровения людей, которые во время оно ходили глубокими виражами вокруг Сталина. Получается – кому жирнее кусок с хозяйского стола доставался, тот злее остальных после смерти хозяина на него огрызался. Маршалы, академики, поэты-лауреаты... Сколько же приходилось лукавить смердам в поисках места под солнцем! А многие ли воистину сыны Отечества? Многие ли остались в памяти народа?..

Профессор А. Л. Мясников вспоминает, как светила медицины спасали жизнь Сталина: «Диагноз нам представлялся, слава богу, ясным: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза...

На следующее утро, четвертного, кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда...»

Диагноз – от идеи, пришедшей в голову... С чего бы это она вдруг ударила? Ученые мужи сидят у изголовья умирающего, ставят ему на шею да на затылок пиявки, гадают: инфаркт или не инфаркт?.. А тут, как вспоминает тот же профессор Мясников, и подмога: «Из больницы прибыла молодая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: “Да, инфаркт”».

Начался переполох. Это было уже 4 марта. Долго же, однако, ждали академики идей молодой врачихи из больницы...

«Консилиум был в нерешительности, – признается Мясников. – Я первый решил пойти ва-банк: “Электрокардиографические изменения слишком монотонны для инфаркта – во всех отведениях...” Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление упало. И это явление нас несколько озадачило – как это объяснить?..»

В самом деле, как?

«Для поддержки падающего давления непрерывно вводились различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках...»

«Весь день пятого мы что-то впрыскивали...»

Что-то там впрыскивали, что-то вводили. Не тот ли дикумарин, который для крыс хорошо?..

Дочь Сталина вспоминала, как перед смертью отец «вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг». Политбюро напряглось. А Сталин поднял вверх левую руку и «не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела... Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик, через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут, – не знаю, сколько, – кажется, что долго...

В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: “Уведите Светлану!” На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда все было

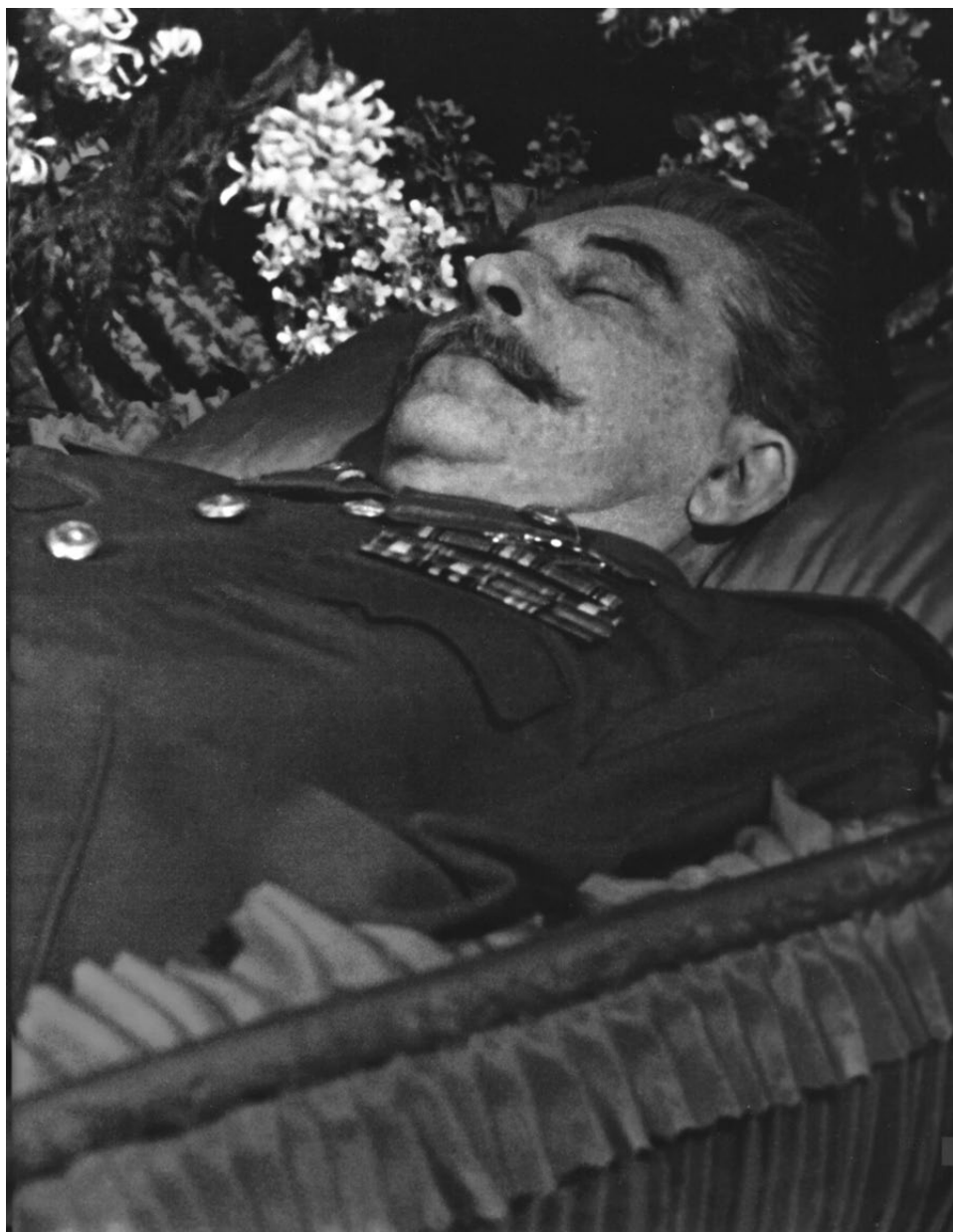
кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталеv! Машину!»»

В тот же день, по распоряжению Берия, весь персонал и охрана дачи в Кунцево была уволена. Всем приказали молчать. Прислуга и охрана молчать умели. А официальное правительственное сообщение гласило, что «Сталин умер в своей квартире в Кремле». Так что в народе о Сталине так и осталась та правительственная ложь.

1 мая 1953 года на Мавзолее Берия скажет Молотову: «Я всех вас спас. Это я его убрал». Этот эпизод при редактировании 140 бесед Феликса Чуева со вторым лицом государства Вячеславом Михайловичем Молотовым у меня не вызывал сомнений. Подтверждением этому был и рассказ моего коллеги по Совету писателей-ветеранов С. Красикова (я уже упоминал, что Сергей при жизни Сталина был кремлевским охранником). Так вот, он ту сакраментальную фразу Берия об убийстве Сталина слышал от Поскребышева.

Существование заговора с целью убийства Сталина и переворота в стране подтверждает американский историк-политолог Б. Хэрш. Согласно его исследованию архивов ЦРУ и Госдепартамента США, ЦРУ с 1948 года разрабатывало планы убийства Сталина. Было два варианта: устранение его соратниками или путем внезапной ядерной бомбардировки Советского Союза. Удался и был осуществлен вариант без прямого террористического акта ЦРУ – убийство Сталина его ближайшим окружением.

Ну и, наконец, по телеканалу ТВЦ 4 февраля 2008 года в программе «Момент истины» бывший председатель комиссии по рассекречиванию документов КГБ М. Полторанин сделал заявление о том, что И. Сталин был отравлен цианидами (синильной кислотой), о чем свидетельствуют данные вскрытия, выявившие увеличение печени, изменение окраса тканей и пятна на пищеводе. Профессор Русаков, анатомировавший Сталина и готовивший это заключение, 5 марта был уничтожен, а на его квартире провели обыск с изъятием бумаг.



На смертном одре

Заметим к слову, Иосиф Виссарионович был еще жив, а его сотоварищи уже завершили передел власти – за 1 час 10 минут до официальной смерти Сталина. Не забыли и об архиве вождя – не дай Бог, в нем раскроется «праведная» жизнь верных ленинцев...

41 год скрывался секретный протокол, принятый 5 марта 1953 года о так называемом «упорядочении документов и бумаг товарища Сталина». Вот текст протокола:

«Поручить тт. Маленкову Г. М., Берия Л. П., Хрущеву Н. С. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок».

Надо полагать, в серьезном «упорядочении» нуждались и бумаги Лаврентия Павловича. Так что тянуть с таким делом не стали, и 26 июня Берия застрелили. Произошло это в особняке Берия на Никитской улице. Сын его, Серго Лаврентьевич, рассказывал мне, как это все происходило.

Он находился в Кремле у Б. Л. Ванникова. Вдруг звонит дважды Герой Советского Союза летчик-испытатель Амет Хан-Султан и тревожно сообщает, что в доме на Никитской идет перестрелка. Серго вместе с Борисом Львовичем рванули туда, но приехали уже в конце разборки. Вот свидетельство академика АМН СССР генерала П. Н. Бургасова: «За оградой особняка стояли военные машины, а на территории ходили военные. Один из них подошел к приехавшим и сообщил, что полча-са назад из дома вынесли носилки с телом, закрытым плащ-палаткой. Стекла в кабинете Лаврентия Павловича были разбиты. Это действительная история». И член ЦК КПСС Н. К. Байбаков подтвердил, что Берия был убит перед открытием пленума ЦК. Слишком много знал Лаврентий Павлович о кровавых делах верных ленинцев, а они за свою жизнь боялись...

Не случайно и Василий Сталин заметил: «Новые вожди, эта титулованная шушера меня ненавидят. Не простят, что знаю их подноготную, как они друг на друга доносы клепали». Конечно, не простили. Душа Сталина еще не покинула сей бранный мир, а Василия уже уволили из армии, арестовали. Его дочь Надежда Васильевна как-то сказала мне, что отца

сначала приговорили к расстрелу, но потом засадили на 8 лет за тюремную решетку – слишком круто получалось: скоропостижная смерть Сталина и тут же не менее скоропостижный расстрел его сына.

После тюрьмы Хрущев отправил Василия в ссылку. А дальше просто. 6 января 1962 года к нему в Казань прикатила медсестра Нузберг. 11 января она незаконно (Василий не был разведен с первой женой) оформила регистрацию брака – стала Джугашвили, а 19 марта не стало генерала Сталина.

Спустя годы Светлана Аллилуева расскажет о той медсестре: «О том, что она была платным агентом КГБ, знали (и предупреждали меня) в институте Вишневского, где она работала и где Василий лежал некоторое время на обследовании... Там его и “обворожила” эта женщина».

Вот и все. ЧеКа, как известно, не дремлет...

В глубокую всенародную скорбь вылились похороны Иосифа Виссарионовича Сталина. Так искренне, с такой болью наш народ ни с кем больше не прощался. Никто из горластых партократов, плеяды кремлевских старцев, бездарных перестройщиков и реформаторов России не заслужил у народа такой любви, как Сталин. И Патриарх Московский и Всея Руси Алексий I выразил в те траурные дни всеобщую печаль:

«Кончина И. В. Сталина является таким горем для нашего Отечества, для всех народов его. Кончину И. В. Сталина с глубокой скорбью переживает вся Русская Православная Церковь... Светлая память о нем будет неизгладимо жить в сердцах наших. С особым чувством непрестающей любви Церковь наша возглашает ему вечную память».

Закончилось противостояние темным силам русского народа во главе с богоданным вождем его Иосифом Сталиным. На страну обрушился вал лжи, обмана и демагогии. Под окуджавины страданцы – «чтоб не пропасть поодиночке» – на все лады зашептали «шестидесятники», ожили «пятая колонная» и вкуче с румяными комсомольскими божками принялись топтать знамя, под которым наша страна строила социализм, с которым в Великой войне отстояла свою свободу и независимость.

Потеря Сталина стала началом конца неповторимой эпохи – взлета таких сил и такой энергии народа, какого у нас никогда не будет! Пока народу и России не вернут имя Сталина.

P.S.

«Сегодня мы воочию можем увидеть, какое преступление есть безгосударственность и какое благо – государственность! Как ни кричат, что в советское время много погибло в лагерях, но сколько гибнет сейчас без суда и следствия, безнаказанно, безвестно, ни в какое сравнение не идет та гибель. Весь ограбленный и обманутый народ теперь вздыхает: был бы Сталин, не было бы такой разрухи...

Патриархи Сергей и Алексей называли Сталина богоданным вождем... Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину».

Священник о. Дмитрий Дудко

«После смерти Сталина в спальне на столике Старостин обнаружил сберегательную книжку. Там скопилось всего девятьсот рублей – все богатство вождя...»

А. Рыбин, охранник Сталина

«Что же сделал Сталин? За что его люто ненавидят сегодняшние демократы? Сталин отнял у их предков-троцкистов власть! Сталин очистил строящийся социализм от просионизированного партаппарата. И его неоспоримая заслуга состоит в том, что он построил основы социализма. Нет, это был не “казарменный социализм”, как любят утверждать демократы, это был народный социализм с опорой на русский народ. Именно этот социализм и защищали народы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Сталина как выдающегося государственного деятеля XX века облепили грязью со всех сторон, ему приклеили множество ярлыков, на которые наши демократы большие мастера – почерк сионистов виден сразу...

Можно коротко осветить основные заслуги Сталина. Троцкисты создали на территории России сеть концлагерей и начали массовые репрессии против русского народа. Сталин остановил репрессии и загнал в эти лагеря тех, кто их создал. А всех начальников концлагерей расстрелял...

Троцкисты уничтожали офицеров старой армии, упразднили офицерские звания и погоны. Сталин уцелевшие кадры старой армии вызволил из концлагерей, привлек их к строительству новой рабоче-крестьянской армии, многим присвоил звания генералов Советской Армии, ввел ношение погон. Сталин восстановил гвардию.

Троцкисты уничтожили казачество как опору государства. Сталин восстановил казачество. В годы войны на фронтах действовало 17 казачьих кавалерийских корпусов, многие из которых были удостоены звания гвардейских.

К числу наиболее выдающихся заслуг Сталина следует отнести воссоздание российского государства под названием СССР. Троцкисты разрушили Российскую империю. От нее отпали Финляндия, Польша, Прибалтика, Украина и Белоруссия, Закавказье. Оставшуюся территорию стали дробить на автономии по национальному признаку...

В декабре 1922 года Сталин, оценив обстановку, собирает X Всероссийский съезд Советов, который признал своевременным объединение отторгнутых от России территорий в единое союзное государство. Так в урезанном виде была восстановлена Российская империя под названием СССР. В 1939–1940 годах Сталин присоединил к России Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию, Прибалтику, а в 1945 году – Южный Сахалин и Курильские острова, потерянные в результате русско-японской войны 1905 года.

Сионисты, пробравшись в руководство партии и государства, ликвидировали СССР, начали ликвидировать оставшуюся территорию под названием РФ. Тогдашние их планы по расчленению СССР были прерваны Сталиным. Поэтому планы новых троцкистов-демократов должны быть сорваны, а на знамени всех патриотов России должно засверкать имя Сталина...

Герман Назаров, публицист

«Сталин не ушел в прошлое – он растворился в будущем».

Шарль де Голль, президент Франции

ИМЯ РОССИИ

Несколько лет назад под таким названием либеральные начальники одного из телеканалов решили прокрутить этакое шоу-голосование по выбору людей, олицетворяющих Россию. Шоу есть шоу, и организаторы затеи, не шибко-то ломая голову, свалили в одну кучу имена царей, химиков, поэтов, полководцев...

С первых же дней той затеи определился лидер – им уверенно стал Иосиф Виссарионович Сталин. Когда он набрал почти два миллиона голосов, намного опережая остальных, организаторы шоу всполошились. На рога стали российские либералы. Известный шоумен В. Ерофеев застал: «Вы голосуете за Сталина? Я развожусь с моей страной. Я плюю народу в лицо... Я смотрю на него как на быдло... Половина страны любит Сталина!..» Ерофеев разводится с Россией – ох, беда-то. Впрочем, Ерофеев – шестерка. Вот как те миллионы голосов аукнутся в Кремле?..

Тогда руководители проекта объяснили, что все это проделки хакеров, это они хулиганят, и около двух миллионов голосов – за Сталина! – из предварительных итогов исключили.

Но вот конец мероприятия с выбором имени России. Ведущий программы «Вести недели» объявил, что до подведения итогов голосования остался один час, и призвал телезрителей голосовать за своих избранников. Люди тут же принялись набирать номер телефона за Сталина, а им в ответ голосом робота: «Программа “Имя России”. Голосование закрыто».

Телефон для голосования за Сталина включили только за 8 минут до подведения итогов, но и за это время Сталин вышел на третье место. На первом месте оказался Александр Невский, на втором – Столыпин. Разница между первым и третьим местом для многомиллионной публики была каплей в море – около четырех тысяч голосов.

Смешно было смотреть на растерянные физиономии организаторов проекта. Н. Михалков, больше полугода ведущий телепередачи по выбору имени России, пытался – профессионально – держать перед камерой дежур-

ную улыбку... Спросите, почему? Друзья, да ведь Сталин – это полное отрицание строя и того пути, куда нас тянут за уши вот уже четверть века!

Между прочим, батюшка киношника Михалкова, Сергей Владимирович, был умнее своего чадушки. Автор Гимна Советского Союза, он встречался со Сталиным и знал его не по наветам злопыхателей. Как-то иностранный корреспондент спросил писателя: «Имя Сталина в гимне Советского Союза было употреблено в верноподданническом порыве? Или он стоил того?» В гимне, действительно, были слова: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил». И Сергей Владимирович, отметив выдающуюся роль Верховного Главнокомандующего Сталина в войне, его заслуги в строительстве общества равных людей – без этих алчных хозяйчиков, распущенных во вседозволенности своей мошны с деньгой, ответил корреспонденту:

«Он стоит того. А как же иначе? Шла война... Сталин был Верховным Главнокомандующим. Все народы Советского Союза его глубоко уважали. И победу мы добывали с именем Сталина.

С именем Сталина мы победили такую чудовищную махину, как фашистская Германия, страна завоевала международный авторитет. С нами считались: нас уважали. А Сталин? По-прежнему имел бедный гардероб. За границу не ездил. Ни перед кем не заискивал. Но порядок в стране был.

Опорочиванием выдающихся людей мира и России, опорочиванием Сталина занимаются тупые бездари, у которых, кроме злобы и зависти, ничего нет.

Они не личности, а грязная пена! А со временем эта грязь исчезнет.

Изрыгающие злобу хотят опоганить нашу героическую историю. Не старайтесь – не удастся».

Вот достойный ответ – не только иностранному корреспонденту.

Великолепный мастер кино – не лубочных картинок для западного зрителя – народный артист России, лауреат Госпремии РСФСР и Госпремии СССР, лауреат премии «Оскар» Американской киноакадемии (за фильм «Москва слезам не верит»), заслуженный деятель искусств Владимир Валентинович Меньшов не частый гость на посиделках с нашими президентами, так что с душевной болью говорит он о фальсификаторах

истории, приспособленцах, лелеемых новой-то властью, о времени и жизни страны при Сталине:

«Я не могу принять официально восторжествовавший взгляд на историю СССР, который настойчиво пытаются внедрить в умы молодого поколения. Общение с теми, кто сформирован современными учебниками и телевидением, зачастую просто ошарашивает. Новое поколение опирается в своих суждениях на антисоветский официоз, незнакомо с альтернативным взглядом в прошлое, а следовательно, неспособно выработать собственную позицию.

Если в кино или по телевизору показывают что-либо об СССР, почти со стопроцентной вероятностью это фальсификация истории. Нас убеждают, что жизнь в Советском Союзе была беспросветна, стараются, чтоб эта мысль проникла в каждую клетку общественного сознания...

Вот, к примеру, я посмотрел фильм ВВС «Кто убил Сталина?». Уровень экспертов-советологов, безапелляционных оценок, примитивность формулировок поначалу производили комический эффект. Но по ходу действия, когда русские актеры, изображающие «ближний круг» – высокопоставленных советских политиков, – начали безудержно пьянствовать, падать мордами в салат, превращаться в скотов, а нетрезвый Сталин взирал с саркастической улыбкой на эту оргию, фильм стал просто оскорблением нашей страны... Но ведь почти то же самое, в несколько адаптированном виде, я вижу и в российских фильмах».

На телеэкранах шепчут, стонут, охают, верещат, канючат и вопят титулованные специалисты по «вытравливанию из общественного сознания сталинизма»: «Сталин ничего не сделал для России!» «Все хорошее – от сытой жизни до победы над Германией – лишь народная молва». Прислушаемся к этой молве.

«Сталин был очень артельным человеком»

Лион Фейхтвангер, немецкий писатель:

«Сталин действительно является плотью от плоти народа. Он сын деревенского сапожника и до сих пор сохранил связь с рабочими и кре-

ствиями. Он больше, чем любой из известных мне государственных деятелей, говорит языком народа. Сталин определенно не является великим оратором. Он говорит медлительно, без всякого блеска, слегка глуховатым голосом, затруднительно. Он медленно развивает свои аргументы, апеллирующие к здравому смыслу людей, постигающих не быстро, но основательно. Но главное у Сталина – это юмор, обстоятельный, хитрый, спокойный, порой беспощадный крестьянский юмор. Он охотно приводит в своих речах юмористические строки из популярных русских писателей, он выбирает смешное и дает ему практическое применение, некоторые места его речей напоминают рассказы из старинных календарей. Когда Сталин говорит со своей лукавой приятной усмешкой, со своим характерным жестом указательного пальца, он не создает, как другие ораторы, разрыва между собой и аудиторией, он не возвышается весьма эффектно на подмостках, в то время как остальные сидят внизу, – нет, он очень быстро устанавливает связь, интимность между собой и своими слушателями. Они сделаны из того же материала, что и он; им понятны его доводы; они вместе с ним весело смеются над простыми историями.

Сталин выделяется из всех мне известных людей, стоящих у власти, своей простотой. Я говорил с ним откровенно о безвкусном и не знающем меры культе его личности, и он мне так же откровенно отвечал. Ему жаль, сказал он, времени, которое он должен тратить на представительство. Это вполне вероятно: Сталин – мне много об этом рассказывали и даже документально это подтверждали – обладает огромной работоспособностью и вникает сам в каждую мелочь, так что у него действительно не остается времени на излишние церемонии. Из сотен приветственных телеграмм, приходящих на его имя, он отвечает не больше, чем на одну. Он чрезвычайно прямолинеен, почти до невежливости, и не возражает против такой же прямолинейности своего собеседника.

На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить

в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да еще какие! – в места, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. “Подхалимствующий дурак, – сердито сказал Сталин, – приносит больше вреда, чем сотня врагов”. Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция».

А. Рыбин, кремлевский охранник:

«Сталин предпочитал работать в беседке или на террасе. Зимой – в тулупе и валенках. Кстати, их было целых три пары. Новые валенки сразу подшили толстой кошмой. Приезжая из Кремля, Сталин тут же надевал эти чесанки, мягкие, удобные для больных ног, уже мерзнувших в обычной обуви при длительной работе за столом.

Зато выходные туфли у него имелись только одни. Еще довоенные. Кожа уже вся потрескалась. Подошвы истерлись. В общем, еле дышали на ладан. Всем было страшно неловко, что Сталин ходил в них на работе и приемах, в театре и других людных местах. Вся охрана решила сшить новые туфли. Ночью Матрена Бутузова поставила их к дивану, а старые унесла. Утром Сталин позвал Орлова и спокойным, мягким голосом спросил:

– Где мои ботинки?

– Товарищ Сталин, ведь вы – генеральный секретарь нашей партии, Генералиссимус, глава правительства! Вы же постоянно находитесь в об-

щественных местах! Каждый день принимаете иностранных послов и гостей. А сейчас, во время предстоящих юбилейных торжеств!.. – пылко наступал Орлов, уже привыкший, что вождь прислушивается к его словам.

– Лучше верните мне мои ботинки, – прервал его Сталин и продолжал носить их до последних дней. Благо, Матрене удавалось блеском крема скрывать ветхость обуви.

Сталин любил попариться в бане. Видимо, еще в пути настроился на это удовольствие. Но рабочий по даче Дубинин, видно, не знал о приезде вождя и решил помыться в бане. Поддав пару, залез на полоч. Внезапно услышал стук в дверь. Удивился этому Дубинин:

– Кто там?

– А-а, Дубинин. Мойтесь, мойтесь... Я подожду, – стушевался Сталин.

Весь в мыле, Иван кубарем скатился вниз, никак с перепугу ногами в подштанники не попадет. Еле управился, вышел. А Сталин ему по-дружески:

– С легким паром, товарищ Дубинин!

Таков был наш вождь.

Чем же объясняется искренняя преданность охраны вождя? Если не перечислять идейные и нравственные соображения, то прежде всего – Сталин был человеком высокой культуры. Никогда не кричал, не шумел на нас. Был скромным, вежливым, обходительным. Любил пошутить. Всегда питался с нами по существу из одного котла. Обязательно интересовался нашими домашними заботами... Словом, все мы постоянно видели перед собой честного, душевного человека, который резко отличался от многих членов Политбюро и правительства».

В. Ярославцев:

«“Анфиса Степановна была разговорчива, – вспоминает П. В. Чебуркин, – особенно когда он приходил с четвертинкой водки. Выпить она любила. Как и все жители этих мест, как и поднадзорно-ссылный Иосиф Джугашвили”.

“Есиф веселый парень был, – рассказывала Тарасеева, – плясал хорошо, песни пел, со стражником дружбу водил, и тот ему письма куда-то отправлял. До баб охоч был...”»

Г. Байдуков, Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации:

«Чекисты побелели, когда на приеме Чкалов полез пить на “брудершафт”. Они попросили меня подействовать на Чкалова, а я им говорю: “Ничего, все образуется”. И действительно, Сталин выпил с ним на “брудершафт”, и они перешли “на ты”».

Алексей Толстой, писатель, академик:

«У него нет особых требований или особых привычек. Он всегда одет в полувоенный, просторный, удобный костюм. Курит тот же табак, что и мы с вами. Но для тех, для кого он мыслит и работает, он хочет побольше всего и получше, чтобы вкусы и требования росли у нас вместе с культурой и материальным благосостоянием. Он всегда весел, остроумен, ровен и вежлив».

В. Похлебкин:

«В 20-е годы Сталин питался в кремлевской, а затем и в цековской столовой. После смерти его жены он перешел частично на домашнюю пищу – обеды иногда брали в кремлевской столовой, но чаще готовила нанятая кухарка – полуграмотная русская женщина, обычная стряпуха, без затей. Лучшей, правда, и не пытались искать... Меню действительно было очень незатейливое. На первое зимой обязательно мясные кислые щи из квашеной капусты, летом – щи ленивые, из свежей капусты. На второе – гречневая каша со сливочным маслом и добрый ломоть отварной, хорошо упитанной говядины – грудинка или костец, – варившейся во щах. На третье – клюквенный кисель или компот из сухофруктов».

Артем Сергеев, приемный сын Сталина, генерал-майор:

«Сталин часто ходил в старой дохе. По-видимому, она у него была с гражданской войны, но многие считали, что он привез ее из Турухан-

ского края... В прихожей висела его фронтовая шинель, которую ему однажды пытались заменить, но он устроил скандал: “Вы пользуетесь тем, что можете мне каждый день приносить новую шинель, а мне еще эта лет десять послужит!”»

Н. Власик, начальник охраны Кремля, генерал-лейтенант:

«Это было в 1947 г. В августе, числа не помню, Сталин вызвал меня и объявил, что поедет на юг не как обычно, на поезде, а до Харькова на машинах, а в Харькове сядет на поезд...

Считая, что такое длительное путешествие на машинах будет для него утомительным, я пытался убедить его отказаться от такой поездки. Но он и слушать меня не захотел. План он одобрил, и я начал готовиться к этому ответственному путешествию. Выехали мы, кажется, 16 августа. Ехали до Харькова с тремя остановками – в Щекино Тульской области, Орле и Курске. На остановках все было очень скромно и просто, без всякого шума, что т. Сталину очень понравилось.

Ели мы вместе с т. Сталиным. И в Щекине, и в Курске т. Сталин гулял по городу. В пути между Тулой и Орлом у нас на “паккарде” перегрелись покрышки. Тов. Сталин велел остановить машину и сказал, что придется немного пешком, а шофер в это время сменит покрышки, а потом нас догонит.

Пройдя немного по шоссе, мы увидели три грузовика, которые стояли у обочины шоссе, и на одном из них шофер тоже менял покрышку.

Увидев т. Сталина, рабочие так растерялись, что не верили своим глазам, так неожиданно было его появление на шоссе, да еще пешком. Когда мы подошли, они начали друг друга обнимать и целовать, говоря: “Вот какое счастье, так близко видели т. Сталина!”

Пройдя немного, мы встретили маленького мальчика лет 11–12. Тов. Сталин остановился, протянул ему руку и сказал: “Ну, давай познакомимся. Как тебя зовут? Куда ты идешь?” Мальчик сказал, что зовут его Вова, идет он в деревню, где пасет коров, учится в 4-м классе на четверки и пятерки.

В это время подошла наша машина, мы простились с Вовой и продолжали наше путешествие. После этой остановки т. Сталин пересел на ЗИС-110. Машина ему очень понравилась, и весь отпуск он ездил только на отечественном ЗИСе. В Орле мы сделали остановку, отдохнули, помылись с дороги, пообедали и тронулись в дальнейший путь. Следующая остановка была у нас в Курске. Мы остановились отдохнуть в квартире одного из наших работников-чекистов. Квартира была чистенькая и уютная, на полочке над диваном было много фарфоровых безделушек, а на подзеркальнике стояло много красивых флаконов с духами. Тов. Сталин внимательно осмотрел всю обстановку квартиры, потрогал безделушки, стоявшие на полочке, посмеялся, а когда мы, отдохнув, собрались уезжать, спросил меня, что же мы оставим хозяйке на память и нет ли у нас одеколona. К счастью, одеколон нашелся, и в довольно красивом флаконе. Тов. Сталин сам отнес его в спальню, где он отдыхал, и поставил его на подзеркальник».

А. Громыко, министр иностранных дел:

«В манере поведения Сталина справедливо отмечали неброскую корректность. Он не допускал панибратства, хлопанья по плечу, по спине, которое иной раз считается признаком добродушия, общительности и снисходительности.

Помню, как во время выступления Козловского на одном из концертов некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную песню. Сталин спокойно, но во всеуслышание сказал:

— Зачем нажимать на товарища Козловского. Пусть он исполнит то, что сам желает, а желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского “Евгений Онегин”.

Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского. Сталинский юмор все воспринимали с удовольствием».

В. Бережков, переводчик Сталина:

«У него был своеобразный юмор. Рассказывали, что однажды начальник Политуправления Красной Армии Мехлис пожаловался Верховному

Главкомандующему, что один из маршалов каждую неделю меняет фронтовую жену. А затем спросил, что будем делать? Сталин с суровым видом долго молчал. Ответил неожиданно с лукавой усмешкой:

– Завидовать будем...»

А. Аллилуева, сестра жены Сталина:

«В доме мишенью для его незлобивых шуток была молоденькая, только что приехавшая из деревни девушка. Ее звали Паня. Она по-сервному окала и часто повторяла:

– Мы-то... скопские мы!..

– Скопские, – смеясь и напирая на “о”, поддразнивал девушку Сталин. – Отчего же это вы такие, скопские? А ну, расскажи!

Паня поднимала фартук к лицу и фыркала.

– Да уж какой ты, эдакий, все смеешься! – И под общий хохот повторяла: – Конечно же, скопские мы».

А. Рыбин, охранник:

«Все, кто сейчас клеветает на него, совершенно не знают этого человека, видели его только издали, в кино или прочитали о нем у писателей, которые тоже ничего толком не знали, для пущего страху все напридумывав. Сталин был очень артельным человеком, веселым и щедрым. Мало кто из членов Политбюро так просто общался со своей охраной. Нередко где-нибудь на горе в лесочке мы жарили шашлык. Вернее, непосредственно у шашлычного горнила Сталин стоял сам, никому не доверял эту важную операцию и давал нам необходимые указания. Один подносил дрова. Второй железные прутья готовил. Третий мясо на них насаживал. Четвертый стол накрывал. Работа кипела! Когда с нами не было других членов Политбюро, весь нажаренный Сталиным шашлык мы под метлу зачищали!»

Анри Барбюс, французский писатель:

«Это блистательный и четкий человек, – и это, как мы видели, простой человек, с ним нелегко встретиться только потому, что он постоянно

работает. Когда приходишь к нему в Кремль, то на лестнице и в вестибюле видишь не более трех-четырех человек. Эта органическая простота не имеет ничего общего с показной простотой какого-нибудь скандинавского монарха, благоволящего гулять по улицам пешком, или какого-нибудь Гитлера, по приказу которого все его пропагандисты трубят, что он не курит и не пьет вина. Сталин регулярно ложится спать в 4 часа утра. У него нет 32 секретарей, как у Ллойд-Джорджа; секретарь у него один – товарищ Поскребышев. Сталин не подписывает того, что пишут другие, ему дают материал, но он все делает сам. Через его руки проходят все. И все-таки он успевает отвечать – лично или через аппарат – на все письма, какие ему присылают. В разговоре он прост и сердечен. “Его открытая сердечность”, – говорит Серафима Гопнер, “его доброта, его деликатность”, – говорит Варвара Джапаридзе, работавшая вместе с ним в Грузии. “Его веселость, – говорит Орахелашвили. – Он смеется, как ребенок”.

Когда в Московском Большом театре шло торжественное заседание, которым был ознаменован юбилей Горького, то во время перерыва в салонах, расположенных за бывшей императорской или великокняжеской ложей, собрались руководящие деятели. Какой адский шум они там подняли! Какой хохот! Там были Сталин, Орджоникидзе, Рыков, Бубнов, Молотов, Ворошилов, Каганович, Пятницкий. Они рассказывали эпизоды гражданской войны, припоминали забавные случаи. “Помнишь, как ты свалился с лошади?”... “Да, вот проклятая кобыла! Не знаю, что с ней случилось...” Гомерический хохот, юношеская жизнерадостность, мощное веселье, сотрясающее царскую драпировку в салонах, – короткая, свежая разрядка великих бурлаков реконструкции.

Кто смеется как ребенок, тот любит детей. У него их трое – взрослый Яша и двое маленьких: четырнадцатилетний Вася и восьмилетняя Светлана. Жена его, Надежда Аллилуева, скончалась в прошлом году. От ее земного облика не осталось ничего, кроме благородно-плебейского лица и прекрасной руки, запечатленных в белом мраморе – на надгробном памятнике Ново-Девичьего кладбища. Сталин усыновил Артема Сергеева, отец которого стал жертвой несчастного случая в 1921 году. Он отчески за-

ботился о двух дочерях расстрелянного в Баку Джапаридзе. И о скольких других детях! Как сейчас вижу восторг двух маленьких чародеев – пианиста Арнольда Каплана и скрипача Буси Гольдштейна, рассказывавших мне, как они после своего триумфа в консерватории были у Сталина. Он награждал каждого 3000 рублей и сказал: “Теперь ты стал капиталистом, – чего доброго, не поздороваешься со мной на улице?”»

Е. Смирнов, *генерал-полковник медицинской службы*:

«Когда мы собирались у Сталина на даче, он обычно обращался ко мне и говорил: “Запевай!” Я не сразу соглашался – ссылался на голос, но Сталин настаивал, подхватывал мелодию и допевал до конца любую песню. Пели мы, конечно, русские песни, и он знал их все не как обычно – один, два куплета, а до последних строк...»

В. Молотов:

«Правда, церковные песни мы иногда пели. После обеда. Бывало и белогвардейские пели. У Сталина был приятный голос».

О. Лепешинская, *русская балерина*:

«Он был обаятельным человеком».

«Как высоко вознес он державу!»

Петр Проскурин, *русский писатель*:

«Бесы, захватившие ключевые идеологические позиции в России в семнадцатом году, и не могли принести ничего иного, кроме крови и ненависти, у них не было изначального гена имперской государственности, державности... Откуда у этих бесов, ослепленных идеей мировой революции, могло явиться чувство любви и сострадания, чувство ответственности за русский народ и русское государство? Они ведь его не строили и не создавали, они пришли разрушать, и должно было прой-

ти определенное время, прежде чем появился Сталин, чтобы разрушение перелилось в созидание».

Николай Кондратенко, губернатор Краснодарского края, депутат Государственной Думы:

«С чего бы это в разгар подготовки революции у еврея Троцкого, коммерсанта средней руки, открылись такие возможности, о которых он спешит сообщить в Россию: мы готовы поставить из-за границы еще сто тысяч пламенных революционеров, только дайте сигнал!

И почему не мы, русские, татары, башкиры, вершили свою судьбу, а делали это за нас эмиссары, приехавшие в страну нашу в опломбированных вагонах? И что было бы со страной, если бы в конце 30-х годов Сталин и его соратники не остановили бы сионистскую банду Троцкого?»

Н. Яковлев, историк:

«Год 1922 был годом восстановления традиционного российского государства с центром в Москве. Подходил к концу процесс объединения республик, объявлявших себя независимыми государствами после Октябрьской революции. Это входило непосредственно в сферу как служебных, так и теоретических интересов Сталина. Еще в годы гражданской войны он стоял за восстановление государственности в России под главенством русских. И был не одинок в этом отношении в партии. Сталин и его единомышленники, прежде всего, учитывали реалии гражданской войны, основные тяготы которой легли на русских. Ленин, постоянно носившийся с лозунгом самоопределения вплоть до отделения, всегда выступал против этого с открытым забралом. “Поскрести иного коммуниста, и найдешь великорусского шовиниста”, – утверждал он...

16 декабря Ленина разбил паралич. В этот день комиссия пленума ЦК РКП(б) принимает проект Договора и Декларации об образовании СССР. В Москву уже съезжались делегаты на X Всероссийский съезд Советов, вслед за которым через два дня открылся I Всесоюзный съезд Советов. На обоих съездах (23–27 и 30 декабря) Сталин выступает с докладом

об образовании СССР. Объединились четыре республики – РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР. Бухарская и Хорезмская народные советские республики пока остались вне пределов СССР и вошли в конце 1924 – начале 1925 года во вновь образованные Туркестанскую и Узбекскую союзные республики и автономные Таджикскую и Каракалпакскую.

В докладе на I съезде Советов СССР И. В. Сталин огласил написанную им Декларацию об образовании СССР и текст Договора о его образовании, который был подписан представителями четырех республик. С редким для себя красноречием он сказал: “Сегодняшний день является днем торжества новой России, превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство – в Союз Советских Социалистических Республик”. В чеканных формулировках сталинской речи не нашлось места для рассуждений о федерализме. Не упоминался и Ленин. В историю вошло: у истоков СССР стоял его отец-основатель – Иосиф Виссарионович Сталин».

Олег Платонов, известный общественный деятель, русский ученый, доктор экономических наук:

«Жизнь Сталина имеет два взаимоисключающих этапа. На первом этапе, к. XIX – 1-я пол. 1930-х, Сталин – активный пособник преступной деятельности Ленина и т. н. ленинской гвардии, еврейских большевиков, уничтоживших миллионы русских людей, на втором этапе, со 2-й пол. 1930-х, – русский государственный деятель, усилиями которого, по сути дела, была осуществлена национальная революция, свергнувшая власть еврейских большевиков, в значительной степени (но далеко не полностью) возродившая былое значение Русского Народа.

Превращение (хотя и неполное и несовершенное) “Савла в Павла” – Сталина как одного из руководителей антирусского движения в Сталина как национального вождя Русского Народа – происходило не сразу, процесс этот, начавшийся еще в к. 1920-х, растягивается на все тридцатые годы, приобретя итоговое завершение лишь во время Великой Отечественной

войны. Могучая русская цивилизация духовно подчиняет себе большевистского вождя, освятив его деятельность положительным содержанием. Гений Сталина состоял в том, что он сумел коммунизм из орудия разрушения России превратить в инструмент русской национальной политики, укрепления и развития русского государства.

Можно предположить, что фундамент русской государственной идеологии, пробудившейся у Сталина в 1930–1940-е, был заложен у него во время обучения в духовном училище и православной семинарии.

Зверства гражданской войны, геноцида 1920-х, в т. ч. и собственную вину за участие в этих чудовищных антирусских атаках, Сталин списывал на “врагов народа”. А ведь и в самом деле, большая часть репрессированных в 1937-м позднее были врагами Русского Народа.

Уничтожая большевистскую гвардию, Сталин не только разделялся с соперниками в борьбе за власть, но и в какой-то степени искупал свою вину перед Русским Народом, для которого казнь революционных погромщиков была актом исторического возмездия.

За 1930–1940-е под руководством Сталина было уничтожено не менее 800 тыс. еврейских большевиков, цвет иудейской антирусской организации, рассчитывавших превратить Россию в еврейское государство. Были уничтожены почти все иудейские вожди, а шансы оставшихся на власть в России сведены к минимуму.

На этом пути Сталин делает ряд решительных шагов к очищению госаппарата от космополитических элементов, привлечению в него честных, работающих и бескорыстных русских людей, развитию чувства русского патриотизма, проведению традиционной русской внешней политики.

Однако эта политика Сталина не устраивала иудейские и космополитические силы большевистской партии. Против Сталина и его ближайших сподвижников (Жданова, Кузнецова, Вознесенского и др.) был организован заговор, в результате которого сначала были ликвидированы самые верные ему люди (“Ленинградское дело”), а затем, по сведениям ближайшего окружения (Молотов, Каганович, сын Сталина Василий), тайно умерщвлен и он сам».

«Ну, дай Бог!»

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК от 12.09.33 г.:

«В период 20–30-х годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнерусского зодчества.

Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества.

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин»

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК от 11.11.39 г.:

«По отношению к религии, служителям русской православной церкви и православно-верующим ЦК постановляет:

1. Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2. Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666-2

“О борьбе с попами и религией”, адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви, отменить.

3. НКВД СССР произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением

свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда Советской власти.

4. По вопросу о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно.

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин»

А. Свенцицкий, артист студии Малого театра:

«Причина начала единения советской власти с Русской Церковью, как я считаю, коренилась в победе над левыми силами в партии. Это троцкисты и зиновьевцы проводили “чистки”, это их последователи сжигали иконы, ломали церкви, это они с 20-х годов возглавили подлинную войну против национальной интеллигенции. Это при них не принимали детей интеллигенции и духовенства в вузы. Пример тому моя сестра, М. Б. Свенцицкая, талантливый беллетрист. Она дважды выдерживала экзамены на все пятерки в Литературный институт, в 1928 и 1929 гг., и дважды ей было отказано. Причина – дочь профессора. Пришлось поступить в Зоотехнический институт, а затем получить и второй диплом биохимика в Московском Университете. Свою профессию сестра не любила и считала судьбу искалеченной. Кто сорвал с нее крест в Зоотехническом институте, залез наглой рукой девушке за пазуху? Комсомольский вожак начала 30-х годов.

Поступая в 1939 г. в Театральное училище им. Щепкина на актерский факультет, я уже никаких “упреков” за непролетарское происхождение не имел. Времена изменились. Я убежден, что, если бы не были ликвидированы левые партийные силы, никакого единения народа в Отечественную войну не было бы, невозможно было бы и сотрудничество Церкви с правившей тогда властью, к которой я и многие интеллигенты относились в глубине души своей отрицательно. И все же спасибо тогдашнему режиму за ликвидацию левых сил, явных пособников Дьявола. Поэтому никогда не положу ни одной гвоздики на могилу № 1 на Донском кладбище, а так же к урнам Мейерхольда, Тухачевского и др. Для меня именно эти люди –

вожди диавольской революции. Невольно вспоминаются слова юродивого из “Бориса Годунова”: “Нельзя молиться за царя Ирода, Богородица не велит!” Нельзя прощать Ярославского, Троцкого, Крупскую, Бухарина, Бубнова, а в первую очередь – Ленина, – Богородица не велит!»

Феликс Чуев, поэт:

«Мне наши полководцы рассказывали, что Сталин перед сражением, напутствуя, обычно говорил: “Ну, дай Бог!” или “Ну, помоги Господь!”

Во время московской битвы Буденный сказал Сталину, что новых шашек нет, и кавалеристам выдали старые с надписью: “За веру, царя и Отечество”.

– А немецкие головы они рубят? – спросил Сталин.

– Рубят, товарищ Сталин.

– Так дай Бог этим шашкам – за веру, царя и Отечество! – сказал Сталин».

Иеромонах Евстафий (Жаков):

«Я знал людей (к сожалению, не уполномочен назвать их имена), разговаривавших с митрополитами, бывшими на приеме у Сталина в Кремле в 1943 году. Те сообщали, что Сталин был человеком, который вел себя как иподьякон. Он, знающий и не забывший церковный устав, должным образом общался с владыками митрополитами, и те были поражены, как прост, как обаятелен, и как, в сущности, православен этот человек. Его православие не было притворным, потому что другие люди, разговаривавшие с патриархом Алексием I, говорили о том, что Сталин причащался, Сталин молился, и в последние годы его жизни он был, пожалуй, единственным среди кремлевских руководителей, который искренне верил в Бога и просил Господа простить его грехи.

Хрущев – это шут, который при жизни Сталина плясал и угодничал ему, а после смерти решил свести счеты с трупом Сталина. И сводя счеты с трупом Сталина, он не знал, что его руками водит, собственно говоря,

воля Божья. Потому что нет худшего наказания для православного человека, чем лежать в Мавзолее. Сводя счеты с трупом Сталина, пигмей Хрущев руками своими совершил дело Божье, он помог Сталину после своей смерти обрести достойный покой. Именно поэтому по водительству Божию и с подачи Хрущева тело Иосифа Виссарионовича Сталина было вынесено из Мавзолея.

Демократы просто ненавидят тех, кто заботится об Отечестве, тех, кто побеждает в войнах, тех, кто способствует сохранению нашей территории. Для них, как воздух, необходимо предательство интересов русского народа. Поэтому когда они говорят о Сталине так, то они еще больше, еще очевиднее выдают свои планы.

Любые нападки на Сталина и смешны, и отвратительны. Я не хочу слушать этих пуделей демократии, которые лают на мертвого льва, я слушаю мое сердце, мою душу. Я поминаю Иосифа Виссарионовича Сталина на всех службах, где это уместно, особенно в те дни, когда он умирал, в день его рождения, в те дни, когда он праздновал общую Победу нашего народа».

Игумен Алексей:

«Сталин развеял “Старую гвардию” (профессиональных русофобов и христоропцев), вернул священников из тюрем и лагерей, помог восстановить систему духовного образования и материального обеспечения приходской жизни, начал поворот всего огромного комплекса государственной политики на новый курс, предполагающий опору на русские национальные и духовные ценности. А после смерти Сталина все это кончилось хрущевским церковным погромом и обещанием “дорогого Никиты Сергеевича” показать в 1980 году “последнего попа в СССР”».

о. Д. Дудко, русский духовный писатель и проповедник:

«Сталин нам дан Богом. Он создал такую державу, которую, сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить. И поверженную, ее боятся хваленые капиталистические страны».

«Таких история и народы не забывают»

Ким Ир Сен, президент Корейской Народно-Демократической Республики:

«Во время Второй мировой войны немецкие войска прорвались к подступам Москвы, но Сталин не покидал Москву, осуществляя руководство войсками и народом, а в день годовщины Октябрьской революции даже провел военный парад. Сталин эвакуировал в другие районы членов Политбюро ЦК партии и других руководящих работников, а сам остался в Кремле и продолжал командовать. Справившись с трудной ситуацией, в ходе войны организовал контрнаступление, нанес противнику сокрушительный удар и обеспечил историческую победу Советского Союза. Только по одному этому факту можно увидеть, что Сталин был великим руководителем».

Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании:

«Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив и здоров. Только Сталин может спасти мир!

Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин.

Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли, резким, жестким, беспощадным, как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказмом, а также способностью точно выражать собственные мысли. Статьи и речи он писал только сам, и в произведениях его звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторим среди руководителей государств всех времен и народов. Сталин производил на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей было неотразимым. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, мы все, слово по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь к выходу из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжества, он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям.

Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, и заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием.

Нет! Что бы ни говорили о Сталине, таких история и народы не забывают...»

Кордел Хэлл, госсекретарь США в годы войны:

«Сталин – удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а также умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет».

Лорд Уильям Бивербрук:

«Коммунизм при Сталине завоевал аплодисменты и восхищение всех западных наций. Коммунизм при Сталине дал нам примеры патриотизма, которым трудно найти аналогии в истории. Коммунизм при Сталине дал миру самых лучших генералов. Преследование национальностей? Совсем нет. Евреи живут там так же, как и все остальные. Политические репрессии? Да, конечно. Но теперь уже ясно, что те, кого расстреляли, предали бы Россию немцам».

Шарль де Голль, президент Франции:

«Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел “приучать” своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем проигрышей».

Антони Иден, премьер-министр Великобритании:

«Сталин с самого начала произвел на меня сильное впечатление, и мое мнение о его способностях никогда не менялось. Его личность оказывала влияние на собеседника без каких-либо видимых усилий с его стороны. Он обладал хорошими манерами».

Гарри Гопкинс, помощник президента США:

«Иосиф Сталин знал, что хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете... Он не признает пустой болтовни. Его юмор остр и пронизателен. Он не говорит по-английски, но, когда он обращался ко мне по-русски, он игнорировал переводчика и глядел мне прямо в глаза, как будто я понимал каждое слово».

Ян Грэй, английский историк:

«Заслуга Сталина в том, что он сам выдвинул в начале войны целую плеяду блестящих полководцев, таких как Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, Воронов. Позже к ним добавились Ватутин, Еременко, Малиновский, Мерецков, Черняховский и другие.

Сталин был непревзойденным Верховным Главнокомандующим. Его самые талантливые генералы – Жуков, Рокоссовский, Конев и другие, которые сами по себе были выдающимися полководцами среди военачальников всех стран, вовлеченных в войну, – непререкаемо воспринимали его авторитет. Он превосходил их не только положением, но и силой характера и интеллекта. Он внушал глубочайшее уважение.

Умный, наблюдательный и честный, он умел находить и ценить в своих офицерах нужные качества».

У. Леги, военный советник президента США:

«После окончания заседания мы заговорили между собой о Сталине. Большинство из нас до встречи с ним считали его бандитским главарем, который пробился на высший пост в своем правительстве. Это впечатление было ошибочным. Мы сразу же поняли, что имеем дело с весьма умным человеком, который умел хорошо говорить и был намерен получить то, что хотел для России».

Аверелл Гарриман, посол США в СССР:

«У него глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров.

Сталин как военный лидер был популярен, и нет никаких сомнений, что он был один из тех, кто сплотил Советский Союз после гитлеровского нападения. Я не думаю, что кто-нибудь другой смог бы сделать это. И все, что произошло после смерти Сталина, не может переубедить меня в этом».

Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел Германии:

«Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, – человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-нибудь царь прежде».

Генрих Мюллер, группенфюрер:

«Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав, и, если бы мне позволено было высказываться по этому вопросу, мы заключили бы соглашение с ним в кратчайший срок. Это был бы удар для зараженного проклятым лицемерием Запада, от которого он никогда не смог бы оправиться. Видите ли, говоря с русскими, всегда ясно, как обстоят дела: или они вам снимут голову, или начнут вас обнимать. А эта западная свалка мусора все толкует о Боге и других возвышенных материях,

но может заморить голодом целый народ, если придет к выводу, что это соответствует ее интересам».

А. Гитлер, рейхсканцлер и главнокомандующий вермахта:

«Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это – единственный мировой политик, достойный уважения.

Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

«Победить имя Сталина не удалось»

А. Покрышкин, трижды Герой Советского Союза, летчик-истребитель:

«Преклоняюсь перед величием революционера, вождя, под руководством которого мы строили социализм и разгромили немецкий фашизм».

Г. Элевтеров:

«Сталин в войне с фашизмом был всем и на полях сражений, и в разработках Генштаба, и в дипломатических переговорах, и в работе тыла. Все остальные были его помощниками и исполнителями его воли. Она и привела к победе».

В. Лавриненков, дважды Герой Советского Союза, летчик-истребитель:

«Только благодаря Сталину мы войну выиграли».

А. Зиновьев, публицист, социолог:

«Я войну с первого дня видел, всю ее прошел, я знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году».

А. Голованов, главный маршал авиации:

«Когда мы прибыли из Сталинграда, нас принял Сталин. Это после завершения операции “Кольцо”, всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, а Рокоссовского обнял и сказал: “Спасибо, Константин Константинович!” Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б. М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого И. В. Сталин стал называть по имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого никогда не было сомнения, кто самый главный герой – полководец Сталинграда».

Клавдия Васильевна Сукачева, инвалид Великой Отечественной войны:

«Горько говорить, но еще при Советской власти по злому умыслу Никиты Хрущева был ликвидирован город-герой Сталинград и появился... Волгоград. Хрущев – хамелеон высшей марки. При жизни И. В. Сталина он льстил ему, подбострастно клялся в верности. А после смерти вождя со звериной злобой пошел в атаку на покойного.

Целью было вытравить само сталинское имя из истории. Ради этого не только вынесли тело вождя из Мавзолея, но и было приказано убрать его имя из названий городов, областей, предприятий, колхозов, институтов. Хрущев запретил издание произведений Сталина, выпуск книг и кинофильмов о нем.

Но, несмотря на все потуги “Микиты” и других фальсификаторов истории, которые выползли из всех щелей, победить имя Сталина не удалось. В памяти народной оно остается священным».

В. Никитин, депутат Госдумы:

«Ненавистники Сталина и России пытаются представить вождя безграмотным семинаристом, завистливым карьеристом и злобным преступником, проводившим необоснованные репрессии. Это ложь.

Сталин поражал современников своими выдающимися способностями. Он был нацелен на постижение Смысла жизни и Сути явлений. У него

был широкий кругозор, хорошая память и уникальный склад ума, позволявший вычленять из массы теоретических знаний именно ту суть, которая в данный момент давала наибольший эффект в практических делах.

Сталин получил системное образование в Тифлисской духовной семинарии. Он видел мир целостным, знал основы ведущих религий мира, понимал, в чем глубинное различие между западным христианством и православием. Хорошо знал русский язык, литературу и историю. Изучал латынь, иврит и эллинский язык. По свидетельству академика Тарле, который много встречался со Сталиным в 40-х годах, он хорошо знал латинских и греческих авторов, глубоко освоил философию Аристотеля, Гегеля, Канта и Маркса, признавал самобытный подход к науке Ломоносова, Лобачевского и Менделеева.

Благодаря своим врожденным способностям и полученным знаниям Сталин умел делать то, что не умели делать многие его соратники».

Л. Рохлин, генерал:

«Сталин – это тот человек, при котором страна огромными темпами двигалась вперед. Сталин – это Верховный Главнокомандующий. Действительно, – Верховный! И огромна его заслуга в том, что мы победили во Второй мировой войне. Огромная его заслуга в предвидениях, в тех преобразованиях, реформах, которые он провел в государстве. В том числе и военная реформа.

Ему в упрек ставятся репрессии. Но, во-первых, тут все далеко не так однозначно, как пытаются представить. А во-вторых, к великому сожалению, тот геноцид, который происходит сейчас, он в десятки раз превосходит то, в чем обвиняют Сталина».

И. Бенедиктов, министр сельского хозяйства:

«Я десятки раз встречался и беседовал со Сталиным, видел, как он решает вопросы, как относится к людям, как раздумывает, колеблется, ищет выходы из сложнейших ситуаций. Могу сказать совершенно определенно: не мог он, живший высшими интересами партии и стра-

ны, сознательно вредить им, устраняя как потенциальных конкурентов талантливых людей. Люди, с ученым видом знатоков изрекающие подобные глупости, просто не знают подлинной обстановки, того, как делались дела в руководстве страны.

Вопреки распространенному мнению, все вопросы в те годы, в том числе и относящиеся к смещению видных партийных, государственных и военных деятелей, решались в Политбюро коллегиально. На самих заседаниях Политбюро часто разгорались споры, дискуссии, высказывались различные, зачастую противоположные мнения в рамках, естественно, краеугольных партийных установок. Безгласного и безропотного единодушия не было – Сталин и его соратники этого терпеть не могли. Говорю это с полным основанием, поскольку присутствовал на заседаниях Политбюро много раз.

Да, точка зрения Сталина, как правило, брала верх. Но происходило это потому, что он объективнее, всестороннее продумывал проблемы, видел дальше и глубже других».

Ю. Бондарев, русский писатель:

«Я не сталинист, но я – сталинец! Словечко “сталинист” запустили в обиход люди, ненавидящие Сталина. Я – сталинец, потому что глубоко убежден, и меня никто не переубедит, что Сталин – это историческая фигура в истории человечества, которой нет равных... Он видел историю на несколько лет вперед. Это и называется у государственных деятелей гениальностью. Когда я думаю об этой необъятной личности, то прихожу к выводу, что такие люди, как он, рождаются раз в тысячелетие. Никто из ему подобных, наделенных высоким лбом, волей, вождизмом, не смог сделать в два, в три десятилетия то, что сделал Сталин. Он преобразовал Россию, создал уникальное, высшее по своему развитию общество».

Э. Шеварднадзе, министр иностранных дел СССР (1985–1991 гг.):

«Сталин – глыба, уникальная личность в истории человечества... Три четверти обвинений, выдвинутых против Иосифа Виссарионовича, – это неправда».

И. Шевцов, русский писатель:

«Заслуги Сталина перед Россией по-настоящему оценят дальние потомки. Он больше полезного сделал для России, чем Ленин... Сталин был великий государственный, а все его наследники, начиная с Хрущева и кончая Ельциным, – разрушители».

«Напротив иконы висел портрет Сталина»

Александр Проханов, писатель:

«У Сталина две неоспоримых заслуги: не дал превратить Россию в Хазарию и Великая Победа!»

Н. Каманин, один из первых Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, отец-командир первого отряда советских космонавтов:

«За 10–11 лет правления Никиты мы многое потеряли из наследства Сталина и почти ничего не приобрели...»

Попраение авторитета Сталина приносит нам много неприятностей за рубежом, наносится громадный вред воспитанию молодежи, которая теряет веру в авторитеты. Все попытки создать новых авторитетов, и в частности Хрущева, терпят крах. Сталина называли великим, с именем Сталина тысячи людей шли на верную смерть... При нем наша Родина стала могущественной державой. Имя Сталина не затемнят жалкие потуги пигмеев».

Михаил Задорнов, писатель-сатирик:

«В воскресение по НТВ закончили показывать шестисерийный документальный фильм “Сталин с нами!” Показывали его ночью. Неспроста. Видимо, чтобы как можно меньше людей посмотрели. Это верно. Не каждый готов к такому зрелищу».

Мне интересно: видели его наши правители и олигархи или нет? Знаете, почему? Потому что на фоне Сталина они сегодня смотрятся бедновато и, я бы даже сказал, безнравственно.

Например, из фильма мы узнаем, что Сталин был прекрасным организатором. Он много читал! Писал статьи. Каждую статью тщательно обдумывал... Вы представляете, к примеру, нашего премьер-министра Медведева, который пишет стихи? Простите, кнопкотычет их на айфоне.

Его борьба с троцкистами была небеспричинной – надо было спасти Страну Советов от порабощения международным якобы Интернационалом.

Представьте себе, что власть в России перешла бы в руки Троцкого (Бронштейна), Каменева (Розенфельда) и Зиновьева (Апфельбаума)? Это что, международный Интернационал? Где вы видели Интернационал одной национальности?

Забавно, да? Самым русским из всей тогдашней советской верхушки оказался грузин Джугашвили! Сосо. Товарищ Коба.

После изгнания Троцкого (Бронштейна) за десять лет в стране произошли перемены, которые в других странах заняли бы лет сто. Совершенно было чудо. Взгляните на то, что творится в смысле производства нынче в России, и сравните с тридцатыми годами.

Именно в то время строятся заводы, с которых до сих пор наши олигархи получают свою *олигаршию* прибыль.

Дороги, дома, подъезды к Москве... Все заложено в то время.

Создается с нуля авиация.

Начинают давать электричество мощнейшие электростанции.

Метро, распаханное поля... Слова “модернизация” не было, а модернизация села произошла.

Театры, творческие союзы, киностудии...

Наконец, всеобщее бесплатное образование!

СССР был самой читающей страной в мире.

Вы понимаете, что сегодняшнее Министерство образования по сравнению с советским Министерством чудовище, монстр? Сегодня всего несколько бесплатных предметов в средней школе.

Вот почему современные политики во всех сегодняшних неудачах до сих пор винят Сталина. Чтобы стрелки перевести.

В конце 90-х я гастролировал в Америке. Остановился в Бостоне в гостинице, где в это же время проходила конференция русских бизнесменов и демократов-политиков. Чуете, куда я клоню? Почему именно в Бостоне надо было проводить такую конференцию? Потому что проводил ее Департамент ЦРУ по изучению России! Я был тому свидетелем. Не все, кто принимал участие в этой конференции, знали, кто истинный кукловод. Но организаторы конференции не только знали, но еще и получали деньги за якобы прочитанные в Америке лекции. Я видел все это собственными глазами. И когда одному из участников, бывшему вице-премьеру России, сказал, что я об этом думаю, он хитро прищурился, почти как Ленин, и ответил: *“Сталинские времена уже не вернутся!”* Он радовался, как ребенок, тому, что может получить бабки от ЦРУ и ему это ничем не грозит.

Вот почему именно там, наверху, олигархи, бизнесмены и журналисты, ими оплачиваемые, катят сегодня на товарища Кобу и на все советское. Чтобы самим на этом фоне хоть чуток лучше выглядеть.

Но народ-то все чуйкает».

А. Иванов:

«Оплевывание Сталина предпринималось с той целью, чтобы этим способом косвенно оплевать Россию. И как в 30-х годах личные интересы Сталина совпали с национальными интересами России, так и сегодня положительная или отрицательная оценка Сталина оказывается теснейшим образом связанной с соответствующим отношением к России. История с вычеркнутым из нее Сталиным – это Россия, вычеркнутая из истории».

А. Бурдонский, внук И. Сталина:

«Ну сколько можно все наши проблемы и уродства жизни объяснять Сталиным? Его уже шестьдесят лет как нет в живых, за это время дважды можно было построить современное, цивилизованное государство!»

В. Бортко, *кинорежиссер, заместитель председателя Комитета Госдумы по культуре:*

«Гроссман, как и вы, Розовский, – еврей. И где сейчас вы, прежде всего именно все вы, умные критики Сталина и нашей победы, были бы, если бы мы, прежде всего русские, не заплатили такую цену за нее?»

«Аргументы и факты»:

– Вы собирались снимать фильм о Сталине. И вдруг новость: проект этот вам реализовать не рекомендовали. Что же вы такого хотели рассказать?

В. Бортко:

– Правду! Ибо это, пожалуй, самая оболганная личность во всем XX веке. Самая!.. Смотрите, какая интересная вещь: почему именно Жукова, не умаляя его великих заслуг, называют «маршалом Победы»? А не Василевского? И не Рокоссовского, который был самым талантливым из них, потому что положил гораздо меньше народу, а сделал гораздо больше? Потому что это попытка вытеснить из сознания народа образ победителя Сталина, заменить его маршалом Победы...

Репрессии – да, были репрессии. Но почему-то не вспоминают одну деталь: на одном из этих расстрельных списков рукою Сталина было написано: «Никита, уймись!» Потому что первым, кто сказал, что нужно увеличивать категорию А – расстрел, был Никита Сергеевич. И это историческая правда! И для того, чтобы выскочить из этой истории, чтобы перечеркнуть все сделанное, подписанное, принятое, чтобы выиграть борьбу за власть, и был проведен XX съезд.

И. Родионов, *экс-министр обороны, генерал-полковник:*

«После Сталина целенаправленно выращивалась партгосноменклатура, которая уже Хрущевым была выведена из-под контроля как общества, так и органов госбезопасности, подверглась мелкобуржуазному перерождению, поставляя ресурс для “пятой колонны”. Именно из этого слоя укомплектованы нынче штаты Кремля и “Белого дома”. Некото-

рая же часть “проспавших” дележ общенародной собственности оказалась в оппозиции, в том числе и в КПРФ».

Владимир Личутин, русский писатель:

«Сталин человек гениального ума и мирового значения. Не он делал революцию. Он был включен в революцию, как миллионы людей, но это был человек решительного склада характера, не трус. Он бывал в ссылках, экспатриациях, бежал. Но он был человеком и большого природного дарования. Пример Сталина говорит, что в глубине народа тогда таился богатый генетический слой. Его выдавил из гущи сам народ, ведь он был не барин, не князь, не какой-то философ, он был просто разночинцем, бывшим семинаристом, то есть самым обыкновенным человеком. Ленин был дворянин. Троцкий и другие – дети банкиров, а Сталин – простой мужик из бедной семьи. Но Господь даровал ему глубокий выдающийся ум, и он поступал только так, как можно было тогда поступать, а по-другому он поступать не мог, других вариантов просто не было. При создании такого огромного государства должна быть мощная властная рука именно с диктаторским началом, причем, я считаю, что у него изначально не было диктаторского начала, но он просто понял, что иначе нельзя поступать.

Все бы рухнуло, все бы поплыло, а страна была бы залита кровью, потому что партия ростовщиков и лавочников в лице Троцкого тогда пыталась захватить власть, и они были близки к тому, чтобы ее захватить. Заговор пронизал все слои государства, власти вплоть до секретарей райкомов, губкомов – все были поражены этой хворью троцкизма. И только глубокого ума человек мог выстоять схватку с практически непобедимым противником. Потом он выстроил всю идеологию, предвидя будущие ходы, отступления и контрнаступления. Я считаю, что на нем нет совершенно никакой вины. Это гений! А пришел бы Троцкий к власти – было бы раза в три больше жертв. Да любой пришел бы строить новый режим, – он не мог бы обойтись без жертв. Пришел бы Бухарин с Троцким или Сталин – тут выбор-то какой!

Именно Сталин разбудил, как говорят, сознание масс. Ну, какую-то часть крестьян он положил под меч, ну небольшую, крохотную, но ведь все, что потом мы имели, вся русская элита была из крестьянства на 90%. Да, вроде как полмиллиона крестьян он погубил, но мы не понимаем, какую силу он разбудил, какую энергию он разбудил, почему простой крестьянин так любил Сталина».

Татьяна Доронина, *русская актриса театра и кино, руководитель МХАТ им. Горького*:

«Инвалид... он сидел напротив школы, и я проходила мимо него каждый день, и я его очень боялась сначала... Он был безногий и небритый такой совсем... И в моей детской головке не укладывалось, как это может быть, только половина человека. Как-то в разговоре он сказал: “В бой шли за Родину, за Сталина, а после боя живые говорили: “Спасибо, Господи, Спаси и Сохрани”. У тети была икона дома, я до этих его слов с ней не говорила, а после все время просила, чтобы мама вернулась с работы, а наши мужчины – с войны, чтобы война кончилась. Напротив иконы висел портрет Сталина».

Михаил Лобанов, *профессор, общественный деятель, публицист, критик*:

«Старый революционер Сталин со временем все более отходил от революционизма, свою судьбу он связал с судьбой Российского государства. Его значение в тысячелетней российской государственности предстоит еще осознать историкам. Но коротко можно сказать, что уже в предоктябрьское время он был непреклонным государственным, причем стоял за унитарное, то есть слитное государство с сильной центральной властью. В статье “Против федерализма”, которая была написана еще в марте 1917 года, Сталин выступает против тех, кто хотел превратить Россию в “союз областей”. Он говорит об Америке, что там “развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству”. То же самое – в Канаде, Швейцарии. Это общая тенденция, и автор статьи заключает, что “неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение”.

В нынешней ельцинской конституции такой порядок: личность, семья, государство. Государство – на последнем месте, не говоря уже о том, что не нашлось места народу. Сильное государство для “демократов” ненавистнее всего! В черном списке врагов России навсегда останутся экстремисты из “Дем-России” – все эти сахаровы, гавриилы поповы, афанасьевы, собчаки. Это они вопили о необходимости расчленения нашей страны на шестьдесят-семьдесят “независимых государств”. Каиновой печатью отмечены имена беловежских преступников. Теперь взялись за разрушение собственно России...

Югославский политик Джилас, впоследствии антисталинист, в своих воспоминаниях о встречах со Сталиным приводит такой эпизод. Сталин остановился перед картой мира, на которой Советский Союз был обозначен красным цветом, провел по нему рукой и воскликнул в адрес американцев и англичан: “Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным, – никогда, никогда!” Ныне, к удовлетворению американцев и англичан, карта мира уже иная».

P.S.

«Что с вами будет без меня, если война? Вы не интересуетесь военным делом. Никто не интересуется, не знает военного дела. Что с вами будет? Империалисты вас передушат».

Иосиф Виссарионович Сталин – кремлевским чинушам

«Сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено».

Шарль де Голль, президент Франции

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаков И. Наше знамя – русская народность. М., 2008.
- Байбаков Н. От Сталина до Ельцина. М., 2011.
- Бегун В. Вторжение без оружия. М., 1979.
- Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. 1986.
- Бережков В. Рядом со Сталиным. М., 1999.
- Бернштейн Д. Жизнь американского еврея в расистско-марксистском Израиле. 1985.
- Бондаревский Г. Сионистские зазывалы. Жертвы провокаций.
- Бортко В. Нужна ли России правда? М., 2015.
- Бостунич Г. Масонство и русская революция. 1922.
- Бродский Р., Шульмейстер Ю. Сионизм – орудие реакции. 1976.
- Бурцев В. Юбилей предателей и убийц. Берлин, 1927.
- Бутми Г. Иудеи в масонстве и революции. 1906.
- Вера. Держава. Народ. Русская мысль конца XX – начала XXI века // Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2016.
- Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967.
- Винберг Ф. Крестный путь. Корни зла. Мюнхен, 1922.
- Власов Ю. Русь без вождя. Воронеж, 1995.
- Гальдер Ф. Военный дневник. 1939–1942. Штутгарт, 1962.
- Голенков А. Сталин без наветов. М., 1998.
- Голованов А. Дальняя бомбардировочная. М., 2007.
- Гольденберг М. Идеология современного иудаизма и сионизма. М., 1980.
- Гофман М. Сіонізм: кому він служить. Львів, 1973.
- Грибанов С. И все-таки Сталин! М., 2008.
- Грибанов С. Сталин в жизни. М., 2001.
- Грингмут В. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008.
- Громыко А. Памятное. М., 1988.

- Гура В. Сионизм против социализма и национально-освободительного движения. 1984.
- Гусляров Е. Сталин в жизни. М., 2003.
- Дейч Л. Роль евреев в русском революционном движении. 1923.
- Демерон П. Я обвиняю Израиль. Париж, 1968.
- Джугашвили Е. Мой дед Иосиф Сталин. «Он – святой!» М., 2015.
- Дичев Т., Николаев Н. Зловещий заговор. 1994.
- Емельянов Ю. Сталин перед судом пигмеев. М., 2008.
- Жевахов Н. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. Мюнхен, 1923; М., 1993.
- Журавлев П. Двести встреч со Сталиным. М., 2004.
- Жухрай В. Сталин: правда и ложь. М., 1996.
- Замойский Л. За фасадом масонского храма. 1990.
- Зеeman З., Шарлау В. Парвус – купец революции. 1991.
- Иванов В. Православный мир и масонство. 1935.
- Иванов Ю. Осторожно: сионизм! М., 1970.
- Ильин И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992.
- Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., 1993.
- Каганович Л. Памятные записки. М., 1996.
- Клизовский А. Правда о масонстве. 1990.
- Кожин В. Россия. Век XX. М., 1999.
- Косолапов Р. Слово товарищу Сталину. М., 2002.
- Кофанов А. Русский царь Иосиф Сталин. М., 2013.
- Красиков С. Возле вождей. М., 1997.
- Красная книга ВЧК. М., 1989.
- Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Лондон, 1992.
- Кремлев М. Имя России – Сталин. М., 2008.
- Кузнецов Н. Накануне. М., 1966.
- Лобанов М. Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 1995.
- Лысков Д. Сталинские репрессии. Великая ложь XX века. М., 2009.
- Лютостанский И. Талмуд и евреи. М., 2009.
- Малышев В. За ширмой масонов. 1984.
- Маренков Ф. Государь и погань. М., 1995.

- Мартенс Л. Запрещенный Сталин. М., 2010.
- Мартirosян А. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2014.
- Мельгунов С. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990.
- Мельский А. У истоков великой ненависти. 1994.
- Меньшиков М. Письма к русской нации. М., 1999.
- Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Одоление смуты. СПб., 1995; Самодержавие духа. 1995.
- Моджорян Л. Сионизм как форма расизма и расовой дискриминации. 1979.
- Мухин Ю. Убийцы Сталина. М., 2005.
- Нилус С. Близ есть, при дверех. Сергиев Посад, 1917.
- Новые мученики российские. Джорданвилль., 1949.
- Платонов О. Война с внутренним врагом. М., 2012.
- Платонов О. История русского народа в XX веке. М., 2009.
- Платонов О. Русская цивилизация. М., 1995.
- Платонов О. Русский труд. М., 1991.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001.
- Платонов О. Терновый венок России. История масонства. 1995.
- Платонов О. Эпоха Сталина. М., 2013.
- Пода М. Сионизм и расизм. Киев, 1975.
- Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание соч. СПб., 1995.
- Пыхалов И. Самые подлые мифы о Сталине. Клеветникам Вождя. М., 2012.
- Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. 1989.
- Резонтов Е. Расшифрованный Сталин. М., 2012.
- Розанов В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад, 1917.
- Рокотов С. Сионизм – орудие агрессивных империалистических кругов. М., 1983.
- Романенко А. О классовой сущности сионизма. Ленинград, 1986.
- Рувинский Л. Сионизм на службе мировой реакции. 1984.
- Рыбин А. Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. М., 1992.
- Свитков Н. Масонство в русской революции. 1935.
- Севела Э. Моня Цацкес – знаменосец. 1992.
- Седов Ю. Сионизм в коричневом мундире: о деятельности ультраправых профашистских сил в Израиле. 1989.
- Селянинов А. Тайная сила масонства. 1911.

- Семанов С. Русский клуб. Почему не победят евреи. М., 2012.
- Сергеев А., Глушак Е. Беседы о Сталине. М., 2006.
- Сидоров Д. Организованные расстрелы общественных деятелей в московской Бутырской тюрьме. Б.г., б.м.
- Симон Г. Евреи царствуют в России. 1929.
- Солоухин В. При свете дня. М., 1992; Соленое озеро. М., 1994.
- Стариков Н. Сталин. Вспоминаем вместе. СПб., 2013.
- Стефанович М. Первые жертвы большевицкого террора. Киев, 1918.
- Фест И. Адольф Гитлер. Пермь, 1993.
- Фрайман А. Форпост социалистической революции. 1969.
- Хейфиц М. Евреи в революции.
- Ходжа Э. Хрущев убил Сталина дважды. М., 2010.
- Ходос Э. Еврейский удар. Харьков, 2003.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на-Дону, 1997.
- Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
- Шамир И. Проклятие избранного народа. 2006.
- Шахурин А. Крылья победы. М., 1983.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М., 1958.
- Шехтман И. Советская Россия, сионизм и Израиль. Иерусалим, 1975.
- Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск, 1998.
- Шмаков А. Международное тайное правительство. М., 2011.
- Шрайбер И. Сионизм: мифы и политика. 1971.
- Штейнберг И. Нравственный мир революции. Берлин, 1923.
- Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.
- Штурман Д. Вожди российского коммунизма. 1993.
- Шульгин В. Что нам в них не нравится. М., 1992.
- Эккарт Д. Большевизм от Моисея до Ленина. Берлин, 1924.
- Яковлев А. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 2000.
- Яковлев Н. Сталин: путь наверх. М., 2000.

А это так. Можно не читать.

- Бела Моше. Мир Жаботинского. Иерусалим, 1992.
- Бренье Ф. Евреи и Талмуд. 1928.
- Вольский К. Евреи в России. СПб., 1887.
- Воронель А. И вместе и врозь. Минск, 2003.

Гинцбург С. Евреи в России. СПб., 1906.

Гольдштейн А. Среди еврейства. Прг., 1918.

Два интервью с внуком кантониста (Б. Окуджава. – С. Г.). Журнал «Алеф». № 900, 2002.

Жаботинский Зеев. Избранные статьи и речи. Иерусалим, 1991.

Каутский К. Еврейство и раса. Прг., 1918.

Меир Гольда. Моя жизнь. Иерусалим, 1993.

Нотович Н. Правда о евреях. СПб., 1889.

Пейрефит А. Евреи. 1965.

Полонский Пинхас. Евреи и христианство. Иерусалим, 1992.

Трахтенберг Джошуа. Дьявол и евреи. Иерусалим, 1998.

Троцкий Лейба. Моя жизнь. М., 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

«О Сталине – плохо! Или ничего...»	5
«Весь он – подвижный, жизнерадостный»	13
«Выходит, что мир прав, говоря о нас?»	25
«Аптекари всех стран, соединяйтесь!».....	52
Коба – большевик.....	74
«Вы ничего не знаете?! В России революция!»	100
«Разлив» на двоих.....	119
Россия. Далее везде.....	139
Силуэты Мандельштама	149
«Вырвать власть!».....	182
Украинский узел	190
«Чужие конюшни».....	213
«Любо, братцы, жить».....	234
«Спор славян между собой?»	256
«В царстве произвола, насилия и грабежа»	266
Народ поверил Сталину	283
«Любит, не любит... К черту пошлет!»	296
Бесценное богатство... ..	309
Страна с душой и идеалом.....	321
Москва, 1937	333
Не лепо ли ны бьет, братия, смысл разуместь печали обильная среди земли Руской?	356
«Пусть люди не спят, а знают, что надвигается гроза...»	369
Кто кому должен или кто виноват?.....	397
Добрососедские и дружественные отношения	418

«А время-то шло...».....	438
«Вставай, страна огромная!»	472
«Остаюсь в Москве с русским народом».....	491
Сталин и его генералы	508
Сыновья.....	516
Победы на войне вопреки Сталину? А поражения?.....	532
«Куда ни глянешь – огонь...»	569
«Самый бескорыстный акт»	600
«Не бойся, России не пропью!»	628
Затишье перед бурей	642
«Ой, Дніпро, Дніпро, ты широк, могуч...»	662
«Otoh-pree-the eh-toh...»	675
«Не было в мире такой силы...».....	699
«Это великий человек»	714
«Мы подготовили подарок народу».....	720
Были-небыли о скакуне для Сталина	754
Потсдам и бомба	769
«Сорок лет ждали мы этого дня».....	781
«Авиационное дело».....	785
«Кончен бал, погасли свечи...»	815
Два президентских срока	842
«Уж не могла себе русского найти!»	853
Si vis pacem – para bellum	867
Израиль мог быть в Крыму.....	874
«Толпою жадною стоящие у трона...».....	886
«Сталин не ушел в прошлое – он растворился в будущем!».....	915
Имя России	928
Избранная библиография.....	962

Корректоры Л. К. Молотилова, А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Русский исследовательский центр. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 18.05.2017 г. Формат 70 x 90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура «Times». Объем 46,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ISBN 978-5-426-10175-3



9 785426 101753

РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ РУССКИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ЦЕНТРОМ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
- Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.

Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.
Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верою разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.
Ямщиков С. В. Горький дым Отечества, 976 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.

Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.

Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.

Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.

Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.

Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.

Пассек В. В. Очерки России, 448 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.

Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.

Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.

Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.

Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.

Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.

Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.

Русские люди XVIII века, 784 с.

Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.

Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.

Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.

Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.

Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, 160 с.

Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.

Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.

Мэкензи Уоллэс. Традиции и быт России глазами иностранца. Этнографические очерки, 800 с.

Прыжов И. Г. Очерки русского быта, 640 с.

Август Гакстаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, 672 с.

Русский Народ. Полное собрание этнографических трудов Александра Бурцева в 2-х томах, т. 1 – 592 с.; т. 2 – 592 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.

Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.

Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.

Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.

Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.

Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.

Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.

Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.

Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.

Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.

Станислав Куняев. Воспоминания, 688 с.

Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах, 624 с.

Крупин В. Н. Море житейское, 752 с.

Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 656 с.

Большаков В. В. Война на идеологическом фронте. Воспоминания участника, 1184 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
- Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
- Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
- Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
- Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
- Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
- Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
- Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
- Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
- Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
- Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
- Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
- Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
- Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.

Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.

Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.

Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.

В. Аладын, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.

Маюров А. Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней, 880 с.

Большаков В. В. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды, 1248 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Юрген Граф. На пути к Апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? 624 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

Платонов О. История царевубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.

Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.

Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.

Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Платонов О. А. История русского народа в XX веке, 1264 с.

Книги, подготовленные Русским исследовательским центром, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)